IZVESTIJA OTDELENIJA RUSSKAGO JAZYKA I SLOVESNOSTI IMPERATORSKOJ AKADEMII NAUK

XII/1907
3/4

1965

AKADEMISCHE DRUCK- u. VERLAGSANSTALT
GRAZ - AUSTRIA

Photomechanischer Nachdruck der
Akademischen Druck- u. Verlagsanstalt
Graz / Austria

Printed in Austria
34.65

Александръ Николаевичъ Веселовскій.

«.....профессорское призваніе не назначается извнѣ, по канцелярскому распоряженію хотя бы самого Сперанскаго, и не выдѣлывается искусственными средствами, а зарождается и развивается самостоятельно при болѣе свободныхъ условіяхъ, въ благопріятной обстановкѣ учено-литературнаго поприща». Буслаевъ «Мои досуги».

Значеніе А. Н. Веселовскаго въ наукѣ исторіи литературы— не велико, а громадно. Объ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ. Правда, писалъ онъ не для большой публики и его труды доступны пониманію лишь высокообразованнаго читателя. Но послѣднее, конечно,—не недостатокъ. Между покойнымъ академикомъ и этой публикой долженъ быть посредникъ, для того чтобы популяризировать для нея тѣ научныя положенія, которыя вырабатывались критикой почившаго. Его работа была, по преимуществу, аналитическаго характера: онъ разлагалъ то или другое явленіе поэтической мысли или жизни народа на отдѣльные элементы, изучалъ каждый изъ таковыхъ самъ по себѣ и во взаимоотношеніи съ родственными, дѣлалъ всесторонній осмотръ всякой попутно встрѣчаемой подробности. Заходя своимъ анализомъ далеко въ глубь отдѣльнаго явленія, онъ до времени, по возможности, отказывался отъ широкихъ обобщеній, такъ

какъ такому синтезу не на чемъ было бы пока и покоиться, какъ мы увидимъ дальше. Гейне—этому вдумчивому, но иногда шутливому до шаржа, подъ давленіемъ своего настроенія, писателю угодно было въ одномъ мѣстѣ своихъ «Reisebilder» иронически отнестись вообще къ такого рода кропотливымъ работамъ ученыхъ. Такъ онъ говоритъ между прочимъ: «Впрочемъ, сударыня, вы не имѣете понятія о томъ, съ какою легкостью я могу цитировать. Вездѣ я нахожу удобный случай выказать мою глубокую ученость. Такъ, напримѣръ, заговорю я объ ѣдѣ, то сейчасъ же замѣчаю въ выноскѣ, что римляне, греки и евреи тоже ѣли, при этомъ вычисляю всѣ вкусныя кушанья, которыя приготовляла кухарка Лукулла... и тутъ же замѣчаю, что общественные обѣды у грековъ назывались такъ-то и такъ-то, и что спартанцы ѣли скверный черный супъ...» (Книга Ле-Гранъ, гл. 13). Писателю въ этомъ мѣстѣ представлялся, должно быть, образъ гетевскаго Вагнера съ его тяготѣньемъ—

Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt!
Da werden Winternächte hold und schön,
Ein selig Leben wärmet alle Glieder,
Und ach! entrollst du gar ein würdig Pergamen,
So steigt der ganze Himmel zu dir nieder!

Конечно, здѣсь диллетантизмъ: синтетическому творчеству писателя трудно сочетаться съ принципомъ научной работы—строить обобщенія лишь на основаніи заранѣе провѣренныхъ, изученныхъ по отдѣльности фактовъ. Большая публика, безусловно, совершенно согласна съ мыслями Гейне, да и понятно—почему. Веселовскому въ той области науки, на изученіе которой онъ отдалъ всю свою жизнь, предстояла прежде всего работа черновая—дать почву для научныхъ обобщеній крупнаго масштаба, и онъ занимался этой черновой работой часто до увлеченія. Только значительно позднѣе—въ 90 годахъ—выступилъ онъ на путь широкаго синтеза, въ своихъ работахъ о синкретизмѣ и по исторической поэтикѣ вообще.

Главный интересъ, который преслѣдовалъ ученый въ трудахъ своихъ по исторіи литературы, былъ изученіе народности въ широкомъ смыслѣ слова—самобытной и какъ комплекса различныхъ вліяній, вѣяній и скрещиваній. Я думаю — не погрѣшу противъ истины, если скажу, что этотъ интересъ къ народности долженъ былъ возникнуть въ свое время у почившаго подъ вліяніемъ настроенія и идей той эпохи, въ которую формировались его научные вкусы и симпатіи. Александръ Николаевичъ — питомецъ Московскаго университета второй половины 50-хъ годовъ.

Это время было также, въ нѣкоторомъ смыслѣ, эпохой «довѣрія» правительства обществу. Предшествующіе годы явились тяжелымъ періодомъ реакціи: они запугали жизнь, задушивъ не только общественную самодѣятельность, но и всякія попытки къ культурному, какому бы то ни было, существованію. Народъ, его жизнь, народность вообще были изъяты по приказу изъ сферы научныхъ интересовъ; въ этой области разрѣшалось работать только въ предѣлахъ и по указанію оффиціальной программы: восхищаться, какъ Карамзинъ, благодѣтельнымъ ходомъ отечественной исторіи, трактовать о добромъ русскомъ народѣ — отцахъ помѣщикахъ и благодарныхъ поселянахъ. Все иное безпощадно истреблялось. Напомню разгромъ «Чтеній» московскаго общества исторіи и древностей за переводъ книги Флетчера, вынужденное прекращеніе «Этнографическаго Сборника» вслѣдствіе запрещенія касаться описанія древнихъ обычаевъ и нравовъ русскаго народа, это было время, когда даже Сахарову, задумавшему издать свои «Сказанія», угрожали Соловками, когда Кирѣевскому совершенно не разрѣшили печатать его собранія народныхъ пѣсенъ (исключая «духовныхъ стиховъ») или когда едва не погубили собранія «Пословицъ» Даля. Послѣ севастопольскаго погрома правительство признало себя вынужденнымъ приступить къ пересозданію жизни на совершенно новыхъ началахъ и обратилось за помощью къ обществу. Запахло весной — наступали шестидесятые годы. Научная и общественная

жизнь замѣтно оживилась. Литература и наука получили возможность освѣщать и изучать такіе вопросы, о которыхъ прежде и думать было опасно. Однимъ изъ самыхъ важныхъ былъ вопросъ о крестьянахъ. Народъ надолго сдѣлался кумиромъ общественной мысли. Агитаціонная литература по вопросу о народѣ, примыкавшая непосредственно ко времени освобожденія крестьянъ, далѣе — ко второй половинѣ 60-хъ годовъ и въ 70-ые годы — смѣняется литературой этико-соціалистическаго направленія: освободивъ крестьянъ изъ неволи, мы сочли для себя необходимымъ выяснить свои отношенія къ крестьянству, его роль для насъ и для исторіи, наши къ нему обязательства. Много было здѣсь увлеченій: и въ покаянныхъ выкрикахъ дворянина, и въ смѣлой діалектикѣ народниковъ-соціалистовъ, въ умиленіи и смиреніи передъ мужикомъ и, наконецъ, въ выступленіи, порой театральномъ, многихъ фанатиковъ народничества непосредственно «въ народъ». «Расплата» съ народомъ, необходимость «опрощенія», защита его интересовъ и протестъ противъ эксплуатаціи и безправія его — таковы главные лозунги эпохи. Это была пора романтической юности, розовыхъ мечтаній; интересами личности жертвовали всецѣло для массы народной. «Противополагая себя народу, люди готовы были на всякія жертвы для его блага; они желали бы даже отказаться отъ собственной индивидуальности, утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, сохранивъ лишь свѣточъ истины и идеала»[1]).

Для исторіи русской этнографіи эта эпоха имѣетъ громадное значеніе: отнынѣ можно было изучать жизнь народа, или непосредственно приглядываясь къ ней или вчитываясь въ памятники его прошлой жизни. Публицисты прежняго времени, рисовавшіе тотъ или иной уголокъ народной жизни подчасъ при помощи фантазіи, наблюдавшіе эту жизнь изъ своего комфортабельно обставленнаго кабинета либо съ высоты по-

1) Андреевичъ. «Опытъ философіи рус. лит.», 373.

мѣщичьей веранды, становились уже рѣдкимъ явленіемъ. Чернышевскій усматривалъ въ «Запискахъ Охотника» Тургенева черты Маниловщины, нѣкоторой елейной праведности и былъ безусловно правъ: Тургенева нельзя, конечно, и сравнивать съ позднѣйшими народниками, даже и съ Успенскимъ. Этнографическая наука оживилась; «та новая атмосфера, писалъ Пыпинъ, которая наступила со второй половины пятидесятыхъ годовъ, не могла не отразиться на самомъ тонѣ настроенія, должна была расширить цѣлый горизонтъ, доступный наблюденію, сдѣлать возможными болѣе серьезные пріемы изслѣдованія и критики. Съ этой поры можно дѣйствительно начать новый періодъ развитія нашей этнографіи въ смыслѣ небывалаго прежде расширенія ея наблюденій [1])». Тогдашніе историки литературы охотно интересовались изученіемъ народной поэзіи, 60—70-ые годы есть, такъ сказать, «золотой вѣкъ» въ этомъ отношеніи. Вотъ цифровыя данныя — они касаются только главныхъ явленій въ этой области. Съ 1860 г. начали, наконецъ, издаваться пѣсни Кирѣевскаго; съ конца пятидесятыхъ годовъ Аѳанасьевъ выпускалъ собраніе народныхъ сказокъ, а затѣмъ легендъ; съ 1861 г. печатались пѣсни изъ собранія Рыбникова; въ 1860 и 1865 г. издалъ «русскія пѣсни» Якушкинъ; въ 1868—70 гг. помѣщались въ «Чтеніяхъ» пѣсни, собранныя Шейномъ; далѣе, въ 1861 г. появились «Историческіе Очерки» Буслаева; въ 1865 г. Аѳанасьевъ выпустилъ I-ый томъ «Поэтическихъ воззрѣній»; съ 1859—1863 издавалъ свои «Лѣтописи» Тихонравовъ; въ 1863 г. появилась диссертація Майкова о былинахъ; въ 1869 г. написана была докторская диссертація О. Миллера объ Ильѣ; въ 1868 г. появилась работа Стасова о «Происхожденіи русскихъ былинъ», надѣлавшая столько шума въ русской наукѣ о народномъ творчествѣ; — все явленія капитальныя; о болѣе мелкихъ работахъ или изданіяхъ и говорить не приходится: ихъ масса и многія изъ нихъ также цѣнны.

1) Исторія рус. этнографіи, II, 49.

Александръ Николаевичъ въ это время былъ въ университетѣ, а далѣе проходилъ школу магистранта. Очень можетъ быть, что здѣсь, подъ вліяніемъ настроенія и вкусовъ эпохи, и воспитался въ будущемъ ученомъ интересъ и даже любовь къ народному слову. Во всякомъ случаѣ, при рѣшеніи вопроса о томъ, кому или чему обязанъ былъ Веселовскій на первыхъ шагахъ своей дѣятельности, надо быть осторожнымъ: рѣчь можетъ идти скорѣе объ идейномъ вліяніи времени, нежели о томъ или другомъ отдѣльномъ руководителѣ. Опредѣленной школы изученія народной поэзіи въ университетѣ и затѣмъ, въ періодъ подготовленія къ профессорству, почившій имѣть не могъ по той простой причинѣ, что ея въ то время почти не было. Одни тогда въ литературѣ по народной поэзіи продолжали придерживаться мнѣній о ней Бѣлинскаго, другіе были Шевыревъ со своими присными; послѣдніе пользовались преподаваніемъ исторіи литературы, какъ удобнымъ случаемъ популяризировать свои сентиментально-патріотическія и елейно-нравственныя сентенціи. Правда, Веселовскій въ университетѣ слушалъ и занимался у Буслаева. Заслуги этого ученаго въ области изученія нар. поэзіи — безусловно велики, но его научныя связи съ другими современными и позднѣйшими изслѣдователями одинаковой съ нимъ спеціальности—до сихъ поръ недостаточно выяснены: одни, какъ Пыпинъ, считаютъ его представителемъ школы миѳологовъ, Гримма, другіе—Соболевскій, Архангельскій—видятъ въ немъ скорѣе историка и сравнителя, чѣмъ миѳолога. «Главное, что̀ характеризуетъ труды Буслаева по изученію народной поэзіи... это сравнительный методъ изслѣдованія, писалъ акад. Соболевскій. Буслаевъ изъ русскихъ ученыхъ воспользовался имъ первый и далъ массу сравнительныхъ данныхъ, столь разнообразныхъ, такъ мастерски подобранныхъ, что они дѣйствительно освѣщаютъ нашъ поэтическій матеріалъ...»[1]). «Изслѣдованія Буслаева въ общемъ стояли здѣсь на почвѣ гриммов-

1) Рецензія на I и II т. Этнографіи Пыпина. Ж. М. Н. Пр., 1891, II, 426.

скаго метода, говоритъ проф. Архангельскій. Отсюда нерѣдко общая научная дѣятельность Буслаева понималась исключительно, какъ примѣненіе къ русскимъ древностямъ геніальныхъ изученій Гримма въ области германской старины; Буслаевъ выставлялся какъ бы лишь послушнымъ ученикомъ Гримма! Представленіе—фактически опровергаемое всѣмъ наличнымъ характеромъ ученыхъ работъ Буслаева. Буслаевъ — лучшій выразитель всего, совершавшагося въ русской наукѣ «переворота», во всей широтѣ и разнообразіи возникшихъ у насъ съ этого времени научныхъ теченій въ сферѣ историко-литературной, — представитель всей развивающейся у насъ далѣе, съ начала 40-хъ годовъ, филологической науки, съ самыми разнообразными ея развѣтвленіями, — далеко не одного миѳологическаго въ ней направленія...»[1]). Веселовскій слушалъ лекціи Буслаева, но занимался у него мало, какъ самъ потомъ признавался; учитель внушалъ своему ученику только любовь къ народной поэзіи, да, развѣ, нѣкоторый интересъ къ Гриммовскому направленію. Но этотъ интересъ не могъ долго въ Веселовскомъ поддерживаться, такъ какъ ему ясны были всѣ отрицательные стороны узкаго миѳологическаго толкованія. Позднѣе, не возражая вообще противъ миѳологической экзегезы въ ея приложеніи къ народно-поэтическому творчеству, онъ призывалъ изслѣдователей къ болѣе осторожному и вдумчивому пользованію миѳологическимъ методомъ. «Необходимо помнить, что не все миѳическое, или кажущееся таковымъ, необходимо древнее, исконное, принадлежащее къ сути того или другого эпическаго лица или образа, а могло приклеиться къ нему и впослѣдствіи, случайно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше въ порядкѣ хронологіи или географически, пѣсня или преданіе отошла отъ своего источника»[2]).

1) «Труды А. Н. Пыпина въ области исторіи рус. лит.». Ж. М. Н. Пр. 1904, II, 84.

2) «Разысканія въ области рус. дух. стиховъ», VIII, Зап. Ак. наукъ, т. XLV, прил. I, стр. 350. Ср. болѣе раннее—«Замѣтки и сомнѣнія о сравнит. изученіи средне-вѣк. эпоса». Ж. М. Н. Пр. 1868 г., XI, 290.

Съ Буслаевымъ не могъ сойтись нашъ ученый еще по одной причинѣ: его никогда не удовлетворялъ тотъ «романтизмъ» народности, немного туманный и съ примѣсью слащавости, который такъ ясенъ въ отношеніяхъ Буслаева къ народной поэзіи, въ его представленіяхъ о высоконравственномъ значеніи оной, въ идеализаціи патріархальной старины. Подобная тенденціозность перешла къ Буслаеву отъ Гримма, но Веселовскій, — молодой изслѣдователь, чуждый идеализма 40-хъ годовъ, былъ болѣе трезвъ и не допускалъ въ своихъ отношеніяхъ къ наукѣ никакого лиризма. Разница поколѣній — и вкусовъ.

Итакъ, никакого особеннаго руководства Александръ Николаевичъ въ университетѣ получить не могъ. Да мудрено было въ то время и получить какое-нибудь: русская наука о народномъ творчествѣ была еще совершенно молода, научныя силы пока подрастали, а поэтому Веселовскому пришлось выступать вполнѣ самостоятельно и за свой страхъ.

Веселовскаго считаютъ первымъ представителемъ школы «историко-сравнительной», широко и всесторонне разрабатывавшимъ народно-поэтическій матеріалъ при помощи сравнительнаго метода. Я уже имѣлъ случай характеризовать принципы данной школы съ положительной и отрицательной ихъ стороны [1]); поэтому сейчасъ останавливаться на этомъ не стану. Обыкновенно называютъ это направленіе Бенфеевскимъ и нѣкоторые готовы были навязать Бенфея въ руководители Веселовскому. Едва ли это такъ? Покойный обладалъ громадной начитанностью въ области народно-поэтическаго матеріала и былъ слишкомъ талантливъ, чтобы самостоятельно, путемъ историческаго изученія, не придти къ заключенію о необходимости литературныхъ между народами взаимоотношеній. Если и были между Веселовскимъ и

1) «О принципѣ «согласованія» при изученіи народной поэзіи». Рус. Ф. В., 1905, IV.

Бенфеемъ какія связи, то въ степени и въ зависимости отъ общаго въ то время направленія работъ въ этой области. Вотъ какъ объ этомъ писалъ самъ покойный Пыпину: «Въ 1872 г. я напечаталъ свою работу о «Соломонѣ и Китоврасѣ» и съ тѣхъ поръ Вы меня знаете. Направленіе этой книги, опредѣлившее и нѣкоторыя другія изъ послѣдовавшихъ моихъ работъ, нерѣдко называли Бенфеевскимъ, и я не отказываюсь отъ этого вліянія, но въ долѣ, умѣренной другою, болѣе древней зависимостью — отъ книги Дёнлопа-Либрехта и вашей диссертаціи о русскихъ повѣстяхъ. Когда явилась буддійская гипотеза, пути изученія, и не въ одной только области странствующихъ повѣстей, были для меня намѣчены точкой зрѣнія на историческую народность и ея творчество какъ на комплексъ вліяній, вѣяній и скрещиваній, съ которыми изслѣдователь обязанъ сосчитаться, если хочетъ поискать за ними, гдѣ-то въ глуби, народности непочатой и самобытной, и не смутиться, открывъ ее не въ точкѣ отправленія, а въ результатѣ историческаго процесса»[1]).

Послѣднія слова говорятъ намъ также о томъ, что интересы покойнаго при изученіи литературы простирались всегда куда глубже, чѣмъ то можетъ казаться на первый взглядъ: на народную поэзію во всѣхъ ея видахъ онъ смотрѣлъ какъ на матеріалъ, при помощи котораго можно проникнуть далеко за предѣлы писанной исторіи, освѣтить въ послѣдней такіе уголки, о существованіи которыхъ наука и не догадывается, опредѣлить, далѣе, взаимоотношенія въ области культуры различныхъ народовъ, порой процессъ культуры и стадіи развитія, ея характеръ въ отношеніи самобытности, наслоенія и самостоятельное усвоеніе и т. п. Стало быть—что называется Kulturgeschichte. Трудами покойнаго пользовались и пользуются не только въ цѣляхъ историко-литературныхъ, но и историко-культурныхъ и чисто историческихъ. Такого направленія придерживался Веселовскій въ теченіе всей своей жизни: отсюда, по собственному его призна-

---

1) Этнографія, II, 427.

нію, вытекъ его il Paradiso degli Alberti—первая крупная работа почившаго, то же видимъ мы и въ его послѣднемъ большомъ трудѣ—о Жуковскомъ. Масштабъ его былъ великъ: изучая то или другое преданіе, онъ старался, обыкновенно, разъяснить его историческій генезисъ «съ тѣхъ его формъ, какія только возможно услѣдить или предположить въ древнѣйшую пору, и съ тѣхъ сложныхъ и запутанныхъ развитій, какія испытало оно на пространствѣ стольких вѣковъ, подъ вліяніемъ стольких новыхъ условій народной жизни и народной мысли». [1])

Я уже имѣлъ случай высказать ту мысль, что Александра Николаевича, по моему, ошибочно считаютъ *типичнымъ* представителемъ школы «заимствованія» [2]). Онъ былъ отличнымъ методологомъ, а потому вполнѣ сознавалъ опасныя стороны сравнительнаго метода и умѣлъ почти всегда во время при выводахъ останавливаться: поспѣшныя, малообоснованныя заключенія въ его трудахъ встрѣчаются рѣдко. Не то въ работахъ другихъ послѣдователей этой школы, недаромъ школу заимствованія нѣкоторые критики называютъ модной [3]). Веселовскій часто въ работахъ высказывался и по поводу самаго метода и давалъ его всестороннюю характеристику. Послѣднее особенно полезно помнить, между прочимъ, тѣмъ, которые нѣсколько иронически порой относились къ нѣкоторымъ изслѣдованіямъ его — разумѣется, къ методологической ихъ сторонѣ.

Сравнительный методъ, по мнѣнію Веселовскаго, обособленнымъ въ наукѣ исторіи литературы существовать не можетъ. Онъ есть необходимое дополненіе къ методу историческому въ цѣляхъ всесторонняго, по возможности, освѣщенія литературнаго матеріала. «Сравнительный методъ есть только развитіе историческаго, тотъ же историческій методъ, только учащенный, повторенный въ параллельныхъ рядахъ, въ видахъ достиженія

---

1) Ibidem, 281.
2) Указ. соч., 373, прим.
3) Ibidem, 370.

возможно полнаго обобщенія», такъ писалъ онъ еще въ 1870 г.[1]) Ограничиваться однимъ сопоставленіемъ сходнаго въ произведеніяхъ различныхъ народовъ изслѣдователь не имѣетъ права. Заключенія о литературныхъ взаимоотношеніяхъ между народами должны быть обоснованы данными исторіи. Отсюда частыя въ работахъ почившаго вылазки въ область исторіи, культуры и пользованіе, осторожное, ихъ данными. Вотъ два мѣста изъ его работъ, любопытныя въ отношеніи методологическомъ. «Конструировать эпосъ изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, общую схему эпоса—изъ частнаго, хотя-бы громкаго событія, отмѣченнаго хроникой, представляется... пріемомъ неметодичнымъ; возможнымъ, хотя и труднымъ, лишь обратный путь. При подобныхъ условіяхъ хронологическій разборъ нашихъ былинъ можетъ привести лишь къ приблизительнымъ выводамъ»[2]). «Мнѣ уже довелось однажды высказаться о важности такого изученія явленій народной поэзіи, обряда и пѣсни, которое приняло бы за основу извѣстныя области, выдѣленныя не въ силу географическаго момента, а историческими и культурными отношеніями, связывавшими обитавшія въ нихъ народности. Малорусскія пѣсни слѣдуетъ, напримѣръ, изучать не только въ связи съ галицкими, но и съ польскими, чешскими, словацкими и румынскими. Великорусскія пѣсни предполагаютъ такое же изученіе въ связи, опредѣленіе и границы которой и являются въ данномъ случаѣ главнымъ вопросомъ метода»[3]). Я бы назвалъ покойнаго скорѣе историкомъ, имѣвшимъ широкую возможность пользоваться и методомъ сравненія. Разница между нимъ и представителями чисто-исторической школы изученія народной поэзіи та, что у покойнаго было неизмѣримо болѣе широкое поле для наблюденій и eo ipso болѣе глубокіе выводы.

Признавая необходимость метода сравнительнаго при изуче-

---

1) «О методѣ и задачахъ исторіи лит.». Ж. М. Н. Пр. 1870, XI, 8.

2) Южно-рус. былины, X. Сб. отд. рус. яз., т. 36, 373—374.

3) Разысканія въ области рус. дух. стих., II. Зап. А. Н., т. 37, прил. 3, 125—6.

кіи народной поэзіи—хотя бы по тому убѣжденію, что *«народный»* эпосъ всякаго *историческаго* народа по необходимости *международный»* [1]),—Веселовскій, тѣмъ не менѣе, ограничивалъ пользованіе опымъ довольно серьезными условіями. Теорія «заимствованія» должна быть рядомъ съ теоріей «основъ»: нужно изучать не только среду дающую, но и среду воспринимающую, условія и причины воспріятія чужого. Констатировать фактъ заимствованія только на основаніи сходства или, хотя бы, и тождества мотивовъ разныхъ національностей изслѣдователь не имѣетъ права, онъ долженъ рѣшить вопросъ еще о томъ, могло ли, по условіямъ воспринимающей среды, быть это заимствованіе, не объясняется ли сходство иными причинами. Мало того; изслѣдователя, пришедшаго къ заключенію о заимствованіи того или другого сюжета, должно, по мнѣнію Веселовскаго, интересовать еще одно: жизнь заимствованнаго сюжета на чужбинѣ, какъ онъ былъ тамъ усвоенъ, какъ понятъ. Теорія заимствованія продолжается теоріей переживанія. Только при такихъ условіяхъ выводы будутъ надежны въ отношеніи научномъ. Здѣсь нерѣдко приходится изслѣдователю имѣть дѣло съ психологіей—народа, эпохи. Такова работа сравнителя по представленію покойнаго академика. Этими ограничительными условіями старался Веселовскій застраховать себя отъ возможныхъ при изученіи увлеченій, отъ субъективизма, въ чемъ, между прочимъ, обвиняли его нѣкоторые критики. Послѣдній, если порой и бывалъ въ работахъ его, то, именно, какъ результатъ увлеченій, а никакъ не стремленія освѣтить изслѣдуемый матеріалъ въ желанномъ направленіи. Къ тому же, этотъ субъективный элементъ—совсѣмъ не такъ силенъ, чтобы, какъ когда-то писалъ объ этомъ одинъ уче-

---

1) Южно-русскія былины, XI. Сб. отд. рус. яз., т. 36,400. Курсивъ автора. Ср. еще, напр., его мысли о сказкѣ: «... въ сказочномъ мірѣ европейскихъ народностей заимствованіе играло такую громадную роль, что нѣтъ, можетъ быть, ни одного народа, фантазія котораго развилась бы самостоятельно, не подверглась побѣдоносныхъ захватамъ со стороны». «Лорренскія сказки» (по поводу Cosquin), Ж. М. Н. Пр. 1887, IV, 293.

ный, могъ «броситься въ глаза». «. . . усвоеніе прошлаго сказочнаго матеріала, пишетъ нашъ академикъ, не мыслимо безъ извѣстнаго предрасположенія къ нему въ воспринимающей средѣ. Сходное притягивается сходнымъ, хотя бы сходство было и неабсолютное, какъ между зародышемъ и развитымъ организмомъ, между сказочными типами и простѣйшими сюжетами, свойственными фантазіи «дикихъ», и стройными сказками, упорядочившими тѣ же типы и сюжеты»[1]). «Усвоеніе не переводъ, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, а безсознательная передѣлка, перенесеніе, главнымъ образомъ, тѣхъ сторонъ чужой мысли и образности, которыя подлежатъ дальнѣйшему развитію въ новой, воспріявшей ихъ средѣ. Это дальнѣйшее развитіе—мѣрка народнаго вклада въ пришлый сюжетъ. . . Въ пріемахъ этого пріуроченія опущенія важны на столько же, на сколько предрасположеніе къ извѣстнымъ сторонамъ пѣсни или разсказа, указывающее на направленіе вкуса, или народная колоритность изложенія»[2]). Сколько возможно здѣсь наблюденій—въ направленіи, прежде всего, психологическомъ и какой тонкій анализъ! Таковы внутреннія качества работъ Веселовскаго по народной поэзіи.

Съ внѣшней стороны—его труды поражаютъ свой гигантской, я убѣжденно говорю, эрудиціей. Едва ли найдется еще такой ученый теперь, одинаковой съ покойнымъ спеціальности, который бы обладалъ такими же филологическими—въ смыслѣ, главнымъ образомъ, практическаго пользованія—знаніями, какъ Веселовскій. Онъ зналъ почти всѣ европейскіе языки въ ихъ настоящемъ и средневѣковомъ видѣ, его не могла затруднить ни одна средневѣковая рукопись какого-нибудь изъ европейскихъ народовъ. Далѣе; онъ обладалъ громадной начитанностью въ области народной и средневѣковой европейской поэзіи: часто ѣздилъ по Европѣ, работалъ во многихъ библіотекахъ, имѣлъ большую

---

1) «Лорренскія сказки». Ж. М. Н. Пр. 1887, IV, 294—5.

2) «Новыя книги о нар. слов.». Ж. М. Н. Пр. 1886, III, 208. Ср. «Раз. въ обл. рус. дух. ст.», XI. Сб. отд. рус. яз., т. XLVI, 115—116.

корреспонденцію. Поэтому, думается мнѣ, одному только ему удалось представить сравнительный анализъ въ наиболѣе полномъ, по внѣшности, видѣ. «Древнее византійское житіе или церковные каноны, западная латинская легенда, скандинавская сага, нѣмецкая и французская средневѣковая поэма, западно-славянское преданіе, румынская или ново—греческая пѣсня, сказанія восточныхъ народовъ, преданія русскихъ полудикихъ инородцевъ, словомъ, громадный матеріалъ, раскиданный на огромномъ пространствѣ географіи и хронологіи и гдѣ однако отыскиваются общія нити народнаго миѳа и поэзіи»[1])—и все это для изученія какого-нибудь легендарнаго преданія, той или другой подробности эпоса! Произведенія народной поэзіи изучалъ Веселовскій въ сопоставленіи съ аналогичными явленіями книжной литературы, послѣднее сильно увеличивало его научный багажъ, въ сопоставленіи съ произведеніями народнаго искусства, съ данными исторіи культуры, освѣщая матеріалъ не только со стороны историко-литературной, но часто и со стороны психологической. Здѣсь мало одной со стороны автора добросовѣстности: у многихъ его читателей, сужу по себѣ, возникало невольно чувство глубокаго преклоненія передъ такимъ, много вмѣстившимъ въ себя умомъ.

Я уже сказалъ, что работа почившаго была, главнымъ образомъ, характера аналитическаго. Было накоплено и отыскивалось вновь огромная масса подлежавшаго научному изученію сырого матеріала изъ области народно-поэтическаго слова и мысли. Надо было, прежде всего, во всемъ этомъ разобраться: оцѣнить научныя достоинства одного, привести въ систему другое, прочесть, прокомментировать, возстановить, иное найти, иное отбросить, указать, сравнить, изучить; все работа предварительная-черновая. О синтезѣ мечтать пока было рано: нечему еще подводить итоги, неоткуда брать данныхъ для широкихъ заключеній. При такихъ обстоятельствахъ для дѣла требовались работники недюжинныхъ способностей и горячей къ нему любви, Ве-

1) Пыпинъ. Этнографія, II, 262.

селовскій былъ въ первыхъ рядахъ таковыхъ. Сорокапятилѣтній ученый трудъ его, безъ перерыва, имѣетъ для науки громадное значеніе. Миѳологической теоріи, храбро собиравшейся одно время порѣшить едва ли не всѣ вопросы народнаго эпоса, было указано надлежащее, очень скромное, мѣсто въ ряду другихъ въ наукѣ теорій; чисто-историческій анализъ поэтическаго матеріала кажется намъ нынѣ далеко не исчерпывающимъ вопроса, если сопоставлять его со всестороннимъ изученіемъ матеріала въ трудахъ Веселовскаго; стройная теорія о трехъ періодахъ развитія эпической мысли нынѣ совершенно разстроилась; выяснена роль книжной литературы въ народной поэзіи; почти опредѣлены тѣ пункты, гдѣ народы обмѣнивались своимъ литературнымъ богатствомъ, и пути дальнѣйшаго странствованія бродячаго матеріала; указаны иные факторы, принимавшіе участіе въ созданіи эпическаго зданія; стала ясной связь между исторіей и народной поэзіей въ отношеніи къ отдѣльнымъ явленіямъ; дѣлались попытки изученія данныхъ народной мысли со стороны психологической; издано огромное количество новаго матеріала; заново пересмотрѣны выводы прежнихъ ученыхъ по разнымъ вопросамъ, одни изъ этихъ выводовъ поисправлены, отъ другихъ наука отказалась и т. д. Очень и очень многое здѣсь сдѣлано Александромъ Николаевичемъ.

Перейду къ частностямъ. По вопросу о былинахъ и богатыряхъ Веселовскимъ написано было немало отдѣльныхъ статей, напримѣръ: «Былина о Садкѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1886, XII), «Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены» (Изв. отд. рус. яз. I т.), «Былина о Потокѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1905, IV) и др., былинъ касался онъ всегда попутно и при изслѣдованіи другихъ видовъ эпики, наконецъ, изученію ихъ посвящены два его большіе труда: «Южно-русскія былины» и, такъ называемыя, «Мелкія замѣтки къ былинамъ». Былинная исторія многихъ богатырей получила совершенно новое освѣщеніе въ этихъ трудахъ.

Такъ намѣчена связь Ильи Муромца съ Бравлиномъ-героемъ житія св. Стефана Сурожскаго, съ Ortnit'омъ, Ilias af Greka Тидрексаги; разбирался вопросъ объ историческихъ фрагментахъ, касающихся Ильи, о реликвіяхъ его, о мѣстѣ родины; о связи образовъ Ильи Громовника и св. Ильи; объ Ильѣ Змѣеборцѣ и Никитѣ Кожемякѣ; далѣе — устанавливалась связь между образами Добрыни-аникита и св. Георгія; изучались татарскіе и иныхъ враговъ фрагменты въ былинахъ; опредѣлялась связь образа Василія Пьяницы съ книжной литературой; Соловья Будиміровича со свадебной символикой и книжными повѣстями; есть изысканія касательно прототипа для образа богатыря Михаила Даниловича; объ Иванѣ — Гостиномъ сынѣ и Иракліи — героѣ старофранцузскаго романа; указывалась связь былины объ Иванѣ Годиновичѣ съ житіемъ Іосифа Волоцкаго и о готскомъ происхожденіи богатыря; о Потокѣ съ праведнымъ Михаиломъ изъ Потуки; изучалось византійское вліяніе на былины о Саулѣ, о Чурилѣ, о Суровцѣ; имѣется гипотеза о готскомъ происхожденіи Хотена Блудовича; проводилась связь образа Садки съ Sadok'омъ изъ французскаго романа «Tristan le Léonois»; образа Микулы съ пашущимъ императоромъ Гугономъ; былины о Дюкѣ со сказаніями о хожденіи Карла Великаго въ Константинополь и съ Посланіемъ пресвитера Іоанна; и т. д. Я указываю лишь на самое характерное.

Попутно или въ отдѣльныхъ работахъ касался нерѣдко Веселовскій вопроса объ историческихъ балладахъ, объ отдѣльныхъ историческихъ именахъ героевъ, городовъ. Напомню его работу о лѣтописныхъ народахъ — Веси, Чуди [1]); о Кіевѣ — Danpar stadir [2]); о Кіевскихъ пещерахъ [3]); о Батыѣ и Китижѣ въ

1) «Замѣтки по литературѣ и нар. словесности», Зап. А. Н., XLV, прил. 3, 84—86; «Мелкія замѣтки къ был.», IV, Ж. М. Н. Пр. 1885, XII. «Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ», Спб., 1906 г.

2) «Кіевъ-градъ Днѣпра», «Зап. ром.-герм. отд.», вып. I, 1888; или Ж. М. Н. Пр. 1887, VI; или «Изъ исторіи романа и повѣсти», II вып., 345 д.

3) «Кіевскія пещеры», «Мелк. зам. къ был.», IX, Ж. М. Н. Пр. 1889, V; есть и другія—попутныя.

«Южно-рус. былинахъ» (V); объ Иванѣ Грозномъ [1]); о Троянѣ Сл. о пл. Игоревѣ [2]); и много другихъ.

Очень цѣнны какъ для исторіи литературы, такъ и для исторіи культуры народа и его психологіи труды покойнаго по обрядовой поэзіи. Къ изученію онъ привлекаетъ огромное количество легендарнаго, агіографическаго и апокрифическаго матеріала, данныя народныхъ вѣрованій и пережитковъ, обряды, молитвы и заклинанія; освѣщаетъ все это не только методомъ сравнительнымъ, но и историческимъ. Въ этихъ работахъ Веселовскій выяснилъ намъ культурное и историческое значеніе эпохи «двоевѣрія», богатой развитіемъ христіанскихъ элементовъ въ поэзіи и суевѣріи, указалъ на довольно толстый слой греко-римскихъ и восточныхъ вѣрованій, отложившихся на славянскомъ обрядѣ и представленіяхъ; выяснилъ роль Византіи въ области русскихъ религіозныхъ ученій и обряда; писалъ о богомилахъ и дуалистическомъ миѳѣ о сотвореніи міра; и вообще, наконецъ, о духовно-религіозной жизни средневѣковья. Отдѣльныхъ работъ по вопросамъ объ обрядовой поэзіи очень много; врядъ ли и стоитъ указывать какія-нибудь преимущественно, такъ какъ всѣ онѣ — цѣнны. Крупный же трудъ его—«Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ», въ которомъ этихъ разысканій — 24; а также — «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды». Укажу на нѣкоторые вопросы рѣшавшіеся или рѣшенные покойнымъ: о Древѣ Крестномъ, о сіонскомъ камнѣ—Алатырѣ-олътарь [3]); о культѣ дня — Недѣли, Анастасіи, Пятницы, «Эпистолія о Недѣлѣ» [4]); о попѣ Іереміи и молитвѣ св. Сисиннія, о бого-

---

1) «Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и рус. был. о Подсолнечномъ царствѣ», Ж. М. Н. Пр. 1878, IV; или «Зам. по лит. и нр. слов.», V, Зап. А. Н., XLV, пр. 3, 67—; или «Сказки объ Иванѣ Грозномъ», Др. и Нов. Россія 1876 г.

2) «Легенды о Вѣчномъ жидѣ и объ имп. Траянѣ», Ж. М. Н. Пр. 1880; или «Разыск. въ обл. дух. ст.», XXIII.

3) Напр. «Разыск.», III, X, XVIII, раз.; рец. на Соколова «Матер. и замѣтки по стар. слав. лит.»—Ж. М. Н. Пр. 1888, VII, 455—; и др.

4) «Опыты по ист. развитія христ. легенды», Ж. М. Н. Пр. 1876—7; «Разысканія», VI; указ. рец. на Соколова, и др.

мильствѣ и павликіанствѣ, о Виргиліи въ сопоставленіи съ Овидіемъ [1]); объ источникахъ стиха о Голубиной книгѣ [2]); о русской и славянской эсхатологіи, — здѣсь, между прочимъ, Веселовскій изучалъ источники эсхатологическихъ представленій Дантова Ада, далъ параллели къ картинамъ этой поэмы изъ русской народной поэзіи (въ апокрифахъ и житіяхъ) [3]); о сказаніяхъ про св. Георгія и пѣсняхъ объ Егоріи Храбромъ [4]); объ Иродѣ и Иродіадѣ, Иродовой охотѣ, Иродіадѣ-плясуньѣ-трясавицѣ [5]); о царицѣ Южской и о связи ея съ Соломономъ [6]); о Касьянѣ-угодникѣ [7]); о св. Николаѣ — о связи календарной съ св. Борисомъ и Глѣбомъ [8]); и много другихъ вопросовъ. Здѣсь же нужно вспомнить его работы о св. Гралѣ, о родинѣ легенды, объ отраженіяхъ ея, о путяхъ распространенія ея;—послѣднее особенно важно, такъ какъ здѣсь академикъ намѣчаетъ новые совершенно пути слѣдованія въ Европу восточныхъ мотивовъ. Литературы по этому

---

1) «Молитва св. Сисинія и Веравлово коло» Ж. М. Н. Пр. 1895, V; «Разысканія» VI, нѣк. VII, XII раз.; «Замѣтки по литер. и нар. слов.», VII; указ. рец. на Соколова; «Нерѣшенные, нерѣшительные и безразличные Дантова Ада», Ж. М. Н. Пр. 1888, XI, и др.

2) Напр. «Разысканія въ обл. рус. дух. ст.», III, IV, и др.

3) Литература богатая: «Разысканія», XII (Житіе Василія Новаго; въ прил. издалъ «Хожденіе Θеодоры по мытарствамъ», по Син. рук. № 249), XXIV («Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ»; здѣсь и греч. текстъ); «Лихва въ лѣствицѣ грѣховъ у Данте», Ж. М. Н. Пр. 1889, X; «Нерѣшенные, нерѣшительные и безразличные Дантова Ада», см. выше; и мн. др.

4) Рец. на Кирпичникова — «Разысканія», II («Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ»); отч. VI, VIII; «Мелк. зам. къ был.» («Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ»), Ж. М. Н. Пр. 1890, V,—то же заглавіе въ «Разысканія», XXII.

5) «Разысканія», XVI; отч. «Зам. по лит. и нар. слов.», VII; и др.

6) «Эпизодъ о Южской царицѣ въ Палеѣ» («Зам. по лит. и нар. слов.», I); «Къ вопросу о родинѣ легенды о св. Гралѣ», Ж. М. Н. Пр. 1904, II, 895 и др.; есть и еще.

7) Рец. на Gaster «Greko-Slavonic. Literatur...» — Ж. М. Н. Пр. 1888, III, 225 и др.

8) «Разысканія», VIII, 317 и др; «Былина о Садкѣ», Ж. М. Н. Пр. 1886, XII, 277 и др.; «Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника», Ж. М. Н. Пр. 1884, I, 89 и др.

вопросу не указываю: она громадна и общеизвѣстна, покойный очень долго интересовался этой легендой и даже недавно (въ 1904 г.) [1]) еще писалъ объ ней.

Интересна работа, посвященная изслѣдованію «Посланія архіеп. Василія о Новгородскомъ раѣ» [2]), гдѣ авторъ считаетъ извѣстную легенду посланія занесенной въ Новгородъ исчужа, какъ баснословный разсказъ о странахъ незнаемыхъ. Упомяну также объ его сопоставленіи св. Дмитрія Солунскаго съ Ѳедоромъ Тирономъ и параллеляхъ къ его чуду, разсказанному легендой [3]).

Здѣсь же умѣстно будетъ вспомнить и о тѣхъ работахъ покойнаго, въ которыхъ онъ изучалъ вообще культурно-историческія явленія быта и мысли нашего прошлаго и настоящаго; его выводы въ этихъ работахъ отличаются особенной полнотой и, въ то же время, широтой историко—сравнительнаго анализа. Укажу, напримѣръ, его изслѣдованія о «судьбѣ» въ народныхъ представленіяхъ славянъ, которыя сложились, по его мнѣнію, не безъ вліянія идей книжной отреченной литературы; въ работахъ Веселовскаго проходятъ передъ нами множество различныхъ образовъ судьбы — отъ безобразнаго демона Гилло апокриѳовъ и до нѣжной, граціозной феи европейскихъ сказокъ [4]); также его работы о Колядѣ-авсени, о христіанскомъ и языческомъ элементѣ въ этихъ обрядахъ, объ аграрныхъ представленіяхъ, отложившихся въ колядкахъ, о бытовыхъ и эпическихъ мотивахъ колядокъ и т. п. [5]); его работы о Генварскихъ и лѣтнихъ Русаліяхъ, о культѣ Діониса, здѣсь заключившемся, о Семикѣ и Ивановомъ днѣ, объ

1) Кстати—въ библіогр. спискѣ трудовъ, составленномъ П. К. Симони (Спб. 1906 г.), этотъ трудъ не упомянутъ; онъ помѣщенъ въ Ж. М. Н. Пр. 1904, II.

2) «Параллели къ сказанію о Новгор. раѣ», Фил. Зап. 1875, вып. 3; или «Разысканія», XIX; или Ж. М. Н. Пр. 1891, XI.

3) «Разысканія», II, раз.

4) Напр.: «Разысканія», XIII («Судьба-доля въ нар. представленіяхъ славянъ»); ib., XV; ib. XXIII («Къ развитію нар. представленій о Долѣ»); отч. «Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи»—ib., XIV; и др.,

5) Напр.: «Разысканія», VII («Румынскія, славянскія и греческія коляды»); и др.

обрядахъ въ эти дни и т. д. [1]); интересны тѣ главы этихъ работъ, въ которыхъ онъ изучаетъ происхожденіе и значеніе въ обрядовомъ дѣйствѣ мимовъ, скомороховъ, роль маски и ряженыхъ. Нерѣдко касался покойный и свадебныхъ обрядностей, поганскихъ брачныхъ обрядовъ и ихъ обличеній въ нашей учительной литературѣ, свадебной символики [2]). Упомяну, наконецъ, и о его синтетической работѣ, подводящей итоги изученію нѣкоторыхъ явленій народнаго быта и вѣрованій, а именно — «Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ Купальской обрядности» (Ж. М. Н. Пр. 1894, II); здѣсь широкія «хронологическія гипотезы», какъ самъ авторъ выразился, но обоснованы эти гипотезы такимъ обиліемъ аналогій изъ области международной культурной исторіи, на какое былъ способенъ лишь покойный. Эта работа — чудная глава изъ исторической поэтики и хронологически, къ тому же, связана съ другими работами Веселовскаго по синкретизму и поэтикѣ. Не могу не привести одного мѣста изъ этого труда, чтобы засвидѣтельствовать широту и глубину анализа ученаго. «Періоды лѣтняго солнцестоянія, когда жизненныя силы природы видимо въ полномъ расцвѣтѣ, а уже склоняются къ смерти, могли вызвать на одной изъ простѣйшихъ стадій религіознаго сознанія одни и тѣ же представленія и сходную обрядность: образы смерти и сѣтованія, усиленное чествованіе всего жизненнаго, продуктивнаго, что грозило изсякнуть вмѣстѣ съ начинавшимъ дряхлѣть солнцемъ. Купальскіе огни символически поддерживаютъ его гаснущую силу; эротизмъ купальской обрядности отвѣтилъ тому же наивному взгляду... За чертой этого натуралистическаго миѳа могли находиться бытовыя отношенія, которыя миѳъ выразилъ и прикрылъ своимъ символиз-

---

1) «Разысканія», XIV («Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи»); отч. «Разысканія», VII, стр. 204 и др.; отч. ib., XV, 287 и др.; этимологія слова «навій» и параллели—ib., XVIII, 60 и др.; весенніе обряды—ib., XXIII, 171 и др.; объ Ивановомъ днѣ—ib., XVI; и др.

2) Напр.: «Разысканія» XV; ib., VII раз; «Славяно-германскіе отрывки», III; Ж. М. Н. Пр. 1889, VII, стр. 8 и др.

момъ; къ концу развитія относится христіанскія воздѣйствія и усвоенія...»[1]).

Много работалъ Веселовскій также и по исторіи средне-вѣковыхъ книжныхъ нашихъ и иноземныхъ повѣстей. Всѣмъ извѣстенъ его громадный трудъ—«Изъ исторіи романа и повѣсти», въ 2 частяхъ; далѣе, докт. дис. о Соломонѣ; имѣется по этимъ вопросамъ и много отдѣльныхъ работъ. Онъ пересмотрѣлъ большое количество такихъ повѣстей, собралъ и установилъ редакціи, издалъ много новыхъ списковъ, хранящихся въ библіотекахъ Европы, рѣшалъ вопросъ о происхожденіи каждой въ отношеніи мѣста и времени, объ исторіи странствованія ея отъ народа къ народу, выяснилъ здѣсь культурную роль Востока, Византіи, южныхъ славянъ, Италіи и другихъ странъ, опредѣлилъ значеніе этой книжной литературы для народнаго эпоса вообще, элементы ея въ народномъ повѣріи или обрядѣ и т. д. Въ частности, напомню его работы объ Александріи и ея источникахъ, о Соломоновскихъ сказаніяхъ, объ Аполлоніи Тирскомъ, классическое изслѣдованіе о Тристанѣ и Бовѣ, о Троянской войнѣ, о Василіи златовласомъ, о снахъ Мамеря-царя и т. д. Вышеуказанный трудъ покойнаго напоминаетъ магистерскую диссертацію акад. Пыпина, но только трудъ Веселовскаго — болѣе массивенъ, такъ сказать. Очень важно замѣтить, что и здѣсь, при изученіи указаннаго матеріала, покойнымъ всегда преслѣдовались болѣе широкіе, чѣмъ чисто-литературные, интересы: вчитываясь въ текстъ той или другой повѣсти, онъ искалъ, между прочимъ, и данныхъ для заключеній по культурной исторіи народа или по его психологіи; ему хотѣлось, далѣе, и въ безличной поэзіи народа выдѣлить элементы субъективные, элементы Ich-Epos'а, по терминологіи Шпильгагена. Цѣльнѣе и полнѣе такого рода выводы имѣются въ работахъ его о синкретизмѣ. Вотъ его заключеніе относительно культурной исторіи: «...Шлоссеръ былъ правъ, говоря, что исторію народа можно написать по его романамъ; я бы обоб-

---

1) Стр. 287.

щилъ: по его поэтической литературѣ. Матеріалъ богатый и благодарный, если умѣешь воздержаться отъ излишняго недовѣрія— и отъ крайней довѣрчивости къ бытовой подкладкѣ поэтической идеализаціи», такъ писалъ онъ во введеніи къ «Исторіи романа и повѣсти»[1]).

Нельзя забывать и его работъ по народнымъ балладамъ, сказкамъ—въ видѣ отдѣльныхъ статей или попутно при изученіи матеріала изъ другихъ областей народной поэзіи; иногда онъ ограничивался одними библіографическими указаніями по вопросу о сюжетѣ, цѣнными и, по обыкновенію, очень полными. Такъ извѣстны его изслѣдованія баллады «о братѣ-мертвецѣ», «женихѣ-мертвецѣ» — о Ленорѣ, въ которыхъ онъ полемизируетъ съ другими изслѣдователями той же темы—Политомъ, Wollner'омъ; Psichari; изслѣдованіе сюжета о братѣ и сестрѣ, Иванѣ и Марьѣ— о кровосмѣшеніи[2]), работы цѣнныя по стремленію пріурочить нѣкоторые моменты сюжета къ культурно-исторической обстановкѣ[3]); попутное изслѣдованіе баллады о «братьяхъ Сбродовичахъ и сестрѣ»[4]); о «дѣвушкѣ-воинѣ» — какъ критика, между прочимъ, магист. дис. Созоновича[5]); изслѣдованіе сюжета о

---

1) Стр. 12. См. оцѣнку этихъ противоположныхъ увлеченій въ его отчетахъ о книгахъ Роде—Ж. М. Н. Пр. 1876, XI и Шульце—Ж. М. Н. Пр. 1882, VI.

2) Напр.: «Croissans - crescens», Сб. отд. рус. яз., т. 22; біографія философа Секунда—«Разысканія», V; разбойникъ—кровосмѣситель—ib., X; нѣк. указ.— «Мелк. зам. къ был.»—Ж. М. Н. Пр. 1890, III; Марена—«Разысканія», II, гл. 4; ib., VI, стр. 60 и др.; ib., XVI, стр. 306 и др.; «Гетеризмъ, побратимство...», Ж. М. Н. Пр. 1894, II; и др.

3) Интересенъ примѣръ такого пріуроченія — изъ статьи о «Гетеризмѣ», стр. 316: «Пѣсня, поющая объ ихъ (т. е. Ивана и Марьи) превращеніи, предполагаетъ существованіе семьи, запретъ браковъ между близкими родственниками и отрицаніе болѣе древнихъ отношеній общинно-родоваго брака, когда женщина принадлежала не отцу и семьѣ, а всему роду, принималась въ родъ. Это принятіе было торжественнымъ актомъ, который могъ быть пріурочень къ извѣстнымъ моментамъ аграрнаго года и урочныхъ родовыхъ собраній; онъ предполагалъ общеніе не только съ наличными родичами, но и съ предками, покойившимися въ могилахъ, когда этотъ обычай погребенія отмѣнилъ другіе».

4) «Южно-рус. был.», XI, Сб. отд. рус. яз., т. 36, 381 и др.; «Разысканія», V, Зап. А. Н., т. XL, прил. 4, 98 и др.

5) «Мелк. зам. къ был.», Ж. М. Н. Пр. 1890, III; пар. къ переодѣванію— «Croissans crescens...», см. выше; и др.

возвращающемся, а Добрыня, мужѣ; о «дикомъ охотникѣ» [1]); библіографическія указанія матеріаловъ по сюжету сказки «о рыбакѣ и рыбкѣ» [2]); «о купцѣ Остолопѣ» [3]); «о царѣ съ ворами» (Иванъ Грозный) [4]); и очень много другихъ. И здѣсь подчасъ Веселовскій даетъ намъ выводы, замѣчательные по своей глубинѣ и, въ то же время, по широкому масштабу. Такъ о мотивахъ о «спознаніи и встрѣчѣ родственниковъ» онъ заключаетъ: «. . . мотивы: объ увозѣ жены, о похищеніи невѣсты, о спознаніи или встрѣчѣ, нерѣдко враждебной или преступной, между близкими родственниками, отцемъ и сыномъ, братомъ и сестрой. Они встрѣчаются въ средневѣковомъ романѣ, какъ интересныя формулы, какъ данныя для поэтическаго развитія, тогда какъ въ основѣ они отражали реальные факты: брака умыканіемъ, либо эпохи грандіозныхъ народныхъ смѣшеній и переселеній, разлучавшихъ родичей на далекія пространства. . .» [5]).

Многія изъ перечисленныхъ работъ покойнаго можно поставить въ образецъ строго-научной дисциплины; я не говорю уже о тѣхъ работахъ или частяхъ работъ, гдѣ авторъ оперируетъ, преимущественно, методомъ сравнительнымъ, я говорю сейчасъ объ его анализѣ историческихъ, географическихъ и иныхъ подробностей — фрагментовъ народной поэзіи. Напомню интересную по чистотѣ историческаго анализа работу его о Соловьѣ Будимировичѣ въ свидѣтельствѣ Кмиты Чернобыльскаго, или цѣнную по выводамъ географическимъ работу «о Тристанѣ и Бовѣ въ Познанской рукописи кн. XVI в.» [6]).

---

1) «Иродова охота»—«Разысканія», XVI, раз.; XVIII, раз.; «Легенды о дикомъ охотникѣ»—«Зап. ром.-герм. отд.», I; и др.

2) «Новыя книги о нар. слов.», Ж. М. Н. Пр. 1886, III, 215 и др.

3) «Лорренскія сказки» (по пов. Cosquin)—Ж. М. Н. Пр. 1887, IV, 296.

4) Напр.: ibidem, 297; есть и въ другихъ.

5) «Изъ введенія въ историческую поэтику», Ж. М. Н. Пр. 1894, V, 39. Напр.: библ. о «встрѣчѣ отца съ сыномъ»—«Южно-рус. был.,» III, Сб. отд. рус. яз., т. 36, 27 и др.; о «встрѣчѣ брата съ сестрой»—«Разысканія», II, 147 и др., или въ реценз. на кн. Ястребова—Ж. М. Н. Пр. 1886, X, 401 и др.

6) Ж. М. Н. Пр. 1887, V, VIII.

Заканчивая обзоръ работъ Веселовскаго по указаннымъ отдѣламъ народной поэзіи, я еще разъ настоятельно фиксирую ту мысль, что всѣ эти работы—весьма для нашей науки цѣнны. Онѣ цѣнны и со стороны внутренней, идейной: покойный никогда не скользилъ по поверхности того или другого литературнаго факта, а всегда спускался далеко вглубь его содержанія; его выводы поражаютъ насъ широтой историческихъ и литературныхъ ассоціацій и открываютъ нерѣдко весьма цѣнныя по научному составу перспективы. Его работы цѣнны и со стороны внѣшней, какъ образецъ дисциплины вообще: полнота, обстоятельность, добросовѣстное исполненіе — ихъ характеристика. Веселовскій тщательно отдѣлывалъ не только главные вопросы темы, но и всѣ, подчасъ мельчайшія, ея подробности или даже такія, которыя находятся съ темой только въ нѣкоторой связи. Сколько библіографическихъ указаній давалъ онъ въ своихъ примѣчаніяхъ или дополненіяхъ; указаннаго по поводу какой-нибудь частности матеріала порой хватитъ на цѣлую отдѣльную статью. Укажу, напримѣръ, на его библіографію касательно эпической подробности былинъ о Дюкѣ, Чурилѣ—о «поющихъ пуговицахъ и т. п.», или насчетъ мотива о «птицѣ-вѣстникѣ», о «вѣщей птицѣ», о «чудесномъ конѣ», о «безголовомъ героѣ», о «проклятіи или благословеніи дерева» и т. д. Я думаю, что, если бы въ нашей наукѣ возбужденъ былъ вопросъ о каталогизаціи, такъ называемыхъ, общихъ мѣстъ народной поэзіи, обще-эпическихъ формулъ или символовъ и, вообще, всего того, что покойный удачно назвалъ «пѣсеннымъ Домостроемъ», то, именно, онъ представилъ бы по этому вопросу наиболѣе, по сравненію съ другими учеными, обстоятельное изслѣдованіе.

Онъ много работалъ и надъ изученіемъ стиля народной поэзіи, иначе его работы по исторической поэтикѣ не были бы такъ обаятельны; нѣкоторое изъ этой области — я слышалъ отъ самого А. Н. — осталось несистематизированнымъ и, стало быть, неизданнымъ, напр., его матеріалы, касающіеся стиля сказочной поэзіи. Часто, въ послѣдніе годы особенно, выска-

зывалъ онъ въ частныхъ бесѣдахъ мысли о томъ, что желательно было бы направить изученіе нашей народной поэзіи, между прочимъ, и въ эту сторону — наблюденій надъ составомъ формъ народно-поэтическаго мышленія, освѣщая это если не въ историческомъ развитіи, ибо изученіе въ такомъ видѣ — pia desideria, какъ вопросъ весьма трудный, то хотя бы только въ чисто-сравнительномъ сопоставленіи.

Я говорилъ уже, что Веселовскій интересовался не только исторіей возникновенія того или другого сюжета, но также и исторіей его дальнѣйшаго существованія: принципомъ переживанія наряду съ принципомъ возникновенія. Интересъ этотъ, помимо теоретическаго основанія, долженъ былъ быть у покойнаго уже потому, что, обыкновенно, изученіе сюжета начинается съ критики текста—въ его обособленномъ отъ параллелей и, далѣе, сравнительномъ направленіи. Очевидно, при такой критикѣ приходится наталкиваться на данныя, такъ или иначе говорящія намъ о жизни сюжета съ момента его возникновенія или перенесенія исчужа. Анализируя текстъ съ этой стороны — со стороны его «морфологіи», мы можемъ получить выводы, цѣнные въ историко-литературномъ и чисто-историческомъ отношеніи. «У каждаго почти пѣтаря есть свое любимое, болѣе къ нему подходящее въ его пѣсенномъ Домостроѣ, мало того, стиль его пѣсенъ отражаетъ въ себѣ не только частности, присущія его личному, такъ сказать, міровоззрѣнію, онъ является типичнымъ по отношенію къ тому сословію, къ которому пѣтарь принадлежитъ, ко времени его и особенностямъ его жизни. Здѣсь источникъ опредѣленія слоевъ, заключившихся въ прошломъ народнаго творчества: такъ выдѣленъ слой скоморошій, казацкій. Здѣсь, съ другой стороны, въ этихъ предпочтеніяхъ одного образа или эпитета другому, въ скомканности одного и излишней ретардаціи другого мѣста, въ подчеркиваніяхъ, наконецъ, въ тонѣ, какимъ что сказывается,—здѣсь источникъ опредѣленія того, какъ относится, понимаетъ и что отъ себя даетъ сюжету пѣтарь. Мало того, въ самихъ несообразностяхъ, которыя въ изо-

билія подмѣчаются, главнымъ образомъ, въ сводныхъ текстахъ, будутъ ли эти несообразности логическаго порядка, вродѣ противорѣчій выше сказанному, скачковъ мысли, или чисто грамматическаго: несогласованія, или неправильнаго согласованія, мѣны личныхъ мѣстоименій, окончаній, наконецъ, въ неточностяхъ вообще — дается изслѣдователю много матеріала для психологическихъ и историко-культурныхъ заключеній» [1]). Покойный академикъ все это отлично понималъ и дѣлалъ формальный анализъ текста столько же въ цѣляхъ вскрыть происхожденіе сюжета, сколько и для заключеній, сейчасъ указанныхъ. Иногда такого рода наблюденіями пользовался онъ для выводовъ по широкимъ вопросамъ народной поэзіи, напримѣръ, по вопросу о причинахъ и условіяхъ циклизаціи нашихъ былинъ, о механическихъ сводахъ или формальныхъ народныхъ спѣвахъ какихъ-нибудь кантиленъ и т. п. [2]). Тотъ или иной фактъ изъ исторіи бытованія сюжета ставился Веселовскимъ въ связь съ современной факту исторической и культурной обстановкой и это давало ему возможность отъ наблюденій надъ формой сюжета переходить къ заключеніямъ по вопросамъ внутренняго его развитія. Вотъ, напримѣръ, его выводъ: «Переходныя сказки, казалось бы, подлежатъ лишь формальному анализу, а между тѣмъ отличія ихъ пересказовъ, внесеніе или опущеніе подробностей, комбинація съ посторонними мотивами—все это можетъ быть дѣломъ не механическимъ и не случайнымъ, а если и таковымъ, то повтореніе подобныхъ случайностей можетъ привести къ видоизмѣненіямъ внутренней формы сказки, которая незамѣтно очутится въ соотвѣтствіи съ видоизмѣненнымъ идейнымъ содержаніемъ.... Намъ важно знать, когда идея была въ равновѣсіи съ ея литературнымъ выраженіемъ, идея вѣка или страстный подъемъ личнаго настроенія, и когда начался періодъ ихъ раздвоенія и без-

---

1) Моя ст. «О принципѣ согласованія», Рус. Фил. В. 1905, IV, 385—6.

2) См. напр. его ст. «Новыя изслѣдованія о франц. эпосѣ», Ж. М. Н. Пр. 1885, IV, особ. гл. 1 и 2; или «Новыя книги о нр. слов.», Ж. М. Н. Пр. 1886, III, напр. стр. 205 и др.

конечныхъ литературныхъ перепѣвовъ» [1]). Въ иныхъ работахъ, даже и самаго послѣдняго времени, Веселовскій ограничивался лишь установленіемъ эпическихъ схемъ, общихъ многимъ сюжетамъ; такія работы для насъ не менѣе интересны: на основаніи ихъ выводовъ мы можемъ имѣть представленіе о томъ, какъ эти схемы—скелетъ далѣе покрывались мясомъ и кожей, т. е. судить объ эпическихъ пріемахъ творчества, соотвѣтствующихъ своему времени и средѣ.

Перехожу къ его синтетическимъ трудамъ по народной поэзіи—о синкретизмѣ и, вообще, по исторической поэтикѣ. Здѣсь передъ нами—не только ученый, поражающій своей громадной доктриной и острымъ умомъ, здѣсь передъ нами, скажу я,—художникъ: по силѣ и легкости возникающихъ ассоціацій, связывающихъ однородное на огромномъ пространствѣ мѣста и времени. Мало того; здѣсь Веселовскій—тонкій психологъ: онъ понимаетъ и современныхъ декадентовъ и первоначальный лепетъ праисторическаго человѣка. Извѣстны по исторіи поэтики работы Бюхера, Оппенгейма, Вольфа, Брюнетьера, Letourneau, Аничкова, Гюйо, но, безъ сомнѣнія, Веселовскій — шире и глубже; въ этомъ отношеніи его можно сравнить развѣ со Спенсеромъ. Русская наука пока еще не выяснила значенія этихъ работъ его; изъ учениковъ покойнаго — очень мало, кто занимается изученіемъ этой стороны поэзіи, да и трудно было бы: вѣдь и Веселовскій писалъ ихъ послѣ того, какъ болѣе уже 30 лѣтъ изучалъ народную поэзію. Я, конечно, разумѣю исторію такъ широкой и глубокой, какъ ее представилъ намъ покойный, заключивъ въ ней итоги своихъ многолѣтнихъ наблюденій надъ народно-поэтическимъ матеріаломъ.

---

1) Рец. на Батюшкова «Споръ души съ тѣломъ» — Ж. М. Н. Пр. 1892 III, 158.

По вопросамъ о синкретизмѣ и о нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ исторической поэтики Веселовскій высказывался неоднократно и раньше, но—попутно [1]). Статьи же, спеціально посвященныя этимъ вопросамъ, написаны были имъ въ промежуткѣ между 1894 и 1899 гг.; онѣ слѣдующія: «Изъ введенія въ историческую поэтику», Ж. М. Н. Пр. 1894, V; «Изъ исторіи эпитета», ib., 1895, XII; «Эпическія повторенія какъ хронологическій моментъ», ib., 1897, IV; «Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля», ib., 1898, III; «Три главы изъ исторической поэтики», ib., 1899, III, IV, V [2]). Небольшія по объему — онѣ въ сжатомъ видѣ развертываютъ передъ нами не только исторію, но и физіологію поэтическихъ родовъ творчества. Здѣсь картина, по размахамъ эпическая, но съ соблюденіемъ тончайшихъ деталей доктрины,—картина развитія поэзіи со стороны ея формъ и матеріала въ психологическомъ обоснованіи своемъ. Основную мысль, которою отмѣчены всѣ указанныя статьи, можно выразить слѣдующими словами самого автора: «Въ исторіи поэтическихъ родовъ есть своего рода послѣдовательность, не вездѣ одинаково выдержанная, затемненная иногда посторонними вліяніями, ускорившими или извратившими правильный ходъ развитія, но на столько прозрачная, что она производитъ впечатлѣніе законности. Какъ послѣдовательныя измѣненія быта и ростъ общественнаго и личнаго сознанія выражались въ новыхъ формахъ политическаго устройства, въ выдѣленіи научнаго міросозерцанія изъ миѳическаго, философіи изъ религіи, исторіи изъ эпоса—такъ выражались они и въ поэзіи, въ чередованіи ея формъ, обусловленномъ

1) Напримѣръ: во введеніи къ «Изъ исторіи романа и повѣсти», I, стр. 1—27; «Новыя изслѣдованія о франц. эпосѣ», Ж. М. Н. Пр. 1885, IV; «Новыя книги по нар. слов.», Ж. М. Н. Пр. 1886, III; реценз. на сборникъ Чубинскаго—приложеніе къ XXVII т. Зап. А. Н.,—см. по этому поводу Jeanroy «Les origines de la poésie lyrique en France au moyen age», Par. 1889 и рец. Батюшкова «Зачатки франц. лирики», Ж. М. Н. Пр. 1890, IV.

2) Есть еще работа, большая, по поэтикѣ, она найдена въ бумагахъ академика послѣ его смерти; кажется, только не закончена.

измѣненіями ея идеальнаго содержанія», такъ писалъ Веселовскій еще въ 1886 г.[1]). Итакъ, жизнь—какъ комплексъ постоянно измѣняющихся идей и человѣкъ—какъ вмѣстившій объекты того же измѣненія; образы связи человѣка съ жизнью запечатлѣны, между прочимъ, и въ поэзіи—въ ея содержаніи и формахъ. Въ связи съ такимъ представленіемъ находится и взглядъ Веселовскаго на исторію литературы, какъ на «исторію общественной мысли въ образно—поэтическомъ переживаніи и выражающихъ его формахъ»[2]).

«Въ древнѣйшемъ сочетаніи руководящая роль выпадала на долю ритма, послѣдовательно нормировавшаго мелодію и развившійся при ней поэтическій текстъ. Роль послѣдняго въ началѣ слѣдуетъ предположить самою скромною: то были восклицанія, выраженіе эмоцій, нѣсколько незначущихъ, несодержательныхъ словъ, носителей текста и мелодіи»[3]). Первичная форма поэзіи—хорическій, игровой синкретизмъ; въ немъ всѣ роды поэзіи—и драма въ дѣйствіи, и діалогъ хоровода, и эпическій сказъ, и лирическая пѣсня въ соединеніи съ музыкой. Текстъ здѣсь имѣетъ сильный эмоціональный элементъ и, вообще, для пѣсни не важенъ: пока преобладаетъ, главнымъ образомъ, ритмическо-мелодическое начало. Эволюція текста идетъ на началахъ импровизаціи—отъ простыхъ эмоціональныхъ восклицаній до импровизаціи ex tempore; но эта эволюція—все же въ предѣлахъ хорового начала: отъ запѣвалы въ хорѣ и до пѣвца, изъ хорового чередованья—амебейное пѣніе отдѣльныхъ пѣвцовъ. Сфера помысловъ, надеждъ и желаній первобытнаго человѣка, какъ то, между прочимъ, выражается имъ и въ поэзіи,—реальная его жизнь, а отсюда идейная связь такой поэзіи съ календарными обрядами и культомъ. Рядомъ съ календарно—обрядовой поэзіей развивается поэзія домашняго быта въ видѣ свадебной и похоронной обряд-

---

1) «Изъ исторіи романа и повѣсти» I, введ., стр. I.
2) «Изъ введенія въ истор. поэтику», Ж. М. Н. Пр. 1894, V, 21.
3) «Три главы изъ истор. поэтики», ib., 1899, III, 62.

ности; она первоначально построена на томъ же хоровомъ началѣ, выражавшемся въ пѣніи, пляскѣ и дѣйствіи. Изъ синкретическаго памятника, съ теченіемъ времени, происходитъ рядъ выдѣленій: выдѣляется изъ связи съ пляской и игрой—лиро-эпическая пѣсня. Содержаніе ея—прежнее: либо миѳъ, либо преданіе, либо, наконецъ, эпическая часть причитанія—разсказъ объ умершемъ. Интересъ къ содержанію въ поющемъ еще не угасъ, а потому эта пѣсня—съ настроеніемъ, лирическая. Когда съ теченіемъ времени теряется это настроеніе, пѣсня дѣлается уже эпической—«матеріаломъ не для пѣвца, а для сказителя». Необходимо предположить, что одинъ и тотъ же фактъ жизни или какой подвигъ вызывалъ по себѣ нѣсколько пѣсенъ, но многія изъ нихъ, мало по малу, забывались, другія теряли свои характерныя особенности и обобщались; начало такого обобщенія—въ механической работѣ народнаго преданія. Это явленіе «естественной циклизаціи», по терминологіи Веселовскаго. Не менѣе важно другое явленіе, подмѣченное покойнымъ. Каждое поколѣніе имѣло своихъ героевъ и eo ipso свои лиро-эпическія пѣсни; но новое поколѣніе, воспѣвая своихъ героевъ, должно было помнить и старыя пѣсни; поэтому невольно «въ его памяти чередовались въ длинной вереницѣ героическіе образы и обобщался идеалъ героизма, который естественно вліялъ на все новое, входившее въ кругозоръ пѣсни... чѣмъ далѣе отъ основнаго преданія, тѣмъ чаще могло случаться, что такого рода типическія черты вмѣнялись не надлежащему лицу, какъ общее мѣсто: коли герой, то онъ могъ совершать то-то, и совершалъ» [1]); таково явленіе генеалогической идеализаціи. На ряду съ обобщеніями содержанія обобщался и стиль. Здѣсь, что называетъ Веселовскій, эпическій схематизмъ: «У пѣвцовъ свой пѣсенный Домострой, отраженіе, иногда застывшее, бытоваго... Складывается прочная поэтика, подборъ оборотовъ, стилистическихъ мотивовъ, словъ и эпитетовъ: готовая политра для художника... Пѣвецъ знаетъ пѣсни,

---

1) Ibid., 231.

характерныя черты дѣйствующихъ лицъ, все остальное доскажетъ его поэтика... Устойчивость такого стиля — въ пѣвческомъ, я бы сказалъ, школьномъ преданіи...» [1]). Авторомъ лиро-эпической пѣсни является опредѣленный пѣвецъ, но онъ анонименъ, такъ какъ у него еще нѣтъ сознанія личнаго авторства: его самоопредѣленіе—самоопредѣленіе рода, племени, дружины, а потому и его субъективизмъ—коллективный. Въ созданіи народной эпопеи сказывается уже личный починъ, но онъ еще не объектировался въ сознаніи, какъ процессъ индивидуальный: здѣсь «полу-личный» поэтъ. Условія появленія большихъ эпопей слѣдующія: «личный поэтическій актъ, но безъ сознанія личнаго творчества, поднятіе народно-поэтическаго самосознанія, требовавшаго выраженія въ поэзіи; непрерывность предыдущаго пѣсеннаго преданія, съ типами, способными измѣняться содержательно, согласно съ требованіями общественнаго роста. Тамъ, гдѣ почему бы то ни было, эти условія не совпали, продукція народной эпопеи кажется немыслимой» [2]). Понятіе поэзіи обособлялось, мало по малу, отъ понятія пѣсни при постепенномъ обособленіи личнаго творчества отъ коллективно — субъективнаго. Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе его двухъ работъ —«Изъ введенія въ ист. поэтику» и «Три главы».

Исторія эпитета, по мнѣнію покойнаго, есть исторія поэтическаго сознанія и его формъ—стиля, закрѣпощавшаго, по мѣрѣ времени, сущности очередныхъ общественныхъ міросозерцаній. Здѣсь, за эпитетомъ лежитъ подчасъ далекая историко-психологическая перспектива—разнообразныя картины вкуса и поэтическихъ формъ мышленія въ ихъ эволюціи. Но исторія такая — дѣло будущихъ изслѣдователей, нынѣ же въ ней можно намѣтить лишь нѣкоторые хронологическіе этапы. Внутреннее достоинство того или другого эпитета находится въ зависимости отъ качества нашихъ знаній природы и жизни: чѣмъ подробнѣе

1) Ibid., 231—2.
2) «Изъ введенія въ ист. поэтику», Ж. М. Н. Пр. 1894, V, 26.

и раздѣльнѣе эти знанія, тѣмъ разнообразнѣе суггестивность эпитета. «...если въ творчествѣ миѳа человѣкъ проэктировалъ себя въ природу, оживляя ее собою, то, съ наростающимъ обособленіемъ личности, она стала искать элементовъ самоанализа въ природѣ, очищенной отъ антропоморфизма, перенося ее внутрь себя, и это исканіе отразилось въ новой вереницѣ эпитетовъ» [1]). Эпитеты, по внутреннему содержанію своему, бываютъ тавтологическими и пояснительными, среди послѣднихъ особо интересны, такъ называемые, синкретическіе, происшедшіе на почвѣ физіологическаго синкретизма и ассоціаціи нашихъ воспріятій (напр. смѣется земля, свѣтило улыбается). Вопросъ о хронологическихъ этапахъ въ исторіи эпитета стоитъ въ связи съ вопросомъ о разложеніяхъ эпитета. Первымъ видомъ разложенія Веселовскій считаетъ постоянство эпитета при извѣстныхъ словахъ: эпитетъ теряетъ такимъ образомъ свою конкретность, но это обстоятельство не есть признакъ глубокой древности, какъ думаютъ обыкновенно, а результатъ позднѣйшаго подбора на почвѣ традиціи—шаблона. А отсюда заключеніе къ хронологіи: «Если, напримѣръ, въ гомеровскихъ поэмахъ эпитеты обнаруживаютъ бо́льшее постоянство, чѣмъ во французскихъ chansons de geste, то не потому ли, что за первыми стояли пѣсни архаическаго, формальноотстоявшагося стиля, тогда какъ авторы послѣднихъ встрѣтились съ болѣе свѣжимъ пѣсеннымъ преданіемъ лирико-эпическаго характера, еще не распѣтымъ до преобладанія шаблона...» [2]). Дальнѣйшіе моменты разложенія эпитета имѣютъ также свои психологическія, прежде всего, основанія; напр.—«окаменѣніе» эпитета, вызванное забвеніемъ реальнаго смысла его: одинъ эпитетъ безразлично употребляется вмѣсто другого; обобщеніе эпитета въ отношеніи реальнаго опредѣленія: онъ объединяетъ цѣлый рядъ, чѣмъ либо соприкасающихся другъ съ другомъ, эпитетовъ (напр. бѣлый царь, дівка, день...); развитіе

1) Указ. ст. Ж. М. Н. Пр. 1895, XII, 197.
2) Ibidem, 187.

эпитетовъ по внѣшности—въ видѣ ихъ накопленія въ пары или въ болѣе сложныя группы. Въ связи со всѣмъ этимъ находятся и дальнѣйшія явленія поэтики—символика, напр., цвѣтовъ, средневѣковыя аллегоріи и т. п.; современные символисты идутъ по той же колеѣ и ихъ поэтика не представляетъ чего-либо исключительнаго по сущности своей въ исторіи поэтики вообще; если же порой ихъ не понять, то «въ этомъ отчасти ихъ вина».

Повторенія — обычныя явленія эпоса — въ отношеніи чередованія формъ своихъ также, по мнѣнію Веселовскаго, даютъ изслѣдователю возможность дѣлать заключенія относительно хронологическихъ моментовъ исторіи поэтики. Есть повтореніе — формула: — своего рода эпитетъ, постоянный для извѣстныхъ положеній и отъ нихъ не отдѣлимый, и повтореніе спеціально—французскаго типа — въ видѣ захватовъ однихъ и тѣхъ же стиховъ изъ строфы въ строфу. Психологически послѣднее объясняется крайностями вниманія, возбужденнаго, преимущественно, къ нѣкоторымъ сценамъ или образамъ, которые по чему-либо приглянулись поющему. Происхожденіе повтореній, вообще, либо въ связи съ простѣйшими выраженіями психики, напримѣръ: refrain — первоначально лишь восклицаніе или звукоподражаніе, либо въ связи съ механизмомъ пѣсеннаго исполненія: такъ хорическое начало въ древней поэзіи разлагаясь смѣняется пѣніемъ амебейнымъ, здѣсь необходимъ тотъ же подхватъ—refrain. Есть еще причина явленія повтореній—она вытекаетъ изъ тѣхъ условій, въ каковыхъ бытовала та или другая народная пѣсня: многія изъ повтореній могутъ быть объяснимы позднѣйшими интерполяціями пѣвцовъ, вставками переписчиковъ и т. п. Въ личной поэзіи всѣ эти формы получаютъ значеніе уже художественныхъ — своего рода стилистическаго пріема для передачи извѣстнаго настроенія. Таковы хронологическіе моменты — и тѣмъ самымъ новый, лишній критерій при изученіи народно-поэтическаго матеріала. «Древность рукописи или версіи, показанія языка и метрики, историческія и бытовыя подробности текста — вотъ пріемы, служащіе критикѣ средневѣковыхъ

эпическихъ и, вообще, поэтическихъ текстовъ. Не лишнимъ критеріемъ являются, по моему мнѣнію, и наблюденія въ исторіи стиля, тѣмъ болѣе, что здѣсь границы изученія могутъ быть раздвинуты и развитіе поэзіи записанной или литературной провѣрено поэзіей народной, развившейся въ другихъ, болѣе свободныхъ условіяхъ. Я полагаю, что не только исторія эпитета, но и исторія повтореній, поставленная возможно широко, послужитъ хронологіи поэтическаго творчества тамъ, гдѣ другіе критеріи оказались бы недостаточными либо дали сомнительные результаты»[1]).

Едва ли не самой глубокой изъ сейчасъ разбираемыхъ статей Веселовскаго — по содержанію взятаго матеріала и качествамъ психологическаго анализа—является статья о «Психологическомъ параллелизмѣ». Передъ нами раскрывается картина послѣдовательнаго развитія, притомъ въ психологическомъ обоснованіи, всѣхъ основныхъ формъ мышленія народа, самихъ по себѣ и въ отраженіяхъ въ поэтическомъ стилѣ. Веселовскій спускается здѣсь, въ своемъ анализѣ, до самыхъ первоначальныхъ моментовъ духовнаго творчества народа, къ колыбели его поэзіи и языка—къ колыбели простѣйшихъ поэтическихъ формулъ. На такой стадіи развитія всѣ народы въ отношеніи духовной жизни качественно ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются: ни у одного изъ нихъ нѣтъ даже намека на отличную отъ другихъ поэтику, формы мышленія нормируются у всѣхъ одинаково—наличностью опредѣленныхъ психическихъ процессовъ и связью человѣка съ жизнью по законамъ общечеловѣческимъ. Здѣсь то, въ началѣ всякой поэзіи, и зарождается само по себѣ, точнѣе—изъ сущности народнаго мышленія, какъ одинаковое пока для всѣхъ народовъ, многое такое, что затѣмъ, вступивъ въ народную поэтику, является въ ней въ видѣ какихъ-нибудь поэтическихъ формулъ или пріемовъ — «общихъ мѣстъ» для поэзіи всякаго народа. Александръ Николаевичъ и въ своихъ сравнительныхъ экскур-

---

1) «Эпическія повторенія», Ж. М. Н. Пр. 1897, IV, 305.

сахъ по народной поэзіи постоянно считался съ фактомъ самозарожденія «общихъ мѣстъ», и нерѣдко, абстрагируя матеріалъ разныхъ національностей и времени до общихъ формулъ, объяснялъ сходство послѣднихъ у различныхъ народовъ единствомъ психологической основы ихъ [1]).

Параллелизмъ, какъ принимаетъ это понятіе Веселовскій, есть «анимистическое міросозерцаніе въ приложеніи къ поэтическому стилю»; это — личное сопоставленіе человѣка съ природой по опредѣленнымъ признакамъ; объекты — сперва, животныя, затѣмъ, растенія и, вообще, міръ неорганическій. На этомъ сопоставленіи покоится метафора языка, т. е. перенесеніе признака, свойственнаго одному члену параллели, въ другой. Формы метафоръ бываютъ разнообразны—въ зависимости отъ качества аналогій между членами параллели. Такъ часто идея только сопоставленія въ параллелизмѣ смѣнялась идеей уравненія или даже тождества между членами параллели, если между этими членами аналогія становилась особенно сильной. Продолжая такимъ образомъ подобныя параллели, человѣкъ приходилъ къ созданію миѳа — отождествленія себя съ природой. Но отождествленіе — какъ нѣчто живое, а не какъ простая форма мышленія, долго существовать не могло: подвиги знанія, которое копилъ человѣкъ, мало-по-малу расчленяли это тождество — отождествленіе смѣняется только сравненіемъ: молнія — птица | молнія — *какъ* птица; въ будущемъ — новая форма для народной поэтики. Въ поэзіи продолжается тотъ же психологическій процессъ: языкъ поэзіи «уже пользуется образами языка и миѳа, ихъ метафорами и символами, но создаетъ по ихъ подобію и новые. Связь миѳа, языка и поэзіи не столько въ единствѣ преданія, сколько въ единствѣ психологическаго пріема... [2])». Тѣ или иныя поэтическія формулы—въ тѣсной зависимости отъ различ-

---

1) См. напр., «Изъ исторіи романа и повѣсти» I, 3—4; «Три главы», Ж. М. Н. Пр. 1899, IV, 231—2, V, 49; здѣсь же на стр. 54—67 проспектъ общихъ формулъ народной поэзіи въ сравнительномъ освѣщеніи.

2) «Псих. параллелизмъ», Ж. М. Н. Пр. 1898, III, 9.

ныхъ стадій параллелизма. Такъ, напримѣръ, когда параллель дѣлается крѣпкой въ народномъ обиходѣ, она становится уже символомъ, являющимся и «въ другихъ сочетаніяхъ, какъ показатель нарицательнаго». Форма умолчанія есть результатъ искаженія психологической параллели, когда умалчивалась «въ одномъ изъ членовъ параллели черта, логически вытекающая изъ его содержанія въ соотвѣтствіи съ какой-нибудь чертой второго ряда». Когда ослаблялась въ сознаніи предка связь между деталями параллелей, то содержательный параллелизмъ переходилъ въ ритмическій: здѣсь преобладаетъ лишь музыкальный моментъ, иногда параллели держатся только на созвучіи словъ начальныхъ или послѣднихъ въ нихъ, sc. на риѳмѣ. Послѣдняя, такимъ образомъ, стоитъ иногда какъ бы надъ содержаніемъ параллели, окрашиваетъ ее, вызываетъ собой новое слово, даже порой «родитъ новый стихъ». А это важно помнить, такъ какъ, по словамъ Веселовскаго, «языкъ народной поэзіи наполнился іероглифами, понятными не столько образно, сколько музыкально, не столько представляющими, сколько настраивающими; ихъ надо помнить, чтобы разобраться въ смыслѣ...» [1]). Это — «декаденство до декаденства». Такъ, между прочимъ, такого рода ритмическіе параллелизмы существуютъ во многихъ пѣсенныхъ запѣвахъ — слабо или совсѣмъ не связанныхъ съ дальнѣйшимъ теченіемъ пѣсни. Академикъ объясняетъ это спорoвкой пѣвцовъ, которымъ нужно было время, чтобы припомнить текстъ, запѣвы давали имъ таковое: здѣсь слова были безразличны, только бы было чѣмъ поддержать ритмъ пѣсни. Иногда члены параллели въ запѣвѣ развертывались въ цѣлыя «параллельныя картинки», дополняющія и поддерживающія основной мотивъ. Двухчленный параллелизмъ былъ и основной формой заговора, когда въ параллеляхъ не только сопоставлялись два дѣйствія, но и подсказывались «однимъ изъ нихъ чаянія, опасенія, желанія, которыя простираются и на другое»: «призывалось божество, демониче-

1) Ibidem, 32.

ская сила, на помощь человѣку; когда-то это божество или демонъ совершили чудесное исцѣленіе, спасли или оградили; какое-нибудь ихъ дѣйствіе напоминалось типически. . . ,—а во второмъ членѣ параллели являлся человѣкъ, жаждущій такого же чуда, спасенія, повторенія такого же сверхъестественнаго акта»[1]); стало быть, психологически — поводы одни и тѣ же. Изъ того же параллелизма вышла и загадка: параллелизмъ, но въ которомъ одинъ членъ параллели сознательно умалчивается. Съ теченіемъ времени параллелизмъ перестаетъ быть для человѣка живой формулой его отношенія къ природѣ и становится уже простымъ стилистическимъ пріемомъ; отсюда уменьшается его колоритность и онъ можетъ теперь подвергнуться различнаго рода смѣшеніямъ или перенесеніямъ въ отдѣльныхъ частяхъ.

Итакъ, передъ нами картина отношеній психики человѣка вообще—къ формамъ его мышленія, языка и поэзіи. Для автора все это — одинаково любопытно и въ отношеніи историко-литературномъ и въ отношеніи чисто психологическомъ. Въ связи съ этимъ высказываетъ Веселовскій слѣдующій взглядъ свой на языкъ и его историческое развитіе: «Не все, когда-то живое, юное сохранилось въ прежней яркости, нашъ поэтическій языкъ нерѣдко производитъ впечатлѣніе детритовъ, обороты и эпитеты полиняли, какъ линяетъ слово, образность котораго утрачивается съ отвлеченнымъ пониманіемъ его объективнаго содержанія. Пока обновленіе образности, колоритности остается въ числѣ pia desideria, старыя формы еще служатъ поэту . . .»[2]).

Таковы его работы по поэтикѣ. Здѣсь же надо вспомнить о многоцѣнныхъ по матеріалу и выводамъ лекціяхъ Веселовскаго, читанныхъ имъ въ качествѣ профессора. Покойный не печаталъ ихъ, такъ какъ не считалъ пока того достойными—по сравненію со своими печатными трудами. А очень жаль, ибо насколько можно судить по литографированнымъ изданіямъ нѣкоторыхъ

---

1) Ibidem, 51.
2) Ibidem, 74.

изъ таковыхъ его курсовъ, они были бы, въ виду скудости литературы, серьезнымъ подспорьемъ для интересующихся этими вопросами. Я разумѣю курсы его по исторіи поэтики, по исторіи эпоса, драмы, европейскаго романа. Быть-можетъ, теперь какъ-нибудь удастся издать ихъ, къ тому же эти литографированныя изданія сдѣлались уже крайней рѣдкостью, да и въ свое время появлялись они какъ-то случайно и съ трудомъ выпускались за границу среды ближайшихъ учениковъ или ученицъ покойнаго.

На основаніи изложеннаго можно признать, что значеніе Александра Николаевича въ наукѣ исторіи народнаго слова и мысли—дѣйствительно громадно. Онъ авторъ многочисленныхъ трудовъ въ этой области знанія, изъ нихъ многіе имѣютъ значеніе абсолютное, такъ какъ представляютъ намъ рѣшеніе вопросовъ затронутыхъ окончательнымъ; далѣе, онъ — наиболѣе талантливый представитель современнаго *разносторонняго* по критеріямъ своимъ изученія народной поэзіи, имѣетъ потому много учениковъ и подражателей; его труды, повторяю, важны не только для исторіи литературы, но и вообще исторіи, какъ ея, по мѣстамъ, разъясненіе и даже, подчасъ, дополненіе. Пыпинъ въ своей Этнографіи заключилъ отдѣлъ, посвященный обзору трудовъ Александра Николаевича, слѣдующими словами: въ его трудахъ «сдѣланы намеки на такіе примѣры международнаго культурнаго взаимодѣйствія, о которыхъ не знаетъ писанная исторія и которые заставляютъ угадывать цѣлую давнюю эпоху народной культурной жизни во времена почти до-историческія»[1]). Доктрина трудовъ Веселовскаго давитъ своей массивностью—по крайней мѣрѣ, многихъ; съ покойнымъ трудно было тягаться кому-нибудь при изученіи одной и той же темы: не говоря уже о чемъ другомъ, онъ имѣлъ то громадное преимущество, что могъ читать тексты на всѣхъ европейскихъ языкахъ и почти любой эпохи.

1) Этнографія, II, 282.

Правда, и въ его трудахъ встрѣчаются недоразумѣнія. Такъ, увлекаясь порой той или другой идеей, поддерживаемой удачнымъ совпаденіемъ отдѣльныхъ фактовъ, онъ, быть можетъ, не замѣтно для себя, допускалъ нѣкоторую... тенденціозность, стремясь сплотить воедино трудно, иногда, сплачиваемый матеріалъ. Напомню, напримѣръ, о его филологическихъ комбинаціяхъ, вродѣ Хотенъ—Годинъ—готинъ—гъте—готе, или Бравлинъ—Мравлинъ—Моровлинъ—Муровецъ, и т. п. Нѣкоторыя недоразумѣнія могутъ быть объяснимы недостаточностью или односторонностью, положеннаго въ изученіе, матеріала, такъ что Веселовскому приходилось подчасъ, когда онъ овладѣвалъ большей массой фактовъ, либо дѣлать къ прежнимъ выводамъ своимъ разныя дополненія, либо ихъ такъ или иначе исправлять, либо, наконецъ, совсѣмъ отъ нихъ отказываться. Вообще, Александръ Николаевичъ не прочь былъ возвращаться порой по нѣскольку разъ къ одной и той же темѣ, по мѣрѣ того, конечно, какъ накапливался подходящій матеріалъ.

Все это, а также и обиліе темъ, надъ которыми онъ работалъ, указываетъ намъ на его большую жажду научнаго интереса. Онъ, я бы сказалъ, словно ревновалъ кого другого къ темѣ вообще: появлялась ли въ наукѣ работа по новому вопросу, Веселовскій нерѣдко принимался самъ за его рѣшеніе; писалъ ли онъ оффиціальный отчетъ о диссертаціи, этотъ отчетъ превращался въ большую статью, въ ней было много новаго, предшествующимъ изслѣдователемъ опущеннаго матеріала и выводы, часто далеко не согласные съ разбираемыми; говорилъ ли онъ съ кѣмъ въ частной бесѣдѣ по какому-нибудь вопросу, онъ съ напряженнымъ интересомъ старался узнать о точкѣ зрѣнія на вопросъ у собесѣдника, о его матеріалахъ. Этому пытливому уму хотѣлось самому до всего въ его спеціальности прикоснуться и опредѣлить. Число работъ, написанныхъ покойнымъ въ теченіе всей жизни, доходитъ до 270 приблизительно[1]:

1) Въ указателѣ П. К. Симони, доведенномъ до 1905 г. включительно всѣхъ №№—274, но нѣкоторыя статьи А. Н. печаталъ въ двухъ журналахъ

стоитъ просмотрѣть Академическія изданія или Ж. М. Н. Пр. — особенно, за 80 и 90-ые гг. — и мы почти въ каждой книгѣ найдемъ по статьѣ его, а онъ, въ то же время, принималъ участіе и во многихъ другихъ журналахъ, ученыхъ и литературныхъ.

Разобраться въ трудахъ покойнаго, т. е. собрать и сопоставить выводы его по частнымъ вопросамъ одного какого-нибудь отдѣла поэзіи, сравнить другъ съ другомъ его заключенія разныхъ годовъ относительно одной и той же темы, разъяснить гдѣ нужно, словомъ — подвести детально итоги его ученой въ области изученія народнаго слова дѣятельности—работа трудная, но очень полезная: для науки — чтобы видѣть рельефно все то, что было дано ей покойнымъ, для общества — чтобы имѣть наглядный примѣръ научной дисциплины въ полномъ смыслѣ слова. Воспользоваться матеріалами, на какіе указывалъ Веселовскій, часто попутно, въ своихъ работахъ—значитъ написать нѣсколько новыхъ диссертацій. Не говорю уже о литературныхъ и историческихъ перспективахъ, которыя набрасывалъ покойный — то намеками, а то и вполнѣ ясно; онѣ заманчивы для каждаго изъ насъ, какъ предметъ труднаго, но глубоко интереснаго изслѣдованія. Очень жаль только, что работы Веселовскаго, вообще, мало доступны для большой публики: не столько по характеру содержанія, сколько вслѣдствіе крайне тяжелой для читателя, гелертерской формы изложенія. Покойный былъ крайне лакониченъ всегда, огромной важности мысль заключалъ часто въ небольшую фразу; затѣмъ, допускалъ нерѣдко переходить къ совершенно новой мысли, вполнѣ для читателя неожиданно, цитатъ — порой на какомъ нибудь средневѣковомъ европейскомъ нарѣчіи — переводить не всегда любилъ, вообще — мало обращалъ вниманія на внѣшность своихъ работъ. А потому и съ этой стороны

одновременно, что порой опускаетъ изъ виду П. К. Симони; такъ что — приходится немного уменьшить общее число статей; число статей 1906 г. и посмертныхъ вмѣстѣ — не болѣе 5 — 6.

полезно было бы имѣть тотъ трудъ, о которомъ сейчасъ говорилъ.

Не надо забывать работъ Веселовскаго и по другимъ отдѣламъ исторіи литературы — европейской и нашей. Такъ почти родной для покойнаго была литература итальянская: съ ея изученія, какъ извѣстно, онъ началъ и свою ученую дѣятельность, я разумѣю его il Paradiso; затѣмъ напомню его позднѣйшую большую работу — «Боккаччьо, его среда и сверстники», работы о Джордано Бруно, Данте, Петраркѣ. Есть у него работы и по французской литературѣ — напр., о Раблэ; и по испанской, но, кажется, только въ рецензіяхъ на диссертаціи (напр. Петрова). Много изучалъ нѣмецкій и, вообще, европейскій романтизмъ, что видно изъ его трудовъ о Жуковскомъ, или изъ рецензій—напр. на Котляревскаго «Міровая скорбь» (Изв. отд. рус. яз. 1899, III) или на Боборыкина «Европейскій романъ» (ibidem, 1900, III) и др. Въ самое послѣднее время А. Н. изучалъ Ренана.

Но и здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, оставался Веселовскій вѣрнымъ своему основному интересу — къ культурно-историческимъ вопросамъ въ широкой формѣ. Народность и въ этихъ трудахъ была его отправной и, въ тоже время, конечной точкой. «Явленіе гуманизма, говоритъ онъ, которымъ Италія подарила Европу, не событіе, не переворотъ или внезапное откровеніе, а медленное движеніе впередъ забытыхъ народныхъ началъ»[1]. «Основы латинской культуры и міросозерцанія долго покоились въ Италіи подъ наноснымъ грунтомъ средневѣковыхъ церковныхъ идей и учрежденій, вымогаясь наружу, пока не сказались открыто, сознательно, отвѣчая такому же требованію обновленія на почвѣ народныхъ основъ, на этотъ разъ не фик-

---

1) «Изъ введенія въ ист. поэтику», Ж. М. Н. Пр. 1894, V, 84.

тивныхъ и не фантастическихъ. Гуманизмъ — это романтизмъ самой чистой латинской расы...»[1]. Отсюда намъ ясенъ и взглядъ Веселовскаго на романтизъ вообще: въ романтизмѣ какъ главное входящее явленіе — идеализація народной старины. Послѣднее необходимо помнить, дабы понять отношеніе Веселовскаго къ поэзіи Жуковскаго—послѣдняго, по времени, «властителя думъ» ученаго.

Покойный началъ заниматься Жуковскимъ въ послѣдніе годы своей жизни. Мы имѣемъ отъ него классическій трудъ о поэтѣ, вышедшій въ 1904 году, академическую юбилейную рѣчь 1902 г. и нѣсколько небольшихъ работъ — въ дополненіе, онѣ печатались въ Ж. М. Н. Пр., въ Извѣстіяхъ отд. рус. яз., въ журналѣ «Научное обозрѣніе» и въ «Литературномъ Вѣстникѣ». Литература до-юбилейнаго періода о Жуковскомъ — не велика и тускла: только извѣстная рецензія Тихонравова на Загарина, да развѣ работы Архангельскаго и библіографическія изысканія Бычкова могутъ считаться не потерявшими доселѣ научнаго значенія. Юбилейный годъ и послѣдующіе дали намъ также немного, не считая трудовъ Веселовскаго: могу упомянуть лишь о работахъ Кирпичникова, Сумцова и Рѣзанова. Въ отношеніи матеріаловъ о Жуковскомъ дѣло обстоитъ лучше: много уже собрано, бо́льшая часть ихъ и издана. Взгляды критиковъ на характеръ и значеніе поэзіи Жуковскаго до послѣдняго времени были крайне неопредѣленны: говорили о романтизмѣ поэта — не то это былъ свой, туземный, Жуковскаго романтизмъ, не то одностороннее вліяніе европейскаго; говорили о немъ какъ объ эстетѣ, лирикѣ, мистикѣ и т. п. Въ учебникахъ на этотъ счетъ мнѣнія были болѣе опредѣленны: Жуковскій считался и, увы, до сей поры считается первымъ въ русской литературѣ представителемъ романтической поэзіи, сомнѣній по этому поводу авторамъ учебниковъ имѣть не доводилось.

---

1) Ibidem, 25.

Изслѣдованія Веселовскаго вылились едва ли не изъ его програмной работы о поэтѣ — юбилейной академической рѣчи: онъ, по обыкновенію, увлекся и за этой рѣчью послѣдовали затѣмъ и его большой трудъ и мелкія статьи. Къ изученію онъ привлекаетъ огромное количество сырого матеріала, многое изъ этого еще не разу не было въ пользованіи у предшествующихъ изслѣдователей; изучаетъ современную Жуковскому европейскую литературу, особенно нѣмецкихъ романтиковъ. Но и въ работахъ о Жуковскомъ покойный остается себѣ вѣрнымъ: его интересуетъ Жуковскій — не столько какъ личность, сколько какъ общественно-психологическій типъ. Шагъ, безусловно, вѣрный — матеріалы, касающіеся Жуковскаго, даютъ возможность богатымъ изысканіямъ въ этой, именно, области и, вообще, по вопросу о психологіи эпохи.

Тщательно изучая біографію поэта, академикъ старается подмѣтить въ Жуковскомъ — его, присущія психикѣ, индивидуальныя черты, но находитъ здѣсь больше школы, программы, шаблона. Онъ разсказываетъ намъ о первыхъ любовныхъ привязанностяхъ поэта — къ Соковниной и Свѣчиной, о дружбѣ съ Тургеневымъ; его юношескія отношенія къ этимъ лицамъ, какъ оказывается, были всецѣло въ программѣ чувствительности, тогда широко практикуемой: что-то вродѣ amitié amoureuse, со «страстью» — но кротко отдающейся и покорно выжидающей, съ мыслью объ «единеніи» душъ, съ дневникомъ — «бѣлой книгой» для взаимнаго назиданія, со сладкой слезой, мечтательной скорбью и кроткимъ умиленіемъ. Отношеніе къ Машѣ — почти такое же: что-то живое — но лишь въ «сердечномъ воображеніи», какъ будто и страстное — но только какъ къ объекту «поэзіи», сильное — въ ожиданьи и воспоминаньи, и убаюканное, подъ конецъ, перспективой счастья «на паяхъ». Все — «въ мечтахъ», въ дѣйствительности же: поэтъ скорбитъ, что Маша не его, и вздыхаетъ, въ то же время почти, по Самойловой или мадригалитъ съ другими фрейлинами императрицы. Веселовскій рисуетъ намъ богатую подробностями картину такихъ порывовъ,

порывовъ сердца, но по шаблону—модѣ, поддерживаемой вкусами и также чувствами тогдашней эпохи. Есть много общаго между отношеніемъ Жуковскаго къ женщинамъ и отношеніемъ, напримѣръ, Новалиса къ своей умершей невѣстѣ Софіи, или Эрнеста Шульце къ Цециліи Тиксенъ. Это — единство объекта любви: Жуковскій, женившись подъ старость на Елизаветѣ Рейтернъ, видѣлъ въ женѣ своей возрожденіе образа Маши и считалъ любовь свою къ женѣ — «христіанской».

Даже въ сердечныхъ идеалахъ поэта есть нѣчто програмное, по мнѣнію Веселовскаго. Стремленіе Жуковскаго развить въ себѣ «человѣка» — но въ отдаленіи отъ людей, въ природѣ; взглядъ на семью какъ на такое, что можетъ всецѣло замѣнить ему общество; стремленіе къ самоусовершенствованію на коллективныхъ началахъ — съ друзьями; наконецъ, его обращеніе къ чувству, любви, дружбѣ, какъ важнымъ факторамъ воспитанія— все это изъ програмы «чувствительности». Часто, по даннымъ указаннымъ Веселовскимъ, поведеніе Жуковскаго въ дѣйствительности не соотвѣтствовало обычнымъ нашимъ представленіямъ о мечтателѣ: вь самообразованіи у него · былъ опредѣленный порядокъ при занятіяхъ и разверсткѣ учебнаго матеріала (таблицы), то же и при занятіяхъ съ Наслѣдникомъ или со своими дѣтьми; въ поискахъ за вѣрой онъ кажется намъ «систематикомъ»; во время женитьбы обнаруживаетъ большую дѣловитость; умѣетъ устраивать благотворительныя дѣла; знаетъ тонъ и обхожденіе придворнаго этикета. «Черта, говоритъ академикъ, интересная для психологіи поэта, у котораго такъ много было мечтательности и — самонаблюденія, такъ много полетовъ къ небу — и любви къ педагогическимъ таблицамъ, къ кропотливымъ, порой призрачнымъ выкладкамъ, какъ обезпечить себя матеріально . . .; такъ много порядка — въ фантазіи»[1]). И подъ конецъ жизни—то же: «Піэтизмъ Жуковскаго—печать чувствительности; въ немъ и не произошло перелома, а лишь обостреніе;

---

1) В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и «сердечнаго воображенія», 107.

его окружали теперь піэтисты вѣрующіе, лютеране и католики, Рейтерны, Радовицъ, Штельберги» [1]).

По отношенію къ общественности онъ также часто казался мечтателемъ: иногда — идеалистомъ, обыкновенно — «веселымъ младенцемъ». Онъ многаго въ ней старался не замѣчать и даже не понимать, отбирая себѣ для уразумѣнія изъ явленій общественныхъ то, что шло «для души». Это было какой-то ограниченностью его психическаго настроенія, которую Полевой еще назвалъ однообразіемъ мысли, а Бѣлинскій односторонностью. Его постояннымъ идеаломъ являлась умѣренность, посредственность, и онъ былъ, напримѣръ, доволенъ, что Протасова мать разрѣшила ему наслаждаться счастьемъ хотя бы — «на золотой серединѣ»: *при* Машѣ. Но и въ основѣ такого благодушія, по мнѣнію Веселовскаго, «лежитъ теорія гуманистической личности, «души», прогрессъ опредѣляется «временемъ», «Промысломъ», его желательный — характеръ — «умѣренность»... сдерживающее начало — историческое преданіе. Время — единственный, «вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго», оно «послушно одному Богу» [2]). Въ отношеніи къ общественнымъ вопросамъ у Жуковскаго — какая-то «безхарактерность», замѣтная лѣнь ума: — онъ «попрыгунья-стрекоза», «въ первую субботу напьется съ Карамзинымъ, а въ другую — съ Шишковымъ». Но, тѣмъ не менѣе, онъ отказывается въ 1819 г. участвовать въ «Союзѣ Благоденствія», осуждаетъ и «ругаетъ» декабристовъ, по поводу революціи 1848 г. рекомендуетъ «китайскою стѣною отгородить Россію отъ заразы», Пушкину совѣтуетъ: «будь Байронъ на лирѣ, а не Байронъ на дѣлѣ», называетъ современныхъ поэтовъ «безнравственными»; за исключеніемъ Вальтеръ-Скотта, противъ Онѣгиныхъ, и т. д. «Гете вернулся изъ Италіи новымъ человѣкомъ, съ Жуковскимъ не произошло никакой метаморфозы», говоритъ Веселовскій [3]). Онъ возвращается «къ жизни»,

1) Ibidem, 399.
2) Ibidem, 370.
3) Ibidem, 317.

чтобы воспѣть «Русскую Славу» или «Бородинскую годовщину». Однимъ словомъ, его credo: «... живи и давай жить другимъ, и паче всего блюди Божію правду» (Отрывки письма о Швейцаріи, 1833): — программа и сочувствующее ей настроеніе поэта.

Жуковскій говорилъ: поэзія и жизнь одно, — конечно, напомню, въ предѣлахъ понимaнія послѣдней имъ самимъ. Обѣ эти его стихіи — въ мечтахъ: на стражѣ у «добродѣтели», — въ дѣйствительности же: одна «тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ», воспоминанье и ожиданье. Когда приходится его поэзіи спускаться на землю — съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ обитаетъ его «Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», она, какъ и самъ поэтъ, успокаивается на «золотой серединѣ». Въ поэзіи Жуковскаго самое цѣнное для насъ теперь — это его «правда настроенія»: онъ поэтъ непосредственнаго чувства — лирикъ, но крайне бѣдный и односторонній, ибо весь погруженъ въ себя. «Жуковскій не эпикъ, говоритъ Веселовскій, онъ лирикъ даже тогда, когда становится разсказщикомъ, прислушиваясь къ сказкамъ и къ мѣрному паденію греческаго гекзаметра»[1]).

Все, что кромѣ этого настроенія, въ его поэзіи, по мнѣнію Веселовскаго, — однѣ формы по готовымъ уже программамъ чувствительности: своего рода «эстетическая игра». Его народничество — «игра въ paysannerie», какъ выразился однажды, по другому поводу (не о Жуковскомъ), покойный академикъ[2]); здѣсь есть и поэтическое «дополненіе» исторіи, и «попытки силой воображенія освѣтить сумракъ русской старины», и характеристики героевъ по рецептамъ сентиментально-классическимъ или оссіановскимъ. Однимъ словомъ, все — какъ у какого-нибудь Лазаревича, или Муравьева, или Карамзина. «У Жуковскаго нѣтъ ничего похожаго на свѣжую сезенгеймскую пѣсенку Гете: Es sah ein Knab'ein Röslein stehn, наша народная пѣсня его не вдохно-

---

1) «Алеша Поповичъ» и «Владиміръ» Жуковскаго, Ж. М. Н. Пр. 1902, V, 147.

2) Ж. М. Н. Пр. 1899, IV, 254.

вила ни своимъ просторомъ, ни формой, къ которой былъ такъ чутокъ Пушкинъ, которая вызывала подражанія Дельвига и патріотическіе восторги Кюхельбекера. Что до стихотворныхъ сказокъ Жуковскаго, то въ нихъ Русью отзываются развѣ имена Берендея, Ивана Царевича; фантастика не тронута новымъ пониманіемъ или ироніей Тика»[1]). Оно и понятно: на первомъ планѣ у поэта — исканіе человѣчности, что-то космополитическое, по выраженію еще Полевого; стало быть, русскій бытъ и природа—«въ отвлеченныхъ поэтическихъ образахъ»; чтобы сдѣлать произведеніе народнымъ — достаточно однѣхъ «декорацій». Такова, по Веселовскому, форма мышленія и образы сентиментализма вообще. Чертовщина поэта, въ которой онъ «набилъ руку», также—не болѣе какъ стиль, игра, которая его тѣшила. Правда, раньше, въ эпоху меланхоліи Жуковскаго, она отвѣчала его настроенію, но никогда не могла поглотить его, какъ какого-нибудь дѣйствительнаго романтика; это — «автобіографическія признанія сердца, шедшаго на встрѣчу сентиментальнымъ теченіямъ литературы и созвучнаго оссіановскаго настроенія»[2]). Конечно, о Sturm und Drang'ѣ, энергичныхъ тонахъ—у Жуковскаго не можетъ быть и рѣчи: даже насчетъ Маши у него — только терпѣніе, да надежда на «Тамъ». А потому Жуковскій, по мнѣнію академика, «остался въ предверіи романтизма»[3]): послѣдній притянулъ его къ себѣ только стилемъ своимъ, да и то благодаря настроенію поэта.

Такъ кто же Жуковскій въ чредѣ литературныхъ идей и формъ, по приговору Александра Николаевича? Онъ — «единственный настоящій поэтъ эпохи нашей чувствительности, единственный, испытавшій ея настроеніе не литературно только, но страдой жизни, въ ту пору, когда сердце требуетъ опеки любви, и позже, когда оно ищетъ взаимности»[4]). Эта эпоха дала ему

---

1) «Алеша Поповичъ....», 126.
2) Чтеніе о Жуковскомъ, 1902, 5.
3) Большой трудъ, 507.
4) Ibidem, 46.

готовыя поэтическія формулы, она же благословила его и — програмкой жизни, отъ себя Жуковскій прибавилъ — свое «сердечное воображеніе».

Взглядъ Веселовскаго на поэзію Пушкина былъ совершенно иной. Надо замѣтить, что Александръ Николаевичъ много изучалъ Пушкина и любилъ его, какъ самъ признавался. Правда, мы имѣемъ отъ него только одну работу объ этомъ поэтѣ — юбилейную академическую рѣчь: «Пушкинъ — національный поэтъ»[1]). Но не надо забывать и того обстоятельства, что отчетливое пониманіе поэзіи Пушкина много помогло академику при его работѣ надъ Жуковскимъ: послѣдній, какъ культурно-историческій типъ, казался ему рѣзче при сопоставленіи съ образомъ ученика — самобытнаго народника — реалиста. Далѣе, напомню труды Веселовскаго по изданію Академіей полнаго собранія сочиненій Пушкина. Юбилейная работа о поэтѣ — совсѣмъ не велика по объему, но въ ней разсыпано много глубокихъ и умныхъ мыслей.

Пушкинъ — оригинальное по силѣ и содержанію явленіе въ нашей литературѣ первой трети XIX вѣка. Онъ явился «изъ утреннихъ тумановъ, въ которыхъ вьются тѣни классиковъ и романтиковъ, старыхъ западниковъ и народниковъ, Арзамаса и Бесѣды». Въ хаосѣ литературныхъ формъ и идеаловъ, которые шли къ намъ съ Запада въ то время и раньше и до которыхъ мы еще не дожили, подъ шумъ восторговъ наивнаго патріотизма одописцевъ, или подъ шопотъ «нѣжнѣйшей тоски» — «священной меланхоліи» чувствительниковъ, изъ подъ вороха расписанныхъ романтиками декорацій на тему о народной жизни—явился Пушкинъ, самобытный и естественный. Его поэзія — также жизнь, но въ ней нѣтъ ни сердечнаго воображенія ни головной любви. «Возвышающій обманъ» Пушкина влечетъ насъ не къ «очарованному Тамъ», а къ вопросамъ «личнаго и общественнаго

---

1) Изв. отд. рус. яз., 1899, III.

блага»: къ надеждѣ на «милость къ падшимъ» или на «прекрасную зарю» свободы. Пушкинъ — «слуга русскаго народа». Онъ естественъ: свелъ «поэзію съ ея ходуль». Въ немъ нѣтъ ни сентименталиста ни романтика, если и есть что общее съ байронизмомъ, то «только по совпаденію западныхъ литературныхъ и русскихъ общественныхъ моментовъ». Онъ—«нашъ первый народникъ-реалистъ», открывшій «намъ красоты нашей избушки, гдѣ живетъ мельникъ «Русалки», старикъ со старухой сказки о Рыбакѣ и рыбкѣ, и теплится и сверкаетъ своя поэзія жизни». Онъ реалистъ и въ смыслѣ языка, ибо «сдѣлалъ народное слово достояніемъ поэзіи». Наконецъ, онъ—національный поэтъ: благодаря его поэзіи наша литература получила свое опредѣленное мѣсто и признаніе въ кругу европейской литературы. Веселовскій считаетъ, что пѣсни Пушкина «отозвались въ живомъ наслѣдіи русской поэзіи». «При жизни онъ такъ сердечно радовался всякой новой силѣ, становившейся рядомъ съ нимъ и ему на смѣну, и теперь привѣтствовалъ бы свое молодое поколѣніе, какъ усталый путникъ, послѣ долгихъ лѣтъ посѣтившій родной уголокъ».

Пушкинъ не есть общественно-психологическій типъ: онъ былъ слишкомъ сильной оригинальности. Но многое въ его поэзіи должно быть разсматриваемо какъ продуктъ современныхъ поэту вліяній, общественныхъ и литературныхъ. Одни изъ таковыхъ тревожили его сознаніе, намекая на новыя перспективы, другія влекли къ себѣ обаятельностью смѣлой идеи или красотой содержанія, многія встрѣчалъ онъ, какъ уже знакомыя—выношенныя имъ въ собственныхъ мукахъ творчества. Вопроса объ источникахъ поэзіи Пушкина Веселовскій въ рѣчи не касается, но въ статьѣ того же года—о диссертаціи Котляревскаго—онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы вниманіе будущихъ критиковъ Пушкина было обращено и на эту сторону. «Недавно отзвучавшія празднества въ память Пушкина несомнѣнно, пишетъ онъ, обновятъ интересъ къ изученію не только личнаго и общественнаго содержанія его поэзіи, но и источниковъ тѣхъ литератур-

ныхъ направленій, среди которыхъ онъ стоялъ, которыя выразилъ. Однимъ изъ первыхъ можетъ подняться вопросъ о характерѣ русскаго байронизма и пушкинскаго въ особенности»[1]). Веселовскій и здѣсь — съ тѣми же интересами.

.... Хороша была жизнь Александра Николаевича и поучительна. Конечно, въ ней не найдешь сверкающихъ внѣшностью фактовъ, житейскаго волненія, а, тѣмъ болѣе, битвъ: покойный сторонился улицы. Его жизнь протекала тихо, однообразно и очень скромно — въ кабинетѣ среди книгъ или въ очень тѣсномъ кругу друзей — совопросниковъ. Она кажется намъ замѣчательно цѣльной: вся—въ неудержимомъ, напряженномъ, страстномъ порывѣ къ знанію. Мы видѣли всѣ въ немъ — и маэстро въ полномъ смыслѣ слова, и русскаго по размахамъ и томленію, и идеалиста—шестидесятника по душевной выправкѣ своей. Онъ съ лаской матери холилъ науку, берегъ ее, внушалъ молодому поколѣнію любовь къ ней. Впрочемъ, пожалуй, послѣднее и не точно: безкорыстная любовь къ наукѣ—внѣ постороннихъ вліяній. Недаромъ покойный однажды сказалъ: «всего менѣе дается извнѣ талантъ и неувядающая любовь къ научной истинѣ»[2])...

Меньше стало у насъ такихъ, я бы сказалъ, рыцарей науки... Скучно...

Николай Трубицынъ.

16—25 окт. 1906 г.

---

1) «Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка»—рец. Веселовскаго, Изв. отд. рус яз., 1899, III, 1083 и сл.

2) Рец. на «Мои досуги» Буслаева—Ж. М. Н. Пр. 1886, VII, 168.

Екатерина Вторая и римская комедія.

Изъ недавно найденныхъ А. Н. Пыпинымъ въ Государственномъ Архивѣ неизвѣстныхъ доселѣ пьесъ Императрицы Екатерины обращаетъ на себя вниманіе комедія «Невѣста-Невидимка». (А. Н. Пыпинъ. Сочиненія Императрицы Екатерины II. Томъ III. Спб. 1901, стр. 93—154.

Содержаніе этой комедіи таково.

1-ое дѣйствіе.

Молодой Сергѣй Варчковъ колеблется, переносить ли ему долѣе пренебреженіе молодой вдовы Таисіи (или Таисы), или же бросить ее окончательно. Его слуга Антипъ убѣждаетъ бросить эту женщину, но сомнѣвается, хватитъ ли у барина на это силы воли. Появляется Таисія, опасающаяся, что Варчковъ золъ на нее за то, что наканунѣ она его не приняла, и доказываетъ ему. что такъ она поступила «не по своему желанію, но по разсужденію, смотря на обстоятельства». Одинъ ревнивый капитанъ привезъ пріемную дочь матери Таисіи, которой братъ подыскалъ подходящаго жениха, но капитанъ хочетъ самъ на ней жениться. Таисіи нужно, чтобы капитанъ отдалъ дѣвушку ей, а онъ сдѣлаетъ это только въ томъ случаѣ, если убѣдится, что въ поведеніи Таисіи нѣтъ ничего предосудительнаго, поэтому она и проситъ Варчкова «день другой избѣгать всякаго случая съ ней видѣться». Но Варчковъ такому разсказу не вѣ-

ритъ и въ этомъ его поддерживаетъ Антипъ. Таисія соглашается уступить и заявляетъ: «Естьли вы хотите, все о семъ мною начатое оставлю вамъ въ угодность». Послѣ этого влюбленные удаляются, а Антипъ, оставшись одинъ, удивляется, почему это отецъ Варчкова, зная о любви сына къ Таисіи, «коя бѣдна, какъ крыса, ни единое слово ему не говоритъ». Присутствующій тутъ же старикъ Варчковъ объявляетъ, что онъ нашелъ сыну невѣсту, и что если Антипъ будетъ мѣшать той свадьбѣ, то онъ накажетъ примѣрно, что и наводитъ Антипа на весьма грустныя мысли относительно своей участи.

Является служанка дочери Варчкова—Умкиной, Мавра и начинаетъ кокетничать съ Антипомъ. Затѣмъ появляется ея хозяинъ—Умкинъ съ своимъ прихлѣбателемъ Соскинымъ, передъ которымъ Умкинъ всячески похваляется своимъ умомъ и обѣщаетъ уговорить тестя женить сына на сестрѣ Соскина. Соскинъ, оставшись одинъ, объясняетъ, что онъ вынужденъ быть «ласкателемъ етаго гордаго и несноснаго дурака (= Умкина), дабы устроить бѣдную свою сестру».

2-ое дѣйствіе. Умкина боится, что женитьба брата на сестрѣ Соскина принесетъ одно несчастіе. Она думаетъ, что братъ «вѣкъ не захочетъ слѣпо жениться». На этой почвѣ между ей и ея мужемъ разыгрывается ссора, на шумъ которой является старый Варчковъ и бранитъ дочь. Онъ согласенъ женить сына на сестрѣ Соскина, но ему надо знать «что за ней приданаго». У Антипа старикъ вывѣдываетъ, не помѣшаетъ ли сыну жениться любовь къ Таисіи, но тотъ его успокаиваетъ тѣмъ, что его сынъ уже сталъ колебаться: не отстать ли ему отъ Таисіи. Пришедшему Сергѣю Варчкову Антипъ объявляетъ о предстоящей свадьбѣ, что страшно огорчаетъ Сергѣя. Антипъ совѣтуетъ ему «батюшкѣ показать нѣсколько податливость, чрезъ то авось выиграть время». Является затѣмъ отставной капитанъ Иларіонъ Мирохватъ и разыскиваетъ Соскина, на сестрѣ котораго онъ хочетъ жениться.

3-ье дѣйствіе. Старый Варчковъ высказываетъ безпокойство, что его сынъ пропалъ; родственникъ Добровъ совѣтуетъ ему не обращаться съ сыномъ особенно строго. Опять является Мирохватъ и жалуется на причиненную ему обиду: ему мѣшаютъ жениться на дѣвушкѣ, которая ему обязана весьма многимъ. Добровъ урезониваетъ и его. Сергѣй жалуется Доброву на то, что отецъ хочетъ сегодня его женить на совершенно ему незнакомой невѣстѣ, между тѣмъ какъ онъ любитъ Таису, съ которой ему такъ тяжело разстаться.

4-ое дѣйствіе. Добровъ совѣтуетъ Варчкову выбирать для сына невѣсту съ особеннымъ вниманіемъ. Въ тоже самое время Таисія привозитъ свою сводную сестру къ Зефиринѣ.

5-ое дѣйствіе. Старый Варчковъ удивляется, почему его брата Доброва всѣ любятъ, тогда какъ его ненавидятъ, и рѣшается усвоить себѣ его тактику. Является Мирохватъ и читаетъ договоръ между нимъ и дѣвицей Соскиной. Старый Варчковъ предоставляетъ ея судьбу соглашенію Мирохвата съ Соскинымъ, коварство котораго онъ изобличаетъ передъ Умкинымъ, а самъ позволяетъ сыну жениться на Таисіи.

Уже изъ этого обзора содержанія пьесы мы видимъ ея недостатки, дѣлающіе эту пьесу одной изъ самыхъ слабыхъ и неудачныхъ комедій Екатерины. Къ числу главнѣйшихъ недостатковъ пьесы надо отнести то, что 1) въ пьесѣ нѣтъ никакой «невѣсты—невидимки», потому что сестра Таисіи и Соскина, хотя и въ самомъ дѣлѣ не появляется на сценѣ, занимаетъ въ пьесѣ слишкомъ второстепенное положеніе для того, чтобы изъ-за нея стоило давать пьесѣ такое заглавіе; 2) судьба и положеніе этой дѣвушки въ пьесѣ очерчены чрезвычайно смутно и неясно; 3) для зрителя совершенно невыясненными остаются ея отношенія къ Мирохвату; 4) также неопредѣленна и роль Умкиной. Къ числу существенныхъ изъяновъ пьесы относится и присутствіе въ ней совершенно ненужныхъ и къ тому же

весьма блѣдно обрисованныхъ персонажей. Таковъ, напримѣръ, купецъ Пихтинъ, который безъ всякаго ущерба для фабулы могъ и отсутствовать. Но этотъ недостатокъ свойственъ весьма многимъ и другимъ пьесамъ Екатерины.

Не представляя такимъ образомъ никакого интереса по художественной своей сторонѣ, пьеса эта любопытна вотъ почему. Нѣкоторые ея діалоги представляютъ собою весьма точное воспроизведеніе отдѣльныхъ частей римскихъ комедій, Теренція и Плавта, что подтверждается слѣдующими примѣрами.

Въ первомъ явленіи перваго акта Антипъ, услыхавъ о рѣшеніи Сергѣя Варчкова порвать съ Таисой, замѣчаетъ: «въ любви хлопотъ много, сегодня подозрѣнія, завтра ревность и ссоры, потомъ перемиріе, война и миръ попеременно; сказываютъ, сударь, что вещи, въ коихъ ни разсужденія, ни мѣры, въ тѣхъ непорядокъ царствуетъ».

У Теренція въ Eunuchus рабъ Парменонъ при совершенно такомъ же настроеніи своего юнаго барина замѣчаетъ:

In amore haec omnia insunt vitia: iniuriae
Suspiciones, inimicitiae, indutiae
Bellum, pax rursum. Incerta haec si tu postules
Ratione certa facere, nihilo plus agas,
Quam si des operam, ut cum ratione insanias.
(vv. 59—63).

Такимъ образомъ начало реплики Антипа дословно совпадаетъ съ словами Парменона и только вторая половина представляетъ болѣе свободное развитіе той же мысли, которой обобщаетъ свое наблюденіе Парменонъ.

Варчковъ затѣмъ восклицаетъ: «какъ я несчастливъ; я въ отчаяніи, люблю ее безмѣрно, я умру безъ Таисы, я это знаю, чувствую и вижу. Не знаю, что мнѣ дѣлать».

Этому соотвѣтствуетъ у Теренція:

me miserum sentio:

Et taedet et amore ardeo et prudens, sciens
Vivos vidensque pereo, nec quid agam scio
(vv. 70—73).

При появленіи Таисы Антипъ замѣчаетъ: «но туча съ градомъ, коя наше наслѣдіе разоряетъ, грядетъ», что является видоизмѣненіемъ слѣдующаго замѣчанія Парменона у Теренція: sed eccam ipsa egreditur nostri fundi calamitas (v. 79).

Во второмъ явленіи, которое начинается словами Таисы: «какъ я безчастна; боюсь, онъ на меня сердитъ» (ср. у. Теренція слова гетеры Thais: miseram me, vereor ne illud gravius Phaedria tulerit v. 81), она объясняетъ Варчкову свое поведеніе и открываетъ ему свою тайну, предварительно спросивъ у Варчкова насчетъ Антипа: «Прежде всего, скажите мнѣ, сей человѣкъ молчаливъ ли?» на что Антипъ замѣчаетъ: «хто? я? чрезмѣрно, когда то, чего говорятъ, походитъ на истину, а выдумки всякія, кой часъ услышу, всемъ разсказываю и въ послѣднемъ случаѣ какъ рѣшето, въ которомъ вода налита». И у Теренція Thais и Parmeno обмѣниваются такими замѣчаніями.

Th. Dic mihi
Hoc primum, potin est hic tacere? *Pa* Egon? Optume.
Verum heus tu, hac lege meam tibi adstringo fidem:
Quae vera audivi taceo et contineo optume;
Sin falsum aut vanum aut finctumst, continuo palamst.
Plenus rimarum sum, hac atque illac perfluo.
(vv. 100—105).

3-ье явленіе перваго акта, гдѣ Варчковъ старикъ разговариваетъ съ Антипомъ, напоминаетъ очень ту сцену изъ другой комедіи Теренція Andria, гдѣ также изображенъ старый отецъ, желающій женить сына не на той дѣвушкѣ, которую тотъ самъ выбралъ. Отношеніе обоихъ текстовъ опредѣляется изъ слѣдующаго сопоставленія.

«Невѣста Невидимка».

Вирчковъ. Мошенникъ, какъ онъ болтаетъ!

Антипъ. Ахти! онъ здѣсь, а я его не видалъ.

Вар. Антипъ! Поди сюда!

Ант. Чего изволишь, сударь?

Варч. Чего я изволю? Весь городъ говоритъ, что сынъ мой влюбленъ.

Ант. Какая всему городу до того нужда?

Варч. Слышишь ли ты, чего я говорю?

Ант. Слышу, сударь, слышу!

Варч. Я по сію пору молчалъ, на его сумазбродство смотрѣлъ, какъ на постороннее дѣло, но вижу, что пора мнѣ оныхъ пресѣчь. Ты молодецъ проворный, онъ тебя любитъ, я тебя прошу и тебѣ приказываю сына унимать.

Ант. Что ето приказаніе сударь значитъ?

Варч. Молодые люди, кои таятъ свою страсть отъ родителей, не охотно по волѣ сихъ женятся.

Ант. Это похоже на истину.

Варч. А наипаче тогда, ко-

Andria

Simo senex, Davus servus.

Si. Carnufex! quae loquitur!

Da. Erus est, neque provideram.

Si. Dave! *Da* Hem, quid est?

Si. Eho, dum ad me. *Da*. Quid hic volt?

Si. Quid ais? *Da* Qua de re?

Si. Rogas? Meum gnatum rumor est amare.

Da. Id populus curat scilicet.

Si. Hocine agis, an non?

Da. Ego vero istuc. *Si*. Sed nunc ea me exquirere iniqui patris est, nam quod antehac fecit, nil ad me attinet. Dum tempus ad eam rem tulit, sivi, animum ut expleret suom. Nunc hic dies aliam vitam adfert, alios mores postulat. Dehinc postulo sive aequomst te oro, Dave, ut redeat iam in viam, hoc quid sit? Omnes qui amant, graviter sibi dari uxorem ferunt.

Da. Ita aiunt.

Si. Tum si quis magistrum

гда они поступаютъ по совѣтамъ какого ни на есть плута, которой обыкновенно не пропускаетъ случая больнаго ума направить къ безпутству.

Ант. Воля ваша, я васъ не разумѣю.

Варч. Не разумѣешь? о, хо!

Ант. Нѣтъ! Я загадокъ рѣдко отгадывалъ.

Варч. Хочешь яснѣе знать, что я думаю?

Ант. Да, сударь, безъ сумнѣнія.

Варч. Ну такъ знай, что есть ли впредь увижу, что ты прилагаешь старанье сына отклонить отъ женитбы, и будешь ему помогать въ его неистовствѣ, я тебя не только высѣчь велю, но еще сверхъ того сошлю въ деревню, въ самую черную работу. Теперь разумѣешь ли или нѣту?

Ант. Понимаю и разумѣю; вы весьма ясно говорили.

Варч. Не забудь, двѣ вещи мнѣ на сердцѣ лежать. Сына женить хочу, да не быть обманутымъ, слышишь?

Ант. Слышу.

cepit ad eam rem improbum, ipsum animum aegrotum ad deteriorem partem plerumque adplicat.

Da. Non hercle intellego.

Si. Hem, non?

Da. Non. Davos sum, non Oedipus.

Si. Nempe ergo aperte vis quae restant me loqui?

Da. Sane quidem.

Si. Si sensero hodie quicquam in his te nuptiis fallaciae conari, quo fiant minus, aut velle in ea re ostendi, quam sis callidus: verberibus caesum te in pistrinum, Dave, dedam usque ad necem, ea lege atque omine, ut si te inde eximerim, ego pro te molam. Quid, hoc intellextin? An non dum etiam ne hoc quidem?

Da. Immo callide. Ita aperte ipsam rem modo locutu's, nil circum itione usus es.

Si. Ubivis facilius passus sim quam in hac re me deludier.

(vv. 183—203).

По поводу передачи этой сцены необходимо указать, во-первыхъ, на большой тактъ переводчика, обнаружившійся въ томъ, что ст. 194: Davos sum, non Oedipus переданъ имъ въ болѣе общей и стало быть въ болѣе ясной формѣ. Затѣмъ ст. 191: Hoc quid sit? omnes, qui amant, graviter sibi dari uxorem ferunt не усвоенъ одному Симону, какъ то теперь дѣлаютъ всѣ издатели Andria на основаніи большинства и притомъ лучшихъ рукописей Теренція (см. берлинское изданіе F. Umpfenbach'а 1870 года, стр. 19), а устроенъ такъ, что первая вопросительная часть его отдана Даву, а вторая—аподектическая — представляетъ собою отвѣтъ Симона. Французскіе переводы XVIII вѣка (Paul Rogier Sibour. Strassbourg 1681, p. 21 b и переводъ, сдѣланный par m. l'abbé le Monnier. Paris 1771, томъ I, стр. 37), распредѣляютъ эти реплики именно такъ, какъ мы это видимъ въ русской комедіи, что, какъ увидимъ ниже, является далеко не безразличнымъ.

Во всемъ остальномъ данная часть «Невѣсты» вполнѣ точно передаетъ латинскій оригиналъ, видоизмѣняя только бытовыя подробности (In pistrinum dabo.).

И слѣдующій монологъ Антипа, составляющій 4-ое явленіе перваго акта, также взятъ изъ непосредственно слѣдующаго за только что приведеннымъ текста Andria.

Ну Антипъ, не время тебѣ теперь спать или лѣниться, дорога твоя склизка. Сколько я разумѣть могъ изъ разговоровъ моего стараго барина о сей женидбѣ, кому ни на есть изъ насъ трехъ: ему, мнѣ или сыну его лехко причиниться можетъ великая досада.	Enim vero, Dave, nil locist segnitiae neque socordiae, quantum intellexi modo senis sententiam de nuptiis. Quae si non astu providentur, me aut erum pessum dabunt.
Я не знаю, кого слушаться и кому служить: обоимъ угодить нѣтъ способу.	Nec quid agam certumst, Pamphilumne adiutem an aus-

Какъ нибудь стараться мнѣ выпутываться изъ сихъ обстоятельствъ съ честью, а наипаче съ здоровою спиною.	cultem seni. Si illam relinquo, eius vitae timeo. Sin opitulor, huius minas. (vv. 206—210).

Явленія 6-ое и 7-ое того же перваго акта заняты главнымъ образомъ разговоромъ Умкина съ Соскинымъ. Умкинъ всячески хвастается своими удивительными умственными дарованіями, возбуждающими будто бы всеобщую зависть, а Соскинъ ему поддакиваетъ и спѣшитъ высказать свою радость по случаю того, что нашелъ себѣ такого сильнаго и умнаго покровителя, какъ Умкинъ.

У Теренція мы тщетно стали бы искать точное соотвѣтствіе отдѣльнымъ репликамъ этой сцены, но у него въ Eunuchus есть сцена такой же конструкціи и такого же содержанія: начало третьяго акта, гдѣ типичный хвастливый воинъ (объ этомъ типѣ см. O. Ribbeck. Alazon. Leipzig. 1882) Тразонъ самъ себя хвалитъ передъ непомѣрно угодливымъ паруситомъ Гнатономъ, который во всемъ ему вторитъ. Измѣненія вызваны главнымъ образомъ тѣмъ, что въ русской пьесѣ хвастунъ изъ воина превратился въ штатскаго человѣка. Сообразно съ этимъ измѣнился и предметъ его хвастовства: боевая храбрость оказалась непригодной и замѣнена гражданской мудростью. Эта перемѣна отразилась и на именахъ схожихъ по существу персонажей: у Теренція хвастунъ названъ Thraso-Храбрецовъ (отъ θράσος), въ нашей пьесѣ его фамилія Умкинъ, тогда какъ прозвище прихлебывателей построено на одномъ и томъ же началѣ кормленія отъ щедротъ покровителей: Gnatho (γνάθος челюсть) у Теренція, Соскинъ—у Екатерины.

Седьмое явленіе занято монологомъ Соскина, объясняющаго зрителямъ причину своего угодничества Умкину, котораго онъ подробно и уже совершенно безпощадно и описываетъ. У Теренція соотвѣтствующій монологъ предшествуетъ самому разговору парасита съ Тразономъ (vv. 232—264). Но различіе

между обѣими пьесами не ограничивается только самымъ мѣстомъ этого монолога. Въ античной комедіи Гнатонъ объясняетъ свое поведеніе только тѣмъ, что ему выгодно поощрять хвастовство людей, похожихъ на Тразона, Соскинъ же вноситъ мотивъ болѣе возвышеннаго свойства: «Какую скуку долженъ я снести, дабы устроить бѣдную мою сестру! Я принужденъ ласкателемъ здѣлаться этого гордаго и несноснаго дурака, который о себѣ думаетъ, что онъ умомъ первый человѣкъ на свѣтѣ...... Но, какъ бы то ни было, лишь бы мнѣ скорѣе сестру выдать, дабы болѣе мнѣ дѣла не имѣть съ господиномъ Умкинымъ и отъ тягости его обхожденія избавиться».

Третье явленіе 2-го акта опять возвращаетъ насъ къ Andria: оно занято разговоромъ стараго Варчкова съ Антипомъ, что представляетъ собою переработку одной изъ сценъ Andria.

	Simo. Davos.
Ант. Что-то будетъ!	*Si*. Quid Davos narrat?
Варч. Что ты говоришь?	Aeque quicquam nunc quidem? Nilne? Hem.
Ант. По сей часъ ничего.	*Da*. Nil prorsus.
Варч. Какъ ничего?	
Ант. Ни слова.	
Варч. Однако я ожидалъ, что коіо чего скажешь.	*Si*. Atque expectabam quidem.
Ант. Откуда взять?	*Da*. Praeter spem evenit. hoc male habet virum.
Варч. Скажешь ли ты правду, какъ я ее потребую?	*Si*. Potis es mihi verum dicere?
Ант. Весьма легко, да что такое вы знать хотите?	*Da*. Nil facilius.
Варч. Ты знаешь, что я сына женить хочу. Будетъ ли ему ето пріятно или противно?	*Si*. Num illi molestae quidpiam haec sunt nuptiae eius propter consuetudinem huiusce hospitae?
Ант. И то и другое быть	

можетъ, но радости и печали на свѣтѣ равно суть временныя.

Da, Nil hercle! aut si adeo, biduist aut tridui haec sollicitudo. (vv. 434—441).

Вся разница, какъ видно, состоитъ въ пропускѣ въ русскомъ текстѣ ст. 436 (Praeter spem evenit, hoc male habet virum) и болѣе общей, хотя и не особенно удачной передачѣ послѣдней фразы.

Третій актъ начинается разговоромъ двоюроднаго брата стараго Варчкова Доброва съ купцомъ Пихтинымъ. Добровъ говоритъ:

«За что, сударь, вы меня благодарите? Я должность свою исполняю, заплатя вамъ тѣ деньги, кои вамъ принадлежатъ. Развѣ вы думали, что я изъ тѣхъ людей, кои почитаютъ себѣ обидою, есть ли хто у нихъ требуетъ заплату, отчетъ или удовлетвореніе и ходятъ, жалуются вездѣ, какъ будто бы справедливое требованіе было бы имъ притѣсненіе, показывая свѣту чрезъ то, что первое основаніе справедливости не знаютъ».

Ego in hac re nil reperio. quam ob rem lauder tanto opere, Hegio: meum officium facio: quod peccatum a nobis ortumst corrigo. Nisi si me in illo credidisti esse hominum numero, qui ita putant, sibi fieri iniuriam ultro, si quam fecere ipsi expostules et ultro accusant.

(Adel. 592 — 596)

Сопоставленное съ этой репликой Доброва — начало 3-ьей сцены 4-го акта Adelphoe того же Теренція, вложившаго эти слова въ уста одного изъ главныхъ персонажей пьесы—Миціона. Разница состоитъ въ томъ, что болѣе общее выраженіе ст. 593 quod peccatum a nobis ortumst corrigo у Екатерины замѣнено частичнымъ указаніемъ: «заплатя вамъ тѣ деньги, кои вамъ принадлежатъ».

Второе явленіе того же акта занято разговоромъ Доброва съ старикомъ Варчковымъ о сынѣ послѣдняго. Добровъ даетъ рядъ совѣтовъ своему двоюродному брату на счетъ того, какъ надо обращаться съ сыномъ. Характеръ этихъ наставленій опредѣляется самой фамиліей Доброва. Хотя трудно подыскать у Теренція точныя параллели къ отдѣльнымъ репликамъ этой сцены, но общій ея характеръ чрезвычайно похожъ на тотъ разговоръ, который въ Adelphoe ведутъ между собой представители различныхъ системъ воспитанія: Демея и Миціонъ (см. Adel 82—140, 729—762).

Монологомъ старика Варчкова открывается и послѣдній, пятый актъ пьесы.

Какъ бы человѣкъ въ жизни ни расположился, все еще ему остается чего ни на есть такого, чего онъ не знаетъ. Лѣты, дѣла, опыты ему открываютъ такія безпрестанно новые случаи, о коихъ онъ не думалъ и не гадалъ прежде. Я сіе испыталъ самъ сегодня. Я не могу довольно надивиться: братъ мой ото всѣхъ любимъ, ему всѣ ввѣряются, отъ чего? отъ того, что онъ во всемъ снисходителенъ, терпѣливъ, тихъ, скроменъ, ласковъ. Отъ меня кроются, меня боятся, меня обманываютъ, я на всѣхъ кричу и, правду сказать, кромѣ своего хотѣнія ничего не уважаю. Онъ всегда веселъ, меня скука и печаль окружаютъ. Мой вѣкъ

Numquam ita quisquam bene subducta ratione ad vitam fuit, quin res, aetas, usus semper aliquid adportet novi, aliquid moneat; ut illa quae te scisse credas, nescias, et quae tibi putaris prima in experiundo ut repudies. Quod nunc mi evenit. Nam ego vitam duram, quam vixi usque adhuc, prope iam excurso spatio omitto. Id quam ob rem? Re ipsa repperi facilitate nil esse homini melius neque clementia. Id esse verum ex me atque ex fratre quoivis facilest noscere. Ille suam egit semper vitam in otio in conviviis. Clemens placidus, nulli laedere os, adridere omnibus. Sibi vixit, sibi sumptum fecit. Omnes bene dicunt, amant; ego

почти весь прошелъ и не сколько уже лѣтъ жить осталось; не знаю, какъ бы мнѣ до того довести, чтобы тѣ малые мои дни, кои мнѣ осталось быть на семъ свѣтѣ, спокойнѣе прошли. Я не вижу иного способа, какъ развѣ перенимать поступокъ у брата моего. Отвѣдаю я, стану соглашаться на все то, чего я прежде оспаривалъ чаще по горячности моего нрава, признаться должно, нежели по здравому разсудку. Я съ братомъ теперь буду спорить не о томъ, кто упрямѣе, но въ томъ, кто изъ насъ будетъ снисходительнѣе и болѣе ближнему здѣлаетъ добра и всякой справедливости. Я знаю, что тому дивится станутъ, но быть такъ. Пусть дивятся»!

ille argestis, saevos, tristris, parcus, truculentus, tenax. Duxi uxorem, quam ibi miseriam vidi! Nati filii, alia cura. Heia autem, dum studeo illis ut quam plurimum facerem, contrivi in quaerundo vitam atque aetatem meam. Nunc exacta aetate hoc fructi pro labore ab eis fero: odium. Ille alter sine labore patria potitur commoda. Illum amant, me fugitant. Illi credunt consilia omnia, illum diligunt, apud illum sunt ambo, ego desertus sum, illum ut vivat optant, meam autem mortem expectant scilicet. Ita eos meo labore eductos maxumo hic fecit suos paulo sumptu miseriam omnem ego capio, hic potitur gaudia. Age age nunciam, experiamur contra ecquid ego possiem blande dicere, aut benigne facere, quando hoc provocat. Ego quoque a meis me amari et magni fieri postulo: si id fit dando atque obsequendo non posteriores feram. Deerit: id mea maxume re feret, qui sum natu maxumus.

(Adel. 855—881).

Сопоставленный съ этимъ монологомъ отрывокъ изъ Adelhoe—монологъ Демеи въ началѣ пятаго акта—находится въ не-

сомнѣнной къ нему близости. Правда, изъ латинскаго текста остались непереданными ст. 859—862 и 867—877, но тотъ, кто опускалъ ихъ, поступалъ вовсе непроизвольно: стихи эти такъ тѣсно связаны съ фабулой Adelphoe, что ихъ удержаніе совершенно нарушало бы ходъ пьесы. Въ то же самое время немало частей русскаго монолога являются слишкомъ свободной передачей латинскаго текста, такъ что ихъ надо признать не за переводъ, а только за общую передачу смысла соотвѣтствующихъ мѣстъ латинскаго оригинала, безъ особаго искаженія.

Второе явленіе пятаго акта занято «договорными пунктами, на которыхъ капитанъ Иларіонъ Мирохватъ здается душою и тѣломъ дѣвицѣ Февроніи Соскиной и напротиву того требуетъ, чтобы она ему возвращена была, какова есть».

Пункты этого контракта любопытны въ томъ отношеніи, что они воспроизводятъ одинъ изъ тѣхъ leges amatoriae, которые были распространены въ античной эротической литературѣ (о нихъ см. мои Наблюденія надъ древнеримской комедіей. Казань. 1905, стр. 180), а именно тотъ, который въ Asinaria Плавта заключалъ Diabolus со сводней Cleareta относительно своей возлюбленной Philaenium.

Отношенія обоихъ текстовъ видны изъ слѣдующаго сопоставленія.

1) Я обѣщаю ей дать четвертую часть моего дохода съ тѣмъ, чтобы она возлѣ меня была весь вѣкъ и круглый годъ, безысходна во все время и не съ кѣмъ инымъ.

2) Какъ обязуюсь я совокупиться съ ней законнымъ бракомъ и обѣщаю ее содержать честно, то я требую, чтобъ она не называла никого, кромѣ меня

Diabolus... dedit dono argenti viginti minas Philaenium ut secum esset noctes et dies hunc annum totum. Neque cum quicquam alio quidem. Alienum hominem intro mittat neminem, quod illa aut amicum aut potronum nominet, aut quod illa amatorem praedicat, fores occlusae omnibus sint. In foribus scribat occupatam esse se. Aut

другомъ, покровителемъ, знакомцемъ или инымъ какимъ-нибудь подобнымъ именемъ.

3) Женщинъ дозволеніе она имѣетъ принимать въ нашемъ домѣ, но чтобы съ ними мужскаго пола ни кого не было подъ именемъ родни, друзей, знакомыхъ имъ или не знакомыхъ.

4) Чтобы дворнику единажды на всегда было дано приказаніе отъ обоихъ насъ сказать, что насъ дома нѣту, есть ли мужской полъ у воротъ въ каретѣ или пѣшкомъ съѣзжаться будетъ для посѣщенія кого ни на есть изъ насъ въ домѣ, въ какомъ бы то часу ни было, днемъ или ночью.

5) Печатныя книги она можетъ читать, но писемъ никакихъ, кои самъ я не прочту.

6) Какъ я самъ ей покупать буду всякую нужную для нее одежду, то я требую, чтобъ она удержалась надѣть чего ни на есть такого, чего не я ей купилъ подъ видомъ, будто бы она обмѣняла, поносить у кого взяла, или иной подобной отговорки или выдумки.

8) [Седьмаго пункта почему-то нѣтъ вовсе]. Когда я кого позову гостей, чтобы она не

quod illa dicat peregre allatam epistulam, ne epistula quidem ulla sit in aedibus nec cerata adeo tabula, si qua inutilis pictura sit, eam vendat, ni in quadriduo abalienarit, quo abs te argentum acceperit, tuos arbitratus sit: conburas, si velis, Ne illi sit cera, ubi facere possit litteras. Vocet convivam neminem illa: tu voces. Ad eorum ne quemquam oculos adiciat suos: Siquem alium adspexit, caeca continuo siet.

Tecum uno postea aeque poclo potitet, abs ted accipiat, tibi propinet, tu bibas, Ne illa minus aut plus quam tu sapiat.

Suspiciones omnis ab se segreget, Neque illaec ulli pede pedem usquam homini premat,

сѣла ближе къ нимъ, какъ въ такомъ разстояніи, чтобъ ни рукой, ни ногой до нихъ достать было нельзя.

9) Чтобъ она на себя никакихъ обѣщаній ни положила въ то или другое мѣсто итти пѣшкомъ.

10) Чтобъ она ни съ кѣмъ обенякави при мнѣ не говорила и никакимъ языкомъ, котораго я не разумѣю.

11) Чтобъ она здѣлала предо мною отрицаніе въ такой формѣ, какія я заблагороссужу ото все-

quom surgat; neque quom in lectum inscendat proxumum, neque quom descendat inde, det quoiquam manum. Spectandum ne quoiquam anulum det neque roget. Talos ne quoiquam admoveat homini nisi tibi. Quom iaciat, «Te» ne dicat: nomen nominet. Deam invocet sibi quam lubebit propitiam, Deum nullum, si magis religiosa fuerit, tibi dicat: tu pro illa ores, ut sit propitius. Neque illa ulli homini nutet, nictet, adnuat. Post si lucerna exstincta sit, nequid sui membri commoveat quicquam in tenebris.

Neque ullum verbum faciat perplexabile, neque ulla lingua sciat loqui nisi Attica. Fors si tussire occepsit, nec sic tussiat, ut quoiquam linguam in tussiendo proserat. Quod illa autem simulet, quasi gravedo perfluat, hoc ne sic faciat: tu labellum abstergeas potius quam quoiquam savium faciat palam.

го того, что нынѣ свѣтъ называетъ: глазѣніе, махавіе, чтобъ она, бывъ единажды съ мной обвѣнчана, и сіи слова и имъ подобныя болѣе не употребила, ниже въ шутку и новыхъ не выдумывала, ибо онѣ мнѣ кажутся для ушей мужниныхъ колки и похожи на угрозы.

Tum si coronas serta unguenta insserit ancillam ferre Veneri, aut Cupidini, tuos servos servet, Ueneri ne eas det an viro; si forte pure velle habere dixerit, tot noctes reddat spurcas, quot pure habuerit.

(vv. 751 — 786, 792—798, 803 — 807).

При сравненіи этихъ двухъ «контрактовъ» видно, что изъ Плавта остались непереданными ст. 763 — 786, 803 — 805, рисующіе подробности свойственныя только римскому обиходу. Затѣмъ Плавтъ впадая въ шаржъ, дѣлаетъ свои условія умышленно непомѣрно строгими (см. стр. 769 — 770, 794 — 798), рисуя при томъ иногда картины, слишкомъ свободныя даже и для Екатерининскаго театра (стр. 785 — 786, sq. 806 — 807).

Въ замѣнъ этого въ русскій текстъ введены пункты 9, стоящій въ связи съ личными особенностями Мирохвата, 11 и 6. Пункту четвертому соотвѣтствуютъ въ общей формѣ стр. 759—760. Перемѣна произошла также и оттого, что Мирохватъ имѣетъ въ виду законный бракъ, а Diabolus нормируетъ контрактомъ гораздо болѣе свободныя отношенія.

Такимъ образомъ «Невѣста невидимка» во многихъ мѣстахъ представляетъ собою соединеніе цѣлаго ряда текстовъ, стоящихъ

въ несомнѣнной связи съ римской комедіей. Даже главная женская роль пьесы — Таиса несомнѣнно получила свое имя отъ соотвѣтствующаго персонажа комедіи Теренція Eunuchus-Thais.

Есть полное основаніе думать, что наша пьеса въ теперешнемъ ея построеніи представляетъ собою видоизмѣненіе другой пьесы, фабула которой гораздо ближе подходила къ Eunuchus.

Указаніе на этотъ первоначальный планъ, повидимому, заключается въ словахъ Мавры, которая въ 6 явленіи 4-го акта по поводу пріѣхавшей вмѣстѣ съ Таисой дѣвицы Соскиной замѣчаетъ: «мнѣ кажется, что ета дѣвица выросла изъ своей юпки, столь юпка ея спереди коротка и танцовать она, конечно, не училась же. Она ноги держитъ, какъ гуси и ходитъ едакъ (*Маора столько свою юпку подымаетъ, чтобъ видны были башмаки и нѣсколько шаговъ пойдетъ, какъ гуси ходятъ*) стр. 134.

Эта реплика и ремарка рѣшительно ничѣмъ не связаны съ теперешнимъ текстомъ пьесы. Для читателя остается совершенно непонятной эта особенность туалета дѣвицы Соскиной и своеобразіе ея походки. Однако совсѣмъ иное значеніе имѣла бы эта реплика, еслибы Таиса привезла съ собой подъ видомъ дѣвицы Соскиной какого-нибудь юношу. Тогда фабула пьесы значительно приблизилась бы къ Eunuchus, гдѣ такое переодѣваніе имѣетъ самое существенное значеніе.

Остается одинъ вопросъ: кто сдѣлалъ эту сводную работу? Сама ли Екатерина, или же какой-нибудь западный, и прежде всего французскій, драматургъ, работу котораго передала на русскій языкъ Екатерина?

Извѣстно, что къ XVIII вѣку во французской литературѣ существовало уже вполнѣ достаточное число и переводовъ и передѣлокъ Eunuchus Теренція. См. histoire de la pièce въ изданіи Eunuchus, устроенномъ Ph. Fabià. Paris 1895, pp. 60 — 72. Люди, болѣе насъ начитанные въ необъятной французской драматической литературѣ XVIII вѣка, скажутъ, есть ли тамъ такая готовая передѣлка, или нѣтъ.

Но не надо устранять совершенно и того рѣшенія, по кото

рому Екатерина сама могла взяться за подобную работу. Только что появившіяся въ подлинникѣ ея записки достаточно убѣдительно показали, какъ много времени удѣляла Екатерина серьезному чтенію, особенно до своего восшествія на престолъ (см. *В. Бильбасовъ* Исторія Екатерины II, томъ I. СПБ. 1890). Если она читала Тацита (ibid. 294—296), почему не могла прочесть она и Теренція? Вѣдь еще ея гувернантка Кардель «пріохотила ее къ чтенію комедій» (ibid. 7). Интересъ въ Россіи къ Теренцію для XVIII вѣка засвидѣтельствованъ появившимся въ 1774 г. переводомъ его комедій А. Хвостова, М. Головина, Ф. Рихмана, К. Флоринскаго, Ф. Синскаго и Ф. Моисѣенкова.

Б. Варнеке.

Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ.

Условія, въ которыя была поставлена наша печать въ последнее время, создали въ области исторической и изящной словесности особое теченіе, которое можно назвать «литературой возрожденія». Ненапечатанныя и даже напечатанныя произведенія, которымъ не суждено было увидѣть свѣтъ иногда въ теченіе многихъ десятилѣтій, не потерявши своей цѣнности за этотъ періодъ, вновь возрождаются, какъ фениксъ изъ пепла, получаютъ широкое распространеніе, при чемъ ихъ внѣшняя оболочка, т. е. ихъ стиль, представляющій значительный интересъ для спеціалистовъ, и устарѣвшіе обороты языка, напоминающіе собою старинную оправу драгоцѣннаго камня, нисколько не уменьшаютъ ихъ значенія при оцѣнкѣ, производимой рвущейся къ истинѣ мыслью. Популярность новѣйшихъ изданій извѣстнаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» А. Н. Радищева является достаточнымъ доказательствомъ высказаннаго тезиса.

Съ этой точки зрѣнія статья «Свиданіе двухъ тѣней», помѣщенная г. Виноградовымъ во 2-й книжкѣ XI-го тома «Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», является показателемъ одного изъ нарождающихся направленій названнаго выше теченія. Она затрагиваетъ интереснѣйшій вопросъ объ исторической сатирѣ и памфлетѣ конца XVIII и начала XIX в., при чемъ авторъ намѣчаетъ въ общихъ чертахъ исторію ихъ развитія преимущественно въ формѣ за-

гробныхъ разговоровъ [1]). Вполнѣ понятно, что большинство подобныхъ произведеній не получило широкаго распространенія: «если сатира была направлена противъ самодержцевъ и самодержицъ Всероссійскихъ, то, несмотря на успѣхъ, *должна была всячески скрываться»* [2]). При этомъ условіи оказывается вполнѣ понятнымъ, что общее количество историческихъ памятниковъ этого рода въ настоящее время является, сравнительно съ другими, небольшимъ и не пользующимся популярностью даже среди любителей древней письменности. Эти памятники хорошо знакомы лишь собирателямъ рукописей, которымъ прекрасно извѣстно также и то обстоятельство, что число ихъ приблизительно за 1726—1826 гг. обратно пропорціонально времени ихъ появленія. Между тѣмъ, не говоря о значеніи ихъ какъ произведеній оригинальнаго русскаго творчества, самая бѣдность нашей исторической литературы послѣ-петровскаго періода заставляетъ желать возможно бóльшаго ихъ распространенія.

При выборѣ изъ цѣлой серіи произведеній, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ», помѣщаемаго ниже образца, я руководился слѣдующими соображеніями:

1) среди произведеній sui generis онъ является наиболѣе рѣдкимъ;

2) онъ имѣетъ тѣсную связь по содержанію со «Свиданіемъ двухъ тѣней», представляя собою фактическую подкладку ламентацій и обличеній, приведенныхъ въ «Свиданіи», при чемъ и здѣсь Екатерина II и Павелъ I являются центральными фигурами, на которыхъ сосредоточивается содержаніе сатиры;

3) въ немъ наиболѣе отчетливо и подробно выразились всѣ характерныя черты произведеній подобнаго рода;

4) какъ историческій матеріалъ, онъ является памятникомъ довольно цѣннымъ, хотя и нуждающимся въ строгомъ и безпристрастномъ критическомъ разборѣ.

---

1) Стр. 421—422.

2) Ibid., 422. Курсивъ мой.

Подлинникъ приводимаго ниже «Разговора» хранится въ Ярославлѣ, въ собраніи И. А. Вахрамѣева [1]) въ описаніе рукописей котораго онъ занесенъ подъ № 800. Онъ представляетъ собою довольно объемистую тетрадь, въ 4-ку, на 60 л., въ бумажномъ переплетѣ. Тетрадь эта составлена изъ 30 писчихъ полулистовъ синей бумаги, на которыхъ писали *свои упражненія* ученики письменнаго класса, вѣроятно — Ростовскаго духовнаго училища. Оставшееся послѣ этихъ упражненій свободное мѣсто и отдѣльные чистые листы заполнены текстомъ «Разговора», который заканчивается на 54 л. Знакъ бумаги относится къ 1797 г. Текстъ «Разговора» написанъ (вѣроятно, однимъ изъ учениковъ) крупной и четкой скорописью начала XIX в., но пользованіе имъ значительно затрудняетъ своеобразная разстановка знаковъ препинанія, множество ошибокъ, недопустимыхъ даже въ то время (напр., «авнътренно почитали ней удивлялись»—л. 2 об.; «едущщую влодкѣ насей рѣкѣ»—л. 24; «нынече произведенъ вгенералы а за втремаршъ из ключенныхъ много генераловъ»—л. 42 об.; «что сей малтійскій орденъ принятъ»—л. 43 об. и т. д.), описокъ, въ особенности въ окончаніяхъ словъ (Фрибрихъ, трактуитъ, спаса, *щеку*=цѣну, *довольны ея англичанами*=до войны съ англичанами и т. под.) и поправокъ, обиліе которыхъ, повидимому, объясняется торопливостью тайной работы, малограмотностью переписчика и неразборчивостью подлинника, написаннаго съ аббревіатурой, на что указываетъ уже самое заглавіе рукописи — «Разг. вцар. мерт.». Небрежность переписки вызвала еще въ 1831 г. у одного изъ читателей такое замѣчаніе: «Брошюрка сія довольно интересна и занимательна. 1-го Декабря 1831. Жаль только, что неправильно написана» (запись на л. 54 об.). Орѳографическія особенности правильно-написаннаго текста, какъ общія всѣмъ рукописямъ начала XIX в., не представляютъ особаго интереса. Для устраненія излишнихъ затрудне-

---

1) Описаніе рукописей принадлежащихъ И. А. Вахрамѣеву. Сергіевъ Посадъ, 1892; т. III, стр. 80—81.

ній въ приводимомъ ниже текстѣ допущено исправленіе ороографіи и интерпункціи его безъ измѣненія слога и разстановки словъ.

Переходя къ обзору содержанія «Разговора», необходимо прежде всего отмѣтить, что онъ отличается общими чертами всѣхъ сатирическихъ произведеній: излишней сгущенностью красокъ, чрезмѣрной яркостью отдѣльныхъ штриховъ и повышенной рѣзкостью тона, нерѣдко доходящаго до брани. Этими чертами характеризуется стиль всего «Разговора», выдержанный до конца. Основнымъ мотивомъ сатиры является мысль, представляющая собою, по мѣткому выраженію Н. К. Шильдера, «загробное предостереженіе», оставленное Екатериною Павлу Петровичу: «Всегда государь виноватъ, естьли подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ» [1]). Содержаніе «Разговора», его общій тонъ и нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ репликъ заставляютъ предполагать въ авторѣ человѣка хорошо знакомаго съ внѣшней и внутренней политикой — вѣроятно, одного изъ представителей екатерининскаго дворянства, которое никогда не могло простить Павлу I его повелѣніе, по коему «ни одинъ дворянинъ не могъ вступить въ службу иначе, какъ только нижнимъ чиномъ» [2]): отголоски этого указа мы встрѣчаемъ и въ заключительномъ актѣ разсматриваемой сатиры. Смѣшеніе миеологическаго (Зевсъ, Харонъ, Стиксъ), фантастическаго (семь смертей, Бѣлая Смерть) и бытового (занятія дѣлами, прогулки, костюмы, дневальные гусары и т. д.) представляетъ собою одну изъ характерныхъ чертъ большинства художественныхъ произведеній этого времени. Впрочемъ, перенося дѣйствіе на Елисейскія поля, авторъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду и особую цѣль — противопоставить свое произведеніе тѣмъ аллегорическимъ картинамъ, въ которыхъ прославлялась дѣятельность Павла I [3]).

---

1) Н. К. Шильдеръ. Императоръ Павелъ Первый. Историко-біографическій очеркъ. СПБ. 1901; стр. 466.

2) Е. С. Шумигорскій. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. СПБ. 1907; стр. 108.

3) Н. К. Шильдеръ, стр. 310—312.

Фигурой, наиболѣе ярко очерченной въ «Разговорѣ», является Суворовъ († 6 мая 1800 г.) съ его оригинальностью, любовью къ войнѣ, ненавистью къ порядкамъ, заведеннымъ Павломъ, и беззавѣтной преданностью Екатеринѣ. «И какъ ни у великаго Могола, ни у китайскаго императора открытой войны ни съ кѣмъ нѣтъ, а дѣлали одни приготовленія къ оборонѣ, то, скуча тѣмъ (я) сказалъ: Суворовъ, — маршъ! и явился къ вамъ, великая государыня, принять ваши повелѣнія», заявляетъ онъ. Не менѣе удачно авторъ отмѣчаетъ отличительныя черты въ характерѣ императора Павла I († 11 марта 1801 г.): его пристрастіе къ экзерцирмейстерству — «militaire marotte», одинъ изъ вольтовъ котораго онъ исполняетъ даже послѣ рѣшенія своей загробной участи, и — быструю смѣну настроеній: колѣнопреклоненно выслушавъ, тотчасъ послѣ невольнаго и страшнаго прощанія съ жизнью, суровый приговоръ всей своей дѣятельности, непринятый въ общество русскихъ и отправленный въ распоряженіе Фридриха II, онъ съ апломбомъ проситъ у послѣдняго мѣста «соразмѣрнаго его достоинствамъ». Обликъ Екатерины († 6 ноября 1796 г.) съ ея пламенной любовью къ Россіи, быстротой въ сужденіяхъ и рѣшимостью въ поступкахъ обрисованъ авторомъ довольно рельефно, хотя благоговѣйное преклоненіе автора предъ ея памятью нѣсколько ослабляетъ общее впечатлѣніе. Тѣнь великой княгини Александры Павловны († 4 марта 1801 г.) поставлена фантазіей автора въ условія, слишкомъ несоотвѣтствующія ея положенію: на берега Стикса прибываетъ измученная, лишенная возможности видѣться съ соотечественниками и получать вѣсти изъ Россіи, умершая въ безсознательномъ состояніи на чужбинѣ, очень молодая женщина, затянутая въ гусарскій мундиръ; и въ уста этой женщины авторъ влагаетъ подробный отчетъ о войнѣ 1799 г., запутанныхъ международныхъ отношеніяхъ и дѣятельности Суворова. Личность митрополита Гавріила (Петрова † 26 янв. 1801 г.) въ «Разговорѣ» довольно мѣтко охарактеризована одной репликой: «Всемилостивѣйшая государыня! Время... обстоятельства... я... я — хотя монахъ,

но... человѣкъ!» Не менѣе удачной въ этомъ отношеніи вышла и рѣчь кн. А. А. Безбородко († 6 апр. 1799 г.). Абрисъ Фридриха II († 1786 г.) оттѣненъ довольно слабо, чему, конечно, много способствуетъ положеніе судьи и мздовоздаятеля, въ которое поставилъ его авторъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ лишній разъ подчеркнуть свое отрицательное мнѣніе о честности нѣмцевъ, ихъ благодарности и стойкости въ дружбѣ.

При оцѣнкѣ «Разговора», какъ историческаго матеріала, позволяю себѣ остановиться лишь на главнѣйшихъ историческихъ моментахъ, затрагиваемыхъ содержаніемъ сатиры. Послѣдняя прежде всего довольно подробно описываетъ тяжелую жизнь и печальную кончину вел. кн. Александры Павловны. Выданная замужъ изъ политическихъ расчетовъ, несчастная венгерская палатина за время своей короткой жизни въ Офенѣ (Будапештѣ) потерпѣла массу всевозможныхъ лишеній и униженій и безвременно погибла, когда, вслѣдствіе ошибочности расчетовъ, она и ожидавшійся отъ нея ребенокъ оказались помѣхой. Повѣряя подробности, приводимыя въ «Разговорѣ» со сводкой доказанныхъ уже историческихъ свѣдѣній о жизни Александры Павловны [1]), мы видимъ, что большинство этихъ подробностей оказывается заслуживающимъ полнаго довѣрія. Не менѣе интересными являются свѣдѣнія о проектѣ Екатерины — лишить Павла I права престолонаслѣдія и возвести на престолъ Александра Павловича. «Тебѣ — говоритъ Екатерина кн. Безбородко — поручена была тайна кабинета, тобой послѣ смерти моей долженъ былъ привестися къ исполненію въ жизни планъ нашего положенія, которымъ опредѣлено было, при случаѣ скорой моей кончины, возвесть на императорскій россійскій престолъ внука моего Александра. Сей актъ подписанъ былъ мною и участниками нашей тайны. Ты измѣнилъ моей довѣренности, не обнародовалъ его послѣ моей смерти. Я увѣрена, — сколь любима была моими подданными: они бы его исполнили»... У Н. К. Шильдера мы на-

1) Русскій Біографическій Словарь. СПБ. 1896 г.; т. I, стр. 117.

ходимъ слѣдующія указанія по данному вопросу. «Въ Петербургѣ начали распространяться слухи, что 24 ноября, въ день тезоименитства императрицы, а по другимъ извѣстіямъ 1-го января 1797-го года, послѣдуютъ важныя перемѣны; ожидали манифеста о назначеніи великаго князя Александра Павловича наслѣдникомъ престола. Сохранилось преданіе, что бумаги по этому предмету были подписаны важнѣйшими государственными сановниками; называли: Безбородко, Суворова, Румянцева-Задунайскаго, Зубова, митрополита Гавріила и другихъ. О Павлѣ Петровичѣ говорили, что онъ будетъ удаленъ въ замокъ Лоде. Всѣ эти таинственныя бумаги исчезли, не оставивъ никакого слѣда. Толковали также о какой-то духовной императрицы, будто бы хранившейся и въ синодѣ и въ сенатѣ; но если она дѣйствительно существовала, то и эта предосторожность не достигла цѣли»... [1]). «Вѣроятно, при посредствѣ графа Безбородко, посвященнаго Екатериною въ дѣло объ отстраненіи Павла Петровича отъ престола, всѣ таинственныя бумаги, касавшіяся этого переворота, перешли 6-го ноября въ руки наслѣдника и были сожжены» [2]). Можно предполагать, что этимъ неудавшимся переворотомъ, въ связи съ непрекращавшимся неудовольствіемъ высшихъ классовъ общества, обусловливались дальнѣйшіе замыслы Павла I, на которые намѣкаетъ «Разговоръ»: «Каковъ готовится ударъ противъ своей крови, жены и дѣтей?!

Какъ? Александръ мой... Нѣтъ! Онъ будетъ царствовать, онъ будетъ жить во мнѣ (?)... Павелъ! Пора ему конецъ». Въ изслѣдованіи Е. С. Шумигорскаго мы встрѣчаемъ слѣдующія подробности по этому вопросу. «Для завершенія коварныхъ дѣйствій графа Палена и его сообщниковъ нужно было убѣдить великаго князя Александра въ истинѣ распущенныхъ по городу слуховъ, что Павелъ Петровичъ собирается заключить супругу свою въ монастырь, а старшихъ сыновей своихъ въ Шлиссель-

1) Стр. 273—274.
2) Ibid. стр. 282 и прим. 1.

бургскую крѣпость. Слухи эти ничѣмъ однако не подтверждались, хотя подозрительность императора часто обращалась на старшаго его сына» [1]). Далѣе авторъ отмѣчаетъ, что 9 марта гр. Паленъ получилъ отъ государя письменное повелѣніе арестовать, въ случаѣ надобности, великаго князя Александра Павловича и другихъ членовъ императорской фамиліи, а самъ Павелъ Петровичъ сказалъ княгинѣ Гагариной, что черезъ нѣсколько дней онъ «нанесетъ великій ударъ»... [2]). Наконецъ указаніе «Разговора» на трагическую кончину Павла I, отъ которой не могли уберечь его частоколы, рвы, пушки и караулы крѣпкаго Михайловскаго зáмка, вполнѣ соотвѣтствуетъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ русскими и иностранными историками [3]), основывающимися главнымъ образомъ на запискахъ современника Павла I— Н. А. Саблукова [4]).

Съ другой стороны историческія данныя не позволяютъ признать вполнѣ точными и достовѣрными всѣ свѣдѣнія, приводимыя въ «Разговорѣ». Исторически — невѣренъ прежде всего тонъ этого произведенія и его основная мысль, что Павломъ I «потеряны плоды всѣхъ происшествій со времени Петра I и многолѣтнихъ трудовъ Екатерины», что его царствованіе не принесло никому ничего, кромѣ зла: крутыя мѣры коснулись главнымъ образомъ дворянства, его распущенности и слишкомъ широкихъ привиллегій, но съ первыхъ же дней своего царствованія Павелъ Петровичъ обнаружилъ особую заботливость о крестьянствѣ и духовенствѣ [5]), и въ этихъ начинаніяхъ было много хорошаго и добраго. Общимъ тономъ «Разговора» объясняются и встрѣчающіяся въ немъ детальныя погрѣшности. Такъ, говоря о несо-

---

1) Стр. 201.

2) Ibid. стр. 203.

3) А. Г. Брикнеръ. Смерть Павла I (переводъ М. Чепинской). СПБ. 1907 г., стр. 114—116. Е. С. Шумигорскій, стр. 208.

4) «Записки Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла I и о кончинѣ этого государя». Лейпцигъ 1902, стр. 109—110.

5) Срвн. у Е. С. Шумигорскаго стр. 81—85, 101—105, 107—115.

стоявшемся бракѣ княжны Александры Павловны съ Густавомъ IV, королемъ шведскимъ, Екатерина замѣчаетъ: «Я при себѣ дѣло почти къ концу привела», на что тѣнь Александры Павловны отвѣчаетъ: «Батюшка послѣ кончины вашей все сіе дѣло разстроилъ». Между тѣмъ «дѣло» почти окончательно разстроилось еще при жизни Екатерины [1]). Возьмемъ другой примѣръ. Приравнивая Михайловскій замокъ къ Бастиліи, Суворовъ заявляетъ: «Подъ онымъ сдѣланы выходы, кои раздѣлены на многія отдѣленія — большія и малыя; въ нихъ заключены узники, не по винамъ, но по прихоти Павла закованные содержатся». Современная же исторія утверждаетъ, что «никакихъ подземныхъ ходовъ, о которыхъ ходила молва, въ замкѣ не было» [2]) и совершенно не упоминаетъ объ узникахъ.

Вообще извѣстная доля исторической неточности неизбѣжна во всѣхъ подобнаго рода произведеніяхъ, но она нисколько не уменьшаетъ ихъ интереса и значенія для науки — vincet veritas!

Кончина Екатерины Великія составляетъ не только въ Европѣ, Азіи и бо́льшей части доселѣ извѣстныхъ земель, великій періодъ, но и въ царствѣ мертвыхъ имѣла эпоху и вліяніе на самыя дѣла боговъ.

Зевесъ, узнавъ скорое прибытіе сего земного бога въ поля Елисейскія, созываетъ боговъ; приносится книга вѣчности; трактуетъ дѣла безсмертной Екатерины.

Три дня сряду собраніе занималось оными и, видя, что всѣ дѣла сей монархини во всю жизнь препровождались человѣколюбіемъ, благостію, кротостію и материнскимъ попеченіемъ о благѣ ею правимаго народа, и подъ ея мудрымъ правленіемъ

---

1) П. К. Шильдеръ, стр. 269.
2) Е. С. Шумигорскій, стр. 201.

спокойствіе каждаго ничѣмъ не нарушалось; законы ею изданные, были таковыми кроткими, какъ и душа ея, и въ нихъ однихъ каждый подданный познавалъ цѣну ея величія души и каждый познавалъ цѣну самого себя, и старались подражать ей. Завистники говорили: она правитъ премудро, но можно бы сдѣлать лучше, а внутренно почитали и ей удивлялись. Враги боялись не только силъ и могущества ея, какъ великой души Екатерины побѣждающей. Всѣ народы, пришедшіе вкушать сладость мира подъ ея мудрымъ правленіемъ, благословляли тотъ день, который доставилъ имъ славу называться ея подданными. Счастливая Россія не имѣла другихъ желаній, другихъ хотѣній, какъ благословлять матерь свою, любить ее всѣмъ сердцемъ, повиноваться ея волѣ и законамъ и находить въ томъ свое благо. Вотъ было чувство каждаго ея подданнаго.

Такъ книга судебъ сіе утверждала. Собраніе боговъ единодушно положило: по толикимъ ея премудрымъ дѣламъ, кои въ жизни ее уподобляли безсмертнымъ, воздать ей должное и сопричислить къ божеству.

По повелѣнію Зевеса, Елисейскія поля получили совсѣмъ другой видъ: великолѣпные царскіе чертоги, увеселительные дома, сады, штатъ придворныхъ являются во всемъ своемъ великолѣпіи и пышности; все готово принять Великую Екатерину и сдѣлать жилище достойнымъ ея пребыванія. Въ воздаяніе великихъ добродѣтелей, въ ней обитающихъ, Зевесъ наградою положилъ, чтобы всѣ россійскія тѣни, со времени прибытія Великой Екатерины въ поля Елисейскія приходящія, находились подъ ея правленіемъ. Судъ и воздаяніе по дѣламъ ихъ, награда, блаженство и наказаніе преступленій зависѣть должны отъ ея воли. Зналъ Зевесъ, что ни въ чемъ болѣе тѣнямъ угодить не могъ, какъ поставить судіею матерь народа. Въ великолѣпномъ суднѣ отправляется Харонъ для перевезенія Великія Екатерины чрезъ Стиксъ. Когда она прибыла, Зевесъ съ сонмомъ боговъ ожидаетъ ее на берегу. Харонъ уже отвалилъ, какъ судно, къ удивленію самого перевозчика и ожидавшихъ его боговъ, стало

гнуснуть; вода льется чрезъ края, и лодка тонетъ. Харонъ робѣетъ, выскакиваетъ въ воду, кричитъ о помощи.

Зевесъ посылаетъ Меркурія; тѣни кидаются въ воду спасать судно. Одна Екатерина, коей присутствіе духа всегда одинаково, не кажетъ страха. Поддерживаемое Меркуріемъ и тѣнями напослѣдокъ судно къ берегу пристаетъ.

Харонъ, едва спасшись въ водахъ Стикса, неумѣвши плавать, долженъ своимъ спасеніемъ одной тѣни, которая его изъ воды вытащила. Старый перевозчикъ получаетъ выговоръ отъ Зевеса за нерасторопность и неумѣнье править весломъ. Сей клянется, что болѣе семи тысячъ лѣтъ перевозитъ, по повелѣнію, тѣни черезъ Стиксъ и готовъ спорить съ лучшими мореходцами въ искусствѣ управлять судномъ, утверждая, что тѣнь, имъ перевезенная, имѣетъ такую тяжесть, что потребно въ тысячу пятьсотъ разъ судно болѣе, нежели онъ теперь имѣетъ; и когда съ того свѣта таковыя жъ тѣни будутъ сюда отправляться, то онъ на сей лодкѣ не поѣдетъ и будетъ проситъ увольненія; «хотя-де я немолодъ и жить трудненько, утонуть не хочу», — дополняя при томъ, что за нѣсколько лѣтъ перевозилъ онъ тѣнь Фридриха II, короля прусскаго, «которая, правда, судно мое довольно погрузила, но не было никакой опасности, и я нимало не обходился». Зевесъ, усмѣхаясь, утѣшилъ старика тѣмъ, что онъ по тысячѣ тѣней можетъ на семъ же суднѣ перевозить, не опасаясь нимало погрузить.

Великая Екатерина принята въ объятія Зевеса; ей была объявлена воля боговъ, и она была препровождена ими въ поля Елисейскія, и тамъ въ чертогахъ, превышающихъ великолѣпіемъ всякое описаніе, осталась вкушать блаженство, сопричастное богамъ, награждая добрыхъ, исправляя злыхъ. Кротостью и благосердіемъ мать отечества такова же была и тамъ, каковую память и здѣсь оставила. Если что могло отравить блаженные дни ея горестью, то сіе было извѣстіе, достигающее отъ приходящихъ всякій день тѣней отъ ея любезной Россіи, извѣщавшихъ, что ея подданные, коихъ толико любила она и для

коихъ не жалѣла спокойствія и трудовъ, оплакивая въ ней свою, ничѣмъ ненаградимую, потерю, лишились купно съ нею блаженства своего.

Преемникъ ея — Павелъ перемѣнилъ премудрыхъ законы; лучшую и любезную часть ея, дарованнаго лишилъ ихъ достоянія, ею имъ дарованнаго и, угнетая всѣ состоянія людей, сдѣлалъ въ Россіи желѣзный вѣкъ.

Отягченная соболѣзнованіемъ о семъ, прогуливаясь нѣкогда по берегамъ Стикса, видитъ Харона, перевозящаго на суднѣ своемъ молодого гусара, который, выступая на берегъ, бросился къ ногамъ Великія Екатерины. Императрица, удивясь сей нечаянности, спрашиваетъ — кто онъ таковъ?

Гусаръ. — Бабушка! Вы меня не узнаете? Я внука ваша Александра.

Екатерина. — Нѣтъ. Внука моя, уповаю я, давно шведская королева. Я при себѣ дѣло почти къ концу привела.

Гусаръ. — Любезная бабушка! я токмо внука ваша Александра и никогда шведскою королевой не бывала: батюшка послѣ кончины вашей все сіе дѣло разстроилъ.

Екатерина. — Да скажи, пожалуй, для чего ты въ такомъ странномъ одѣяніи? Неужели сей Павелъ до того сумасбродствуетъ, что всѣхъ женщинъ перерядилъ въ гусары?

Гусаръ. — Разстроено все положенное Вами, бабушка, основаніе; онъ выдалъ меня за венгерскаго палатина Іосифа: должно сообразоваться съ обыкновеніемъ сей націи въ одеждѣ, я и ношу сіе платье.

Екатерина. — Боже мой! *(заплакавъ).* Могла ли я когда сего ожидать! За этого негодяя, скверна вца, дурака отдать любезную мою Александру! Ну, Павелъ! Выводить изъ терпѣнія пора перестать! Скажи, любезная внучка, какимъ образомъ ты такъ неожиданно переселилась въ сіи мѣста?

Гусаръ. — Не могу скрыть отъ Васъ, бабушка, что смерть моя—есть неестественная; но позвольте мнѣ объявить, начавши

со времени моего замужества. Вышедши замужъ за венгерскаго палатина, отправилась я съ нимъ въ Вѣну; по пріему, который мнѣ тамъ былъ учиненъ дворомъ, удивилась я, сколь я въ васъ, бабушка, потеряла. По прошествіи обыкновенныхъ принужденныхъ торжествъ, поѣхали мы въ Офенъ, гдѣ и имѣли мѣсто нашего пребыванія. Между тѣмъ австрійскій домъ и многіе имперскіе чины вели несчастливую войну съ Франціей и Нидерландами: весь лѣвый берегъ Рейна совершенно потерянъ. Французскія войска, перешедъ Рейнъ, завоевали и на правомъ берегу его многія провинціи и вошли въ наслѣдственныя области. Швабія ими взята контрибуціею; всѣ классы жителей обременены; угрожали и самой Вѣнѣ. Мантуа, Неаполь и вся остальная Италія въ рукахъ французовъ. Короли сардинскій и неаполитанскій не имѣютъ ни аршина земли: вездѣ занимаютъ республиканцы. Швейцарія покорена. Бонапарте въ Египтѣ совершенно утвердился; побилъ турокъ и основалъ колонію, а св. мѣста въ Іерусалимѣ разграблены французами. Императоръ видѣлъ худые успѣхи своихъ войскъ и слабую помощь союзника своего—Англіи, а о прусскомъ дворѣ и не упоминаю уже; вы знаете, бабушка, что ихъ система все такая же: обѣщать и ничего не исполнять, увѣряя, ничего не дѣлать, грозить и брать даромъ. Къ тому же начальники императорскихъ войскъ, какъ будто наперерывъ стараясь поссориться другъ съ другомъ, не исполняютъ своихъ обязанностей, опускаютъ время въ приготовленіяхъ, такъ что непріятель прежде исполненія о всякомъ ихъ планѣ извѣстенъ, потому всякая компанія потеряна, всякое сраженіе проиграно; нѣмцы отдаются кучами въ полкъ французовъ, не сдѣлавъ выстрѣла; всѣ сіи крайности побудили императора искать союза у батюшки, выпросивъ напередъ храбраго и неустрашимаго воина, фельдмаршала Суворова, который вмѣсто ссылки, выключенный изъ службы, жилъ въ своей деревнѣ; ему-то и поручены были какъ россійскія, такъ и императорскія войска въ мощную его команду.

Екатерина.—Можно ли того ожидать, что сей достойный

мой Суворовъ, оказавъ, не щадя себя, толикія заслуги отечеству, такъ мало награжденъ и удѣломъ его досталось заключеніе въ деревнѣ? Продолжай, мой другъ.

Гусаръ. — Суворовъ на театрѣ войны, а вслѣдъ за нимъ батюшка, какъ союзникъ, отправилъ сто тысячъ войска на помощь императору, и видъ обстоятельствъ перемѣнился: неутомимый Суворовъ съ храбрыми россійскими войсками отнялъ въ три мѣсяца у французовъ все то, что они пріобрѣли въ три года. Наслѣдственныя области были освобождены, неаполитанскій и сардинскій короли возстановлены, Италія очищена и въ Римъ вступили россіяне. Съ другой стороны нашъ флотъ подъ командой генерала Ушакова обще съ турецкимъ, разъѣзжая у береговъ Средиземнаго моря, взялъ островъ Корфу и другіе укрѣпленные мѣста и города, и выгналъ французовъ, кои при появленіи русскихъ всегда и вездѣ терялись. Суворовъ, сей храбрый полководецъ, не переставалъ поражать бѣгущаго непріятеля, загналъ его въ Геную. 23 сраженія, выигранныя имъ въ три мѣсяца, изнурили совершенство непріятеля Въ одномъ изъ сраженій, продолжавшихся по 2, по 3 дня, палъ прибывшій изъ Египта оберъ-генералъ Жубертъ. Множество дивизіонныхъ генераловъ взято въ плѣнъ. Вся Европа, удивленная такимъ образомъ войнъ, съ удивленіемъ взирала на подвиги вашего стараго слуги. Сказать ли вамъ, бабушка, что за сіи успѣхи и славу россійскаго оружія полководецъ Суворовъ былъ батюшкой выключенъ изъ службы, и прискакавшій въ Италію фельдъегерь съ извѣстіемъ о сдачѣ команды другому вручилъ ему ордеръ?

Екатерина. — Боже мой! Какое воздаяніе!

Гусаръ. — Точно такъ, бабушка. Однако сіе продолжалось недолго: черезъ 8 часовъ фельдъегерь привезъ контръ-ордеръ отъ батюшки, что онъ въ службѣ принятъ и команда паки ему поручается, да вы, знаете, бабушка, когда наши войска были въ Италіи, то не проходило дня, въ которой бы не было присланнаго фельдъегеря, кого изъ генераловъ или штабъ-офицеровъ исключить или кого опять въ службу принять, другого сковавъ пере-

везти въ Петербургъ; а были и такіе дни, что по три фельдъегеря пріѣзжали; сказываютъ, 30 милліоновъ рублей вышло на однѣ сіи посылки.

Екатерина.—Такія горести раздираютъ мое сердце!

Гусаръ. — Скоро потомъ батюшка сдѣлалъ Суворова генералиссимусомъ своихъ войскъ. Римскій императоръ боготворилъ сего храбраго воина, осыпавъ его почестями, а сардинскій король назвалъ его своимъ ближнимъ родственникомъ. Всего удивительнѣе былъ переходъ нашихъ войскъ по Альпійскимъ хребтамъ и пораженіе французскаго генерала Массены въ Швейцаріи, гдѣ наши войска дѣлали чудеса, спускаясь съ непроходимой горы Готардъ и проходя страшныя пропасти, хотя лишены были всякаго пособія со стороны нѣмцевъ. Даже генералъ Меласъ не далъ Суворову муловъ, на которыхъ должны были везти артиллерію, и были принуждены употребить на то казачьихъ лошадей, кои по узкимъ на горахъ дорожкамъ ходить были неспособны, но все благоразуміемъ Суворова было успѣшно кончено. Здѣсь оказалась нѣмецкая честность во всемъ видѣ! По союзу батюшка вступался слишкомъ горячо за императора, не имѣя своихъ никакихъ видовъ. Нѣмцы, вмѣсто всякихъ пособій, дѣлали остановку во всемъ: куда должно по условіямъ — не поставляли провіантъ и черезъ то сутокъ по двое войско наше не имѣло куска хлѣба. Генералъ Меласъ увѣрялъ Суворова, что для перехода войскъ по Альпійскимъ горамъ четыреста человѣкъ проводниковъ, вѣрно знающихъ дорогу, готовы въ такомъ-то мѣстѣ, но, пришедъ туда, ни одного не могли найти. Если бы прозорливость нашего полководца сего давно не предвидѣла и не упредила, то вѣрно бы армія была потеряна, ибо гдѣ только крайность и неустойка въ словахъ нѣмцевъ окажется, то французскіе отряды всегда готовы окружить по лѣсамъ наши отряды. Безсмертный Суворовъ все преодолѣлъ; разбилъ Массену и съ честью вышелъ изъ сомнительнаго положенія; затѣмъ занялъ мѣсто въ Швабіи и, жалуясь батюшкѣ на обманъ нѣмцевъ, до полученія повелѣнія не входилъ ни въ какое дѣло и

далъ покой войску. Другая высадка войскъ нашихъ въ Голландіи обще съ англичанами подъ командой пьянаго герцога не имѣла никакого успѣха. Англичане, считая насъ за наемщиковъ (ибо они батюшкѣ за войско платятъ деньги); не хотѣли нимало помогать, а черезъ сіе до 15,000 войскъ нашихъ частію побиты, частію взяты въ плѣнъ французами, и самъ начальникъ войскъ генералъ Германъ со многими взятъ въ плѣнъ, а другіе (чего въ Россіи донынѣ не бывало), оставя свои мѣста, бѣжали на суда — вотъ примѣръ! Благоразумный Суворовъ! могло ли это у тебя сдѣлаться! Французское правительство, видя преграду своимъ намѣреніямъ дѣйствіемъ россійскаго оружія, дѣлаетъ съ батюшкой тайныя сношенія. Пришлецъ Бонапарте, услыша потерю, кою французы испытали отъ россіянъ, оставляетъ Египетъ, прибѣгаетъ въ Парижъ, избирается первымъ консуломъ, получаетъ неограниченную власть во всѣхъ дѣлахъ и надъ народомъ, чающимъ бытъ свободнымъ.

Вотъ статья тайныхъ условій, кои батюшка съ Бонапарте обязались исполнять: Россія и Франція должны соединить всѣ свои силы (здѣсь оказалась нѣмецкая честность во всемъ), усмирить тѣ державы, кои съ Франціею въ войнѣ, а особливо Англію, съ поручительствомъ оставить за Франціею всѣ занятыя ею земли; турковъ изъ Европы выгнать и Царьградъ отдать брату Константину, коего сдѣлать тамъ царемъ; Польшу возстановить въ то состояніе, въ которомъ она была до перваго раздѣла, и сдѣлать въ ней королемъ мужа моего.

Какъ сіи статьи тайны ни были, но вѣнскій и прусскій дворы объ оныхъ узнали; а можетъ быть, и Бонапарте, будучи человѣкомъ хитрымъ и умнымъ, открылъ оное вѣнскому и прусскому кабинетамъ, видя несообразности означенной статьи, кои въ исполненіе привести не было возможности, дабы чрезъ то ослабить римскаго императора съ батюшкою, кой и безъ того происками французовъ колебался. Вѣнскій и прусскій дворы, конечно бы, добровольно не уступили взятыя отъПольши провинціи, а послѣдствіемъ затѣмъ была бы неминуемая война.

И для того условились купить смертію моею спокойствіе, полагая, что когда меня не будетъ, то батюшка и стараться о соединеніи Польши не станетъ. Я была беременна несчастливая; припадки, со мною случавшіеся, увѣрили меня, что я должна разрѣшиться прежде ожидавшагося времени, но, ахъ! Я и сего узнать не могла! Вчера почувствовала дурноту въ головѣ; легла я на постель. Лейбъ-медикъ увѣрилъ меня, что сіе не значитъ ничего и скоро пройдетъ; далъ мнѣ принять нѣсколько капель лѣкарства, послѣдствіемъ котораго было то, что я почувствовала необыкновенное біеніе сердца и тошноту. Хотѣла позвать къ себѣ камеръ-юнгферу; звоню въ колокольчикъ, никто ко мнѣ не входитъ. Я тревожусь. При всей своей слабости встаю съ постели, иду къ дверямъ, нахожу ихъ снаружи запертыми; подошедъ къ дверямъ, вижу тоже, совсѣмъ непонимая и не ожидая со мною таковыхъ поступковъ. Усматриваю на столѣ записку, беру и читаю слѣдующее: «Любезная наша государыня! Увы! все совершается; не принимайте больше лѣкарства, которое совершитъ, конечно, желаніе сихъ проклятыхъ людей, и я больше Васъ не увижу, ту, которую я съ самаго младенчества столь нѣжно любила и берегла... Что со мною будетъ? для чего надѣюсь, мнѣ послѣдовать за Вами»... Записка сія написана была тою женщиною, которую вы, бабушка, еще ко мнѣ маленькой опредѣлили. Она завсегда была при мнѣ, ибо весь мой штатъ, который батюшка изъ Россіи со мною отправилъ, императоръ не разсудилъ при мнѣ оставить, ихъ никогда ко мнѣ не допускали, и я больше съ ними не видалась. Прочитавъ роковую записку, члены мои задрожали; я упала въ безпамятствѣ; ядъ началъ производить во мнѣ свое дѣйствіе. Что со мною происходило — не помню ничего; очнувшись увидѣла себя ѣдущей въ лодкѣ по сей рѣкѣ, а васъ, бабушка, прогуливающихся по берегу узнала.

Екатерина. — Любезный другъ! сколько ты терзаешь мое сердце разсказываніемъ своихъ несчастій! Будучи молода, прекрасна, происходя отъ царской крови сильной монархіи, которая

готова уже была подавать законъ всей Европѣ и съ которой союза, какъ и руки моей Александры, искать всякая королевская глава поставила бы за великую честь; — вотъ то время, въ которое я оставила россовъ! А ты, моя любезная, досталась во власть сего гусара, котораго слабыя понятія надутой германской глупости не могли знать цѣны счастія въ обладаніи тобою! Ахъ, Павелъ! Долго ли тебѣ здѣсь меня мучить! Скажи мнѣ, любезная внучка, что еще слышала ты о Россіи.

Гусаръ. — Ничего, бабушка, сказать не могу. Россіянъ я очень рѣдко видала: нѣсколько сотъ раненныхъ россійскихъ офицеровъ для лѣченія; будучи привязана къ моему отечеству, два раза посѣщала я больницы; нашла ихъ терпящихъ необходимыя надобности въ жизни; я приказала снабдить ихъ постелями и бѣльемъ; выздоравливающимъ назначила сумму, чтобы они безбѣдно могли доѣхать къ своимъ мѣстамъ. Но и сего послѣдняго удовольствія лишили меня. Не велѣно мнѣ никуда выѣзжать; деньги, которыя имѣла я привезенныя съ собою изъ Россіи, отъ меня отобрали, оставя самое малое количество, но и въ этомъ должна была отдать отчетъ. Переписки съ батюшкой никогда не имѣла; матушка, сестрицы и братцы иногда ко мнѣ писали, но письма ихъ ни о чемъ, кромѣ обыкновенныхъ увѣдомленій объ огорченіи, не увѣдомляли.

Екатерина. — Итакъ, любезная внучка, вижу я, къ прискорбію моему, что всѣ плоды происшествія со времени Петра I-го и многолѣтнихъ моихъ трудовъ въ правленіи Россійскою Имперіею симъ глупымъ Павломъ совсѣмъ потеряны. Пойдемъ, любезный другъ, въ мои чертоги. Мы здѣсь будемъ съ тобою не разлучны. *(Оборотясь къ предстоящему имъ дѣйствительному камергеру Обухову).* — Сейчасъ пошли ко мнѣ Безбородку.

(Между тѣмъ пришли въ чертоги. Является графъ Безбородко). Екатерина. — Что, графъ, скажешь? Каковы вѣсти изъ Россіи? нѣтъ ли чего новенькаго? *(Безбородко стоитъ въ печальномъ видѣ).* — Недостойный рабъ своего государя! Ты почтенъ былъ отмѣннымъ степеніемъ перваго въ имперіи до-

стоинства, осыпанъ благодѣяніями, отличенъ богатствомъ, тебѣ поручена была тайна кабинета, тобой, послѣ смерти моей, долженъ былъ привестися къ исполненію въ жизни планъ нашего положенія, которымъ опредѣлено было, при случаѣ скорой моей кончины, возвесть на императорскій россійскій престолъ внука моего Александра. Сей актъ подписанъ былъ мною и участниками нашей тайны. Ты измѣнилъ моей довѣренности, не обнародовалъ его послѣ моей смерти. Я увѣрена,—сколь любима была моими подданными: они бы его исполнили. Ты забылъ милость мою: промѣнялъ общее и собственное свое благо на пустое титло князя, сдѣлавъ Россіи рану, которую лѣчить цѣлый вѣкъ потребно. Что молчишь? Несправедливый человѣкъ! чѣмъ загладишь сей поступокъ? Россія стонетъ угнетаемая Павломъ, и я еще имѣю столько снисхожденія говорить о семъ съ ея оружіемъ!

Безбородко (упалъ на колѣни).—Монархиня! Милосердіе твое равняется душѣ твоей! Я виноватъ, что не обнародовалъ твоего повелѣнія, но выслушай подданнаго, стенящаго объ участи Россіи и оплакивающаго жребій своихъ соотчичей. Неожидаемая кончина матери нашей погрузила насъ въ уныніе всѣхъ; между тѣмъ Павелъ, находясь въ своей Гатчинѣ, еще не прибылъ. Я собралъ совѣтъ. Прочелъ актъ о возведеніи на престолъ внука твоего. Тѣ, которые о семъ знали, стояли въ молчаніи, а кто впервые о семъ услышалъ, отозвались невозможностію исполненія онаго; первый подписавшійся за тобою къ оному митрополитъ Гавріилъ подалъ голосъ въ пользу Павла, и прочіе ему послѣдовали. Народъ, любящій всегда перемѣну и спостигая ея послѣдствія, узнавъ о кончинѣ твоей, кричалъ по улицамъ, провозглашая Павла императоромъ; войска твердили тоже; я въ молчаніи вышелъ изъ совѣта, безумнуя сердцемъ о невозможности помочь оному. До пріѣзда Павла написалъ къ народу, что вступающій на престолъ клянется свято сохранять и наблюдать всѣ права и преимущества, дарованныя тобою, государыня, всѣмъ классамъ твоихъ подданныхъ, и не прежде

учиненія присяги въ вѣрности новому монарху, пока онъ таковое же не утвердилъ, охранять права народа ненарушимыми. Великая императрица! Мы, признавая тебя и здѣсь также матерью отечества, также любимы и блаженны. Надѣюсь хотя не оправдать мой поступокъ, но представить въ томъ точно видѣ: что я могъ одинъ предпринять? Народъ въ жизнь вашу о семъ завѣщаніи извѣстенъ не былъ. Въ одинъ часъ перемѣнить милліоны умовъ вѣдь дѣло свойственное однимъ только богамъ. Сударыня! Вы еще не знаете, что значитъ воля Павла: выключить изъ службы, лишить достоинства и имѣнія, заключить въ крѣпость,— то малѣйшее его наказаніе за малую вину, которая въ твоемъ милосердномъ правленіи не заслуживала выговора;. вѣчная ссылка въ Камчатку, за Китай въ Японію, въ Каликутъ — вотъ удѣлъ большей части моихъ собратій. Не очень давно извѣстный тебѣ своею справедливостью князь Сибирскій и генералъ Туртениковъ за то только, что сукно, ставимое на армію и ими принятое, показалось посвѣтлѣе немного даннаго образца, лишились чиновъ и имѣнія дворянскаго, и нынѣ участь ихъ ловить соболей за Байкаломъ. Итакъ, государыня, лишеніе чиновъ, ссылка и самая смерть моя была несильна удержать устремленіе Павла къ престолу, давно имъ желаемому; болѣе сего пожертвованія я сдѣлать не могъ. Правда, если судить строго, я, конечно, долженъ былъ умереть, исполняя волю твою; знаю я и то, что дѣла мои и совѣсть мою будетъ судить Великая Екатерина, которой человѣколюбивое сердце имѣетъ отличить невольное преступленіе отъ умышленнаго.

Екатерина. — Я больше свѣдуща о всѣхъ дѣлахъ вашихъ, нежели ты думаешь. Знаю, что терпитъ теперь любезная Россія и твои собратія. Оставь меня! *(Безбородко уходитъ).* Позвать ко мнѣ Гавріила! *(Гавріилъ входитъ).* Ваше высокопреосвященство, вы вѣрно помните о томъ завѣщаніи, которое при жизни моей еще сдѣлано, это касается до престола россійскаго; пожалуйста скажите мнѣ, какъ сильно подѣйствовали тѣ увѣренія, коими вы клялись во всей силѣ ихъ исполнить, утверждая, что отрекаясь

мірскихъ суетъ, за ничто вмѣняете ссылку, заточеніе и самую смерть.

Гавріилъ. (Робѣя, дрожащимъ голосомъ). Всемилостивѣйшая государыня! время... обстоятельства.... я... я—хотя монахъ, но... человѣкъ.

Екатерина.—Довольно сказано, я васъ разумѣю; другая на мѣстѣ моемъ заставила бъ васъ раскаиваться въ вашемъ поступкѣ; не кажитесь никогда въ мои чертоги; оставьте меня! *Гавріилъ уходитъ. Въ самое сіе время слышны въ Елисейскихъ поляхъ радостные крики. Всѣ тѣни, особливо военные, толпятся около одной тѣни, крича: «Суворовъ! Суворовъ!» Вдругъ двери отворяются, старый воинъ вбѣгая падаетъ на колѣни.*

Екатерина. (Обнимаетъ его). Александръ Васильевичъ! Вы еще помните тѣхъ людей, которые навсегда уважали ваши достоинства; встаньте!

Суворовъ (Встаетъ). Великая государыня! Суворовъ всегда остается вѣрнымъ вашимъ подданнымъ, но я вижу здѣсь множество людей военныхъ, штатскихъ и всякаго народа,—народное ли это собраніе? Нѣтъ ли какого смятенія? Не французская ли а propos—гидра? О, когда такъ,—повели государыня! Я готовъ расчесать имъ кудри! Вѣрно, здѣсь нѣмцевъ нѣтъ, и меня обманывать будетъ некому?

Екатерина.—Не безпокойся, здѣсь всѣ намъ пріятели; мы войны не ведемъ, а только разсуждаемъ о прошедшей; тѣни вами видимыя—суть наши друзья, россіяне.

Суворовъ.—Государыня! Когда здѣсь нѣтъ войны, слѣдовательно Суворовъ и будетъ въ отставкѣ.

Екатерина.—Вы намъ нужны; мы оставляемъ васъ при себѣ, назначая совсѣмъ другую должность противъ той, которую вы имѣли и гдѣ себя передъ всею Европою толико прославили. Удовлетворите напередъ мое любопытство: скажите, въ какомъ видѣ вы оставили Россію?

Суворовъ (помолчавъ немного). Ваше Величество! Петербургъ я оставилъ давно; желаніе мое стремилось видѣть васъ, но не-

пріятнымъ образомъ въ пути былъ остановленъ—виноватъ, государыня: сдѣлалъ непростительную вину, по новой ташкѣ должно говорить — маршъ, а не путь.

Екатерина. — Вы все таковы жъ, Александръ Васильевичъ, какъ были прежде; я вамъ сказывала, что мы войны не имѣемъ и не ведемъ; слова у насъ употребляются, какія кто разсудитъ; да гдѣ же вы по все сіе время были?

Суворовъ. — Остановленъ въ моемъ сюда маршѣ; получивъ контръ-ордеръ, обозрѣлъ Сирію и Египетъ; прибылъ туда, осмотрѣвъ занимаемыя мѣста французами; генералъ ихъ Мену крайне хорошо расположилъ укрѣпленія Александріи и Капрской цитадели; почти два мѣсяца училъ я пьяныхъ англичанъ, бритыхъ турковъ, какимъ образомъ дѣлать атаки, а болѣе всего внушалъ имъ согласіе; они при мнѣ сдѣлали довольные успѣхи: уповаю, генералъ Мену скоро Египетъ долженъ оставить. Потомъ великій Моголъ потребовалъ меня сдѣлать укрѣпленіе пограничнымъ его крѣпостямъ. Онъ боится, чтобы и къ нему господа санкюлоты не подобралися. Оттуда маршировалъ въ Китай; поновилъ великую стѣну; сто тысячъ китайцевъ одѣлъ въ мундиръ; выучилъ маршировать, дѣлать ружьемъ; обростилъ имъ волосы, оставя въ прежнемъ видѣ одни усы; и какъ и у великаго Могола, ни у китайскаго императора открытой войны ни съ кѣмъ нѣтъ, а дѣлали одни приготовленія къ оборонѣ, то скуча тѣмъ сказалъ: Суворовъ, — маршъ! и явился къ вамъ, великая государыня, принять ваши повелѣнія.

Екатерина. — Но какая мнѣ нужда, Александръ Васильевичъ, знать дѣла великаго Могола и китайскаго императора. Правда, ихъ селеніе хотя граничитъ съ Россіею, но съ сей стороны опасности нѣтъ; я прошу сказать мнѣ, что дѣлается въ Россіи.

Суворовъ (понизя голосъ). Государыня! Россія! да! она болѣе на себя уже не похожа. Донесу только то, что солдаты носятъ клякъ, напудривши косы прусскія; вмѣсто сапоговъ оберты-

ваютъ ноги чернымъ рѣдкимъ сукномъ, говорятъ, что этакъ лучше и будутъ храбрѣе, ю стрѣляютъ хуже. Орденамъ, по недостатку въ деньгахъ, сдѣланъ аукціонъ; въ Сибири и Камчаткѣ народъ умножается, хотя, сказываютъ, весь тотъ край населятъ дворянами, которые большими транспортами туда маршируютъ; въ городахъ купечество жалуется на большіе расходы, простой народъ въ уныніи ропчетъ.

Екатерина. — Вы всегда говорите лаконически; объясните, пожалуйста, что все сіе значитъ?

Суворовъ (подаетъ запечатанный конвертъ). Старость лѣтъ моихъ, Ваше Величество, лишила меня памяти, извольте найти отличныя дѣла Павла I-го во время четырехлѣтняго престоломъ его правленія. Адъютантъ мой, по моему приказанію, велъ всему краткій журналъ.

Екатерина (распечатавъ конвертъ.) Александръ Васильевичъ! Здѣсь столь много написано, что скоро прочесть нельзя.

Суворовъ. — Государыня! Вы не будете имѣть труда его прочитывать: материнская ваша любовь къ вѣрноподданнымъ троистъ вашу нѣжную чувствительность, довольно будетъ прочесть одинъ листъ, чтобы сдѣлать заключеніе объ остальномъ.

Екатерина (читая, плачетъ). Боже мой! какое правленіе! какое страданіе! Сколько чиновниковъ и дворянъ заключено въ крѣпости! сколько сослано въ Сибирь! На всѣ состоянія людей наложена непомѣрная подать; доходы всѣ удвоены; сколько недостойнымъ людямъ дано крестьянъ, земель и денегъ! Классъ землевладѣльцевъ толико во обществѣ полезныхъ угнетенъ до крайности! Лѣса отняты; тѣ, коимъ ввѣрено охраненіе оныхъ, немилосердно съ ними поступаютъ, употребляя во зло власть свою! Сколько дворянъ, исключенныхъ изъ службы, лишенныхъ правъ своихъ, живутъ праздно: они были бы полезны.

Суворовъ. — Смѣю донести Вашему Величеству, что на всю нашу армію исключенныхъ генераловъ штабъ и оберъ офицеровъ будутъ полные два комплекта, но за то, правду сказать, и чины скоро достались: нынче произведенъ въ генералы, а

завтра—маршъ! Исключенныхъ много генераловъ, неимѣющихъ куска хлѣба; напротивъ того всякій офицеръ имѣетъ состояніе.

Екатерина. — Какая перемѣна чиновниковъ, какіе люди занимаютъ мѣста! Гласъ совѣсти совсѣмъ погасъ! Глупецъ, тиранъ, изъ подлости возстановленный по связямъ домашнимъ; сей, тиранствуя и убивая безвинныхъ, тѣмъ возвышается; человѣчество стонетъ, никто помочь не думаетъ. Сколько огорченныхъ отцевъ, страждущихъ матерей, несчастныхъ женъ, дѣтей, лишенныхъ разлукою того, что было имъ утѣшеніемъ, прекращающимъ темную жизнь свою! Съ Англіею, вижу, неминуемая война!.. имѣніе и конторы ихъ описаны... Боже мой! Каковъ готовится ударъ противъ своей крови, жены и дѣтей... какъ? Александръ мой... Нѣтъ! Онъ будетъ царствовать, онъ будетъ жить во мнѣ (?)... Павелъ! Пора ему конецъ.

Суворовъ (павъ на колѣни, заплакалъ). Милосердая мать! Внемли моленію моему, внемли слезамъ вѣрноподданнаго твоего! Спаси погибающую и любимую твою Россію; спаси дѣтей твоихъ, память твою чтущихъ! Они простираютъ къ тебѣ свои руки; еще нѣсколько дней — погибель неизбѣжна: англичане вооружаютъ сильный флотъ, какого доселѣ не бывало. Разбойникъ Нельсонъ готовъ войти въ Балтійское море и напасть на Россію. У насъ защиты никакой нѣтъ: кораблей мало и тѣ удалены Павелъ I-й, выключая Францію, всей Европѣ объявилъ войну все къ тому готово. Россія объемлетъ твои колѣни, молитъ тебя кликаетъ, — простри къ ней помощь твою, спаси ее!

Екатерина. — Встань, Александръ Васильевичъ. Я рѣшилась: Пошлите ко мнѣ семь смертей. *(Семь смертей входятъ).* Повелѣваю вамъ: представьте ко мнѣ сейчасъ Павла! *Съ знакомъ глубочайшаго повиновенія, поклонясь, выходятъ.* Скажите, Александръ Васильевичъ, на что сей мальтійскій орденъ принятъ? Какая Россіи въ немъ нужда? Какъ видно впослѣдствіи съ Англіею за Мальту теперь приходится драться.

Суворовъ. — Ваше Величество! Павелъ I-й принялъ сей орденъ въ свою защиту, объявилъ себя великимъ магистромъ онаго;

учредилъ командорства, состоя въ помѣстьяхъ и деревняхъ, раздѣлилъ оныя, но какъ денегъ изъ помѣстьевъ на то не достало, то придумали экономическое средство — продавать сей орденъ. Государыня! Не можно ступить шагу въ Петербургѣ по улицѣ, чтобы съ дюжиной сихъ кавалеровъ не повстрѣчаться: выключая дворянъ и купцовъ, актеръ и мастеровой—всякій вправѣ за деньги его имѣть... Касательно до войны съ англичанами, оная при самомъ началѣ будетъ кончена тѣмъ, что ни войско, ни народъ, при появленіи флота, сражаться за отечество не станутъ. «Пускай будемъ покорены иноплеменниками, нежели стопать подъ игомъ тирана»,—вотъ однѣ желанія всѣхъ россіянъ. *Входятъ посланныя семь смертей.*

Екатерина.—Гдѣ жъ Павелъ? представьте!

1-я Смерть.—Великая государыня! Мы возвратилися, не исполня твоего приказанія.

Екатерина.—Почему же?

2-я Смерть.—Нѣтъ возможности проникнуть въ мѣста, обитаемыя Павломъ.

3-я Смерть.—Приближаться къ онымъ наноситъ страхъ.

4-я Смерть.—Если бы Ваше Величество изволили знать, какой крѣпкій замокъ, гдѣ живетъ Павелъ I-й,

5-я Смерть: обнесенный палисадникомъ и глубокимъ рвомъ,

6-я Смерть: сколько на валу поставлено пушекъ;

7-я Смерть: сколько въ замкѣ собрано народа—солдатовъ и офицеровъ.

Екатерина.—Пошлите ко мнѣ Бѣлую Смерть.

Суворову: скажите, какой это замокъ, что за рвы и пушки и на что собираются туда войска. *Входитъ Бѣлая Смерть.* Пришла принять повелѣніе ваше, Великая Императрица.

Екатерина.—Представь ко мнѣ Павла, какъ можно поспѣшнѣе! *Суворову.* Мы говорили съ вами, Суворовъ, о замкѣ.

Суворовъ.—Въ томъ мѣстѣ, гдѣ любимый вашъ лѣтній садъ, Павелъ I-й, вырубя оный, и выстроилъ огромный замокъ, назвалъ его Михайловскимъ, обрылъ глубокимъ рвомъ, обнесъ

полисадомъ, на валу въ три ряда уставилъ пушками; внутреннее украшеніе, кромѣ золота и другихъ драгоцѣнностей — ничего нѣтъ; подъ онымъ сдѣланы выходы, кои раздѣлены на многія отдѣленія—большія и малыя; въ нихъ заключены узники, не по винамъ, но по прихоти Павла закованные содержатся; отъ каждой комнаты ключи имѣетъ при себѣ; въ томъ же замкѣ помѣщается до трехъ тысячъ войска, кои имѣютъ тамъ свои кварталы. Государыня! Все то же самое, что въ Парижѣ была Бастилія, но преимущественно тѣмъ, что Павелъ I-й на стонѣ своихъ подданныхъ основалъ свое жилище.

Екатерина.—Оставимъ, сей разговоръ пронзаетъ стѣсненное мое сердце, всему уже конецъ.

Бѣлая Смерть входя ведетъ Павла I-го на шарфѣ офицерскомъ, который петлей задѣтъ за шею, а концы въ рукахъ Смерти. Павелъ упалъ на колѣни.

Екатерина. Недостойный! Какъ ты могъ забыть столько себя и свою обязанность? Сдѣлавшись тираномъ, помышлялъ ли ты о концѣ дней твоихъ и объ отчетѣ, который долженъ дать? о несчастныхъ безвинно терзаемыхъ? Они тронули сводъ небесъ! Варваръ! Чего ты можешь ожидать? Не достоинъ быть въ семъ обществѣ съ тѣнями россіянъ. *(Бѣлой Смерти).* Отведи его къ брату моему Фридриху второму, королю прусскому, и скажи, что участь его представляю я ему въ вашу. N... N...

Надобно знать, что Фридрихъ II, король прусскій, помѣщенъ былъ отъ Зевеса въ поляхъ Елисейскихъ и управлялъ тѣнями пруссаковъ подобно Екатеринѣ II.

Прусскій король, сидя въ кабинетѣ на вольтеровыхъ креслахъ, читаетъ книгу; дневальный гусаръ докладываетъ ему, что привели русскую тѣнь. Сложа книгу, скинувъ очки, приказалъ ввести. Бѣлая Смерть, ведя Павла I-го въ томъ же видѣ, держа концы шарфа, висящаго на шеѣ, въ своихъ рукахъ.

Бѣлая Смерть. Ваше Величество! привела къ вамъ россійскую тѣнь.

Король прусскій. Вѣрно вы ошиблись: россійскими тѣнями управляетъ сестра моя Екатерина Великая, а не я.

Бѣлая Смерть. Россійская императрица повелѣла мнѣ представить тѣнь сію къ вамъ, Государь; не угодно ли помѣстить ее съ своими тѣнями и участь которой представила Вашему Величеству. *Король прусскій смотря на Павла, усмѣхаясь:* оставьте его здѣсь. *Бѣлая Смерть, поклонясь, уходитъ.*

Король прусскій Павлу. Скажи мнѣ, какой ты человѣкъ?

Павелъ I-й. Я Павелъ I-й, россійскій императоръ.

Король прусскій. А!.. А!.. понимаю. Чего тебѣ надобно?

Павелъ I-й. Лишенъ престола, не принятъ въ жилище матери своей Екатерины II-й, надежду имѣю, что, Ваше Величество, дадите мнѣ здѣсь мѣсто, соразмѣрное моимъ достоинствамъ.

Король прусскій. Правда твоя,—соразмѣрное твоимъ достоинствамъ, но немного ли ты на свои достоинства полагаешься? Я знаю все, что ты напроказилъ; и сіи-то твои достоинства заставляютъ посадить тебя до окончанія вѣка въ преисподнюю. *(Подумавъ нѣсколько).* Правда, ты нѣмцевъ любилъ; надобно дать тебѣ мѣстечко, но послушай: ты никого не принималъ въ службу, какъ съ самой нижней степени; не прогнѣвайся, дружокъ, и у насъ такой же порядокъ, и въ томъ только одномъ мы съ тобою сходны.

(*Смѣется*). Смотри, какъ ты куролесилъ, но гдѣ видано—носить шарфъ на шеѣ; какъ можно сдѣлать тебя такимъ начальникомъ! Ты и здѣсь такую же форму заведешь. (*Дневному гусару*). Сними съ него шарфъ! (*Гусаръ снимаетъ*). Подай мнѣ списокъ незанятымъ ваканціямъ! (*Гусаръ подастъ книгу. А онъ, надѣвъ очки, читаетъ*). Все много, все много Павлу. Послушай, право нѣтъ по тебѣ мѣста, хотя есть не одно, но вдругъ его занять слишкомъ для тебя будетъ много, но такъ и быть: ежели не станешь сумасбродничать, можешь на вѣкъ сіе мѣсто за собою удержать. Въ кавалерскомъ генералъ-лейтенанта графа фонъ-Дершица полку порожняя погонщичья ваканція, ты ее занимаешь, поздравляю! (*Написавъ записку, отдаетъ гусару*). Отведи его къ

дежурному адъютанту! Вели обмундировать и ко мнѣ представить. (*Чрезъ нѣсколько минутъ двѣ тѣни вводятъ Павла въ курткѣ, въ ботфортахъ, въ шпорахъ, на головѣ суконный калпакъ, за поясомъ кнутъ*). (*Къ тѣнямъ*). Велите смотрѣть за нимъ прилежнѣе артельщикамъ: онъ великій шалунъ и .... Ступайте! *Новый пруссакъ, сдѣлавъ направо-кругомъ, топнулъ лѣвой ногой и пошелъ въ свое мѣсто.*

А. Титовъ.

Сказанія о двухъ новгородскихъ чудесахъ изъ житія святого Іоанна Предтечи и Крестителя Господня.

Установивъ общій взглядъ на житія святыхъ и на сказанія объ ихъ чудесахъ, какъ на литературные памятники, Ѳ. И. Буслаевъ въ тоже время, имѣя въ виду занимающихся Русскою исторіею, старался поставить на видъ значеніе этихъ памятниковъ, какъ источниковъ для исторіи русской культуры, и утверждалъ, что жизнеописанія святыхъ составляютъ самый важный источникъ для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ [1]).

Намъ неизвѣстны списки житій святыхъ ветхозавѣтныхъ съ сказаніями о чудесахъ, совершившихся въ Русской землѣ. Списки такого рода житій святыхъ евангельской исторіи должны почитаться рѣдчайшими. Къ числу такихъ списковъ относится рукописное житіе святаго Іоанна Предтечи, хранящееся въ рукописномъ отдѣлѣ Архива Святѣйшаго Синода [2]). Въ немъ восемь сказаній о

---

1) **Некрасовъ Иванъ**. Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси. Часть первая. Одесса. 1870 г., стр. 3 и 6.

2) Даемъ здѣсь краткое описаніе рукописи, такъ какъ житіе по своему составу любопытно и встрѣтилось намъ впервые. Рукопись въ четвертку, на 132 листахъ, съ черною заставкою (45 л.), полууставомъ конца XVII вѣка, въ кожаномъ переплетѣ. Начинается продолженіемъ одной изъ стихиръ на Господи воззвахъ на малой вечернѣ. Служба Іоанну Предтечѣ оканчивается уставными замѣчаніями о службѣ сему святому, «аще прилучится храмъ Предотечи Іоанна въ недѣлю» (43—44 лл.). Житіе (45—132) имѣетъ заглавіе: «Сказаніе о

чудесахъ святого, два послѣднія относятся къ Великому Новгороду, а именно: 7) «чюдо Крестителя Господня Іоанна о Новгородцкомъ посадникѣ» (120—128 об.) и 8) «чюдо о Спасове образе вооб-

---

зачатіи рождествѣ и о житіи, купно же и о проповѣди и о усѣкновеніи і о обрѣтеніи главы і о преславныхъ чюдесѣхъ святаго славнаго пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна избрано отъ святаго евангелія и отъ Златоустовыхъ словесъ и отъ прочихъ Божественныхъ писаній. Благослови отче прочести». Начало: «Источникъ евангельскихъ ученій отверсты имать потоки...... слышите бо вселенныя благовѣстника богогласнаго апостола и евангелиста Луки во благовѣстіи своемъ къ державному Θеофилу о семъ велицемъ пророце глаголюща и восписующа сице» (45 об.—46). Тоже начало имѣетъ слово Іоанна Златоустаго на Соборъ святаго Іоанна Крестителя и Предтечи Господня подъ 7-мъ января въ четьи-минеѣ Макарія (381 об.—383). См. также рукописный сборникъ графа Уварова за № 1048. Съ тѣмъ же началомъ слово Іоанна Златоуста на Крещеніе Господне находится въ четьи-минеѣ свящ. І. Милютина подъ 6-мъ января (77—84 лл.). См. также рукописные сборники графа Уварова за №№ 1052 и 1058. Какъ видно, изъ обозначенія числа листовъ того и другого слова, они отличны отъ нашего текста. Далѣе въ нашей рукописи на 46—51 листахъ статья подъ киноварнымъ заглавіемъ: «О зачатіи Іоанна Предтечи. Благовѣщеніе отъ ангела. Начало: «Бысть во дни Ирода царя іюдейска іерей нѣкій именемъ Захарія». Далѣе киноварью: О зачатіи Предтечевѣ (51—53). Начало: «По сихъ же днехъ зачатъ Елисавеѳъ жена сія и таяшеся мѣсяцъ пять глаголющи». Затѣмъ киноварью: О рождествѣ Предтечевѣ (53—59 об.). Начало: «Елисавети же исполнися время родити ей и роди сына и слышаша окрестъ живущіи и ужники ея». Замѣтимъ, что статьи и слова о зачатіи Іоанна Предтечи подъ 5-мъ и 23-мъ сентября и 24-мъ іюня въ четьихъ-минеяхъ митрополита Макарія, Тулупова и Милютина, судя по начальнымъ словамъ ихъ, отличны отъ нашего текста. Далѣе киноварью: О проповѣди Предтечевѣ (59 об.—60). Начало: «Сія слышавъ Господенъ Предтеча Іоаннъ Креститель пріиде во дни оны проповѣдая въ пустыни июдеистей и глаголя». Слѣдующая статья съ киноварнымъ заглавіемъ: И о житіи Предтечевѣ (60—70). Начало: «Самъ же Иоаннъ имяше ризу свою отъ власъ вельбуждь и поясъ усменъ о чреслѣхъ своихъ». Затѣмъ киноварью: О приходе Христовѣ ко Іоанну креститися (70—80). Начало: «И бысть во оныхъ днехъ егда хотящу пріити Іисусу отъ Галилея на Ирданъ ко Иоанну къ шедшемуся креститися отъ него народу июдейскому вопіяше». Затѣмъ слѣдуютъ статьи подъ киноварными заглавіями: а) О области Иродове отъ Иоанна. (80—83 об.) Начало: «Іоаннъ же пріиде во Июдею во градъ Севастъ отстоящій отъ Иерусалима дне путь и вниде ко Ироду Антипие царю»; б) тогда слышавъ Іисусъ яко Иоаннъ преданъ бысть и пріиде Іисусъ въ Галилею (83 об.—88); в) О усѣкновеніи Иоанновѣ (88—92). Начало: «И приключьшуся дни потребну егда Иродъ рождеству своему вечерю творяше». Замѣтимъ, что статьи и слова объ усѣкновеніи главы Іоанна Предтечи въ четьихъ-минеяхъ митрополита Макарія, Тулупова и Милютина подъ 29-мъ августа отличны отъ нашего текста. Затѣмъ слѣдуютъ статьи: Сказаніе о обрѣтеніи святыя главы честнаго и славнаго пророка и Предтечи Крестителя Іоанна.

раженнѣмъ на латынстей ропате поставленней на мѣстѣ идѣже бѣ стояла церковь Иоанна Крестителя въ Великомъ Новѣграде» (128 об.—132). Эти сказанія не новость[1]): и то и другое напеча-

---

Начало: «Хощу убо правовѣрніи возвѣстити вамъ о обрѣтеніи пречестныя и ангеломъ нарочитыя главы святаго пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна како обрѣтеся и кіимъ образомъ. Но убо святая сія глава троесугубно обрѣтеніе имать, изъ нихъ же о первѣйшемъ глаголю здѣ. По немже и на прочая з Божіею помощію за молитвъ святаго Предтечи достигнути потщуся. Бысть же первое обрѣтеніе честныя его пророчи главы сице. Егда убо окаянный царь Иродъ четвертовластникъ слыша слухъ Іисусовъ» (92 об.—94 об.). Второе же обрѣтеніе Предтечевы главы по явленіи его сице бѣ. По умертвіи убо того блаженнаго страннопріимца презвитера Инокентія (94 об.—99 об.). Далѣе киноварью: Третіе обрѣтеніе честныя главы Предтечевы. Начало: «Сице бѣ по Божественному убо смотренію умершу окаянному еретику, тогда нѣкто Христолюбивъ инъ мнихъ видя во вся нощи столпъ огненъ» (99 об.—106). Слова и сказанія — о первомъ, второмъ и третьемъ обрѣтеніи честныя главы Іоанна Предтечи въ четьихъ-минеяхъ митрополита Макарія, Тулупова и Милютина подъ 24-мъ февраля и 25-мъ мая отличны отъ статей нашей рукописи. На 106—132 листахъ сказанія о чудесахъ святого: 1) чюдо Крестителя Господня Іоанна о презвитере како усше рука за невѣріе его коснувшися сосуду главы Предтечевы и паки по явленію Предтечеву како исцѣлися (106—108 об.). Начало: «Повѣдати же хощю отцы и братіе преславное чюдо святого Предтечи Іоанна»; 2) чюдо святаго Предтечи Крестителя Господня Іоанна содѣвшееся отъ перста пречестныя руки его како вдаде члянокъ отъ него зубы отторгнути мужу нѣкоему избавленія ради отъ пожренія зміина дщери его и о умертвіи змія (108 об.—110 об.). Начало: «Внегда убо славный и всехвалный вселенскій благовѣстникъ апостолъ и евангелистъ Лука положи руку Предтечеву»; 3) чюдо Предтечи Господня Іоанна о честней его руцѣ како разгбеніемъ ея обилная и согбеніемъ скудная бываютъ плодомъ (110 об.—113). Начало: «По нѣколицѣхъ лѣтехъ положенія Предтечевы руки во Антіохійской церкви, діяконъ нѣкоторый тоя Антіохійскія церкви нарицаемый Іовъ»; 4) чюдо Крестителя Господня Іоанна Предтечи о иерея Кононе соблажняющемся егда крещаше жены, ему же поможе той великій пророкъ (113 об.—115). Начало: «Нѣкто мнихъ во общемъ житіи Кононъ именемъ, попъ же бѣ саномъ на крещеніе устроенъ»; 5) чюдо пророка и Предтечи Господня Іоанна о мнисе Іоанне, его же отъ болѣзни исцѣли той святый Креститель Господень (115 об.—117 об.). Начало: «Бѣ нѣкто мнихъ презвитеръ именемъ Іоаннъ зѣло благочестивъ и братолюбивъ, живый въ монастыри близъ Іерусалима»; 6) чюдо святаго Іоанна Предтечи о нѣкоемъ мнисе вдавшемъ село инокинямъ и паки продавшемъ его по явленію Предтечеву и цѣну давшемъ тѣмъ въ милостыню (117 об.—120 об.). Начало: «Повѣда постникъ нѣкій мнихъ благоискусенъ чюдо».

1) Тотъ же текстъ напечатанъ Карамзинымъ въ 244 примѣчаніи III тома «Исторіи» по древней рукописи Іосифо-Волоколамскаго монастыря, которая намъ неизвѣстна.

таны въ «Памятникахъ старинной русской литературы», изд. гр. Кушелевымъ Безбородко, подъ редакціею Н. И. Костомарова, выпускъ I, 1860 г., 251—252 стр., по рукописи Румянцевскаго музея, которая у Востокова озаглавлена: «№ XXXIX. Выписки историческія въ мелкихъ статьяхъ по разнымъ предметамъ изъ разныхъ мѣстъ полученныя, расположены по старшинству времени»; о каждой выпискѣ замѣчено, откуда она извлечена; относительно же текстовъ напечатанныхъ статей не сдѣлано никакихъ указаній. Содержаніе сказаній слѣдующее. Пріѣхавшіе въ Новгородъ иностранные купцы (нѣмцы) обратились къ народу съ просьбою дозволить имъ построить въ Новгородѣ на мѣстѣ, которое изберутъ, свою божницу, въ другомъ мѣстѣ названную храмомъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, но Новгородскій архіепископъ согласно желанію народа отказалъ имъ въ просьбѣ. Тогда они обратились за совѣтомъ къ одному изъ посадниковъ — Добрынѣ и дали ему большой денежный подарокъ («посулъ»), тотъ посовѣтовалъ имъ снова обратиться къ народу съ просьбою о томъ же и заявить, что если ихъ просьба не будетъ исполнена, то они не позволятъ на своей родинѣ новгородскимъ людямъ построить церквей; съ своей стороны Добрыня обѣщалъ имъ поддержать ихъ требованіе. Новгородцы вынуждены были просить архіепископа объ удовлетвореніи просьбы иностранныхъ купцовъ, и владыка долженъ былъ подчиниться волѣ народной. Для построенія своей божницы нѣмцы избрали то мѣсто близъ торга, на которомъ стояла церковь Іоанна Крестителя. Посадникъ Добрыня сдѣлалъ распоряженіе о перенесеніи православной церкви на другое мѣсто, что̀ и было исполнено. Вскорѣ послѣ этого пономарю этой церкви въ ночномъ видѣніи Іоаннъ Предтеча приказалъ съ наступленіемъ дня часу въ третьемъ идти на мостъ чрезъ рѣку Волховъ и возвѣстить новгородцамъ, чтобы шли на мостъ смотрѣть чудо, которое будетъ съ Добрыней. Пономарь исполнилъ то, что сказано было ему въ ночномъ видѣніи. Множество народа стеклось на мостъ, и вотъ что случилось: когда посадникъ Добрыня со свитою пере-

правлялся въ насадѣ черезъ Волховъ на другую сторону къ себѣ домой, поднялся сильный вѣтеръ, громадными волнами насадъ былъ поднятъ на двѣ сажени вверхъ, а затѣмъ опрокинутъ, сидѣвшіе въ насадѣ погрузились въ воду, но всѣ были спасены перевозчиками, кромѣ посадника, который утонулъ: тѣло его вскорѣ было извлечено мережами изъ воды, но не было погребено похристіански. Замѣтимъ, что иностранные купцы называются то латинянами, то нѣмцами. Второе сказаніе состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ: о томъ, что нѣмцы наняли новгородскихъ иконописцевъ для написанія Спасова образа на полуденной сторонѣ своей божницы, но лишь только иконописцы кончили свою работу и отдернули покровъ съ образа, какъ внезапно полилъ дождь съ градомъ и смылъ образъ и даже левкасъ. И то и другое сказаніе принадлежитъ несомнѣнно къ числу тѣхъ повѣствованій, которыя, по словамъ Θ. И. Буслаева, «проходятъ черезъ три эпохи: во-первыхъ, эпоху самаго событія или лица, послужившихъ предметомъ повѣствованія, во-вторыхъ время, когда составились народныя преданія объ этомъ предметѣ, и наконецъ эпоху литературной обработки и потомъ переработки преданія»[1]). Если мы обратимся къ лѣтописямъ, то найдемъ въ нихъ цѣлый рядъ указаній о существованіи Варяжской божницы въ Новгородѣ въ древнѣйшія времена: 1) въ 6660 (1152) году сгорѣло въ Торгу 8 церквей, а 9-я Варязьская; 2) въ 6689 (1181) году загорѣлась отъ грому Варяжская церковь на Торговищѣ; 3) въ 6692 (1184) году на Торговищѣ заложена каменная церковь святого Іоанна; 4) въ 6692 (1184) году заложиша церковь древяну Соборъ святого Іоанна Предтечи, и въ лѣто 6700 пренесли церковь древяну на иное мѣсто, а на томъ мѣстѣ поставиша нѣмецкую ропату, и о томъ бысть чудо о посадникѣ Добрынѣ. 5) въ 6700 (1192) году деревянную церковь Соборъ святого Іоанна Предтечи перенесли на иное мѣсто, а на томъ мѣстѣ по-

---

1) Буслаевъ Θ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. Спб. 1861 г., стр. 170.

ставиша нѣмецкую ропату, и о томъ бысть чудо о посадникѣ Добрынѣ. (Д. Прозоровскій. Новгородъ и Псковъ по лѣтописямъ, съ дополненіями по другимъ источникамъ. Спб. 1887, стр. 101 и 116. Отдѣльный оттискъ изъ IV тома Записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества). Въ приведенномъ выше сказаніи, судя по контексту рѣчи, говорится о событіи 1192 года, но изъ лѣтописныхъ данныхъ видно, что въ числѣ посадниковъ Новгородскихъ было два Добрыни; изъ нихъ первый былъ сподвижникъ св. Владиміра равноапостольнаго князя, а послѣдній умеръ 6 декабря 6625 (1117) года. Д. И. Прозоровскій, сопоставляя данныя новгородскихъ лѣтописей, разсуждаетъ такъ: «такъ какъ, во-первыхъ, приведенное выше извѣстіе о заложеніи и перенесеніи деревянной церкви Іоанна Предтечи и посадникѣ Добрынѣ находится въ III Новгородской лѣтописи, а по I Новгородской лѣтописи церковь была заложена на Торговищѣ каменная архіепископомъ Иліею, и нѣтъ ни слова ни о перенесеніи ея на другое мѣсто, ни о посадникѣ Добрынѣ; въ то время посадникомъ былъ Мирошка Нездиничъ, а не Добрыня, во-вторыхъ, перенесеніе церкви безъ благословенія архіепископа было невозможно, въ третьихъ, изъ I лѣтописи извѣстно, что въ Торгу близъ Варяжской божницы находилась деревянная церковь Іоанна Ищькова, горѣвшая нѣсколько разъ (первое извѣстіе о пожарѣ относится къ 1181 году, а послѣднее къ 1311 году) и остававшаяся деревянною въ теченіе означеннаго промежутка времени, поставленная, очевидно, ранѣе 1181 года, то можно заключить, что именно послѣдняя церковь могла быть современна посаднику Добрынѣ, умершему въ 1117-мъ году, когда въ Новгородѣ архіереемъ былъ именно Іоаннъ. Такимъ образомъ писатель III Новгородской лѣтописи перемѣшалъ извѣстія о церкви и произвелъ лишняго посадника, чѣмъ далъ поводъ къ выдумкѣ нелѣпой сказки[1]) о томъ, какъ чудесно Добрыня за его нечестіе былъ

---

1) Карамзинъ въ 244 примѣчаніи III тома «Исторіи» считаетъ тоже сказкой это сказаніе о посадникѣ Добрынѣ.

наказанъ Богомъ во время переправы черезъ Волховъ». (Д. Прозоровскій. Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, изд. Археологическимъ Институтомъ. Вып. IX. Спб. 1892 г., стр. 104—105).

Изданное сказаніе о Добрынѣ заканчивается такъ: «Сія ми повѣда игуменъ Сергій Островскаго монастыря отъ святаго Николы отецъ Заикхіевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго». Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ достаточными данными для точнаго опредѣленія времени жизни названныхъ игуменовъ. По Строеву (Списки іерарховъ и настоятелей монастырей. Спб. 1877 г.) въ числѣ игуменовъ Хутынскаго монастыря былъ Закхей, время игуменства его не опредѣлено: имя его стоитъ послѣ Іоанна, избраннаго въ архіепископы 7 мая 1388 года и предъ Герасіемъ, противъ котораго означенъ 1440 годъ. Списокъ игуменовъ Островскаго Николаевскаго монастыря у Строева начинается Сергіемъ, время игуменства его не означено, но сдѣлана ссылка на 244-е примѣчаніе III тома Исторіи Карамзина, за нимъ же слѣдуетъ Ефремъ Щумляй, переведенный въ 1560 году 29 января въ Клопскій монастырь. Въ сказаніи о видѣніи пономаря Хутынскаго монастыря Прохора, напечатанномъ Ѳ. И. Буслаевымъ въ «Историческихъ очеркахъ русской народной словесности и искусства», т. II, 1861 г., 271—274 стр., говорится, что пономарь Прохоръ повѣдалъ бывшее ему странное видѣніе той обители игумену Закхею и всей братіи, а игуменъ повѣдалъ архіепископу Серапіону, Серапіонъ же вельможамъ того града и всѣмъ людямъ. Святой Серапіонъ по Строеву хиротонисанъ въ архіепископы Новгородскіе изъ игуменовъ Троице-Сергіева монастыря 15 янв. 1506 года, а скончался въ Троицѣ-Сергіевомъ монастырѣ 16 мая 1516 года. Сопоставляя вышеприведенныя хронологическія данныя, можно опредѣлить приблизительно время составленія и записи печатнаго сказанія о Добрынѣ концомъ XV—началомъ XVI вѣковъ.

Текстъ того и другого новгородскаго сказанія въ нашей рукописи представляетъ редакцію сравнительно съ печатнымъ со-

вершенно особую. Въ первомъ сказаніи событія излагаются подробнѣе, картинно и въ извѣстномъ освѣщеніи. Добрыня рѣзко обличается въ мздоимствѣ и измѣнѣ православію, называется «латынскимъ поборникомъ», между Добрынею и Іудою проводится параллель. Иностранные купцы ни разу не названы нѣмцами, но во всѣхъ случаяхъ именуются латинянами, «латынскія вѣры», что̀ сообщаетъ тексту извѣстнаго рода стильность. Сказаніе заключается краткимъ поученіемъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: «Накажитеся возлюбленніи добро творити а не зло творити, душю спасти а не погубити, бывающе не мздоимцы ни лихоимѣтели, но правдѣ и цѣломудрію любители...». Второе сказаніе о Спасовѣ образѣ проникнуто тѣмъ же полемическимъ характеромъ, что̀ и первое: «Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, такъ начинается сказаніе, въ дни древніе сотвори въ людехъ своихъ знаменіе предивно и всякаго ужаса исполнено въ наказаніе правовѣрнымъ еже бы не смѣшатися имъ, ни о чесомъ приближитися къ скверным латиномъ». Затѣмъ кратко упоминается о чудѣ, совершившемся въ Новгородѣ съ Добрынею, когда тотъ «мздою ослѣпленный отъ латынъ повелѣ на ино мѣсто пренести (церковь Іоанна Предтечи) и мѣсто тоя церкви отда скверным латиномъ на поставленіе поганей ихъ ропате». Конецъ сказанія: «Вонмите убо опасно о семъ, православія соблюдателіе, слышащіи сія, иже не приобщатися намъ ничимже къ скверным и безбожным противникамъ закона Христова латиномъ, яко убо и творца нашего образъ на скверней ихъ ропате аще вообразися, и сіе неугодно Богови быти вмѣнися, ему же слава»... Въ рукописномъ текстѣ перваго сказанія нѣтъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ выше мы сдѣлали предположеніе о времени составленія печатной редакціи его. Но горячій тонъ обличенія латинянъ и заключительныя слова поученія въ первомъ сказаніи: «наказующе себѣ самихъ отъ Божественныхъ писаній и отъ чюдесъ Христовыхъ и его угодниковъ, паче же и отъ сего Предтечева чюдесе, прочитаемаго днесь на всечестный его и святый праздникъ во ушеса всѣмъ вамъ елико слышахомъ

и разумѣхомъ и отцы наши повѣдаша намъ, не утаися отъ насъ чадъ ихъ въ роды сія возвѣщаемъ бо хвалы Господня и силы его и чудеса его нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ», изъ которыхъ видно, что сказаніе о чудѣ вмѣстѣ съ житіемъ Іоанна Предтечи читалось за богослуженіемъ въ одинъ изъ праздниковъ сего святого, нѣкоторымъ образомъ указываютъ на условія происхожденія литературной обработки новгородскихъ сказаній, точное опредѣленіе времени которыхъ — дѣло спеціалистовъ по исторіи Новгорода и Новгородской письменности.

А. Никольскій.

Чю́до кр҃тла г҃на и҆ѡа́нна, ѿ новгоро́дцко́мъ поса́дникѣ.

При держа́вѣ бл҃гочести́выхъ вели́кихъ кн҃зе́й рꙋ́скїѧ землѝ, вели́кого новà гра́да наро́ди жива́хꙋ свобо́дствено, и҆ с про́чими ѡ҆́кр҃тъ сꙋ́щими і҆ноплеме́нными страна́ми, в ми́ре и҆ совокꙋпле́нїи. тогдà ѹ҆бѡ ближа́йшїи та̀мо сожи́телїе, и҆́но стра́нницы лати́нскїѧ вѣ́ры. присла́ша в вели́кїи но̑ градъ, ѿ седмидесатъ градо́въ свои́хъ. моля́хꙋ а҆рхїе́п҃кпа вели́кого новà гра́да. поса́дниковъ же и҆ тысещниковъ и҆ всѣ́хъ гра́да того̀ наро́дниковъ. гл҃юще и҆мъ с прилѣжа́нїемъ и҆ со ѡ҆бы́чнымъ проше́нїемъ. ѡ҆ прїа́тнїи и҆ ближа́йшїи сосѣ́дїе на́ши, дади́те на́мъ мѣ́сто посредѣ̀ гра́да ва́шего, и҆дѣ́же сози́ждеⷨ божни́цꙋ по ѡ҆бы́чаю и҆ вѣ́ре на́шей. вели́каго же новà гра́да лю́дїе слы́шавше сїà, и҆ совѣⷮ сотво́рше ѿреко́ша и҆мъ гл҃юще. м҃лтїю творцà на́шего б҃га, и҆ пречт҃ыѧ е҆го̀ м҃тре. бл҃го-

Повѣсть древнихъ лѣтъ, яже содѣяшась въ Великомъ Новѣградѣ. О посадники Добрынѣ.

Въ лѣта благочестивыхъ великихъ князей нашихъ Руских, живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и совокупленіи, прислаша Нѣмци отъ всѣхъ седмидесяти городовъ посла своего, биша челомъ архіепископу Новгородскому, и посадникомъ, и тысяцкимъ и всему Великому Новугороду, глаголюще: милые наши сосѣды! дайте намъ мѣсто у себѣ, посреди Великаго Новагорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣрѣ и обычаю. И новгородци отмолвиша имъ рекуще: милостію Божіею и его пречистыя Богоматери, и отца нашего господина архіепископа благословеніемъ и молитвою, у насъ въ вотчинѣ господы нашей великихъ князей Рускихъ, въ Великомъ Новѣгородѣ, стоятъ всѣ церкви православные нашіа вѣры христіанскіа, ино

словéнїемъ же и҆ молитвами вл҃ки и҆ пáстырѧ нáшего а҆рхиеп҃па грáда сегѡ̀ во ѻ҆тéчествїи г҃дей нáшихъ велíкихъ кн҃зéй рꙋ́скихъ. в' велíцемъ сéмъ нáшемъ новѣ́ грáдѣ. водрꙋзи́шасѧ и҆ є҆сть всѧ̀ цр҃кви правослáвныѧ нáшеѧ вѣ́ры. то ѹ҆бо нн҃ѣ кóе причáстїе тмѣ́ къ свѣ́тꙋ. Тáко и҆ вáшеи божни́цѣ по вѣ́ре и҆ по обы́чаю вáшемꙋ. кáко возмóжно бы́ти вó градѣ нáшемъ. слы́шавше же сїѧ̀ лати́нии в печáли бы́ша ѡ҆ сéмъ. пáки же ѹ҆бо врагоу҆ и҆ сꙋпостáтꙋ под'стрѣкáющꙋ ѧ҆. оу҆мышлѧ́ю҃т ѡ҆каѧ́ннїи ѿстꙋ́пницы, прáвыѧ вѣ́ры нáшеѧ. и҆ под'хóдѧ҃т ласкáнїемъ и҆ дáры мнóгими нѣ́коего ѿ посáдникъ добры́ню прозвáнїемъ. ѻ҆нже ѻ҆бѣщáсѧ и҆мъ, крѣ́пце ѡ҆ сéмъ побарáти и҆ наоу҆сти̇̀ ѧ҆ да гл҃ютъ в нарóде си́це рекꙋ́ще. а҆́ще вы̀ дрꙋ́зи нáши дади́те нáмъ мѣ́сто вó граде своéмъ на здáнїе божни́цы нáшеи. си́це и҆ мы̀ сотвори́ти восхóщеⷨ да не бꙋ́дꙋтъ цр҃кви вáша во градѣ́хъ нáшихъ. сїѧ ѹ҆бо слышавъ ѡ҆каѧнныи латы́ни рáдости бы́ша. Времѧⷨ ѡ҆брѣ́тше пáки вни́дóша в сóнмъ нарóда гл҃ю и҆мъ, наꙋщéннаѧ посáд-

кое причастье свѣту ко тьмѣ, также и вашей божницы быть какъ въ нашемъ градѣ? Бѣ же тогда посадникъ степенный Добрыня именемъ, и нѣмци слышавше жестокій отвѣтъ отъ архіепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ, и даша ему посулъ великъ. О семъ бо и Соломонъ рече: вcѣ послушаютъ злата. Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтники повелѣ нѣмцомъ говорити старостамъ купецкимъ и купцемъ новгородскимъ: толко нашей божницѣ храму святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у васъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и то вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ не быти жъ. И то слышавше старосты купецкіе и всѣ гости новогородскіе, начаша бити челомъ господину своему, отцу архіепископу имя рекъ и всему Великому Новуграду, рекуще: пожалуйте поволите нѣмцомъ поставити ропату по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте гдѣ полюбятъ; зане же не будетъ ихъ божницы здѣ, ино

ѳнича словеса. народи же слышавъ сїа ихъ реченїа недомышляхуся. но обаче размысливъ, начаша молити архїепкпа, да блгословитъ ихъ дати мѣсто во граде, идѣже тїи изберутъ, на поставленїе божницы ихъ. помощь же подаяше имъ многу, мздоимъный народникъ добрына, гла сице. аще не дадимы мы мѣста божнице латынстеи во граде нашемъ. то убо и в латынскихъ градеx разоритися имутъ цркви наша, и ѿ сего ѕѣлна нужда имать намъ быти. архиепкпъ же не могїи презрѣти людскаго прошенїа и посаднича споможенїа, преклонися воли ихъ, и повелѣ да дадутъ мѣсто во граде на поставленїе ропате латыньстей, идѣже избравъ вдастъ имъ посадникъ добрына к потребе ихъ, тогда убо латинское соборище возрадовашеся радостїю велїею ѕѣлю, яко улучиша хотѣнїе свое, по времени же исхождаху смотряюще мѣста к потреб ствованїю своему но обаче убо паче многихъ мѣстъ избраша едино мѣсто нарочито, близъ сущe торга идѣже бѣ цркви древяна. ве-

нашимъ церквамъ у ихъ не быти. Тажъ и посадникъ Добрыня за старость и за гости начатъ говорити: толко не будетъ нашихъ церквей по нѣмецкимъ городамъ, ино нашимъ гостемъ новгородскимъ велми будетъ нужно; и архіепископъ и новгородци послуша(ша) посаднича совѣта и гостей своихъ челобитья, поволиша нѣмцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично; и нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града въ торгу, гдѣ стоитъ церковь древяна святаго Іоанна Предтечи. Посадникъ же Добрыня ослѣпленъ мздою и наученъ діаволомъ, повелѣлъ церковь святаго Предтечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ нѣмцомъ; Предтеча жъ Господень не терпя вражія навѣта, и его злаго совѣтника, что испоругалъ святый его храмъ мзды ради; въ нощи убо той услыша пономарь тоя церкви предтечевы гласъ глаголющь ему: заутра на третьемъ часу дневномъ иди на великій мостъ и повели новгородцемъ смотрити добрынина посадничья чюда. И пономарь заутра возвѣсти нов-

ли́каго прр҃ка и҆ предоте́чи кр҃тлѧ г҃днѧ і҆ѡа́нна. и҆ возвѣсті́ша поса́днику ѻ҆нюмꙋ. ꙗ҆́ко ѹ҆го́дно є҆́сть к҆ потре́бе и҆́хъ. то́йже ѹ҆мобре́дныи м҆здо пріа́тель ѡ҆слепи́ ѻ҆́чи свои́ и҆ ср҃це ѻ҆мрачѝ злато пріа́тіемъ. и҆ забы́въ день сꙋ́дныи, неи́мѣѧ стра́ха бж҃іѧ, ѹ҆готобла́ше и҆́мъ да́ти мѣ́сто ѻ҆́но по зло́мꙋ и҆́хъ и҆зволе́нію, и та́ко повелѣва́етъ цр҃квь ст҃аго пр҃тчи і҆ѡа́нна с. мѣ́ста ѻ҆́ного пренести. а҆ ѻ҆́но ст҃ое мѣ́сто ѿда́ти пога́нымъ лати́номъ подъ скве́рнꙋю божни́цꙋ, ѿ пре́лести чл҃честей скꙋдоѹ҆мнѣ̀. кто̀ ѹ҆́бо не диви́тсѧ и҆лѝ не ѹ҆жа́снетсѧ таково́мꙋ ѕлоде́рзію скверно пріа́тнаго поса́дника ѻ҆́ного. ка́ко ѹ҆́во и҆ спорꙋга̀ правосла́внꙋю свою̀ вѣ́рꙋ, и҆ в посмѣ́хъ вдаде́ лати́номъ ѕла́та ра́ди, цр҃квь хр҃то́вꙋ и҆згна̀. а҆ є҆ретическо҄ ка́пище вмѣ́сто ѻ҆́нои прі҄. ѿ сꙋе ѹ҆мне народниче. ка́ко ѻ҆болсти́сѧ ѕла́та дѣла̀, к҆ мѣ́сто побора́телѧ, проти́вникъ ѕо́лъ ꙗ҆ви́сѧ хр҃то́ве цр҃кви, ѿ зла́то много поги́белное хꙋ̀ждьшее пе́рсти и҆ пра́ха, и҆згꙋбльшее сего̀ сꙋемꙋ́дренаго, и҆ со і҆ю́дою приче́тшее. то́и ѹ҆́бо хр҃та преда̀. се́й же цр҃квь є҆гѡ̀,

городцемъ якоже слыша, и абіе стекошас множество народа на великій мостъ видѣти что хощетъ быти. И какожъ поѣха посадникъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ чрезъ Волховъ въ насадѣ съ людьми своими, и внезапу пріиде вихрь, и вземъ насадъ, възнесе на высоту, яко болѣ дву саженей, и удари о воду, и ту потопе посадникъ Добрыня ко дну, а прочихъ всѣхъ переимаша въ судѣхъ въ малыхъ перевозники, и тако неводы, мрежами и ужи едва възмогоша вывлещи тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство, не получи и погребенія, яже есть обычай православнымъ. Сія ми повѣда игуменъ Сергій Островскаго монастыря отъ святаго Николы, отецъ Заикхіевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго. (Памятники старинной русской литературы. Вып. I. Спб. 1860 г., 251—252 стр.).

то̑ оу̓бо со ию́де́и совѣща́ся а
се́й с латины. то́й оу̓бо ше̑
оу̓давися. а̓ се́й водо́ю исто-
пися. то́й оу̓во ѿ а̓п҃лъ ѿлу-
чися, а̓ се́й хр҇ті́анскі́а кон-
чіны не оу̓лучивъ скончася.
то́й оу̓бо ѿ всѣхъ проклинае̑
е̓сть. а̓ се́й ѿ всѣхъ правовѣр-
ныхъ непоминаемъ бысть,
оу̓вы̀ ꙗ̓ко хр҇ті́анъ сы̑ измени,
бж҇твенныи хра́м' на е̓ретичю
ропа́ту. нѡ̀ ѻ̓ сихъ изрекше
преже рече́нная соверша́емъ.
тогда̀ оу̓бо велики́и прр҇къ вы-
сочайші́и. и̓ честнѣйші́и всѣхъ.
пр҇тча и̓ кр҇тль гд҇нь иѡа́ннъ,
зри́т' свы́ше бж҇твенныи свой
хра̑ злы́мъ мздоимцемъ ис-
поруганъ, и̓ со ст҇аго ѡ̓ного мѣ-
ста пренесе́нъ. изво́ли ѿмсти́ти
злато любцу ѻ̓ному. І в нощи̇
то́и ꙗ̓вися е̓г҇о снабдимаго
хра́ма своего̀ пономарю̀, гл҇а
сице. злоу̓тра днѐ сего̀. ꙗ̓ко при
часѣ третіемъ, иди̇ к' великому
мосту, повелѣвая народомъ со-
братися на велики́и мостъ, зрѣ-
ти хотящее бы́ти чю́дѡ. минув-
ши же нощи изы́де пономарь,
по̀ гласу бж҇твеннаго пр҇тчи.
вѣщая рече́нная людемъ.
тогда̀ множество людіи стеко́-
шася, на нарекова́нныи мостъ,
чающе зрѣти недовѣдомое ви-

дѣніе. ꙗкоже бысть врема, прежереченныи посадникъ. ѕлоименитыи сребропріатель, латынскіи поборникъ. прчеве црkве испоругатель, хртіанскіи посрамитель(ь), лихо именителныи добрына собравсѧ с погибелною си честію, по обычаю своему с рабы его. всѣде в насадъ хота рѣку плыти, і ити к дому своему, и бысть егда пловущимъ имъ. абіе воста бура ѕѣлна и вѣтръ противенъ, и дотолика ꙗко убо под'ємшуса насаду оному выспрь вышьше двою саженіи. и оттуду низъ падшуса в водѣ и пребывшу дондеже погрязе і истопе многѡ плачевное тѣло посадниче. тогда убо совершиса давыд'ское прореченіе, ꙗко изыде дхъ его и возвратитса в землю свою. в тои днь погибе все помышленіе его. и ꙗко овца во аде положенъ суть. и смерть упасе и. и егда умре не оставили вса, но ниже сниде с нимъ слава его. народи же видѣвшіи сіа ужасни быша зраще бжіе грѣшнымъ наказаніе. и помышлаше кіиждо ихъ о своихъ согрѣшеніихъ, и к' покаанію тщащеса, и молаще мти-

ваго творцà своегò. да оу҆щедрить мл҃рдіе своѐ на ни́хъ. и҆ подáсть и҆̄мъ врéмѧ и҆сповѣдані́ѧ, и҆ грѣхóвъ проще́ніѧ. тогдà оу҆̄бо сплáвлющіи с посáдникомъ ѻ҆нѣмъ оу҆топáти в рецѣ́ хотѧ́ще и҆ а҆́біе превозники и҆зѧ́ти бы́ша ѿ водъ̀, дóндеже здрáвіе полꙋчи́въ бл҃годарѧ́ще бг҃а. ѿхожáхꙋ в дóмы своѧ̀. Тѣ́ло же посáдниче многи мрéжи ввéргше, е҆двà и҆звлекóша ѿ водъ̀. е҆гóже и҆ погребéнію хр҃ті́ѧнскомꙋ не сподóбиша. сіѧ̀ же слы́шавше возлю́бленніи накажи́тесѧ. добро твори́ти а҆ не злò твори́ти. д҆ш҃ю спастѝ а не погꙋби́ти, бывáюще не м҆здои҆́мцы ни лихои҆мѣ́тели, но прáвдѣ и҆ цѣломꙋ́дрію люби́тели, наказꙋ́юще себѐ самѣ́хъ ѿ бж҃твены́х писáніи и҆ ѿ чюдéсъ хр҃тóвѣхъ и҆ е҆гò оу҆гóдниковъ. пáче же и҆ ѿ сегò прт҃чева чюдесѐ, прочитáемаго днéсь на всечт҃ны́и е҆гò и҆ ст҃ы́и прáздникъ во ѹ҆̂шесà всѣ́мъ вáмъ е҆ли́ко слы́шахомъ и҆ разꙋмѣ́хомъ, и҆ ѻ҆́ц҃ы наши повѣ́даша нáмъ, не оу҆тáисѧ ѿ нáсъ чáдъ и҆́хъ в рóды сіѧ̀, возвѣщáем҆ во хвалы̀ гд҃нѧ и҆ си́лы е҆гò и чюдесà е҆гò. нн҃ѣ и п҃рно и҆ во вѣки вѣкóмъ а҆ми́нь.

Чю́до ѿ спсове ѻ́бразе воѡбраже́ннемъ на латы́ньстей ропа́те поста́кленней на мѣ́стѣ и҆дѣ́же бѣ̀ стоѧ́ла це́рковъ і҆ѡа́нна кртла в вели́комъ новѣ̀ гра́де.

Гдь бгъ на́шъ і҆съ хрто́съ во́ дни дре́внїѧ сотвори̑ в лю́дехъ свои́хъ, зна́менїе преди́вно и҆ всѧ́каго оу҆́жаса и҆спо́лнено в наказа́нїе правовѣ́рнымъ е҆́же бы не смѣшатисѧ и҆́мъ, ни ѻ҆ чесо́мъ приближи́тисѧ к скве́рнымъ лати́номъ. ѻ҆ се́мъ бо бы́сть чю́до пресла́вно в рѹстеи земли̑ в вели́комъ новѣ̀ гра́де, содѣ́вшеесѧ си́це, е҆гда̀ ѹ҆бо стаго про̂рка и҆ пртчи крести́телѧ гдна і҆ѡа́нна. бже́ственнѹю црквь, вели́кого нова̀ гра́да поса́дникъ ѕлоимени́тыи добры́на. мъздо́ю ѿ латы́нъ ѻ҆слепле́нныи, повелѣ̀ на и҆́но мѣ́сто пренести̑ и҆ мѣ́сто тоѧ̀ стыѧ црквѝ ѿда̀, скве́рнымъ лати́номъ на поставле́нїе пога́неи и҆́хъ ропа́те. тогда̀ оу҆бо сі́и ѻ҆каа́ннїи по зло́мѹ своемѹ́ и҆зволе́нїю, ропа́тѹ си̑ оу҆строиша по вѣ́ре и҆ по ѻ҆бы́чаю своемѹ и҆ е҆щѐ ѻ҆нѝ скве́рнїи недово́лни быша, ѻ҆брѣга́нїехъ стаго хра́ма бжтвеннаго

О той же ропатѣ.

И якоже съвръшиша нѣмцы ропату свою, и наяша иконниковъ новгородскихъ, и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣй странѣ въ верху, на прелесть христіяномъ и на соблазнъ; и якожъ написаша иконописцы образъ Спасовъ на ропатѣ, а архіепископа не доложа, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ томъ часѣ пріиде туча съ дождемъ и съ градомъ, и выбило градомъ и мѣсто то, идѣже былъ написанъ образъ Спасовъ, и левкасъ смыло дождемъ, якоже не явитись ни знаменію. Писанія сія же до здѣ. (Памятники старинной русской литературы. Вып. I. Спб. 1860 г., 252 стр.).

предотечи, еже с места его пренесенїемъ и своей ропате на томъ месте поставленїемъ. но ѿко ѕміи распыхахуся срцы своими. еже бы ино что имъ сотворити поношенїе православнымъ. і издавше скверныи свой смыслъ ѿвѣ. оумышленїемъ сицевымъ, повелѣваютъ оубо наймше иконныхъ изуградовъ, воѡбразити и шаровнымъ художьством и вапнымъ над писанїемъ образъ гда бга и спса нашего іса хрта. на ропатнемъ своемъ оугле с полуденныа страны, ѿко бы тому поклонатися хртїаномъ. сему же тако бывшу, пісарїе оубо наймшеса живописаша ѡбразъ ісовъ, но бесповеленїа епкпла. и ѿко совершиша образъ пісменемъ, ѿиша же и закровъ имже бѣ задѣно оно живописательство. Тогда оубо ѿ чюдесй преславну, и многому оужасу исполнену. напрасно абїе внезапу ѿ воздуха сниде, дождь велїи и градъ крѣпкїи, і изби все живописательство образа спсова, і измовено сотвори. ѿкоже дотолика поне ни левканїю ѡстати на месте ѡномъ, и сеже слышавше града оного народи. въ

стрáсѣ и в рáдости вы́ше хвалꙋ Бгꙋ и бл҃годарéніе возсылáхꙋ, ꙗ҆́ко того̀ бж҃твенны́ смотрé-ніемъ и млтвъ рáди вели́каго прчи снесéніе цéркви егѡ̀ с мѣ-ста мсти̇ ѡ҆каа́нномꙋ злѡ̀хи́щ-никꙋ ѻ҆́номꙋ и҆стопле́ніемъ в водѣ̀ а̀ сі́е чю́до во ѡ҆бличе́ніе безбо́жнымъ лати́номъ со-твори̇ право вѣ́рнымъ же в' бо́лшее наказа́ніе и в' крѣ́пкое оу҆твержéніе. сиа̀ ѡ҆боа̀ оу҆стрóи вонми́те оу҆́во ѡ҆пáсно ѡ҆ се́х, православ́іа соблюдáтеліе слы-шащі́и сіа̀. и҆́же не прио҆бщá-тися нáмъ ничи́мже къ сквéр-нымъ и безбóжны́ проти́вни-комъ закóна хрто́ва лати́номъ. ꙗ҆́ко оу҆́во и творца̀ нáшего ѻ҆́в-разъ на сквéрнеи и҆́хъ ропáте. а҆́ще во ѡ҆бразися, и сі́е не оу҆гѡ́дно бг҃ови бы́ти вмѣни́ся е҆моу́же слáва со ѡ҆ц҃е́мъ и҆ сѡ ст҃ы́мъ дх҃омъ ннѣ и првно и во вѣки вѣко́ а҆ми́нь.

Н. И. Надеждинъ-сотрудникъ Вѣстника Европы.

(Продолженіе) [1]).

Прекрасное знаніе классическихъ и новѣйшихъ языковъ дало Надеждину возможность ознакомиться въ оригиналѣ съ выдающимися произведеніями европейской литературы и вполнѣ насладиться ихъ красотами. Склонность къ стихотворству, при чтеніи любимыхъ авторовъ, не разъ побуждала его браться за перо: было трудно удержаться отъ стремленія переложить на русскій языкъ тѣ піесы, которыя вызывали въ душѣ чувство симпатіи, пробуждали работу мысли, способствовали смѣлому полету фантазіи. Гимны Орфея, оды Горація читались вперемѣшку съ «Размышленіями» Ламартина, рапсодіями Козегартена, этюдами Жанъ-Поля Рихтера; быть можетъ, многое переводилось для себя, но немногое попало въ печать. Какъ же смотрѣлъ Надеждинъ на задачу переводчика?—Къ началу прошлаго вѣка достаточно опредѣлились два діаметрально противоположныхъ взгляда на этотъ вопросъ: одинъ создался подъ французскимъ вліяніемъ, другой — подъ нѣмецкимъ. «Самый пріятный переводъ есть, конечно, и самый вѣрный», заявилъ Флоріанъ, въ своей передѣлкѣ «Донъ-Кихота» не постѣснявшійся пере-

---

1) См. Извѣстія, т. XII, кн. 2, стр. 381—403.

одѣть испанца во французскій костюмъ; тѣ же мысли повторялъ и Жуковскій. Съ этой точки зрѣнія, допускается ослабленіе сильныхъ выраженій, перемѣна многихъ стиховъ, выбрасыванье повтореній — вообще всякое приспособленье оригинала ко вкусамъ той націи, для которой онъ переводится. Все вниманіе приковано лишь къ «плавности и чистотѣ языка»; «переводъ долженъ быть вѣренъ гармоніи»; ради нея «можно иногда жертвовать и точностью, и силою»; поэзія сходна съ «музыкальнымъ инструментомъ, въ которомъ вѣрность звуковъ должна уступить ихъ пріятности» [1]). Подобныхъ французскихъ теорій не признавалъ А. В. Шлегель, знаменитый переводчикъ Шекспира. Нѣмецкіе романтики смотрѣли на дѣло серьезнѣе, глубже. «Безпощадное извращеніе» предается осужденію; слѣдуетъ «какъ можно строже придерживаться» «и духа, и содержанія, и внѣшней формы» подлинника; всего необходимѣе «отречься отъ своей самостоятельности», отъ своего «я», «совершенно забыть себя». «По мнѣнію Шлегеля, переводчикъ не долженъ сглаживать никакихъ характеристическихъ различій въ формѣ изложенія; онъ долженъ, по мѣрѣ возможности, передавать всѣ красоты чужой поэзіи, ничего къ нимъ не прибавляя и даже не исправляя шероховатостей слога. Переводчику бываетъ иногда нелегко соблюдать такую вѣрность передачи, потому что ему приходится прибѣгать къ самому вольному употребленію нѣмецкаго языка; но его переводъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть неизящнымъ. Лучше пропустить ту мелочную подробность, которая не поддается переводу, чѣмъ позволять себѣ перефразировку. Не всегда можно переводить одинъ стихъ вслѣдъ за другимъ, но послѣ такого отступленія надо немедленно снова итти шагъ за шагомъ вслѣдъ за авторомъ. Нериѳмованные ямбы должны быть изящны, но отъ нихъ не требуется чопорной правильности. Отъ

---

1) Ср. Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. М. 1898, т. III, ч. I, стр. 441—445; *Отечественныя Записки*, 1853, № 6, стр. 64—66 (статья А. Д. Галахова: «В. А. Жуковскій»).

риѳмованныхъ стиховъ требуется менѣе точная передача каждаго слова подлинника. Вѣдь дѣло идетъ не о копіи, а о переводѣ; наконецъ, надо имѣть въ виду и непереводимую игру словъ» [1]). Мысли Шлегеля раздѣлялъ Надеждинъ, высоко цѣнив-

---

1) Р. Гаймъ. Романтическая школа. М. 1891, стр. 147—153. Ср. A. W. Schlegel. Sämmtliche Werke. Leipzig, 1846. Siebenter Band, SS. 61—64: «Eine poetische Uebersetzung, welche keinen von den characteristischen Unterschieden der Form auslöschte, und seine Schönheiten, so viel möglich, bewahrte, ohne die Anmassung ihm jemals andre zu leihen; welche auch die missfallenden Eigenheiten seines Stils, was oft nicht weniger Mühe machen dürfte, mitübertrüge, würde zwar gewiss ein Unternehmen von grossen, aber in unsrer Sprache nicht unübersteiglichen Schwierigkeiten sein». «Ich wage zu behaupten, dass eine solche Uebersetzung in gewissem Sinne noch treuer als die treueste prosaische sein könnte. Denn nicht gerechnet, dass diese eine entschiedne Unähnlichkeit mit dem Original hat, welche sich über das Ganze verbreitet, so stellt sich dabei sehr oft die Verlegenheit ein, entweder den Ausdruck schwächen, oder sich in Prosa erlauben zu müssen was nur der Poesie, und auch ihr kaum ansteht. Ferner würde es erlaubt sein, sich dem Dichter in seiner Gedrungenheit, seinen Auslassungen, seinen kühnen und nachdrücklichen Wendungen und Stellungen weit näher anzuschmiegen. Hart möchte die Treue des Uebersetzers zuweilen sein, und er müsste sich den freiesten Gebrauch unsrer Sprache in ihrem ganzen Umfange (eine alte Gerechtsame der Dichter, was auch Grammatiker einwenden mögen) nicht vorwerfen lassen; aber nie dürfte sie schwerfällig werden. Er überhüpfe lieber eine widerspenstige Kleinigkeit, als dass er in Umschreibungen verfallen sollte. In der Kürze wetteifre er mit seinem Meister, obgleich die englische Sprache wegen ihrer Einsilbigkeit, welche sonst der Schönheit des Versbaues nicht sehr günstig ist, hierin Vieles voraus hat, und ruhe nicht eher, als bis er sich überzeugt, er habe darin alles in Deutschen Thunliche geleistet. Nicht immer wird er Vers um Vers geben können, aber doch meistentheils, und den Raum, den er an einer Stelle einbüsst, muss er an einer andern wieder zu gewinnen suchen. Diess ist sehr wichtig, denn geht er in einem Verse über das Mass hinaus, so muss er es auch in den folgenden, bis er sich wieder in gleichen Schritt gesetzt hat. Dadurch werden dann Sätze, welche im englischen eine Zeile mit schöner Rundung umschliesst, in zwei aus einander gerissen, und die bedeutenden Schlüsse der Verse, worauf bei ihrem harmonischen Falle so viel beruht, verändert. Es beweist die grosse Uebereinstimmung der beiden Sprachen, dass manche Zeilen Shakspeares, wenn man die wörtlich und mit beibehaltner Ordnung überträgt, sich wie von selbst in dasselbe Mass fügen; hingegen stehe ich dem Uebersetzer nicht dafür, dass bei manchen andern auch die vielfältigsten Versuche nur ein halbes Gelingen zu Wege bringen möchten. Er hüte sich von einer zu steifen Regelmässigkeit in seinen reimlosen Jamben; aber zu schön können sie schwerlich sein. Es ist in unsrer Sprache nicht so leicht, als man sich gewöhnlich einbildet, diesem Silbenmasse alle Vollkommenheit, deren es empfänglich ist, zu geben, wie schon daraus erhellet, dass wir so wenig Vort-

шій и другого «знаменитаго германца» Фосса, который умѣлъ передать по-нѣмецки «во всей прелести эстетическаго изящества» «высочайшее простосердечіе» Гомера. Переложеніе твореній великаго «меонійскаго слѣпца» хорошо тогда, когда «представляетъ его въ неповрежденной первобытной цѣлости», когда «Гомеръ, облекаясь въ формы чуждыя новаго языка, остается вполнѣ древнимъ добрымъ Гомеромъ», со всѣми его «отличительными свойствами»: «важнымъ спокойствіемъ», «силой», «простотой»; съ его стихомъ, «едва отличающимся отъ гармонической прозы легкими выпуклостями мѣрнаго стопосложенія», съ «роскошнымъ обиліемъ многосоставныхъ словъ и многознаменательныхъ выраженій»[1]). Задача тяжела; но однородную задачу долженъ разрѣшить переводчикъ всякаго античнаго поэта, — ее

---

treffliches darin besitzen. In den gereimten Versen wird man sich mit einer weniger wörtlichen Treue begnügen müssen: ihr eigenthümliches Kolorit ist die Hauptsache, und dieses kann nur durch Beibehaltung des Reimes übertragen werden. Vielleicht wird es hier oft unvermeidlich sein, wenn man nicht zu viel weglassen oder gar ein Paar Verse in zwei ausdehnen will, statt des fünffüssigen den sechsfüssigen Jamben zu gebrauchen, wodurch Sentenzen und Schilderungen weniger verlieren, als die eigentlich dialogischen Stellen.

Uebrigens wäre alles sorgfältig zu entfernen, was daran erinnern könnte, dass man eine Kopie vor sich hat. Die Wortspiele, welche sich nicht übertragen, oder durch ähnliche ersetzen lassen, müssten zwar wegbleiben, aber so, dass keine Lücke sichtbar würde. Eben so hätte es der Uebersetzer mit durchaus fremden und ohne Kommentar unverständlichen Anspielungen zu halten. Von bloss zufälligen Dunkelheiten dürfte er den Text befreien; aber wo der Ausdruck seinem Wesen nach verworren ist, da könnte auch dem deutschen Leser die Mühe des Nachsinnens nicht erspart werden. Schon Wieland hat treffend dargethan, warum man Shakspeare nirgends und in keinem Stücke muss verschönern wollen. Ein ganz leichter Anstrich des Alten in Wörtern und Redensarten würde kienen Schaden thun. Nicht alles Alte ist veraltet, und Luthers Kernsprache ist noch jetzt deutscher, als manche neumodige Zierlichkeit. Obgleich Shakspeares Sprache in dem Zeitalter, worin er schrieb, neu und gebräuchlich war, so trägt sie doch das Gepräge der damaligen noch einfältigeren Sitten, und in der Sprache unsrer biedern Voraltern drücken sich dergleichen ebenfalls aus. Solche Wörter und Redensarten, welche unsre heutige Verfeinerung bloss zu ihrem Behufe ersonnen, wären wenigstens sorgfältig zu vermeiden. Die dramatische Wahrheit müsste überall das erste Augenmerk sein: im Nothfall wäre es besser, ihr etwas von dem poetischen Werth aufzuopfern, als umgekehrt».

1) *Московскій Вѣстникъ*, 1830, ч. I, № 4, стр. 372—381 (passim).

задумалъ разрѣшить и Надеждинъ, перелагая на русскій языкъ гимны Орфея и оды Горація.

Полурелигіозное, полуфилософское ученіе, извѣстное подъ именемъ орфизма, не было достаточно изучено въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Правда монографіи Тидемана (Griechenlands erste Philosophen, 1780), Снедорфа (De hymnis veterum Graecorum, 1786), Герляха (De hymnis Orphicis, 1797), Германа (De aetate scriptoris Argonauticorum) иначе, чѣмъ прежде, освѣтили вопросъ о происхожденіи сборника гимновъ и относили его составленіе къ сравнительно позднему времени (послѣ Р. X., послѣ Павзанія), — но взгляды ученыхъ были плохо обоснованы, чувствовались недостатки эрудиціи, методологіи, и многое было оставлено необъясненнымъ. Наиболѣе солидный трудъ X. Лобека (Aglaophamus) появился въ 1829 г., и потому не могъ быть извѣстенъ Надеждину, какъ разъ въ ту же пору напечатавшему переводъ гимновъ въ *Русскомъ Зрителѣ*[1]). Подобно многимъ своимъ современникамъ, нашъ критикъ заинтересовался Орфеемъ, жившимъ, по преданію, не опровергнутому тогдашней критикой, задолго до Гомера, и «слышалъ» въ гимнахъ «отголосокъ древней таинственной лиры Ѳракійскаго пѣснопѣвца». Гимны плѣняли не только своею древностью, но и своимъ содержаніемъ. Орфизмъ «затрагивалъ глубочайшіе вопросы человѣческой мысли», — «о нравственномъ очищеніи человѣка», «о возможности избавленія отъ мученій послѣ смерти»; въ немъ «горѣли яркіе лучи надежды на лучшее загробное бытіе»; «въ немъ нашли свой отзвукъ и суевѣрія греческаго народа, которыя иногда властвуютъ надъ толпою не менѣе вѣры, и магическіе заговоры, и наконецъ, астрологія, заманчиво обѣщавшая поднять таинственную завѣсу будущагó»; космогоническія и теологическія ученія переплетаются другъ съ другомъ; замѣтны пантеизмъ, отношеніе къ стоицизму и системамъ пиѳагорейцевъ и Гераклита, отожествленія боговъ съ сти-

1) Н. И. Новосадскій. Орфическіе гимны. Варшава, 1900, стр. 31—35.

хіями природы, вѣра въ привидѣнія, боговъ — животныхъ и явленія умершихъ[1]). «Сіи пѣсни» — писалъ Надеждинъ — «сколь ни утомительны могутъ казаться по чрезмѣрному изобилію, съ коимъ расточаются въ нихъ эпитеты — драгоцѣнны не только для антикварія, но и для всѣхъ любящихъ прекрасное и высокое въ природѣ и искусствахъ». Это — «цвѣты изъ міра, для насъ погибшаго, — и мы можемъ судить по нимъ, сколь прекрасна была весна древности, коей одолжены они бытіемъ своимъ. Тогда поэзія не была игрушкою бездѣльной фантазіи, но откровеніемъ высокихъ божественныхъ таинствъ. Гимны Орфея воспѣваютъ всеоживляющую вѣчную жизнь, дышащую во всѣхъ явленіяхъ видимаго міра. Сія великая громада представляется въ нихъ населенною живоносными существами»: это — «олицетворенныя силы природы! Имъ, какъ орудіямъ, черезъ которыя благоизволитъ проливаться вѣчная жизнь, воскуряется ѳиміамъ, и возсылается хвалебное пѣніе, дабы они ниспосылали молящимся здравіе, питаніе, миръ, душевныя радости, благочестивый смыслъ и тихое безмятежное отшествіе отъ міра. Для Орфея истинный Богъ былъ Великій Невѣдомый; посему онъ стремился, съ поэтическимъ одушевленіемъ, обнимать Его своею любовію въ видимыхъ представителяхъ Его мудрости и благости — въ силахъ природы»[2])!

Надеждинъ, вѣроятно, прекрасно зналъ переложенія на русскій языкъ гимновъ Орфея, помѣщенныя въ періодическихъ изданіяхъ екатерининской эпохи[3]); но онъ стремился къ научной обоснованности, хотѣлъ дать читателю хорошее понятіе о любопытныхъ литературныхъ памятникахъ. Своему переводу онъ

---

1) Н. И. Новосадскій. Орфическіе гимны. Варшава, 1900, стр. 98—99, 241.

2) *Русскій Зритель*, 1829, ч. V, стр. 145—146.

3) *Утренній Свѣтъ*, ч. IX, стр. 84: «Изъ Орфея: Гимнъ о Богѣ»; *Растущій Виноградъ*, 1786, августъ, стр. 34: «Пѣснословіе о Богѣ и вселенной» Орфея, *съ греческаго*. Ср. Иппокрену, ч. VI, стр. 65: «Гимны изъ пѣсенъ безсмертнаго» (См. А. Н. Неустроевъ. Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ. Спб. 1898, стр. 459). Сл. «Срѣтеніе Орфеемъ солнца» Державина и «Смерть Орфееву» Карамзина.

предпослалъ введеніе, въ которомъ высказываетъ свое мнѣніе о гимнахъ. Его мнѣніе, какъ и объяснительныя примѣчанія къ каждому стихотворенію, въ данный моментъ филологъ-классикъ сочтетъ устарѣвшими, но онъ не рѣшится отрицать ихъ значеніе, если будетъ оцѣнивать съ исторической точки зрѣнія. Надеждину были извѣстны сочиненія, касающіяся предмета изслѣдованія: онъ пользовался венеціанскимъ изданіемъ гимновъ 16-го вѣка, изданіемъ Германа, нѣмецкимъ переводомъ, помѣщеннымъ во франкфуртскомъ журналѣ *Der Lichtbote* (1806), критически относился къ тексту, отмѣчалъ разночтенія, для комментарія наводилъ справки въ «Символикѣ» Крейцера. Онъ отлично понималъ, что разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ орфизма, «требуетъ слишкомъ обширнаго изслѣдованія», и свои собственныя сужденія считалъ не непреложно-истинными, но только *«весьма вѣроятными* положеніями». Эти положенія слѣдующія. «Еще въ прекраснѣйшіе дни греческой древности существовали пѣсни Орфеевы, которыя, конечно, имѣли сходство съ нашими и пѣвались обыкновенно при таинствахъ или мистеріяхъ. Сіи пѣсни, естественно, должны были составлять исключительное достояніе посвященныхъ и, слѣдовательно, не прежде могли сдѣлаться гласными и всеобще извѣстными, какъ по уничтоженіи таинствъ». Большая часть «подлинныхъ пѣсенъ Орфеевыхъ», нѣкогда передаваемыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, «для насъ погибла», а «тѣ, кои могли уберечься, *потерпѣли великія измѣненія*»: «*позднѣйшіе мистагоги подвергали ихъ многимъ преобразованіямъ или даже замѣняли новыми подражаніями*». «Если же обратить вниманіе: со стороны мыслей — на логическое образованіе и иногда слишкомъ нагое выраженіе философическихъ понятій; со стороны поэзіи—на аллегорическую отдѣлку, на отзывающуюся новизною пламенность, чувствительность и напряженную возвышенность, на сіе слишкомъ безформное объятіе безконечнаго, принадлежащее *временамъ позднѣйшимъ;* со стороны изложенія — на очевидную моложавость языка и нечистоту просодіи, — то нельзя не приз-

наться, что настоящее собраніе Орфеевыхъ таинственныхъ пѣснопѣній заклеймлено глубоко печатію тѣхъ временъ, въ кои *духъ древней Эллады уже состарѣлся и поэзія уступила мѣсто наукѣ*. Сродство вѣющаго въ нихъ духа съ *неоплатоническою* и *стоическою* философіею даетъ поводъ подозрѣвать, что сіи послѣднія имѣли на нихъ дѣятельное вліяніе, хотя, конечно, невозможно утверждать, чтобы все то, что̀ находится въ нихъ сходнаго съ позднѣйшими мудрованіями, не могло произойти ранѣе. Не должно также забывать и того, что извѣстныя черты, кои кажутся намъ признаками новости, могутъ быть слѣдами глубокой древности и оригинальности, и что весьма трудно изрекать рѣшительный судъ о вещахъ, для которыхъ мы имѣемъ такъ мало пунктовъ сравненія. Намъ еще такъ мало извѣстенъ образъ мыслей и выраженій, употреблявшійся въ древнихъ мистеріяхъ»[1]). Надеждинъ, очевидно, не былъ удовлетворенъ тѣми научными изслѣдованіями, которыми онъ руководствовался, высказывая свои «положенія»[2]); онъ предъявлялъ строгія требованія къ комментатору и, въ особенности, переводчику гимновъ. «Предлагаемые здѣсь переводы» — заявлялъ онъ — «стоили великихъ трудовъ. Надлежало бороться съ упорностью нашего языка, отученнаго отъ составленія сложныхъ словъ, бывшаго прежде столь свойственнымъ языку славянскому. Еще бо́льшая

---

1) *Русскій Зритель*, 1829, ч. V, стр. 143—144.

2) «Положенія» Надеждина нѣсколько напоминаютъ мнѣнія западно-европейскихъ ученыхъ конца 18-го вѣка. Тидеманъ полагалъ, что «вступленіе къ гимнамъ написано пиѳагорейцемъ или *неоплатоникомъ*»; по мнѣнію Снедорфа, «основой дошедшаго до насъ сборника гимновъ послужили стихотворенія», которыя распѣвались «мистами во время совершенія религіозныхъ обрядовъ» и «*не оставались безъ измѣненія въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ*», «*подвергаясь различнымъ передѣлкамъ*». «Къ очень сходнымъ со Снедорфомъ выводамъ пришелъ Герляхъ», полагавшій, что гимны «составлены какимъ-нибудь мистомъ изъ сохранившихся въ его памяти отрывковъ стихотвореній, приписывавшихся Орфею. *Къ этимъ отрывкамъ были присоединены вставки, отчасти сочиненныя самимъ составителемъ сборника, отчасти заимствованныя имъ изъ другихъ источниковъ*». Ср. Н. И. Новосадскій. Орфическіе гимны, стр. 31—35.

трудность предстояла — умѣстить сіи многосоставныя слова въ измѣренной рамкѣ гекзаметра»[1]).

Вотъ образецъ одного переложенія, подъ заглавіемъ: «Воскуреніе облакамъ».

«Сонмъ облаковъ плодотворныхъ, воздушныхъ, блуждящихъ по небу,
Дожденосящихъ, гонимыхъ по тверди дыханіемъ вѣтровъ,
Громочреватыхъ, пламенометныхъ, ревущихъ, всевлажныхъ,
Въ лонѣ воздушномъ клубящихся грозно съ грохотомъ ярымъ,
Вихрями рѣемыхъ всюду, рокочущихъ въ бурныхъ раскатахъ, —
Васъ я молю, росоносныя! кроткимъ дыханьемъ зефировъ
Плодообильные ниспосылать дожди на мать—землю»[2]).

Этотъ переводъ, по точности, стоитъ наравнѣ съ переводомъ «Иліады» Гнѣдича. Шлегелевскіе завѣты соблюдаются свято; уклоненіе отъ подлинника можетъ быть вызвано лишь необходимостью соблюсти стихотворный размѣръ.

Подобные пріемы замѣтны и въ переводѣ оды Горація, любимаго поэта Надеждина. Творенія римскаго лирика тщательно

---

1) *Русскій Зритель*, 1829, ч. V, стр. 146.

2) Ср. греческій текстъ: «Νεφελῶν θυμίαμα»:

'Ηέριοι νεφέλαι, καρποτρόφοι, οὐρανόπλαγκτοι,
'Ομβροτόκοι, πνοιῇσιν ἐλαυνόμεναι κατὰ κόσμον·
Βρονταῖαι, πυρόεσσαι, ἐρίβρομοι, ὑγροκέλευθοι·
'Ηέρος ἐν κόλπῳ πάταγον φρικώδε' ἔχουσαι·
Πνεύμασιν ἀντίσπαστοι ἐπιδρομάδην παταγεῦσαι,
'Υμέας νῦν λίτομαι, δροσοείμονες, εὔπνοοι αὔραις,
Πέμπειν καρποτρόφους ὄμβρους ἐπὶ μητέρα γαῖαν.

(Orphica. Cum notis H. Stephani, A. Chr. Eschenbachii, I. M. Gesneri, Th. Tyrwhitti. Recensuit G. Hermannus. Lipsiae, 1805, pars prima, p. 283).

изучаются; подмѣчены и своеобразно освѣщены особенности его міровоззрѣнія — и сдѣлана его характеристика. Горацій — «потаенный романтикъ» — опредѣленіе, вызывающее на размышленія; оно требуетъ доказательствъ. «Какъ пѣвецъ вѣка Августа», разсуждалъ Надеждинъ, «Горацій принадлежитъ хронологически къ греко-римскому міру»; и потому онъ «природный классикъ», «переложившій эолійскую гармонію» — «эхо чистаго классическаго одушевленія — на италійскія ноты», «перенявшій» у древнихъ эллиновъ «внѣшнія формы», въ которыхъ онъ «изливалъ» свои чувства. «Но ритмъ не составляетъ еще поэзіи, и эолійская лира, подъ перстами авзонійскаго пѣвца, могла весьма легко издавать чуждые звуки». «Дирцейскій лебедь, торжественно плавающій за облаками», не имѣетъ ничего общаго со «скромной матинской пчелою», «трудолюбиво сбирающей сладкую росу» съ душистыхъ «цвѣтовъ по рощамъ и берегамъ влажнаго Тибура». «Выспреннее паренье» смѣнилось тихимъ «порханьемъ» съ одного растенія на другое; наслажденіе не только въ «пучинѣ» лазурныхъ небесъ; можно вкушать «нѣгу» въ зеленѣющей рощѣ, у журчащаго ручья. «А отсюда далеко ли до Петрарки?» «Такъ, а не иначе и надлежало быть по ходу обстоятельствъ». «Золотой вѣкъ Августа», когда жилъ Горацій — «золотая осень древняго классическаго міра». Исчезъ патріотизмъ, началось «гніеніе нравовъ»... «Зловѣщая эпоха!»

«Quid nos dura refugimus
    Aetas? quid intactum nefasti
    Liquimus? Unde manum juventus
Metu deorum continuit? quibus
Pepercit aris?»

«Все благородное, все высокое, все священное» въ эту «злополучную годину» «замираетъ въ Римскомъ колоссѣ». Зарождается «недовольство дѣйствительностью, еще повидимому цвѣтущею, которое такъ же часто срывается со струнъ, какъ и съ

языка ветшающаго человѣчества». Жизнь уклонилась отъ идеала, въ которомъ «надлежало ей искать своего блаженства»; античный геній томился «пресыщеніемъ», «скукой», которая «разрѣшалась сатирической брюзгливостью» «либо веселыми возліяніями Вакху и Эроту въ блаженной идиллической нѣгѣ и беззаботности». «Сладострастные напѣвы», «лелѣявшіе» изнѣженный слухъ, переплетались съ рѣзкими проявленіями желчнаго раздраженія, негодованія. Какъ эхо, повторилъ Горацій современные ему мотивы. «Живо чувствуя повреждене, царствующее всюду вокругъ себя, онъ и вооружился противъ него бичемъ сатиры, и отвѣвался безпечностью идиллическаго самодовольствія. Но у него не было ни слишкомъ кипучей желчи, ни слишкомъ горячей крови. Натура удѣлила ему довольно терпѣнія для того, чтобы щадить человѣческую природу въ самыхъ отвратительнѣйшихъ ея искаженіяхъ; и довольно степенности для того, чтобы сохранять мѣру, предписываемую благоразуміемъ въ самыя соблазнительныя минуты сладчайшаго упоенія». Поэзіи Горація «принадлежитъ собственная, характеристическая, такъ сказать, Гораціанская физіономія. Золотая умѣренность (aurea mediocritas) составляла отличительное ея свойство. Римскій поэтъ не считалъ грѣхомъ посмѣяться надъ нечесаною головою, обвислою тогою и уродливой обувью», но считалъ «ужаснѣйшимъ преступленіемъ обносить ближнихъ злобною клеветою и, на счетъ чужой чести, смѣша толпу, пріобрѣтать славу краснобая». «Подъ сѣнію мирнаго Тибура, въ кругу друзей, за стаканомъ фалернскаго, любилъ онъ погулять и повеселиться», «но, между тѣмъ, завѣщалъ всегда хранить мѣру при наслажденіи упояющими дарами Вакха». «Такая умѣренность, естественно должна была предохранять его отъ цинической строптивости и отъ эпикурейскаго распутства»; она оказала «рѣшительное вліяніе» не только на лиру поэта, но и на всю его жизнь. «Въ критическія минуты послѣдняго издыханія римской свободы Горацій не былъ Брутомъ, но провожалъ Брута на поле битвы, въ качествѣ трибуна военнаго, и ежели, по собственному добродушному признанію, бросилъ щитъ

и далъ тягу при Филиппахъ, то не прежде, по крайней мѣрѣ, какъ увидѣлъ мужество сокрушенное и грозныхъ поборниковъ свободы, распростертыхъ въ кровавомъ прахѣ». — Простившись «съ шумною дѣятельностью гражданской жизни, онъ не закутывался торжественно въ мантію философа, но любилъ скромно заниматься изученіемъ истиннаго и добраго». «Философъ житейскаго благоразумія, мудрецъ опыта», Горацій имѣлъ «въ душѣ» достаточно «поэтическаго огня»: «его благоразуміе не застывало въ холодныхъ эгоистическихъ «расчетахъ», «согрѣвалось» «теплотою чувства». Его «мечтанія» «осребрялись блѣднымъ, но неподдѣльнымъ мерцаніемъ изъ внутренняго святилища идеальной, незримой жизни»; онъ умѣлъ «проникать внутрь себя», и открыто признавалъ «земные призраки», среди которыхъ «ликовало древнее человѣчество».

«Quid brevi fortes jaculamur aevo
Multa?
Aequa lege Necessitas
Sortitur insignes et imos;
Omne capax movet urna nomen».

Горацій «искалъ убѣжища отъ грызущихъ заботъ опостылѣвшей жизни въ мирномъ содружествѣ съ благою природою», но «душѣ, разочарованной горькой опытностью», «идиллическая Аркадія» не давала полнаго удовлетворенія. Безъ сомнѣнія, «прохлада, дышащая на цвѣтущихъ берегахъ» Аніена «освѣжала»; «уголокъ Тибурскій ласково улыбался», но «мысль о суетѣ и ничтожности всякаго земного наслажденія преслѣдовала тайно всюду»; веселыя думы смѣнялись «незванымъ уныніемъ». Отчаяніе, неминуемо, должно было бы овладѣть Гораціемъ, если бы онъ не успѣлъ хотя нѣсколько разсѣять мракъ, окутывающій царство идей, составляющихъ исключительное достояніе человѣческаго духа и—«по ту сторону тлѣнной дѣйствительности, не зажегъ для себя» «звѣзды утѣшенія». Онъ «не постигъ еще

вполнѣ достоинства человѣческой своей природы», но, все же, «умѣлъ оцѣнить идеальную высокость своего поэтическаго служенія». Оно возвеличивало его въ «собственныхъ глазахъ»; онъ какъ-бы прозрѣвалъ въ грядущемъ свое безсмертіе: «Non omnis moriar»! И сердце умиротворялось, «настраивалось» болѣе спокойно. «Пѣвецъ Августа, хладнокровный къ настоящимъ рукоплесканіямъ дружескаго потворства и наемной лести, восхищался» при мысли, что нѣкогда престарѣлыя римлянки «будутъ вспоминать съ удовольствіемъ время, когда онѣ, еще на зарѣ дней своихъ воспѣвали, на вѣковомъ празднествѣ, угодную богамъ пѣснь, сложенную сладкозвучнымъ пѣвцомъ Горацiемъ».

«Nupta jam dices: «ego dis amicum,
Saeculo festas referente luces,
Reddidi carmen docilis modorum
Vatis Horati».

«Подъ виноградными Тибурскими сѣнями» поэтъ «любилъ мысленно представлять прахъ свой, орошаемый слезами вѣрной, незабывчивой дружбы».

«Ibi tu calentem
Debita sparges lacrima favillam
Vatis amici».

«Не прелюдіи ли это вѣщей романтической арфы»? Горацій понималъ бренность земного существованія: «Pulvis et umbra sumus»; но онъ умѣлъ находить себѣ утѣшеніе:

«Non ego, quem vocas,
Dilecte Maecenas, obibo
Nec Stygia cohibebor unda».

Умѣнье скрасить «сладкими предчувствіями» невѣдомую будущность» — «не есть ли завѣтная тайна» генія эпохи христіан-

ства, генія, который «одинъ — жилецъ незримаго міра»? «Догорающій вечеръ» античности «встрѣчается съ затепливающимся утромъ» романтизма.

«Классическій кругозоръ» — узокъ для Горація. Возлагая упованіе на будущее, онъ находилъ себѣ отраду и въ «дивныхъ», «умилительныхъ» воспоминаніяхъ о быломъ величіи Рима; ихъ «умѣлъ цѣнить», отъ нихъ заимствовалъ душевную бодрость. Онъ «воскрешалъ въ поэтическихъ видѣніяхъ память минувшихъ временъ; «смиряя негодованіе», вызываемое «срамомъ потомковъ», «гордился добродѣтелями предковъ» и «съ благородной признательностью» взывалъ къ величественнымъ тѣнямъ Регуловъ и Скавровъ, Эмиліевъ и Фабриціевъ, Куріевъ и Камилловъ», которые «въ суровомъ убожествѣ, подъ скудною кровлею прародительскихъ хижинъ, научались — по его прекрасному выраженію — расточать души свои за отечество». И невольно поэтъ заставляетъ читателя любить и уважать себя еще прежде, чѣмъ успѣетъ «изумить воображеніе» своими пѣснями, которыя «всегда останутся утѣшительнымъ прибѣжищемъ» для лицъ, «ищущихъ спасти свое человѣческое достоинство среди бурь житейскаго треволненія вѣрою въ сіе достоинство». «А это не дѣло классической поэзіи». Она «укрѣпляла» людей «противъ враждебной непріязни» неумолимаго рока или «стоическимъ безстрашіемъ, или анакреонтическою беззаботностью». Самъ Горацій иногда изображаетъ «праведника, безтрепетно погибающаго подъ развалинами вселенной», или «приглашаетъ гостей своихъ дожидаться смерти съ тирсомъ, обвитымъ плющемъ, за круговою кипящею чашей». «Но когда изъ праха», въ который обращается все земное, возстаютъ предъ нимъ «священныя тѣни благочестиваго Энея, могущественнаго Тулла и Анка», а съ ними воскресаютъ чудныя преданія, побуждающія Римлянина «радоваться» своему славному происхожденію, своей кровной связи съ «вѣчнымъ градомъ», — «кто не признаетъ здѣсь прикосновенія чуждаго волшебнаго жезла», по «манію» котораго «должна была воздвигнуться на развалинахъ сокрушившагося классицизма новая поэтическая

вселенная со своими таинственными предчувствіями, радужными мечтами, эѳирными надеждами — вселенная романтическая».

«Внутреннее уклоненіе къ романтизму» отразилось и на внѣшней формѣ» твореній Горація. Стиль его уже не «отличается той мраморной бѣлизною, усѣянной развѣ своими природными блестками, которая составляла существенный характеръ выраженія безцвѣтной классической пластики»; онъ «расцвѣченъ, напротивъ, со всею роскошью *живописи*», «не имѣетъ недостатка въ живомъ *колоритѣ*», «въ высочайшей степени картинный». «Что̀ ни мысль, то образъ; что̀ ни слово, то цвѣтъ, и цвѣтъ яркій»; тропы чередуются съ фигурами. Самый «механизмъ стихосложенія» отличается «роскошнымъ обиліемъ разнообразныхъ метровъ, переплетающихся между собою со всею прелестью *музыкальной гармоніи*».

Латинскій языкъ возводится до совершенства. Лира Венузійскаго поэта слыветъ «нарядной»; дружитъ съ мѣрой; ей чужда напыщенность, свойственна естественность, «веселая прелесть свободной граціи». «Lyricorum Horatius fere solus legi dignus», сказалъ Квинтиліанъ.

«Несмотря на тайное сродство» поэзіи Горація «съ романтическимъ духомъ, подъ вліяніемъ котораго образовались новѣйшіе европейскіе языки, переложеніе ея на каждый изъ нихъ есть работа, сопряженная съ величайшими затрудненіями и неудобствами. Весьма легко подстраивать новыя арфы подъ тонъ лиры Гораціанской, но для того, чтобы *соблюсти вѣрно самый тактъ ея*, надлежало бы изломать и исковеркать европейскія нарѣчія, непокоряющіяся, по натурѣ своей, классическому образовательному ритму, даже и безъ того высочайшаго утонченія, въ которое возведенъ онъ мастерствомъ Горація. А это, между тѣмъ, необходимо», если переложеніе должно вѣрно отразить «оригинальную гармонію». «*Свободныя переложенія въ прозѣ и стихахъ произвольнаго размѣра, при всемъ своемъ самобытномъ изяществѣ, не могутъ удовлетворить вполнѣ своему имени: они остаются всегда болѣе или менѣе удачными подражаніями*». «Въ отно-

шеніи къ Горацію» надо быть особенно осторожнымъ, ибо «его метрика составляетъ характеристическую черту поэтической его физіономіи». «Нѣмецкій переводъ знаменитаго Фосса, кажется, обреченъ былъ на преодолѣніе всѣхъ затрудненій. Горацій переложенъ имъ, со всѣми принадлежностями поэтическаго механизма, тѣмъ же ритмомъ и тактомъ». Переводъ отличается «наистрожайшею вѣрностью» и можетъ быть названъ «противустрочнымъ»: въ немъ «слово не вездѣ приходитъ подъ слово, зато стихъ въ стихъ всюду приходится». Но, къ сожалѣнію, вѣрность сохранена въ ущербъ поэзіи: исчезли «свободное одушевленіе», «легкая грація» оригинала. На лицо признаки «тяжелой работы»; произведено «насиліе» надъ языкомъ, затемняющее мысль, препятствующее ея усвоенію. Такой трудъ напоминаетъ «пляску циклоповъ».—Русскія переложенія тоже неудовлетворительны. Надеждинъ даже не удостаиваетъ вниманія переводы Поповскаго и Баркова и останавливается на «опытахъ» болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтовъ. Причины неудачъ нашихъ соотечественниковъ или въ маломъ сродствѣ таланта переводчика съ дарованіемъ римскаго лирика, или въ слишкомъ произвольномъ отклоненіи отъ латинскаго текста, или, наконецъ, въ непозволительномъ смѣшеніи «русскихъ звуковъ» съ чужеземными «отголосками». Каждый переводчикъ сносно выполнялъ задачу, когда *«попадалъ на созвучныя себѣ струны»*. Державинъ подражалъ тѣмъ «пѣснопѣніямъ» Горація, въ которыхъ «торжествуетъ» фантазія, встрѣчаются «блестящія картины и яркіе образы»; Дмитріевъ, надѣленный «равновѣсіемъ поэтическаго благоразумія» и тщательно слѣдившій за отдѣлкой слога, пренебрегалъ точностью; Капнистъ, слишкомъ чувствительный и склонный къ мечтательности, не «закаленный въ грозныхъ политическихъ буряхъ до совершеннаго разочарованія въ жизни», «добродушно переводилъ древняго римлянина съ береговъ Аніена на берега Псела и, угощая шампанскимъ вмѣсто кампанскаго, заставлялъ благословлять небо Украйны, которое, отогрѣвая насъ, сыновъ сѣвера, могло бы заморозить разгульнаго Тибурскаго помѣщика»; Востоковъ «умѣлъ

вѣрно подслушать и передать *одинъ только метръ* Горація»; Мерзляковъ, прекрасно понимавшій «искреннюю любовь», «чистую вѣру въ жизнь и природу», не могъ усвоить «легкомысленнаго кощунства», «вакхическаго неистовства»,—былъ черезчуръ пламенный въ чувствахъ и болѣе цѣломудренъ, чѣмъ требовалось; Орловъ, какъ переводчикъ, стоитъ ниже многихъ своихъ предшественниковъ. Горацій «еще ожидаетъ русскаго Фосса!» [1]) Но «paulatim summa petuntur», «каждый дѣльный опытъ» — «новая ступень къ совершенству»,—Надеждинъ рѣшаетъ самъ перевести четырнадцатую оду первой книги:

«О, несчастный корабль! снова влечешься ты
Въ бурное море!.. Ахъ! что̀ ты!.. куда твой бѣгъ?
О, спѣши, спѣши въ пристань!
Иль не видишь ты?... гдѣ твои
Весла?... мачту твою буйный воюетъ вихрь;
Райны стонутъ, трещатъ; снасти оборваны...
И тебѣ устоять ли
Противъ бурныхъ, кипящихъ волнъ?
Нѣтъ вѣтрилъ у тебя... и покровители
Боги воплямъ [2]) твоимъ внять отрекаются!
Тщетно, тщетно надменный
Дубравъ мрачныхъ понтійскихъ сынъ,
Ты гордишься теперь древнею славою!
Нѣтъ, кормы пестротой не обольстить тебѣ
Робкихъ плавателей!—бойся (sic)
Быть игралищемъ ярыхъ волнъ!
Ахъ! давно ль по тебѣ духъ сокрушался мой?
И опять съ тоской должно дружиться мнѣ!

---

1) *Московскій Вѣстникъ*, 1830, ч. IV, стр. 255—294. Ср. *Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*. Спб. 1885, т. XXXVI: «Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.», стр. 3—7 (отзывъ П. В. Помяловскаго о переводахъ Мерзлякова, Орлова и др.).

2) Въ текстѣ: «волнамъ»—очевидная опечатка.

О! бѣги пучинъ грозныхъ,
Воющихъ вкругъ Цикладскихъ скалъ!» [1])

Можно быть разныхъ мнѣній о стилистическихъ достоинствахъ даннаго переложенія, но нельзя отказать Надеждину въ хорошемъ пониманіи латинскаго текста и въ справедливомъ желаніи сохранить размѣръ подлинника.

Переводы Надеждина съ классическихъ языковъ, по своимъ качествамъ, однородны съ переводами новѣйшихъ произведеній. Изъ французскихъ—его заинтересовали «Размышленія» Ламартина, вышедшія въ свѣтъ въ 1820 году. Выборъ былъ естественъ и удаченъ. Небольшая книжечка стихотвореній Ламартина, произвела чарующее впечатлѣніе на современниковъ: Сентъ-Бевъ нашелъ въ ней поэзію, «дѣйствительно отражавшую внутренній міръ», «возвышенную и божественную»; самъ Талей-

1) *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 14, стр. 116. Ср. латинскій оригиналъ:

O navis, referent in mare te novi
Fluctus. O quid agis? Fortiter occupa
    Portum. Nonne vides, ut
    Nudum remigio latus
Et malus celeri saucius Africo
Antennaeque gemunt, ac sine funibus
    Vix durare carinae
    Possunt imperiosius
Aequor? Non tibi sunt integra lintea,
Non di, quos iterum pressa voces malo.
    Quamvis pontica pinus,
    Silvae filia nobilis,
Jactes et genus et nomen inutile:
Nil pictis timidus navita puppibus
    Fidit. Tu, nisi ventis
    Debes ludibrium, cave.
Nuper sollicitum quae mihi taedium,
Nunc desiderium curaque non levis,
    Interfusa nitentes
    Vites aequora Cycladas.

(Q. Horatii Flacci carmina. Съ примѣчаніями Лукіана Миллера. Спб. 1889, стр. 25—27).

ранъ былъ «растроганъ» и «провелъ часть ночи за ея чтеніемъ»; министръ иностранныхъ дѣлъ далъ автору мѣсто attaché при посольствѣ въ Италіи; король назначилъ ему пенсію. Слѣдуя примѣру французовъ, и наши литераторы увлеклись Ламартиномъ и помѣщали его піесы въ періодическихъ изданіяхъ [1]). Настроенію эпохи подчинился Надеждинъ, переложившій на русскій языкъ «Réponse de la providence à l'homme».

Вотъ начало «Промысла человѣку».

«Какъ!... сынъ ничтожества! и жизнь тебѣ не въ радость?
Несчастный! тяготитъ тебя любовь моя?
Тебѣ горька моихъ лобзаній нѣжныхъ сладость?
Ты ропщешь на меня?...

Несмысленный! ты былъ еще ничто, и мною
Тебѣ блаженства путь уже начертанъ былъ!
Ты въ лонѣ спѣлъ моемъ, а духъ мой надъ тобою!
Ты былъ уже мнѣ милъ!

Такъ!... счастіе твое я искони готовилъ:
Ты жилъ во мнѣ, — и я трудился для тебя!
Насталъ твой день!... Я рекъ: «Родись! Я все устроилъ!
Будь счастливъ, чти меня!»

Ты родился! и что жъ?... Рука моя благая
Не предала тебя въ игралище судьбѣ, —
Персть хладную твою незримо согрѣвая,
Мой огнь горитъ въ тебѣ.

Изъ нѣдръ моихъ млеко эѳирное струится;
И ты воспитанъ имъ! — Составъ твой я соткалъ;
Мой персть помогъ твоей зѣницѣ округлиться
И въ ней весь міръ вписалъ!

---

1) См. *Московскій Телеграфъ*, 1825, №№ 6, 8, 22; 1826, №№ 8, 10, 12. Напечатаны слѣдующія піесы: «Къ Эльвирѣ», «Озеро», «Вечеръ»; «Счастливецъ», «Байскій заливъ», «Уныніе», «Элегія». Изъ переводчиковъ извѣстны: Бороздна, Волковъ, Грековъ, Познанскій, Степановъ, Тюринъ.

Твой духъ слѣпотствовалъ въ темницѣ мрачной персти;
Я рекъ тебѣ: «Прозри!» — и умъ отверзся твой;
Проснулась мысль въ тебѣ: звучатъ уста отверсты;
Ты носишь образъ мой!» и т. д.[1]).

Кромѣ Ламартина Надеждинъ интересовался Жанъ-Полемъ Рихтеромъ[2]) и Козегартеномъ[3]). Изъ «Картинъ» перваго пере-

---

1) *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 8, стр. 293—297. — Ср. французскій оригиналъ:

Quoi! le fils du néant a maudit l'existence!
Quoi! tu peux m' accuser de mes propres bienfaits!
Tu peux fermer tes yeux à la magnificence
Des dons que je t'ai faits!
Tu n' étais pas encore, créature insensée,
Déjà de ton bonheur j' enfentais le dessin;
Déjà, comme son fruit, l' éternelle pensée
Te portait dans son sein.
Oui, ton être futur vivait dans ma mémoire;
Je préparais les temps selon ma volonté.
Enfin ce jour parut, je dis: «Nais pour ma gloire,
Et ta félicité»!
Tu naquis: ma tendresse, invisible et présente,
Ne livra pas mon oeuvre aux chances du hasard;
J' échauffai de tes sens la sève languissante
Des feux de mon regard.
D' un lait mystérieux je remplis la mamelle;
Tu t' enivras sans peine à ces sources d' amour.
J' affermis les ressorts, j' arrondis la prunelle
Où se peignit le jour.
Ton âme, quelque temps par les sens éclipsée,
Comme tes yeux au jour, s'ouvrit à la raison:
Tu pensas; la parole acheva ta pensée,
Et j'y gravai mon nom»....

(Alphonse de Lamartine. Méditations poétiques. Bruxelles, 1820, pp. 32—36).

2) *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 15, стр. 199—203.—До 1829 года переводы произведеній Жана-Поля Рихтера встрѣчаются въ *Московскомъ Телеграфѣ* (1827, №№ 9, 11) и *Московскомъ Вѣстникѣ* (1827, №№ 3, 12). Напечатаны: «Полиметры», «На кончину»; «Обѣты друга», «Описаніе Изолы-Беллы». Ср. Мнемозину, 1824, ч. I, стр. 182: «Многомѣры» (изъ Жанъ-Поля Рихтера).

3) *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 4, стр. 303—305. Козегартена переводили еще въ концѣ 18-го вѣка въ *Пріятномъ и Полезномъ* (ч. VIII, стр. 329) и *Иппокренѣ* (ч. III, стр. 17). Здѣсь помѣщены: «Гробы въ Дустрѣ» и «Эдальвина». Ср. «Ритогара и Ванду», въ переложеніи Г. П. Каменева (А. Н. Неустроевъ. Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ. Спб. 1898, стр. 300; Е. А. Бобровъ. Къ біографіи Г. П. Каменева. Варшава, 1905, стр. 82).

ведена «Ночь несчастнаго подъ новый годъ»; изъ рапсодій второго — гимнъ «Восходящему солнцу», недурной по стилю.

«Солнце, ко сну!
Солнце, ко сну!
Сладкій сонъ тебѣ, солнце!»

Великое свѣтило «со славою» потрудилось въ теченіе дня для вселенной: оно разгоняло тьму, грѣло, «оплодотворяло влагой лоно земли», «румянило почки, чреватыя жизнью», раскрыло цвѣтку «молодую скорлупку», «наполнило сокомъ зеленую жатву», «любовь вездѣ сѣя, любовь и пожало». По своемъ закатѣ, солнце уноситъ съ собой «благословенія людей», которые ждутъ его восхода и обращаются къ нему съ воззваніемъ.

«Встань, пробудися на новые подвиги!
Тебя ожидаетъ міръ, жаждущій жизни;
Тебя ожидаютъ поля и луга;
Тебя ожидаютъ и птицы, и звѣри;
Тебя ожидаетъ путникъ во мракѣ;
Тебя ожидаетъ кормчій средь бури;
Тебя ожидаетъ недужный на ложѣ».

Въ честь солнца поютъ пѣсни народы, шелестятъ по листьямъ деревьевъ зефиры, «поля благодарный курятъ ѳиміамъ».

Прославленіе красоты природы, поклоненіе ей — сближали переводчика съ нѣмецкимъ поэтомъ.

Научные интересы Надеждина, проявившіеся уже въ переводахъ съ классическихъ языковъ и въ характеристикѣ Горація, были весьма разносторонніе. Статьи историческаго и философскаго характера свидѣтельствуютъ объ эрудиціи автора. Одна изъ нихъ написана по совѣту Каченовскаго, «занимавшагося» въ это время исторіей средневѣковой торговли». «Разговаривая съ

нимъ объ этомъ любимомъ предметѣ», Надеждинъ «замѣтилъ ему однажды, что онъ напрасно упускаетъ вовсе изъ виду «торговыя колоніи» на сѣверномъ Черноморьѣ, въ предѣлахъ нынѣшней новой Россіи. Каченовскій, ухватясь за это, тотчасъ подстрекнулъ его заняться даннымъ вопросомъ и «написать статью для *Вѣстника*» [1]). Таково происхожденіе большого, помѣщеннаго въ пяти книжкахъ журнала, изслѣдованія «О происхожденіи, существованіи и паденіи Итальянскихъ торговыхъ поселеній въ Тавридѣ» [2]). Въ своемъ изслѣдованіи Надеждинъ обнаружилъ удивительную начитанность. Ему были прекрасно извѣстны *въ оригиналѣ* сочиненія Геродота, Діонисія Галикарнасскаго, Страбона, Діодора Сицилійскаго, Діона Хризостома, Плинія, Арріана Флавія, Кассіодора; использованы византійскія хроники Никиты Хоніата, Кедрина, Зонары, Пахимера, трактаты Константина Багрянороднаго; пересмотрѣны итальянскія изысканія Каффаро, Виллани, Парута, Формалеони; изучены новѣйшіе труды Сисмонди, Рауль-Рошетта, Дарю, Галлама, Гиббона, Геерена и др. Внимательное отношеніе къ работѣ, строгая повѣрка документовъ, точныя ссылки съ приведеніемъ цитатъ изъ первоисточниковъ на греческомъ, латинскомъ, итальянскомъ и др. языкахъ должны были поражать читателя. Надеждинъ хорошо выяснилъ историческое значеніе Таврическаго полуострова, который «весьма рано является въ лѣтописяхъ», «какъ звено торговыхъ сношеній между народами», и былъ яблокомъ раздора для «воинственной и торгашеской» Венеціи и не менѣе ея «корыстолюбивой» и смѣлой Генуи. Особенно подробно, ярко и живо ведется разсказъ о соперничествѣ этихъ двухъ республикъ, «состязавшихся о единовластительствѣ надъ всею средиземною системою водъ древняго міра», объ ихъ козняхъ, интригахъ и проискахъ, о той роли, какая выпадала въ ихъ распряхъ на долю разлагающейся Византійской имперіи, о борьбѣ съ татарами и

---

1) *Русскій Вѣстникъ*, 1856, мартъ, книга I, стр. 59.
2) *Вѣстникъ Европы*, 1828, №№ 15—19.

турками, закончившейся паденіемъ Каффы, разгромленной въ XV вѣкѣ пашей Ахметомъ и представлявшей «послѣднее убѣжище» генуезцевъ [1]).

Историческимъ изысканіямъ Надеждинъ удѣлялъ, повидимому, гораздо менѣе времени, чѣмъ философіи. Изученію этой науки онъ отдался съ большимъ увлеченіемъ; она манила его къ себѣ, когда онъ былъ студентомъ академіи; старыя симпатіи сохранились и позднѣе. Надѣленный умомъ глубокимъ и точнымъ, стремящійся къ выработкѣ опредѣленнаго міросозерцанія на прочныхъ основахъ, еще на семинарской скамьѣ ознакомившійся съ разными системами, Надеждинъ изъ всѣхъ мыслителей античнаго міра отдавалъ предпочтеніе Платону. Фактъ—вполнѣ понятный. Съ одной стороны, вліяло богословское образованіе, сказывалось стремленіе согласовать философскія положенія съ истинами Св. Писанія (личное Божество, безсмертіе души, ученіе о нравственности); съ другой, самое имя Платона было окружено извѣстнымъ ореоломъ съ конца восемнадцатаго вѣка [2]). «Еще за нѣсколько лѣтъ до Типографическаго общества», писалъ И. И. Дмитріевъ: «мы уже имѣли въ переводѣ съ греческаго «Творенія велемудраго Платона» [3]). Переводчикомъ былъ священникъ Иванъ Сидоровскій. Духовныя лица, видѣвшія въ Платонѣ — «христіанина до Христа» или «Аттическаго Моисея», могли восхищаться разсужденіями «о праведномъ, о святости, безсмертіи

---

1) Кромѣ упомянутой статьи, Надеждинъ напечаталъ еще одинъ небольшой историческій этюдъ подъ заглавіемъ: «Предначертаніе исторически-критическаго изслѣдованія древне-русской системы удѣловъ» (*Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей россійскихъ*, 1830, ч. V, стр. 92—105).

2) Въ журналахъ этого времени помѣщено не мало статей о Платонѣ. Ср. *Утренній Свѣтъ*, ч. V, стр. I: «Жизнь Платона»; ч. V, стр. 83: «Пиръ Платоновъ о любви, разговоръ»; *Растущій Виноградъ*, 1786, апрѣль, стр. 53: «Надгробное слово великомудраго Платона, съ эллинскаго»; *Чтеніе для вкуса*, ч. II, стр. 145: «Аллегорія Платонова о естествѣ души»; *Бесѣдующій Гражданинъ*, ч. III, стр. 344: «Науки, аллегорическое подражаніе Платону»; *Дѣтское Чтеніе*, ч. IV, стр. 80: «Ананцерисъ и Платонъ». (А. Н. Неустроевъ. Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ. Спб. 1898, стр. 494).

3) И. И. Дмитріевъ. Сочиненія. Спб. 1895, т. II, стр. 28.

души, молитвѣ», либо «добродѣтели» [1]); пылкіе юноши мечтатели, съ душой чувствительной и нѣжной, въ родѣ Карамзина, бредили ученіемъ о государствѣ, которое представлялось въ розовомъ свѣтѣ. То были грезы наяву, возвышенныя утопіи; казалось возможнымъ обставлять жизнь такъ, что люди будутъ отрѣшаться отъ чувственнаго, земного и подготовляться къ сверхчувственному, божественному подъ мудрымъ руководствомъ правителей-философовъ. Поэты «воскрешали Платоновъ», «изощряли съ ними свой умъ», «давали законъ республикамъ», «превращали землю въ небо», пока суровый «опытъ» не «разрушалъ воздушнаго замка юныхъ лѣтъ» [2])... Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка интересъ къ Платону перешелъ въ новую стадію развитія; политика

---

1) «Творенія велемудраго Платона, преложенныя съ греческаго языка на россійскій священникомъ Іоанномъ Сидоровскимъ и коллежскимъ регистраторомъ Матѳіемъ Пахомовымъ, находящимся при обществѣ благородныхъ дѣвицъ». Спб. 1780—1785. Часть первая, предувѣдомленіе отъ переводившихъ, стр. I—XIV.

2) Н. М. Карамзинъ. Сочиненія. Спб. 1848, т. I, стр. 38, 65.—Ср. «Пантеонъ иностранной словесности», М. 1818, ч. I, стр. 41—57: «Платонъ, или о происхожденіи міра. Переводъ изъ Анахарсиса».

Херасковъ въ «Бахаріанѣ» (1803) также отмѣчаетъ увлеченіе Платономъ:

«Захочу ли философствовать,
Со Платономъ древнимъ мудрствую,
Съ Анахарсисомъ я странствую...
. . . .
Вдругъ явилась мнѣ волшебница,
Покровенна съ головы до ногъ:
Весь ея покровъ исписанъ былъ
Разными, какъ атласъ, красками...
. . . .
Тамъ Платонова республика
Тонкой краскою написана,
Времени рукой повытерта;
Тамъ свобода безразсудная
Обѣщаетъ людямъ равенство,
Но себѣ престолы дѣлаетъ,
Только льзя прочесть въ глазахъ у ней,
Что она готовитъ узы тѣмъ,
Кто свободой ослѣпляется»...

была отставлена въ сторону[1]); вниманіе приковано къ «идеологіи»; міръ чувственный, тѣлесный, какъ призрачное отраженіе безсмертнаго міра идей; поэтическое творчество — актъ вдохновенія, ниспосланнаго свыше, воодушевленія, граничащаго съ изступленіемъ, недоступнымъ для простого смертнаго[2]) — вотъ пункты, которые сблизятъ древняго философа съ новыми лите-

---

1) Переведенные въ 1827-мъ году В. Оболенскимъ «Платоновы разговоры о законахъ», повидимому, не пользовались популярностью.

2) Platonis Phaedrus. Lipsiae, 1810, p. 21: «Τρίτη δὲ ἀπὸ Μουσῶν κατοχή τεκαὶ μανία, λαβοῦσα ἁπαλὴν καὶ ἄβατον ψυχήν, ἐγείρουσα καὶ ἐκβακχεύουσα, κατά τε ᾠδὰς καὶ κατὰ τὴν ἄλλην ποίησιν μυρία τῶν παλαιῶν ἔργα κοσμοῦσα τοὺς ἐπιγιγνομένους παιδεύει. ὃς δ'ἂν ἄνευ μανίας Μουσῶν ἐπὶ ποιητικὰς θύρας ἀφίκηται, πεισθείς, ὡς ἄρα ἐκ τέχνης ἱκανὸς ποιητὴς ἐσόμενος, ἀτελὴς αὐτός τεκαὶ ἡ ποίησις ὑπὸ τῆς τῶν μαινομένων ἡ τοῦ σωφρονοῦντος ἠφανίσθη».—Эти мысли подхвачены римскими поэтами.

«Ingenium misera quia fortunatius arte
Credit et excludit *sanos* Helicone poëtas
Democritus, bona pars non ungues ponere curat,
Non barbam, secreta petit loca, balnea vitat»,

пишетъ Горацій (Q. Horatii Flacci carmina. Lipsiae, 1881, p. 236.

De arte poëtica liber, 295—298). Ювеналъ ему вторитъ:

«Sed vatem egregium, cui non sit publica vena,
Qui nihil expositum soleat deducere, nec qui
Communi feriat carmen triviale moneta,
Hunc, qualem nequeo monstrare et sentio tantum,
Anxietate carens animus facit, omnis acerbi
Impatiens, cupidus silvarum avidusque bibendi
Fontibus Aonidum. *Neque enim cantare sub antro*
Pierio thyrsumque potest contingere sana
Paupertas atque aeris inops, cui nocte dieque
Corpus eget: satur est, cum dicit Horatius *euhoe*!
Qui locus ingenio, nisi cum se carmine solo
Vexant et dominis Cirrae Nisaeque feruntur
Pectora vestra, duas non admittentia curas?
Magnae mentis opus nec de lodice paranda
Attonitae, currus et equos faciesque deorum
Aspicere et qualis Rutulum confundat Erinys».

(D. Junii Juvenalis saturae. Leipzig, 1873, SS. 173—174. — Saturarum liber tertius, satura VII, 53—68). — Выраженіе «*sana* paupertas» приведено Weidner'омъ, въ числѣ варіантовъ, на стр. 313).

ратурными теоретиками. Быть можетъ, такъ думали русскіе поклонники нѣмецкихъ и французскихъ романтиковъ. Платонъ является дѣйствующимъ лицомъ въ произведеніяхъ Веневитинова [1]); въ «піитикѣ» Галича, написанной «на нѣмецкій ладъ», Боратынскій усматриваетъ «подновленныя» и «приведенныя въ систему» «откровенія Платоновы» и увлекается ихъ «поэзіей» [2]); Полевой изъ *Journal des Savants* заимствуетъ для *Московскаго Телеграфа* статью подъ заглавіемъ: «Филебъ, или разговоръ о высочайшемъ благѣ» [3]). «Я получилъ первую часть прекраснаго перевода Платона par Cousin, прочелъ, но отдалъ читать императрицѣ», сообщаетъ А. И. Тургеневъ князю Вяземскому [4]). Сочиненіями того же Платона, не въ переводѣ, а въ оригиналѣ, зачитывался и Надеждинъ.

«Идеи», писалъ онъ: «составляютъ величайшее таинство мудрости» греческаго мыслителя, «какъ по своему достоинству, такъ и по символической мрачности, которою угодно было ему окружить святилище своей философіи. Сколько можно видѣть сквозь густоту сего священнаго мрака, идеи были для Платона началомъ бытія и познанія». Существуютъ два міра: видимый, или тѣлесный и невидимый, безтѣлесный. Вещи, воспринимаемыя чувствомъ, непостоянны, мѣняются, «представляютъ только являемое.» Идеи, постигаемыя умомъ, «неизмѣняемы и вѣчны», «изображаютъ сущность вещей, настоящее бытіе, τὰ ὄντως ὄντα»; онѣ—тотъ «узелъ», которымъ «связываются различные безчисленные признаки, разсѣянные въ чувственныхъ предметахъ»; онѣ

1) Д. В. Веневитиновъ. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1862, стр. 151—156 «Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ».

2) Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 1906, т. I, стр. 317. Ср. А. Галичъ. Опытъ науки изящнаго. Спб. 1825, стр. 8: «Періодъ полнаго владычества разума открытъ Платономъ».

3) *Московскій Телеграфъ*, 1826, №№ 1—2: «Филебъ, или разговоръ Платона о величайшемъ благѣ». Ср. статью: «Платонъ и Аристотель» (Тамъ же, 1828, № 22, стр. 174).

4) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, Спб. 1899, т. II, стр. 321. Письмо отъ 8 мая 1823-го года.

«представляютъ разнообразное какъ-бы совокупленнымъ» въ одно цѣлое. «Область идей»—«святилище непреложной истины»; поскольку «чувственныя представленія могутъ быть возводимы къ идеямъ и разсматриваемы въ чистомъ ихъ свѣтѣ», постольку они «могутъ быть причастны истины». «Источникъ идей» — «Умъ Божественный», «коего всезиждительною силою произведена вселенная». Было время, когда «духъ человѣческій, еще прежде сочетанія съ грубымъ тѣломъ, ограничивающимъ горній полетъ его къ безконечному, существовалъ отрѣшенно отъ тѣла; тогда онъ наслаждался вполнѣ общеніемъ съ Богомъ и созерцалъ Божественныя идеи въ первообразной чистотѣ». «Подобенъ составъ человѣческій колесницѣ, везомой конями; душа уподобляется возницѣ, держащему бразды». Коней два: одинъ— «бодрый, живой, стремится туда, куда должно, — въ горняя»; другой, хотя и силенъ, мчится «безпорядочно», порывается не туда, куда слѣдуетъ. «Центръ или средоточіе», котораго должна придерживаться колесница, — Премудрость (Σοφία), Правда (Δικαιοσύνη) и Красота (Κάλλος)... Какое «прекрасное и усладительное зрѣлище»! Пока «душа ввѣрялась преимущественно первой влекущей ее силѣ»—уму, до тѣхъ поръ «теченіе ея было правильно, созерцанія чисты, блаженство полно». «Но какъ скоро низшая сила» — бурная страсть «взяла верхъ надъ первою», колесница совратилась съ пути, и душа, «неискусный возница», «въ наказаніе заключена въ тѣлю, какъ въ темницу» («Федръ»). И «настоящія умопредставленія человѣка» — лишь «воспоминанія непосредственныхъ созерцаній Божественнаго Свѣта: Истины, Правды и Красоты». Это — «искры, таящіяся подъ пепломъ *плотскаго огрубѣнія*»[1]). Печальное состояніе человѣческаго духа, заключеннаго въ матеріальную оболочку, изображено въ VII книгѣ «Республики». Передъ нами «мрачная и обширная пещера», «которая имѣетъ отверстіе на поверхность земли». «Въ самомъ отдаленномъ углу» сидятъ узники; ихъ шея

---

1) Ср. Platonis Phaedrus. Lipsiae, 1810, pp. 22—34.

и ноги связаны; «лицо обращено къ стѣнѣ, противоположной отверстію». «На поверхности земной происходятъ различныя явленія»: «проходятъ взадъ и впередъ люди, проносятъ различныя изображенія; видны яркіе цвѣты, слышны различныя бесѣды»; а «несчастные узники видятъ однѣ только мелькающія» передъ ними «тѣни и слышатъ только» слабые «отголоски»; они «уже привыкли находиться въ такомъ бѣдственномъ положеніи», и потому все, доступное ихъ слуху и зрѣнію, считаютъ «дѣйствительною вещественностью». «Теперь пусть какой-нибудь благодѣтель сошелъ бы къ нимъ, убѣдилъ бы одного изъ нихъ итти съ собою, разрѣшилъ бы его отъ узъ и повелъ бы его — конечно, постепенно и мало-по-малу, ибо иначе онъ могъ бы ослѣпнуть — на землю, гдѣ сначала показалъ бы ему отраженія лучей свѣта, потомъ далъ бы видѣть свѣтъ небесъ, покрытый еще ночнымъ мракомъ, затѣмъ слабое сіяніе вечерняго сумрака и, наконецъ, возвелъ бы его къ совершенному созерцанію свѣта, истолковалъ бы ему истинное положеніе видимыхъ вещей и научилъ бы совершенно разумѣть языкъ, коимъ бесѣдуютъ люди, — не почелъ ли бы» это бывшій узникъ «для себя величайшимъ благодѣяніемъ». И если, наученный такимъ образомъ, онъ «поспѣшилъ бы обратно къ оставшимся плѣнникамъ и началъ бы имъ доказывать, что они видятъ однѣ только» «тѣни» и «слышатъ» слабые «отголоски», — они, «навѣрно, назвали бы его сумасшедшимъ». «Таково положеніе человѣка на землѣ! Земля» — «пещера»; «пребываніе въ тѣлѣ» — «согбеніе»; «то, что̀ онъ видитъ и слышитъ на землѣ и о чемъ бесѣдуетъ съ другими» — только «тѣни» и туманные отблески «идей ясныхъ и свѣтлыхъ». «Но не здѣсь находится истина вещей: она тамъ обитаетъ, гдѣ обитаетъ Божество. Истинный свѣтъ» — «ἰδέα τοῦ ἀγαθοῦ»[1]). «Иное есть солнце, иное — сіяніе солнца, иное — око. Солнце есть Божество; свѣтъ, вокругъ него разливающійся, есть ἰδέα τοῦ ἀγαθοῦ»; «самое Бо-

1) Ср. Platonis Politia sive de re publica libri decem. Lipsiae, 1814, pp. 190—204.

жество не можетъ быть объято душою», ибо безпредѣльное объемлется только безпредѣльнымъ», — потому «ἰδέα τοῦ ἀγαθοῦ объемлется ею: око есть умъ». — «Такимъ образомъ, самосущая Истина, Правда и Красота» — эти «цвѣты или краски преломленнаго Свѣта» (Σοφία τεκαὶ Δικαιοσύνη καὶ Κάλλος ἐστὶ ἐγγύτατα) — «неприступны нынѣ для огрубѣвшаго взора души; она ослѣпилась бы ихъ блескомъ, подобно какъ ночная птица сіяніемъ солнца, если бы даже онѣ сами благоволили себя явить ей. Но между тѣмъ *душа можетъ восходить къ ихъ созерцанію чрезъ разсматриваніе Истины, Правды и Красоты, являющихся въ разныхъ степеняхъ подъ чертами видимыми и ограниченными во вселенной»*. Отъ образа можно возвышаться къ первообразу, и въ минуты «превыспренняго» полета души въ *«горняя»*, въ минуты невыразимаго «восторга», передъ человѣкомъ *«разверзается таинственная область»* идей (τόπος νοητός) и является *«въ первоначальномъ чистомъ и всеблаженномъ сіяніи»*; въ такіе моменты умъ «обнимаетъ сущность вещей» и приближается къ Божеству, «источнику всѣхъ существъ» [1]).

Божество — великій Зодчій, Δημιουργός. Созданіе міра — художественное дѣйствіе. «Истинный художникъ, *не механически*, но *свободно* и *творчески* дѣйствующій, прежде дѣйствительнаго изображенія вещи въ какихъ-либо чертахъ, *имѣетъ уже въ себѣ* болѣе или менѣе раскрытую *идею*, по которой образуетъ свое произведеніе [2]). Въ ходѣ дѣятельности его, въ отношеніи къ сей

---

1) *Вѣстникъ Европы*, 1830, № 11, стр. 161—182: «Идеологія по ученію Платона».

2) Тамъ же, стр. 170—171: «Неоплатоники, основываясь на томъ, что въ Богѣ нѣтъ раздѣленія между мыслію и существованіемъ, вообразили себѣ, яко бы прежде устроенія міра существовалъ міръ идей, или первообразовъ, какъ особенныхъ самостоятельныхъ субстанцій, и сію мысль хотѣли навязать Платону, дабы тѣмъ болѣе дать ей видъ достовѣрности. Но Платонъ не имѣлъ таковой мысли; онъ даже и не могъ имѣть ее сообразно своимъ началамъ! *Предсуществованіе идей въ Умѣ Божественномъ* для того принято въ его системѣ, *чтобы устранить ложное понятіе матеріалистовъ о случайномъ и слѣпомъ устроеніи вселенной*, чрезъ показаніе того, что Богъ образовалъ ее *по единому, отъ вѣчности предначертанному въ Себѣ и слѣдственно всесовершен-*

идеѣ можно примѣчать различныя степени. Сначала увлекаетъ его общая родовая идея физическихъ явленій, естественныхъ силъ или нравственныхъ добродѣтелей и страстей; она объемлетъ его во всей своей цѣлости, дѣйствуетъ на него со всею силою и потрясаетъ его душу. Потомъ уже онъ старается осуществить ее, разрѣшить цѣлость ея на частныя черты, и придумать планъ изобразить ее въ недѣлимой формѣ. Этотъ планъ будетъ тогда нѣчто среднее между идеею и недѣлимымъ произведеніемъ. *Точно такъ происходитъ и въ Божественномъ Разумѣ*. «Τόπος νοητός, или міръ идей есть не что иное, какъ полный, всеобъемлющій *чертежъ будущаго устроенія міра*, съ его законами и рядами существъ; и это-то есть совокупность вещей въ самихъ себѣ». «Міръ явленій» — «отпечатокъ идей или самое произведеніе Всемогущаго Художника» [1]).

Соревнованіе съ Великимъ Зодчимъ—задача всякаго поэта. Для смертнаго созданіе искусства то же, что для Божества природа.

Н. Козминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ному первообразу. Теперь введеніе ипостатическаго міра идей разрушило бы совершенно намѣренія Платоновы. *Ежели бы вся творческая дѣйствительность всемощнаго Архитектора, при устроеніи вселенной, ограничивалась однимъ только подражаніемъ существовавшему уже внѣ Его міру первообразовъ и какъ бы художественнымъ снятіемъ съ него искусственныхъ слѣпковъ,—то Богъ содѣлался бы существомъ чисто страдательнымъ, и Его свобода и разумъ, составляющіе краеугольный камень всей Платоновой философіи, совершенно бы уничтожились*».

1) *Вѣстникъ Европы*, 1830, № 13, стр. 6—7 (изъ статьи: «Метафизика Платонова»).

Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ болгарской митрополіи г. Скопья, съ приложеніемъ службы Константину Философу по средне-болгарскому списку XIII вѣка.

Находясь въ іюнѣ 1899 года въ городѣ Скопьѣ съ цѣлью ознакомленія съ окрестными говорами, я обратилъ вниманіе и на собраніе рукописей болгарской митрополіи г. Скопья. Большинство рукописей писано на пергаменѣ и восходитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще къ XIV вѣку — почти всѣ сербскаго правописанія. Въ отношеніи содержанія рукописи не представляютъ большого интереса: это или богослужебныя книги или собранія житій.

Я отмѣтилъ слѣдующія рукописи: Сборникъ въ 4⁰, на пергаменѣ XV вѣка. На обложкѣ находимъ запись позднѣйшей рукой: къ ҂з҃р о҃ѕ (7176—1668) тогда бы войка на мал'ту. сія кнїга глемы паньюрнікь (sic — испорчено изъ панегирикъ) ѿ маркѡ манастирь сиа книга глеми панаћи ѿ макова манастира храма стаго димитрїа мироточиваго ва рецѣ сѹчницѣ пиа грешни дилотей.

л. 1 читаше монахахь (sic) феодосїи россінской земли царко[ко?]лено ради жь христа сѣща? да цв? науки принать

л. 1 об. на поляхъ: овам книга житїе г҃ мцы писана оу маркова мнтрь ка се писала тк (т. е. въ 1463 г.) а ка се повезала рм години. сиречь повезано во лѣто ҂з҃р на (1643) гѹ повезаль

скопскіи митрополить деѡдосій не со плаћанѣ но со свою р8к8 за свою помень и родителемь егѡ оумолень висть ѿ филодеа иг8мена марковагѡ мн҃тра на ѡбратеніе листа сего ѡвраћешии и р8кописаніе егѡ. (поля 1-го и 2-го листовъ) сіе писахь азь недостоинни во іеромонасѣ кирилль. тетоѕ недостоинни иг8мень тогожде мн҃тра веше ѡбелело потисать владикинь затоа обновихь да не се забораве тр8дь покономь митрополит8 скопском8 кирь деѡдосію ѡбновихь сіе во време митрополита кирь андима во дни мелюна аливегь ибраимь бегь во лето ,а ѿ д҃.

На оборотѣ 2-го листа: сію книг8 повезах азь митрополит скопьски деѡдси (sic) вь лето ҙрна (1643) глема панагерикь за свою дш҃8 и свои ротели мц҃а·м҃? ка? дн҃ь оу скопи.

Заставку образуютъ три терассообразно расположенные прямоугольника, внутри заполненные квадратами синяго цвѣта и жгутами коричневаго цвѣта.

Въ рукописи всего 365 листовъ; лл. 366—368 изъ другой рукописи, писанные въ болѣе позднее время: вездѣ проставлены ударенія. Въ своемъ первоначальномъ видѣ рукопись содержала не менѣе 48 тетрадей, по 8 листовъ въ каждой. Писана въ два столбца полууставомъ.

л. 1 мц҃а септемвріа вь а҃ дн҃ь паметь ст҃го симеѡна стльпника ѡч҃е блви. Нач.: стран'на и дивнаа выше вь дни наше. изволи се мнѣ грѣшн҃моу, и оумыленомоу андонию написати еже постигохь... Нѣсколько листовъ вырвано въ позднѣйшее время!

л. 15—2 ст. мц҃а тог҃ е҃. дн҃ь. слово. О рожьствѣ Іѡа прт҃че. и ѡ 8мрьти ѡц҃а его захаріе. ѡч҃е блви. Нач.: вь лѣто четкрьтодесетноѥ цр҃твоующоу иродоу. възыскание сътвори изьбити млн҃це, иже вь Іерлмѣ...—извѣстный апокрифъ.

л. 17 мц҃а того. ѕ҃ дн҃ь повѣсти великаго и славнаго и чт҃наго и притран'наго михаила архистрага беспл҃тныхь силь. о чюсехь его. І ѡ аплоу еже сьтвориста и наоучиста. и ѡ архіпѣ пономонари. Нач.: Начело ицѣленіи даровь. и благодѣти дан'ыхь намь ѿ ба҃...

л. 22 вн. м҃ца то҃г и҃ днь рожьство прѣстыѥ бцѥ присноДвы мрие. сло похвално архиепа иwа злоустаго. Нач.: свѣтлъ днь и чьснь прѣ очима нашима. днь мти живота нашего. из ложьснь изыде...

л. 22 об. 2 ст. ино чтение. на рожьство прѣстыѥ бцѥ прноДвы мрие. Нач.: вь лѣто написаниа. ѡвоѥ на десете колѣноу iслвоу. бѣ iwакыли богать зѣло, и принося дары своѥ гви соугоубы...— протоевангеліе Іакова.

л. 29 2 ст. мца септ а҃і днь житие и жизнь. блженые деиwдоры. Нач.: вь дни зинона цра, и григорiа епарха соуща вь алеѯандрiи. жена ѥтера именемь деwдора, моужата красна видѣниемь. и богатоу родителю чедо. благород'на и боещи се ба. та сь аггль ликьствоваше...

л. 35 мць. сеи .д҃і днь грѣшнаго андрѥе ѥросолимлѣнина. словw на ѡбрѣтениѥ чтнаго и животворещаго крта. Нач.: вь лѣто з҃. цртвоующ8 костан'тиноу великомоу црю. стоуденаго мца сьбра се множьство ратные чеди...

л. 39 вь ть҃х днь грѣшнаго ан'дреꙗ. ѥросолимлѣнина. сло похвал'но. на вьзвижениѥ чтнаго и животворещаго крта. Нач.: крта празньствьниѥ творимь...

л. 41 пантольва презвитера црквѥ визаньтьскыѥ. чтение на вьзвижение чтнаго животворещаго крта. Нач.: Пакы вьзвиза ѥт се крть...

л. 42 об. 2 ст. мца сект вь е҃і дь мние стго мка никит. Нач.: Вь ѡна врѣмена бы моужь бгомоудрь имене никыта. болѣринь снь цревь. нарицаѥмоу маѯимианоу. любл҃аше же и хь зѣло. поне҃ж хотѣше сьсоудь избран'ны ѥмоу быти...— извѣстный апокрифъ.

л. 46 об. мца — вь ѕ҃і дь мние. стые ефимiе. Нач.: цртвоующоу дин҃клитианоу. прискоу же аньтипатоу соущоу. бѣ сьборь велiи хртиань вь градѣ хал'кыдонец...

л. 50 об. мца тог". вь з҃. дь. мние стхь мниць вѣры любве, и сестры их надеже и мтре их софие. Нач.: словеса рас'каан'ноу бывшоу по всеи посльн'чнѣи гмь нашимь іс хмь. и спсомь...

л. 58 об. 2 ст. м҃ца тѡ҇ вь к҃ страсть ст҃го м҃ника ѥвстатиꙗ стратила҇ и дѥѡфисти жены ѥго и чедоу ѥю. Нач.: вь ц҃рьтво и дьни траꙗна ц҃ра и еще идолослоужению дрьжещоу. бѣ нѣкто вьѥвода именем҇ плакида...

л. 67 об. 2 ст. — вь к҃в д҃н похвала ст҃го сщ҃нном҃ника фокы. Нач.: стыхь ѕб҃о и чюд҇ны҇ и всако оубѡ доблы҇ м҃кь. ст҃ты вь ст҃ты мѣсто ѿдають...

л. 71 об. — вь к҃д стые прьвом҃нице деклы ап҃лы.. Нач.: вьсхѡдещоу павлоу вь иконию. по ѿгнаны иже выв҇шемь ѥмоу ѿ антиѡхые. быста два соупоутника с ни҇. димась и ѥрмогень ковачь...

л. 78 2 ст. вь тьже д҃нь стые прьвом҃нце декли. Нач.: по ст҃ти м҃нѣ ап҃льство прием҇ши ѿ ст҃го павла. вьселеньскаго оучителꙗ. ст҃аꙗ прьвм҃ница декла ѡбрѣте...

л. 78 об. 2 ст. — г҃. е чю бив҇шея вь мерѡсонѣ...

л. 86 об. 2 ст. прохорь вь потрѣва҇ самго седмаго постав҇лѥниа. нети же стефаноу прьвом҃никоу. исписаниꙗ о жи҇ дѣꙗниꙗ іѡ҃а бг҃ослова іеу҃г҃лїста. Нач.: бы по вьшьстви г҃и нашего іс҃ь х҃а на н҃беса. сьбраше вси ап҃ли вь гетсиманию...

л. 128 об. 2 ст. вн. м҃ниѥ стѡ҇ григори҇ вел:::ые армѣние и сты҇ д҃вць рипсимие и ганиꙗны. Нач.: ц҃рьтвоующоу диѡклитиꙗноу рымлꙗны. тиридатоу же армѣниѥю. вьзвѣсти се кь тиридатоу ꙗко вь полатѣ ѥго ѥ҃ именемь григориѥ не чтоущие богь...

л. 156 м҃ца ѡт҃ра. вь ·а҃· д҃нь. м҃ние ст҃го ап҃ла ананиѥ. Нач.: По вьзнесени г҃а нашего іс҃ х҃а иже на н҃беса кь своѥмоу ѡ҃цоу. вьсѣꙗ вь ап҃лѣхь и вь м҃ница҇ сты ананиꙗ...

л. 157 об. 2 ст. вн. — вь ·в҃· д҃нь жи҇ѥ стые оустины. Нач.: ꙗвлению бывшомоу сь н҃бсе на землю сп҃са нашего іс҃ х҃а...

л. 161 об. вь тьже д҃нь м҃ние стаго коуприꙗна. и сты оустини д҃вы. Нач.: прр҃чьскы словесемь сьбивающим҇се. и словесемь г҃а нашего іс҃ х҃а. ѡсѣꙗни...

л. 163 об. 2 ст. вн. м҃ца тѡ҇. вь ·г҃· д҃нь. м҃ние ст҃го диониси҃а ареопагита атинѣискаго. Нач.: По бл҃женѣмь и славнѣмь

въскрсеніи га нашего ісa хa. и по разореніи ꙗко же самь рє, истовыє и богомь вчьскыє єго цркве...

л. 170 2 ст. — вь д. днь мниє стго деꙍктена. Нач.: маѯимиꙗнь самодрьжь, повелѣ всѣх не хотещих пожрѣти боголь...

л. 174 — вь ѕ днь дѣание стаго апла домы како вь индіи създа нбсноую полатоу цроу. Нач.: вь то време вь ніже бѣхоу вси апли вь ієрлмѣ. разѣлише себѣ все страны...

л. 178 2 ст. вь тьже днь моученіе стго апла домы.

л. 181 об. 2 ст. мца ѡвт вь з днь мниє стыю и славныю сергиа и вакха. Нач.: црьствоующоу маѯимиꙗноу мтлю. вь мнозѣи же прѣльсти моучимь бѣ ро члвчьскы...

л. 191 об. — вь ·и· днь мниє стиє мнце пелагиє. Нач.: Прьвомоу гониєнию ѡбникиноу при диѡклитꙗнѣ цри. по всеи вьселеннѣи. мнозы рекше и безчисльныи...

л. 198 об. вн. — вь ·г· днь сщнномчника дорѡдеа. Нач.: аще и нѣкаако мнимо к нѣцыим...

л. 200 об. — вь ві дн. мниє стых и великославных мникь. прова. — тарха и андроника. Нач.: при упати нечьстиваго діоклиꙗна второе...

л. 205 об. вн. до зе писа грѣшны драико діак; л. 206 вн. ѿ зе почель станиславь діакъ — извѣстный переписчикъ XV вѣка.

л. 207 2 ст. — вь гі днь стыю мникоу. карпа и папила. Нач.: Видѣхѣ априли ѡбѣх вь пергаамѣхь...

л. 209 — вь ді днь стых мникь назаріа и протасию и гервасия, и келесию. Нач: Да єликѡ стыє мникы, ѿ єлиньскыихѣ соудіи сь напиннимь соудьна носитсе...

л. 213 2 ст. вн. — вь ѕі днь стаго логина сьтника. проводшааго га бга іс ха. Нач.: многа соуть пиниꙗ мникѣ ꙗкоже искони...

л. 218 2 ст. вн. — вь зі днь мниє стыє моученице гликериє. Нач.: вь прьвѡє лѣтѡ, црьствоующа аитонина. владоущемь же савинѡмь вь процыєю. бѣше свѣщаниє многѡ соущих хртиꙗнѣ вь троꙗнѡбѣ градѣ...

л. 224 — въ ·ѳ҃і· днҍ покои стаго апла х҃ва и еѵ҃листа лѹкы. Нач.: стыи ѹбо бж҃іи ѧ҃никцї. пропов'ѣдав'шеи спса нашего і҃с х҃а. самого же всецр҃а нашего. паче же, и своє дш҃е възлюбьше жї-вота. и съмрьти же, паче живота сего изволише...

л. 225, 2 ст. — въ ·к҃а· днҍ житиє прпбнаго ѡц҃а нашего иларїѡна. Нач.: блаженнаго, и дроуга бж҃иꙗ, иларїѡна житиє на-чинаю...

л. 241 об. ст. 2 — въ ·к҃в· днҍ м҃никє ·з҃· отрокъ ефескыихъ. маѯимилиана, и аемлихъ. мартїна. дїѡниꙗ иѡана еѯа костан-тина. Нач.: егда въ цр҃и се декыи цр҃ь, прїиде въ ефесъ. ѿ кар-тагеньскаго гра҃... — извѣстное апокрифическое сказанiе.

л. 251 об. 2 ст. — въ ·к҃г· днҍ житиє и м҃никє, стаго апла Іакова бра҃ гн҃ѧ по пльти. Нач.: лѣнити се оубо достоꙗше постоу-пати выше силныи страхъ...

л. 257 об. 2 ст. сло҃ и житиє прпбнаго ѡц҃а нашегѡ аверь-кыа. Нач.: Въ ѡни дни старѣишиньствѡ епкоупьство х҃ртиꙗнь-ства еропольѣва гра҃. стомоу аверкыю приимьшоу повелѣниємь самодрьжьць'ь...

л. 273 2 ст. — въ ·к҃д· днҍ м҃никє стаго ареды и дроужини егѡ. Нач.: Въ ві-к лѣтѡ х҃олюбцы иоустина въ ·в҃· индикта... еппоу соущоу въ ерлимѣ іѡаноу...

л. 284 инымъ болѣе мелкимъ и болѣе позднимъ почеркомъ: грїгорїа архїеппа солоунскаго бесѣда. ѡ иже въ стыхъ велико-м҃никѣ и чюдотворци и мѵроточци димитрїи. Повидимому, это листъ изъ другой рукописи, вставленный вмѣсто вырваннаго ли-ста нашей.

л. 285 оставленъ чистымъ; на оборотѣ: — въ к҃ѕ днҍ м҃никє ст҃го и прѣславнаго м҃ника х҃ва димитриꙗ. Нач.: маѯимианъ и еръкѹли примоучи готи савроматы. къ римлꙗномъ низьшь въ солоунскыи градъ. живѣаше. демоночьтьць и бгохоулникъ...

л. 289 об. чюдо ст҃го м҃ника димитриꙗ. єже видѣ слоуга єго, пришьшеє аггелы.

л. 292 об. — въ к҃з. днҍ м҃никє стыє капетолини. и рабы єє єродыди. Нач.: многомь и великомь и добропобѣдномь

мⷭ҇никомь. побивше в'соу противнаго силоу. занкже величати се имь...

л. 298 — вь л҃ днь мⷭ҇ниⷱ҇ стаго зиновиⷱ҇ еп҃па епенинска гра и сестры кго зиновиⷱ҇. Нач.: цр҇твоующоу гоу бгоу нашемоу ис хоу вь бесконьчнии вѣкы. диѡкли(т)ѧнь црь гонении вьзвиже великок на хртиѧны.

л. 301 — ноѥбра. вь. а҃ днь житиѥ и чюдеса. стою и славьнью, и чюдотворцѹ козмы и дамиа. Нач.: Бгоу нашемоу цртвоующоу и хоу, вьсака льсть и вѣсовьскаа слоужба оупразни се...

л. 315 об. — вь в҃ днь мⷭ҇ниѥ стыих мⷭ҇нкь акынд'ина и пигасию' и анем'водиста. и панфатиѩ и єлпидифора. Нач.: и вь ѥстѣ чл҃вчьсцѣ готово ѥ оученик, ѩкоже правити на доброту...

л. 323 об. 2 ст. — вь ·и҃· днь сло похвал'но архангл҃оу михаилѹ и гаврїилоу. сьтворенно климен'томь еп҃пмь. Нач.: Наста празнолюбци прѣсвѣтлоѥ тржьство. бесплътныих силь. прѣспѣваѥ всакого ѹма...

л. 327 ѡ агглѣхь. Нач.: Начи же бесѣдовати ѡ вз҃ѣ, ѡноудѹ же бѣ и доинь, рцѣмь пакы и ѡ тѣхь...

л. 328 вн. (об.) 2 ст. — вь ·аі· днь димодеѩ арх҃иеп҃па алеѯандрьскааго. сказаниѥ чюдесемь сщ҃енномⷱ҇ника мины прѣславнааго. Нач.: Бы по ѹмрьт'выи безаконнааго прѣстоупника и прѣльстника диѡклитиѩна нечьстивааго цра. по бл҃гоизволенню же бж҃ию, бы цртвовати костантиноу...

л. 336 2 ст. вн. — вь ві днь ѡ жити стаго и прпⷣбнаго ѡца нашего Iѡана милостиваго. Нач.: Вь алеѯандрии бывь азь недоиныи. поклонениѩ дѣл'ма стыю мⷭ҇никоу кѹрь Iѡана, и вь наслажениѥ хоироу быти. бесѣдовахь тоу сь ѥтер'ма моужии говѣины...

л. 365 ѡ геѡргїи игоумен҃ѣ сїнаискомь. Нач.: Повѣдаше намь ам'ма дамианѧ мльчецниѩ мти ѡца андїногена епїскопа, гл҃юще. бѣаше игоумень на стѣи горѣ именемь геѡргїи...

лл. 366—368 — изъ другой рукописи — заняты житіемъ Іоанна Златоустаго (безъ конца).

Въ образецъ языка приведу небольшой отрывокъ изъ «Мученія» апостола Ѳомы.

жена маузѣка цра слышавши ѡ блаженѣмь апле домѣ. и ѡтай моужа своегѡ прїзва апла и слыша ѿ него словеса бжиꙗ. бѣаше же име ей моуганиꙗ. тако же и хасии. иже вѣ на слоужбою своею и л. 178 об. мы же и тѣ женоу деренʼтиꙗноу. иже вѣрова сь црцею. и слышаста ѿ домы ѡ чистотѣ и ѡбѣщаста се ѡбѣ слоужити вьчистотѣ хвы. и крти ѡбѣ стыи апль и ктомоу не пристоуписта каꙗжо кь моужеви своемоу. црь же наче моучити своꙗ женоу. жегомь блоуда ради. хаси же разоумь имѣше еже ѿ блаженном домѣ вьзвѣсти гле. жены наше оувѣщаль ѥ дома, да не ѡбіщеть с намї: нь ѡбаче сна твоего и все слоугы твое глабь и прѣльсти ихь. слышавь же црь призва апла домоу. и повелѣ сьвлѣщї его и поставитї и нага и рѣ емоу црь рабь ли ѥсї или свободь. дома же рѣ рабь ѥсмь единаго истиннаго на немʼже власти не имаши. моуздѣи гла емоу, на сию землю како вѣдый прїиде. дома же рѣ гмь своимь продан быx да многые спсоу. и твоима роукама прѣидоу ѿ свѣта сего...

«Мученіе» интересно и потому, что отражаетъ гностическія представленія о бракѣ, вообще о половомъ соединеніи. Мугдонія и Терентіана обѣщаютъ апостолу служить въ чистотѣ Богу. Самъ ап. Ѳома въ своей молитвѣ, между прочимъ, проситъ: не ѡстави мене ѡскрьнити се женами. да ꙗко же довень есмь тебѣ не ѡскврьнѥнь боу:.. (вообще молитва составлена въ духѣ гностическаго ученія). Подобныя произведенія должны были нравиться богомиламъ.

Евангеліе тетръ, писано на пергаменѣ, полууст., безъ начала, въ 8 долю л., съ синаксаремъ. Заглавія отдѣльныхъ чтеній писаны киноварью, сами чтенія писаны въ два столбца. Уже съ оборота 9-го листа начинается евангеліе отъ Марка. Въ концѣ рукописи читаемъ: писа грѣшни прозвутерь геѡргиї емоу же грѣсы бгатʼства ѿчьство гробь. млю вы и миль се дѣю. братиꙗ

моꙗ любимаꙗ. мниси и иереи дꙗкони и чьтци прочитающе сей поминайте мене грѣшнаго и недостоинаго. а вамъ богъ да прости и помилоуеть. вь сий вѣкь и вь градоущии понеже житиꙗ сего вьси имамии прѣйтии. ꙗко сьнь ѿ вьстающаго. нь егда какѡ тамо снидем се вькоупѣ. вь домоу божий. поюще пѣ хоу богоу сь псалмь аллоуꙗ. простите ме а вамъ богъ. вь црстви божий амин.

На л. 9-мъ запись: коупи сию кгоу попь пеѡ ѿ говрьлева оу скопие оу дмитра маньковика за ·пк· аспре. а томоу сведоци иѡсифь митропоть (sic) никола ѿ в(?)рѣтковь попь драничинь ѿ водна. продань ѿ добридоль. никола приꙗвь. дабиживь (?) ковачь в лѣт ҂ѕцпа (1473) и поклони ю дранкеве сноу.

По особенностямъ правописанія рукопись слѣдуетъ отнесть ко времени не позже XIV вѣка, быть можетъ, даже къ XIII вѣку.

Привожу маленькій отрывокъ въ образецъ языка: І пакыси начеть оучитии при мории. и сьбраа се кь немоу народь. ꙗко самомоу вьлѣзьшоу вь корабль. сѣдѣтии вь мори. и вьсь народь при мори на земли бѣаше. и оучаше е притчамии много. и глаше имь вь оучении своемь. слышите. се изыде сѣеи сѣйати и бы егда сѣаше. ѡво паде при поути. и приидоу птице и позобааше е. дроугое паде на каменни. идѣже не имѣ землѥ многый. абые прозебе. зане не имѣше глоубинии земльние. слнцоу же вьсиꙗвшоу присведе. зане не имѣше корѣние оусьше. дроугое паде вь трьни. и вьзыде трьние и подавы е. и плода не дасть. а дроугое паде на земли добрѣи и дааше плодь. вьсходещь и растоущь. и приплодовааше. на л. и на з. и на р. и глаше имѣеи оуши слышати да слышить.

Праздничная Минея безъ начала и съ вырванными въ концѣ листами, писана на бумагѣ. Запись: слава съвршителю богоу в вѣк амин. гни бже нашь иже петрокии и блоудници, сльзами грѣхы ѡставлеи и митара познавша свой прѣгрѣшениа ѡправдавь. да помилоуеть калогерицоу елисаветоу, вь сии вѣкии и кь боудущии. понеже творааше добраа дѣлаа и блгаа и многымь блгим приобьщи се. зане пишеть иже обрѣще тоукоущомоу ѿврьзоуть. ве-

ликоу бо кротость име пишеть бо се. бл҃женни крот'ци ꙗко ты наслѣдѣть землю. бл҃женны плачющей ꙗко ты оутешет се. бл҃жен'ны м҃лтиви ꙗко ты помиловани боудѹть. да изволить г҃ь б҃ь ею на страшномь и нелицемерномь соудищѹ. егда хоще назы прѣстати да дѣсніе страни и пр҃чтаа б҃гомт҃и да ю помилѹет. исписаныхь оу сию кныгоу ст҃ыихь слоужьбами да ю помилоую. и кто прочте рци б҃ь да ю прости вь вѣкы аминь.

2-ая зап.: б҃ь да прости калоугерицѹ дрѹю елисаведѹ понеже великымь и ст҃ымь образомь марина нарицает'се. вь боуѹщии вѣкь аминь да е бл҃жена ѿ тии ст҃их ѿц҃ьь иже соуть вь никеи. ѻдѣѡ бо наготѹ стоуднаго тѣла моего и кто прочте рци б҃ь да ю прости. б҃ь да прости калиноу коꙗ приношааше овощіа вса бл҃гаа на снѣдѣніе намь и многаіщи бо ни оупокой виноѡ да ю помилѹет г҃ь б҃ь и пр҃чтаа б҃гомт҃и и ст҃ы ѿц҃ь нш҃ь чюдотвор'ць николае и кто прочте р'ци б҃ь да ю помилѹе. ѿц҃и и братіе понеж не писа д҃хь ст҃ый нь роука врѣн'наа да еда боудѣ срока недосталена или слово исправлающе поите. а ме бл҃влаите. почини оубоги миикою ѿ великаго троуда. писа се сіа книга вь лѣ ,ѕцки (1420).

Тріодь постная на пергаменѣ писана полууставомъ XIV—XV вв. безъ начала и конца.

Минея праздничная писана на пергаменѣ, быть можетъ, еще XIII вѣка, безъ начала и конца. Рукопись сохранилась въ жалкомъ видѣ: многіе листы оборваны, рукопись пострадала и отъ сырости. Писана не крупнымъ уставнымъ письмомъ, притомъ тупымъ перомъ. Между палеографическими особенностями наиболѣе характерными представляются слѣдующія: ж и ѫ почти не различаются; вмѣсто д вездѣ ф; оу обозначается нерѣдко посредствомъ о съ двумя черточками, расходящимися направо и налѣво, но не соединенными ни между собою, ни съ о. Знаки, образующіе ы, соединены по серединѣ черточкой; ъ и ь мало различаются по написанію; ч очень походитъ на ц; ѡ нерѣдко снабжено внизу и верху черточками (всего четыре), также и; по одной черточкѣ слѣва вверху бываетъ у л и н; наряду съ древнимъ написаніемъ т находимъ и болѣе новое съ сильно опускаю-

щимися конечными черточками, иногда вертикальная черточка внизу загибается вправо; ж пишется въ три пріема; написаніе ꙁ древнее; ѣ немного выдается надъ строкой.

Подъ 14 февраля помѣщена служба св. Кириллу. Въ виду того, что нашъ списокъ значительно отличается отъ списковъ, изданныхъ Срезневскимъ, я ниже привожу службу цѣликомъ.

К. Радченко.

Нѣжинъ, 13 ноября 1906 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ст҃го кѷр҃ила философа: ѹчит҃елѣ ⁞словѣнскѹ ѧзыкꙋ: пѣние гл҃ ҃в ѿ пелены благодѣтиѧ: дх҃омь ст҃ымь: пр҃сно наѹчилсѧ: бисромь благ҃дѣтнымъ: просъıпалъ. еси: во всѫ ѫзыкь расѣвалѧ словеса гн҃ѣ: ѿ҃че прѣп҃обне ст҃е кириле философе: мл҃и мл҃стваго б҃а: да помл҃оуеть дш҃ѧ

ст҃ры гл҃ д п҃о ѣко доблѣ вл҃ѧ:

красотоѧ прѣѹкрашень: дѣтѣлиѧ и мѫдростиѫ ѿ҃че: вес миръ проиде бг҃оразꙋмиемь мѫдре ст҃ымь дх҃омь наѹчи сѧ: словеса прѣмѫдрости въ срц҃а влагаѧ всѣмь: вѣрꙋѧщимь вь х҃а б҃а: на земѧ пришедша: и чл҃вкы ѡб҃живша: за мл҃остъıнѧ неизрѣно: и многопло҃жение бж҃ѡ разꙋма кириле прѣславне:

кротокъ мѫдростиѫ: бж҃ѧ любовь исплъненъ: правовѣрнъıмь ѹчениемь: прѣѹкрашаемь: кириле блаже҃но всѧ гр҃ды и страны проиде: бг҃омъ изабране: просвѣщень благодѣтиѫ сп҃сноѫ: приемши бо разѹмъ б҃ен: сего р҃ди тѧ чтемь вѣрно: кириле философе: и методие: мл҃ите сѫ за дш҃ѧ (ж?)

житие бес порока: достохвалне: с тым же честенъ: прѣдъ бг҃омь бъı҃с: избранъı мѫдростиѧ (ж?) емꙋ же к рѫ(ѧ?)цѣ дш҃ѫ своѫ прѣдаст҃ь: ѿ҃че кир[иле] просвѣщень ч҃юеси: тѣмже мл҃[имь] [т]ѧ за ны помл҃и сѧ: да ѡбрѧщемь мл҃сть тобоѫ в дн҃ь сѫдны:

п҃ом кан҃ гл҃ д пѣ҃ ҃а

морѣ чрьмна пѧ (sic)цинь (sic): немокрьнами стопам҃ дреке шествовавь ил҃зль: кр҃стаѡбразно моисеѡвама рѫкама силѫ амаликокѫ: в пꙋстыни побѣдиль есть: славен б҃ь ꙗко прослави сѧ.

изьчрьпавь мѫдростиѫ: бж҃ествьнѣи твои ѹстнѣ: прилогомь б҃иемь написа сѧ: и напитѣ сѧ биѣ разѹма: свѣтомь ꙗвлеш сѧ и ѧзыкомь: секыроѧ посѣкаѧ неприѣзнинь (sic) лесть посѣкаа оч҃е кири҃о: просвѣти тѧ ꙗко свѣтило: свѣтодавець б҃ь нш҃ь:

всемꙋ мироу ѣви са ꙋчителѣ: и посла т҃а ꙋчити книгами. рамно бльгарскыми: азыкы западныа: ѿче кириле прѣславне:

ст҃ымь д҃хомь: поꙋчень: извлѣче. б҃ие слово влагыа вѣрь (sic) мадре (sic): драгы висерь книгами бльгарскыми блажене: азыкы ѡбогатити б҃иѧ разꙋма: кр[ьст]ными прѣимы: небе҃сныимь сч [етае]мь: б҃еи храмь бы д҃шевны:

та дв҃ѣ прѣстаѧ гора б҃а ни҃ше(го) тебе вь чрѣвѣ понесе

пѣ г. с высоты сн҃ие волеа на земла х҃е: прѣвышнеа ѡвластиж всѣкоа: смѣрена взнесе из рова прѣисподнѣго рода ч҃лвчѣ: иеть ст҃а.

словомь и ср҃цемь: и азыкомь х҃а пропоеѣда: сн҃а б҃иѧ прѣмждрость же и сила: и слово вьпльщено блажене кириле:

мадростиж (а?) прогнѣла: невѣрство нечестивыхь: ѿче кириле и методие. цѣвница прицѣми ст҃ыми: истино ѣви с ѿче кириле: гл҃а намь сп҃снаго. ст҃ымь звжкомь д҃хокнымь: брацаж прѣкрасно сн҃а б҃иѧ пропоеѣдаа. методие и кири.

ѡ ꙋме ѡгньны. ѡ б҃гогласна тржба: ѡ славию многогл҃авы: ластовице доброгласнаѣ: и а(ж?)зыче слаждаи меда: вь приц(ч?)ѣх: кириле прѣма(sic)дре вса ны пома:

свѣтомь ѡчемь: везначалны сн҃ь: ѣко слово в ложесна твоѧ: ѡсѣнѣемь ст҃ымь д҃хомь: в҃це ис тебе р҃ои са пльт҃иж:

с҃в гл҃ и҃. ѣко зарѣ свѣтла восиѣ: и просвѣти вселеньа (sic): и еретигы ѿгона (?): взыскавь на встоцѣ и на западѣ: и на сѣверѣ и югѣ. пропоеѣдаа всѣмь странамь: и азыкомь всѣмь гл҃а: и книгами бльгарскыми проиде. и до рима же дошедь. и тꙋ тѣло своє прѣдьставивь. блажене и в ржцѣ г҃ни. д҃хь твои прѣда҃ть: и благовѣрниѧ ꙋчитель: кириле прѣмждре: мл҃ю х҃а б҃а грѣховь ѡставление подат[и]

пѣ д сѣдаи вь славѣ на прѣстолѣ б҃жествьнѣ: на ѡблачѣ (sic) лекцѣ. приде и҃сь прѣвышни б҃ь: из нетлѣнныа дв҃ы вьпльщен са: слава силѣ твоеи г҃и

дрꙋгы аврамь прѣселениемь бльжене б҃ы: вь ѡтец(ч?)ьство си: прѣмадр°ж (sic) волшаа: ѣко златы монисты ꙋкрасил са еси: лючѣми прѣсвѣтлыми: тѣло ѡблисталь еси.

кропленїемь словесь¹) твоихь ꙗко з^абрало- понесаль еси: мьднѣмьскѫѥ ереси горко прѣложи. тѣлеснаго ѡбраза ѿмѣ-тиѧ сѧ

ꙗвльшїа сѧ іс҃са. евреискаго. его же проповѣдаль еси. равнѫ проповѣдаль еси сѫщѧ силѫ: ст҃го дх҃а: ѿца и сн҃а трьсльнечнаго бж҃ства: имже во всемь мирѣ проповѣдавь: истино божство.

избавивше сѧ прьваго прѣстѫпениꙗ адамова: тобоѫ дв҃це ѡбрѣтомь ра̑дость неизг҃ланьѫ (sic): благословени во всѣмь ро̑нла еси

пѣ̑ є ты г҃и ми свѣть вь мирь пришель е^си свѣ^ть ѿ свѣ^та ѡбращаѧ: из мрачна невѣдѣниꙗ. вѣроѫ славѧщим тѧ и мирь подаваѧщи.

мыслиѧ своукрашен сѧ блажене: истина благодѣть излиѣ сѧ из ѹсть твоихь: дх҃овнаѣ мѫдрость (sic). нечестивыхь глѫбины (sic) прѣсѧчиль (sic) еси: и намь наводнѣѧ. твоими сло^веса прѣ-мѫдре.

стоꙗше крѣпко посо^бьѫ: по вѣрѣ бв҃и мѫдре: льсти прѣты-каниѣ. посѣкаѧ словом ти: и равнѫ бв҃ѫ вѣрѫ ст^ѫжавь: и на-ставлѣѫ всѧ гра̑ды и стра^ны.

прѣплавааще дивно бездны (sic): твоими словесы кириле прѣ-мѫдре: ѡто тмы мрачныѧ и благыѧ вѣры: и вь тишинѫ бв҃ѫ ѡбитѣли всели сѧ.

пѣ̑ ѕ҃. приидѫ вь глѫбинѫ морскѫ. и потопила мѧ есть боурѣ многых ми прѣгрѣшенеи: нь ꙗко бг҃ь сьше̑ль взвель еси дш҃ѫ моѫ прѣмл҃стивѥ.

снемь оумрьтви сѧ и приложивы сѧ. вь агарѣхь ꙗко змиѣ живѫщи вь причѣхь сл҃нечны^х. единого бж҃ства сило (sic) бв҃ѫ изнемагаѫ (ж?):

ꙗко избра^нна стрѣла ты ꙗви сѧ еретигомь и врагомь: ты именемь пророческымь. ꙗко же пишеть: хранѧще сѧ бж҃ствомь прострѣлѣѧще.

вьзлюбивь изма̑. прѣмѫ(ж?)дрость истиньѫ (sic) наоучиль еси: бг҃облаже[не]. ѿче кириле. тѣмь философъ наре^ч сѧ.

тѧ езекиль видѣ вра^т: еже впроиде единь бь:и з ложесньстыхь

твоихъ. прошѣ бъ прѣчитаѣ въ пль'ненѣ са: и пакы затворена ѡставиль есть:

ко гл в. тврьымь ѹмомь и бгодховнымь ѹчениемь просвѣщаа мира прѣсвѣтлами зарѣми: ѡвьтече вса вселенька: ѣко мльнїѣ вса вс°ленъ кириле прѣмж°. расѣвах слов° трьсвѣтлаго бжства. на сѣверѣ и западѣ: тѣмь непрѣстанно мли ха ба ѡче сте кириле прѣславне.

ико прѣславно вьжелѣти взлюбиль ес° словеснаго мира. трьслнчнымь бжствомь: ѡсваѣаемь проиде ѣк° и мльнїѣ вса вселенья. сѣверскж и рѹшьскж и западнж зема (?): просвѣщаа ихъ свѣтомь незаходимымь: тѣмь нн҃ѣ мра"ь грѣховны ражени сте: свыше испроси намь благодѣть духовньа: имаше бо дрьзновение кь [Господоу°?]: тѣмь за на помл са сте ѡче кириле прѣхвалне.

пѣ з не поклонили са твари бгомысльныа па°е ѕижителѣ. нь прѣщенїе' ѡгньно мж(а?)жскы поправше поѣхж прѣпѣты благословень бь ѡцъ.

словесными пищалми призываем та блажене. ѡкца вь ѡгрды стыа: мадрыми твоими причтьми: гви воу° ѹкрашень слѣдостна: словесным твоимь ѹц(ч?)ениемь ѡче кириле.

не ѹстраши са оучителю (sic) мжжескы вь[ни]ти единь: вь пльк жидовскь: съсѣкы же наро ихъ. и прѣмадрости° развръзе стльпь. ѣко нь халанскы(?) прро'чскими причѣми. бгоблажене.

та исто'никь знамена са та свѣме правовѣрнѣ бгоблажене. е[льн?]ы златоточныа напаѣа на° всегда благовѣрнемь. испльнень ѣко рѣкы ицѣление.

небесь та ширшнѣ сьдѣла бь. вра°ѹ неискѹсна и в ложесна твоѣ всели са прѣстаѣ. тѣм мы (?) миим та: стазаеми грѣхми. избавлѣеши мира покаѣниемь спсаа на°.

пѣ и ѡтрокы прѣ'истыа: в пещи роіство бца спсло есть. тогда ѡбразѹемь нн҃ѣ же воспѣваемь вселеныа вса вьздвиже поаще: благослови°е

свѣть прѣложи са. вь свѣтѣ ѣви са: внатием же ѡ ба: ки-

риле философе: дрѹгы же ѡврѣте са на земли авель. дѣтѣлми прошеь вса земла и вь азыцѣхь сиюа ѡко и слнце свѣтлое.

словомь и ѹц(ч?)ении°мь бла ѡко же протрьже са снемь еврейскы. ѹстроениемь словесь твоихь блажене кири[ле]. вь гра̑ѣхь и ко всѣхь азыцѣ[хь] прѣложи са: ты во множество прѣсѣче сте ѿче кириле: ѣко голиѡда дѣдь побѣдиль есть.

[ве?] анѣ та стѣна тврьда земѣ пи [н?] тинска. блажене: имаци вла̑ы. еретичскыа. рѹшить книгами словѣнскыми. триазычникы крѣпко побѣдивь. тѣм же та ѹчителѣ поминаж(а?)ще мадраго: присно ха славаще.

....нитами (?) ѹчинена дво стыхь пр°рокь бца та проповѣдаемь. рон бо ты ѡтроча ветохь д°ньми: ѣко нова члвка: тѣмь же та стжа поемь: и прѣвзносимь ха выкы (sic) вса:

нѣ ф (sic). евга ѹбо недагомь: клатва себѣ приѡбрѣла есть: ты же чи°таю прѣжде рожьства и по роцствѣ еси.

ѡко свѣтилника та драга хс постави вльщати са вь концехь. сте кириле вь вѣнци црквнѣмь: его же ран до смрти подвиза са: мно вьспинь (sic) вѣроа. разѹмомь и говѣниемь.

павлѹ блажене ѹцениемь наслѣдникь бы: томоу во дѣтѣлми послѣдѹа(ж?): проиде до краю западнаго: слово расѣвал во сѣхь странахь:

ѣкоже слнце восиѣ оучителю на зем всадѹ же причѣли же и лѹчѣми богогласе: просвѣщаемь: та поющихь нѣ сьхранѣи вѣрно: кь моцемь твоимь прибѣгающе помани блажене пѣвца своа вѣрно.

лѹцѣми прѣ°и°стаа: твоего прѣсвѣтлаго слнца: дша моа(ж?) просвѣти. лежащіа(ж). в гробѣ погыбѣлнѣмь: вьздвигни ма врагы ськроушающи: ѡскрьбѣющи присно дша моа.

Латышскіе отрывки.

Языкъ латышской письменности первоначальнаго періода отъ 1530 по 1750 годъ развился преимущественно подъ вліяніемъ нѣмецкимъ. Содержаніе памятниковъ 16 и 17 вѣковъ почти исключительно духовное. Въ судопроизводствѣ мѣстный языкъ примѣнялся только изрѣдка при записываніи, при допросахъ подъ угрозою пытокъ, такъ называемыхъ присягахъ,—по латышски ſwehrasts или ſwehrests; нѣм.=Schwur, Eid или pl. t. ſwehri; ſwehreht нѣм. ſweren, ſchwören.

До сихъ поръ извѣстны такія «присяги» или Rota Juramenti изъ области Курляндіи; только недавно удалось Ивану Яковлевичу Спрогису, архиваріусу Виленскаго Центральнаго Архива, открыть въ книгахъ гродскаго суда Инфлянтскаго княжества за 1688—1690 и 1692—1694 гг. новые два *текста* этого рода. Первый изъ этихъ документовъ найденъ 8 февраля сего года, второй 16 февраля. Кромѣ того мною найдено 28 іюня 1900 въ I томѣ «Criminalia» протоколовъ Земскаго суда (Landvogteigerichtsprotocolle) за 1547 по 1610 подъ 1584 годомъ нѣсколько наговоровъ или нашептываній латышскихъ вѣдьмъ (Ragge вм. обыкновенной формы ragana) и чародѣевъ на латышскомъ и отчасти на *ливскомъ* языкахъ. Протоколы эти даютъ не только картину Рижскихъ пристрастныхъ допросовъ, но также и воспроизводятъ нѣкоторыя небезынтересныя духовныя воззрѣнія «инородцевъ», des undeutschen Volkes. Въ 1881 году Алдр. Бух-

11*

гольцъ въ Rigasche Stadtblätter, № 31, стр. 235—238 сообщилъ впервые краткія свѣдѣнія о Рижскихъ пыткахъ и сожиганіи вѣдьмъ въ статьѣ Hexenprocesse des 16 Jahrhunderts. Указанный выше древнѣйшій томъ протоколовъ, собранныхъ въ одну связку «der Posterität zur Nachricht» нѣкіимъ канцелярскимъ регистраторомъ Генрихомъ Ладенмахеромъ еще въ 1637 году, сохраняется нынѣ въ Обществѣ балтійскихъ древностей (Gesellschaft für Altertumskunde und Geschichte der Ostseeprovinzen) въ Ригѣ.

Какъ видно изъ показаній Катерины *Швогстеръ*, жены Мартина Шв., подвергшейся сожженію въ октябрѣ 1576 года, вѣдьма эта (eine *Ragge*, лат. ragana, paragana; лит. ragana, raganaut Hexerei treiben) занималась лѣченіемъ людей, лошадей и всякаго скота (qweck) отъ вывиха, напр. такими словами (въ нѣмецкомъ уже переводѣ протокола): Ein Creutz hertraget dafs Creutz, Creutz, Creutz denn weg gehet Creutz Creutz den Knochen wachset Крестъ преподносится крестъ, крестъ, крестъ; потомъ да идетъ прочь крестъ, крестъ кость сростетъ.

При вторичномъ допросѣ она сознается, 1) что произносила благословеніе Господне на соли (über Saltz) и употребляла при нашептываніи еще слова: солнце, мѣсяцъ, день и ночь, 2) что сатана къ ней приходилъ ночью въ образѣ нѣмца, мучилъ ее, полежалъ съ ней, но сообщества и сожительства она съ нимъ не имѣла. Что̀ онъ искушалъ ее и всячески уговаривалъ творить зло, въ этомъ она сознается, но она не слушалась его, за что въ Ивановъ день (праздникъ колдовства и вѣдьмъ) она сильно была избита, вслѣдствіе чего и болѣла, съ мѣсяцъ лежавши въ постели. Мужъ Катерины Швогстеръ подвергается такому же «пристрастному допросу», какъ и его жена: сначала его бросили въ воду, но такъ какъ онъ не потонулъ, то онъ былъ заподозрѣнъ въ колдовствѣ и допрошенъ былъ въ камерѣ пытокъ (Pein-keller) и еще ранѣе, чѣмъ поднятъ на дыбы (ehe er aufgezogen), сознался, что жена его навлекла на него много наговоровъ относительно колдовства... Но послѣ того какъ онъ поднятъ былъ на дыбы и нѣкоторое время висѣлъ, онъ уже подробнѣе сообщилъ о томъ,

какъ его жена колдовала надъ солью. На другой день вновь пытаемый (aufgetzogen, gespannen und gehangen) сообщаетъ, что онъ Мартинъ три года служилъ сатанѣ. Сатана этотъ явился разъ къ нему на поле, далъ ему «яйцо» и велѣлъ положить его на поле нѣкоего Л. Гинтельмана. Также его-же сатана научилъ сдѣлать заломы во ржи, чтобы вредить сосѣду (die Halmen kreutzweise über einander gebunden). Бабѣ, которой пришлось убрать эти колосья съ поля, не удалось ихъ сжать. Этотъ духъ вселяющійся въ человѣка и ночью во снѣ и днемъ въ сообществѣ злыхъ людей при попойкѣ отъ заколдованнаго пива, имѣетъ, какъ видно изъ ряда протоколовъ о рижскихъ колдунахъ, прозвище или имя, иногда же онъ безыменный. Такъ напр. пытаемая Элза, жена Мартина Грэутеиа, сознается, что искусство это (колдовать) она изучила еще четыре года тому назадъ, но ея дỳхъ (Teufel) безъ имени, ибо онъ не крещенъ (der Teufel aber hatte keinen Nhamen, dhan er nicht getauft) [Протоколъ 25 мая 1584 года]. У другого есть духъ, der sich *Nadoms* (или Stradoms, Stnedoms?) nennen laeſst, который называется Надомсъ (?), Страдомсъ (?). Духъ его (колдуна, бывшаго въ плѣну у Московитовъ) жилище свое имѣлъ въ морѣ или большомъ озерѣ (in der Sehe). Какую то женщину онъ (колдунъ) спасъ такими словами:

Dewigen Perkone, o Dewinge Strele, pleſs to welnu dewing gabbel no to Zilweke (dadurch sei das Weib wieder zur Gesundheit bekommen). Чтò Перконъ (Pehrkons) и Деевсъ (Deews) преслѣдуютъ чорта (Johds или Welns) и болѣзни, это представленіе общее всѣмъ Латышамъ и Литовцамъ. Докторъ *I. Алкснисъ* въ своей диссертаціи Materialien zur lettischen Volksmedicin (Halle, 1894) говоритъ: Оба начала также въ медицинскомъ отношеніи борются между собою; одно даетъ здоровье, другое болѣзнь и смерть. Помощниками злаго начала являются *вѣдьмы* (raganas. laumas, spihgainas) и колдуны (burwji), драконы (puhkis) и другіе злые духи. Также объясняются обращенія къ Перкону «въ заклинаніяхъ» и просьбы объ уничтоженіи болѣзни черезъ

стрѣль: молніи. Смыслъ вышеприведенныхъ словъ тогда можетъ быть такой: Боженька *Перконъ*, боженька *Стрѣла* (отъ лат. strėhla, stréhlis, лит. strēla), сорви этого чорта отъ человѣка (имя рекъ). Welnu gabbel ein Teufelsstück составлено по образцу такихъ выраженій, какъ напр. gréhku gabals злой человѣкъ, ein Sündenstück.

Разговоръ колдуна со своимъ духомъ происходитъ такими словами: Ja tow tick, teze tam если тебѣ понравилось, иди къ тому отъ словъ tikt (tihka, tika) gefallen, belieben и tezeht laufen. «Hansen des Schmiedes Kind über der Düna habe er zu drei Mahlen bezaubert, auch wieder gesund gemacht, mit diesen Worten so der Zauberer zu seinem Geist, der sich Nadoms (прочеркнуто Steedoms) nennen lässt gesprochen». Вышеназванный духъ этого колдуна-чародѣя, по показаніямъ испытуемаго, вполнѣ имъ владѣлъ. Съ этимъ злымъ духомъ подсудимый имѣлъ постоянныя совѣщанія, портилъ скотъ, а на свадьбахъ онъ всегда учинялъ ссоры и вредъ участникамъ. Во все время онъ въ области Тукума убивалъ трехъ дѣтей и портилъ пять телятъ. Также онъ разсказалъ, что ему на Двинѣ встрѣтилась два разъ женщина М. (die Melnische) какъ летавица[1]) (im fliegen uff der Düna); разъ онъ ее остановилъ, дословно «связывалъ» такими словами: Dewinge Sete po Sem, Dewinge per Rixte bus Mowke ſaſzet, zitte par Site, Божинька ударь о земь, божинька да будетъ эта вѣдьма черезъ розги связана, другую проруби (? т. е. отъ слова sazeetinat befestigen скрѣплять, rixte, rihkste, rykste die Ruthe). Развязалъ онъ ее другими словами: Pleſe razinge, ſit kopa: tad kluß mowke nopestit Разорвись, вѣдьма, бей вмѣстѣ, тогда эта блудница (die Hure) будетъ развязана — отъ словъ nopestiht или pestiht waľä losbinden, erlösen, befreien и kľuht werden, gelangen.

Далѣе на стр. 441—442 указанныхъ протоколовъ записаны слова подсудимаго Ивана изъ Маріенбурга (Ivan gebort von der Marienborg): Selſenik, Trummetnik, Atſle Selſe warde

1) т. е. летящая вѣдьма fliegende Zauberin.

Noſeklesze, wanneſnige Selſe warde daſzdedam — mit diesen Worten pustet er das Salz und kann dann mit dem Salze alle Wäffen besprechen. Желѣзныя эти слова произносятся на соли и этой очарованной солью всѣ оружія очаровываются и дѣлаются не дѣйствующими. Въ настоящее время желѣзными словами (Dzelzu wárdi), по изслѣдованіямъ Трейланда-Бривземніака (Латышскіе наговоры и заклинанія, Мат. по этнографіи Латышскаго племени М. 1881, стр. 179, № LVII, 572), называются только такіе наговоры, которые будто бы лишаютъ человѣка способности чувствовать физическую боль: субъектъ, подвергающійся тѣлесному наказанію, благодаря имъ, лежитъ какъ ни въ чемъ не бывало, «какъ мѣшокъ». Переводъ вышеприведенныхъ словъ приблизительно слѣдующій: Желѣзникъ, Трубачъ (Trompeter), отпирай желѣзо именемъ Нослекша (die Losschlieſzerin), плѣнникъ, т. е. Wańǵineeǵs, отпирай желѣзо именемъ Горющаго т. е. Dadſedam.

Изъ словъ, встрѣчающихся въ Рижскихъ протоколахъ, еще можно указать на стр. 61, въ описаніи нападенія Латышей на какой то блокгаузъ: «und hat der undeutsche Knecht, der heisset Andris Sauſso ſutt (сухой угорь, der trockene Aal), in seinem undeutschen Sprechen gerufen: Ne Zitt, ne Zitt = не бей, не бей (!). Любопытно, наконецъ, въ психологическомъ отношеніи показаніе 1590 года отъ 24 февраля, по которому злой духъ предлагаетъ das Kind fressen, damit er so viel mehr Begierde und Zuneigung gewinnen den Menschen fortan nachzutrachten und Blut zu vergiessen. Но такъ какъ онъ не захотѣлъ пожирать ребёнка, то злой духъ отнялъ отъ него ребёнка и за непослушаніе его такъ сильно побилъ и потрепалъ, какъ «собаки зайца» (den Kopf zerschlagen und also gerumpelt und zerrüttelt wie die Hunde den Hasen).

Въ той же связкѣ протоколовъ Рижскаго Земскаго суда сообщенъ еще наговоръ отъ волосатика (Haarworm): Den Harworm heilte er (т. е. Иванъ изъ Маріенбурга) mit diesen Worten: Wilne neitte, Pirguwiſz, Wannaneite atadveit, welches der alten

Liben Vater unser gewesen und sei so viel gesagt: du Teufel friss den Fisch und nicht den Menschen.

Слова эти, говорится въ протоколахъ, составляли отче нашъ старыхъ Ливовъ и выражали «ты духъ (или чортъ), ѣшь рыбу, а не человѣка». Этимъ наговоромъ, показываетъ подсудимый, онъ творилъ много добра, излѣчивая имъ людей. Искусство свое онъ перенялъ отъ отца своего. Къ сожалѣнію, найти *ливскій* смыслъ этихъ словъ не удалось. Проф. Сетеле въ Гельсингфорсѣ сообщенныя слова не могъ объяснить изъ *ливскаго*. Въ дальнѣйшихъ показаніяхъ разсказывается также, что злой духъ присталъ къ человѣку во снѣ. Сначала онъ боролся, а потомъ онъ поддался и въ дальнѣйшемъ сталъ прислужникомъ его. Въ другомъ случаѣ чортъ присталъ къ человѣку во время войны: его преслѣдовали непріятели, ему же ничего не осталось, какъ утопиться. Тогда явился злой духъ, предложилъ ему поддаться его вліянію и когда онъ согласился, онъ былъ спасенъ и изъ воды выбрался на берегъ безъ вреда для своей жизни.

Всѣ здѣсь изложенныя обстоятельства показываютъ, какъ въ 16 вѣкѣ Латыши попадали во власть нечистыхъ духовъ или чорта. Подобныя заклинанія или присяги встрѣчаются и въ 17 вѣкѣ. Самый древній текстъ отъ 12 іюня 1638 года представляетъ изъ себя присягу, въ видѣ обѣщанія господамъ судьямъ сказать чистую правду. По перепечаткѣ г. Зейферта въ I томѣ его Латышской Хрестоматіи (Latweeſchu rakstneezibas chrestomatija ar literatur-wehsturiskàm peeſihmèm. Pirmais laikmets (1530—1750) Венденъ 1905), стр. 46: Es N. N. swere by dewe auxste, vnd by winge sweds warts, ka es grib us to wiss, ko man te zenige Tese kunge iautas, man taysne sinnaſchan grib issatzith, ne peds wene kunge, ne peds odder, ne peds drauzibe, oder da wanna pus, ne neke negrib basschlept. Ja es nu ne paddes issatzis, ta dews len tot, ka es arwis suu sewe vnd berne vnd wisſse mañte manne muſchiege passudes palickte dick pattes issatzit, ka man dews vnd winge sweds wards palliedse. Я имя рекъ присягаю при Богѣ (все)вышнемъ и его святомъ имени, что я хочу на все то, что

меня почтенные эти судьи спросятъ, хочу высказать сущую правду, не въ угоду того господина или другого, или одностороние (?) ничего я не хочу утаивать. Если я не по правдѣ высказался, то пусть меня Богъ съ моею женою и дѣтьми и съ моимъ имуществомъ на вѣки погубитъ, и да поможетъ мнѣ Богъ и его святое имя высказать только правду.

Выписки Ив. Я. Сирогиса изъ инфлянтскаго гродскаго суда касаются а) спора о границахъ имѣній гг. Шадурскаго и Сея; б) конокрадства въ имѣніи Дукштигалъ, Витебской губерніи. Крестьяне показываютъ, что конокрадъ Юрисъ Бальтинисъ очаровалъ Криштофа Зидиня заколдованнымъ пивомъ. Въ филологическомъ отношеніи присяга 1692 года интересна формами, обнаруживающими слѣды оканья инфлянтскаго нарѣчія напр. olus вм. alus пиво, motia вм. mate. Первый же текстъ 1688 года обнаруживаетъ еще старую форму дат. пад. множ. числа на ems, ams вм. em, am: напр.: no ſawems Tewu tewems, pāc (читай pāc) tams gramatams prywileiams, но вообще онъ *не* записанъ въ инфлянтскомъ нарѣчіи. Во второй присягѣ слѣдуетъ отмѣтить рѣдкую форму du godus (два года), то есть *dû* вмѣсто *diwi*, встрѣчающуюся только въ Dispositio Imperfecti ad optimum, грамматикѣ 1732 года. См. изданіе Бецценбергера въ Königsberger Studien I. 1887, Königsberg, стр. 195: dû = duo, abidû ambo, abudû amborum.

Изъ 1697 года извѣстна слѣдующая формула присяги, записанная со словъ крестьянъ изъ Нурмгаузена, которая гласитъ: Es Latſchu Jakob, Uhkeneek Siemon, Uhkeneek Karl, Jahdeeksche Bertul, Lubbik Wehteneeks Jahn, Sweru pee Deewu un wingu Swetu wardu, ka wiſsu tho, ko mes prex ſchyhß Zeen'ekes Teeſes ſudſeische in ißteikusch eßem, nei no drautzibaß, netz kahdu ehnaida deehl darriuſche eeßem, bed wiſsu it Teeſcham ka taß noh titzeß ißaikam, tick Teeſcham Ka mums Deews un wing ſchwehts wards pallieds. Amen. (I. H. *Woldemar*, Ein Hexenprocess in Curland vom Jahre 1697, Archiv für die Gesch. Liv-, Esth- und Curlands. Bd. III. Dorpat. 1844. Стр. 289. Rota

Juramenti). Эта курляндская присяга съ призывомъ Бога и его святаго имени записана по нѣмецкой орѳографіи, при чемъ g обозначаетъ смягченіе, ie долготу i, двойныя согласныя краткость предыдущаго гласнаго и т. д.

Всѣ эти формулы, какъ памятники юридической обрядности, интересны не только въ филологическомъ отношеніи своими рѣдкими оборотами рѣчи, но также и въ бытовомъ, какъ матеріалъ для изученія процесса классическаго времени допросовъ съ пристрастіемъ, угрозами и истязаніями. Судъ былъ немилостивъ и кончался въ большинствѣ случаевъ смертью или сожиганіемъ на кострѣ.

Э. А. Вольтеръ.

(Открытъ настоящій документъ въ Вилен. Центр. Архивѣ 8 февр. 1907 г. Архивар. И. Спрогисъ).

№ 1. Изъ книги гродскаго суда Инфлянтскаго княжества (Динабургскаго уѣзда) за 1688—1690 г., хранящейся въ Виленскомъ Центр. Архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ подъ № $^7/_{381}$.—Докум. № 301, л. 381.

Roku tysiąc szescsett osmdziesiąt osmego miesiąca Novembra Dwudziestego piątego dnia.

Na Urzędzie IKm̃sci Grodzkim Xięstwa Inflantskiego Przedemną Janem Andrzeiem Platerem Inflantskim y Dynemborskim Starostą Pulkownikiem Ikm̃sci postanowiwszysię oczewisto Im̃sc Pan Alexander Jankowski tą Rotę do akt xiąg Grodu Inflantskiego podał. ktorą wpisuiąc słowo do słowa tak się w sobie ma.

Es Andris Zydin, es Andza Pundur, es Gryza Pundur, es Ane Puncul, es Andreyz Dawguls zwæram Dæwam wyssuwalditaiam ekszan Swætas Tryadibas vz to ka ta muyża wæta Grebselda, katru Kungs Kaptens Seia Kungs muſu parad, ir ta istena muyżas wæta, vnd ne ta Kurru Kungs Sudurski parad, vnd uz to ka, tas celsz, kurru musu Kungs parad ir vnd byia wysad Lukstu cels, vnd ne tas kurru Parad kungs Sudurski, und us to kad uz tas wetas ka parad Kungs Seia uz tas upes kurru dewwe Skuia Uppiu Dubia waca wacaszu layku neizdomaia, vnd koks byia ar krustu, vnd ne tur kur Kungs Sudurski rada, vnd vs to kad mæs no ſawems Tewa Tewems dzerdeiam, kad wini pemineia, to koku uz tas Skuias uppes vnd myużu Grebseldu, vnd us to kad pæc tams gramatams Prywileiams Kunga Seia, ta istena tayſnas rubeż kurru wædem vnd paradam, ne cita otra kayda, uz to ka mas taysne vnd pates zwæram, ta mums Dews Kunks palidz vnd ne pates ir ne taysne Kungs Dews (zwæram) layd mums nokaw.

U ktorey to Roty Connotatia z podpisy rąk Ichmm̃. Panow Przyiacioł takowa iest. Ta Rota ma byc wykonana w Roku teraznieyszym Tysiąc Szescsett Osmdziesiąt Osmym miesiąca Octobra trzydziestego dnia na Uroczyszczu Muyżyska Grabswala, albo przy iamie starey nad rzeczką Skuią będącą, Po tey Connotatiey podpisy Ichmm̃ Panow Przyiacioł temi słowy. Do tey roty podpisałem Alexander Sokołowski Pisarz Ziemski, Do tey roty podpisuię Ierzy Szostakowski Miecznik Xięstwa Inflantskiego, Do tey Roty podpisałem się Władysław Bonisławski Podczaszy Inflantski, Do tey Roty podpisałem się Władysław Szadurski Czesznik Inflantski, Do tey Roty podpisałem się Ian Berk, Przyiaciel proszony do rozsądku do Roty się podpisuię Karol Siemihradzki, Ian Wilhelm Butlar, Do tey roty rękę podpisałem Alexander Sołtan, to tey roty ręką mą podpisałem Samuel Dłuski, Do tey roty ręką swą podpisalem Iakub Korff Strażnik Inflantski, Do tey roty ręką swą podpisałem Mikolay Antoni Szadurski, Do tey roty podpisuię się Bazyli Iankowski Strażnik Smolenski, Do Roty według Dekretu naſz. wydaney podpisuię się Jerzy Alexander Snieszko. Ktora to takowa Rota za podaniem oney przez osobę wyż mianowaną Iest do xiąg Grodzkich Inflantskich przyięta y zapisana. — Wypis wydany.— W Roku 1717 msc̃a Decembra Siodmego dnia widymus Im P[u] Ottowi Reynholdowi z Manteyfla Sejowi Kapitanowi Ikm̃. y Im̃ Pn Iozephowi Wereszczynskiemu także Kapitanowi Ikm̃. wydany. Fr. Milewski Namiestnik y Regent.

Русскій переводъ съ латышскаго языка формы присяги (roty) изъ документа — судебнаго засвидѣтельствованія въ актовой городской книгѣ Инфлянтскаго княжества (Динабургскаго повѣта) за 1688—90 гг., хранящейся въ настоящее время въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ подъ № $^{7}/_{381}$, на л. 381, документъ 301.

«Я Андрей Жидинъ, я Анджа (Адріанъ) Пундуръ, я Грижа (Григорій) Пундуръ, я Анна Пунцуль, я Андрей Давгуль прися-

гаемъ Всемогущему Богу во Святой Троицѣ на томъ, что грунтъ («мызное мѣсто») мызы Гребсельды, который показываетъ нашъ господинъ, господинъ капитанъ Сея, — есть истинный мызный грунтъ, а не тотъ, который показываетъ господинъ Судурскій; и на томъ, что дорога, которую показываетъ нашъ господинъ, есть и всегда была Лукстенскою дорогою, а не та, которую показываетъ господинъ Судурскій; и на томъ, что мѣсто, которое указываетъ господинъ Сея на рѣкѣ, называемой Скуюупе-Дубя, отъ стараго стариннаго времени не измышлено имъ, и что (на томъ мѣстѣ) стояло дерево съ крестомъ, а не тамъ, гдѣ показываетъ (его) господинъ Судурскій; и на томъ, что мы отъ дѣдовъ своихъ слышали, какъ они указывали на то дерево надъ рѣкою Скуюупею и на мызу Гребсельду; и на томъ, что по документамъ привилегіямъ господина Сея истинная, справедливая граница та, которую мы вели и показываемъ, а не другая какая. Въ томъ, что мы справедливо и истинно присягаемъ, помоги намъ Господь Богъ, а если несправедливо и неистинно, Господь Богъ да убьетъ насъ». —

Переводилъ И. Я. Спрогисъ.

10 февраля 1907 года.
Г. Вильна.

№ 2. Изъ актовой книги Динабургскаго гродскаго суда за 1692—94 г., хранящ. въ Виленскомъ Центр. Архивѣ древн. акт. книгъ подъ № $^{9}/_{383}$. Листъ 33.

Aktikacya Roty przez Im. P. Kapitana Seia do Akt podana w sprawie z Imscią Panem Jakubem Szadurskim, Skarbnikiem Inflanskim.

Roku Tysiąc Szescset Dziewięćdziesiąt wtore° miesiąca Februarij Iedynastego dnia.

Na roczkach Februarowych w tym Roku wysz mienionym przypadłych y sądownie porządkiem prawnym w miescie Ikm.

Dynemborku odprawowanych przed nami Gedeonem Bronisławskim, Stolnikiem y Podstaroscim sądowym, Malcherem Felkierzamem Woyskim Wdztwa Czernihowskie° Sędzią a Ierzym Szostakowskim Podstolim y Pisarzem Urzędnikami Grodzkiemi Xstwa Inflanskiego od Wielmożne° Im. P. Jana Andrzeia Platera Inflantskie° y Dynemborskie° Starosty Pułkownika Ikm. będącemi postanowiwszy się oczewist° Im̃. Pan Jan z Manteyfelow Sey Kapiten Ikrmsci Rotę przysiężenia swoich chłopow a na niey imiona y nazwiska mianowanych, w sprawie z Im̃. Panem Jakubem Szadurskim Skarbnikiem Inflantskim o poddanego Juria Baltynia Łotewskim Językiem tłumaczoną do akt xiąg grodzkich Inflantskich podał w te słowa pisaną.

Es Jakub Panculis, Es Andrieus Kuk, Pawils Barysis, Es Iwan Spalnis, Es Krystops Zydynis, Es Mortins Durskunis, Es Anszkinis Punculis zwereiam diewam aukstoiam ir tey Swetay Triadibay us to, kad tas Juris Baltinis Zemniko Kunga Jakuba Szadurska Paties iz muyżys Kunga Seia Kunga musu Zirgu Beru pazadze iz tos muyżes Duksztugała izweda ir us to, Kayp tas Juris Baltinis patisay biia ar ołu Dziardamas mani Krystapu Zydini ar tu aburtu ołu abdzirdis bia ir nu tos abdzirdiszonos biiow Du Godus Słÿms, net io paszia motia Ania Baltinienia adkal wesału pateysia, Aiz to ir vinis istinays Buris Vnt Zaglis, kad dawdz slima laudim daria Vs to, Kad mes pateÿs Zwereiam, to mums Diws paleydz, a ja nieteÿsnay łay mums Diws Suodia Szey leycibay Vntur Mużÿgaÿ.

Podług tey Roty w Roku Tysiąc Szesc sett Dziewięćdziesiąt wtorym m̃. February iedynastego dnia iurament iest wykonany. Ktora takowa Rota za podaniem przez Im. Pana Kapitana Seia do akt iest do xiąg grodzkich xstwa Inflantskiego zapisana.

Русскій переводъ съ Латышскаго языка (акт. книга Динабург. гродск. суда за 1692—94 гг., Вилен. Центр. Архива № 9/888, л. 33).

«Я Яковъ Панцулисъ, я Андрей Кукъ, Павелъ Барисъ, я

Иванъ Спальнисъ, я Хриштофъ Жидинъ, я Мартинъ Дурскунисъ, я Андрей (Анашкинъ) Пунцулисъ присягаемъ Всевышнему Богу и въ Святую Троицу въ томъ, что Юрій Балтинъ—крестьянинъ господина Якова Шадурскаго укралъ рыжую лошадь нашего господина, мызнаго господина Сея, вывелъ её изъ мызы Дукштуголы; и въ томъ, что тотъ Юрій Балтинъ поистинѣ опоилъ меня Криштофа Жидина заколдованнымъ пивомъ, и отъ этого опоенія я прохворалъ около двухъ лѣтъ, но собственную свою мат Анну Балтину, напротивъ того, онъ вернулъ къ здоровью; и въ томъ, что онъ истинный колдунъ и воръ, что многимъ людямъ онъ наводилъ болѣзнь. Въ томъ, что мы правдиво присягаемъ, да поможетъ намъ Богъ, а если несправедливо, да судитъ насъ Богъ-Судія здѣсь временно и тамъ вѣчно».

Перевелъ И. Я. Спрогисъ.

16 февр. 1907 г.
Г. Вильна.

Рядная двинянъ съ посадникомъ новгородскимъ.

Въ трудѣ академика *А. А. Шахматова*: «Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV вѣка» (Спб. 1903) въ приложеніи помѣщено нѣсколько актовъ новгородскихъ, относящихся къ Двинѣ, и между ними (подъ № IV) «Рядная Василія Өедоровича и его двоюродныхъ братьевъ съ посадникомъ Иваномъ Даниловичемъ», въ которой двинянинъ Василій Өеодоровичъ выкупаетъ у посадника проданную ему Спасо-Хутынскимъ монастыремъ часть земли, находившейся въ нераздѣльномъ владѣніи монастыря и дяди Василія Өеодоровича — двинского вотчинника Андрея.

Документъ этотъ былъ извѣстенъ *А. А. Шахматову* — 1) по списку XVII столѣтія въ сборникѣ актовъ Михайловскаго Архангельскаго монастыря и 2) по печатному тексту въ *Актахъ Юридическихъ*, № 257, II.

Неисправность текста въ «Актахъ» принудила *А. А. Шахматова* предложить въ примѣчаніяхъ къ переиздаваемому документу нѣсколько существенныхъ исправленій.

Благодаря любезности *А. А. Неустроева*, ознакомившаго меня съ бумагами, оставшимися послѣ его покойнаго отца, извѣстнаго библіофила и библіографа *А. Н. Неустроева*, я имѣю возможность воспроизвести текстъ важнаго акта по подлиннику (см. прилагаемый снимокъ).

Оригиналъ грамоты написаный на листѣ довольно толстаго пергамена, размѣромъ 20 × 27 сант., былъ когда то сложенъ въ продолговатый пакетъ, путемъ складыванія въ шесть полосъ вдоль и втрое поперекъ. Въ настоящее время пергаменъ расправленъ и разглаженъ, такъ что поперечные сгибы стали мало замѣтны. Печать утрачена. На оборотѣ акта наклеенъ ярлычекъ съ цифрою «2», свидѣтельствующей, что описываемый документъ гдѣ то хранился подъ № 2.

Текстъ состоитъ изъ 34 строкъ обычнаго письма двинскихъ грамотъ, съ многочисленными удареніями и точками, раздѣляющими нерѣдко отдѣльныя слова.

Сравненіе печатнаго текста съ подлинникомъ указываетъ на значительныя неисправности, искаженія и пропуски списковъ.

Приведемъ текстъ грамоты строка въ строку:

1) Се рѧдисѧ· Василий· Федорове· ѝ ѥго дѣти· ѝ ѥго бра̑нѣ· Олександро
2) вѣ дѣти· Мартемьꙗне· ѝ Ивaне· ѝ Ондрѣꙗне· ѝ Ꙗкове· спосаднико
3) мъ· с новгороцкымъ· с Ѣваномъ· с Даниловицомъ· про участокъ дѧ
4) дѣ своѥго· про Ондрѣѥвъ· что купилъ· посадникъ· Иванъ. Данило
5) вицъ· у ѝгумена· стго Спса· и у всихъ церенцевъ· участокъ Ондрѣ
6) ѥвъ· дадѣ ѝхъ заволокомъ· к Соломбалѣ· Ꙗковцевъ островъ. и
7) Карпцевъ островъ· ѝ в Соломбалѣ· что в Соломбалѣ. наполъ· ѝ в Ѣж
8) мѣ· что с Федоромъ· наполъ· ѝ в Лодмѣ· что с Федоромъ· наполъ· и
9) к Ꙋнѣ ѝ в солоныхъ мѣстехъ· въ отцинѣ ѥго· четвертаꙗ часть· ѝ к

10) лѣсѣ и въ водѣ· въ отцинѣ єго· четвертаѧ часть· и вза посадни

11) къ Иванъ Даниловиць· на томъ· у Васильѧ· и у єго брановъ· у Оле

12) ксандровъіхъ дѣтѣи· на Ондрѣєвѣ участкѣ· в Ѳоломвалѣ· чимъ

13) Ондрѣи· володѣле· сто· рувлевъ· что купилъ· посадникъ· Иванъ·

14) Даниловиць· у черенцевъ стго Спса· а воле потомъ· ненадови· поса

15) днику· Ивану· Даниловицю· ни черенцамъ Стго Спса· въступати

16) в Ѳоломвалѣ· за волокомъ· въ Ондрѣєвъ· участокъ· а что раднѣи г

17) рамотѣ· у Ивана· у посадника· с Васильємъ· а тѣ грамотѣ· посадни

18) къ· Иванъ· подраше· а что грамоту взалъ· посадникъ Иванъ· весу

19) дную· на Олександра· з дѣтми. и на Васильѧ· а ту грамоту· посадникъ

20) Иванъ· подраше· а что пожнѧ· Латиперть· а та пожнѧ знати· Ивану

21) по своєи исправѣ· а Васильѧ· и єго бранамъ· Олександровъімъ· дѣ

22) темъ· положити свои· исправѣ· а потомъ ненадови· посаднику· Ива

23) ну· Даниловицю· ни игумену· Стго Спса· с Хутина· ни черенцамъ· до Васі[1])

24) льѧ· ни до єго дѣтѣи ни до єго брановъ· до Олександровъіхъ дѣтѣи· в

25) томъ орудьи въ Ивановѣ куплѣ· в посадници· ничтоже· ни Василью

---

1) Написано «і», повидимому потому что «и» не уписалось.

26) ни кго дѣтемъ· ни кго. бра̃намъ· Олександровъıмъ дѣ-
темъ· не надо

27) ви· до посадника· до Ивана· до Даниловица· ни до игу-
мена Стг̃о Спс̃а

28) с Хутина· ни до церенцовъ· к томъ орудьи ни чтоже· а
на то радцѣ со

29) вѣ половинѣ· тысацкый· Олександръ· Игнатькевиць·
Ꙗковъ Дми

30) трикевиць· Иванъ· Дмитрикевиць· Сава· Ѥрмолиниць·
Икве· Кузми

31) не· Нефедьꙗ· Парфѣкве· а у печати стоꙗлъ· въ бра̃
своѥи мѣсто· в

32) Мартемьꙗново· и в[ы]ваново· и во Ондрѣꙗново· бра̃
ихъ· Ꙗкове· а В(а)

33) силькво мѣсто· у печати стоꙗлъ· сн̃ъ кго· Остафии· а
хто сии рад

34) поруши· дасть кн̃зю и вл̃цѣ· десать гривенъ золота·

Не говоря уже о мелкихъ разночтеніяхъ — какъ то «срадиса» вмѣсто «срадилиса», «вза» вм. «взалъ», «Ꙗковцевъ» вм. «Ꙗковецъ» и т. д., обращаетъ вниманіе, напримѣръ, форма — «наполъ» вм. «на полѣ», «на томъ у Василья» вм. «у него Василья», «Парфѣкве» вм. «Парденьеве».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣняется смыслъ фразы — такъ вм. печатнаго: «. . . въ Ивановѣ куплѣ; а посадницы ничто по сей Василью, ни его дѣтемъ . . .» *(А. А. Шахматовъ* предлагаетъ читать: «а по радници по сей») читается: «. . . въ Ивановѣ куплѣ в посадници ничтоже ни Василью, ни кго дѣтемъ».

Конецъ документа въ копіи совсѣмъ искаженъ:

«А у печати стоꙗлъ, въ братьи своей мѣсто, Мартемьꙗнъ Ивановъ[1]); въ Ондреꙗново братьи ихъ Ꙗковлево[2]) мѣсто у печати стоꙗлъ сынъ его Стафій».

1) А. А. Шахматовъ предлагаетъ исправить: «Мартемьꙗнъ и Иванъ».
2) А. А. Шахматовъ предлагаетъ читать: «и Ꙗковлево».

Въ подлинникѣ читается:

«А у печати стоялъ къ братьи своеи мѣсто в Мартемьяново и въ Иваново и во Ондрѣяново врат ихъ Якове, а (в) Васильево мѣсто у печати стоялъ сынъ его Остафии».

Значитъ при совершеніи документа находились Яковъ Александровичъ и Остафій Васильевичъ.

Самая же важная поправка заключается въ имени тысяцкаго. Вмѣсто «тысяцкой Олександръ Ивановиць» въ подлинникѣ стоитъ «тысяцкый Олександръ Игнатьевиць».

Въ новгородскихъ лѣтописяхъ тысяцкій Александръ Игнатьевичъ является дѣйствующимъ лицомъ при избраніи и поставленіи (ѣздилъ вмѣстѣ съ другими послами въ Москву) Новгородскаго архіепископа *Симеона* въ 1415 и 1416 годахъ[1]).

Такъ какъ посадникъ Иванъ Даниловичъ упоминается въ числѣ воеводъ «у Новгородчкыхъ полковъ» въ 1411 (6919) году[2]), то разбираемая нами рядная датируется довольно точно.

Обращая вниманіе на имена рядцевъ «с обѣ половинѣ», мы видимъ, что ихъ всего шесть человѣкъ. Весьма естественно думать, что ихъ такимъ образомъ было по три съ каждой стороны: первые трое со стороны посадника, остальные со стороны Двинянъ. Рядомъ съ именемъ тысяцкаго Александра Игнатьевича стоятъ имена Якова Дмитріевича и Ивана Дмитріевича.

Не лишнее указать, что бояринъ новгородскій Яковъ Дмитріевичъ, братъ посадника Юрья Дмитріевича, упоминается въ лѣтописяхъ въ 1407 году, какъ строитель церкви, и въ 1420 году въ числѣ новгородскихъ пословъ[3]).

Н. Лихачевъ.

---

1) *«Новгородскія лѣтописи (2 и 3-я)»*; изд. Арх. Комм. (Спб. 1879. 8⁰), стр. 39 и 40; тоже самое въ Новгородской первой лѣтописи (Спб. 1888. 8⁰), стр. 402—403. Въ спискѣ тысяцкихъ—ibidem, стр. 442—Александра Игнатьевича нѣтъ.

2) Новгородская первая лѣтопись, изд. 1888, стр. 399.

3) Ibidem, стр. 396, 410.

Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра.

Въ извѣстныхъ слояхъ публики, да и среди лицъ, прикосновенныхъ къ научной разработкѣ исторіи русскаго театра, до сихъ поръ довольно прочно держится убѣжденіе, что начало свое театръ въ Россіи получилъ только съ 1756 г. по инииціативѣ Ѳедора Волкова съ товарищами[1]). Говорятъ, въ этомъ случаѣ, что «комидійная «хоромина пастора Грегори 1672 г. — была чѣмъ то случайнымъ; что публичный театръ при Петрѣ Великомъ въ Москвѣ 1702 г. былъ лишь средствомъ для пропаганды правительственныхъ идей, плановъ и намѣреній. Однако ближайшее знакомство съ репертуаромъ этого послѣдняго театра обнаруживаетъ шаткость выше приведеннаго утвержденія, а богатый репертуаръ первыхъ 40 лѣтъ послѣ 1702 г., все болѣе и болѣе раскрывающійся трудами русскихъ ученыхъ — поддерживаетъ увѣренность въ томъ, что театръ въ Россіи привился и окрѣпъ еще въ первой четверти XVIII ст.[2]). Вслѣдъ за оффиціальнымъ театромъ въ Москвѣ 1702 и сл. годовъ, является любительскій театръ при школѣ д-ра Бидло, во дворцѣ царевны Наталіи, даже въ далекой отъ центра театральнаго искусства — Москвы, въ

1) См. напр. бар. Н. В. Дризенъ, Стопятидесятилѣтіе Императорскихъ Театровъ, стр. 6.

2) См. изданія пьесъ Шляпкина, Перетца, Петровскаго, Георгіевскаго.

Пензѣ списывается, а можетъ быть даже и сочиняется драма о графѣ Фарсонѣ. Мало того, въ пріемахъ игры Волкова, Дмитревскаго сказывается нѣчто традиціонное: вспомнимъ, что первому наиболѣе удавались роли пьяныхъ, безумныхъ, охваченныхъ гнѣвомъ — и мы невольно сопоставимъ съ этимъ пріемы игры «англійскихъ комедіантовъ», наслѣдниками и подражателями которыхъ являлись піонеры драматическаго искусства въ Россіи, нѣмцы, обучавшіе своему искусству молодыхъ подъячихъ.

Еще болѣе мысль объ извѣстной традиціи, установившейся задолго до 1756 года, укрѣпляется въ нашемъ представленіи, если мы вглядимся пристально въ формы драматическихъ русскихъ произведеній первой половины XVIII в. Это — либо «трагедіи», написанныя по требованіямъ школьныхъ піитикъ того времени, либо комедіи — имѣющія теоретическое основаніе въ тѣхъ же правилахъ. Довольно пробѣжать взглядомъ по страницамъ «актовъ» о Калеандрѣ, Либеріи, Фарсонѣ, Петрѣ Златыхъ Ключей, Фелдегмерѣ и т. п., чтобы убѣдиться въ томъ, что сходство наблюдаемое въ композиціи и манерѣ изложенія [1]) — далеко не случайно.

Это обстоятельство приводитъ насъ къ вопросамъ: что знала средняя интеллигенція начала XVIII в. въ области теоріи драмы, откуда она черпала эти свои свѣдѣнія и какова была — относительно, конечно — цѣна этихъ послѣднихъ? Кое что въ этой области было уже сдѣлано, главнымъ образомъ, трудами проф. Н. И. Петрова: разумѣемъ его изслѣдованіе о словесныхъ занятіяхъ въ Кіевомогилянской коллегіи конца XVII и нач. XVIII в. Ниже мы постараемся собрать матеріалы для выясненія поставленныхъ вопросовъ, при чемъ постараемся привлечь возможно обильный матеріалъ изъ рукописныхъ учебниковъ первой половины XVIII в. (по традиціи они повторяютъ старое и во второй половинѣ XVIII в.). Для печатныхъ же извѣстій предѣльною гранью намъ

1) Объ общихъ чертахъ стиля, роднящихъ между собою эти пьесы см. въ *нашей* работѣ «Очерки по исторіи поэтическаго стиля» Ж. М. Н. Пр. 1907 г., іюнь и отд. отт.

послужатъ извѣстныя статьи В. К. Тредіаковскаго. Такимъ образомъ получится, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ ясная и изобразительная, но все же картина теоретическихъ понятій русскихъ «авторовъ» (условно) и читателей о драмѣ въ до-сумароковскій періодъ русскаго театра.

I.

Сначала мы разсмотримъ данныя, почерпнутыя изъ *рукописныхъ* источниковъ—изъ лекцій преподавателей XVII—XVIII в.[1]).

Старшее изъ извѣстныхъ намъ руководствъ піитики «Bicollis Parnassus» (рукоп. Имп. Публ. Библ. Разнояз. Q. XV. № 97, 1670 г.) опредѣляетъ такъ разновидности драмы: Комическая поэзія — описываетъ комическія, забавныя приключенія (actiones laetas) «quales sunt Dialogi». Трагическая поэзія описываетъ трагическія событія, что̀, напримѣръ, находимъ въ произведеніяхъ этого рода, написанныхъ Сенекою. Комико-трагическая поэзія соединяетъ свойства этихъ обоихъ родовъ драмы, начиная съ веселаго, забавнаго, кончая грустнымъ; въ трагикомедіи — обратное: трагическое, серіозное обращается въ шутку[2]).

Болѣе обстоятельное опредѣленіе видовъ драмы находимъ въ піитикѣ 1700 г. (И. Публ. Библ. Разн. XIV. Q. № 28) на л. 79 и об.: здѣсь дается опредѣленіе трагедіи: «Tragoedia est poesis virorum illustrium calamitates actione et sermone personarum scenicarum exprimens, ut misericordia et terrore animas ab iis perturbationibus liberet, a quibus huiusmodi facinora tragica proficiscuntur. Sive est poesis virorum illustrium exitum infelicem per scenicas personas exprimens». Здѣсь чувствуется нѣкоторое вліяніе теоріи Аристотеля о катарсисѣ. Комедія — рѣзко

1) Минуемъ печатныя лекціи Өеофана Прокоповича «De arte poetica libri III»: масса школьниковъ пользовалась рукописными пособіями — лекціями своихъ преподавателей.

2) См. наши Изслѣдованія и матер. т. I, ч. 1, стр. 45.

противуполагается трагедіи: здѣсь иная цѣль, иныя дѣйствующія лица—«Comoedia est poesis drammatica, quae civiles et privatas actiones non sine leporibus et facetiis imitatur, sive est metrica in personis vitae humanae expressio, formata iucunditatis et utilitatis gratia». Среднимъ родомъ между трагедіей и комедіей, по указаніямъ этой піитики, является, какъ и выше — трагикомедія, но опредѣленіе ея нѣсколько иное: «Tragicomedia est, quando laeti virorum illustrium exitus et simul infelices scenice exprimuntur».

Далѣе піитика разсматриваетъ болѣе подробно и обстоятельно составныя части трагедіи, комедіи и трагикомедіи: «Ex communi usu in Polonia Tragoediae, Comoediae et Tragicomoediae partes sunt 4: 1) Antiprologus — id est repraesentatio alicuius rei ante prologum; haec si erit excellens, tota comoedia aestimationem habebit. 2) Prologus est pars Comoediae, in qua orator rei seriem breviter exponit, quid sperare debeat auditor et synopsim dedicat. 3) res ipsa divisa in actus et scenas scilicet uni actui unam scenam annexam cum repraesentatione perficiens, miscens interludia seriis actionibus. 4) Epilogus pro benevola attentione gratias agit. Iste, qui iocosa dicit, non debet ridere» — такимъ чисто практическимъ указаніемъ актеру уже, а не автору, завершаются опредѣленія драмы и ея частей. Какъ можно замѣтить хотя бы изъ пьесъ, изданныхъ Тихонравовымъ и нами, эти теоретическія указанія не были безплодны: почти всѣ пьесы составлены по данному рецепту.

Піитика кіевскаго іеромонаха М. Довгалевскаго, бывшаго учителемъ этого предмета въ Кіево-Могилянской Академіи останавливается нѣсколько подробнѣе на противуположеніи трагедіи и комедіи (рук. Кіево-Мих. мон. ок. 1736 г. № 518 (1712), т. II, л. 168): «Comica poesis et tragica differunt inter se, quia comica versatur circa res humiles et plebeas, imitatur actiones levium personarum faucias (?)[1]) ac privatarum ac lepores propter delectandas auditorum animas interrogando. Tragica vero poesis imitatur

1) Можетъ быть «facetias»? Мѣсто неясное.

actiones grandiores ac nobiliores,... meritus illustrium virorum aut heroum, perquos (?) ideo ut talia audiendo spectator doceatur, quae sunt timenda et quae non» (ср. рук. И. Публ. Библ. Q. XV. № 97).

Развивая эти положенія, завѣщанныя схоластической школой, Г. Конискій въ своихъ Praecepta даетъ такое опредѣленіе драмы: «Трагедія или драма есть поэзія, дѣйствіемъ и рѣчью подражающая важнымъ дѣйствіямъ знаменитыхъ мужей и преимущественно несчастіямъ и бѣдствіямъ. Комедія есть такая поэзія, которая для устроенія жизни и особенно для искорененія худыхъ нравовъ людей, общественныхъ и частныхъ, въ дѣйствіи воспроизводитъ дѣянія порока и выражаетъ ихъ рѣчью лицъ съ шутками и остротами... Между трагедіей и комедіей то различіе, что одна изображаетъ предметы печальные, дѣйствія серіозныя, важныя, происшествія знаменитыхъ людей, а та — напротивъ, дѣянія людей низкихъ, достойныхъ смѣха» (Н. И. Петровъ, О словесн. занятіяхъ, Тр. Дух. Акад. 1866, ноябрь, стр. 352—3).

Теоретическія представленія о видахъ драмы зашли на сѣверъ вмѣстѣ съ южнорусскими піонерами науки, вышедшими изъ Кіевской Академіи. Не говоря уже о славяно-греко-латинской Московской Академіи, въ меньшихъ школахъ преподается піитика — и въ общемъ повторяется то же, что и въ Кіевскихъ руководствахъ этого рода. «Idea artis poeseos» Лаврентія Горки 1707 г. вызываетъ подражаніе — «Idea artis Poeticae in Archipraesuleo Słotvinsciano *Tferensi* Helicone degenti Studiosae uventuti Expressa... anno DVMLVXXCLI (1731) publicata»... (рук. Тверск. Дух. Семин. № 35). Здѣсь «Pars III» спеціально трактуетъ о видахъ поэзіи и выдѣляетъ драматическую, раздѣляя её на комическую и трагическую. Далѣе въ Progimnasma VI идетъ рѣчь «de comoedia» — рѣчь длинная и чрезвычайно обстоятельная, въ нѣсколько разъ превосходящая по объему то, что говорится ниже (Progimnasma VII) о трагедіи.

Названіе комедіи производится здѣсь отъ греч. глагола «κωμάζειν» и «ᾠδεῖν», «hoc est a comessando et canendo; communiter

vero definitur sic: comoedia est poesis drammatica, quae ob docendam vitae consuetudinem civiles et privatas actiones cum lepore et facetiis imitatur». Слѣдують пункты отличія комедіи отъ серіозной драмы: «Differt a tragoedia 1) quia comoedia res civiles et privatas, tragoedia — publicas illustresque continet actiones. 2) Quia comoedia risus et sales, tragoedia perturbationes et luctus exposcit (exponit?). 3) Comoedia privatos homines et mediae conditionis, tragoedia reges, principes admittit. 4) Comoedia stylus familiaris, affectusque mitiores, tragoedia stylus sublimis et gravis motusque atrociores. 5) Comoedia exitus hilaris et iucundus, tragoedia-funestus et luctuosus». Составитель учебника переходитъ къ частямъ комедіи: «Comoediae artificium fit per partes duplicis generis, alias enim partis habet *quantitatis*, alias *qualitatis*». Количество основныхъ частей комедіи — пять, именно, какъ и ранѣе было упомянуто: «prologus, prothasis, epithasis, catastasis, catastrophe», объ антипрологѣ — уже нѣтъ упоминаній. Опредѣленіе этихъ частей комедіи таково: «*Prologus* est praenarratio quaedam comoediae, in qua poeta sub aliena vel ipsiusmet persona rem agendam exponit». Видовъ пролога пять: 1) Hypotheticus, qui scilicet fabulae argumentum mere (?) significat. 2) Commendatitius, qui commendat poetae consilium in fabula efformanda. 3) Confutatorius vel relativus ad alios vel refellit adversariorum calumnias, vel in eos retorquet obiecta crimina. 4) Mixtus, qui scilicet varia prologorum genera miscet. 5) Moralis, qui mores commendat et carpit, ut inopiam, luxum. *Prothasis* est illa pars, in qua summa rei exponitur, exitus tamen occultus remanet: imo plura ita obscure, ut auditoris expectationem existent magis non expleant. Haec pars nonnunquam exponitur per Aposiopesim seu reticentiam, sic enim auditorum animus dulce suspensus haeret amabili quadam impatientia. Prothasis totum actum primum comprehendere solet... *Epithasis* est Prothasis incrementum, in qua scilicet summa rei, quae in Prothasi fuit iam proposita, augetur, resque involvuntur, implicantur, perturbantur, turbaeque excitae intenduntur. *Catastasis* est illa pars

fabulae, in qua implexo iam totius negotii nodo, maior cernitur perturbatio, quam in epithasi, ubi curandum, ut nodi involutio clare quidem appareat nullum prorsus solutionis lumen effulgeat, ut ad finem usque auditorum exputatio eventûs avida deducatur. *Catastrophe* est nodi totius perfecta solutio, in qua exagitatae rei fit conversio in finem minime expectatum. Haec comprehendit partem actus quarti, quandoque totum actum quartum, at semper actum quintum». Къ этой схемѣ обычно придается *эпилогъ*: подобно тому, какъ въ прологѣ испрашивается вниманіе и благорасположеніе зрителей, въ эпилогѣ — послѣдній изъ говорящихъ въ комедіи проситъ у зрителей снисхожденія и одобренія[1]).

По качеству *(qualitas)* комедія должна заключать въ себѣ слѣдующіе шесть элементовъ: fabula, mores, sententia, dictio, apparatus, melopaeia.

Первая, т. е. *fabula* «est res cogitata et inventa ingenioseque disposita».

Второй элементъ, *mores* «sunt, qui comoediae actoribus effingunt circa quos servandum: primo ut si personae notae indicantur tales illis fingamus mores, quales vere habuerint vel habere (?) fama sit; secundo, si personae sunt fictae mores illis verisimiles effingamus pro aetate sexu conditione; tertio, ut constanter et aequaliter hi mores serventur nec qui, semel ridiculus, avarus timidus prodiit, in eadem comoedia, gravis, liberalis, animosus appareat».

Третій элементъ—остроумныя мысли, *sententiae*. «Sententiis quodque inspergenda comoedia est non quidem heroicis et grandioribus aut tragicis, sed vulgaribus et in sermone familiari usitatis, huius modi sunt proverbia et adagia».

Четвертый — рѣчь, *dictio:* «dictio facilis sit, aperta, pura, elegans, mediocriter posita, quae scopulos declinet duos: tragicam scilicet sublimitatem et nimiam humilitatem».

Подъ пятымъ элементомъ, *apparatus*, піитика подразумѣ-

---

1) Явленіе обычное въ римской комедіи; тоже и въ украинской.

ваетъ все, относящееся до матеріальной стороны сцены: костюмы, декораціи, бутафорію: «apparatus scenam actorumque habitus complectitur. At (?) tria fuerant scenarum genera: 1) tragicum, 2) comicum, 3) satyricum». Каждый видъ сцены имѣлъ свои, опредѣленныя теоріей, особенности; такъ «tragica scena assurgebat columnis, fastigiis, palatiis, turribus, regiis signis arnabatur. Comica primum e ramis ac frondibus structa, deinde privatis aedificiis formabatur. Satyrica ne moribus montibus et speluncis, personarum vestes illarum conditioni de more aptas comoedia exoptat, quae tales sint, ut illarum mores quandoque effingantur. Sic apud veteres comicos senibus vestitus erat candidus, iunioribus flammeus, sacerdotibus vestis talaris alba, divitibus purpurea, pauperibus (sic!) punica (tunica?), milites chlamide aut sago vestiti prodibant, nuncii penulati».

Шестымъ элементомъ является *melopaeia*, она — «est, quae chorum complectitur solutationes, concentus, machinas, lusus, quae omnia post actum a recentioribus introduci» (?).

Эта часть имѣетъ цѣлью развлечь зрителей шутками. Все это можетъ выражаться въ интермедіяхъ, которыя должны по содержанію соотвѣтствовать комедіи; «possunt quandoque fieri veterum more per mimos et per histriones solitaria gesticulatione mirum in modum»... «Intermediorum argumenta ridicula peti commode possunt e medio foro et tabernis, popinis, adeoque actores habebunt caupones (шинкари), coquos, fartores (колбасники) ebrios, stolidos, insanos, surdes, caecos, impostores, parasitos, seu adulatores et quidem labeos, frondores, capitones, nascitos cervicosos, qui solo aspectu risum extorquent» — характерное замѣчаніе, обрисовывающее понятія автора о комическомъ.

Далѣе идетъ рѣчь о раздѣленіи комедіи (и трагедіи) на акты, т. е. на части, при чемъ актовъ должно быть въ одной пьесѣ — пять: «nec plures, nec pauciores praescribit Horatius in arte poetica:

Neve minor quinto, neu sit productior actu
Fabula, quae posci vult et spe tuta reponi».

Къ этому авторъ піитики присоединяетъ слѣдующее разсужденіе: «Si quis plures vel pauciores quandoque actus in fabula instituеret, illam quandoque velit comaediam defendens damnare non ausim caeterum ego Horatii praeceptum sequerer, si rigorosum comaediam vel tragaediam vellem contexere». Актъ дѣлится на сцены; сцена — часть акта, въ которой говорятъ лица отъ одного до четырехъ и болѣе, «verum unica persona perraro praesertim in comaediis admittatur et breviter loquatur, ne fastidium pariat». Съ каждымъ приходомъ и уходомъ какого либо изъ дѣйствующихъ лицъ образуется новая сцена (явленіе). По вопросу, можетъ ли сцена оставаться пустою, не занятой актерами, дается такое разъясненіе: «Volunt quidam nullam absolvi debere scenam (nisi extrema illa sit) per omnium interlocutorum discessum, sed hoc non video religiose observatum a Plauto aliisque; unde advertendum censeo, ut vel non omnes discendant, vel si omnes sint discessuri, priusquam illi omnino intro abeant, actores scenae sequentis appareant, ne Theatrum prorsus vacuum relinquatur». Число явленій можетъ быть отъ семи до десяти, съ тѣмъ однако, чтобы они не утомляли зрителей длительностью.

Стихъ комедіи долженъ быть обыденный (familiaris), чему, впрочемъ, не мѣшаетъ однако и стихотворная рѣчь, уснащенная остротами и шутками; не мѣшаетъ и пѣніе, но слѣдуетъ помнить, что не должно быть ничего лишняго, не относящагося къ завязкѣ, изложенію и заключенію пьесы.

Глава о трагедіи (Progimnasma VII) значительно короче посвященной характеристикѣ комедіи; да это и понятно, такъ какъ многое, равно относящееся и къ трагедіи — уже изложено въ предыдущей главѣ піитики. Начинается глава о трагедіи съ опредѣленія самаго названія этого вида драмы.

«Tragaedia appellatur ἀπὸ τῆς τραχείης ᾠδῆς, ab aspero, scilicet cantu, quia res flebiles continet». Далѣе — опредѣленіе содержанія: «Tragoedia est poësis virorum illustrium peragentes personas exprimens calamitates, ut misericordia et terrore animos ab illis perturbationibus liberet, a quibus huiusmodi facinora

tragica proficiscuntur» — такъ излагается здѣсь Аристотелевская теорія катарсиса.

«Ut dixi in comoedia, Tragaediae artificium fit etiam per easdem fere partes, mutata materia et personis, ut patet ex definitione. Praecipue in tragaedia personae sunt: reges, principes, vates et sacerdotes; recipit etiam humiles cum illis connexas ubi sic postulet ordo rerum, huius modi sunt servi, nuncii, satellites».

Въ трагедіи участвуетъ хоръ: «Chori officium est: bonis favere, amicis consulere, iras cohibere, Deum laudare, pro miseris preces effundere». Трагедія должна излагаться ямбическимъ шестистопнымъ стихомъ; кромѣ того она «gaudet stylo sublimi et gravi», за исключеніемъ случаевъ, когда говоритъ дитя или какое либо изъ низкихъ, простыхъ лицъ. Въ трагедіи слушатели должны слышать отборныя сентенціи, относительно того, что должно быть руководствомъ въ жизни, и чего слѣдуетъ избѣгать.

«Idea artis poeseos» — не единственный учебникъ піитики, который съ такою любовью и подробностями останавливается на теоріи драмы. Если нельзя съ современной намъ точки зрѣнія удовольствоваться разсужденіями стариннаго автора, то все же — нельзя и отрицать того, что въ учебникахъ піитики, имѣвшихъ громадный кругъ читателей, давалось по своему времени удовлетворительное объясненіе того, что такое драма, какія ея части, элементы и пр. Во всякомъ случаѣ — еще задолго до выступленія Сумарокова на поприще драматическаго творчества — значительная часть русской интеллигенціи средней руки могла прекрасно знать о драмѣ все, что знала тогдашняя школа, такъ любовно культивировавшая этотъ жанръ, и всякій, сколько нибудь способный человѣкъ, руководясь практическими указаніями піитики, могъ составить пьесу по готовому, детально разработанному шаблону.

II.

Можно однако возразить, что рукописныя школьныя піитики имѣли далеко не широкій кругъ распространенія, ограничиваясь стѣнами школы; что самый языкъ ихъ — школьная латынь — былъ доступенъ немногочисленнымъ представителямъ интеллигенціи, прошедшей школьную премудрость. Даже если въ піитикахъ и дается обстоятельное понятіе о драмѣ, унаслѣдованное отъ древнихъ и формулированное въ средніе вѣка европейской образованности, — все же это не то, что печатная книга, доступная многимъ и притомъ изданная на общепонятномъ языкѣ.

Появлялись ли въ печати на русскомъ языкѣ статьи о драмѣ въ до-сумароковскій періодъ существованія у насъ этого рода поэзіи? До появленія первыхъ классическихъ пьесъ Сумарокова и до выступленія Волкова — существовало ли у насъ какое либо теоретическое печатное сочиненіе, посвященное драмѣ? До сихъ поръ эти вопросы обходились въ научной литературѣ молчаніемъ, если не считать сдѣланной г. Н. О. Морозовымъ цитаты изъ одной статьи 1733 г. — и то сдѣланной какъ то мимоходомъ. А между тѣмъ, присматриваясь къ печатной литературѣ начала XVIII в., — мы убѣждаемся, что театръ и судьба драмы, а также значеніе этого рода искусства достаточно занимали тогдашнюю публику. Ниже предлагаемъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ этихъ *печатныхъ* статей, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ, и, разсмотрѣвъ ихъ содержаніе, убѣдимся, что наряду съ развитіемъ и умноженіемъ въ Россіи театральнаго репертуара—росла и любознательность читателей къ теоретическимъ и историческимъ вопросамъ, связаннымъ съ внесеніемъ въ жизнь новой литературной формы.

Ровно за 29 лѣтъ до перваго представленія «Хорева», за 27 — до сочиненія его и за 32 года до дебюта ярославцевъ — появилась первая печатная статья на русскомъ языкѣ, изъ кото-

рой русскій читатель, не бывавшій въ латинской школѣ, могъ узнать о происхожденіи театра, о видахъ театральныхъ пьесъ и о способѣ ихъ представленія. Мы имѣемъ въ виду довольно обширную энциклопедію, переведенную при Петрѣ Великомъ и напечатанную гражданскимъ шрифтомъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Полидора | Віргиліа | Урбинскаго | осмь книгъ о изобрѣтателѣхъ вещеи | Преведены съ латінскаго на славенороссіискіи языкъ въ Москвѣ | и напечатаны • | Повелѣніемъ великаго государя царя | и великаго князя. | Петра Перваго | всероссіискаго Імператора. | въ лѣто Господне 1720 | маіа въ 5 день. |»

Форматъ книги — большая четвертка, скорѣе малый листъ, число страницъ — 412 + 2 ненумерованныхъ. Въ этой то книгѣ, въ главахъ десятой, одиннадцатой и отчасти въ шестнадцатой сосредоточено все, чѣмъ располагалъ авторъ — «о началѣхъ трагедіи и комедіи» и «о началѣ сатирской и новой комедіи» (стр. 31—34) и наконецъ о діалогѣ (стр. 46).

Согласно показанію Полидора Виргилія, опирающагося на популярнаго въ его время Доната — «Начало трагедіи и комедіи... отъ вещей не божіихъ есть сотворено, въ нихже древніе вмѣсто плода обѣты исполняюще упражняхуся: ибо древле при сожженныхъ жертвенникахъ и приносящуся козлу, сей стихъ, опредѣленный хоръ пояше Бакху, трагедіею нарицашеся: изобрѣтателемъ бо трагедискимъ козелъ въ уплату пѣнія даяшеся» — и далѣе цитируется Горацій:

«Carmine qui tragico vilem certabat ob hircum»,

— «понеже (яко повѣствуетъ Варронъ) вредящее есть садамъ животное». Отсюда и получила свое названіе трагедія: стихотворцу наградою являлся либо козелъ, либо козій мѣхъ, наполненный виномъ. Третье предположеніе Полидора Виргилія: названіе трагедіи происходитъ отъ греческаго слова, обозначающаго дрожди, ибо ими актеры помазывали уста, о чемъ свидѣтельствуетъ Горацій въ «Піитикѣ»:

«Ignotum tragice genus invenisse Camenae
Dicitur et plaustris vexisse poemata Thespis,
Quae canerent agerentque peruncti fecibus ora.
Post hunc personae pallaeque repertor honestae
Aeschilus».

За симъ Полидоръ сообщаетъ свѣдѣнія объ авторахъ, сочинявшихъ трагедіи въ древности: «Трагедію, сі есть печалное дѣйствіе (свидѣтелствующу Фабію въ книзѣ 10) первыи Есхилъ свѣту издаде, но далече яснѣе изъясниша Софокліи и Еврипидъ, у латінъ (глаголющу Донату) Ливіи Андроникъ первыи изобрѣте трагедію, въ которои искусны бяху Акціи, Пакувіи, Овидіи и Сенека»... Въ трагедіи «изобразуются» — богатыри, вожди, цари «и сїя есть трагедїиная рѣчь высокая. Овидїи о семъ сице:

«Omne genus scripti gravitate tragedia vincit».

Отъ трагедіи Полидоръ Виргилій переходитъ къ комедіи и противуполагаетъ другъ другу эти два вида драматической поэзіи: комедія діаметрально противуположна трагедіи, въ ней нѣтъ ничего важнаго, серіозснаго, а лишь забавное, занимательное: «любленія и дѣвицъ похищенія изъявляются, трагедіи же печаль свойственна есть, чесо ради Еѵрипидъ молящу, его Архелаю царю, дабы о немъ трагедію написалъ, отречеся и моляше, да не случится Архелаю что либо трагедїиное, сіесть печали достоиное, понеже всегда не благополучныя концы имѣетъ, противнымъ образомъ комедїа благополучнѣ окончевается».

Это опредѣленіе дается въ самомъ концѣ десятой главы; въ серединѣ же ея, послѣ перечисленія трагическихъ поэтовъ, мы встрѣчаемъ нѣсколько непослѣдовательно — замѣчанія о происхожденіи комедіи и объ источникѣ ея названія: «но прежде неже собраннымъ бывшимъ въ градъ Аѳинеаномъ, егда (яко же свидѣтелствуетъ Варронъ) юноши Аѳинскіе окрестъ улицъ, селъ и по распутьяхъ по обычаю праздничные стихи торжественнѣ пояху и оттуду произыде комедія отъ греческаго слова ἀπὸ τοῦ κομάζιν

(sic), еже есть ласкателнѣ или роскошнѣ или сластолюбнѣ творити, или отъ сего χόμον, сіесть частояденія, или отъ χόμις, еже переулокъ или улицу значитъ, и отъ оди[1]), еже есть пѣніе». Авторъ вмѣстѣ съ Донатомъ сомнѣвается, не знаетъ точно «кто (изъ грековъ) первѣе изобрѣте» комедію, и указываетъ только, что комедія была двухъ видовъ — древняя и новая, «избранные же ея изыскатели быша: Аристофанъ, Евполъ и Кратинъ; у Латїнъ сїю первїи отъ всѣхъ (якоже Ливїи о созданїи Рима и Донатъ свидѣтелствуютъ) обрѣте Ливїи Андроникъ», . .

Въ одиннадцатой главѣ Полидоръ Виргилій характеризуетъ сатиру и комедію. Эта характеристика въ русскомъ переводѣ поражаетъ неуклюжестью стиля и неудобопонятностью. Видимо, переводчикъ самъ далеко не ясно представлялъ себѣ смыслъ переводимаго текста. Постараемся однако извлечь отсюда вѣроятный смыслъ. Авторъ различаетъ два вида сатирическихъ сочиненій, употреблявшихся въ древности, «иже единою стїховъ разностїю состояшеся, комедїи едва не равныи, точїю болѣе имѣ утѣхи плотскія». Изобрѣтателемъ «сего сатирскаго игралища и стїха» были Димитрій изъ Тарса и Мениппъ. Различіе древней комедіи и новой заключается въ томъ, что въ первой «чрезъ пїитъ овогда не весма вымышленныя доводы, но вещи содѣянныя отъ гражданъ явно, овогда тѣхъ многочастнѣ именемъ, которые бо что содѣяли, пояхуся». Въ тѣ времена обличеніе такое не было противно обычаямъ человѣческимъ, «ибо всякъ себе храняше, да виною или домашнимъ безчестїемъ въ позоръ прочїимъ не будетъ». Но злоупотребляя такою свободою обличенія, поэты людей «отъ невоздержанія озлобляти начали многихъ добродѣтельныхъ, сего ради, дабы кто отъ человѣкъ болѣе злотворенїя имянно не обличалъ, узакониша». Отсюда получила начало свое новая комедія и сатира, касающіяся лишь общихъ людскихъ пороковъ и недостатковъ, «яже обще ко всѣмъ человѣкомъ, иже среднею живутъ фортуною, надлежала бы, и менше горести и тѣмже трудомъ многое увеселенїе зрящымъ принесла бы».

1) Въ книгѣ Полидора Виргилія по ошибкѣ: «оби».

Творцами такой комедія были у древнихъ Менандръ и Филемонъ, «которые всю горесть или непріятство первѣишои комедіи утолиша». Въ заключеніе этой главы дается перечисленіе латинскихъ комическихъ авторовъ, писавшихъ комедіи второго рода, но достигшіе лишь «едва малои стѣни греческихъ стіхотворцевъ».

Что касается діалогической формы, въ которой обычно излагается драма всѣхъ видовъ, то о ней находимъ нѣсколько словъ въ 16-й главѣ I-й книги, стр. 46, слѣдующее:

«Діалоги, или разглаголствія (яко же отъ Лаерція извѣствуемся) Платонъ всѣхъ первѣе введе, или вящше всѣхъ изъясни; зане же Аристотель въ книзѣ I: о стіхотворцехъ предаетъ, яко оныи писанія родъ, сі есть діалогическіи обрѣтеся отъ Алеѯамена сципенскаго і теіовскаго».

Таковы скромныя данныя о древней трагедіи и комедіи, сообщавшіяся старинному читателю Полидоромъ Виргиліемъ Урбинскимъ. Данныя эти невелики, но въ общемъ — все же расширяли представленія этого читателя о драмѣ, только что занесенной въ Россію съ Запада. Слѣдующій печатный опытъ теоретическаго и историческаго характера — о драмѣ, относящійся уже къ началу тридцатыхъ годовъ — болѣе обстоятеленъ и носитъ, что для насъ особенно важно, характерные слѣды новоклассической теоріи драмы, формулированной Боало-Депрео.

III.

Въ «Примѣчаніяхъ на Вѣдомости» 1733 года — въ трехъ нумерахъ, 44—46, появилась вторая въ нашей литературѣ печатная статья о театрѣ. Въ ней, задолго до Сумарокова, были изложены тѣ принципы, которымъ слѣдовалъ первый крупный драматургъ Россіи и сообщено многое такое, что было уже извѣстно интеллигенціи XVIII в. изъ школьныхъ учебниковъ, отчасти цитированныхъ выше. Очевидно, предлагая читающей

публикѣ элементарныя свѣдѣнія по исторіи и теоріи драмы, авторъ этой статьи, озаглавленной «О позорищныхъ играхъ или комедіяхъ и трагедіяхъ», имѣлъ въ виду широкія массы читателей, небывавшихъ въ школѣ. Русскій переводчикъ (въ томъ, что статья—переводная, насъ убѣждаютъ германизмы стиля) поступилъ благоразумно, не вдаваясь въ мудреныя толкованія и довольно обстоятельно изложилъ предъ русскимъ читателемъ популярную статейку нѣмецкаго автора, сообщающую въ концѣ пресловутую теорію трехъ единствъ, лишь значительно позже нашедшую себѣ примѣненіе въ русской драмѣ.

«Изъ исторіи довольно извѣстно», начинается интересующая насъ статья: «что позорищныя игры уже и въ самыя древнѣйшія времена у грековъ и латіновъ въ великомъ употребленіи были». Отъ этихъ народовъ остались намъ и образцы трагедіи и комедіи и правила для сочиненія ихъ, изложенныя великимъ философомъ Аристотелемъ. «Нынѣ», замѣчаетъ авторъ, «у наибольшихъ політічныхъ народовъ позорищныя игры отъ часу въ большее употребленіе и возращеніе приходятъ» (175 стр.). Театральное дѣло въ Россіи было новымъ, и автору (а можетъ быть и переводчику) пришлось первымъ дѣломъ обратить вниманіе ревнителей благочестія на то, что театръ ничего зловреднаго для зрителей не представляетъ: «хотя и всегда много такихъ находилося, которые всѣ комедіи и трагедіи изъ добрѣ учрежденнои а особліво хрістіанскую вѣру содержащеи республики совершенно изкоренить хотятъ; однакожъ когда такія позорищныя игры по ихъ намѣренію отправляются и ничего въ себѣ не содержатъ, чтобъ вѣрѣ и честнымъ поступкамъ противно было, то сіе весма неправедно быть кажется, еже ли бы любители оныхъ такои невинной забавы лишены были, а особливо, что они не только къ увеселенію и ободренію ума, но такожде къ поощренію разума и къ отвращенію подлыхъ помышленіи выдуманы и <въ>[1]) возращеніе приведены». Эти же са-

---

1) Въ скобкахъ наша вставка: въ печатномъ экземплярѣ «Примѣчаній» пропущенъ предлогъ.

мыя идеи, какъ увидимъ ниже, развиваются и въ другой статьѣ тѣхъ же «Примѣчаній», напечатанной много лѣтъ спустя.

Разсужденіе о театральныхъ представленіяхъ, слѣдующее за приведеннымъ вступленіемъ, начинается съ внѣшней стороны этого рода искусства; представленіе должно быть натурально, естественно: дѣйствующія лица, «живыя персоны» — «сколько возможно, состоянію ума и тѣла представляемыхъ лицъ въ рѣчахъ и поступкахъ подражать долженствуютъ» (176). Отсюда вытекаетъ необходимость въ соотвѣтственныхъ сюжету пьесы костюмахъ и декораціяхъ, чтобы театръ «великое сходство съ тѣмъ мѣстомъ имѣлъ, на которомъ говорящія лица представляются, и для того оной театръ, какъ часто помянутыя лица на другомъ мѣстѣ находиться будутъ, перемѣнять и по тому мѣсту располагать должно. Такимъ способомъ показывается театръ иногда княжескими палатами, иногда нѣкоторою особливою камерою, иногда площадью, иногда пустынею, иногда темницею и пр.». Все это требуетъ машинъ, одеждъ и украшеній; особенно трудна постановка «тѣхъ славныхъ позорищныхъ игръ», «которыя подъ именемъ оперы извѣстны», въ которыхъ часто изображаются войны, морскія и сухопутныя, громы, молніи и пр., чего въ обыкновенныхъ представленіяхъ — не бываетъ.

Интересны замѣчанія о языкѣ пьесъ: «Что до языка говорящихъ персонъ касается, то безъ сомнѣнія оной есть наиспособнѣйшеи, которой смотрители наилучше разумѣютъ, потому что для ихъ увеселенія такія позорищныя игры представляются»... (176) «Самыя же рѣчи и изображенія помышленіи располагаются, сколько возможно, по состоянію особъ и ихъ склонности ума, при чемъ и сіе примѣчается, чтобъ оныя рѣчи всегда были остроумныя и до самаго дѣла принадлежащія, хотя въ самомъ приключеніи, безъ сомнѣнія, часто такія рѣчи и дѣла бывали, которыя либо не такъ прибраны. или съ началомъ и соединеніемъ всего приключенія не согласны были»: смыслъ, очевидно, тотъ, что не всѣ детали жизни могутъ быть вплетены въ фабулу, при ея сценической обработкѣ, а только наиболѣе

существенное, необходимое для развитія фабулы. Автора смущаютъ стихи, стихотворная форма рѣчи въ оперѣ, которая «кажется правдѣ еще противнѣе», но такъ какъ въ оперѣ пріятность ея, или удовольствіе ею доставляемое, такою несообразностью не умаляется, то и авторъ не протестуетъ противъ стихотворной формы, въ которой обыкновенно писались либретто. Главнымъ же во всѣхъ видахъ драмы является, «чтобъ различныя приключенія между собою изрядно соединены были, и притомъ бы къ нѣкоторому общему намѣренію склонялися, а *всегдабъ и вездѣ нѣчто правдѣ подобное находилося*» (177).

Тоже стремленіе къ реализму, понимаемому, конечно, сообразно воззрѣніямъ эпохи, замѣчается и въ замѣчаніяхъ о содержаніи и сюжетѣ пьесы. «Матерія позорищныя игры есть либо прямая Історія или вымышленнои случаи, но которои однакожъ ничего правдѣ неподобнаго въ себѣ не содержитъ». Сюжетъ долженъ имѣть неожиданное окончаніе, при чемъ все, не относящееся къ развязкѣ, слѣдуетъ выпустить и напротивъ того — ничего не слѣдуетъ выпускать такого, что выясняетъ предъ зрителемъ послѣдовательность дѣйствія и подготовляетъ развязку (177). Но наряду съ требованіемъ реальности и историчности сюжета — авторъ выдвигаетъ и нѣчто другое: «ежели описаніе історіи не совершенное есть, къ тому еще отъ большои части вымыслить надобно, чтобъ смотрители не только соединеніе всѣхъ обстоятельствъ, но и всѣ причины оныхъ ясно познать могли. Такогожъ состоянія должны и вымышленные случаи быть, которые въ позорищнои игрѣ представлены быть имѣютъ» (177).

Далѣе авторъ выясняетъ происхожденіе обычая дѣлить представленіе на акты. Трудно представить себѣ, разсуждаетъ онъ, что случаи, изображаемые въ «позорищныхъ играхъ», могутъ совершиться въ столь краткое время, въ какое происходитъ представленіе комедіи или трагедіи. Чтобы зрители могли думать, что прошло нѣсколько часовъ или дней прошло между разговорами дѣйствующихъ лицъ — «раздробляются позорищныя игры на нѣсколько особливыхъ дѣйствій, которыя называются актусъ».

Когда «театръ затворяется» — время игры и промежутки могутъ быть условно сочтены за болѣе долгія; вмѣстѣ съ тѣмъ — «играющія персоны» могутъ отдохнуть и сцена можетъ получить иной видъ для слѣдующаго дѣйствія. Нижеслѣдующія слова, дающія наставленіе для сочиненія драмъ — приводимъ полностью, чтобы ихъ характерныя черты не утерялись при пересказѣ:

«Число дѣйствіи разпространяется обыкновенно *до пяти*, и всякое содержитъ часть всеи Історіи, которая и подлинно почти въ такоеже время случилась, въ какое представленіе чинится. Но между двумя дѣйствіями праведно больше нѣсколькихъ часовъ щитать не можно. Понеже бо сіе очюнь трудно было, когдабъ кто мыслить долженствовалъ, будто во время нѣсколькихъ часовъ не одни, но нѣсколько сутокъ прошло. Того ради уже и Аристотель сіе правило утвердилъ, которому по сіе время наибольшіе писатели комедіи и трагедіи послѣдовать тщатся, что все въ позорищнои игрѣ представляемое приключеніе въ 24 часа сократить надлежитъ. Но понеже въ толь краткое время такъ достопамятная и трудная Історія, какая въ позорищнои игрѣ требуется, начаться и совершиться весма не можетъ; то надлежитъ *только послѣдніи день* всего приключенія на театрѣ представить, а прочія потребныя еще прежде того случившіяся обстоятельства инако введены быть не могутъ, какъ *разсказываніемъ*. Но сего надобно сколько возможно остерегаться; потому что смотрителямъ больше скучно, нежели пріятно будетъ наибольшее время въ слушаніи разсказовъ препроводить. Сея ради причины достопамятнѣишія приключенія, отъ которыхъ окончаніе всеи вещи наипаче зависитъ, всегда *на послѣднеи день* откладываются, ежели то какимъ нибудь способомъ правдѣ подобно быть можетъ, дабы оныя въ самои вещи смотрителямъ на театрѣ представить можно было» (178).

Мы подчеркнули два основныхъ правила новоклассической драмы: предъ зрителями изображается, собственно говоря, только катастрофа съ немногочисленными предшествующими ей обстоятельствами; о прочихъ, главнымъ образомъ подготовившихъ ката-

строфу обстоятельствахъ — повѣствуется дѣйствующими лицами. Авторъ статьи, впрочемъ, настолько скроменъ и остороженъ, что совѣтуетъ не утомлять зрителей длинными разговорами: онъ чувствуетъ, что обиліе эпическаго элемента въ драмѣ его времени является самымъ слабымъ, самымъ уязвимымъ ея пунктомъ съ точки зрѣнія даже не высокихъ эстетическихъ требованій.

Вторая часть статьи занята разсмотрѣніемъ видовъ драматическихъ произведеній. Критеріемъ дѣленія является характеръ фабулы, или, какъ выражается авторъ «состояніе приключенія», «понеже отъ того токмо зависитъ извѣстное раздѣленіе позорищныхъ игоръ на комедіи и трагедіи, которыя не только именемъ, но и самою вещію весма разнствуютъ». Слѣдуетъ уже знакомое намъ отчасти опредѣленіе, встрѣчавшееся (впрочемъ, съ большею обоснованностью) и въ рукописныхъ піитикахъ: «Ежели все приключеніе веселое есть, и никакихъ печальныхъ случаевъ въ себѣ не имѣетъ, такожде и конецъ желанныи получаетъ, то такая позорищная игра называется комедія, или увеселительная игра. Но напротивъ сего въ трагедіи показываемое приключеніе всегда печальное есть и по многихъ нещастливыхъ перемѣнахъ жалостный конецъ имѣетъ; и того ради такое представленіе называется печальною игрою». Авторъ удивляется, какъ трагедія, несмотря на свое печальное содержаніе, «съ большимъ прилежаніемъ и съ большею пріятностію слушается, нежели наилучшая комедія» (179). Это объясняется сравненіемъ съ музыкою, въ которой диссонансы и аккорды, составленные изъ разныхъ звуковъ, производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе на слухъ, чѣмъ унисоны; а затѣмъ слѣдуетъ болѣе обстоятельное разсужденіе: «Доброе расположеніе, удивительное соединеніе различныхъ случаевъ, благородныя и важныя разсужденія, рѣчи нещастливыхъ персонъ, терпѣливости, постоянство и прочія оныхъ добродѣтели, такожде толь ясно изображенная мерзость пороковъ и злодѣяніи тѣмъ въ трагедіи быть кажутся, что въ смотрителяхъ прилѣжаніе и охоту возбуждаетъ. Ихъ внутреннія движенія разума чрезъ сіе въ такое состояніе приведены бываютъ, что они сами въ

щастія или нещастія представляемыхъ персонъ *участіе пріемлютъ*»—и, такимъ образомъ, живые примѣры добродѣтелей «всякому добронравному смотрителю чювствительны быть долженствуютъ» (180). Кромѣ чисто эстетическаго значенія, трагедіи имѣютъ еще и моральное: ...«они людей къ подражанію добродѣтелей и ко удаленію себя отъ пороковъ дѣйствительно понуждаютъ». Конечно, авторъ помнитъ, что и въ комедіяхъ «такія сильныя представленія случаться могутъ», которыми направляется человѣкъ на стезю добродѣтеля, «по понеже во оныхъ толь нещастливыхъ случаевъ не бываетъ, которыми бы добродѣтель такъ жестокому искушенію подвержена была; того ради они человѣку толь чювствительны быть не могутъ» (180). Отсюда, разъ добродѣтель играетъ такую важную роль въ трагедіи и комедіи— «наипаче того смотрѣть надлежитъ, *чтобъ* въ оныхъ *ложнаго вида добродѣтели не было*, а наипаче чтобъ пороки такъ полезнымъ образомъ не показывались, или бы истинныя добродѣтели такъ подло представлены не были, чтобъ смотрители чрезъ то отъ добрыхъ дѣлъ удаляться, а къ злымъ поводъ получать могли».

Что касается внѣшней формы трагедіи, то она опредѣляется содержаніемъ: перемѣны судьбы («противные случаи») героевъ «подаютъ изрядный способъ къ великимъ и остроумнымъ разсужденіямъ», а эти разсужденія требуютъ «красной и высокой рѣчи», получающей еще большую силу, если она сочинена стихами. «И того ради стіхи трагедіямъ наиприличнѣе суть, и ихъ пріятность тѣмъ несравненно умножается» (180). Комедіи не требуютъ высокаго стиля, мысли излагающіяся въ нихъ «не такъ чювствительны и не такъ проницательны», вслѣдствіе чего въ нихъ «простая рѣчь способнѣе быть кажется».

За симъ авторъ разсматриваетъ «посредственные роды позорищныхъ игоръ», между трагедіей и комедіей: таковы комическая трагедія и трагическая комедія, извѣстныя и школьнымъ руководствомъ. Кромѣ того, въ зависимости отъ дѣйствующихъ лицъ и отъ цѣли сочиненія — комедіи и трагедіи, различаются

по болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ: «тамъ находятся важныя и шуточныя комедіи, ругательныя игры, пастушьи игры, и другія многія симъ подобныя, которыхъ самыя названія довольно о нихъ изъясненіе подаютъ» (181). Не обходитъ молчаніемъ нашъ авторъ и средневѣковаго театра, осколки котораго жили на сценѣ русскаго театра въ его время: «Нѣкоторые еще весма и такую смѣлость возъимѣли, что въ Библіи содержащіяся и христіанскихъ мучениковъ исторіи трагедіями изображали, которыхъ чтеніе не только пріятно, но и еще зѣло душеполезно есть. Однакожъ сіе не весма пристойно быть кажется, ежели бы оныя на театрѣ показывать и смотрителямъ въ подобіе игры для увеселенія представлять» (sic! 181).

Относительно оперы авторъ указываетъ, что она ближе всего стоитъ къ трагедіи; послѣдняя способнѣе всего для переложенія на музыку. Повторяя обо всѣхъ разнообразныхъ видахъ «позорищныхъ игоръ» — еще разъ повторяетъ авторъ о необходимости «подражанія естества» и заключаетъ эту часть разсужденія указаніемъ на «позорищныя игры», которыя иногда съ надлежащими правилами не во всемъ сходны бываютъ» и на «худшихъ комедіантовъ», которые «то тамъ, то здѣсь скитаются, а особливо часто по ярманкамъ волочатся, гдѣ подлой народъ ихъ непорядочными представленіями забавляется» (182).

Упоминаніемъ о кукольномъ театрѣ и такъ называемыхъ китайскихъ тѣняхъ заканчивается статья въ части 45-й.

Третья глава излагаемой статьи, помѣщенная въ 46-й части «Примѣчаній» — первою своей половиной представляетъ нѣчто новое по сравненію съ рукописными школьными піитиками; во второй — находимъ обычныя данныя о частяхъ всякой драмы. Новое первой половины заключается въ изложеніи теоріи трехъ единствъ, дотолѣ (до 1733 г.) неизвѣстной въ русской печатной литературѣ; да и въ тѣхъ учебникахъ піитики, которые были у насъ подъ руками (см. наши Изслѣдованія и матер. т. I и II, указатель рукописей) — также она не встрѣчалась. Извлекаемъ въ возможной полнотѣ это первое въ русской литературѣ изло-

женіе теоріи, надолго получившей господство надъ русскими драматургами и критиками.

Французскіе писатели, пользуясь правилами, данными Аристотелемъ и Гораціемъ, а также примѣрами трагедій и комедій древнихъ «три главныя и основательныя правила положили, которыя въ сочиненіи всѣхъ позорищныхъ игоръ примѣчать надлежитъ». «Сіи правила называются отъ нихъ Les trois unites или три единицы, и надлежатъ до *времени*, *мѣста* и *произведенія*. По силѣ перваго правила должно все приключеніе въ *одинъ натуральной день* или въ 24 часа окончено быть, чего причину мы уже въ первои части примѣчанія о сеи матеріи довольно объявили» (183). Всякое дѣйствіе, такимъ образомъ, содержитъ равную часть времени и если пьеса состоитъ изъ пяти актовъ, «тобъ надлежало оному времени, въ которое театръ затворенъ. всегда съ пять часовъ значить».

«Второе правило, а имянно согласіе мѣста имѣетъ свое основаніе въ первомъ. Ибо, понеже во всеи позорищнои игрѣ кромѣ того, что только въ одинъ день случилося, ничего больше представить не можно, и сіе время равнообразно на дѣиствія раздѣляется; того ради и персоны между тѣмъ далеко отлучаться не могутъ, но онѣ всегда около одного мѣста находятся. И такъ хотя театръ различныя мѣста отъ времени до времени представляетъ, то однакожъ оныя не въ далекомъ разстояніи быть долженствуютъ»... (183).

«Согласіе произведенія (=единство дѣйствія), яко третіе главное правило, имѣетъ основаніе свое отъ намѣренія и окончанія позорищнои игры. Чего ради надлежитъ только одно приключеніе въ позорищнои игрѣ представить, которое въ концѣ онои случается, и по которому всѣ прочіе прежде онаго показываемые случаи расположены. Ибо бы сіе не только великое замѣшательство въ смотрителяхъ произвело, когда бы позорищная игра не однимъ но многими главными случаями кончилась; да еще бы и время къ надлежащему произведенію оныхъ всѣхъ къ увеселенію и удивленію смотрителеи не довольно было» (184).

За симъ — слѣдуетъ вторая часть этой главы, въ которой авторъ знакомитъ читателя съ главными моментами всякой драмы, слѣдуя Аристотелю («Аристотель раздѣляетъ»...), раздѣляющему драму на четыре части: protasis, epitasis, catastasis и catastrophe. Въ общемъ это ученіе о четырехъ частяхъ изложено сходно съ рукописными пiитиками, отличаясь лишь формою и деталями. Чтобы имѣть возможность сравнить эту часть печатной статьи съ школьными учебниками — приводимъ её полностью:

...«*Protasis* или вступленіе, отъ котораго смотрители состояніе лицъ такожде и оное мѣсто гдѣ они находятся, довольно познать могутъ; ихъ рѣчи и дѣла, которыми все сіе изъясняется, служатъ еще и кромѣ сего вмѣсто руководства къ будущимъ приключеніямъ. Сія первая часть должна сего ради въ самомъ первомъ дѣйствѣ представлена быть; и такъ происходитъ отъ туду сіе правило, которое во всѣхъ обыкновенныхъ позорищныхъ играхъ хранится, что уже въ первомъ дѣйствіи главныя персоны на театрѣ представлены быть должны. Понеже когда смотрители о всемъ приключеніи ничего того знать не могутъ, что на театрѣ не представляется: тобъ сіе противъ естества позорищныхъ игоръ было, ежели бы состояніе персонъ и потребное извѣстіе о всемъ приключеніи на передъ объявлено не было» (184).

«Вторая часть называется *Epitasis*, то есть учрежденіе, въ которомъ представленіе съ большею важностію и ревностію чинится. Воономъ представляются уже нѣкоторыя важныя случаи, основаніе всѣхъ слѣдующихъ въ себѣ содержащія (185) отъ чего отъ части видѣть можно, какое вся три окончаніе имѣть будетъ. Сія часть подаетъ обыкновенно матерію къ второму дѣйствію; а иногда случается, что уже нарочитая часть онои и въ первомъ дѣйствіи показывается».

«Третія часть есть Catastasis, или уничтоженіе, которая всю прежде восприятую надежду опять ни во что обращаетъ. Тутъ случаются наибольшія трудности и препятствія въ полученіи воспріятаго намѣренія»; едва эти препятствія отвращаются — снова

возникаютъ нечаянныя трудности. Такою борьбой наполняется все третье и четвертое дѣйствіе, «понеже сіе наибольшую часть позорищной игры сочиняетъ и смотрителей въ наибольшемъ вниманіи и желаніи содержитъ, чтобъ совершеннаго окончанія дождаться и увидѣть, какъ всѣ сіи замѣшательства напослѣдокъ уничтожатся» (185).

Catastrophe — «совершенное разрѣшеніе всѣхъ прежде случившихся противностей». «Тутъ начинаютъ огорченныя мысли опять по малу въ успокоеніе приходить, и все дѣло получаетъ лучшій видъ, пока напослѣдокъ все явно учинится и къ благополучному окончанію уготовится». Это окончаніе «уже въ началѣ ожиданное и желанное» бываетъ въ пятомъ — послѣднемъ актѣ.

Тѣ же части указываетъ авторъ и въ трагедіи съ соотвѣтвѣтственными измѣненіями въ ходѣ дѣйствія и въ развязкѣ, бывающей въ пятомъ дѣйствіи, гдѣ «все щастіе опять совершенно перемѣняется и отъ того все приключеніе очень печальныи и жалостныи конецъ принимаетъ, которой отъ большои части въ смертельныхъ казняхъ и убивствахъ знатнѣйшихъ персонъ въ трагедіи состоитъ».

Пять дѣйствій, такимъ образомъ, являются совершенно естественнымъ выраженіемъ хода дѣйствія драмы, развивающейся отъ epitasis'а къ catastrophe; авторъ добавляетъ еще, что Теренцій и другіе авторы «сіе за нѣкоторое правило имѣли», а Горацій—даже облекъ его въ стихъ (уже выше цитированный):

«Neu brevior quinto, neu fit productior actu».

Заключается статья «о позорищныхъ играхъ» замѣчаніями о дѣленіи актовъ на сцены, соотвѣтственно уходу дѣйствующихъ лицъ или прибытію новыхъ; при этомъ авторъ ставитъ на видъ читателю, что «остерегаться надлежитъ чтобъ никогда такая персона на театрѣ не являлася, о которой дознаться не можно, для чего она туды пришла». Также долженъ быть понятенъ мотивированъ для зрителей уходъ со сцены дѣйствующихъ лицъ. Не слѣдуетъ выводить на сцену одно только лицо, чтобы не показа-

лось, будто оно говоритъ съ зрителями: «Ибо играющія персоны съ смотрителями нималаго сообщества имѣть или съ ними что говорить или дѣлать не должны, инако моглобъ сіе казаться будто то только для смотрителей говорится или дѣлается» (186). Бываютъ случаи, когда человѣкъ говоритъ самъ съ собою — напримѣръ «персона, находящаяся въ великой ревности», но это исключеніе, которое должно быть для зрителей мотивировано. Авторъ, чувствуя неизбѣжность вторженія эпическаго элемента въ драму, при соблюденіи «трехъ единствъ»,—старается нѣсколько ослабить многорѣчивыя изліянія и сообщенія о томъ, что дѣлалось или дѣлается за сценой: «...не надлежитъ такожде на театрѣ никогда такихъ случаевъ разсказывать, которыя только къ увѣдомленію смотрителей служатъ, хотя всю завязку игры знать и весьма нужно; но всегда на театрѣ при томъ такимъ людемъ быть надобно, которымъ оное обстоятельство еще неизвѣстно, и которые то необходимо вѣдать долженствуютъ. Чтобъ кто на театрѣ свои намѣренія и таины безъ причины открывалъ, оное также весьма неприлично есть; но такому человѣку должно всегда вѣрнаго друга придать, дабы повѣрить можно было, будто онъ съ нимъ о томъ совѣтуетъ. Сего ради оная позорищная игра тѣмъ лучше и забавнѣе есть, и смотрителей тѣмъ въ большее удивленіе приводитъ, чѣмъ меньше она до тѣхъ принадлежать кажется, для которыхъ она подлинно здѣлана» (186).

Этимъ заканчивается статья о позорищныхъ играхъ, хотя послѣдняя глава ея названа «продолженіемъ», а не «окончаніемъ». Прежде всего, при ознакомленіи съ ея содержаніемъ, бросается въ глаза то обстоятельство, что авторъ все время ведетъ рѣчь такъ, какъ будто пишетъ не для праздныхъ читателей «Примѣчаній на Вѣдомости», въ досужное время расширяющихъ свой литературный кругозоръ, а для учениковъ, которымъ предстоитъ примѣнить на дѣлѣ эти «примѣчанія»; короче сказать — по тону и манерѣ — это не популярное изложеніе модной теоріи, а какъ бы руководство для сочиненія драмъ всякаго рода; оно испещрено выраженіями въ родѣ: «долженствуетъ», «надлежитъ» и т. п.

Излагая теоретическія положенія, авторъ все время помнитъ, что пьеса пишется не только для чтенія, но и для сцены, и даетъ рядъ указаній, хотя и общаго характера, но все же имѣющихъ извѣстное практическое значеніе, напр.: «По состоянію онаго мѣста, гдѣ персоны находятся, надобно, какъ уже прежде помянуто, расположеніе и украшеніе театра учинить, чтобъ и самое приключеніе, *сколько возможно*, *натурально* изобразить и смотрители бы по виду узнать могли, на какомъ мѣстѣ оныя персоны находятся. Премѣщеніе театра дѣлается обыкновенно въ то время, когда оной затворенъ, понеже тогда наилучшіи способъ къ тому имѣется. Для того, что когда завѣсъ поднятъ и театръ отворенъ стоитъ, тогда бы неприлично было оной перемѣнять и другое мѣсто, нежели которое прежде было, представлять; развѣ бы на заду еще другои завѣсъ былъ, и онои бы когда подымется, смотрителямъ новое мѣсто показалъ» (183—184).

Нельзя, конечно, утверждать, что Сумароковъ могъ вдохновиться статьею «Примѣчаній» 1733 г.; но нельзя съ другой стороны и отрицать, что пятнадцатилѣтній мальчикъ могъ своевременно прочесть и заинтересоваться новою теоріей драмы, не похожей на то, что предлагала тогда школьная наука. Для насъ изложенная статья представляетъ главнымъ образомъ тотъ интересъ, что она, незамѣченная историками русскаго театра, подтверждаетъ мысль, что задолго еще до появленія пьесъ въ новоклассическомъ духѣ — на русскомъ языкѣ существовало, хотя и краткое, но все же доступное изложеніе модной французской теоріи, и дата возникновенія въ русской литературѣ новоклассицизма, по крайней мѣрѣ въ области драмы — должна быть отодвинута съ конца сороковыхъ — къ началу тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія.

IV.

Какъ мы уже имѣли случай ранѣе видѣть, наибольшее вниманіе автора статьи о позорищныхъ играхъ — привлекла къ себѣ опера, которую онъ ставитъ въ тѣсную связь съ трагедіей и считаетъ высшимъ родомъ драматическаго творчества. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, прошедшихъ съ 1733 г. до 1738-го, русская интеллигенція, близкая ко двору и Академіи Наукъ могла неоднократно любоваться французскими и итальянскими спектаклями; среди пьесъ были комедіи, трагедія «Сампсонъ» и оперы: либретто пьесъ и цѣлыя пьесы — переводились небезызвѣстнымъ В. К. Тредіаковскимъ[1]). Съ каждымъ годомъ интересъ къ оперѣ возрасталъ, и, вѣроятно, въ соотвѣтствіи съ этимъ въ «Примѣчаніяхъ на Вѣдомости» 1738 г. появилась обширная статья по исторіи оперы, занявшая 19 нумеровъ[2]).

Анонимный авторъ, воздавъ должную похвалу «человѣческому разуму и неусыпному прилѣжанію къ наукамъ», изобрѣтшимъ услажденіе чувства «нѣкоторою чрезвычайною и безпорочною пріятностію», доставляемою оперою, замѣчаетъ, что «сіе удовольствіе» Россія получаетъ чрезъ представленія при дворѣ Ея Императорскаго Величества «изрядныхъ оперъ». Это послѣднее обстоятельство даетъ автору идею предложить читателямъ историческій обзоръ возникновенія и распространенія оперы по всѣмъ странамъ Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ — изъ первыхъ же строкъ статьи ясно, что авторъ имѣетъ въ виду читателей уже хорошо знакомыхъ съ оперными представленіями: указавъ, что путешественники очень мало и рѣдко упоминаютъ о видѣнныхъ ими

---

1) См. Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, II, указ.; Сухомлиновъ, Исторія Росс. Академіи, т. I, 168, 413. О либретто этихъ пьесъ см. статью В. В. Сиповскаго въ Р. Стар. 1898, іюнь.

2) Історіческое описаніе онаго театральнаго дѣйствія, которое называется опера», части 17, 18, 19, 20, 21, 33, 34, 39 и 40, 41 и 42, 43 и 44, 45 и 46, 47 и 48, 49 — всего 72 страницы убористой печати въ 8°.

оперныхъ представленіяхъ и еще рѣже — правильно судятъ о нихъ — онъ пишетъ (стр. 67):

«Что опера есть такой родъ театральныхъ дѣйствій, которыя показываются отъ поющихъ лицъ, и что въ ней не только слухъ чрезъ непрерывное соединеніе съ поющими голосами інструментальныя музыки, но и зрѣніе чрезъ остроумныя представленія и машіны весьма чрезвычайнымъ образомъ увеселяется — о томъ *въ нынѣшнія времена и сказывать почти ужѐ недлячего»*. Отъ другихъ видовъ драмы опера отличается не только по названію, но и самымъ содержаніемъ и способомъ игры («представленіемъ»). Это общее положеніе авторъ развиваетъ далѣе, сопоставляя оперу съ комедіей и трагедіей, при чемъ повторяетъ основныя черты послѣднихъ; выписываемъ это мѣсто статьи полностью (стр. 67—68):

«Опера называется дѣйствіе пѣніемъ, отправляемое; трагедія изъявляетъ представленіе печальное, а комедія значитъ веселое позорище» (—авторъ самъ не замѣчаетъ здѣсь того, что судитъ и опредѣляетъ виды драмы не съ одной общей, а съ двухъ точекъ зрѣнія). «Въ сей послѣдней (т. е., въ комедіи) показываются свойственно лица только посредственнаго, а иногда и самаго нискаго состоянія, и ея сатирическое содержаніе ясно поттверждаетъ, что неразумныя поступки и дерзостное безуміе ко вреду тѣхъ людей, которые оное имѣютъ, бываютъ посмѣяніемъ наказаны. Печальное дѣйствіе отъ сего ужѐ во всемъ отмѣнно. Его представленія всѣ важны, свойства его главнѣйшихъ лицъ состоятъ въ однихъ только великихъ пристрастіяхъ, а нравоучительное содержаніе всего дѣйствія показываетъ при окончаніи, что охуждаемыя похоти и пороки всегда печальной конецъ получаютъ, а добродѣтель по претерпѣніи всѣхъ утѣсненій и нещастливыхъ случаевъ, напослѣдокъ побѣдою и щастіемъ награждена бываетъ».

«Отъ обоихъ сихъ театральныхъ дѣйствій опера весьма разнствуетъ. Она кромѣ боговъ и храбрыхъ героевъ никому на театрѣ быть не позволяетъ. Все въ ней есть знатно, великолѣпно и удивительно. Въ ея содержаніи ничто находиться не можетъ, какъ токмо высокія и несравненныя дѣйствія, божественныя въ чело-

вѣкѣ свойства, благополучное состояніе міра и златые вѣки собственно въ ней показываются. Для представленія первыхъ временъ міра и непорочнаго блаженства человѣческаго рода, выводятся въ ней иногда щастливые пастухи и въ удовольствіи находящіяся пастушки. Пріятными ихъ пѣснями и изрядными танцами изображаетъ она веселіе дружескихъ собраній, между добронравными людьми. Чрезъ свои хитрыя машіны представляетъ она намъ на небѣ великолѣпіе и красоту вселенныя; на землѣ крѣпость и силу человѣческую, которую они при осажденіи городовъ показываютъ; на волнующемся морѣ страхъ и напасти нерассудно дерзновенныхъ людей, а чрезъ сверженнаго Фаэтонта паденіе безумныя гордости. Рѣчь, которою человѣческія пристрастія изображаются, приводится посредствомъ ея музыки въ крайнее совершенство; а звукъ послѣдующихъ за нею інструментовъ возбуждаетъ въ слушателяхъ тѣжъ самыя пристрастія, которыя тогда ихъ зрѣнію открываются».

Вслѣдъ за такимъ опредѣленіемъ оперы, въ которомъ чувствуется непосредственное знакомство съ этими представленіями начала XVIII ст., авторъ переходитъ къ исторической части своего труда. Опера пришла въ состояніе описаннаго выше совершенства не сразу. Еще за много сотъ лѣтъ до оперы существовала драматическая музыка, отличавшаяся, впрочемъ, простотою и незамысловатостью. Авторъ имѣетъ въ виду средневѣковыя церковныя оффиціи и мистеріи на библейскія темы, именно, разговоръ ангела съ Маріею на гробѣ воскресшаго Христа и т. п. Эти представленія, по его словамъ, получили особенное распространеніе въ Италіи. И до сихъ поръ (1738 г.) они даются въ Саксоніи, при чемъ въ представленіи участвуютъ не только люди, но и куклы (70). Нашъ авторъ знаетъ, что въ половинѣ XV ст. являются уже музыкальныя драмы на свѣтскіе сюжеты почти при всѣхъ итальянскихъ дворахъ; пѣсни облекаются въ форму куплетовъ и стансовъ, вводится новая форма *діалогъ* и *діалогетто*, появляется речитативъ, первые слѣды котораго авторъ видитъ въ нѣкоторыхъ канцонахъ Петрарки и позже — у

Лоренцо Роза (Rime e stanze, 1518). «Прямую дорогу» показалъ «рецітатівамъ» Баттиста Гварини, подражатель Петрарки: «всѣ красоты и пріятности въ его книгѣ, называемой «Pastor fido», то есть *Вѣрный пастухъ* представлены рецітатівами» (72). Такъ утвердилась начальная форма оперы — соединеніе речитативовъ «съ стішками изъ оды, или какъ потомъ обыкновенно называть стали, съ аріями».

Разъ была установлена эта форма — дальнѣйшее развитіе ея вызвало образованіе различныхъ видовъ: появились: діалого, оперетта и «великая на музыкѣ сочиненная драма, то есть цѣлое дѣйствіе или опера». Въ этомъ мѣстѣ авторъ даетъ довольно подробное опредѣленіе каждаго изъ названныхъ видовъ, включая сюда и кантату, какъ простѣйшій видъ.

Итакъ, слава созданія оперы, по мнѣнію нашего анонима, принадлежитъ итальянцамъ (стр. 73), которые унаслѣдовали любовь къ театру отъ своихъ предковъ, римлянъ. Впервые была поставлена на музыкѣ сочиненная драма въ 1480 году: кардиналъ Ріати построилъ театръ и поставилъ оперу «Обращеніе Павла на пути въ Дамаскъ»; музыка была написана Франціскомъ Беверини. Опера имѣла успѣхъ и въ подражаніе въ Венеціи въ 1485 г. ставится опера уже совершенно свѣтскаго содержанія «La verita raminga...», т. е. «Презрѣнная правда», при чемъ изъ обстоятельнаго изложенія ея видимъ, что эта пьеса по манерѣ и деталямъ весьма напоминаетъ итальянскія комедіи своего времени.

Подробно изложивъ её (стр. 75—76) авторъ замѣчаетъ, что въ тѣ времена (до половины XVI в.) — смѣшивали комедіи, трагедіи и оперы, «о различныхъ родахъ театральныхъ дѣйствій не было еще никакихъ особливыхъ правилъ. Понятіе о театральныхъ представленіяхъ тогда не далѣе простиралось, какъ только что, бутто опера отъ комедіи и трагедіи разнится одною музыкою» (77). Но съ теченіемъ времени обнаружилось большее различіе между другими видами драмы, именно опера стала пользоваться только «высокими» сюжетами: «Забавныя персоны, кото-

рыя впрочемъ во всѣхъ італіанскихъ театральныхъ дѣйствіяхъ необходимо представлены быть долженствовали, какъ напримѣръ Арлекінъ, Панталонъ, Докторъ, Полічінеллъ, Скапінъ, Ковіэлло, Капітано Спаньоло или Спавентозо, Брігелла, Скарамутцо и прочіе буффоні, которые еще и понынѣ наибольшую часть въ испорченой (sic!) італіанской комедіи занимаютъ, отъ оперы были совершенно отлучены, а употреблены одни только важныя, умъ и всѣ чувства удивительнымъ образомъ услаждающія и притомъ весьма чудесныя представленія» (78).

Въ числѣ именно такихъ операъ, авторъ называетъ оперу Чести на текстъ Гварини «Pastor fido»; оперу «Торжествующая любовь» на слова Петрарки, представленную въ 1580 г. въ замкѣ герцога Савойскаго (79). Далѣе сообщаетъ объ оперѣ, поставленной въ 1589 г. во Флоренціи по случаю бракосочетанія Фердинанда Медичи (81 и сл.)—объ Аполлонѣ и змѣѣ Пиѳонѣ. Затѣмъ опера входитъ въ Италіи въ такую моду, что въ 1600, 1610, 1620 и 1630 гг. «не было въ Італіи ни одного знатнаго мѣста, въ которомъ бы не находилось openнаго дому и въ которомъ бы временемъ совершенныя оперы не представляли» (84).

Въ слѣдующей главѣ (ч. 33, стр. 132) и дальнѣйшихъ авторъ перебираетъ наиболѣе замѣчательныя оперы XVII ст. и нач. XVIII ст. въ Италіи и разсказываетъ, какъ опера распространилась постепенно по другимъ государствамъ Европы. Особенно онъ останавливаетъ свое вниманіе на Франціи, къ которой ниже онъ обращается снова, отмѣчая внѣшній блескъ Парижской оперы, прекрасный ея балетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и — «малое разсужденіе французовъ о музыкѣ а особливо о пѣніи» (174). Особенностью французскихъ оперъ является бѣдность музыкальнаго содержанія—и богатство и изобрѣтательность въ обстановочной части (146—147). Любопытны данныя, сообщаемыя нашимъ авторомъ о манерѣ французскихъ дирижеровъ, сравнительно съ итальянскими (174).

Нѣсколько нарушаетъ послѣдовательность повѣствованія эпизодъ объ интермедіяхъ на музыкѣ. Какъ видно изъ дошедшихъ

до насъ либретто 1730-хъ годовъ, этотъ родъ пьесы давался итальянцами и въ Россіи. Вѣроятно, по этому и анонимный авторъ историческаго описанія объ оперѣ [1]), удѣляетъ нѣкоторое вниманіе и этимъ интермедіямъ (ч. 43—44, стр. 162—163).

Интермедіи на музыкѣ явились по его словамъ въ Италіи «лѣтъ за 40 передъ симъ». «Тамошнимъ жителямъ, которые всегда токмо о новыхъ веселіяхъ стараются, показалась совершенная опера уже чрезмѣрно важна. Надобно было нѣчто вымышлять, чтобы смотрителей, которые представляемыми пристрастіями въ особливое чувствіе приводятся, во время самаго дѣ[й]ствія могло нѣсколько успокоить, и при важныхъ размышленіяхъ увеселить нѣкоторыми шутками. Въ самую оперу того примѣшивать безъ умаленія ея красоты было не можно. Того ради выдумали новое представленіе, которое до оперы весьма не надлежитъ, но имѣетъ особливое веселое содержаніе, и можетъ иногда на двѣ, а иногда и на три части раздѣлено быть. Въ такихъ интермедіяхъ выходятъ обыкновенно только двѣ персоны а именно *буффо и буффа*, которыя какой нибудь веселый случай представляютъ аріями и рецітатівами, и чрезъ то какъ смотрителямъ, такъ и оперістамъ даютъ время къ успокоенію отъ важныхъ представленій». Отличіе интермедіи на музыкѣ отъ оперы подчеркивается слѣдующимъ заключительнымъ замѣчаніемъ: «Къ сочиненію інтермедій не всякъ можетъ быть способенъ; такъ какъ и къ представленію такихъ музыкальныхъ веселыхъ дѣйствій надлежатъ весьма особливые люди, которые въ движеніи тѣла и въ самомъ пѣніи всякими смѣшными образами себя притворять умѣютъ». За симъ авторъ называетъ композиторовъ писавшихъ такія интермедіи: итальянцевъ — Каопарини, Джакомелли, Винчи, Альбанони, Орландини и нѣмца — Гасса иль Сассоне.

Остальная часть статьи посвящена обзору состоянія оперы у разныхъ народовъ въ первой четверти XVIII ст. У англичанъ

1) Если только эта статья не переводная, заимствованная изъ нѣмецкой музыкальной литературы.

она находится «въ лучшемъ цвѣтѣ» (175); у испанцевъ и португальцевъ «не съ великимъ желаніемъ принимается» (176); голландцы не имѣютъ къ оперѣ «ни склонности, ни довольнаго рассужденія» (176). Въ Брюсселѣ имѣется изрядный оперный театръ.

Такъ постепенно авторъ подходитъ къ Россіи (177), и оказывается, по сравненію съ другими странами, что здѣсь опера «при Россійскомъ Императорскомъ дворѣ въ Санктпетербургѣ находится въ наилучшемъ состояніи» — свидѣтельство небезынтересное для историковъ театра 20-хъ и 40-хъ годовъ XVIII ст., если только оно не продиктовано желаніемъ польстить завѣдывавшимъ этою частью придворнымъ лицамъ. Впрочемъ, можно принять его за достовѣрное, зная роскошь тогдашняго двора, не знавшую границъ, если дѣло касалось расходовъ на увеселенія. За симъ сообщается довольно пространно содержаніе оперы, представленной въ день рожденія императрицы Анны Іоанновны и напечатанной на итальянскомъ языкѣ съ русскимъ и съ нѣмецкимъ переводомъ при Академіи Наукъ. Эта опера называется: «La Forza del amore e del odio. Dramma per musica», то есть «Сила любви и ненависти, драмма на музыкѣ и проч.». Стихи — конечно италіанскіе — сочинены въ Римѣ, «а музыкальная композиція здѣсь» — капельмейстеромъ Арайя. Къ сожалѣнію, авторы русскаго и нѣмецкаго переводовъ не указаны въ изложенной нами статьѣ. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этой оперѣ, замѣчательной, какъ первое печатное на русскомъ языкѣ драматическое произведеніе этого рода, — имѣемъ въ «Исторіи Импер. Академіи Наукъ» Пекарскаго, т. II, стр. 65.

Такимъ образомъ въ печати на русскомъ языкѣ къ 1739-му году имѣлись уже три статьи, съ большею или меньшею обстоятельностью ознакомлявшія русскихъ читателей съ происхожденіемъ драмы и различными ея видами.

V.

1739-й годъ былъ еще болѣе счастливъ на теоретическія статьи о драмѣ. Въ части 85-й и 86 «Примѣчаній на Вѣдомости» этого года и въ части 87-й того же изданія появились двѣ статьи; первая, въ двухъ нумерахъ, трактуетъ «О пользѣ театральныхъ дѣйствъ и комедій, къ воздержанію страстей человѣческихъ»; вторая, вѣроятно, приноровленная къ игравшимся на придворномъ театрѣ пантомимамъ, озаглавлена: «О нѣмыхъ комедіантахъ у древнихъ».

Первая статья имѣетъ спеціально дидактическія задачи. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что всякій, узнавшій «жестокія страсти», «всеконечно желать будетъ, чтобы у нихъ никогда въ подданствѣ не быть» и станетъ искать способы, къ укрощенію или хотя бы къ убавленію страстей (с. 337); кто знаетъ какое доставляетъ безпокойство любовь, къ какимъ она безумнымъ поступкамъ приводитъ даже мудрѣйшихъ—тотъ приложитъ всѣ усилія, чтобы освободиться отъ нея (337) «А понеже театральныя дѣйства всѣ отъ страстей приходящія заблужденія людямъ объявляютъ, а при томъ силу и дѣйства ихъ гораздо живѣе, нежели самыя книги, всѣмъ смотрящимъ передъ очи полагаютъ, то еще издревле такое мнѣніе было, что оныя комедія къ умѣренности и воздержанію помянутыхъ страстей способны» (338).

Авторъ предвидитъ естественное возраженіе, что сама жизнь — лучше всякаго театра можетъ содѣйствовать достиженію намѣченной выше цѣли; но — «на одномъ съ нами свѣтѣ живущія люди истинную причину своихъ дѣлъ рѣдко кому объявляютъ, а внутренности своего сердца почти никогда и ни одному человѣку не открываютъ.... И то нерѣдко случается, что мы, желая мысль другихъ людей узнать, сами себя прельщаемъ, или они насъ обманываютъ. *А комедіанты уже передъ нами лица не закрываютъ.* Они выступаютъ съ предстоящими

зрителями въ откровенную дружбу; объявляютъ имъ свои собственныя намѣренія, а при томъ словами и видомъ всѣ то изъясняютъ, что они сами въ себѣ слышатъ и дѣйствительно чувствуютъ. Зрителямъ ни о чемъ догадываться не надобно, кромѣ того, что они безъ всякаго труда и сами угадать могутъ» (338). Во вторыхъ, по мнѣнію автора, пьесы имѣютъ еще и то преимущество, что «театральныя и въ комедіяхъ употребляемыя стіхи всѣ страсти человѣческія натурально описываютъ, а при томъ неудовольство и безъщастіе, какъ обыкновенныя и необходимыя ихъ слѣдства, *по самой правдѣ и общему искусству представляютъ*, чего ради намъ всѣ происходящія изъ того примѣры за *полезное ученіе принимать надобно*» (338). Третье, наибольшее основаніе для предпочтенія театра непосредственному созерцанію жизни то, «что человѣкъ въ ихъ представленіяхъ самъ себя узнаваетъ; тѣже представленіи наисильнѣйшія къ тому способы подаютъ, чтобъ мы собственныхъ своихъ страстей боялись и съ возможнымъ прилѣжаніемъ ихъ береглись» (338). Для автора ясно, что всякая страсть подобпа въ началѣ своемъ малому огню: зная средство её потушить—всегда можно это сдѣлать ко благу человѣка заблаговременно.

Авторъ статьи, однако, не считаетъ театръ панацеей отъ всѣхъ страстей: «...никому думать не надобно, бутто бы театральныя дѣйствіи общей и подлинной способъ ко исправленію нравовъ были, чего мы и утверждать не намѣрены; только можно доказать, что люди чрезъ такія театральныя представленія часто получаютъ доброе намѣреніе съ истиннымъ желаніемъ къ воздержанію своихъ склонностей и ко исправленію своего житія» (339). Какъ на примѣръ, авторъ указываетъ на лакедемонцевъ, выводившихъ въ своихъ комедіяхъ пьянаго невольника для назиданія дѣтей. Но, конечно, люди «грубой и глупой породы» неспособны поддаваться «разсужденію», и для нихъ совершенно безполезны «наилучшія театральныя способы». «Но сіе у настоящаго дѣла цѣны и доброты не отнимаетъ, только показываетъ, что оно противъ всего изъятію и перемѣнѣ подвержено» (340).

«Здѣсь (т. е. въ данномъ разсужденіи) напередъ полагается (т. е. считается а priori доказаннымъ и очевиднымъ), что содержимое въ комедіяхъ и театральныхъ дѣйствіяхъ нравоученіе такъ хорошо, что лучше ево быть нельзя. О семъ надлежитъ стараться тому издателю, которой оныя комедіи сочиняетъ; и видно, что всѣ старыя и новыя такихъ театральныхъ дѣйствъ писатели больше о томъ старались, чтобъ къ добродѣтели склонность, а противъ страстей и беззаконія ненависть возбудить и сіе за наибольшую силу своей науки почитали» (340). Слѣдуетъ ссылка на Расина, утверждающаго въ предисловіи къ «Федрѣ», что онъ не издалъ ни одной драмы, «гдѣ бы не старался добродѣтель въ полномъ ея свѣтѣ представить, а страсти съ пороками какъ наилутче описать». Этотъ драматургъ представляетъ страсти только для того, чтобы яснѣе показать къ чему приводятъ «худыя поступки».

Заключается первая часть статьи дидактическимъ указаніемъ будущимъ сочинителямъ комедій, — указаніемъ, въ которомъ предвосхищается позднѣе высказанная мысль величайшаго русскагѡ драматурга, А. Н. Островскаго: «Сіе то намѣреніе всякой издатель комедій передъ глазами имѣть долженъ, которое и всѣхъ прежнихъ творцовъ къ сочиненію театральныхъ дѣйствъ побудило. *Ихъ театръ во всемъ подобенъ былъ школѣ*, гдѣ люди также равно, какъ и въ философическихъ собраніяхъ добродѣтели учились» (340) [1].

Во второй части статьи [2]) авторъ вооружается противъ тѣхъ людей «которыя понять не хотятъ, какъ можно тому статься, чтобъ театральныя дѣйства страсти человѣческія воздерживали и исправляли»; онъ имѣетъ также въ виду и «другихъ», которые «еще напротивъ того говорятъ, бутто намѣреніе всякаго театральнаго дѣйства къ тому клонится, чтобы страсти возбудить»:

---

1) Ср. Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, подъ ред. М. И. Писарева, т. X, стр. XVI—XVII.

2) Примѣчанія, ч. 86, стр. 341 и сл.

«только», говоритъ онъ, «сіе сомнѣніе отнять, а наше предложеніе утвердить весьма лехко». Авторъ указываетъ на то, что изображеніе дѣйствій на сценѣ вовсе не имѣетъ цѣлью вызвать тѣже дѣйствія со стороны зрителей. «Подлинно не надобно думать, бутто бы намѣреніе театральныхъ дѣйствій къ тому клонилось, чтобъ всѣ представленыя намъ отъ нихъ страсти въ умѣ и нравѣ человѣческомъ движеніе причиняли. А еще того меньше, чтобъ оныя комедіи равное въ насъ дѣйство произвели, или бы (стр. 142) все то въ себѣ чувствовали и власно какъ бы себѣ присвояли, что мы на театрѣ видимъ и слышимъ. Но *намѣреніе изобрѣтателей* означенныхъ дѣйствъ по большей части *туда клонится, дабы въ насъ такое чувствованіе причинить, которое бы отъ комедьянтскаго весьма различно* было». Примѣромъ въ данномъ случаѣ является Медея, отомщающая убійствомъ своихъ дѣтей — но конечно это представляется не для поощренія дѣтоубійства, а чтобы показать до чего доводитъ мстительность.

Выше всѣ разсужденія, по мысли автора, направлены лишь на порочныя страсти и склонности: «Когда мы утверждаемъ, что театральныя дѣйствія природныя человѣческія склонности воздерживаютъ, то сіе надлежитъ о злыхъ и порочныхъ, а особливо о тѣхъ страстяхъ разумѣть, которыя людямъ въ гражданскомъ житіи и статскомъ обхожденіи вредъ и препятство наносятъ» (342).

Важнѣйшею задачею стихотворца является привлеченіе людей къ добродѣтели. «Стихотворецъ долженъ прежде всего о томъ стараться, чтобы насъ къ любленію и почитанію добродѣтельныхъ людей поощрять, и намъ тѣ чувствованіи какъ наисильнѣе вообразить, которыя чести и славы достойны» (342). Главнымъ недостаткомъ народовъ является ихъ необразованность, незнакомство съ наукой сочинять; но отнюдь нельзя ошибки и погрѣшности авторовъ относить на счетъ науки: «. . . надобно признаться, что еще и такія стихотворцы есть, которыя въ наукѣ, потребной къ сочиненію комедей, очень несильны, а особливо нравы человѣческія весьма худо знаютъ и для того иногда по-

роки, какъ нѣчто великодушное, а добродѣтель за подлую вещь описываютъ. Но такое погрѣшеніе не самой наукѣ, а одной только злости или неразумію художника причитать надлежитъ» (342—343). Если врачъ плохо лѣчитъ — виновата не наука, а плохо её усвоившій хирургъ. Также и «ежели несмысленный стихотворецъ худую комедію сочинитъ» и будетъ опровергать извѣстную истину, напр. что родители любятъ дѣтей больше себя,— то это будетъ нелѣпо и несходно съ человѣческими нравами, если не объяснить поступки людей или, напримѣръ, суровыхъ отцовъ Теренція посторонниками, случайными обстоятельствами, если не внести наказанія или раскаянія.

Выступая на защиту «театральныхъ дѣйствъ, авторъ не подводитъ ихъ всѣхъ подъ одну категорію: есть и плохія пьесы, но это не уничтожаетъ основной его аргументаціи: «Которыя театральныя представленія *не по надлежащимъ правиламъ сочинены*, *тѣ презирать* и отметать позволяется»—характерное мѣсто для пониманія эпохи, стремившейся все обставить ясными и точно регламентированными правилами—даже и поэтическое вдохновеніе.

Заключается статья ссылкой на важное значеніе театра въ Греціи и Римѣ, котораго онъ не достигъ бы тамъ никогда, еслибы не его поучительное, воспитывающее значеніе; и—упоминаніемъ объ актерѣ Росціи, который получалъ около 250 т. руб. изъ государственной казны за дѣятельность, считавшуюся, очевидно, полезной.

VI.

Статейка, помѣщенная въ слѣдующемъ, 87-мъ выпускѣ «Примѣчаній» того же 1739 года и озаглавленная «О нѣмыхъ комедіантахъ у древнихъ», представляетъ какъ теоретическій, такъ и историческій интересъ. Написанная крайне тяжело и порою дву-

смысленно, она трудно поддается изложенію. Поэтому, резюмируя вступленіе, приводимъ её почти полностью въ главной ея части.

Авторъ, отмѣтивъ появившееся въ предшествовавшемъ выпускѣ «Примѣчаній» разсужденіе о драмѣ, пользуется случаемъ высказать и свое мнѣніе, особливо о *способахъ* представленія пьесъ на театрѣ.

«Понеже я о совершенствѣ ихъ (т. е. способовъ представленія театральныхъ дѣйствъ) сравненіемъ новѣйшихъ съ древними способами наибольшее изъясненіе получить надѣялся, то могу признаться, что хотя сіе и подлинно здѣлалось, однакоже *похвала*, противъ собственнаго моего чаянія, *къ сторонѣ послѣднихъ*, то есть *древнихъ способовъ склонилась*. Сіе уже извѣстно, что наилутчее знаніе въ древнихъ вещахъ имѣющія персоны почти всѣ и совершенно въ томъ согласуются, что *древней способъ* въ изобрѣтеніи и сочиненіи помянутыхъ дѣйствъ *гораздо лутче новаго*. А напротивъ сего, они уже толь болѣе отъ того удаляются, когда новѣйшія способы въ томъ, какъ бы дѣйствующихъ на театрѣ персонъ у зрителей пріятными учинить, также въ строеніи и украшеніи самыхъ (с. 345) театровъ съ древними способами сравнить пожелаютъ. Они находятъ многія отмѣны и имъ не нравныя вещи въ тѣхъ маскахъ, которыя у древнихъ Акторовъ и комедіантовъ во употребленіи были, также въ голосѣ, которой здѣланнымъ отъ нихъ нарочнымъ и особливымъ у оныхъ машкарокъ отверстіемъ рта очень перемѣненъ и возвышенъ былъ, а особливо въ тѣхъ людяхъ, которыя съ одной стороны свое удовольство въ одномъ томъ находили, дабы разныя обращеніи тѣла, виды и движенія дѣйствуемаго дѣлать; а съ другой стороны, чтобъ только голосъ къ тому подавать. Но понеже очень рѣдко сіе случается, чтобъ человѣкъ изъ одного только описанія о такихъ вещахъ точное понятіе получить могъ, которыя непосредственно до чувствъ касаются, и въ рассужденіи ихъ ни на что подобное и извѣстное сослаться не можно; то я и не надѣюсь, чтобъ въ семъ случаѣ что за подлинно утвердить можно было, ежели не взять къ сему въ помощь общаго увѣре-

нія о добромъ разумѣніи, которое древнія люди во всѣхъ подобныхъ симъ хитростяхъ и наукахъ, которыя отъ натуры и отъ чувствованія больше всего зависятъ, такимъ образомъ показали: которому почти никакимъ способомъ и послѣдовать не возможно; а при томъ еще много суетныхъ и весьма сумнительныхъ догадокъ было» (345—346).

Послѣ этого довольно неразумительнаго разсужденія авторъ переходитъ къ главной цѣли своей статьи—къ мимическимъ представленіямъ и къ ихъ исполнителямъ въ древности: «Какую преудивительную способность древнія люди къ такимъ дѣйствамъ и играмъ имѣли, сіе изъ той особливой ихъ же способности наипаче видно, которую они въ однихъ только движеніяхъ тѣла и видахъ дѣйствующихъ на театрѣ персонъ показывали, и сія способность ихъ такъ уже высоко взошла, что нѣкоторыя Акторы и мысли человѣческія не только угадывать, но и изъявлять начали; а напослѣдокъ уже такія комедіанты на театрахъ показались, которые ни слова не говоря, цѣлыя трагедіи и комедіи, то есть, печальныя и увеселительныя дѣйства представляли; и такъ, по моему мнѣнію, весьма не худо, чтобъ здѣсь о такомъ удивительномъ художествѣ объявить, отъ котораго уже на новомъ театрѣ весьма малыя слѣды остались» (346). За симъ авторъ приступаетъ къ изложенію свѣдѣній о римскихъ мимахъ. «Въ історіяхъ находится, что удивленія достойная наука нѣмыхъ театральныхъ дѣйствъ при державѣ Цесаря Августа въ Римѣ началась, а перьвѣйшія Авторы или издатели (sic) ея были *Пілладъ* и *Батіллъ,* которыя тѣмъ свое имя до нашихъ временъ въ отмѣнной памяти и почтеніи содержали. Пілладъ имѣлъ особливое искусство въ трагедіяхъ, а Батіллъ въ комедіяхъ славнѣе ево былъ. И подлинно, сіе не малаго удивленія достойное дѣло было, чтобъ симъ людямъ содержаніе цѣлаго театральнаго дѣйства одними только знаками объявить. По сему можно съ добрымъ основаніемъ рассуждать, что они не только къ сему потребныя, но власно какъ бы всякому человѣку природныя движенія употребляли, а и кромѣ ихъ сами такія виды и обращенія тѣла выдумывали, въ

которыхъ бы такому человѣку давно заобыкнуть надлѣжало, которой ихъ знать и разумѣть желалъ. Но понеже означенныя ихъ виды и обращенія, какъ наисходнѣе съ натурою учреждены были, то многова труда и долгова времени къ познанію оныхъ не надобно было. Такимъ образомъ они не только во всѣхъ театральныхъ дѣйствахъ случающіяся человѣческія страсти и подлинныя ихъ намѣренія открываютъ, но всѣ чувственныя вещи и новѣйшія дѣйствія весьма ясно представляютъ; только между тѣмъ можно надѣяться, что временемъ такія представленія довольно труда и размышленія имъ причиняли, и въ томъ то изъ нихъ одинъ другова превзошелъ» (346—347). Авторъ разсказываетъ анекдотъ о Пиладѣ и Батиллѣ, какъ учитель, Пиладъ, поправилъ своего ученика, Батилла, въ «Агамемнонѣ великомъ» изобразившаго героя не великимъ мужемъ, а только человѣкомъ большаго роста. Затѣмъ второй анекдотъ о какомъ то чужестранномъ королѣ, который выпросилъ у Цесаря себѣ одного мима для несенія должности «всеобщаго переводчика» и сказалъ: «мнѣ отъ молчанія ево (мима) больше нежели отъ велерѣчія другихъ пользы будетъ» (348).

«Черезъ то сія нѣмыя театральныя дѣйства въ такое почтеніе и славу пришли, что не только знатныя персоны и простыя люди больше всего или забавлялись, но и самыя римскія Сенаторы отъ сего не выключены были» (348). Затѣмъ излагается исторія гоненій на мимовъ: запрещеніе Тиверія сенаторамъ и патриціямъ вести знакомство съ комедіантами; изгнаніе при преемникахъ его изъ Рима «нѣмыхъ актеровъ и комедіантовъ». Наконецъ, послѣ гоненій Домиціана они при Нервѣ получили снова доступъ въ Римъ.

Такою же славою пользовались мимы и въ Греціи и Карѳагенѣ, гдѣ достигли высокаго совершенства. Но, съ нападеніемъ на Римскую монархію варварскихъ народовъ, комедіанты были «совершенно разсѣяны и въ забвеніе пришли». «А хотя бы», заключаетъ авторъ, «уже въ наши времена какъ на Італіанскихъ, такъ и на Аглинскихъ театрахъ, симъ театральнымъ дѣйствамъ

и нѣмымъ комедіямъ новая проба и учинена, только уже оныя за многими недостатками въ прежнее свое совершенство и цвѣтущее состояніе приведены быть не могли».

Статья, по стилю, по манерѣ автора выражаться — особенно замѣтной въ началѣ — вѣроятнѣе всего переведена съ или передѣлана нѣмецкаго, какъ и другія статьи этого рода, помѣщенныя ранѣе въ «Примѣчаніяхъ». Не имѣя большихъ литературныхъ достоинствъ, цитированныя нами статейки имѣютъ то значеніе, что по своему содержанію вносятъ нѣчто новое въ литературный оборотъ, расширяютъ горизонтъ литературныхъ понятій русскихъ читателей. Источникомъ послѣдней статьи, кажется намъ, былъ либо какой либо трудъ энциклопедическаго содержанія, въ родѣ книги Полидора Виргилія, либо нѣмецкій популярный журналъ, изъ котораго авторъ — можетъ быть академическій переводчикъ, легко могъ заимствовать матеріалъ.

VII.

Если мы пересмотримъ матеріалъ для исторіи драмы въ Россіи до 50-хъ годовъ XVIII ст., то прежде всего замѣтимъ, что число пьесъ, представленныхъ между 1672 и 1750 годами, не включая сюда безслѣдно исчезнувшихъ и относящихся къ дѣятельности украинскихъ авторовъ, работавшихъ въ Кіевѣ и писавшихъ почти исключительно на религіозно-назидательныя темы — число пьесъ, извѣстныхъ въ великорусской средѣ доходитъ до 60, изъ числа коихъ дошло до насъ въ полномъ видѣ и въ обрывкахъ около половины. Сверхъ того мы должны принять въ расчетъ и тѣ пьесы, либретто которыхъ дошли до насъ въ переводѣ Тредіаковскаго (числомъ 38). Такимъ образомъ, по самому скромному расчету до 1750 года около 100 пьесъ уже было представлено на русскихъ сценахъ, начиная отъ придворнаго театра, кончая театрами провинціальныхъ любителей

драмы. Это обстоятельство указываетъ и на то, что исполнители, кто бы они ни были—имѣли довольно значительную практику. Какъ извѣстно, Ѳ. Волковъ особенно удачно игралъ безумныхъ, охваченныхъ страстью людей; — вспомнимъ характерные пріемы игры англійскихъ комедіантовъ—и мы увидимъ, что и въ этой области имѣется наличность извѣстной традиціи. А традиція эта должна была неизбѣжно сложиться: «театръ, заведенный въ Москвѣ Петромъ В. и при немъ впервые сдѣлавшійся публичнымъ учрежденіемъ, доступнымъ для «всякаго чина смотрѣльщиковъ» уже не прекращалъ своей дѣятельности. Мѣнялись только формы, мѣнялись исполнители, но движеніе разъ начавшееся, уже не останавливалось; охота къ театральнымъ зрѣлищамъ не ослабѣвала, а напротивъ все больше и больше распространялась въ массѣ, такъ что и самый театръ изъ придворнаго все больше и больше обращался въ простонародный»... [1]) Наряду съ этой, возраставшей модой, получали распространеніе и тѣ теоретическія свѣдѣнія о театрѣ, которыхъ мы выше коснулись. И вотъ, подводя итоги данному обзору и имѣя въ виду поставленный въ самомъ началѣ статьи вопросъ о началѣ театра въ Россіи мы можемъ кажется опредѣленно отвѣтить: нельзя дѣлать «оффиціальную дату»—датой исторической; къ тому времени, когда оффиціально послѣдовалъ указъ объ учрежденіи постояннаго театра (30 авг. 1756 г.); даже къ тому времени, когда дебютировали ярославцы — Ѳедоръ Волковъ съ товарищами (18 марта 1751 г.)—уже успѣла сложиться извѣстная сценическая традиція, которая сказалась и въ самомъ Волковѣ; уже существовалъ рядъ пьесъ, жившихъ въ народной средѣ, при дворѣ—ставились любительскіе спектакли въ 1730—36 гг. и позже—причемъ пьесы были старомоднаго фасона, школьныя драмы съ символическими дѣйствующими лицами [2]); а параллельно—нарож-

1) П. О. Морозовъ, Русскій театръ при Петрѣ В., Ежегодн. Импер. театровъ, сезонъ 1893—1894 г., приложенія, кн. I, стр. 74.

2) Бар. Н. В. Дризенъ, Любительскій театръ при Аннѣ Іоанновнѣ, Ежегодникъ Импер. театровъ, сезонъ 1894—95 года, приложенія, кн. 3, стр. 88 и сл.

дался новый театръ, новоклассическій, совершенно независимо отъ ярославцевъ и указа 1756 года (1749 г. — первое представленіе кадетами «Хорева» Сумарокова, «Гамлета», «Синава и Трувора»). Наконецъ—ко времени оффиціальнаго учрежденія театра существовала уже, кромѣ школьной, рукописной,—также и печатная литература о театрѣ, хотя и не обильная, но тѣмъ особенно замѣчательная, что задолго до Сумарокова, Ломоносова и др. проповѣдывала теорію французскаго классицизма, примѣнительно къ драмѣ.

В. Перетцъ.

Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій.

XVII.

Изъ жизни Е. А. Боратынскаго.

Надъ жизнью Евгенія Абрамовича Боратынскаго[1]), одного изъ наилучшихъ русскихъ поэтовъ, соперника Пушкину, до сихъ поръ еще въ значительной ея части простирается мракъ. Печальное событіе его юности, исключеніе изъ Пажескаго корпуса, повидимому, такъ пріучило его не распространяться о своей жизни, что ни онъ, ни даже—его близкіе и дѣти не дали болѣе или менѣе подробныхъ матеріаловъ для біографіи. Я лично былъ знакомъ со старшимъ сыномъ поэта, Львомъ Евгеньевичемъ[2]), и наблюдалъ и у него нѣкоторую боязнь сообщеній о своемъ отцѣ, нѣкоторыя оговорки по поводу событій, имѣвшихъ мѣсто болѣе полувѣка назадъ и отчасти уже освѣщенныхъ кое-какими матеріалами, проникшими въ печать со стороны.

Особенно загадочнымъ кажется мнѣ одно обстоятельство изъ послѣднихъ годовъ жизни поэта. Евгеній Абрамовичъ имѣлъ печальную судьбу. Онъ пережилъ своихъ вѣрныхъ друзей-соперниковъ — Дельвига и великаго Пушкина. И онъ пережилъ не только ихъ, но и весь тотъ періодъ русской литературы, къ которому принадлежали и они, и онъ самъ. И по времени — концу

1) Написаніе «Боратынскій» правильнѣе обычнаго «Баратынскій».

2) О Львѣ Евгеніевичѣ Боратынскомъ см. особую статью въ моей книгѣ «Дѣла и люди».

тридцатыхъ годовъ и началу сороковыхъ, и по мѣсту жительства — въ Москвѣ Евгеній Абрамовичъ оказался совсѣмъ въ иномъ періодѣ литературы и въ иномъ литературномъ обществѣ. Ему пришлось быть въ самой лабораторіи, гдѣ подготовлялись не только сороковые, но и шестидесятые годы, гдѣ перерабатывались—подъ вліяніемъ философіи и соціализма—воззрѣнія этическія, литературныя, эстетическія, политическія и религіозныя, гдѣ выходили на сцену дѣятели новыхъ круговъ, Бѣлинскій, Катковъ, Герценъ, Бакунинъ и другіе. Немудрено, что пережившій своихъ друзей и соратниковъ Боратынскій, несмотря на все возраставшее совершенство формы своихъ произведеній, становился чуждымъ публикѣ, читателямъ, искавшимъ новаго. Немудрено, что общаго между Боратынскимъ и новыми дѣятелями было мало, и что не могло между ними завязаться дружбы. Но мы замѣчаемъ не только отсутствіе дружбы или симпатіи къ Боратынскому со стороны новыхъ дѣятелей, а еще и болѣе: ненависть, гоненіе. И это обстоятельство кажется намъ всего болѣе загадочнымъ. За что не любили Боратынскаго, за что его преслѣдовали его собратья, московскіе литераторы? Чѣмъ это вызывалось? Вотъ вопросъ, который намъ хотѣлось бы рѣшить, но для окончательнаго рѣшенія котораго у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало данныхъ.

Плетневъ пишетъ Гроту (т. II, стр. 365, № 126) въ 1844 г., что Боратынская (жена поэта) передъ отъѣздомъ за границу «все жаловалась на *московскихъ литераторовъ,* какъ они *огорчали ея мужа*».

Въ біографіяхъ поэта сообщается, что онъ примкнулъ къ литераторамъ *консервативнаго* лагеря. Но кого же подъ ними разумѣть? Если это славянофилы, то, дѣйствительно, Боратынскій былъ очень близокъ и съ *Иваномъ Кирѣевскимъ*,—какъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся письма Боратынскаго,—и съ *Хомяковымъ*. Эти двое не могли выступать противниками Боратынскаго. Но къ консерваторамъ относились и *Шевыревъ*, и *Погодинъ*. *Н. П. Барсуковъ* въ біографіи послѣдняго (т. II, стр. 363)

сообщаетъ: «Изъ писателей Погодинъ *всего менње* сошелся съ Боратынскимъ, котораго ни онъ, ни даже Шевыревъ не умѣли въ то время цѣнить, за что ихъ упрекалъ Пушкинъ». «Шевыревъ и *въ особенности Погодинъ* не были *почитателями* музы Боратынскаго» (т. III, стр. 72). Значитъ, ни личность, ни поэзія Боратынскаго не были симпатичны этимъ двумъ отъявленнымъ «консерваторамъ» (къ которымъ едва-ли можно причислять славянофиловъ николаевской эпохи): По поводу «Цыганки» Боратынскаго Погодинъ писалъ Шевыреву: «Нѣтъ, это—не поэзія,—и *далеко* кулику до Петрова дня!» Въ 1830 г. Погодинъ (стр. 223) пишетъ Шевыреву же: «У меня начались съ Кирѣевскимъ схватки за поэзію Боратынскаго и древность Дельвига, но хочу ихъ прекратить, а, признаюсь, *съ удовольствіемъ* посмѣялся надъ *пустотою* литературной синицы».

Боратынскій, глубокій мыслитель, въ глазахъ Погодина оказался пустельгою, надъ которою онъ съ удовольствіемъ смѣялся. Еще откровеннѣе Погодинъ въ своемъ дневникѣ: «Былъ Боратынскій (3 апрѣля 1829 г.), съ которымъ я *затрудняюсь говорить*».—«Къ Боратынскому *не лежитъ* мое сердце» (12 іюля 1830 г.). Не соглашались Погодинъ съ Боратынскимъ и въ политическихъ диспутахъ, и это, быть можетъ, еще болѣе отвращало Погодина отъ нашего поэта. Подъ 20 января 1836 г. Погодинъ по поводу одной бесѣды съ Боратынскимъ, защищавшимъ, надо думать, конституціонный образъ правленія, замѣчаетъ: «*Наша* конституція —*указъ*».

Ставились Боратынскому еще и такія обвиненія консерваторами же. По поводу смерти поэта *Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ* писалъ Погодину (т. VII, стр. 356): «Жаль Боратынскаго! Но напрасно думаютъ, что онъ замолкъ отъ журналовъ: его талантъ пересилилъ бы ихъ. Онъ, *разбогатѣвъ*, занялся *позитивнымъ*: въ послѣднее свиданіе его со мною онъ говорилъ объ *агрономіи*, *политической экономіи* и послѣ цѣлый часъ объ отвлеченной философіи. Но здоровье его казалось уже разстроеннымъ».

Этотъ отзывъ очень интересенъ. Мы видимъ, что Боратын-

скій реагировалъ на *философскую* моду тогдашняго общества (хотя и не примыкалъ къ господствующей гегелевствующей школѣ [1]). Иванчинъ же философію какъ будто ставитъ ему въ вину, да уже и прямо обвиняетъ Боратынскаго въ томъ, что онъ предался положительному, т. е. скопленію богатства, посредствомъ сельскаго хозяйства, для чего де онъ и погрузился въ агрономію и политическую экономію. Но Иванчинъ не зналъ истинной причины этихъ интересовъ поэта; этимъ онъ занимался не ради лучшаго устройства эксплоатаціи своихъ имѣній, а благодаря вопросу о ликвидаціи и отмѣнѣ крѣпостного права: Боратынскій еще за 25 лѣтъ до освобожденія крестьянъ былъ, какъ увидимъ далѣе, горячимъ сторонникомъ этой идеи.

Какъ бы то ни было, и новаторы, и, быть можетъ, нѣкоторые изъ консерваторовъ донимали бѣднаго поэта. Сынъ его, Левъ Евгеньевичъ, или и самъ не зналъ, или не хотѣлъ разъяснить мнѣ, *чѣмъ* могли угнетать поэта: «знаете, разные *слухи* ходили и распускались», сказалъ онъ мнѣ. Но что это были за слухи? Неужели черезъ четверть вѣка выкопали дѣла юности и похищеніе вещей у камергера Приклонскаго?

Поэтъ страдалъ—и страдалъ глубоко. Съ поражающею силою сказались эти его страданія въ великолѣпномъ стихотвореніи «На посѣвъ лѣса», на которое указалъ мнѣ и Левъ Евгеньевичъ. «Великъ Господь!» между прочимъ восклицаетъ въ этой пьесѣ поэтъ:

Онъ милосердъ, но правъ:
Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья;
Прощаетъ Онъ *безумію забавъ*,
Но никогда *пирамъ злоумышленья!*

Далѣе слѣдуютъ загадочные стихи:

Кого *измялъ* души *моей порывъ*,
Тотъ вызвать могъ меня *на бой кровавый*,

---

1) См. ниже стр. 281.

Но, подо мной *сокрытый ровъ изрывъ*,
Свои рога вѣнчалъ онъ грозной славой.

Поэтъ описываетъ свои попытки:

Летѣлъ душой я къ *новымъ племенамъ*,
Любилъ, ласкалъ ихъ *пустоцвѣтный колосъ*,
Я дни извелъ, *стучась къ сердцамъ людскимъ*,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.

Разочаровавшись, онъ стихи свои хочетъ замѣнить другою поэзiею, поэзiею насаждаемаго имъ лѣса.

Отвѣта нѣтъ! *Отвергнулъ струны я*,
Да хрящъ иной мнѣ будетъ плодоносенъ!
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши елей, дубовъ и сосенъ.
И пусть! *Простяся* съ лирою моей,
Я вѣрую: ее *замѣнятъ* эти
Поэзiи таинственныхъ *скорбей*
Могучiя и сумрачныя дѣти!

Когда эти стихи появились уже послѣ смерти поэта, во II части Сборника графа *Сологуба* «Вчера и сегодня», *Я. К. Гротъ* писалъ Плетневу (т. II, стр. 719, № 39) 3 апрѣля 1846 г., что пьеса «весьма замѣчательна по предчувствiю смерти и по художественной отдѣлкѣ, но въ нихъ я не понимаю: 1) намека на *сокрытый ровъ* и *рога*, 2) елей, дубовъ и сосенъ, равно какъ и дѣтей поэзiи таинственныхъ скорбей». Плетневъ (стр. 728—729, № 44 отъ 10 апрѣля 1846 г.) разъяснилъ, очевидно, согласно словамъ самого автора, съ которымъ Плетневъ видѣлся незадолго до его отъѣзда за границу: «у Боратынскаго *сокрытый ровъ* означаетъ намекъ на *разныя пакости*, которыя *въ Москвѣ* дѣлали ему *юные литераторы*, *злобствуя*, что онъ *не дѣлитъ ихъ дурачествъ*,—подобно тому, какъ въ Петербургѣ на меня и на тебя злобствуютъ *Краевскiй и Бѣлинскiй*, замышляя, какъ уронить

насъ въ ровъ. *Свои рога* есть *живописное* изображеніе *глупца* въ видѣ *рогатой скотины.* Всѣ послѣдніе четыре стиха отъ того непонятны, что я не припечаталъ объясненія, бывшаго въ подлинникѣ: Боратынскій это писалъ, насадивши въ деревнѣ рощу изъ дубовъ и елей»...

Непріязнь къ Боратынскому сказывалась и у нѣкоторыхъ петербургскихъ журналистовъ. Напр., 14 октября 1844 г. Плетневъ (т. II, стр. 332, № 103) писалъ Гроту: «читалъ въ сентябрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» критику на Боратынскаго, растворенную *тонкимъ ядомъ* безпристрастія».

Намеки на враговъ и вражду можно отыскать еще и въ другихъ стихотвореніяхъ послѣднихъ годовъ поэта, напр.:

> Спасибо *злобѣ хлопотливой*,
> Хвала вамъ, недруги мои!
> . . . .
> . . . . *къ борьбѣ глухой* вашъ голосъ
> Меня зоветъ и будитъ мой.

На причины злобы къ поэту еще разъ указываетъ въ своей перепискѣ Плетневъ (стр. 323, № 96 отъ 30 сентября 1844 г.): «по поводу смерти Боратынскаго въ «Москвитянинѣ» не сказали *ни слова: такова злость литературныхъ партій.* Его *не любили* московскіе литераторы, какъ *не раздѣлявшаго* ихъ *гегелевскихъ* мнѣній».

Итакъ, причиной недружелюбія или одною изъ его причинъ, по мнѣнію Плетнева, являлось нераздѣленіе модной гегелевой философіи. Это дѣйствительно, могло настраивать противъ Боратынскаго *молодыхъ* литераторовъ. Но вѣдь Погодинъ не былъ гегелевцемъ. За что же и Погодинъ промолчалъ о смерти замѣчательнаго поэта, друга Пушкина и сотрудника его, Погодина, изданій [1])?

---

1) Еще по «Московскому Вѣстнику».

Оставляя пока въ сторонѣ «консерваторовъ», ограничимся «молодыми» литераторами.

Ненависть къ Боратынскому молодого поколѣнія московскихъ писателей, повидимому, объясняется, какъ указываетъ Плетневъ, дѣйствительно, нашею обычною *нетерпимостью* къ чужому мнѣнію. Эта несчастная нетерпимость одинаково культивировалась и у лѣвыхъ, и у правыхъ. Въ области литературной *Н. К. Михайловскій* очень удачно формулировалъ эту русскую нетерпимость, какъ *суздальскій* принципъ: «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте». Пока живы были завѣты Пушкина, пока въ ходу было изящное искусство,—и Боратынскій былъ въ чести: «ручку пожалуйте»! Но вѣдь литературное положеніе и самого Пушкина поколебалось въ послѣдніе годы жизни; и у Пушкина его біографы констатируютъ нѣкоторое отчужденіе между поэтомъ и его публикой. Но Пушкинъ умеръ, а Боратынскій продолжалъ жить и дожилъ до господства гегелевства, попалъ въ другой періодъ литературы. Онъ самъ былъ оригинальный мыслитель, обладавшій яснымъ и свѣтлымъ умомъ; на философскія темы онъ отзывался охотно и развивалъ ихъ передъ людьми, даже не совсѣмъ къ тому подходящими, вродѣ выше упомянутаго Иванчина-Писарева. Но, отдавая должное философіи и отвлеченному мышленію, Боратынскій не далъ себя ослѣпить модною философіею, онъ отстаивалъ свою самобытность и, надо думать, препирался съ гегельянскими фанатиками.

Гегелевство (какъ и другія наши умственныя моды) породило у насъ фанатиковъ, и недаромъ Виссаріонъ (Бѣлинскій) назывался «неистовымъ». Они не прощали инако мыслящимъ. Вдобавокъ, какъ это бываетъ вообще въ исторіи русской мысли, гегелевство получило оттѣнокъ *прогресса*, *передового*, *либеральнаго*, *честнаго*. Такъ же либераленъ и «честенъ» въ шестидесятые годы былъ матеріализмъ, потомъ позитивизмъ, марксизмъ и т. п. Всѣ, кто не соглашается съ подобными вѣяніями своей эпохи, всѣ, кто позволяетъ себѣ усумниться въ единоспасительной силѣ даннаго воззрѣнія, записываются—даже и понынѣ безъ дальнѣй-

шаго въ отсталые, ретрограды, и далѣе—въ безнравственные люди, въ подслужники правительства...

Очевидно, подобному проклятію отъ неразумныхъ сторонниковъ гегелевщины и подпалъ нашъ поэтъ. Онъ показался ретроградомъ, быть можетъ, и нечестнымъ—людямъ «передового» поколѣнія. Быть не гегелевцемъ, а тѣмъ болѣе противодѣйствовать этому теченію было въ сороковые годы «нечестно».

Но, если указаніе Плетнева вѣрно и если наши соображенія правильны, то необходимо провѣрить, насколько основательно зачисляли Боратынскаго въ лагерь «консерваторовъ», и точно ли онъ былъ отсталой, ретроградъ, не заслуживающій никакихъ симпатій, какъ человѣкъ, и какъ писатель.

Въ дни своей юности Боратынскій, подобно Пушкину, не былъ консерваторомъ. Онъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми декабристами, какъ то съ *В. К. Кюхельбекеромъ*, *А. А. Бестужевымъ-Марлинскимъ* и *К. Ѳ. Рылѣевымъ*. Сохранились письма Боратынскаго, направленныя имъ къ названнымъ лицамъ и свидѣтельствующія объ ихъ дружеской близости. То же подтверждаетъ въ своихъ «Запискахъ» и *Никитенко* (т. I перваго изданія, стр. 169). «Познакомясь ближе», говоритъ Никитенко, «съ Рылѣевымъ, я слушалъ въ его кабинетѣ, какъ онъ декламировалъ свою только-что оконченную поэму «Войнаровскій». Со мною вмѣстѣ слушалъ и *восхищался* офицеръ въ простомъ армейскомъ мундирѣ—Боратынскій».

Боратынскій восхищался «Войнаровскимъ» своего друга Рылѣева. А вѣдь это уже совсѣмъ не *консервативное* чтеніе. Не забудемъ, что Боратынскій въ это время недавно еще только самъ былъ прощенъ, реабилитированъ и долженъ былъ бы опасаться за свое офицерство, доставшееся ему очень нелегко.

Но, быть можетъ, впослѣдствіи Боратынскій, разбогатѣвъ, дѣйствительно, обратился къ положительности матеріальной, какъ полагаетъ Иванчинъ,—измѣнилъ своимъ прежнимъ взглядамъ и сталъ себѣ счастливо и благополучно поживать—да добра наживать? Въ Словарѣ г. *Венгерова* въ очеркѣ жизни Боратынскаго

такъ и сказано прямо, что де поэтъ, «давно не знавшій *реальнаго* горя», черезчуръ испугался и оттого померъ. А развѣ тяжкая болѣзнь жены не есть реальное горе? А постоянная подавленность духа, меланхоличное настроеніе, всегда владѣвшее Боратынскимъ, не есть горе реальное? Боратынскій не нашелъ въ жизни счастія, какъ это видно изъ многихъ его стихотвореній. Кромѣ того, у него всегда лежало на сердцѣ воспоминаніе о скверномъ поступкѣ его юности. По свидѣтельству его друга Петра Г. *Кичеева* («Русскій Архивъ» за 1868 г., стр. 866—«Еще нѣсколько словъ объ Е. А. Боратынскомъ), «это временное омраченіе *ребяческаго* воображенія было *тягостно* имъ искуплено—не столько еще понесеннымъ имъ наказаніемъ, сколько *чувствомъ глубокой скорби*, которымъ онъ былъ *проникнутъ всю жизнь* въ слѣдствіе этого происшествія». Боратынскій никогда не успокаивался душевно и не превращался въ буржуя, какъ думалъ Иванчинъ. Не измѣнилъ онъ и завѣтамъ юности и тому, что̀ онъ вынесъ изъ знакомства съ декабристами.

Мы уже указывали выше на бесѣду его съ Погодинымъ касательно конституціи, при чемъ Погодинъ, повидимому, не согласился съ поэтомъ и противопоставилъ конституціи—указъ. Но и самая наилучшая мечта декабристовъ—уничтоженіе крѣпостного права—не покидала Боратынскаго.

Его другъ и родственникъ *Н. В. Путята* свидѣтельствуетъ: «Уничтоженіе крѣпостного права *постоянно* занимало его мысли. Въ разговорахъ со мною объ этомъ предметѣ онъ выражалъ мнѣніе, что освобожденіе крестьянъ *не должно совершиться иначе*, какъ съ *надѣломъ земли въ собственность* крестьянъ при вознагражденіи помѣщиковъ финансовою операціею, но какою, прибавлялъ онъ, этого не берусь я указывать: финансы — не мое дѣло». П. Г. Кичеевъ пишетъ: «Согласно съ Н. В. Путятой, могу удостовѣрить, что *самой задушевной идеей* Боратынскаго было освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ привлекъ мое вниманіе къ этому предмету и заставилъ раздѣлить его мысли. Признаюсь, сначала я не могъ себѣ представить, какъ это все

можетъ осуществиться на дѣлѣ. Я, человѣкъ семейный и небогатый, обладавшій небольшимъ имѣніемъ, заложеннымъ въ опекунскомъ совѣтѣ, спрашивалъ: «какъ же поступять съ долгомъ нашимъ кредитнымъ установленіямъ»? Боратынскій, нисколько не затрудняясь, отвѣчалъ: «примутъ на счетъ государства». Намъ говорили, что Боратынскій предполагалъ, что въ случаѣ принятія опекунскаго долга на государственный счетъ, этотъ долгъ могъ бы быть уплаченъ въ казну крестьянами съ разсрочкою платежей. Тогда, успокоенный, и я прилѣпился къ идеѣ Боратынскаго и, насколько понималъ этотъ предметъ, выразилъ въ своихъ статьяхъ».

Кичеевъ дополняетъ Путяту. Мы видимъ, что поэтъ занимался и подробностями самой финансовой операціи. Вотъ почему, подобно другому русскому поэту, *Н. П. Огареву*, Боратынскій занялся политической экономіею и финансовой наукой, и вотъ откуда проистекали его разсужденія «цѣлый часъ» объ *агрономіи* и политической экономіи, которыя наскучили Иванчину, и которыя онъ отнесъ къ желанію поживиться отъ имѣнія. Агрономія касалась освобожденія крестьянъ и выкупа ихъ надѣловъ.

Приведемъ еще собственное свидѣтельство поэта въ письмѣ къ Путятѣ. При первомъ же шагѣ правительства къ освобожденію крестьянъ въ видѣ манифеста 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, «Редакція безподобна», радостно писалъ Боратынскій. «Нельзя было приступить къ дѣлу умнѣе и осторожнѣе. Благословенъ грядый во имя Господне! У меня *солнце въ сердцѣ*, когда думаю о будущемъ. *Вижу*, *осязаю* возможность *исполненія великаго дѣла* и *скоро*, и *спокойно*».

Боратынскій, какъ «гражданинъ *грядущихъ* поколѣній», смотрѣлъ въ даль, предугадывалъ то, что̀ случилось черезъ 20 лѣтъ, и до чего ему не довелось дожить. Наравнѣ съ *Н. А. Некрасовымъ*, онъ могъ бы сказать о себѣ:

Хлѣбъ полей, воздѣланныхъ *рабами*,
Нейдетъ мнѣ въ прокъ!

Изъ всего сказаннаго ясно, что Боратынскаго, хоть онъ и не увлекался гегелевою философіею и соціализмомъ *Сенъ-Симона* и *Фурье*, какъ это дѣлали тогдашніе *передовые* литераторы, съ большою осторожностью и оговорками можно причислять къ *консерваторамъ* Николаевскаго царствованія, между которыми было много *крѣпостниковъ*,—тогда какъ Боратынскій по складу идей принадлежалъ къ «освободителямъ» 1861 г.; если бы онъ дожилъ до этой эпохи, то онъ, хотя бы и былъ въ числѣ «отцовъ», но все-таки не между рабовладѣльцевъ—«консерваторовъ», противниковъ эмансипаціи крестьянъ, тѣхъ рабовладѣльцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, воспѣтый когда то московскими профессорами, либералами-гегелевцами, въ качествѣ «Мецената».

Итакъ, по вопросу о той непріязни, которую питали къ Боратынскому московскіе, а отчасти и петербургскіе литераторы, надо, повидимому, отвѣтить такъ. Боратынскій былъ жертвою нашей обычной русской *нетерпимости* къ чужому и самостоятельному мнѣнію. Москвичи-передовики не терпѣли его за то, что онъ не былъ ни гегелевцемъ, ни фурьеристомъ или сенъ-симонистомъ, — за то, что онъ не раздѣлялъ ихъ подчасъ ребяческихъ увлеченій. Они прокричали Боратынскаго консерваторомъ, отсталымъ, словомъ «не — нашимъ»! Но, не удовлетворяя гегелевцевъ и соціалистовъ, Боратынскій со своими конституціонными и эмансипаціонными взглядами не попадалъ въ тонъ, не говоря уже о крѣпостникахъ, — и представителямъ казеннаго патріотизма и оффиціальной народности; и эти его не терпѣли. Отсюда неблаговоленіе къ поэту съ обѣихъ сторонъ, изъ обоихъ лагерей; онъ между двумя огнями, онъ «не нашъ»! Отсюда слухи, отчужденіе, замалчиваніе. . . .

Оставляемъ въ сторонѣ возможность личныхъ столкновеній и недоразумѣній. На это есть нѣкоторый намёкъ въ томъ же загадочномъ стихотвореніи «На посѣвъ лѣса». Поэтъ говоритъ о комъ-то, «кого измялъ души моей порывъ», кто могъ бы выз-

вать его на поединокъ или дуэль, но вмѣсто того повелъ интриги и самъ же въ нихъ запутался.

Но, если Боратынскій не удовлетворялъ своихъ московскихъ доморощенныхъ судей, ни гегелевцевъ, ни людей «чего изволите», то иначе отнеслись къ нашему поэту люди наполовину уже объевропеившіеся, наши заграничные русскіе эмигранты[1]).

На родинѣ поэтъ, по его словамъ, «летѣлъ душою къ *новымъ* племенамъ», ласкалъ ихъ *пустоцвѣтъ* (гегелевцевъ), «дни извелъ, стучалъ къ людскимъ сердцамъ»;

Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я....

Отзвукъ себѣ поэтъ нашелъ у жившихъ за границею русскихъ, *эмигрантской* молодежи. Вотъ какой онъ былъ «консерваторъ»! Тѣ его поняли, имъ онъ откровенно и очень энергично повѣдалъ свои тайныя думы, страданія и стремленія.....

Несмотря на очень строгій надзоръ за русскими путешественниками за границею, надзоръ изъ Петербурга, несмотря на чрезвычайно суровое время, Боратынскій, пренебрегая опасностью, какъ извѣстно, сошелся въ Парижѣ—и очень близко—съ жившими тамъ русскими, не исключая и настоящихъ эмигрантовъ. Послѣдніе тогда представляли собою пока еще неразрозненную семью, объединяемую одною великою и прекрасной мечтой—уничтожить рабство, крѣпостное право. На этомъ пунктѣ и сошелся Боратынскій съ эмигрантами. Онъ былъ хорошо знакомъ, какъ мнѣ извѣстно, съ *Сазоновымъ*, съ Иваномъ *Головинымъ*[2]), и всѣхъ ближе съ поэтомъ же, Николаемъ Платоновичемъ *Огаревымъ*. На неожиданную смерть Боратынскаго, которую замолчали на родинѣ, Огаревъ отозвался прекраснымъ стихотвореніемъ. «Въ Парижѣ мы сблизились съ нимъ», писалъ

---

1) Были среди нихъ постоянные эмигранты и временные; не всѣ окончательно порывали съ правительствомъ и съ родиной.

2) О Головинѣ была недавно статья въ журналѣ «Былое», на нашъ взглядъ, не вполнѣ объективная...

Огаревъ, «и *полюбили его всей душой*; онъ имѣлъ *много плановъ* и умеръ, *завѣщая намъ* привести ихъ въ исполненіе»[1]).

Стихотвореніе Огарева «Памяти Е. А. Боратынскаго» мало извѣстно, хотя оно представляетъ собою лучшую характеристику Евгенія Абрамовича.

Въ его груди любила и *томилась*
Прекрасная душа
И ко всему прекрасному стремилась,
Поэзіей дыша;
Святой огонь подъ *хладною сѣдиной*[2])
Онъ *гордо* уберегъ,
Не оскудѣлъ, хотя *страдалъ душою*
Средь жизненныхъ тревогъ.

Огаревъ подчеркиваетъ эти страданія Боратынскаго и его гордость въ перенесеніи ихъ.

На жизнь смотрѣлъ, хоть грустно, онъ, но *смѣло*
И все *спѣшилъ впередъ*;
Онъ жаждалъ *дѣлъ*, онъ *насъ* сзывалъ *на дѣло*
И вѣрилъ въ Бога силъ.

Въ противность обычному представленію Боратынскаго, какъ бездѣятельнаго квіетиста, Огаревъ рисуетъ его человѣкомъ смѣлаго и дѣятельнаго почина, побуждающимъ эмигрантовъ, молодежь къ дѣятельности. Далѣе подробнѣе изображается отношеніе Боратынскаго къ парижскому кружку:

О сколько разъ съ горячимъ рукожатьемъ,
Съ слезою на глазахъ

---

1) См. въ моей уже названной книгѣ «Дѣла и люди» объ обѣдѣ, который Боратынскій давалъ въ Парижѣ русской эмигрантской колоніи, и на которомъ произносились рѣчи объ освобожденіи крестьянъ.

2) Передъ заграничнымъ путешествіемъ, изъ котораго поэту уже не суждено было живымъ вернуться на родину, Е. А. Боратынскій сразу постарѣлъ и посѣдѣлъ.

Онъ намъ *твердилъ: «впередъ, младые* братья:
Предъ истиной все прахъ!
О сколько разъ онъ, *старецъ вѣчно-юный*,
Нашъ кругъ одушевлялъ,
Дрожали въ насъ души живыя струны,
Согласный хоръ звучалъ.
. . . .

Приведемъ еще характерный конецъ:

Онъ *избралъ насъ*, и старецъ, умирая,
Друзья, намъ *завѣщалъ*,
Чтобы, по *немъ*, какъ тризну, совершая,
Въ борьбѣ нашъ духъ мужалъ!

Такъ поняли Боратынскаго русскіе, жившіе въ Парижѣ. Въ Москвѣ его одни зачислили въ буржуа, ради матеріальнаго обогащенія, отказавшагося отъ поэзіи и отъ завѣтовъ юности, другіе сочли его «консерваторомъ», отсталымъ. Ни тѣ, ни другіе не понимали души поэта. «Пустоцвѣтъ новыхъ племенъ», гегелевцы, какъ и «консерваторы», мелко плавали въ оцѣнкѣ Боратынскаго; но не ограничиваясь несправедливою оцѣнкою поэта, они чинили ему интриги и преслѣдованія. Боратынскій отказался отъ печатанія своихъ стиховъ и затворилъ свою душу. Раскрылъ онъ ее за границею,—и бывшая тамъ русская передовая молодежь оцѣнила великое сердце поэта-мыслителя.

XVIII.

Благодарность цензору.

Исторія русской цензуры есть необходимая, составная часть русской литературы: послѣдняя безъ исторіи цензуры была бы одностороннею. Нѣтъ и не было, конечно, на Руси ни одного

автора, который такъ или иначе не потерпѣлъ бы отъ цензуры, и жалобы на нее начинаются еще съ Радищева. Исторія русской цензуры есть исторія постоянной войны между авторами и издателями, съ одной стороны, цензорами съ другой. Мира между этими враждующими сторонами не наступало: каждая сторона считала себя правою. Добрыя отношенія между литераторами и цензорами были великою рѣдкостью. Цензоръ *уважаемый* былъ еще большею рѣдкостью. Эти исключенія изъ общаго правила долго жили въ памяти. Таковъ былъ московскій цензоръ *Сергѣй Глинка.* Въ шестидесятыхъ годахъ въ той же Москвѣ былъ уважаемый всѣми цензоръ *Фонъ-Крузе*, котораго, когда его уволили, московскіе литераторы поддерживали на свой счетъ.....

Къ именамъ этихъ двухъ московскихъ цензоровъ мы теперь можемъ прибавить имя еще одного — кіевскаго. Благодарность своему цензору по *благополучномъ окончаніи* дѣла есть вещь рѣдкая. Мы располагаемъ такимъ рѣдкимъ документомъ—благодарственнымъ письмомъ автора цензору, пропустившему его книгу. Вотъ это письмо. Оно адресовано Оресту Марковичу *Новицкому* и относится къ эпохѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, эпохѣ самыхъ ожесточенныхъ цензурныхъ гоненій.

Милостивый государь,
Орестъ Марковичъ!

Никому авторъ не бываетъ обязанъ столько, сколько благонамѣренному, любящему науки и просвѣщеніе ценсору, когда книга, плодъ трудовъ нашихъ, явится въ свѣтъ не обезображенною, не изуродованною; моя статья о народонаселеніи потеряла бы все значеніе, всю цѣль свою къ пользѣ общественной, если бы она попалась другому, а не Вамъ, достойному и снисходительному цѣнителю. Такимъ образомъ она отчасти можетъ называться и Вашимъ твореніемъ. Разумѣется, что въ этомъ для Васъ еще славы не много, но главная слава въ привѣтливости, снис-

ходительности, въ участіи Вашемъ къ трудамъ, подъемлемымъ на общую пользу. До сихъ поръ я былъ вправѣ сказать, что я «былъ» щастливъ моими цензорами: кромѣ доброжелателей человѣчества, я еще видѣлъ въ нихъ моихъ друзей. Таковы — Петръ Александровичъ *Корсаковъ* и Сергѣй Николаевичъ *Глинка*. Нынѣ я долженъ отбросить слово «былъ». Я отъ души говорю, что я — щастливъ моими цензорами, ибо Вы замѣнили ихъ мнѣ.

Прилагаю экземпляръ книги, Вами сохраненной въ ея чистотѣ; пусть она пробуждаетъ въ Васъ воспоминаніе объ авторѣ, о человѣкѣ, душевно Васъ почитающемъ и сердечно Вамъ преданномъ.

Честь имѣю быть съ таковыми чувствами навсегда,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга
Николай Маркевичъ.

1856 г. 9 марта
С. Туровка.

Авторъ этого письма Николай Андреевичъ *Маркевичъ* (род. 26 января 1804 г. въ Глуховскомъ уѣздѣ, † 9 іюня 1860 г. въ своемъ имѣніи Туровка Прилуцкаго уѣзда) былъ поэтъ, фольклористъ, этнографъ и историкъ. Главнымъ трудомъ его считалась «Исторія Малороссіи» въ 5 т., Москва, 1842—1843, потерявшая теперь всякую цѣну въ силу своей некритичности. Кромѣ того, Маркевичъ выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько сборниковъ собственныхъ стихотвореній, въ томъ числѣ «Украинскія мелодіи», 1831, потомъ «Народные украинскіе напѣвы, положенные на музыку», 1840, затѣмъ онъ писалъ много о своей родной полтавской губерніи, ея климатѣ, овцеводствѣ и т. д. Книга, о которой идетъ рѣчь, относилась тоже къ Полтавской губерніи, а именно это было сочиненіе «О народонаселеніи Полтавской губерніи», вышедшее въ Кіевѣ въ 1855 г. Послѣдній трудъ Маркевича былъ «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ», Кіевъ, 1860. Маркевичъ былъ обладателемъ обширнаго собран-

наго имъ архива, находящагося нынѣ въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Адресатъ письма и благодушный цензоръ, заслужившій столь рѣдкую благодарность — благодарность автора цензированной имъ книги, былъ цензоръ, а ранѣе профессоръ философіи при Кіевскомъ университетѣ Орестъ Марковичъ *Новицкій* (род. 25 январа 1806 г. † 4 іюня 1884 г.) Въ цензурномъ вѣдомствѣ онъ служилъ съ 20 декабря 1837 г., преимущественно, сначала для цензуры польскихъ книгъ (родившись на Волыни, Новицкій зналъ польскій языкъ, какъ родной, и былъ даже раньше баккалавромъ польскаго языка при Кіевской духовной академіи). Какимъ путемъ Новицкій изъ академіи перешелъ въ университетъ, разсказано у меня въ моей книжкѣ о Посссельтѣ. Въ университетѣ Новицкій служилъ съ 1835 до 1850 г., когда каѳедра философіи была уничтожена во всѣхъ русскихъ университетахъ, а преподаватели этой науки оставлены за штатомъ. Объ уничтоженіи философіи въ русскихъ университетахъ въ 1850 г. я уже сообщилъ въ V томѣ моего труда «Философія въ Россіи».

На Новицкаго, какъ цензора, въ 1850 г. былъ сдѣланъ доносъ въ министерство народнаго просвѣщенія, якобы онъ во многихъ сочиненіяхъ (польскихъ) пропустилъ вредныя мысли, вопреки правиламъ цензуры. Этотъ доносъ на Новицкаго былъ сдѣланъ въ самое трудное для него время, а именно, когда онъ вмѣстѣ со всѣми русскими университетскими философами былъ уволенъ за штатъ и находился безъ должности. Кое-какъ Новицкому удалось оправдаться отъ доноса, и онъ былъ назначенъ въ цензора Кіевскаго цензурнаго комитета. Любопытнѣе всего то обстоятельство, что доносъ былъ сдѣланъ съ польской же стороны.

Доносъ не озлобилъ Ореста Марковича и не сдѣлалъ его придирчивымъ цензоромъ. Какъ мы видѣли, отъ авторовъ онъ удостоивался письменныхъ благодарностей. Очевидно, Маркевичъ боялся цензурныхъ придирокъ къ своему этнографическому

сочиненію о народонаселеніи Полтавской губерніи. Такъ какъ дѣло шло, конечно, о малороссахъ, то на судьбѣ книги могли, вѣроятно, вредно отозваться боязнь украинскаго сепаратизма и реминисценція о тайномъ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, открытомъ въ Кіевѣ за какіе-нибудь 7—8 лѣтъ до того, реминисценція о *Костомаровѣ, Шевченкѣ и Гулакѣ.* Какъ бы то ни было, опасенія Маркевича не сбылись, и въ лицѣ Ореста Маркевича Новицкаго онъ нашелъ себѣ гуманнаго и образованнаго цензора, въ самую ужасную эпоху цензурныхъ притѣсненій съумѣвшаго отнестись къ книгѣ объективно.

О. М. Новицкій служилъ по цензурѣ и далѣе, вплоть до 1869 г., когда по выслугѣ тридцати лѣтъ въ вѣдомствѣ онъ былъ уволенъ въ отставку. О своихъ житейскихъ приключеніяхъ онъ написалъ незадолго до смерти весьма любопытный автобіографическій очеркъ, вошедшій, къ сожалѣнію, съ сокращеніями въ Юбилейный біографическій словарь Кіевскихъ профессоровъ.

XIX.

Два поэта о свѣтской женщинѣ.

Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, урожденная Нарышкина[1]), скончавшаяся въ Парижѣ въ 1856 г., заслуживаетъ упоминанія въ исторіи русской литературы потому, что ея личность и судьба послужила предметомъ стихотвореній двухъ русскихъ поэтовъ, *Лермонтова* и *Некрасова.* Стихотвореніе Лермонтова носитъ заглавіе «Портретъ свѣтской женщины», — Некрасова — «Княгиня».

Некрасовъ такъ рисуетъ личность и образъ жизни Александры Кирилловны:

1) Дочь оберъ-гофмаршала Кирилла Александровича Нарышкина.

Домъ — дворецъ роскошный, длинный, двухэтажный,
Съ садомъ и рѣшеткой; мужъ — сановникъ важный.
Молодость, богатство, красота, свобода —
Все ей даровали случай и природа.
Только показалась — и надъ свѣтскимъ міромъ
Солнцемъ засіяла, вознеслась кумиромъ!
Воинъ, царедворецъ, дипломатъ, посланникъ —
Красоты волшебной раболѣпный данникъ.
Свѣтъ ей рукоплещетъ, свѣтъ ей подражаетъ.
Властвуетъ княгиня, цѣпи налагаетъ, —
Но цѣпей не носитъ; прихоти послушна,
Ни за что полюбитъ, броситъ равнодушно:
Ей чужое счастье ничего не стоитъ —
Если и погибнетъ, торжество удвоитъ.....

Лермонтовъ, ослѣпленный ею, писалъ:

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва,
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ.
Значенья пустого слова
Въ устахъ ея дышатъ привѣтомъ.
Ей нравиться долго нельзя:
Какъ тѣнь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.
Таитъ молодое чело —
По волѣ — и радость, и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Въ душѣ ея тёмно, какъ въ морѣ.
То истиной дышетъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно.
Понять невозможно ея —
За то не любить невозможно.

Оба поэта, и Некрасовъ, и Лермонтовъ подчеркиваютъ однѣ

и тѣ же черты въ характерѣ молодой женщины: причудливость, измѣнчивость, непонятность и неотразимость. Помимо красоты, графиня славилась умомъ и находчивостію. Къ ней относится слѣдующій разсказъ *Инсарскаго* въ его «Воспоминаніяхъ» («Русская старина» за 1894 г., февраль, т. 91, стр. 19—20). Инсарскій разсказываетъ о знакомствѣ съ нею нѣкоего *Отрѣшкова*.

Въ самый разгаръ великолѣпія графини Воронцовой-Дашковой, которая нѣкогда, говоритъ Инсарскій, была *предметомъ общаго обожанія* всѣхъ петербургскихъ франтовъ высшаго полета, и потомъ, разоренная и обезображенная, кончила свое существованіе въ одной изъ парижскихъ больницъ, Отрѣшковъ попалъ какъ-то на одинъ изъ ея роскошныхъ баловъ. Въ одной изъ кадрилей, на которую онъ пригласилъ блестящую хозяйку, онъ началъ осыпать ее французскими фразами. Графинѣ, привыкшей въ своемъ кругу къ чистѣйшему парижскому произношенію, не могли не быть забавными усилія этого господина. Она поддерживала разговоръ съ тою живой прелестью, которая ее прославила. Вдругъ Отрѣшковъ, наклонившись къ ея уху, говоритъ: «prenez garde, mon derrière (т. е. мой сосѣдъ сзади) nous écoute!» Графиня, какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣчала: «pourvu qu'il ne prenne pas part seulement à notre conversation!» Этотъ блестящій каламбуръ, разумѣется, немедленно разлетѣлся по всему Петербургу, и Отрѣшковъ невольно сталъ героемъ, смахивающимъ на шута.

Извѣстный писатель, графъ *В. А. Соллогубъ*, которому Воронцова-Дашкова приходилась троюродною племянницею, такъ характеризуетъ ее въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (стр. 126): «Самымъ блестящимъ, самымъ моднымъ и привлекательнымъ домомъ въ Петербургѣ былъ въ то время домъ графа Ивана Воронцова-Дашкова, благодаря очаровательности его молодой жены, прелестной графини Александры Кирилловны... Много случалось мнѣ встрѣчать на моемъ вѣку женщинъ, гораздо болѣе красивыхъ, можетъ быть, даже болѣе умныхъ, хотя графиня отличалась необыкновеннымъ остроуміемъ, но никогда не встрѣ-

тилъ я ни въ одной изъ нихъ такого соединенія самаго тонкаго вкуса, изящества, граціи съ такой неподдѣльной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живымъ ключомъ била въ ней жизнь и оживляла, скрашивала все ее окружающее. Много женщинъ впослѣдствіи пытались ей подражать, но ни одна изъ нихъ не могла казаться тѣмъ, чѣмъ та была въ дѣйствительности»...

Дальнѣйшую судьбу графини Некрасовъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ.

Сердце ли въ ней билось черезчуръ спокойно,
Иль кругомъ все было страсти недостойно,—
Только ни однажды въ молодыя лѣта
Сердце въ ней любовью не было согрѣто.
Годы пролетали. Въ вихрѣ жизни бальной
До поры осенней — пышной и печальной —
Дожила княгиня. Тутъ супругъ скончался [1]).

По смерти мужа доктора для поправленія здоровья посылаютъ княгиню за границу на воды. Она очутилась въ Парижѣ.

Годъ въ столицѣ моды шумно и свободно
Прожила княгиня; на другой влюбилась
Въ доктора-француза — и сама дивилась!
Не былъ онъ красавецъ; но ей было ново
Страстно и свободно льющееся слово,
Гордое, живое... Свергнуть иго страсти
Нѣтъ и помышленья... да ужъ нѣтъ и власти!
Рѣшено: въ Россію тотчасъ написали;
Нѣмецъ-управитель — безъ большой печали
Продалъ за безцѣнокъ въ силу повелѣнья
Англійскіе парки, русскія селенья,

1) Графъ Иванъ Илларіоновичъ Воронцовъ-Дашковъ, оберъ-церемоніймейстеръ.

Земли, лѣсъ и воды, дачу и усадьбу...
Получили деньги — и сыграли свадьбу.

Некрасовъ написалъ это стихотвореніе, говоритъ *А. Я. Головачева-Панаева* (стр. 268), когда все петербургское общество только и говорило о смерти названной русской аристократки, графини, которая вторично вышла замужъ въ Парижѣ, уже слишкомъ сорока лѣтъ, за простого доктора-француза, и умерла одинокая въ нищетѣ, въ одной изъ парижскихъ больницъ. Ходили даже слухи, что извергъ-докторъ страшно тиранилъ ее и наконецъ отравилъ медленнымъ ядомъ, чтобы скорѣе воспользоваться ея деньгами и бриліантами на огромную сумму. Въ сороковыхъ годахъ эта аристократка считалась въ высшемъ кругу первой львицей по оригинальной своей красотѣ, богатству и по живости своего характера. Вторичное замужество аристократки-львицы надѣлало страшнаго шума; объ этомъ долго толковали, — и едва разговоры стали затихать, какъ извѣстіе объ ея смерти снова дало имъ новую пищу. Тѣ, кто прочелъ стихотвореніе Некрасова «Княгиня», тотчасъ узнали героиню.

Съ свойственной ему силою негодованія Некрасовъ разсказывалъ въ своей пьесѣ, какъ послѣ свадьбы —

Тутъ пришла развязка. Круто измѣнился
Докторъ-спекуляторъ: деспотомъ явился!
Деньги, бриліанты, все пустилъ въ аферы,
А жену тиранилъ, ревновалъ безъ мѣры,
И когда бѣдняжка съ горя захворала,
Свезъ ее въ больницу.... Навѣщалъ сначала,
А потомъ уѣхалъ — словно канулъ въ воду!
Скорбная, больная, гасла больше году
Въ нищетѣ княгиня... и тотъ годъ тяжелый
Былъ ей долгимъ годомъ думы невеселой.

Далѣе поэтъ изображаетъ то, что произошло послѣ смерти бѣдной «княгини».

Смерть ея въ Парижѣ не была замѣтна:
Бѣдно нарядили, схоронили бѣдно....
А *въ отчизнѣ дальней словно были рады:*
Цѣлый годъ *судили, рѣзко, безъ пощады,*
Наконецъ устали... И *одна* осталась
Память: что *съ отличнымъ вкусомъ одѣвалась!*
Да еще остался домъ съ ея гербами,
Дб-верху набитый бѣдными жильцами,
Да въ строфахъ небрежныхъ русскаго поэта
Вдохновенныхъ ею *чудныхъ два куплета.*

Подъ «чудными куплетами» Некрасовъ разумѣетъ стихотвореніе Лермонтова, дѣйствительно, принадлежащее къ лучшимъ перламъ его поэзіи.

Въ качествѣ эпилога намъ остается только указать, какія печальныя послѣдствія угрожали Некрасову за сочиненіе этой прекрасной пьесы.

Однажды къ Панаевымъ[1]) явились два незнакомые господина. Одинъ оказался французомъ съ весьма типическою наружностью и манерами парижанина, среднихъ лѣтъ, брюнетомъ средняго роста, съ черными, живыми глазами, съ усами и эспаньёлкой; въ петличкѣ его сюртука виднѣлась какая то орденская ленточка. Другой тоже былъ французъ, другъ перваго. Оба они старались держать себя съ какой то оффиціальною важностью. Первый изъ нихъ и былъ докторъ — овдовѣлый мужъ графини. Докторъ сообщилъ, обращаясь къ Некрасову, что онъ спеціально пріѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ, чтобы лично объясниться съ нимъ. Онъ потребовалъ удовлетворенія отъ поэта, найдя, что тотъ возвелъ на него чудовищную клевету. Потомъ, уже осенью Панаевъ случайно узналъ отъ одного своего знакомаго, родственника умершей графини, что докторъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для переговоровъ съ родственниками относительно оставав-

1) Съ которыми вмѣстѣ жилъ и Некрасовъ.

шагося въ Россіи имущества его жены, но ничего не получилъ. Очевидно, онъ лгалъ, будто только затѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы вызвать на дуэль Некрасова. Головачева предполагаетъ, что кто-нибудь указалъ ему на стихотвореніе и подбилъ требовать отъ Некрасова удовлетворенія, разсчитывая, что тотъ откажется драться, и выйдетъ скандалъ. Недоброжелателей у Некрасова, да и вообще у «Современника» было много.

Некрасовъ согласился выйти на дуэль, но И. И. Панаевъ не хотѣлъ допустить, «чтобы *еще одинъ русскій поэтъ* былъ убитъ на дуэли *французомъ*». Но съ другой стороны неминуемо пошли бы толки, сплетни, если бы дуэль не состоялась,—стали бы говорить, что Некрасовъ струсилъ, сподличалъ передъ французомъ. Въ добавокъ ко всему Некрасовъ былъ боленъ; но онъ просилъ избраннаго имъ посредника не подавать повода французамъ думать, будто онъ испугался и заискиваетъ ради примиренія.

При переговорахъ съ французами сразу было замѣчено, что на нихъ произвела огромное впечатлѣніе необходимость принять мѣры осторожности, чтобы полиція не провѣдала о дуэли, такъ какъ дуэли строго преслѣдуются въ Россіи законами.

Исторія съ дуэлью кончилась тѣмъ, что докторъ обратилъ потомъ свой вызовѣ къ Панаеву, находя самъ, что при болѣзненномъ состояніи у Некрасова шансы не будутъ равны; онъ сообщилъ, что, отправляясь въ Петербургъ, онъ де рѣшилъ, что, если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ онъ не можетъ стрѣляться съ Некрасовымъ, то вызоветъ Панаева, котораго считалъ участникомъ въ клеветѣ. Посредникъ отвѣчалъ, что Панаевъ, навѣрно, не откажется отъ вызова, а затѣмъ повелъ съ французами разговоръ о томъ, что не благоразумнѣе ли будетъ съ обѣихъ сторонъ прекратить эту дуэль, такъ какъ въ сущности стихотвореніе Некрасова своимъ самымъ заглавіемъ «Княгиня» (а не графиня) уже доказываетъ, что оно не было написано на умершую жену доктора. Французы потребовали тогда, чтобы Панаевъ подтвердилъ увѣреніе письменно. Но этого не

хотѣли дѣлать потому, что французы могли напечатать письмо въ парижскихъ газетахъ,—и тогда многіе петербургскіе литераторы обрадовались бы и подняли бы гвалтъ.

Наконецъ было рѣшено въ редакціи «Современника», что Панаевъ отправится къ французамъ вмѣстѣ со своимъ посредникомъ для словесныхъ объясненій. Такъ и сдѣлали. Дѣло обошлось благополучно, письмà не понадобилось, а французы, послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, отправились къ себѣ на родину, въ France adorée.

Этимъ вся исторія и кончилась. Графиню забыли, а стихотворенія и Лермонтова, и Некрасова занимаютъ почетное мѣсто въ собраніяхъ ихъ сочиненій. Многіе съ удовольствіемъ читаютъ ихъ,—и не думая о бѣдной женщинѣ, личность и жизнь которой поразили воображеніе двухъ великихъ русскихъ поэтовъ и запечатлѣлись въ ихъ замѣчательныхъ стихотвореніяхъ. Не зная выше приведеннаго нами комментарія, трудно связать «рѣзваго, кудряваго мальчика» съ бѣдною старухой, умирающей на больничной койкѣ вдали отъ родины...

XX.

В. С. Печеринъ и М. Ю. Лермонтовъ.

Возобновленіемъ памяти о личности и дѣятельности поэта В. С. Печерина, сначала профессора московскаго университета,— эмигранта и католическаго патера потомъ, мы занимались въ I и IV томахъ нашего труда «Литература и просвѣщеніе въ Россіи»[1]). Между прочимъ мы останавливались и на любопытной поэмѣ Печерина, написанной имъ въ 1834 году, «Торжество смерти»

1) Ученая дѣятельность Печерина разсмотрѣна нами въ спеціальной статьѣ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1907 г.

(по другимъ спискамъ—«Попурри или чего хочешь, того просишь»).

Въ этой поэмѣ, представляющей собою и подражаніе второй части Гётева «Фауста», и пародію—персифляжъ «мистеріи» извѣстнаго въ тридцатые годы русскаго поэта *А. В. Тимоѳеева* «Послѣдній день», Печеринъ пытался выразить тяжелое настроеніе свободолюбивой радикальной молодежи послѣ разгрома Императоромъ Николаемъ Павловичемъ заговора декабристовъ.

Въ названной поэмѣ Печерина есть одна часть, изображающая представленіе на театрѣ фантастической пьесы «Новое видѣнье—*Столицы* древней разрушенье»—иначе «Языческій Апокалипсисъ».

Разрушеніе столицы происходитъ съ помощью *наводненія*. Надъ древнимъ великолѣпнымъ городомъ на берегахъ Іонійскаго моря сидитъ на воздушномъ престолѣ Немезида, окруженная подвластными ей духами мщенія. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько характерныхъ отрывковъ.

Немезида (потрясая бичемъ).

Вѣтры, море обхватите,
Море къ небу всколыхните,
Вздуйте волны, подымите,
И какъ горы, покатите
На *преступный этотъ градъ*,
Гдѣ *оковы*, *кровь* и смрадъ!
. . . .

Вѣтры.

. . . .
Мщенья, мщенья часъ насталъ:
Лютый врагъ нашъ, ты пропалъ!
Какъ гигантъ, ты сталъ предъ нами,
Насъ съ презрѣньемъ оттолкнулъ

И желѣзными руками
Волны въ пропастяхъ замкнулъ.
Часто, часто осаждали
Мы тебя съ полкомъ валовъ
И позорно отступали
Отъ гранитныхъ береговъ.

Далѣе взываютъ ко мщенію разные хоры: сердецъ юношей, факеловъ просвѣщенія, звѣздъ доблести—и воиновъ, бившихся за *вольность.* «О геенна, *градъ разврата*, сколько крови ты испилъ!» восклицаютъ воины. Начинается буря, отдаленные раскаты грома, молнія, вѣтры воютъ, море стонетъ. Немезида, указывая на городъ, и потрясая своимъ бичемъ, говоритъ:

Часъ отмщенья наступаетъ:
Море стогны покрываетъ,
И какъ поясъ, обвиваетъ
Стѣны крѣпкія дворцовъ,
Храмы свѣтлые боговъ.

Тогда *Поликратъ*, Самосскій *тиранъ*, выходитъ *на плоскую кровлю* дворца и обращается къ своему народу:

О народъ, народъ, молися:
Къ небу вознеси свой гласъ!
За грѣхи караетъ насъ
Бога вышняго десница.

Хоръ утопающаго народа отвѣчаетъ ему очень рѣзко, и мы не можемъ привести здѣсь этого хора:

Не за наши, за твои
Богъ караетъ насъ грѣхи.
. . . .

Послѣдній приливъ моря—городъ исчезаетъ.

Конечно, и Поликратъ, и Іонійскій заливъ, и *древняя* столица—только аллегоріи, a mutato nomine fabula narratur о Петербургѣ. Видя неуспѣхъ революціи, ожидаютъ гибели столицы отъ стихійныхъ силъ. Въ частности мысль къ этому подавали постоянныя наводненія, особенно же, страшное наводненіе за десять лѣтъ до написанія печеринской поэмы — 1824 года [1]). Гибель ненавистнаго Петербурга видятъ въ будущемъ окончательномъ наводненіи.. Волны должны замѣнить разсѣянныя дружины декабристовъ.

Чрезвычайно любопытно встрѣтить приблизительно около того же года такое самое настроеніе, облеченное притомъ въ тѣ же самые образы, у одного изъ величайшихъ поэтовъ Россіи, М. Ю. Лермонтова. По разсказу графа Владимира Александровича *Соллогуба* (см. въ моей книгѣ—стр. 289 IV-го тома), «существуетъ предсказаніе, что *Петербургъ* когда-либо *погибнетъ отъ воды* и *что море его зальетъ*. Лермонтовъ, одаренный большими самородными способностями къ живописи, какъ и къ поэзіи, любитъ чертить перомъ и даже кистью видъ *разъяреннаго моря*, *изъ-за котораго подымалась оконечность Александровской* колонны съ вѣнчающимъ ее ангеломъ. Въ такомъ изображеніи, замѣчаетъ Соллогубъ, отзывалась безотрадная, жаждавшая горя фантазія Лермонтова».

Такимъ образомъ Лермонтовъ какъ бы иллюстрировалъ произведеніе Печерина. Мы не знаемъ, были ли между собою знакомы и вообще встрѣчались ли когда-либо Печеринъ и Лермонтовъ. Лермонтовъ переѣхалъ въ Петербургъ для поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ лѣтомъ 1832 г. и пробылъ въ городѣ до 1837 г. Печеринъ, жившій ранѣе въ Петербургѣ, уѣзжаетъ оттуда за границу лѣтомъ 1833 г. и послѣ двухлѣтняго пребыванія тамъ возвращается въ Петербургъ на короткое время, съ осени 1835 г.

---

1) «Лѣтопись петербургскихъ наводненій» составлена *П. П. Каратыгинымъ*, 1888.

находится въ Москвѣ, лѣтомъ же 1836 г. уже эмигрируетъ и покидаетъ Россію навсегда. Личное знакомство Печерина съ Лермонтовымъ весьма сомнительно; стало быть, врядъ ли можно предположить и устное литературное воздѣйствіе одного на другого относительно обработки сюжета о наводненіи Петербурга, въ смыслѣ кары за грѣхи абсолютизма, имѣющаго въ этой столицѣ свое центральное пребываніе. Замѣтимъ, впрочемъ, что фамилія Печерина (или Печорина, согласно произношенію) не осталась чуждою Лермонтову и даже твердо засѣла у него въ памяти, воскресши въ «Героѣ нашего времени», писанномъ около 1838—1840 гг., гдѣ Лермонтовъ Печоринымъ называетъ главнаго героя. Очевидно, громкая исторія эмиграціи профессора Печерина дошла и до свѣдѣнія тѣхъ круговъ общества, гдѣ тогда вращался Лермонтовъ.

Но Лермонтовъ не ограничивался одною лишь живописью при передачѣ сюжета о наводненіи. И онъ изобразилъ его въ особомъ стихотвореніи. Быть можетъ, поэма Печерина, распространявшаяся въ спискахъ, и бывшая довольно популярною (какъ я доказалъ въ своей книгѣ, *Ѳ. М. Достоевскій* говоритъ о ней въ своемъ романѣ «Бѣсы» и приписываетъ авторство ея своему герою, Степану Трофимовичу Верховенскому, тоже профессору; а Герценъ при знакомствѣ въ Лондонѣ съ Печеринымъ, уже монахомъ, просилъ у него списка поэмы для напечатанія, и получивъ отъ него отказъ, добылъ себѣ списокъ изъ Россіи), быть можетъ, такой списокъ печеринской поэмы попалъ въ руки Лермонтову и вдохновилъ его написать стихотвореніе на ту же тему [1]). Стихотвореніе, о которомъ я говорю, стало извѣстнымъ только очень недавно. Ранѣе изъ него было извѣстно одно лишь четверостишіе. *П. А. Ефремовъ* въ своемъ изданіи, стр. 538 считалъ это четверостишіе *началомъ* неизвѣстно гдѣ находяща-

1) Печеринская поэма возникла въ 1834 г. Стихотворенія, въ одной тетради съ которыми находится интересующій насъ набросокъ стихотворенія Лермонтова, Висковатовъ относитъ къ 1837 году.

гося стихотворенія «Наводненіе». *П. А. Висковатовъ* въ изданіи сочиненій Лермонтова, т. I, стр. 370, найдя этотъ отрывокъ въ оригинальной рукописи Чертковской библіотеки, считалъ четверостишіе не началомъ, а отрывкомъ изъ середины какого-либо ненаписаннаго имъ, *замышлявшагося* произведенія. Но отрывокъ въ болѣе полномъ, хотя всетаки фрагментарномъ видѣ найденъ въ рукописномъ альбомѣ извѣстнаго собирателя *Н. И. Второва* и изданъ въ журналѣ «Былое». Стихотвореніе у Второва читается такъ:

И день насталъ, и *истощилось*
Долготерпѣніе судьбы,
И *море шумно ополчилось*
На мигъ рѣшительной борьбы.
И быстро поднялися волны,
Сначала мрачны и безмолвны.
И царь смотрѣлъ, и окруженъ
Толпой льстецовъ, смѣялся онъ;
И царедворцы говорили:
«Не бойся, царь: мы здѣсь!.. Вели,
Чтобъ *берега* твоей земли
Стихію злую отразили.
Ты знаешь, царь, къ борьбѣ такой
Привыкъ *гранитный* городъ твой!»

И гордо царь махнулъ рукою,
И раздался его приказъ;
Вотъ ждетъ, довольный самъ собою,
Что море спрячется какъ разъ.
Дружины вольныя не внемлютъ,
Встаютъ, ревутъ, дворецъ объемлютъ.
Онъ понялъ, что прошла пора,
Когда *мгновенный визгъ ядра*
Лишь *надъ толпою* прокатился—

И рой мятежныхъ разогналъ.
И тутъ-то царь затрепеталъ
И къ царедворцамъ обратился.
Но пустъ и мраченъ былъ дворецъ,
И ждетъ одинъ онъ свой конецъ.

И гордо онъ на крышу всходитъ
Столѣтнихъ, царственныхъ палатъ
И сокрушенно взоръ возводитъ
На свой великій, пышный градъ.

Стихотвореніе, очевидно, не докончено. Подобно Печерину, Лермонтовъ тоже упоминаетъ о декабристахъ,—разсѣянныхъ артиллерійскимъ огнемъ. Не забыты и гранитные берега, которые отражаютъ волны, какъ и у Печерина. Наконецъ, стихотвореніе Лермонтова заканчивается тѣмъ же движеніемъ царя, какое Печеринъ приписываетъ своему Поликрату: онъ всходитъ на крышу дворца. Отсутствіе конца не даетъ возможности провести дальнѣйшія параллели. Неизвѣстно, зачѣмъ у Лермонтова царь выходитъ на крышу дворца: быть можетъ, тоже, какъ у Печерина Поликратъ, для того, чтобы обратиться—за отсутствіемъ бѣжавшихъ царедворцевъ-льстецовъ—къ народу... Во всякомъ случаѣ знакомство Лермонтова съ поэмою Печерина кажется намъ несомнѣннымъ—и стихотвореніе Лермонтова, которое г. Ефремовъ называетъ «Наводненіе», очевидно, навѣяно чтеніемъ Печеринскаго «Торжества смерти» или «Попурри». Только при сопоставленіи съ «Попурри» Печерина и съ разсказомъ Соллогуба отрывокъ Лермонтова получаетъ значеніе и надлежащее освѣщеніе.

Евгеній Бобровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ[1]).

3. Альба

Литература Франціи и Прованса даетъ намъ относительно небольшое число образцовъ альбы[2]), пользовавшейся особой

---

1) Ср. *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ; *Живая Старина*, 1907: Начала пастурели.

2) Провансальскія альбы:

Guiraut de Bornelh = 242, 64 = Römer № 6: Raynouard, Choix III, 313; MW I, 191; Bartsch. Chrest. prov.[4] (1880, Elberfeld) 101; P. Meyer, Recueil d'anciens textes bas-latins, provençaux et français, I, 82; Appel, Prov. Chrest.[1] p. 91, № 56; Crescini, Manualetto, p. 48. — Переводы: Diez, Leben und Werke[2], p. 119—120; Jeanroy, Les origines, p. 80.

Cadenet = 106, 14 = Römer № 8: *Archiv* XXXII, 421; Raynouard, Choix III, 251; MW III, 62; Bartsch, Prov. Leseb.[1], p. 103.

Raimon de las Salas de Marselha = 409, 2 = Römer № 10: Bartsch, Prov. Leseb.[1], p. 101.

Bertran d'Alamanon (ms. C.; по копенгагенской ркп. — Gaucelm Faidit) = 76, 23 = Römer № 2: Bartsch, Prov. Leseb.[1], p. 102; Raynouard, Choix, V, 74; PO, 110; MW III, 148; *ZsfrPh* I, 396; Appel, Prov. Chrest.[1], p. 91, № 55; J. J. Salverda de Grave, Le troubadour B. d'A. Toulouse, 1902 = Bibl. méridionale, 2me série, т. VII.

Serveri de Girona = Römer № 11: Rdlr II, 1876, 227.

Анонимныя: 461, 3 = Römer № 13 (ms. C): Bartsch, Prov. Leseb.[1] p. 102; MG 4; P. Heyse. Studia Romanensia, p. 44.

популярностью въ средневѣковой Германіи. Сюжетъ ея—ночное свиданіе любовниковъ, прерываемое на зарѣ пѣніемъ птицъ, крикомъ замковаго сторожа (gaita), или прямымъ обращеніемъ

461, 113 = Römer № 15 (ms. C): Bartsch, Chr. prov.[4], p. 101; id, Prov. Leseb.[1], p. 104; MG 132; Raynouard, Choix, II, 236; Appel, Prov. Chr.[1], p. 90, № 53. Послѣдняя строфа этой граціозной пьесы звучитъ диссонансомъ и была заподозрѣна еще Stengel'емъ (*ZsfrPh* IX, 410). Удаленіе кромѣ 6-ой, строфы 3-ей, и перестановка строфъ въ порядкѣ 1. 4. 5. 2, предложенныя въ тезѣ V. Lowinsky'аго Zum geistlichen Kunstliede in der altprov. Litteratur bis zur Gründung des Consistori del Gai Saber, Berlin 1897, намъ представляются излишними. Перев.: Jeanroy, Les origines, p. 79—80.

461, 203 = Römer № 16 (ms. C): Bartsch, Prov. Leseb.[1], p. 103; MG 89; P. Heyse, Studia Romanensia, p. 45 = Schlaeger, p. 11; Appel. Prov. Chrest.[1], p. 90, № 54.

Текстъ отрывка, напечатаннаго Suchier (Denkmäler prov. Litter. und Sprache, Halle 1883, p. 318) даетъ слишкомъ мало точекъ опоры, чтобы пріурочить его не колеблясь къ категоріи альбы. Судя по общему тону его, это скорѣе всего отрывокъ какого-нибудь наставленія или дидактическаго пассажа, обращеннаго къ fin amador. Взята только ситуація альбы. Приводимъ его цѣликомъ вмѣсто дальнѣйшихъ поясненій (ср. Schlaeger, p. 35):

Drutz qui vol dreitament amar
deu regnar ab cortesia
es deu de lausengier gardar
ab sen et ab maëstria,
que son joi saubutz non sia,
es deu enan lo jorn levar,
cum al venir ni a l'anar
nol vezon can ve ni vai. (Levy, *Lbl.* V, 1884, 238)
Que de fin amador s' eschai
ques leu enan l'alba.

Старо-французскія альбы:

№ 1029 (по Библіографіи G. Raynaud) анонимн.: Bartsch, Rom. und Past. I, 31; Jeanroy, Les origines, p. 77—78, ср. p. 86 сл. и p. 150.

№ 1481, анонимн. (въ бернской рукописи C помѣчена именемъ Gace Brulé, что, конечно, не имѣетъ большого значенія): W. Wackernagel, Altfranz. Lieder und Leiche, Basel, 1846, p. 9; Bartsch, Chrest.[4], p. 281; id., Vorträge und Aufsätze, p. 262 сл.; Jeanroy, Les origines, p. 77; Chansons

его къ влюбленнымъ и т. п. Таковы основные мотивы, комбинируемые и развиваемые въ самыя разнообразныя формы. Главные типы ихъ опредѣляются составомъ сюжета. Энергія изображенія сосредоточивается или на мотивѣ свиданія, разставанія или на мотивѣ буженія. Это два полюса, два предѣла напряженія образности. Мотивъ буженія подчеркиваетъ древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ альбъ, принадлежащая Guiraut de Bornelh, одна изъ наиболѣе интересныхъ и красивыхъ пьесъ этого рода [1]).

Приписанная въ бернской рукописи Gace Brulé: Cant vei l'aube dou jor venir является ея антиподомъ. Поэтъ сосредоточивается на изображеніи момента разлуки, рисуя намъ жалобу любовницы, которую рыцарь покидаетъ на зарѣ:

---

de Gace Brulé, изд. G. Huet въ SAT, Парижъ 1902,—объ авторѣ см. стр. XCVI Введенія.

№ 2015, анонимн.: P. Paris, изд. Berte aus grans piés, II. 1832; id., Romancéro françois, II. 1833, p. 66 сл.; F. Wolf, Altdeutsche Blätter, 1836, I, p. 15 сл. Leroux de Lincy, Rec. de chants histor. fr. 1841, I, p. 139 сл.; Bartsch. Chr.[4], p. 245 сл.; P. Meyer et G. Raynaud, Le chansonnier français de Saint-Germain-des-Prés (=Soc. d Anc. Textes) I, p. 83 (fac-simile); Schlaeger, p. 4 сл.; A. Restori, La Gaite de la Tor, Messina, 1904 = Отд. отт. изъ Miscellanea nuziale Petraglione-Serrano.

1) Schlaeger предполагаетъ (p. 30—31), опираясь на ст. 10, что товарищъ занялъ здѣсь мѣсто замковаго сторожа: Belh companho, en chantan vos apel (ср. ст. 29: ara nous platz mos chans ni ma paria). Я думаю, что хронологическая попытка эта не устраняетъ основной неловкости: фигура «довѣреннаго» гайты остается неясной. Если такъ, то передъ нами два равноцѣнныхъ неизвѣстныхъ.—Stengel, o. c., p. 408, вычеркиваетъ 7-ю строфу, возстановляя, такимъ образомъ, монологъ, но забываетъ пьесы a coblas doblas съ пятью куплетами: 2+2+1 (Jeanroy, Les origines[2], p. 65). Bartsch (p. 254) и Levy (*Litteratbl.* 1885, 196), наоборотъ, предполагаютъ, что 8-ая строфа выпала; послѣднее возможно, но метрически необязательно. Заключительный 8-ой куплетъ, дѣйствительно, найденъ W. Meyer'омъ (*Münchener Sitzungsberichte*, philol.-hist. Kl. 1885, I, 113 сл.), но и форма (рефренъ), и содержаніе его (повтореніе предыдущаго; ср. отношеніе другихъ строфъ) дѣлаютъ его подлинность мало вѣроятной. Сл. Schlaeger, o. c., p. 30, примѣч. 1. Въ стр. 4-ой ensenhas (ER, ср. мюнхенск. ркп. у W. Meyer'а) вм. estelas (CPT) или наоборотъ, въ сущности, мало мѣняютъ картину. Schlaeger, p. 31, стоитъ за ensenhas. Но въ обоихъ случаяхъ оттѣнокъ движенія, которымъ заинтересованъ онъ, сохраняется одинаково.

ст. 1. Cant vei l'aube dou jor venir,
nulle rien ne doi tant haïr,
k'elle fait de moi departir
mon ami cui j'ain per amors.
or ne hais rien tant com le jour,
amis, ke me depart de vos.

Боязнь envios, глазъ завидущихъ и доносчиковъ, перспектива долгаго тоскливо-одинокаго дня, смѣняется чувствомъ досады на некстати-рано зардѣвшуюся зарю и озлобленія противъ mesdisans, отравляющихъ существованіе любящихъ. «Я прошу истинныхъ любовниковъ пѣть эту пѣсню на зло всѣмъ не въ мѣру или умышленно откровеннымъ (mesdisans) и недостойнымъ ревнивымъ мужьямъ» (ст. 18—21). «Ничто мнѣ такъ не ненавистно, мой другъ, какъ день, который разлучаетъ меня съ вами»;—жалоба кончается тѣмъ же припѣвомъ, которымъ разрѣшается каждая отдѣльная строфа. «Онъ» — остается въ тѣни. Сцена разлуки освѣщена только съ одной стороны.

Подставимъ въ альбѣ Guiraut de Bornelh обычнаго сторожа, gaita, вмѣсто друга рыцаря, и цитированные примѣры окажутся двумя типическими формами жанра. Составъ сюжета альбы не только обусловилъ классификацію старой провансальской поэтики, различавшей въ силу своего тяготѣнія къ формальнымъ рубрикамъ «альбу» и «гайту»[1]), но опредѣлилъ въ значительной мѣрѣ и содержаніе гипотезъ современныхъ изслѣдователей о происхожденіи формы. Онъ допускалъ три теоретически возмож-

1) P. Meyer, *Ro.* VI, 356: — 10: Si vols far *alba*, parla d'amor plazentement; e atressi lauzar la dona on vas o de que la faras; e bendi l'alba si acabes lo plazer per lo qual ames (*P. M.*: aniest?) a ta dona. E si no l'acabes, fes l'alba blasman la dona e l'alba on anaves. E potz hi fer aytantes cobles com te vulles, e deus hi fer so novell. —11: Si vols fer *gayta*, deus parlar d'amor o de ta dona, desigan (designan?) e semblan que la gayta te pusca noure o valer ab ta dona e ab lo dia qui sera avenir (a venir?) e deus la far on pus avinentment pugues, preyan totavia la gayta ab ta dona que t'ajut; e potz hi far aytantes cobles com te vulles; e deu haver so novell.

ныхъ предположенія: одинъ мотивъ могъ развиться изъ другого *при* вліяніи аналогичныхъ данныхъ извнѣ и *безъ* него; или, наконецъ, передъ нами *два различныхъ* сюжета, сопоставленные издавна, въ самую раннюю пору ихъ развитія, а потому представляющіе рядъ точекъ соприкосновенія. Барчъ, которому принадлежитъ первый обстоятельный этюдъ о романской и нѣмецкой альбѣ[1]), принималъ за исходный пунктъ мотивъ свиданія. Роль сторожа сводилась первоначально, по его мнѣнію, къ тому, что онъ оповѣщалъ всѣхъ вообще обитателей замка о наступленіи утра. Съ теченіемъ времени его сдѣлали соучастникомъ «тайны» и довѣреннымъ любовниковъ. Къ аналогичнымъ заключеніямъ пришелъ и L. Römer[2]), предполагающій въ основѣ «альбу», изъ которой постепенно развилась «gaita»—какимъ путемъ, этого авторъ точнѣе не выясняетъ» (стр. 9).

Но можно было располагать мотивы и въ обратномъ порядкѣ; такое предположеніе подсказывала, между прочимъ, роль сторожа въ нѣкоторыхъ пьесахъ. Оно было высказано впервые В. Шереромъ[3]) и положено въ основу страдающей чрезмѣрнымъ схематизмомъ построенія «исторіи провансальской альбы» E. Stengel'емъ[4]). По мнѣнію Штенгеля первобытная альба была простымъ «изображеніемъ наступленія утра» (стр. 408); свиданіе—мотивъ, вошедшій въ первичный сюжетъ значительно позже (стр. 407 и 409). Говоря о Шерерѣ мы коснулись, собственно, только одной стороны его гипотезы. Чуждый схематизма, онъ ставилъ вопросъ на почву болѣе широкихъ сближеній, пытаясь

---

1) Die romanischen und deutschen Tagelider въ Gesammelte Vorträge und Aufsätze, Freiburg 1883, стр. 250 сл.,—перепечатка изъ Album des litterarischen Vereins in Stuttgart, 1865 г.

2) Die volkstümlichen Dichtungsarten der altprovenzalischen Lyrik, Marburg 1884 = *AAbh.* Stengel'я, т. XXVI.

3) Deutsche Studien II, *Wiener Sitzungsberichte* 1874, т. 77-ой, стр. 437 сл., ср. R. M. Meyer, *ZsfdA*, т. 29, стр. 234; id., *ZsfvglLittgesch.* I, стр. 41; ср. Talvj, стр. 356. Впрочемъ о связи нѣмецкихъ Tagelieder съ пѣснью сторожа уже L. Uhland, Schriften V, стр. 176, 179.

4) Der Entwickelungsgang der provenz. Alba въ *ZsfrPh* IX, 1885, стр. 407 сл.

уяснить генезисъ анализуемаго пѣсеннаго сюжета въ живой связи аналогичныхъ мотивовъ. Особенно вѣроятнымъ представлялось Шереру вліяніе церковныхъ гимновъ (стр. 491 сл.). Брошенное мимоходомъ соображеніе это было подхвачено и разработано Roethe, давшимъ основательный очеркъ нѣмецкой альбы [1]) по поводу разбора монографіи de Gruyter'a [2]), къ которой мы еще вернемся. Любовный мотивъ, по мнѣнію Рёте, имѣетъ второстепенное значеніе: «das morgenlied, das etwa *an die stelle des weckenden vogelsangs trat*, war wol zunächts *anfang* und *hauptsache*» [3]). Неясная сама по себѣ, формула эта должна быть толкуема въ общей связи положеній его статьи. Roethe принимаетъ два параллельныхъ сюжета, изъ которыхъ одинъ народнаго, другой церковнаго, стало быть, книжнаго происхожденія; послѣдній явился источникомъ свѣтской *литературной* формы и поглотилъ первый; точнѣе, въ центрѣ развитія стоитъ утренній гимнъ, къ которому позже пристала народная альба. Страннымъ кажется это предположеніе уже на первый взглядъ; оно понятно, о чемъ говоритъ, впрочемъ, и самъ авторъ, только какъ попытка объяснить таинственную фигуры гайты, сообщника влюбленныхъ, которая смущала всѣхъ изслѣдователей альбы послѣ Барча, слишкомъ просто и малоубѣдительно рѣшившаго этотъ вопросъ. Какимъ образомъ построить свѣтскую альбу изъ религіозной, какъ связать ихъ? Точка зрѣнія гимна и альбы настолько противоположны, что, казалось бы, вопросъ о какомъ бы то ни было болѣе или менѣе глубокомъ вліяніи одной формы на другую долженъ былъ быть исключенъ eo ipso. Я не говорю объ усвоеніи второстепенныхъ мелочей. Утро, которое разлучало рыцаря и даму и которое они проклинали, было символомъ освобожденія, свѣта въ представленіи гимна:

Cedant tenebrae lumini
Et nox diurno sideri:

1) *Anz. f. d. A.* 1890, XVI, стр. 75 сл.
2) Das deutsche Tagelied. Lz. 1887.
3) Стр. 88, ср. Laistner, *Germania* XXVI, стр. 418 и 419.

Ut culpa, quam nox intulit,
Lucis labascat munere[1]).

Aurora jam spargit polum,
Terris dies illabitur,
Lucis resultat spiculum:
Discedat omne lubricum.

Phantasma noctis decidat,
Mentis reatus subruat;
Quidquid tenebris horridum
Nox attulit culpae, cadat[2]).

Утро — Христосъ — свѣтъ, указывающій новый путь, по которому долженъ итти всякій, ибо это путь спасенія, — таково обычное сопоставленіе гимна: Consors Paterni luminis, Lux ipse lucis et dies (Амврос. № 19), Tu lumen, tu splendor Patris (VI в.? № 47: Christe, redemptor omnium).

Nox et tenebrae et nubila,
Confusa mundi et turbida,
Lux intrat, albescit polus,
Christus venit, discedite[3]).

Ночь, которая скрывала тайну любви и подъ покровомъ которой блаженствовали наши герои,—мракъ, съ которымъ человѣкъ долженъ бороться, ибо это время, когда властвуютъ hostis insidiosus, caterva daemonum и lasciva phantasmata, такъ какъ сказано: vigilate et orate ut non intretis in tentationem; spiritus est

---

1) IV в., св. Амвросія: Somno refectis artubus. Цитирую, какъ и слѣд. примѣры, по изд. U. Chevalier, Poésie liturgique traditionelle, Tournai 1894, № 16, ср. №№ 19, 29, 40, 60, 67 и др.

2) Амврос., ibid. № 32.

3) Пруденцій (IV в.) № 23, ср. G. Schlaeger, Studium über das Tagelied. Ein Beitrag zur Litteraturgeschichte des Mittelalters. Jena 1895, стр. 49, 51 сл.

qui vivificat, caro non prodest quidquam (Marc. 14, 38; Matth. 26, 41; Шлегеръ, o. c., стр. 50, примѣч.). Какъ перейти отъ воспѣванія утра и свѣта къ восхваленію ночи и тьмы, «соединяющей то, что разлучаетъ день»? Обратный путь понятенъ. Благочестивое настроеніе могло дать поводъ переработать въ религіозномъ смыслѣ красивый свѣтскій сюжетъ или воспользоваться для этой цѣли извѣстными его мотивами.

Присматриваемся ближе къ гипотезѣ Рёте. Его «альба-гимнъ», въ сущности, чистая конструкція, вмѣсто цѣльной формы, отъ которой мы были бы вправѣ ожидать, что будетъ отправляться изслѣдователь, рядъ образовъ и мотивовъ, изъ которыхъ еще нужно построить сюжетъ для объясненія всего послѣдующаго хода развитія. Чтобы сдѣлать возможность такой предполагаемой комбинаціи болѣе вѣроятной Рёте указываетъ (пользуясь данными, собранными de Gruyter'омъ) на связь гимнической образности съ образностью Свящ. Писанія: образы en question были, стало быть, привычными. Факты эти не устраняютъ, однако, основного затрудненія. Но, можетъ быть, конструкція, отъ которой приходится отправляться Рёте, несмотря на ея композитный, искусственный характеръ, все же представляетъ собою солидную базу? — Прототипъ образа «пары», которую будитъ сторожъ, Рёте видитъ въ аллегорической парѣ caro (corpus, sensus) — spiritus (cor, mens, anima): sic caro nostra dormiat, ut mens soporem nesciat (стр. 89; Wackernagel, Kirchenlied № 122, ср. Prudentius 27, 21. 22; Wackernagel, 121, 3. 4; Daniel, Thesaur. hymnolog. 4, стр. 47; 1, стр. 39, 150 и т. д.), о которыхъ св. Бернардъ Клервосскій говоритъ: anima quasi vir, caro quasi coniunx (Рёте, стр. 89, ср. de Gruyter, стр. 136; Wackernagel, 2, 1141). Приходится, стало быть, предположить не только составленіе образа по крохамъ, но принимать случайное за постоянное или обязательное[1]), и думать,

1) Припомнимъ сопоставленіе Visio Fulberti у E. du Méril, Poésies pop. lat. ant. au XII s., стр. 217 сл.: ancilla—domina.

что блѣдный аллегорическій образъ, не говоря уже о его содержаніи, положилъ начало живому, реальному мотиву. De Gruyter указываетъ (и Рёте принимаетъ это указаніе) на извѣстную сцену II, 17 Пѣсни Пѣсней, которую можно толковать въ смыслѣ альбы и въ которой средніе вѣка видѣли, какъ кажется (Williram, Seelmüller, стр. 115 сл.), соотвѣтствующую ситуацію. Но неужели одинъ такой пассажъ могъ служить исходнымъ пунктомъ или даже хотя бы стимуломъ къ созданію цѣлаго поэтическаго жанра? Съ нѣсколько большимъ успѣхомъ подыскиваетъ Рёте мотивы, параллельные мотиву сторожа; но успѣхъ этотъ только внѣшній. Самъ онъ сознается, что мотивы «surgite, vigilate» развиты слабо (стр. 87): vigilemus, hic est veritas; surgemus (Ambros. 11. 5); surgentes vigilemus (Gregor. 89. 2, 95. 1) болѣе обычны. Ближе къ мотиву альбы обращеніе Христа:

Auferte... lectulos,
Aegro sopore desides:
Castique, recti ac sobrii
Vigilate, jam sum proximus[1]).

Въ дальнѣйшихъ поискахъ за параллелями Рёте не находитъ ничего, кромѣ блѣднаго: somno gravati, surgite (Daniel, Thes. I, 183), которое должно, такимъ образомъ, объяснить цѣлый мотивъ. Ссылка на молитвенные эпизоды цитированной провансальской альбы Guiraut de Bornelh, у Raimon de las Salas и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ лириковъ (стр. 88), не аргументъ, ибо передъ нами могутъ быть факты сознательнаго и, стало быть, позднѣйшаго усвоенія мотива. Фигура preco лишь намѣчена и, притомъ, настолько слабо, что факты скорѣе противъ Рёте, нежели за него:

Praeco diei jam sonat
Noctis profundae pervigil

1) Ales diei nuntius, Prudent., Ad galli cantum № 20, Wackern., № 27, ср. ibid. str. 28.

Nocturna lux viantibus
A nocte noctem segregans 1).

Съ такими ничтожными мелочами едва ли даже стоитъ считаться. Остаются образы Св. Писанія и ихъ аллегорическія параллели (Heinrich v. Melk, Priesterleber, Heinzel 81, 18 сл., ср. стр. 138; Петръ—стражъ христіанства, Kaiserchronik, Diemer 451, 1; Христосъ—стражъ, A. Schönbach, Altd. pred. 126, 27 сл.); это или обычные реальные образы, ради которыхъ нѣтъ никакого основанія перечитывать и пересматривать относящуюся сюда литературу, такъ какъ соотвѣтствующій матеріалъ былъ у всякаго передъ глазами, или совершенно спеціальные эпитеты, въ силу своего метафорическаго значенія едва ли бы остановившіе на себѣ вниманіе того поэта, который поставилъ бы себѣ задачей подобрать матерьялъ для реальнаго мотива.

Допустимъ, однако, что всѣ эти ничтожныя черточки составили въ концѣ концовъ блѣдный, безжизненный, но связный образъ. Въ чемъ же должна состоять роль такого гайты въ предполагаемой схемѣ? Онъ долженъ былъ прежде всего, обращаясь къ окружающимъ, возвѣщать о наступленіи утра, или, если дѣйствіе переносилось въ замокъ, будить его обитателей. Но не тоже ли дѣлалъ и всякій пассивный гайта обыкновенной альбы? Какое же значеніе имѣетъ въ такомъ случаѣ конструкція Рёте?—Она не объясняетъ лучше прежнихъ гипотезъ общихъ очертаній сюжета, не объясняетъ и перехода къ сторожу, сочувствующему любовникамъ, что, въ крайнемъ случаѣ, могло бы оправдать его искусственное построеніе.

Вліяніе метода Шерера не ограничилось работой Рёте; оно чувствуется и во всѣхъ почти работахъ послѣднихъ лѣтъ, посвященныхъ альбѣ. Но въ анализѣ Шерера былъ тотъ существенный недочетъ, что онъ не выяснилъ съ достаточной опредѣленностью кардинальнаго вопроса, генезиса *любовной* альбы.

---

1) Aeterne rerum Conditor, № 4, св. Амвросія.

Вотъ почему исходной точкой построеній, которыя мы имѣемъ ввиду, является гипотеза Барча о народной альбѣ[1]). Контроверза сосредоточивается теперь на мотивѣ буженія и фигурѣ сторожа[2]). Вслѣдъ за Шереромъ Жанруà говоритъ о вліяніи пѣсни ночного сторожа, «которая представляла собой, впрочемъ, въ свое время самостоятельную поэтическую форму» (стр. 72) и могла пристраиваться къ различнымъ положеніямъ. Подобная пѣсня встрѣчала, по мнѣнію Жанруà, поддержку въ аналогичныхъ мотивахъ такой популярной поэтической формы, какъ церковные гимны (стр. 74 сл.); точка зрѣнія эта принята и Г. Парисомъ (о. с., стр. 165 сл. и 164) и Шёнбахомъ (l. с.).

Сторожъ, пров. gaita, стфр. gaite, игралъ большую роль въ жизни средневѣковаго замка. Въ тревожную пору онъ стоялъ на своемъ посту день и ночь; въ обычное время сторожба ограничивалась чаще ночными часами: Wigalois 3705 сл.:

eins morgens dô der tac ûf gie
und daz der wahter verlie
die huote an der zinne.

Мѣстомъ наблюденія бывала обыкновенно одна изъ башенъ замка: der wächter auf der zinne и gaite de la tor типическіе образы. Въ большихъ замкахъ, въ которыхъ дозоръ былъ дѣломъ сложнымъ, онъ поручался нѣсколькимъ сторожамъ, размѣщавшимся на отдѣльныхъ башняхъ: St. Oswald, Ettmüller 1587:

1) De Gruyter, o. c., стр. 6; Jeanroy, Les Origines², стр. 67; ср. Jeanroy y Petit de Julleville I, стр. 354 сл.; G. Paris, Les Origines de la poésie lyrique en France въ *Journal des Savants*, 1892, мартъ, стр. 162—163; A. Schönbach, Die Anfänge d. d. Minnesanges. Eine Studie, Graz, 1898, стр. 19—20; Schlaeger, o. c., стр. 15 сл.; E. Gorra, Delle origini della poesia lirica del medio evo. Torino, 1895, стр. 16—17.

2) De Gruyter, отстаивающій какъ позже Arnold Berger (Die volkstumlichen Grundlagen d. Minnesanges въ *ZsfdPh* XIX, стр. 442) оригинальность нѣмецкой альбы, предполагаетъ, что образъ этотъ заимствованъ изъ французской лирики и пущенъ въ оборотъ впервые Вольфрамомъ (стр. 24; ср. Vilmar, Handbüchlein für Freunde d. d. Volkslieder, стр. 161; Wackernagel (-Bartsch), Gesch. d. d. Lit., стр. 295, ср. стр. 302).

ûf iegelîchem turne ein wahtaere
alsô geloubet mir der maere
dar ûf si tac und naht wâren;
der burc si ouch gar schône pflâgen.

Въ число обязанностей сторожа входило, между прочимъ, и оповѣщеніе о наступленіи утра, что въ ст.-французскомъ языкѣ выражалось даже особымъ терминомъ—traire le jor, въ нѣмецк. den tag blasen[1]), хотя пѣсня гайты или звуки его рога нерѣдко[2]) нарушали и молчаніе ночи, свидѣтельствуя о его бдительности и поддерживая въ немъ необходимую бодрость. Авторъ Roman de la Rose (изд. Michel, vv. 4502—8, см. примѣч.) разсказываетъ намъ о Malebouche, которой было поручено стоять на стражѣ ночью:

Quant il set
qu'il doit par nuit faire le guet,
il monte le soir as creniaus,
et atrempe ses chalemiaus
et ses busines et ses cors;
une hore dit les et descors
et sonnez douz de controvaille (*sic*).

Съ наступленіемъ утра сторожъ брался за свою свирѣль или затягивалъ утреннюю пѣсню:

Karel unde Elegast, изд. Jonckbloet, 1064:

sô wàs di wachter ghestaen
ter hogher tinnen
ende blies den dach.

1) Grimm, Mythol.[4] III, 223—224; A. Schultz, Das höfische Leben im Ma. I, 41—42, II, 384; Böckel, Lieder aus Oberhessen, 159—160; De Gruyter o. c., стр. 148 сл.

2) Въ поэтическихъ памятникахъ сторожъ представляется владѣющимъ различными музыкальными инструментами. Ср. любопытный переходъ значенія въ катал., исп. и португ. gaita = флейта. Въ португ., кромѣ того, gaita означаетъ крикъ пѣтуха (Körting. Lrom. Wb, s. v. Wahta). О сторожѣ-музыкантѣ см. Bartsch, Rom. u. Past. III, 22.

Herbort v. Fritzlar, Troj. krieg 4178 сл.:

der wechter an der zinnen saz
sîne tageliet er sanc
dez im sîn stimme erklanc
von grozme donc;
er sanc:
«ez taget schone;
der tac der schînet in den sal;
wol ûf, ritter, über al!
Wol ûf, ez ist tac!»

Этотъ tageliet и его романскія параллели и былъ скомбинированъ, по мнѣнію Жанруà и Г. Париса съ мотивами народной альбы. Я долженъ сознаться, что не понимаю, зачѣмъ понадобилось такое сопоставленіе, допуская даже, что пѣсня сторожа была вполнѣ опредѣленной самостоятельной поэтической формой (Жанруà стр. 72; Г. Парисъ стр. 166). Мы имѣемъ полное основаніе предположить, что при условіи перенесенія дѣйствія въ замокъ уже въ первичной альбѣ выводился на сцену сторожъ, сообщавшій всѣмъ вообще его обитателямъ о наступленіи утра. Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи объ усвоеніи *мотива*; можно говорить лишь о заимствованіи *деталей* въ той или иной пѣснѣ. Практически, однако, такой учетъ сводится къ нулю, такъ какъ всегда возможно допустить самостоятельную разработку столь простой темы. Другое дѣло, если бы гипотеза Жанруà и Париса объяснила намъ типичнаго сторожа альбы, блюдущаго интересы любовниковъ. Но оба изслѣдователя стояли въ этомъ отношеніи на точкѣ зрѣнія Барча. Сліяніе указанныхъ мотивовъ «s'est faite, говоритъ Г. Парисъ, par des pièces où le chant de la guaite n'est, comme celui de l'alouette, qu'un avertissement que les amants entendent, sans qu'il leur soit destiné... Puis on supposa... que le veilleur, complice des amants, les avertissait par une chanson de se séparer...» (l. c.). Вопросъ остается открытымъ.

Г. Парисъ идетъ дальше Жанруà въ такихъ сопоставленіяхъ Онъ сближаетъ альбу съ пьесами, назначеніемъ которыхъ было поддерживать энергію въ тѣхъ, кому приходилось бодрствовать ночью, и съ пѣснями, основной темой которыхъ являлся мотивъ буженія; Парисъ группируетъ ихъ подъ рубриками chant de veille и chant d'éveil. Къ первымъ онъ относитъ такія композиціи, какъ гимны ad nocturnas, сложившіеся въ эпоху гоненій, когда вѣрующіе, собравшіеся для ночныхъ бдѣній (παννύχια), поддерживали въ себѣ пѣніемъ необходимую бодрость. Къ числу такихъ пьесъ относятся нѣкоторые изъ наиболѣе древнихъ извѣстныхъ намъ пѣснопѣній (какъ напр. св. Амвросія), позже получившія названіе ad matutinas (см. U. Chevalier, o. c., стр. VI сл.). Латинская «пѣсня моденскихъ солдатъ» (E. du Méril, Poésies popul. latines antérieures au XII s., P. 1843, стр. 268 сл., ср. Muratori, Antiq. italicae, т. III, col. 709) представляетъ собой скорѣе всего не «первый опытъ лагерной поэзіи», какъ думалъ E. du Meril (стр. 269), а именно имитацію такихъ церковныхъ гимновъ, написанное какимъ нибудь клерикомъ увѣщаніе къ защитникамъ Модены, осажденной около 924 г. венграми [1]).

Г. Парисъ предполагаетъ существованіе аналогичныхъ пѣсенъ и свѣтскаго характера; такія пѣсни пріурочивались, по всей вѣроятности, думаетъ онъ, къ различнымъ праздникамъ—

---

1) O tu qui servas armis ista moenia
Noli dormire, moneo, sed vigila!
Dum Hector vigil exstitit in Troia,
non eam cepit fraudulenta Graecia...
Divina mundi, rex Christe, custodia,
sub tua serva haec castra vigilia.
Tu murus tuis sis inexpugnabilis...
Sancta Maria...
Fortis juventus, virtus audax bellica,
vestra per muros audiantur carmina:
et sit in armis alterna vigilia
ne fraus hostilis haec invadat moenia!
Resultet echo comes: Eja, vigila!
Per muros Eja, dicat echo, vigila!

по крайней мѣрѣ на это соображеніе наводитъ коротенькій стфр. рефренъ (Bartsch, стр. 101): Il est anuit neut de feste, Et demain li jors. Можетъ быть это только неясно выраженное желаніе связать альбу съ весенними праздниками. Въ дальнѣйшемъ Парисъ высказывается опредѣленнѣе. Къ категоріи chant d'éveil онъ относитъ, помимо гимновъ, о которыхъ мы говорили по поводу теоріи Рёте, между прочимъ, пѣсни, въ которыхъ поющіе обращались къ цѣлой группѣ лицъ, приглашая ихъ проснуться и принять участіе въ общемъ весельи. Подобныя пѣсни должны были входить и въ составъ весенней обрядности (стр. 165).

La maîtress' de céans (припомню по этому поводу), vous qui avez des filles,
Faites les se lever, promptement qu'elles s'habillent;
Vers ell's nous venons, à ce matin frais,
Chanter la venue du mois de mai...

Другимъ образцомъ chant d'éveil были, по мнѣнію Париса, aubades, о которыхъ рѣчь идетъ правда лишь въ позднихъ памятникахъ, но которыя существовали, по всей вѣроятности, и въ классическую эпоху среднихъ вѣковъ. Древнѣйшее упоминаніе aubade мы находимъ въ романѣ Paris et Vienne, написанномъ марсельцемъ Pierre de la Sippade въ 1432 г.: Paris et Edouard aloient de nuyt soubz la chambre de Vienne, faisans aubades de leurs chançons, car il chantoient moult bien, et puis jouoient de leurs instrumens chançons melodieuses (p. 165 примѣч.). Но какъ разъ этотъ текстъ даетъ крайне шаткую точку опоры для сужденія о содержаніи обадъ: передъ нами, повидимому, не столько характеристика лирической формы, сколько указаніе на возможность пріурочить исполненіе всякой вообще лирической пьесы къ моменту наступленія утра. Такъ или иначе намъ непонятно желаніе привлечь къ сличенію указанныя формы. Сходство мотивовъ, даже если оно значительно, не даетъ еще никакихъ поводовъ предположить вліяніе. Въ данномъ же случаѣ сходство ограничивается только внѣшней стороной. Не говоря

уже о томъ, что основная точка зрѣнія chant d'éveil и chant de veille (отношеніе къ ночи) совершенно иное, нежели въ альбѣ, что ситуація ночныхъ гимновъ прямо противоположна ситуаціи послѣдней, они не въ состояніи объяснить намъ фигуры сторожа, даже взятаго какъ пассивное лицо, а тѣмъ болѣе куртуазнаго гайту. Парисъ вынужденъ, такимъ образомъ, принять старую гипотезу Барча (ср. стр. 167). Указанныя сопоставленія понадобились ему, очевидно, только для того, чтобы на возможно большемъ количествѣ фактовъ подтвердить справедливость своей теоріи о происхожденіи ст.-французской лирики, о связи ея съ весенней пѣснью (стр. 167), догадка, по поводу альбы, высказанная еще Уландомъ (Schriften, V, стр. 177). Связь эту, однако, если ужъ ее нужно было установить во что бы то ни стало, и въ данномъ случаѣ, какъ и для пастурели, можно было бы попытаться поискать въ другомъ направленіи, не прибѣгая къ такимъ искусственнымъ построеніямъ.

Приведенныя выше соображенія о невозможности объяснить генезисъ сюжета альбы путемъ предложенныхъ сопоставленій справедливы и относительно теоріи Шёнбаха, занимающей крайнее положеніе среди тѣхъ, съ которыми мы уже познакомились. Шёнбахъ допускаетъ вліяніе и церковнаго гимна, и военной альбы (weckrufe des römischen militärs) и пѣсни ночного сторожа (weckrufe der bevölkerung romanischer städte). Народная любовная альба стоитъ, само собой разумѣется, въ центрѣ. Это въ сущности, только внѣшнее примиреніе предложенныхъ гипотезъ, механическая комбинація, которая не мѣняетъ вовсе положенія вопроса.

Отбрасывая всѣ тѣ новыя соображенія, которыя были пущены въ оборотъ критикой послѣ Шерера и по примѣру его, и которыя на нашъ взглядъ не объясняютъ ничего, снимая позднѣйшія наслоенія догадокъ, мы видимъ за ними старую теорію Барча, которая все-таки одна давала отвѣтъ на вопросъ по существу. Въ дальнѣйшемъ приходится, слѣдовательно, отправляться опять таки отъ нея.

Слабая сторона ея, на нашъ взглядъ,—въ толкованіи фигуры сторожа, посвященнаго въ тайну любовниковъ. Теоретически возможно двоякое объясненіе этого, какъ и всякаго другого мотива: онъ или продуктъ традиціи, или результатъ личнаго художественнаго почина. Барчъ предполагаетъ послѣднее. Допуская такое соображеніе, мы наталкиваемся, однако, на цѣлый рядъ сомнѣній. Какъ мотивъ сложенный сознательно онъ неудаченъ. Не потому, чтобы, какъ думаетъ Шлегеръ (стр. 39), всякій истинный любовникъ долженъ былъ самъ предупреждать разсвѣтъ:

.... de fin amador s'eschai
ques leu enan l'alba (отрывокъ Suchier);

такое возраженіе относилось бы въ равной мѣрѣ и къ другимъ типамъ альбы: пѣніе птицъ или звукъ рога сторожа могли пробудить и другихъ обитателей замка, а, слѣдовательно, удалившійся даже во-время рыцарь всегда могъ быть замѣченъ и признанъ. Причина та, что пѣсня, обращенная къ любовникамъ съ цѣлью разбудить ихъ и предупредить опасность, должна была имѣть обратныя послѣдствія. Вотъ почему въ одной изъ пьесъ маркграфа von Hohenburg сторожъ молитъ Бога о томъ, чтобы никто, кромѣ рыцаря, не услышалъ его пѣсни:

Got gebe daz im wol ergê,
daz er erwache und niemen mê [1]).

Ввести въ рамки альбы такой мотивъ сознательно, значило бы не только придумать неудачную въ поэтическомъ отношеніи комбинацію, но и погрѣшить противъ основныхъ требованій куртуазной любви, давая возможность заглянуть въ нее всякимъ доносчикамъ и приспѣшникамъ «ревнивой и низкой души». Между тѣмъ именно этотъ «неудачный» мотивъ обобщился и сталъ обязательнымъ для извѣстной категоріи альбы. Съ другой стороны

1) Bartsch-Golther, DL[4], стр. 92.

было бы большимъ легкомысліемъ довѣряться сторожу, слугѣ своего господина, врага любви, какъ всякій мужъ средневѣковой лирики, который могъ въ каждую минуту выдать любовниковъ и тѣмъ положить конецъ ихъ счастью, если не жизни. Молчаніе его можно было, правда, купить обѣщаніемъ хорошей награды; такъ поступила императрица, жаждавшая свиданія съ Вольфдитрихомъ (Wolfditrich D, Berl. heldb. IV, стр. 173, 174), такъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ изъ болѣе позднихъ нѣмецкихъ Tagelieder; но въ романской поэзіи передъ нами готовый, условный образъ и ни малѣйшаго слѣда какой-нибудь болѣе реальной фазы его развитія. Съ теченіемъ времени обнаружилось и еще одно противорѣчіе, приведшее къ передѣлкѣ сюжета по обѣ стороны Рейна.

На исторіи нѣмецкой альбы, несравненно болѣе развитой, нежели ея французскія и провансальскія параллели, гораздо легче прослѣдить этотъ процессъ.

Въ XIII в. (и концѣ XII в.?), когда образъ сторожа облічалъ еще нѣкоторую подвижность и не успѣлъ застыть, обратившись въ шаблонную куртуазную фигуру (ср. альбы XIV—XV вв., de Gruyter стр. 42 сл.), онъ нерѣдко подвергался переработкѣ въ уровень бытовымъ требованіямъ, конечно, односторонней, такъ какъ покончить съ привычнымъ образомъ было нелегко. Рядомъ съ фигурой куртуазнаго сторожа, говорящаго о своей преданности госпожѣ и рыцарю [1]), подчасъ ему незнакомому, сторожа, который характеризуется эпитетами: geselle mîn, wahter liebe (Frauendrq, Bartsch[4]-Golther, стр. 136), guoter wahter, vruoter (Frauenlob, Ettmüller 260), vriunt, getriuwer (Warte MSH I 68[a]), wahter mîn, vil lieber friunt, getriuwer lîp (Wizenlô MSH II 143[a])—рядомъ съ этой типической фигурой стоитъ иная. Въ альбѣ Heinrich'a v. Frauenberg дама обѣщаетъ

1) Wolfram 6. 10; v. Hohenburg y Bartsch-Golther DL, стр. 92; Botenlauben MSH I, 27[b]; Hamle MSH I, 113[b]; M. v. Lûenz MSH I, 211[b], ср. Wolfram 4. 8; Hohenburg y Bartsch-Golther, DL, 92; Walther v. Breisach MSH II, 141[b].

сторожу большую награду, чтобы поддержать въ немъ бодрость (Bartsch-Golther стр. 136; ср. Kristân v. Hamle MSH II 13b). Въ шестистрофной пьесѣ бургграфа v. Lüenz (Bartsch-Golther, стр. 197 сл.) служанка договаривается со сторожемъ о томъ, чтобы онъ за извѣстное вознагражденіе пропустилъ рыцаря въ замокъ. Дисгармонія, которую вносила очерченная такимъ образомъ фигура сторожа въ куртуазную альбу, становилась теперь настолько ощутительной, что приходилось покончить съ традиціей. Ulrich von Liehtenstein формулируетъ эту новую точку зрѣнія: по мнѣнію его ни дамѣ, ни рыцарю не прилично довѣрять свою тайну грубому мужику—сторожу[1]). Онъ замѣняетъ его служанкой[2]). Ulrich von Winterstetten пытается связать оба эти мотива[3]). Steinmar замѣняетъ сторожа другомъ[4]), какъ Guiraut de Bornelh (*Reis glorios*), Haudloub, подобно Винтерштеттену, избираетъ средній путь, допуская друга, но не исключая и традиціоннаго сторожа[5]). Ту же комбинацію можно вскрыть и въ ст.-фр. Gaite de la tor (можетъ быть вмѣсто друга нужно подразумѣвать слугу рыцаря), насколько позволяютъ неясныя указанія этой любопытной пьесы[6]).

Искусственное толкованіе Шлегера, разсматривающаго пьесу какъ діалогъ рыцаря и дамы, при чемъ гайта оказывается

1) Lachmann 509. 14—510. 30.
2) Bartsch-Golther, стр. 188; ср. № 6 Clara'ы Hätzlerin.
3) MSH I, 166b; ср. пьесу Клары Hätzlerin № 22.
4) MSH II, 155b.
5) Ettmüller № 16, ср. Oswald v. Wolkenstein, Beda Weber № 34.
6)
Gaite de la tor,
gardez entor
les murs, si Deus vos voie!
c'or sont a sejor
dame et seignor,
et larron vont en proie.
hu et hu et hu et hu!
je l'ai vêu
la jus soz la coudroie.
hu et hu et hu et hu!
a bien pres l'occirroie.
(Bartsch, Chr. fr.6, col. 245).

нѣмымъ персонажемъ, было вполнѣ справедливо устранено уже Жанруà[1]). Самъ Жанруà предполагаетъ, что авторъ пьесы выводитъ на сцену двухъ сторожей. Соображеніе не невѣроятное само по себѣ, но, какъ намъ кажется, не имѣющее подъ собой достаточнаго фактическаго основанія. Bien ai sêu que nous en avrons joie нѣтъ никакой необходимости относить на счетъ обѣщанной награды:—joie у каждаго можетъ быть своя, при чемъ, разумѣется, матерьяльное вознагражденіе этимъ не устраняется; собесѣдникомъ сторожа могъ быть и другъ рыцаря, и его слуга[2]). Г. Парисъ склоняется къ первому предложенію (l. c., стр. 167). Новые образы, какъ это видно изъ заявленій Ульриха фонъ-Лихтенштейнъ, не стремленіе къ реализму; оно не было, по крайней мѣрѣ, единственнымъ нормирующимъ поэтическую работу соображеніемъ: старый образъ въ новой окраскѣ сталъ абсурдомъ и устранился вовсе.

Если Барчъ не правъ, если анализуемый мотивъ не могъ развиться самостоятельно, то онъ, очевидно, по крайней мѣрѣ *въ основѣ своей* традиціонный и объяснять его нужно въ иной связи, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Шлегеръ видитъ въ немъ искусственный мотивъ, забывая о томъ, что передъ нами одно только послѣднее звено цѣпи, и опираясь на этотъ болѣе чѣмъ шаткій аргументъ, считаетъ то, что провансальскіе теоретики поэзіи называютъ «гайтой», особымъ, совершенно самостоятельнымъ и ненароднымъ сюжетомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ отвергаетъ и терминъ «volkstümliches tagelied» (стр. 22), признавая народной формой одну только «альбу» (свиданіе—разлука на зарѣ, стр. 15), которая можетъ зарождаться самостоятельно въ различной этнической и соціальной средѣ (стр. 17). Отправляясь отъ этой совершенно произвольной классификаціи, въ основаніи которой лежитъ одно только его личное *впечатлѣніе* искусственности «гайты» *классической поры*,

---

1) Въ *Ro.* 1895, т. 24, стр. 288 сл.
2) Жанруà, Les Origines², стр. 79.

принимая, безъ всякихъ основаній, за особый сюжетъ то, что, можетъ быть, никогда имъ не было, т. е. рѣшая вопросъ, который въ предѣлахъ имѣвшихся у него данныхъ рѣшенъ быть не могъ, онъ высказываетъ предположеніе, что рыцарская альба (tagelied) развилась въ южной Франціи (стр. 24—25) и что въ основѣ ея лежитъ мотивъ извѣстнаго приписываемаго Овидію посланія Леандра къ Геро (Ep. XVII), пущеннаго въ оборотъ вульгарной поэзіи[1]) какимъ-нибудь прошедшимъ школу трубадуромъ или clericus vagans (стр. 87 сл.). Какъ неосновательна или безпочвенна классификація Шлегера, такъ невѣроятна и конечная его догадка: среди образовъ цитированнаго пассажа Овидія мы, дѣйствительно, находимъ нѣсколько такихъ, которые встрѣчаемъ и въ альбѣ. Но принимать такой пассажъ за источникъ популярной поэтической формы—своего рода tour de force, котораго мы меньше всего ожидали бы отъ подчасъ слишкомъ осторожнаго и критичнаго автора. Гипотеза его говоритъ сама противъ себя. Вопросъ остается, стало быть, по прежнему открытымъ и долженъ быть рѣшенъ въ иной связи; мы возвращаемся къ нашимъ поправкамъ къ теоріи Барча.

Тотъ типъ альбы, который Шлегеръ считаетъ народнымъ, настолько простъ, что могъ развиться совершенно самостоятельно въ различныхъ условіяхъ. Влюбленныхъ будитъ свѣтъ:

Li jors vient:
Se de moi ne me souvient, je sui perdus.
(*Archiv* Herrig'a XLVIII, 245).

Особенно часто въ нѣмецкой поэзіи, дающей намъ въ предѣлахъ альбы рядъ интересныхъ свѣтовыхъ образовъ:

Ich sih den morgensterne brehen:

1) См. Birch-Hirschfeld, Die den Troubadours bekannten epischen Stoffe p. 16; K. Bartsch, Albrecht von Halberstadt und Ovid im Mittelalter, p. XXXIV сл.; De Gruyter, p. 123; Fränkel, Shakespeare und das Tagelied въ *Englische Studien* XVII, 128.

nu helt, lâ dich nicht gerne sehen,
vil' liebe dêst mîn rât.

(C. Bur. № 144[a], ср. № 144)[1]).

Такіе образы гораздо легче встрѣтить въ религіозной альбѣ провансальцевъ, но это, очевидно, результатъ вліянія символики гимна, въ значительной степени опредѣлившаго развитіе религіозной альбы. Во Франціи о наступленіи утра возвѣщаетъ обыкновенно пѣсня жаворонка:

Vos ki ameis de vraie amor,
esveilliez vos, ne dormeis mais;
l'aluëte nos trait lou jor
et si nos dist an ses refrais
ke venus est li jors de pais

(Bartsch-Horning, Chr.[6], 243).

Il n'est mie jors, savoreuse plaisant;
Si me consent Dex, l'aloete nos ment.

(№ 1367, неизд., у Jeanroy[2], p. 68, тамъ же варьянтъ Bartsch, R. и P., I 28).

У провансальцевъ мотивъ этотъ не пользовался популярностью и слова гайты Raimon de las Salas:

ст. 21. Ai auzitz
D'auzels petitz
Pels plaissaditz

стоятъ особнякомъ. Даже тамъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ — en un vergier sotz fuella d'albespi—, на сценѣ гайта, крикъ котораго и будитъ любовниковъ; обычная обстановка провансальской

1) De Gruyter p., 28—29, 57—59, 101—103.

альбы—внѣшняя оболочка мотива, обработаннаго всегда въ характерномъ куртуазно-рыцарскомъ тонѣ, а потому нѣсколько однообразная[1]).

Мотивъ разставанія по утру, на зарѣ, въ указанной обстановкѣ, принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ въ народной поэзіи.

Французская пѣсня даетъ цѣлый рядъ варьянтовъ съ аналогичной схемой, развитіе которой можно прослѣдить съ XV вѣка. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ напечатанъ Г. Парисомъ[2]).

Trop penser me font amours, dormir ne puis,
Si je ne voy mes amours toutes les nuytz.

«Comment parleray je a vous, fin franc cueur doulx?»
«Vous y parlerez assés, mon amy doulz:
Vous viendrez a la fenestre a la minuyt;
Quant mon père dormira j'ouvriray l'uys».
Trop penser...

Le gallant n'oblia pas ce qu'on luy dist,
De venir a la fenestre a la minuyt;
La fille ne dormit pas, tantost l'oyst:
Toute nue en sa chemise el luy ouvrit.
Trop penser...

---

1) Пѣсней описаннаго выше типа воспользовался Шекспиръ въ безсмертной 5-ой сценѣ III акта «Ромео». L. Fränkel (Shakespeare und das Tagelied. Ein Beitrag zur vergleichenden Literaturgeschichte der germanischen Völker. Hannover, 1893; ср. Steuerwald, Lyrisches in Shakespeare, стр. 36 сл.; G. Meyer, Essays I, 347) пытался путемъ обстоятельныхъ сопоставленій показать, что подъ руками драматурга была какая нибудь голландская или нѣмецкая альба (особ. стр. 22—23, 34 сл., ср. 26, 48 сл.). Возможно, хотя далеко не очевидно: сопоставленія данныхъ такого рода никогда не въ состояніи придать необходимой прочности выводу. Внѣшній толчекъ воображенію поэта могла дать соотвѣтствующая сцена «Andriana»'ы Groto; мотивъ соловья могъ вызвать въ памяти Шекспира поэтическій образъ народной пѣсни. См. F. Bocchi, Luigi Groto..., Adria 1886, p. 162 сл.; G. Chiarini., Romeo e Giulietta въ *Nuova Antologia* III, 10 стр.

2) Chansons du XV s., стр. 33—34.

«Mon amy, la nuit s'en va et le jour vient:
Despartir de noz amours il nous convient;
Baisons nous, accollons nous, mon amy gent,
Comme font vrays amoureux secretement».
Trop penser...

Тѣ же двѣ одна другую смѣняющія сцены въ варьянтахъ у Rolland[1]) и въ *Мелюзинѣ*[2]). Подробности, конечно, мѣняются. Онъ то gardien de ville, то beau marinier de Sainteville. Будитъ то пѣсня жаворонка[3]), то крикъ пѣтуха. Въ варьянтѣ Bladé[4]) дѣйствіе происходитъ подъ открытымъ небомъ, на лугу; роль гайты рыцарской альбы исполняетъ деревенскій звонарь, котораго встревоженные любовники бранятъ за излишнее усердіе:

Mès, Díu! au prumè pountet,
lou campané souno l'aubado.
— «L'ase te foute, campané,
de ta maitin hè la sounado.
S'auèuos rai la cordo au cot,
lou batan per la caillauado,
la campano en capetot,
lou nas enta la bataillado»[5]).

---

1) IV, стр. 48, № CXCVI a), иначе b).

2) I, 1878, p. 285—287; ср. Beauquier, Chansons popul. recueillies en Franche-Comté, P. 1894, 338—Le voltigeur fidèle, ср. ibid. 287.

3) Сюда же относится рефренъ изъ Турени у Brachet, *Revue critique* 1866, II, 127:

Belle alouett', belle alouette,
Tu z'as menti,
Tu nous chantes le point du jour,
C'est pas minuit.

4) Poésies pop. de la Gascogne III, стр. 60 сл.

5) Въ Rolland II, стр. 91, въ которой описывается первая ночь дѣвушки, противъ желанія выданной за какого-то marchand de velours, заключительный куплетъ:

Levez-vous mademoiselle,
Levez-vous, car il fait jour:

Приведеннымъ выше варьянтамъ у Париса и Rolland отвѣчаетъ римская альба[1]): сценѣ прощанія предпосланъ разсказъ о появленіи любовника въ комнатѣ своей возлюбленной:

Me ne andai a casa, a casa della signora,
E la trovai nel letto, che lei dormiva sola.
La presi per la mano, la bella non sentiva:
— «Sol un bacio d'amore».—«Oimè, io son tradita!»
— «No, no, non sei tradita: che io son quel giovanotto,
Ch'io son quel giovanotto, che a te vuol tanto bene».—
. . . .
«Fa la ninna e dormi, finchè la rondin canta».—
— «O, rondinella[2]) bella, tu sei una traditora!
Tu sei venuta a cantar, non era ancora l'ora!
O rondinella bella, tu sei una meretrice,
Tu m'hai svegliato del sonno mio felice!
O rondinella bella, tu sei una gran bugiarda,
Tu sei venuta a cantar, non era ancora l'alba»[3]).

Y a du monde à la boutique
Qui demande du velours,

могъ пародировать типическій мотивъ альбы; но сюжетъ этой типической пѣсни о malmariée примыкаетъ къ ряду аналогичныхъ ей у Rolland II, xxx, p. 75 вар. m и сл., I, xxx, p. 79 сл., вар. l и сл., вар. b къ II, xxx, p. 90, вар. al и am; ср. IV, p. 8 сл.; ср. также Uhland, № 84; Milá, Romancerillo catalan, № 565.

1) Kopisch, Agrumi, стр. 180.

2) Обычная вѣстница утра въ итальянской альбѣ, которую гр. Nigra считаетъ, поэтому, продуктомъ городской среды по преимуществу. См. D'Ancona, La poes. pop. it., p. 25—28, ср. Nigra, Canti pop. di P., pp. 343—344. Ср. впрочемъ D'Ancona, La poesia pop. it., p. 29, прим. 1 и Nigra, Canti popol. di Piemonte, 1888, pp. 343—344, гдѣ упоминается жаворонокъ. См. также замѣтку Crescini по поводу пьесы Ruzzante «Vaccaria» (Vicenza, 1598), Per gli studi romanzi, Padova 1892, p. 163 сл.

3) Вар. у Ive, Canti pop. istriani, стр. 15; ср. также Ferraro, Canti pop. monferrini (у Comparetti и d'Ancona. Canti e racconti del popol. italiano, Torino-Firenze, 1870 сл.) № 54; Wolf, Volkslieder aus Venetien, *Sitzb. d. Wiener Ak.* т. 46, p. 264—265; P. Heyse, Ital. Liederb. 72; Dalmedico, Canti del popolo veneziano², № 11.

Я миновалъ нѣмецкую пѣсню, сознательно, такъ какъ она приводитъ насъ къ фактамъ особаго рода. Сборники даютъ намъ цѣлый рядъ короткихъ строфъ—типа Schnadahüpfl, варьирующихъ мотивъ разставанія. Форма ихъ—превосходный образчикъ той подвижности, съ какой народная пѣсня переходитъ отъ «объективнаго» къ «субъективному» пріему изложенія. Интересующее насъ положеніе намѣчено:

Wenn d'sunn auffageht
und thuet wider auftog'n
so thue-n-ih mein'n dienoj
erst gueti nacht sog'n [1]).

Гораздо популярнѣе мотивъ пѣнія птицъ, развиваемый на тысячу ладовъ.

zwischen Ostern und Pfingsten
is die lustigste zeit,
schlaft der bue ba sein diendlan
bis es vögerl schreit [2]).

Рядомъ цѣлая вереница «субъективныхъ» формъ:

wenn d'sunn auffageht
und thien'n d'vegajn singa,
so thue-n-ih von 'n fenstal
erst wecka springa [3]).

memi hohula than krah'n
'sis da tog nimma weid:
liab's derndal, hiaz war's wohl
zan hoamgeh'n schon zeid [4]).

---

1) Баварія, Wunderhorn II, 337[a]; Pogatschnigg & Herrmann № 1367 (Каринтія).

2) Pogatschnigg & Herrmann, Kärntnische liebeslieder[2] № 1041.

3) Wunderhorn II, 337[a], Баварія; ср. Tobler, Schw. Volksl. I, 149 (Швейцарія).

4) Firmenich II, 776[b] (Штирія)

На смѣну являются новые мотивы, новые образы, то особнякомъ

das diandel in der stadt
thuat mi besser g'freuen,
her die vierteluhr schlag'n
und in wachter schrei'n [1])

то въ комбинаціи со старыми, намъ уже знакомыми

schene sendrin steh auf,
wie singn'n de schwalb'n,
wie schleich'n die gamslan
wol über die alm [2])

или:

wann der Auerhahn pfalzt,
wann der Kohlfuhrmann schnalzt,
und der Nachtvogel schreit,
is der Tag nimmer weit [3]).

Такіе эскизы пѣсни могутъ быть разработаны въ болѣе сложныя композиціи, постепенное развитіе которыхъ происходитъ на нашихъ глазахъ. Я позволю себѣ привести два примѣра и предложить сопоставить 2-ую и 3-ью строфы перваго съ Pog. & Herrm.² № 1363, а стр. 3-ью съ L. v. Hörmann p. 230 (ср. Pog. & Herrm.² № 1364—Каринтія):

---

1) Pog. & Herrm.² № 1340 (Каринтія); звонъ колокола Pog. & Herrm.² № 1350 (Каринтія).

2) Pog. & Herrm.² № 1348, ср. L. von Hörmann² стр. 231 (Штирія).

3) Каринтія: Hörmann p. 229, № 92 и Pog. & Herrm. № 1342. Любопытно искаженіе четверостишія въ Штиріи: перечисленіе признаковъ утра понято какъ запѣвъ:

wann da Auerhahn pfalzt
und da Kohlbauernbua schnalzt,
und i za mein Deandl geh,
so gfreut mi halt als.

G. Meyer, Essays & Studien zur Sprachgeschichte & Volkskunde, Strassburg, 1885 и 1893, I, стр. 348. О птицахъ и др. вѣстникахъ утра см. de Gruyter, p. 101—103.

ba mein Dirnai ihr'n fensta scheit niamols koa sunn,
geht koa londstrassen für, ner a steigal, a kloas.
oba drinna in zimma iss nett und so fei
doss mi ziemt, i möcht oliwal drin sei.

und wir i bi koma zan dirnala hi,
hot's fensta afgemocht, und husch! wor i drin.
«und bist amol do? und recht load isma worn,
i hob glaubt, host in gongsteig verlorn».

i konn eam net feind sa, den stuzerl den kloan,
wal's ollimol woant, wonni sag: «i geh hoam».
ho, so bleib i holt doda, so lang ols 's mi gefreut.
bis da gukgu und's rothkröpferl schreit [1]).

Другой примѣръ заимствованъ у Tobler'a, Schw. Vlksl., I 147 (изъ Berner Oberland):

und wenn di finstre nacht thut kommen
und ich zu meinem schätzel geh,
stell ich ihm mich vor sis fenster
und klopfe's ihm gar freundlich an:
«ich komme heut zu dir ferwahr».

drum bin ich lustig: fallederizum trallala!
«meitschi, wo hest den chasteschlüssel,
wo das brannti mahlzeit ist?
gib dem kamerat ein gläslein,
so marschirt er froh nach haus».
«ich komme heut...

«schatz, der tag wird bald ankommen,
der hahn der kräht zum zweiten mal.

---

1) Firmenich II., 397—398 (Böhmerwald).

und die schwalben thöns anzeigen,
tageslicht mit seinem (Tobler: ihrem?) gsang».
lebe wohl und denk mir nach
dann bin ich lustig...

Это почти схема приведенныхъ нами выше французскихъ пѣсенъ. Я нарочно остановился на данныхъ Schnaderhüpfl или такъ называемыхъ Vierzeiler. Нигдѣ мотивъ ночного свиданія и прощанія на зарѣ не получилъ такого широкаго приложенія, какъ въ этихъ простѣйшихъ формахъ народнаго лиризма, живущихъ еще въ пѣсенномъ обиходѣ южной Германіи, Австріи и Швейцаріи. Но и нигдѣ, какъ въ этихъ уголкахъ, не сохранилось столько пережитковъ глубокой древности въ нравахъ и обычаяхъ, между прочимъ обычаяхъ брачной категоріи.

Ein junger knab gassaten ging,
wol um der jungfer willen —

поется въ одной пѣсенкѣ[1]). Вотъ та почва, на которой выросли наши четверостишія: Тоблеръ характеризовалъ ихъ терминомъ Kiltgangpoesie. Основной мотивъ могъ развиться и помимо этого обычая, но послѣдній какъ нѣчто широко распространенное и болѣе устойчивое положилъ начало *особому поэтическому жанру*. Въ такихъ условіяхъ, представляется намъ, развилась и альба «простѣйшаго» типа. Предположеніе зависимости альбы отъ народной пѣсни стало общимъ мѣстомъ давно, указаніемъ на Kiltpoesie мы обязаны еще Waldau[1]). Я напоминаю объ этомъ сопоставленіи съ цѣлью подчеркнуть его *принципіальную* сторону: значеніе опорной базы позволяетъ намъ поставить вопросъ о генезисѣ альбы на почвѣ Франціи шире и осязательнѣе.

---

1) Kilten (Швейцарія), gasseln, gassel gehn, fugen, schwammeln (Вогезы), gasseln, fenstern (Баварія), fensterln (Штирія), brenteln, gasseln (Каринтія), schurren, afen frei gehn; dorfen, lichteln, thüren.

2) Altheimische Minnepoesie, стр. 19, цитирую по R. M. Meyer'у, *ZsfdA* XXIX, стр. 234 примѣч.

Kiltgang — обычай, по которому парень, ухаживающій за дѣвушкой, имѣетъ право проводить у нея ночь[1]) — остатокъ свободнаго брачнаго сожитія[2]), противъ предположенія котораго въ различной мѣрѣ и съ различныхъ точекъ зрѣнія, но едва ли, впрочемъ, основательно возстали C. N. Starcke[3]), E. Westermarck[4]) и по стопамъ Frazer'a[5]) Э. Краулей[6]). Къ Kiltgang примыкаетъ рядъ фактовъ[7]), сохраяющихся въ быту славянъ[8]), древнихъ евреевъ[9]), вавилонянъ[10]), африканскихъ бушменовъ[11]), центрально-австралійскихъ племенъ[12]), полинезійцевъ[13]), у курильцевъ, татаръ, даяковъ о. Борнео[14]), эстовъ[15]). Въ предѣлахъ Европы пережитокъ этого порядка сохранился только на ея окраинахъ—кромѣ южн. нѣмцевъ[16]), у кельтовъ Уэльса, называющихъ обычай carw-ar-y-gwely (см. Rodenberg, Ein Herbst in Wales, Hannover 1858, стр. 66; англичане передаютъ этотъ

---

1) Grimm, D. Wb.; Schmeller, B. Wb.² I, 738; Tobler, Schw. Vlksl. I, введ. 126.

2) См. М. Ковалевскій, Первобытное право. Москва, 1886, вып. II, семья.

3) Die primitive Familie in ihrer Entstehung & Entwickelung, Lz. 1888.

4) The History of Human Marriage, London 1891.

5) The Golden Bough, 1890.

6) E. Crawley, The mystic Rose, a study of primitif marriage, 1902 Macmillian. Цитирую по русскому переводу—Мистическая Роза, Спб. 1905.

7) О такъ называемыхъ временныхъ бракахъ см. Fr. Hellwald, Ethnographische Rösselsprünge, Lz. 1891, p. 299 сл.

8) Ковалевскій, о. с., стр. 5.

9) Ibid., стр. 27.

10) Ibid. 28.

11) Ibid., p. 16.

12) Spencer and Gillen, The native tribes of Central Australia, стр. 93 сл.; Краулей, о. с., стр. 347 сл.

13) Краулей, о. с., стр. 284.

14) F. Liebrecht, Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsatze, Heillronn 1879, стр. 379.

15) L. v. Schroeder, Die Hochzeitsgebräuche der Esten. Berlin 1888, стр. 197 сл.

16) См. E. Rochholz, Deutscher Glaube und Brauch im Spiegel der heidnischen Vorzeit, Berlin 1869, II, 59 сл.; Reinsberg-Düringsfeld, Hochzeitsbuch p. 91; см. также F. C. J. Fischer, Die Probenächte der deutschen Bauernmädchen, Berlin 1780; P. K. Rosegger, Aus meinem Handwerkerleben, глава—der Bauern Liebestreue.

терминъ словомъ to bundle, bündling, см. словарь Hazlitt'a), у бретонцевъ[1]), по свидѣтельству Michelet[2]), у голландцевъ на островахъ Vlie и Wieringen, у шведовъ[3]), норвежцевъ и литовцевъ[4]). Weinhold[5]) указываетъ на обычай ночныхъ посѣщеній молодымъ человѣкомъ своей возлюбленной у итальянцевъ (ссылка на Fr. Raumer, Hohenstaufen VI, 449). Отчего не предположить существованіе такого обычая или Kiltgang'a у французовъ. Очень можетъ быть, что за пожеланіями, высказываемыми неоднократно трубадурами, труверами и миннезингерами, пожеланіями, чтобы дама сердца дала имъ возможность провести ночь съ ней (colgar ab se, bilegen), скрывается обычай, обратившійся, правда, въ пустую формальность, въ символическое выраженіе благосклонности, но нѣкогда имѣвшій гораздо болѣе реальный смыслъ.

Такъ долженъ, на нашъ взглядъ, быть поставленъ вопросъ о происхожденіи альбы. Когда дѣйствіе было перенесено въ замокъ, обстановка измѣнилась, конечно, — и на сценѣ появился сторожъ, оповѣщающій всѣхъ обитателей замка о наступленіи утра. Его возгласъ будилъ и обоихъ любовниковъ. О реальности его мы говорили выше; я напомню здѣсь только то, что пѣсня развивается далеко не такъ послѣдовательно, какъ мыслимъ мы и наши поэты; ея логику оправдываетъ преданіе, ея жизнеспособность опредѣляется отсутствіемъ въ ней элементовъ, которые бы нарушали иллюзію въ эпоху, когда данная пѣсня могла увлекать, могла отвѣчать идеальнымъ запросамъ извѣстной общественной группы. Мотивъ сторожа (въ пассивной роли), можетъ быть, — неудачное подновленіе старой схемы, но во всякомъ случаѣ совершенно понятный поэтическій актъ.

---

1) Villemarqué, Barzas-Breiz II, 191 сл.
2) Origines du droit français, II, 1837, p. 28.
3) Reinsberg-Düringsfeld, p. 9 (обычай — gå ut på. «Дѣвушка, которую не посѣщаютъ такимъ образомъ молодые люди, не пользуется уваженіемъ»).
4) Schroeder, o. c. p. 198.
5) Die deutschen Frauen², Wien 1882.

Въ предыдущемъ изложеніи я коснулся только одной стороны вопроса. Сюжетъ альбы куртуазнаго типа, въ которомъ сторожъ, или товарищъ, посвященные въ тайну, будятъ влюбленныхъ, не объяснимъ, какъ мы уже видѣли, изъ альбы, только что описанной, безъ натяжекъ. Отправляясь отъ того положенія, что, по всей вѣроятности, и сюжетъ куртуазной альбы не менѣе традиціоненъ, я пришелъ къ анализу данныхъ другого порядка, которыя, какъ мнѣ кажется, проливаютъ свѣтъ на этотъ запутанный вопросъ.

Память объ умыканіи сохранилась въ цѣломъ рядѣ свадебныхъ обрядовъ[1]). Свадьбы часто происходятъ вечеромъ. Потокъ вѣнчается послѣ вечеренъ[2]). У несторіанъ вѣнчаніе совершается черезъ часъ послѣ полуночи[3]). У коптовъ, евреевъ, въ Марокко, у маорисовъ свадьбы совершаются обыкновенно послѣ заката солнца или ночью[4]). У римлянъ женихъ отправлялся къ невѣстѣ только съ наступленіемъ темноты[5]). У соншаловъ вѣнчаютъ ночью и невѣсту относятъ къ жениху въ корзинѣ, что Crawley (стр. 326) объясняетъ, конечно, какъ желаніе избѣгнуть дурного глаза или уступку стыдливости и робости женщинъ.

У эстовъ[6]), латышей[7]), у русскихъ[8]) молодые остаются на первую ночь, или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время[9]). въ хлѣву[10]), клѣти Сюда же относится постоянное скитаніе моло-

---

1) См. L. Dargun, Mutterrecht und Raubehe und ihre Reste im germanischen Recht und Leben, Breslau, 1883; M. Kulischer, Intercommunale Ehe durch Raub und Kauf въ *Zs. f. Ethnologie* Bastian'а и Hartmann'а, т. X, 1878, стр. 193 сл.; М. Ковалевскій, o. c., II, гл. VI, стр. 65 сл.

2) Кирѣевскій, IV, 55; см. также Современникъ т. 83, отд. I, стр. 511.

3) Краулей, стр. 355.

4) Ibid., стр. 326—27.

5) Plut. Quaest. rom. 65.

6) Schroeder, стр. 20, ср. стр. 173, 174 сл.

7) Ibid., стр. 170 и 176.

8) Ibid., стр. 175.

9) Иначе объясняетъ обычай, v. Schroeder, который видитъ въ хлѣвѣ или конюшнѣ святилище дома, стр. 177.

10) У словинцевъ въ погребѣ или сараѣ (Reinsberg-Düringsfeld, Das Hochzeitsbuch, стр. 87).

дыхъ, обычай видѣться украдкой, разставаться рано, до зари. Въ древней Спартѣ женихъ покидалъ свою невѣсту передъ разсвѣтомъ и до появленія на свѣтъ ребенка видѣлся съ нею только ночью[1]). Точно также въ портѣ Морсбей: молодой долженъ былъ оставлять молодую до зари[2]). Аналогичный обычай существуетъ у Типперахской молодежи (Индія): послѣ брачной ночи мужъ покидаетъ жену на разсвѣтѣ и исчезаетъ затѣмъ на нѣсколько дней[3]). На Кингсмильскихъ островахъ домъ въ теченіи 10 дней бываетъ покрытъ цыновками и молодая изъ дому не выходитъ. Яванскую новобрачную запирали послѣ свадьбы на 40 дней. Такіе же обычаи существуютъ на о. Люсонѣ, въ Кореѣ, у бедуиновъ и въ Болгаріи, гдѣ молодыхъ запираютъ на недѣлю, въ теченіе которой имъ не полагается выходить изъ дому и принимать гостей[4]). Боплянъ, бывшій на Украйнѣ въ первой половинѣ XVII в., сообщаетъ, между прочимъ: казаки по старинному обычаю похищаютъ дѣвицъ, даже дочерей помѣщика. Похититель спѣшилъ скрыться въ ближайшій лѣсъ и пребывалъ въ немъ не менѣе 24 часовъ. Если его нагоняли или находили въ лѣсу до истеченія сутокъ, то убивали[5]). У татаръ Бакинской губерніи молодой проникаетъ въ комнату жены въ первую ночь обыкновенно тайкомъ[6]). Молодые скрываются, ихъ сторожатъ во время брачной ночи. Этотъ обычай мы встрѣчаемъ въ различной этнической средѣ. У древнихъ грековъ роль θυρωρός'а доставалась обыкновенно одному изъ друзей жениха[7]). Тотъ же обычай существовалъ въ старой Руси, существуетъ кое-гдѣ и теперь. Сторожемъ первой ночи на свадьбѣ младшей

---

1) Plut. Lycurgus XV, 48.

2) Краулей, стр. 331.

3) Ibid., стр. 332.

4) Ibid., стр. 332—333.

5) Сумцовъ, О свадебныхъ обычаяхъ преимущественно русскихъ. Харьковъ, 1881, стр. 6. Ср. румынскій обычай у Reinsberg-Düringsfeld, стр. 55.

6) *Сб. мат. для. Опис. Пл. и Мѣстн. Кавказа*, т. V, 1886, р. 149.

7) Pollux, Onomasticon, т. 42 = Краулей, о. с., р. 338—9; ср. Schoemann, Griech. Alterth. II, 495.

дочери Вел. Кн. Іоанна III, Өеодосіи, и кн. Василія Холмскаго (1500 г.), былъ конюшій Гридя Афанасьевъ; въ сопровожденіи 15 дѣтей болгарскихъ онъ ѣздилъ на конѣ около опочивальни новобрачныхъ[1]). То же было и на свадьбѣ В. Кн. Василія съ Еленой Глинской (1526 г.)[2]); на свадьбѣ Царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Милославской (1648 г.): всю ночь до разсвѣта около спальни ѣздилъ верхомъ конюшій съ обнаженнымъ мечомъ[3]). По описанію Олеарія дверь брачной комнаты охранялась, когда въ нее удалялись молодые, старымъ служителемъ, расхаживавшимъ взадъ и впередъ[4]). Въ Костромской губ. въ первую ночь около подклѣти ходитъ сваха или вооруженный дружка, «чтобы колдуны не напортили молодыхъ», прибавляетъ Терещенко[5]) хотя, въ сущности, передъ нами уже знакомый обычай. Мы встрѣчаемъ ту же церемонію и въ ритуалѣ сѣверной Олонецкой свадьбы[6]) и свадьбы малорусской. Когда по описанію Чубинскаго[7]) молодыхъ уложатъ въ коморѣ въ постель, то при нихъ оставляютъ сваху или дружка. Въ другихъ мѣстностяхъ дружка ставится при двери, охраняя комору съ молодыми. По описанію Терещенко[8]) дружко съ обнаженной саблей въ рукѣ, въ казацкомъ нарядѣ и шапкѣ на бекрень ѣздитъ верхомъ около сѣнника, на которомъ лежатъ молодые[9]).

---

1) А. Терещенко, Бытъ русск. народа. Спб. 1848, II, стр. 49.
2) Ibid., p. 53.
3) Ibid., стр. 73.
4) Ibid., p. 100.
5) Ibid., стр. 183.
6) Ibid., стр. 228.
7) Труды эксп. IV, p. 438.
8) о. с., стр. 532—3.
9) Ср. Сумцовъ, l. c. стр. 21. Бретонскіе ассистенты жениха (обыкновенно двое), остающіеся съ молодыми въ брачной комнатѣ пока не догорятъ свѣчи, которыя они держали въ рукахъ (P. Sébillot, Coutumes popul. de la Haute-Bretagne, П. 1886 стр. 135—6, ссылка на Souvestre, Derniers Bretons т. I, p. 58) (отсюда выраженіе tenir la chandelle), соотвѣтствуютъ скорѣе малайскимъ пажамъ при женихѣ или ассистенту его на о. Целебесѣ. Послѣдній обыкновенно однихъ лѣтъ съ женихомъ и также точно одѣтъ (Краулей, о. с., p. 338). При абиссинскомъ женихѣ состоитъ обыкновенно отъ 6—12 дружекъ, такъ назы-

Обычай скрываться первое время послѣ брака нашелъ отголосокъ въ пѣснѣ. Сербскіе молодые могутъ видѣться только ночью, украдкой, скрываясь не отъ дурного глаза (или не только отъ дурного глаза), какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, а отъ преслѣдованія, мести рода молодой. На почвѣ этихъ отношеній выросла черногорская «альба» (хоровая), сообщенная въ приложеніи къ журналу *Luča* (Književni list društva Gorski Vijenac, Цетинье 1895, стр. 128; см. Fr. Krauss въ *ZsVfVk*, 1895, т. V, стр. 210). Привожу цѣликомъ эту любопытную пьесу:

Jovo z dragom nojcu boravljaše;
dokle prvi pjetli zapjevaše.
Jovo dragoj tiho govoraše:
— Već je vakat da se rastanemo!
— Progj se dragoj to su pjetli lažni!
Al zanči sabah na džamiju.
Opet Jovo dragoj govoraše:
— Već je vakat da se rastanemo!
— Progj se dragi to je hodža stari,
on ne znade kad je sabah pravi!
Al eto ti gjeca po sokaku.
Opet Jovo drogoj govoraše:
— Već je vakat da se rastavljamo!
— Progj se dragi to se gjeca luda,
što ih majka biju na utanku!

ваемыхъ арки; они принадлежатъ всегда тому же классу. Обязанность ихъ прислуживать невѣстѣ, слѣдить за ней: обязуясь быть арки въ отношеніи другъ къ друга, они обѣщаютъ невѣстѣ быть ея «братьями» во время брачной церемоніи. Въ первое время послѣ свадьбы они даже спятъ вмѣстѣ съ молодыми въ одной комнатѣ (См. Featherman, Social History of the Races of Mankind, V, p. 606. Ср. аналогичн. факты у Краулей, p. 337). Корсиканскій обычай отличается особенной прозрачностью (Reinsberg-Düringsfeld, p. 257). Родственникъ молодого, обыкновенно молодой парень, входитъ вмѣстѣ съ молодыми въ брачную комнату и, вскочивъ на постель, продѣлываетъ на ней всевозможные прыжки, катается по тюфяку и т. п.—«очевидно, замѣчаетъ по этому поводу Schroeder (p. 160), чтобы испытать прочность постели (?)».

Al eto ti Jovanova majka,
stade karat Jova sina svoga.
Odgovara Jovanova ljuba:
— Kučko jedna a ne svekrvice!
i ako si te rodila sina,
ti ga rodi ali ga je dobih!

Въ связи съ обычаемъ сторожить новобрачныхъ и разставаться на зарѣ я объясняю себѣ и обычай будить молодыхъ въ ранній утренній часъ послѣ брачной ночи. Въ рядѣ случаевъ подчеркиваются мотивы зависимости молодой отъ новой семьи, положеніе ея какъ служанки, работницы въ домѣ мужа, но это не исключаетъ возможности моего толкованія обряда: будятъ обоихъ молодыхъ. Тамъ, гдѣ «рабочіе» мотивы вставлены въ обращеніе къ молодому, мы можемъ имѣть дѣло и съ фактомъ болѣе поздняго происхожденія и съ риторической фигурой при условіи забвенія старыхъ отношеній. Древній обычай этотъ сохраняется теперь только въ глухихъ уголкахъ Европы; но въ средніе вѣка онъ имѣлъ повидимому, гораздо болѣе широкое распространеніе. Въ срвнѣм. поэмѣ о Лоэнгринѣ подруги молодой будятъ новобрачныхъ:

Dô sie im an den armen lac
Sie sprachen! «wol ûf, ez schînet hôhe der tac!»
Die vürstin ûz dem slâfe erschricte harte [1]).

Въ романѣ объ Аполлоніи молодыхъ будитъ мать.

Sie lâgen schône unz an den tac
Mit armen umbevangen.
Dô kom zuo ir gegangen
Ir muoter Antoniâ;
Mit süezer armoniâ

---

1) Lohengrin 2379 ss.

Sungen vor ir zwei meidelin;
Süezer kunde nicht gesin
Herpfen oder gigen.
Sie enwolden nicht geswigen
Unz daz der herre entwachte.
Lieplich dô lachte
Ein friunt den andern an[1]):

Въ Олонецкой губ. молодыхъ будятъ «постельныя проводницы»[2]), у Сербовъ[3]) гости, участники свадебнаго торжества, pirinčlije, у эстонцевъ[4]) мать молодого, чтó, вѣроятно, поздняя модификація обычая, отвѣчающая тѣмъ измѣненіямъ, которымъ съ теченіемъ времени подвергся обрядъ лишенія невинности молодой, у малороссовъ исполнявшейся старшимъ дружкомъ или почетнымъ бояриномъ[5]), въ Перу — матерью невѣсты[6]) у черемисовъ и сингалезцевъ ея отцомъ[7]). Въ Саратовской губ. бужденіемъ распоряжается дружко: «вставай, невѣстка», говоритъ посланный, «ребенокъ плачетъ, корова реветъ, овцы блеютъ, — корму у нихъ нѣтъ». Поднявъ молодыхъ дружка и сваха вводятъ ихъ въ избу[8]). У славянъ далматинскаго побережья существуетъ аналогичный обычай, но молодую будятъ коротенькой пѣсней, очерчивающей превосходно положеніе въ домѣ новой «работницы»[9]):

Steh' doch auf schon, uns're Braut, denn Morgenroth ist da;

1) Apoll. 5958 и сл. (ср. A. Schultz, Das höfische Leben², Lz 1889, т. I, p. 635.
2) Терещенко, Бытъ русск. народа II, p. 228.
3) Reinsberg-Düringsfeld, p. 68.
4) v. Schroeder, p. 220.
5) акад. Веселовскій, Отчетъ о Чубинскомъ, отд. отт. стр. 57 и Чубинскій, Труды, т. IV.
6) Веселовскій, о. c. p. 61.
7) Ibid., ср. примѣры, другого порядка ibid., p. 58 сл. и у F. Liebrecht'а Zur Volkskunde, p. 416—424.
8) Терещенко, о. с., p. 361—62.
9) Oesterreich in Wort und Bild, heft 17.

Stehe auf das Haus zu kehren,
Dass nicht schelten dich die Schwieher;
Stehe auf das Ross zu tränken,
Dass nicht schelten dich die Schwäger.

На о. Монъ (Mohn)[1]) къ обоимъ молодымъ обращаются съ пѣсней, которую я позволю себѣ привести цѣликомъ (въ доступномъ мнѣ нѣмецкомъ переводѣ):

Auf nun, Schwesterchen, Bescheidne,
Stehe auf aus deinem Bette,
Auf steh von dem weissen Kissen,
Komm hervor aus weissen Laken,
Unter hübschen bunten Decken
Ohne Schwiegervaters Rufen,
Ohne Schwiegermutters Rufen.
Denn der Hahn kräht schon die Sechse,
Henne gackelt schon die Achte,
Nachtigall ruft schon die Zehne.
Bräutigam, mein Brüderchen,
Stehe auf aus deinem Bette,
Aus der jungen Gattin Armen,
Dorfes Männer sind zur See schon,
Dorfes Gatten sind beim Fischem.
Nimm die Netze auf die Schultern.
Unter Arm die Fischgeräthe,
Dann geh Angeln auszulegen,
Fische geh herauszuziehen.

Изъ текста пѣсни видно, кѣмъ она должна или, точнѣе, кѣмъ она не могла быть исполняема.

Представимъ себѣ такую пѣсню, исполняемую стоящимъ на стражѣ дружкой, другомъ, «товарищемъ» молодого, который вы-

---

1) Schroeder. p. 189.

водитъ молодыхъ изъ брачной комнаты, представимъ себѣ, что такая пѣсня оторвалась отъ свадебнаго дѣйства, поется отдѣльно. Пѣсня стража брачной ночи, во Франціи и Провансѣ, можетъ быть, также называвшагося терминомъ дружки, товарища—«companh» и gaita, превратилась съ теченіемъ времени въ пѣсню замковаго сторожа, тоже gaita, предупреждавшаго влюбленныхъ о наступленіи утра. «Молодые» стояли пока въ сторонѣ: но, можетъ быть, уже *до* времени куртуазной обработки сюжета пѣсня о буженіи, подъ вліяніемъ упомянутыхъ выше, примыкавшихъ къ аналогичнымъ моментамъ свадебнаго обряда, осложнилась мотивомъ отвѣта молодого или молодой, а, быть можетъ, даже коротенькимъ діалогомъ ихъ, замыкавшимъ или открывавшимъ основной монологъ. Reis glorios.... Guirant de Bornelh—почти сплошной монологъ «друга». Параллельныя схемы постепенно сплывались, въ сознаніи пѣвцовъ складывалось по немногу представленіе объ общемъ, хотя еще подвижномъ типѣ *альбы*. Куртуазныя воззрѣнія на любовь потребовали переработки стараго сюжета или старыхъ сюжетовъ въ уровень новымъ спросамъ.

Сдѣлать это было тѣмъ легче, что въ такихъ пѣсняхъ говорилось о свиданіи влюбленныхъ, скрывавшихся отъ окружающихъ: реальныя отношенія влюбленныхъ, намѣченныя слабо, могли легко стереться, такъ какъ все вниманіе поглощалъ моментъ, захватывавшій воображеніе куртуазнаго пѣвца: незамѣтно для него незатѣйливые образы пѣсни превратились въ привычныхъ рыцаря и даму. Центръ тяжести палъ естественно на изображеніе разставанія Пріуроченіе такихъ пѣсенъ къ кругу майскихъ или іюньскихъ праздниковъ, а, можетъ быть, и просто требованія риторическаго порядка, или то и другое вмѣстѣ опредѣлили характеръ пейзажа и составъ позднѣйшей, куртуазной передѣлки сюжета.

Таковы источники и процессъ развитія нашей лирической категоріи. Отсюда нѣсколько выводовъ относительно внѣшней исторіи альбы. Характеръ образовавшихъ ея пѣсенныхъ элемен-

товъ таковъ, что при наличности извѣстныхъ культурныхъ воззрѣній, простѣйшій типъ альбы могъ развиться всюду независимо отъ французскаго вліянія. Спеціальный ея типъ съ куртуазнымъ (активнымъ) гайтой, мнѣ кажется, сложился въ рыцарской средѣ южной Франціи и оттуда уже распространился на сѣверъ и востокъ, гдѣ на встрѣчу шли формы съ пассивнымъ гайтой. Въ этомъ отношеніи соображенія Жанруа[1]) и Г. Париса[2]) вполнѣ справедливы. Опираясь на приведенную выше Черногорскую пѣсню я предполагаю, что примитивныя формы альбы были хоровыми пѣснями или даже сценками, разыгрывавшимися при участіи соотвѣтствующаго числа исполнителей. Гипотеза Жанруа, нашедшая поддержку въ извѣстной рецензіи Г. Париса, мнѣ представляется нѣсколько внѣшней, механической: альба — одинъ изъ видовъ пѣсни о разлукѣ съ милымъ[3]); ея первоначальная форма монологъ женщины,—очевидно потому, что критерій сложности у Жанруа внѣшній. Исторія на самомъ дѣлѣ менѣе схематична. Наконецъ за нашу гипотезу, какъ намъ кажется, и общая теорія развитія пѣсенныхъ формъ, коренящихся въ первобытномъ синкретизмѣ. Жанруа слишкомъ изолировалъ вопросъ и, упрощая его, въ сущности, его только осложнилъ. — На примѣрѣ альбы, если я правъ, мы убѣждаемся также и въ практическомъ значеніи тѣхъ поправокъ, которы были внесены теоретически въ гипотезу Г. Париса объ обрядовомъ происхожденіи ст.-французской лирики.

В. Шишмаревъ.

---

1) Les Origines², p. 83.
2) *J. des Sav.*, 1892, p. 167
3) o. c., p. 144.

Катихизисъ Арсенія Мацѣевича.

Одна изъ рукописей Погодинскаго Собранія Императорской Публичной Библіотеки за № 1178, въ листъ, 30 лл., писанная скорописью XVIII вѣка, въ бумажномъ переплетѣ, имѣетъ такое заглавіе: «Вопросы и отвѣты краткія о вѣрѣ і о протчихъ ко знанію христіанскому нꙋжднѣйшихъ творенія преосвященного Арсеніа митрополита Ростовскаго і Ярославскаго». Въ этомъ сочиненіи четыре несоразмѣрныхъ между собою части: 1) о символѣ вѣры съ изложеніемъ догматовъ вѣры и сказаніемъ о вселенскихъ соборахъ (1—20 лл.), 2) о заповѣдяхъ Божіихъ (20—21 лл.), 3) о таинствахъ (21—28 лл.) и 4) о добродѣтеляхъ (28—30 лл.). На послѣднемъ листѣ, по окончаніи текста, приписка: «Сей символъ творенія преосвященнаго Арсеніа митрополита Ростовскаго і Ярославскаго, подлинный за своеручнымъ его архипастырства подписаніемъ». Итакъ предъ нами несомнѣнно Катихизисъ Арсенія Мацѣевича.

Извѣстно, что въ 1738 году Святѣйшій Синодъ назначилъ Арсенія Мацѣевича экзаменаторомъ ставленниковъ и законоучителемъ сухопутнаго кадетскаго корпуса въ С.-Петербургѣ, а въ 1739 году онъ опредѣленъ былъ законоучителемъ гимназіи при Академіи Наукъ, въ тоже время онъ преподавалъ Законъ Божій ученикамъ Адмиралтейскаго вѣдомства (Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода за 1736 г., т. XVI, № 89. М. С. Поповъ священникъ: Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ро-

стовскій и Ярославскій. Спб. 1905 г., 5—7 стр. А. Ежовъ. О церковно-религіозномъ образованіи въ Россіи въ XVIII в. Странникъ за 1896 г., т. I, стр. 58). Позволительно думать, что къ этому именно времени слѣдуетъ пріурочить составленіе Арсеніемъ Мацѣевичемъ Катихизиса, списокъ котораго мы имѣемъ въ поименованной рукописи Погодинскаго Собранія [1]). Все обученіе Закону Божію не въ однихъ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ школахъ въ первой половинѣ XVIII в. состояло въ изученіи только катихизиса, преподаваніе котораго не было однообразно: въ однѣхъ школахъ изучали «Православное Исповѣданіе», въ другихъ (книгу) «о седми таинахъ церковныхъ», въ третьихъ — «десятословіе съ толкованіемъ изустно», въ иныхъ—«толкованіе блаженствъ евангельскихъ съ букваремъ». Законоучители при преподаваніи Закона Божія могли руководиться въ первой половинѣ XVIII в. треmя руководствами: «Діалогизмомъ» Ѳеофана Прокоповича, «Сокращеннымъ Христіанскимъ ученіемъ» (Сокращеннымъ Катихизисомъ) его же и «Православнымъ Исповѣданіемъ вѣры» Петра Могилы (А. Ежовъ. По какимъ книгамъ обучались у насъ Закону Божію въ XVIII столѣтіи, и — чему обучались? Странникъ за

---

1) Другой списокъ Катихизиса Арсенія Мацѣевича находится въ рукописи Библіотеки Ярославскаго Каѳедральнаго собора, которую В. Лѣствицынъ въ своей статьѣ: «Книжныя Новости» (Ярославскія Губернскія вѣдомости за 1869 годъ, № 42) описываетъ такимъ образомъ: «рукописный сборникъ на 268 листахъ въ четвертку, не имѣющій общаго заглавія и разновременно писанный; въ срединѣ этого сборника вплетена рукопись (12—42 листы), озаглавленная: «Изложеніе Арсенія митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, вопросы и отвѣты краткіе о вѣрѣ и о прочихъ ко знанію христіанскому нужнѣйшихъ». За такимъ заглавіемъ слѣдуютъ 232 вопроса и отвѣта объ обыкновенныхъ предметахъ катихизисовъ, т. е. о символѣ вѣры и церковныхъ соборѣхъ, о естествѣ и свойствахъ Божіихъ, о Церкви, о таинствахъ, о добродѣтеляхъ. На 43—92 листахъ, писанныхъ тѣмъ же почеркомъ, изложены «Вопросы и отвѣты для примѣчанія каждому христіанину нужнейшія и полезныя». Вопросовъ этихъ считается 265 и содержатъ они сначала священную исторію до Моисея, а потомъ... о заповѣдяхъ, о молитвѣ Господней, о любви, далѣе о несистематизированныхъ нужныхъ или полезныхъ христіанину свѣдѣніяхъ». Замѣтимъ, что въ обоихъ спискахъ «Катихизиса» число вопросовъ и отвѣтовъ одно и тоже.

1896 годъ, т. I, 607 стр.). Московскія Греко-Славяно-Латинскія, Кіевскія и Новгородскія школы имѣли свой курсъ, болѣе обширный и законченный. «Богословское ученіе, Церкви весьма нужное, въ Россійской имперіи кромѣ Московскихъ (Славяно-Греко-Латинскихъ) и Кіевскихъ школъ нигдѣ не дается». При Греко-Словенской школѣ Новгородской заведены были партикулярныя къ обученію малыхъ дѣтей перваго ученія школы 1721 года, въ которыхъ «преподаваемо было словесное и письменное правильное ученіе, то есть, букварь, въ которомъ обдержится азбука, законное десятословіе, молитва Господня, символъ вѣры и девять блаженствъ евангельскихъ съ толкованіемъ по немъ, часословъ, псалтирь и писать». (Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода, томы: V, прилож. X, CCCXXII, VI, № 205, № 272, VII, прилож. VIII, CIX, CXXXII, CXLI, № 223). Что до ставленниковъ, то они, говоритъ профессоръ П. Знаменскій, постоянно оказывались неподготовленными къ своему будущему служенію, не знали самыхъ существенныхъ пунктовъ вѣроученія даже въ предѣлахъ обязательнаго для нихъ съ Петровскаго времени знанія Прокоповичева букваря. Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны всѣмъ архіереямъ предписывалось посвящать ставленниковъ не иначе, какъ послѣ достаточнаго обученія ихъ вѣрѣ и закону, не ограничиваясь однимъ испытаніемъ ихъ только въ чтеніи и пѣніи, а для этого держать ихъ при архіерейскихъ домахъ или при ближнихъ монастыряхъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, причемъ экзаменовать ихъ каждую недѣлю, подмѣчать состояніе житія ихъ и поступковъ и посвящать изъ нихъ лишь достойныхъ. При каждомъ архіерейскомъ домѣ былъ непремѣнно экзаменаторъ или, лучше сказать, учитель ставленниковъ, имѣвшій огромное значеніе въ ставленническомъ производствѣ. (Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань. 1881 года, 315 и 316 стр.). Очень возможно, что, относясь съ живымъ и серьезнымъ интересомъ къ дѣлу преподаванія своего предмета ученикамъ свѣтскихъ школъ, особливо же ставленникамъ, Арсеній Мацѣевичъ не былъ удовлетворенъ бывшими въ

его время учебниками по Закону Божію и составилъ свой [1]). Нельзя не замѣтить здѣсь, что Катихизисъ Арсенія Мацѣевича по своему составу близокъ къ программѣ ставленническаго обученія, изображенной въ указѣ 1748 года Воронежскаго архіерея новому экзаменатору, учителю семинаріи Стасіевичу: «обучать символу вѣры православной, заповѣдямъ Божіимъ и церковнымъ таинствамъ, добродѣтелямъ богословскимъ и евангельскимъ, апостольскимъ и отеческимъ преданіямъ и прочему, до букваря и катихизиса принадлежащему, что священнику вѣдать надлежитъ, всему со истолкованіемъ Писанія, въ чемъ состоитъ

1) В. Лѣствицынъ напечаталъ въ Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1881 годъ въ №№ 13 и 14 «Ставленническую тетрадку времени митрополита Арсенія Мацѣевича», которую онъ въ своемъ предисловіи къ тексту ея считаетъ произведеніемъ самого Мацѣевича главнымъ образомъ на основаніи словъ тетрадки о лицахъ, посягающихъ на церковныя имѣнія: «Мірянамъ церковныхъ имѣній и стяжаній не дерзати похищати и отторгати, ниже убо обидѣти и на своя потребы привлачити тая или всячески вредити и навѣтовати тымъ»: «приведенныя выраженія, говоритъ Лѣствицынъ, въ то время въ цѣлой Россіи могли быть написаны только Ростовскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ и никѣмъ болѣе». Тетрадка эта заключаетъ въ себѣ двѣ части: первая озаглавлена: «Сіи тайны даются учить ставленникомъ, которымъ быть въ попахъ. Краткое поученіе о святыхъ таинахъ общее»; вторая—«Сіи заповѣди даются учить ставленникомъ, которымъ быть во діаконахъ. Заповѣди Божія и церковныя и иная нѣкая виновна спасенію словеса, яже нуждно подобаетъ вѣдати въ наказаніе всѣмъ христіаномъ». Текстъ первой части сравнительно съ соотвѣтствующимъ текстомъ нашей рукописи (третьей главы о таинствахъ) кратокъ, неполонъ и совершенно отличной редакціи, хотя въ формѣ вопросо-отвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе въ печатномъ текстѣ есть мѣста, которыя имѣютъ нѣкоторое сходство съ соотвѣтствующимъ текстомъ рукописи и которыя мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь. Въ печатномъ текстѣ: Вопросъ.—Кіи тайны могутъ вторицею подаватися? Кіи же не могутъ? Отвѣтъ.—Иже характиръ изображаютъ, яко крещеніе, мνропомазаніе и священство, не могутъ вторицею подаватися. Въ рукописи: Вопросъ:—Можетъ ли сія тайна (крещеніе) повторятися. Отвѣтъ. Никакоже, понеже сей характеръ на души несмазанный бываетъ. Въ печатномъ: Вопросъ.—Что подобаетъ хранити въ тайнѣ сей (мνропомазаніи)? Отвѣтъ.—Сія: да будетъ мνро неповрежденно въ своемъ благоуханіи. Въ рукописи: Вопросъ. — Что есть требѣ хранити в сей тайнѣ. Отвѣтъ.—Дабы мνро не было повреждено во своемъ благоуханіи. Въ печатномъ. Вопросъ.—Кая вещь есть евхаристія? Отвѣтъ. Вещь евхаристіи есть хлѣбъ пшеничный, квасный и вино естественное, лозное (въ другомъ мѣстѣ: не смѣшенное и непритворное). Въ рукописи: Во-

законъ Христіанскій и проч., а притомъ примѣчать состояніе житія ихъ и поступки, чтобы къ чтенію Священнаго Писанія прилежали и, что читаютъ, разсуждать могли и не словомъ, но самымъ дѣломъ образъ сами собою другимъ простымъ людемъ оказывать могли». (Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань. 1881 г., 316 и 317 стр.). Арсеній Мацѣевичъ — бывшій митрополитъ Ростовскій, просвѣщенный іерархъ XVIII в. — личность историческая; о немъ существуетъ цѣлая литература, и въ настоящее время онъ служитъ предметомъ изученія нашихъ ученыхъ: разумѣемъ процитованную выше

просъ. Кая матерія таины сея. Отвѣтъ. Хлѣбъ пшеничный, квасный; вино естественное виноградное простое, а не притворное. Въ печатномъ. Вопросъ. Что подобаетъ хранити въ тайнѣ сей? Отвѣтъ. Сія: 1) да будетъ іерей законно хиротонисанный... 3) Да будетъ жертвенникъ или антиминсъ тамо, идѣже... 4) Да имать іерей мысль таковую во время, егда освящаетъ дары, яко существу хлѣба и вина примѣнятися въ существо тѣла и крови Христовой дѣйствіемъ Святаго Духа. Въ рукописи: Вопросъ. Что есть требѣ хранити в сей таинѣ. Отвѣтъ. Три вещи: а҃. да будетъ священникъ правилно посвященный. в҃. да будеть жертвенникъ сирѣчь престолъ отъ архіерея освященный іли антиминсъ. г҃ да имать священникъ всю несумнѣнную вѣру что существо хлѣба і вина претворяется в существо тѣла и крове Господа нашего Іисуса Христа дѣйствіемъ Святаго Духа. Въ печатномъ: Вопросъ.— Колико есть степеней священія іерейскаго? Отвѣтъ. Седмь: 1) вратарей, 2) чтецевъ, 3) заклинателей, изгоняющихъ злыя духи, 4) свѣщеносцевъ, 5) иподіаконовъ, 6) діаконовъ, 7) іереевъ. Въ рукописи: Вопросъ. Колико степеней священства. Отвѣтъ. Седмь: а҃. вратарь. в҃. чтецъ і пѣвецъ. г҃. заклинатель. д҃ свѣщеносецъ. е҃. уподіаконъ. ѕ҃. діаконъ. з҃. священникъ. Въ печатномъ. Вопросъ. Чесому подобаетъ зрѣтися въ таинѣ сей священства? Отвѣтъ. Лицо, входящее въ тайну сію, да имать сія: 1) Да имать лѣта правильная. 2) Да не будетъ двоеженецъ. 3) Да не будетъ отъ явнаго блуда рожденный. 4) Да не будетъ оскверненъ грѣхомъ мерзкимъ зѣло, паче же явнымъ или вѣдомымъ отъ многихъ и да не будетъ оскверненный рукъ человѣкоубійствомъ. 5) Да имать разумъ довольный, вѣжество и благоразуміе ко строенію божественныхъ таинъ и ко ученію людемъ. 6) Да имать вся своя уды зѣло яже суть нуждни на сіе дѣло. Въ рукописи: Вопросъ. Какову подобаетъ быти священнику. Отвѣтъ. а҃. да имать лѣта правилная. в҃. да не будетъ двоеженецъ или вдову поемшій. г҃. да имать разумъ доволный и вѣжество и мудрость къ строенію Божественныхъ таинъ и къ наученію людей. д҃. да будетъ образомъ дѣлъ добрыхъ и богоугодныхъ. е҃. да не будетъ отъ явнаго блуда рожденъ. ѕ҃. да не будетъ оскверненъ грѣхами мерскими, а наипаче человѣкоубійствомъ. з҃. да имать вся уды цѣлы, яже суть нужды на сіе дѣло. Въ печатномъ: Вопросъ. Кая вещь есть и совершеніе елеосвященія? От-

книгу священника М. С. Попова и статью священника С. Троицкаго: «Митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ на Тобольской и Ростовской каѳедрахъ» (Русскій Архивъ, 1905 г., кн. 10, 153—154 стр.). Несомнѣнно для біографовъ Арсенія Мацѣевича Катихизисъ его имѣетъ научный интересъ; но онъ имѣетъ немаловажное значеніе, какъ памятникъ учено-литературный, для исторіи духовнаго просвѣщенія въ половинѣ XVIII в. Предоставляя спеціалистамъ обслѣдованіе и оцѣнку Катихизиса Арсенія Мацѣевича съ богословской точки зрѣнія, мы позволимъ себѣ указать здѣсь лишь на нѣкоторыя особенности его.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что Арсеній Мацѣ-

вѣтъ.—Вещь елеосвященія есть елей посвященный (въ другомъ мѣстѣ: да будетъ елей чистый безъ всякаго примѣсу). Вопросъ. Что подобаетъ хранити въ тайнѣ сей? Отвѣтъ. Сія: 1) служители таины сея по чину церковному имуть быти седмь, нужды же ради могутъ быти и меншаго числа; 2) да будетъ немощный прежде исповѣдался грѣховъ своихъ и по семъ да пріиметъ таину сію. Въ рукописи: Вопросъ. Кая матерія таины сея. Отвѣтъ. Елей на то посвященный чистый безъ всякаго примѣса. Вопросъ. Что требѣ хранити в тайнѣ сей. Отвѣтъ. Служители таины сея да будуть по чину церковному сирѣчь: седмь священниковъ, по крайнѣй же нуждѣ два единъ же аще і можетъ, однако не приличествуетъ, понеже единому тоя таины оканчивать держа надъ главою болного еѵангеліе нелзя по силѣ молитвы тогда чтомыя. в҃, да будетъ немощный преждеісповѣдающійся грѣховъ своихъ і по семъ да пріиметъ тайну сію. Содержаніе второй части слѣдующее: 1) десятословіе; 2) «десять заповѣдей церковныхъ и совѣти тоя». Всѣхъ заповѣдей—десять, изъ нихъ восьмая о церковныхъ имѣніяхъ выше приведена; 3) «три совѣти евангелистія; 4) седмь таинъ новаго завѣта; 5) три добродѣтели, глаголемыя богословны; 6) четыре добродѣтели евангельскія мудрости, 7) седмь дарованій Духа Святаго; 8) плоды Духа Святаго; 9) седмь дѣлъ милости тѣлесныя; 10) седмь дѣлъ милости духовныя; 11) седмь суть грѣховъ смертныхъ, иже противолежать честныя добродѣтели; 12) грѣси воюющія противу всесвятаго Духа: 13) грѣси, на небо вопіющія къ Богу о отмщеніи; 14) девять блаженствъ евангельскихъ; 15) пять чювствъ тѣлесныхъ; 16) пять чювствъ душевныхъ и 17) четыре послѣднія и достойно памятныя». Текстъ десятословія отличенъ отъ текста рукописи, но очень близокъ къ тексту въ рукописномъ Катихизисѣ Каріона Истомина и сходенъ съ текстомъ Азбуки 1708 года (С. Н. Брайловскій. Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтія. Историко-литературное изслѣдованіе съ приложеніями. Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію, т. V, № 5. 1902 г., 231 и 232 стр.). Грѣхи смертные и противъ Святаго Духа перечислены тѣ же, что въ рукописи. Всѣ остальныя статьи печатнаго текста второй части не находятся въ рукописи.

вичъ въ своихъ отвѣтахъ на нѣкоторые вопросы полемизируетъ съ раскольниками. На вопросъ: Кто назда церковь і утверди: и на комъ утверди? слѣдуетъ отвѣтъ: Христосъ на себѣ самомъ утвердилъ церковь і наздалъ и стяжалъ кровію своею, а не двома перстами іли бородами. Изъяснивъ, въ чемъ заключается образъ Божій въ человѣкѣ, Арсеній Мацѣевичъ рѣшаетъ вопросъ: А для чегожъ въ стихирѣ заупокойной о тѣлѣ мертвомъ написано: вижду во гробѣ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту безобразну і безславну? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ мы между прочимъ читаемъ:..... потому убо і солнце имѣетъ въ себѣ образъ Божій, однако не будетъ ли безбожно въ солнце вѣровати, какъ вѣровали іли теперь вѣруютъ персы ї погане, расколщики же почему въ бороды и два персты вѣруютъ, ежели не потому же нраву і примѣру персидскому и поганскому. На вопросъ: Колико именъ носиши на себѣ? имѣемъ отвѣтъ: Три, по естеству человѣкъ, по крещенію імркъ, по вѣрѣ христіанинъ, а не перстовѣръ іли брадовѣръ іли старовѣръ. Вопросъ: Для чего христіанину православному не надлежитъ показанными іменами называтися и отъ самого начала христіанскаго таковыми іменами христіане не называлися сирѣчь перстовѣрами, брадовѣрами і старовѣрами. Отвѣтъ. Для того, понеже перстовѣромъ называется есть вѣровать въ персты два іли Христова или будли какія: ежели въ персты два Христова вѣровать, то признавать іли зъ двома перстома Христа, а не съ пятью іли два персты въ Христѣ святѣйшія противо протчихъ его перстовъ і противо цѣлаго человѣчества признавать, и таковая вѣра во Христа будетъ злохулна. Два персты токмо во Христѣ, а невсецѣлаго Христа почитающая и не признавающая что во Христѣ не токмо всѣ персты сложны і несложны в равенствѣ святыи но и послѣдняго его волоса ангели трепещутъ, кромѣ Христовыхъ же в будли какія персты вѣровати, есть совсѣмъ Христа отвергати і два персты будто бы идола велеса іли козіи роги іли медвѣжую лапу въ мѣсто Христа почитати по примѣру пребезумныхъ ідолослужителей. Брадовѣрами же быть и въ

брады вѣровать той же идолослужителный обычай слѣдуетъ. Старовѣрами же какъ расколники такъ и жиды называются: слѣдовательно старовѣръ и жидовѣръ одна рѣчь и разумѣніе имѣетъ, намъ же православнымъ надлежитъ христіанами пазыватися какъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ въ главѣ 11 показано потому что вѣруемъ во Христа якоже Христосъ насъ чрезъ апостоловъ евангелистовъ и чрезъ церковь свою апостольскую научилъ къ сему во Христа на крещенія облекшеся и чрезъ причащеніе тѣла и крове его крайнѣ ему соединившеся имамы участіе съ нимъ, яко братія и сыны и обѣщанное наслѣдіе царствія небеснаго аще точію самоизволнымъ развратомъ нашимъ не потеряемъ егда же въ крестномъ знаменіи употребляемъ троихъ перстовъ, а не двоихъ, сіе творимъ въ противность еретическаго толку арменскаго, о немже уже прежде речеся і по православной нашей вѣрѣ въ Бога Троици единаго намъ объявленныя чрезъ Христа единаго отъ Троицы, такожъ и въ благословящей руки по вѣрѣ во Христа въ перстахъ имя Іисусъ Христосъ изображаемъ, въ персты же какъ бы въ кисть иконную или краски изображающія икону не вѣруемъ и не отъ перстовъ нашихъ освященіе намъ животъ и защищеніе быти признаемъ, но отъ Пресвятыя Троицы отъ имени Іисуса Христа і отъ крестнаго его знаменія и хотя не вся Троица страдала на крестѣ, но понеже всея Троицы благоволеніемъ сіе здѣлалося и отъ всея Троицы кресту сила ради распеншагося на него единаго отъ Троицы Христа того ради какъ имя Іисусъ Христосъ, такъ и имя Пресвятыя Троицы въ крестномъ знаменіи призывается слѣдователно и три персты слагать не есть противно, два же персты съ толкомъ арменскимъ еретическо. Въ сказаніи о четвертомъ вселенскомъ соборѣ читаемъ: Сей святый соборъ совершенна Бога и совершенна человѣка Господа нашего Іисуса Христа быти утверждая во двою естеству яко ниже раздѣлятися тому на двѣ ѵпостаси, или на два сына, ниже сливатися во едино сстество, исповѣданія таковаго еретическаго на четвертомъ соборѣ проклятію преданнаго до сихъ поръ держатся треклятіи

армени, і тотъ арменскій толкъ въ двоеперстіи расколническомъ заключается, въ которомъ чрезъ указателныи перстъ прямо стоящъ Божество разумѣется, а чрезъ скривленъ подле указателнаго человѣчество і причина дается яко того ради скривленъ перстъ человѣчество Христово знаменуетъ, понеже де Христосъ человѣчествомъ преклонь небеса на землю сниде, слѣдователно съ небесе на землю готовое человѣчество снесе і готовымъ человѣчествомъ во утробу Дѣвы вселися, а не отъ кровей ея дѣвическихъ пріятъ. Еще же подъ таковыя два персты съ таковымъ толкомъ арменскимъ о воплощеніи Христовомъ подводятся три персты: первый со двома послѣдними во имя Пресвятыя Троицы въ ту силу, что будто бы вся Троица Христомъ, і вся Троица воплотилася, а не единъ отъ Троицы Сынъ Божій, по которому толку отъ арменовъ къ трисвятому пѣнію прилагается распный ся насъ ради, и съ такимъ то злохулнымъ толкомъ арменскимъ двоеперстіе свое расколники за крайнюю святыню и заглавизну спасенія и христіанства признаваютъ и стариннымъ крестомъ нарицающе, не токмо паче настоящаго креста, но и паче самого Христа превозносятъ. Приведенныя обличенія раскольниковъ служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ принадлежности Катихизиса Арсенію Мацѣевичу: сильныя выраженія ихъ близки къ языку соотвѣтствующихъ мѣстъ его же сочиненія «Дополненнаго обличенія» 1744 года, въ которомъ мы между прочимъ читаемъ: «По сему вашему господа Выгорѣцкіи показанію можно видѣть, что у васъ основаніе богоугожденія и спасенія не Христосъ и не крестъ Христовъ, но одни два персты въ крестномъ знаменіи и безъ тѣхъ то перстовъ у васъ знаменіе крестное не крестнымъ знаменіемъ и Христосъ не Христомъ...... а ваша пустыня Выгорѣцкая ваши же два персты, или кукишъ арменскій, не токмо вѣрѣ и спасенію, но и самому кресту святому, паче же и Христу основаніе быть утверждаетъ» (Рукопись Архива Св. Синода № 1639, л. 31).

Затѣмъ слѣдуетъ сказать, что Арсеній Мацѣевичъ оригинально ставитъ и трактуетъ нѣкоторые вопросы. Для примѣра

приведемъ слѣдующіе. А гдѣ пребываетъ Богъ? — Божествомъ своимъ вездѣ есть. А благодатію своею вездѣ-ли? — Не вездѣ, но на мѣстахъ избранныхъ. Что мѣста избранныя? Храмы Божія, гдѣ святыя мощи пребываютъ і святыя таины совершаются, а наипаче мѣсто избранное престолъ Божій на небеси. Есть ли у Бога престолъ на небеси? Хотя Богъ вездѣ есть и вся исполняетъ, якоже рекохъ, но свѣтъ Божества своего изящнѣе на небесѣхъ являетъ и имѣетъ престолъ неосязанный якоже самъ рече: небо престолъ мнѣ, земля же подножіе ногама моима, ноги же его духовніи а не тѣлесніи сирѣчь присудствіе его паче свѣта солнечнаго вездѣ сущее и вся исполняющее. Не сущу небу и земли, гдѣ бѣ Богъ пребываяй? — Богъ самъ себе вмѣщаетъ, сего ради самъ въ себѣ бѣ пребываяй, а еже сотвори небо и землю, не себе ради сотвори, да въ нихъ обитаетъ и почиваетъ, но насъ ради, да будетъ отъ насъ хвалимъ и почитаемъ. Безгрѣшни ли суть ангели? — Рекохъ уже яко безгрѣшніи, но не чрезъ себе, но чрезъ благодать Божію яко не согласишася съ свѣтоносцемъ воспротивиться Богу и сего ради ту благодать имѣютъ отъ Бога, а не отъ естества своего. Что есть свѣтоносецъ? — Свѣтоносецъ бѣ благороднѣйшій и первѣйшій ангелъ [1]) иже неблагодаренъ Божію благодѣянію къ себѣ предпочте любовь созданія же есть себе возлюбивъ себе паче творца еже есть Бога и хотѣ подобенъ быти ему и возгордися, за что со своими единомышленники отъ небесе до ада низверженъ, обнаженъ природныя красоты, оставльшуся естеству ангельскому при немъ и отъ свѣтоносца сотворися бѣсъ темный и ангелъ всякія нечистоты и беззаконія изобрѣтатель, врагъ Богу и человѣкомъ. Можетъ ли сеи темный ангелъ покаятися, понеже Богъ долготерпѣливъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враж-

1) О свѣтоносцѣ въ Большомъ Катихизисѣ читаемъ только слѣдующее: «Десятый ликъ бяше еосфоросъ. Еосфоросъ гречески, славянски же свѣтоносецъ или денница. Сей отъ Бога отступи впадъ въ гордыню и не сохранивъ своего начальства отпаде ангельскаго достоянія (единовѣрч. изд. М. 1899 г., лл. 147 и 147 об.).

дуетъ?—Благодать Божія никогда во вѣкъ враждуетъ, аще увидитъ кающагося, но понеже сія благодать покаянія единому человѣку токмо дадеся ради Христа воплотившагося, ангелу же не дадеся, сего ради несущей благодати каятися не можетъ. Могъ ли бы воплотитися Отецъ или Духъ Святый?—О семъ выше рекохъ, яко Сынъ сего ради воплотися дабы быти ему и на небесѣхъ и на земли Сыну, Богу же Отцу быти нерожденну, Духу исходящу, но и нынѣ отвѣщаю, что могъ бы воплотитися Отецъ или Духъ Святыи, кто бо воспрепятствовалъ бы Божію хотѣнію всемогущему однако не воплотися. Куды душа Христова поиде (по смерти)?—Во адъ разрѣшити область сатаны, избавити души плененныя Адама и протчихъ явити Божества своего силу. А изъ ада куды пошла?—Въ рай и плѣнъ побѣдителныи съ собою приведе, тогда и разбоинича душа вниде въ рай. А изъ рая куды пошла душа Христова?—Возвратися въ тѣло, тогда и воскресе Христосъ. Гдѣ убо до вознесенія пребываше?—Иногда въ раи утѣшаше искупленныхъ, иногда являшеся ученикомъ и учаше ихъ. Какое дѣйство въ насъ хлѣба, въ тѣло Христово пресуществленнаго и вина въ кровь Христову пресуществленнаго?—Соединяемыя съ Богомъ яко огнь съ желѣзомъ и единотѣлесныи и единокровныи Христу дѣлаемся, по глаголу Христову евангельскому: ядый мою плоть и піяй мою кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ и по апостолу: вы есте тѣло Христово и уды отчасти. Бросаются въ глаза вопросы: Долго ли воплощалось предвѣчное слово?—Въ мгновеніи ока. Долго ли Богородица Христа во утробѣ своей носила?—Девять месецовъ. Что Христосъ на земли человѣчествомъ дѣлалъ?—Пилъ, яде, постилсл, ходилъ, бесѣдовалъ, опочивалъ и спалъ. Что еще по человѣчеству дѣлалъ?—Страдалъ, распинался, умиралъ. Христова плоть пребывающая на небеси стоящая ли іли сѣдящая?—Стоящая, понеже прославленная плоть никакова утружденія не имѣетъ и святый первомученикъ Стефанъ видѣ Іисуса стояща одесную Бога по писанному въ Дѣяніихъ Апостольскихъ. А для чегожъ ѱаломникъ сѣдѣніе Христу приписываетъ глагола

сице: Рече Господь Господеви моему сѣди одесную мене, сѵмволъ же глаголетъ сѣдяща одесную Отца?—Симъ реченіемъ Бога Отца къ Сыну: сѣди одесную мене изъявляетъ ѱаломникъ равночестна и единосущна Сына по Божеству Отцу и Святому Духу. Сѵмволъ же исповѣдуетъ по человѣчеству получивша болшую у Бога Отца честь паче всякаго созданія. Вѣра и надежда есть ли на небесѣхъ во избранныхъ и во ангелѣхъ?—Во ангелахъ нѣсть вѣры, ниже надежды отъ котораго бо времени утвердишася въ благодати абіе увѣдѣша сего въ него же надлежитъ вѣровати и надѣятися а яко выну видятъ лице Отца Небеснаго того ради вѣры и надежды не употребляютъ, понеже вѣра и надежда невидимыхъ; во избранныхъ Божіихъ также вѣры и надежды нѣсть на небесѣхъ, яко въ него же вѣроваша видятъ и его же надѣяхуся имѣютъ, едина любы во ангелахъ и во избранныхъ безсмертная пребываетъ. Между именами Богъ и Господь кая разнь?—Такова разнь яко Богъ и Господь имена различныи свойства Божіи представляютъ. Богъ представляетъ всемогущаго создателя вся съ ничесого безъ труда и безъ принужденія за едину благость создавшаго. Господь представляетъ владыку всѣмъ созданіемъ владѣющаго и работно себѣ все созданіе къ предтворенію имущаго и волею вся содержащаго: аще бо содержати не восхощетъ, то въ небытіе паки всѣ привести можетъ по глаголу царствующаго пророка: та погибнутъ ты же пребываеши: ѱаломъ р҃а: сирѣчь небо и земля погибнутъ со всѣмы вѣщами отъ тебе Господа созданными, ежели восхощеши ихъ погубити и по прежнему въ небытіе привести, ты же какъ при нихъ пребываеши, такъ и безъ нихъ безъ умаленія своего и безъ перемѣны пребудеши; надлежитъ также для лутшаго изъясненія именъ Бога и Господа представить чудеса Божія преестественіи напримѣръ: яко Богъ сотворилъ огнь да свѣтитъ и опаляетъ, а яко Господь въ купинѣ огненной и въ пещи тріехъ отроковъ здѣлалъ перемѣну дабы огнь не опалилъ, но паче прохлаждалъ, тако и о протчихъ разсуждать и признавать, что яко Богъ вся творитъ, а яко Господь вся претворяетъ якоже

хощетъ. Разбойнику была ли епитимія? — Была. Какая? — Голени на крестѣ переломлени и распятъ бысть на крестѣ [1]).

Далѣе, кромѣ вопросовъ, относящихся къ иконографіи ѵпостасей Святыя Троицы, Спасителя и Божіей Матери, т. е. о томъ, что значатъ ὁ ὢν на вѣнцѣ Спасителя и три звѣзды на челѣ и на обоихъ раменахъ Богородицы, Арсеній Мацѣевичъ далъ мѣсто въ своемъ катихизисѣ вопросамъ каноническимъ, относящимся къ совершенію таинствъ, знакомство съ которыми особенно необходимо священнослужителямъ. Вотъ эти вопросы: Какова есть матерія таины крещенія?—Вода чистая простая и ничемъ непритворная. Аще убо такой случай приключится (т. е. если младенецъ будетъ окрещенъ міряниномъ), подобаетъ ли священнику паки крестити или молитвы и обряды до крещенія надлежащіи совершати?—Никако: но токмо долженъ миромъ святымъ помазать. Можетъ ли сія тайна повторятися?—Никакоже, понеже сей характеръ на души несмазанный бываетъ. Можно ли окрестить въ одной купели не единаго младенца?—Можно, якоже отъ житія святыхъ, а наипаче отъ житія святаго мученика Севастіана декабря 18 въ минеѣ четье является. Что есть требѣ хранити въ тайнѣ мѵропомазанія?—Дабы мѵро не было поврежденно въ своемъ благоуханіи, котораго мѵра не можетъ простъ священникъ освятити кромѣ архіерея, долженъ же всякъ священникъ имѣти. Православніи христіане, отступлше отъ своея вѣры, приступльше же ко турецкой или жидовской, а поживши у нихъ, аще паки къ православію обратятся, что съ ними творить, надобно ли паки крестить или ненадобно?—Крестить ненадобно: токмо миромъ помазать и воспріять отъ нихъ отрицаніе. Какова цвѣту подобаетъ быти вино (въ таинствѣ евхаристіи)? Рекохъ, яко подобаетъ быти вино естественное виноградное, а непритворное, а о цвѣтѣ хотя Россійская Церковь приняла обычай совершати тайны на красномъ, обаче православная церковь пра-

1) Приведенныхъ вопросовъ нѣтъ ни въ Большомъ Катихизисѣ (единовѣрч. изд. 1899 г.), ни въ Маломъ Катихизисѣ (единовѣрч. изд. 1877 г.).

вильно совершаетъ сію тайну и на бѣломъ, яко то въ Греціи и въ другихъ православныхъ мѣстѣхъ. Что есть требѣ хранити въ сей тайнѣ?—Три вещи: а҃. да будетъ священникъ правильно посвященный; в҃. да будетъ жертвенникъ сирѣчь престолъ отъ архіерея освященный или антиминсъ; г҃. да иматъ священникъ всю несумнѣнную вѣру что сꙋщество хлѣба и вино претворяется въ существо тѣла и крове Господа нашего Іисуса Христа дѣйствіемъ Святаго Духа. Доколѣ сія тайна тайною?—Донелѣже видъ не испортится сея тайны, сирѣчь хлѣба и вина. Колико разъ подобаетъ православному христіанину въ годъ причащатися?—Церковь Святая узаконила во вся четыре поста, обаче неграмотнымъ и труждающимся своима рукама подъ смертнымъ грѣхомъ повелѣ причащатися единожды въ годъ около Святыя Пасхи. Колико степеней священства?—Седмь: а҃. вратаръ, в҃. чтецъ и пѣвецъ, г҃. заклинатель, д҃. свѣщеносецъ, є҃. иподіаконъ, ѕ҃. діаконъ, з҃. священникъ. Какову подобаетъ быти священнику? а҃. да иматъ лѣта правилная; в҃. да не будетъ двоеженецъ или вдову поемшій; г҃. да иматъ разумъ довольный и вѣжество и мудрость къ строенію божественныхъ тайнъ и къ наученію людей; д҃. да будетъ образомъ дѣлъ добрыхъ и богоугодныхъ; є҃. да не будетъ отъ явнаго блуда рожденъ; ѕ҃. да не будетъ осквернена грѣхами мерскими, а наипаче человѣкоубійствомъ; з҃. да иматъ вся уды цѣлы, яже суть нужды на сіе дѣло. Коего пола долженствуетъ быть священникъ?—Человѣкъ состоянія добраго мужска пола. Когда священникъ во грѣсѣ смертномъ служитъ, бываетъ ли тайна тайною?—Бываетъ, понеже отъ Христа тайна начало имѣетъ, токмо священнику яко во грѣсѣ сущу никакой благодати не приноситъ: ядый бо и піяй недостойнѣ судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня: апостолъ глаголетъ. Что долженствуетъ хранити священникъ въ строеніи таины покаянія?—Седмь послѣдующія: а҃. кто, в҃. что, г҃. гдѣ, д҃. коею помощію, є҃. чего ради, ѕ҃. како, з҃. когда, сирѣчь кто касается: человѣкъ христіанинъ православный, старъ, младъ, женатый, дѣвственникъ, разумный, что сотвори: сирѣчь согрѣши

преступи заповѣдь Божію, въ семъ и въ семъ, гдѣ: сирѣчь на какомъ мѣстѣ втаинѣ или явѣ, въ церкви или въ домѣ, коею помощію: сирѣчь совѣтомъ, повелѣніемъ, понужденіемъ, примѣромъ. Чего ради: естество ли сего требоваше, нужда ли и прочая, како: сирѣчь да изъявитъ окресности коего либо грѣха. Когда сирѣчь, въ кое время: во гладѣ, нуждѣ, немощи, довольствіи, въ богатствѣ и прочая: сіе разсуждая таковые и епитиміи налагати. Явно согрѣшающихъ подобаетъ ли причащати?—Не подобаетъ: донележе явно согрѣшающіи явно не покаяются, аще же согрѣшенія при истинномъ покаяніи объявятъ священнику, то въ томъ оставляется на воли священнической. Колико частей заключаетъ въ себѣ покаяніе?—Три: а҃. болѣзнь о грѣсѣхъ, в҃. устное исповѣданіе, г҃. удовлетвореніе, сирѣчь опредѣленная отъ духовника епитимія. Что требѣ хранити въ таинѣ брака?—Хотяй внити въ тайну супружества, вопервыхъ, да сохранитъ благочинные дѣла сія: а҃. постъ нѣсколько времени предъ супружествомъ, в҃. исповѣдь и причащеніе святымъ таинамъ, г҃. очищеніе отъ вещи бракъ препятствующей, д҃. да сохранитъ обое вѣру, честь, чистоту, е҃. да не будетъ сопряженный свойствомъ, сродствомъ, кумовствомъ, да будетъ правовѣрніи свободніи и прочая по правиламъ. Что требѣ хранити въ таинѣ елеосвященія?—Служители таины сея да будутъ по чину церковному сирѣчь седмь священниковъ, по крайнѣй же нуждѣ два единъ же аще и можетъ, однако не приличествуетъ, понеже единому тоя таины оканчавать держа надъ главою болнаго евангеліе нельзя по силѣ молитвы тогда чтомыя; в҃ да будетъ немощный прежде исповѣдающійся грѣховъ своихъ и посемъ да приметъ таину сію. Когда сія таина преподается?—Рекохъ яко немощнымъ токмо и яко никому не преподается кромѣ болныхъ, въ Великой же четвертокъ токмо могутъ принимать оную здравіи или въ субботу Великую по обычаю затвержденному церковному и не по писанному преданію. Чего ради въ Великій четвертокъ преподается сія таина здравымъ?—Понеже въ Великій четвертокъ на вечери Христосъ устави завѣтъ новый тѣла и крове своея, того ради и

сея таины ненеприлично есть причаститися хотя и здравому человѣку не вѣдущу дне и часа [1]).

Въ четвертой части Катихизиса излагается ученіе о добродѣтели, дается понятіе о грѣхѣ вообще, грѣхѣ прародительскомъ, грѣхахъ смертныхъ и произвольномъ, исчисляются грѣхи смертные и грѣхи противъ Духа Святаго [2]), а равно и тѣ добродѣтели, которыми побѣждаются грѣхи.

Наконецъ, нѣсколько словъ объ изложеніи Катихизиса. Въ первой части его чувствуется недостатокъ систематичности въ изложеніи, отчего происходитъ то, что объ одномъ и томъ же предметѣ рѣчь идетъ въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ, о воплощеніи Сына Божія, и нерѣдко между вопросами нѣтъ внутренней тѣсной связи, напримѣръ, за вопросами о свойствахъ церкви слѣдуетъ вопросъ объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ, отъ вопросовъ объ иконографическомъ изображеніи vпостасей Святыя Троицы непосредственный переходъ къ вопросу о вѣрѣ въ церковь, за вопросами о Священномъ Писаніи слѣдуетъ вопросъ: «Изъ чего церковь?» Отвѣты на вопросы изложены ясно, большею частью кратко и, что особенно характерно и составляетъ достоинство изложенія, за исключеніемъ двухъ-трехъ, не заключаютъ въ себѣ текстовъ.

А. Никольскій.

---

1) Приведенныхъ вопросовъ каноническаго характера нѣтъ въ Большомъ Катихизисѣ, въ Маломъ Катихизисѣ читаемъ: Что имать соблюдено быти въ той таинѣ?—Вѣдаютъ о семъ священники, дѣйствующія въ таинахъ, якоже ихъ научаютъ церковнія потребники (Малый Катихизисъ, М. 1877 г., 30 л.).

2) Исчисленіе грѣховъ нѣсколько отлично отъ перечня ихъ въ Маломъ Катихизисѣ (единовѣрч. изд. М. 1877 г.).

О дебитивѣ.

Форма, извѣстная въ латышской грамматикѣ подъ названіемъ дебитива, образуется при помощи приставки jā- и является, повидимому, за исключеніемъ jàbût, всегда въ третьемъ лицѣ настоящаго времени: man jàpl'aũj sèns[1]), я долженъ скосить сѣно, man bija sȅns jàppl'aũj, я долженъ былъ скосить сѣно, man bûs sèns jàpl'aũj, я долженъ буду скосить сѣно, man bûtu sèns jàpl'aũj, я долженъ былъ бы скосить сѣно. Какъ изъ приведенныхъ примѣровъ видно, дѣйствующее лицо, т. е. такъ называемое логическое подлежащее, ставится въ дательномъ падежѣ, а то, что слѣдуетъ кому нибудь сдѣлать, обыкновенно въ именительномъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ винительномъ падежѣ: man jàpl'aũj sȅnu наравнѣ съ sèns.

Происхожденіе латышскаго дебитива до сихъ поръ еще не выяснено вполнѣ. По мнѣнію Биленштейна (Lett. Sprache II, 167) форма дебитива не имѣетъ ничего общаго съ третьимъ лицомъ, но представляетъ собою чистую основу настоящаго вре-

1) Такъ какъ въ этой статьѣ большинство примѣровъ заимствовано изъ лифляндскихъ говоровъ, въ которыхъ встрѣчается троякая долгота, поэтому я провелъ эту долготу по всѣмъ примѣрамъ, руководствуясь при обозначеніи долготы статьи П. Шмидта (Троякая долгота въ латышскомъ языкѣ. Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. LXVII); ˜=длительная, ˋ=нисходящая, ˆ=прерывистая долгота, ¯=долгота вообще.

мени. Эндзелинъ (R. K.[1]) XIII, 2) справедливо опровергаетъ это совсѣмъ неудачное толкованіе Биленштейна и старается, съ своей стороны, пролить свѣтъ на темный вопросъ о латышскомъ дебитивѣ. Исходною точкою объясненія для Эндзелина служитъ дебитивъ jàbût. Какъ bût въ дебитивѣ jàbût несомнѣнное неопредѣленное наклоненіе, такъ и у всѣхъ глаголовъ настоящею формою дебитива раньше служило неопредѣленное наклоненіе. Какъ въ литовскомъ и славянскихъ языкахъ, такъ и въ латышскомъ (ср. Deldrück Vergl. Syntax II, 461) неопредѣленное наклоненіе съ дѣйствующимъ лицомъ въ дательномъ падежѣ обозначаетъ и возможность и долженствованіе, напр. kû, māmiņa, man darît? что, маменька, мнѣ дѣлать; šûdên bij tev gulêt BV 1580 наравнѣ съ jàgul, сегодня ты долженъ былъ спать. Не приставка jā-, но сочетаніе самаго глагола съ дѣйствующимъ лицомъ въ дательномъ пад. обозначаетъ долженствованіе; поэтому нельзя считать приставку jā—за необходимый составъ дебитива (ср. рядомъ съ tam jàbût болѣе старинную форму tam bût, тому быть), но эта приставка первоначально имѣла лишь усилительное значеніе. Приставка jā—заимствована отъ нѣмецкаго языка, въ которомъ частица jā (ja, jō), стоя непосредственно передъ глаголомъ, служитъ усиленіемъ подтвержденія. Эта заимствованная усилительная частица jā, которая, какъ и въ нѣмецкомъ языкѣ, первоначально присоединялась не только къ неопредѣленному наклоненію, но и къ другимъ формамъ глагола, срослась съ теченіемъ времени съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ въ одно слово, вслѣдствіе чего легко можно было забыть первоначальное значеніе сложнаго дебитива, и сознанію говорящихъ начало казаться, что долженствованіе обозначаетъ не форма глагола, а частица jā-. Но какъ только развилось такое сознаніе, то при глаголахъ не-

---

1) B. V.=Latvju dainas, Barûna un Visendorfa izdûtas.
Ltd. =Latvēšu taùtas dzêsmas drukā dûtas nû latv. draùgu bēdrības.
L. P.=Latv. taùtas pasakas sarakstījis Anss Lerchis-Puškaitis.
R. K.=Rīgas Latv. Bēdr. Zinibu Komisijas Rakstu kràjums.

тематическаго спряженія, неопредѣленное наклоненіе которыхъ совпадаетъ съ формою III лица, могли иногда форму дебитива (напр. ȇt въ jàȇt) принимать за III лицо. По аналогіи глаголовъ нетематическаго спряженія и въ тематическомъ спряженіи, въ которомъ III лицо формою отличается отъ неопредѣленнаго наклоненія, укоренилось впослѣдствіи въ дебитивѣ III лицо вмѣсто неопредѣленнаго наклоненія.

Вотъ, вкратцѣ изложенное толкованіе Эндзелина о латышскомъ дебитивѣ. Согласиться съ нимъ по многимъ причинамъ я не могу. Во-первыхъ, предположенная Эндзелиномъ замѣна неопредѣленнаго наклоненія III лицомъ въ дебитивѣ основана на цѣломъ рядѣ недоразумѣній языка, и поэтому мнѣ кажется не очень убѣдительной. Во-вторыхъ, больше еще лишено вѣроятности на нашъ взглядъ предположеніе о заимствованіи приставки jā- въ столь употребительной глагольной формѣ. Хотя заимствованіе играетъ въ языкахъ весьма важную роль, но оно обыкновенно ограничивается отдѣльными словами, конструкціями, словорасположеніемъ; но чтобы заимствованіе играло рѣшающее значеніе при образованіи новыхъ глагольныхъ формъ, для подтвержденія такого мнѣнія, по крайней мѣрѣ въ латышскомъ языкѣ, я не нахожу ни одного аналогичнаго случая. Сверхъ того, не въ пользу заимствованія говоритъ и слогоудареніе на приставкѣ jā-, такъ какъ въ заимствованныхъ словахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ длительную долготу, между тѣмъ какъ приставка jā- въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ говорѣ которыхъ встрѣчается трoякая долгота, напр. въ Вольмарѣ, Смилтенѣ, Альтъ-Пебалгѣ, имѣетъ нисходящую долготу, прерывистую же въ Курляндіи, гдѣ двоякое слогоудареніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Барбернѣ, длительную. Рядомъ съ приставкою jā- встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лифляндіи ju-; форма ju- по мнѣнію Эндзелина произошла изъ заимствованнаго нѣмецкаго jō; но почему ju имѣетъ короткое u, ja же долгое a, этого Эндзелинъ не объясняетъ. Не меньшимъ же препятствіемъ толкованія Эндзелина слѣдуетъ, въ-третьихъ, признать именительный падежъ при дебитивахъ: jàȇd

maîze. Ссылаясь на Дельбрюка (Vergl. Synt. II, 461), Эндзелинъ утверждаетъ, что при употребленіи неопредѣленнаго наклоненія въ качествѣ сказуемаго дополненіе могло искони ставиться въ именительномъ падежѣ. Однакожъ при неопредѣленномъ наклоненіи, изъ котораго по мнѣнію Эндзелина произошелъ дебитивъ, мы въ латышскомъ языкѣ всегда встрѣчаемъ дополненіе въ винительномъ, а никогда не въ именительномъ падежѣ; kũ, māmiṅa, man darît? B. V. 87. Gudram tàutu déliṅam nũṅemt manu vâinadziṅu B. V. 5524, 2, разумному жениху снять мой вѣнокъ. Pazĩt man brāl̃a māsu, 1 вар. Var pazĩt, B. V. 6259, 3, 4, 6, узнать мнѣ сестру братьевъ, 2 вар. pazĩt bija brāl̃u māsu, я долженъ былъ узнать сестру братьевъ. Въ-четвертыхъ Эндзелинъ при своемъ объясненіи обращаетъ слишкомъ мало вниманія на двоякій способъ употребленія разсматриваемой ja- и ju- формы. Сколько я вижу, то рѣшительно нѣтъ никакой возможности объяснить съ точки зрѣнія Эндзелина существующее въ Саусенѣ и Фетельнѣ различіе между man naû jàbraûc, я не долженъ ѣхать, и man naû jubràuc, мнѣ не на чемъ ѣхать, т. е. у меня нѣтъ ни лошади, ни телѣги. Ср. Kauliṅ BB. XIV, 124. Сверхъ того, надо замѣтить, что объ усиленіи выраженія при дебитивѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ неопредѣленное наклоненіе безъ приставки jā- гораздо сильнѣе высказываетъ повелѣваніе, чѣмъ дебитивъ съ мнимою усилительною приставкою jā-, напр. tev nebûs melũt, не лги, ты не долженъ лгать, tev nebûs jàmelũ, тебѣ не надо будетъ лгать. Поэтому мы должны отклонить толкованіе Эндзелина и отыскать другое, болѣе удовлетворительное объясненіе. Свое объясненіе начнемъ съ двоякаго способа употребленія дебитива.

Въ Саусенѣ и Фетельнѣ употребляется дебитивъ съ приставкою jā-, какъ и въ обще-латышскомъ языкѣ, для выраженія долженствованія, напр. man naû jàbraûc, я не долженъ ѣхать, форма же съ приставкою ju- обозначаетъ средство, при помощи котораго приводится въ исполненіе дѣйствіе, выраженное глаголомъ, или цѣль, которую преслѣдуетъ извѣстное средство: man

naŭ jubraŭc, мнѣ не на чемъ ѣхать, т. е. у меня нѣтъ ни лошади, ни телѣги; brālam naŭ zirgā juecē, у брата нѣтъ лошади, чтобы боронить, ènas ûdeni jumazgājâs, принеси воды для мытья, paņam kač pavadu zirgu jusapin, возьми хоть поводъ, чтобы имъ запутать лошадь. Kauliń BB. XIV, 124; Bûtu muims bijs pulvers jušaūn BB. XIV, 132, если бы у насъ былъ порохъ, чѣмъ стрѣлять. Devu savu kumeliņu rūžu dàrzu juecē, я далъ своего коня, чтобы боронить розовый садъ. Bāliņš pirk(a) tev zelta zê-dus arājiņu jupuškī; братецъ купилъ тебѣ золотые цвѣты, чтобы украсить пахаря. Bāliņ, dûd man kumeliņu simtu jûdžu junū-braŭc, братецъ, дай мнѣ коня, чтобы проѣхать съ нимъ сто верстъ. Bielenstein Mag. der lett. lit. Gesellsch. XVII, 103—105. Slìkûns justûs laimīgs, ja tam bûtu ij bàrdas nęzs juipêskeres[1]) BB. XIV, 136, утопающій чувствовалъ бы себя счастливымъ, если бы у него была бы хоть бритва, чтобы ухватиться за нее. 2) Приставкою jā- обозначается мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе, выраженное глаголомъ: Es vedīš tev zīda šnūres vilnânītes jukaltē, Mag. XVII, 103, я привезу тебѣ шелковыхъ веревочекъ, чтобы сушить накидки, собственно: на которыхъ сушатъ накидки; maŭ telīšu jupagan, Mag. XVII, 105, негдѣ телятъ пасти. Naŭ rūmes juiplêšas, нѣтъ мѣста для возни. BB. XIV, 140. 3) Приставка ju- имѣетъ функцію винительнаго пад. мѣстоименія относительнаго: man naŭ juêd Mag. XVII, 101 = man naŭ kū êst, мнѣ нечего ѣсть, собственно: у меня нѣтъ (того), что ѣдятъ. Man nevaid jâunajaî (gredzentiņa), ne uz pirkstu juuzmaŭc (104), у меня, младшей (сестры) нѣтъ (перстня), чтобы надѣть, собств. что надѣваютъ на палецъ. Nebûs tavaî līgaviņaî (puku) vâinad-ziņam junūplûc (104), у твоей невѣсты не будетъ цвѣтовъ, чтобы сорвать для вѣнка.

Форма съ приставкою ju- въ изложенномъ употребленіи встрѣчается не только въ Саусенѣ и Фетельнѣ, но и въ Линденѣ

---

1) Въ Саусенѣ и Фетельнѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи, образуется ui изъ u при e и i въ слѣдующемъ слогѣ.

(R. K. XIII, 3) и Эрлаѣ: Tû (gradzeniúu) nedûšu junûmaìc (B. V. 6228, 4 Эрлая), его (перстня) я не дамъ снять. Въ большинствѣ мѣстностей вмѣсто приставки ju- въ разсмотрѣнной функціи встрѣчается jā-. Только что упомянутый стихъ народной пѣсни гласитъ въ Альтѣ-Пебальгѣ, Праулeнѣ, Фридрихсвальдѣ, Мезеланѣ, Зесвегенѣ, Берзонѣ, Одензе, Лоденгофѣ, Лубанѣ: tû (или tå) nedůšu (или nedevu) jànûmaìc, въ Лаздонѣ: tũ nedůšu jànûvaìk B. V. 6228. Devu savu kumelīnu rûžu dàrzu jàecē B. V. 3523, 9 въ Петерскапелѣ, Цирстенѣ, въ Марценѣ, такъ и въ Вольмарѣ Ltd 246. Lâi stāv (nâuda) krustmêitaì r̃aibu gûvi jànûpeìk B. V. 1849 (Либіенъ), пусть (деньги) хранятся для крестной дочери, чтобы купить пеструю корову. Lâi stāv mana mìksta rûka jàdůt taùtu dêlińam, пусть будутъ мои руки холеными, чтобы отдать ихъ суженому. Lâi palêk galûtnīte putnįnēm jàuzmetas, пусть останется верхушка, чтобы было гдѣ птицамъ присѣсть B. V. 2765, 2 (Альтъ-Пебальгъ). Kas man deve zeìta šķēres mežam galus jàlīdzina? B. V. 8515 (Альтъ-Пебалгъ, Фестенъ)? Кто далъ бы мнѣ золотыя ножницы, чтобы сравнять верхушки деревьевъ? Es nedewu nevênam jàbraùc savas kamanińas B. V. 6544 (Фестенъ), 9702 (Голдингенъ), я никому не давалъ своихъ саней для ѣзды. Ês mêitińa gûvu slaùkt dûs kipīti jàizlaìza B. V. 1172 (Марценъ), дѣвушка пойдетъ доить коровъ и дастъ тебѣ молоко изъ ковшика вылизать. Puīss uzkâpa kumeļã, jànes savu âugumīnu Ltd 284, B. V. 6585 (Вольмаръ), парень сѣлъ на коня, чтобы онъ несъ его (фигуру). Labâk savu vâinadzīnu pè akmińa sadaũzįju, nekâ devu janesã baŗgajām māsīcēm Ltd 2858 (Вольмаръ), лучше я разбила бы свой вѣнокъ о камень, чѣмъ дать его носить строгой золовкѣ; ср. B. V. 10126.

Приведенные примѣры принадлежатъ почти всѣ волостямъ Венденскаго, Вольмарскаго и Рижскаго уѣздовъ. Изъ этого можно было бы вывести заключеніе, что разсмотрѣнный способъ употребленія ju- и jā- формы, которыя по своей функціи не заслуживаютъ названіе дебитива, ограничивается Лифляндіей. Но что и Курляндскимъ латышамъ этотъ способъ употребленія jā- формы

не чуждъ, это видно изъ сочиненій Фюрекера, пастора Курляндскаго, въ которыхъ по указанію А. Березина (Austrums XV, 338) встрѣчается man jàêd въ значеніи: у меня есть, что ѣсть, и изъ B. V. 9702. Въ такомъ же значеніи употребляется jā- форма въ сочиненіяхъ Глюка и Манцелія: Tanny Laikà, kad turr dauds Laudis by un teems nhe by ja- āhd, и имъ нечего было ѣсть Mark. 8, 1; teem nhe gir nheneeka ja- āhd 8, 2 (Postille II, 123).

Man jàêd въ значеніи настоящаго дебитива «я долженъ ѣсть», т. е. съ обозначеніемъ долженствованія, употребляется вездѣ, и въ Курляндіи, и въ Лифляндіи, и въ Витебской губерніи. Приставка jā- имѣетъ ō вмѣсто ā въ тѣхъ верхнелатышскихъ говорахъ, гдѣ вообще ā переходитъ въ ō, напр., jōâd, надо ѣсть (Кропенгофъ), ōa же встрѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ вмѣсто книжнаго ā является ōa, напр. въ Звидзенѣ, и наконецъ ū въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ū замѣняетъ книжное ā, напр. jūker, надо поймать (Летинъ); краткое же а въ приставкѣ ja- я слышалъ въ Дондангенѣ, Попенѣ и Анценѣ: japĭaūj, надо косить.

Разсматриваемыя формы приставки jā-, ja-, ju- чрезвычайно сходятся съ діалектическими формами условнаго союза ja (если) и союза причины jū̀ (ибо) jū̀—jū̀ (чѣмъ—тѣмъ). Вмѣсто книжнаго ja (если) я слышалъ jā, съ долгимъ а, въ Тирзенѣ, Гольговскѣ, Альтъ-Пебальгѣ[1]), Ней-Сакенгофѣ, Руцавѣ, Оберъ-Бартавѣ; такъ же и въ Смильтенѣ по Беценбергеру (Dial.-Stud. 43); ju же вмѣсто ja (если) употребляется въ Ней-Шваненбургѣ, Стомерзе, Летинѣ: ju nadûsi tàs mêitiṅas, ta nûmiršu bêdiṅâs, если ты не отдашь за меня этой дѣвушки, то я умру съ горя (Ней-

1) Свойство долготы какъ въ окончаніяхъ, такъ и въ односложныхъ словахъ трудно разслышать, по крайней мѣрѣ для моего слуха. Союзъ jā̃ (если) съ длительной долготой я нахожу въ своихъ діалектическихъ записяхъ изъ Ней-Сакенгофа, Альтъ-Пебальга, Оберъ-Бартавы; но по любезному письменному сообщенію проф. П. Шмидта союзъ jā́ въ Смильтенѣ имѣетъ нисходящее слогоудареніе, какъ и приставка jā- въ дебитивѣ тамъ же, такъ что я теперь сомнѣваюсь въ правильности своихъ записей.

Шваненбургъ); jù[1]) вмѣсто и рядомъ съ ja (если) въ Бушгофѣ: jù tu tù nedareīsi, tad boũs slikti, если ты этого не сдѣлаешь, то плохо будетъ. Какъ jù (=jũ) здѣсь смѣшивается съ ja, такъ тамъ же наоборотъ употребляется ja вмѣсто jù = jũ; напр. jù pliks, jù trõks; ja saĩ, ja skrìn; чѣмъ бѣднѣй, тѣмъ расточительнѣй, чѣмъ сильнѣе морозъ, тѣмъ скорѣе бѣжишь; при повтореніи той же пословицы: ja pliks, jù troks, ja saĩ, ja skrìn; изъ устъ другой старой женщины: ja pliks, jù troks; jù saĩ, jù skrìn, такъ же и въ Ней-Шваненбургѣ: ja groùši stràdāj, ja gaŕži âd, чѣмъ больше работаешь, тѣмъ лучше аппетитъ, но тамъ же jù (рядомъ съ jũ) vińam ir, jù (jũ) vairâk vińam vajag, чѣмъ богаче, тѣмъ требовательнѣй, jò (=книжн. jà) àtri steĩdz, jò okliş dzamst; съ краткимъ u въ Летинѣ: ju àtri steìdz, ju oklis dzaìnst; но тамъ же: jũ àtri steĩdz, jũ oklis dzaìnst, чѣмъ больше торопишься, тѣмъ меньше проку въ твоей работѣ. Это летинское jũ не слѣдуетъ сопоставлять съ книжнымъ jũ, но съ jā, такъ какъ въ Летинѣ книжному ů соотвѣтствуетъ ū, а ů книжному ā.

Такое же смѣшеніе союзовъ ja, jā и jũ (jù) и такое же сокращеніе союза jù въ ju наблюдается и въ Витебской губерніи, какъ это видно изъ народныхъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Барона и Виссендорфа: 8486, 2 ju вм. jũ, вар. 3 jo вм. jũ. Это сопоставленіе разныхъ діалектическихъ формъ проливаетъ столь яркій свѣтъ на нихъ, что происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ становится совершенно яснымъ. Такъ бушгофская форма jù въ значеніи книжнолатышскаго ja (если) и jù—jù въ значеніи чѣмъ—тѣмъ доказываетъ ясно, что ней-шваненбургскій, стомерзейскій и летинскій условный союзъ ju (если), и летинскіе сравнительные союзы ju—ju (чѣмъ—тѣмъ) сокращены изъ jù. Такъ какъ въ верхнелатышскомъ языкѣ ū соотвѣтствуетъ среднелатышскому и тамскому ů, то jù и ju оказывается такимъ же несомнѣннымъ творительнымъ падежомъ ед. ч. отъ мѣстоименной основы ja-, какъ и среднелатышское jũ = лит. jũ.

---

1) Въ Бушгофѣ ū = книжн. ů.

Вопросъ остается только открытымъ, чѣмъ обусловлено такое сокращеніе jû, jù въ ju. Зубатымъ (Die sogenannten Flickvokale 13) правильно отмѣчено, что частицы и нарѣчія подвергаются больше, чѣмъ другія слова, сокращеніямъ, напр. re, вотъ, изъ redzi, li, до, изъ lîdz, въ Стенденѣ lidz, pec, послѣ, изъ pêc (Каздангенъ), pe вм. pê въ Липстгузенѣ, Кандавѣ, Оксельнѣ; ka вм. kâ, какъ, въ Апценѣ, Эрваленѣ, Падернѣ; ra въ Кандавѣ, ru въ Ремерсгофѣ, rau, вотъ, вм. raûgi, luk, вотъ, вм. lûkû, lûkâ въ Лифляндіи; ven вм. vên (только) въ Шеденѣ, Стенденѣ, Пуненѣ, Шлекъ-Стенденѣ, Каргаденѣ; vin вм. vên, vîn въ Ней-Шваненбургѣ, Летинѣ, Звидзенѣ, Бушгофѣ; ju вм. jaû, уже, въ Газавѣ, Дондангенѣ, Ангермюнде. Поучителенъ въ отношеніи сокращенія энклитическихъ словъ дат. пад. ед. ч. отъ мѣстоименія tâ: въ энклитическомъ употребленіи этотъ дат. пад. имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверозападной Курляндіи te, въ значеніи же указательнаго мѣстоименія têi (tâi), напр. въ Кандавѣ: te mêite, дѣвушкѣ, dem Mädchen, но têi mêite, этой дѣвушкѣ, diesem Mädchen.

Въ сложныхъ обстоятельственныхъ словахъ наблюдается во всѣхъ трехъ латышскихъ говорахъ нерѣдко сокращеніе первой (иногда и второй части) сложнаго слова, по всей вѣроятности по той причинѣ, что части сложнаго слова энклитически присоединяются другъ къ другу; напр. vinpadsmit, одиннадцать, въ Тирзенѣ, Бушгофѣ, dimžēl, вм. dêmzēl, dêvamžēl, къ сожалѣнію, въ Дондангенѣ L. P. VII, 944, šudęn въ Апценѣ, Ангермюнде, Попенѣ, šudin изъ šûdên, sùdîn въ Ней- и Альтъ-Шваненбургѣ, Летинѣ, Звидзенѣ, Бушгофѣ, въ Рѣжицѣ (B. V. 13646, 5; 14642, 1); kumet, когда, изъ kûmet = лит. kûmet, въ Руцавѣ; Bezzenberger Mag. XVIII, 130, ср. kûemeš въ Саусенѣ и Фетельнѣ, Kaulin BB. XIV, 119, изъ kûemet вслѣдствіе перехода въ категорію нарѣчій на -i, какъ greîži вм. greîzi, reši вм. reti. Ср. Изв. Отд. Русск. яз. IX, 3, 261.

Указанныя сокращенія, въ особенности сокращенія jû, jù въ ju, šûdên въ šudęn, šudin, kûmet въ kumet, съ одной стороны,

и изложенное синтаксическое употребленіе глагольной формы съ приставкой ju-, съ другой стороны, невольно наводитъ насъ на мысль искать въ этой приставкѣ сокращенное jû-, т. е. творительный пад. ед. ч. отъ мѣстоименія jis. Но сверхъ того jû, также какъ tû, šû, kû по формѣ можетъ быть винительнымъ падежомъ ед. ч. муж. и жен. рода. Такъ какъ въ латышскомъ языкѣ мужескій родъ замѣняетъ собою исчезнувшій средній, то намъ на основаніи изложеннаго становится вполнѣ понятными 1) предложенія, въ которыхъ приставка ju имѣетъ функцію дополненія, напр. man (ir) juêd, у меня есть, что ѣсть, собств. что ѣдятъ, 2) предложенія, въ которыхъ ju является въ значеніи творительнаго падежа относительнаго мѣстоименія: ȅnas ûdeni jumaszgā-jâs, принеси воды для мытья, собств. чѣмъ моются (твор. орудія), naù rũmes juiplêšas, негдѣ возиться, собств. нѣтъ мѣста, гдѣ возятся (твор. мѣста)[1]). Такъ какъ средство имѣетъ въ виду достиженіе цѣли и намѣренія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что приставка ju- служитъ для выраженія цѣли, намѣренія, иногда и слѣдствія, напр. slikûns justûs laĩmīgs, ja tam bûtu ij bàrdas nezs juipêskeres, утопающій былъ бы счастливъ, если у него была бы хоть бритва, гдѣ (ju твор. мѣста) или чтобы ухватиться за нее. Ср. Labâk savu vâinadzĩnu pȅ akmińa sadaũzĩju, nekâ devu jànesā baŕgajām māsĩcēm, гдѣ jànesā по значенію подходитъ къ lâi nesā. Kàzâs bij svêsta ar lâpstām jujem, на свадьбѣ было столько масла, что хоть загребай его лопатами = lâi lâpstām jem.

Предыдущее толкованіе объясняетъ намъ, почему разсматриваемая форма является всегда въ III лицѣ настоящаго времени: man (ir)[2]) jubraùc, man bìja jubraùc, man bûs jubraùc, у меня есть, было, будетъ, на чемъ ѣздить, собств. на чемъ ѣздятъ.

---

1) Относительно твор. мѣста ju изъ jû̀ ср. твор. kû̀ въ значеніи «гдѣ»: lâi tā cũke, kû̀ (варіантъ kur) tā cũka, kû̀ (варіантъ kur) devińi sivenińi B. V. 12911 6, 7; 11251.

2) Третье лицо настоящаго времени глагола bût, такъ называемая связка ir, какъ вообще, такъ и при ju и ja- формѣ въ латышскомъ языкѣ обыкновенно опускается. Сравнительно рѣдки такого рода примѣры, какъ: gulêt ir man jàêt B. V. 6726.

Еще остается вопросъ, что за формы ja и jā. Относительно условнаго союза ja (если) едва ли можно сомнѣваться, что онъ именительный—винительный пад. ед. ч. средн. рода отъ мѣстоименной основы ja- = дринд. jád, греч. ὅ.

Что ja винительный пад. средн. рода, это подтверждается синтаксическимъ употребленіемъ его при причастіи, чередованіемъ его съ винительнымъ kû: Lèc Laĩmiṅa, ja likdama, lèc man vȇnu lȇlu mûžu B. V. 1215 (Тирзенъ), варіантъ: lèc Laĩmiṅa, kû likdama B. V. стр. 879, что бы ты ни опредѣлила Лайма, опредѣли мнѣ продолжительную жизнь. Dûd, dèviṅ, ja dů̂dams, dů̂d da labu arājinu B. V. 9481 (Лубанъ); варіантъ: dûd, dèviṅ, kû dů̂dams, что бы ты ни далъ мнѣ, Боже, дай мнѣ только хорошаго пахаря. Ср. B. V. 4692, 8064, 10150. Если въ Дондангенѣ, Попенѣ, Анценѣ приставка ja въ дебитивѣ не сокращена изъ jā-, то и ее слѣдуетъ признать винительнымъ пад. ед. ч. ср. р. мѣстоименной основы ja-.

Что касается условнаго союза jā (если), то долготу его никоимъ образомъ нельзя, какъ это дѣлаетъ Беценбергеръ (Dialekt-Stud. 68), сопоставить со случаями протяженія подъ вліяніемъ ударенія, какъ напр. āpukšā вм. apukšā. Условный союзъ ja имѣетъ, правда, иногда удареніе въ предложеніи, поэтому можно было бы допустить, что этотъ союзъ обязанъ долготою ударенію. Но сравнительный союзъ jû—jû въ латышскомъ языкѣ никогда не имѣетъ ударенія, поэтому ней-шваненбургская форма этого союза jò и летинская jû (=jà) доказываютъ существованіе первоначальной долготы въ союзѣ jā. Но что это за форма? Какъ союзъ ja есть винительный падежъ ед. ч. средн. рода отъ мѣстоименной основы ja-, такъ jā [ней-шваненбургскій jò, летинскій jû (=jà)] слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, признать винительнымъ падежомъ мн. ч. средн. рода той же основы; ср. лат. si quā, вед. tà. Brugmann Grundr. II, 791.

Съ латышскимъ союзомъ jā (если) совпадаетъ по нашему мнѣнію литовскій jóg (что, потому что, такъ что, Leskien I. F. XIV, 104 слѣд.). Беценбергеръ (Beiträge zur Gesh. d. lit. Spr.

71 Anm.) и Зубатый (I. F. Anz. XVI, 63) принимаютъ jóg за jũg, т. е. за твор. пад. ед. ч. Но, если не ошибаюсь, то jóg съ рядомъ jũg встрѣчается въ одномъ и томъ же говорѣ. Если же такъ, то для литовскаго языка получается подобное чередованіе союза jóg съ jũg, какъ чередуется въ латышскихъ говорахъ ja (jā) съ jũ, jù, ju.

Такимъ же винительнымъ пад. мн. ч. средн. р., какъ союзы jā, jóg, слѣдуетъ на нашъ взглядъ признать и приставку jā- въ дебитивѣ. При такомъ предположеніи становятся вполнѣ понятными и ясными приведенные примѣры, какъ то: man jāêd, у меня есть, что ѣсть, собственно: у меня есть, что ѣдятъ, man bija jāêd, у меня было, что ѣдятъ, man bûs jāêd, у меня будетъ, что ѣдятъ.

Рядомъ съ винительнымъ падежомъ мн. числа (jā) употреблялся первоначально, вѣроятно, и винительный пад. ед. ч. средняго рода ja, который, можетъ быть, сохранился еще до сихъ поръ въ дондангенской, попенской, анценской приставкѣ ja[1]): vaì tev naù kas, *ja dzeŕ (вм. jādzeŕ)? нѣтъ ли у тебя чего нибудь напиться, собств. чего нибудь, что пьютъ.

На основаніи сказаннаго надо заключить, что приставки ju- и jā (ja) отличались между собою тѣмъ, что первая, какъ творительный пад., служила для выраженія средства, цѣли, напр. man naù jubraûc = man naù, *ju (=jũ) braûc, у меня нѣтъ, на чемъ ѣздятъ, вторая же какъ винительный въ значеніи прямого дополненія, напр. man naù jāêd = man naù, *jā êd, у меня нечего ѣсть, собств. у меня нѣтъ (припасовъ), которые ѣдятъ; vaì tev naù kas jādzeŕ? (Альтъ-Пебальгъ), нѣтъ ли у тебя чего нибудь, что пьютъ? = vaì tev naù kas, *jā dzer? Когда же приставки ju-, jā- (ja-) срослись съ третьимъ лицомъ въ одно слово и забылось ихъ первоначальное значеніе, то былъ проложенъ

1) Приставка jā (jāstrādā) встрѣчается также и въ Виргиналенѣ. См. Эндзелинъ В. В. XXIX, 320; въ Ней-Шваненбургѣ я слышалъ изъ устъ старика jōleikstās.

путь къ смѣшенію и обобщенію той и другой приставки, такъ что начали говорить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ man naŭ jābraŭc (вм. jubraŭc), у меня не на чемъ ѣздить. Остатки этого первоначальнаго различія между приставками ju- и jā- сохранились еще до сихъ поръ въ Саусенѣ и Фетельнѣ.

Тоже самое, что формою съ приставкою ju-, jā- выражается 1) неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напр. devu savu kumelińu rûžu dàrzu nûecêt B. V. 3523 (вм. juecē), 2) неопредѣленнымъ наклоненіемъ съ винит.—творительнымъ падежомъ мѣстоименія kas: trešû pāri paturēju, kû ecêti rûžu laûku (вм. rûžu laûku juece), 3) рѣдко и дательнымъ падежомъ отглагольнаго существительнаго на -šana: dûšu savu kumelińu rûžu dàrza acêšan (т. е. ecešani) B. V. 3523, 6.

Rûžu dàrzu juecē сходится съ kû ecêti rûžu laûku, во-первыхъ, въ томъ, что kû такой же винит.-творительный пад., какъ ju изъ jû, во-вторыхъ, что дополненіе въ обоихъ предложеніяхъ ставится въ винительномъ падежѣ, между тѣмъ какъ кажущееся дополненіе при настоящемъ дебитивѣ обыкновенно въ именительномъ: man rûžu dàrzs jāecē, я долженъ боронить розовый садъ, но расходится въ томъ, что въ предложеніяхъ перваго рода (juecē) сказуемое является въ III лицѣ, а въ предложеніяхъ второго рода (kû ecêti) въ неопредѣленномъ наклоненіи. Въ Альтъ-Пебальгѣ прибавляется kû къ jā- формѣ; также и въ этомъ случаѣ ставится сказуемое въ III лицѣ, а не въ неопредѣленномъ наклоненіи: dûd man puḱes, kû krûeni jàpin рядомъ съ dûd man puḱes, kû krûeni pît, dûd man puḱes krûeni jàpin, дай мнѣ цвѣты, чтобы сплести вѣнокъ. Ср. Stērstu Andrēja Latvêšu valûdas mâcība II, 29.

До сихъ поръ мы разсматривали главнымъ образомъ первый, т. е. тотъ способъ употребленія ju-, jā- формы, которымъ обозначается средство, цѣль, слѣдствіе и прямое дополненіе. Теперь обратимся ко второму способу употребленія jā- формы, т. е. къ jā- формѣ въ функціи настоящаго дебитива.

На первый взглядъ, кажется, существуетъ между первымъ

и вторымъ способомъ столь рѣзкое различіе, будто бы ихъ значенія не имѣютъ ничего общаго. Непонятнымъ кажется на первый взглядъ, какъ соединить двоякій смыслъ того же предложенія, какъ то: man jâêd, 1) у меня есть, что ѣсть и 2) я долженъ ѣсть. Однакожъ при болѣе глубокомъ размышленіи дѣло становится понятнымъ и яснымъ. Въ дѣйствительности оба способа употребленія соприкасаются такъ близко, что нерѣдко трудно сказать, съ какимъ способомъ употребленія въ извѣстномъ случаѣ имѣешь дѣло, съ первымъ или со вторымъ. Такъ мы видѣли первый способъ употребленія въ слѣдующихъ стихахъ народныхъ пѣсенъ: lai stâv (nâuda) krustmêitaì raìbu gûvi jānûpeŕk B. V. 1889, пусть (деньги) хранятся для крестной дочери, чтобы купить пеструю корову; kas man deve zeìta šķēres mežam galus jālīdzina? кто далъ бы мнѣ золотыя ножницы, чтобы сравнять верхушки лѣса? Но въ варіантахъ этихъ стиховъ мы имѣемъ передъ собою настоящій дебитивъ: dů̊dēt man vaŕa šķēres; mežam gali jàlīdzina, дайте мнѣ мѣдныя ножницы; (ибо) верхушки лѣса слѣдуетъ сравнять; lâi stāv (nâuda) krustmêitaì; grāmatińa jānûpeŕk, пусть хранятся (деньги) для крестной дочери; (ибо для нея) слѣдуетъ купить книжку. Что въ этихъ примѣрахъ имѣемъ дѣло съ настоящимъ дебитивомъ, это явствуетъ изъ именительныхъ падежей gali, grāmatińa.

Ńem, bālińi, līgaviņu, ńem ľaùdēmi vaīcàdams; pańems kàdu netiklīti, bûs ľaúdēmi jārunā B. V. 12145, выбери, братецъ, невѣсту, выбери (ее), спрашивая (совѣта) людей; если выберешь какую нибудь неряху, то... дальше я затрудняюсь перевести; по ученію латышскихъ грамматикъ мы должны перевести такъ: то люди должны будутъ говорить, т. е. jàruna въ смыслѣ настоящаго дебитива; но связь текста рекомендуетъ видѣть въ jàrunā первый способъ употребленія jā- формы «о чемъ говорятъ»,— jàruna въ смыслѣ valů̊dińas, runâšana (ср. B. V. 6620 ne ľaùdēm runâšana, ne kuńgēm têsâšana, варіантъ: ne ľaùdim jàrunā, ne kuńgēm jàtêsā), и такъ: если ты выберешь неряху, то будетъ для людей, о чемъ говорить, т. е. будетъ предметъ сплетенъ. Но

какъ можетъ man ir jàrunā значить 1) у меня есть, о чемъ говорить, у меня есть предметъ разговора, 2) я долженъ говорить? Vai tev kas jàêd? 1) есть ли у тебя что поѣсть, т. е. есть ли у тебя пища, 2) долженъ ли ты ѣсть? Однимъ словомъ, какъ одно и то же предложеніе выражаетъ и имѣніе, обладаніе, и долженствованіе?

Изъ предыдущихъ указаній видно, что такія предложенія, какъ: vai tev kas jàêd?—состоятъ по своему происхожденію изъ двухъ предложеній, изъ главнаго: vai tev kas (ir) — и изъ придаточнаго jàêd = *jā êd, есть ли у тебя что нибудь, что ѣдятъ. Какъ въ другихъ родственныхъ языкахъ, напр. при греч. εἶναι, латинскомъ esse, такъ и при латышскомъ bût ставится то, что у кого есть, т. е. подлежащее въ именительномъ падежѣ, а тотъ, у кого что есть, въ дательномъ (dativus possessivus): man ir maize jàêd = man ir maizę, *jā êd, у меня есть хлѣбъ для ѣды, собств. что ѣдятъ. Такимъ образомъ глаголъ съ приставкою jā — по своему происхожденію представляетъ придаточное опредѣлительное предложеніе въ томъ случаѣ, если въ главномъ предложеніи есть подлежащее; если же въ главномъ предложеніи подлежащаго нѣтъ, то jā- форма, т. е. дебитивъ, замѣняетъ собою подлежащее главнаго предложенія: man ir jàêd = man ir, *jā êd, у меня есть, что ѣдятъ, т. е. у меня есть пища. Если смотрѣть такъ на происхожденіе ju-, jā- формы, то третье лицо въ ней становится вполнѣ понятнымъ, и мы не имѣемъ основательной причины принять bût въ дебитивѣ jàbût за неопредѣленное наклоненіе, но за такую же форму III лица, какъ êt въ jāêt: ср. лат. fit, лит. bìti, лат. причастіе настоящ. вр. bûtûts Biel. II, 168. Релативъ, который образуется отъ дебитива, безъ сомнѣнія, позднѣйшаго происхожденія, какъ это правильно уже отмѣтили Стерсте (Latvêšu valûdas mâcība II, 29) и Эндзелинъ, напр. viñam jāêdût, говорятъ, что онъ долженъ ѣсть, вм. viñam esût jāêd; и по Эндзелину (R. K. XIII, 2) даже: viñām esût, viñam bûšût jāêdût. Этотъ релативъ jāêdût возникъ, безъ сомнѣнія, въ силу аттракціи релатива «esût».

Настоящій дебитивъ мы встрѣчаемъ лишь въ томъ случаѣ, если въ главномъ предложеніи или находится, или (въ настоящемъ времени) подразумѣвается III лицо глагола bût: man jāêd 1) у меня есть пища, 2) я долженъ ѣсть; но dûd man maizi jāêd. значитъ только: дай мнѣ хлѣба, чтобы ѣсть. Изъ того слѣдуетъ, что долженствованіе выражается не jā- формою, но глаголомъ bût съ дѣйствующимъ лицомъ въ дательномъ падежѣ.

Глаголъ bût съ дѣйствующимъ лицомъ въ дательномъ падежѣ выражаетъ имѣніе, обладаніе. Но что глаголы, обозначающіе имѣніе, обладаніе, въ связи съ текстомъ принимаютъ значеніе долженствованія, это нерѣдкое явленіе въ языкѣ, напр. nekavē mani! man lēla steìgšanâs, не задерживай меня, я долженъ спѣшить: собственно: у меня большая поспѣшность; нѣм. ich habe Eile = ich habe zu eilen; въ русскомъ языкѣ: вашъ ходъ, за вами ходъ = вы должны ходить, въ литовскомъ языкѣ: mēs tùrim dìrbti, мы должны работать, ср. neturéjo ką válgyti, у него не было что ѣсть; такой же двоякій смыслъ въ нѣмецкомъ языкѣ при haben: er hat nichts zu bezahlen 1) у него нѣтъ долговъ, 2) онъ не можетъ заплатить (свои долги); въ русскомъ тутъ нечего дѣлать = 1) тутъ нѣтъ никакой работы, 2) тутъ ничего нельзя дѣлать; въ греч. языкѣ ἔχειν обозначаетъ не только имѣть, но и мочь: οὐκ ἔχω εἰπεῖν, я не могу (собств. не имѣю) сказать; сравн. латинск. nihil habeo, quid scribam, мнѣ нечего писать.

Переходъ значенія обладанія, владѣнія въ значеніе возможности и долженствованія совершается, на нашъ взглядъ, слѣдующимъ образомъ: въ предложеніяхъ man jāruuā, ich habe zu sagen, ἔχω εἰπεῖν, я имѣю сказать, высказывается лишь то, что подлежащее располагаетъ извѣстнымъ предметомъ, о чемъ говорить; но располагающій предметомъ разговора въ состояніи говорить объ этомъ предметѣ, поэтому ἔχω εἰπεῖν, я имѣю сказать, я могу сказать; съ другой же стороны, распоряженіе предметомъ разговора можетъ представляться побужденіемъ, принужденіемъ къ разговору, поэтому ich habe die Wahrheit zu sagen, meum est vera dicere = я долженъ сказать правду. Такое же двоякое

значеніе имѣнія и долженствованія имѣетъ латышскій глаголъ bût 1) съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ: 1) jums bûs êst, jums bûs dzeȓt, man bûs jâuns arājińš B. V. 10200, 4, у васъ будетъ, что ѣсть, у васъ будетъ, что пить, у меня будетъ молодой пахарь; 2) jums bûs êst, jums bûs dzeȓt, вы должны ѣсть, вы должны пить; въ прошедшемъ времени: man bij êst, man bij dzeȓt, 1) у меня было, что ѣсть, у меня было, что пить, 2) я долженъ былъ ѣсть, я долженъ былъ пить. Такъ и слѣдующіе стихи: bûs vaȓdem saûsas reńǵes par vasaru lupinât B. V. 13067 могутъ значить: должны ли лягушки лѣтомъ обгрызать копченыхъ салакушекъ (ср. Bûs man vêna rẽksta dẽĩ lîdz zemîtei lagzdu lèkt B. V. 14706, 2), но связь съ текстомъ не допускаетъ такого перевода, а требуетъ принять bûs въ первоначальномъ значеніи «быть»: у лягушекъ будутъ на лѣто копченыя салакушки для ѣды. Такое же двоякое значеніе имѣетъ глаголъ bût съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и съ винит.-творительнымъ падежомъ мѣстоименія kas: man tur (ir) kû ȇt, 1) для меня тамъ довольно большое разстояніе 2) мнѣ туда ходить; ср. man kû ȇt tautińâs B. V. 6100, вар. man jâẽti tautińâs. Также: man tur naû kû ȇt 1) для меня это-рукой подать, для меня это незначительное разстояніе, 2) мнѣ не надо туда ходить, мнѣ нечего туда ходить.

Подобный переходъ значенія наблюдается въ латышскомъ языкѣ при причастіи настоящаго времени страдательнаго залога на -ama-: Dzẽd mêitińa nevedama B. V. 446, стр. 832, поетъ дѣвушка, оставаясь безъ жениха, собств. неуводимая женихомъ, sêns vedams, сѣно можетъ быть увозимо домой или сѣно должно быть увозимо домой; также и русское причастіе настоящаго времени страдательнаго залога, напр. примѣнимо, обозначаетъ и то, что примѣняется, и то, что можно примѣнить, и то, что слѣдуетъ примѣнить.

И такъ, изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что глаголы, обозначающіе имѣніе, не въ одномъ только языкѣ принимаютъ значеніе возможности и долженствованія, ср. Meringer I. F. XVIII, 236. То, что можно или слѣдуетъ сдѣлать, или чему слѣ-

дуетъ совершиться, выражается 1) неопредѣленнымъ наклоненіемъ, ἔχω εἰπεῖν, meum est dicere, turiù sakýti, ich habe zu sagen, имѣю сказать, 2) отглагольнымъ именемъ существительнымъ: ich habe Eile, man steigšanâs, вашъ ходъ, 3) цѣлымъ предложеніемъ: man (ir) jāsaka = man ir, *jā saka; ср. nihil habeo, quid или quod dicam, οὐκ ἔχω, τί εἴπω.

Именительный падежъ при дебитивѣ оказывается по нашему толкованію подлежащимъ главнаго предложенія: man ir maìze jāêd = man ir maìze, *jā ed, у меня есть хлѣбъ, что ѣдятъ [1]). Въ силу аттракціи этого падежа подлежащаго ставится въ кандавскомъ, жукстскомъ и митавскомъ говорахъ даже прямое дополненіе неопредѣленнаго наклоненія, зависящаго отъ дебитива, въ именительномъ падежѣ: man jāsteìdzâs rudzi (вм. rudzus) pľaũt, я долженъ спѣшить скосить хлѣбъ. См. мои Daži jaũtājumi III, 69. Винительный падежъ, который иногда встрѣчается при дебитивѣ вмѣсто именительнаго падежа (Austrums VIII, 1, 296) безъ сомнѣнія позднѣйшаго происхожденія: man maìzi jāêd вм. man maìze jāêd; man tevi tik jalềk pề dar̃ba вм. man tu esi jàlềk pề dar̃ba, я долженъ поставить тебя къ работѣ (Альтъ-Пебальгъ).

Путь развитія намъ представляется слѣдующимъ: сперва установилось словорасположеніе, по которому за мѣстоименіемъ jā непосредственно слѣдовалъ глаголъ; слѣдствіемъ же такого словорасположенія было тѣсное срощеніе мѣстоименія съ глаголомъ и соединеніе ихъ подъ однимъ акцентомъ. Въ этой стадіи развитія мѣстоименіе jā съ глаголомъ въ третьемъ лицѣ говорящимъ уже болѣе не представлялось предложеніемъ, но глагольною формою съ приставкою jā-. Такимъ путемъ два предложенія man ir maìze, *jā (или можетъ быть ja) êd, у меня есть хлѣбъ, что

1) Правильность этого толкованія доказывается тѣмъ, что въ подобныхъ предложеніяхъ при отрицаніи является родительный пад. вмѣсто именительнаго. Alutiń, bālulin̄, kũ tu man padarĩji? Ne man kãju jàstaiga, ne valũdas jàrunā B. V. 19522 (Зесвегенъ и Лаздонъ), пивцо, братецъ, что ты со мною сдѣлало? У меня нѣтъ ни ногъ, чтобы ходить, собств. чѣмъ ходятъ, ни языка, чтобы говорить.

ѣдятъ, слились въ одно man maize jāēd, сказуемымъ котораго сдѣлалась глагольная форма съ приставкою jā-. При такихъ условіяхъ именительный падежъ, подлежащее первоначальнаго главнаго предложенія (man (ir) maize) сталъ непонятнымъ и легко могъ подпасть подъ управленіе глагола съ приставкою jā-, т. е. подъ управленіе дебитива: man maize jāēd точно такъ, какъ ēdu maizi; tikpat dêla māmiṅai mêitas mātes jāpēlùdz, всетаки мать сына должна просить мать дочери, точно такъ, какъ: pēludzu mātes (род. пад.).

Эта моя статья, заявленная какъ рефератъ на съѣздѣ филологовъ, уже давно написана. Такъ какъ нельзя пока предвидѣть, когда съѣздъ состоится, а кромѣ того мой рефератъ при извѣстномъ ограниченіи времени не можетъ быть прочитанъ весь, то я рѣшилъ его теперь же напечатать.

Между тѣмъ появились замѣтки Прельвица (BB. XXVIII, 319) и письмо Эндзелина Прельвицу (BB. XXIX, 320) по данному вопросу, которыя я долженъ теперь принять въ соображеніе.

Послѣ послѣдовавшаго указанія Прельвица (BB. XXVIII, 319), что въ приставкѣ дебитива ju-, jā- надо искать мѣстоименную основу ja-, Эндзелинъ (BB. XXIX, 320) объясняетъ, отказываясь отъ своего прежняго толкованія, приставку ju-, какъ и мы, творительнымъ падежомъ, сокращеннымъ изъ jû-, какъ du изъ dû, nu изъ nû, duč изъ dûd-šur, приставку же jā- родительнымъ падежомъ (первоначально родительнымъ раздѣлительнымъ и при отрицаніи). Въ пользу родительнаго падежа говоритъ нисходящее слогоудареніе тѣхъ говоровъ, въ которыхъ сохранилась троякая долгота: jà-prasa, какъ род. п. tà, šà, šì, kà.

Я основывалъ свое объясненіе приставки jā- на тѣхъ говорахъ, въ которыхъ приставка jā- имѣетъ длительное удареніе и на литовскомъ jóg; ср. jóg съ мн. ч. ср. р. keteró-, penkió- въ keterólika, penkiólika (I. Schmidt D. Pluralbild. d. ind. Neutra 38)

и лит. им. ед. ч. женск. р. geró ji съ лат. tã. Если не сопоставить приставку jã- съ литовскимъ jó-g, то латышскую приставку jã-, несмотря на ея длительное слогоудареніе можно объяснить родительнымъ падежомъ, такъ какъ нисходящему слогоударенію лифляндскихъ говоровъ часто соотвѣтствуетъ въ Курляндіи длительное; напр. род. tã, šã вм. tà, šà, вин. tũ, šũ вм. tû, šû.

Что касается тѣхъ говоровъ, въ которыхъ встрѣчается приставка jâ- съ прерывистымъ слогоудареніемъ (около Митавы, Доблена, Кандавы), то ее нельзя припять ни за именит.-винительный пад. мн. ч. ср. р., потому что, какъ мы уже видѣли, въ такомъ случаѣ было бы длительное слогоудареніе, ни за родительный пад. ед. ч., такъ какъ около Доблена, Митавы, Кандавы родительный пад. tã, šã имѣетъ длительное слогоудареніе. Не остается ничего другого, какъ принять приставку jâ- съ прерывистымъ слогоудареніемъ за мѣстный пад. ед. ч. Исходя изъ такихъ примѣровъ, въ которыхъ первоначально употреблялся только мѣстный пад., какъ напр. lâi stãvẽja vir̃sunĩte putniñẽm jauzmetas B. V. 2765, 2, пусть останется верхушка, чтобы было гдѣ присѣсть птицамъ, собств. на которую садятся птицы,—этотъ впослѣдствіи болѣе не понятый мѣстный пад. jâ путемъ обобщенія принялъ на себя въ упомянутыхъ мѣстностяхъ функцію всѣхъ другихъ падежей.

Такимъ образомъ приставка jã- представляетъ, вѣроятно, собою разные падежи. Ср. сверхъ того приставки ju-, jă.

Прельвицъ (BB. XXVIII, 319) признаетъ вполнѣ удачнымъ толкованіе Эндзелина, по которому въ глагольной формѣ дебитива скрывается неопредѣленное наклоненіе, но (BB. XXIX, 320) онъ допускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность видѣть въ этой формѣ третье лицо ед. ч. Вотъ что онъ пишетъ: Aber in anderen fällen könnte die dritte person sing. ind. doch vielleicht zunächst den conjunctiv ersetzen: devu savu kumeliñu rũžu dàrzu juecẽ könnte lat. mit dedi equum meum, rosarum hortum ut occet (evertat), im grich. mit ὡς und dem conj. ausgedrückt werden. Es lässt sich also die frage aufwerfen, ob der

abl.-gen. jà, der dem griech. ablativ ὡς ganz entsprechen würde, nicht auch zunächst mit dem conjunctiv und dann nach dessen verlust mit dem indicativ verbunden sein könnte.

Латышское изъявительное наклоненіе въ самомъ дѣлѣ нерѣдко является въ функціи сослагательнаго или желательнаго наклоненія, напр. Dèvs mèlũ viña dvẽsell, пусть Богъ усладитъ (угоститъ) его душу, Dèvs dũd, пусть Богъ дастъ, въ особенности такъ употребляется перфективное praesens, которое по предположенію Ульянова (Значенія глагольныхъ основъ 315) есть injunctivus аористическихъ основъ. Но по нашему толкованію въ большинствѣ случаевъ дебитивъ оказывается третьимъ лицомъ изъявительнаго наклоненія, напр. man naì jubraùc, мнѣ не на чемъ ѣхать, собств. у меня нѣтъ, на чемъ ѣздятъ; man ir jāēd = 1) ich habe zu essen, у меня есть, что ѣсть, собств. у меня есть, что ѣдятъ, т. е. у меня есть ѣда, пища, 2) ich habe zu essen, мнѣ ѣсть, т. е. мнѣ приходится (совершить) дѣйствіе ѣды. Въ обоихъ случаяхъ jāēd описательно выражаетъ то же, что отглагольное имя существительное ēšana, ѣда. Въ первомъ способѣ употребленія дебитивъ jāēd замѣняетъ собою отглагольное имя существительное въ конкретномъ смыслѣ: man jāēd = man ēšana, у меня ѣда, пища, ich habe zu essen, во второмъ же отглагольное имя существительное, обозначающее дѣйствіе: man jāēd = man ēšana, ich habe zu essen, мнѣ приходится (совершить) дѣйствіе ѣды, т. е. я долженъ ѣсть; такъ и man jāsteidzas = man steigšanâs, ich habe Eile, собств. у меня есть, что спѣшитъ, т. е. я долженъ спѣшить; ср. мой ходъ.

Такъ и въ примѣрѣ, приведенномъ Прельвицомъ: devu savu kumeliñu rũžu dàrzu jueсē употребляется изъявительное наклоненіе, если приставку ju- замѣнить союзомъ lâi: devu savu kumeliñu, lai ecē rũžu dàrzu. Точно такъ же: Puĩss uzkâpa kumeĩâ jānes savu âugumĩnu, = lai nes (nestu) savu âugumĩnu. Kàzâs bij svẽsta ar lâpstãm jujem = ar lâpstãm lâi jem.

К. Мюленбахъ.

Къ вопросу о русскихъ словарныхъ заимствованіяхъ изъ финскаго языка.

Въ послѣдней книжкѣ «Живой Старины» (вып. 2 за 16-ый годъ) г. Фасмеръ посвятилъ нѣсколько страницъ моей работѣ «Сѣвернорусскія словарныя заимствованія изъ финскаго языка». Къ удивленію моему, тонъ этой статьи таковъ, точно я чѣмъ-нибудь лично обидѣлъ г. Фасмера. Мнѣ казалось, что моя работа, въ которой я хотѣлъ дать *пока* (въ первой статьѣ, какъ это было и указано) сводъ матеріала, собраннаго лично *мною*, можетъ дать поводъ къ послѣдующимъ собраніямъ, но никакъ не къ обвиненію меня въ томъ, что я не знакомъ съ соотвѣтствующей литературой, обвиненію, основанному на томъ, что я не привелъ заимствованныхъ словъ изъ работъ гг. Лѣскова, Булича и Грота. Найдя у меня *одну* опечатку, г. Фасмеръ считаетъ возможнымъ обвинять меня прямо въ *недобросовѣстности* моей работы; предлагая для двухъ-трехъ словъ иныя этимологіи, онъ язвительно замѣчаетъ о моемъ незнакомствѣ съ финскими языками и т. п. Странный тонъ и странные нравы утверждаются въ нашей наукѣ: кажется, скоро всѣ наши критическія работы будутъ сводиться къ личностямъ и заключаться въ упрекахъ и обвиненіяхъ другъ друга въ недобросовѣстности и чуть-ли не въ мошенничествѣ. Я не знаю, кто такой г. Фасмеръ, но мнѣ представляется, что это еще молодой ученый. Если это такъ, поже-

лаю ему отдѣлаться, пока не поздно, отъ того топа, который все болѣе водворяется у насъ во взаимныхъ отношеніяхъ такъ называемыхъ ученыхъ.

Во всякомъ случаѣ, мы должны быть благодарны г. Фасмеру за то, что онъ взялъ на себя трудъ извлечь словарный матеріалъ изъ изслѣдованій Лѣскова, Булича и Грота. Кое-что прибавлю здѣсь и я изъ своихъ позднѣйшихъ сопоставленій.

1) Къ № 37 моего списка глаголовъ на *-айдать*. Оригиналъ глагола *ўрайдать* отмѣченъ мною въ слѣдующемъ финскомъ двустишіи, записанномъ на говорѣ, гдѣ *д* часто пропадаетъ, см. напр. *äkkiouoille* вм. *äkkioudoille*. Здѣсь двустишіе изъ Калевалы читается такъ (*K. Krohn*. Kalevalan Kansojen Historia. I, 164; эти стихи записаны на оз. Ладвѣ и были напечатаны въ сборникѣ *Niemi*. Vanhan Kalevalan eepilliset ainekset. 1898, стр. 44):

Tämä on itku Väinämöisen,
Urajanta Untamoisen,

что значитъ:

Такова была жалоба Вейнемейнена,
Сѣтованіе Унтамойнена.

Эти стихи позволяютъ возстановить глаголъ *urajdan*, оригиналъ русскаго заимствованія, отмѣченный мною звѣздочкой. Когда мы будемъ обладать хорошимъ діалектическимъ словаремъ финскихъ нарѣчій, то многія изъ формъ, мною предположенныхъ, будутъ въ немъ указаны. Однако, не всѣ: изученіе собственныхъ названій въ Писцовыхъ Новгородскихъ книгахъ конца 15 вѣка убѣдило меня въ томъ, что русское населеніе встрѣтило здѣсь финновъ, говорившихъ на нарѣчіи, нѣсколько отличномъ отъ карельскаго, олонецкаго и вепсскаго; стало быть, часть оригиналовъ мы никогда не будемъ въ состояніи отыскать въ нынѣ извѣстныхъ діалектахъ финскихъ нарѣчій. Тѣмъ не менѣе, отрицать финское происхожденіе многихъ изъ словъ и названій, для которыхъ финскія нарѣчія нынѣ ни даютъ непосредственныхъ источниковъ, нѣтъ никакой возможности.

2) Къ стр. 38 моего изслѣдованія. Слово *бусъ* употребляется въ Устюжнѣ въ смыслѣ *мучной пыли* (Живая Старина VIII. 444).

3) Къ стр. 19 «Жив. Стар.» VIII. 400 приводитъ ладожскія слова *вяньга* и *вянгаю*.

4) Череповец. *вейнуть*, быстро, скоро уйти (*вейнула*. Жив. Стар. VIII. 393) заимствовано изъ причастной формы глагола *viedä* (*vienyt*), который означаетъ: *уводить*, *отклонять*. Въ русскомъ словѣ развилось нѣсколько иное значеніе.

5) Къ стр. 24. *Барсовъ*. Причитанія. I, стр. VIII словаря, приводитъ олон. *кадушки*, творогъ, скатанный въ шарикъ.

6) *Кентать*—давить (*Барсовъ*. Причитанія I, стр. IX словаря) изъ фин. *kääntää*, поворачивать, сгибать.

7) *Кипины*—палки, на коихъ утверждаются снопы (*Барсовъ*, ibid.), изъ фин. *kiippi* (das Tragnetz). Переходъ значенія, вѣроятно, былъ таковъ: *кипинами* были названы первоначально палки, на которыхъ развѣшивается для просушки бредень, *kiippi*; потомъ это названіе было перенесено и на палки, на коихъ утверждаются снопы.

7) Къ стр. 36. *Кужа*—конусообразная корзина изъ прутьевъ для ловли рыбы, вставляемая въ *езъ*. Череповец. Жив. Стар. III. 380.

9) Къ стр. 37, къ слову *Кулема*. Это слово широко распространено и въ Сибири, куда было занесено изъ Архангельской губерніи: въ томъ же районѣ *Колмогоровъ ключъ*. *Зобнинъ*. Жив. Стар. VII. 269.

10) Къ стр. 37, къ слову *кýржавень*. Устюжен. *куржевина* (иней). Жив. Стар. VIII. 445.

11) *Ластега*, мякина, *ластежки*—дранки, полагаемыя между нитками въ ткацкомъ станкѣ (*Барсовъ*, Причит.), ср. фин. *lasta* (das lange und dünne Holzstäbchen, welches beim Weben benutzt wird) и фин. *laste* (изъ *lastege*, das Verkleinern), а также *lastu* (Span, Schindel, Abfälle).

12) «Попала *лента*, далъ *ленту*»—о панесеніи удара, раны или побоевъ. Черепов. Жив. Стар. III, 384; ср. кар. олон.

lentta (ремень = фин. *hauka*, при чемъ фин. *hauhaja* означаетъ *драчуна*). Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь обратное заимствованіе: рус. *лента* попала въ финнскіе говоры, получило здѣсь своеобразное значеніе и именно въ этомъ послѣднемъ было заимствовано русскими.

13) Къ слову *мянда* на стр. 44. Г. *Лѣсковъ* приводитъ (Жив. Стар. V, 9) изъ вятскаго говора *менда*, мелкій лѣсъ, растущій въ большинствѣ случаевъ на сырыхъ мѣстахъ. Г. Фасмеръ, приводящій много словъ изъ статей г. Лѣскова, *менду* пропустилъ, между тѣмъ какъ это соотвѣтствіе *я* и *е* (*мянда: менда*) финнскому *ä* (кар. *mändü*) интересно.

14) *Муштать*, знать, понимать (*Барсовъ*. Причитанія) заимствовано изъ вепсскаго *muštan*, а не изъ фин. *muistan*, какъ полагаетъ г. Фасмеръ.

15) Къ слову *нёлла* на стр. 46. Ср. еще вологод. *нёлла*, лиственница. Жив. Стар. IX. 139.

16) Къ слову *пойгать* и др. на стр. 47, словамъ, означающимъ *мальчика* и заимствованнымъ изъ финн. *poika* и др. Любопытно, что это слово попало и къ *латышамъ*. Въ «Этнографическомъ приложеніи къ газетѣ Deenas Lapa» за 1892, на стр. 14, мы находимъ поговорку:

Varens, veikls *puika*: kad citi vēl tik l'ogas, viņš jau pakritis (Ловкій, проворный мальчикъ: другіе только пошатнулись, а онъ ужъ и упалъ).

17) *Панія*—рыболовный снарядъ. Черепов. (Жив. Стар. III. 384) изъ фин. *panija* (Setzer, Einsetzer).

18) *Пары*, добрѣ, изрядно. Устюж. (Жив. Стар. VIII. 446), ср. фин. *paras* (отлично).

19) Къ слову *пўтца* на стр. 52. Черепов. *путцо*, ремень, прикрѣпляющій молотило къ ручкѣ. Жив. Стар. VIII. 396.

20) Къ слову *ráда* на стр. 53. Ср. Жив. Стар. 1900, стр. 449.

21) Ладож. *рамадá*—пасмурная, туманная погода съ мелкимъ дождемъ. Жив. Стар. VIII. 406. Слово заимствовано изъ

финнскаго языка, хотя я не могу указать непосредственный источникъ заимствованія; ср. фин. *rammea* изъ *rammeda* (слабый, непрочный, неустойчивый). Какъ показываетъ удареніе русскаго слова, оно не стоитъ уже въ близкой связи со своимъ оригиналомъ.

22) Къ слову *рúбуши* на стр. 55. Черепов. *рибуша*, *рибокъ*— оборванное платье. Жив. Стар. III, 385.

23) Несомнѣнно финнскаго происхожденія слова, источникъ которыхъ я не нашелъ, и на которыя я обращаю вниманіе изслѣдователей: *рóвдуга*—на замшаный видъ выдѣланная кожа (Ѳоминъ. Жив. Стар. 1900, стр. 449) и *рóгдужьи*, варенки, зимнія рукавицы (Вологод. Шевляковъ. Жив. Стар. IX, 139). Каково отношеніе этихъ словъ къ прил. *рóвдужный*, выкрашенный въ краску *ровгу* (см. мое изслѣдованіе, стр. 55), и къ фин. *raha*, шкура?

24) Черепов. *рѣшъ*, срубы подъ печку или толчею. Жив. Стар. VIII. 397, кар. *reššu*, фин. *ressu*, чурбанъ.

25) Вологод. *рямъ*, болото съ кривой сосной. *Потанинъ*. Жив. Стар. IX. 37, изъ фин. *räme*, болото.

26) Устюж. *согра*, густой лѣсъ. Жив. Стар. VIII. 446. Оригиналъ заимствованія я не могу привести; ср. фин. *sohria*, смѣшивать, сдвигать.

27) Ладож. *тáйбола*, невѣжда. Жив. Стар. VIII. 407, ср. *тáйбола*, лѣсныя дебри (мое изслѣдованіе, стр. 60). Метафорическое значеніе, въ родѣ *деревня*, въ примѣненіи къ деревенскому простаку.

28) Черепов. *тюньзеть*, усидчиво сидѣть надъ дѣломъ. Жив. Стар. VIII. 398, ср. вепс. *tüni*, фин. *tyyni* (ruhig, still, frommherzig), *tyynni* (genau).

29) Черепов. *чунки*, маленькія санки. Жив. Стар. III. 387; ср. въ моемъ изслѣдованіи стр. 66.

30) Черепов. *чупа*, заливъ на рѣкѣ, берега котораго поросли лѣсомъ. Жив. Стар. III. 387; ср. кар. олон. *čѵрри* (уголъ, закоулокъ, фин. *soppi*).

31) *Шала*, глубокій, отдаленный отъ селенія лѣсъ (Өоминъ, 1787 г. Жив. Стар. 1900, стр. 449), фин. *salo* (der grosse und unbewohnte Wald), кар. *šalo*.

32) Къ № 305 моего изслѣдованія. Устюж. *шолга*, среди судна древо. Жив. Стар. VIII, 447, кар. *šalgo*.

33) Черепов. *шайма*, болотистое, топкое мѣсто, поросшее чахлымъ лѣсомъ. Жив. Стар. VIII, 398; слово должно быть заимствовано изъ кар. **šoimen*, котораго я не нахожу въ своихъ источникахъ, но на существованіе котораго указываетъ фин. *soinen*, болотистый.

34) Устюж. *шейма*, снасть, на которой якорь спущаютъ. Жив. Стар. VIII, 447, ср. фин. *seimi* (die Krippe), кар. **šeimi*.

35) Устюж. *шингаю*—что разтеребливаю. Жив. Стар. VIII. 447; ср. фин. *singottaa* (auswerfen, herumwerfen), кар. **šingottaa*.

36) Костр. *шýрма*, шумъ, драка. Жив. Стар. VII. 469. Не изъ карельскаго-ли *šurma* (смерть). Переходъ значенія: драка съ смертоубійствомъ, драка, шумъ.

37) Шенкур. *э́дома*, отдаленные лѣса, принадлежащіе крестьянамъ; большая *эдома*, суземокъ, пространство лѣса большое; въ *эдомѣ* медвѣдь, бѣлка, птица. Ср. фин. *etää* (weit abgelegener Ort), *etäinen* (далекій), вепс. *edahus* (даль) и т. д. Надо исходить изъ оригинала **eda-maa* (дальняя земля).

38) Финская приставка *pa*, употребляющаяся на концѣ слова для живости разсказа, заимствована въ слѣдующемъ оборотѣ (Жив. Стар. IX, 132): «Нѣтъ-*па*, мастеръ расписываться-то!»

39) Укажу на много *финнизмовъ* въ крестьянскихъ прозвищахъ въ южной части Череповецкаго уѣзда (Жив. Стар. XII, 126—127).

Таково небольшое дополненіе къ моему первому изслѣдованію. Разумѣется, и оно не охватываетъ всего матеріала, который представляютъ сѣверно-русскіе говоры. Было бы очень хо-

рошо, если бы г. Фасмеръ, приведя кое-что изъ трудовъ гг. Лѣскова, Булича и Грота, теперь приступилъ къ самостоятельнымъ розыскамъ финскихъ словъ въ нашихъ говорахъ. Общими усиліями многихъ ученыхъ эта работа могла бы быть выполнена удовлетворительно. Во всякомъ случаѣ, я не могу не радоваться, что мое изслѣдованіе вызвало, повидимому, интересъ со стороны русскихъ изслѣдователей.

А. Погодинъ.

Библіографія.

Грамота на царь Иванъ Александъръ 1348 г. снета отъ текста найденъ въ Хилендарския монастиръ отъ В. Кжнчовъ. Лит. Лука Х. Павловъ. София. Снелъ отъ текста Звъничаровъ.

Грамота, фотолитографическое изданіе которой вышло въ Софіи, давно извѣстна. Она была снята въ числѣ другихъ Севастьяновымъ и по снимку Севастьянова напечатана И. И. Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ Прилож. къ XXXIV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ № 4 С. П. 1879. Настоящее изданіе было бы интересно, еслибы было точно и на него можно было вполнѣ положиться. Но, какъ можно убѣдиться изъ сличенія со снимкомъ, въ немъ есть цѣлый рядъ погрѣшностей. Нельзя по этому не пожелать, что бы не только эта грамота, а и всѣ другія—тѣмъ болѣе, что и всего болгарскихъ грамотъ очень немного—были изданы съ воспроизведеніемъ ихъ въ фототипіяхъ. Для старшей грамоты Асѣня есть такое изданіе Г. А. Ильинскаго, но къ сожалѣнію грамота издана въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Предлагая поправки къ тексту 1348 г., мы пользовались снимками Севастьянова въ Москвѣ въ Румянц. Музеѣ и въ библіотекѣ И. И. Срезневскаго [1]).

1. Въ Соф. изданіи правильно ѕѣло вмѣсто зѣло у Срезн. Въ Соф. блгооугодно у Срезн. бл҃гооугодно, на снимкѣ бл҃гооугодно. Въ Соф. бжѣвнымъ, у Срезн. бж҃твнымъ согласно со снимкомъ.

---

1) Цифры обозначаютъ строки грамоты.

2. Соф. оугодно, у Срезн. оугодно, какъ и въ снимкѣ.

3. Соф. темже, у Срезн. тѣм же.

Соф. любовъ, у Срезн. только люб..., хотя ясно читается полное слово.

Соф. йиѣа у Срезн. опечатка имѣа, въ рук. а.

5. Соф. свмоу у Срезн. стмоу, какъ въ снимкѣ.

5. Соф. бране у Срезн. бранѣ, въ рук. бране.

6. Соф. неѿстжпно у Срезн. неѿстжпно, какъ въ снимкѣ.

8. Дѣйствительно съ сими, ожидался бы твор. под. безъ предлога въ зависимости отъ глагола царствовать.

11. Въ рук. дѣйствительно: скив'тра.

Соф. согласно съ рук. бл̃гарскаго, у Срез. блгрскаго.

12. кои же въ значеніи которые.

13. хота Соф., какъ въ рук., у Срезн. опечатка въ Соф., какъ и въ рук. приложити симѫ, у Срезн. послѣднее слово пропущено.

14. въ Соф. съвръши, проп. ти, въ рук. съвръшити, какъ у Срезн.

15. Въ рук. дѣйствительно сътъ вм. сжтъ.

16. малыа Соф., въ рук. на концѣ а, у Срезн. вѣрно нарицаемса Соф. ошибочно м вмѣсто т.

18. въсенастоащии Соф. согласно съ рук. вмѣсто въ сеи настоащии Срезн.

19. архиерха дѣйствительно такъ въ рукописи.

21. работники Соф., работникы Срезн., какъ и въ рук; м̃ѕ Соф., какъ и въ рук., мȣ Срезн.

срдци Соф. срѣдци Срезн., какъ и въ рук.

22. межж Соф. ошибочно вмѣсто междж рук. и Срезн.

бововци дѣйствительно съ в въ рук.

дръщрѣне дѣйствительно такъ въ рук.

23. съ всѣмъ браницемъ въ рук. съ всѣмъ бранищемъ, у Срезн. вѣрно.

24. жрънки, кипȣрие такъ въ рук. съ е вмѣсто а.

25. Въ рук. и Соф. копіи ясно читается бранища и, у Срезнев. почемуто нѣсколько точекъ.

ѡрѣшне Соф., у Срезн. ѡрѣшиѐ, въ рук. ѡрѣшиѐ.

Въ рук. дѣйствительно какови либо стаси.

25—26. того монастырѣ Соф., у Срезн. то монастыръ, снимокъ здѣсь выцвѣлъ, но первый слогъ 26 стр. го виденъ.

26. въ рук. дѣйствительно съ всѣмъ вмѣсто творит. безъ предлога въ зависимости отъ обладати: да ѡбладȣетъ.

Въ рук. дѣйствительно николы, сравни выше николѫ
27. по всѣ врѣмена у Срезн. времена опечатка.
28. съдръжа Соф. ошибочно вмѣсто съдръжати.
катепани Соф., у Срезн. опечатка въ концѣ и.
29. всѣцпи Соф., у Срезн. опечатка: всѣкии.
песъмщи Соф. опечатка, у Срезн. вѣрно: песъмци.
30. нихто Соф. вѣрно, у Срезн. опечатка никто.
31 црва Соф., должно быть, какъ у Срез. цр҃ва.
митати Соф., у Срезн. митаты, какъ и въ рук.
34. имаѫтъ Соф., у Срезн. имаатъ, какъ и въ рук.
Въ концѣ строки въ Соф. недостаетъ продолженія слова (на) стоащии.
35. служителъ Соф. такъ и въ рук. съ ъ вмѣсто ь Срезн.
36. дрѹгы Соф. согласно рук., у Срезн. дроугыи.
житомитсѣ дѣйствительно такъ въ рук.
37. голѣмы въ рук. какъ у Срезн. м, въ Соф. невѣрно и.
38 метехаатъ Соф., какъ въ рук., у Срезн. ошибка: метехсатъ.
39. в монастыръ Соф., какъ въ рук., у Срезн. по ошибкѣ в монастыри.
п҃пове Соф., въ рук. п҃пове, у Срезн. опечатка: поѣпове.
39—40. пропп҃а Соф., въ рук. пропп҃а, у Срезн. вѣрно.
прѣбываѫтъ Соф., въ рукописи ясно видно ѧ, а потому вѣрно издано Срезневскимъ прѣбываатъ.
м҃настырѣ Соф., какъ и въ рук., у Срезн. манастырѣ ошибочно.
екчина Соф., у Срезн. ...кунна. Въ рукописи ясно читается все это слово и совершенно непонятно, почему оно такъ разобрано было Срезневскимъ; но въ Софійскомъ изданіи это мѣсто также точно не даетъ смысла. Это объясняется вотъ чѣмъ: въ рукописи передъ е стоитъ нѣсколько блѣдная на снимкѣ буква л, отчетливо видная. Слѣдовательно вполнѣ правильное и требуемое смысломъ чтеніе должно быть лекчинѫ. Это слово встрѣчается и въ другихъ средне-болгарскихъ текстахъ. Такъ въ сборникѣ 1348 г. читается лекчинѫ рядомъ съ легчинѫ смотри Лавровъ. Обзоръ стр. 81, у Миклошича въ словарѣ льгчина со ссылкой на pat. Isaak levitas.
40—41 донъдеже Соф., какъ въ рук., дон'деже у Срезн.
сл҃це Соф., у Срезн. слн҃це, какъ и въ рук.
сіатъ Соф., у Срезн. сіаетъ, какъ и въ рук.
дондеже ѐ живо цр҃во ми вмѣсто цр҃ва ср. въ грамотѣ 1378 г.: до живота цртва ми у Срезнев. стр. 38.

43. съй бл҃гоѡбразным такъ должно быть, у Срезн. сыи въ Соф. бл҃гоѡбразнымъ.

44. ѥстъ такъ въ рукописи и Соф., у Срезн. ошибочно ѥсти: йотированное е совсѣмъ не пишется въ этой грамотѣ.

45. просвѣтъ Соф., у Срезн. просвѣтитъ, какъ въ рук.

46. бг҃оу оугодившиⷨ Соф., какъ въ рук.—у Срезн. гоу҃.

47. за вс҃ѧ иⷣдръжавѫ Соф., какъ ясно читается и въ рукописи; непонятно, почему у Срезневскаго нѣсколько точекъ послѣ слова Николы.

48. въ нхже Соф., вънже читается на снимкѣ; бл҃говѣнчѣнаа читается ясно.

назнаменасѧ у Срезн. ошибочно: назнаменаѭ

ендиктиѡна едвали вѣрно въ Соф. изданіи; снимокъ И. И. Срезневскаго, которымъ мы сейчасъ пользуемся, въ данномъ мѣстѣ не ясенъ; но возможно, что д написано вверху и тогда другое д ошибка изданія.

Надъ буквами н к въ рисункѣ, изображающемъ крестъ, должно быть титло.

Имя мѣста, гдѣ дана грамота, читается в сергевици.

Наши замѣтки даютъ достаточное объясненіе, почему въ книгѣ С. С. Бобчева текстъ грамоты 1348 г. напечатанъ по изданію Срезневскаго. Издателю было извѣстно новое литографическое изданіе, но его недостатки были замѣчены, а ихъ исправленіе, должно быть, не было возможно. Будемъ надѣяться, что наконецъ болгарскія грамоты увидятъ свѣтъ въ изданіи, которое будетъ вполнѣ соотвѣтствовать ихъ важности [1]).

П. Лавровъ.

11 мая. Петербургъ.

---

1) Можно прибавить, что такое изданіе не только текстовъ, но и снимковъ со всѣхъ извѣстныхъ доселѣ болгарскихъ грамотъ приготовляется Г. А. Ильинскимъ.

Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov.

Práca dra Sama Czambela. 1. oddelenie. Osnovy a iný materiál rečový. 1. čiastka. Východoslovenské nárečie. Nakladom vlastným. V Turčianskom Sv. Martine. 1906. Стр. V+624.

Словацкіе говоры вообще еще недостаточно изучены, даже нѣтъ достаточно записей на мѣстныхъ говорахъ, столь вѣрно записанныхъ, чтобы было можно постороннему кабинетному ученому на нихъ основываться вполнѣ безопасно. Были только отрывочныя замѣтки проф. Пастрнка на страницахъ журнала Slovenské Pohl'ady. Изо всѣхъ словацкихъ говоровъ всего менѣе мы знали говоры восточные. Поэтому проф. Т. Д. Флоринскій могъ въ своихъ Лекціяхъ по славянскому языкознанію II. 341 сл. отмѣтить только общимъ образомъ главныя ихъ особенности фонетическія и морфологическія. Гораздо лучше мы знали пограничные, смежные говоры малорусскіе, благодаря трудамъ Ив. Верхратскаго и В. Гнатюка, нѣсколько меньше — польскіе изъ Спишскаго комит. изъ посмертнаго труда Луц. Малиновскаго. Наше знакомство со словацкимъ нарѣчіемъ и его говорами очень сильно подвинулось впередъ благодаря стараніямъ д-ра Само Цамбеля. Въ началѣ онъ занимался больше критикою литературнаго языка словацкаго, выдѣляя преимущественно и преслѣдуя чуждые, «иностранные» лексикальные его элементы, взятые изъ другихъ источниковъ славянскихъ, русскаго и чешскаго; устанавливалъ орѳографическія правила чистаго литературнаго языка и при этомъ, конечно, касался и вопросовъ грамматическихъ, особенно по фонетикѣ. Послѣ онъ сталъ глубже изучать вопросы объ отношеніи словацкой діалектической группы къ сосѣднимъ славянскимъ группамъ, къ западной, чешской, и къ юго-славянской, пускался въ рѣшеніе трудныхъ вопросовъ лингвистическихъ и этнографическихъ. Этотъ опытъ Slováci a ich reč 1903 не могъ удаться, тѣмъ скорѣе, что авторъ самъ не имѣлъ глубокаго образованія лингвистическаго. Была тутъ еще посторонняя, ничего съ наукой не имѣющая общаго, тенденція высшаго чиновника венгерскаго пра-

вительства противиться вліянію культурныхъ центровъ славянскихъ, особенно чешскаго, на бѣдную культурную жизнь словацкую, которая высказалась ясно въ мадьярской брошюркѣ г. Цамбеля. Но здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться; науки эта дѣятельность нашего автора прямо не касается. Впрочемъ, читатель можетъ о ней узнать изъ рецензіи Фр. Пастрнка Archiv f. slav. Philologie XXVI, 290 сл. Всѣ эти его прежніе труды далеко превосходитъ настоящая книга. Впервые онъ далъ здѣсь наукѣ такой обильный и надежный матеріалъ, какого нѣтъ для другихъ говоровъ словацкихъ. И его научные выводы тверже и вѣрнѣе, основаны на лучшемъ знаніи данныхъ, хотя онъ не познакомился, какъ слѣдовало, съ сосѣдними діалектами малорусскими и польскими изъ собраній Верхратскаго, Гнатюка и Малиновскаго, и хотя изъ его характеристики говоровъ словацкихъ и изъ полемики противъ Ф. Пастрнка видна неполная подготовка лингвистическая.

Трудъ г. Цамбеля составленъ изъ трехъ отдѣловъ: введенія (стр. 5—208), изъ матеріаловъ діалектическихъ (стр. 209—476) и изъ словаря діалектическаго (стр. 477—624).

Въ введеніи авторъ очерчиваетъ площадь восточно-словацкихъ говоровъ и рѣшаетъ вопросы изъ исторической этнографіи, именно о народности давняго славянскаго населенія въ этомъ краѣ. Онъ доказываетъ, что всю западную часть этого края до рѣки Топлой занимало польское племя, и доказательствомъ этого служатъ фонетическія явленія нынѣшняго восточнаго діалекта словацкаго, сходныя съ фонетикою польскаго языка. Въ этомъ онъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ правъ. Но мы эти польскія черты не видимъ только въ *dz*, *c* изъ *ď*, *ť*: dzecko, robic, въ *ś*, *ź* вм. *s*, *z* передъ поднебными гласными, но болѣе всего въ вокализаціи древнихъ ṛ, ḷ. Вм. ṛ твердаго всюду *ar* tarh, tarhac, причастіе прош. спряг. podar 328, umar, zavar 276, 392, žar 328, podžarła 273, upar 415, doparli 420; zharli śe l'udze 342, psimarz 384; причастіе страд. прош. zavarti 276, 370, čižmi podarte 328, zamarznuti 273, umarti; karmic, karčma, štvarti, tvardi, zarno (вм. старшаго źarno?), do harsci 245, do priharšči 326, u harkü 383, род. мн. harkoch 297, harčarovi 390; имен. ед. harenc 220 (пол. garniec) вм. harńec новая аналогическая форма. Изрѣдка встрѣчается фонема *er* въ этихъ самыхъ текстахъ: mertvi при umarti 224 изъ Спиш., mertvu 311 при umarl'i изъ Шариш., mertvu 328 при umarło ib., umer 392 изъ Абауй., mertve cela 357 при umaṛtich земплин. Вм. польск. czart читаемъ čertu 327, čertova

robota 328, какъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ польскихъ; ср. Karłowicz Słow. gwar pol. I, 273 сл.; и кромѣ того, говорится еще čort въ говорѣ земплин.-унг., сходно съ пол. говорами и малорусск.

Интересно при этомъ, что вм. согласнаго *r* говорится *er* : tervało 331, do kervi 350, s tu kervu 219, kervavenu 239, kerv 444, kmoter 334, и въ слогѣ когда-то мягкомъ : повел. popaterce 301, do kerstu 301, jak dzecko pokerscil'i 350, kerscini 336, но kresna matka 350 совсѣмъ правильно; muderca 381.

Вм. мягкаго r̥ *er* : perši 219, verch 246, śmerdzec 229, sterpec 220, śmerc 219, 233, perscen 445, perscen̆ 210, perś 329, ku perśi 269. Изрѣдка *ir* : cirňe 370, do cirňa 386 въ Земплин.

Гласное r̥ встрѣчается только въ говорѣ лучивнянскомъ въ Спишѣ: trhali 439, umrtich, vrch 431, prscene 437, smrc 438, мѣстное имя Grlachov; кромѣ того, въ одной записи изъ Земплин. na chrbce 387 вм. согласнаго *r*; рядомъ обыкновенно herbet, po herbece 248, do herbeta, hirbet 256, также hribet 341, 345 въ Абауй. уѣздѣ.

Вм. l̥ съ одной стороны *ol* : polno 244, 249 или pulno 256—по аналогіи taňer... buł połen jedła 234, polen keš 248, vipolňel'i 336; только послѣ зубныхъ, кажется, какъ въ пол.: dłuhi, tłuc, tłusti, vidłubac 355, а послѣ гортанныхъ въ одномъ только словѣ klubko, но kolbasa; при пол. kiełbasa; есть еще мѣстное названіе Chomec; и опять согласно съ пол.: mil'ćec, vil'ci 243, возлѣ чего встрѣчаемъ изъ Земпл. vel'k 384.

Вм. *lъ*, *lь*, изъ котораго развилось послѣ гласное l̥, есть *li*: sl'izi 360, slizi 418 въ Земпл. и Унг., въ Спиш. solza 218; plit 276 (др. чеш. plet—plti, русск. плоть), hil'boko 237 — и даже do hl'ibokej jami 354.

Для характеристики восточныхъ говоровъ словацкихъ важнѣе другое явленіе фонетическое. Именно, въ немъ находимъ, какъ вообще во всѣхъ сѣверныхъ языкахъ славянскихъ, въ западныхъ (чешск., польск. и др.) и въ восточныхъ (русск.) вм. др.-сл. or, ol + cons. въ началѣ словъ съ одной стороны *ra*, *la* : lačni, съ другой *ro*, *lo* : rol'a, rokicani, rovňina, rožeň, roz-, lokec, изрѣдка raz, do treceho razu, tri razi. Въ среднесловацкихъ говорахъ, напротивъ, тутъ почти правильно только *ra*, *la*, какъ въ южнославянскихъ языкахъ. Однако слѣдуетъ отмѣтить мѣстное названіе въ Спиш. уѣздѣ Raspuče вм. Raspuće, изъ Rasputje : *č* вм. *ť* здѣсь также какъ въ čežki, čeža изъ t'ežki, t'eža. Кромѣ этого имени, которое авторъ приводитъ на стр. 37, мы должны еще припомнить мѣст-

ное названіе Raslavice (стр. 583), вѣроятно, изъ личнаго имени Raz-slav-. Поэтому могли ли бы мы предполагать, что и въ этихъ сѣверовосточныхъ окраинахъ распространенъ былъ говоръ сходный со среднесловацкимъ? Въ сочиненіи Нидерле «Národopisná mapa uherských Slovákû» есть еще въ Шариш. уѣздѣ деревня русская Ráztoka, но судя по мадьяр. названію Rosztoka (стр. 98), названіе измѣнено по правилу литературнаго языка словацкаго. Впрочемъ, и въ границахъ среднесловацкихъ говоровъ встрѣчаемъ мѣстныя названія въ формѣ не среднесловацкой, но восточно-словацкой, или западно-словацкой, напр. въ у. Новоградскомъ есть деревни Rovná, Rovňany (Нидерле 61, 63), также въ Гемер. Rovné, Rozložná (ib. 66, 68). Впрочемъ, топографическая номенклатура словацкая до сихъ поръ не вполнѣ надежно записана, судя по критикѣ назв. труда со стороны г. Цамбеля; итакъ, пока слишкомъ рискованы этнологическіе выводы на ея основаніи.

О малоруссахъ въ этихъ сѣверныхъ краяхъ венгерскихъ предполагаетъ авторъ, что они сюда переселились позже, мало-по-малу передвигаясь съ сѣвера на югъ отъ Карпатъ (стр. 27). Вопроса, когда словаки переселились въ польскій слой восточнословацкой площади, не рѣшаетъ авторъ. Указываетъ только на названіе рѣки Topl'a, которое въ этой формѣ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ актахъ XIV в., а теперь есть въ вост.-слов. нарѣчіи только cepli, м. названія Ceplica, Ceplĭčani, Cepl'ička; разумѣется, что рѣка эта не могла быть названа Topl'a отъ людей, говорившихъ вост.-слов. нарѣчіемъ. Для г. Цамбеля названіе это вмѣстѣ съ другими было тоже однимъ изъ доказательствъ весьма близкой сродности Словаковъ съ южными Славянами (срв. Slováci a ich reč стр. 76). Но напрасно. Хотя въ южнослав. языкахъ правильная форма topl-, съ древнѣйшихъ временъ встрѣчаются названія Топлица (см. Даничић Рјечник из књиж. старина III, s. v.), все-таки не рѣдка въ древне-серб. языкѣ форма тепл- (Даничић III, 288), а въ чакавскомъ говорѣ только tepal (Nemanić Čakavisch-Kroat. Stud. вып. 3, стр. 21). Итакъ, и въ словацкихъ говорахъ могли быть рядомъ обѣ формы topl- и tepl-. Несомнѣнно только, что не могли Поляки называть эту рѣчку Topl'a, и что Словакъ такъ ее назвавшій говорилъ нѣсколько другимъ діалектомъ, чѣмъ нынѣшнее населеніе этого края. Изъ пол. XIV в. извѣстно еще мѣстное названіе въ Спиш. надъ Попрадомъ Teplica (авторъ приводитъ его въ другомъ мѣстѣ своей книги, на стр. 157). Названіе мѣстное Luchka въ непосредственномъ сосѣдствѣ Спиша въ актѣ г. 1273 записалъ несомнѣнно

не-Полякъ, и вѣроятно, выговарили его безъ носоваго, не łọčka. Изъ формъ Visoka, Ridnich (вм. Ribnich ?) ничего нельзя заключать о говорѣ писцевъ или жителей этихъ мѣстностей; весьма вѣроятно, что въ XIII ст. еще не совпало *y* съ *i* въ одинъ ясный гласный въ этомъ «словацкомъ» діалектѣ. Интересна форма Libica, записанная въ самомъ концѣ XIII в.

Нашъ авторъ рѣшаетъ еще другіе вопросы о прежнихъ жителяхъ нынѣшней восточнословацкой площади. Уже въ прежнемъ своемъ сочиненіи онъ высказалъ на основаніи именъ, записанныхъ въ актахъ XIII в. мысль, что Мадьяры и Славяне жили въ этихъ краяхъ смѣшанно, и это нынѣ онъ доказываетъ. Есть еще вопросъ о національныхъ отношеніяхъ на востокъ отъ рѣки Топлой, но его рѣшеніе оставилъ авторъ для слѣдующаго тома своего труда.

Есть еще два очень интересныя слова. Это во-первыхъ слово jendźibaba, записанное въ двухъ деревняхъ Шариш. у., стр. 289, 294, 296, и въ формѣ jendžibaba въ одной деревнѣ Земплин. у. стр. 382 — тоже въ среднесловацкихъ краяхъ, см. Škultéty Dobšinský Slov. poves. 3 изд., стр. 379,—и кромѣ того, еще безъ слѣда носоваго гласнаго, jedžibaba стр. 381, отъ того же самаго разсказчика. Въ другихъ мѣстахъ Шариш. у. записалъ авторъ форму ježibaba стр. 301, 330. Форму jendźibaba слышалъ г. Цамбель еще у Угроруссовъ, стр. 463. Второе замѣчательное слово serenča, стр. 407, записано въ Унг. у. Оба эти слова хорошо извѣстны Угроруссамъ. 1) Гиньджібаба, Гинджібава Етн. Збірн. IV, стр. 41, 59, въ Земпл. и Унг. у., Енджібаба при Еджібаба Ив. Верхратскій Знадобы для пізнання угорско-руських говорів стр. 139 (Зап. тов. Шевч. XLIV), и еще до Язьі-бабы ib. 146, все изъ Шариш. у. 2) сиреньча Етн. Зб. III, 101, сиреньчá ib. 105, сириньчá ib. 108 въ Унгвар. и Берег. у. въ значеніи олицетворенной доли, срећ-и. Еще другія славяно-мадьярскія слова извѣстны Угроруссамъ: ґиринда, др.-слав. градъ, пóроньч, мадьяр. párancs, др.-слав. поржч—. Какъ эти слова, такъ и другія еще славянскія слова были въ мадьяризованной формѣ, какъ напр. баратоустство побратимство (Етн. Збірн. IV, 234), приняты отъ Угроруссовъ при посредничествѣ мадьярскомъ. Возможенъ вопросъ, были ли эти слова совсѣмъ чужды предкамъ нынѣшнихъ Угроруссовъ; по крайней мѣрѣ допустимо, что въ ихъ древнемъ говорѣ существовало слово *сърача. Проф. Ашботъ предполагалъ (Извѣстія отд. рус. яз. VII, кн. 4, стр. 251 сл.), что Мадьяры взяли слово szerencse прямо изъ

др.-ц.-слав. сърдашта, и č изъ ц.-слав. шт измѣнилось, по его объясненію, на почвѣ мадьярскаго языка. Еще труднѣе объясненіе формы jendžibaba, гиньджібаба и др. Видѣть польскую форму въ jendźibaba, какъ г. Цамбель (стр. 527) хочетъ, трудно, потому что такая форма въ польскомъ языкѣ ни въ одномъ говорѣ неизвѣстна. Махаль Nákres slov. bajeslovi 66, основываясь, можетъ быть, на Krek Einleitung 409, приводитъ будто польскую форму jędži-baba, безъ указанія своего источника. Такая форма не находится ни въ одномъ словарѣ польскаго языка, не знаетъ ея ни Карловичъ Słownik gwar polskich, приводя (II, стр. 267) только формы jędza, jędzona, jędzonka. По любезному сообщенію проф. Лося, не знаютъ такой формы ни Szulc въ своей миѳологіи, ни Мацеёвскій, ни Вишневскій, ни Нарушевичъ. Итакъ, нельзя предполагать, что изъ какого-то польскаго *jędži развились формы jendži—, гиньджі—. Надо искать другого объясненія. Но какъ объяснять этотъ явный слѣдъ носоваго гласнаго въ вост.-слов. и угрорусск. формахъ этого слова помимо польскаго языка?

Встрѣчающаяся у словаковъ еще форма jenžibaba произошла, вѣроятно, изъ jendžibaba. Польскому jędza отвѣчаетъ вполнѣ др. чешское jěžě lamia, jěžěnka, jězinka злое существо женское, lamia, которое до сихъ поръ удержалось мѣстами въ традиціяхъ народа (Gebauer Slovník staročeský I, 641). Этимологія этихъ словъ до сихъ поръ не объяснена еще къ общему удовлетворенію, ни у Потебни О миѳич. знач. нѣкот. обрядовъ, стр. 91, срв. Krek Einleitung 409 примѣч., ни у Матценауэра Listy filolog. VIII (1881), 35. Разъ оно изъ *ѧг— (лит. eng-iu, eng-ti corrodere, corrodendo cavare и пр.), объяснимо м.-русск. язя, но не jendži—, гиньджі—. Другое бы было, если бы можно было эти слова выводить изъ какого-нибудь *jęd—; тогда было бы ясно пол. jędza—, др.-м.-рус. ѧджа... Такая форма могла бы сохраниться только тогда, если бы она въ давнее время, прежде чѣмъ утратились носовые гласные, перешла въ какой-нибудь чужой языкъ, напр. въ мадьярскій...

Разсмотрѣвши древнія племенныя отношенія на площади вост.-словацкой, авторъ исчисляетъ (стр. 53 сл.) всѣ села и деревни словацкія на этой площади въ азбучномъ порядкѣ (всѣхъ 679 съ 387000 жителями), далѣе описываетъ границы этой площади, инородческіе острова въ ней (русскіе, польскіе, нѣмецкіе и мадьярскіе), наконецъ исчисляетъ вост.-словацкія поселенія за границами этой собственной площади вост.-словацкой. Здѣсь оставлено еще весьма много (срв. примѣч. стр. 60 сл.) будущему изслѣдователю, чтобы точнѣе обозна-

чить племенныя отношенія и діалектическія особенности. Въ послѣднемъ § этой главы (стр. 62) авторъ коснулся языка и народности жителей селъ Керестура и Коцура въ Бачкѣ и совсѣмъ правильно, сходно съ акад. А. И. Соболевскимъ, высказался, что это восточные Словаки, точнѣе изъ «затоплянскаго края собственной области восточнословацкой». Дальше исчисляетъ онъ всѣ деревни польскія въ сѣверной части спишскаго у. (63 сл.) и главныя черты ихъ говора. Основываясь на топографической номенклатурѣ этого края, считаетъ онъ польскій элементъ вполнѣ домашнимъ съ давнихъ временъ (въ мѣстномъ названіи Koguntek, стр. 70, можетъ быть, лишь секундарный носовой). Небольшой сборничекъ Луц. Малиновскаго «Powieści spiskie» въ VI т. краковскихъ Mater. antropol.-archeol. i etnograf.—, къ сожалѣнію, автору неизвѣстенъ. Съ говоромъ Поляковъ въ земплин. у. не познакомился г. Цамбель ближе, замѣтилъ только въ примѣч. на стр. 70, что ихъ рѣчь «hodne odpol'štená». Очень рѣзко отмѣчаетъ г. Цамбель, что словацкія деревни отдѣлены отъ польскихъ въ спишскомъ у. рядомъ нѣмецкихъ и русскихъ деревень. Изъ этого слѣдуетъ, по его весьма вѣрному замѣчанію, что нельзя польскія особенности въ словацкихъ говорахъ принимать за новѣйшія, возникшія вслѣдствіе близкихъ отношеній говоровъ польскихъ и словацкихъ (стр. 70). Дальше исчисляетъ нѣмецкія деревни, а потомъ русскія, отмѣчаетъ поверхностно діалектическія особенности этихъ говоровъ (стр. 75—87), не обращая вниманія ни на тексты, изданные Волод. Гнатюкомъ къ IX т. Етногр. Збірн., ни на изслѣдованіе и тексты Ив. Верхратскаго — объ этомъ сочиненіи онъ повидимому ничего не знаетъ; первое онъ все-таки отмѣтилъ въ библіограф. обзорѣ стр. 198. Верхратскій написалъ въ началѣ своей статьи (стр. 3), что люди въ этихъ мѣстностяхъ называютъ себя Руснаци или Руснакы, и языкъ свой рускый или руськый. Между ними однако живутъ еще Словаки «вѣры руской», которые говоръ свой называютъ словенскимъ. Этихъ-то Словаковъ нашелъ онъ въ Мальцовѣ, и указалъ отличія ихъ говора отъ сосѣднихъ говоровъ русскихъ. Нѣкоторые тексты изъ назв. села напечаталъ Гнатюкъ въ своемъ сборникѣ (стр. 105—116), и Цамбель вѣрно замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 198), что они уже теперь почти словацкіе. Не безъинтересенъ разсказъ изъ с. Якубянъ Спиш., напечатанный въ книгѣ Гнатюка (стр. 90 № 47); въ немъ видно какое-то словацкое самосознаніе: только что Слоўякъ въ солдатахъ немножко выучился по-нѣмецки, сейчасъ стало ему лучше, чѣмъ рожденному Нѣмцу. Впрочемъ, тотъ же самый разсказчикъ

еще разсказалъ, какъ плохо живется Руснаку на родинѣ спишской и почему онъ убѣгаетъ въ Америку (№ 46). Эти записи не малоцѣнны для характеристики этихъ племенныхъ названій и ихъ значенія, и желательно было бы ими дополнить примѣчанія, сдѣланныя авторомъ стр. 75—77, 79—84.

Отмѣчая это неполное знаніе литературы предмета, позволю себѣ припомнить, что г. Цамбель не обратилъ вниманія на мою статейку объ говорѣ Остурнскомъ въ журн. Listy filolog. XXX, 415 сл.; зная ее, онъ бы могъ точнѣе высказать свое мнѣніе объ этомъ интересномъ смѣшанномъ говорѣ на стр. 181.

Повсюду въ этихъ краяхъ старался г. Цамбель опредѣлять діалектическія особенности и племенной составъ каждой деревни или самъ, или съ помощью надежныхъ знатоковъ мѣстныхъ; онъ старался, чтобы точно было записано названіе каждой мѣстности, каждой деревни, каждаго поселка; такъ онъ могъ дать много исправленій сочиненія Нидерле «Этнографическая карта венгерскихъ Словаковъ». Нидерле работалъ въ своемъ кабинетѣ главнымъ образомъ на основаніи оффиціальныхъ данныхъ статистическихъ, гдѣ не обращали достаточно вниманія на разные діалектическіе оттѣнки въ говорѣ мѣстныхъ жителей этихъ сѣверныхъ краевъ венгерскихъ, ближе ли они группѣ польской, или русской, или словацкой, и записывали просто «народность», которую объявили жители мѣстные сами. Были еще у Нидерле помощники изъ мѣстныхъ знатоковъ, но ихъ указанія не были такъ аккуратны, особенно въ записяхъ мѣстныхъ названій, какъ могъ расчитывать чешскій этнографъ. Цамбель указалъ въ своей книгѣ большое число ошибокъ и въ указаніяхъ племеннаго состава этихъ краевъ, и въ топографической номенклатурѣ, которыя допустилъ Нидерле, слишкомъ довѣряя оффиціальнымъ даннымъ и показаніямъ своихъ мѣстныхъ помощниковъ, но все-таки онъ увидѣлъ въ этомъ кабинетномъ сочиненіи «vrchol vedomosti poskytovaných literatúrou» (стр. 90), и сочиненіе это легло въ основаніе его изысканій.

Цамбель требуетъ главн. обр., чтобы мѣстное названіе было записано со всей возможною точностью, чтобы не измѣнялось, не исправлялось по нормамъ литературнаго языка; такъ напр. Ceplica пусть не мѣняется на Teplica и пр. Итакъ, онъ призналъ нужнымъ орѳографію «pripodobiť hláskoslovným zákonom východnej slovenčiny... zachovávať hláskoslovné zákony východnej výslovnosti pokial' to dovoluje bežný pravopis slovenský a pokial' inakšie nenakladá srozumitelnosť napísaného názvu» (стр. 90, 91). Вотъ здѣсь уже онъ дѣлаетъ уступки въ

пользу литературнаго языка, а разница между нимъ и Нидерле и его помощниками не въ принципѣ, но только въ вопросѣ, когда мы должны сохранять мѣстные оттѣнки въ топографическихъ названіяхъ и когда мы можемъ ихъ исправлять въ пользу литературнаго языка. Такъ напр. Цамбель пишетъ Sitnica, Smilno, Slivník, Brusnica, Kazimír, не означая мягкихъ *ś*, *ź* вост.-слов. діалекта. Онъ на самомъ дѣлѣ не означаетъ долгихъ гласныхъ, ибо ихъ нѣтъ въ вост.-слов. діалектѣ, когда пишетъ въ Rovné, Krivé, Ovčie, Babie долгіе гласные, для того чтобы читатель зналъ, что эти названія прилагательныя сред. р. (стр. 94); онъ пишетъ *u* вм. *o* въ названіяхъ Potučky, Vujtovce, — и противъ живаго языка Bdzinov, Bajerov, чтобы всякій зналъ, какъ эти имена склонять (стр. 95). Названій деревень польскихъ онъ не пишетъ въ польской формѣ, но по правиламъ вост.-слав. рѣчи (стр. 98); такъ же пишетъ онъ тѣ же названія въ уѣздахъ Земпл. и Унг., въ которыхъ не живутъ Словаки чистые, но смѣшанные съ Малороссами (стр. 101). Г. Ц. желаетъ, чтобы по возможности названія вост.-слов. деревень, поселковъ и т. д. писались въ формѣ вост.-слов., но для названій польскихъ, малорусскихъ не признаетъ уже правильнымъ свое вниманіе къ чисто-мѣстнымъ формамъ.

Иначе, онъ признаетъ оффиціальную номенклатуру топографическую, все равно, удачна ли она, или нѣтъ (стр. 107, 109), и очень часто даетъ словацкій переводъ мадьярскаго названія, принявъ различеніе похожихъ названій помощью прилагательныхъ «veľký» «malý» и т. д. Здѣсь онъ упускаетъ вполнѣ изъ виду пріемы научные, и часто въ книгѣ совѣтуетъ покоряться авторитету мадьярскаго чиновничества и признаетъ только одно — самый жалкій опортунизмъ. Безпристрастный ученый діалектологъ и этнографъ здѣсь совсѣмъ умолкъ, и уступилъ слово высшему чиновнику венгерскаго правительства. Здѣсь, въ ученомъ журналѣ, нѣтъ мѣста для разговора съ венгерскимъ чиновникомъ, и потому мы прекращаемъ дальнѣйшія замѣчанія.

Заговоримъ мы снова съ нашимъ діалектологомъ о второй части введенія его книги, въ которой онъ далъ мѣткую характеристику восточно-словацкихъ говоровъ. Раздѣляетъ онъ ихъ на двѣ группы: 1. «samosvoja», 2. «pomiešaná»; въ этой послѣдней еще не утвердились всѣ черты словацкаго языка. Такихъ смѣшанныхъ діалектовъ два: а) въ уѣздахъ Земплин.-унг., б) въ югозап. углѣ Спиш. уѣзда, говоръ т. наз. «лучивнянскій». Этотъ говоръ развился, по мнѣнію автора, тамъ, гдѣ жители Липтовскаго у. переселились на слой поль-

скій, который былъ смѣшанъ съ русскимъ, и этотъ смѣшанный элементъ подвергся нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ вліянію вост.-слов. діалекта (стр. 117). Въ примѣрахъ этого говора—онѣ напечатаны стр. 427—439—находимъ гласные r̥, l̥ — изрѣдка verch, kmoter 438, ra изъ op+cons. въ началѣ слова virasceni 427, окончаніе творит. п. ед. ч. у именъ жен. р. ov: so svojov ženov 427 (но встрѣчается и окончаніе *u* правильное въ вост.-словац. діалектѣ: žezěnu 437); есть дальше полонизмы cali, chlop обыкновенные во всѣхъ вост. говорахъ; помимо того еще opentana 437.

Разумѣется, эти говоры различаются въ разныхъ мелкихъ явленіяхъ, и нельзя повсюду съ желательною точностью отличать «смѣшанный» говоръ отъ «самобытнаго», и авторъ это самъ признаетъ при говорахъ шаришскихъ (стр. 121). Всего важнѣе въ этихъ говорахъ *i* вм. *ѣ* (стр. 120), этимъ они ближе къ малорусскимъ говорамъ; и авторъ также признаетъ здѣсь русское вліяніе (стр. 151). Изъ замѣчаній автора узнаемъ, что пока еще не опредѣлился говоръ совсѣмъ развитый, но что особенности польскія и русскія постоянно еще борются противъ силы словацкаго языка. Въ этихъ замѣчаніяхъ автора есть интересъ общій, для жизни и роста языка вообще, особенно гдѣ сходятся языки и говоры родственные. Авторъ приводитъ примѣры, какъ мѣстные жители русскіе, польскіе вполнѣ еще не словакизовались; мѣстами молодежь уже употребляетъ формы словацкія, но старые люди держатся еще формъ русскихъ (стр. 122, 124 сл.), или что жители сами говорятъ разными говорами, съ чужими, образованными—словацкимъ, но между собою своимъ смѣшаннымъ говоромъ «bez riadu a skladu» (стр. 123).

Весьма интересна глава о вліяніи другихъ языковъ на эти діалекты (стр. 129 сл.). Есть старое вліяніе польское, есть и новое; есть еще вліяніе русское; и это видитъ авторъ въ восточныхъ говорахъ, земплин. и унг. уѣздовъ. И церковный языкъ вліялъ на говоры, но разномѣрно. Въ церковныхъ книгахъ кальвиновъ, о которыхъ авторъ сообщилъ новыя свѣдѣнія, проявилось вліяніе мадьярское, особенно въ синтаксисѣ. Но до настоящаго живаго языка кальвинскихъ общинъ повидимому это вліяніе не доходило. По крайней мѣрѣ въ текстахъ, которые сообщили г. Цамбелю кальвины (стр. 408 сл.), не видны тѣ особенности, которыми богаты ихъ напечатанныя книжки церковныя. И въ лексикѣ, кажется, мадьярское вліяніе не было такъ сильно, какъ его видимъ въ угрорусскихъ разсказахъ, изданныхъ В. Гнатюкомъ въ III—IV тт. Етнограф. Збірника. Очень сильно было повсюду у всѣхъ, и лютеранъ, и римскихъ ка-

толиковъ, и уніатовъ, вліяніе чешскаго языка (стр. 143 сл.) посредствомъ церкви. Священники всѣхъ вѣроисповѣданій, и кальвинскіе, придерживались чешскаго перевода библіи. Напротивъ, церковный языкъ уніатовъ, по мнѣнію г. Цамбеля, не вліялъ сильно (стр. 146). Впрочемъ онъ самъ видитъ въ одной «русской» пѣснѣ изъ Вачки (стр. 127) вліяніе церковно-славянскаго языка, и если бы онъ былъ повнимательнѣе, и разсмотрѣлъ пѣсни изданныя Гнатюкомъ въ IX т. Етн. Збірн., нашелъ бы болѣе слѣдовъ этого вліянія. Велико число русскихъ словъ и выраженій, фонетическихъ и морфологическихъ явленій, но онѣ объясняются просто — смѣшеніемъ двухъ сосѣднихъ народностей, словакизованіемъ широкихъ слоевъ русскаго люда вслѣдствіе численной силы и культурнаго перевѣса Словаковъ (стр. 147). Эти русскія поселенія и русскія большинства въ общинахъ въ срединѣ восточно-словацкой площади и на нынѣшнихъ южныхъ окраинахъ, по мнѣнію автора, сравнительно не давнія, со второй половины XVII в.

Широко объясняются діалектическія особенности восточно-словацкихъ говоровъ (стр. 149—178). Объясненія его отчасти ошибочны, и не полны. Г. Цамбель объясняетъ напр. (стр. 153) формы 3 л. мн. ч. zbujňici veda, dze me dva oči povedza, предполагая въ окончаніи «слѣдъ носоваго a͡n»; этотъ слѣдъ онъ видитъ еще въ 3 л. мн. ч. sa вм. sú и въ vera вм. veru. Но форма sa отвѣчаетъ вполнѣ др.-слав. *сѧтъ изъ индоевр. *sénti, которое предполагаетъ макед. сет, се (Лавровъ Обзоръ 201). Эту форму sa читаемъ мы еще въ сред.-слов. сборничкѣ Римавскаго стр. 28: či sa královja doma. Форма 3 л. мн. ч. povedza аналогическая по 1 л. ед. ч. vedzem, 2. л. ед. vedzeš и т. д., какъ 3 л. мн. ч. odetňu 267, zamkňu 309, ozvju 299, и въ говорѣ земпл.-унг. priveźu 376, poňešu 403. Форма 3 л. мн. ч. veda, co to za panove do chiže ida 318, dze ho dva oči poveda 318 впрочемъ при правильной формѣ prevedu 317, вѣроятно, также продуктъ аналогіи, м. б. по 3 л. мн. ч. глаголовъ съ основою настоящ. времени —i.

Для говора шаришскаго важно не только i вм. ѣ, что припомнилъ авторъ стр. 151, но вообще i въ закрытомъ слогѣ: remiň 304 при remeň ib., poľihali na źim 318, na źim 256, 310, ňezapomnul o ňim 287, прич. прошед. ucik 305 rozňis 279, priňis 274, 294, 315, 318, но doňesla 318; odviz 295, priviz 280, 307, privid 268, 289, 301, odvid 304; неопредѣл. наклон. pisc 278 изъ péct, péci, печи, но встрѣчается тоже upesc 272, privesc 280. Дальше есть еще pościl' 269, koscil 321, śidzem 267, 274, но šesc 274. Въ говорахъ земпл.-

унг. также находимъ privid 371, zňis 377, priňis 378, priviz 378, śidzem 375, 381. Здѣсь, несомнѣнно, было вліяніе угро-рус. діалекта.

Кромѣ того, бываетъ еще *і* вм. *ѧ* въ закрытомъ слогѣ, въ причастіи прош. zl'ik 257, stris 308, kl'ik 318, но въ открытомъ trešli 280, strešli 281. Изъ этихъ формъ перенесено *е* въ закрытый слогъ zl'ek 287, и это *е* измѣнилось какъ *е* вообще въ закрытомъ слогѣ въ *і*. Такъ образовались сѣвер.-мрус. запрюог, брус. запрог, юврус. запрёг, трёс вм. правильныхъ формъ съ *я*. Есть еще *і* вм. др.-слав. *ѧ* въ tišic 280, 285, въ говорѣ земпл.-унг. šteracecpejctišic 413; мѣстами встрѣчается эта форма въ мрус. говорахъ; такъ, въ долинскомъ тісьіч Зап. Шевч. XXXV—XXXVI, 24.

Вм. др.-слав. ъ бываетъ часто *о* при *е*, особенно въ шариш.: vonka 266, 281, 312, vošol, 281, vovjed 283, vo śveće 268, vo mliňe 320, v ov popovskich śmatoch 258, vov sňehu 331; zo mnu 281, zo sebu 287, 289, zospodku 267, zoženu 266, zožrec 292, zoml'el 320 zos princom 281, но тоже: ve zlosci 311, ve vodze 289, zebral 287, ze mnu 278, 296, zezubami 272, zes slaňinu 299, nade dňem 313, ode mňe 287, 311, odebral śe 268, 287, odervac 267, odecal 271, 294, odešli 287, napredek 256. Въ творит. пад. ед.-ч. s vojakem 268, s pismem 268, zos svojim panem 277, bokem 271, s vozem 293 и тоже śvetom 271, 286, pod tim panem 279, odebralśe s Bohom i s Duchom svatim 287, za mojim otcom 287, zos svojim bratom 289, s panom fararom 321 и пр.

Въ спишскихъ говорахъ, можно сказать, форма творит. пад. ед. ч. om правильна: s sinom 235, nad tim słovom 233, pred pohrebom 230, hładom 222, pred svojim occom kral'om 215; часто встрѣчается *о* вм. ъ въ нарѣчіяхъ vonka 209, 228, von 215, 222, 223 и др., напр. на стр. 230: zomreło, zo sebu, zošiji при vešl'i, sejmal'i perscenek; стр. 235: odobrał, vo śvece, zo svoju ženu и ze mnu; стр. 215: zo zlatu šablu, zosobaśic и napredek, nazadek; стр. 222: zodzel zo sebe skuru, zośekam и ode mňe, и пр.

Кромѣ того, нерѣдки формы причастія прош. на *лъ*, гдѣ образовалась между согласнымъ и *l* гласная *о* какъ въ ср.-слов. говорахъ: vl'ekoł 216, preňesoł 216 spadoł 211, zjedoł 211, doňesoł 230, mohoł 226, ukradoł 234, privezoł 235; то же въ говорахъ шаришскихъ, хотя гораздо рѣже: mohoł 256, 286, 299, 324, vedoł 278, при формѣ, гдѣ *l* послѣ согласныхъ отпало: sezl'ik 257, obl'ik 260, 319, privid 268, 289, vovjed 283, doňis 269, rozňis 279, odviz 295, ňemuh 257, 271, 311, strjas 285, ucik 305, śe najid 315, vicah 315. И въ абауйск. говорахъ обѣ формы: spadol 334, mohol

335, 349; prinesol 336, zl'ekolśe 336, ňeohl'adołśe 337, zatresol 348, zaňesol 349, возлѣ: śe zobl'ik 335, ź'ed 354, ňemoh 348, 355, priňes 335, prebl'ekśe 336, ukrad 336.

Какимъ путемъ развилось въ этихъ говорахъ *o* вм. др.-слав. ъ, о томъ могутъ быть разныя мнѣнія. Цамбель приводитъ (стр. 157) мнѣніе проф. Пастрнка, что здѣсь было вліяніе литературнаго языка словацкаго, и это потверждаютъ, по моему, формы причаст. прош. cons.+ol. Цамбель, дальше, допускалъ бы здѣсь еще вліяніе русскихъ говоровъ, но объясняя стр. 616 форму zoz возлѣ zez, все таки становится на точку зрѣнія, что форма ze(z) гибнетъ подъ вліяніемъ литературнаго языка. Вслѣдствіе этого вліянія, вѣроятно, расширилось такъ сильно и окончаніе творит. пад. ед. ч. у муж. и сред. основъ на *o*: om.

Вопреки мнѣнію автора стр. 154 сл., должны мы замѣтить, что было правило «podl'a ktorého sa dialo upravenie slabík s *l. r.*», чтобы употреблять съ маленькою поправкою способъ объясненія г. Цамбеля. Нѣтъ сомнѣнія, какъ уже сказано въ началѣ нашего разбора, что здѣсь было вліяніе польское. И это польское вліяніе было въ словацкихъ говорахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ самыхъ западныхъ говорахъ малорусскихъ. Верхратскій (Знадобы 32) приводитъ: гардый, саршинь, карчма, варкоч, еще гартань, гдѣ было согласное *r*, срв. польск. krtań; изрѣдка встрѣчается въ другихъ словахъ: растаргнула Спиш. Етногр. Збірн. IX, 60 гарчара, умарла Шариш., Мальцовъ ib. 108, 114, 115.

Авторъ не различаетъ рефлексовъ др.-слав. or, ol+cons. отъ cons.+or, ol+cons. Въ славянскихъ языкахъ сѣверныхъ, какъ извѣстно, развились отчасти иные рефлексы въ началѣ слова, чѣмъ въ срединѣ слова, и то въ соотвѣтствіи съ древнею акцентовкою. Тутъ разошлись тоже словацкіе говоры, какъ мы уже замѣтили въ началѣ нашего разбора. Въ вост.-слов. говорахъ lokec совсѣмъ правильно при средн.-слов. laket', и авторъ ошибается, когда онъ стр. 155 видитъ здѣсь какую-то польскую форму, какъ chłop, smrod; это послѣднее слово впрочемъ очень рѣдко встрѣчается, въ записяхъ изъ Спиш. только въ одномъ текстѣ стр. 220, а кромѣ того, еще въ Шариш., см. словарь стр. 591. Въ одной сказкѣ, записанной шаришскимъ говоромъ въ сборникѣ Škultéty Dobšinský Slov. pov[3]. 373 читаемъ еще glupa jeho hlova. Повидимому, полногласныя формы čerevo, čeres, čerjeslo не надо принимать за руссизмы; онѣ, какъ извѣстно, не чужды и средне-словацкимъ діалектамъ: čerieslo, čerieda, а въ наукѣ утвердилось прочно

мнѣніе, что ихъ сходство съ русскими полногласными лишь случайное (Соболевскій, Лекціи [3], 25). Такія «полногласныя» формы встрѣчаются иногда и въ южнославянскихъ діалектахъ, и только вм. чр; такъ, въ болг. черешна, въ одномъ древнесерб. актѣ XV в. называется мѣсяцъ, въ которомъ зрѣютъ черешни, черешнярь (Даничић Рјечн. из књиж. стар. III, 462; Akad. Rječnik I, 943); и въ чакав. говорахъ есть такія же формы: čeгерńа, čeгešńa (Nemanić Čakav.-kroat. Studien, вып. 2, 45), но črēdȁ, črévo, črēр. Мадьярское вліяніе здѣсь нельзя допускать, какъ г. Цамбель вѣрно замѣчаетъ, ибо вм. слов. čeriedа въ мадьяр. языкѣ csorda. О долготѣ второго слога čerieslo, čeriedа нельзя сказать, какъ желаетъ авторъ, что сохранилось долгое ѣ церк.-слав. языка. Но въ старшемъ črieslo, črieda развился секундарный гласный е между č и r, и при этомъ долгота сохранилась; противъ штокав. цријѐво, цре́во изъ цре̄вȍ—въ слов. čerevo краткій слогъ.

Между мадьяр. мѣстнымъ названіемъ Ragyoc, Ragyólcz или Regyóc, Regyolc и словацкимъ названіемъ этой же самой деревни Ordzaviany нѣтъ прямого соотвѣтствія; мадьяр. формы извѣстны уже изъ гг. 1278—1322, слов. только изъ г. 1584. Чтобы въ основаніи мадьяр. формъ было rzdja, ц.-сл. ръжда, какъ думаетъ авторъ стр. 157, очень сомнѣваемся; уже въ самыхъ древнихъ временахъ словацкаго языка должно было быть rdza; или мадьяр. названіе было старше образованія словацкаго яз.? когда еще не перешло древнее dj въ dz, и когда сохранялся и полугласный ъ? Словацкое названіе Ordzaviany было образовано самостоятельно.

Фонетическія и морфологическія особенности восточно-словацкихъ говоровъ слѣдовало бы изучать съ полнѣйшимъ вниманіемъ къ сосѣднимъ говорамъ русскимъ и польскимъ. Къ сожалѣнію, г. Цамбель слишкомъ мало обращалъ вниманія именно на эти говоры, хотя при массѣ изданныхъ матеріаловъ именно по угрорусской діалектологіи это не было нисколько трудно.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ переходятъ напр. очень часто ć, ś, ź въ ч, ш, ж, напр. въ Спиш. Якубянахъ пчаглі, швачену Етн. Збірн. IX, 91, въ Кремпахѣ грожньі, ів. 94, въ Вел. Липникѣ: ўчеклі, шńа, жьęлі вм. źje(d)li ib. 48, жйисті, вичáгну, жвірńа, ўжаў (вм. uźau) ib. 51, 53, 54, 56; въ Орябинѣ: шньіло, жвідóваў ib. 58, 59; въ Шариш. Мальцовѣ по швеце, по шьвице, шмерц, мішльім, шедльі на вуз, ўжал, шпівал и пр. ib. 105, 106, 111, 115. Другіе примѣры приводитъ Верхратскій въ упомянутой статьѣ стр. 40. 42.

Въ текстахъ г. Цамбеля весьма часто читаемъ čeža 268, 302, 350, 400 въ Шариш., Абауй, Унг., čežki 271 Шар., čežko 289, 323 Шар., čisar 344, 352 Абауй. Вліяніе западныхъ угро-рус. говоровъ должно видѣть въ medži 270, 271, 310, 328 и пр. Шариш., сл. Верхратскій ор. с. 43; такъ же форма pomeži 425 Унг. несомнѣнно русская. Рѣже это ś', ć', ź' изъ ś, ć, ź въ польскихъ говорахъ спишскихъ: ś'ana, ś'e, poś'li, koś'ć'ół, ś'ć'ągáł, zjeś'ć', ś'pivać, straś'ńe, vź'ón и пр. Malinowski ор. с. 127, 128, 129, 138, 139, 140. Напротивъ, такъ называемое mazurzenie, которое правильно распространено въ польскихъ діалектахъ спишскихъ, не достигло до сосѣднихъ діалектовъ ни русскихъ, у Верхратскаго совсѣмъ одиноко быцок стр. 43, ни словацкихъ. И такъ, можетъ быть еще вопросъ, слѣдуетъ ли въ этомъ č изъ ć и т. д. видѣть польское вліяніе. Впрочемъ оно встрѣчается косгдѣ и въ ср.-слов., особенно въ гемерскихъ говорахъ: čičbi, pǎč, chodžič Флоринскій Лекціи II, 333, došč, odviašč, zo priahrščia Škultéty Dobšinský Slov. pov. 415, 418, 419.

Вставка согласнаго j передъ нѣкоторыми мягкими согласными, особенно передъ свистящими, нерѣдка и въ угрорусскихъ говорахъ šejsc 364, hojscina 362, milojsc 363, dojsc 361 (т. е. dosť), pajsc 359 (т. е. pásť), s vel'ku radojscu 359, возлѣ: radoscu 359 360, особенно въ земпл.-унг. говорахъ, но также въ Шариш. pujšč 286, pejcidvacec 325, štiracecpejc 325, и въ Спиш. pejc 223, 229 pejcmi 236, творит. п. ед. ч. pejscu 248; есть еще мѣстное названіе Strajňani. То же явленіе замѣтилъ Верхратскій стр. 51: шейст дойст, гуйс, дойщ и дойч. Срв. Olaf Broch Weitere sl.-kleinrus. Studien 69 сл.

Въ одномъ текстѣ изъ Шариш. находимъ въ закрытомъ слогѣ, особенно въ окончаніи причастія прош. o вм. a: davol, zapiskol, schovol, znol, zaplakol, zapamatol, vźol 314, 315, 316, 318 при daval, znal, vźal 314, 316, 317, есть еще mol 317, 318 вм. словац. mal (т. е. [j]mal), и наконецъ еще piščolka 314. Здѣсь было несомнѣнно польское вліяніе. Въ польскихъ текстахъ, сообщенныхъ г. Цамбелемъ, читаемъ: pitoł, povedźoł, ńimjoł, pržedoł 449, 450. 459; и такъ o вм. a и á изъ ѣ; Малиновскій въ спишскихъ записяхъ своихъ отмѣтилъ только á: vołáłše, poznáł, spáł, gořáłka и пр. 130, 131, 132.

Въ этомъ же самомъ текстѣ Цамбеля изъ дер. Габолтова Шариш есть еще o изъ a въ настоящ. вр. ja mom, dom, žadom, 314, 316, 317 3 л. mo 317 при žadam, mam, zapiskam 314, 316. И тутъ проявилось вліяніе польское, въ текстахъ Малиновскаго записано

uznám 139, 1 л. мн. zahovómy 133, pómbóg, 141, zómek 148, do tego zómku 140. Польскимъ вліяніемъ слѣдуетъ еще объяснять tuňši Спиш. 226, пол. tań-

Наконецъ читаемъ въ этомъ текстѣ изъ Габолтова еще vidzul 313, povedzul 315 при vidzol 316 и правильной формѣ vidzel 316, povedzel 313; дальше еще scul 318, т. е. chtěl. Изрѣдка встрѣчаемъ такія же формы и въ другихъ мѣстахъ, въ другой деревнѣ Шариш. у. povědzol 309 при povedzel 309, въ одной деревнѣ Спиш. у. zrobjoł 242. Въ польскихъ говорахъ спиш. очень часто uł у глаголовъ съ основою *i*: móvul, chodźuł, kupúł и пр. Malinowski op. c. 130, 131, 133, 135, и вообще это явленіе въ польскихъ говорахъ весьма частое, ср. Кульбакинъ. Къ исторіи и діалектол. пол. яз. 17 сл. Въ формахъ vidzul, scul былъ тотъ же самый процессъ, который въ польскихъ говорахъ произвелъ формы k'oṷ, kożoł, kożuṷ, изъ k'eł, kożeł (Кульбакинъ op. c. 17), и отчасти былъ и въ сред.-слов. orol, osol.

Глаголы съ основою *i* образуютъ часто причастіе прош. съ окончаніемъ el, особенно въ говорахъ шаришскихъ: słužeł 295, 325, 327, robjeł ib., zrobjeł 323, zrobel 277, 280, 298; rozluč'eł 327 sudzjeł 325, zbłudzjeł 325, prebudzeł 324, vijaveł 324, viučeł 322, rucel 276, 300 vrucel'i 294, založel 283 al'e śe barz zarmucel 293, kurel 282, zastrel'el 277, un šicko podzel'el i vracel se nazad 276, postaveł 269, porodzela 270, ulapel'i 281, ukrucela 328, при okrucil ib. 328, patrel'i 326 при patrjił 326 и пр. По аналогіи этихъ глаголовъ, вѣроятно, измѣнилось такъ и коренное *и*, даже *ы*: b'eł 327, ž'eł 327, skreł 350. Гораздо рѣже, напротивъ, образовали глаголы съ основою *ѣ* причастіе съ окончаніемъ il: vidźil 240, 241, 349, povedzila 282, śe vracil'i a vidźil'i 242. Впрочемъ есть и неопред. наклон. hvarec 296 (прич. прош. hvareł 292 и пр.) при обыкнов. hvaric (hvaril'i 292), и напротивъ, того l'ecic 350.

Часто употребляется эта форма еще въ абауй. говорахъ: urobel'i, ulapel, zobudzela при zrobila 336; odsudzeł; chodzel'i 338, puščeł (т. е. puśćił) 339, położeł 340, udereł, zrobel'iśe, ulapela, zaduśela 343 при vraciłśe ib., priśl'ubel, zrucel 345 при viślebodzil'i, ulapil; viložel, skočel, dohodźel'i, puščel'i 347 viślelodzil, puščil'i; zrobel, viślebodzel 349 при odpuščil; rozchodzel'iśe, otvorelo, zrucelo 350 и пр.

Рѣже это явленіе въ спишскихъ говорахъ: она spatreła perscen 238, ulapela, napotrefel'i, rucela 240, и на востокѣ въ земпл.-унг. діалектѣ: śe odśtrašeł 266, popatreł 367, ňehnojeł 367 при

hnojil'i, pounoŝela 384, chodzeł 388, podruceł 389 при położił, prichodził и пр.

Это явленіе, очень частое въ польскомъ языкѣ, замѣчено уже въ памятникахъ 1-ой пол. XVI в. (Kalina Hist. jęz. pol. 379), и въ нынѣшнихъ говорахъ не рѣдко, но въ спишскихъ неизвѣстно. И такъ, едва ли возможно здѣсь видѣть польское вліяніе. И въ угрорусскихъ говорахъ эта форма рѣдкая, чаще всего въ говорѣ с. Мальцова Спиш. научел, гварела Етногр. Збірн. IX, 105, въ говорѣ болѣе словацкомъ, чѣмъ малорусскомъ. За то она иногда встрѣчается въ слов. говорахъ другихъ, напр. въ тярхов.: krút'el, hod'el, vrat'elsa Sborn. mus. spol. slov. X, 157, 159, въ нѣкоторыхъ говорахъ гемерскихъ: Флоринскій Лекціи II, 333, и въ нѣкоторыхъ западныхъ, именно въ верхнетренчанскомъ ib. 341.

Другіе явные слѣды польскаго вліянія рѣже. Очень распространено слово całkom съ словацкимъ окончаніемъ om, хотя въ восточныхъ говорахъ правильнѣе въ творит. п. ед. ч. у основъ *o*: em; форма całkem болѣе отвѣчающая пол. całkiem не употребляется, по крайней мѣрѣ примѣровъ я не нашелъ; однако встрѣчались слова съ *a* вм. др.-сл. *ѣ*: до laskovich orješkoch 242 въ одномъ текстѣ Спиш., и vjano 297 въ одномъ текстѣ Шариш.

Рѣдки слова съ польскимъ носовымъ. Повсюду распространено слово gemba, которое ворвалось и въ средне-словацкіе говоры въ формѣ gamba, и также сильно распространено въ западныхъ говорахъ м.- рус. Кромѣ того, есть съ пол. носовымъ еще škrentni ńapoj 351 въ Абауй., s kandratymi vlasami 267 въ Шариш. По указанію Цамбеля есть еще въ учебникѣ Шаришскомъ kandri. Въ одномъ текстѣ изъ земпл. читаемъ žebi jich došpentu postril'al'i 382, вѣроятно, пол. doszczętu? Интересно, что вм. польскаго носового въ однѣхъ словахъ en (m), въ другихъ an (m), и это указываетъ, что онѣ получились не столько изъ разныхъ діалектовъ польскихъ, сколько изъ разныхъ временъ, слово съ an (m), вѣроятно, уже давно, а слова съ en (m) позже. Въ нынѣшнихъ польскихъ говорахъ спишскихъ только ę; Малиновскій записалъ rence, ręnka, gemba, gęmba. Вообще можно сказать, что въ вост.-слав. меньше этихъ полонизмовъ, чѣмъ въ зап. говорахъ мрус. И въ нихъ, конечно, тоже встрѣчаются разные рефлексы др.-пол. носовыхъ. Верхратскій стр. 27 приводитъ: ґамба, кандратый.

Изрѣдка нашелъ Цамбель *ᴍ*; но и тѣ лица, которыя выговаривали этотъ гласный, говорили вмѣсто него тоже ясный гласный *i*; такъ, разсказчица въ Маргеcанахъ Спиш. 239—242 говорила: bŭ, vŭslébodzic, vŭmeńic, vŭdal'i, chŭži 240, mŭ, skr'ŭl 239 (въ

самомъ дѣлѣ было тутъ мягкое *r'* передъ *ŭ*? вѣдь совсѣмъ не отмѣчено мягкое *r'*), но чаще korito 239 sin 240, вин. мн. ч. pčoli, hlavi 240, родит. мн. živich 240 и пр. Вѣроятно, было тутъ вліяніе угрорусскаго говора.

Дальше слышалъ онъ такое *ŭ* (=*ы*) въ с. Габолтовѣ Шариш.: bŭm 315, 318, bŭ 318, chŭža 317, но чаще правильно *i*: chiže 318 и пр. Гораздо чаще, вѣроятно, подъ вліяніемъ угрорусскимъ это *ŭ* въ діалектѣ земпл.-унг., но и тутъ у тѣхъ же лицъ рядомъ слышалъ нашъ изслѣдователь ясное *i*, и кромѣ *ŭ* = *ы*, еще другіе гласные *e*, *ŏ*. Такъ, записано въ земпл. въ д. Доброй bŭ 367, но vischło, zvikl'i и пр., въ с. Удавскомъ 384: bŭ, bŭlo, vŭšlo, рядомъ rebe, petau, имен. мн. rebare, и ясное *i*: u korice, do chiži, vicahnuc, въ с. Котковцахъ 385—6: bŭ, bŭc, do jej chŭžŭ, tŭ, radŭ, mŭš и mŏš, даже *e*: prepetuju, впрочемъ *i*: им. ед. м. р. stari, chudobni, род. ед. skurki, na jaziku, pitał; въ с. Пашино 286—8: s tŏm korŏtkom, твор. мн. tŏmi, do robotŏ, zakrŭvala, вин. мн. kravŭ, šitkŭ grati, род. ед. vodŭ, tŭ, vŭpŭtal, даже uj, ŭj: pujtal tŭjch žandari, и у того же разсказчика еще *i*: им. ед. м. р. druhi dzeň, každi, tak'e statki, им. мн. kravi, pital; въ с. Длугомъ на Цирохе 388—390: bŭ, bŭł, bŭvał, pŭtac, vŭše и также kedz bi kotri prehvareł, visluchoł, chibec, do bitki, kiva. Въ унг. уѣздѣ слышалъ Цамбель это *ŭ* только въ Коромлѣ 425—7, и тоже изрѣдка: bŭ, vŭňaŭ, totŭ tripuntŭ; кромѣ того, еще *u*: vun ho se putau, že bu mu potolkovaŭ; чаще всего ясное *i*: bi, pitaŭ, им. ед. м. р. chudobni и пр.; нѣсколько иное сообщеніе Олафа Брока Weitere Studien 81 сл.

Нѣсколько словъ сказалъ авторъ объ акцентѣ въ § 89. Здѣсь онъ привелъ нѣсколько примѣровъ, какъ «угорскіе Русины употребляютъ акцентъ, чтобы различать значеніе однозвучныхъ словъ», между прочимъ žonà = žena, žòna = istý pták ошибочно: онъ не зналъ, что жòна вм. жóлна, жóвна, слов. žlna, чешск. žluna. Въ примѣчаніи къ этому § стр. 163 сл. полемизируя противъ критики Пастрнка, онъ хочетъ постоянно доказывать важность окончанія 1. л. ед. ч. наст. вр.—м (nesiem и пр.) для предполагаемыхъ имъ связей словацкой группы діалектической съ южнослав., съ языками сербо-хорват. и словинскимъ (хорутан.) Онъ замалчиваетъ передъ своими читателями, что можно прослѣдить историческое развитіе этого окончанія въ серб.-хорв. яз., что Даничић давно уже доказалъ, что впервые это окончаніе явилось у глаголовъ съ основой *a*, и то съ XIII в., послѣ, съ XV в., у глаголовъ съ основою *i*, съ конца XV в. и вполнѣ до XVI в. явилось у всѣхъ другихъ глаго-

ловъ. Въ словацкомъ языкѣ, гдѣ нѣтъ древнихъ памятниковъ, нельзя слѣдить за исторіею развитія этой формы, какъ въ серб.-хорват. и въ чешскомъ яз., но нѣтъ сомнѣнія, что и въ словацкомъ языкѣ и въ его говорахъ эта форма расширилась постепенно по всѣмъ глагольнымъ основамъ. Въ чешскомъ яз. она установилась у глаголовъ съ основами *a*, *i*, *ě* (pomáham, činím, umím), въ словацкомъ охватила, какъ въ серб.-хорв. яз., всѣ глаголы (nesiem, nèsêm). Было развитіе параллельное на славянскомъ югѣ и сѣверѣ и привело къ однимъ послѣдствіямъ. Къ сожалѣнію, не вспомнилъ онъ коротенькаго и яснаго объясненія Т. Д. Флоринскаго (Лекціи II, 309). Онъ, вѣроятно, весьма мало слѣдилъ за объясненіями родственныхъ связей, которыя дали новѣйшіе лингвисты западные, но обдумалъ самаго главнаго ихъ ученія, что тождественныя явленія морфологическія, сходства лексикальныя ничего сами по себѣ не доказываютъ для родства языковъ. Не мое дѣло входить здѣсь въ полемику г. Цамбеля съ г. Пастрнкомъ по вопросу о родствѣ или близости слов. яз. съ южнослав. вѣтвью, но хочу здѣсь замѣтить, что средствами, которыя потребляетъ г. Цамбель, вопросъ этотъ рѣшить нельзя.

Какъ авторъ можетъ въ именахъ съ суффиксомъ—dlo видѣть «pol'skost'» (стр. 164), не понимаю; самъ приводитъ мѣстное названіе Močidlani въ своемъ словарѣ (стр. 553). Скорѣе имѣлъ бы право видѣть въ režiło (стр. 298) въ одной деревнѣ Шариш. руссисмъ. Впрочемъ въ угро-рус. текстахъ кое-гдѣ встрѣчается йідло Етн. Збірн. IX, 89, 91 (въ Якубянахъ и Кремпахѣ Спиш.), модлілісьа ib. 43 (въ Сулинѣ Спиш.), модлыілша ib. 83 (въ Литмановѣ Спиш.), мыдло, мыдліті Верхратскій op. c. 53.

Въ дат. и мѣст. падежѣ именъ —*o* м. р. окончаніе ovi сокращено въ oj; по аналогіи этихъ именъ йдутъ имена—*o* сред. р., gu tomu śvetloj 370, gu čarnemu morjoj 381, pri čarnim morjoj 381, u tem morjoj 423; и дальше явилось это окончаніе у именъ —*a*: pobehla gu mamoj 361, daš zejs' svojej sukoj 372 gu tej dziŭkoj 385, gu židoŭkoj 388, gu muzikoj 392, na miskoj 387, o jadnej nohoj 388.

Эти формы упоминаетъ и Брокъ Studien 47, kravoj, Weitere Studien 21 muchoi̯ при muše.

По аналогіи сложнаго склоненія, напр. ku majstrovej 258, образовано daj princeznej 259, ku kral'ounej 405, kolo tej kral'ounej 394; также есть и сред.-слов. o pani strýnej Флоринскій Лекціи II, 295; им. ед. ч. král'evná Dobšinský Slov. pov. II, 53, дат. ku král'ovnej ib. 52.

Окончаніе oj въ дат.-мѣст. ед. ч. и у муж. именъ нисколько непослѣдовательно, встрѣчаются обѣ формы, на стр. 396 напр. gu staromu vojakoj и tomu staromu vojakovi; по аналогіи формы vojakoj образовалась форма дат. panuj: gu panuj kl'ebanu 388. Читаемъ еще gu pana kl'ebanu 388, не ошибка ли?

Окончанія род. мн. ч. —och у всѣхъ именныхъ основъ употребляются тоже очень часто въ сосѣднихъ діалектахъ угрорусскихъ и польскихъ, ср. Верхратскій ор. с. 73, 73, 77. Въ польскихъ говорахъ спишскихъ это ch измѣнилось въ *k*: z břegók Malinowski 133, z obłokuk 133, dukatók 134, do tyk křákók 138, или наоборотъ окончаніе именнаго склоненія *v* перешло въ склоненіе мѣстоименное и сложное: s tyf samorodóv 128, od tyf svoif bratóv 148, и потомучто въ род. и мѣстн. мн. ч. въ склоненіи мѣстоименномъ и сложномъ было сходное окончаніе, измѣнилось такимъ же образомъ окончаніе мѣст. мн. ч. у именъ: на tyf péńóndzaf 135, v zámcyskaf v skalaf duzyf 140. Однако должно замѣтить, что *f* вм. *ch* находимъ еще въ byf вм. bych: jeg byf ńe płakáł, k'edyf přisel 143. Но едва ли можно предполагать въ падежныхъ окончаніяхъ чисто фонетическое измѣненіе.

Это окончаніе och вм. ov развилось, вѣроятно, потому, что подъ вліяніемъ склоненія мѣстоименнаго и сложнаго было окончаніе *v* вытѣснено окончаніемъ *ch*. Окончаніе *ov* перенесено въ говорахъ польскихъ, малорусскихъ, великорусскихъ, вполнѣ въ говорахъ лужицкихъ въ среднія основы *o* и въ основы *a* и пр., и такимъ образомъ расширилось и въ вост.-словацкихъ говорахъ это окончаніе: chlapcoch и дальше jedloch, riboch, očoch, vecoch. Въ мѣст. п. мн. ч. проникло окончаніе och, вѣроятно, подъ вліяніемъ дат. мн. ч. —om. Такимъ образомъ сошлись вполнѣ формы род. и мѣст. п. мн. ч., и тѣмъ скорѣе, что въ этихъ падежахъ въ мѣстоим. и сложномъ склоненіи было окончаніе сходное. Другимъ путемъ развилось въ діалектѣ земп.-унг. и у людей русскаго происхожденія, какъ говоритъ авторъ стр. 172, въ мѣстн. п. мн. ч. окончаніе oй: chlopoй, ženoй, которое замѣтилъ уже Брокъ Studien 47, 49 сл.

Творит. п. ед. ч. кончается у именъ ж. р. въ имен., мѣстоим. и сложномъ склоненіи на *u*: ze mnu, smoju dobru ženu сходно съ западными говорами словацкими, но отлично отъ средне-словац., въ которыхъ *ov*, *oṷ*. Въ говорѣ лучивнянскомъ подъ вліяніемъ ср.-словац.: so svojov ženov 427. На самомъ востокѣ этой вост.-слов. площади, гдѣ сильнѣе вліяніе малорусское, также находимъ эту форму: iz l'iškoй 411. Совсѣмъ рѣдка форма s princezoj 399 при

princezu ib. въ текстѣ изъ Унг. уѣзда; и это несомнѣнно руссизмъ.

Имен. и вин. п. мн. ч. у мѣстоименій величныхъ съ мягкою основою кончается для всѣхъ родовъ на *о*, тоже у числит. dvojo: ked nas už dvojo ten vtačok obdarovol 354, budzeš našo dva koňe opatrovac 231, na tvojo peňeži 256, svojo statki nigda druhemu... ňedaj 334, dze mojo šestri 281, tote mojo princezi 345, tu maš svojo dzeci 303, že bi mi moja žena tri veci mojo dala 320 и пр., bul'i dvojo l'udze 329, tote dvojo prišl'i 313, mame dvojo dzeci 329, obi dvojo pošl'i do koscela 312. Эта форма иногда несклоняема, напр. dal'i tim dvojo panom jesc 318, но чаще всетаки склоняется вин. мн. ч. (=род.) kral vžał ich obidvojich do hiži 219. То же самое встрѣчается въ говорѣ бач-бодрогскомъ: цо мі бійу мойо бочкі Етн. Збірн. IX, 144, мойо младі часі нье ужільі краси, мойо младі льіта нье ужільі світа ib. 152, уж йа свойо дробні чада віховала ib. 171, най не облапйа твойо рукі ib. 193 и пр. Эти формы замѣтилъ уже Брокъ Studien 59, 60, Weitere Studien 37. Кое-гдѣ окончаніе *о* еще встрѣчается въ имен.-вин. мн. ч. въ сложномъ склоненіи: obl'ekla mešacovo šati 342 hvjezdovo šati ib., pakupiš grati, drahe taňire a miski porcinalovo 256, poslala na grati porcinalovo [1]) ib.; то же въ с. Дубравкѣ Земпл. записалъ Брокъ: jag ras póš'l'i do l'esa že bi š'e bavíl'i, išol tamodz jéden pan na kóču. Vun š'e opítal, že čí(d)o vóňi. voňi hutorél'i, že oćec jich scel zarézac, ta voni. ucékl'i, a terašu šarkaňóvo Studien 45. Объяснить эту форму трудно, и Брокъ не далъ объясненія.

Числит. два употребляется также вм. жен. р.: dva hodzini 224 dva noce 213, 216; то же въ бач-бодрог. говорѣ: два шестрічки — два герлічкі Етн. Збірн. IX, 183, и въ западныхъ говорахъ угрорусскихъ Верхратскій ор. с. 84, dva svin'é Broch Weit. Stud. 12. Послѣ числит. пять и т. д. объектъ въ этихъ говорахъ не въ родит. п., но въ имен.-вин.: pejc korce oreškoch zhrizeme, pejc ordovi vina vipijeme, pejc hodzini pošpime, pejc fajki duhanu vikurime 224, dvanac hłapi l'eža postrel'ane 230, virezal z dzevec hlavoň dzevec jaziki 376, dzevedzesacdzevec roki 226, tri sto roki 414, o dvanac hlavi 222, orubal šicke petnac hlavi 347, pejcidvacec pal'ice 325. То же въ бач-бодрог. говорѣ, седем бразді Етн. Збірн. IX, 175, но въ Короилѣ Брокъ записалъ вполнѣ правильный род.

---

1) porcinal, т. е. porcelan, фарфоръ.

п.: dvátsḙ̈t' pe̥it' páľic Weit. Stud. 15. Иногда и въ другихъ словацкихъ говорахъ: v nich devät' človecie srdcá sa varia Škultéty Dobšinský Slov. pov. 24.

Отъ числительныхъ употребляются еще тѣ же формы, и. б. творит. п. (Верхратскій ор. с. 85, Broch Studien 60, Weit Stud. 39), какъ въ западныхъ говорахъ угрорусскихъ: tak śe zabrali dvome zbujňici 209, pošl'i dvome sluhove 218, co śe te dvojmi dochvarali 298, že možu u ňej obidvojmi prenocevac 270, jak sme obidvojmi a jak stojime 286, hnedka te trojmi popatraju 298, tam buli štirmi na varce 305. d'eňeral melduje čisaroj, že tu su štirmi, chtore po princezu prišl'i 381, obomi inaše bul'i 307, doznal'i śe o tim pejcmi študenci 236, najstarši ze zbujňikuv poveda... dvanacmi nas jest 313. Въ запад. угрорус. говорахъ: уж билі моїі двоме братове служити Етн. Збірн. IX, 25, билі двоймі братья во сьвітьі ib. 94, у йеднім містьі били трйоме попове ib. 11, пришли ку нему троме мужове, та йіх биўо пйатьме ib. 27, та іщче йіх биўо штирме ib., ми штирме хлопі йак дубі ib. 97; так се розбесьідовали обыдвомі Верхр. ор. с. 153, з него дораз выскочать трьоми оряши ib. товды вшыткы трэи зачали мотузкы сукати... і пішли вси трьоми до льіса ib. 131, штырмі братя ся лягают ib. 172 и пр.

Не чужда эта форма польскимъ говорамъ спишскимъ; въ текстахъ Малиновскаго мы читали стр. 131: přiśli ku ńemu trójmi zbójnicy a tag go b'éli...

Формы 3 л. мн. ч. употребляемыя иногда въ шаришъ. robju, hutoru, еще въ сборникѣ Затурецкаго 24 oči vidzu, сличаетъ г. Цамбель совсѣмъ ошибочно съ пол. ňepuscum (стр. 176); въ польской формѣ носовой гласный 'ą вполнѣ правильный, но въ шариш. формахъ robju и др. измѣнилась форма по аналогіи другихъ основъ, какъ наоборотъ, снова 3 л. мн. ч. veda образовано по аналогіи robia. Формы прич. прош. ňis, pik образовались подъ вліяніемъ малорусск. говоровъ, какъ уже было замѣчено. Интересны формы прич. прош. у нѣкоторыхъ гласныхъ основъ на нж: ona usla 283 вм. usnula, zharl'i śe l'udze; то же въ говорѣ лучивнянскомъ: spomla 434, и въ ср.-слов. говорахъ иногда: čierny pán sa pohol Dobšinský Slov. pov. IV 24, Kata ani nehla sa z izby ib. 45, deti...ani údom nehly ib. V, 77. Онѣ встрѣчаются иногда и въ угрорус. говорахъ; Верхратскій 77 приводитъ припомла, выглася и пр.; въ одномъ русск. текстѣ Цамбеля читаемъ еще стр. 463 pohl'iśa.

Неопредѣл. наклон. у основъ на гортанный согласный иногда: upjesc 226, upesc 272, mosc 231, zobl'esc 264, не чуждое и дру-

гихъ слов. говорамъ, напр. въ тархов. pomvosť, piesť Sborn. mus. spol. slov. X, 158, 160, vymôzť Dobšinský Slóv. pov. 15, образовано аналогіею, отвѣчаетъ вполнѣ формѣ piecť нынѣ правильной для литер. языка словацкаго, только *c* передъ *ť* (=*c*) измѣнилось въ *s*. Такую же форму записалъ Брокъ еще въ Коромлѣ: bẹjsť Weit. Stud. 56 (=рус. бѣчь, пол. b'edz).

Въ матеріалахъ изданныхъ г. Цамбелемъ множество еще другихъ не безынтересныхъ явленій. Но мы касались только нѣкоторыхъ, ибо не хотимъ въ нашихъ замѣткахъ писать полный разборъ этихъ говоровъ. Цѣнность этой книги въ матеріалахъ, которые г. Цамбель въ ней издалъ (стр. 209—476). До сихъ поръ не было о словацкихъ діалектахъ такого богатаго матеріала, и матеріала столь полезнаго и надежнаго. Были разныя замѣтки, печатались разные мелкіе тексты на мѣстныхъ говорахъ, но не всегда съ надлежащею точностью. Конечно, не было собирателей и наблюдателей съ нужною подготовкою. Записи Олафа Брока и для лучшаго словацкаго діалектолога, г. Цамбеля, слишкомъ «педантическія» (стр. 199). И онъ держится правила фонетическаго, но дѣлаетъ уступки этимологической и исторической орѳографіи, и не желаетъ вводить буквъ незнакомыхъ или непонятныхъ для словацкаго читателя. Онъ пользовался буквами польскими *ć*, *ś*, *ź* и т. д. и способъ обозначенія мягкости помощью ' употреблялъ шире, чѣмъ въ словацкой орѳографіи. Не желая вводить «интернаціональную» букву *u̯*, онъ вмѣсто нея употреблялъ *й* для этого звука. Употреблялъ *ch*, а не другую у языковѣдовъ принятую букву для этого звука, и старался строго обозначать, гдѣ выговаривали *h* вм. *ch*. По его мнѣнію, съ одной стороны нельзя всѣ фонетическіе оттѣнки обозначать помощью нашихъ средствъ, а съ другой стороны и не нужно. А что касается его средствъ, держался мнѣнія «Cudzinci, jestli chcú riešiť otázky slovenskej reči, nech sa naučia aspoň čítať po slovensky» (стр. 206). Къ сожалѣнію, онъ не далъ строго научнаго объясненія разныхъ звуковъ восточно-словацкихъ, не послѣдовалъ примѣру «иностранца» Брока.

Матеріалъ свой собралъ г. Цамбель во всѣхъ краяхъ вост.-слов. площади. Тексты на чистомъ вост.-слов. діалектѣ (стр. 209—356) были собраны въ 16 деревняхъ Спиш. уѣзда отъ 18 лицъ (209—253), въ 15 деревняхъ Шариш. у. отъ 12 лицъ (253—334) и въ 7 дер. Абауй. у. отъ 9 лицъ (334—356). Слѣдуютъ тексты на смѣшанномъ діалектѣ а) земпл.-унг., гдѣ было сильное вліяніе угро-рус. діалекта, въ 12 дер. Земпл. уѣзда (357—390) и въ 6 дер. Унг. уѣзда

отъ 20 лицъ (391—427); б) діал. лучивиян., гдѣ было сильное вліяніе сред.-слов., въ 6 дер. Спиш. уѣзда отъ 7 лицъ (429—449). Наконецъ слѣдуютъ образцы а) польск. діалекта изъ 4 дер. Спиш. у. (449—459) отъ 4 лицъ, б) угрорусскаго изъ 1 дер. Спиш., 2 дер. Шариш., 2 дер. Унг. у. и 1 дер. дальнѣйшей, «z obd'alečia» (449—476). отъ 7 лицъ.

Издатель почти у всякаго разсказчика записалъ его возрастъ, его родную деревню, кое-гдѣ и его вѣроисповѣданіе, когда это могло быть важно для оцѣнки его діалектическихъ особенностей. Матеріалъ свой старался издать со всей возможною точностью, всякую запись онъ правильно еще разъ свѣрилъ, или читая ее еще разъ своему разказчику, или другимъ знатокамъ мѣстнаго говора.

Въ концѣ книги есть еще подробный словарь діалектическій (477—624). Къ сожалѣнію, составитель его не указываетъ при отдѣльныхъ словахъ на страницы книги, но отмѣчаетъ въ сокращеніяхъ деревню, гдѣ было записано; для объясненія этого сокращенія надо обратиться въ списокъ сокращеній, но тутъ приводятся §§, въ которыхъ образцы этихъ говоровъ напечатаны, а въ оглавленіи §§ вообще не отмѣчены, только названія деревень, въ которыхъ матеріалы записаны. Итакъ, очень трудно иногда желаемое слово или форму въ текстѣ найти. Слова, особенно тѣ, которыя мадьярскаго происхожденія, объясняются часто только помощью мадьярскаго слова, напр. baj, bajuzi, cimbera, čomov, fijatal, firtek, maglas, saš и пр. Очень сожалѣемъ, что авторъ не прибѣгалъ къ другимъ болѣе извѣстнымъ языкамъ. Мадьяр. языкъ еще очень мало распространенъ среди славистовъ. Можно еще пожалѣть, что г. Цамбель не пользовался другими лексикографическими пособіями; очень полезенъ могъ ему быть польскій діалектологическій словарь Карловича напр. при объясненіи словъ dźama, dźavulic, dud, namul. obdza, obisco, omamuńic (ср. Karłowicz Słownik gwar polskich, I, 14 ani dudu mamuna). Только разъ онъ указываетъ на этотъ трудъ s. v. lobog (стр. 547). Но его объясненіе будто-бы мѣстнаго названія «Lobog» изъ (d)la Boga едва ли вѣрно. Сказка, въ которой только это слово встрѣчается (§ 223, стр. 447 сл.) варіантъ очень широко распространеннаго сюжета, о чемъ ниже. Она, вѣроятно, исковеркана изъ малорусской или польской сказки, въ которой прохожій говоритъ женѣ, что онъ «від Богу», «od Boga», т. е. рѣки, а она, глупая, понимаетъ «отъ Бога», съ того свѣта. Срв. Сумцовъ Разыск. анекд. 51, Драгомановъ Розвідки I, 244 сл.

II.

Матеріалы, изданные г. Цамбелемъ, не только большой цѣнности для изученія діалектологіи словацкой и сосѣднихъ говоровъ польскихъ и русскихъ, но можетъ быть, еще большей для изученія народнаго творчества. Въ этихъ матеріалахъ получили мы теперь лучшій и богатый сборникъ сказокъ словацкихъ. Кромѣ сказокъ, сообщено еще стр. 236 § 124 изъ одного села Спиш. у. шесть загадокъ. Этотъ сборникъ сказокъ важенъ и цѣненъ тѣмъ, что въ немъ впервые, можно сказать, почти вполнѣ вѣрныя записи сказокъ словацкихъ, какъ онѣ въ народѣ разсказываются. Въ двухъ до сихъ поръ лучшихъ сборникахъ словацкихъ сказокъ Škultéty-Dobšinský Slovenské povesti 1 изд. 1858—61, 2 изд. v Ružomberku 1894—6 (нѣкоторые вып. изданы въ 3 изд. до г. 1901), P. Dobšinský Prostonárodnie slovenské povesti, 8 выпусковъ 1880—83,—только изрѣдка напечатаны совсѣмъ вѣрныя записи народныхъ сказокъ, обыкновенно составленъ по двумъ, тремъ и больше даже варіантамъ какой-то сводный текстъ сказки народной, и притомъ, разумѣется, ихъ чисто-народный характеръ испорченъ, и можно предполагать, что не только въ ихъ языкъ занесены чужіе, не народные элементы. См. Czambel Príspevky k dejinám jazyka slovenského (1887) стр. 76, 84, 99 и пр.

Разсказчикъ сейчасъ начинаетъ разсказывать: Въ одной деревнѣ были три брата.... Была одна мачеха, у ней были двѣ дочери, падчерица и ея собственная... Былъ одинъ король, и у него были три сына... и т. д. Одна только женщина сочла своею обязанностью упомянуть въ началѣ, что когда-то читала эту сказку (§ 117, стр. 219). Весьма рѣдки какія-нибудь вводныя формулы, въ которыхъ разсказчикъ считалъ нужнымъ ближе опредѣлить мѣсто, рѣже время дѣйствія. Ихъ мы читаемъ въ нашемъ сборникѣ только въ двухъ сказкахъ; вотъ въ одной сказкѣ изъ Спиш. у.: «Dze bulo tam bulo, v šesdzešatej šedzmej krajiňe, za červenim morem, dze še voda sipala a pjesek še l'ał. Tam̃ buł v jednej dzedziňe richtar...» (стр. 210 § 116); и почти то же самое еще въ другой сказкѣ изъ того же у. (стр. 442 § 221). Въ другихъ сборникахъ словацкихъ сказокъ такія введенія нѣсколько чаще, но все-таки и въ нихъ рѣдки. Въ сборникахъ Škultéty-Dobšinský Slov. povesti и P. Dobšinský

Prostonár. slov. povesti, такого введенія мы не нашли; есть похожіе, но съ другимъ числительнымъ; такъ, въ сказкѣ «Berona» въ 1-мъ сборникѣ (1 изд. № 23, изд. 2 № 33): V sedemdesiatej a siedmej krajine, za červeným morem a za dubovou skalou, kde bol svet daskami obitý, aby sa zem nesypala, tam bol raz jeden král'...; похоже начинается сказка 2-го сборника № 64 «Popelvár» (= Němcová Slov. poh. a pov. II, 23 сл. № 33) : Kde bolo, tam bolo, v sedemdesiatej siedmej krajine, za červeným morom, za skleneným vrchom a za drevenou skalou, bolo jedno mesto a v ňom býval král'.... Сказка сборн. Škult.-Dobš. № 61 (2 изд. № 44) «Pijan» начинается похоже: Kde bolo, tam bolo, d'aleko nebolo, len tu za humny, za vŕškom, v sedemdesiatej siedmej kŕajine stal na jednej vode jeden mlyn, a v tom mlyne býval mlynár... Нѣсколько точнѣе опредѣлено мѣсто дѣйствія въ сказкѣ № 38 (2 изд. № 46) этого сборника «Janko a Macko» : Kde bola, tam bola, bola za červeným morom, za drevenou skalou, pri sklenenom vrchu, v Kompit Král'ovej krajine, jedna mala dedinka, a v tej dedinke býval jeden vel'mi chudobný človek... Короче это введеніе въ другихъ сказкахъ; такъ въ № 15 (2 изд. № 17) «Chorý král'» тогоже сборника; Za horami za dolami, az hen za červeným morom býval jeden král'...; похоже еще въ № 36 (2 изд. № 40) «Zlatá priadka» и въ № 51 (2 изд. № 19) «Fundži palica, cepy von zvreca», только что здѣсь море черное. Въ другой еще сказкѣ № 3 (2 изд. № 2) «Panna z rosy počatá» другое числительное: Bolo to v devät'desiatej krajine, pri sklenenom mori a pri drevenej skale, žil tam jeden bohatý pán... Бываетъ, что разсказчикъ считаетъ совсѣмъ излишнимъ опредѣлять мѣсто дѣйствія; такъ, сказка № 69 O Peterkovi сборника Добшинскаго начинается: «Kde bolo tam bolo—čo nás do toho, keď len bolo».

Гораздо рѣже означаютъ сказочники время дѣйствія: сказка № 7 (2 изд. № 10) «Hadogašpar» сборника Шкулт.-Добш., которая составлена по четыремъ варіантамъ изъ разныхъ краевъ словацкихъ, начинается: V sedemdesiatej siedmej krajine, ešte za starého Vida (!), žil jeden král'.... Вмѣсто этого, конечно, нѣсколько сомнительнаго миѳологическаго опредѣленія времени читаемъ въ другой сказкѣ сборника Добшинскаго № 83 (VIII, 18 сл.): Za dávnych časov, za starých bohov bol raz jeden král'... Совсѣмъ просто безъ всѣхъ миѳологическихъ слѣдовъ начинается сказка «Tri zlaté hrušky» сборника Шкулт.-Добш. № 62 (2 изд. 20): Dakedy, dakedy, ale to veru mohlo už dávno bit', lebo tomu pamätnika nieto, žila jedna čarodejnica...; похоже еще въ сборникѣ Добшинскаго (II, 26).

Одиноко опредѣленіе времени въ юмористическомъ родѣ: Bolo to za onoho blahoslaveného času, keď svine črieviky nosily a žaby v čepcoch chodili и т. д., какое читаемъ въ введеніи сказки «Kral'čík, Kucharčík, Popel'čík» № 58 (2 изд. 48) сборника Шкулт.-Добш. и почти одинаково въ сказкѣ № 6 «Červenkral' a žltovláska» сборника Добшинскаго (1, 63 сл.)

Изрѣдка оканчиваются сказки словацкія какими-нибудь особенными изреченіями. Окончаніе сказки § 116 въ книгѣ Цамбеля почти одиноко стоитъ въ словацкой литературѣ сказочной: «A tam bula vel'ka hoscina, z kanonoch strel'al'i, i ja tam buł, ňemali už co nabic, co šicko vistrel'al'i, ta mňe vzal'i a nabil'i a vistrel'il'i až do Hrabnšic» (деревни разсказчика). Въ сборникахъ Škultéty-Dobšinsk-аго, Němcov-ой, Dobšinsk-аго Prostonár. slov. pov. не встрѣчаемъ мы такого окончанія; нѣсколько напоминаетъ его одно въ послѣднемъ сборникѣ VIII, 51. Рѣдко оно въ угрорусскихъ сказкахъ, нѣсколько сходно Гнатюк. Етн. Збірн. IV. 80, 87. Въ § 158 сборника Цамбеля стр. 313 упомянулъ также разсказчикъ еще, что и онъ былъ на свадьбѣ, но послѣ этого сказалъ именно какую-то ходячую формулу: Za pecem som stał. Mał łem v ruce dzvonek, ta i tej pripovidki koňec»; безсмысленнѣе окончаніе сказки § 182 стр. 354 «Išol dźad od Rosanovec (вм. Rozhanavec ? сосѣдней деревни) — mojej pripovedce koňec». Иначе окончена сказка § 135 стр. 247 Moje lube blazňi, už po šitkej kazňi»... Вотъ и всѣ окончанія словацкихъ сказокъ въ сборникѣ Цамбеля. Въ концѣ одной польской сказки въ его книгѣ читаемъ еще другую формулу: «ve dźurki v noše skončiłoše» (стр. 452).

Въ остальныхъ сборникахъ словацкихъ сказокъ читаемъ другія окончанія, всего чаще болѣе къ тексту примыкающее «a ta krava mala zvonec, už je tej rozprávke konec» Škultéty-Dobšinský № 14 «Král' času»; ср. № 36 «Zlata priadka» въ сборникѣ Добшинскаго № 19 вып. 2 стр. 88, № 48, вып. 5 стр. 12; или нѣсколько иначе Takhl'a, všetkému na svete býva koniec, i tejto rospravke už je koniec, Škultéty-Dobšinský № 46 (2 изд. № 54), или «Na vrbe zvonec, rozpravke konec» ib. № 56 (2 изд. № 61); Dobšinský Prostonár. slov. pov. № 47, вып. 4 стр. 96; № 57, вып. 5, стр. 65. Изрѣдка оканчивается сказка какою-нибудь пословицей «Svätý pokoj a láska je nado všetko Dobš. Prostonar. slov. pov., вып. 2 стр. 49, «Čo remeslo, to remeslo; predsa len premáha ne zelenú ratolest' a má vraj i zlaté dno» вып. 3 стр. 14.

Въ сказкахъ, напечатанныхъ въ книгѣ Цамбеля, конечно, нахо-

димъ болѣе-менѣе хорошо извѣстные сюжеты, которые были уже записаны у Словаковъ самихъ или у сосѣднихъ племенъ. Въ слѣдующемъ даю замѣтки къ этимъ сказкамъ, въ библіографическихъ примѣчаніяхъ указываю главнымъ образомъ на сходные варіанты, записанные уже у Словаковъ, а дальше и у нихъ сосѣдей въ Венгріи и въ сосѣднихъ земляхъ; во-вторыхъ, указываю на комментаріи къ одиночнымъ сюжетамъ въ книгахъ Кёлера, Клоустона, Шовена и др., на монографическіе этюды о нѣкоторыхъ сюжетахъ, и только изрѣдка указываю еще на другіе варіанты, записанные въ разныхъ земляхъ европейскихъ и др. Къ нѣкоторымъ пересказамъ сюжетовъ сильно распространенныхъ и извѣстныхъ я считалъ излишнимъ приводить библіографическія указанія и довольствовался нѣкоторыми критическими примѣчаніями.

1. Спишскій уѣздъ 209—253.

Гановце. § 115 стр. 209 сл. Героиня разбойничья невѣста. Срв. V. Tille Povídky sebrané na Valašsku № 33 и 40, Národopis. Sb. VIII, 62 сл. Erdelyi-Stier Ungar. M. 47 сл. Jones-Kropf Magyar Folk Tales 127 сл. Sbor. mus. spol. slov. I, 85.

Грабушице. § 116 стр. 210—219. Повѣсть сложена изъ разныхъ мотивовъ и составлена довольно искусно; снабжена хорошею вступительной формулою и богатой заключительной. Начинается вступительнымъ мотивомъ сюжета о неустрашимомъ и къ этому присоединенъ, какъ въ мрус. сказкѣ изъ Землин. у., напечатанной въ книгѣ Олафа Брока Studien Slov-Kleinrus. Grenze 41 сл., сюжетъ объ освобожденіи заколдованной красавицы, но въ обѣихъ сродные, не одинаковые мотивы соединены самостоятельно. Красавица заколдована для мученія совсѣмъ особеннаго: отецъ её заколдовалъ, почему не сказано, быть въ замкѣ въ водѣ: въ первую ночь освободилъ её герой до груди, во вторую до колѣнъ, въ третью совсѣмъ. Потомъ уѣхали вмѣстѣ изъ замка, взявши изъ 25-ой комнаты одежду, золотую саблю и золотое яблоко. На ночлегъ попали въ деревню къ какой-то чародѣйкѣ, и мать ея уколола въ голову героя волшебной булавкой, такъ что онъ впалъ въ глубокій сонъ. Въ сказкахъ часто случается, что влюбленные такимъ образомъ разлучаются Gaal-Stier Ung. V. M. 44. Sklarek Ung. V. M. 193 № 20 Malinowski Pow. ludu pol. na Śląsku II, 178, Sadok Barącz Bajki fraszki[2] стр. 163. Аѳанасьевъ Рус. нар. ск.[3] II, 91 сл. № 128 в. 99 сл. № 129 в. II, 166. Эрленвейнъ Рус. нар. ск.[2] 147 сл. Етн. Збірн. VII. 73. Романовъ Бѣлор. Сб. VI, 465 Dovojna Sylwestrowicz Pod.

żmujdz. II, 237 Grimm K. H. M. № 93. Wolf Deutsche H. M. 23 Bladé Cont. pop. Gascogne I, 230 сл. и др. Далѣе является вліяніе сюжета о драконобойцѣ и освобожденной отъ него красавицѣ, и еще сюжета, сильно распространеннаго, о дѣвицѣ, которую капитанъ корабля угрозами принудилъ признать его за своего защитника. Красавица вернулась съ докторомъ вывести героя изъ тяжкаго сна, но услышала отъ чародѣйки, будто онъ ушелъ раньше, и потому пошла искать его. Пришла къ большой водѣ, черезъ которую должна была переѣхать на кораблѣ. Капитанъ корабля принудилъ её, чтобы его выдала за своего освободителя. Чародѣйка между тѣмъ героя заперла дома и пробудила его только послѣ ухода красавицы. Онъ не могъ выйти изъ деревни, постоянно возвращался, такъ какъ чародѣйка всыпала ему въ сапоги волшебнаго зелья. Съ помощью другой женщины онъ былъ избавленъ отъ колдовства и могъ уйти изъ деревни, при чемъ убилъ чародѣйку, превращенную въ кошку. Черезъ большую воду и до самой королевской столицы перенесъ его орелъ. Въ благодарность онъ долженъ былъ ему отрубить голову, но этотъ орелъ не былъ заколдованный человѣкъ. Орелъ научилъ его еще, чтобы, когда отрубитъ ему голову, онъ вынулъ сердце, разрѣзалъ его пополамъ и взялъ себѣ; сердце это выполняетъ каждое его желаніе; съ помощью этого сердца онъ опять добылъ красавицу, которую уже освободилъ отъ колдовства.

Штвартекъ стр. 129 сл. § 117. О двухъ сестрахъ, изъ которыхъ одна была богата, потому что отдалась чарамъ и записалась «пану Векутовскому», выполняла его условія тѣмъ, что въ воскресенье ни въ рубашку не одѣвалась, ни чесалась, ни въ церковь не ходила. Срв. легенду разобранную въ моихъ Pohádkoslov. studi-яхъ Národopis. Sbor. X, 145 сл.

Смижаны стр. 221. сл § 118. Самый молодой «дурень» выдалъ замужъ своихъ сестеръ за дракона двѣнадцатиголоваго, за орла, короля птицъ, и за короля рыбъ Пох. Němcová Slov. poh. II, 82, 158 № 39, 42, Gaal-Stier Ung. V. M. № 1, Národop. Sb. IV—V, 142 № 341 Clouston Pop. Tales a. Fictions I, 329.

Маркушовце стр. 225 сл. § 119. Падчерица послана за огнемъ, пришла къ свѣту, около котораго танцовали черти. Черти звали её танцовать, но она просила постоянно новыхъ и новыхъ одеждъ и украшеній, и какъ только ударило 12 часовъ, черти пропали. Пох. Zbiór wiad. antrop. kr. XVI, отд. 2, стр. 39 № 26. Federowski Lud białorus. II, 204, № 182. Изв. отд. рус. яз. VIII, кн. 4, стр. 355.

Гаргновце стр. 226 сл. § 120. Черти вступаютъ въ борьбу съ че-

ловѣкомъ, когда ему нанесли золота; борьба съ дѣдушкой-медвѣдемъ, съ сыномъ-зайцемъ; потомъ мужъ при помощи жены жестоко избилъ черта. По смерти душа напрасно стучалась въ райскія ворота, такъ какъ цѣлую жизнь имѣла дѣло съ чертями, но и въ адъ ее не пустили; и такъ сидитъ она и по сегодняшній день передъ райскими воротами.

Стр. 228 § 121. Когда жена не могла ночью войти въ домъ, погрозила мужу, что бросится въ колодецъ. Туда бросила камень, мужъ выбѣжалъ, боясь, что дѣйствительно она бросилась, но она быстро вбѣжала въ домъ, заперла двери, а мужъ долженъ былъ остаться на дворѣ; потомъ еще онъ былъ отведенъ на мѣсто позора. Срв. Chauvin, Bibliogr. arab. VIII, стр. 184 № 224. Montanus Schwankbücher изд. Bolte стр. 338, 614 № 79, Gaal-Stier 117. Facecye polskie г. 1624 стр. 152 № 152 (Bibliot. pis. pol. т. 47).

Гарювъ стр. 229 сл. § 122. Богатая бездѣтная женщина добыла дочурку, когда купила самое красивое яблоко въ городѣ, очистила его, серединку съѣла, а кожуру положила въ платкѣ за печь; утромъ нашла тамъ хорошенькую дѣвочку. Срв. Škultéty-Dobšinský Slov. pov. I, 26. Дальше снѣгурочка, къ концу очень сокращена. Срв. Národopis. Sb. IV—V, стр. 134 № 21 VII стр. 214 № 23. Етн. Збірн. XIV, стр. 86 № 9. Rittershaus Neuisländ. V. M. стр. 118 № 28.

Яблуновъ стр. 231 сл. § 123. Одинаково съ Škultéty-Dobšinský стр. 406 № 42 Пох. Rittershaus стр. 241 сл. № 48.

Клюкнава стр. 236 сл. § 125. Богатыхъ бездѣтныхъ супруговъ отнесли на небо и обокрали пять студентовъ такъ же, какъ обыкновенно священника. Срв. Národopis. Sb. VI, 218 № 12; VII, 119, 213 № 8, стр. 224 № 62.

Ольшава стр. 237 сл. § 127. Дѣвица предала брата разбойнику—своему любовнику. Версія довольно не полная. Сюжетъ присоединенъ другой: въ подвалѣ разбойничьяго дома была заключена принцесса и обручилась съ этимъ юношею. Когда ему разбойникъ съ его невѣрною сестрою выкололи глаза, блуждалъ, пока не пришелъ черезъ много лѣтъ въ городъ, гдѣ принцесса — его обрученная—справляла свадьбу. Сидя подъ крестомъ, слышалъ отъ трехъ вороновъ, что пріобрѣтетъ зрѣніе, когда помажетъ глаза росою, которая выпадетъ этой ночью.

Маргецаны стр. 239 сл. § 128. О бѣгствѣ невѣсты разбойника. Мотивы смѣшаны.

Стр. 240 § 129. Человѣка выпустятъ изъ тюрьмы, если предложитъ такую загадку, которой не разгадаютъ. Также освобожденъ

присужденный къ смерти, когда предложилъ неразрѣшимую загадку, срв. Am Urdsbrunnen II, 64, или когда загадку разрѣшилъ. Köhler Klein. Scrift. I, 461, Schell Bergische Sagen 520 сл. № 53. Pröhle M. f. d. Jugend, 180, Ciszewski Krakowiacy I № 200. Загадка здѣсь разрѣшенная очень напоминаетъ загадку, сильно распространенную «одинъ рубль двухъ, два шесть, шесть двѣнадцать». Аѳанасьевъ Рус. нар. ск.[3], II, 288 Köhler I, 218, 321.

Стр. 241 сл. § 131. Одинакова со Škultéty-Dobšinžký стр. 432 № 46 «Zlatý zúbok», только много сокращена. И здѣсь послѣдняя самая младшая убѣжала отъ разбойниковъ, когда были убиты двѣ ея сестры. Убѣжала, собравши не только золото и серебро, но еще одежду мѣсячную, звѣздную и солнечную; въ нихъ была на балу у барина, на службѣ котораго она была и т. д.

Цеплична стр. 243 § 133. Очень сокращенная версія сказки о двухъ братьяхъ у Škultéty-Dobšinský № 1. Procházka Kolárovičti dráteníci стр. 73, срв. Národopis. Sb. VII, 218 № 2, 3, 4, только здѣсь братьевъ трое.

Гнильчикъ 244 сл. § 134. Одинакова со Škultéty-Dobšinský стр. 13 № 2 падчерица на службѣ у Локтибрады.

Стр. 246 § 139. Герой ищетъ невѣсту бѣлую какъ снѣгъ и румяную какъ кровь. Нашли ее, это была самая младшая дочь чародѣйки. Онъ исполняетъ у нея тяжкій трудъ, потомъ убѣгаетъ съ красавицей при помощи чаши, утиральника и гребня. Изъ гребня выросъ большой лѣсъ, изъ чаши стеклянная гора, изъ утиральника вода, дѣвица превратилась въ утку, юноша въ селезня.

Гнилецъ стр. 247 сл. § 136. О лѣнивой пряхѣ, одинакова съ изд. въ Slov. Pohl'ady XX, 393 сл. Waldau Böhm. M. B. 218 сл.; ср. мою статью Tom Tit Tot въ Zeitsch. d. Ver. f. Volkskunde 1900 стр. 385.

Вышне Репаше стр. 252 § 137. Отчасти напоминаетъ сказку о смѣлой дочери мельника и разбойникахъ. Въ вступленіи мотивъ о сплачѣ на службѣ.

Стр. 253 § 138. Воры одѣли цыгана въ платье епископа и поживились у корчмаря на его счетъ. Похоже Ciszewski Krakowiacy I № 186, 187.

Шаришскій уѣздъ 253—334.

Велькій Шаришъ 253—260 § 138. Воръ искуснѣйшій.

Стр. 292 § 141. Дѣвицу упрекала «басурманска» въ нечестной жизни, потому что жила благочестиво. Братъ по приказанію отца долженъ наказать её смертью. Срв. Národopis. Sb. VII, стр. 216

№ 59, стр. 223 № 33. Павле Поповић. Приповетка о девојци без руку 86 сл.

Стр. 266 сл. § 143. О косоручкѣ, похожа на Dobšinský Slov. pov. VI, 83 сл., только что здѣсь дѣвица падчерица, которую родной отецъ-мельникъ и мачеха выгнали за то, что въ ихъ отсутствіи она надѣлила нищаго-старика — Іисуса Христа — мукою. Письмо съ извѣстіемъ о рожденіи принца и отвѣтъ супруга подмѣнила мачеха. Срв. Tille Pov. Valaš. № 48 Národopis. Sb. VIII, 85 сл. Павле Поповић op. c. 93 сл.

Стр. 271 сл. § 144. Три брата ищутъ огня, наконецъ нашли далеко въ лѣсу огонь и у него старцевъ. Старцы дадутъ огня, если съумѣютъ такъ врать, что имъ скажутъ: врешь. Похожа Етн. Збірн. IV, 157 № 37; VI, 326 № 664; VIII, 148 № 76; XIV, 165 № 21. Zbiór wiadom. antrop. IX, отд. 3, стр. 146 № 29 Аѳанасьевъ[3] II, 376 № 231 д. с. 382. Добровольскій Смол. Сб. I, 467, 663 Романовъ Бѣлор. сб. III, 414, 417 Сборн. матер. Кавказ. XV, 49 Valjavec Nar. pripov. Varaždin. 264 сл. № 59 Strohal Hrvat. nar. pripov. II, 100. Slovenski Glasnik X (1864), 316 Летопис Мат. срп. т. 114 (1872) стр. 145 № 4.

Стр. 274 сл. § 146. Легенда о папѣ Григоріи, сохранена очень хорошо.

Стр. 277 сл. § 147. Немного передѣланный варіантъ сюжета о братьяхъ другъ на друга похожихъ, см. выше § 133, расширенъ другимъ мотивомъ о принцессѣ и ея придворныхъ превращенныхъ въ лисицъ.

Бертотовце стр. 279 сл. § 148. О кающемся чортѣ см. мои Pohádkoslovné studie (Národop. Sb. X) стр. 160 сл.

Широке, стр. 281 сл. § 149. О вѣрномъ слугѣ («Der treue Johannes»), похоже на Škultéty-Dobšinský 187 № 20, Němcová Slov. poh. a pov. I, 83 Dobšinský Slov. pov. VIII, 31 сл. Sklarek 14 сл. № 2. Срв. Národop. Sb. VI, 217 № 2. Слуга разсказалъ, какъ онъ, не смотря на всѣ опасности, добылъ принцеву жену изъ за самаго Краснаго моря, не потому что, можетъ быть, онъ былъ принужденъ къ тому угрозой смерти, но скорѣе чтобы удовлетворить любопытство, хотя зналъ, что обратится въ камень, если все это разскажетъ. Присоединенъ еще другой сюжетъ, какъ вѣрный слуга нашелъ себѣ красавицу, освободивши ее отъ колдовства тѣмъ, что вытерпѣлъ самыя жестокія муки, какъ у Dobšin. IV, 68 Gaal-Stier 35, 41 Grimm K. H. M. № 92 № 121, Gonzenbach Sizil. M. I, 172.

Собиновъ 286 сл. № 150 Ослабленная версія сказки о двухъ ко-

варныхъ братьяхъ, какъ они самаго младшаго брата бросили въ колодецъ, присвоили себѣ его невѣсту, какъ напр. Jones-Kropf Magyar Folktales 260, Chauvin Bibliograph. arab. V, 3, 6. Здѣсь оживила юношу жаба, которая прошла ему черезъ глаза, неся во рту траву, оживляющую все.

288 сл. § 151. Юноша, напившись заколдованной воды, превратился въ оленя. Сестра его—невѣста принца. Баба-яга, «jendźi-baba», которая была у родильницы бабушкой, бросила её въ воду и т. д., одинаково какъ у Škultéty-Dobšinský стр. 232 № 24, Němcová Slov. poh. pov. II, 16 сл. № 32 Jones-Kropf 220 сл. Köhler I, 385, 438.

Люботиня стр. 290 сл. § 152. Мужикъ сѣялъ въ лѣсу шолкъ («hadbab»), и медвѣдь его постоянно мялъ. Самый младшій сынокъ подсмотрѣлъ его при помощи мыши, которую накормилъ и напоилъ. Похоже, какъ у Dobšinský VII, 31 сл. три лошади топтали овесъ, похоже Sborník mat. slov. I, 51, Erdelyi-Stier Ung. M. 92, Dobšinský III, 16 двѣнадцать коней разсыпали сѣно и пр. Братья идутъ потомъ искать службы. Пришли къ большой дырѣ—это былъ адъ полный золота и серебра. Самый младшій спущенъ въ дыру и уже не вытащенъ изъ нея. Вынесла его ворона, когда онъ ея дѣтей спасъ отъ змѣи. Срв. Národopis. Sb. II, 104; IV—V, 132 № 7; 143 № 348; VII, 218 № 9 Národopis. Věstník I, 117 № 1. Malinowski Powieści spiskie (Mater. antropol.-archeol. VI, отд. 2) стр. 150, Jones-Kropf 249.

Стр. 293 § 153. Сказка о златовласыхъ дѣтяхъ и съ другими мѣтками на лбу и пр., которыхъ преслѣдуетъ злая бабушка. Срв. Köhler I, 422, 463. Národopis. Sb. VI, 214 № 41. Къ этому еще присоединенъ мотивъ о коварной сестрѣ, который разсказанъ выше въ § 127.

Стр. 295 сл. § 154. Принцъ влюбился въ портретъ, здѣсь собственно въ «fortografi-ю», принцессы, какъ это разсказывается въ началѣ сюжета о вѣрномъ слугѣ («Der treue Johannes») Grimm K. H. M. № 6. Národopis. Sb. IV-V, стр. 135 № 23; VI, стр. 222 № 48; VII, 116. Но здѣсь иначе разсказывается, какъ принцъ домогался красавицы, и пересказъ переходитъ въ сюжетъ о гордой и покоренной красавицѣ: Dobšinský I, 63 сл. Cosquin II, 98 Розвідки М. Драгоманова II, 129 сл. Köhler I, 219 Národopis. Sb. III, стр. 112 № 26; VII, стр. 216 № 58. Archiv f. slav. Phil. XIX, 243 А. Н. Веселовскій, Василій королевичъ златовласый чешской земли.

Пламенца стр. 297 сл. § 155. Дѣвица одурачила своихъ поклонниковъ: одинъ долженъ представлять покойника, другой его сто-

рожить, третій устроить привидѣніе; поклонники, мстя ей, пришли какъ святые, чтобы отнести ее на небо. Похоже въ Sborn. mus. slov. spol. I, 159. Верхратскій Знадоби для пізнаня угрорус. гов. 140. Етн. Збірн. VI № 354, 355; VIII, стр. 108 № 56 Český Lid VI, стр. 1 сл. Clouston Pop. Tales a. Fictions II, 315 Gonzenbach № 55 Zeitschr. d. Ver. f. Volksk. VI, 163; VII, 331.

Капушаны стр. 301 сл. § 156 Марячка у Бабы-Яги, какъ въ другихъ пересказахъ у Божіей Матери, не должна входить въ послѣднюю комнату, какъ у Němcová Slov. poh. a pov. II, 48 № 34 Dobšinský I, стр. Срв. Národopis. Sb. VI стр. 224 № 63; VII, стр. 215 № 30. Бѣднякъ обѣщалъ Бабѣ-Ягѣ свою дочь по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, если она придетъ на крестины этого дитяти.

Словенске Раславице стр. 303 сл. § 157. Очень сложная версія о коварной матери, злоумышляющей на жизнь своего сына ради любовника-разбойника. Уклоняется отъ варіанта Добшинскаго Slov. pov. V, 53 сл. (=Nemcová Slov. poh. a pov. II, 127 № 45). Срв. Národopis. Sb. II, стр. 105 № 2; VI, стр. 218 № 8, 9; Етн. Збірн. IX, 54 № 27.

Бардіёвъ стр. 310 сл. § 158. Похоже «L'alija» Němc. Slov. poh. a pov. I, 24, сл. № 3, Dobšinský I, 82 сл. № 8, но съ мирнымъ концемъ. На обратной дорогѣ изъ костела имѣла въ рукѣ крестъ съ распятіемъ, а потому чортъ не имѣлъ больше власти надъ ней. Срв. Národopis. Sb. VI, стр. 218 № 5 Kolberg Lud XIX, 231, Wisła XVII, 456 сл. № 10.

Габолтовъ стр. 313 сл. § 159. Герой укралъ тайкомъ отъ разбойниковъ: 1) мѣшечекъ, изъ котораго когда угодно можно вытянуть 12 дукатовъ; 2) дудку съ 3-мя дырками, когда на каждую запищать, станетъ передъ нимъ по полку войска, 3) поясъ, который по приказанію перенесетъ его въ мгновеніе, какъ только подпояшется имъ. Потомъ переходитъ разсказчикъ къ сюжету о струповатомъ (садовникѣ) на службѣ королевской, помогающемъ послѣ королю—тестю на войнѣ. Къ этому присоединяется сюжетъ о Фортунатѣ, о невѣрной женѣ, выманившей у мужа его чудотворныя вещи.

Гиралтовце стр. 320 сл. § 160. Бѣдный псаломщикъ сторожилъ могилу богатаго мельника три ночи. Собаки выкопали трупъ, вытрусили кости, желая себѣ взять кожу, и т. д. срв. Národopis. Sb. IV—V, стр. 136 № 33 Sborn. mus. spol. slov. VI, 82 сл. Hošek Nářečí českomorav. II, часть 2, стр. 30 № 48. Kolberg Pokucie IV, 162 сл. № 29; стр. 169 № 31. Ad. Černý Myth. bytosće łuž. Serbow стр. 359 № 192.

Кендзице стр. 324 сл. § 163 Король заблудился въ лѣсу, сошелся

съ солдатомъ, и оба попали въ разбойничій домъ; солдатъ перебилъ всѣхъ разбойниковъ такимъ же образомъ, какъ въ валашской сказкѣ собранія V. Tille № 31 Národopis. Sb. VII. 132 сл. Срв. Archiv f. slav. Phil. XXI, 296; XXVI, 459. Zeitschr. f. öst. Volksk. VII, 134 Етнограф. Збірн. XIV, стр. 219 № 31.

Лемешаны стр. 327 сл. § 164. Похоже какъ выше § 158, только короче, сжатѣе и съ обыкновеннымъ трагическимъ заключеніемъ.

Стр. 329 § 165. Жена изжарила мужу свою грудь вмѣсто голубка, котораго съѣла кошка. Мужу такъ понравилось, что захотѣлъ съѣсть своихъ собственныхъ дѣтей, какъ у Škultéty-Dobšinský стр. 230 сл. № 24 Olaf Broch Studien 44. Далѣе присоединяется повѣсть о братишкѣ, превращенномъ въ оленя, и сестрѣ, королевской невѣстѣ, которую Баба-Яга бросила въ воду, какъ это было выше § 151.

Маловеска стр. 330 сл. § 166. Гусаръ получилъ отъ старца за поданный ему кусокъ хлѣба ружье, скрипку и мѣхъ. Ими помогалъ королю побѣдить непріятеля. Послѣ поймалъ смерть.

Стр. 331 § 167. Словакъ пришелъ въ Пештъ. Господа обѣщаютъ ему денегъ, если онъ отгадаетъ ихъ загадки. Загадки тѣ, которыя обыкновенно рѣшаются въ извѣстномъ сюжетѣ о королѣ и игуменѣ («Kaiser und Abt») Köhler I, 82, 267, 492.

Стр. 332 § 168. Дурень (жидъ) думаетъ, что умеръ. Потомъ вѣритъ, что его «somar» сдѣлался судьею, который дѣйствительно называется «Somar». Срв. Сумцовъ Разыск. въ обл. анекд. литер. 103 сл. Federowski Lud białoruski III стр. 218 сл. № 436, 437. Zeitschr. deutsch. morgenländ Ges. XXXVI, 13 Шапкаревъ Сборн. българ. нар. умотвор. VIII, 25 сл. № 15 Anthropophyteia I, стр. 25 № 32.

Абауйскій уѣздъ стр. 334—356.

Барца стр. 334 сл. § 172. Слугѣ, возвращающемуся домой къ семьѣ, говоритъ баринъ три истины 1) гдѣ тебя ночь застанетъ, тамъ и ночуй; 2, если не идешь самъ или твой слуга со скотомъ, не давай его никому въ руки; 3) если кто-нибудь позоветъ тебя на крестины или на свадьбу, не пускай свою жену, и иди только самъ. Срв. Kolberg Pokucie IV, стр. 205 сл. № 44. Истины или совѣты немало отличаются отъ совѣтовъ, которые обыкновенно въ сказкахъ даются. Срв. Köhler II, 402. Národopis. Sb. I, 142 № 8; II, 96 № 9; 109, № 19; III, 112 № 15, 16.

Миндсентъ стр. 338 сл. § 173. Интересенъ окончательный мотивъ: кожа разрѣзана на мелкія полоски и ими окружено множество полей; такъ пріобрѣлъ герой значительное имѣніе. Это варіантъ извѣстной старой повѣсти о Дидонѣ. Срв. Köhler II, 319 сл. Revue

des trad. pop. II, 295; V, 717; VI, 52, 335; VII, 551; XI, 524; XII, 46, XIII, 531, 569. Этногр. Обозр. XXXIV, 153, LXVIII—LXIX, 108 сл. Сборн. мат. Кавказ. XII, 18. Русская Мысль 1893 ноябрь 214 сл. Вѣстн. Европы 1895 апр. 814. Bibliot. Warszawska 1901, II, 510 Гласник зем. муз. Босн.-Херцег. XVIII, 114. Атан. Николић Срб. нар. припов. 1842, I, стр. 74 сл. Етногр. Збірн. VI, 174, № 383.

Теча стр. 339 сл. § 175. Сравнительно хорошо сохранена версія о Александрѣ и Людовикѣ. См. Národop. Sb. III, 9 сл. Ждановъ Рус. былевой эпосъ стр. 152 сл.

Шаца стр. 341 сл. § 176. Дурень сватается, воткнулъ иглу въ угли (не въ сѣно, какъ обыкновенно); разрубилъ собачку, чтобы могъ положить ее себѣ за шляпу; привязалъ кусокъ солонины на веревочку и волочилъ ее по землѣ; связалъ корову и взялъ ее на свою спину и пр. Срв. Montanus Schwankbücher изд. Bolte стр. 259, 591 № 41 Етн. Збірн. VI, № 680, 681, Federowski Lud białorus. III стр. 92 № 183 Kolberg Lud XXI, 203, Clouston The Book of Noodles 124, 131, 133. Наконецъ бросилъ полотно на дѣвицу, которую видѣлъ на дорогѣ, не на статую, какъ обыкновенно разсказывается. Срв. Clouston op. c. 144.

Стр. 342 § 177. Заключительный мотивъ сюжета о двухъ похожихъ другъ на друга братьяхъ-близнецахъ, изъ которыхъ чародѣйка одного съ его собаками превратила въ камень и т. д., см. выше § 133, 147. Введеніе этой версіи сильно испорчено; братья—здѣсь три—служатъ у барина, и, несмотря на запрещеніе, отворяютъ двѣнадцатую комнату и освобождаютъ оттуда лисицу—это была чародѣйка.

Сиплакъ стр. 344 сл. § 178. Трое братьевъ научились, 1-й, если прикажетъ дракону «усни», долженъ уснуть; 2-й, если чихнетъ, то найдетъ все, будетъ ли то подъ горами или подъ скалами замуровано; 3-й, силачъ, все понесетъ, если кладутъ на него центнеры, то ему всегда легче. Эти три брата пошли освободить трехъ королевенъ, которыхъ унесли три дракона. Потомъ обыкновенно разсказывается, какъ король разсудилъ, которому должна принадлежать освобожденная королевна. Срв. Clouston Pop. Tales a. Fictions I, 277 сл. Розвідки М. Драгоманова II, 131. Здѣсь, конечно, прежде рѣчь идетъ о трехъ красавицахъ, унесенныхъ драконами, и наша версія сходится съ сказкою о коварныхъ братьяхъ-товарищахъ, которые дѣйствительнаго побѣдителя надъ драконами оставили въ пропасти, что разсказано, не очень хорошо, уже выше, въ § 150. Братья не дѣйствовали здѣсь вслѣдствіе злобы, но потому что это имъ нашеп-

талъ чернокнижникъ, который случайно попался, когда они вытягивали красавицъ изъ пропасти. Изъ этой пропасти освободилъ героя чудесный конь «tatošik». По его совѣту герой вынудилъ отъ старой матери драконовъ «nožnički, co sami strihaju, hernadle, co sami štrikaju, i taku masc, co ked parubaneho, pośekaneho z ňu pomasci, ta staňe» Теперь ожидаемъ, что герой, поступивъ подмастерьемъ къ портному, сдѣлаетъ красавицамъ одежды и пр., какихъ желали, какія носили у своего отца и пр. Срв. Етногр. Збірн. VII, стр. 54 № 38 Th. Vernaleken Öst. K. H. M. 68, Wisła XIX, 401 № 11, Романовъ Бѣлор. Сб. III, 346, 353, Чубинскій Труды II, 212. Mitsotakis Griech. M. 105, Stumme Tunis. M. 9 сл., Сб. мат. Кавказ. XV, 42 и др. Но этотъ мотивъ здѣсь сильно ослабленъ. Чудесной мази вообще не потребовалось. Чернокнижника, жениха самой младшей невѣсты, убилъ «tatošik»; онъ его ударилъ ногой такъ сильно, что тотъ расплылся въ дёготь.

Розгановце стр. 349 сл. § 179. Божья Матерь—кума, запретила дѣвушкѣ, Маріанкѣ, доступъ въ тринадцатую комнату; также какъ и выше § 156

Жировсце стр. 351 § 180. Гусаръ выжилъ чертей изъ заколдованной казармы при помощи корца орѣховъ, корца оловянныхъ пуль, «vitrioleja» вм. вина и пр.

Стр. 352 § 181. Женщина посылаетъ деньги покойнику сыну черезъ человѣка, который, говорятъ, спрыгнулъ съ неба. Срв. Národop. Sb VII, 214 № 18 Clouston The Book of Noodles 204, 210, 213.

Стр. 353 сл. § 182. Жена убила и сварила мальчика, отецъ его съѣлъ, а сестра косточки закопала; изъ косточекъ птичка и т. д., какъ Škultéty-Dobšinský 554 сл. № 63 Sborník mus. slov. spol. I, 86. Jones-Kropf 298 сл. Köhler I, 120.

Стр. 355 сл. § 183. Богачъ далъ ѣсть бѣдному брату, когда выкололъ ему глаза. Потомъ привелъ его подъ висѣлицу, стоявшую среди лѣса. Три птицы разсказали бѣдняку о колодцѣ, вода котораго возвратитъ ему глаза, и еще сказали ему, какъ достать имѣніе, чтобы имѣть что съ дѣтьми ѣсть; пусть въ одномъ краѣ найдетъ родникъ людямъ, у которыхъ пропала вода. Больше ему ничего не сказали птицы. Обыкновенно слышитъ человѣкъ въ этомъ сюжетѣ съ вводнымъ мотивомъ «Правда и кривда» говоръ птицъ, тайно скрывшись. Škultéty-Dobšinský Slov. pov. 263 сл. № 28 Němcová Slov. poh. a pov. II, 186 сл. № 51 Dobšinský I, 36 сл. № 3. Етн. Збірн. VII, 90, № 47; XIII, № 367, 368. Chauvin Bibliogr. arab. V, стр. 13 № 9. Národop. Sb. III, стр. 113, № 36; VI, стр. 220 № 30, 31

Ethnolog. Mitteil. Ung. II, 38, 159; III, 89. Jones-Kropf 36. Франко Пісня про правду і неправду. Зап. наук. тов. Шевч. LXX, 49 сл.

Смѣшанные восточно-словацкіе говоры а) Говоръ земплинско-унскій.
Земплинскій уѣздъ, стр. 357—390.

Сечовце стр. 357—365 § 185. Версія повѣсти о любви бѣднаго юноши, воспитаннаго у купца, къ дочери купцовой, также какъ въ сборникѣ Kuld-ы III, 239 сл. № 32; IV, 163 сл. № 11. Срв. мою статью въ Zeitschr d. Ver. f. Volkskunde 1903, 410 сл. Эта повѣсть соединена съ сюжетомъ о неблагодарной женѣ, срв. статью Г. Париса и мою въ упомянутомъ журналѣ.

Врановъ стр. 365 сл. § 186. Въ заколдованной корчѣ всѣхъ пугаетъ покойникъ, потому что ударилъ своего отца три раза по щекѣ. Покойника освободилъ человѣкъ тѣмъ, что его также три раза ударилъ по щекѣ.

Добра стр. 366 сл. § 187. Левъ узналъ человѣка, кот. «наплевалъ» ему въ глаза, т. е. выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и пр. Срв. Wisła XIX, 415 Zbiór wiad. antrop. XVI, отд. 2, стр. 12, № 14. Krauss V. U. Südslav. I № 12 Valjavec Nar. pripov. Varaždin. 277 № 65. Kres IV, 614 № 34, Bladé Gascogne II, 163 R. d. trad. pop. IV, 528 № 3; IX, 103. Сборн. за нар. умотвор. II, отд. 3, стр. 213; VIII, отд. 3, стр. 214. Шапкаревъ Сборн. VIII, 263 № 156. Сборн. мат. Кавказ. XX. отд. 2, стр. 90.

Стр. 367 § 188. Краткій отрывокъ изъ сюжета о трехъ совѣтахъ. Человѣкъ послѣ 15 лѣтъ воротился домой и засталъ жену съ двумя кавалерами; онъ хотѣлъ уже выстрѣлить, но Богъ внушилъ ему иную мысль, «Отложу это до завтра». На другой день услышалъ, что это были его сыновья. См. Сборн. за нар. умотв. XVIII стр. 629 № 201. Zbornik za nar. život južnih Slavena X, стр. 141, № 6. Conde Lucanor изд. Knust стр. 375 сл. Macler Cont. armén. стр. 141.

Бановце стр. 368 § 191. Король сдѣлаетъ наслѣдникомъ того изъ своихъ сыновей, кто дальше выстрѣлитъ. Стрѣла младшаго попала въ заколдованный замокъ. Королевичъ поѣхалъ туда съ 11-ю гусарами. Однако не успѣлъ освободить заколдованнаго замка съ принцессою и 11-ю «frajcimirkami», потому что ночью смотрѣлъ, какъ къ нему легла принцесса. Потомъ пошелъ королевичъ опять по свѣту искать дѣвицу. Поступилъ на службу къ другому королю. Этого короля онъ обидѣлъ, сказавши, что у его любовницы нога красивѣе, чѣмъ у его дочери. Любовница освободила его отъ

смерти, но наказала его за то, что ее хвалилъ, тѣмъ, что онъ можетъ ее найти только тогда, когда изорветъ пару желѣзныхъ башмаковъ.

Стражске стр. 371—380 § 192. Бѣднякъ наловилъ множество рыбъ. Между ними была золотая рыбка, и она сказала бѣдняку, чтобы оторвалъ отъ нея чешуи, двѣ далъ съѣсть своей кобылѣ, другія двѣ чешуи женѣ, третьи двѣ чешуи сучкѣ и четвертыя двѣ чешуи пусть посадитъ въ саду, и потомъ пусть ее продастъ въ городѣ за большую цѣну. Черезъ девять мѣсяцевъ родила ему жена двухъ мальчиковъ, сучка двухъ щенковъ, кобыла двухъ жеребятъ и въ саду выросли двѣ золотыхъ сабли. Срв. Národopis. Sb. III, 114; IV—V, 132, № 8; VII, 218, № 5, 6. Это очень подробно разсказанный варіантъ сказки, которая была уже раньше записана въ §§ 133 и 147. Но нашъ пересказъ не оконченъ: разсказчикъ (66 лѣтній мужикъ) усталъ, потому что его «духовныя силы» оставили, какъ примѣтилъ собиратель.

Гуменне стр. 380 сл. § 193. Герой при помощи своихъ товарищей, обладавшихъ сверхъестественною силою, Скочикрака, Окаля, Моцнаря и Минарчика (своимъ дыханіемъ ворочалъ онъ вѣтряную мельницу) освободилъ красавицу, которую царь московскій унесъ отъ турецкаго султана. Не было у нихъ другой задачи, какъ только принести воды на обѣдъ изъ Чернаго моря. Минарчикъ дунувши уничтожилъ всѣ семь полковъ, которые за нимъ послалъ царь. Срв. Národopis. Sb. III, 14; IV—V, 133; VII, 69.

Стр. 383 § 197. Лѣстницу несли въ лѣсъ поперекъ, какъ въ Етн. Збірн. VI, стр. 338 № 1, стр. 340 № 678 Сумцовъ Разыск. въ обл. анекд. 12. Malinowski Zarysy życia lud. na Śląsku 20.

Удавске стр. 384 § 199. Лисица притворяется мертвой, положена на телѣгу, на которой грузъ рыбы. Лисица обманула волка и т. д. См. Národopis. Sb. VI, стр. 213, № 9. Наконецъ, когда волкъ ходилъ около ея берлоги и грозилъ, что съѣстъ ее, она подала ему корень, чтобы поймалъ, и сказала ему: «Дурень, поймай меня, не за ногу, а за корень». Срв. Kaarle Krohn op. c. 62. 122. Bronisch Kaschub. Dialectstud. II, 16, Lorentz Slovinz. Texte 22, Сборн. за нар. умотвор. I отд. 3, стр. 129; такимъ же образомъ обманулъ крокодила шакалъ Steel-Temple Wide-awake Stories 245, или собака Baissac Le Folklore de l'île Maurice 288.

Кошковце стр. 385 сл. § 200. Мудрая дѣвица. Срв. Dobšinský VI, 52 Slov. Pohl'ady 1896, стр. 262 Národopis. Sb. I, 142; II, 96,

103. IV—V, 137, № 3. Безъ обыкновеннаго конца. Оканчивается тѣмъ, что королевичъ женится на мудрой дѣвицѣ.

Патинъ стр. 386 § 201. Скрипка, при игрѣ которой каждый долженъ танцовать. Жидъ въ тернѣ.

Длуге на Цирохе стр. 388 § 202. Цыганъ молился, чтобы ему Богъ далъ сто кредитокъ; если не будетъ доставать хоть одного крейцера, то не возьметъ. Жидъ услыхалъ его молитву и хотѣлъ его испытать. Подложилъ 99 гульденовъ и 99 крейцеровъ. Но цыганъ взялъ деньги, хотя не было полныхъ ста. Срв. Розвідки Мих. Драгоманова I, 251 сл. Decourdemanche Les plaisanteries de Nasr-Eddin-Hodja 46 сл. R. d. trad. pop. VI, 143 Етн. Збірн. VIII, 132 сл. Вук Врчевић Припов. кратке 135, № 289. Жидъ тянетъ цыгана въ судъ. Но цыганъ пойти не можетъ, если жидъ не дастъ ему одежды. Такъ Slov. Pohl'ady 1895, стр. 387. Wisła 1894 стр. 229; Lud VI, 342 Václavek Valašské poh. a pov. 1894, стр. 77, № 18 Етн. Збірн. I, статья 3, стр. 12, № 2; Mouliéras Fourberis de Si Djeh'a 93; Аѳанасьевъ Нар. рус. ск²., II, 410.

Стр. 390 § 203. Упрямые супруги. Горшокъ донесетъ тотъ, кто прежде заговоритъ. Срв. Розвідки Мих. Драгоманова I, 229 № 6; III, 357; Chauvin Bibliogr. arab. VIII, стр. 132 № 124. Roman. Forschungen XVI, 341; Václavek Valašské poh. a pov. 1894, стр. 23 Clouston Pop. Tales a. Fictions II, 15 сл. Н. Ѳ. Сумцовъ Разыск. въ обл. анекд. 61, 68. Köhler Klein. Schrift. II, 576 Crane Ital. pop. tales стр. 284, № 95 и др.

Унгскій уѣздъ 391—427.

Собранце стр. 391 § 204. Герой три ночи въ церкви у заколдованной красавицы. Срв. Národopis. Sb. VII, 103, 125 сл.; VIII, 39 сл. Malinowski Powieści spiskie № 6 (Mater. antropol.-archeol. VI, 150). Съ этимъ сюжетомъ соединенъ еще и другой о неблагодарной женѣ, такъ же, какъ въ валашской сказкѣ сборника V. Tille № 29. Срв. мою статью въ Zeitschr. d. Ver. f. Volksk. 1903, 401. Герой избранъ королемъ, когда корона, пущенная сверху, сѣла на его голову. Срв. Národopis. Sb. VI, 140.

Стр. 397 § 205. Сказка о вѣрномъ слугѣ. См. выше § 149. Въ эту версію занесенъ еще мотивъ о вши, разкормленной въ огромнаго звѣря, и о башмакахъ, выдѣланныхъ изъ ея кожи, мотивъ совершенно другого сюжета. См. Dobšinský Slov. pov. I, 65 Розвідки М. Драгоманова II, 109, 129, Köhler Klein. Schrift. I, 50, 92. Ждановъ Русскій былевой эпосъ 452 сл.

Стр. 402 сл. § 206. Силачъ Ломидрево три раза каждыя семь

лѣтъ былъ кормленъ грудью матери. Съ двумя товарищами (1 мялъ желѣзо въ рукахъ какъ грязь, 2 Валигора) на службѣ у барина, и въ награду получаютъ, что унесутъ.

Стр. 403 § 207. Солдатъ досталъ какъ милостыню сумку, которая все ловитъ, что приказано, и мѣшечекъ постоянно полный табаку. Онъ переночевалъ въ трактирѣ и поймалъ всѣхъ чертей, которые пугали въ немъ людей. См. Malinowski Powieści ludu pol. na Śląsku II, 5, 25, 113. Sven Grundtvig Dän. V. M. II, 179, Kulda III, 103, Stránecká 16 Zbiór wiad. antrop. IX отд. 3, стр. 115 № 13; Lud. X, 378.

Собранске Комаровце стр. 405 сл. § 208. Старый король запираетъ свою молодую жену ото всего свѣта. Любовникъ навѣщаетъ ее подземнымъ ходомъ и наконецъ женится на ней передъ глазами самого короля. Срв. Národopis. Sb. II, стр. 99 № 2 Chauvin Bibliogr. arab. VIII, стр. 95 сл. № 67. Clouston Pop. Tales a. Fictions II, 214 Crane Ital. pop. Tales 167.

Лучки стр. 408 сл. § 219. Куплено три совѣта: 1) Не оставляй старой дороги и не дѣлай новой; 2) Чужого человѣка не принимай за своего; 3) Женѣ никогда не вѣрь. Мужъ слѣдовалъ только первому совѣту; второго не пробовалъ; не послѣдовалъ третьему и скоро заплатилъ бы за это смертью; собственно не повѣрялъ женѣ никакой тайны, но хотѣлъ только испытать, хорошъ ли былъ третій совѣтъ. Срв. Köhler Klein. Schrift. II, 402.

Тамоля стр. 410 § 211. Человѣкъ спасъ «el'efana» отъ грозившей ему смерти, такъ же какъ въ другихъ пересказахъ змѣю, льва, дракона. Лисица потомъ спасла человѣка, но скоро убѣдилась, что права была кобыла, сказавши, что человѣкъ «huncut». Сходно съ тѣмъ, что въ Sborn. mus. spol. slov. VI, 74 сл. Верхратскій Знадоби для пізнаня угро-рускихъ гов. 116 сл. (Зап. Шевч. XLIV), Kaarle Krohn Mann und Fuchs 11, 38. R. Basset Cont. berbères № 3, стр. 7, 134. Clouston Pop. Tales a. Fictions I, 262.

Бежовце стр. 412—425 § 212. Въ заколдованномъ лѣсу королевна «Makom vіšіvana» съ одиннадцатью подружками: черти унесли ихъ отъ отца ея. Онѣ прилетаютъ къ пруду въ этомъ лѣсу подъ видомъ утокъ. Герой освободитъ ихъ, если при танцахъ не похвастается этою королевною, своею милою. Однако въ третій вечеръ не выдержалъ, похвалился, что его милая красивѣе, чѣмъ принцесса королевская. И этимъ не только не освободилъ ея, но подвергъ ее еще большимъ мукамъ. Точно такъ же назоветъ мужъ свою жену-русалку особымъ ся именемъ, она исчезнетъ. Изв. отд. русск. яз.,

IX, кн. 1, стр. 437. Crane Ital. pop. tales 141. Романовъ Бѣлорус. Сб. VI, 406 сл. № 46. Подобно въ сборникѣ Krauss VM Südslav. I № 83, не смѣетъ герой разсказывать о своей невѣстѣ-русалкѣ, и когда это сдѣлалъ, то былъ прогнанъ. Заколдованная красавица присуждена теперь на «Hamadejovu» постель: это слѣдъ сюжета о ложѣ Мадея, кающагося разбойника. Герой присужденъ королемъ за то, что выразился непочтительно о его дочери, къ висѣлицѣ, но войскомъ своей заколдованной невѣсты освобожденъ. Потомъ пошелъ ее искать, истопталъ семь паръ желѣзныхъ черевикъ, и наконецъ долженъ былъ его къ ней донести «*nochtcnptak*», очевидно *noh-tcn-pták*, грифъ, который служилъ королевнѣ. Ниже въ одной сказкѣ изъ Спиш. у. § 222, стр. 444 называется: nocht. Герой скрылся въ «feršlogu» (перегородкѣ) въ муку. Эту перегородку несъ грифъ изъ мельницы къ королевнѣ, и грифъ героя выпустилъ, когда тотъ какъ-то себя выдалъ. Наконецъ помогъ ему въ его несчастіи чортъ, за котораго онъ просваталъ свою сестру. Въ вступленіи разсказывается, что герой заколдовалъ свою сестру, чтобы ее чортъ взялъ, когда проигралъ ей въ карты. Здѣсь, очевидно, является вліяніе сюжета о своякѣ звѣрей или надземныхъ существъ (грома, вѣтра и др.), см. выше § 118.

Коромля стр. 425 сл. § 213. Сапожникъ бросаетъ каждый день двѣ деньги въ грязь, двумя платитъ проценты, двѣ даетъ въ долгъ и двѣ тратитъ на себя. Объясненіе этой загадки. Ср. Dobšinský Slov. pov. II, 92. Federowski Lud białoruski III, стр. 60 № 118. Добровольскій, Смол. Сб. I, 380. B. Ilg Malt. M. 82 сл. № 24.

Говоръ Лучивнянскій въ Спишскомъ у. стр. 427—449.

Лучивна стр. 427—436 § 215. Развращенный сынокъ въ солдатахъ. Наговорилъ отцу, что достигъ высокихъ чиновъ. Когда же отецъ пришелъ за нимъ, то онъ убѣжалъ. Похоже у Škultéty-Dobšinský, стр. 541 № 61; Národopis. Sb. VII, 95; VIII, 82. Етн. Збірн. VIII, стр. 96 № 43. Ul. Iahn V. M. Pommern Rügen I, 91. Strohal Hrvat. nar. pripov. II, 254 и др. Герой попалъ потомъ въ заколдованный замокъ, и освободилъ бы красавицу, если бы выдержалъ три ночи съ ней спанья. Еще бы могъ освободить, если бы вернулся домой, и по крайней мѣрѣ мать и сестра его бы простили. Достигъ этого, вернулся къ заколдованной красавицѣ, но когда она легла къ нему въ постель, то онъ захотѣлъ видѣть ея лицо и зажегъ свѣчу. Разозлившись, она приказала чертямъ отнести его на самую высокую гору, чтобы его къ самой высокой скалѣ приковать. Здѣсь вотъ вліяніе цикла повѣстей «Аморъ и Психе». Ср. Clouston Pop. Tales a. Fictions

I, 205 сл. Köhler Klein. Schrift. II, 410, 439. У этой скалы поймала героя большая птица, чтобы отнести его своимъ птенцамъ, но онъ оборонился своею саблею. Потомъ помогаютъ ему звѣри, когда справедливо раздѣлилъ ихъ добычу между ними. Срв. Národopis. Sb. IV—V, стр. 131 Němcová Slov. poh. a pov. II, 61, Malinowski Powieści ludu pol. na Śląsku II, 111 и пр. Если только подумаетъ про какого звѣря и возьметъ его волосокъ или перо, сейчасъ въ этого звѣря превратится. Срв. Národopis. Sb. IV—V, 131 сл. VII, 62, 68. Превращенный въ муху, добрался до дома своей заколдованной красавицы, и отъ нея узналъ, что освободитъ ее тогда, когда достигнетъ до замковой башни, гдѣ сидитъ на яицахъ голубка, и когда ей принесетъ ея яйцо. Такимъ образомъ онъ ее наконецъ и освободилъ. Еще разсказывается приключеніе, которое съ нимъ случилось по дорогѣ къ его отцу, какъ съ большою бѣдою спасъ изъ разбойничьяго вертепа свою одну жизнь, и къ отцу вернулся не королемъ, а въ нищенской одеждѣ. Отецъ сдѣлалъ его свинопасомъ. Когда долго не возвращался къ женѣ, она двигалась за нимъ съ большимъ войскомъ.

Стр. 436 сл. § 216. Король на охотѣ заблудился, переночевалъ у пастуха и позвалъ его потомъ къ себѣ. Похоже у Medvecký Detva 209 Mater. antropol.-archeol. III, отд. 2, стр. 149 сл. Simrock Deutsche M. стр. 212 № 6 Hahn Griech. alban. M. I, № 35 Sébillot Contes des pays. et des pêcheurs 149.

Батизовце стр. 437 § 218. Бѣдняку не идутъ въ руки опредѣленныя для него деньги, спрятанныя въ ковригѣ, завязанныя въ платкѣ; онѣ ему не суждены, онѣ несчастны. Похоже R. d. trad. pop. IV, стр. 530 № 5; XII, стр. 193 № 1; XIII, стр. 219 № 62. Сборн. мат. Кавк. XIII, отд. 2, стр. 128; XX, отд. 2, стр. 87; Етн. Збірн. XIII, стр. 115 № 302; XIV, стр. 250 № 45 (вторая часть); Арнаудовъ Българ. нар. приказки 87 сл. Malinowski Powieści spiskie Mat. antrop.-archeol. VI, отд. 2, стр. 133 сл. Изв. отд. рус. яз. VIII, кн. 4, стр. 358 № 316.

Герлаховъ въ Спиш. стр. 438 сл. § 219. Дурень цыганъ рубитъ вѣтвь, на которой сидитъ, и думаетъ, что умеръ. Срв. Clouston The Book of Noodles 156, 158; Сумцовъ Разыск. въ обл. анекд. 111, Етн. Збірн. VI, стр. 261 № 569 Národopis. Sb. IV—V, стр. 136, № 36. Цыгану чувство голода удостовѣряетъ, что онъ не умеръ. Потомъ дѣлаетъ все наоборотъ. Когда увидѣлъ горящую деревню, бросился бѣжать; когда двое дрались, онъ ихъ заливалъ; когда два волка теребили гуся, онъ ихъ хотѣлъ разъединить.

Викартовце стр. 439 сл. § 220. Король, имѣвшій 12 сыновей, грозилъ, что, если тринадцатою родится дочь, то перестрѣляетъ всѣхъ дѣтей. Сыновья по данному знаку убѣжали. Срв. Škultéty Dobšinský стр. 64 сл. № 8. Sklarek стр. 84 № 8, Етн. Збірн. XIV, стр. 102 № 12 Rittershaus Neuisländ. V. M. стр. 61; № 14; Crane стр. 54 сл. № 11 Strohal II, стр. 42 сл. № 14. Rivière Cont. pop. de la Kabylie 45; Pentamerone Liebrecht II, 97 Шапкаревъ Сбор. VIII, 189 сл. № 114. Худяковъ Матеріалы 77 сл. — Сестра ихъ нашла и вернулась съ ними домой. Нѣтъ тѣхъ мотивовъ, которые обыкновенно встрѣчаются въ этомъ сюжетѣ. Но за то прибавленъ другой мотивъ. Когда по дорогѣ домой отъѣхали братья далеко отъ замка, закричалъ имъ старикъ, чтобы они ему за всѣ услуги, которыя онъ имъ оказывалъ втеченіе 13 лѣтъ, оказались благодарными. Это былъ ихъ дядя, въ этомъ замкѣ заколдованный, и братья должны ему отрубить голову. Чтобы потомъ изъ него къ небесамъ вылетѣла бѣлая голубица, или нѣчто подобное, не разсказывается.

Стр. 442 сл. № 221. Вѣтеръ унесъ королевну въ свой замокъ. Братъ ее ищетъ, нашелъ и вернулъ ее назадъ, когда при помощи благодарныхъ звѣрей рѣшилъ тяжелыя задачи, предложенныя отъ вѣтра. Сходно Škultéty-Dobšinský стр. 428 сл. № 45.

Цеплица стр. 444 сл. § 222. Не оконченная версія Брунцвика.

Грановница стр. 447 сл. § 223. Глупая женщина: ее помазали дегтемъ и посыпали перьями; теперь она не знаетъ, она ли это, или она птица. Срв. Clouston The Book of Noodles 208 Сумцовъ Разыск. 91 Zbiór wiadom. antropol. IX, отд. 3, стр. 126 № 9. Етн. Збірн. VI, стр. 69 № 202. Аөанасьевъ Нар. рус. ск.[3] II, 434. Asbjörnsen Moe Norweg. V. M. стр. 70 № 10. Человѣкъ идетъ, какъ напр. въ норвежской сказкѣ, искать по свѣту людей, которые глупѣе ея. См. Сумцовъ Разыск. 23, Clouston op. c. 191 — 209, Národopis. Sb. III, 111, 118. Между глупыми женщинами нашелъ и такую, которая покойному сыну посылаетъ деньги черезъ человѣка, который, говорятъ, съ того свѣта, какъ выше § 181. Человѣкъ сказалъ женщинѣ, что онъ изъ «Loboga», а она, очевидно, не разслышавши хорошо, спросила его «či od Boha?» Срв. выше. Возвратившись домой, онъ услыхалъ, что жена его посѣяла соль. Срв. Slov. Pohl'ady XX, 40, Розвідки М. Драгоманова III. 98. Сумцовъ Разыск. 36, сходно въ украинской версіи Гринченко II, № 190 Archiv. f. slav. Phil. XXII, 283 сл.

Польскій говоръ стр. 449—459.

Славковъ Малый (Славковекъ) стр. 449 сл. § 225. Три героя ро-

жены королевной, кухаркой и цыганкой, самый сильный сынъ—цыганки, Лацикъ. Они воюютъ съ змѣями, шестиглавымъ, девятиглавымъ и двѣнадцатиглавымъ, но не на мосту, какъ обыкновенно разсказывается. См. Národopis. Sb. VII, 61 сл. Tille Povídky valaš. № 12 Лацикъ и змѣй состязаются еще «o oheň», жгутъ себя. Лацикъ въ видѣ желѣзнаго колеса и змѣй въ видѣ оловяннаго колеса, сходно напр. Němcová Slov. poh. a pov. I, 182. Потомъ угрожаютъ героямъ мать и жены змѣевъ, превратившіяся въ колодецъ, постель и грушу.

Словенска весь стр. 452—6 § 226. Сестра предала брата любовнику-разбойнику. Версія это достаточно сохранившаяся. Герой ослабѣлъ въ одной купальнѣ, приготовленной сестрой по совѣту разбойника. Разбойникъ хотѣлъ его убить, но онъ во время позвалъ въ свою дудку на помощь своихъ звѣрей. Присоединенъ еще сюжетъ о освобожденіи красавицы отъ дракона.

Крижова весь стр. 456 сл. § 227. О братьяхъ, умномъ и дурнѣ, которые убѣжали отъ барина. Младшій съ собой унесъ двери, влѣзъ съ ними на дерево, переполошилъ отдыхающихъ подъ нимъ разбойниковъ; наконецъ одному, который не могъ убѣжать, потому что былъ къ дереву привязанъ, вырѣзалъ ножемъ языкъ. Срв. Národopis. Sb. VI, стр. 213 № 3; стр. 225 № 71; VII, стр. 224 № 63 Етн. Збірн. VI, № 682, 683, 692; VIII, стр. 82 № 34; Malinowski Powieści ludu pol. na Śląsku II, 50; Kolberg Pokucie IV, стр. 237 № 57 Kolberg Chełmskie II, стр. 116 № 16. Wisła XIX, 405 Bos. nar. pripov. red. omlad. 110 Mijatovics Serbian Folk Lore 259, Strohal Hrvat. nar. pripov I, 188, Hertel Bunte Geschichten vom Himalaja 77, Steel-Temple Wide awake Stories 242 Baissac Le folklore de l' île Maurice 226.

Угрорусскіе говоры стр. 459—476.

Нижне Репаше стр. 459 сл. § 230 Бѣднякъ бросилъ бѣду въ яму, богачъ ее освободилъ. Срв. Národopis. Sb. IV—V, стр. 144, № 355 Kolberg Pokucie IV, стр. 198 № 40 Zdziarski Garść baśni стр. 14 № 8. Бѣднякъ продалъ жену и дѣтей какому-то графу. Когда со временемъ онъ пришелъ въ замокъ графа, то его бывшая жена овдовѣла. Узнали другъ друга и бѣднякъ сталъ хозяиномъ графскаго состоянія.

Орловъ стр. 462 сл. § 232. Христосъ — крестный отецъ и Божія Матерь — крестная мать бѣдной дѣвочки. Крестный отецъ ей даровалъ, чтобы вся вода, въ которой она купается, превращалась въ серебро; крестная мать, чтобы золотая роза разцвѣтала на ея гу-

бахъ, когда она засмѣется. Маричка стала невѣстою короля. Баба-Яга изуродовала ее и подсунула королю свою дочь. Изуродованную дѣвочку взялъ бѣднякъ, даетъ за серебро сдѣлать все, веретено, мотовило и волокно, и за эти вещи получаетъ назадъ глаза, руки и ноги дѣвочки. Сходно Škultéty-Dobšinský стр. 156 сл. № 28 Klimo Cont. lég. de la Hongrie 178 сл. Којанов-Стефановић Срп. нар. припов. 154 сл. Mikuličić Nar. pripov. 60 сл. Юбил. Сборн. В. Миллера стр. 198 № 49; стр. 202 № 69 Hinton Knowles Folk Tales of Kashmir 445, Павле Поповић Припов. о девојци без руку 80.

Отебникъ стр. 465, § 233. Глупая женщина посылаетъ своему покойному сыну деньги черезъ человѣка, который, говорятъ, пришелъ съ того свѣта. Срв. выше § 181, 223.

Доманинце стр. 466—471 § 234. Закладъ о вѣрности жены, сходно Němcová Slov. poh. a pov. II, стр. 180 сл. № 150. Срв. Národopis. Sb. VI, стр. 220 № 33 Romania XXXII (1903) стр. 481 сл. Етн. Збірн. VIII, 1 сл.

Оноковце стр. 472 сл. § 235. Человѣкъ обѣщалъ бабѣ первый приростъ въ хозяйствѣ, если поможетъ ему взять въ жены любимую дѣвушку. Потомъ баба пожелала ихъ дитя. Мать отдастъ ей дитя, если она сдѣлаетъ гвоздикъ изъ его волосъ. Она не смогла сдѣлать ровнаго гвоздика, такъ какъ то былъ волосъ не изъ головы. Срв. Montanus Schwankbücher изд. Bolte 512, 602 № 49; Этн. Обозр. LI, 10 Anthropophyteia I, стр. 166 № 143; Wisła V, 454. Mat. antrop.-archeol VIII, отд. 2, стр. 193. Добровольскій Смол. Сб. I, стр. 142, № 78.

Стройна стр. 473 сл. § 236. Изъ за денегъ всегда зло. Срв. Clouston Pop. Tales a Fictions II, 379 Chauvin Bibliogr. arab. VIII, стр. 100, № 73. Изв. отд. рус. яз. VIII, кн. 4, стр. 357 № 292 Iak. Ulrich Die hundert alten Erzählungen стр. 88 № 83. Етн. Збірн. XIII, стр. 116 № 295; XVI, стр. 470, № 55; стр. 472, № 88 R. Basset Cont. pop. d' Afrique стр. 185, № 75 R. d. trad. pop. XX, 2.

Стр. 474 сл. § 237. Кающійся чортъ. См. выше § 148.

Ю. Поливка.

Прага чешская, январь 1907.

В. И. Рѣзановъ. Памятники русской драматической литературы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. Приложеніе къ изслѣдованію: «Изъ исторіи русской драмы». Нѣжинъ. 1907. 16+329+2 нен. стр.

Напечатанные въ этомъ изданіи «Памятники русской драматической литературы» составляютъ, по словамъ автора, приложеніе къ изслѣдованію «Изъ исторіи русской драмы», которое выйдетъ въ свѣтъ вслѣдъ за симъ и въ которомъ излагаются результаты изученія издаваемыхъ текстовъ». Всего здѣсь авторъ даетъ полные тексты девяти драмъ и къ одной пьесѣ варіанты; шесть изъ этихъ произведеній появляются въ печати впервые.

Первыми помѣщены «Дѣйствіе на Рождество Христово изъявляющее преступленіе души человѣческой ради грѣха смертію обладанной ея же ради избавленія Богъ посла Сына своего единороднаго» (стр. 1—17) и Рождественская драма безъ особаго заголовка (стр. 18—32)—небольшія драматическія произведенія, взятыя изъ рукописи XVIII в. библіотеки Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (№ ркп. 179). Затѣмъ—«Торжество Естества человѣческаго, прежде снѣдію завѣщанаго древа уморенкаго, нынѣ же смертію Христовою оживотворсннаго... трома частми през благородних младенцовъ стихотворнаго ученія Академіі Кіевскія в день страданія, и в день востанія Господня изявленное. Року 1706, мѣсяця Апріля дня 7»,—изъ рукописи южнорусскаго письма XVIII в., того же собранія, № 145 (стр. 33—107). Далѣе Пасхальная драма—безъ особаго заглавія (стр. 108—120)—изъ рукописи южно-русскаго небрежнаго письма начала XVIII в., того же собранія № 163. Драма эта особенно интересна потому, что повидимому является черновикомъ (автографъ?) неизвѣстнаго автора съ разнаго рода помарками и исправленіями. Пьеса—«Царство Натури людской, прелестію, ею же смерть царствова надъ непогрѣшившими, разоренное, благодатію же Христа Царя слави, терновим вѣнцемъ увяденнаго, паки составленное и вѣнчанное, смутним же дѣйством въ кіевских Аѳинах, под властію пресвѣтлаго тривѣнчаннаго сущих, от благородних россійских младенцовъ извѣщенное. Року вонже Христос Царь славы разорившй адово царство 1698»

(стр. 121—166),—перепечатана по рукописи (того же собранія № 144) южно-русскаго письма конца XVII или начала XVIII в. (сохранилось только начало). Сюда же нужно отнести и помѣщенную на восьмомъ мѣстѣ пьесу «Гисторія Кгра» (стр. 207—233), взятую изъ указанной выше рукописи № 179.

Всѣ эти, только что перечисленныя, драматическія произведенія въ печати появляются впервые, по единственнымъ пока извѣстнымъ, дошедшимъ до насъ спискамъ. Не смотря на порядочное количество опубликованныхъ уже первенцовъ русской драмы, этотъ сборникъ «школьныхъ дѣйствъ» является существеннымъ дополненіемъ, могущимъ расширить и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дать новое направленіе до сихъ поръ еще мало разработаннымъ вопросамъ о началѣ и первыхъ шагахъ русской драматической поэзіи.

Двѣ пьесы («Комическое дѣйствіе в честь, похваленіе и прославленіе по пророчеству и обѣтованію рождшемуся... Царю Царей, Христу Господу, всемирной дѣля радости четирма явленіи изображенное» и пасхальная драма «Властотворній Образъ Человѣколюбія Божія»...), составленныя іеромонахомъ Митрофаномъ Довгалевскимъ, профессоромъ поэзіи въ Кіевской Духовной Академіи, напечатаны также по единственному извѣстному списку—кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря № 1710. Объ нихъ я думаю поговорить особо впослѣдствіи.

Кромѣ отмѣченныхъ новинокъ большой интересъ представляетъ напечатанная по тремъ спискамъ, извѣстная драма «Стефанотокосъ», впервые появившаяся въ Приложеніи къ Примѣчаніямъ Н. С. Тихонравова ко второму тому его Русскихъ драматическихъ произведеній 1672—1725 гг. (Спб. 1874), стр. XXXVII—LXXXV. Благодаря новому списку, открытому А. М. Лободой, возможно стало точнымъ образомъ раскрыть аллегорическій смыслъ пьесы, относительно истолкованія которой существовали два мнѣнія. Акад. Пекарскій и И. Е. Забѣлинъ полагали, что здѣсь изображены «нѣкоторыя событія, случившіяся во время переворота, слѣдствіемъ котораго было прекращеніе соцарствія и вступленіе въ управленіе Россіею Петра Великаго»... Съ другой стороны Н. С. Тихонравовъ писалъ: «Кто не узнаетъ въ судьбѣ Стефанотокоса исторіи Елизаветы Петровны до «радостоплоднаго» дня 25 ноября 1741 года?»...

Новый списокъ разрѣшаетъ этотъ споръ окончательно и въ сторону мнѣнія Н. С. Тихонравова. Здѣсь имѣются очень важныя примѣчанія, названныя «краткое показаніе что заключается въ слѣдующей драмѣ» и «краткія толкованія», помѣщенныя почти послѣ

каждаго явленія драмы. Привожу буквально краткое показаніе: «Стефанотокосъ знаменуетъ къ вѣнцу рожденный: симъ именемъ тайнѣ показуется дѣйствіе о Августѣйшей самодержавнѣйшей великой Монархінѣ всероссійской Благочестивѣйшей Государынѣ Імператрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, яже по прародителской и родителской крови рожденна къ вѣнцу россійскаго Імперіумъ; но от злобныхъ и коварныхъ навѣтниковъ не токмо лишена была наслѣдія своего, но уже и неищетнымъ бѣдствіямъ, по злоухищреннымъ недоброхотовъ замышленіямъ подлежаше; обаче Богъ неизглаголанными своими и непостижимыми судбами и возведе ю на прародителскій и родителскій престолъ, и вѣнцемъ, к нему же рожденна бѣ, украси ю» [1]). Вопросъ, такимъ образомъ, рѣшается окончательно. За текстомъ драмы въ рукописи слѣдуютъ интерлюдіи съ указаніемъ, что также важно, въ какомъ мѣстѣ драмы они исполнялись.

Конецъ сборника (стр. 305—329) занимаютъ варіанты по второму списку драмы о царѣ Езекіи и краткое сообщеніе объ этомъ спискѣ и рукописи, гдѣ онъ найденъ.

Относительно способа изданія текстовъ В. И. Рѣзановъ говоритъ, что они «въ предлагаемомъ изданіи воспроизводятся не палеографически, но по возможности близко къ рукописному тексту. По типографскимъ условіямъ, немногія встрѣчающіяся въ рукописяхъ титла и сокращенія пришлось раскрыть. Очевидныя описки и искаженія исправлены въ текстѣ или въ выноскахъ, причемъ однако всякій разъ представлено и буквальное чтеніе рукописи; кое гдѣ прибавлены въ выноскахъ конъектуры. Поставлены знаки препинанія» (II). На это можно замѣтить, что всетаки читатель точно не знаетъ, въ чемъ же состоитъ эта близость къ рукописному тексту, тѣмъ болѣе, что рядъ явныхъ опечатокъ въ предисловіи заставляетъ относиться подозрительно и къ изданнымъ текстамъ. Съ конъектурами также не совсѣмъ можно соглашаться.

Николай Виноградовъ.

---

1) Стр. 237. По сличеніи текста съ фототипическимъ снимкомъ этого мѣста получаются нѣкоторыя разночтенія.

Труды второго областного Тверского Археологическаго Съѣзда 1903 года 10—20 августа. Изданіе Тверской Ученой Архивной Коммиссіи. Тверь. 1906. IV+LXXXVI+275+20+464+24+125+3+164+9+42+4 стр. Съ табл. и рис.

Объемистый томъ, въ 1200 слишкомъ страницъ, заключаетъ въ себѣ итоги занятій второго областного Археологическаго Съѣзда въ г. Твери. Въ самомъ началѣ книги, въ видѣ предисловія, изложены всѣ подготовительныя работы по организаціи Съѣзда (I—VII стр.); данъ каталогъ Археологической выставки предметовъ древности Ростово-Суздальской области, среди которыхъ находилось порядочное количество рукописей, старопечатныхъ книгъ и лубочныхъ картинъ (VII—XXII стр.); затѣмъ описаны: открытіе и закрытіе, напечатанъ дневникъ Съѣзда и сдѣлано описаніе экскурсій съ научной цѣлью, совершенныхъ во время Съѣзда (XXIII—LXXXVI стр.). Всего на Съѣздѣ прочитано было 58 докладовъ, изъ которыхъ въ «Трудахъ» напечатано 50, раздѣленныхъ сообразно секціямъ Съѣзда на семь отдѣловъ: I. Первобытныя древности; II. Областная исторія. Памятники гражданской старины; III и V (вмѣстѣ). Живая старина. Областная Этнографія; IV. Областная исторія. Памятники церковной старины; VI и VII (вмѣстѣ). Архивныя коммиссіи и Архивовѣдѣніе.

Сообразно расположенію матеріала и обозрѣніе этого сборника я сдѣлаю по отдѣламъ, останавливаясь лишь на тѣхъ докладахъ, содержаніе которыхъ соотвѣтствуетъ программѣ «Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н.».

Отдѣлъ первый — Первобытныя древности представленъ десятью докладами, въ которыхъ дается значительное количество новаго, часто глубоко-интереснаго матеріала, обрисовывающаго бытъ и культуру древнѣйшихъ насельниковъ Ростово-Суздальской и частію Новгородской областей.

Отдѣлъ II. Областная исторія. Памятники гражданской старины. Здѣсь на первомъ мѣстѣ поставленъ докладъ акад. А. И. Соболевскаго — «Названіе озера Селигера въ связи съ вопросомъ

о пра-славянской родинѣ». Въ своемъ докладѣ на основаніи анализа двухъ названій озера Селигера — Серегѣръ и Селижаръ — авторъ дѣлаетъ заключеніе, что обще-славяне имѣли нѣкоторое понятіе объ озерѣ Селигерѣ, что они жили сравнительно недалеко отъ него, «иначе говоря, одна часть границы обще-славянской прародины, именно, ея сѣверо-восточный уголъ, находилась сравнительно близко отъ западной границы нынѣшней Тверской губерніи». Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается данными изъ области взаимныхъ отношеній языковъ славянскихъ и западно-финскихъ, указывающихъ на очень древнее знакомство славянъ съ финскими племенами.

«Зубцовскія сотницы 7096 и 7104 гг.» (докладъ С. А. Шумакова) представляютъ собою все, что дошло до настоящаго времени изъ Зубцовскихъ писцовыхъ книгъ XVI ст. Не смотря на незначительный объемъ, здѣсь можно отмѣтить рядъ некалендарныхъ именъ: Богданко, Ботрачко торопчанинъ, Будилко, Белянко, Верещажка, Докучка Борковъ, Друганко (дважды), Истомка (4), Лунка (?), Меншичко (2), Молчанко, Некраско (2), Неустонко, Неханко Злобинъ, Нечанко (2), Первуша, Первушка (6), Поспѣлко (2), Пятунка (2), Тренка (2), Шерапко (2) и Шестачко (2). Patronymica на овъ: Ворганові, Демеховъ (3), Мелеховъ, Поспѣловъ, Соловевъ...; на инъ: Головин, Драгунин, Селин; очень рѣдкое patronym. — Ганка Пятог. Въ слободѣ Терешковѣ весь причтъ церковный носитъ некалендарныя имена: «поп Посник, дьячек Семакъ, пономар Тренка.» Есть также любопытныя географическія названія, напр.: деревни Литовское и Чешково, рѣчки Держа, Дорогона, Дорогоча, Иружа, Нахабна, Шешма, Шюденка и др.

Докладъ Н. Н. Овсянникова «О Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ вліяніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверского княжества» — посвященъ фактическому обоснованію положеній: a) что Новгородское вліяніе на Тверь началось ранѣе Московскаго; b) что черезъ Новгородъ переходили въ Тверь сокровища духовной и свѣтской культуры, какъ унаслѣдованныя Новгородомъ отъ Кіева, такъ и принятыя съ Запада; и c) что вліяніе Москвы отразилось всего сильнѣе въ религіозной и политической (менѣе) жизни. Перечитавъ главнѣйшіе письменные памятники, характеризующіе культуру Тверского княжества, докладчикъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что затронутый имъ вопросъ почти не разработанъ въ наукѣ, а онъ старается дать лишь матеріалъ для правильнаго разрѣшенія этого вопроса.

Докладъ А. И. Струженскаго «Очерки къ исторіи медицины въ Россіи. Тверская губернія въ періодъ врачебныхъ управъ (1797—1864 гг.)»—представляетъ собою извлеченіе изъ его обширнаго труда, остающагося до сихъ поръ не напечатаннымъ. Въ докладѣ встрѣчаются любопытныя бытовыя подробности, связанныя съ дѣломъ народнаго врачеванія, напр.: отношеніе властей къ знахарству, народныя цѣлебныя средства (человѣческій потъ, какъ приворотное средство), данныя по бракоразводнымъ дѣламъ и т. под.

Въ докладѣ І. К. Линдемана «Разборъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пальмквистомъ о Торжкѣ» и приложенныхъ къ докладу рисункахъ можно отмѣтить цѣлый рядъ интересныхъ данныхъ по топографіи и архитектурѣ Торжка XVII вѣка. Изслѣдователямъ стариннаго русскаго быта, русскимъ этнографамъ давно слѣдовало бы обратить вниманіе на этотъ цѣнный источникъ, по точности и подробности данныхъ уступающій лишь открытому недавно Н. В. Султановымъ рукописному плану Тихвинскихъ монастырей XVII вѣка [1]).

А. С. Мадуевъ въ небольшомъ докладѣ («Вновь записанныя легенды о Стенькѣ Разинѣ, носящія на себѣ слѣды ходячихъ мотивовъ нѣкоторыхъ европейскихъ сказаній») пытается связать двѣ записанныя имъ легенды о Стенькѣ Разинѣ съ цѣлымъ рядомъ ходячихъ мотивовъ, начиная съ библейскихъ повѣствованій о Моисеѣ. Но попытки эти, по моему мнѣнію, нельзя назвать удачными, такъ какъ передаваемыя докладчикомъ легенды свободно могли возникнуть и внѣ связи съ приводимыми имъ параллелями. Интересенъ подборъ русскихъ варіантовъ. Легенды записаны фонетически въ д. Усть-Курдюмѣ Саратовскаго уѣзда, во время поѣздки съ діалектологической цѣлью.

Н. А. Криницкій, въ своемъ докладѣ «Леонтій Филипповичъ Магницкій (1669—1739)», излагаетъ біографическія свѣдѣнія о первомъ русскомъ ариѳметикѣ, геометрѣ и въ тоже время одномъ изъ главныхъ участниковъ въ борьбѣ противъ протестанскихъ воззрѣній, проникавшихъ въ русскую жизнь вмѣстѣ съ реформами Петра Великаго—Л. Ф. Магницкомъ, уроженцѣ Тверской губерніи.

Отдѣлы III и V. Живая старина. Областная этнографія — самые бѣдные и по числу докладовъ (5) и по качеству сообщаемаго въ нихъ матеріала. Это достаточно ярко показываетъ,

---

1) Издается въ настоящее время Обществомъ Любителей Древней Письменности и Искусства. См. въ «Отчетѣ» докладъ 27 апр. 1907 г.

что этнографія все еще «не въ авантажѣ обрѣтается» и не находитъ себѣ болѣе или менѣе значительнаго числа адептовъ среди провинціальныхъ работниковъ, не смотря на обиліе матеріала и сравнительную легкость его добыванія. Въ виду такого рода данныхъ остается лишь присоединиться къ благому пожеланію третьяго областнаго Съѣзда во Владимірѣ, чтобы на четвертомъ Съѣздѣ въ Костромѣ областная этнографія была представлена бóльшимъ количествомъ докладовъ.

Три первые доклада (А. Г. Первухина «Изъ міра исчезающихъ обрядовъ и обычаевъ»; В. А. Андроникова «Свадебныя причитанія Костромского края со стороны содержанія и формы» и В. Н. Мальковскаго «Свадебные крестьянскіе обычаи, пѣсни и приговоры, записанные въ Рыбинской волости, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи въ 1902 г.»), занимающіе 114 изъ 125 страницъ отдѣла, посвящены описанію свадебныхъ обычаевъ въ различныхъ мѣстностяхъ Ростово-Суздальской области. Всего легче для начинающаго этнографа записать свадебныя пѣсни, причеты, наговоры, описать свадебный чинъ и обрядъ, поэтому и работъ этого рода буквально безчисленное количество. Во всѣхъ трехъ докладахъ авторы, не мудрствуя лукаво и даже не справляясь съ литературой предмета, хотя бы въ своей губерніи [1]), излагаютъ по порядку

---

1) Кстати привожу списокъ литературы о свадьбахъ въ Костромской губ.:

1. Діевъ, М. Я. Замѣчанія, касающіяся до Нерехты, уѣзднаго города Костромской губ. 1830.

2. Рощинъ, Василій. Свадебные обряды въ Галичѣ (Костромской губерніи). Сѣв. Пчела. 1831, № 269.

3. Снегиревъ, И. М. Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1837—1839. 4 вып.

4. Свиньинъ, П. Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ. Ч. I. Спб. 1839. (Здѣсь статья № 17 «Древній подвѣнечный уборъ въ Галичѣ»).

5. Діевъ, М. Я. Нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ жителей Нерехтск. у. Чт. О-ва Ист. и Древн. Росс. 1846, кн. 2.

6. Смирновъ, А. Свадебные обряды въ Буйскомъ и Галичскомъ уѣздахъ Костромской губ. Московск. Городск. Листокъ. 1847, № 125.

7. Его-же. Пѣсни крестьянъ Владимірской и Костромской губ. М. 1847 (свадебныя пѣсни).

8. Дементьевъ, В. Деревенскія свадьбы въ Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. I Русскія свадьбы въ Пароеньевѣ II. Свадьбы въ приходѣ с. Турліева. Москвитянинъ. 1855, № 7.

9. Андрониковъ, П. И. Свадебные обычаи и пѣсни въ с. Костеневѣ. Костромск. Губ. Вѣд. 1856, №№ 21—27, 29.

10. Крживоблоцкій, Я. Матеріалы для географіи и статистики Россіи,

имѣющійся у нихъ подъ руками матеріалъ. Новаго въ ихъ разсказахъ, насколько я могу судить, ознакомившись съ ними, ничего нѣтъ, и всѣ данныя, сообщаемыя авторами, могутъ имѣть значеніе лишь для географіи того или иного изъ описываемыхъ обрядовъ. Даже докладъ г. В. А. Андроникова, не смотря на свое заманчивое заглавіе, содержитъ лишь подборъ причитаній, пѣсенъ, наговоровъ etc., соединенныхъ краткими репликами автора. Всѣ его соображенія о формѣ свадебныхъ причитаній изложены въ девяти строкахъ и заключаются въ нѣсколькихъ общихъ фразахъ, въ родѣ такой: «...чѣмъ содержательнѣе пѣсня, тѣмъ и форма ея изящнѣе и наоборотъ...» (стр. 90). Къ докладу А. Г. Первухина присоединено небольшое дополненіе (4 стр.) — «Нѣкоторые заплачки и обычаи, связанные съ похоронами».

Очень интересна «Замѣтка о «куричьемъ богѣ» въ Костромской губерніи» нынѣ умершаго Н. М. Бекаревича, въ свое время дѣятельнаго руководителя Костромской ученой архивной Комиссіи. Но здѣсь мы должны отмѣтить, съ одной стороны недостаточное количество матеріала, привлеченнаго авторомъ, съ другой стороны слишкомъ одностороннее освѣщеніе вопроса. Кромѣ приведенныхъ

собранные офицерами Генеральнаго Штаба. Костромская губернія. Спб. 1861, стр. 501—510.

11. Дементьевъ, В. Свадьбы въ приходѣ с. Турліева. Костр. Губ. Вѣд. 1862, №№ 27—32 (перепечатка № 8).

12. Травинъ, А. В. Крестьянскія свадьбы въ глуши Галичскаго у. Костр. Г. Вѣд. 1863, № 6.

13. Изъ Юрьевецкаго уѣзда (Костромской губерніи). Голосъ. 1876, № 330. (Свадьбы убѣгомъ).

14. Нефедовъ, Ф. Д. Этнографическія наблюденія на пути по Волгѣ и ея притокамъ. Изв. И. О-ва Любит. Естествозн., Антроп. и Этнографіи, т. XXVIII. М. 1877. (Свадебные обряды и обычаи въ губ. Костромской и Нижегородской).

15. Кузнецовъ. Я. Свадьба въ Хмелевицкомъ приходѣ Ветлужскаго у. Костромской губ. Живая Старина. 1899, IV.

16 Шейнъ, П. В. Великороссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ etc.... Т. I, в. 2. Спб. 1900.

17. Андрониковъ, В. А. О собираніи памятниковъ народнаго творчества въ предѣлахъ Костромской губерніи. Костр. Губ. Вѣд., 1902.

18. Его-же Живая старина въ Костромской губ. Труды Ярославск. Области. Съѣзда. М. 1902.

19. Его-же. Свадебныя причитанія Костромского края со стороны содержанія и формы. Костр. Губ. Вѣд., 1904; Труды Тверск. Обл. Съѣзда. Тверь. 1906.

20. Ястребовъ, М., свящ. Свадебные обряды въ Углецкой вол. (Кинешемскаго у.). Костромск. Епарх. Вѣд. 1906, № 9.

Н. М. Бекаревичемъ, существуетъ еще цѣлый рядъ суевѣрій и сказаній, связанныхъ съ куричьими богами; не отмѣчена довольно обстоятельная статья по данному вопросу Н. М. Комарова [1]). Возникновеніе же и смыслъ этого суевѣрія, по моему мнѣнію, нужно разсматривать въ связи съ житіемъ св. Голендухи и суевѣрнымъ почитаніемъ т. н. «самодѣльныхъ» отверстій въ камняхъ и деревьяхъ,—почитаніемъ широко распространеннымъ не только въ Великоруссіи, но и въ Бѣлоруссіи, и Малороссіи. Текстъ «тропаря матушкѣ Голендухѣ» подозрителенъ.

Членъ-интендантъ Финляндской Археологической Комиссіи, докторъ А. О. Гейкель сдѣлалъ коротенькое сообщеніе «О народномъ орнаментѣ Финскихъ племенъ», гдѣ онъ остановился особенно на выясненіи трехъ мотивовъ узоровъ: 1) изображенія дерева съ животными по сторонамъ; 2) такъ называемой свастики и 3) рѣшетчатаго или сѣтчатаго (арабеско-образнаго) и звѣздчатаго орнамента. Отмѣчено также сходство сербо-болгарскихъ узоровъ съ мордовскими и черемисскими.

Въ Отдѣлѣ IV. Областная исторія. Памятники старины можно отмѣтить доклады: В. И. Колосова «Благовѣрная княгиня Анна Кашинская»; И. П. Виноградова «Преподобный Аркадій. Вяземскій и Новоторжскій чудотворецъ» и Н. Д. Квашнина-Самарина «О князьяхъ Муромскихъ, причтенныхъ къ лику святыхъ» [2]). Указанные доклады (особенно второй) даютъ достаточный матеріалъ для литературной исторіи областныхъ легендъ, сказаній и преданій о мѣстныхъ святыхъ, получившихъ такое широкое развитіе въ XIV и XV вѣкахъ.

Въ докладѣ Н. Г. Первухина «Стѣнописныя композиціи въ церковныхъ галлереяхъ г. Ярославля и Борисоглѣбскаго собора» интересны данныя объ изображеніяхъ эсхатологическаго характера и легендарно-апокрифическаго свойства. Въ изображеніяхъ послѣдней категоріи авторъ отмѣчаетъ черты самобытной русской дѣйствительности и разнообразныя бытовыя подробности.

Д. И. Скворцовъ далъ подробное описаніе рукописи подъ заглавіемъ «Книга драгоцѣнный бисеръ о изряднѣйшихъ вещехъ отъ божественнаго писанія въ кратцѣ избрано». Время написанія рукописи докладчикъ относитъ къ 1726—1730 гг.; авторъ неизвѣ-

1) Костромской Листокъ. 1902, № 60.

2) Этотъ докладъ изъ II Отдѣла, стр. 315.

стенъ; содержаніемъ служитъ систематически и оригинально изложенное ученіе безпоповцевъ преимущественно объ антихристѣ и послѣднихъ судьбахъ міра съ присоединеніемъ характеристики православной церкви.

Изъ послѣдняго отдѣла VII. Архивовѣдѣніе слѣдуетъ отмѣтить доклады В. Н. Перетца «Къ вопросу о раціональномъ описаніи древнихъ рукописей» и I. Д. Преображенскаго «Къ вопросу о составленіи архивныхъ описей». Въ первомъ докладѣ авторъ устанавливаетъ главнѣйшія требованія, какія необходимо предъявлять къ описателю, желающему, чтобы его трудъ соотвѣтствовалъ требованіямъ науки. Во второмъ докладѣ указаны пріемы и правила составленія архивныхъ описей, принятыя въ Костромской архивной Комиссіи.

Послѣ каждаго отдѣла помѣщенъ именной указатель, хотя мнѣ кажется во многихъ случаяхъ гораздо нужнѣе бываетъ предметный указатель.

Къ сборнику приложенъ портретъ А. К. Жизневскаго, устроителя Тверского Музея и учредителя Тверской ученой архивной Комиссіи.

Николай Виноградовъ.

Софрони Врачански. За стогодишницата на новата българска печатна книга 1806—1906. Написа А. Теодоровъ Баланъ. София 1906. Цѣна 1 левъ.

Проф. А. Теодоровъ выпустилъ небольшую, но интересную книжку по случаю столѣтія со дня появленія первой на болгар. яз. печатной книги. Эта книга извѣстная въ народѣ подъ именемъ Софроние, носила заглавіе кѵріакодромиѡ, сиречъ Недѣлникъ, поученіе на всѣхъ недѣлахъ и т. д. и была переведена ѿ греческаго глубочайшаго языка на болгарскіи простыи языкъ к' разумѣнію простому народу врачанскимъ епископомъ Софроніемъ. Софроній, въ мірѣ Стойко Владиславовъ, былъ уроженецъ города Котла. Извѣстный въ народѣ, какъ проповѣдникъ, онъ далъ своему народу поучительную книгу на простомъ всякому понятномъ языкѣ, чѣмъ прежде всего и объясняется ея популярность. Какъ по имени Дамаскина Студита «дамаскинами» стали называться сначала руко-

писью сборники поученій этого греческаго писателя въ болгарскомъ переводѣ, а также и сборники смѣшаннаго содержанія изъ его проповѣдей и другихъ статей, бывшихъ въ ходу въ современной югославянской письменности, такъ точно именемъ Софрония названа была и его переводная книга. Г. Теодоровъ вслѣдъ за краткимъ вступленіемъ, въ которомъ указано въ общихъ чертахъ значеніе Софронія, помѣстилъ его извѣстную автобіографію. Напомнимъ, что въ Славянскомъ Сборникѣ т. II, 1877 г. Спб. эта автобіографія переведена была и на русскій языкъ. Она дважды напечатана по болгарски сначала Раковскимъ въ журналѣ Дунавскій лебедъ, потомъ В. Стояновымъ въ браильскомъ Періодическомъ Списаніи. Но оба эти изданія теперь мало кому доступны и потому вполнѣ умѣстно третье изданіе, исполненное г. Теодоровымъ съ обычной тщательностію. Можно только пожалѣть, что ему не было извѣстно, гдѣ хранится тотъ оригиналъ, копія съ котораго была доставлена проф. В. И. Григоровичемъ Раковскому. Рукопись находится теперь въ бумагахъ Григоровича въ Румянцевскомъ музеѣ, какъ можно это видѣть въ описаніи рукописнаго собранія Григоровича, составленномъ А. Е. Викторовымъ. Мы сравнивали рукопись съ изданіемъ Стоянова и должны сказать, что въ изданіи порядочно неточностей. Кромѣ того, что подправленъ языкъ Софронія, есть не мало и пропусковъ, портящихъ текстъ. Если бы г. Теодоровъ воспользовался рукописью и свѣрилъ текстъ, тогда бы только новое изданіе дало возможность судить о оригиналѣ Софронія.

Добавляя автобіографію Софронія другими извѣстіями, г. Теодоровъ выясняетъ условія и вліянія, среди которыхъ опредѣлилась дѣятельность Софронія. Отецъ Стойка сознавалъ пользу ученія и помогалъ сыну въ школѣ. Когда онъ долженъ былъ черезъ два года ее оставить, дядя его отдалъ учиться ремеслу. Но прилежаніе и остроуміе не позволили ему оставить книжныя занятія. Только такимъ образомъ можно объяснить, что 23 лѣтъ онъ былъ выбранъ въ священники. Стойко зналъ по гречески, но состояніе просвѣщенія въ Котлѣ было въ то время не высоко. Только позднѣе Котленцы, уходя на заработки въ Царьградъ, Морею, Валахію и Седмиградію, стали поддерживать интересы образованія. Стойко отъ греческой книги перешелъ и къ славянской. Любознательному священнику, навѣрное, представился случай познакомиться съ славянскими рукописными книгами. При этомъ у него явилось желаніе усвоить себѣ близкій родному слав. языкъ. Въ числѣ переписан-

ныхъ книгъ была исторія славяноболгарская извѣстнаго Паисія. Списокъ былъ положенъ на храненіе въ церковь св. Петра и Павла. Патріотическій призывъ Паисія способствовалъ тому, что Софроній сталъ учителемъ своего народа проповѣдью на болгарскомъ языкѣ. Знакомство съ Паисіемъ, приходившимъ въ Котелъ, вызвало у Софронія желаніе посѣтить Аѳонъ, гдѣ онъ и пробылъ шесть мѣсяцевъ. Въ промежутокъ между 1790 и 1794 годами Софроній оставилъ Котелъ и переселился въ село Арбанаси. Это было по смерти его жены. Переселеніе можно объяснить родствомъ и близкими отношеніями къ нѣкоторымъ семьямъ, владѣвшимъ въ этомъ селѣ имуществомъ и лѣтними пастбищами. Въ томъ числѣ была семья Богориди. Судя по разъясненіямъ Гавріила Кръстовича, Софроній поселился у своего сына, отца извѣстнаго Стефана Богориди (отъ Богоровъ). Немного спустя Софроній получилъ отъ тырновскаго митрополита приглашеніе занять Врачанскую епархію. Въ это время Софронію пришлось много терпѣть отъ насилья турокъ, именно отъ полчищъ извѣстнаго Видинскаго самозванца Османа Позвантоглу. Во время трехлѣтняго заточенія въ Видинѣ у игумена Калиника, откупившаго у Пазвантоглу митрополичій престолъ Софроній окончилъ два свои труда Поученія и Слова на праздники и Повѣсть о Синтипѣ философѣ. Переселившись затѣмъ въ Румынію, Софроній приготовилъ первую печатную книгу Недѣльникъ. Въ Бухарестѣ Софроній пользовался любезностію угровлахійскаго митрополита Досиѳея и нерѣдко служилъ какъ архіерей. Это видно изъ одного сохранившагося съ его именемъ архіерейскаго служебника. Онъ занимался также и воспитаніемъ дѣтей, между прочимъ и своихъ внуковъ Богориди. Здѣсь перевелъ Софроній гражданское зрѣлище, а, когда начались военныя дѣйствія русскихъ противъ турокъ отъ 1806 до 1812 г., свое содѣйствіе русскому оружію Софроній засвидѣтельствовалъ воззваніемъ къ болгарскому народу. Есть подпись Софронія подъ ходатайствомъ къ императору Александру I объ освобожденіи Болгаріи, но г. Теодоровъ находитъ, что ни языкъ его, ни характеръ содержанія не даютъ возможности приписывать его Софронію. Годъ смерти Софронія точно не извѣстенъ.

Софронію выпала честь выпустить въ свѣтъ печатную книгу, за которой пошелъ непрерывный рядъ болгарскихъ печатныхъ изданій. Въ исторіи болгарской литературы правда извѣстна старопечатная книга въ XVI в., вышедшая въ Венеціи въ 1651 г. Абагаръ, но языкъ ея нельзя назвать чисто болгарскимъ, и не суждено

было ей вызвать появленіе дальнѣйшихъ опытовъ. Въ этомъ огромная разница между двумя печатными книгами.

Г. Теодоровъ печатаетъ объявленіе о выходѣ Недѣльника отъ 29 Апрѣля 1805 г.

Въ этомъ объявленіи Софроній выражается о своей книгѣ, какъ о первой подобнаго рода на болгарскомъ языкѣ. Поэтому, можно думать, ему не было извѣстно о появленіи въ печати въ 1806 г. также писанной простымъ болгарскимъ языкомъ книги Молитвеный Кринъ, вышедшей въ Пештѣ. Но если даже она вышла и ранѣе объявленія Софронія, отъ этого не измѣняется значеніе Недѣльника, какъ первой печатной новоболгарской книги, встрѣченной болгарскими читателями съ живою радостью и до сихъ поръ еще остающейся наиболѣе любимымъ народнымъ чтеніемъ сравнительно съ другими лучшими народными книгами.

Г. Теодоровъ въ настоящей книжкѣ не ставитъ себѣ задачей подробный разборъ книги Софронія, предоставляя это будущему. Онъ знакомитъ съ нею лишь настолько, чтобы можно было имѣть понятіе о внѣшнемъ видѣ книги, ея содержаніи и обработкѣ.

Оказывается, что въ рукописи сохранился первоначальный опытъ Недѣльника, который былъ начатъ еще въ Видинѣ въ 1802 г. Это можно сказать первая редакція Недѣльника, на стр. 65 приложенъ снимокъ. Далѣе слѣдуетъ посвященіе и оглавленіе статей, затѣмъ послѣсловіе. Послѣ того воспроизводится заглавный листъ изданія 1806 г. и печатается введеніе къ нему, оглавленіе, послѣсловіе, Слово въ день св. Іоанна Златоустаго, Поученіе въ недѣлю тридесять вторую.

Въ слѣдующей IV главѣ литературная дѣятельность Софронія г. Теодоровъ отмѣчаетъ значеніе первыхъ трудовъ Софронія, который переписалъ Исторію Паисія, часословъ и листки, по содержанію похожіе на проповѣди. Софроній безъ сомнѣнія писалъ и до 1800 г., хотя и жалуется на недостатокъ граматическаго образованія. Зная отличіе греческаго литературнаго яз. отъ разговорнаго, онъ могъ считать, что отсутствіе такого у болгаръ есть недостатокъ, но это не мѣшало ему писать просто, хотя славяноболгарскій стиль исторіи Паисія и могъ на него повліять. Упоминая о статьяхъ, посвященныхъ Софронію Дриновымъ, Стояновымъ и Попруженкомъ, г. Теодоровъ даетъ замѣтки о составѣ поученій, отмѣчая въ нихъ общія съ дамаскинами и даже нѣкоторыя произведенія старо-болгарской письменности, какъ напр. Слово о монахахъ Козьмы Пресвитера. Далѣе касается отношенія Недѣльника къ

греческому оригиналу Киріакодроміону Теотоки; при этомъ обнаруживается, что нѣкоторые отрывки, судя по сличенію съ статьями въ рукописяхъ Румянц. музея, библіотеки святѣйшаго Синода въ Софіи, стоятъ въ связи съ рукописной болгарской литературой. Проникновеніе въ Недѣльникъ книжнаго языка г. Теодоровъ объясняетъ исправленіями Димитра Поповича, который замѣнялъ народныя выраженія славянскими. Далѣе перечисляются изданія Недѣльника, которому позднѣе дано было названіе Евангеліе Поучительно. Всего до конца 1905 книга выдержала 8 изданій, изъ которыхъ одно въ 1884 г. вышло въ Одессѣ. Интересно, что книга имѣла большой спросъ. Въ частныхъ библіотекахъ болгарскихъ гражданъ стараго поколѣнія она занимала почетное мѣсто, расходилась успѣшно и между коренными болгарами новыхъ поколѣній, книгу требуютъ даже и болгаре, живущіе въ Америкѣ. За печатными трудами Софронія слѣдуютъ замѣтки о его рукописныхъ трудахъ, которые теперь находятся въ народной библіотекѣ. Это сборникъ смѣшаннаго содержанія, перечислены его статьи. Г. Теодоровъ, не соглашаясь съ М. С. Дриновымъ, думаетъ, что въ этомъ сборникѣ только переводъ очень популярной книги Митология Синтипи философа принадлежитъ Софронію. Ему же принадлежитъ и переводъ книги Ѳеатронъ політіконъ, сиречъ гражданское позорище. Напечатаны прѣдговоръ, оглавленіе и отрывокъ (глава 20).

Въ V главѣ Ода Софронию даются свѣдѣнія о составленномъ однимъ благодарнымъ Софронію болгариномъ стихотвореніи, которое является первымъ въ этомъ родѣ опытомъ въ ново-болгарской литературѣ. Оно напечатано на стр. 134—136. Языкъ его, нужно замѣтить, славяно-русскій съ немногими болгарскими словами.

Этимъ оканчивается книга г. Теодорова, составляющая № 8 изданія Българска библиотека. Къ ней приложенъ портретъ Софронія.

П. Лавровъ.

Остојић Тих. Доситеј Обрадовић у Хопову. Студија из културне и књижевне историје. Издање Матице Српске. У Новом Саду 1907.

Книга г. Остојића посвящена пребыванію Досиѳея Обрадовича въ одномъ изъ монастырей Фрушкой Горы Хоповѣ. Какъ извѣ-

стно, съ именемъ этого монастыря тѣсно связана та пора въ жизни знаменитаго сербскаго писателя, когда онъ въ порывѣ настроенной въ духѣ христіанскаго идеализма души въ монастырскомъ уединеніи мечталъ осуществить идеалъ аскета подвижника въ духѣ Житій святыхъ, плѣнявшихъ его юношеское воображеніе. Недолго однако оставался Досиѳей въ монастырѣ; разочаровавшись въ монастырской жизни, онъ три года спустя покинулъ Фрушкую Гору.

Въ написанной черезъ двадцать лѣтъ автобіографіи Досиѳей самъ разсказалъ свою монастырскую жизнь въ особой главѣ, которую онъ озаглавилъ: «Вотъ я между монахами: что искалъ, то и нашелъ». Монастырскія впечатлѣнія живо изображены въ этой главѣ, но все же обстоятельства, вызвавшія перемѣну въ его душевномъ настроеніи затронуты въ этой главѣ только мимоходомъ.

Авторъ настоящей книги и поставилъ своей задачей возстановить реальную картину жизни сербскихъ монастырей въ эпоху Досиѳея. Онъ пользовался для этого еще не привлекавшимися въ литературѣ и большею частію неизданными источниками.

Вся книга состоитъ изъ XIV главъ. Въ первой идетъ рѣчь о генеральной визитаціи фрушкогорскихъ монастырей, которая произведена была по инициіативѣ митрополита Павла Ненадовиħа. Значеніе ея въ исторіи Фрушкой горы очень важно. Желая поднять монастырскую жизнь на подобающую высоту, митрополитъ задумалъ вернуть въ монастыри общежитіе, которое въ нихъ смѣнилось такъ называемой *осопштиной*, т. е. такимъ началомъ, которымъ руководятся такъ называемые на св. Горѣ идіоритмы. Монахи такихъ монастырей имѣютъ частную собственность не только движимую, но и недвижимую. Визитація предварительно должна была собрать свѣдѣнія, въ какомъ состояніи находится каждый отдѣльный монастырь и въ немъ каждый монахъ въ отдѣльности, какъ соблюдаются въ монастыряхъ монашескія правила.

Къ предполагаемому введенію общежитія почти всѣ монашествующіе отнеслись съ несочувствіемъ. Оттого слѣдующая 2-я глава и носитъ названіе: Борьба фрушко-горскихъ калуђера за осопштину. Энергія митрополита однако одержала верхъ надъ оппозиціей монаховъ и общежетіе было возстановлено.

Въ слѣдующей III главѣ описываются раздоры, наставшіе въ Хоповѣ послѣ возстановленія общежитія. Это зависѣло отъ враждебныхъ отношеній другъ къ другу архимандрита хаджи Захарія и намѣстника Теодора Милутиновиħа.

Въ IV главѣ говорится о борьбѣ митрополита за монастырскія имѣнія. На монастырской землѣ, которая была отведена для выселившагося изъ Турціи духовенства, со временемъ возникли поселенія. Въ монастырскія села или «прњаворе» собрались поселенцы изъ всѣхъ сербскихъ краевъ, не только изъ ближайшихъ окрестностей изъ Срема, Бачкой, Баната, но и изъ Словоніи, Хорватіи (и въ особенности изъ Лики), изъ Босны, Шумадіи, Герцеговины, Мачвы, и даже изъ Турціи. Приходили разумѣется наиболѣе нуждавшіеся. Впослѣдствіи власти, имѣвшія съ этимъ пришлымъ населеніемъ не мало хлопотъ, ограничили число семей для каждаго села.

За пользованіе землей эти люди платили монастырямъ десятую часть вина и плодовъ, а государству извѣстный налогъ.

Кто желалъ развести виноградъ, просилъ у монастыря позволенія, а монастырь отводилъ для этого мѣсто. На рубку лѣса также испрашивалось разрѣшеніе игумна, а за дрова давали монастырю воскъ, или платили работой. За пользованіе желудями давали или десятую свинью, или деньги, или другой скотъ. За мельницу платили два флорина въ годъ, за добываніе камня 5 флориновъ.

Послѣ Карловацкаго мира Леопольдъ I пригласилъ славонское дворянство заявить свои права на земли въ Славоніи.

Вслѣдствіе того, что многія старыя дворянскія семьи вымерли во время войнъ, казна продавала земли, или же раздавала ихъ заслуженнымъ генераламъ. Въ 1697 г. Илочкое помѣстье было подарено князю Ливію Одескалки. Земли фрушко-горскихъ монастырей очутились тогда въ сосѣдствѣ помѣщичьихъ. Между монастырями и новыми сосѣдями возникали споры изъ за пограничныхъ земель.

Патріархъ Арсеній IV сталъ хлопотать о новой конфирмаціи привиллегій фрушко-горскихъ монастырей и въ концѣ концовъ назначенная для этого дѣла коммиссія составила точное описаніе и географическую карту земли каждаго монастыря. Въ 1746 г. привиллегіи были подтверждены. Но миръ продолжался недолго и въ первые годы правленія митрополита Ненадовића снова начались споры. Митрополиту удалось и на этотъ разъ достигнуть рѣшенія въ пользу всего клира и народа.

Въ V главѣ Монашки устав у Хопову авторъ касается вопроса о томъ, какимъ уставомъ пользовались сербскіе монастыри, когда были основаны. Но на это трудно дать отвѣтъ за отсутствіемъ данныхъ объ основаніи и самыхъ уставовъ. Дошедшія до насъ

правила монашескія въ 34 пунктахъ были изданы въ 1733 г. митрополитомъ Викентіемъ Іовановићемъ, подтверждены и дополнены 8 пунктами Ненадовићемъ. Какими источниками пользовался митрополитъ Викентій Іовановић, неизвѣстно. Ему былъ извѣстенъ Духовный Регламентъ Петра Великаго, какъ видно изъ введенія и нѣкоторыхъ пунктовъ, но въ большинствѣ случаевъ сходства нѣтъ. Они касаются больше дисциплинарной стороны монашеской жизни. Литургической части ни въ правилахъ Іовановића, ни въ дополненіяхъ Ненадовића нѣтъ. Г. Остојић приводитъ далѣе свѣдѣнія объ управленіи монастыря, перечисляетъ всѣхъ служебныхъ лицъ, начиная съ игумна.

Въ VI главѣ собраны данныя о монастырской жизни въ Хоповѣ — о составѣ братіи, монастырскихъ ученикахъ, о монастырскихъ обѣтахъ, отношеніи къ роднѣ, объ одеждѣ монаховъ, пищѣ, трапезѣ, объ отлучкахъ изъ монастыря, о дисциплинарныхъ мѣрахъ за проступки и т. д.

Глава VII Економске прилике у Хопову посвящена монастырскому хозяйству, доходамъ и расходамъ монастыря. Въ ней весьма интересны данныя прихода отъ десятины, отъ церковнаго сбора милостыни. Интересно, что изъ монаховъ выбираемы были духовные отцы, которые четыре раза въ годъ обыкновенно въ посты ходили исповѣдывать населеніе, получая на это благословеніе митрополита. Монастыри этимъ пользовались такъ-же и для сбора денегъ. Что касается расходовъ, то монастыри должны были посылать не мало митрополиту и его чиновникамъ. Особенно часто обращались въ монастыри съ просьбой о заготовкѣ дичи, разнаго рода птицы, раковъ, плодовъ и пр., когда митрополитъ ожидалъ къ себѣ какихъ-либо свѣтскихъ гостей, высшихъ властей.

Когда началось переселеніе сербовъ въ Россію, государственныя власти съ подозрѣніемъ отнеслись къ монастырямъ, подозрѣвая въ монахахъ русскихъ агентовъ. Особенное вниманіе обращено было на населеніе монастырскихъ селъ, принимались мѣры, чтобы въ эти села допускали людей съ строгимъ выборомъ.

Глава VIII говоритъ о приходѣ Досиоея въ монастырь. Дана характеристика бывшихъ въ это время главныхъ монаховъ. Досиоей взятъ былъ въ ученики самимъ игуменомъ. Игуменъ былъ очень доволенъ его познаніями и, когда выѣзжалъ съ нимъ изъ монастыря, хвалилъ его чтеніе, отзываясь, что Досиоей читаетъ

лучше его самаго. Увлекшись чтеніемъ житій св. съ самого перваго дня прибытія въ монастырь, Досиѳей строго постился, иногда по цѣлому дню и по два не ѣлъ хлѣба и не пилъ воды. Игуменъ удерживалъ его отъ чтенія, и отъ крайностей въ постѣ, но безъ успѣха.

Глава IX монахъ Доситеј. Досиѳей былъ постриженъ 17 февраля въ день св. Ѳеодора Тирона, мощи котораго находились въ Хоповѣ. Въ этотъ день монастырь при стеченіи многочисленныхъ гостей праздновалъ свою Славу. Протоколистъ отмѣтилъ постриженіе Досиѳея необычно подробной записью. Досиѳей еще ревностнѣе отдавался монашескимъ подвигамъ. 16 апрѣля того же года въ Карловцахъ онъ былъ рукоположенъ во діакона. Митрополитъ, узнавъ о его жизни и любви къ чтенію, сказалъ, что, если такъ, то онъ не долго останется въ Хоповѣ.

Вернувшись въ монастырь, Досиѳей служилъ въ церкви съ большой любовью. Онъ читалъ молитвы надъ больными и привлекалъ къ себѣ приходившихъ въ монастырь.

На другой годъ пребыванія въ Хоповѣ въ Досиѳеѣ начала совершаться перемѣна, отчего слѣдующая глава X и носитъ названіе: Нов видик се отвара Доситеју. Въ монастырской жизни за этотъ годъ можно отмѣтить возвращеніе изъ Россіи одного монаха Павла Мишковича, отъ котораго Досиѳей могъ слышать разсказы о Кіевѣ. По случаю побѣдъ надъ Прусаками въ монастырѣ по распоряженію митрополита совершена была благодарственная служба.

Въ томъ же году въ началѣ августа митрополитъ прислалъ циркуляръ съ обличеніемъ чарованій и волхвованій, распространенныхъ въ народѣ. Монастырская братія приглашалась бороться съ этими предразсудками. Досиѳей въ послѣдствіи писалъ на эту тему. Быть можетъ это посланіе обратило его вниманіе на народныя суевѣрія. Читая въ томъ же году сочиненія Симеона Полоцкаго, онъ могъ замѣтить, что митрополитъ у него заимствовалъ идею своего посланія. Какъ разъ на этотъ годъ сохранились въ рукописяхъ монастырской библіотеки указанія, свидѣтельствующія о его усиленномъ чтеніи.

Чѣмъ дольше Досиѳей жилъ въ монастырѣ, тѣмъ болѣе онъ остывалъ отъ увлеченія монашествомъ. Живые примѣры находились въ противорѣчіи съ его идеалами. Тѣмъ сильнѣе онъ пристрастился къ чтенію. Окончивъ Житія святыхъ 26 апрѣля 1759 г., онъ успѣлъ прочесть въ томъ же году Книгу о вѣрѣ игумна Ми-

хайловскаго монастыря Наѳанаила, Обѣдъ душевный Симеона Полоцкаго, Ключъ разумѣнія Голятовскаго, Лѣствицу, бесѣды Златоустаго, сборникъ монаха Спиридона. Все это были огромныя книги, требовавшія усерднаго чтенія. Мало того Досиѳей сталъ покупать себѣ книги. По сохранившимся записямъ въ нихъ видно, что это были Синопсисъ св. Аѳанасія и Знаменія пришествія Антихристова Стефана Яворскаго. Всѣ эти книги, писанныя церковно-слав. русскимъ яз., должны были оставить слѣды на языкѣ самого Досиѳея.

Между книгами, оказавшимися въ Хоповѣ, были двѣ историческаго содержанія Ѳеатронъ или Позоръ историческій Вилхелма Стратемана и Дѣянія церковная и гражданская Баронія. О прочитанномъ въ этихъ книгахъ Досиѳей разсказывалъ игумену, а послѣдній старался, гдѣ могъ, достать ему подобныя книги. Замѣчая въ Досиѳеѣ страсть къ чтенію, игуменъ нерѣдко говаривалъ, что, если бы были средства, онъ бы послалъ его въ Кіево-печерскую лавру.

Новыя перспективы открывались молодому дьякону. Онъ началъ мечтать о Кіевѣ, Москвѣ, о наукѣ. Какъ это случилось объ этомъ узнаемъ изъ главы XI: Мали ђакон на раскрсници.

Въ монастырѣ произошла перемѣна, имѣвшая важныя послѣдствія и для Досиѳея. Игуменъ Теодоръ Милутиновиħ долженъ былъ оставить свое мѣсто и уступить его Теофану Мариħу. Новый игуменъ былъ строже. Обращено было вниманіе, чтобы іеромонахи, іеродьяконы и послушники посѣщали школу. Сдѣланы были также предписанія о болѣе усердномъ посѣщеніи церкви.

Зимой этого года Милутиновиħ отвезъ Досиѳея въ Иригъ, чтобы дать ему возможность учиться латинскому яз., съ которымъ его впервые познакомилъ іеромонахъ Василій. У кого Досиѳей учился этому яз. въ Иригѣ, нѣтъ указаній. Но такое рѣшеніе Милутиновиħа безъ благословенія новаго игумна, возстановило братію, которая обратилась съ жалобой къ митрополиту. Послѣдній въ этомъ дѣлѣ сталъ на сторону братіи и дьякону Досиѳею, вернувшемуся изъ Ирига, предписано было, если онъ желаетъ, учиться латинскому языку у іеромонаха Василія. Такимъ образомъ первый шагъ Досиѳея въ занятіяхъ не имѣлъ успѣха. Съ другой стороны упорство Теодора Милутиновиħа въ этомъ дѣлѣ повело къ столкновенію съ братіей и митрополитомъ.

Глава XII. Збогомъ, Хопово и сва твоја красота!

Въ 1760 г. по распоряженію консисторіи Теодоръ Милутиновиħ

былъ перемѣщенъ изъ Хопова въ Шишатовацъ. Это было большимъ наказаніемъ, которое примѣнялось рѣдко. Для Досиѳея разстаться съ своимъ старцемъ было тяжкимъ ударомъ. Уѣзжая въ Шишатовацъ, Милутиновиħ подарилъ ему 15 дукатовъ и, приведя въ примѣръ извѣстнаго Раича, тогда бывшаго профессоромъ въ Карловцахъ, совѣтовалъ ему ѣхать въ Кіевъ. Отъѣздъ Милутиновиħа ускорилъ перемѣну въ образѣ мыслей Досиѳея.

Не долго прожилъ Милутиновиħ въ Шишатовацѣ. 22 Іюня пришло извѣстіе о смерти. Досиѳей оплакивалъ старца какъ родную мать. Въ своей автобіографіи онъ отзывался о Милутиновиħѣ съ самой лучшей стороны. Не будучи ученымъ, онъ былъ одаренъ природнымъ умомъ и при вспыльчивомъ характерѣ имѣлъ доброе сердце. Не имѣя монашескихъ добродѣтелей, онъ не имѣлъ и недостатковъ лицемѣрія и эгоизма, былъ чистосердечный, добрыхъ нравовъ и оттого пользовался во всей Славоніи, Сремѣ и Бачкой общей любовью. Т. Остојиħ на основаніи матеріала, который собранъ въ книгѣ, думаетъ, что Досиѳей слишкомъ идеализовалъ Милутиновиħа и сгладилъ многіе недостатки, которые были причиной постигшихъ его бѣдствій.

Насколько подѣйствовали на Досиѳея послѣднія событія, видно изъ того, что на одномъ засѣданіи монастырскихъ властей 24 октября онъ обвиняется въ неприличномъ обхожденіи съ однимъ изъ старшихъ его монаховъ. Очень возможно предположеніе автора, что причиной могла быть наставшая въ образѣ мыслей Досиѳея перемѣна. Послѣ всего этого Хопово утратило привлекательность въ его глазахъ. Пока Милутиновиħ былъ игуменомъ, онъ часто бралъ съ собою Досиѳея въ села и города. При Теофанѣ особенно послѣ неудачи съ Иригомъ объ этомъ уже не могло быть рѣчи. Стѣны монастыря стали для Досиѳея стѣнами темницы.

Досиѳей думалъ уѣхать въ Россію. Связи сербовъ съ русскими не прерывались. Въ 1758 г. вернулся изъ Кіева Раиħ, котораго ставилъ въ примѣръ своему воспитаннику Милутиновиħ. Нѣкоторое время былъ въ Хоповѣ одинъ русскій ученикъ кіевопечерской лавры живописецъ Василій Романовичъ. Но случилось иначе. Товарищемъ Досиѳея по бѣгству изъ монастыря былъ послушникъ Атанасій (въ источникахъ другое имя) изъ Хорватіи, въ Хорватію вмѣстѣ съ нимъ направился и Досиѳей.

Интересно, что только черезъ пять лѣтъ послѣ этого событія митрополитъ Ненадовиħ письмомъ къ братіи Хоповскаго монастыря наводилъ справки о Досиѳеѣ, желая узнать, какъ все это случи-

лось, изъ за чего онъ покинулъ монастырь и гдѣ онъ. Въ то же время митрополитъ вытребовалъ извѣщеніе о переселеніи въ Шишатовацъ и смерти Милутиновиħа. Хорошо зная монастырскіе нравы, митрополитъ, повидимому, желалъ убѣдиться, не нанесена ли была Досиѳеею какая либо обида, или не былъ ли онъ подвергнутъ какому либо наказанію.

XIII глава Образоваье Доситејево у Хопову разсматриваетъ вопросъ о томъ, что вынесъ Досиѳей изъ трехлѣтняго пребыванія въ монастырѣ. Досиѳей не нашелъ въ монастырѣ того, чего искалъ. Братія монастырская не осуществляла minimum монашескихъ требованій. Въ большинствѣ это были люди грубые, и не думавшіе объ исполненіи обѣтовъ, относившіеся небрежно къ молитвѣ и богослуженію, дозволявшіе себѣ смѣяться въ церкви. Постоянныя между собою ссоры, непристойная брань, пьянство, скитанье за стѣнами монастыря все это было обычнымъ явленіемъ. Были случаи кражи церковныхъ денегъ, дикаго буйства. Покидая монастырь монахи иногда переходили въ другую вѣру. Митрополитъ Ненадовиħ предпринялъ серьезныя мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ, но послѣ 13 лѣтъ борьбы, повидимому, отчаявался въ успѣхѣ. Все это должно было произвести охлажденіе въ душѣ Досиѳея.

Но пребываніе въ Хоповѣ имѣло для него и положительный результатъ. Хотя, не смотря на свои способности, Досиѳей не былъ призванъ въ школу въ Карловцы, онъ и помимо школы вынесъ изъ Хопова достаточно знанья. Монастыри Фрушкой горы имѣли богатыя библіотеки. Сношенія съ Россіей облегчали доступъ русской литературы. Какъ уже ранѣе можно было видѣть, это были писатели кіевской школы, которые при схоластическомъ направленіи все же имѣли просвѣтительное значеніе для своего времени. Г. Остоиħ допускаетъ возможность вліянія Симеона Полоцкаго на Досиѳея. Характерными полемическими произведеніями были Книга о вѣрѣ, Камень вѣры; переводъ Ѳеатрона, сдѣланный Гавріиломъ Бужинскимъ, имѣлъ обширное предисловіе, обнаруживающее широту взгляда переводчика. Интересна характеристика весьма разнообразнаго по содержанію сборника Спиридона въ которомъ между прочимъ были переписаны и русскія сочиненія, напр. Катихизисъ Крыжановскаго, какой то словарь, апоѳтомегмата. Г. Остојиħ сожалѣетъ, что нѣтъ біографіи этого интереснаго монаха книжника.

Очень вѣроятны предположенія, что въ связи съ занятіями въ Хоповѣ стоитъ появленіе Буквицы, а быть можетъ и перевода ба-

сенъ Эзопа. Въ заключеніе перечислены книги, читанныя Досиѳеемъ, большею частію русскія изданія съ собственноручными въ нихъ замѣтками Досиѳея.

Покинувъ монастырь, Досиѳей не снялъ съ себя священный и монашескій санъ. Только позднѣе въ Галле онъ сталъ носить свѣтское платье. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ часто касался положенія монастырей. Въ главѣ XIV Манастир и монаштво у сеħању и књижевним делима г. Остојиħ разсматриваетъ отношеніе Досиѳея къ идеѣ монашества и будущему монастырей. Въ своихъ взглядахъ на роль монастырей Досиѳей исходилъ изъ той мрачной картины монастырской жизни, съ которой познакомился сначала въ Хоповѣ, потомъ въ Далмаціи, Корфу, Мореѣ и св. Горѣ. Перечисляя всѣ дурныя стороны монашества, онъ не ждетъ отъ монастырей никакой пользы сербскому народу. Онъ высказывается за необходимость воспользоваться монастырями для просвѣтительныхъ нуждъ народа, предлагаетъ обратить ихъ въ школы, больницы, пріюты для сиротъ. Позднѣе стоитъ за секуляризацію монастырскихъ имуществъ.

Разсмотрѣвъ, насколько точны воспоминанія о Хоповѣ въ автобіографіи Обрадовиħа, г. Остојиħ въ заключеніе говоритъ: «Изъ всего сказаннаго видно, что монастырскія впечатлѣнія настолько были сильны у Досиѳея, что не могли изгладиться цѣлую жизнь. Прежде всего монастырь излѣчилъ его отъ одного заблужденія. Но онъ ему далъ начало болѣе широкаго образованія въ направленіи русской схоластики (вѣроятно это и увлекло его въ Кіевъ). Далѣе монастырь далъ ему идею и матеріалъ для первыхъ литературныхъ опытовъ въ Далмаціи, а быть можетъ и нѣкоторые изъ позднѣйшихъ трудовъ зародились у него въ Хоповѣ. Въ монастырѣ наконецъ Досиѳей могъ непосредственно познакомиться съ положеніемъ нашей интеллигенціи XVIII в.—нашего монашества. Пребываніе въ монастырѣ, дало ему возможность позднѣе, когда онъ взялся дать оцѣнку нашихъ общественныхъ условій, ясно и рѣшительно произнести свой судъ о важномъ въ то время вопросѣ монашескомъ и манастырскомъ».

П. Лавровъ.

Въ 1914 г. настанетъ столѣтіе со дня рожденія (2 октября 1814 г.) поэта **М. Ю. Лермонтова.**

Николаевское кавалерійское училище, въ стѣнахъ коего поэтъ воспитывался и въ которомъ имѣется уже музей **Лермонтова**. взяло на себя починъ открыть подписку на *сооруженія памятника* поэту въ *Петербургѣ.*

Государь Императоръ соизволилъ Всемилостивѣйше разрѣшить произвести повсемѣстно сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника, который долженъ служить украшеніемъ столицы.

Памятникъ этотъ предполагается поставить *на Ново-Петергофскомъ проспектѣ* передъ зданіемъ училища.

Для сбора пожертвованій, разработки проекта памятника и его сооруженія при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ образованъ особый комитетъ.

Комитетъ надѣется на сочувствіе всей Россіи, такъ какъ имя поэта **Лермонтова** составляетъ гордость всей страны.

Пожертвованія просятъ присылать на имя Комитета въ г. С.-Петербургъ, Ново-Петергофскій проспектъ, № 24.

Комитетъ проситъ всѣ провинціальныя газеты и журналы перепечатать это письмо.

Житія св. Наума Охридскаго и служба ему.

На долю сербской литературы не рѣдко выпадаетъ заслуга сохранить хотя и въ позднихъ сравнительно спискахъ древнѣйшіе памятники начальной славянской письменности. Достаточно припомнить напр. Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, слова Константина пресвитера и др. Напечатанное житіе принадлежитъ къ числу такихъ же древнѣйшихъ произведеній изъ эпохи Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ.

Позволимъ въ началѣ сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ мы нашли эту, судя по всему, рѣдкую статью. Бывъ въ этомъ году на Аѳонѣ, мы встрѣтились въ Зографскомъ монастырѣ съ молодымъ болгарскимъ ученымъ Йорданомъ Ивановымъ. Въ бесѣдѣ о занятіяхъ Гр. А. Ильинскій, бывшій вмѣстѣ съ нами на Аѳонѣ, а раньше заѣхавшій въ Софію, предложилъ г. Иванову вопросъ о найденномъ имъ житіи св. Наума, о чемъ онъ слышалъ въ Софіи. На это г. Ивановъ сказалъ, что найденное имъ житіе отличается краткостью и сообщилъ при этомъ кое-что изъ данныхъ, въ немъ заключающихся. Но, гдѣ имъ найдено было это житіе, объ этомъ онъ не сказалъ; прибавилъ только, что рукопись житія не старая. № рукописи и характера ея при этомъ разговорѣ указано не было. Занимаясь въ библіотекѣ пересмотромъ рукописей незадолго до отъѣзда изъ Зографа, мы нашли это житіе въ одномъ позднемъ прологѣ

сербской редакціи за цѣлый годъ, начиная отъ Сентября и оканчивая Августомъ. Въ этомъ прологѣ въ концѣ рукописи послѣ записи писца на л. 307 об.: сїє тетрⷬ҇ съписа п҃п іѿ милошекъ ѿ дебра ѡ҆ селѡ҆ пїскопїє и҆ при краи (т. е. въ концѣ) брⷬ҇ ⷨ҇ николა на л. 308 слѣдуютъ дополнительныя статьи и между ними на первомъ мѣстѣ и оказалось напечатанное ниже житіе. Это было уже послѣ отъѣзда г. Иванова и спросить, тотъ ли именно текстъ былъ имъ найденъ, мы не могли. Но, судя по нѣкоторымъ его указаніямъ, мы не сомнѣваемся, что изъ этой именно рукописи списано и житіе, о которомъ говорилъ г. Ивановъ. Намъ было извѣстно, что это житіе печатается г. Ивановымъ, но тѣмъ не менѣе въ виду чрезвычайнаго интереса найденнаго текста мы рѣшили снять съ него фотографическіе снимки, которые и прилагаются при настоящемъ изданіи. Мы это сдѣлали и ради того, чтобы застраховать себя отъ неточности копіи, всегда возможной при перепискѣ. Во всякомъ случаѣ г. Ивановъ первый раньше нашелъ это житіе, а быть можетъ и самое его изданіе появится ранѣе нашего. Но интересъ и новизна памятника заставляетъ и насъ неотложно озаботиться о подобающемъ его изданіи, что и выполняется на страницахъ Извѣстій.

Предлагая ниже свой комментарій къ тексту житія, прежде всего отмѣтимъ, что въ рукописи, на своемъ мѣстѣ подъ 23 Декабря нѣтъ этой статьи. Судя по справкѣ у преосвященнаго Сергія въ Мѣсяцесловѣ Востока, ея нѣтъ и въ нашихъ прологахъ. Можно будетъ пожалѣть, если это житіе такъ таки и не отыщется нигдѣ у насъ, потому что, окажись оно въ какомъ либо изъ нашихъ пергаментныхъ прологовъ, которыхъ такая масса въ нашихъ библіотекахъ, мы имѣли бы безъ всякаго сомнѣнія старшій списокъ текста, который въ Зографской рукописи заключаетъ нѣкоторыя неисправности, хотя въ общемъ слѣдуетъ признать его яснымъ и понятнымъ. Прибавимъ однако одно, что переводъ Зографскаго пролога, въ которомъ сохранилось житіе св. Наума, представляетъ новую редакцію перевода пролога, отличную отъ той, которую намъ даютъ старшіе списки пролога. Подробно мы

не изслѣдовали текстъ этого пролога, но думаемъ, что не ошибемся въ своемъ заключеніи, потому что въ нѣсколькихъ мѣстахъ отличія текста на лицо. Вмѣсто *глазатыхъ*, прилагательнаго, которымъ въ старомъ переводѣ Пролога передано имя народа Блемміевъ въ Зографской рук. стоитъ греческая форма безъ перевода Влемміи. Вполнѣ понятно, что странное чтеніе первоначальнаго перевода должно было подвергнуться поправкѣ позднѣйшаго свѣдущаго редактора Пролога, что мы и находимъ въ Зографской рукописи. Но если такъ, то пожалуй въ старшихъ прологахъ и мало разсчета найти старый текстъ Житія Наума. Если бы житіе это было въ самомъ Прологѣ на своемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе можно было бы такъ думать. Но, коль скоро оно помѣщено въ добавленіяхъ, не исключена возможность отысканія житія въ старшемъ спискѣ. Можно пожелать, чтобы эта надежда оправдалась.

Въ Прологѣ есть и другія статьи, имѣющія отношеніе къ славянамъ, а именно житія св. Іоанна Рыльскаго, св. Симеона сербскаго, св. Иларіона Мегленскаго, св. Параскевы Тырновской, св. Димитрія Солунскаго.

I.

I. Мц҃а. декеврїа, к҃г. паметь пр҇пѡ҃бнаго ѿц҃а нашего наоума:

И се же братїе да не оустанета беза памети, брата сего блаженнаго климента. и саподроуга и састрастника. са нимже и пострад҇ многыи беды и с҇трти ѿ еретига, наоума презвутера с҃ш. егда поставише е҇пкопа климента. та-

ждѐ бл҃говѣрнїи цр҃ь сїмеѡнъ пѹсти наоѹма подроѹга ѥмоѹ̀ въ нѥ́го мѣ́сто на ѹчи́телство. и тъ̀ таждѐ подви́занїа на бг҃оѹгодїе тво́ре прѣбы́ваше. дв҃ьство имѣвь ѿ дѣтьства[1]) и до кончи́ны. сътво́ри сы монасти́рь на исхо́дь бѣ́лаго ѥ҆зе́ра црк҃вь ст҃хь арх҃гга и прѣбы въ оучи́телствѣ ·з҃· лѣ҇. простисе оучи́телства. и ѿшь въ монасти́рь пожи, ӏ҃. лѣ́ть. и на кончи́ноу свою̀ прїе́ть чрьньчьскїи ѡ҆бра́зь. та́ко по́чи ѡ гн҃и. сь ми́рѡ мц҃а декебрїа, кг҃. и се̏ же да е вѣ́домо. прѣ́же ѕ҃ лѣть почи наоѹ́мъ презвѹ́теръ еп҃копа Кли́мента. и се̏ же вѣдомо боу́ди въсѣ̀мь почи́тающимь[2] ꙗко́же прѣ́же напи́сахѡ. ꙗко ере́тїци ѡ҆вы моу́чише мнѐго а дроу́гыѥ прода́ше жидомь на цѣ́нѣ. презвїтеры и дїа́кони ты̏ же жидове поемше и вѣдош҇ кь беньтком. и вънѥгдѧ̀ прода́хоу е по строенїю бж҃їю прїидѣ же тогдѧ̀ цр҃ь моужь кь беньткомь. ѿ коньстантина града цр҃е дѣло дѣ́лае. и ѹвѣдѣвь о ни҃. и ѡ҆выихь искоупи цр҃ь моужъ и ѡ҆выихъ та́ко поемъ. вѣ въ ко́нстантїнъ градь. и ска́за

1) Въ рукоп. дѣвьства, но в подправлено, должно быть вмѣсто него т.

2) Въ рукоп. почи́тающомѹ, что требуетъ поправки.

II. ѡ ни҆ цр҃ю васи́лїю. и ᲂу҆строиша ѥ пакы̀ въ своѐ чи́ны. и са́ны презвїтеры и҆ дїа́коны, ꙗкоже и прѣже бѣше. и оурокы даше. никтоже въ работоу не оумрѣ. нь ѻ҆въи въ констaнтинѣ градѣ. цремь[1]) навдими покой прїеше. ѡвьи въ блъгарскоу землю пришьше съ великою чстїю покои прїеше. а моравскаа землꙗ, ꙗкоже бѣ прорекль стꙑи мефодїе архїепїскопъ. за беззаконїа дѣлма дѣль ихъ, і ересы и за изгнанїе правовѣрныихь ѿць. и за стр҃тиихже прїеше ѿ еретїкъ. имже ѡнꙑ вѣроваше, въскорѣ мѣстъ прїеше ѿ бга. не по мнѕѣ же лѣтѣ прїидоше оугри пеѡнскїи езыкь. и поплѣниша землю и и спопустиша ю. ихже бо не поплѣниша оугри. то въ блъгары бѣжааше. и ѡста землꙗ ихъ поуста оугромъ въ власть. аз же братїе ѡкаанныи многоу печаль и памети блаженныи ѿць нши ради. хотѣще обрѣсти житїе ихъ въсѐ написанно. иже ѿ начела быше бѣлы въсѐ житїе и. ꙗко на дльзѣ и до кончины, и не обрѣтохъ. мало бо азъ вѣдѣ. елїко же ми сами блаженныи ѡтци сказаше. и нꙋждахь се

1) Въ рукоп. црѣми, что требуетъ исправленія.

писати и не смѣѭ. хотѣ веще обрѣсти написанно. да и єще аще кто обрѣщеть инѣми написано. да не зазрить нась оубогыихъ и гроубыихь. вѣ бо ꙗко множае сего сѹть сьтворили ѿци. и знаменїа сьтворише[1]) многаа. нъ се єлїко намъ сказаше. а дроуга по-

III. тайше за смѣренїе и͗. се же самъ доноудихсе. паче же влька ме поусти. иже и такоже сего блаженнааго клїмента оученика бывь. марко єпкопь бывь въ деволсцѣи єпкопїи. четврьтїи єпїскопь вь словенскїи єзыкь бы дѣволы. надѣюхо вѣ бо се ѿ блаженный сы ѿць молитвы и милость прїети, и блгть и оставленїе грѣхѡвь ѿ млтиваго ба нашего. иже ре прїемлеи прорка въ име прорче. мьздѹ прорчю прїимет. и прїемлеи праведника въ име праведниче. мьздѹ праведничю прїиметь. и пакы рече бжьствнїи апль павелъ. помните игоумены ваше. иже глаше вамъ слово бжїе. ихже възирающе на скончанїе житїа. побещесе вѣрою. тѣмже и мы братїе, побимсе блаженный сихъ добромоу житїю. иже

---

[1]) Въ рукоп. стверн.

дѣвство и чистотоу въсоу съхранише. многыи бѣды и напасти пострꙗше правіе вѣры бжіа дѣла. да и мы съ ними вѣчнаа благаа оулоучимъ. ѡ хѣ ісѣ гй нашемь. емоуже исть сла оцоу и сноу и стомоу дхоу. и нынꙗ и присно и въ вѣкы вѣкомь аминъ.

II.

Мца декевріа въ кг денъ.

Паматъ преподобнагѡ ѡца нашего наѹма, чѹдотворца ѡхритскаго.

На малѣи вечерні поемъ стихиры, на д глас а. всехвални мчницы.

Зритель былъ еси оумомъ мыслѣныхъ силъ, ꙗкѡ дѣтеленъ бжественныхъ словесъ полагаа во твоемъ срцѣ, въ немже и восхожденіа ꙗкѡ лѣствицѹ оутвердилъ еси, преподобне наѹме, ѡче нашъ, и нынѣ молиса даровати дѹшамъ нашымъ миръ и велію милостъ. дважды.

Наѹме прподобнѣише, твою изь младенства возложилъ еси жизнь хрстѹ бгѹ нашемѹ, ѿ негоже оукрѣплаемъ, плодскіа страсти помыслѹ покинѹлъ еси, хѹждшее покарал лѹчшемѹ. Тѣмже молиса даровати дѹшамъ нашимъ миръ и велію милость.

Бгомѹдре ѡче нашъ, свѣтилникъ ꙗвиласа еси величаишіи, просвѣщаа подсолнечнѹю чѹдесъ сіанми и бжественными дѣлы. Тѣмже по оуспеніи незаходімыи та свѣтъ пріатъ; и нынѣ молиса даровати дѹшамъ нашимъ миръ и велію милость.

Слава глас и. Бжественныхъ трѹдовъ твоихъ, преподобне ѡче, плодъ оутверди вѣрнихъ срца: ибо вѣждама сонь своима

ѡчима не дасть, дондеже послалъ есыи блгочестїе православїа радостное. тѣмже всыи, наѹме, памать твою сошедше поемъ, во немже насъ назираи, предстоа со дерзновенїемъ хртовимъ, избавленїе ѿ лютїихъ испроси.

И нынѣ предпразднества гласъ и҃. Воспрїими виѳлееме бжїю митрополїю: свѣтъ бо незаходимыи въ тебѣ родитисѧ приходитъ, аггли оудивитесѧ на нбси, члвѣцы прославите на земли, волсви ѿ персиды преславныѧ дары принесите, пастирїе, свирающе, трстое пѣнїе сладцѣ воспоите: всакое дыханїе да хвалитъ вседѣтела.

На стыховнѣ стїхиры предпразднества гласъ а҃: подобенъ ищы во минеи. Слава преподобнагѡ, гласъ и҃. Просїаше добра дѣла твоа, ꙗкѡ слнце на земли и на небсѝи, хртовъ слѹжителю блженне, православно бо проповѣдалъ еси истинною и непорочною вѣрѹ хртовѹ; тѣмже молисѧ, наѹме всеблжене, во памать твои, бгоносне, даровати намъ велїю милостъ.

И нынѣ предпразднества, гласъ тоиже. Исаїа ликѹи, слово бжїе воспрїемъ, прорцы ѡтроковицѣ мрїи: кѹпинѣ горѣти и ѡгнемъ, не сгарати. Зарею бжества виѳлееме блгоѹкрасисѧ, ѿверзи врата едеме, и волсви идите видѣти спасенїе, въ ꙗслѣхъ повиваемое, егоже ѕвѣзда показа верхѹ вертепа, жизнодавца гда, спасающаго родъ нашъ.

На велицѣи вечерни поемъ Блаженъ мѹжъ. а҃:. Слава. На гди Возвахъ. Поставїхъ Стиховъ: и҃: поемъ, на гласъ в҃. Подобенъ.

Кими похвалнїми вѣнцыи, кыимїи пѣснѣи цвѣтице ѡдѣемъ хртоносца наѹма, възема ти блгодатъ красное прїꙗтелїще дхѹ, свѣтлое назданїе словѡ, ѡцѹ достолѣпное пристанїще, бжество всесовершенное ѡбытелище, иже во трїехъ ѡбразѣхъ и единѣмъ достоинъствомъ разѹмѣваемъ; всѣмъ вѣровати юже и оуасни болгарскомѹ исполненїю.

Дважды г҃ повторяемъ:

Кымїи пророчески стѐ, ꙗже и дрѹгѡ, нареченъ; превѣщателѧ, содѣла и таина проповѣдника рѣкѹ бжественихъ таинъствъ;

грады нечⷭ҇тывіе нападающа, люди же бжⷭ҇твеныимъ крⷭ҇щеніемъ ѡчищающа и каменосѣчниихъ сѹщіихъ, въ храмъ томѹ воздвигша, бл҃голѣпна. Тѣмже, блаженне, испроси непрестано, еже спастися намъ: дважды г҃.

Восѣхъ чтⷭ҇ѹю твою памать любовію собравшимся совершити и предъстояще со вѣрѹю бжественой рацѣхъ твоихъ мощенихъ и со благоговѣніемъ покланяющися; и насъ свободи ѿ всякыя бѣды и пасти бѣсовская, искѹшенія ѿ мѹжъ неправедныхъ, предъпочитающихъ лѹкавая, ибо тебѣ теплѣишы помощніка написѹемъ.

Слава гласъ: ѕ҃: Иже бл҃годати премѹдростъ приемъ ѿ бжⷭ҇твенаго дх҃а, и іазыки наоучивъ мисыискіи бл҃гочестія, православія степенъ же, и оутверждение, наѹме, ѡч҃е всечⷭ҇тне; всѣмъ преподобнимъ и постнически оудобреніемъ дерзновеніе имѣя къ бг҃ѹ, того моли, да спасетъ дѹшамъ нашымъ.

И нынѣ, предъпразднества: тожде. Вертепе бл҃гоѹкрасися, агница бо градетъ чревоносящи хрⷭ҇та, ясли же подимите, словомъ разрѣшившаго ѿ безсловеснагѡ дѣянія насъ земнородныхъ, пастыріе свиряюще свидѣтелствѹите чѹдеси страшномѹ, и волсви ѿ персіди злато и ливанъ и смирно црⷭ҇ю принесите: ꙗкѡ ꙗвися гдⷭ҇ь изъ дв҃ы матере, емѹже и приникши рабски мт҃и поклонися, привѣщаше къ держимомѹ на о҆бятіихъ ея: какѡ всѣялся еси мнѣ, или како прозябль еси во мнѣ, избавителю мой и бж҃е.

Входъ. Прокименъ, дне. чтенія: г҃. Премѹдрости Соломони чтеніе. Првⷣныхъ дш҃и во рѹцѣ, и не прикоснется ихъ мѹка. Непщевани быша во очесѣхъ безѹмныхъ оумрети, и вмѣнися ѡзлобленіе исходъ ихъ, и еже ѿ насъ шествіе сокрѹшеніе: ѡни же сѹть въ мирѣ. Ибо предъ лицемъ человѣческимъ аще и мѹкѹ пріимѹтъ, оупованіе ихъ безсмертія исполнено. И вмалѣ наказани бывше, великими бл҃годѣтелствовани бѹдѹтъ, ꙗкѡ бг҃ъ искѹси я и ѡбрѣте ихъ достоини себѣ. Ꙗкѡ злато во горнілѣ искѹси ихъ, и ꙗкѡ всеплодіе жертвенное пріятъ. И во время посѣщенія ихъ возсіяютъ, и ꙗкѡ искры по стеблію потекѹтъ: сѹдятъ

ѧзыкомъ, и обладаютъ людми, и воцарится гдь, въ нихъ во вѣки. Надѣющіися нань разѹмѣютъ истинѹ, и вѣрніи въ любви пребѹдѹтъ емѹ: ѩкѡ бл҃годать и милость въ преподобныхъ его, и посѣщеніе во избраныхъ егѡ.

Премѹдрости Соломони чтеніе. Праведницы во вѣки живѹтъ, и въ гдѣ мазда ихъ, и попеценіе ихъ ѹ вышнагѡ: сегѡ ради примѹтъ црт҃віе бл҃голѣпіе и вѣнецъ доброты ѿ рѹки гдни, зане десницею, покриетъ ѧ и мишцею защититъ ихъ. Пріиметъ всеорѹжіе рвеніе свое и воѡрѹжитъ тварь въ места врагѡмъ. Ѡблечется въ брона правды, и возложитъ шлемъ, сѹдъ неанцемѣренъ. Пріиметъ щитъ непобѣдимы преподобіе, поѡстритъ же напрасніи, гнѣвъ во ѡрѹжіе, спобореть же со нимъ миръ на безѹмныѧ. Поидѹтъ правоблѹчныѧ стрѣлы молніины, и ѩкѡ ѿ бл҃гокрѹгла лѹка ѡблаковъ на намѣреніе полетатъ. И ѿ каменометныѧ ѩрости исполнь падѹтъ грады: вознегодѹетъ на нихъ вода морскаѧ рѣки же потопатъ ѧ наглѡ. Сопротивъ станетъ имъ дх҃ъ силы, и ѩкѡ вихоръ развѣетъ ихъ: и ѡпѹстошитъ всю землю беззаконіе, и злодѣиство превратитъ престолы силныхъ. Слышите ѹбѡ, царіе, и разѹмѣите, навикните сѹдіи концевъ земли. Внѹшите, держащи множества и гордащіися ѡ народѣхъ ѩзыкъ: ѩкѡ дана есть ѿ гда держава вамъ, и сила ѿ вышнагѡ.

Премѹдрости.соломонни, чтеніе. Праведникъ аще постигнетъ скончатися, въ .покои бѹдетъ. Старость бо честна немноголѣтна, ниже въ числѣ лѣтъ исчитается. Сѣдина же есть мѹдрость чл҃комъ, и возрастъ старости житіе нескверное. Бл҃гоѹгоденъ бг҃ови бывъ, возлюбленъ бысть, и живыи посредѣ грѣшникъ преставленъ бысти. Восхищенъ бысть, дане ѕлоба измѣнитъ разѹма егѡ, или лесть прелститъ дѹшѹ егѡ. Рачение ѕлобы помрачаетъ дѡбраѧ, и пареніе похоти премѣнаетъ ѹмъ неѕлобивъ. Скончався вмалѣ, исполни лѣта дома: ѹгодна бо бѣ гд҃ви дѹша егѡ: сегѡ ради потщася ѿ среди лѹкавствіѧ. Людіе же видѣвше и неразѹмѣвше, ниже положше въ помишлении таковагѡ, ѩкѡ бл҃годать и милость въ преподобныхъ егѡ, и посѣщеніе въ избранныхъ егѡ.

На литие поемъ стихири. гласъ е҃: преподобне. Преподобне ѡч҃е, не далъ еси сонъ своима ѡчима, ниже вѣждома своима дрѣманіе, дондеже дꙋшꙋ и тѣлѡ ѿ страстеи свободилъ еси и себѣ самагѡ оуготовалъ еси дх҃ꙋ ст҃омꙋ пріятелище: пришедъ бо х҃ртосъ со ѡц҃емъ ѡбителъ ꙋ тебѣ сотвори. И единосꙋщнѣи тр҃цы оугодникъ бывъ, наꙋме всеблажене, молиса ѡ дꙋшахъ нашіихъ.

Гласъ: ѕ҃. подобенъ преподобне треблажене. Ѡч҃е бг҃облж҃ене наꙋме, похвалѡ вѣрніихъ, добротѡ всесвѣтлаа, постникомъ, пастиремъ, и ꙋчителемъ, иже люди гдвы своими принесъ, ті бо и нна и стадо твое со пастіри, и твоими соподвыжники млбами и миръ ниспосли и милостъ.

Гласъ той подобенъ. Преподобне наꙋме, месискіа земли ѡсіа блистанми оученіа твоегѡ. Тѣмже ꙗкѡ нбо славꙋ бж҃ію повѣдалъ еси, слнца потеклъ еси ꙗснѣиши, свѣтилѡ восыалъ еси свѣтлѣише, ѿнюдꙋже множество болгари привелъ во х҃рта вѣровавшіихъ, иже нн҃ѣ со дерзновеніе имѣа къ бг҃ꙋ.

Гласъ д҃ ꙗкѡ добла: Апітломъ ѥдиноравны бывъ, преподобне, сінмъ оубѡ и сѣсеяникъ показаса, ихъ же вѣрꙋ соблидилъ еси, теченіе совершилъ еси, чтѡ чюднѡ аще добро съ котвореніемъ полꙋчилъ еси, но молиса со німи всѣхъ содѣтела и содержитела ѿ всѣхъ люти насъ извавити.

Добродѣтеліи приателище бывъ, приснопаматне, троиціи бывъ жилище, х҃ртꙋ бо, ꙗкоже ѡбѣщаса, ѡбытелъ сотвори: во тебѣ наꙋме пришедъ со ѡц҃емъ и дхомъ по причестію совершив те и бж҃іа сна и некѣстомъ положеніемъ, паче прославихъ мисіискыи ꙗзыкъ, роди первѣе лестію, ѡч҃е, подълежима и паче панонъ неразꙋмѣнишаа, каменіамъ и древіамъ вѣрꙋюще, наꙋме всечестне, вами и вашыми словомъ и проповѣданіемъ ѡсвободисте лютагѡ безъвѣріа и нынѣ воистинꙋ чеда бж҃іа оустрашаеши едино блгочестіе дишꙋще.

Олава, гласъ д҃. Просіаше твоа добраа дѣла, ꙗкѡ слнце на земли и на нбны, х҃ртовъ слꙋжителю блжене: православно бо про-

повѣдалъ еси мисіи истиннѹю и непорочнѹю вѣрѹ хр҇товѹ. Тѣмже молиса, наѹме всеблж҇ене, во памати твои, бг҇оносне, даровати са намъ велїю милостъ.

Нынѣ, предъпразднства; гласъ д҇: Исаїе ликѹи, слово бж҇їе восприемъ, пророцы штрсковице мр҇їи, кѹпинѣ горѣти, и шгнемъ не сгарати. Зарею бж҇ества виѳлееме бл҇гоѹкрасыса, ѿверзи врата едеме, и волсви идите видѣти спасенїе, въ ꙗслѣхъ повиваемое, егшже ѕвѣзда показа верхѹ вертепа, жизнодавца гд҇а, спасающаго родъ нашъ.

На стиховныхъ стихиры гласъ е҇: подобенъ радѹиса постнїкомъ.

Радѹиса болгаршмъ свѣтїилныче, иночествѹющымъ постомъ оудобренїемъ мѣрилш, прѣдани бл҇гочестїа правилш, неѡ славѹ возвѣщаемъ хр҇та цара въ всѣхъ, шко неѹсипаемое назыранїе, ѿ конецъ конце ꙗже исполнїлъ еси бж҇ественагш проповѣдїа во всѣхъ ловитвѹ дѹшетлѣннѹ свсбождаетъ, и своихъ: воинъ въ шрѹжїе хр҇товимъ къ помощи врагъ мѹчащыхъ и просащыхъ въсемъ велїю милостъ.

Стихъ: Чт҇на предъ гд҇емъ смертъ пр҇пвныхъ егш.

Радѹиса благочестїа заре, православїа непоколѣбымое вьдрѹженїе, стѣна, дерзновенїе вѣрнїимъ, оутвержденїе, болгарїи шгражденїе, оумъ краиннѣшїи бг҇одѹхновенныхъ шрганъ. ꙗже дх҇а происхожденїе дхъ твои, единночестно красителнш агг҇ломъ прѣдълагаемш показавъ, ш невиннагш единого виновнаа ѿца, единъственѣ бывшаго, сн҇ѹ сосѹщественна хр҇тѹ, ꙗкоже рече, подающагш мировї велїю милость.

Стихъ: возвеселатса праведнїкъ ш гд҇ѣ, оуповаетъ на негш.

Проповѣдателъ евагг҇лїе ꙗснѣиши болгарїивъ (sic) концевъ былъ еси и восакѹ дѹшѹ, достоинѹ цр҇твїа хр҇това, мрѣжамїи, шч҇е, вѣри ꙗвѣ оуловилъ еси. И ѿ моравъ извлѣколъ еси невѣрїа и красно ꙗкоже снѣдъ вдцѣ своемѹ, бг҇облаженне, принесолъ еси

и иже наслажденіе на трапези вложи, иже въ вѣки никакоже изнꙋрѧемъ, питающыи же влцѣхъ подающемꙋ мирови велїю милость.

Слава гласъ е҃. Вострꙋбымъ пѣснѣи пѣснь, стецемсѧ любопразднествені и прославїимъ радꙋющесѧ въ блгонарочїтое срѣженіе всечтнагѡ ѿца. Свщенїцыи и кнѧзыи да воспоютъ, иже въ бѣдахъ теплѣ застꙋпающа, црѧ хрта прсно молѧще, еже свободїсѧ всѣмъ вреда сопротивнїка. Прроцыи и аптлыи, и стїихъ всѣхъ свѣтлое ликостоѧніе таино торжествꙋютъ въ памѧтъ преподобнаго и всехфалнаго свѣтилника. Томꙋ и мыи начинаемъ, дховно вопїюще нищїи, предъстателѧ, иже въ страстехъ скора спасителѧ, блгодѣтелѧ просѧще иже во жити крьмителѧ, вси бжїѧ оугодныка, великаго въ преподобнїхъ восхвалимъ, сице рцемъ: всеблжене наоуме всечестне, избави насъ ѿ страстѣи мꙋчїтелства и спаси молитвами твоими воспѣвающїи тѧ.

И нынѣ предпразднества гласъ тоиже. Не драхлꙋи, їѡсифе, зрѧ мою оутробꙋ: оузришии бо раждаемаго ѿ мене, и возрадꙋешисѧ и ꙗкѡ бгꙋ поклонишисѧ, бца глаше ко своемꙋ ѡбрꙋчникꙋ, хотѧщи родити хрта. Сїю воспоимъ, глюще: радꙋисѧ, обрадованнаѧ, съ тобою гдь, и тебѣ ради съ нами.

Тропаръ, гласъ д҃.

Миръ ѡставилъ еси, прилеписѧ хртꙋ, плодъ распѧтъ, поживе дхомъ, наꙋме всеблажене, потащалсѧ еси, аплкою подвизалъ еси стезю, оуловилъ еси бѣрѣхъ (sic) хртовѣ неисказано. Тѣмже молитвами твоими избави насъ ѿ напасти.

Слава, нынѣ, предъпразднество хртово.

Готовисѧ виѳлееме, ѿверзесѧ всѣмъ едеме, красꙋисѧ еѵфраѳо, ꙗкѡ древо живота въ вертепѣ процвѣте ѿ двы: раи бо ѡноѧ чрево ꙗвисѧ мысленныи, въ немже бжественныи садъ, ѿ негѡже ꙗдше, живи бꙋдемъ, не ꙗкоже адамъ оумремъ. Хртосъ раждаетсѧ прежде падшїи возставити ѡбразъ.

На оутрени на бг҃ъ гд҃ь тропаръ предъпразднества дважды: слава ст҃аго, нынѣ предъпразднества: По а҃: стїхологїи: сѣдаленъ, гласъ, к҃. подобенъ: красотѣ дѣства твоегѡ.

Ꙗко краснѣшие поистїнѣ нозѣ твои, миръ, препбне, примъ всакъ оумъ бголѣпнѡ, ꙗкѡ бл҃говѣствовавше, звѣры ти оукротилъ еси, и ѡвцамъ прїмѣсивъ ꙗзыки неоукращаеми мисииски въ паствѹ хр҇товѹ, тѣмже съ смиренїе непоколебимо испросїи и велїю милость.

Дважди. Слава, и нынѣ. Бг҃ородичинъ, гласъ тоиже.

Радость исполнилъ еси вси концїи, бц҃а, всѣхъ цр҃а хр҇та, о чѹдесе неисказанномѹ, начинается безъначални, и воплотися безъплотни, вертепъ воспрїими содержащагѡ всаческаа. Выѳлееме веселися и ликѹи день праздественнй.

Слава, И нынѣ тоиже, таже стихологѹемъ полѣлеи, по пѹлѣлеи сѣдаленъ, гласъ д҃. побнъ: оудивися їѡсифъ.

Ап҃ломъ подобныкъ, архиерѡмъ правилѡ, пснгникомъ оудобренїе, сострадалецъ страдалцемъ безъкровни, подъвизася совѣстїю хр҇товѹ, бж҃ественое имѧ дерзновенїемъ всегда. Проповѣдалъ еси троицѣ таинъство, еиже молися, наѹме, непрестаннѡ и со вѣрѹю воспѣвающи тя.

Слава И нынѣ тоиже.

Оудивися їѡсифъ, пачеестественное зря, и внимаше мыслїю рѹновнаго дожда въ бесѣменемъ зачатїе твоемъ, бц҃е, кѹпинѹ неѡпалимѹю, жезелъ ааронокъ прозабши. И свидѣтелствѹетъ ꙗкѡ ѡбрѹчникъ твои и хранителъ, сщ҃енїкомъ вопїаше: дв҃а рождаетъ, и по рождествѣ, паки дѣвою пребїваетъ.

Таже чтемъ Слово Ст҃аго. И абїе поемъ антифонъ, гласъ д҃ прокїменъ: Евангелїе. Стихъ: Честна предъ гд҃емъ смертъ преѳодобныхъ егѡ. Стыхъ: чего воздамъ гд҃евы, иже воздастъ намъ; таже: всакое диханїе; Еѵглїе: Ѿ маѳеа, зачало, мг҃: и абїе, ѱаломъ н҃, таже Слава: Молитвами ст҃а наѹма И нынѣ,

Молитвами Бцє. Таже: Помилѹи ма, бжє, по велїцѣи милости твоеи и по множество щедротъ твоихъ, ѡчисти безаконїє моє. Гласъ ѕ̃.

Излиаса блгодатъ во оустнахъ твоихъ, преподобне ѡ҃че, и быстъ пастиръ хр̃товѹ насѣдїю, оуче словесне ѡвци въ трцѹ единосѹщнѹю, во единомъ бжествѣ.

Таже канонъ предпразднства. Со їрмосомъ на д̃ гласъ ѕ̃. Пѣснь а̃. ирмосъ:

Волною морскою сокрившаго древле гонитела мѹчитела, въ ꙗслѣхъ скрываемаго оубити ищетъ иродъ, но мы съ волхвы поимъ: гдви воспоимъ, славнѡ бо прослависа.

Гди бже мои, рж̃твеное пѣнїє, и предпразднственнѹю пѣснь тебѣ воспою: рожденїемъ твоимъ бжественымъ возрожденїє дающемѹ мнѣ и ко первомѹ ма блгородїю возводащѹ.

Горѣ та на пр̃толѣ, и долѣ въ ꙗслѣхъ, премїрнаа и земнаа разѹмѣвше, спсе мои, дивлахѹса державѣ твоеи: ꙗвиласа еси бо паче оума, сѹгѹбъ естествомъ, бгочеловѣкъ.

Да твоеа славы всаческаа исполниши, приклонивъ нбса, на землю пришелъ еси: ꙗкѡ бо на рѹно нишелъ еси дожда во чрево дѣственное, изъ неа же нынѣ родитиса сѹгѹбъ градеши, бгъ же и человѣкъ.

Инъ каноны два стаго на: и̃: гласъ: а̃:

Стрѹами исполнъ покажи стаго дха, наѹме, молбами, ꙗко рѣкѹ бжїю, ꙗкѡ да вѣщаетъ твоа похвала пѣнми.

Послѣдовавъ былъ еси вѣрѹ хр̃товимъ оучителїемъ ты, преподобне, блъгаръскѹю странѹ, ѿ юности и причетнїкъ трѹдомъ, и състрадателъ:

Житїемъ равноагглънъ, и жизнїю поистинѣ паче человѣка, страданїє же, преподобне, и подвигъ твои мѹченїческими ꙗкѡ по истинѣ тѣмже тебѣ, поемъ.

Возвисисте ко вышнїмъ бжетвеныхъ кедеръ, въ соверше-

ныхъ, ꙗже оучителъ, и покр҇сте гори, наѹме, мисииски, тыи и твои сътаинствовнїци.

Богородиченъ.

Матеръ тебѣ дв҇ѹ единство позна паче естества ѿ вѣка, всеч҇тал, ч҇лвѣкомъ бо содержителѧ и всѣхъ родила еси.

Дрѹги канонъ. гласъ: д҃ пѣснь а҃. Ирмосъ, ѿверзѹ оуста моѧ.

Иже древле безднѹ людемъ пѣшемъ исѹшивыи, безднѹ моихъ прегрѣшенїи, нѡ даж ми разѹмѣнїа каплю, ꙗко да преподобнаго твоего пѣнмїи похвалаемъ хр҇та.

Выдѣти желаемъ славѹ бж҇їю, наѹме, неизрѣченнѹю, скорби претерпѣлъ еси, и темнїца, и лютости, и всякое мира безъславїе, имене ради хр҇това подвизалъ сѧ еси.

Оуединивсѧ дхомъ, и распалисѧ вѣри ревностїю, хр҇товъ понеслъ еси яремъ бл҇годати и обновилъ еси дѹше веще бѣсовнїи и сѣме вложилъ еси бж҇ественнаго разѹмѣнїѧ.

Въмѣнїлъ еси бл҇жение всего мира, ꙗкѡ прѣвелїи, и хр҇та возлюбилъ еси, и искрѣнаго правѣ и приближилъ еси людїи оудаленїемъ иже всѣмъ приближающїѹсѧ вѣри радїи.

Матеръ вамъ бывша, ѿ зловъ многѡѡбразныхъ животъ ꙗкѡ родшїѧ, ѡживыи бл҇це, и къ вышнимѹ прѣстави же во тмѹ, да ꙗкѡ жизнь дающе ими тебѣ всегда.

Катавасїа; хр҇тосъ раждаетсѧ. Пѣснь г҃. ирмосъ.

Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю неѡдержимо, тварь, выдѣвши въ вертепѣ рождающасѧ, оужаснѡ содрогашесѧ, нѣсть ст҇ъ паче тебе гд҇и зовѹщи.

Въ рабїи ѡблещисѧ ѡбразъ восхотѣлъ еси, ꙗко даровати ма лѹкаваго избавиши, пѣснословлю твое бл҇гоѹтробїе, слове ѡц҇ѹ собезначалне и соприсносѹщне, слава твоемѹ смотренїю.

Градетъ два гд҇а родити въ вертепѣ, предварите волсви, пастырїе нынѣ прїидите; пѣснь съ высоты аггли возопїите: ꙗвисѧ человѣковъ избавленїе.

Ищи ма заблꙋждшаго, человѣколюбче, и вертепъ ѩвлшасѧ разбойнически дѣли неплоднїми: во вертепъ нынѣ прїшелъ еси ѿ дв҃ы днесѧ родитисѧ влдко. Слава, слове, пришествїю твоемꙋ.

Инъ їрмосъ.

Предѣлїи предъдѣиства, горамъ приближисѧ бл҃горазꙋмїа, по истынѣмъ вѣчнїмъ жытїемъ, просїавъ гори, блжене, нечт҃їа, люди горами ѡградилъ еси со вѣрꙋю.

Изъ рова неразꙋмїа изъвлѣколъ еси люта и безъводнаа людїи тимѣние и камены сердецемъ (sic) и своимын оучители и твоїми сограждан҃ѣи познанїе хр҃тово пока҃въ сыхъ жилища.

Люди западныѧ просвѣтилъ еси во тмѣ, ѿче, нечестїѧ, и храмы содѣлалъ еси ст҃имъ и бж҃ественимъ и твоимъ оучениемъ [1]).

Горꙋ та, дв҃о, пр҃ороки проповѣдаша, стамнꙋ и трапезꙋ, кадилницꙋ златою, и кивотъ ст҃ыни, и мын ѩкѡ бг҃омѣстимꙋю скинїю воспѣваем та.

Инъ їрмосъ: твоѧ пѣснословцы бц҃е.

Болгарскаѧ страна бысть жребїи твои въ послѣднаѧ времена, подвїзалсѧ еси, пр҃пвне, со оучителми твоимїи и апт҃олскимъ наравомъ потащалъ сѧ еси быти сопричастникъ.

Бж҃ественныи наꙋмъ бысть ст҃итела климента спомощникъ, странꙋ западнꙋю достиже и сїю просвѣтивъ свѣтомъ проповѣданїѧ; тѣмже съ нимъ и спрославлаетсѧ.

Сн҃ы авраамли ѿ каменїѧ, болгарскїѧ же люди тебѣ ради воздвиже гд҃ь, ѩкоже пр҃теча рече, наꙋме пр҃пвне, въ познанїи тогѡ пребываѧ, нынѣ прославлаютъ та.

Людїе болгарскїѧ, пр҃пвне, прежде сѣдащїїѧ во тмѣ лютаго невѣрїѧ, тобою видѣша свѣтъ разꙋма, тѣмже почитаемъ памать твою радостными сладкопѣнми.

Бг҃ородиченъ: Тишины ма исполни, бц҃е, ѩкѡ тишина еси

[1]) Въ рукоп. надъ словами твоимъ оученїемъ сверху написано: во всемъ.

дш҃амъ, и оустави вѣрю всѹе борющихъ ма демоновъ и во глѹбинѹ рѣющихъ ма, и во дно адово, влч҃це.

Катавасїа: Прежде вѣкъ ѿ оц҃а: Сѣдаленъ: гласъ и҃: По҃: Премѹдрости Слово:

Ꙗкѡ мѹдръ и разѹменъ, ѿ юнаго возраста подклонилъ еси, ѡч҃е, себе подъ иго легкое бл҃ки твоего, и бл҃гости исполникса, бж҃ественнаго же климента спомощника прїалъ еси, земледѣлалъ еси съ нимъ ср҃ца невѣрныхъ, и сѣллъ еси въ нихъ правовѣрїа сѣма. Тѣмже къ неболѣзненнымъ прешелъ еси странамъ, трѹдѡвъ воздаанїе всегда пожинаа, преблж҃енне наѹме, моли хр҃та бг҃а согрѣшенїи ѡставленїе даровати празднѹющимъ любовїю ст҃ѹю памать твою.

Дважды: Слава: И нынѣ.

Изъ чрева прежде вѣкъ ѿ оц҃а возсїавъ несалїаннѣ, свѣтъ бж҃їи, безсѣменнѡ предградетъ ѿ твоеа оутробы, прест҃аа, временими послѣди возносаи лютѣ древле пополшагоса и къ древнѣи добротѣ возвода, ѩкѡ мл҃дъ. Его же рж҃ствѹ воинства безплотныхъ предидѹтъ, и ч҃лвѣкѡмъ побѣдныа таинѡ всс҃ываютъ, слава взывающе бг҃ѹ, даровавшемѹ намъ миръ, разрѹшившемѹ средостѣнїе вражды, ѩкоже изволи.

Пѣснь, д҃. Їрмосъ:

Ѿ дв҃ы пришествїе твое провида, аввакѹмъ, оужасса, вопїаше: ты, ѿ юга вопл҃ощааса, пришелъ еси, избавителю, адама ѿриновеннаго воз҃вати.

Свѣтозарныи облакъ градетъ возсїати хр҃та из мт҃рнихъ ложесенъ, правды солнце, всю землю лѹчами бж҃ественными просвѣщающаго.

Бг҃ъ ч҃лкѡмъ ѩвиса подобенъ и ѡбнищаваетъ плотїю, да насъ ѡбогатитъ, и в вертепѣ раждаетса: сего вѣрнїи чистымъ ср҃цемъ подимемъ.

Се хр҃тосъ во градѣ раждаетса виѳлеемѣ, ѩко да едемъ

намъ ѿверзетъ, преслꙋшанїемъ первѣе змїа ѡкраденїемъ заключенныи, бжественнѡ торжествꙋимъ.

Инъ. Їрмосъ: Дх҃омъ провида прр҃оче аввакꙋ́:

Се твоимъ проповѣданїемъ призвавшася, мꙋдре, ꙗзыцы каменосрꙋчныѧ и познаша бг҃а, ꙗкѡ исполнитися всеи земли, ꙗкоже пишетъ исаїа, разꙋмѣнїа бжественнагѡ, тѣмже твою памѧть славимъ.

Премꙋдрости лꙋчшїа исполненъ бывъ, болгарскїа люди препростыѧ наꙋчилъ еси почитати трцꙋ лицы, единаго же естествомъ бг҃а непреложнѣ, соединенна неслитно, слава тебѣ взывающе.

Море безбожїа смꙋтилъ еси, мꙋдре, ꙗко конь бг҃оизбранїи, наꙋме, прр҃ческїи, и ꙗкѡ рыбы извлекъ еси чл҃вѣцы, оудавленныѧ глꙋбиною невѣрїа, слава гд҃ви взывающе.

Бг҃ородиченъ.

Воистиннꙋ освѧщенъ показалася еси храмъ и палата бжїа, дв҃о мрїе, того моли ѡ насъ, грѣхѡвъ сквернꙋ ѡчистити, ꙗко да бꙋдемъ домъ и жилище дх҃а.

Инъ ирмосъ: Сѣдаи во славѣ:

Неподвижныи столпъ вѣры показался еси, искꙋшенїами вѣтрѡвъ никакоже преклонаемъ, многѡразличныѧ раны претерпѣлъ еси, дх҃а ст҃агѡ врагѡмъ противлалася.

Вѣтїнствꙋа величїа бжїа пред ꙗзыки и црⷭ҇и, риторѡвъ заградилъ еси ѕлое глꙋмленїе слова простотою, блг҃очестїе же и славꙋ хрⷭ҇товꙋ возвеличилъ еси.

Ꙗкѡ апⷭ҇лъ, ꙗкѡ проповѣдникъ, всакꙋ скорбь претерпѣлъ еси по блг҃очестїи, тѣмже молимъ тѧ, прпⷣбне, всакꙋ скорбь и болѣзнь ѿжени ѿ насъ, твою совершающихъ памѧть.

Бг҃ородиченъ.

Оукрѣпи, бг҃омт҃и, оума моего движенїе, и дꙋшевныѧ моѧ, чт҃аѧ, просвѣти чꙋвства, и крѣпка мѧ на враги ты содѣлаи, да зовꙋ ти: слава, дв҃о, ржт҃вꙋ твоемꙋ.

Катавасіа: Жезлъ из корене Іесеева, пѣснь: є҃. ирмосъ.

Къ тебѣ оутреннюю, благоѹтробіа ради себе истощившемѹ непреложнѡ, и зракъ раба ѿ дв҃ы носившемѹ, слове бж҃ій, миръ подаждь ми падшемѹ, чл҃вѣколюбче.

Сердце всѧкое земнородныхъ да играетъ, да веселитсѧ тварь, гдѣ раждаетсѧ из отроковицы чистыѧ въ вертепѣ виѳлеемстѣмъ, и волсви томѹ приносѧтъ дары достѡиныѧ.

Людіе древле въ сѣни смертнѣи сѣдѧщіи, оузрите свѣтъ, вамъ возсіѧвшій ѿ дв҃ы, и многагѡ дѹше сладостіѧ исполнитесѧ, ѡбнищавшаго слова величающе присно.

Въ малѣмъ вертепѣ градеши вмѣститисѧ невмѣстныи естествомъ, ꙗкѡ да мѧ, оумалившагосѧ престѹпленіемъ, возвеличити за мл҃ть безмѣрнѹю. Покланѧюсѧ твоемѹ бл҃гоѹтробію, долготерпѣливе.

Инъ ірмосъ: Свѣтлыи намъ возсіѧ свѣтъ.

Новъ ап҃лъ, ѻ҃че, былъ еси, седмидесѧтимъ подобасѧ, и послѣдѹѧ меѳотію, ꙗкоже павлѹ, ꙗкѡ таинникъ проповѣдь возвѣщаѧ.

Пріѧтелище бл҃годати воистиннѹ ꙗвисѧ еси, по избранномѹ, премѹдре, ꙗко же древле бж҃ественныи прр҃окъ наѹмъ, егоже ты имѧ и нравъ добрѣ, наѹме, наслѣдовалъ еси.

Возлюбилъ еси хр҃та паче силы ср҃цемъ твоимъ, мысліѭ же и д҃шею твоею, прп҃бне, превосходне же ѿ того возлюбленъ быти и самъ сподобисѧ.

Бг҃ородиченъ.

Преложенми нѹждными волнѹемій, и ѡбстоѧнми и долгими разстоѧнми, бл҃че, ко пристанищѹ твоемѹ прибѣгаемъ, ꙗкѡ и не надеющимсѧ еси надежда.

Инъ ірмосъ: Оужасошасѧ всѧческаѧ.

Послѹшатѣль искренній бывъ, ѻ҃че, премѹдрыхъ оученій бж҃ественнагѡ меѳодіа, панонію породившаго ст҃ымъ кр҃щеніемъ и письменъ преложеніемъ, того ты нравъ поревновалъ еси.

Красны ноги твои быша проповѣдїю бжественнагѡ еѵлїа, протекоша страны различныѧ, и во тмѣ невѣрїѧ камень претыкающихъ ко свѣтꙋ бжественномꙋ возводѧще.

Пошраша прпбныи, всю землю ѡбыдоша, ты же и бжественный климентъ оучнїѧ в нен посѣясте, и нынѣ ѡбемлете плоды бжественнаго вѣденїѧ и всегдашныѧ пѣсни.

Бгородиченъ.

Оувѣнчаи, блчце, ꙗкѡ орꙋжїемъ благоволѣнїѧ насъ оукрѣплающе твоими щедротами, помощїю и заступленїемъ: ѡкрестъ бо живота моего нещаднѡ ѡбыдоша ѕлыхъ ѡбстоѧнїѧ.

Катавасїа: Бгъ сын мира: Пѣснь. ѕ. Ірмосъ.

Бездна послѣднѧѧ грѣховъ ѡбыде мѧ, и волненїѧ нектомꙋ терпѧ, ꙗкѡ їѡна, влцѣ, вопїю ти: ѿ тли мѧ возведи.

Законовъ тѧ два плодскихъ кромѣ, гди, приходитъ родити въ вертепѣ и въ ꙗслѣхъ плотїю восклонити ꙗкѡ млнца.

Отранна мѧ бывша ѿ бга престꙋпленми, пребжественныи, рождесѧ ѿ отроковицы неискꙋсобрачныѧ, милости ради граждани на небнаго ꙗвлаетъ.

Горы же и холми и оудолїѧ возвеселитесѧ: гдь бо плотїю раждаетсѧ, ѡбновлѧѧи тварь, истлѣвшꙋю лꙋкавыми престꙋпленми.

Инъ їрмосъ: Прркa їѡнꙋ подражаѧ.

Оучнкѡвъ четверицꙋ исполнилъ еси, мꙋдре, проповѣдникѡвъ хртовыхъ, мꙋдрыхъ таиноводитѣлеи, кѵрїлла и меѳодїа, бѡлгаровъ и славановъ бжественныѧ оцы.

Изгнани бысте далече, таинницы и проповѣдницы, претерпѣсте затворенїѧ и бїенїѧ вкꙋпѣ, ѡ исхожденїи стаго дха вѣдствꙋюще.

Ходилъ еси пꙋти далныѧ съ кѵрїлломъ премꙋдрымъ, ѿ севера даже до рима, того трꙋдѡвъ причастникъ былъ еси, мꙋдре, бѡлгаровъ паки съ меѳодїемъ просвѣтили есте.

Бгородиченъ.

Ѿ лютагѡ наведѣнїѧ ѕлыхъ избави насъ, и страстей искꙋ-

шеніа и всакихъ ѕлокаючeніи, пречтаа, и вреда всакаго скорω изми насъ.

Инъ ирмосъ: Возопи прообразꙋа прркъ.

Исполнися и въ тебѣ слово бжественное, во всю во землю блъгарскꙋю изыде бжественное твое вѣщаніе, и даже до конецъ земли гли твои.

Ѿ конецъ северныхъ даже до конецъ западныхъ въ море быша шествіа ваша, блжени, и внидосте въ римъ, новыи завѣтъ завѣщающе.

Храмъ бжественныи и бжіе чтное жилище ты быв, бгоносне наꙋме, ѿ юности, и мене млтвами твоими сотвори пріателище стаго дха.

Бгородичен:

Кто бꙋдꙋ, ѿвсюдꙋ присно боримыи, ты ми покровъ и прибѣжище бꙋди, бгоневѣсто, побѣждаемымъ бо еси помощница непобѣдимаа.

Катавасіа: Из оутробы Іωнꙋ: Кондакъ, гласъ, г по: Два днесь.

Свѣтлыхъ твоихъ подвигωвъ пречтнаа памать, ꙗкω веліе солнце, всѣмъ возсіавает, лица воспѣвающихъ та просвѣщаетъ, демωни и всакꙋ болѣзнь ѿгонаетъ: сегω ради, сошедшеса, любовію сію вѣрнω восхвалимъ.

Ікосъ.

Оцъ нашъ наꙋмъ веліи предстатель и свѣтилникъ всесвѣтлыи ꙗвиса днесь, пріидите стецемса славановъ множества, томꙋ срадꙋющеса: той бо всѣхъ насъ просвѣти и прелести мракъ разрꙋши. Сеи бо слѣдъ хрта послѣдова, и жертвꙋ блгопріатнꙋ себѣ предаде, сеи и всеславнꙋю памать свою, гощеніе дховное, всѣмъ вѣрнымъ нынѣ предлагаетъ, сію любовію вси да восх(в)алимъ.

Мц҃а декемврїа въ к҃г дена прпѣнаго оц҃а нашего наѹма, Охритскагѡ чѹдотворца памать совершаемъ. Сеи прпѣныи и пребл҃женїи оц҃ъ нашъ наѹмъ баше во времена ст҃ыхъ кѵрїлла и меѳодїа, иже тогда прохождахѹ веа страны бѡлгарскїа, подвизающееса ѡбращати ꙗзыцы прелщенныа въ вѣрѹ православнѹю. Онимъ бж҃ественнымъ мѹжемъ и проповѣдникѡмъ истинныи бывъ послѣдователь сїи прпѣныи наѹмъ, веедѹшно во предавеа имъ. И хождахѹ вкѹпѣ во веа страны и грады, претерпѣвахѹ мнѡгїа трѹды и нестерпимыа болѣзни, ѹничижаеми и ѡѕлоблаеми, бїеми, ѹранаеми, и въ темницѹ затвораеми, и далече ѿгоними ѿ врагѡвъ хр҇товыхъ и вѣры православныа. Но веа претерпѣша ст҃їи съ радостїю. Да приведѹтъ многихъ въ вѣрѹ хр҇товѹ и да просвѣтатъ ихъ свѣтомъ истинныи и въ разѹмленїе бж҃ественнагѡ писанїа, преложиша бж҃ественнагѡ писаніа вѣтхагѡ и новагѡ ѿ еллїнскагѡ ꙗзыка на простыи ꙗзыкъ бѡлгарскїи и изобрѣтоша сами писмены словенскагѡ ꙗзыка, сими новоизобрѣтенными писмены написаша бж҃ественныа книги на славенскомъ ꙗзыцѣ. И прежде даже не проповѣдати сїе бг҃одѹхновенное дѣло во ꙗзыцы славенскїа, совѣщашееса междѹ собою бл҃женїи кѵрїллъ и меѳодїи, наѹмъ и климен҇тъ и иже съ ними ст҃ѣншїи и равноап҇толнїи мѹжїе, изꙗвити соборнеи цр҇кве, да прїимѹтъ извѣщенїе и ѹтвержденїе ѿ неа. Вземи свеа новопреложенныа бѡлгарскїа книги, бж҃ественнымъ дх҃омъ ѹправлаеми, достигоша старагѡ рима. Быстъ же тогда архїеп҇копъ адрїанъ великїи. Тои бо ꙗко же ѹслыша пришествїе ихъ, изыде въ срѣтенїе имъ въ далномъ растоанїи со всѣмъ сщ҃еннымъ соборѡмъ и великолѣпие почте ихъ, ꙗкоже подобаше ст҃ымъ. Егдаже внидоша во градъ, велїа и ѹжаснаа показа гд҇ь ѹгодниками своими, прославлаа ст҃ыа своа того прославлающїна. Абїе бышіа знаменїа и чѹдеса: мнозїи бо слѣпїи прозреша, и раслабленїи исправлашаса, глѹхїи слышаша и немїи проглаголаша, и хромїи ходиша; дрѹзїи же ѿ нечистыхъ дѹховъ свобождахѹса и ѿ разлиичныхъ болѣзнеи исцѣлевахѹ.

Ѿ сихъ знаменїевъ и чѹдесъ и ѿ инаа ѿкровенїа, ꙗже видѣ ст҃ѣншїи папа андрїанъ, позна, ꙗкѡ сїе дѣло бж҃ественно и

бгоугодно есть, призва стыхъ къ себѣ и повѣле принести своа новопреложенныа книги, ꙗже и принесоша; испыта ихъ известно, противополагаа еллінское съ бωлгарскимъ, и ωбрѣте ихъ согласніи и единомудренніи ко всѣмъ. Тогда оутвердивъ ихъ соборнω и известова быти вѣрніи непорочніи и истинніи, и повѣле стымъ дати книги въ общее наученіе всѣмъ славенскимъ народωмъ въ земли бωлгарской, во истенейшее разумѣніе блгочестивѣйшіа вѣры.

Егда оуже исполниша стіи бгоугодныа своа дѣла, восхотѣша возвратитися во своа страны; провождаху ихъ папа со всѣмъ сщенныимъ соборωмъ, и вѣсь народъ великагω града рима провождаху ихъ съ великою честію и благоговѣніемъ. Притекаху же елицы имѣаху страсти и недуги и болѣзни различніи: и ꙗкоже взирати на очеса стыхъ, и прикасахуся имъ, абіе нѣкаа бжественнаа сила исхождаше ѿ нихъ, и исцѣлеваше всѣхъ: толика бысть благодать бжіа изобилна въ нихъ. Папа же и иже с нимъ едва возмогоша разлучитися ѿ нихъ, цѣлующе другъ друга цѣлованіемъ стымъ, ѿхождаху же въ путь свои скорбяще ω разлученіи своемъ. Ибо стыи и великіи кvріллъ, началникъ и предводитель ихъ, старъ сыи и немощенъ, ωстася въ римѣ; и во старости бывъ глубоцѣй преставися ѿ сеи привременнои жизни въ вѣчную и нестарѣмую, дѣиствуа неизщетнаа чудеса и исцѣлаа всякъ недугъ и всяку ꙗзву.

Стыи же меѳодіи со своею дружиною, климентомъ блженнымъ, и бгоносныимъ наумомъ и съ прочіими возвратишися въ землю бωлгарскую. Начаша свое плаваніе по морю, и доплиша даже до илиріка и, ωставлше корабль, начаша по суху свои путь шествовати, аполски проповѣдающе православную вѣру: Достигше же и землю немскую и оунгарскую, народъ варварски и гордіи, безмѣрнω ꙗряшеся на православныа, мнωгимъ ересемъ прилежащіа и на стагω дха хулы глаголющіа, держаше во оумовредную ересь съемудреннагω аполинаріа, начаша стіи противу тѣхъ хулниковъ крѣпкω подвизатися ω стѣмъ дсѣ, оучаше ихъ по вся дни держати догматы стыа соборныа апстол-

скїѧ цр҇кви. Овїи оубѡ послꙋшахꙋ их, овїи же прахꙋсѧ с ними, немогꙋще противꙋ стати имъ. И не терпаще такѡ ѡбличаеми ѿ нихъ, ꙗростїю подвигшесѧ, нападоша на нихъ, влечахꙋ ко игемѡнови. Онъ же повѣле бити ихъ: лютѣ драша и нещаднѡ тѣлеса ихъ, потом же повелѣ затворити ихъ въ темницу, мора ихъ жаждою и гладомъ на многое времѧ. Бл҇гїй же бг҇ъ не ѡстави раби своѧ до конца в лютѣй темницѣ безчеститисѧ ѿ невѣрныхъ. Ибо во единъ ѿ дней, ꙗкѡ вахꙋ свазани ст҇їи, начаша единодꙋшно и единомꙋдреннѡ въ полꙋдне молѧщесѧ ко бг҇ꙋ глаголюще: г҇ди, иже прест҇аго твоего д҇ха въ третїи часъ ап҇лѡмъ твоимъ низпославыи, тогѡ, бл҇гїи, не ѿими ѿ насъ, но ѡбнови насъ молѧщихсѧ. По ѡкончанїи же м҇лтвы, ѡ чꙋдесе! авїе трꙋсъ быстѣ велїи, подвижесѧ весь градъ ихъ, и падоша стены и домы. Испадоша же вериги и оузы ѿ рꙋкъ и ногъ ст҇ыхъ, и ѿверзошасѧ сами двери темничнїѧ. Ст҇їи же, шедше, хождахꙋ посредѣ града, ꙗкоже ап҇ли иногда во ї҆ер҇лмѣ, хвалѧще и бл҇годарѧще бг҇а, ꙗкѡ сподобишасѧ без'честитисѧ за прест҇аго и животворѧщаго д҇ха, иже и онїи тогда за имѧ распатаго вл҇ки хр҇та.

Из'шедше ст҇їи из' града, никомꙋ же возбранающꙋ, бг҇омъ наставлѧеми и оукрѣплѧеми, достигоша до предѣлъ землѝ бѡлгарскїѧ, ꙗкѡ же желахꙋ. Цр҇ствꙋющїи тогда бл҇гочестивѣйшїи цр҇ь бѡлгарскїи борисъ, нареченныи во ст҇омъ кр҇щенїи мїхаилъ, ꙗкѡ слыша пришествїе ихъ, ѕѣло возрадовасѧ и прїѧ ст҇ыхъ великолѣпнѡ со мнѡгою честїю, послꙋшаше и почиташе ихъ, ꙗкѡ оц҇ы своѧ и оучители. По желанїю же ст҇ыхъ посла ихъ по всеи земли бѡлгарстѣи во вѧ грады и веси проповѣдати имѧ хр҇тово и кр҇щати народы во имѧ оц҇а и сн҇а и ст҇аго д҇ха и оучити ихъ писанїю по своимъ книгамъ, ихъ же сами преведоша ѿ еллїнска на бѡлгарскїи ѧзыкъ. Бл҇гочестивѣишїи цр҇ь Мїхаилъ повѣле всѣмъ сꙋщимъ въ цр҇ствїи своемъ, да послꙋшаютсѧ и повинꙋютсѧ имъ на вѧ повѣленїѧ ихъ, ꙗко же и самаго цр҇ѧ, и да помогаютъ имъ со всѧкимъ оусердїемъ на воздвиженїе ст҇ыхъ цр҇квеи, ꙗже хотахꙋ ст҇їи созидати на оумноженїе благочестивїѧ вѣры.

Тогда разсѣашаса с҃тїи по всеи земли бѡлгарстѣй, проповѣдающїе слово б҃жїе. Б҃жественныи климентъ, прїемъ прп҃бнагѡ наꙋма, подобиа себѣ словомъ и дѣломъ, прохождахꙋ разанчныꙗ страны и грады ап҃лскїи, сѣющїе слово вѣры; наипаче во охриде, нишею (sic), панонїю, и травꙋнїю. Въ мораве же постави пр҃толъ свои архїеп҃скїи с҃тыи климентъ, и тамѡ поживѣ, проче подвизааса на проповѣде, оуча люди и кр҃щаа и ц҃ркви б҃жїа созидаа и, старости глꙋбоцеи достигъ, и не могꙋщїе самъ проходити, посылаше сего прп҃бнагѡ о҃ца нашегѡ наꙋма. Онъ же хождаше, нелѣносно проповѣдꙋа и под'крѣплаа невопросвѣщенныꙗ люди; ꙗкѡ же древле ааронъ при мѡѵсее, такѡ и прп҃бныи наꙋмъ помогаше с҃томꙋ клименту. По скончанїи же с҃тагѡ климента, прейде с҃тыи наꙋмъ ѿ тꙋдꙋ на онъ полъ езера и вселиса тамѡ. Сего и прп҃бно поживъ и многїа трꙋды и подвиги прїемъ ѡ православнои вѣрѣ, прейде ѿ привременнои жизни въ вѣчнꙋю и без'конечнꙋю къ подвигоположникꙋ своемꙋ хр҃тꙋ прїати маꙋ трꙋдѡвъ своихъ. Остави намъ с҃тыа ч҃тныа своа мощи, сокровище исцелѣнїи неѡскꙋдное, притекающимъ съ вѣрою къ ч҃тномꙋ его гробꙋ во славꙋ иже въ тр҃цѣ пѣваемомꙋ б҃гꙋ, емꙋ же подобаетъ держава, честь и поклоненїе въ без'конечныꙗ вѣки вѣковъ. аминь.

Пѣснь. з҃. Їрмосъ.

Отроцы в' вавѵлѡнѣ пещнагѡ пламене не оубоꙗшаса, но посредѣ пламени ввержени, ѡрошаеми пойꙋ: благословенъ еси г҃и б҃же о҃цъ нашихъ.

Какѡ та малѣишїи, слове, под'иметъ, вертепъ, нищетою многою нищетꙋ адамовꙋ ѿемшаго и богатствомъ б҃жественныꙗ бл҃годати человѣки ѡбогатившаго.

Глаголы странныꙗ пастырїе слышавше, потщашаса виѳлеемъ видѣти и въ ꙗслехъ безсловесныхъ разрѣшающаго безсловесїа вса человѣки, возлежащаго. О ты(ми)же и ср҃цемъ, пло-

тїю приходащаго родитисѧ хрта въ вертепѣ ѿ дѣвы отроковицы, пѣснословити потщимсѧ, и вѣрнѡ поклонимсѧ.

Инъ ірмосъ: Иже въ пещи отроцы.

Оодѣвал чѹдеса бгъ, избави тѧ, наѹме, ѿ темницы и затворенїа нечестивыхъ, чѹденѣ со дрѹги твоими: ибо внезапѹ спадоша рѹкъ и ногъ вашихъ оузы и разрѣшишасѧ.

Провѣщанїемъ бжественныхъ оученїи оучтель былъ еси людемъ ѕлонравнымъ, преложенми же бжественми сихъ воистинѹ бгонаученны сотворилъ еси, вмѣстѡ дивихъ ѕвѣрей овцы кроткагѡ хрта сихъ преложилъ.

Колесница бжїа ıавилсѧ еси, наѹме, имѧ хртово носѧ пименно противо царемъ многимъ азыкомъ и дѣлы того прославлѧ и ѿ него славнѡ прославлѧемъ.

Бгородиченъ:

Равскїа прїеми моленїа твоихъ рабѡвъ, всестаа чтаѧ, и лютыхъ насъ скорбеи находащыхъ избави млтвами твоими, и сопричастники твоеѧ бжественныѧ славы сотвори.

Инъ ірмосъ: Опасїи во огни авраамскїа.

Пѡты постническїа воистиннѹ со аплскими поты, оче, смесилъ еси, произволенїемъ же и мчникъ без крови послѣди ıавилсѧ еси, взываѧ: бже блгословенъ еси.

Мертвотворныѧ оузы помыслѡвъ ıавѣ ѿрешилъ еси, ıакоже мѡѷсеи ногъ своихъ древле, и бга истинно разѹмѣлъ еси, люди же пѣти повинѹлъ еси: бже оцъ нашихъ, блгословенъ еси.

Болю болщихсѧ его сотворѧли, млтвы твоѧ, ıаже ѡ насъ, оче, никакоже ѿвращаетсѧ; тѣмже поминаи всегда дшею и срцемъ тѧ воспѣвающихъ.

Бгородиченъ:

Тѣлесныѧ и дѹшевныѧ страсти и паденїа, и бѣдъ лютыхъ ѡѕлобленїа борющихъ мѧ врагѡвъ изми твоего раба, и силои твоею, дѣво, мене соблюди.

Катавасїа: Ѻтроцы бл҃гочестїю совоспитани: Пѣснь, и҃. ірмосъ.

За законы отеческїѧ бл҃женнїи въ Вавѵлѡнѣ юноши, предбѣдствꙋюще, царюющаго ѡплеваша повелѣнїе безꙋмное, и совокꙋплени, имже не сваришасѧ огнемъ, державствꙋющемꙋ достоинꙋю воспѣвахꙋ пѣснь: гд҃а поите дѣла и превозносите во всѧ вѣки.

Паче слова единаго гд҃а воплощеннаго, отроковице, и ѡбложеннаго человѣческимъ подобїемъ держащи рꙋками и покланѧющесѧ и лобызающи мт҃рски: чадо, глаголала еси, сладчайшее, какѡ тѧ сице держꙋ держащаго рꙋкою всю тварь и ѿ рꙋки работы сїю свобождающаго.

Пѣснословити бж҃ественнїи агг҃ли на земли рождшагосѧ ѹготовитесѧ, волсви дары, пꙋтеводими ѕвѣздою, принесите, пастырїе сего потщитесѧ видѣти, на мт҃рнихъ ꙗкоже мл҃нца сѣдѧща ѡбатїи҃, вопїюще: гд҃а пойте дѣла и превозносите во всѧ вѣки.

Свѣта облаче, неискꙋсобрачнаѧ, какѡ пеленами повиваеши, облаки ѡдѣвающаго нб҃са неизглаголаннымъ манїемъ, какѡ въ безсловесныхъ ꙗслѣхъ возлагаеши, безсловесїѧ чл҃ки за безмѣрнꙋю милость избавлѧющаго бл҃кꙋ, емꙋже всѧ покланѧетсѧ страхомъ тварь, пѣснословащи во всѧ вѣки.

Инъ ірмосъ: Єго же ѹжасаютсѧ агг҃ли.

Наꙋма, ст҃агѡ дх҃а бг҃одꙋхновенный органъ, воспоимъ вѣрнїи, въ сщ҃енныхъ словесѣхъ вопїюще гд҃ви: того мл҃твами спаси державꙋ твою пѣснословащихъ.

Дошелъ еси всѧ славѧнскїѧ страны, съ Климентомъ, всемꙋдре, твоимъ спꙋтникомъ, Охридꙋ и окрестъ люди наставлѧѧ на пꙋть правый твоимъ проповѣданїемъ.

Кр҃тъ твои, наꙋме, на рамена вземъ, хр҃тꙋ послѣдовалъ еси единомꙋ цр҃ю, законнѡ подвизавсѧ, и ѿ того вѣнецъ побѣды прїѧлъ еси, бг҃облаженне.

Бг҃ородичен:

Отроки, никакоже ѡпалѧеми, прообразова пречт҃аѧ ѹтробꙋ

твою, ѿнюдѣ неѡпалнѹ огнемъ бжественнымъ, егѹ же единомѹ сохранися въ жилищѣ.

Инъ ірмосъ. Отроки блгочестивыя въ пещи:

Слово бжїе вся человѣки хотя избавити ѿ безсловесія, огненный языкъ тебѣ дарова, имже бѡлгарскїя люди въ разѹмъ истинный привѣлъ еси, пѣти наѹчая хрта во вѣки.

Побѣдилъ еси мѹчителей неистовство противленїемъ твоимъ, наѹме приснѡпамятне, раны же бїенїя и темницы претерпѣлъ еси, ѡ исхожденїи стагѡ дха поборая, оче, ѿ бжественнаго источника трцы невиновныя.

ѿнюдѹ же ѿбѣже всяка скорбь, болѣзнь и стенанїе; идѣже неизглаголанная радость и наслажденіе, идѣже первородныхъ нынѣ жилище, тамѡ всели тя хртосъ, наѹме, прїемъ трѹды твоя, яже ѡ немъ.

Нѹждными ѡкрѹжаеми бѣдами ѿ врагъ видимыхъ и не видимыхъ, со скорбми борющеес̾я, болѣзнми и ѡбстоянми и неправедными навѣденми, и изгнанїи горкими, вопїемъ въ болѣзни срца: спаси насъ, щедре, прпбнагѡ млтвами.

Бгородиченъ:

Погибѣ бѣгство ѿ мене къ конецъ, оумножишася писменно взыскающїи имя, но ты ми бѹди, блчце, покровъ, крѣпость, прибѣжище и оутвержденїе, и извѣстное спасенїя радованїе, и надежда, да тя славлю во вся вѣки.

Катавасїя: Чѹда преестественнагѡ: Пѣснь. ѳ҃. ірмосъ.

Не дивися нынѣ, ѡ мти, видящи, якѡ млнца, егоже из чрева прежде денницы роди оцъ: возставити бо и сопрославити человѣческое падшее естество прїидохъ явственнѡ, вѣрою и любовїю тя величающее.

Радѹйся прїятелище, пречтая, радости неизглаголанныя: се бо градеши родити въ вертепѣ неизреченнѡ блкѹ, хотящаго тварь всю, истлѣвшѹю престѹпленїемъ первѣе, ѡбновити воистиннѹ: сего пѣснословяще, вѣрою тя величаемъ.

Дѹши пр҃вныхъ вси и подземнаа кѹпнѡ радѹитеса: се бо избавленїе всѣхъ ꙗвиса, во градѣ виѳлеемѣ раждающееса; ѕвѣзда же сего возвѣщаетъ волхвѡмъ, ищѹщимъ бл҃гочестнѡ, егоже и видѣвше въ вертепѣ, ѹжаса исполнишаса.

Ꙗкѡ ѝбо та иное воспѣваемъ, д҃во, правды с҃лнце намъ из' ложеснъ пречт҃ыхъ хотащѹю возсїати ѹтреннее, просвѣщающее въ тмѣ сѹщыа смерти и тли, тѣмже должнѡ хвалами та величаемъ.

Инъ ірмосъ: Свѣтоносный облакъ:

Достодолжнѡ почитаетъ, наѹме, бѡлгарскаа землѧ памѧть твою: ты бо еси тоа свѣтоводитель, съ бж҃ественны͡м климентомъ же и чѹдотворцемъ гораздомъ, и ангеларїемъ мѹдрымъ, и сщ҃енно аннїкомъ (sic), иже спасайте м҃литвами вашими.

Римъ, ѹвидѣвъ ваше равноап҃тлное хожденїе, бж҃ественный кѵриале, меѳодїе бл҃гоблаженне съ наѹмомъ славнымъ, и ѹжасеса бж҃їихъ чѹдесъ, содѣанныхъ вами, тѣмже васъ почитаемъ лѣтними пѣснми.

Ликостоанїа ѻц҃евъ, ап҃толѡвъ, прп҃бныхъ, іерархѡвъ, пр҃рѡкъ и мч҃никѡвъ, наѹме бл҃женне, воспрїаша та нынѣ съ страдавшими съ тобою: сихъ бо житїю подражалъ еси и съ ними же всѣхъ насъ поминаи.

Сщ҃енныи кївѡвъ (sic) завѣта та вѣми, словеса бж҃їа носащагѡ и спасающаго славанѡвъ мнѡжества въ землю ѡбѣтованнѹю вѣчнѹю, тѣмже почитаемъ ракѹ мощей твоихъ, въ вѣчныи наставлаеми животъ.

Ѿ безаконныхъ людеи и навѣта демѡнскагѡ, ѿ страстеи всеразличныхъ содержанїа тажкагѡ и ѿ искѹшенїи многихъ лютагѡ ѡѕлобленїа, пречт҃аа, свободи всѣхъ насъ, бц҃е, на та надѣющихса.

Инъ ірмосъ: Всакъ земнородныи:

Станемъ вѣрнїи въ домѹ бг҃а нашегѡ, и во дворѣхъ прославимъ его величїа и чѹдеса: ꙗкѡ дивенъ есть во ст҃ыхъ своихъ,

повинꙋющихсѧ его повелѣніамъ, є҆ нимиже срадꙋетсѧ и наꙋмъ прпⷣбный.

Да та, наꙋме, согласнѡ почтимъ, торжественнѡе; избави млⷭ҇твами твоими всакихъ навѣтѡвъ и ѡ҆стоѧніи, напастеи и скорбеи, и всакагѡ инагѡ гнѣва, молѧ хрⷭ҇та, показавшаго та своихъ повелѣніи исполнителѧ.

Люди, ихже ты твоими трꙋды насадилъ еси и поты твоими, всебл҃женне, напоилъ еси, и страданми твоими оукорениалъ еси, плодоприносатъ тебѣ пѣсни лѣтніа, начатки памати твоеи, тѣмже ѡ нихъ бг҃ꙋ молиса.

Ѡслаби ми, хрⷭ҇те, самъ бо вѣси немѡщи моа, ѩкѡ да ѡбращꙋ ѿ сихъ покои прежде исхода моего млⷭ҇твами, блⷤ҇ко, наꙋма, твоего оугодника, и не дажда быти ми въ радость врагѡмъ моимъ, ни въ сеи вѣкъ, ниже въ бꙋдꙋщіи.

Бгорⷪ҇.

Та истинною мт҃ерь зиждителевꙋ, вса хотѣніемъ сотворшемꙋ, вѣрою молимъ: совѣты и ловленіа враждꙋющихъ на насъ ѡ҆бꙋети, ѩкѡ бл҃гаа, и ѿ рꙋкъ врагѡвъ вса рабы твоа соблюди, пастыреи и паствꙋ твою, всепѣтаа.

Катавасіа: Таинство странное вижꙋ: Обѣтнаенъ: пѣ: Посѣтилъ ны есть.

Посѣтилъ есть хрⷭ҇тосъ люди прегѡрченныа изъ рꙋки лꙋкавагѡ и ѿ невѣріа мрака токои, наꙋме, спаслъ есть: и вса землѧ исполнисѧ бж҃ественнагѡ разꙋма.

Слава:

Чꙋдесъ источникъ и исцѣленіи кладенецъ, монашествꙋющихъ слава, іереевъ доброта, наꙋмъ бж҃ественный, да почтитсѧ въ пѣснахъ достоино.

И нынѣ: предпраздства.

Виѳлееме бл҃гоꙋкрасисѧ, врата ѿверзи твоа: цр҃ь бо твои приходитъ, иже прежде вѣкъ восхотѣвыи вочл҃вѣчитисѧ мт҃ри ради, радꙋисѧ и ликꙋи вса тварь.

На хвалитѣхъ ст҃ры на д҃, Гласъ, а҃: по҆: Всехвалніи м҃чницы:

Наꙋма, ч҃тное прїѧтелище д҃ха, въ пѣснехъ с҃щенныхъ сладкѡпѣнми прїидите празднолюбцы, того словесъ добрѣ вкꙋсивше и с҃ноположенїѧ бж҃ественнагѡ д҃ха прїемшїи, бл҃гохвалѧще, оувѣнчаемъ, согрѣшенїи разрѣшенїе м҃лтвами егѡ прїемлюще.

Смерть твоѧ ч҃тна бысть пред̾ гд҃емъ воистиннꙋ, наꙋме приснопамѧтне: жизнь бо твоѧ, исполнь бл҃гочестїѧ и чистоты, и всѧкагѡ пр҃бїѧ полна есть, имже бываетъ во еже ѡбожитисѧ, о҃че, еже и тебѣ бысть по бж҃ественномꙋ прїѧтїю.

Ѿ скорби всѧкїѧ, наꙋме с҃те, даждь намъ помощь и искꙋшенїи избави: ибо сꙋетна человѣческаѧ помощь; ты же паче человѣка аггломъ собѣседникъ былъ еси, ограждаеши насъ, бсѧщихсѧ бг҃а и чтꙋщихъ честныѧ мощи твоѧ.

Слава, гласъ: и҃

Бж҃ественныхъ трꙋдѡвъ твоихъ плодъ, прп҃бне о҃че, оутверди ср҃ца вѣрныхъ: ибо веждомъ твоимъ сна не далъ еси, ниже дреманїѧ очесемъ твоимъ, дондеже посѣлъ еси бл҃гочестїе и православїѧ дѡгматы. Тѣмже и нынѣ, сошедшесѧ, памѧть твою хвалимъ, и тѧ, наꙋме, въ неи: насъ призираи, предстоѧ дерзновѣннѡ хрт҃ꙋ, моли спасти ѿ бѣдъ дꙋши наша.

И нынѣ предпразднства.

Воспрїими виѳлееме бж҃їю митрополїю, свѣтъ бо незаходимыи въ тебѣ родитисѧ приходитъ; аггли оудивитесѧ на н҃беси, человѣцы прославите на земли, волсви ѿ персиды преславныи даръ принесите, пастырїе, свирающе, трис҃тое пѣнїе сладцѣ воспоите: всѧкое дыханїе да хвалитъ вседѣтелѧ.

Славословїе великое: По трїс҃томъ: Тропарь с҃томꙋ: Слава: и нынѣ: Бг҃ородиченъ и ѿпꙋстъ. прокименъ гласъ з, честна пред̾ господомъ смерть преподобнымъ егѡ, что воздамъ господѣви о всѣхъ, ыже воздаде ми, еѵггліе ѿ лꙋки, зачало: к҃д, апостолъ ко галатомъ, зачало с҃г[1]).

1) Передъ канономъ, начинающимся на слѣдующемъ листѣ рукописи, нарисована заставка.

Канѡнъ, поемый на колѵва; благословившемꙋ сщенникꙋ, глемъ: Гдⷭи оуслыши млтвꙋ мою. Таже, Бгъ гдⷭь, и ꙗвися намъ: стихи, и Тропарь стомꙋ. Міра ѡставилъ еси: Слава: и нынѣ. Не оумолчимъ никогда бцⷣе: ѱалꙋ: н҃. Канѡнъ, гласъ, а҃. пѣснь, а҃. Ірмосъ: Твоѧ побѣдительнаѧ десница.

Воспѣти твою чтнꙋю памѧть, оусердствꙋющꙋ мнѣ, благомощнꙋю слова благодать съ нбсе испроси и оусердіе въ дѣло блажение произведи.

Мѵра за благоꙋтробіе щедротъ на землю истощившемꙋсѧ, наꙋме приснопамѧтне, хртꙋ бгꙋ нашемꙋ ѡбонялъ еси ѿ младенства изрядне благовонія того, оче, и послѣдовалъ еси.

Младый проѧвлено возрастъ тѣлесны, оче, старостію же разꙋма престарелꙋю и твердою стяжалъ еси, имже хꙋдшее, наꙋме, пременилъ еси на лꙋчшее.

Ꙗкѡ во цвѣтнице сщенномъ добродѣтелей ради вшелъ еси, ѿ всѣхъ цвѣтѡвъ собравъ, исплелъ еси неꙋвядаемый вѣнецъ, егоже на версе твоемъ нынѣ носиши, наꙋме всечестне.

Бгород:

Тебѣ невмѣстимаго бга во твоемъ чревѣ пріемшꙋю, пречтаѧ, пѣти желающе и величати любезне хотѧще, слово недоꙋмѣемъ: выше бо есть слова ржтво твое.

Пѣснь, г҃. ірмосъ: Єдинѣ вѣдый:

Возненавидѣлъ еси ѿ юности всякое сладострастіе, и кртъ на рамена вземъ, распѧтомꙋ, наꙋме, послѣдовалъ еси, тѣмже изряднѡ томꙋ подобасѧ, и достоинъ похвалъ нынѣ полꙋчилъ еси.

Даръ тѧ стаго дха, наꙋме мꙋдре, спротяженнѡ поемъ, ꙗкѡ мощна тѧ нынѣ благодатію, млтвами твоими тѧ славящіѧ искꙋшеніи и бѣдъ избави, прпбне, и жизни некончаемѣи сподоби.

Аггльское житіе на земли оусерднѡ подражалъ еси и, ѿстꙋпникъ земныхъ, всеславне, со агглы нынѣ веселишисѧ; сихъ бо

житїю на земли поревновалъ еси, с нимиже и водворенїе получилъ еси.

Видя не такоже прежде лице бжїе, въ зерцалѣ гаданїи и въ сѣни, сте, нынѣ невозбранно въ немъ взирая, хвалящимъ тя, наꙋме прнопаматне, испроси прегрѣшенїи ѡставленїе.

Бгород:

Превосходитъ, отроковице, твоего страшнаго ржтва чꙋдо всякагѡ слова и разꙋма, и недоꙋмѣнїемъ покрываются! какѡ мти была еси и два пребыла еси; и создателя созданїе родила еси.

Пѣснь. д. ирмосъ: Горꙋ тя благодатїю:

Славенскїя рѡды и западныя васъ восхваляютъ, наꙋме чꙋдне съ климентѡ пастыремъ, васъ во ради спасенїе ѡбрѣтоша и їдолскагѡ избавльшеся помраченїя.

Честна смерть твоя бысть, прпбне, пред' создателемъ и содержителемъ всяческихъ, наꙋме прнопаматне, жива во томꙋ оугодилъ еси, и по смерти точиши чꙋдеса.

Весь ѿ юности бгꙋ возложенъ, весь прїятелище добродѣтели и дѣлатель того повѣленїи былъ еси, наꙋме блженне, весь и стаго дха исполнъ явился еси и свидѣтель того чꙋдесъ.

Источникъ болящимъ и ѕлостраждꙋщимъ твои гробъ, оче наꙋме, точаще всѣмъ богатнѡ различная исцелѣнїя, неистощимыи во источникъ показася бжественныхъ чꙋдесъ всѣмъ, приходящимъ съ вѣрою.

Бгоро:

Слово оче паче слова словомъ вмѣстила еси бголѣпнѡ и сего родила еси намъ, безсловесїя всѣхъ иже ѿ адама избавляющаго, его же оумилостиви, дво, рабѡмъ твоимъ.

Пѣснь. е. ирмосъ: Просвѣтивыи сїанїе:

Ѡбрѣлъ еси воистиннꙋ, якоже возлюбилъ еси, наꙋме прнопаматне, яже око земленое никакоже видѣ, ниже оухо оуслыша, ниже въ срца сластолюбивыхъ человѣкъ взыдоша когда.

Гора ꙗвилася еси добродѣтелми божественными весьма присенная, въ ней же, оче, бгъ жити изволи и вселися въ конецъ въ та, наꙋме бгоносе, спасай всѣхъ къ тебѣ притекающихъ.

Спасеніе дается всѣмъ, во храмъ твой прибѣгающимъ, наꙋме божественне, и вѣрнѡ просящимъ помощь: спсꙋ бо всѣхъ достоинъ слꙋжителя ꙗвился еси, подражая твоегѡ оучтеля.

Глꙋбины страшнагѡ твоего ржтва, бгомти, и агглѡвъ изрещи воистиннꙋ не могꙋтъ чины, какѡ ѿ нихъ носимагѡ на ѡбятіяхъ носивши ꙗкѡ мл҃нца; паче бо оума есть и слышанія.

Пѣснь, ѕ҃. ірмосъ: Ѡбыде насъ послѣдняя:

Ꙗкѡ влка всѣхъ всѣмъ промышляяй и всѣмъ покаяніе ища и спасеніе ꙗкѡ бгъ, новыя апли васъ посла къ западнымъ людемъ, бгоблженніи.

Хвалятъ вашꙋ память, бгодхновеніи, и любовію оублжаютъ болгарскія люди, клименте и наꙋме всеблженніи, и мощей вашихъ ракꙋ почитаютъ и своя ихъ спасители васъ проповѣдаютъ.

Слꙋжити бгꙋ всѣхъ стіхъ болгаровъ наꙋчисте и ідолскагѡ слꙋженія ѿвратите блгодатію словесъ вашихъ, божественне наꙋме со всечтнымъ пастыремъ климентомъ.

Бгоро:

Слꙋжатъ ржтвꙋ твоемꙋ, отроковице всечтая, агглѡвъ воинства и члвѣкѡвъ множество, ꙗкѡ бга члвѣка непреложна бывша, тебѣ же оублжаютъ, ꙗко же прорекла еси.

Гди помилꙋй. г. Кондакъ стомꙋ: Свѣтлыхъ твоихъ подвигѡвъ: Пѣснь з҃. ірмо: Тебѣ оумнꙋю бгцу:

Страданіи твоихъ и трꙋдѡвъ почесть, оче наꙋме мꙋдре, пріялъ еси чꙋдесъ божественное дѣйствіе, имиже притекающіи ко гробꙋ твоемꙋ поютъ, хвалный оцевъ бгъ и препрославленный.

Крѣпостію бжіею блгомощнѡ оукрѣпляемь, пѡлки ѿвратилъ еси невидимыхъ врагѡвъ, наꙋме, крѣпкѡ побѣдꙋ поставилъ еси над ними, прнѡпамятне, и побѣды вѣнецъ пріялъ еси и со хртомъ цртвовати присно, оче, сподобился еси.

Оуправилъ еси твой пѹть добрѣ къ стезамъ бжественныхъ повелѣній, иже свѣтилникъ быша, свѣтъ же стезамъ твоимъ и возведоша, идѣже свѣтъ невечерній, идѣже сладость некончаемаа, наѹме пр̃пбне.

Свыше назираеши твоа пѣвцы, наѹме ст̃е, симъ подаеши всегда недѹгѡвъ исцѣленіа, и страстей оуставленіе и искѹшеній всяческихъ избавленіе мл̃твами твоими, ꙗкѡ да поютъ бг̃а препрославленнагѡ.

Бгородиченъ:

Кївѡтъ моѵсей та прописа и трапезѹ, хлѣбъ животный носащѹю, и свѣщникъ ст̃оѹмный, бц̃е, и стамнѹ, имѹщѹю сладость всеа твари, ꙗже мы ꙗвственно въ тебѣ исполнаема, отроковице, взираемъ.

Пѣснь, н̃. ірмосъ: въ пещи отроцы:

Земледѣлавъ добрѣ твою нивѹ ср̃чнѹю, еѵ̃лкое сѣма посѣавъ богатнѡ и класъ пожалъ еси тморичный тобою спасеннымъ людемъ и славащимъ хр̃та во вѣки.

Крѣпчайшѹю всю вражїю прелесть, ꙗкѡ кедри лїванскїа, вознесенною превратилъ еси крѣпкими твоими подвиги, славне, и вопїалъ еси: вса дѣла гд̃на гд̃а пойте и превозносите во вса вѣки.

Гробъ твой предлежитъ славенскимъ народѡмъ, любащимъ та, ꙗкѡ источникъ сладкїй, ѿ негоже вси пїюще питїе бжественные воды, вопїютъ: вса дѣла гд̃на гд̃а пойте и превозносите во вса вѣки.

Бг̃ородиченъ:

Гаврїиловъ, отроковице, гласъ тебѣ бл̃гословеннѣй возглаемъ, достоинейше же сего наипаче ничтоже имѹщи рещи, и дважди тебѣ взываемъ: радѹйса, радѹйса, дв̃о, многажди и множицею радѹйса, бл̃годатнаа, радѹйса, мирѹ радосте.

Пѣснь, ѳ҃. Ірмо҃: Образъ чтнаго ржтва:

Весь просвѣщенія исполненъ бывъ, и ко свѣтѹ истинномѹ хрта, бга же и чл҃вѣка, наставилъ еси во тмѣ невѣденія спадшія славенскія нарωды и прелести идолскія избавилъ еси.

Здравіе разслабленнымъ, прпбне, хромымъ теченіе, и глѹхимъ слышаніе, всѣмъ вся просящимъ подаеши млтвами твоими, всеславне наѹме, слова проповѣдниче, на земли ıавлшемѹся бл҃годатію.

Вижда мою премногѹю къ тебѣ любовь, оч҃е, вижда и желаніе, приносящемѹ ти сіе ѹбогое тебѣ пѣніе, грѣхωвъ моихъ испроси разрешеніе и вѣчныя жизни наслажденіе.

Всегω порабощена мя страстемъ, всегω, бгомѹдре, ωквернена мя прегрѣшенми ωчисти млитвами твоими, наѹме прпбне, и огня геенскагω избави, на сіе спомощника имѣя бжественнаго климента, съ нимже тя величаемъ.

Бгородиченъ:

Тя паче ѹма и смысла, неизреченнω и неизглаголаннω пречтая во ѹтробѣ твоей зачала и родила еси бжіе бгъ слово. Тѣмже тя славимъ, ıакоже мощнω чл҃вѣкωмъ, по достоанію во аще могѹтъ агг҃ли.

Не смотря на свою краткость, житіе св. Наума драгоцѣнно заключающимися въ немъ фактическими данными. Эти данныя важны не только для лица самого св. Наума, но и для всей эпохи, которой онъ принадлежитъ. Согласно житію онъ былъ особенно близокъ къ извѣстному Клименту словѣнскому. Житіе называетъ его братомъ и сподругомъ и сострастникомъ св. Климента. Если два послѣднихъ выраженія указываютъ на сотоварищество и соучастіе въ страданіяхъ, которыя пришлось обоимъ претерпѣть отъ еретиковъ послѣ смерти Меѳодія, то первымъ словомъ братъ

не дается ли указаніе на родственныя связи двухъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ учениковъ славянскихъ первоучителей? Намъ кажется не исключена возможность и такого предположенія. Близость обоихъ святыхъ хотя и не въ такой степени свидѣтельствуется и пространнымъ греческимъ житіемъ св. Климента: въ перечнѣ семи Климентъ и Наумъ стоятъ рядомъ. Климентъ съ Наумомъ и Ангеларіемъ идутъ въ направленіи къ Истру.

Когда св. Климента поставили епископомъ, болгарскій царь Симеонъ послалъ вмѣсто него св. Наума, бывшаго тогда пресвитеромъ, продолжать учительство славянской паствы, которому съ такимъ рвеніемъ и успѣхомъ предавался св. Климентъ по словамъ пространнаго греческаго житія. Св. Наумъ также, какъ и его предшественникъ, по словамъ житія, пребывалъ въ богоугодныхъ подвигахъ. Оставаясь всю жизнь дѣвственникомъ, онъ построилъ на исходѣ бѣлаго озера монастырь съ церковью въ честь св. архангеловъ. Монастырь этотъ уцѣлѣлъ и до нашихъ дней. Относительно мѣстности его путешественники и ученые изслѣдователи сообщаютъ слѣдующія данныя.

«На основаніи разности высоты Преспанскаго и Охридскаго озера народъ вѣритъ (а съ такимъ взглядомъ согласны и изслѣдователи), что вода Преспанскаго озера пробиваетъ путь черезъ подножія тѣхъ планинъ, которыя отдѣляютъ Охридское и Преспанское озеро. Это мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Галичица состоитъ изъ известняка, который всюду полонъ подземныхъ каналовъ. Возлѣ монастыря св. Наума вытекаетъ сильный источникъ въ нѣсколько метровъ глубины и весьма широкій, такъ что въ немъ есть даже островки. Этотъ бассейнъ, какъ-бы небольшое озеро, питается не одной лишь водой рѣчки, которая течетъ съ юговостока, а также водой многихъ ключей, вытекающихъ изъ подъ Галичицы. Вотъ они то вѣроятно и приносятъ воду изъ Преспанскаго озера. Эта вода сильной струей вливается въ Охридское озеро, и ее можно узнать далеко отъ берега по бѣлому цвѣту въ зеленоватой водѣ самого озера. Такъ какъ эта

вода не смѣшивается съ водой озера, вслѣдствіе неодинаковости температуры, а вода рѣки Дрима, вытекающаго близь Струги, весьма чиста, какъ и здѣшняя, то народъ и думаетъ, что это небольшое озеро есть истокъ Дрима[1]). Впервые свѣдѣнія о мѣстоположеніи монастыря св. Наума находимъ у Григоровича: «на западъ (отъ монастыря) вливается въ озеро источникъ, въ которомъ, какъ говоритъ преданіе, крещенъ царь какой то или его дочь, поэтому онъ носитъ названіе *ἁγίασμα*[2]). Не даромъ такимъ образомъ и въ житіи употреблено выраженіе: на исходь бѣлаго езера.

Что касается самаго монастыря, то Григоровичъ писалъ: «онъ былъ сооруженъ Михаиломъ болгарскимъ царемъ, и служилъ пріютомъ св. Науму, мощи котораго лежатъ подъ спудомъ»[3]). Это не подтверждается житіемъ вполнѣ опредѣленно. Но можно считать весьма вѣроятнымъ, что Борисомъ Михаиломъ оказана была поддержка при построеніи монастыря, храмъ котораго не даромъ былъ посвященъ во имя св. архангеловъ. Нушић въ названной выше книгѣ отмѣтилъ: «въ монастырѣ св. Наума храмъ св. Михаила, но такъ какъ тамъ находится гробъ св. Наума, то онъ и понынѣ защитникъ и ктиторъ монастыря». Григоровичъ, описывая древнюю церковь, говоритъ о ней такъ: «посреди монастырскаго двора небольшая ветхая осѣвшая церковь во имя св. Наума. Предполагаю, что она построена въ X в., хотя *свидѣтельства объ этомъ не имѣю*. Наружность церкви не изящна». Что касается древности храма, то житіе вполнѣ подтверждаетъ заключеніе нашего ученаго. Но указанія о томъ, что церковь построена въ честь св. Михаила, у него нѣтъ. За то еще разъ Григоровичъ соединяетъ съ монастыремъ память о Борисѣ: «Надгробная доска предѣла южной стороны покрываетъ, какъ

---

1) Нушић, Крај обала Охридскаго језера. Београд, 1894, стр. 13—14, ср. также стр. 107—109.

2) Очеркъ ученаго путешествія по европейской Турціи стр. 128.

3) Тамъ же.

говоритъ преданіе, останки какого то царя болгарскаго (не Михаила ли Бориса?)

Не лишнее будетъ прибавить о монастырѣ св. Наума свѣдѣнія, собранныя г. Нушићемъ, которыя интересны для вопроса объ участіи въ его постройкѣ болгарскаго государя, а также и для характеристики взаимнаго отношенія Наума и Климента святыхъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ одной мѣстности на Охридскомъ озерѣ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга и въ тѣсной связи другъ съ другомъ.

Св. Наумъ пользуется большимъ почтеніемъ не только у православныхъ, но и у турокъ. Къ его гробу стекается много народа, прося исцѣленія отъ болѣзней и недуговъ. Больныхъ нерѣдко оставляютъ спать на гробѣ, особенно 20 Іюня въ день монастырской славы въ тѣсную церковку, въ которой почиваютъ мощи святого, набирается масса народа, желающаго хотя-бы крайчикомъ одежды прикоснуться ко гробу святого.

И до сихъ поръ съ его именемъ соединяются народныя легенды.

По одной изъ нихъ на мѣстѣ теперешняго монастыря былъ когда то царскій дворецъ, и святой Наумъ началъ строить церковь немного ниже возлѣ села Тушемишче на разстояніи меньше часа пути; онъ успѣлъ уже построить четыре стѣны, которыя и теперь можно видѣть. У царя, жившаго во дворцѣ, была больная дочь, которую онъ всевозможнымъ образомъ лѣчилъ, пока наконецъ не обратился къ св. Науму, обѣщая ему сдѣлать все, что онъ захочетъ, только бы вылѣчилъ его дочь. Св. Наумъ вылѣчилъ больную молитвой и не просилъ себѣ ничего другого кромѣ лишь того мѣста, на которомъ стоялъ дворецъ. Царь исполнилъ обѣщаніе и святой построилъ монастырь.

По другой легендѣ Св. Наумъ и св. Климентъ, проповѣдуя ученіе Христа въ избранныхъ ими мѣстахъ на берегу Охридскаго озера, въ одно время принялись за постройку каждый на своемъ мѣстѣ церквей. Мастера протянули съ одного возвышенія на другое черезъ озеро веревку и съ помощью ея получали

нужныя при постройкѣ орудія. И при этомъ сговорились, чтобы узнать, какая церковь выстроена раньше, сдѣлать такъ: когда веревка затрясется, прервать работу въ томъ и другомъ мѣстѣ, независимо отъ того, насколько постройка будетъ готова. Церковь св. Климента была уже почти совсѣмъ готова, оставалось только построить куполъ, какъ на веревку сѣли галки, она затряслась, а рабочіе подумали, что это данъ условленный знакъ, и перестали работать (оттого туркамъ и легко было потурчить эту церковь, они только пристроили минаретъ, а купола на церкви и не было). А у св. Наума еще работали и, когда окончили постройку, ждали, что имъ будетъ данъ знакъ, но никакого знака дано не было. На утро опустились на веревку бѣлые голуби, и веревка затряслась, но св. Наумъ еще наканунѣ былъ готовъ.

Пробывъ семь лѣтъ учителемъ, св. Наумъ оставилъ это дѣло и удалился въ монастырь. Онъ жилъ въ немъ еще долго, десять лѣтъ, но только незадолго передъ кончиной принялъ чернечьскій образъ. Онъ скончался 23 декабря на шесть лѣтъ ранѣе св. Климента, значитъ въ 910 г.: годъ смерти Климента 916 точно извѣстенъ по его пространному житію.

Въ такомъ случаѣ выходитъ, что св. Наумъ удалился въ монастырь въ 900 г., въ 893 г. онъ былъ посланъ учительствовать, значитъ въ томъ же году и св. Климентъ былъ поставленъ епископомъ. Согласно греческому Житію Климентъ учительствовалъ 7 лѣтъ слишкомъ. Если же онъ въ 893 г. былъ назначенъ епископомъ, то значитъ онъ (а равнымъ образомъ, конечно и другіе ученики Кирилла и Меѳодія) долженъ былъ прибыть въ Болгарію не позднѣе 886 года[1]). Такое заключеніе

1) Въ житіи Климента говорится, что восьмой годъ учительства Климента былъ послѣдній годъ жизни Бориса, но изъ записи при переводѣ недѣльнаго евангелія Константиномъ пресвитеромъ мы знаемъ, что Борисъ умеръ въ 907 г. Въ томъ же житіи говорится, что послѣ Бориса княжилъ четыре года Владиміръ, но если въ 893 г. согласно нашему житію болгарскій престолъ занимаетъ уже Симеонъ, то значитъ Борисъ оставилъ престолъ въ 889 г. Такъ и опредѣляется приблизительно эта дата у Голубинскаго стр. 254 Очерка исторіи слав. церкви. Во всѣхъ подробностяхъ согласовать разсчетъ Житія св. Климента и св. Наума невозможно.

вполнѣ подтверждается и другимъ указаніемъ нашего житія о томъ, что попавшіе въ Венецію ученики св. Меѳодія прибыли въ Константинополь при императорѣ Василіи. А такъ какъ мы знаемъ[1]), что Василій царствовалъ 18 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 29 дней согласно указанію лѣтописца Никифора, а императоръ Михаилъ скончался 23 Сентября 867, то выходитъ, что Василій умеръ въ самыхъ послѣднихъ числахъ Августа 886 г. Въ такомъ случаѣ въ этомъ же году, или самое позднее въ ближайшее къ нему время, могли попасть въ Болгарію ученики св. Кирилла Меѳодія.

Сообщая цѣлый рядъ данныхъ изъ біографіи св. Наума, житіе бросаетъ свѣтъ на состояніе славянской церкви въ Моравіи послѣ кончины Меѳодія. Правда оно уступаетъ въ этомъ отношеніи пространному греческому житію св. Климента, но при всемъ томъ и съ своей стороны вноситъ весьма интересные и новые факты. Въ самомъ началѣ, упомянувъ о томъ, что св. Наумъ раздѣлилъ съ св. Климентомъ страданія, которыя пришлось испытать по кончинѣ Меѳодія въ Моравіи его ученикамъ, житіе далѣе говоритъ, что одни изъ нихъ подвергались мученіямъ со стороны еретиковъ, другіе были ими проданы евреямъ. Въ этомъ случаѣ житіе св. Наума согласно съ указаніями житія Климента, которыя однако, можетъ быть въ зависимости отъ изложенія, не обращали должнаго вниманія, и напр. Миклошичъ въ латинскихъ извлеченіяхъ изъ греческаго текста опустилъ ихъ въ своемъ изданіи. Приводимъ это мѣсто въ русскомъ переводѣ: «Иныхъ мучили безчеловѣчно, у другихъ расхищали дома, съ нечестіемъ соединяя любостяжаніе, иныхъ нагими влачили по терновнику, и притомъ людей престарѣлыхъ, которые преступили уже за предѣлы жизни человѣческой, означенные у Давида. А изъ пресвитеровъ и діаконовъ тѣхъ, которые были моложе, еретики продавали (ἐπώλουν) іудеямъ, сами іудиной участи и удавленія будучи достойны. Какъ онъ продалъ Христа, такъ эти еретики рабовъ

1) За это указаніе приносимъ благодарность А. А. Шахматову.

I. Христа, или лучше друзей его, какъ самъ I. Христосъ называлъ ихъ, смѣю даже назвать, помазанниковъ, или христовъ, продавали (ἀπεδίδοσαν) всегда преогорчевающимъ его врагамъ. Всѣхъ же ихъ было не мало, но до двухъ сотъ считалось однихъ служителей алтаря, какъ мы сказали прежде».

Житіе св. Наума, не ограничиваясь этими общими указаніями, говоритъ и о дальнѣйшей судьбѣ доставшихся жидамъ учениковъ. Оказывается, что они были уведены въ Венецію и, когда въ этомъ городѣ ихъ уже продавали, по смотрѣнію Божію, прибылъ сюда византійскій вельможа изъ Константинополя по царскому дѣлу и, узнавъ о грозившей своимъ единовѣрцамъ участи, однихъ выкупилъ, другихъ взялъ съ собой въ Константинополь и разсказалъ о нихъ царю Василію. И потерпѣвшіе страданія были возстановлены въ своихъ чинахъ и санахъ пресвитерами и діаконами, какими и были раньше. Имъ дано было жалованіе, и никто изъ нихъ не умеръ въ рабствѣ. Но одни нашли успокоеніе въ Константинополѣ, встрѣчая поддержку со стороны самого царя, другіе отправились въ Болгарію и тамъ были приняты съ великою честію.

Весьма знаменателенъ весь этотъ эпизодъ. Онъ даетъ намъ понятіе, что отношенія грековъ къ славянской церкви не были таковы, какъ ихъ хотятъ представить нѣкоторые ученые, равняя грековъ съ представителями латино-нѣмецкой іерархіи. Вельможа Василія и самъ императоръ съ живымъ вниманіемъ отнеслись къ пострадавшимъ за православное ученіе ученикамъ св. Кирилла и Меѳодія. Не даромъ же Меѳодій ѣздилъ въ Константинополь не за долго до кончины и объяснялся съ императоромъ и патріархомъ. Какъ говоритъ объ этомъ житіе Меѳодія, вызванный Василіемъ, Меѳодій былъ принятъ съ великими почестями и радостью. Его ученіе встрѣтило одобреніе, и священникъ съ діакономъ были оставлены въ Константинополѣ вмѣстѣ съ книгами, подъ которыми безъ сомнѣнія разумѣется готовый тогда переводъ священнаго писанія. Исполнивъ всѣ желанія, обласкавъ и щедро одаривъ Меѳодія, им-

ператоръ проводилъ его обратно на моравскую каѳедру. Тѣмъ понятнѣе намъ предсмертная молитва Меѳодія за цесаря. Приведенное выше извѣстіе житія св. Наума драгоцѣнно, какъ новое лишнее свидѣтельство о тѣсной связи и сношеніяхъ славянвянской моравской церкви съ Константинополемъ. Оно прекрасно гармонируетъ съ извѣстіями житія Меѳодія, сейчасъ нами приведенными. Въ то время какъ акты папы Стефана въ корнѣ подсѣкали славянскую церковь въ великой Моравіи, и у Святополка торжествовалъ Вихингъ съ своими единомышленниками, а дѣло славянскихъ первоучителей съ такою поразительной быстротой, можно сказать еще на свѣжей могилѣ Меѳодія, перваго славянскаго архіепископа, было погребено, чтобы болѣе не воскреснуть для западнаго славянства, какое иное отношеніе къ членамъ юной славянской церкви видимъ мы со стороны грековъ!

Въ Константинополѣ прибывшіе туда пресвитеры и діаконы принимаются съ полнымъ признаніемъ ихъ званія. Отъ ихъ доброй воли зависитъ, оставаться ли въ Византійской столицѣ, или отправиться въ сосѣднюю Болгарію. И въ томъ и въ другомъ случаѣ они ничего не теряютъ. Ихъ ожидаетъ миръ и тишина и попечительныя заботы представителей верховной власти того и другого государства.

Что же сталось съ той страной, которую покинули эти досточтимые страдальцы славянской церкви? Житіе говоритъ вслѣдъ за тѣмъ непосредственно о судьбахъ Моравіи. Несчастіе, постигшее эту страну послѣ рокового нашествія Венгровъ, объясняется какъ наказаніе божіе за беззаконія, за преслѣдованіе и изгнаніе учениковъ Кирилла и Меѳодія, за переходъ моравапъ на сторону еретиковъ, подъ которыми разумѣются представители іонаторской ереси, какъ ее называютъ славянскія житія первоучителей.

И здѣсь житіе св. Наума согласно съ житіемъ св. Климента. По словамъ этого послѣдняго Меѳодій убѣждалъ Святополка въ правотѣ ученія и устрашалъ его тѣмъ, что, если онъ присоединится къ еретикамъ, то погубитъ и себя и своихъ подданныхъ, сдѣлавшись удободоступнымъ и удобопобѣждаемымъ для враговъ.

Это послѣдуетъ съ княземъ послѣ его смерти, что и сбылось съ предсказаніями святого». Далѣе упоминается, что «Вихингъ преданъ былъ Меѳодіемъ съ анаѳемою сатанѣ вмѣстѣ съ сонмомъ людей, съ нимъ бѣсновавшихся».

Изъ латинскихъ источниковъ чешскаго происхожденія говоритъ о проклятіи, произнесенномъ Меѳодіемъ, Христіанъ: quapropter a pontifice beate memorie supra notato pagus ejus et rus cum habitantibus incolis anathemate percussa cum sulcis suis et fructibus diversis cladibus attrita usque in hodiernum diem defient[1]). Вполнѣ правъ проф. Пекаржъ, усматривая зависимость разсказа Христіана отъ греко-славянскаго преданія, сохранившагося въ житіи св. Климента. Подтвержденіе этому онъ видитъ и въ документальномъ источникѣ, какимъ является посланіе папы Стефана V къ Святополку, бывшее отвѣтомъ на жалобы и обвиненія противъ Меѳодія. Въ немъ читаются слѣдующія слова: «Мы слышали съ величайшимъ удивленіемъ, что Меѳодій заботится не о строеніи въ духѣ правды, а о неправильномъ ученіи, не о мирѣ, а о распряхъ. Если это такъ, какъ мы слышали, отвергаемъ вполнѣ его неправильное ученіе. Клятва же пусть падетъ на голову того, кто ее произнесетъ въ порицаніе католической вѣры. Ты же и народъ твой будете безъ вины предъ судомъ св. Духа, если только устоите въ непоколебимой вѣрѣ, которой учитъ святая римская церковь». Пекаржъ считаетъ безполезнымъ отвергать подлинность этого письма, потому что обвиненія со стороны папы, направленныя въ немъ противъ Меѳодія, повторены въ подлинной инструкціи того же папы апостольскимъ легатамъ, отправляемымъ къ славянамъ[2]). Сопоставляя эти мѣста папскаго посланія съ разсказомъ Христіана, Пекаржъ заключаетъ, что Христіанъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ хорошаго источника. Писатель, служившій ему источникомъ, жилъ вѣроятно въ половинѣ 10 столѣтія, когда гибель Моравіи была совершившимся фактомъ, онъ могъ легко возстановить проклятіе и гроз-

---

1) Pekař Ios., Nejstarší kronika česká. V Praze. 1903, стр. 14 текста.

2) Тамъ же, стр. 20—21 изслѣдованія.

пыя его послѣдствія въ такихъ выраженіяхъ, какія мы находимъ у Христіана, быть можетъ Христіанъ еще сгустилъ краски, потому что сравненіе борьбы Меѳодія съ борьбой въ Чехіи Войтеха должно было у него звучать какъ предостереженіе современникамъ [1]). Житіе святого Наума, упоминающее о пророчествѣ Меѳодія, подкрѣпляетъ основательность соображенія о существованіи предполагаемаго чешскимъ ученымъ источника Христіана.

Венгры, о приходѣ которыхъ говорится въ нашемъ житіи, названы пеонскимъ языкомъ — названіе, если не ошибаемся, впервые встрѣтившееся въ такомъ старомъ славянскомъ источникѣ, какъ житіе св. Наума. Мы можемъ указать это имя въ одной полемической статьѣ противъ латинянъ, составленіе которой А. Н. Поповъ относилъ къ XIV в., но А. С. Павловъ указалъ на то, что она находится въ оглавленіи къ извѣстному Архивскому сборнику XV в., который списанъ со списка 1261 г. Слѣдовательно и самая повѣсть явилась ранѣе этого времени.

Житіе говоритъ о полномъ опустошеніи страны. При этомъ очень важно указаніе, что не попавшіе въ плѣнъ Венграмъ бѣжали въ Болгарію. Вотъ, какимъ образомъ можетъ объясняться появленіе славянскихъ текстовъ съ слѣдами моравскаго происхожденія. Нашедшіе въ Болгаріи пріютъ мораване могли тамъ принять участіе въ литературной дѣятельности.

Намъ остается отмѣтить еще одно мѣсто житія, важное для исторіи славянской церкви. Авторъ Житія называетъ своимъ владыкой епископа дѣвольскаго Марка, ученика св. Климента. Это новое для насъ лицо, о которомъ до сихъ поръ не было нигдѣ упоминанія. Не менѣе интересно, что Маркъ считается четвертымъ епископомъ изъ славянъ въ дѣвольской епископіи.

Это нѣсколько странно на первый разъ. Въ житіи Климента этотъ св. названъ *первымъ* епископомъ въ народѣ болгарскомъ. А здѣсь его ученикъ *четвертый* въ Дѣволѣ. У Голубинскаго въ Исторіи славянскихъ церквей первое упоминаніе объ этой епар-

1) Тамъ же, стр. 20 изслѣдованія.

хіи относится къ 1199 г., онъ думалъ, что епархія эта открыта была до 1185 года. Теперь очевидно, что она существовала уже въ X в.

Вотъ тѣ интересныя данныя, которыя сообщаетъ намъ краткое, но богатое содержаніемъ житіе. Его безъимянный авторъ принадлежалъ, какъ видно, къ дѣвольскому клиру. Съ обычной скромностію отзывается онъ о своемъ книжномъ опытѣ. Однако онъ заслуживаетъ бóльшей похвалы. Онъ признается, что искалъ, только напрасно, болѣе пространнаго житія о святыхъ отцахъ, которыхъ называетъ блаженными, почему можно думать, что онъ писалъ уже послѣ ихъ смерти. Но онъ писалъ по ихъ разсказамъ, которые однако далеко не исчерпывали всего того, что они знали, но изъ скромности отъ него утаили. Теперь возникаетъ интересный вопросъ объ отношеніи житія св. Наума къ житіямъ св. Климента. Наше житіе начинается словами: и то братіе да не остапется безъ упоминанія, братъ сего блаженнаго Климента (о которомъ ранѣе ни слова), а немного ниже, гдѣ рѣчь о приглашеніи св. Наума на учительство, упоминается впервые о Симеонѣ такъ: *тъжде* благовѣрный царь Симеонъ, о которомъ ранѣе точно также ничего сказано не было. Невольно является мысль, не предшествовало ли житію св. Наума житіе св. Климента, въ которомъ была изложена его краткая біографія? Если да, тогда и понятны иначе странныя выше нами отмѣченныя мѣста. Противъ этого едва ли можно привести то мѣсто нашего житія, въ которомъ авторъ весьма опредѣленно заявляетъ, что, желая сохранить память блаженныхъ отецъ нашихъ, онъ искалъ житіе ихъ все написанно (людьми), которые бы знали ихъ жизнь отъ начала и до кончины, и такого житія не нашелъ. Вѣдь даже авторъ пространнаго греческаго житія Климента выражается о своемъ трудѣ такими словами: «Такъ и болгарскую страну просвѣтили въ послѣднія времена блаженные отцы и учители, сіявшіе ученіемъ и чудесами, житіемъ и словомъ явившись угодными передъ Богомъ, коихъ *всю жизнь* описать мнѣ хотѣлось, но это превосходитъ силы моего слова». Мы знаемъ,

насколько это житіе богато содержаніемъ, что касается Климента, разсказъ о жизни котораго поставленъ въ связь съ судьбой славянской церкви въ Моравіи въ послѣднее время жизни Меѳодія и послѣ его смерти. Но въ тоже время о другихъ сотоварищахъ по апостольскимъ трудамъ это житіе говоритъ очень мало, иногда называя только одни ихъ имена. Напримѣръ о св. Наумѣ почти ничего не могъ бы тамъ найти нашъ авторъ. Поэтому его признаніе безуспѣшности поисковъ подробнаго житія чтимыхъ имъ учениковъ Кирилла и Меѳодія нисколько не препятствуютъ, намъ кажется, допустить, что краткое житіе св. Климента, заключавшее фактическія данныя о судьбѣ моравской церкви по смерти Меѳодія и о дѣятельности Климента въ болгарской державѣ могло уже въ то время быть написано. Выше на своихъ мѣстахъ отмѣченныя нами совпаденія и согласія того и другого житія безъ сомнѣнія легко объясняются одинаковостію источника, какимъ могли быть прежде всего разсказы самихъ святыхъ. Такое краткое житіе св. Климента и предполагалось нѣкоторыми изслѣдователями, греческое Шафарикомъ, славянское Бодянскимъ. Подобное житіе, безъ сомнѣнія близкое къ эпохѣ славянскихъ первоучителей, могло позднѣе быть литературно обработано. Авторомъ такой обработки безъ сомнѣнія могъ быть только грекъ, и весьма вѣроятно, что такимъ былъ именно охридскій архіепископъ Ѳеофилактъ, какъ это предполагалъ Шафарикъ и въ послѣднее время утверждаетъ Н. Л. Туницкій[1]). Славянскія произведенія этой эпохи отличаются легкимъ и простымъ изложеніемъ. Во всякомъ случаѣ въ настоящемъ видѣ пространно-житіе, можно думать, явилось позднѣе житія Наума, если даже и не приписывать передѣлку Ѳеофилакту.

Указанными выше чертами, которыми настоящее житіе сближается съ житіемъ Меѳодія, по нашему мнѣнію подкрѣпляется для насъ и безъ того несомнѣнная достовѣрность пространныхъ славянскихъ житій.

---

1) Смотри его статью въ Сборникѣ въ честь В. И. Ламанскаго. Къ вопросу о происхожденіи и авторѣ Болгарской легенды т. II Сборника стр. 769—776

Авторъ житія, бывшій современникомъ непосредственныхъ учениковъ св. Климента, изъ числа которыхъ онъ называетъ епископа дѣвольскаго Марка, писалъ житіе, когда не только св. Наумъ и св. Климентъ, но и другіе ихъ современники уже скончались, что видно изъ названія ихъ блаженными отцами. Это значитъ, что онъ жилъ въ первой половинѣ X в.

Въ языкѣ житія, не смотря на поздній списокъ, въ которомъ оно дошло, замѣтны признаки старины. Нѣкоторыя слова, какъ видно рѣдки: съподроуга нѣтъ ни у Миклош., ни у Срезнев., състрастника у Срезн. одинъ примѣръ изъ минеи 1096 г. Интересна форма бенаткомъ Венеція, ср. чешское Benatky. Выраженія: продати на цѣнѣ ср. въ евангеліи тотъ же глаголъ съ на; почити о господи въ значеніи умереть, какъ и въ житіяхъ Кирилла и Меѳодія; царь моужа ср. въ евангеліи цсрѣ мѫжъ; доноудити се ср. у Срезнев. примѣръ изъ Пандектовъ Антіоха XI в.; игоумены въ текстѣ апостола въ значеніи наставники, сравни то же выраженіе въ житіи св. Кирилла; епископь ва словенскїи езыка, сравни употребленіе предлога ва въ житіи Меѳодія: наоученъ въ латынаскыя книги; правовѣрнъ, какъ и въ житіи Меѳодія.

Ради полноты мы напечатали и другое житіе св. Наума, въ славянскомъ переводѣ сохранившееся въ единственномъ спискѣ въ рукописи Народной бѣлградской библіотеки. Оно не сообщаетъ о св. Наумѣ ничего новаго и важнаго и представляетъ лишь историко-литературный интересъ, какъ памятникъ, относящійся къ чествованію на славянскомъ югѣ памяти первоучителей и ихъ учениковъ. Это житіе находится въ зависимости отъ греческаго житія св. Климента, какъ мы его знаемъ въ пространной редакціи. Въ отличіе отъ стараго житія св. Наума, которое даетъ намъ цѣлый рядъ данныхъ историческаго и біографическаго характера, это житіе касается и литературной дѣятельности Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ. Согласно греческому житію эта дѣятельность пріурочивается не только къ Моравіи, но и къ Болгаріи. Какъ и въ житіи Климента, гово-

рится о переводѣ священаго писанія съ греческаго языка на болгарскій, при чемъ поздній характеръ перевода объясняетъ прибавку выраженія «простой». Прежде чѣмъ начать проповѣдь, св. Кириллъ и Меѳодій, Наумъ и Климентъ и другіе совѣщаются между собой по этому дѣлу и рѣшаютъ сдѣлать извѣстнымъ свой переводъ соборной церкви. Авторъ греческаго житія, ни мало не смущаясь, говоритъ, что они спѣшатъ въ Римъ, слѣдуя примѣру апостола Павла, сообщавшаго апостоламъ о своемъ благовѣствованіи. Такъ же представляетъ это дѣло и авторъ службы и житія. Прибытіе ихъ въ Римъ, пріемъ, оказанный имъ папой, и чудеса, которыми ознаменовано было присутствіе ихъ въ Римѣ, разсказано близко къ греческому житію Климента. Рѣчь идетъ только о переводѣ священнаго писанія, ни слова о принесеніи мощей св. Климента. Нѣсколько отклонясь отъ своего оригинала, житіе говоритъ о томъ, что папа сличалъ славянскій текстъ перевода съ греческимъ, его одобрилъ и разрѣшилъ его употребленіе всѣмъ славянскимъ народамъ въ землѣ болгарской. Передъ возвращеніемъ въ свои страны папа со всѣмъ народомъ провожаетъ святыхъ, отправляющихся въ обратный путь.

Св. Кириллу помѣшала вернуться его кончина, дурно объясняемая въ житіи немощами глубокой старости. Св. Меѳодій съ Климентомъ, Наумомъ и прочими возвращаются въ Болгарію сначала морскимъ путемъ до Иллирика, а потомъ по сушѣ и достигаютъ земли нѣмецкой и венгерской, гдѣ вступаютъ въ борьбу съ послѣдователями ереси суемудреннаго Аполлинарія. Эта проповѣдь встрѣчаетъ противодѣйствіе, святые подвергаются преслѣдованію, заключаются въ темницу и освобождаются изъ нея чудеснымъ образомъ (согласно греческому пространному Житію св. Климента). Освобожденные изъ заключенія они уходятъ въ предѣлы Болгаріи, гдѣ радостно принимаются Борисомъ. Борисъ посылаетъ ихъ по всѣмъ городамъ и весямъ проповѣдовать имя Христово и учить св. писанію по исполненному ими переводу. Онъ предписываетъ своимъ вельможамъ оказывать святымъ всякое содѣйствіе и особенно помогать при построеніи церквей.

мца декебрїа кг. памѧть
прпбнаго оца нашего наѹма:
Сиже братїе да не оставимъ безъ
памѧти, брата его блаженнаго
климента. иже бѣ дроѹгъ и съвръ
стникъ. съ нимже и пострадавшо
сыне бѣды и страсти отъ еретикъ,
наѹмъ презвѵтерьскы. и егда по
ставиша епископа климента. тъ
жде благовѣрнїи црь сїмеонъ, иѹ
стинаѹма подрѹга и моѹ въ ино
гоже мѣсто на ѹчителство. и тъ
такожде по двизанїа на бгоѹгодїе
творе пребываше. дѣвство на вѣ
къ отъ дѣтства и до кончины. съ
твори сы монастирь на исходѣ
бѣла ѡзера црквь стго архагга.
и пребы въ ѹчителствѣ, з.
лѣ. просто не оучителства. и
шьдъ въ монастирь пожи, г. лѣть.
и на кончинѹ своѫ прїеть чрьны
часкїи ѡбразъ. пресъпочи ѡ гн,
в ѡмиръ мца декебрїа, кг. и есть
да есть вѣдомо. прѣже. Ѕ. лѣть
починѹ оумѣ презвѵтеръ епско
па климента. иеже вѣдомо
боудне бесѣдѣмь почитаныемѹ
иакоже прѣже написахѡ. яко
еретици ѡвы моучиша много.
а дроугыи продаше жидомъ на
цѣнѣ. презвитеры и дїакони
такожде жидове послашен в вѣ доч
нѣ бенатикомъ. и вънигда про
даахоуже построенїе бжїю. прїи
дѣже ниегда црь моужь кь бень
тикомъ, отъ констинтина града
црь дѣло дѣлае. и ѹвѣдѣвь они
и ... ихъ и искоупи црь моужь
и ... ихъ и пакопосла. къ бѣ
константинѹграды. и сказа

ѡнихъ чрновлѣнїю. и ѹстроиша е
пакы въ своѫ чины. и едины пре
свитеры и дїаконы, иакоже и прежде
бѣше. и оустроѧдаше. и инїи то
же въ бралскою иже оумрѣ. и ѡвїи
въ константинѣ градѣ. црьми
на бдимъ и покои прїеще. овы и
въ блъгарскоую землю пришьше въ
велико ю частїю покои прїеше.
а моравскаа земли, иакоже бѣ
прорекль стый мефодїе архїепи
скопъ. за беззаконїа дѣла мадїе
лныхъ, ерессы. и за изгнанїе пра
вовѣрныхъ оцъ. и за страсти
иже прїиша отъ еретикъ. иже
ѡныи вѣровавше, въ скоре бѣ мьсти
прїеше отъ бга. не по много бо же
лѣтѣ прїидоше оугри пеонскїи
езыкъ. и поплѣниши землю ихъ
и опоустиша. иже бо не по
плѣниша оугри. то въ блъгары
бѣжаше. и ѡста земля ихъ
поуста оугромъ въ власть. азже
братїе окаанныи много оупеча
ль и памети блаженныи оць нашихъ
ради. хотѣше обрѣсти иже
тїе ихъ въ всѣ написанно. иже ѡ
начала быше вѣлые въ житїи.
иакона дальзѣ и до кончины, и не
обретохъ. мало бо ѡ асъ вѣдѣ.
епископа же ихъ самни блаженныи
ѡтецъ исказаше. и нуждахъ се
писати и ни сами тѣ. хотѣ кьи
обрести написанно. да нѣще
аще кто обрѣщеть и не емни на пи
сано. да не зазритъ на ѹбогаи
нхъ и грѹбыинхъ. еще бо ѡ ли колико
жарего ѹчить скоро ... оцы. и
знаменїа сыи сьтвори многа. нъ се
епископа мы сказаше. а дроуга по

Житіе св. Наума Охридскаго.

Житіе св. Наума Охридскаго.

Св. Климентъ отправляется, взявъ съ собой Наума; они проповѣдуютъ главнымъ образомъ въ Охридѣ, а также въ Мисіи (такъ слѣдуетъ понимать искаженное Нишею) Паннонія и Травуніи[1]). Св. Климентъ дѣлается архіепископомъ на Моравѣ, пользуется помощью св. Наума, который послѣ его смерти переходитъ на другую сторону озера, тамъ поселяется и послѣ многихъ трудовъ и подвиговъ умираетъ. Житіе, какъ видно, очень расходится съ древнимъ почти во всемъ, что касается біографіи св. Наума.

Переводъ съ Мосхопольскаго изданія сдѣланъ въ позднее время. Сербская редакція перевода заключаетъ по мѣстамъ особенности, свойственныя македонскимъ краямъ, въ которыхъ, всего вѣроятнѣе и были переведены служба и заключающееся въ ней житіе.

Прибавимъ еще указаніе, гдѣ слѣдуетъ искать село Пискупіе, въ которомъ согласно записи (ср. стр. 2) переписано было древнее Житіе св. Наума, напечатанное подъ № I. Имя Пискупіи по словамъ Нушића стр. 125 названной выше книги носитъ село пониже Галичицы, которое лежитъ между Преспанскимъ и Охридскимъ озеромъ. Думаютъ, что въ немъ была епископія, установленная въ Дебрѣ св. Саввою въ 1221 г. съ храмомъ св. Николая. Кромѣ этого села еще три носятъ подобное имя. Это Пискупати на западномъ берегу Охридскаго озера, Пискупштина въ дебарскомъ Дримколу выше стружской равнины и Пискупіа у Маличскаго озера вблизи Корчи. Всего вѣроятнѣе, что въ записи разумѣется первое изъ этихъ селъ.

П. Лавровъ.

---

1) Славянскій переводъ въ этомъ мѣстѣ отступаетъ отъ греческаго оригинала, въ которомъ находимъ слѣдующее: καὶ καταφωτίζοντας μὲ τὸ κήρυγμα διαφόρους πόλεις καὶ ἐπαρχίας, τὴν Διάβυαν μάλιστα, τὴν Μυσίαν, τὴν Παννονίαν, τοὺς Τριβάλλους ἕως εἰς τὸ Ἰλλυρικόν. Εἰς δὲ τὸν τόπον τῆς Ἀχρίδος κατεστάθη Ἀρχιερεὺς и т. д. Смотри статью А. Ѳ. Гильфердинга: Греческая служба св. первоучителямъ славянскимъ и Житіе св. Наума болгарскаго Рус. Бес. 1859, II, стр. 143.

Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра.

XIII.

Въ интерлюдіяхъ польскихъ и украинскихъ авторовъ довольно часто выступаетъ мужикъ, chłop, въ качествѣ комической фигуры. Авторы школьныхъ драмъ пренебрежительно относятся къ простонародью. Особенно рельефно выдается это пренебреженіе, когда въ интерлюдіи выводятся вмѣстѣ школьники (студенты, «пиворѣзы») и мужики. Послѣдніе служатъ предметомъ издѣвательствъ для представителей «образованности». Такъ въ четвертой интерлюдіи М. Довгалевскаго къ «Властотворному образу человѣколюбія Божія» 1737 г. бурсаки «отмалевываютъ» довѣрчиваго мужика, замазывая ему лицо красками[1]). Пьяный хлопъ — главный персонажъ пьесы П. Барыни «Z chłopa król». Пьянаго же хлопа, попавшаго въ руки къ школярамъ находимъ мы и въ одной неизданной интерлюдіи, видимо относящейся къ серьезной пьесѣ на Рождество Христово «Dialogus de nativitate Domini, Crosnae expositus die 2 Jannuarii 1661 in ecclesia parochiali», дошедшей до насъ въ рукописномъ сборничкѣ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ подъ № 1125.

1) См. Ежегодникъ Импер. Театровъ, сезонъ 1897—98 гг., прилож. кн. 1, стр. 75 и другія продѣлки въ Истор. русск. театра Морозова и въ интерлюдіяхъ, изданныхъ въ Arch. f. sl. Ph. Brückner'омъ.

Этотъ небольшой сборникъ въ 8-ку, писанный въ XVII и XVIII вв. заключаетъ въ себѣ кромѣ статей религіознаго содержанія: — л. 64 — пьесу «Homo lapsus», представленную въ Кросьнѣ[1]) въ 1654 г., л. 104—119 — упомянутый «Dialogus de nativitate» и наконецъ двѣ интерлюдіи «Chłop piiany» и «Oszust» (лл. 120—125). Изъ этихъ пьесъ изданъ только «Dialogus»[2]), остальныя пьесы не изданы. Я имѣлъ намѣреніе издать ихъ полностью въ виду ихъ важности для исторіи украинской и русской литературы, но неожиданно натолкнулся на нѣкоторое препятствіе, о которомъ считаю не лишнимъ предупредить русскихъ ученыхъ имѣющихъ намѣреніе заниматься въ библ. Оссолинскихъ: согласно правиламъ этой библіотеки, мнѣ было разрѣшено только ознакомиться съ рукописью, но отнюдь не издавать интересующихъ меня пьесъ, такъ какъ — по объясненію неизмѣнно любезнаго библіотекаря д-ра Л. Бернацкаго—эти интерлюдіи уже списаны 8 лѣтъ тому назадъ д-ромъ Крчекомъ и онъ такимъ образомъ имѣетъ право пріоритета. Интересно знать, справляется ли напр. Импер. Публ. библіотека или библіотека Академіи Наукъ при занятіяхъ иностранныхъ ученыхъ рукописями, не были ли эти рукописи предметомъ изученія русскихъ ученыхъ, и охраняетъ ли такъ же ревниво пріоритетъ послѣднихъ? При такомъ порядкѣ гг. польскіе ученые изъ Галиціи не могли бы опубликовать ни одной статьи, извлеченной напр. изъ собранія Залусскихъ, принадлежащаго Импер. Публичной библіотекѣ. Во всякомъ случаѣ русскимъ ученымъ учрежденіямъ было бы далеко небезполезно ознакомиться съ печатными правилами «Zakładu nar. im. Ossolinskich» и принять къ свѣдѣнію ихъ строгость и нетерпимость. Не думаю, чтобы польскіе ученые привѣтствовали такое же къ нимъ отношеніе въ Петербургѣ, еслибъ имъ не выдавали рукописей, принадлежащихъ *публичному*, ученому учрежденію,

1) Въ Галиціи, на границѣ украинскаго и польскаго сплошного населенія.

2) «Jasiełka Krośnieńskie z roku 1661, ogłosił dr. Fr. Krček. Kraków, 1900 (odb. z Przegl. powszechnego).

или же — выдавали бы, но подъ условіемъ — не печатать извлеченій...

Итакъ, въ силу правилъ библіотеки Оссолинскихъ, я не могу издать *цѣликомъ* интерлюдій, упомянутыхъ выше. Тѣмъ не менѣе въ наиболѣе существенныхъ извлеченіяхъ я рѣшаюсь предложить ихъ вниманію историковъ русскаго и польскаго театра, такъ какъ едва ли цѣлесообразно ждать, можетъ быть, еще 8 лѣтъ, когда д-ру Krček'у заблагоразсудится приступить къ опубликованію пьесъ, извлеченныхъ имъ такъ давно изъ рукописи Оссолинскихъ.

Intermedium 1-mum «Chłop piiany» (л. 120 и сл.) начинается появленіемъ хлопа и бесѣдой его съ пономаремъ:

Chłop piiany.

Day nam, day nąm, day nąm, day nąm, hoy hoy!

Dzwonik.

Będziesz tu beczał, chłopie, boday cie zabito!

Chłop.

Spiewąm iako nie bęczę[1]), czy nie wolno mi to?

Dzwonik.

Trzebać by wolność kiiąm dać po grzesznym ciele.
Gdzieś sie upił, tamze becz, nie tu — przy kosciele.

Chłop.

To dobrze, zem sie upił, aboś mi kupował.
Obaczę, kto tu kogo będzie despektował.

Dzwonik.

Zły duch cie dał, boć musi bydz z tobą robota.

Chłop.

Eyże nie odrzekay mie, boć tez to sromota.

---

1) Кажется, раздѣленіе словъ неправильно.

Dzwonik.

Niechcesz isc z dobrą wolą, poydziesz po niewoli.
Rozumiesz, ze to beczysz w polu gdzieś na roli?
Postoy, dąm znać do szkoły...

Пономарь идетъ за подкрѣпленіемъ, а мужикъ бормоча укладывается спать тамъ, гдѣ его потревожили:

.... Choc tez nie postoię,
Zapłacił ia, com przepił, barzo się was boię!
Ey toć mie ozmażyło, niewiem, kędy biezec.
Pono mi sie tu przyidzie na zięmi przelezec.
Nie budciesz mię, bym kiiem kogo nie uderzył.
Wnet ia usnę naycięzey bym ięno przymierzył.

Послѣ этой, реалистично написанной сценки, какъ бы цѣликомъ взятой изъ жизни — являются школьники «scholares sex», которые сначала говорятъ между собою по-латыни, повинуясь школьному правилу, но затѣмъ переходятъ на польскій языкъ 1):

1. Ocius ad lusus cuncti veniamus amoenos,
Nil mage per menses gratum nobis duodenos.
Tempore quo soles sacros Paschae celebramus.
Tam modo nihil aliud praeter lusus faciamus.
2. Ergo agite, ô pueri, nostro sermone loquamur.
Aequum est, ut linguac quoque libertate fruamur.
3. To gadaymy po polsku, czegoż się boimy?
Wzdyc sie dosc po łacinie zawsze namowimy.
4. Ey, bracie, chłop tam lezy, podobno piiany.
5. Czyli go nie zabito?
6. Patrzcie ięno rany.

1) Въ рукописи рѣчь каждаго изъ шести отмѣчена цифрою, но часть цифръ срѣзана и нѣкоторыя рѣчи слиты. Слѣдуя рукописи, отмѣчаемъ рѣчи цифрами; прочтенное по догадкѣ — въ скобкахъ [ ].

[1.] Spic to złodziey, upił sie, oto iak wiprz chrapi.
Znac ten dobrze rad tabak y gorzałką trapi.
[2.] Słyszycie, wyrządzmy co temu piianicy.
[3.] Ale by nas nie potłukł porwon (?) szukienicy.
Tęnci to tu dzwonika mało nie uderzył.
Powiedał, że sie kiięm iuz był nąń zamierzył.
4. Nizci by on wstał z meysca, my pouciekąmy
A kiięm mu przez płecy kilka razy dąmy.

Школьники начинаютъ издѣваться надъ пьянымъ, выдумывая различныя продѣлки; это мѣсто интермедіи особенно характерно— и для автора, и для среды, въ которой представлялись подобныя пьесы.

....Wziąć by mu tęn kii z garsci aza nie poczuie.
2. Pomałuż go wyciągay, bo cie zasmarnie.
5. Uymiszmy go za nogi, zawleczmy gdzie w wodę!
Ba lepiey by mu wąsy ustrzęgnąc y brodę.
Mąm ia sam nożyczki, dobrze się tratiło.
Urznę mu wnet; będziesz sie, chłopisko wstydziło.
3. Albo mu narznąc ucha, zeby mu wisiało?
5. Ale by zaraz ocknął, bo by go bolało? ||
Piorko mu choć kokosze za czapkę zatkniemy,
A gębę mu uczernim, to się nasmięiemy.
2. Albo kretą ubielmy, by był iak umarły.
1. Poczuł by, iakby mu się policzki natarły.
3. Więc mu przypiąc ostrogi, albo narznąc gęby,
Coby sie iak smiał wszytko, ukazuiąc zęby.
4. Pieczęcią mu na czele iaki znak wyrazic.
6. Nogi mu lepiey spętac, coby nie mogł łazic.
1. Albo nasuć w nos pieprzu.
2. Ba z listy wypra[wic]
Papierek zapaliwszy między spary wstawic.
3. Naylepiey by go smołą obłepic a pierzem

A dzwonki mu uwiązac iakie za kołnierzem,
Co zywo by na dziwy do niego biezało.
6. Pięniędzy sie u niego ieszcze nie patrzało.
1. Mać błazna, nie pięniądze; pustka[1]) to w kalecie:
Niemasz nic, ani w złocie, ani tez w monecie;
A to go nátym mieyscu naylepiey przykować,
Boc to co wiedziec poki będzięm tak wotować.
A więm, ze nie poczuie przybiwszy gwozdziami,
Tylko go przepaszęmy tęmi rzęmieniami.
4. Ba lepiey by swiderkiem przewierciec niz pukać.
1. Gwozdzi ięno z obuchęm, gdziesz swiderka szukać.
2. Owo gwozdzie zelazne.
5. Więc kiiem przybiiac.
6. Mąm ia sam siekierką tylko ręki miiac.
[1.] Dobrze, to mu napierwey przybiięmy nogi.

Послѣ этихъ переговоровъ, школьники крѣпко связываютъ мужика, который «śpi iako drzewo», и хотятъ его теперь разбудить; одинъ изъ нихъ предлагаетъ позабавиться пробужденіемъ мужика. Они наперерывъ кричатъ ему.

[1.] Trzeba by go nąm ieszcze inaczey połudzic:
Pokryimysz się a z kuta[2]) będzięm nąń wołali;
Skoro ocknie, będziem go Wrzkomo żałowali.
2. Zawołay ze nąń ktory.
1. Słyszałes, sąmsiadku,
Cos mu sie tez tam teraz marzy na ostatku,
3. Słyszałes, bodas ogłuchł.
4. Ocknii się, kamięniu!
5. A wstąń, wstąń do roboty, iuz ci to czas, lęniu!
6. Spi twardo, day go katu; wstańze, podz do zuru.

---

1) Въ рукописи неразборчиво, можетъ быть «pustkie».

2) Такъ въ рукописи — «z kuta», а не «z kąta», какъ можно было бы ожидать.

5. Cisnąc nąń poday ieno ktory cegły z muru. ||
1. Ba tym go kiięm tracic, wzdyc przecie poczuie.
4. Trąć ze a skryi się, niech sie namorduie.

Брошенный камень оказываетъ свое дѣйствіе: хлопъ просыпается и не можетъ сразу понять, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось:

Co sie to zemną dzieie, a gdziesz ia to, zono?
Albo mie do gąsiara we dworze wsadzono?
Lezęc ia to ta kędys w izbiez, czy w stodole?
Ale ze niebo widac, podobnoc to pole.
Do miasta ia był poszedł, czym gdzie nie zabłądził,
A niewiem nieboraczek com sobie wyrządził.
Ziemia to, czyli łoszko? Cos ci nie miękkiego.
Ale by tak nie było łoszka szerokiego.
Niczym nię mogę władnąc. Scisnęło mi ręcę.
Gdzieści ia to niewoli podobno na męcę.
Ale ze mi nie przecię tak barzo nie boli.
Naycięzey, że rąk nie mąm y głowy powoli.
Niewola coż sie stało zęmną takowego
Coz sie to przytrafiło strzez Boze, dziwnego.
Sidło to tu na zwierza pewnie bydz musiało,
I mnie iakies niesczęscie do niego wegnało.
Nic inszego! inz tu w nim będę pokutował,
Az by sie kto natrafił y mnie poratował.
Rata przebog! Nie słychac w lesie to tu pono,
Boday to nie na wilki było zostawiono. ||

На крикъ хлопа подходятъ школяры, притворно выражая сочувствіе:

5. A coz ci to nieboze?

Chłop.

Wpadłem w coś dziwnego!
Ey, moie paniąteczko, ratuycie nędznego.

5. Dawnosci się to stało?

Chłop.

Zda mi się, ze wczora.

Школьники распрашиваютъ мужика, какъ онъ попалъ въ бѣду, онъ объясняетъ:

....Poszedłem do miasta,
A wtenczas moia zę mną nie była niewiasta.
Ja napiwszy się trochę sąmęm szedł do sioła,
Więc co mi sie to stało w drodze, nie więm zgoła.

Школьникъ наставительно вопрошаетъ:

Znac ze sie to rad upiiasz?

Мужикъ зарекается никогда не пить — безъ жены:

....Do śmierci nie będę
Ani nigdy bez zony moiey nie zasiędę,
Bo by ona mnie była, tu wpadnąc nie dała.
Więm, ze sie będzie barzo o mnie frasowała.
Ey, ratuyciesz mie rychło!

Шестой школьникъ приглашаетъ товарищей спасать мужика, чтобы получить награду. Мужикъ освобожденъ, онъ осматриваетъ себя въ крайнемъ удивленіи:

....ten ia, czyli nie tęn? A gdziesz moia broda?
Miał ci ia dłuszszą, niz to!
Пятый школьникъ утѣшаетъ:
Nie wielkać to szkoda!

И всѣ смѣются, что у него вчерашній медъ отгрызъ бороду.
Непосредственно за изложенной интермедіей 1-й въ рукописи слѣдуетъ intermedium 3-tium, второй интермедіи нѣтъ и далѣе.

Въ третьей интермедіи, озаглавленной «Oszust», выступаетъ плутъ, обманщикъ, продающій оружіе. Плутовъ, подъ видомъ торговли обманывающихъ публику, особенно же деревенскихъ простаковъ—очень охотно изображали авторы польскихъ, украинскихъ и русскихъ интермедій; въ извѣстномъ трудѣ П. О. Морозова (Истор. р. театра, I) и Н. И. Петрова (Очерки украинск. литер. XVIII ст.) собранъ значительный матеріалъ для характеристики этого любимаго персонажа старинной драмы.

Въ интермедіи рук. Ossol. № 1125 (л. 123 и сл.) плутъ появляется на сцену со словами:

Kup u mnie kto tę zbroię, nie będę sie drozẏł:
Jam tez dostał od tego, co był zle połozẏł.
Prędko nie będę czekał, podz ią kto targować,
Wiem pewnie, kto ią kupi, nie będzie załować.
Ślubuię nie ledaco, co zbroia — to zbroia.
I sąm bẏm ieẏ nie zbẏwał, bẏ nie bieda[1]) mo[ia]
Coz iest? nikt iey nie spyta; iuz to znac niedbaią
O oręze, albo ich nazbẏt pewnie maią.

Онъ оборачиваетъ къ солнцу свой товаръ, чтобы всѣмъ было его видно, и чтобы скорѣе нашелся покупатель. Кричитъ, но безъ результата. Тогда пускается на хитрость: надѣваетъ на себя вооруженіе и ложится на землю, какъ бы мертвый. Подходитъ съ пѣсней Мазуръ:

Eẏ Boze, przecię niemasz iak nasza kra[ina],
Zadna sie tak wesoła nie naydzie dziedzina,

и нѣтъ пѣсенъ лучше мазурскихъ. Мазуру все здѣсь не нравится:

Darmom sie ia tu do tey przywąkroił[2]) Rusi.
Juz to prozno, pewnie sie nazad wrocic musi.

---

1) Надъ этимъ словомъ въ рукописи надписанъ варіантъ «nędza».
2) = Przywędrował.

Мазуръ замѣчаетъ плута въ вооруженіи и наивно удивляется:

Smieszny to iakis człowiek: zelaza połowa!
Jaki tam bol ta matka cięszki ponosiła,
Gdy̆ tego zelaznego człowieka rodziła!

Онъ принимаетъ плута за убитаго, жалѣетъ его и рѣшается взять добычу:

Wezmęc ia to zelazo. Bog ci mnie to zdarzył.
Kiedy by̆ zdiąc iako?

Разсматривая, удивляется людямъ, выдумавшимъ платья и шапки изъ желѣза. Но когда Мазуръ начинаетъ раздѣвать плута, этотъ послѣдній просыпается и начинаетъ кричать, что его хотятъ ограбить. Въ споръ вступаетъ подвернувшійся Русинъ (л. 125):

Rusin.

A szto to, panowie?

Oszust.

Chciał mię odrzec ten Mazur!

Rusin.

Ot psy mazurow[ie]!
Tobie lekceważut y̆ tak powidaiut,
Ize Ruś od ruchania perezwisko maiut.
A czem to wy sami, wy̆ bulsze ruszaiete,
Przecie swoie łotrowsta ná nas składaiete!

Mazur.

Moy̆ Panie, ratuyciesz mie, bo iuz pewnie zgine!

Oszust.

O wierę iuz, przy̆znawasz teraz swoię winę?

Rusin.

Jescze tebe złodẏiu maiu ratowatẏ,
A kat ze tobie kazał ludẏ odzieratẏ?

Oszust.

Oto iescze są znaki!

Rusin.

A stosz te dẏali,
Zeste sebe we zbroiu teper iuberali?

Плутъ разсказываетъ, будто бы онъ, утомившись, легъ заснуть, а этотъ разбойникъ-Мазуръ могъ бы его убить, если бы онъ во время не проснулся.

Rusin.

O bochme, treba thogo złodẏia skaraty!

Mazur.

Moẏ Panie, zmiłuyciesz sie!

Rusin.

Jako zmiłowa[ty]?

Плутъ идетъ къ цѣли: угрожаетъ Мазуру, что ему еще придется *заплатить* штрафъ за такія дѣла. Но Русинъ не догадывается, что передъ нимъ мошенникъ.

Rusin.

Daẏ ioko do prawa.
Welikaia budet z tẏm człowiekim sprawa.
Tylko lẏpsze ze persze zbroiu z sia zdeẏmiete,
Bo iak by wąm utekał, tak nezduzaete.

Oszust.

Potrzymaẏ go mi ieno.

Rusin.

Harast potrzymaiu.

Oszust.

Day ze ieno sąm pierwey ten karwasz ultaiu.

Мазуръ плачется, а Русинъ приговариваетъ:

A sztosz tobe za krywda, y iescze przeklinaiesz.
Czy kto tobe w tym iest krzÿw? czemu odzieraiesz?

Однако въ заключеніе — Мазуръ убѣгаетъ съ оружіемъ отъ обоихъ, оказываясь лучшимъ обманщикомъ, чѣмъ собиравшійся перехитрить его плутъ.

Этимъ кончаются интермедіи. Отъ четвертой осталось всего полторы строчки, зачеркнутыя писцомъ.

Мы намѣренно извлекли всѣ рѣчи Русина; обычно въ польскихъ интермедіяхъ выступаютъ бѣлоруссы, рѣже украинцы. Русинъ въ нашей интермедіи говоритъ на мѣстномъ языкѣ: то слышатся бѣлоруссизмы (odzieraty, szto, tobie), то украинизмы (lÿpsze, dÿali = дѣяли, bulsze), то полонизмы, вполнѣ, впрочемъ понятные въ польской пьесѣ.

XIV.

Уже въ 1904 г. когда на страницахъ «Извѣстій» появилось описаніе рукописей Народнаго Дома во Львовѣ, составленное д-ромъ И. С. Свенцицкимъ, я заинтересовался рук. № 172 *(164)*, содержащей среди виршъ, орацій, казань — между прочимъ и «Сцену 5-ю, албо вихождение 5-ое мистеріи «Рождество Хво» (Душа грѣшная, тѣло грѣшное, мылосердие бозкое) и сцену 6-ю (Захарія, Анна, ангелъ, Іосифъ), л. 1—10»; нѣсколько ниже составитель описанія отмѣтилъ въ той же рукописи «Проліогъ на

Рождество Хво: «Премѣнивши фрасунокъ на горную радость, отложимо отъ себе грѣховную сладость», ...115 л.»[1]).

Прежде, чѣмъ я могъ непосредственно ознакомиться съ рукописью, вышли двѣ работы: 1) д-ра I. Франка, «До історії українського вертепа XVIII в.» (1906. Львів) и 2) упомянутаго д-ра Свенцицкаго «Архангелови вѣщання Маріи і благовіщенська містерія» (1907. Львів). Мнѣ сначала казалось страннымъ, почему д-ръ Франко не воспользовался указаннымъ текстомъ рождественской мистеріи—но оказалось, что мистерія къ Рождеству имѣетъ лишь весьма отдаленное отношеніе. Тогда пришлось удивляться, почему д-ръ Свенцицкій, первый въ 1904 г. давшій извѣстіе о пьесѣ, не воспользовался ею въ своей работѣ объ «Архангеловыхъ вѣщаніяхъ», хотя въ небрежности къ литературѣ предмета г. Свенцицкаго обвинить нельзя; онъ напротивъ того, даже слишкомъ старается, привлекая къ сюжету Благовѣщенія даже такія пьесы, какъ комедію объ Адамѣ и Еввѣ, случайно попавшую на придворную московскую сцену въ XVII в. и никакого отношенія къ Благовѣщенію не имѣющую.

А между тѣмъ пьеса сохранившаяся въ сборникѣ Народнаго Дома № 164 по своему плану представляетъ скорѣе всего мистерію на Благовѣщеніе. По ближайшемъ ознакомленіи съ рукописью выяснилось, что свѣдѣнія о драматическихъ отрывкахъ въ ней заключающихся, слѣдуетъ нѣсколько дополнить и исправить: Прежде всего на л. 1 «Сцена Пятаѧ»..., на л. 3 — «Сцена шѣтаѧ»..., на л. 6 — «Сцена семаѧ»..., на л. 7 обор. — «Интерѵмедиꙋмъ», въ которомъ выступаютъ жидъ съ русиномъ— до 10 л. включительно: на л. 10 обор. — «Епѣлиоґъ на Роѫдество Хво»; наконецъ на л. 115 полууставомъ «Прологъ на Рождество Хво». Безъ сомнѣнія мы имѣемъ три отрывка, другъ съ другомъ не связанные, или, если связанные, то такимъ образомъ: одну группу образуютъ сцены 5, 6, 7 съ интермедіей, къ другой пьесѣ = относятся прологъ и эпилогъ.

1) И. С. Свенцицкій, Церковно- и русско-славянскія рукописи Публичной библіотеки Нар. Дома во Львовѣ, 1904, стр 56, 57.

Прежде всего — скажу нѣсколько словъ о сохранности рукописи: она дошла до насъ въ крайне жалкомъ состояніи, начало оторвано, чернило выцвѣло, такъ что порою написанное съ трудомъ подвергается чтенію; кромѣ того на углахъ и по краямъ рукопись стерлась и истлѣла, почему кое что пришлось возстановлять по догадкѣ. Эта трудночитаемость рукописи, вѣроятно, и повлекла за собою нѣсколько пренебрежительное къ ней отношеніе перваго ея описателя.

Приводимъ за симъ полностью всѣ отрывки, заключающіеся въ рукописи № 164, по порядку.

Л. 1. **Сцена Пѧтаѧ, албо Исходненіе Пѧ‹тое›.**

Дш҃а грѣшнаѧ виходит. . . . .[1])
Ахъ смꙋткꙋ мой незпосний, (где мой днес) [2]) жалю ‹несказа›-
пний [3]).
Где то мой ѡблюбеный Подѣлъ сѧ кохаий.
Гдѣ бымъ его я знашла [4]), ѧ Дш҃а грѣшнаѧ,
С котрого бымъ сѧ стала вѣчне потѣшнаѧ.
Ахъ жалю мой великий, ꙋтратилам Бг҃а.
Привиталам Темъпости, ахъ Дш҃а ꙋбога.
Свѣтлости веселаѧ, ах, где сѧ подѣла?
Плачу ревно, жемъ тебе давно южъ видѣла.
Змилꙋйсѧ, ѿ Бж҃е мой, Творче справедливи,
Ѡбачъ мой Плач и лѧментъ, Пане, жалобливий
Ѡтомъ тѧ, клейноте мой, втратила дорогий,
Бж҃е Творче, Скарбе мой, ах жалю мой многий
Вислухай мѧ, на нб҃ѣ кролюючий Бж҃е,
Бо нѣхто мѧ в жалю томъ Пѡмогъти [5]) ‹не може.› ||

1) Два слова не разобраны.

2) Слова въ скобкахъ ( ) въ рукописи зачеркнуты.

3) Добавленное по догадкѣ въ скобкахъ ‹ ›.

4) ? Можетъ быть: изнайшла?

5) Можетъ быть, слѣдуетъ читать: «Пѡмогъчи» — *т* и *ч* въ этой рукописи очень сходны.

1 об. Тѣло мое грѣшъное, що^м то ти вчинило,
Же й мене исебе Бг҃ꙋ ѡбвинило.

Тѣло грѣшное до Дш҃и мови^т.

Ахъ, Дш҃е, не диву^йсѧ, свѣтъ мене ѽшꙋкалъ,
И Пеклꙋ ро^скошами своими поꙁи^свкалъ.
Бом ѥ, Тѣло грѣшное, в^сѣ тѣ[1]) сѧ кохало,
Ꙁа що мене нещ҃атѧ ꙁ тобою поткало.
Треба, Дш҃е Грѣшнаѧ, Гд҃а благати
И до него ꙁ слеꙁами ꙁавше прибѣгати.
<А>бы милосе^рдие свое до на҃ послалъ,
И ѧко Па^н м҃лтю своею допомагалъ
Мене, Тѣло грѣшное, Дш҃е иꙁъ тобою.
Припади со слеꙁами до него ꙁо мъною.

Ту^т Дш҃а припавши на колѣна иꙁъ тѣло^м грѣшни^м, ѡбе^рнꙋвши ѽчи до неба, волаю^т:

Дш҃а с Тѣломъ. ||

Л. 2. Бж҃е, Тво^рче ла^скави^й, ꙁмилꙋйсѧ на^д нами,
Пошли милосе^рдие, неха^й бꙋде^т ꙁ нами,
Бо҃ ти нашъ Сотворитель и Па^н н҃ба мо^цни^й;
Бу^д же на^м милосе^рднимъ, вѣчни^й и ве^ли^мо^жни^й.
А пошли іс претола помоцъ намъ своего,
Ѹжалу^йсѧ ꙋ^спакꙋ^й Дш҃и и моего.
Ѩ тѣло грѣхомъ бри^дки^м е^стемъ ꙁмаꙁа^нное,
И на мꙋки ꙁ Дш҃ею е^стемъ скаꙁа^нное.
Ꙁмилꙋ^йсѧ, ѡ нашъ Пане и ла^скави^й Бж҃е,
Бо нѣхто на҃ ис пекла ви^рвати не може.

М҃лрдіе Бж҃ое иꙁъ свѣчою ꙁапале^нною:

Тѣло грѣшное и ти, грѣхомъ ꙁтемънѣлаѧ
Дш҃е, бꙋдъ н҃нѣ мною ѧкъ пе^рше свѣтлаѧ.

---

1) М. б., слѣдуетъ исправить: «в^сѣ^х тѣ^х»

Е^с^темъ Млрдіе пре^д^вѣчнаго Бга,
Для тебемъ ту^т^ 1) зстѫпило, абы^с^ ти ѫбога
До Бога^т^ства вѣчнаго з тѣломъ поступила.
Ѡто Мт̑ь Бжая тебе ѡ^д^кѫпила.. ||
2 об. Ѡто нн̑ѣ Бг̑ъ в тѣлѣ самъ з па^н^ни ся роди^т^,
Тебе такъ же до Нб̑а з Дш̑ею ѫводи^т^.
Ю^ж^ взялъ твои на себе, яко Творецъ грѣхи,
Тебе нн̑ѣ пабавилъ вѣчнои потѣхи.
Ꙗ то Милосе^р^дие Бга превѣчнаго
Послало^м^ его Сн̑а па свѣтъ безълѣтнаго,
Бы всѣ зепсова^н^ние речи ту^т^ 2) направилъ,
А тебе из Дш̑ею ѫ нб̑ѣ поставилъ.
Не фрасѫ^й^ся, грѣшная Дш̑е, и ти, Тѣло,
Поступѫ^й^же до нб̑а изо мъною смѣло.
Бо то^т^ ва^с^ ю^ж^ розвязалъ из грѣхов темности,
А впровадилъ до своей нб̑по^й^ свѣтлости.

Дш̑а Грѣшная.

Ахъ, блг̑одарѫжъ тебе з Тѣло^м^, Тво^р^ца мого,
〈Що〉 намъ грѣшни^м^ ѫзичилъ милосе^р^дя свого.

〈Т〉у^т^ поклонившися Мл̑рдію бж̑омѫ, Дш̑а и Тѣло 〈ѡт〉ходятъ во своя си, з Милосе^р^діемъ бж̑имъ.

Конецъ пятои сцени. ||

Л. 3. Сцена шѐтая ѧлбо исхо^ж^дение шѐтое.

Захария напере^д^ ви^й^де^т^ Ст̑лъ, И ѫсяде^т^ собѣ на ѡк. . . . 3), а потомъ Іѡакимъ из' Анъною же^р^тву винесуть.

Захария Ст̑лъ.

Іоакиме ста^р^че, где то такъ идешъ,
Що то вдячъного из жоною несешъ?

1) Надстрочная буква неясна; возможно чтеніе: «ту^т^».
2) Можетъ быть, слѣдуетъ читать: «ту^ж^».
3) Конецъ слова не разобранъ. Можетъ быть, «на ѡкрѫжіи»?

Іωакимъ.

Бг҃ꙋ несꙋ ωвчатко на жертву ωддати,
Да[1]) ли бымъ моглъ ѿ него ласкꙋ ѿримати.
А ти ʒас, ст҃лю, прийми, що приношꙋ,
А оѳѣрꙋ ʒа мене велце Бг҃ꙋ прошꙋ.

Ʒахарія.

Іωакиме старче, любъ тя прогнѣваю,
Не ꙋчиню я того, и волѣ не маю.
Бо Вижъ[2]) есте сꙋрово Бг҃а прогнѣвали,
Ижъ ѐте до старости потомъства не мали.
Идѣтежъ пред ѿ Домꙋ Бж҃ого Ст҃го,
Поневаж негоднисте вступити до него.

Іωакимъ ляментуетъ:

Ахъ же мнѣ мѣʒерномꙋ, що чинити маю? ||
3 об. На тебе, ω Бж҃е мой, тилко ꙋповаю.
Не ωддаляй ωд себе мене, Створителю,
А дарꙋй мя потомъствомъ, мой потѣшителю.
Нехай гадби ωд людий не бꙋдꙋ ʒносити,
Твое имя Ст҃ое в свѣтѣ голосити.
Еднакъ я тобѣ, жоно моя, ωзнаймꙋю,
Ижъ ся (тобѣ)[3]) тебе не рихло видѣть ωбѣцꙋю.
Пойдꙋ бо я в пꙋ̑тиню, где сут стада мои,
Аʒали тамъ в старости скончꙋ лѣта свои.
И ѿходит.

Анна ляментуетъ:

Ахъ же минѣ мѣʒерной, що чинити маю!
На тебе, ахъ Бж҃е мой, тилко ꙋповаю.

---

1) Можетъ быть, «За», «Аʒа»... (ср. ниже въ слѣдующей рѣчи Іоакима
2) Сомнительное чтеніе; похоже и на «Кдижъ».
3) Зачеркнуто въ рукописи.

Е[н] ҙмилꙋ[й]ся, Пане мо[й], на[д] ꙋтрапле[н]ною,
А ѡ[д] твое[й] м҃ти ю[ж] ѡставле[н]ную.
Албовѣмъ ҙвѣрь и пта[ш]ство гнѣ[з]да свои маю[т],
А ꙋсѣ ҙ твое[й] ла[с]ки дѣто[ч]ки раждаютъ.
Тилко я на семъ свѣтѣ е҃темъ нещ҃аною,
Ижемъ ся е[д]на стала, Бж҃е, беҙъча[д]ною.
Ҙмилу[й]ся а да[й] минѣ, Бж҃е мо[й], потомъство,
Вспомни на то[й] жалъ смꙋтъни[й] такъже и сиро[т]ство. ||

.І. 4. Аг҃глъ бж҃ий бл҃говѣсти[т] Аннѣ, же мѣе[т] породити Прест҃ꙋю Па[н]нꙋ, которая стане[т] ся ма[т]кою Хв҃ою.

Аг҃глъ.

Ан[н]о, рабо бж҃ая, чомъ ҙ жалемъ волаешъ?
Переста[н] ю[ж] тужити, ...[1]) радо[ст] маешъ.
Южъ ꙋслышалъ пла[ч] Бг҃ъ, тво[й] и мꙋжа твоего:
Ҙачнешъ во ꙋтробѣ свое[й] Дщe[р] сла[д]кꙋ ѿ него,
Котрая славнѣ[й]шая буде[т] на[д] все.....[2])
А имя такъ Мр҃їя да[н]ное бꙋде[т]...[3])
На тую самъ Бг҃ъ поиҙритъ ҙ високо҃ти н҃ба,
Бо гдижъ такъ емꙋ была пре[д] вѣки потреба.
Иди ю[ж] ис покоемъ до домꙋ своего,
А южъ не фрасꙋ[й] се[р]дца ꙋтѣлѣ твоего.

Анпъна.

Бл҃годару жъ тя, Творца и Бг҃а моего,
Неха[й] минѣ стане[т] ся ве[д]лугъ слова твоего.

Тꙋ[т] заспѣвають «ѡ Мр҃іе и дв҃це, пречт҃ая <Голубице>»[4]),

---

1) Неразборчиво; вѣроятно, слѣдуетъ читать «ѡто»; менѣе вѣроятно «бо ти».

2) Кажется, слѣдуетъ читать: «на[д] весь ро[д] тви[й]»(?)—или «....тву[й]».

3) Кажется: «ю[ж]».

4) Или <Владичице>. Слово вытерлось; это — начало извѣстныхъ псальмъ, по которымъ и возстановляемъ утраченное.

а по спѣваню виходи[т] Іωаки[м] и приводи[т] до ‹Захарии›[1]) пречтую Па[н]ну, ве[д]лу[г] нимъ, въ тро[х] ꙗко бы лѣтехъ. ||

4 об. Захариꙗ до Іωакима мовить:

А щожъ то, ω Іωакиме ста[р]че?

Іωакимъ.

Ви[и]дъ, стлю мо[й], Захарие ωтче.
Сию трилѣтствующ8 Дще[р] и дочк8 наш8
Привелимо в Домъ бжий и в' ωпек8 ваш8.
Неха[й] южъ сл8жи[т] Бгу, ꙗкомо ωбецали,
Ижемо до старости потомства не мали.

Захариꙗ.

Іωакиме ста[р]че, добрий то совѣтъ маешъ,
Же щир8ю офѣр8 Бгви ω[д]даешъ.
Ꙗко негди Авраамъ едного сина мѣлъ
И того в же[р]тв8 Бг8 ω[д]дати хотѣлъ;
Такъ же и ты длꙗ вѣри дѣла показ8ешъ.
За[т] же то ве[д]лу[г] волѣ бжой сꙗ справ8ешъ.
Е[д]накъ же малаꙗ Дще[р], абы не тужила,
......[2]) при матери своей мало що пожила.

Мрїꙗ Пречтаꙗ па[н]на.

Тако[ж][3]) то ꙗ маю, ωтче мо[й] тужити,
А[4]) хоч8 то рабою Бг8 вѣчне быти. ||
Л. 5. Не маю мысли тако[й], бымь на[д] Бга моего
Правдивше шановала родича своего.
Албовѣмь Бгъ мо[й] ωтцъ, нба сотворитель,
То[т]то е[ст] всѣхь ωпек8[н], такъ же и ко[р]митель.

---

1) Край рукописи затертъ; возстановлено по догадкѣ; можетъ быть, лучше: «до храм8», «до цркви».
2) Слово вытерто отъ ветхости; предлагаю добавить: «Неха[й] бы».
3) Первая буква неясна.
4) Неясно.

Ꙁахария, дивуючи ся тако[ж]

ротропънъти пречтои Па[н]ни:

Благослове[н] еси Боже Ізраіл[ь]ски[й], (который просвѣ) [1])
Которий просвѣщае[ш] умилъ младе[н]чеки[й].
Благослове[н]ний пло[д] тво[й], ѡ Ан[н]о госпоже,
Котори[й] Богъ улюбилъ и собѣ вꙁя[т] може.
Идѣтежъ ис покое[м] до Дому своего,
А жи[й]те в ла[с]це стой Бга пре[д]вѣчнаго.

Ту[т] престала Бца буде[т] мешкати в церквѣ Соломоново[й], а Ꙁахария призывае[т] Іѡсифа до себе, хотячи ему ꙁлецити у ѡпеку пречтую Па[н]ну.

Ꙁахария стль.

Іѡсифе, сыну мо[й], ꙁ Дому Д[а]дового,
Вѣдаешъ ли ти та[й]ну Бга Іилкого,
На що минѣ тебе Бгъ каꙁалъ ту[т] приꙁвати? ||
5 об. Абы схотѣлъ чтую Паня[н]ку приняти,
А при[й]нявши, стережи Дѣтва еи пилно,
Упоминаю тебе и прошу усильно.

Іѡсифъ.

Не мо[ж]на, стлю, тое мнѣ вчинити:
Я убоги[й] ремесникъ, ꙁавше ꙁвиклъ робити.
Хожу [2]) ча[с]токро[т] ꙁ Дому моего на дѣла:
О томь [3]) абы не прелще[н]на ꙁо[с]тала ся Два,
Бо то речь великая согрѣшити Тво[р]цу,
Живота и Дшъ вѣчному Доꙁо[р]цу.
Боюся аꙁъ на старо[ст] вс...[4]) свого нинѣ,
Абы кля[т]ва бжия не пала на минѣ.

---

1) Въ скобкахъ—зачеркнутое въ рукописи.
2) Неясно; прочтено по догадкѣ.
3) Чтеніе сомнительное. Можетъ быть слѣдуетъ читать «Отожъ»?
4) Неразобрано; можетъ быть, «всего»?

Ȥахариꙗ.

Ї҃ѡсифе небоⷨ҇сꙗ приꙗти стоп,
Бо самъ Бг҃ъ еⷭ҇ сторожемъ чи҃тости опои.
Тоⷮ[1]), котриⷨ ȥвиклъ в Дн҃ь ꙗ҃нпⷨ опои хранити,
Тоⷮ же бꙋдеⷮ и в ночи такъ же боронити.

Ѡсифъ.

[Ne]хаⷨ же бꙋдетъ волꙗ в томъ Бг҃а ст҃го. ||
Л. 6. А ꙗ не ȥбранꙗюсꙗ, ст҃лю, того.
Бꙋдь же Бж҃е похвалеⷨ в той моеⷨ пильности,
А даⷨ мнѣ раȥꙋмъ на то ȥ боȥкоⷨ ѡпаⷮрности.
Бо҃ ти еⷭ҇ страⷨ вѣчнаꙗ цаⷬствꙋючиⷨ в н҃бѣ.
Ȥаховаⷨ и тоⷨ Паⷩни, Пане, Дв҃тво себѣ.

Туⷮ Ȥахариꙗ ѡⷯходиⷮ, а пречт҃аꙗ Паⷩна стоꙗчи ⟨бꙋде҃⟩[2]) Псалътиⷬ читати, а хоръ бꙋдетъ спѣвати: «Бл҃говѣⷭтвуⷨ, ȥемле радоⷭ҇ велию поⷨте, н҃бса бж҃ию славу».

Сцена семая:

бꙋдеⷮ Гавриⷨ бл҃говѣстити пречт҃оⷨ Паⷩнѣ роⷨдество Бг҃а Слова а п⟨ри⟩несеⷮ пречтоⷨ Квѣтъ вмѣсто н҃бⷭнаго ꙋпомиⷩкꙋ.

Архагг҃лъ Гавриилъ.

Радꙋⷨсꙗ ѡбрадоваⷩнаꙗ, Гд҃ь еⷭ҇ с тобою,
Щ҃ливаⷨ межи невѣстами, бꙋⷯ поȥдоровлеⷩна мною.
Длꙗ того мꙗ рачилъ Бг҃ъ до тебе п҃ѡлати,
Абы҃ могла маⷮкою емꙋ южъ ȥостати.
Радꙋⷨсꙗ пречт҃аꙗ, тое тобѣ мовлю, ||
6 об. Квѣтъ[3]) Ха҃ прели҃ⷩниⷨ иȥ н҃ба готовлю.
Бо слово преⷯвѣчное ȥс[4]) тебе сꙗ народиⷮ,
Котрое вароⷣ люⷣскиⷨ иȥ н҃бомь иȥгодиⷮ.

---

1) Можетъ быть, «Тоⷨ»,—неясно.
2) Добавляемъ для пополненія пропуска, согласно съ контекстомъ, ср. ниже.
3) Неясно въ рукописи.
4) Такъ въ рукописи.

Мрї҃ѧ Паⷩна.

Ꙗкоⷤ то маеть быти, ѧ мꙋжа не ꙁнаю,
И ꙁнати его — волѣ па тое не маю.
Чтоⷭ҇ мою Панѧⷩства Бгꙋ ѡфѣрꙋю
И ѧкъ клеⷩноⷮ дорогиⷨ на вѣки дарꙋю.
Не хочꙋ мꙋжа ꙁнати преꙁъ ꙋвѣ моⷨ живоⷮ.
Еⷭтемъ пеⷩна чиⷭтоⷭти, такъ же панѧⷩскиⷯ цноⷮ.

Архаг҃глъ.

Боⷤ то мꙋсиⷮ такъ быти, ѧкъ бг҃ъ всовѣтовалъ,
И що тобѣ, панѧⷩко, преⷣ вѣки ꙁготовалъ.
Ѡто мѣешъ маⷮкою бж҃ою ꙁостати,
А всѣхъ людеⷨ смеⷬтельнихъ н҃бомъ привитати.

Мрї҃ѧ.

Даремъние, млодꙁеⷩче, тие твои слова,
Которимъ то вѣрити не ⷭ҇етемъ готова.
Еⷭтемъ паⷩна, паⷩною хочу ꙁавше быти;
А ѧкоⷤ бымь ѧ мѣла младеⷩца родити? ||
Л. 7. Мыⷭль моѧ в Бгꙋ вѣчноⷨ ꙁавше ꙋтоплеⷩна,
Еⷭтемъ ѧкъ квѣтъ рожовиⷨ н҃бꙋ витавлеⷩна.
Ꙁраⷣливие то твои, ѡ младеⷩче, слова,
Которимъ ѧ вѣрити не ⷭ҇етемъ готова.
Бо такъ тилко ꙁмиⷨ Евꙋ ꙋ раи ѡшꙋкалъ,
Словами прелеⷭтними и пеклꙋ поꙁиⷩкалъ.
Боюсѧ, абы и мнѣ тое сѧ н҃ⷭстало,
Ꙗко Евꙋ в преⷭличномъ раю привитало.

Архаг҃глъ.

Вѣръ, панѧнъко, не ⷭ҇етемъ ѧ ꙁмиева рода,
Але ⷭ҇етемъ Архаг҃глъ, ꙁ н҃ба воевода.
Ѡꙁми тоⷮ квѣтъ ѿ мене, бо породишъ Бг҃а,
Ꙁ которого роⷤдества бꙋдеⷮ радоⷭ҇ многа.

Мрїѧ.

Ꙗко то мае быти, ѧ, панѧка чта,
Без мѹжескаго полѹ бымъ родила Ха?

Архагглъ.

Дхъ сты, пречтаѧ, з нба на[де]тъ на тѧ,
И сила превѣчнаго, Пано, ѡсѣни тѧ. ||
7 об. <Вѣрѹ>, Пано, бо мои Агглъские слова.
Стасѧ Бгѹ самомѹ маткою готова.

Мрїѧ.

А блгодарѹжъ тебе, Гда моего,
Нехай же ми сѧ стане велѹ слова твого.
И ѿходи Агглъ, такъже и Пречтаѧ з Їѡсифо.

Конець сценамъ поважнимъ всѣмъ.

Этими словами заканчивается серіозная часть пьесы, къ сожалѣнію, дошедшей до насъ только въ отрывкѣ. Какъ выше замѣчено — многія мѣста прочтены по догадкѣ, вслѣдствіе неразборчивости почерка, частью же — вслѣдствіе плохой сохранности рукописи. Несмотря на это, пьеса представляетъ, на нашъ, взглядъ большой интересъ, и не только потому, что даетъ образчикъ мистеріи: мы очень мало имѣемъ украинскихъ пьесъ отъ XVII в., а открытую г. Свенцицкимъ и публикуемую нами, судя по характеру языка и стиля можно отнести къ именно этой эпохѣ. Церковно-славянская стихія въ языкѣ пьесы сравнительно слаба; наблюдается обиліе полонизмовъ не только въ словарѣ, но фонетическихъ, напр.: южъ, ижемъ-сѧ, же (=что), естемъ, альбовѣмъ, з бозкой опатрности, жийте, незносний, зепсованний, *млодзенче*, *пелна* . . ., что̀ сближаетъ пьесу съ кругомъ литературныхъ произведеній первой половины и средины XVII в. Довольно замѣтна и народная украинская стихія, какъ въ фонетикѣ — частая мѣна *у* и *в*, полногласіе (стережи, боронити), такъ и въ морфологіи и словарѣ. Отъ позднѣйшихъ продуктовъ украинской драматургіи XVIII в. нашу пьесу отдѣляетъ ея, конечно условно, наблюдающійся

въ ней реализмъ. Такъ очень реально изображенъ Захарія, въ бесѣдѣ съ Іоакимомъ напоминающій скорѣе сельскаго батюшку, а не израильскаго первосвященника. «Ляментъ» Анны напоминаетъ плачъ матери Алексѣя Божія человѣка въ западно-русскомъ и псевдо-метафрастовскомъ житіи. Встрѣчаются и черты того литературнаго стиля, который укрѣпился въ украинской лирикѣ въ XVII в., а въ великорусской — въ эпоху Петра Великаго: таковы риторическія формулы вопрошенія «Ахъ,... що чинити маю» и т. п.

Въ шестой сценѣ, послѣ благовѣщенія ангела Аннѣ поютъ пѣснь «Ѡ Мр҃іе...» — извѣстную по позднѣйшимъ спискамъ Богогласника нач. XVIII в. и по печатному его изданію.

Въ старшихъ рукописныхъ сборникахъ псальмъ пѣснь, цитируемая въ пьесѣ начинается:

«О Маріе (2) и Дѣвице,
Пречистая *Голубице* (2)
О утренко (2), звѣздо ясная
Отъ хоровъ ангельскихъ прекрасная»... [1]).

Въ печатномъ «Богогласникѣ» (пользуемся изданіемъ 1790 г.) подъ № 139 находимъ псальму со сходнымъ началомъ:

«Богородице, Царице,
Пречистая *Владычице*,
Мати всемога (2)
Царя и Бога.
Милость твоя к намъ премнога»...

Намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что въ пьесѣ разумѣется псальма, цитируемая нами изъ рукописныхъ старшихъ сборниковъ, а не сравнительно поздняя обработка оо. василіанъ, и потому въ текстъ на мѣсто затертаго слова предпочтительно внести <голѹбице>.

1) Рук. Вил. Публ. библ. нач. XVIII в. № 233 (15), Имп. Публ. Б. Q, XIV, № 25, Имп. П. Б. Q. XIV, № 141, См. наши Изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 2, стр. 26, 44 и 62.

Слѣдующая за пьесой интермедія, печатаемая нами ниже, вѣроятно къ ней и относится. Однако съ увѣренностью утверждать это — нельзя: обычно интермедіи, присоединяемыя къ серіознымъ пьесамъ имѣютъ по содержанію своему нѣкоторое отношеніе къ главному сюжету пьесы или каждаго ея дѣйствія, иногда являясь какъ бы пародіей на него. Въ нашемъ случаѣ этого незамѣтно — можетъ быть, потому, что пьеса представлена небольшимъ отрывкомъ.

Сюжетъ интермедіи достаточно извѣстенъ въ старинной русской анекдотической литературѣ. Въ рукописяхъ XVII в. встрѣчается преніе Тараски-жидовина съ христіаниномъ-шутомъ о вѣрѣ, при чемъ лучшей объявляется та, которая имѣетъ больше праздниковъ; при счетѣ ихъ условливаются за каждый праздникъ вырывать у оппонента по волоску. Іудей перечисляетъ очень немного праздниковъ, христіанинъ же перечисляетъ воскресенья, двунадесятые праздники, выдергивая постепенно волосы у іудея и наконецъ за праздникъ всѣхъ святыхъ вырываетъ всю бороду [1]).

Для того, чтобы имѣть понятіе, какъ авторъ интермедіи воспользовался ходячимъ анекдотомъ. Приведемъ изъ послѣдняго соотвѣтствующую часть по извѣстной намъ рукописи М. Публичнаго и Румянц. Муз. № 2629 [2]), XVIII в. Здѣсь на л. 20 и сл.—«Исторія. Преніе и истязаніе о вѣрѣ у христіанъ со жидами». Начало исторіи

1) См. А. Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христ. легенды. Ж. М. Н. Пр., ч. CXC, стр. 86—98.

2) Сообщаемъ попутно свѣдѣнія о рукописи, къ сожалѣнію великорусской (соотвѣтственной украинской намъ найти не случилось). Цитируемая рукопись изъ библ. Дурова. На заглавномъ листѣ рукою писавшаго сборникъ оглавленіе его и дата написанія: «во оной книге имеетца написаны четыреи истори, а именно: *перьвая* о запорожскихъ казакахъ, како они въ своихъ воляхъ живутъ (л. 3—14 об.): *вторая* преніе и истязанія о вере у христіанъ со жидами (л. 20—22 об.); *третия* како баба диавола обманула (л. 22 об.—л. 23, изъ фацецій); *четвертая* о Евдоне и Баръое и о Баръбосе і о ихъ разлученіі и соединеніі (л. 23—л. 53), а списывалъ инженернаго корпуса кондуктор Іванъ Борисовъ. 1746 годѹ августа 22 дня въ Кронштатѣ». Все это въ рамкѣ-виньеткѣ, исполненной лиловой краской. Ниже подражательнымъ печатному почеркомъ: «писалъ кондукторъ Борисовъ. Кронштатъ. 1746». Въ цитатахъ особенности ореографіи рукописи сохранены лишь тамъ, гдѣ онѣ имѣютъ звуковое значеніе.

таково: «Въ нѣкоторое убо время восташа жиды на христіанъ и начаша ратовати на святую Христову веру и злословити хульными словесы и князя христіанскаго понуждаху, яко да сотворитъ прю с ними о вѣрѣ и да пошлетъ премудраго философа и изряднаго ритора, которой бы могъ с ними претися и истязатися о верѣ». Князь опечаленъ; затѣмъ, когда евреи выбираютъ для пренія мудраго Тараса, никто изъ христіанъ не смѣетъ выступить, кромѣ скомороха, пьяницы, голыша кабацкаго. Послѣдній, является къ князю съ предложеніемъ своихъ услугъ, но встрѣчаетъ отказъ. Однако, убѣдивъ князя въ своей способности переспорить Тараса, скоморохъ выступаетъ противъ него за христіанскую вѣру. Сначала они спорятъ, символически подымая руки и показывая перстами, причемъ каждый понимаетъ жесты по своему. Первый актъ спора кончается дракою. Затѣмъ скоморохъ и Тараско стязаются загадками, напр. что ранѣе произошло, курица отъ яйца, или яйцо отъ курицы и т. п. Наконецъ Тараско предлагаетъ:

«Брате скомороше, оставимъ то все и *станемъ щитать въ году праздники*, и въ которой вѣрѣ праздниковъ болѣе, въ тое вѣру и вѣровать станемъ». И рече скоморохъ: «Добре, добре реклъ еси, Тараско; мнѣ такое твое слово любо; только дай ты мнѣ напредъ по моей вѣрѣ въ году праздники изщитати и дай-же мнѣ противъ всякаго праздника изъ твоей бороды рвать по волосу и предъ себя полагать: тебѣ будетъ памятно, а мнѣ внятно, сколько въ году праздниковъ и во дни святыхъ; а послѣ ты, брате Тораско, станешь свои праздники щитать, по своей вѣрѣ, и сколько начтешь праздниковъ — и я столько изъ бороды и волосовъ выдеру, на всякой-же праздникъ по волосу». И рече Тараско скомороху: «Добре, брате реклъ еси, твори тако? И рече скоморохъ жидовину: «Послушай же, брате Тараско: въ нашей христіанской вѣры начало всѣмъ праздникомъ въ году Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, его же вы зависти ради распясте на крестѣ, а онъ въ третей день воскресе». И вырвалъ у Тораски изъ бороды волосъ, и положи предъ со-

бою и предъ нимъ. Жидовинъ же Тараско воздохнулъ зѣло, тяжкія ради болѣзни. И рече ему скоморохъ: «Сей первый еще праздникъ сказахъ ти и единъ волосъ изъ бороды твоей вырвалъ, и ты оскорбѣлъ еси. Еще повѣмъ ти на завтрея Рождества Христоя у насъ праздникъ: Соборъ Пресвятыя Богородицы»,—и у жидовина другой волосъ изъ бороды вырвалъ и положи предъ собою и предъ жидовиномъ. Жидовинъ же вельми скорбенъ бысть о изгублени бороды своея. Скоморохъ же рече: «Что скорбиши, брате Тараско? Терпи за свою вѣру; аще до конца претерпиши, спасенъ будеши». И рече: «на третій день Рождества Христова у насъ праздникъ первомученика Стефана и съ нимъ убіенныхъ Никодима и Малелеила и иныхъ многихъ, ихъ же вы, жидове, каменіемъ побили»—и вырвалъ у Тораски три волоса и положилъ предъ собою и предъ нимъ. Тораско же возопи великимъ гласомъ: «Охъ мнѣ, погибохъ!». Жидове же стояху уныли, скорбяще по Тараскѣ, и рекоша ему: «Терпи, брате Тараско, закона ради нашего». Скоморохъ же рече: «Слушей внятно, чтобы тебѣ было и впредь памятно: На четвертый *(л. 22)* день Рождества Христова праздникъ у насъ мученикъ Христовыхъ дву тьму»—и взятъ Тораску за бороду обѣима рукама и нача бороду ему драти. Жидовинъ же Тораско хотя бѣжати, и нача рватися изъ рукъ скомороховыхъ и вопети: «О горе, о горе мнѣ, яко обѣзумѣхъ и дахъ бороду свою на исторженіе!». Стоящіе же жидове поглядоваху на Тараску и отъ страха оцепенѣша и рекоша вси со слезами: «Терпи, брате Тораско, то у нихъ послѣдней праздникъ». А у Тараски бороды малое число осталось. А скоморохъ рече: «Нѣтъ, еще не послѣдней праздникъ, но начало праздниковъ; и сіе тебѣ, братъ Тараско, приходитъ не къ смѣху, но къ вящшей погибели. На пятый день Рождества Христова празникъ у насъ четырнадцати тысячъ младенцовъ, ото Ирода и отъ васъ жидовъ избиенныхъ, и укажу, какъ вы ихъ избивали»—и взявъ жидовина за остатокъ бороды, ⟨нача⟩ немилостивно и безчеловѣчно драти и ногами топтати, глаголя: «Такъ вы младенцевъ во время Рождества Христова побивали!». А Та-

раско вопіялъ великимъ гласомъ: «О горе, о горе мнѣ, яко впадохъ въ немилостивыя руки скоморошьи!». Скоморохъ же и достольные волосы изъ бороды всѣ выдралъ и рече Тараски: «Сколько жестоко тебѣ есть противу рожна прати, столько вамъ есть, завистивомъ жидомъ, противъ истинныя <вѣры> стояти». Христіанской же князь со христіаны видѣвше то, начаша веселитися и к Тарасу глаголаху велеумно и велерѣчиво: «Жидовскій философе Тараско, что тако стоишь шелудивъ и поруганъ, яко песъ безъ хвоста и яко песъ безобразный! Гдѣ твоя борода, гдѣ твой разумъ и велерѣчіе, гдѣ премудрость философская и честь жидовская? Разумѣй, какова вѣра наша христіанская, яко пьяного глупость погубила твою философскую мудрость». Скоморохъ же рече: «Послушай Тараско, еще у насъ празники господскія всѣ впереди: Обрѣзаніе Господне, Крещеніе и протчіе многіе, а у тебя на бородѣ нѣтъ ни единаго волоса, а на галовѣ и подавно! Что имаши противъ нашихъ праздниковъ ставить? Обсѣку тебѣ руки и ноги, а противъ обрѣзанія — обрѣжу тебѣ носъ и губы»...

Послѣ этихъ словъ скомораха, Тараско стоялъ «плача и рыдая», а «всѣ жиды съ нимъ побѣгоша посрамленны вельми» и плакали отъ досады, что христіанинъ—скоморохъ побѣдилъ ихъ мудреца, Христіане скакали, играли и веселились, а князь далъ скомороху много имѣнія, почтилъ его властію и велѣлъ при себѣ жить.

Этотъ анекдотъ облеченъ авторомъ интермедіи въ бытовую обстановку украинской жизни: жидъ является перекупщикомъ шкурокъ и воску. Также нѣсколько иначе, чѣмъ въ «стязаніи» редактированъ споръ о праздникахъ.

Иⷩтеⷬмедиѹмъ.

Жиⷣ из Русиномъ; Жиⷣ напереⷣ виⷣдетъ и бѹдеⷮ мѣти в рукаⷯ тхорики.

Рѹсиⷩ.

Стуⷫ, жиде, не втѣкаⷪ! Далеко̂ то бѹвавъ?

Жи^д.

Ѡ на селѣ, пане сꙋсѣде, дѐцомъ собѣ то^р говалъ.

Рꙋсинъ.

Щоже собѣ ꙋторговалъ такого?

Жидъ.

Ѡ вѐкобои^к [1]) та тхориковъ немного.

Рꙋсн^н. ||

Л. 8. То ꙗ^м тобѣ бꙋдꙋ товаришъ в дорогу.

Жи^д.

И гара^з дъ, пане сꙋсѣде, и але, хвала Бгꙋ.

Рꙋсинъ.

Тилко^м не ꙁнаю, ци годи^т сꙗ на^м быти
В товари^с твѣ с тобою? [2]).

Жи^д.

Ґякъ кому, до бе^р го^д на тебе, длꙗ цого?
А цоꙁъ то ти мовѝ, ґою, такого?

Рꙋсинъ.

Бо ти жи^д, а ꙗ рꙋси^н, Бга в тро^и ци виꙁна‹ва›ю,
А ви нехре^ст, в кого вѣрите, ꙁгола не ꙁнаю.

Жи^д.

Скаꙁалъ бымъ ꙗ, ґою, тобѣ,
Та пи^з наꙗ дорога мое^й (?) к собѣ (?) [3]).

Рꙋсинъ.

Нꙋ е^д но ро^з мовлꙗ^й мо, бꙋдемъ ꙋ чѐ собѣ.

---

1) Въ рукописи неясно, прочитано по догадкѣ.
2) Стихъ, видимо, испорченъ.
3) Испорченный стихъ, послѣднія три слова очень стерты.

Жид.

Мы, добер год на тебе, вѣрȣем ȣ б҃га ȥиваго
И справȣемъ сꙗ ведлугъ приказаниꙗ его. ||
8 об. ⟨Кот⟩орий то нас такъ в ѡпеце мѣлъ,
Ȥе преȥ сорокъ лѣтъ нас на пусци манною кормил.

Рȣсинъ.

То ȥа том то ви, жиди, Б҃га на кр҃тѣ распꙗли.
Такуюте емȣ почест ȥа ласкȣ его ѡддали.

Жид.

Сцо ти, лихий год на тебе, говориш, гою?
Недержавъ би ес ꙗȥика в покою.
Хто Б҃га мает распинати, Б҃гъ ест в н҃бѣ беȥплотний,
И рȣками не понꙗтий.
Прадѣди насѣ Х҃а распинали, тотъ (?) ȣȥналъ,
Ȥа таки[й] проступок, ȥе сꙗ сином боȥимъ наȥивалъ.

Рȣсинъ.

Ꙗкъ же ти не вѣришъ, же бы то син б҃жий был, жиде!

Жид.

Не ȥнаю того, але ȥнаю, ȥе Месиꙗ прийде[1]).

Рȣсинъ.

Але[2]) то юж Месиꙗ наȥначоний приходилъ,
Котрий людъ свой ȥ неволѣ вѣчной вивободилъ. ||
Л. 9. Ꙗкъ[3]) вас тогди, жиди, страх не ȥнꙗлъ?

Жидъ.

Ꙗкъ цомȣ, длꙗ цого, с цого ти мовиш такого?

---

1) Съ нач. л. 8 об. или испорченные стихи, или рѣчи написаны безъ соблюденія размѣра (ср. выше).

2) Неясно написано.

3) Неясно въ рукописи.

Рѹсинъ.

Бо сѧ то'ди предивние ʒнаки ставали:
Свѣтъ каменилъ, ʒемлѧ трѧласѧ, камѣнѧ сѧ ро'падали;
Все створенѧ Бжое на жа' поʒни[1]) было сѧ ʒмѣнило.

Жи'.

Добе' го' на тебе, Рѹсине, ѧ того не ʒнаю,
Але ѧкъ ти свою вѣрѹ, та' ѧ свою выхвалѧю.

Рѹсинъ.

Що' ѹ ва̑ ʒа вѣра, где ва' по', где сѧта?[2])

Жи'.

На̑цо ти сѧ випитуе̑, длѧ ѧкого ката?
Колибъ ѧ тобѣ поцалъ свои свѧта вилѣцати,
Моглобъ в твое' бородѣ нѣ воло̑ка нѣтати.
Тилко ве'лу' едного ʒвицаю.

Рѹсинъ.

Та' де' де'[3]), ѧ тобѣ напере' позволѧю. ||

9 об. Жи'.

. . . ʒъ[4]) помага' мене, Рѹсине, та'ла'[5])
Ѡтоʒъто в наси' жидовъ свѧта иду' рѧдомъ.
Пе'си' Пе'се', Дрѹги' Пѹри'
Коли бѹвае' ʒ Амана гони'.
Есце ро̑хевди̑ такъ теʒъ и трѹбки,
Колибй не попу̑тивъ ѧкъ коʒа бѹбъки.
А̑цо на ко'ди' тиʒде' саба̑.

1) Сомнительное чтеніе. Послѣ этого стиха, видимо, еще одинъ, риемующій съ нимъ, опущенъ.

2) Слѣдуетъ читать «свѧта», ср. ниже.

3) Сомнительное чтеніе; можетъ быть, лучше: «Та' дери, дери...» (?).

4) Начало слова стерто. Можетъ быть: «нѣʒъ».

5) Неясно, можетъ быть, «ма'ла'»—смыслъ въ обоихъ случаяхъ неудовлетворительный.

Рѹсинъ.

Ци ѹже всѣ, ци еще бѹдешъ, жиде, вилѣчати?

Жидъ.

Немогѹ, добеʳ гоˣ на тебе, безъ таˡмѹтовъ нагадати.
Поˡдѹ на цⷶ с талмѹтовъ собѣ ѡглѧзѹ
И зараз ъ веʳнѹвъсися тобѣ рⷪказѹ.

Рѹсинъ.

Ѡˡ стуˡ же, жиде, ѿ ѧ свои тобѣ рⷪкажѹ.

Жидъ.

Ѡбицаˡно, добеʳъ гоˣ на тебе, покорне тѧ просѹ. ||

Л. 10. Рѹсиⷩ.

Ѡтоˣ тобѣ, жиде, на паˣѧᵀ вношѹ:
— и за бородѹ жида поᵀрасеᵀ —
Роˣдетво Хвⷪ, Бгоѧвлѣнѧ,
Василиѧ великаго и Стрѣтѣнѧ,
Сорокъ мченико и Ѡлекъсѣѧ,
Таˣже Бговѣщенѧ [1]) и веʳбнаѧ недѣлѧ,
То Спⷭа Стого и стаѧ [2]) недѣлѧ.
Тамъ же бѹдеᵀ Пеᵀро и пророкъ Илѧ
То стого Амъбросѧ и батка Николи...

Жиˣ.

Ѡ̈веˡ, нехоцѹ сѧ [3]) закладати с тобою николи!
Ѡ̈веˡ, гою, доки зъ бѹдеᵀ свѧᵀ тихъ?

Рѹсинъ.

Ѡтоˣ то вже, жиде, недѣлѧ всѣхъ стыхъ!
— и всю бородѹ виʳвеᵀ. —

---

1) Послѣ этого въ рукописи снова «и стрѣтенія», но слабо зачеркнуто.

2) И здѣсь и ниже—сзятого, сзятая.

3) Прочтено по догадкѣ; можетъ быть, слѣдуетъ читать: «не хоцѣ м...» (с вм. ж).

Жи^х по бородѣ лямен҃тъ ȥачинаетъ:

Ѡве^й, Адона^й, боȥе ȥивий!
Ѡто ѿпетилъ мене г҃ой ȥлоб҃ливи^й!
Бородꙋ мнѣ ви^рвалъ, ꙗкъ драпѣȥни^й волъкъ,
И киемъ дꙋȥе такъȥе бока натолъкъ.
Нѣ до ȥо^нки, нѣ до дѣте^й нѣꙗкъ при^йти,
Ѡто ѿпетилъ такъ еси[1]) мене, г҃ою, ти!
— и ѿходи^т. —

На обор. л. 10 нашей рукописи находится цитируемый ниже полностью эпилогъ, написанный тою же рукою, что и пьеса. Вѣроятно, на основаніи этого эпилога г. Свенцицкій и призналъ всю пьесу за рождественскую.

Епѣлioг҃ъ и конецъ ||

10 об. Епѣлioгъ на Ро^ждество Х҃во.

Не. . . .ꙗ[2]) ю^ж слꙋхачꙋ Пекелъно^й неволѣ:
Ѡто на^м Бг҃ъ народилъ ȥ своe^й боȥко^й волѣ.
Всѣ смꙋтъние ꙗме^нти вȥꙗлъ твои на себе,
А до н҃ба ꙗко Бг҃ъ самъ провади^т тебе,
Аб҃ы южъ болъшъ не плакалъ в пекелно^й темън҃оти,
Ле^ч кролевалъ в҃еполъ ȥ нимъ въ нб҃ѝо^й свѣтл҃ости
И ѡглꙗдалъ ра^й сли^чни^й ȥ котрого вигна^нни^й
Пе^рши^й ч҃лвекъ, продокъ нашъ, и до пекла ȥда^нни^й.
Ѡтожъ его Самь Творецъ вȥꙗлъ на себе тѣло.
Що быти на^ймилъшаго[3]) ȥ волѣ его мѣло?
Ꙗкѡ^ж[4]) слышалъ ȥ нашихъ мовъ[5]), що то ту^т правили,
Х҃а ро^жденнаго сценами хвалили.

---

1) По догадкѣ.

2) Неразобрано; видимо, какое то повелительное наклоненіе. Можетъ быть: «Не бойсм»?

3) Неясно, можетъ быть: «наимилъшого».

4) Неясно.

5) Можетъ быть, слѣдуетъ читать «словъ».

Ты ʒа свое пилъное слѹхачъ слѹханьі
Ʒичимъ в нбѣ ʒ ро^н^де^н^нимъ Хр̑томъ кролеваньі.
Абы тѹ^т^ вамъ Даровалъ вѣки ʒлоцѣ тие,
А ѹ нбѣ радости в то^м^ вѣкуи̑тие,
Ʒа то, же̑те слѹхали боʒко^й^ в це^р^квѣ хвали.
Да^й^ рожде^н^ни, абы̑те долъги^й^ вѣкъ мешкали,
Те^м^ [1]) на ʒемли а в нбѣ не мѣючи^й^ ко^н^ца
Вʒьіли вѣкъ до мешъканьі ѿ Бг̃а и Ѻ̃ца.

Въ той же рукописи на л. 115 и обор., но уже полууставомъ, находится «Прологъ на Рождество Христово». Очень соблазнительно было бы думать, что и этотъ осколокъ пьесы относится къ одному цѣлому со всѣмъ предъидущимъ. Стиль пролога — вполнѣ соотвѣтствуетъ прочимъ частямъ пьесы, но послѣдняя могла относиться или къ Рождеству Богородицы, или скорѣе къ Благовѣщенію, прологъ же и эпилогъ относятся къ Рождеству Христову.

«Пролıогъ на Рождество Хв̑о».

Премѣнивши фрасѹнокъ на го̀нѹю радо^ст^
Ѻ̃ложѣмо ѿ себе грѣховнѹю сладо^ст^
Приложѣмъ сѧ до хвали преʒацнаго Пана,
Привернѣмъсѧ до че̑ти, славного Гетмана,
Котори ѿпѹстивши г̒махи нбн̑ые
Спѹ^с^тилъ сѧ на ниʒ̒кїе краини ʒемвїе,
А вселилъ сѧ во живот' Пречтои Пан'ни,
А нн̑ѣ сѧ рождает' оу бидлѧчой стайнѣ;
Навѣжаетъ праѿца в тѣлѣ соʒдан'наго,
Иʒ' раю пресличнаго ʒа грѣхъ вигнан'наго,
Котрóго д'ьіво^л^ люти^й^.преʒъ ѡво^н^ былъ и^з^вѣлъ
И до нела̑ки бóʒкой на вѣки былъ привѣлъ.

1) Неясно.

Во человечески ѡбразъ днє сѧ ѡздоблѧетъ,
Сказителное тѣло бозтвомъ ѡбновлѧетъ.
Нн҃ѣ томꙋ а҃гли с пастирми спѣваютъ
И ц҃рїе ѿ вотокъ со дари витаютъ,
Ливáнъ, смирнꙋ и злато чтое приносѧтъ,
Ѩко Творцꙋ своемꙋ Послꙋгꙋ голосѧтъ,
Бо познали моцарство вел'можнаго Пана, ||
115 об. Котромꙋ идéтъ хвáла ѿ всѧкаго стана.
Нехай же днє и ѿ на томꙋ бꙋдетъ слава,
Ѩкъ превѣчномꙋ Словꙋ, речетъ моѧ глава;
Мы в мовѣ ѡ҃рочекой то вамъ повѣдаемъ,
А ѡ ритмовъ слꙋхана миле оупрашаемъ.
Пслꙋхай не тескливе тоéй бозкô справи,
В побожнихъ спрáвахъ своихъ церковной забави.

Аминь.

И «прологъ» и «эпилогъ» не использованы д-ромъ Франкомъ въ его трудѣ о рождественской драмѣ на Украинѣ («До історії українського вертепа XVIII в.». Львів. 1906, изъ Зап. Тов. ім. Шевч.), почему нашу публикацію не считаемъ излишней.

В. Н. Перетцъ.

Замѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Bodleian Library въ Оксфордѣ [1]).

(Окончаніе).

III.

Ближайшую связь съ описанными раньше рукописями богослужебнаго содержанія (послѣдняя изъ нихъ — русскій Часо-

1) *Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ*, 1902, кн. IV, стр. 325—349.

Первая статья покойнаго *П. А. Сырку* состояла изъ двухъ главъ и заканчивалась помѣткой: «продолженіе будетъ». Появляющіяся теперь въ печати замѣтки объ остальныхъ рукописяхъ той же библіотеки являются продолженіемъ статьи,—и мы печатаемъ ихъ почти въ томъ видѣ, въ какомъ сохранились онѣ въ черновыхъ тетрадяхъ, предоставленныхъ Отдѣленію русскаго языка и словесности Академіи Наукъ семьей П. А. Сырку для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ». Изъ факта, что изъ предполагаемаго большого запаса подобныхъ замѣтокъ П. А. Сырку о славянскихъ рукописяхъ заграничныхъ библіотекъ, въ бумагахъ его оказались на лицо замѣтки только о рукописяхъ двухъ англійскихъ библіотекъ, можно заключить, что покойный славистъ желалъ самъ закончить начатую печатаніемъ статью и держалъ на дому тетради, въ которыя заносилъ свѣдѣнія при занятіи рукописями этихъ двухъ библіотекъ,—и только болѣзнь помѣшала ему сдѣлать это въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Извѣстій» послѣ 4 кн. 1902 года. Наша работа по редактированію и корректурѣ замѣтокъ состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы придать имъ мѣстами видъ статьи, по образцу напечатанной, и въ то же время сохранить возможную близость къ записямъ, сдѣланнымъ при изученіи рукописей, во всемъ, что не требовало существенныхъ исправленій.

Къ сожалѣнію, подробно описаны иногда хорошо извѣстные типы рукописей или же малоинтересныя; наиболѣе же важныя описаны поверхностно; особенно слабо описаны рукописи глаголическія. Нѣкоторыя наши дополненія и поправки внесены въ примѣчанія.

А. И. Яцимирскій.

словъ XVII в. № 233) представляютъ сборники, по письму довольно поздніе, но со слѣдами болѣе раннихъ оригиналовъ. Обращаетъ на себя вниманіе интересный по своему составу Сборникъ XVI—XVII вѣка (Bodl. Ms. 945). Это — одна изъ попытокъ неизвѣстнаго писца-коллекціонера дать въ одной книгѣ болѣе или менѣе полный кругъ служебныхъ книгъ. Описанный сборникъ приближается къ типу нѣсколькихъ извѣстныхъ и раньше рукописей, напримѣръ, сборнику Ганкенштейна, описанному профессоромъ черновицкаго университета С. Стоцкимъ [1]), и почти такимъ же сборникомъ Московской Духовной Академіи [2]). Не трудно убѣдиться, что оксфордская рукопись менѣе богата по содержанію, чѣмъ оба упомянутые сборника.

Рукопись писана на бумагѣ, двумя почерками, въ 4°, на 631 листѣ. Правописаніе русское, повидимому, со слѣдами среднеболгарскими [3]). Составъ сборника слѣдующій. За Псалтырью (скоропись) слѣдуетъ избранїе ѱалмо на црькыа праз҄никы, и въ памати стыⷯ полиѡлеѣ, ѥ ѥсть многомлтивоѥ, пѣваѥ въ всакѹ нелю, ѿ въздвиженїа чтнаго, и животворащаго креста, до нели сырныа, и въ гсскыа (sic) праздникы, и въ дни нарочитыи стыи, внега оуста оуказоуѥть, никыфора влемида любомѹдреца. Л. 135ᵃ.

Мца сентеврїа, въ, и, на ржтво пртыа влчцⷭ нашеа бца, и прнодвы марїа.

Л. 187ᵇ. многомлвоѥ (въ) великѹю сѹботѹ, т. е. величанія.

Л. 184. послѣдованїе цркобна пѣнїа и собранїа вселѣстнаго (sic), ѿ мца, сентеврїа, до мца, авгоу.

---

1) St. Smal Stockij, Ueber den Inhalt des Codex Hankensteinianus въ Sitzungsberichte d. philosoph.-historischen Classe d. k. Wiener Akad. d. Wissenschaft. CXB., стр. 610—689.

2) Архим. Леонидъ, Свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св. Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой семинаріи въ 1747 г. (нынѣ находящихся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи). В. 2-й. М. 1887, стр. 323—333.

3) Или же традиціонной болгаризаціи. *А. Я.*

Изъ русскихъ и славянскихъ святыхъ упоминаются слѣдующіе:

Сентября 19. в тъ же днь кнѧзей ꙗрославьскы, новы чюдотворець, деѡдора, и дв҃да, и костантина.

» 20. въ тъ днь стыи мчнкь, и исповѣдникь, великого кнѧзѧ михаила черниговъского. и болѧрина его деѡдора, пострадавший ѿ батыѧ црѧ.

Октября 28. параскевѣи. в тъ же днь првнаго ѡца нашего арсенїа, архиепспа сер'пьскаго.

Ноября 6. првнаго ѡца нашего, варлаама, чюдотворца, новгородц'кого.

» 19. в тъ же днь, великоѡца нашего, їѡанна рыльскаго.

» 26. въ тъ же днь, сщенїе цркви, стго великого мчнка, геѡргїа, в'велицѣ градѣ кїевѣ оу златы вратъ.

Декабря 15. и стго сщенномчнка, стефана, архиепспа сорож'скаго.

» 21. иже въ стыхъ ѡца нашего петра новаго чюдотвор'ца митрополита стѣйшїа митрополїа рѹскїа.

Апрѣля 14. въ тъ же днь, сты новоꙗвленны мчнкь, антонїа, їѡанна, еоустафїа, при ѡл'гердѣ нечтивѣмъ пострадавьшии, иже оумер'ше три дрѹгы литвы родомъ. антонїе оудавленїемъ преставлѧетсѧ, дш҃ѫ бгови въ, ді, имоущоу април мцѫ, та же їѡаннь по прехоженїю прежерены днеи антонїа, подобнѣ и тъ ѡсоуждаетсѧ оудавленїю, въ, кд. апри мцѫ, и поне по сихъ тако и еоустафїе. оуже на выю възложивше, и тако бгови дшю свою предаде, въ ги, имѫще декабрїю мцѫ, нне же мыслены оумръщвлаю трии статы. Л. 262б—263а.

26. въ тъ днь, и памѧ, иже въ сты ѡца нашего, стефана, еппа перм иже тоа кртивша.

Мая 2. И пренесенїе мощемъ, сты мчнкъ, бориса и глѣба.

» 3. въ тъ днь оуспенїе првнаго ѡца нашего деѡдо-

сїа, прѣвоначалника ѡбщемоу житїю, иже въ роуской земли, игѫмена бывшаго. чтныа обители печерскыа.

Мая 20. въ тъй днь ѡбрѣтенїе мощемъ, иже въ стых ѿца нашего, алеѯїа, митрополита, архиеппа кїевьскаго и всей рѹси.

» 23. в тъ днь обрѣтенїе, чтнаго телеси, стго ѿца леѡнтїа еппа ростовьскаго.

» 28. и преставленїе иже въ стых ѿца нашего, игнатїа еппа ростовьскаго.

Іюня 9. въ тъй днь. преставленїе, преподобнаго ѿца нашего, кѵрила белозерьскаго.

Іюля 23. в тъ днь. стыхъ пракенѣ, страстотрьпець бголюбивых кнѧзей рѫских, ѡбою братоу по плоти, борисa, и глѣба, въ стмъ крщенїи, нарены, романъ, двъ.

Августа 24. въ тъ днь пренесенїе мощемъ, иже въ стых ѿца наше, петра митрополита кїевьскаго всеа роуси.

Л. 304. Тріодь Постная. въслѣдованїе стыа велїкїа мнца.

Л. 321. Пентикостарій.

Л. 335. Часословець имѣѫ нощнѹю и дневноу слѹбоу. по ѹставѹ иже въ їерлмѣ лавры, иже въ стых ѿца нашего савы.

Л. 377 об. аще кто произволяеть ѿ пострижены инокь, наединѣ в келїи своей, да глеть сїа млткы, егда хощеть спсти (sic) в началѣ оубо гле. недостоинъ есмъ чловколюбїа твоего осподарю. (л. 387а).

Л. 389. скаʼнїе известно максима исповѣдника, к любащим бга всѣ срцемъ. и многоболѣзнѹющим иноком, и трѹдолюбьствѹющимъ въ еже спсиса, такоже (sic) живѹщим в мирѹ.

Л. 397б. Октоихъ.

Л. 406. Покаянный канонъ Богородицѣ. «Каноникъ радостный» ангелю хранителю (417), Покрову Богородицы (424б), архангелу (431).

Л. 435. творенїе вселенскаго патрїарха. кирила, исидора кѡ.

глӑ. н҃. пѿ. Възвранмон воєводѣ побѣ. икосы. архаггл҃у михаилу, подобны акадисту, по҃. а҃. Акаѳистъ Іоанну Предтечѣ (446).

Л. 451. творенїе вселенскы҃хъ патриархъ, кирила, исидѡра. икосы ивану пртдочи. подобны акадисту.

Л. 463б. Радостный канонъ Богородицѣ, твореніе священноинока Игнатія.

Л. 477б. Канонъ животворящему Кресту.

Л. 482. Благодарственный канонъ Богородицѣ, твореніе Іосифа.

Л. 494б. мл҃тва филоѳѣа, по акадисте богородицѣ.

Л. 498б. Стихиры воскресныя и евангельскія съ прибавленіемъ апостольскихъ и евангельскихъ чтеній.

Л. 525. кано҃, пѣвае по вся дни, творенїе, ст҃го кирила филоѳ. глӑ ѕ҃. пѣ҃. а҃. ирмо҃.

Нач. Моусѣи ѡбу поминающе дш҃е моа де.

Азъ єсмь ѡбличитель чюжих грѣхъ.

Л. 532б. молитвы в н҃лю по заутренѣ. пргдоснӑ, кїрила, сщ҃нноино числомъ семь; на послѣдней Кириллъ называется— миниха туров'скаго.

Л. 570б. последованїе и и бж҃твеному причащенїю.

Л. 610. Пасхалія.

Л. 626б. стен'на. глӑ. а҃. анти'нъ. а҃, до конца рукописи, не окончены.

№ 6 = 3218. Нотный Ирмолой XVI—XVII в.[1]), малаго формата. Заглавіе: книга глаголимиа ирмолои, творение пргбна ѻц҃а нш҃его і'ѡан'на дамаскина. Въ концѣ рукописи — перечень нотныхъ знаковъ и ихъ названій[2]).

Laud. B. 70 = 46. Евангеліе отъ Іоанна, XVII вѣка, русскаго письма. Рукопись такого же формата и въ такомъ же пере-

1) Шестнадцатый вѣкъ сомнителенъ. *А. Я.*

2) Въ замѣткахъ срисованы эти знаки. Мы ихъ пропускаемъ, какъ совершенно обычные. *А. Я.*

плетѣ, какъ и «Тайная тайныхъ» (См. ниже, стр. 129), но безъ украшеній; принадлежала она тому же лицу. Текстъ Евангелія раздѣленъ на чтенія; указанія сдѣланы киноварью на поляхъ. Книга была въ употребленіи у англичанъ; въ двухъ-трехъ мѣстахъ встрѣчаются незначительныя замѣтки, относящіяся къ тексту.

№ 111 = 3323. Катихизисъ южнорусскій XVI в. на бумагѣ, въ 8⁰, скоропись; страницы пронумерованы арабскими цифрами. Письмо четкое. Въ началѣ — четыре чистыхъ листа; на л. 5— приписка:

Всемъ хртоймениты люде вѣрующи
в' гда нашего Іисъ Ха, ωни же книгу сию чи
ти будут. Благода вамъ и мать ω бга
ωца и спа нашего Іисъ Ха: и да ωверзе
вамъ умъ разумѣти писанїа и тво
рити вωлю бжїю и заповѣди егω.

На 6 листѣ начинается: предословїе. Пречтнѣнишему ω хсѣ брату і учителю чина проповѣднико. предостоннѣнишему. и свщенного писанїа послѣдователю. повластный ωбѣщаннагω в' повиновенїа бодреннаго ковсе уповаю дхωвнаго и блговѣн'наго. понеже азъ по мальсятву моему и недовлѣнїю нѣсмь таковъ еже вамъ и про ва вѣдѣнїемъ и мартїю или возмогу нѣчто велїе сътворити...

Л. 7. блжена хртїаньская надѣжа аще разумѣе.

Въ катихизисѣ говорится о десяти заповѣдяхъ, о грѣхахъ, о вѣрѣ, о третьемъ лицу бжтва, символѣ, волѣ Божіей, о божественномъ имени, божественныхъ тайнахъ, покаяніи, исповѣданіи, крещеніи, пріятіи божественныхъ таинъ, исповѣди, разрѣшеніи, литургіи и о пользѣ ея.

Ms. Russ. e. I = 8830. Стефанитъ и Ихнилатъ, конца XVII вѣка, въ 4⁰, на 140 заполненныхъ листахъ (всѣхъ листовъ въ рукописи 157); красивая и четкая скоропись. Внизу на поляхъ лл. 8—11 не старая запись: сиа книга госта Θемена Θилипова сна

Задорина. На 1 л. еще болѣе новымъ почеркомъ: ellezabet (два раза). елизабеᵀ. На л. 1 об. — запись: црем҃ъ гдремъ (sic) и великимъ кн҃земъ Петрꙋ Иоанну Алеѯѣевичамъ всеа великиа и малыа и бѣлыа росиі самодержцамъ. По всей вѣроятности, книга принадлежала ихъ библіотекѣ, а затѣмъ была во владѣніи или пользованіи англичанина, какъ можно судить по англійскимъ складамъ на л. 3ᵃ и 3ᵇ, гдѣ начата азбука.

Иниціалы—незатѣйливые, написаны золотомъ. Тексту предшествуетъ оглавленіе на л. 8ᵃ—9ᵃ:

к҃в. Притча, ѡ҆ мꙋжи и҆ ѡ҆ женѣ иже наединѣ жи́вшихъ кромѣ людей.

к҃г. При́тча ѡ҆ пролившемъ мꙋжи медъ и҆ масло

к҃д. Притча ѡ҆ снѣхъ і҆ндійскаго царя.

Заглавіе: Ѡ҆ при́тчахъ Списа́ніе сиѳа а҆нтіо́ха Дрꙋзіи же рѣша (на поляхъ: мнѣша) яко сꙋть Ивана Дамаскина ѕѣло пѣснописца и чдца. Е҆же ѡ҆ звѣрехъ нарицаемыхъ Стеѳанида, и і҆хнилáта.

Laud. B. 69. «Тайная тайныхъ» Аристотеля, XVII вѣка, на 130 листахъ, русскаго письма, писанныхъ мелкой и четкой скорописью. Переплетъ изъ бѣлаго пергамента, какъ и № 111, съ золотыми украшеніями и гербомъ (?). Рукопись прежде принадлежала Вильгельму Лауду, какъ видно изъ отмѣтки: Liber Guilielmi Laud Archiep. Cantuar et Cancellarii Universitatis Oxon 1633. Содержаніе ея опредѣлено, повидимому, самимъ владѣльцемъ: Hoc volumen continet Tractatus partim Philosophicus, partim gradus genealiae seu consanguinitatis, partim historiae de Alexandro magno. Ниже по той же страницѣ: х҃: Борогъ. На 4а л. в книга сіа ѡ҆мь главинь сѡт.

Начинается книга крупными буквами: Рече Патрекиї списатель. Затѣмъ идетъ текстъ: направи тѧ црю блговѣрныи, и҆ оукрѣпи тѧ хранити законъ. и҆ съблюсти нарѡ, и҆ кѣщи главизнъ сихъ; се рабъ твои пристоупилъ и заповѣди твоєи ѡ҆ списаніи книги сеѧ. нарицаема таинаѧ таины. сложеннаа философомъ великыи и҆ прпдбныи аристотелис, оучнкоу своемоу црю великомоу але҆ѯандроу снꙋ нектанакобоу. нарицаемоу рогатымъ...

Seld. Super. № 113. Судебникъ Іоанна Васильевича (7058—1550 года), XVII вѣка, написанный крючковатою скорописью. Судебникъ раздѣленъ на 125 главъ. Рукопись въ пергаментномъ переплетѣ и хорошей сохранности.

Seld. Super. 112 = 3324. Сборникъ малаго формата, рус-

скаго письма, составленъ изъ отрывковъ разныхъ рукописей XVI—XVII вв., именно:

1. Судебникъ Іоанна Васильевича (безъ начала оглавленія и, повидимому, безъ очень небольшого конца); въ немъ 100 главъ, а въ оглавлѐніи показано только 99.

2. Набольшой отрывокъ безъ начала и конца изъ русской лѣтописи древнѣйшей редакціи, написанный скорописью.

3. Нѣсколько краткихъ разсказовъ ѿ патерика.

4. Отрывокъ изъ Номоканона и Законника царя Іоанна Васильевича.

5. Малый церковный Уставъ.

6. 10½ листковъ изъ Номоканона малаго формата, переписаннаго двумя почерками. Между прочимъ, здѣсь находится списокъ «истинныхъ и ложныхъ книгъ» [1]).

7. Отрывокъ изъ какого то поученія.

8. Листокъ изъ Толкованій Іоанна Златоустаго на Евангеліе.

9. Листокъ изъ Пролога. Апокрифическій разсказъ о мученіи ап. Филиппа и изъ разсказа о преп. Юліанѣ и Ефратѣ.

10. Два листка изъ Хронографа: въ ѡкїанѣ рѣцѣ звѣрь есть глѣмын зѹботимитель, могый и слона цѣла пожрѣти.

11. Листокъ изъ Патерика.

12. Листокъ съ отрывкомъ изъ Чуда о пресв. Богородицѣ.

13. Четыре листа изъ Житія св. Исидора, котораго латиняне принуждали перейти въ ихъ вѣру.

Ms. (Can.) lit. 413 = 993. Сборникъ XV—XVI вѣка, малаго формата, на 144 листахъ. Правописаніе сербское. Составъ Сборника:

1. Повѣсть объ Агапіи (видѣніе загробнаго міра). Встрѣчаются народныя формы. Начала рукописи (повидимому, одного листа) недостаетъ, и Повѣсть начинается словами: єдва агапїє начеть трьпети свѣт. пое и пове иде стоꙗ ѻдръ ємоу. и трапеза его оукрашена ѿ каменїа драга... (л. 1) [2]).

1) См. Приложеніе V.

2) См. Приложеніе II.

2. ве҃ние ст҃ие анасие ко м8ка^х како хоще^т се ро^х хрт҃ианскъ моу‹чи›тисе о҃че бл҃ви.

Нач. Слишите братїе сло покаанїа члколюбїе. и длъготрьпенїе б҃жїе кь на^х рабо^х недо҃нїины^х (sic).... (л. 15).

3. сло деофила ар҃хїепискъпа ѡ ісхо҃е дши ис тѣла ѡ҃че бл҃ви:

Нач. Разоумеите бра҃тїе. каковь страхь и трепе^т имать видети дша ега ѿ тела разл8чаетсе.... (л. 17).

4. Безъ начала и заглавія[1]). Житіе и чудеса преп. Николая Мирликійскаго. Первыя изъ сохранившихся словъ: ...полатоу̀ ноцїю моужї ра҃ї те^х. їхже ти^х бѣ^х рекълъ 8секноути. і ре҃ ми аще ихь не ѿпостї҃ы (sic). іс тьмнїцы то 8мрѣши злою смртїю. Далѣе говорится объ освобожденіи Агрикова сына Василія изъ сарацинскаго плѣна (л. 28).

5. сло деофила архиеп҃па ѡ҃е бл҃ви. ѿ исходе дши ис тела. Начало — такое же, какъ и въ статьѣ № 3. Конца недостаетъ (л. 45).

6. па^ркли пекаемї сто^м8 с'лавном8 велїком҃ник8 геѡргїю, съ канономъ (л. 48). Встрѣчаются заимствованія изъ апокрифическаго Житія св. Георгія и такія указанія: аще ли ѿ҃лиши за бра҃тїю плавающи^х вь моры (л. 51 об.); аще ли хо҃щеши пѣти параклисъ гра^ду реше. о стои обители. сеи вь ньиже живеши. ѿ напасти приключшихсе еи (л. 52).

7. параклись пѣваемь стомоу і славномоу дїмитрїю велїком҃ник8, съ канономъ (л. 61). Среди службы повторяются такія же указанія, какъ и въ предыдущей (лл. 64 и 64 об.). Лл. 73 об.—85 об. заняты Житіемъ св. Димитрія[2]).

8. м҃ца деврии вь з҃. дн҃ь. чю стаго николи. еже ѿ агрипе ѡ҃че бл҃ви.

Нач. Агрїпь некто имѣмь. жїеше вь стране антїѡхисцѣи. їмеаше едїнородънаго сн҃а. їмѧ васїлїа... (л. 85 об).

---

1) Повидимому, начало такое же, какъ въ статьѣ № 8, если только она не относится къ настоящему отрывку.

2) См. Приложеніе I.

9. мц҃а і҃ла. ві҃. днь мученіе стыхь мни. кирика и улиты.

Нач. Въ времена ѻна. бывши алесадру (sic) црю и мазимілину. идолом покланихуся. кртиѣзи же искаху. иже вь ха вѣрують хрстіаие. и црквы разараху... (л. 92).

10. сло іѡа златустаго ѡ кроминующи житія сг҃. притча. и повесть дивна. оче блви.

Нач.: Некто члкь имеше три други. два же съ любовію чтеше. а ѡ третіе небреженіе имаше (л. 109). Статья въ неисправномъ видѣ, въ рукописи послѣ второго листка пропущенъ конецъ на 1 л. въ концѣ (рук., л. 105).

11. Повѣсть о св. Петкѣ, безъ начала, совсѣмъ отлична отъ извѣстныхъ до сихъ поръ (л. 111). На л. 117 киноварью: Ѳеѡду прѣнде ста кь црю деѡмиду.

12. сло. ѿ. ві. снь ѡче блви.

Нач.: Вида црь шанкь. единѹ нощь. ві. снові вь граде єрихѡне... (л. 125 об.) [1]).

13. сло іѡана златоустаго ѡ душевних разьворех ѡче блви.
Нач.: Кто не дивитсе и не чюитсе ѡ сі вѣкѣ. како уставлена суть вр'емена сіа (л. 132 об.)... Нѣсколькихъ листовъ не достаетъ.

14. Сло ѿ судѣ и ѡ второ прьшьстви гны. сло плачевно. блвы ѡте. Нач.: Єга помену ѡкаанна дше. иже на землю гну страшное сь нбь сьнітіе. и прьшьствіе устрашаютсе и ужасаютсе и трепещуть и ѡ ума всако иступають... (л. 142). Конца недостаетъ.

Ms. (Con.) lit. 412 = 992. Рукопись глаголическая на бумагѣ, на 161 листѣ малаго формата, изъ которыхъ лл. 73—89 пергаменные. Въ ней содержатся аскетическія поученія и разсказы преимущественно на тему о покаяніи.

Въ концѣ рукописи, на л. 158 об.—запись, въ концѣ которой помѣщенъ ⰰⰖⰋⰅ, т. е. 1486-й годъ.

1) Повѣсть о снахъ Мамера.

За этимъ слѣдуютъ приписки позднею скорописью, глаголицей, прощаніе съ близкими отходящаго изъ міра сего и другія замѣтки.

Ms. (Con.) lit. 414 = 994. Рукопись глаголическая, въ два столбца, на пергаментѣ, въ 4°, на 66 листахъ, изъ которыхъ первый и послѣдній остались чистыми. Какъ видно изъ глаголической приписки на 1 листѣ, подписанной 1448 (?) годомъ, рукопись принадлежитъ XV вѣку. Съ об. 59 л. листы написаны позднѣе. Среди глаголическихъ буквъ попадаются кирилловскія. Составъ сборника:

л. 1. Чтение стга пвла апла. Видѣніе апостола Павла. Нач. Сни члци лю еи[1]) не пр(е)стоюще глите и славите гдина.

На л. 4[б]. столб. в. отмѣчено киноварью: То упроси бжии пл' да би видил' моуке г'ѣнске. Нач. Ва оно врим е када бжии пл' рад хотише видити все крстѣн'ске моуке.

2. л. 8. а. Виденние сга бнр'да. ко види карание дше. Нач. Виденние ко види в' глоуха доба ноции зим'нѣ едноуч' вих' оусноув' доуховним' законом'.

3. л. 9. а. Кп. стго Никол веле лип'. Нач. Бѣ моуж' ва оних днѣх' частан' волею божиею.

4. л. 10[б]. в. Тоу чтение от дда и к оуби голиѣда. Нач. Када вѣше дд' син' енсеов в планинах' пасише овце.

5. л. 12[б]. а. Од' еднога роусага ни свога крала оубиѣхоу всак° лето. Нач. Бише. †. роусаг' ки бише толико племенит' и толико моцен' да за них' великоу плеліенциноу не могахоу мею собоу крала поставити.

6. л. 13[б]. а. Чтение аврамла. Нач. Би када скончашесе дни авраамоу говори гь архайѣелоу міхоилоу.

7. л. 16. а. Чтение прекраснога моужа и ста оца осипа. Нач. Бе аврамов' бе исаков' бе иѣковл' бе избави семѣ.

---

1) Сокращеніе: сінои чл°честіи, молю ви и т. д. *А. Я.*

8. л. 22. в. Чтение стое елени ка кое криж' нашла. Нач. В лето (кирилицей). ѯѕ. црствоующоу константиноу великомоу цроу стоуденога мисеца соврасе множаство странние воиски ратние на рѣкоу ка говоратсе доунаи ищоущи коуда би могли преити и пожгати злю до востока.

9. л. 24[б]. а. Чтение сте маргарите. Нач. По моуци и по вскресени га ишега к бoу оцоу своемоу.

10. л. 28. а. На роиство сте марие. Нач. Бѣ моуж едань велѣ богат' на сем' свити именем' ѣким' а нега жена именемь анна.

11. л. 30. а. Разсказъ о ясности того, что̀ свыше насъ; безъ заглавія. Нач. Оче нигь ере мнози в своих лвьх' не оуслишетсе при она ричи.

12. л. 31. в. Кн. веле лип' чти право. Нач. То видено е да слва бжних' по опщенском' встаноути боудет' неизмерна радост'.

13. л. 35. в.—36. Пять разсказовъ безъ заглавій на ту же тему.

14. л. 36. в. сказ' зач закриваютсе аньконие в недилю от' моуки. Нач. Од' ндиле о моуки до соботи сте закривают' крнже. и то сказоуетсе да бжство више скрьвено.

15. л. 36[б]. а. Зач се не звони за оне три дни. Нач. За оне три не звонисе звонми. да табланцами дривеними и рачоун' е да се не звони. ере звон' сказоует'...

16. Ib. Ѡ таблице. Нач. Таблица дривенѡ сказоует' Іс ха ки е был' пригвожден' к' крнжоу дрива.

17. Ib. От свиц'. На оном' официи свиже (sic) и вси свитилници оугашаютсе.

18. Ib. Зач се не говори бе к помоці' ни слва ни пла. Нач. Ба оном' официи не говорисе бе...

19. л. 37[б]. а. Сие чти на кріщение цркве. Нач. Страшно е место сие саде е дом' бжи. и врата нбсна.

20. л. 39. а. На крщение цркве. Нач. Драга братѣ и сетре (sic) сини и кіщe дхвни в бози полюблени ово сто евѣлие ко сте сада слишали Ѿ кога говори бжни лоука евѣлист'.

21. л. 44. в. Єнѣ сказание Ѿ све мисе говори сти прнард̕ кѡти 1). Нач. Ово ѥ триби разоумити ча ѥ сказано кко ста миса има в себи. Ї вертоудил доброт̕ и крепости. први виртоудл моћ̕ ке има ста миса.

22. л. 45. а. На дн̕ стга. тла. Нач. Милост̕ и любав̕ и савкоупление дха сга пребоуди всагда с всими вами амень. Драга братѣ и систри. Въ концѣ статьи кириллицей написано ги поми.

23. л. 46б. в. Ѿ стга патрицнѣ. Нач. Нахаѣмо да нимим̕ дшам̕ дана ѥ навлашна прдаторнѣ да скози никога ста моужа и прдна. Въ концѣ статьи кирилицей написано ти же господи помилȣи ме.

24. л. 48. в. Почнет̕ миса злата ки колню чкь ва велици тоузи тела или днне (?) или ричи или почтенѣ бил̕ би сини тоу мисоу слоужити кко се ов̕ди оудржи и вин за исто ано свеноу тоу сврши ис доброу мисалю бь и нега мати преднага оуслиши тебе ѝожели ю ста (?) твога поп̕ свршив̕ приста (?) <по>п̕ речет̕ наипринѣ. Єлва ва вишних̕ боу. потом̕ анъ.

25. л. 50. а. Оучение ндиле прве поста по матию. Нач. В гори елиосцѣи постисе ис̕ к. дни и к. ноћи и потом̕ взлака.

26. л. 51. а. Миракул̕ от стих̕ оць. Нач. Бь за исто изволенике свое лстию различна чини чоудеса.

27. л. 52. в. Миракул̕ на ожоурнике. Нач. Ники ожоур̕ник̕ имише два сина мею кима ед̕н̕ воесе ва иде в̕ поустиню боу слоужити.

За этимъ слѣдуютъ 19 краткихъ капитуловъ (съ л. 52б по 56а). За ними большіе: α) на л. 56. в. Тое капитол̕ веле добарь. Нач. Брат̕ѣ драга наме триби разоумити на данашни благ дан̕ стга имр̕. β) 57б. в. Єнѣ ниже писана ѣклена есоу бжимоу алвентоу бискоупоу. Нач. В латинскои . . . праиие било в никои племенити обители девет̕ братанаць ко соу били вси боугодни. мею ними е бил̕ едан̕ именем̕ албент̕.

1) Очевидно, св. Бернардъ.

Послѣ этого разсказа идутъ Слова, написанныя позднѣйшей рукой: на Новый годъ, Богоявленіе, Крещеніе и нѣсколько другихъ мелкихъ поученій, наконецъ, запись, что онѣ «сдѣланы» (sic) въ 1480 г. На первомъ листѣ книги записано содержаніе книги на латинскомъ языкѣ монахомъ-глаголитомъ или въ XIX столѣтіи, или въ концѣ XVIII. Онъ же на оборотѣ этого листа замѣтилъ: Codex exaratus est circa finem XIV saeculi. Presbiter Sultich, cui dicatus fecit, non idem est ac Presbiter Sultich qui notam addidid forte hic neposest prioris.

Ms. *Laud.* misc. *47*[a]. Словарь русско-англійскій XVI—XVII вѣка, на 56 листахъ. Внизу на 1-мъ листѣ отмѣчено: Liber Guilielmi Laud Archiepi Cantuar: et Cancellarii Universitatis. Oxon. 1634. Словарю предшествуютъ азбука и краткая грамматика. Русскія буквы и слова написаны славяно-русскимъ алфавитомъ.

Заглавіе азбуки: The rouke alphabet consisteth of 41 letters, with ar borrowed from the Slavonian who had mort of them from yet freekes. Словарь озаглавленъ такъ: A Dictionarie of the bulgar Russe tongue. Съ 53 листа начинается словарь. Книга написана англичаниномъ, и слова написаны по фонетическому произношенію. Въ общемъ словарѣ слова расположены въ алфавитномъ порядкѣ, а затѣмъ слѣдуютъ группы словъ по «предметамъ», напр. названія птицъ (л. 53).

Аецъ	a storke
ѧстрипь	a goschaulhe
баба	a pok v
борошвкъ	a godwype
вакирь	a stork
ветитина	
выпь	a bittouwe
воробеѧ	a sparrowe
воронь	a raven
ворона	a crowe

голубь	a dove
Грачь	a bront
Гусь	a gonse
Глухарь	a great mourkok
Гурлицъ	a hentarrowe
Дерилкъ	a sparrow hälk.
жаворонь жаворонокъ	a larke.
жаровла	a craint.
житника	a fiaistic.
жовна	a w.
загоска	a cuckowe.
зивокь	a plover
клепеть	a crosbik.

Ms. Laud. misc. 47*. B. 71. A Dictionarie of the Englishe befor the vulger Russe fonnete. на 44 лист. въ 4°. Въ началѣ рукописи—таже запись, что̀ и въ предыдущей. Сначала идутъ англійскія слова, потомъ русскія.

*James Ms 43**. Русско-англійскій Словарь XVI вѣка, малаго формата, переплетенъ въ кожу въ видѣ бумажника. Въ рукописи 79 листковъ, изъ нихъ послѣдніе (2½)—чистые. Весь словарь написанъ латинскими буквами неизвѣстнымъ составителемъ-англичаниномъ. Встрѣчаются изрѣдка и русскія буквы, конечно, при написаніи русскихъ словъ. Слова расположены безъ всякаго порядка. На 1-мъ л. помѣщено спряженіе глагола *люблю*.

Ja lublu	J love.		
ti libish	thou lovest	wee lubite	yv love.
on libit	he lovetth	ony lubet	they love
ja lubilah	J' did love	muy lubilah	
ti lubil	t° didst love	wee lubilah	
on lubilah	he did love	ony libilah	
ti lubiti	love.		

л. 3-а. ogurtza a cookumber.
jaravel. a crane.
ȣtka a duc
gȣss a goose.
cȣrritz a hen
cleb bread
nosic a knife
Ꙁorobe a sparrowe
Ꙁorona a rawn

Shandal a candelsticke
switcha a candle.
Soel salt
masla butter
soroka. a magpie
kirpitch a bricke
golobe. a pigeon
rӀpah. a turnip
stolah. a table
lofka a bench. a shop.
cѡlli when
tout there
leato. sommer
ZӀmoi. winter
Ꙁeasno. springe
ozen. automne
traua. grasse
polӀa a field
shena-cos. a meadowe.
oftza. oates
roge. rie

yatchmen barely
optchenitz wheate
ȣgorodh. a garden

Ꙁoran a sheepe
corova a cowe
cosca a kat
chornetz a monke
chornitz a nun
chornilo ink.
chornilnitza an inkehorn
pero a pen

стр. 4. golova. a head
pletch. a shoulder
sheie. a necke
gorla. a throate
broue the porchead
glose. eies
ȣssha. eares
volosa. haire
spine. the backe
boka. a side
roucha. the arme
locta. the elbowe
beddra. the hips
colliena. the knee.
noga the leg.
piersta. a finger
polletz. the tumbe
gȣsna the breetch.
borodah. a beard
guba. the mouth
brȣdah. the hair on the cheekes
ȣse the mutchatss
zubah a tooth
yazike. a tongue.

Zagrojena tīna a fence of a garden.
breavno. the tree of a house.
naughta. a naile
sȣstava a jointe
colake. a fist
potpeata. the heele
o socol. a pigge.
petȣ indisco. a turkie cocke.
loshed. a horse
jerebetz. a stone horse
coniah. a geldinge.
стр. 5. merin. a nagge
lebed. a swan
tariulka. a trencher
Bludah. a dish
dareuunah. a village
skeah. a furme
stopah. a cup
nos. a nose
moshna. a purse
leker. a surgeon.
reka. a river

bomaga. paper
tas. a basen
zamok. a locke
clutch. a key
sondȣke. a trunke
ocontchina. a windowe
okena. the hole for the windowe.
mielkah. shallowe

ȣsda a bridle
sedlo a seddle
stremen. a stirrop.
podprȣge. a gerse
goroch. pease
rabo. a partridge
bȣba. a beane
oreah a hazel nut
morkove. a karrot
pesoke. sande
beregoe. the shore
materik. maineland
ostroue an iland
lesh. a breame
ȣgórī. an aele
rachī. a crafish
grȣde. a breast
coush. porridge
smetan. creame
sleeuka the slimminge of new
promeeshgla. soer milk
sire. cheese
kniga. a booke
mȣka mealle
rebenka. a coulh.

glšboko. deepe
ribah. fish
zerkolah. a lookinge glasse
lhone. flaxe
penka } hempe.
konopla
стр. 5. lhode ice
snego snowe.
grome thunder
meloniа. lighthininge.
doge. raine
morose. frost.
chort }
spaga } swordes.
palosh }
sablah }
стр. 7. tsweat. a colour.
wisbah
górnitza
chiulan
senie
podcleat
cleat
possalosha
palate
peach
shestoc
peschurka.

стр. 42. Nebossólna bobka. a midwift.
Cherreze. a girdle purse usde by travaill in poland and Russia.

стр. 6. Brage { oxan
tchort { Baesh
diabolo { Diasslaxan

din. a daye.

стр. 7. polocháftan
caftan
ферese
sube
Oneratki
Chiug
Ozereilliah
oxábenoc
тchermag
porkis
slanie
тchiulke.
sérафan
lapke Boshmácki
porshne { ichige
{ itichige
volosenic
soroke
podabrùse
potilnic
chapka
chestnoc. garliefe
lške oinins.

стр. 70. sitnika postele. a bed of bull russhes.
Istoiálsa. the beert is dead.
zaboinic a sh8rmye stir.
zatravshna porroc. primimye p8der.
scorrostrelna
βerxossih narod
cealo p8shka
ognani narod
} names of ordiname.

Страницы 74—80 остались чистыми.

Къ книжкѣ пришита тетрадь малаго формата, на иной, желтоватой бумагѣ (стр. 81—96). Въ ней написаны шесть пѣсенъ русскими буквами, несомнѣнно, русскимъ, скорописью XVI вѣка. Послѣ этой тетради слѣдуютъ еще 4 листка прежней книжки, оставшихся незаполненными. Книжка написана мѣстами въ два столбца, мѣстами во всю строку. Иногда встрѣчаются длинныя англійскія объясненія.

M. ecl. Liturg. 349. Глаголическій миссалъ XV вѣка, на хорошемъ пергаментѣ,, въ 4°, на 230 листахъ, текстъ въ два столбца, съ надписью на корешкѣ: Messale in ling. schiav. Dª Getolom. Cod. Membr. Письмо четкое, полууставное. Начинается рукопись уставомъ, какъ служить вигилію и миссу при различныхъ обстоятельствахъ. Затѣмъ слѣдуютъ миссы по чину св. Петра (л. 4б в.) и Анастасія (л. 8б. в.).

л. 10. в. На днь сга стпна првога мч. блвити соль и зобь. На л. 11, а: смѣшан соль с' зобию. Л. 11б, в: здѣ покропи соль и зобь. водоу блвноу и покади талѣнюмь и дан ѣисти скотомь и конемь. На днь сга стпна првога мчнка.

л. 12б. ав. На днь стаго апла нѥѣлиста зименати вино. Л. 13. в. Прилѣи блне воде к виноу гле. Бди сие смѣшение вина и води в' коуще и скцниѣ. о хѣ исѣ гѣ ншмь амнь. Л. 13б. а. Водѣ дан пити людемь ко хотеть а останокь прилѣи в бочви к' виноу или храни в' чистѣ мѣстѣ. и пян по ютра на таще сам. | На днь сга ивна апла и ѥѵста.

л. 14. в. Миса св. младенцевъ.

л. 15. а. На днь стаго томаса бискпа мч.

л. 15^{б}. а. На дань стаго салвестра папи.

л. 17. а. На дань крщениѣ гна знаменати водоу пред' мисоу. Попь речеть Очє наш. Л. 18. а сипле соль ва водоу в крижь реки.

Л. 27^{б}. в. Въ 1-ю среду поста, предъ мисою блвити попель ѿ ветвиѣ ланскога. л. 28. в. Покропи и покади попель и положисе попель на главоу гпоу ко хоче великоу мисоу пѣти. и положи моу на главоу дроуги ппь ако есть. а коли га не тако самь себѣ положи поплень пред' алтарь. и стоеще к корѣ. поют еси. ани ниже писани. а дроузи приемлють попель.

На листѣ 70^{б} кончаются великопостныя службы. Съ л. 71 начинаются службы на недѣлоу цвѣтноу.

л. 151. Мѣсяцесловъ римскій; на каждый день положена память одному святому.

л. 155. а. Ба име божие амень почѣтие мись опщинхь по законоу свѣтие римские црквe на виѣилию едного апостола.

л. 162^{б}. а. На рождаство едного свѣтца от казне до петикость ки нѣмаю на власть слоужбе.

л. 179^{б}. а. миса свѣтие марие от' рожда до очищениѣ светие марие.

л. 196. а. миса за желѣющихь покоре гдо глащие от' ѣзика погоубить. покоре просещь. доклe попь придеть нареено есть. ако добри свѣдоци свѣдокоують. или онь по никихь знамениѣхь. немоцникь оуказоуеть. в' срци своемь покаѣние попь има испаците ва счищь просещоумоу.

л. 196^{б}. а. Ба име божие амень. Почетие навластнихь мись. оть свѣтаць по все лѣто. на вилию. светаго андрѣѣ апла.

л. 197^{б}. а. На дань светаго ѣндрѣѣ апла.

л. 198. в. На свѣтго дамаска ппи и т. д.

Эти мисы продолжаются до конца рукописи, гдѣ послѣдними мисами являются: л. 235^{б}. а. Б частни дань ѣжние елени цеса-

рице, л. 236. в. на дн҃ь ст҃е марьти, л. 236[б] в. на дн҃ь ст҃го антоние опата и л. 237[б]. а. миса в чт҃ь пети рань божиѵь.

Литургическія и уставныя указанія написаны киноварью, инициалы раскрашены разноцвѣтными красками, иной разъ съ миніатюрами. Рукопись сохранилась хорошо. Въ языкѣ встрѣчаются старыя формы.

Bodl. № 995=92. Сборникъ аскетическій и каноническій XVI—XVII вѣка, въ 4°, на 160 листахъ, писанный четкой уставной скорописью. Правописаніе русское.

Въ началѣ пришита русская азбука XVII столѣтія, принадлежавшая Томасу Томсону (Thomas Thomson), какъ замѣчено въ началѣ азбуки: Thomas indagator juditialis artificialis Thomsonus Oxonie sic in artibus magister perperitus studiosus 1670. Hudts Willensic incola liber in terris ibi 20[a] (Sept?). Азбука малаго «карманнаго» формата, на 16 листкахъ, состоитъ изъ буквъ и слоговъ, написанныхъ крупнымъ уставомъ. Молитва и записи—мелкимъ полууставомъ. Текстъ азбуки помѣщенъ на $13\frac{1}{2}$ листкахъ. На оборотѣ 15 листа написано Оч҃е нашъ. На 16[а] сдѣланъ кругъ, около котораго написано: написася азъбука на иваниково имя сн҃а скарьбѣева англичанина. Въ кружкѣ киноварною вязью: Азбука енишковꙋ какаевꙋ. Затѣмъ снизу: начало благо. конець потребе҃.

Составъ сборника:

ѡ спс҃ители бж҃е начинаемъ сказаніе главаˣ в' настоящиен сеи книже, т. е. оглавленіе.

1. правило с' богоˣ починаемъ стыˣ апл҃ъ и стыˣ. з҃. совѡръ прп҃бныˣ и бг҃оносныˣ ѡц҃ь нашиˣ. ѡ епп҃еˣ и ѡ ерѣѡˣ, и ѡ мниҳеˣ и ѡ людеˣ мирскиˣ заповедˣ всякіа. гла҃ а.

2. ѡ родителеˣ и ѡ чадеˣ правило.

3. иѡанна мниҳ[а], чада великаго василіа иˣ речено бг҃ чадо послꙋшаніа ѡ исповѣданіи таиныˣ грѣҳоˣ поꙋченіе. Нач.: Яко подобаеˣ исповѣдающемꙋ в' таинѣ своего съгрѣшеніа.

4. заповѣ͡дь ѡ оубїйственны͡х гресѣ͡х. Нач.: Иже своѥю волею оубїйство сътворитъ.

5. сты͡х а͡плъ ѡ црква͡х. Нач.: Что ѥсть праведнейшеѥ ѡбновлѧти и воставлѧ͡ти ѡбе͡тшанн͡ыа и па͡дшаѡсѧ црькви.

6. правил͡о ѡ вѣрꙋющи͡х в гады и въ зра͡к часови, имѧщи͡х дни ѡвы добры ѡвы же злы.

Ѡ͡т оубо нѣцїи въ х͡ртїанѣ͡х. и͡ж еретиское дѣла держаща. и ег͡да бꙋде͡т по захо͡дꙋ слнца, не даю͡т ничто͡ж ѿ домꙋ своего ни ѡгнї ни съсꙋ͡д некаковъ или тре́бованїе некакое. внимаю͡т же и гласо͡м кꙋрѧщи͡м и кранїи͡м и птичїи͡м и лисица͡м. и срѧща глща ѡвы злы ѡвы͡м добры. и зрѣнїю слнцꙋ и лꙋнѣ и звезда͡м и званїе ското͡м. тѣмі же подрꙋбнꙋ се начинаю͡т и повелѣвае͡м оумѣющемꙋ сїѧ съ запрещенїе͡м, ктомꙋ не внимати таковы͡м зане сꙋ͡д страшенъ прїиме͡т ѿ си͡х.

7. Ѡ малакїи. Нач.: Ѡ малакїию (sic) дѣай и сею блꙋдѧ запреще͡м да прїиме͡т лѣ͡т. г͡. и покло͡н. к͡. малакїю же двѣ различии има͡т ѡва с рꙋками. ѡва͡м съ бедрама свойма и е͡с злѣиши с рꙋкама паче ли бедренныа но ѡба зло и лꙋкаво ѡбое.

8. стго и вселѣтнаго собора втора. Аще кто ѿ поганы͡х ѧзыкъ прїиде͡т и кртитсѧ в͡ православнꙋю вѣрꙋ и пото͡м сподоби͡тсѧ быти иерѣй таковомꙋ повелевае͡м бы͡ти аще ли͡м и е͡ппъ да бꙋде͡т.

9. по оученїю сты͡х ѿць ѡ ѧденїи на стꙋю пасхꙋ и на все лѣто. Нач.: Повелеваемъ всѧкомꙋ хртїанинꙋ по стѣи пасце тꙋ всю се͡дмерицꙋ ѿ н͡длѧ и паки до н͡длѧ долинны мирскїи чл͡цы да ѧда͡т мас. а мниси сыи рыбꙋ.

10. а се пра ѡ іерѣе͡х. Правило сты͡х ѿць ѡ іерѣехъ и ѡ мнисехъ ѡ паденїи͡х и клѧткопрестꙋпнице͡х. Нач.: Іерѣи да никогда͡м слꙋжи͡т со ѡцто͡м но виномъ и водою.

11. ѡ ро͡дствѣ степенїи еже ѿ брачнаго сро͡дства знаемыхъ Нач.: Бꙋди же вѣдома и ѡ по плоти рождако͡х родителїе чада.

12. ѡ степене͡х и ѡ сро͡дстви͡х брачны͡х сире сватове͡х, и ѡ ерѣе͡х и ѡ мнисе͡х ѡ дьѧконе͡х и ѡ жена͡х. Нач.: Поне͡ж оубо рѣхомъ ѡ степене͡х рода и роди͡тел͡ныѧ крове.

13. сказанїе нѣкое чюд(н)о ве҆ли о ієрѣѣ падше҆ со скотьною [1]).

14. о крадущи҆ сщ҃енна сирѣ҇ книги и ерѣи хотѧщим литоргїасати и впа҆ше҆ в соблазнъ. Нач.: Крадущеи сщ҃енна сирѣ҇ иже книг и сщ҃енныѧ сосуды крадуть лѣ. в҃. да Ѿлучатсѧ по. рн.

15. о инокѣ҆ и ѡ ієрѣѡ҆ и прѡчаа главы ѿ смиреномудрїи. Нач.: Иерѣи аще хѡще҆ литоргїса҆ впадне҆ в соблазнъ. аще оу҆бо желанїе ему бы҇ не на жену. На полѣ листа, противъ начала записано: ѿ совла҆не.

16. ѡ инокѣ҆ и ѡ ерѣе҆ и прѡчаа главы, и ѡ смиреномудрїи. Нач.: Повелѣнїе сты҆. т҃. и. иі. ѡц҃ъ ѡ приключающи҆сѧ во инокѣ҆ їерѣе҆ и иже по҆ ѡбластїю сущимъ.

17. се есть вопрошанїе кириково. иже праша еппа новгоро҆скаго нифо҆та и инѣ҆. Нач.: Праша҆ вл҆ки. аще члкъ блюетъ причащавсѧ.

18. ста҇ саввы правило. ѕі. Нач.: На҆ мертвецем бывшу попу достои҆ тому дни служити ему

19. ѡ соблазнѣ нощномъ. Нач.: Аще блазнъ рѣ҆ (sic) будетъ ѿ дїавола к нощи, и сѣмѧ буде҆. достоӥ ли служити на ѡбѣдни.

20. въспрѡсъ стго илїи архїеппа. Нач.: Въпраша҆ вл҆ки иже блядучи причащалисѧ не повѣда҆ ѿцемъ. а ѡни вѣдучи да ѧли. нѣто рѣ к то҆ грѣха дѣтемъ но ѿцемъ.

Всѣхъ вопросовъ 25 [2]).

21. стго великаго василїѧ ѡ опете҆ѡ҆. Нач.: Иже з҆равъ сыи тѣломъ ленитсѧ на млтву.

22. стго и прп҆бнаго ѿца нашего іѡ петеларе игумена оуставы монастырѧ его. Нач.: Егда оударѧ҆ в било соберутсѧ в паперть црковную и т. д., причемъ никто не смѣетъ перемѣнить занятаго въ началѣ службы мѣста. Затѣмъ идетъ предо-

1) См. Приложеніе III.

2) См. Приложеніе IV.

стереженіе: аще ли начне̃ тако творити ѡставив мѣсто своѐ и паки на ино ше̃ стане̃. то̃ покаже̃ и̇. или ѥдіного̃ аще не послушае̃ да и̇зждену̃ и̇с̕ собора цр̃ковного. такожє и̇ на колѣнаніє пристѹпае̃ по оу̑ставѹ ѡбраза своѥго и̇ на трапезѹ и̇ на целованіє.

23. никифора патріарха цр̃аграда лѣтописець вкра̃цѣ. Нач.: Адамъ первыи чл̃къ бывъ лѣ̃. с̃а. (на 6½ листахъ).

24. єпифаніево сказаніє ѡ пр̃роцѣ̃ (єпифанія...). Нач.: Первоє, ада̃. в̃. єно̃. .. того̃. о̃. ѕ̃і. пр̃рокъ и̇ ѡ̃кѹ̃ выша и гдѣ и̇зомроша. Нач.: Первыи ѡсіи сн̃ъ веировъ. бѣ ѿ мелмода племене изаха и̇ оумре и̇ погребе̃ бысть въ своє̃ земли. в мирѹ.

25. сказаніє хютро ѿювъствѣ̃ телесны̃ и̇ ѿ дшевнемъ свойстве и̇ и̃ во снѣ и̇зрои по вещи и̇ чре̃ вещь. Нач.: Четырми дѣлесы дш̃а ѡскверняєтся хожєніємъ во граде.

26. правило ст̃ы̃ ѿц̃ь ѡ черноризцехъ. Нач.: Аще чернець в велицемъ ѡбразе впаде̃ в̕ блѹ̃. да има̃ ѿпите̃ю. з̃. лѣ̃.

27. прп̃бнаго ѿц̃а нашего деwдора и̇гѹмена стѹдійскаго. ѡ остание̃ цр̃ковны̃. кано̃. а̃. Нач.: Не ѡбрѣтаѧ̃ в̕ началѣ слава в̕ вышни̃ и̇ бг̃ѹ, и̇ли и̇ноѧ по̃бныѧ болѣзни.

Уставъ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: β. ѿ годи́на̃: γ. ѿ павечєріи мл̃твє; δ. о̃ дѣлателє̃; ε. ѿ мо̃вящи̃ ѡ та̃вѣ; ʒ. ѡ неисповѣда̃; η. ѡ клеве̃вѣ; ζ. ѡ о̇ слѹшаніи; ι. ѡ и̇змене̃н ри̃; κ. ѡ гл̃щи̃ на и̇гѹмена; λ. ѿ лако̃ствѣ; μ. ѿ оклеветаніи; ν. ѡ ризе; ξ. ѿ бесповелѣ̃ны̃ написа̃ны̃; ο. ѡбличеніи; π. ѿ сосоу̑де̃; ρ. ѿ вареніи; σ. ѡ дрове̃; τ. ѡ чаша̃; υ. ѿ сосѹде̃ вареніа; ϛ. ѡ сѹмошевцы; χ. ѡкалиграде; ψ. ѡ шевцѣ ризне̃; ω. ѡ вратари; αα. ѿ болящи̃; ββ. ѡ повачи (sic); γγ. ѡ кандиле̃; δδ. ѡ градари; εε. ѡ гости̃нице; ʒʒ. ѿ хлѣбари; ηη. ѡ дроводѣ̃; ζζ. ѡ скотари; ιι. ѡ и̇сходящи̃ братіи и̇ли на пѹ̃ и̇з монастыря, на ѡрѹдіє єго монастырскоє; κκ. ѡ оу̑чителн дѣтемъ. аще не и̇ма̃ оу̑тробы мл̃твы. писано пре̃ в числѣ; λλ. всякъ срамно слово.

или поносно развѣ старѣйшины. наказано сице глщи[х] иже приноситъ в' братїю да покло[н]. н҃. мм. ѿ дворимитари.

28. правила сты[х] ѿцъ. р҃. и҃. ѯ҃. и҃. е҃. ѡбидащи[х] стыа цркви. Нач.: Великаго сего нашего града съ прстыми твоими архиеппы. р҃. и҃. ѯ҃. и҃. е҃.

29. поучєнїє стго євсевїа (на поляхъ: поучєнїє и[ж] во сты[х] ѿца нше..євсевїа къ прозвитеро[м] дшеполезно). Нач.: Ѡ попове вга вышнаго слуги внимайте себѣ и стаду вашему ꙗкоже великїи деѡнисїи вѣща.

30. правило сты[х] верховны[х] аплъ и сты[х] бгоносны[х] ѿцъ. Нач.: Аще кто двоженецъ каетсѧ да прїиме[т] ѡпитемьѭ. м҃. днь.

31. иже во сты[х] ѿца нашего деѡгнаста єппа сарайскаго в'прос оу стѣйши[х] патрїархъ.

Сѣдѧщимъ стымъ патрїархомъ въ цркви стыа содѣѧантиѡхїйскому и конъстантїна града патрїарху ивану с нимъ. митрополи[т] халкидо[н]скїи никола адинейскїи меле[н]тїи. алахїискїи лавре[н]теи. и визискїи ива[н] деревъскїи конъста[н]тїнъ аледа[т]скїи содро[н]тен, и всеа рсїи максимъ митрополи[т] и пре[д]стоѧщимъ попомъ и дьꙗконо[м]. и блгочтивый єппъ саранскїи деѡгностъ седѧщи[х] в соборе смиренїю нашему. востакъ проме[ж] всѣми саранскїи єппъ деѡгностъ. вопрош[а] нѣчто и ѿвѣща ему в кїа дни и входы подобае[т] стлю чести єглїа. (ѿ). и четыриж[д]ы в лѣт, рекше страстныа н[д]лѧ. в чє. а҃. е҃, и на пасху на литоргїи на вечерни и въ. а҃. днь, сетебр' мца єгда ходѧ[т] со крты. а игумено[м] в' великїа праз[д]ники да чту[т] разве нужа прї инехъ попѣхъ не чту[т] разве нужа. Всѣ вопросы и отвѣты касаются по преимуществу церковной практики.

32. поуче[н]е и наказанїе попомъ ѿ всѣ[х]. како подобаєтъ дѣти свои дховный оучити и ѡпитемьи имъ давати по заповедемъ и по правило[м] сты[х] ѿцъ. влви ѿчє. Нач.: Сє стїи ѿцы оуставиша оуставъ ро[д] хртїанъскому в великое говѣнїе. ѿпрос федоровы н[д]ли. ѣ[м] вариво вто. в чє. в су и в н[д]лю ꙗже

сыро а питва мало испиван. а с женою въ четокъ бо а покло-наися по. т. на днь.

33. великаго поста оуставъ тако ѡ ядении бѣлцемъ. Нач.: Всю федорову нлю по литоргии и по вечерни ясти имъ горох праженый ква и воду и к пя вечеръ вариво...

34. поучение иже во стых ѡца нашего григориа бгослова къ иереѡм (на поляхъ: къ прозвитерем) и всѣмъ правовѣрнымъ и хоимениты людемъ... Все поученіе составляетъ почти дословное повтореніе начала главы 29.

35. поучение и къ стых ѡца нашего григориа бгослова. Нач.: Слышите сіреиніи ереи что ѡ ва бь бгъ глтъ. жатва рече приспѣ многа.

36. поучение сто адонасіа архіепспа александръскаго. Нач.: Ѡ пастыріе и что сътвори всегда мзды вземлемъ а дѣлатели никакоже есмы...

37. поучение и во стых ѡца нашего іѡана злоустаго ко прозвитерем. Нач.: Ѡ прозвитере помысли которыи санъ прiалъ еси ѿ бга кои талантъ порьче ти е что имъ приплоди...

38. поучение и въ стых ѡца нашего іѡанна златооуста патріарха црагра. Нач.: Помыслимъ добре ѡ братіе что плод приѡбрѣтае поручецнымъ намъ таланомъ...

39. поучение иже во стых ѡца нашего василиа великаго архіепа кесаріа каподокійскіа. Нач.: Попъ долженъ есть не имѣти гнѣва никакого ни гордости и скорбныа оутѣшати піаньства оуклонятися и гнѣва ѿню не имѣти.

Marsh 187. Словарь XVII—XVIII вѣка, въ листъ, на 181 листѣ, на латинскомъ, новогреческомъ (народномъ,—seu graeco-vulgariter), турецкомъ, татарскомъ, армянскомъ, малорусскомъ (Slavonico seu Russico) и румынскомъ (Walachico seu Moldavico) языкахъ. Заглавіе рукописи: Lexicon... 2. Graeco-vulgarit. sive Romanicam, 3. Turcicam. 4. Tartaricam. 5. Armenicam. 6. Slavonicam. 7. Moldavicam ex diversis lexicographis, oreque Turc. Arm. Graeca composuit Marsh.

Начинается рукопись словомъ Abacuch; послѣ латинской, формы этого слова приведена только армянская.

Abacus	τραπεΐζόν μαγίρον	стоˆ кухаскія	маса де сокачи
abagio	παριμία	присловa	ѡ повѣті
abalieno	χωρίζω	оудалити	деспацеск деспатире
abalienatus	χωρισμένος	оудалони	деспатит
abamita	θεία τȣ προπαππȣ μȣ [1]).	дида моего стрїи	матуша мошъ
Abaphus	ἄβαφος	немочони	нетин
abiiceo	ριχνω	кедати	арꙋнкаре
abiectus	καταριγμένα	покiбанъ порꙋчoнъ	лепадат
abiecte	απoριγμένο	ꙋганюнї	блѣтемa
	καταφρονιμένο	покїдани	лепадa
abiecto	τωπίχοσις, απόριξις. ρίξις	пiкoти	смиренніе
		покїдана	лепатаре (sic)
abitengro (sic)	μεταχενȣργόνω	зновꙋ оуновaю	ѡре деновеꙋ
abintestato	χορις διά θίχι	беˢ тѣтаментꙋ	фара тѣтамѣт.
abindico	χρίνω	сꙋдꙋ	жꙋдекꙋ.
abingo	ξεζεύγνω	ꙋпрегаю	дегамекꙋ дезпатек
abiungo	χωρίζο με	оудалюсе	деспатек
5. abpatruus	τȣ παππȣ μȣ θείος	брат дѣда мого	ꙋнкю татъ
arumpo	κατατζαχίζο	зламꙋю	рꙋпере
7. absono	ατιγιακαμω	брꙋю	фа ретате
absorbeo	ριφίζω	хлебати	собїре
abstemius	πανταγνιφος. χρασις δενπίνι	віно не піл	чела че ни (sic) бе (sic) вин.

1) Было: θεία τȣ πατρος μȣ. *П. С.*

abstergo	σφȣγγιζω	ȣтираю	ашѣг
abstineo	γρεφος φιλάγο με	трівво ховаюсе	трезв ѫнблавон
Abavunculus	θίος	стрін бабкы моꙗ	ѹкю мошин
abauus	από παπως ὁ πατέρας τȣ παππȣ μȣ	дидчи̑ ѡтец	тата мошулꙋн
abba	αββά	ѿче	тата
Abbreuio	χλόθω	скрȣтити	счꙋре
Abdias			
Abdenago			
abdico	δυόχνο	гонити	гоніре
abdo	χρίβο	скрію praes.	аскꙋнд praes.
Abdite	χριφά	таꙵно adv.	аскꙋнс
2. abditum	χριβιστίρι	скріти мѣсто	аскꙋнс лꙋк
abdomen	άλιμα	сало	ȣтꙋра
abduco	το περιδιαβάζω	преводіти	предꙋчере
abedo	περιτρόγω	їести	мънкаре
abemo	πέρνω	одымȣю	дела сȣнра лꙋва вон
abeo	περιδιαβένω	прихожȣ.	преꙋмблес
aberratio	σφάλμα	блȣдена	перділре кале
abfore	απργιασμα	інде бȣти	ѫтралт кіп фіре
abhine	αποτωραχι	от того часȣ	де чѣта време
abhorreo	μισσοόμε		ȣррьре
abhorresco	αχιαζο με	боюсе	кън темен
3. abieravius	λευτουργός	тѣла	тесла
abactus	χλεύτις ζωοχλεύτις	гвадтон бь- дло ȣкрати	кꙋ сіла віте лꙋваре за в фȣраре
abigeus	χλεύτις χτινό- χλευτις ἀ κτῆνος ες χλεπτης	бьдлокрадца	фꙋр де віте.
abstinentia	εγγρατια	тріввоти	трезвіе
8. absumo	ἐξοδιάζω	стровоую.	кеꙋтꙋескȣ
absumedo	ἔξοδος	страновати	кеꙋтꙋіре

absurdus	λολός	нерозꙋ^м^ни	зали^т^
absurde	λολια	нерозꙋ^м^ноти	залꙋдїє
abundo	εχω πολιβίο	маю досі^т^	сꙑн^т^ бога
abuolo	πετꙋ με	прілетꙋсе	а^м^верес
9. accensi	(тур.)	мєтки слꙋга	апро^х^
acclino	επιχλίνω	хъліаюсе	хълес
accipiter	γεράκι	атрv^м^	соко^л^
10. accresco	μεγαλίνω	прірот꙽ꙋсе	крес
accrementum	αυξιον	ротє^н^а	крє кrрє
accubitum	χρεβάτι	ложе	па^х^ (sic)
accumulo	επισορεύω	згромадаю	громадєк а^н^три ло
accuro	φιλάγω	смотрю	сокотєс
accuratus	ενιαρίς	пі^л^новати	сокото^т^
accuso	χλαύτο με	ōка^р^жꙋсе	перє^с^к
accusator	κατίγοφος	ōкагац (ч)	пєръто^р^
acor	οξινο	ква	дро^н^д акра
acerbitus	άγꙋρο	не^з^ралы, гꙋко	нєфріп^т^ ама^р^
aceroe	ομό	сьрово	кrрі^л^ (sic)
acerra	θιμιατός	кадініца	кадініца
acersecomes	μαλιαρις	комати	кrла, пъро^с^
acernus	νουμουλία	громада кꙋпа	громада
achnas	αγριαπέδια	лѣсні грꙋшки	перє де пъдrрє
13. addormesco	χιμού με	сплю	домєк
adelphi	αδελφοι	брата	фратри
14. adultus		паробокъ	воїники
adopto		дꙋхонуї сь	де крr фи^л^ фачер
15. adiurgium		свар, suuar	чартаре, cartare
adiuvo		прісігати prsihaty	жꙋрарє, zurare
adiuuo		помогати pomohaty	ажꙋтарє, azutare
administratio		рада місlатісе rada mislatyse	дівані^л^ diuuanul

admissarius	стаднік	стаба stauar
admoenio	мѹр зопсѹваті	зид стрікаре sid stricare
adolescentia	молодоти	тънаріе

На этомъ листѣ нѣкоторыя армянскія и русскія и почти всѣ румынскія слова передаются и въ латинской транскрипціи.

16. adinamum	ἀδίναμος	бе·сыль	фа пѹтере. наре сфла (sic)
aedes	εχλισία	цекѡ	бесъріка
aedicula	σπιτάκι	домо	а касешоре
aedificatio	σπίτοφκιασία	боудованія	кѹте, факѹтѹра
aedificatiuncula	σπιτοφκιασιακί, ἰχοδομάκι	доуване (sic)	кѹтішоре
18. agricola	χωριατης	селані. мѹжі	цара
agger		гробла	хѫлащіе
agilias	γλιγορος	хѹкіѹ	таре. кѹрѹтъ
agmen	πλῆθος	кѹпа громада люді	мѹлі осте.
agnatio	γενός	рѹд ѿца. рѹд од ѡтца	рѹда дела тата
19. agnus.	αρνί	бара	німіе (sic) бебе
agolum		о·часкі лѣско	тоіа прокѹрарес
ala	φτερό	скрі·ла	арїпа
alge	ριγω. χριωνο	озаблью	міе фрі
ales		пта$_x$	пасе
aliquand.	χάποτε	коліж да·но	ѡе времe
aliquantulum	λιγακι	трохо	пѹцне
aliquis	χάοπις	хто колъве	чинева
22. ancilla		ді·ка слѹжебні-ка	фата слѹжітора
angaria	αγγαρία	пашінѹ (sic)	слѹ·бо доніака, а·гаріа
29. armentum	αγέλι	стадо	ста

armentaria		збройнїца	рѡтѵва̑. камара де ра̑тѵ.
31. as		обычаїві	ꙟⷩцьлепт
assuetudo	συνίθια	обычаю	леџе.
astaphis	σταφιδα	розінкі	стаχиⷯ
aster	ἄστρο	свізда (cic)	стела
astutus	πανȣργως	хытрї	врежмаⷩ
32. atrium	αυλι	насхоⷯ подвоⷬ	гаⷬда

Буква А занимаетъ 34 слишкомъ листа. Текстъ написанъ только по лицевой сторонѣ листовъ.

43. caprimulgus	κατζικοαρμος	козлодою	кпремѵ̑гѵ̑ (sic)
90. hei	χλί. ωχ. οἴ με	ѡⷯдї мнї	ваⷩ де мїне
herba	βοτάνη	зѣлѧ	ꙗ̑ба
heri	ἐχτές, χθές ἐψές	ȣчора	їерї
honestus	τίμιος, ἔντιμοτατος	ȣⷩцивї	чѣ̑тит
91. hora	ὥρὰ	ча̑, годіна	часоре
horda	αγελάδα	корова телѧта	вака кȣ іце̑
121. nox	νίχτχ ηοχα	но̑	нопте
nubes	σίνεφο	оболо̑, обла̑	нѵбе
129. pastor	πιμιν	пате̑	покора̑, па̑тор
130. pecten	χτένι	гребли	пе̑тине
pecto	χτινίζω	чешати	пектинаре
pectus	στίθος	пе̑ стї	пїекте
pecus	θρεμμα, βοσχιμα χτίνι	быдло	віте, вітле (sic)
157. semino	πέρνω	сіѧти	семене̑к
senus	μίσος	повіца (sic)	жѵмѵтате
semper	παντοτε	ȣсегді	то̄е време
senex	γέρος	старец	батрин
187. vultus	προσοπον	тва̑	фаца

xylinum	βαμπάκι	бавбна	вл̃вл
zona	ζωνάρι	пом	връ̃
zythum		піва	вер

Въ концѣ—три записи: одна на греческомъ, другая на турецкомъ, третья на татарскомъ языкахъ. Привожу греческую: ὡς περξένι χαιρονται εἰδῆν πατρίδα καὶ ηθαλαττευοντε προξένι ειδῆν λειμένα οὑτο καὶ η βιβλίογραφον τε ειδην βιβλῦ τέλος.

Рукопись написана, повидимому, одною рукою. Во многихъ мѣстахъ есть поправки.

Laud. 516 = Laud F. 46. Новый Завѣтъ на чешскомъ языкѣ XV вѣка, на 361 листѣ (къ нимъ прибавлены 39 чистыхъ). Почти вся рукопись на бумагѣ; въ началѣ Евангелія Матѳея находятся два пергаментныхъ листа; такіе же два листа находятся и въ концѣ Евангелія, и въ началѣ Евангелія Марка. Предъ каждымъ Евангеліемъ помѣщены предисловія св. Іеронима. Весь текстъ написанъ по графленному.

Въ рукописи заключаются четыре Евангелія, апостольскія посланія съ апокалипсисомъ и указатель евангельскихъ чтеній, написанныхъ крупнымъ полууниціальнымъ письмомъ. Наконецъ, за текстомъ Новаго Завѣта находится:

л. 351. Pýseň o na nebe wzety neyblahoslaweňéýssý panný Marýe a zpiwa se yako Ave gloriosa virgo mater X͞ti.

Každý zbožny krzes'tan pochwal drahe panný, neb ýe welebný pan nebeske kralowný powýssýl a vcztil w ňewýmluwne slawě, gěž angele chwale se wssemi swatými Marýgi pannu. Нач.: Neb sam Buoh přzikazal, kde w swatých cztiti (л. 361)... složena r. 1518 (Ib.). Tato Canty, aby snaze mohla býti spamatowana, tak gest dělana, že po prwnich literach werssu takto gest položeno, kněz Augustý z Netwořec mne skladal, w Cetorazý.

Tato pijseň psána gest w Janowickach, a dokonana ten čtwartek po S^m Martinu letha 1538. Пѣсня написана довольно крупными буквами на 10 листахъ.

Въ началѣ каждаго евангелія и апостольскаго посланія находятся инициалы, раскрашенные и съ золотомъ [1]).

Непосредственно за Евангеліемъ Матѳея слѣдуютъ Посланія ап. Павла. На л. 151ª отмѣчено: Skonalý su te ctenie ctyř Ewangelist. Počina se předmluwa S. Ieronima na epistolu k rzimanom. Въ началѣ рукописи, на 1-мъ[б] л., отмѣчено: Liber Guil. Laud Archiēpi Cant. et Cancellarii Universit. Oxōn. 1638 [2]).

Ms. Rawlinson. liturg. d. № 6 = 15857. Молитвенникъ на латинскомъ языкѣ XIV—XV вѣка, на пергаментѣ, въ 4°, принадлежавшій польскому королю Владиславу III или IV. Письмо скорописное, по краснымъ линейкамъ. Въ рукописи замѣчательны миніатюры — 12-ть изображеній Владислава, большею частью въ порфирѣ. При немъ всегда находятся гербъ, корона и держава. Самъ король изображенъ очень молодымъ, почти мальчикомъ, безъ бороды, и представленъ молящимся предъ Спасителемъ или Богородицею, ангелу-хранителю или ангелу; только на л. 15-мъ передъ королемъ нѣтъ ни одного изъ священныхъ изображеній: въ правой рукѣ онъ держитъ мечъ, въ лѣвой державу. Нѣкоторыя изъ миніатюръ составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и инициалы. На л. 52[б] миніатюра занимаетъ цѣлую страницу. Въ двухъ инициалахъ, не входящихъ въ число 12 (именно, на стр. 45[б] и 47ª), нѣтъ изображенія короля, а только гербъ.

Молитвенникъ начинается словами: Ave gloriosa Mater Maria Mater Cristi virgo pia. Въ концѣ рукописи, на листѣ, оставшемся неписаннымъ, іезутомъ Ioannes Farrandus, въ Безансонѣ въ 1634 г. написана pro memoria для доктора медицины D. Querineta латинская замѣтка (л. 78[б] — 79[б]): De Wladislao Rege

---

1) Замѣтка объ этой рукописи была напечатана въ Časopis'ѣ Чешскаго Музея «Zpráva o českém rukopise v Bodleanské knihovně v Oxfordě». Podává prof. P. Sýrku. (1897, стр. 249).

2) Объ Уильямѣ Лодѣ 1573—1645 гг. см. у Sidney Lee, Dictionary of National Biography, V. XXXII. London. 1892, стр. 185—194.

coniectura et de eusdem precibus oraciis (?) judicium, гдѣ онъ говоритъ нѣсколько словъ о Владиславѣ на основаніи польскихъ источниковъ, а главнымъ образомъ о содержаніи молитвенника и иллюстраціяхъ.

IV.

Особую группу русскихъ рукописей Бодлеянской Библіотеки составляютъ четыре свитка и папка съ разными документами. Свитки эти слѣдующіе:

1. Ms. Bodl. Rolls. 24. Помянникъ на пергаментѣ русскаго происхожденія, XVI—XVII вѣка, принадлежалъ частному лицу. Письмо немного потертое, не вездѣ удобочитаемое.

2. Ms. Bodl. Rolls. 17. Русская пропись XVII вѣка; въ концѣ приведена царская титулатура.

3. Ms. Bodl. Rolls. 14. То же самое.

4. Ms. Bodl. Rolls. 52. Дѣла о посольствѣ въ Россію Charles Howart'a.

Ash. 1763. Сборникъ грамотъ, записей, печатей, геральдическихъ таблицъ и т. п.—разныхъ вѣковъ. Здѣсь находятся, между прочимъ, и нѣсколько русскихъ грамотъ:

I. л. 47 (№ 1538), па бумагѣ, съ золотой заставкой-инициаломъ. Отвѣтная грамота Бориса Федоровича 7100 (1592) года, іюня 10 дня, англійской королевѣ Елизаветѣ, которая просила пропустить англійскихъ купцовъ чрезъ Россію въ Персидскую землю. Къ грамотѣ приложена большая восковая печать.

II. л. 48 (№ 1539), на бумагѣ, грамота Бориса Федоровича къ англійской королевѣ Елизаветѣ о томъ, что онъ посылаетъ къ ней посланника дворянина Григорія Ивановича Милутина, и, что̀ послѣдній скажетъ ей на словахъ, королева пусть повѣритъ, потому что это—его, Бориса, рѣчи. Грамота написана въ 7108 (1600) году въ маѣ мѣсяцѣ, индикта 3. Внизу—восковая печать, хорошо сохранившаяся.

III. л. 48[б]—49[а] (№ 1540), на одной сторонѣ написанъ весь

царскій титулъ съ печати, которая нарисована отъ руки карандашемъ на л. 49.

IV. л. 51[б]—52[а] (№ 1784). Грамота на бумагѣ, плохо сохранившаяся, со слѣдами золота, Михаила Федоровича къ англійскому королю (Іакову). Въ ней сказано, что король послалъ къ московскому царю князя Ивана Мерика «рызоря», который въ отвѣтъ боярамъ царскимъ заявилъ, и въ грамотѣ короля написано—о дружбѣ и любви между государями, и что онъ требовалъ англійскаго капитана Давыда Гѫберта или Гѫберта освободить изъ заключенія и отпустить на родину. Московскій царь заявляетъ королю, что капитанъ измѣнилъ русскимъ и сталъ на сторону ихъ непріятеля. Когда польскій король послалъ на Москву своего гетмана Станислава Жолкевскаго и разорилъ Москву,—тогда польскіе и литовскіе люди взяли его будто въ плѣнъ, тамъ онъ цѣловалъ крестъ польскому королю и служилъ ему, а московскому государю никакого «дурна» не дѣлалъ, и что будто московскіе порубежные люди взяли его, мучили, и былъ онъ въ заключеніи три года. Московскій царь, изъ дружбы къ англійскому королю, изъ «вязенья» освободилъ и оставилъ его на волѣ; если хочетъ онъ остаться въ московской землѣ,—пусть остается; а если хочетъ возвратиться,—можетъ возвратиться. При Иванѣ Васильевичѣ онъ былъ пожалованъ царскою милостію. Несмотря однако на это, когда на Руси явился съ польскими и литовскими людьми другой воръ, который называлъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича, дѣда нашего, Дмитріемъ Углицкимъ, и сталъ у Москвы въ Тушинѣ таборомъ,—этотъ Давидъ, забывъ крестное цѣлованіе Борису Федоровичу, сбѣжалъ изъ Москвы въ таборъ въ Тушино и оттуда пришелъ въ Москву вмѣстѣ съ польскими и литовскими войсками, воевалъ на Русь, жегъ и разорялъ, людей невинныхъ побивалъ и кровь христіанскую проливалъ. А когда воръ бѣжалъ, тогда тотъ Давидъ вмѣстѣ съ польскими и литовскими людьми бѣжалъ въ Литву и изъ Литвы пришелъ опять съ гетманомъ Станиславомъ Жолкевскимъ на Москву, грабилъ, разорялъ, невинныхъ людей побивалъ, хри-

стіанскую кровь проливалъ, и много разъ дѣлалъ это. Но когда польскіе и литовскіе люди попали въ руки русскимъ, то въ числѣ ихъ и этотъ Давидъ Гилбертъ, который достоинъ большихъ мукъ и казней. Московскій царь, однако, его освобождаетъ изъ дружбы къ англійскому королю. Годъ грамоты не совсѣмъ ясенъ— ҂зрк = 7120 = 1612 — въ августѣ.

Грамота въ 2-хъ мѣстахъ (въ серединѣ, по всей правой сторонѣ и внизу) испорчена такъ, что многихъ кусковъ не достаетъ. Печати нѣтъ.

V. л. 53. (№ 1785). Грамота на бумагѣ Михаила Федоровича къ англійскому королю Іакову. Царь извѣщаетъ, что онъ получилъ королевскую грамоту съ гонцомъ рыцаремъ Свйетомъ, и въ ней говорилось, что московскій царь получилъ вѣсти отъ англійскаго посла князя рыцаря Ивана Мерика о заключеніи мира между русскими и шведами, которымъ русскіе уступили нѣкоторые свои города. При заключеніи мира посредникомъ былъ англійскій посолъ. Затѣмъ московскій царь извѣщаетъ англійскаго короля, что недруги русскихъ, польскій король Жигимонтъ и сынъ его Владиславъ королевичъ, замышляютъ войну противъ русскихъ, проситъ взаймы денежной казны у англійскаго, сколько тому будетъ возможно, и проситъ быть его другомъ-пріятелемъ во время войны. Для переговоровъ онъ посылаетъ ряскаго намѣстника Степана Ивановича Волынскаго и дьяка Марка Поздѣева. Грамота дана въ 7126 (—1618) году, въ сентябрѣ. Она сохранилась довольно хорошо; вверху и по сторонамъ украшена золотомъ. Печать утеряна.

VI. л. 54. (№ 1786). Титулъ московскаго царя на бумагѣ, XVII в., приготовленный, повидимому, въ одной изъ московскихъ канцелярій для руководства въ дипломатической перепискѣ.

Во второй половинѣ книги изображены виды городовъ Англіи, зданій, гробницъ, рисунки старинныхъ костюмовъ, монетъ, печатей (между ними и русскія), медальоновъ, цвѣтовъ, узоровъ и т. п.

Ms. Bodl. Rolls. 52. Отвѣтъ на донесеніе графа Говорта, бывшаго посломъ въ Москвѣ, «чтобы крѣпкую братскую дружбу вспомянуть и подкрѣпить», 1664 года. Безъ начала.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Житіе влмч. Димитрія Солунскаго.

Сборникъ сербскаго письма XV—XVI вѣка. Ms. (Can) lit. 413—993, лл. 73 об.—85 об.

Бь дн҃ьї ѡ҆ни цр҃твоуюцı ц҃рѹ макѯимиꙗнѹ. вь славнемь
градѣ солѹне. и посла г҃ь връхꙍвнаго ап҃ла своа ити въ гра҃ со-
лѹнь наѹчити керокатї вь г҃а. і҃у х҃а сътворшаго н҃бо и҆ землю. бехѹ
бо вь солѹне ідоⷤжрьци. егⷣа придоста апостола гн҃а въ гра҃ со-
лоунъ беше кь вероу д҃ню. ꙗко сл҃цѹ захⷣецıѹ. и сѣдещима же
има вь вратехь гра҃. и въпросише прѣдьстоецıиˣ ⁛ коего б҃а
вѣрѹютѣ ви и ц҃рь вашь. ѻни ѿкецıаше и реше. апона (sic) и
араклию и҆ келикоу артемидѹ. еже ѥ҆ надь всеми б҃ги. ѿвецıа же
петрь и па҃ль и ре҃ имъ вѣроуите въ тр҃цѹ единосоуцıнѹю ⁛ кь
име ѡ҆ц҃а и сн҃а і ст҃аг. д҃ха. тѣмже бгодат҃ примете (sic) ѿ него ве҃
гра҃ вашъ. и҆ то ре҃ша ап҃ла кьнидоста вь гра҃ прѣпочинѹти. слѹ-
чи҆се има вьниты. вь до҃ теѡдора епарха. похваленагѡ б҃гомь.
беше деѡ҃ръ бльгарінъ. а жена его грькина. и҆ похвален҃ь беше
ц҃ремь деѡ҃рь. и҆ прѣда҃ емѹ ц҃рь все ıепархіе. слı҆ша ц҃рь и въпро-
си прѣ҃стоецıи емѹ. ꙗкоже некоꙗ. в҃. прідоста вь гра҃. и г҃лють
вѣрѹчте вь ст҃ѹю троицѹ. и҆ повеле ц҃ръ деѡ҃рѹ ꙗко г҃е либо сѹть
да ѡ҆брⷵцıѹтсе заоутра прѣ҃ мн҃ю изьпрошѹ и҆ что г҃лють. и вьнидѣ
деѡ҃рь печаль вь до҃ свои. и жена его зоніа видѣ епарха печал-
ила. и вьпросі его г҃не что е҃ печаль твоꙗ. еда некоꙗ ре҃ бьі҃ ѿ
ц҃ра на те. ѡ҆н же ре҃ повѣлено ми е҃ ѿ ц҃ра. прішьши вь гра҃ не-
коꙗ страніка. да прⷵдставлю и҆ заоутра прѣ҃ ц҃ра. понеже ѹчіста

вѣровати въ х҃а і вь с҃тую троіцу не вѣмь ге обрѣщу ї. гра҃ е҃ великъ а ноіщь успела. ѡна же ѿвещавь ре҃ ему. не бу҃ді печаль г҃не мои вь дому нишемь суть он же радонь бы҃і. і привести҃ и вьпросіх҃ь г҃ле. ѿкуд͛ли пріидоста семо. ꙗже повено ми е҃ ѿ ц҃ра прѣстави ти ваю прѣ ц҃ремь. петрь же ужасе҃ і ре҃ кь деѡру рімлꙗніна есвѣ. и послана есвѣ ѿ б҃а. пропокѣдати с҃тую троицу. единосущную. да тем҃ъ те҃ г҃лю не прѣсстави наю ц҃рекі. нь вѣрuити вь б҃а живагѡ. еже сътвори н҃бо и землю. и вса ꙗже су҃т на неи. ть҃і аще просіши у него дасты҃і се. деѡрь ре҃ има аще ви҃дѣль що хощу дати б҃ъ х҃ѿще. то вѣроваль би҃ сь все҃м домь своимь. азь бо и жена моꙗ неплодна есвѣ. именіе стежахѡвѣ. і не҃ кому оставити повѣле же теѡрь послати іма постелю да починета. она же помлиста се г҃у б҃у г҃люще сице б҃е авр҃амвь. ісаковь. іꙗвль (sic). буді вь ча҃ сі съ нами. и пр҃ꙗви намь да разумееве чесо ѿвещати деѡру. бoꙗху бо се убистка раі і вь ть҃ ча҃ сънидѣ агглъ. г҃нь сь н҃бсе. і г҃ла има сице възвѣстите деѡру. ꙗко услишана бы҃і м҃лтва твоꙗ кь б҃у і се жена твоꙗ зъніа. зачне҃ і роіть с҃на і нарет҃ь имѧ ему дімитріе. и ть҃ буде҃ г҃нь граду сему. і ѡблаѥ҃ь въ вѣки аминь. слишаве деѡрь словеса ѿ нею. и възрадовасе зѣло о словесі томь. і выпросі ею что е҃ име ваю. ѿвещавъ павл҃. і ре҃. имена су наю петрь і павль. врьхѡвна свѣ ап҃ла х҃ва. деѡръ же пове҃ слyжніко҃м своимь. і пригѡтви ваню ванꙗти ст҃их. і да҃ има пр҃ме своꙗ. і пр҃стави іма трапезу і прине҃ вин҃. и чрьпаше има своею рукою и м҃лесе имь г҃ле г҃ниꙗ ап҃ла ѿ сегѡ ча҃ вѣрую азь сь все҃м до҃мь своимь вь г҃а б҃а. и крщеніемь іже ви крстіесте. кр҃тіта и ме҃ і всь до҃ мои петрь же пріемь. а҃. чашу и нарече име х҃во. вь име ѡ҃ца и с҃на и с҃тагѡ д҃ха. и се крьвь г҃на да буде те҃ кръщеніе твоимъ всемъ. пріемъ чашу і да҃ деѡру и ж҃не егю. все҃ пр҃дстоещі҃м рабо҃мъ и рабинꙗмъ. па҃в. ре҃ ꙗко да не буде ізвѣсно нікому сло҃ сіе. да не въпадне҃ вь веліку беду ѿ ц҃ра. и повелѣ деѡрь раво҃ своимь извѣсти҃ із гра҃а. и ѿту҃д придо҃та вь філіпу гра҃. и тамо пропокѣдаста сло҃ б҃жіе. деѡръ же вьставь идѣ кь ц҃ру мазіміану. ц҃ръ же ре҃ ему при҃ (sic) ми люі. ихже ти рѣхъ. он же ре҃ ему нощъ же успела бе. а гра҃ е҃ веліксь. не могѡ҃х ѡбр҃сти҃х.

деѡр же разѹме въ срцы своемъ. ꙗко жена его зачнё ѡтроче. и млаше ба днь и нощъ. глаше ги ги по зі ли ꙗже ннꙗ разѹмех ꙗко ти есі бь. развѣ тѣ їногѡ ба не знаемъ. и сїе прйдѣ връме і роїть жена его дѣтищь. и наре име емѹ дїмитрїе. и взрасте отроче. и прда ѡцъ его прѣстоꙗти црі сь дрѹжїною своею. и видѣ его црь вели красна. паче всех сьвръсникь егѡ. і поставі егѡ слѹгѹ себе. и прда емѹ глъ (?) свои і стрѣли ностїти. дїмитрїе же сь бжїею помощию. паче всѣ растеше и всѣх скрои крплаше. и ви его црь мѹдра і възлюби его зѣло. вїше бо дїмитрїе ѡбразох велъ. и пома прдадѣ емѹ воеводство. на всех и воедами. бѣхѹ бо срацй напали на землю их. маѯїмиꙗн же призвавь дитрїꙗ. и ре приберї вое на брьзѣ и поїди напоиди (sic) на поганїе срацїни. азь же принесѹ и молю сїльнїе богй наше. еда как ѡлекшй срацїномъ. слишавь то дїмитрїе идѣ съ радостїю велїкою. и пклонисе дїмитрїе ѡцѹ свемѹ и мтри. и ре съ сѹзами снѹ мои едїночедни иди съ мирѡ. гь. бь с тобою да бѹдеть іс хс давшй (sic) сїлѹ. і ѡпоѹчисе дїмитрїе на поганїе срацйни. и ша вели сечъ сътвори прдъ них и цра их ѹхвати. и зависно бы емоу ѿ всех прѣстоещих. и ре црь рѣх ли дидтрїе. ꙗко бзи нши скоро имаю помощи намь. димитрїе же ѿветь емѹ не сътвори. нь вь срцы своемь вьздхнѹ и ре ба вїшнагѡ помощъ е. і сила хва да бѹде съ мною. паки миноѹвшоу многѹ часѹ приде глъ къ црю ꙗко изїдоше халдѣꙗне. и води ѡбьеше. и много створише. беше бо маѯїмїанѹ ѿчство земліа та пленена ѿ халдѣꙗнъ. и прїзва дїмитрїа и все тисоущнйї свое. і ре придоше халдѣꙗне и землю нш пленїше и дръжавоу. и се идѣмъ противѹ их да побѣдимсе съ нимьї. дитрїе же ре къ црѹ азъ идоу съ всемі тисѹщний и твоими. ти же црю почїваї на прстоле твоемъ. и радостнь бы црь. ѡ гле томъ и проводи их сь радостїю велїкою. идѹщим же имъ. призва дитрїе избранїе тисѹщний. и ре имъ се же ідѣмъ на бранъ ви кого ба вѣроуете. ѡни же рѣше емѹ е ли сїльнѣї бь развѣ бгъ ншиних аплона і араклїю и велїкїе артемиди. дїмитрїе же ре инъ бь е іже сьтвори нбо и землю. и море вса ꙗже соу на нен. и томѹ хвалѹ въздаемъ. і томѹ жрътвѹ пожремь. емоуже

азъ слꙋ҃. сїлы бо ѥ помощи хотѧще въ сї ча҃ поможет ни. ї ѡлевемь
халдѣанолѫ то ѥ вели҃ б҃ь димитрїевъ. димїтрїе р҃е вѣрꙋите ї
ꙋзрїте славꙋ б҃жїю. придоше . . . нощїю помолїсе дїмитрїе къ г҃ꙋ
б҃ꙋ г҃ле ги да бꙋдеть сїла к҃рта твоегѡ҃ сь нами. и да разꙋмеють
всѝ ꙗко ти есї б҃ь н҃шь единъ по всеи зе́млѝ иного б҃а нѣ҃ развѣ
тѐ. ꙋтр же (sic) бившоꙋ нападоше халдѣꙗне. и҃ велїкъ вра҃ сътво-
рише. и не ѡставише ѿ халдеꙗнъ ничтоже. дї҃трїе же възвра-
тивсе ѿ брани. поꙋтемь идоꙋщи҃ъ вело п҃ꙗше помозї ми г҃и б҃е
мои на те ꙋповахъ. и на сенъ крилоꙋ твоею надеюсе придоше
на мѣсто їдѣже бѣ цр҃во пѫдалїщѐ. призва ди҃трїе велъможе
все тисоꙋщнникы велїкїе. ї р҃е имъ вѣсте юже г҃ь поможе намь.
вѣрꙋите вь с҃тꙋю тройцоꙋ. ї едїносꙋщоую. о҃ни же вѣроваша и
знамена ихь к҃ртомь ч҃стни҃. а дроузї на бежанїе ꙋстръмише҃. и
ш҃ъ възвѣстїше ц҃рꙋ маѯимїꙗнꙋ. ꙗко димитрїе възлюблени҃ твои.
б҃гомь тво<и>м не́ вѣрꙋетъ. н҃ иного б҃а вѣрꙋеть. и мнози ѿ їз-
брани҃ твои҃ вѣроваше съ ни҃. и зна҃ме́на и҃ к҃ртомъ х҃а распе-
тагѡ҃. въ име ѡ҃ц҃а ї <с>на ї с҃таго д҃ха. ї то же слишаа ц҃ръ ма-
ѯимїꙗнь нꙋ мльче ꙗко велїка мїсль нападѣ на с҃рце его. и посла
протосколатора своего. ї р҃е емꙋ ш҃ъ призови ми дїмитрїа. раб же
х҃въ дїмитрїе не въсхѡте прити къ ц҃рꙋ. н҃ призвавь възлюб-
ленагѡ҃ сї ѿрока своего нестора ї р҃е емꙋ въставь иди кь сꙋѣро-
помꙋ маѯи҃мїꙗнꙋ. и аще что выпросить те то҃ ѿвѣщаи емꙋ. что҃
те наоꙋ҃чї д҃хь с҃ты. ї ѿпоꙗса поꙗсь свои да҃ емꙋ за пазꙋхоꙋ. ї
р҃е емоꙋ аще повелитъ ц҃рь кь лꙋꙗви на борѣнїе вънїти. то҃ сї се҃
поꙗсомъ о҃поꙗши. х҃сь дат҃ь сїлꙋ. ї ѡлеешы нечтївомꙋ змѣю. ї
б҃лви нестора ї р҃е емꙋ тако юноше ти҃ лоуꙗ победиши за х҃а мꙋ-
че҃ бꙋдеши. лꙋꙗ же ц҃рь хранꙗше вь полате своеи. ꙗко борца при
полате своей. бѣ сътворено борище. и въдрꙋжено бѣше. ц҃.
роже҃ железни҃. на кого прогнѣваше҃ ц҃рь повелѣваше вьвѣсти его҃
къ лоуеви. лꙋи же въметаше кго на рожнѐ и нїктоже не мо-
жаше противитисе емоу. п҃неже бѣ храним ъ ѿ ц҃ра и любимъ.
неѡстор же послꙋша речї г҃на своего дїмїтрїꙗ. въставь идѣ скоро
къ ц҃рꙋ. и҃ много поклоненїа сътвори. и҃ въпросї егѡ҃ ц҃ъ г҃ле.
коего б҃а приѡвр҃ли есте ти҃ и г҃нь твои. неѡстор же р҃е аще го би

тй видѣль цр҇ѹ. и ти пок͛ониль би мѹ се. б҇ѹ вишне͛мѹ и г҇нѹ дімит-
рію. болшоу͡ бл҇годѣть примиль би ѿ х҇а б҇а. и҆ въ тъ ча҇ измѣни
мадимі҇анъ лицѣ свое. и п҇веле пр͛дьстоещимъ ѿроко͛ вьвѣсти
его кь г҇ѿстивомоу͡ лъви борцѹ нештор же ідѣ пояше и м҇лтвѹ
твораше. б҇е б҇е мои вънми вь помоць потъщисе. і въземь поясъ
г҇на своегѡ і ѿпоясасе. лъи же видѣ нестора мл҇а възрастомъ. і
ѹстрьм҇и яко вльвь на ѡвче. неѡстор же сілою х҇вою кр͛пляше и
поеть его яко х҇ѹ͛ птицоу͡. и вьврже его на ражнк҇. жезиіе і
ѡстріе гра҇жане же видѣвше чю҇ дівише҇ вельми. нестор же бръже
скочи ѿ борнцꙗ. і ѹст͛рмисе стр҇а ра҇ црк҇а бѣжати помисли. и
ник҇тоже не смѣаше кти его. и҆ добеже до рекоми͛ златиꙗ вр҇а.
і каменіемь побише кго. етерь же не͛то ѿ спекѹлаторъ притѣ҇ и
мач͛ (sic) главоу͡ емѹ ѿсѣ. і тако скончасе с҇ти несторъ. м҇ца
ѡхтевра. к҇е. д҇нь. слишав же димитріе ѿ скончани нкстор[о]вѣ. и
темъ яко лвь скочі на мѹченіе. и҆ късѣдь на извѣсни ко҇ свой. і
пришь͛ въ дворъ мадимиановъ до҇іно поклоненіе сътвори цр҇ви.
ц҇рь же въпросі его і р҇е. колеѭ лі дімитріе възлюбленіче мои.
како се еси съвѣщалъ на б҇гы мое сілныіе и на дръжавѹ мою ді-
митріе же р҇е не гнѣвансе цр҇ѹ. яко твои б҇зи ідолы соу͡ и не
призьнии. ни сами себѣ люгоу͡ по͛щи ны те. нк пожри б҇ѹ мое-
мѹ. кмѹже азь сл҇ѹ и кланяюсе. с҇е добре бѹдѣ те цр҇ѹ паче все͛
цр҇ен др͛вни͛. мадимі҇анъ расвѣрепівсе. ізмени лицѣ свое і по-
вѣле ц҇рь ѿрокмъ свой. им҇е і оубите егѡ як҇і нестора ѿрока его.
страстотрьп<ьць> х҇вь дімитріе на бѣжаніе ѹстрьмисе. и м҇лтвѹ
твораше. г҇и г҇и хвалѹ те. възаю. и на те г҇и ѹпокаю҇. да не
постижѹсе въ вѣкй. ни посмѣют ми се вразі мои. ибо в҇и трьпе-
щеи те҇ не постідетсе. наро҇і же ѡкй каменіемь побише. а дрѹзи
халѹдіе҇. дрѹзи дрьвіе метахѹ. чл҇къ некто ср͛ть егѡ. і копіемь
рѣбра емѹ прободѣ. мѹчени҇ же х҇вь дімитріе въз҇евь рѹцѣ свои
на н҇бо. і р҇е г҇и г҇и крьвь моя да бѹдет ми крьщеніе. яко те҇ ра҇і
прободѣнь есмь вь рѣбра. яко͛е ти мѣ҇ ра҇і пропетсе. пр͛клонь
главоу͡ и пр͛да҇ д҇хь. тог҇а пов҇е мадимі҇анъ. съсещы тѣло его на
ѹди. мѣтноу͡ше кго вь кладеньць глѹбо҇. іже бѣше іскопанъ. на
дворѣ дімітріева о҇ца дешра. і насіпан͛ гноища до връха. и за-

копаше ср҄дѣ гр҃а солоуна. славнагѡ. І тако скоіча живо҃ свои велй мѹченй х҃в дйтріе. І прѣда дх҃ь свои б҃ꙋ. емѹже повасть слава вь вѣкьІ.

II. Повѣсть о преподобномъ Агапіи.

Сборникъ сербскаго письма XV—XVI вѣка Ms. (Can.). lit. 413=993. Первый листъ, съ началомъ Повѣсти, утраченъ.

едва агапіе начеть трьпети ск҃в. по҃е и пов҃е иде стоꙗ ѡдрь емоу. и трапеза его оукрашена ѿ каменіа драга. й стоꙗше трапеза свѣтленша с҃лнца. лежаше на неи хлѣвь вѣлей снега. слажѣши меда. стоꙗхоу же тоу виногради различни. имѹще грозне различно. ова вагрено ор(sic)чрьвено ѡ (sic) вѣло: ѡвоціа различна имѹще цвѣтіе. и житіе ꙗкже не вие никомоуже ѿ пл(ь)тнй ч҃лкь. р҃е же агапіе кь старомоу ч҃лкоу. г҃и скажи ми что е҃ се еже вижоу. р҃е же емѹ старн ч҃кь. Брате мои агапіе почто ми г҃леши г҃и еліа жидовь распеше г҃а н҃ше не нарше г҃ꙋемь. нь рѣше льстьць е҃ и распнше на к҃рте. а ти ме зовеши г҃и. а хѡтецюу ми ѹм҃ри. и прьстію см҃ситисе. нь ѡбаче скажоу ти. да не сьблазннишисе. азь есмь илиꙗ тезвйтенй. его вьзнесоше кони ѡнй. на колесниц огнѣн. й г҃ь іѣ б҃лви ме здѣ по невсемь (sic) ж҃оу до кьторога пришьствіꙗ х҃ва си҃е вса вйши д҃ше соу. ч҃лче жее сѹ ꙗвлене грознемь. пон҃е живь ч҃лкь сіи вь пльти не можеть вйетй д҃ше чавч҃кне. Ѳй же кладѣнць нарицается порани. вьхонть же вь дрѣва си раискаꙗ. сі же св҃е иже вйша агг҃скьІ е҃. и праведнй д҃шь. сі же ѡдрь и трапеза творѣніе е҃ рѹки б҃жіе. хлѣвь е҃ сь агг҃лски е҃. йже аггли ꙗдѣть й праведнй д҃ше. Источнй сь агг҃лыІ пію праведнй д҃ше. агапіе видѣ йна брашна йже спати (sic) не воуе. сказати нѣ нмь сказати по҃бна на с҃е св҃е нхже сласти. й вл҃ти ч҃лвча ѹста не моуть йповедати. ꙗ (вм. и) проча ꙗдь ꙗк м҃е и млеко. и вьз҃ д҃а (sic) ми. Иліꙗ ѿ источника вькѹсити. й оумивсе й просвѣти паче с҃еморицею. й поеть ме и ве ме кь трапези. И м҃лтвоу сьтворй. вьз҃ хл҃е оурѣза ѿ него

чѣ҃ть и҆ да҃ ми. въ нѣ҃мало ѡ҆зр҃хсе къ трапе҃ и в(и)дѣ҃ (х)лѣбь цѣль бѣше паки ꙗко҃ и҆ бѣ҃. ꙗ҆ко неѿломно ѿ него҃ ничесожѐ.

Иліꙗ же сказа ми вса елика не ѹ҆довь. сказати никомоу҃. и҆ приве҃ ме крто҃ ст҃мѹ. и сътвори сь мною млтвоу. и тако изве҃ ме. изь ѡ҆к҃нца. и҆ поклонихсе҃ и цѣловахѡве (sic).

И҆ ре҃ иліꙗ къ агапію ми҃ ти вѹди агапіе. иди въ пѹ҃ гнь. и гь бь боу҃ с тобою. азь поклонихе емоу. и поидохь по пѹти е҃ ми сза иліꙗ.

Тако ѡ҆ь мно дни҆. и доно҃хь до мора и погледа҃ по морѹ и ви҆ехь и҆доуще къ мнѣ. ві моужа въ кораблі. ега приближише къ мнѣ. и р҃хь ѝ добрѣ ходите. и҆ пѹ добрѣ ви боу҃и. и҆ ѿвещав-ше рѣшѐ ми да послоушаѐ те҃ гь добри старце:

Агапіе ре и҃ възимете ме҃ сь собою въ корабль҃. и҆доу с вами҆ въ гра вьнже хоще҃ и҆ти. ѡни҃е р҃ше емѹ ми се третіе лѣта (sic) имами҆ѿ. ка҆ко заблѹдихо въ мори. ни҆ꙗ не ве҃ камо идѣмо. бра-тіꙗ же наша многа и҆змрѣше ѿ гла и зи҃и ни хлеба ни во҃и на-ситихѡме за мно҃ дни. вса днь и ноць измирае: аще те прилме҃ оумрши с҃ нами. и҆ боли грѣ҃ на сътвориши къ нше҃ѹ грѣхоу҃. агапіе҃ ре҃ къ ні҆мь примите ме сь собою и҆ гь бь пе҃тсе живо҃ мьнши҃. Глаше къ немоу корав҃ьницы҆. вьни раб҃ бжіи въ ко-рабль къ на҃ и аще имаши брашно вьнеси сь҃ со҃бою. агапіе вьнѣ҃е къ ни҃ и видѣвь ѥ ꙗко зѣло не҃мщни сѹть. млрдокавь ѡ ни҃. и млтвоу сътворивь и҆ поидѣ въ корабль҆ и възмь хлѣбь е҃е да емоу иліꙗ въ раи. и разломи на гі. чести да҃. ві. ма моу҃ема и҆ гі. че себѣ ѡставиꙗше. вси и҆ наситише. въ гі нѣсето чести цѣль бѣі хлѣ҃ паки ꙗко би ꙗко не ѿломлано ѿ него ничесо҃е. віевше҃ корабльницѝ бжію славоу҃. и҆ вьпіеше къ агапіе. и҆ глаше раб҃ бжи не ѿхѡ҃ ѿ на҆. да ѿ хлѣ҃ і҆ы (кга) плавае҃ глбноу мо҃скоу҃. Агапіе ре боу҃и волꙗ гнꙗ и҆ ре корабни҆ко҃ поставите ветріло. ѡни҃е поставише и при҃е ветрь волѣю бжіею. и прине҃ и҃ едн(и)҃ часо҃ въ неко҃ гра ѿ не... ваше. г. лѣта ѿ о҆кꙗна не бедеще камо ити. ега пр҃сташе въ гра и҆здоу гражане противоу҃ и҃ вьпіюще дрѹ҃ къ дрѹ.

Пріи҃ете вси ꙗко братіꙗ нша҃ пришли҆ сѹх (sic) же҃. г лѣ҃. ни віеа-

хѡ̑ ни гл҃а и̑ не слишахѡ̑. изьшьши ве цѣливахоу. и гл҃ахоу ко-
рабл҃нци гражано̑ еще висте н҃а не видѣли. ни гл҃а н҃ише слишали
аще не би г҃ь рава свое послаль кь намь. его̑е ра҃н принени бихѡ̑
вь гра҃ си ⁘ Гражане же вси прославнише б҃а. изи҃е жена вьскврьн҃и
риза҃. плачющи простовла҃. и пришьши поклонисе прѣ агапїе.
Гл҃щи равѣ б҃жїи агапїе пом҃лоу ме. ре҃ же агапїе. что е҃ жене сей.
и рѣше емоу с҃нь е ке оумрь. Она же вьпїаше г҃и агапїе помлоуи
ме. ѡнь̑е гл҃ше жено что бл҃ѣши. азь нѣ сль агапїе жена̑е вьпїаше
кь немоу прѣ гражани. равѣ б҃жїи и҃и вь до̑ь мой. ꙗко с҃нь
мо҃ ѿ г҃и мртвь лѣжить. сь҃. г҃. ти д҃нь г҃ь же ми не да҃ погрѣсти
е҃. нь гл҃а ми пожи жено. дондѣже е придѣть корабль. с в҃ї. моу̑а
вь не̑ ї г҃ї. наесете калоугер сь ни̑ агапїе име̑мь и того поемши.
привѣ҃н вь до̑ свой. и тѣ ти вьрсть с҃на твое. и се е̑ вь роу агапїа
и помену еже гл҃а г҃ь вь раи. и вьставь идѣ вь сле̑ же вь до̑ ки.
сь в҃ї. корабл҃нцьї. и вси гража҃ (sic) иоше по немоу. и шь агапїе вь
хлѣвиноу. идѣже лѣжаше с҃нь еи на ѡрѣ. Агапїе̑ сьтвори м҃лтвоу
и вьзмь ѿ хлѣба. иже да҃ емоу илїа вь раи. и пожи на лицѣ ѿро-
чища. и вьставь ѿрочїщь сѣде на ѡрѣ. е̑мь агапїе ѿрочища за
роу. и вьда҃ м҃три м҃ти е просдави б҃а. вси гражане вьпїахоу кь ага-
пїю равѣ б҃жїи. не ѿхѡдї ѿ на҃. ми ѡбича҃ имамо̑ да иже оумирае̑
ми грибаемь. а ти ѡбича҃ имаши иже оумирае̑ а ти ѡживлꙗеши.
и тако гл҃ще вси гражане не давахоу емоу изити из гра҃. ѡва-
наесе҃ корабланика. не хотехоу ѡставити е̑. нь гл҃ахоу емоу ꙗко̑
идѣши идѣ̑ и ми с товою. любо по земли любо п҃ во҃ї. прѣбѝ
̑е тоу вь оукїꙗне. з҃. д҃ни вь единоу̑е нощь приди агг҃ль г҃нь кь
немоу извѣ҃и из гра҃.: И ре емоу иди по лоугоу мора. донде̑
ѡбрѣщеши место оуготоване на те҃. ⁘ иже сѣдь напїши и е̑ ꙗви-
тьїи б҃ь бвенїа и сказанїа. ꙗже похѡди места г҃на и тако ре҃ ѿде
(sic) ѿ него агг҃ль. агапїе идѣ по лоу҃ мѡра мно҃ д҃не. і ѡбрѣ҃ стени.
високїе стоеще дврцѣ вь стена҃. и вьзи҃е кь ни҃. Ꙗко по стена҃.
и ви҃е хлѣвиноу доброу. и оутврьженоу и ѡрь вь не҃ и постелꙗ на
нѣи. и вьлѣзе вь храминоу. и сьтвори м҃лтвоу и сѣде написа
чтенїе се. Егда сконасе волею б҃жїею прикрьжень бы. кетробь ко-
рабль кь немоу. излѣзе агапїе изь ѡньца. и вьда҃ корабланико̑

чтенїе сїе и гла̑ несьше дадїте патрїарху. въ ѳрамь да да̑ по всѐ цркка̑ да чтетъ. "И тако агапїе стїи првы. аі. лѣ ѡ<х>лѣвѣ иже да̑ ему наїа вѐ раи. :· и тако скона живо̄ св°. .славѣ ба. и предаа̑ дхъ сво гки гс. хоу емоу сла и чть и држава ѡцу и сну и стму дху ннѣ прно вь вѣки амннь.

III. Повѣсть объ іереѣ, падшемъ со скотиной.

Сборникъ русскаго письма XVI—XVII вѣка № 995=92. Статья въ рукописи 13-я.

сказа́нїе нѣкое чюд<н>о ве̂ми о̂ е̓рѣѣ падше̄ со скотїиною.

'Обрѣтохо̄ бо̂ сказа́нїе нѣкое си́цево бы́вше̄ и̂ ра⁸судихо̄ и̂ написа́вше предати. Презви́теръ нѣкїи бѣ в̓ кое̄ ве́си и̂мѣа жену ѡ̂ и̂ мла́да ѡ̄ба бѣста и̂ вели́кїа су̂бо́ты вѣру прнспѣвшу. и̂ всѧ ѡ̂ на подо́бїе пра⁸нику оуготова⁸ презви́теръ и вечеравъ. возлѣ с' жено́ю свое́ю на ѡ̂дрѣ. врани⁸ ему пришеш̂у ѿ бѣса блу̂наго. восхотѣ смеси́ти съ жено́ю свое́ю ѡ̂на⁸ не ѡ̂ста́ви е̓го въста̀ оу̓бо и̓ прише̂ бы со скоти́ною не вѣдащи. жена̀ е̓го̀ свита́ющи же стей и̂ли па́сх̑и оу̓тренюю соверши́въ. презви́терь сотворѝ литоргїю. су̂щи̂ с ни̂ всѣ лю́де̄ по возвижени⁸ бж̃твен⁸аго хлѣба и̂ по причащенїи ѡ̂бла̂ пти́цъ разли́чны̂ и̓ ѡ̂ду̂щи̂ крови. напа⁸ша на црковь и̓ ко врат̂о̄ црко́вны прилетаа́ху ѡ̂ко нѣцїи ра́тници срета́ющеи среташе⁸ ку̂пно⁸ и̓ меча полета́юще. и̂ лю⁸е вра́та крѣпко затвори́вше кнутръ стоа́ху мо̂жїе же и̂ жены̀. стлму причащени⁸ю бывшу оу̓слы́ша⁸ їерѣи и̂ ки́дѣвше ре мое̂ е сьгрѣше́нїа моа̀ ѡ̂зва мене̂ ра́ди сне̄ се́и пти́ць прїи́де. и̂ и̂сповѣдасѧ пре̂ всѣми лю̂ми. и̓ та́ко ги помилу̂и вопїю́щи̂ всѣ. цѣрквы кра́та ѿве́рзъ и̂зы́де ничимже враже⁸ бы́въ ѿ пти́ць. и̓ та́ко всй лю⁸е нача́ша и̓сходити последи⁸ всѣ и̂ жена прозви́терова нача̄ исходи́ти и̂ е́ще во̂ врате̂ е̂и су̂щи косхи́тивъшюю̂. и̂ по др̂ѡбну растóргну̂вшею плоти еа̀ с ко́стьми. и̂ ко оу̓стѣ⁸ свои взелише ѿлета́ху. сїе преславное ви́денїе презвитеръ на́мъ сказа̀ списа́те⁸не к поле́знейшей. сего̀ ра⁸ подоба̄е на̄ съ ѡ̂пасе́нїемъ всѧ̂ твори́ти. ѡ̂ да не

мнимоє бл҃го в лꙋкава и грѣ҃ бꙋдѣ. жена пре҃ да҃ и не ѡчистисѧ ѿ е҃ по ѡбычею бываемы ѥи. проскиры да не твори то ни да коснеся ї никако҃ имѧщїа ѡбычнаа своа и на конець смеⷬ҇тны приспѣвши причащенїа да исподоблаетсѧ невоⷡ҇бра҃но ѣже родившиа и конець смертный приспѣвши мл҃твꙋ да сотворѧ е причащенїю да споⷣ҇бѧ ю. и аще изволѣвш паки в житїе превꙋдѣ. м҃. днїи да постаⷮ҇сѧ а в пѧдесятныи днь да причастисѧ творѧщи на всѧ днь по. м҃. иже изгꙋбивше что своє. и нарицаемыа вражанини вопрошающе. д҃. лѣ да покаетсѧ по ѯ҃s. носащїи ѡбаанїа и вылїа на шїи свои идолослꙋженїе ча имꙋ и аще ѿвергнꙋ и ѿ себе да прїимꙋтсѧ на причащенїе си҃ же носимо по первы и второ наказа҃и аще не восхотѧ пометнꙋ и ѿ себе да ѿлꙋчатсѧ ѿ црк҃ви. и҃ кꙋпꙋю что ѿ обавающий на хранѣнїе. или соблюденїе се или ѿ глл҃ы лжепррк҃ъ и҃ змїю вложивше в нѣдра своа крачвы нарича и лъстѧ чл҃ки иже ѡбличаа гь и бгъ нашь ре влюдѣтѣ ѿ лживы пррк҃ъ иже приходѧ к вамъ во ѡдежа ѡвчи внꙋтръ҃ сꙋ вѡ҃ц҃ хищницы таковїи ли да пристаноу или ѿлꙋчасѧ ѿ црк҃ви напоѡющиий дѣти своа ѿ тѣ реченны. аще не просвѣще҃на сꙋ лѣ. по. м҃. или. лѕ.

IV. Каноническіе вопросы съ отвѣтами архіеп. Иліи.

Сборникъ русскаго письма XVI—XVII вѣка № 995=92, статья 20-я [1]).

въспросъ ст҃го илїи архїєпп҃а.

а҃. Въпраша влки иже владꙋчи причащалисѧ но повѣда҃ ѿцемъ. а ѡни вѣдꙋчи да ѧли. нѣтꙋ ре к то грѣха дѣтемъ но ѿцемъ.

в҃. 'А сего праша. аже к работе сꙋ дщегꙋбцы и повелѣ ми наполы дати и лжа є. не воⷥ҇ни бо ре сꙋт.

1) Другой текстъ см. въ *Русской Исторической Библ—кѣ*, т. VI, стр. 57—62.

г҃. 'А сего̀ праша̑ а̑же мѹ́жи ѿ же́нъ съгрѣшали а̂ оу̑же̑ ѿстали. что ѝ ѿпите̑а. и̂ повелѣ̑ лѣто.

д҃. 'А сего̀ праша̑. а̑же оу̑ сова̀ кладѹ̑т дѣти спащѝ и̂ оутнѣта́ютъ оубі́ство лѝ е̑сть. ѿн҆ же ре̑ а̑ще трезки́ ло (sic) легча́е. а̑ще лѝ пі́ані́и то оубі́ство е̑сть.

е҃. 'А сего̀ праша́хъ а̂же жены̀ дѣлаю́чи е̑тра́дѹ и̂ вережаю́тса. и̂ и̂зметаю̑ ѿнже речѐ ми а̂же не зе́лі́емъ вережа́ютъ нѣтѹ за то ѿпитемъи́.

ѕ҃. 'А сего̀ праша́хъ а̑же по́пъ кели̑ попѹ и̂номѹ да́ти своемѹ сн҃ѹ причастіе. а̂ бѹ́де̑ ꙗ̑вѣ вина̀ е̑ꙗже дѣ̑ а̑зѣ причаща́ти. да́ти ли е̂мѹ̑ и̂лѝ нѝ ѡ̑ рече́ ми. а̑ще не вѣ́даешь грѣха да́и. а̑же ли оувѣ́дае̑ не да́и. но и̂ попѹ̀ толѝ мо̑ви чемѹ̀ бра́те да́ешь причастіе а̑ зазо́ро̑ ти.

з҃. 'А сего̀ праша́хъ а̑же ве́лѣлъ ва́ше нѣ́которыи по̑ сн҃ови, а̑же са не мо́же̑ оудержа́ти бѹ̑ с одно̑. и̂ не ве̑ли сего̀ зазра́ше вл҃ка. речѐ бо̀ не ке̑ми по́пь то̀ во́лею велѣ́лъ но̀ вида̀ е̑го̀ мно́гое неоу̑держа́ніе и̂ повелѣ̑ даржи̑ (sic) е̑ді́нѹ.

и҃. 'А сего̀ праша̑ вл҃ки. а̑же бѹ̑дѹ̑т д҃шегѹ́бцы а̂ не и̑мѹтъ зако̑ны̑ же́нъ ка́ко держати и̂ ѿпитемъа̀ и̂ не повелѣ̑. зане̑ молоді́и па́ки ѡ̂же́натса и̂ состарѣ́ютса то̑ ре̑ да́и ѿпитемью̑.

ѳ҃. 'А е̑же чл҃къ причаща́вса а̂ ста̑ влю́етъ то̑ д҃ни. ѡ̂дна̀ речѐ ѡ̂питемъа̀ ѿ спа́вше та́ко и̂ не спа́вше.

і҃. 'А е̑же чл҃къ пока́еса а̂ бѹ́дѹ̑т оу̑ него̀ грѣси̑ мно́ги. то̀ не повелѣ̑ ми тогда́ же ѿпитемьи̑ да́ти. но̀ что̀ лю́бо ма́ло да́ или томѹ̀ и̂бѹ́читса то̑ придовати по ма́ло и̂ не ве̑ми ѿтаѓчати емѹ.

аі҃. 'А е̑ чл҃къ бѹ́де̑тъ ѿпите̑и а̂ по́иде̑ на вели́къ пѹ̑ рѣш̑. и̂ речѐ, и̂ мл҃тва разрѣша́лнаа да́ти е̂мѹ, но̀ ѡ̂держи̑ за́поведь ꙗ̑коже е̂мѹ ѿц҃ь велѣ̑ а̑ще ли на ра̑ по́иде̑ и̂лѝ разволитса да́ти е̑мѹ причастіе.

ві҃. Просвиры̀ та́кой женѣ̑ печи̑ а̑ бы̑ не бла́ла. а̑же бы чта. а̑ще̑ бѹ́де̑ не чта тогда̀ да не пече̑.

гі҃. 'А̑же чл҃къ восхо́іще̑ пока́атѝ а̂ разѹмѣти бѹ́детъ а̑же не

мочи́ сѧ ѥ̂мꙋ̂ ѿстати влꙋ̂да прі̂ими рⷱ҇ да слышавъ ѿ тѣⷢ҇ наказанїа ѿстанетсѧ.

ді҃. 'А сѐ ѥ̂сть оу҆ жеⷩ҇ ѧ̂же не возлю́биⷮ ѝже мꙋ̂жи ѿмываю̂ тѣло своѐ водо́ю. и̂ тꙋ̂ во́дꙋ̂ даю̂ мꙋ̂жⷱ҇. повелѣⷨ҇ да́ти ѿпитемьи̂. ѕ҃. н҃ль во́жь (sic) лѣⷮ ѿ прича́стїа.

еі҃. ѧ̂ще чл҃къ достꙋ̂пиⷮ скота рога́таго то̂ ѝнѣмъ досто́иⷮ ѿ него̀ молока́ ѥⷭ҇ и̂ мѧⷭ҇ ѥ̂го̀. а̂ ѝже ѥ̂го̀ достꙋ̂пилъ. а̀ томꙋ̂ не ѥⷭ҇ ничтоⷤ҇. а̀ ѿпитемью̂ прі̂ати проти́вꙋ̂ си́лѣ.

ѕі҃. а́же чл҃къ ринꙋ́сѧ на женꙋ̂ свою̀ вередиⷨ҇ в не́и дитѧ̀ полови́нꙋ̂ речѐ ѿпитеⷨ҇и.

зі҃. а́же сѐ носи́ли к вараⷥ҇скомꙋ̂ попꙋ̂ дитѧ̀ на мл҃твꙋ̂. ѕ҃. н҃ль ѿпитеⷨ҇и речѐ. зане́же ѧ̂ки двоевѣрꙋ̂ю̂.

иі҃. 'А ѥ̂же пьѧ́нъ мꙋ̂ⷤ҇ по́пъхнꙋ̂ли ва́ше запеⷥ҇ше ного́ю и̂ оу҆мреⷮ поⷣ дшегꙋ̂бьє́стка ѥ̂.

ді҃. 'А ѥ̂же детеи дѣла женꙑ̀ творѧⷮ что̂ любо. а̀ ѥ̂же возволаⷮ и̂ли̂ к' воⷥхвомъ несꙋ̂ⷮ. а̂. некто̀ пови́нна мл҃тва то̂. ѕ҃. н҃ль и̂ли. г҃. аⷤ҇ вꙋ̂дꙋ̂ⷮ мо́ло́ди.

к҃. 'А ѥ̂же на чл҃цѣ хо́лосте вꙋ̂деⷮ ѿпитеⷨа а̂ паде́тсѧ в нен. досто́инно ѥ̂ ѥ̂мꙋ̂ и̂знока поча́ти. а̀ за паде́ⷭ҇ веⷩ҇ⷯ прі̂ати.

ка҃. 'А ѥ́же чл҃къ восхо́щеⷮ ѿ о̂ц҃а ко и̂ноⷩ҇ⷯ то̂ рцꙑ̀ ѥ̂мꙋ̂ ѿпросисѧ оу҆ него̀. ѧ̂ще сѧ не косхо̀щеⷮ гнѣвати ѿц҃а того̀ даи̂ ѿтѧ̀ прі̂ати. но̂ рцꙑ ѥ̂млѝ оу҆ него́ мл҃твꙋ̂. и̂ да оу҆рокъ ѥ̂мꙋ̂ да́и ѥ̂ко и̂ переди̂. а̂ со мно́ю и̂справле́нїе держи̂ ѿтан' и̂ слꙋ̂шаи менѐ. и̂жели ѥ̂си̂ вꙑ̂ⷣ ѥ̂ко и̂ оу҆ того̀. та́ко и̂ оу҆ сего̀ нѣⷮ ти по́лзꙑ.

кв҃. а̂ жена̀ ва́ше причаща́ласѧ на ѿвѣдни. а на́ вечеръ лежа́лъ с не́ю мꙋ̂ⷤ҇ и не повелѣ еи̂ кл҃ка дати ѿпитемъи̂ но̂ речѐ, ѧ̂же вꙑ̀ сѧ съвлюли тꙋ̂ нощь. аⷤ҇ хота́ще заоу҆тра причаща́тисѧ. а̂ по причаще́нїи соблюдꙋ̂ⷮ дрꙋ̂гꙋ̂ю то̂ и̂ добро̀. ѧ̂же ли вꙋ̂дꙋ̂ⷮ мо́лодꙑ. а̀ немочи̂ на́чнꙋ̂ⷮ то̂ нѣтꙋ̂ бѣдꙑ̀ ѥ̂о своеи во̂ женѣ нетꙋ̂ⷮ грѣха̀.

кг҃. Ходи́ли ва̀хꙋ̂ ро́тѣ хотачи̂ во і̂ер҃лимъ. повелѣ ми ѿпитемъю̂ да́ти то́ во речѐ рота̀ гꙋ̂виⷮ землю̀ сїю.

кд҃. Праша́ⷮ ѥ̂го̀ ѧ̂же дв҃ца лѣзеⷮ на деви́цю а̀ сѣмѧ и̂мѧ бꙋ̂деть. а́жа ѥ́ твора́ше ѧ̂же не с мꙋ̂жемъ.

ке. И̂ а̂ще во се̂мѧ и̂зыдетъ но̂ дв҃ство цѣло̀ ѐсть, и̂ повелѣ да́ти ѡ̂питемъю̂. 'И а̂рка́дени мо́вꙗше то̂ е̂ речѐ содо́мскїи грѣ̀. 'А и̂же то̂ ба́ба҃ которое паде́нїе злѣе всѣ҃ скоти́ное твор́аше. 'Иже не вѣдае҃ крі́ще҃ ли е̂ и́ли не крі́ще҃. достои҃ ли рѐ крті́ти. жа́е не бу̂де҃ по́слу̂ха крі́ще́ю досто́и҃ речѐ.

V. Списокъ истинныхъ и ложныхъ книгъ.

Сборникъ отрывковъ изъ разныхъ рукописей русскаго письма XVI—XVII вв. (Seld. Super. 112=3324). Отрывокъ № 6.

'И жидове оу̂бо ве́хаа своа. на че́веро раздѣлаю҃ писанїа. Первав̀ доля бо ес҃ и̂суо̂, левкїты. число. деоу̂теромїи̂. вторав̀ доля. второзаконие̂, їс҃ на́гн. соу̂дїи. самоилъ. д̂ цр̂тва. ру̂дъ. Тре́тиа̂ доля. палеа̀. и̂ в̂і. пр̂ркъ. лѣтописецъ. ѱ̂тръ. при́чи. и̂е́въ. данила. е̂здры. Четвертав̀ доля. пѣ̂. пѣ̂не҃. ѿт‹а›ици цр̂твъ. соборникъ. есдиръ. желание у те҃ всѣ҃ кни̂ кд. Ново̂ закона книги. е̂глїе. а̂плъ. апакалипси. По си̂ же ѿ̂ческав̀ то́кованиа̀. Сказанїе ѿ̂чески҃ то̂кованиѐ. сїирѣ̂ списаниѐ сло̂. 'Иу́же имена соу̂ сиѐ. ѡа̂ (sic) зла̂тый. дроугое книга їѡа зла̂тагѡ. тре́тее книгы житїе ѐго. и̂ грїгорей бг̂осло̂. синаксарь. рекше трио̂ четьа̀. василей кесарискы̂. шестодневѐ. їѡа̂ домаски̂. посланїе їѡ̂а дамаскина козмѣ. їѡа̂ ѐксархъ. їѡа̂ лѣствйникъ. Грїгорѐ (sic) декаполитъ. григорй папа ри̂мскы̂. григорей акрага̂скы̂. григорей синаи҃. грїгоре̂ двоесловецъ. кирилъ а̂лекса̂дрѣйскїи. кирилъ ѐр̂лмьскїи. кирилъ словенский. дїѡнисей а̂реоги҃. їринїй. спиридоней. златаа̀ четь (sic). лі̂тница. анастасїй. синаи̂тьскиа̀ горы̀. афонасей а̂лександрѣйскїи. семиѡ̂ бг̂осло̂. ѐѵводїе. карла̂ и̂ а̂садъ. ѐфрѣ̂ сири̂. макси̂. ни̂ зовомы̂ златострой. нико̂. лаѵсаикъ. деѡдоръ е̂дескїи. павелъ махнасїнскїи. генадїи. нидо́ртъ. евсевие̂ па̂дилїискы̂. гронограф. родословиа̀ глоубина криница. маргаритъ. пчела. лѣтописець великиа̀ горы. їѡсиф матадѣѡ̂. козма и̂дикопло̂. ко́зма халкидо̂скїи. деѡдоръ студїискїи. исаакъ сири̂. дородѣи. дїѡпатра зовомый зерцало. оу̂ста̂ ст҃ы ѡ. дроугїи оу̂ста̂ и̂конїискы̂. пандекть. лимани̂. а̂нтиѡ̂. семиѡ҃ словоположни̂. за-

коіпікъ. стогла҃. (sic) ѥпиданіи кипрьскыи. іс҃ сирахо҃. иіжко҃ жидовіи. соудеиникъ. ві҃. минеи четьи. к ниже написана житиа сты҃ прркъ і апосто҃. и стлеи. и стрти ликъ. патерикъ егѵпетскіи. патерикъ іерлмьскіи. патерикъ печеры кіевскиа. а ѡ медедіи патарско҃. и ѡ василіи новоявлено҃. и ѡ андреи оуроживо҃. ѡ сих да воспроси добрѣ вѣдоущих. аще е҃ истинна.

Я се книги ложныхъ писаніа. Ихже не подобает чести и держати. Съставлени рилістіи (sic) пламы. гравѣте вси вѣрніи. дроугое грате. кртоу тковлмоу водроужьшоу на земли. адаа. енохъ. ламех. патріарси. сифова млтва. адамль завѣтъ. моисѣѡвъ завѣтъ. исхо моисеѡ. анеседъ (sic). едадъ. мода. ильино ѡваклениѥ. исаино видѣниѥ. и содоньево ѡкровениѥ. захаріино ѡкровение. ездры ѡкровеніе. едо двдкы пѣни. ѩковла повѣсть. ѩкова нѣкоего еврейна. петрока ѡбавленіа. ѡбхо апіати. варнавино посланиѥ. павлово видѣниѥ ложю складено. павло ѡбоявлениѥ. еѵглие ѡ варнавы. еѵгліе ѡ домы. паралипомена еремиина. ѡ пленении іерлмтѣх. чтѡ ѡрла слали к вавило з грамотою ко еремѣю. и ѡ рахманѣх. зосимово хоженіе. соуть ж і ина многа. ѡ лжесловесникъ сложена. еже е сие. іѡа бгослова въспроси. еж на елеѡнстѣи горѣ. тогож бгослова воспросы. еже ре слыши пречный ѡане. и паки тогож въспросъ. ко авраамоу праѡцю. вафоломѣевы воспроси и бца. епистолиа ѡ нли. ѡ древѣ крстнѣм лгано. хожениѥ петрово по вознесеніи. гни. что ѡтрочате ха продавали. что рыбы по соухоу ходіли. дѣтство хво. ѡ. ві. пятница времениых. бци хожение по моукам. лоѵъ адамло (sic). что семь црей под ним сидѣли. имена аггло. ѡ служвѣ таин хвъ. что ѡпоздат ѡбѣдню. врата небесная затворятся. аггли поповъ кленоут. прѣниѥ діаволе съ хртом. ѡ поустынницы макаріи римсте лгано. что трі черневи (sic) нашли его ѡ рая за. к. поприщ. ѡ соломонѣ црю. ѡ китоврасѣ. басні и кощоуны. авгаево (sic) посланіе. что ноше (sic) нося неразоумиіи невѣгласи. ѡ двоу на г. ѩзовничах. глемая лѣствица недоуже естествены. еж трясовицамии мнѣноуют. ѡ сисинѣи. ѡ сихаили что сългалъ. еремиа поп бгомило оучникъ, пакы же бгоу не мило. что три чернецы ходили во адъ. что соломоно відѣли злато

имоущии поникаділо. дьякѡ арсене что слоужи во адале главе. <Е>бт же и ѡ мнце криво складно. а не тако яко есть истина в минеи чет. или в прологе. геѡргиево мученије. рекше ѿ дадьяна цря мчнъ. никиино мнне. нарицают его сна цря. епатьево мние что семью оумирилъ. и семью ожил. климентоко. ангирски и ины мози (sic). что лгано ѡ василье кесарийскомъ и ѡ григорье бгослове и ѡ иване златооусте. воспроси и ѿвеѣты ѡ всем порядк лгано. что ха к попы ставили како хс плуголмъ ѡрал. что еремѣа по болгарский изолгал и что нарекают кустодью пилатову девоѡку клюницу то ерс. все то не было. а кустодья есть воиновъ полкъ. рекше рать, а сотникъ оу них был. логвинъ но той вѣровал во ха. а жидове не вѣровали, а ему неразумные попы печатали двери црквные с народом в вече субботы великие. оуж подле соущу. подобатца жидом. сего не подобает творит а ем крщати в три ѿцы и к три сны и к три стые дхи. и не погружати но ѡбливат проклинает попа ѿ всѣмъ том. и носят ядь масленоую молоноую или яица. с проскирами в цркв или с кутью. а то все вмѣсте попове свщают и кадят. да извергоутца сана своего. попу развее кутью чистоу и кано носити в цркв. ино то в олтарь не носит. а брашно на потребу нищим, а не свещат с кутею.

Все писано ѡ ѿреченых книгах и (sic) млтка митрополита. киприяна всея русии. а несть се ложно написано, аще кто вопреки сему да извержетца. сут же и межю бжтвеных писанми. ложная писания насеяна ѿ еретик. на пакость невѣжамъ попом и дьяконом. толстые зборники сельские и худыего (sic), номоканунцы по молитвеником. оуж сельски попы лживые млтки ѡ трясавицах и не ѡ житех (sic). и ѡ недузех. еретицы были и сказали црквная предания. и правила апостолская пишюще ложная словеса, стиих бгоносних ѿцы. иже в никеи. седмаго собора концы пагубные прощою духовною ѿ церкви бжи их ѿгнаша, и оучение тех мудрования пагоубное. аки плевел ѿ жита исторъгоша и попалиша и мечты их проклаша. Стыхъ аплъ заповеди и стыхъ бгоносных ѿць нашихъ прежних шести, вселенских стых соборовъ ка-

ноны и правила. и стыа великиа соборныа цркви. стыа книгы. ѿх ѿнѣ предаша сватыи црквамъ. на ўтвержение вѣре православной и стаа повелѣша почитат. ем есть вра бжии. а си еть тѣх мꙋдрованиа. имиж ѿводат ѻ (sic) бга и приводать къ дьаволоу в пагꙋвоу перваа книга. мартологъ. рекше ѿстрологъ. втораа ѿстрономѣа. третьаа землемирнеа. четвертаа чаровникъ. в нихже соут вса двенадесать, ѿпрометных лицъ зверинъ е птичих се есть первое тѣло свое храниτ мртво. г летает ѿрломъ и астребом. вороном. датломъ. змѣемъ, рыщеть люты звѣремъ вепремъ дикии. волком рысью. медведем. патое. громникъ. шестое молненикъ. седмое лицъ ѿкружитца. ѿсмое коладникъ. девятое метанние. десатое мысленикъ. естественникъ первоенадесат сносꙋдецъ. второенадесат волъховникъ волъхвꙋюще птицами и звирми. ем есть. се храмъ трещит. оухозвонъ. вороногран. курокликъ ѡкомигъ, ѡгно вꙋчитъ. песъ воет. и ѿ прочих зверех. и ѿ птицах. а ѿ днех лоуных что в первыи днь лоуны, адамъ сотворенъ. ерети (sic) написано. а не в первыи днь лꙋны ада сотворенъ понеж слнце лꙋна и звезды. сотворилъ бгъ. в средоу а адама сотворилъ бъ в патокъ. како хощеши невѣигла во единъ днь сотворение. адамле. с лꙋною исповѣдати. вѣрꙋеши еретическим лжамъ, а стаа писаниа ѿставла. иже ти всю тридесат дние на лжю списаша, тако и протчаа. ико вѣ ѿ лицех и ѿ блговѣщеньи. еже соут книги. еретическаа. шестоенадесат звездочтецъ. ві звездъ. зі дрꙋгии звездочтецъ. емоуж има шестодне<ке>цъ к нихже безоумнии людие вѣрꙋюще возхкоую нщют. по ни рожении своих. санов полꙋчениа рока житию. и бедных напастей. и различных смртеи и званей. в слоужбах и в кꙋплах. и в ремѣслѣх свои безоумние. ѿстава бжию помощь. а невѣдꙋще ако нѣ се бжие повеление ни стых. аплъ стымъ ѿцемъ предано. но бгоненавѣстно и мерско бы бгоу. второе идѣловѣрие (sic). ѿ бесов еретики насѣано невѣжам на пагоубоу дшамъ. аки плевелъ среди пшеница. разжизающе пламень вѣчных моукъ, по словеси гню. еже рече червь их не оумреть. и ѡгнь их не оугаснет. ѡ то аплъ предано бысть. стымъ ѿцемъ. т. и ӣ. иже в ни-

кей заповѣдаша пре^ж^ во с͠тую троцоу, и кр͠тү ͠гнию поклонатиса с вѣрою и воскр͠нию х҃воу вѣровати истинно и матерь б͠жїю чтити и с͠тые пр͠рки и ап͠лы. и м͠чники. и с͠тители. иконамъ. иже поклонатиса. и книги с͠тыа почитати. имиже д͠ша с͠тии. избыти вѣчны^х^ моукъ. и вѣровати писанию и воскресенїю м͠ртвы^х^. и чаати с͠мртнаго соуда. и воз^д^аниа противꙋ дѣломъ а ѿреченны^х^ кни^г^ бѣжа^т^ аки ло^т^ содомлā и ѿню^д^ к ни^х^ не приничати, аки жена лотова преступи заповѣ^д^. англ^и^льскоую (sic) ѡбратиса видѣти содомъ. и бысть сто^л^пъ сланъ. и до дне тако^ж^ и н͠нѣ аще кто заповѣ^д^ б͠жию престꙋпи^т^. а иметъ еретическаа писаниа оу себа держати. е^ж^ есть врагъ б͠жии. и волх<ов>анию и^х^ вѣровати с тѣмї со всѣми еретики. аще которои ѡ͠ць д͠ховной вѣдаа оу собa таковаго. въ с͠нѣ^х^. а вѣдаи то в покаанїи его. иметь емоу в тōъ потаковъ. е дѣати. приемла его на частое покаание бе^з^ ѡпителмъ и бе^з^ ѿтлученна ц͠рквнаго. или име^т^ самъ тоже творити. преже реченнаа волхвавания. да и^з^вѣржется сана своего по правилō с͠ты^х^ ѡ͠ць и с пре^ж^реченными еретики. да бꙋдꙋтъ проклати. а написаниа и^х^ на тѣимени и^х^. да сожгоутца аще кто повинетца свaты^х^ ап͠лъ повелѣниеъ иже с͠тымъ д͠хомъ, ѿригнуша и ѡ томъ с͠тый соборъ оутвердиса правилы ихъ паче^ж^ д͠хомъ с͠тымъ, иже предаша с͠тымъ ц͠рквамъ. повеленїи. или сице кто не повинетса. сеа великиа ц͠ркви. еже есть софи прм^д^рость б͠жиа ц͠рграда, патриархоу е^ж^ вселенъскии православныи ц͠рквамъ правиломъ симъ ꙗко^ж^ повелиша. и оутвердиша преданиа с͠тии ап͠ли во своихъ правиле^х^ и с͠тии б͠гоноснїи ѿ͠цы сице напїсаша. аще кто таковыъ правиломъ. не повинетца не вѣруе^т^. или оукори^т^. или минитъ лжю. сꙋщꙋ да бꙋде^т^ прокла^т^.

Полихроній Сырку.

Объ одномъ посланіи митрополита Макарія Новгородскому архіепископу Пимену.

(По рукописи XVII вѣка).

Въ I томѣ Актовъ Археографической экспедиціи (стр. 275—277) была помѣщена «грамота М-та Макарія Новгородскому Архіепископу Пимену, съ разрѣшеніемъ двухъ случаевъ: а) о священно-инокѣ Юрьева монастыря Авраміи, служившемъ божественную литургію безъ эпитрахили; и б) о священникѣ, неокончившемъ литургію по причинѣ совершившагося съ нимъ припадка». Грамота писана въ Москвѣ, 1558 г., 6 февраля.

Послѣ изложенія дѣла о проступкѣ Аврамія, въ грамотѣ ex abrupto является переходъ къ другому дѣлу, начинающійся словами: «А тотъ священникъ, въ твоей архіепископли области, служилъ божественную литургію на Николинъ день, и таковая ему случися въ божественѣй службѣ разболѣтися и мертвѣти».— и т. д. Грамота возвращается къ случаю, повидимому уже подвергавшемуся обсужденію *раньe*, что и подтверждается слѣдующими затѣмъ словами: «а о томъ писалъ есми къ тебѣ отъ Отеческихъ древнихъ повѣстей, окромѣ священныхъ правилъ, и не возмогохомъ о томъ великомъ дѣлѣ указу учинити. И нынѣ пишемъ къ тебѣ по священнымъ же правиломъ и положа на судьбы Божія, потому что божественное писаніе свидѣтельствуетъ: жи-

вотомъ и смертію владѣетъ Богъ, а покаяніемъ владѣетъ человѣкъ; и не хощетъ смерти грѣшникомъ, но обратитися и живу быти ему». Затѣмъ слѣдуетъ уже разрѣшеніе *тому священнику* служить литургію. Это дополненіе грамоты касательно дѣла Авраамія ясно свидѣтельствуетъ, что уже *и прежде ея появленія* была какая то грамота къ Пимену по тому же вопросу, до сихъ поръ не встрѣчавшаяся изслѣдователямъ дѣятельности митрополита Макарія. И эта грамота дѣйствительно нашлась въ рукописи XVII вѣка, имѣющейся у меня подъ руками, но, къ сожалѣнію, безъ указанія даты. Она въ рукописи помѣщена *прежде* грамоты, касающейся Авраамія.

Предлагая копію грамоты, я соблюдалъ точную передачу текста, разрѣшивъ сокращенія и титла.

Повѣсть, и благословенпе. преосвященнаго Макария митрополита всеꙗ рꙋсие. О святѣмъ дꙋсѣ сынꙋ и сослꙋжебникꙋ нашего смирения. Пименꙋ архиепископꙋ великаго новаграда и пскова. Писалъ еси к нам в своеи грамотѣ что к тебѣ приходилъ из новогородской области от нѣкоей веси мiрскои священникъ на обрѣзание Господне, и на память иже во святыхъ отца нашего василія великаго генваря въ а день. а сказываетъ. слꙋчился де емꙋ на праздникъ чюдотворца николы декабря въ s день. литоргисая божественнꙋю слꙋжбꙋ. и ꙋже послѣ стиха преславныя богородицы, еже достойно есть ꙗ̈ко во истинꙋ блажити тя богородице. Дѡ ктеньи, вся святыя себѣ помянꙋвше. разболѣтися и омертвѣти. людие же въ церкви стоꙗ̑щиі егда ѡзрѣша его мертва, изнесша. из церкви внѣ положиша. И священныя ѡдежда с него совлекша. Онъ же лежавъ мертвъ два часа. И въ память пришедше не ꙋзрѣ на себѣ священныя одежда и шед в домъ свой. И по нѣкоемъ времени оустребитися [1]) ѡтъ болѣзни и приидетъ к тебѣ возвѣщает спцѣвая же о себѣ. и святое приношеніе и до нынѣ в тои

1) оустравити и оустравлꙗти, въ дѣйствительной и возвратной (съ сꙗ) формѣ— θεραπεύειν, sanare.

церкви на престолѣ и божественная слѹжба не совершена. и о семъ проситъ от тебѣ ѹказания. И ты о томъ въ правилѣхъ не обрѣлъ какъ емѹ совершити. разрѣшение и намъ о томъ к тебѣ отписати.

И извещеных правилѣ смотривъ о томъ ѹказу не обрѣтохом же а от многихъ отецъ древнихъ в повѣстех обносится. аще случится коемѹ священникѹ литоргия божественнѹю слѹжбѹ онемѣти, или омертвѣти. И невозможно божественныя слѹжбы совершити і в то время которому священникѹ прилѹчится в той церкви быти готовѹ къ божественной службѣ а будет не ґотов имя и причастные молитвы не говорены. и онъ церковное правило и причастные молитвы проговоря, и облачится во вся священническая и от самыя проскомидия по служебникѹ ставъ пред божественным престоломъ в таинѣ себѣ вся изглаголетъ. до тѣх мѣстъ отнележе священникъ предсталъ служити. а не претворяетъ ничтоже а оттоле велегласно і втаине вся совершаетъ. в того священника мѣсто божественнѹю слѹжбѹ о всемъ по священнымъ правиломъ. а в тѣх же в древних о то ѡтецъ повѣстехъ обносится а в правилѣхъ о томъ не писано же. Нѣкоемѹ священноинокѹ случись литѹргисать божественнѹю слѹжбѹ и егда взыде на горнее мѣсто. четцѹ наченшѹ апостолъ чести, онъ же сѣде на горнемъ мѣсте. и воздрема втоцѣ сномъ обьятъ бысть и от диявольския прелести въ томъ часѣ бысть емѹ искѹшение. онъ же страхомъ и трепетомъ обытъ бысть не вѣдыи что сотворити. И в то время в той святѣи церкви лѹчися быти искѹснымъ и разсѹдителнымъ великимъ старцемъ. Онъ же воспомянѹвъ их посла по нихъ и сказа имъ со слезами слѹчьшаяся презвитерѹ священноинокѹ повелѣша емѹ з горняго мѣста со всякимъ опасениемъ ити в сосѹдохранилницѹ и совлещися от священных. И повелѣша свитѹ на низ спустити и чистѹю возложити и искѹсныя молитвы изглаголати, и паки во вся священническая облачится. и повелѣша емѹ со страхомъ и трепетомъ. и со многими слезами божественнѹю слѹжбѹ совершити о всемъ по священнымъ правиломъ!

По окончаніи посланія Макарія по дѣлу священно-инока Аврамія, въ печатномъ текстѣ слѣдуетъ административное разрѣшеніе дѣла по случаю внезапной болѣзни одного священника во время служенія литургіи. Здѣсь предлагается перепечатка той части грамоты, которая уясняется издаваемымъ мною текстомъ (въ рукописи онъ предшествуетъ грамотѣ объ Авраміи):

«А тотъ священникъ, въ твоей архіепископли области, служилъ божественную литоргію на Николинъ день, и таковая ему случися въ божественѣй службѣ разболѣтися и мертвѣти, а иному священнику въ той церквѣ въ тѣ поры быти не лучилося, которому бы мощно въ его мѣсто божественая служба совершити, но всѣ ту случишася простая чадь, и ускориша съ него одежду совлещи, и отъ тѣхъ де мѣстъ и по се время въ той святѣй церкви та вся святая стоитъ на божественномъ престолѣ несовершена, а дніе тому уже многіе прешли суть; а тому священнику случися де въ божественѣй службѣ, якоже о немъ писалъ еси къ намъ. А о томъ писалъ есми къ тебѣ отъ Отеческихъ древнихъ повѣстей, окромѣ священныхъ правилъ, и не возмогохомъ о томъ великомъ дѣлѣ указу учинити, и нынѣ пишемъ къ тебѣ по священнымъ же правиломъ и положа на судбы Божія, потому что божественое Писаніе свидѣтельствуетъ: животомъ и смертію владѣетъ Богъ, а покаяніемъ владѣетъ человѣкъ; и не хощетъ смерти грѣшникомъ, но обратитися и живу быти ему. И тому священнику Богъ даровалъ животъ, паки живу быти и до днесь.—И ты бы, сыну, того священника самъ собою надуховнѣ и отцемъ его духовнымъ накрѣпко испыталъ о его священьствѣ и о его достоиньствѣ: что таковая ему случися божественнѣй службѣ умрети и паки ожити, и впредъ онъ достоинъ ли священьствовати? И ты бы, сыну, тому священнику въ той святѣй его церкви велѣлъ церковное пѣніе и причастныя молитвы сполна исправити, сосуды церковные, дискосъ и потиръ и покровцы приготовити, потому что та святая въ прежней его службѣ на дискосѣ и въ потирѣ на престолѣ стоитъ несовершена, и проскомидіе творити, и агнецъ вынимати, и божественную Златоусто-

ву службу сначала служити, и егда приспѣетъ время воздвигнути святая и онъ бы агньцы на единомъ дискосѣ воздвигнулъ, якоже и въ божественной службѣ Великаго Василія вынмая агньцы на всю седмицу воздвизаемъ всѣми, и преломивъ, во оба потира вложивъ, да и теплотою розвелъ, да во единъ потиръ совокупя обоя святая, причащался святыхъ божественыхъ Христовыхъ таинъ и божественную службу совершилъ о всемъ по священнымъ правиломъ; а будетъ тому священнику впредъ священьствовати нельзѣ, и ты бы въ той святѣй церкви велѣлъ божествену службу совершити иному священнику, о всемъ потому же, какъ въ сей грамотѣ писано. А милость Божія и пречистыя Богородицы, и великихъ чюдотворцовъ молитвами и благословеніе, да и нашего смиренія благословеніе, да есть всегда съ твоимъ святительствомъ во вѣки, аминь. Писано на Москвѣ, лѣта 7066 февраля въ 6 день».

М. П—ій.

„Риторика“ Космы Грека 1710 года и „примѣры“ изъ нея по русской исторіи.

Между литературно-образованными греками, жившими въ Москвѣ въ XVII—XVIII вѣкѣ, очень видное мѣсто долженъ занять аѳоно-иверскій іеродіаконъ Косма, личность, которая очень долго находилась въ неизвѣстности и которая выяснилась только въ послѣднее десятилѣтіе.

I.

Въ предисловіи къ своему важнѣйшему литературному труду, «Риторикѣ», Косма между прочимъ писалъ: «послѣдую же во всемъ изданію медоточнаго учителя философіи и священныя богословіи благоговѣйнѣйшаго и православнѣйшаго іерея Франгкійскаго Скифа критскаго не яко гробокопатель, по великому Василію, того чуднаго мужа медоструйное изданія свойствуя, но яко уху ему преклонивъ, подражая того медоточность и по стопамъ его ходя и в его сочиненіе, яко в чистое зерцало, прилѣжно зря, свое писую изданіе (отданіе)» [1]). Здѣсь нашъ авторъ совер-

1) Ср. А. И. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Спб. 1903, стр. 373. Отличія въ скобкахъ заимствованы изъ разныхъ списковъ «Риторики», о которыхъ упомянуто ниже.

шенно опредѣленно говоритъ о томъ, что при составленіи своей «Риторики» онъ пользовался изданіемъ Франгкійскаго Скифа, то-есть критянина Франциска Скуфа.

Францискъ Скуфъ (Φραγκίσκος ὁ Σκοῦφος), уроженецъ критскаго городка Кидоніи и потому называвшійся кидонійцемъ или просто критяниномъ [1]), получилъ воспитаніе въ Италіи и именно въ Венеціи. По окончаніи ученія онъ былъ рукоположенъ въ санъ священника и съ 1669 г. былъ докторомъ-преподавателемъ (διδάκτωρ) философіи и богословія въ венеціанской эллинской школѣ и въ франкипіевой гимназіи (φροντιστήριον). Въ виду политическихъ обстоятельствъ того времени онъ называлъ себя греко-уніатомъ (γραικο-οὐνίτος), хотя былъ самаго православнаго образа мыслей. «Приношу эту книгу, писалъ онъ, какъ малый знакъ моего великаго благочестія и чистѣйшій символъ моей любящей души». Безъ сомнѣнія за свое православіе и за свою полезную дѣятельность онъ былъ удостоенъ со стороны керкирскаго архіепископа Варварига почетнаго титула «замѣстителя» его въ Венеціи.

Для греческой учащейся въ Венеціи молодежи (νὰ ὠφελήσω τὸ γένος μου), для учениковъ своей еллинской школы (εἰς ὠφέλειαν τῶν σπουδαίων) Скуфъ написалъ и выпустилъ въ свѣтъ въ 1681 году риторическое руководство: Τέχνη ῥητορικῆς, Φραγκίσκου ἱερέως τοῦ Σκούφου κρητὸς τοῦ ἐκ Κυδωνίας, φιλοσοφίας καὶ ἱερᾶς θεολογίας διδασκάλου, τῇ Μητρὶ καὶ Παρθένῳ γονυπετῶς ἀφιερωθεῖσα. Arte di retorica, di Francesco Scuffi, dottor teologo e di Monsig. illustriss-mo e rev-mo Marc' Antonio Barbarigo, arcivescovo di Corfù, vicario generale (Ἐνετίῃσι, παρὰ Μιχαὴλ Ἀγγέλῳ τῷ Βαρβωνίῳ, αχπά, con licenza de'superiori e privilegio; 14 непум. + 472 + 23 ненумер. стр. 8° [2]).

1) K. N. Σάθας. Νεοελληνικῆς φιλολογίας παράρτημα. Ἐν Ἀθήναις 1870 σ. 64—71; Ἰ. Βαλαβάνης. Νεοελληνικὴ κιβωτός. Κπολις 1892 σ. 12—20; Ἰ. Βελούδης. Ἑλλήνων ὀρθοδόξων ἀποικία. Ἐν Βενετίᾳ 1872 σ. 107; Βρετός. Νεοελληνικὴ φιλολογία. Ἐν Ἀθήναις 1854, I, 243—244 σ. Ἑλλάδιος, Fabricius и другіе ошибочно называли Косму керкирцемъ.

2) Ср. É. Legrand. Bibliographie hellénique. Paris. 1894, XVII s., II, 400. У А. И. Соболевскаго (стр. 374) по опечаткѣ: 1661. Экземпляръ Τέχνης ῥητο-

Этимъ руководствомъ Скуфъ желалъ возродить въ греческой молодежи чувство изящности рѣчи, стремленіе къ краснорѣчію, которому онъ придавалъ необычайно большое значеніе, не разъ вспоминая оратора Демосѳена [1]). Скуфъ написалъ Риторику на языкѣ ново-греческомъ съ тою цѣлью, какъ говорятъ новые ученые греки, чтобы показать, что и ἡ χοινή способенъ выражать ученыя понятія и риторическія красоты [2]). Вмѣсто миѳологическихъ и классическихъ примѣровъ Скуфъ предпочиталъ примѣры прежде всего изъ сферы церковной, «такъ какъ іерею иначе было бы не прилично бесѣдовать о священныхъ предметахъ». Но говоря такъ, авторъ все-таки обильно пользуется примѣрами и изъ классическаго времени, говоря объ Александрѣ Македонскомъ, Анаксагорѣ, Апеллесѣ, Еленѣ, Зороастрѣ, Геркулесѣ, Ѳерситѣ, Неронѣ, Праксителѣ, сибаритахъ, Сократѣ, и пр.

Риторика Скуфа состоитъ изъ посвященія автора Богородицѣ, оканчивающагося словами: τῆς ἄκρας καὶ μεγάλης σου εὐσπλαγχνίας ἔμψυχον τρόπαιον Φραγκίσκος ἀνάξιος ἱερεὺς ὁ Σκοῦφος, посвященія читателю и изъ пяти книгъ, изъ которыхъ первая (σ. 1—149) не носитъ особаго заглавія, вторая (σ. 150—228) περὶ διαθέσεως, третья (σ. 229—271) περὶ ἑρμηνείας, четвертая (σ. 272—458) περὶ σχημάτων λέξεως καὶ διανοίας и пятая (σ. 459—472) περὶ μνήμης καὶ προφορᾶς. Въ первой книгѣ 23 главы, во второй 11, въ третьей 11, въ четвертой 37 и наконецъ въ пятой книгѣ всего 4 главы.

ριχῆς имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ; другой экземпляръ хранится въ парижской Bibliothèque Nationale, вотъ кажется и все, что осталось отъ изданія. Даже въ Греціи и Италіи, гдѣ эта книга напечатана, повидимому нѣтъ этого изданія, и É. Legrand, былъ правъ, отнеся описанный имъ экземпляръ къ числу rarissimes.

1) f. 5: θέλομεν ἑρμηνεύση τὸν τρόπον, μὲ τὸν ὁποῖον ἐμπορεῖ καθένας νὰ γενῇ παντοδύναμος καὶ θαυματουργὸς εἰς τὸν κόσμον.

2) Βαλαβάνης и другіе; самъ же Скуфъ говоритъ объ этомъ только (σ. α 5 v.): ἠθέλησα νὰ ὁμιλήσω καὶ μὲ κοινὴν γλῶσσαν ἐπιθυμῶντας νὰ τὸ δεχθοῦν ὄχι μόνον ἡ ἀγκάλαις τῶν σοφῶν καὶ ἐναρέτων, ἀμὴ καὶ ἐκείναις τῶν ἁπλουστέρων ἀνθρώπων.

Значеніе Скуфовой Риторики для своего времени было огромное. Греческіе юноши самымъ старательнымъ образомъ изучали этотъ учебникъ и, усваивая себѣ риторическіе пріемы, легко пріобрѣтали навыкъ въ изящности изложенія. Изъ учениковъ Скуфа, воспитавшихся на Τέχνη ῥητορικῆς, упомянемъ знаменитаго Илію Минятія (1669 —1714), архіепископа керникскаго и калавритскаго (въ Пелопонесѣ), который за свое умѣнье посредствомъ риторики будить въ слушателяхъ и читателяхъ тѣ именно чувства, которыя и хотѣлъ вызвать, получилъ прозваніе «Демосѳена новой Греціи» [1]).

Громкая извѣстность риторическаго руководства достигла до Греціи, а также до Аѳона, гдѣ въ иверскомъ монастырѣ діаконствовалъ тогда инокъ Косма, одинъ изъ ученыхъ и образованныхъ грековъ XVII—XVIII вѣка. Греческая библіографія (Вретосъ, Завира) даже не знаетъ о существованіи этого писателя,—съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ мы на немъ остановимся.

Получивъ Скуфово руководство, іеродіаконъ Косма повидимому хорошо изучилъ его. Какъ человѣкъ литературно-образованный, онъ вскорѣ, въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія, очутился въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ. Если мы припомнимъ, что въ этой обители въ XVII (и даже XVI) вѣкѣ находилась школа «греческаго ученія», если далѣе припомнимъ имена двухъ извѣстныхъ книжниковъ-филеллиновъ, Епифанія Славинецкаго и ученика его, чудовскаго инока Евѳимія, то намъ станетъ ясно, что въ концѣ XVII в. Чудовъ монастырь былъ главнымъ центромъ литературныхъ и даже ученыхъ греческихъ студій и что появленіе здѣсь аѳоно-иверскаго іеродіакона Космы можетъ быть объяснено желаніемъ обоихъ названныхъ книжниковъ, а равно братьевъ Лихудовъ, имѣть при себѣ образованнаго и ученаго грека.

Надо думать, что первое время Косма учился въ Москвѣ русскому языку, и по мѣрѣ своего ознакомленія приступалъ къ

---

1) Ср. Ἠ. Μηνιάτη Διδαχαί. Ἐν Βενετίᾳ 1840 (предисловіе Мазараки).

переводческой дѣятельности. Привезенная въ Москву Скуфова Риторика вскорѣ нашла себѣ очень хорошее примѣненіе въ тѣхъ воспитательныхъ и педагогическихъ программахъ, которыя составлялись въ Петровское время для обученія русскаго юношества.

Личность Космы, какъ писателя, впервые была отмѣчена проф. А. А. Дмитріевскимъ только въ 1895 году: въ это время сдѣлано было указаніе на переводы Космы *съ греческаго на русскій* языкъ. Въ 1901 году мы лично указали на нѣсколько переводовъ его *съ русскаго на греческій*. Въ 1904 г. акад. А. И. Соболевскій еще дополнилъ списокъ переводовъ Космы *съ греческаго на русскій*. Такимъ образомъ на пространствѣ десяти съ небольшимъ лѣтъ литературная дѣятельность нашего автора раскрылась съ значительною полностью.

Съ русскаго на греческій языкъ Косма перевелъ: 1) Кіевопечерскій патерикъ, 2) вѣроятно Синопсисъ Иннокентія Гизеля и 3) быть можетъ еще Повѣсть о смерти князя Даніила Александровича и о началѣ Москвы [1]).

Съ греческаго на русскій переведено имъ: 1) Слово аввы Исаака (переведенное съ еллинскаго языка на греческій простый Діонисіемъ), «переведено малѣйшимъ святогорскимъ Космою и подано пречестному монаху іеродіакону міръ (т. е. киръ) Дамаскину» (Уваровскій № 2071, нач. XVIII в.); 2) Св. Евангеліе и Дѣяніе св. Апостолъ, переведено съ греческихъ книгъ Космою іеродіакономъ грекомъ (Ундольскій № 1291, конца XVII в.) [2]). А. И. Соболевскій полагаетъ, что этотъ текстъ принадлежитъ Епифанію Славинецкому, а имя Космы вставлено здѣсь кажется по недоразумѣнію; но не правильнѣе ли было бы сказать, что въ переводѣ или, еще вѣрнѣе, въ пересмотрѣ его могъ участвовать также и Косма? 3) Риторика (Сила Риторическая), Софронія

---

1) А. Дмитріевскій, въ «Визант. Врем». I, 424; Хр. Лопаревъ въ «Пам. Др. Письм. и искусства», CXLI (приложеніе).

2) Лѣтописи русской литературы и древности, проф. Н. Тихонравова, V, 53; А. Соболевскій, стр. 231.

Лихуда, перев. «съ еллинскаго на словенское бесѣдованіе честнымъ и словеснымъ іеродіакономонахомъ Космою аѳоноиверскимъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ честнѣй обители Чуда архистратига Михаила, за многое тщаніе и иждивеніе ученика его, Крашениннаго ряда купца Іоанна Іоаннова сына, нарицаемаго Краткаго... въ лѣто... 7206 (1698) августа 12 дня»; въ основѣ Лихудовой Риторики лежитъ учебникъ Франциска Скуфа [1]); 4) Риторика (Рука Риторическая), посвященная Космою «тишайшаго и непобѣдимаго царскаго пресвѣтлаго величества сенатору и совѣтнику разумнѣйшему, вельможнѣйшему и великолѣпнѣйшему болярину Іоанну Алексѣевичу Мусину-Пушкину»; 5) Риторика по Скуфу, одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ нашего автора, оконченный 16 апрѣля 1710 года [2]).

Книга эта открывается посвященіемъ Космы «вельможному господину» Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, изъ чего можно заключить, что авторъ былъ многимъ обязанъ этому дѣятелю Петровскаго времени въ области просвѣщенія: Мусинъ-Пушкинъ могъ принимать въ судьбѣ автора извѣстное участіе, могъ руководить переводчикомъ-грекомъ въ его переводческой дѣятельности, могъ помогать ему совѣтами и прямыми указаніями, что̀ сохранить, что̀ сократить, что̀ наконецъ выпустить при переводѣ съ греческаго. Здѣсь Косма говоритъ: «особый во единой Руцѣ Риторичестѣй тебѣ, велможный господине, вручаю списокъ (снопикъ); пріими имже лѣпотствуеть доброхотнымъ смысломъ маленькій сей моего усердія дарецъ, и отъ сея Руки, юже тебѣ подаю, прелюбезно мой къ тебѣ залогъ познавай (познаваю)».

Далѣе слѣдуетъ пересказъ—посвященіе Божіей Матери. Здѣсь мы читаемъ слѣдующія строки: «и сіе зане во обители

---

1) А. Соболевскій, стр. 371, пр. 1.

2) Ср. А. И. Соболевскій, стр. 372—374, 291, 315, 369. Заглавіе ея слѣдующее: «Книга риторскаго всекраснаго златословія; твореніе красотословеснаго дидаскала Козмы, діакона и аѳоногрека, монаха и обитателя Чудовскаго».

свыхъ (Михаила и Алексѣя митр.), сей зовомый Чюдовъ, азъ грѣшный странствуя и на тѣхъ молитвы надѣяся, пучину книги сея начахъ писати». Посвященіе оканчивается словами: «честныхъ твоихъ ногъ одушевленное подножіе пучиногрѣшный Козма и монаходіаконъ аѳоноиверскій».

Затѣмъ слѣдуетъ пересказъ-посвященіе читателю. Здѣсь находимъ слѣдующія строки: «пріими убо, брате мой, сію книгу яко изъ рукъ пресвятыя Дѣвы Маріи: видѣвъ неисчетныя моя труды, яко странствуя и всякимъ премипаемъ (препинаніемъ) противнымъ случаемъ, яко тать дни и часы крадуя, на сіе упражняхся (упражняется)». Другое автобіографическое указаніе гласитъ такъ: «азъ тоежде повелѣніе (*не зарывать таланта*) исполнити, си есть понеже сподобихся малаго нѣкоего еллиногреческаго ученія и славенскому языку отчасти навыкнути, должно ми возмнѣхъ быти славенороссскій благополучный родъ трудами своими, якожс и прежнія моего рода, елика сила ползовати. И сего ради надѣяся на непоборимую помощь Матере мудрости пречистыя Дѣвы, на предстательство же безплотнаго архистратига Міхаила и теплыя молитвы чюдотворца Алексія, яко во обители ихъ живопитаемъ, начахъ писати полѣзнѣйшую сію книгу Риторику художествомъ таковымъ, яко никогда же до сего дне здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ подобнѣ изобразися».

Переработанная подъ перомъ Космы греческая риторика Скуфа обратила на себя вниманіе и вошла въ видѣ руководства въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академію. Доселѣ мы знаемъ пять списковъ ея: Импер. Публич. Библ. Q. XV. 1; Q. XV. 82 (списокъ, которымъ мы главнымъ образомъ пользовались); О. XV. 13 [1]); О. XVII. 68 и Уваровскій № 2113, и всѣ съ дефектами: послѣднее обстоятельство несомнѣнно говоритъ о частомъ употребленіи этой книги. Какъ великъ былъ интересъ

1) Ср. Отчетъ И. П. Б. за 1888 г. Спб. 1891: Каталогъ рукописей Богданова, И. А. Бычкова, I, 182—183.

къ этой Риторикѣ, показываетъ то обстоятельство, что въ Петровское время не было достаточно одной Риторики Космы,— понадобилось вновь сдѣлать *дословный* переводъ Скуфовой книги. Переводъ былъ сдѣланъ извѣстнымъ Степаномъ Писаревымъ и подъ названіемъ «Златословъ» былъ напечатанъ въ 1779 и 1796 годахъ [1]).

По поводу Риторики Космы акад. Соболевскій въ краткихъ, но мѣткихъ выраженіяхъ указалъ, что «трудъ Космы — не простой переводъ, а мѣстами передѣлка его оригинала; языкъ церковно-славянскій ученый, но сравнительно ясный, съ большимъ количествомъ греческихъ словъ; отмѣтимъ (въ посвященіи Мусину-Пушкину) *Iовишъ*, *Паллада*» [2]). Нѣсколькими примѣчаніями объ этомъ приговорѣ мы и закончимъ это введеніе.

Совершенно вѣрно, что Риторика Космы—не простой переводъ Скуфовой Риторики, что это передѣлка оригинала, но только не мѣстная, а проходящая по всей книгѣ, отъ первой страницы до послѣдней. Напр. посвященіе Матери и Дѣвѣ Скуфъ началъ словами: «Къ стопамъ Твоимъ притекаетъ книга сія, Дѣво Богоблагодатная»,—Косма передѣлываетъ эту фразу слѣдующимъ образомъ: «Въ руку твоею святою, о пречистая Дѣво, книга сія лежитъ (левитъ)». Скуфъ закончилъ это посвященіе словами: «высшаго и великаго Твоего благоутробія одушевленный трофей»,—Косма передаетъ: «честныхъ Твоихъ ногъ одушевленное подножіе». Мы не будемъ приводить здѣсь параллелей между обоими текстами,—это значило бы привести обѣ книги цѣликомъ,—такъ много и такъ глубоко передѣланъ текстъ Скуфовой книги! Число книгъ у Космы то же, что и у Скуфа, порядокъ главъ въ каждой книгѣ тотъ же самый, но въ изложе-

---

1) Ср. Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 45, стр. 84; А. И. Соболевскій, стр. 372.

2) А. Соболевскій, стр. 374. Для *Юпитера* форма *Iовишъ* была повидимому довольно обычна на ученомъ языкѣ Петровскаго времени. Напр. академическій календарь на 1709 г., говоря о созвѣздіяхъ, вмѣсто *Юпитера* говоритъ *Iовишъ*. Но въ другихъ мѣстахъ Риторики Косма говоритъ *Завесъ* съ отмѣткою на полѣ: *Юпитеръ*, *Перунъ*.

нія главъ Косма допускалъ большую свободу. Уловивъ мысль оригинала, нашъ авторъ уже самостоятельно излагалъ ее своими словами, быть можетъ помня пожеланіе Петра Великаго—не *перетаскивать* съ одного языка на другой,—или быть можетъ сообразуясь со степенью образованія своихъ русскихъ слушателей, учениковъ и читателей, или то и другое вмѣстѣ.

II.

Что Косма Грекъ приноравливался къ условіямъ чуждой ему страны, къ міросозерцанію русскаго юношества, что онъ старался облегчить ученикамъ усвоеніе безконечно длиннаго ряда риторическихъ терминовъ и заинтересовать ихъ этимъ важнымъ предметомъ, это особенно наглядно изъ иллюстрацій, которыми онъ въ избыткѣ снабдилъ свое руководство: эти иллюстраціи взяты изъ Русской исторіи и изъ исторіи русской церкви. Это былъ огромный трудъ Космы. Мы уже приводили его слова о «неисчетныхъ» трудахъ, о томъ, какъ онъ подобно вору кралъ дни и ночные часы для своихъ литературныхъ занятій, и мы совершенно повѣримъ, что въ данномъ случаѣ это была не риторическая фраза, а искреннее и фактическое свидѣтельство этого славнаго книголюбца.

Многочисленные примѣры, внесенные Космою въ Риторику, взяты на всемъ пространствѣ русской исторіи, начиная съ языческихъ временъ и кончая XVIII вѣкомъ, и нужно сказать, что освѣщены наиболѣе интересные вопросы. Постановку нѣкоторыхъ изъ нихъ можно объяснить національностью автора, его подневольнымъ положеніемъ и его желаніемъ идти на встрѣчу русскому обществу въ освѣщеніи историческихъ событій, чему быть можетъ могъ содѣйствовать Мусинъ-Пушкинъ. Примѣръ о прибытіи царевны Анны въ Корсунь (№ 2) характеризуетъ автора какъ грека, для котораго выходъ греческой царевны замужъ за русскаго великаго князя былъ символомъ родства и еди-

ненія вѣры обоихъ народовъ. Если бы перевести этотъ примѣръ на византійскій языкъ, византинистъ могъ бы подумать, что въ немъ имѣется современное X вѣку византійское свидѣтельство о путешествіи сестры имп. Василія II на Русь,—такъ жива риторическая оболочка этого событія.—Примѣры о митрополитѣ Алексѣѣ (№№ 15—16) приведены вѣроятно потому, что въ Чудовомъ монастырѣ находился придѣлъ во имя этого святителя: авторъ, самъ проживавшій здѣсь, долженъ былъ прославлять покровителя этой обители.—Въ отношеніи вопроса о самозванцѣ можно предполагать слѣдующее. Въ началѣ XVIII вѣка вопросъ этотъ обсуждался такъ же горячо, какъ онъ горячо трактуется въ наше время. Достоинство тогдашней науки однако требовало взять подъ защиту положеніе о св. мученикѣ Димитріи царевичѣ и о самозванцѣ Димитріи Отрепьевѣ, и вотъ Косма нѣсколько разъ возвращается къ этому предмету и, можно сказать, на разные лады старается закрѣпить въ умахъ молодежи это положеніе (№№ 19—23).—Примѣры о расколѣ (№№ 24—25) понятны сами собою. Въ Петровское время раскольничій вопросъ занималъ духовенство съ особою силою, и св. Димитрій Ростовскій писалъ даже опроверженіе Брынской ереси. Если въ концѣ XVII вѣка вопросъ о начальникѣ самоубійственныхъ смертей, Капитонѣ, служилъ предметомъ догадокъ, то въ XVIII вѣкѣ догадки перешли въ сознаніе общества уже въ видѣ вполнѣ опредѣленнаго факта, и люди Петровской эпохи принимали уже за несомнѣнное, что истиннымъ основателемъ ереси былъ именно Капитонъ.—Особенно любопытенъ эпизодъ изъ жизни патріарха Никона (№ 28)—о покушеніи на него со стороны одного раскольника,—эпизодъ, кажется, неизвѣстный и встрѣчающійся не во всѣхъ спискахъ Риторики [1]). Въ концѣ XVII в. надѣлало много шума дѣло о совращеніи Петра Артемьева въ католичество [2]). Артемьевъ былъ родомъ суздалецъ. Почему Косма называетъ

1) Напр. имѣется въ О. XVII. 68 л. 822 об., но нѣтъ въ Q. XV. 82.

2) Объ этомъ см. Соловьевъ, Ист. Россіи (изд. «Общ. Пользы»), III, 1223—1226.

его катунцемъ, недоумѣваемъ; быть можетъ онъ происходилъ не изъ самаго Суздаля, а изъ какой либо окрестной деревни Катуни?[1]) Начетчикъ въ писаніи, краснобай и очень нервный человѣкъ, онъ вмѣстѣ съ Іоанникіемъ Лихудомъ ѣздилъ однажды въ Венецію и тамъ заразился латинствомъ. Вернувшись въ Москву, онъ многихъ здѣсь совратилъ въ католичество. Сосланный въ Холмогорскій Важскій монастырь, онъ вступилъ въ преніе съ преосвященнымъ Аѳанасіемъ и съ такою силою отстаивалъ латинскую церковь, что Аѳанасій, какъ самъ заявлялъ патріарху, едва вышелъ изъ спора съ достоинствомъ. Патріархъ Іоакимъ грозилъ сжечь Артемьева, но ограничился новою его ссылкою. Личность послѣдняго была настолько интересна, что Косма не преминулъ откликнуться по этому вопросу особымъ примѣромъ (№ 20).—Личность измѣнника Якушки, участвовавшаго въ русскомъ войскѣ, но затѣмъ перешедшаго на сторону турокъ, повидимому интересна своею новизною, такъ какъ исторія ея не знаетъ. Изъ риторическаго «примѣра» (№ 34) видно, что Якушко состоялъ въ русскомъ войскѣ, но покинувъ его, ушелъ въ Азовъ къ туркамъ. Изъ-подъ Азова онъ отправился въ Константинополь, имѣлъ аудіенцію у султана и даже потурчился. Риторъ готовъ простить ему все, но только не его вѣроотступничество. Что Якушко вм. «аллилуіа» будто бы произносилъ «ала ала и лала ресулъ ала»—сомнительно; онъ могъ произносить эти слова, но еще правдоподобнѣе, что не говорилъ ихъ: это только особый риторическій пріемъ (по созвучію) для нагляднаго обозначенія того, что Якушко потурчился.—Равнымъ образомъ въ XVIII вѣкѣ довольно широко распространялась легенда-апокрифъ о св. Андреѣ Критскомъ, какъ о блудникѣ и человѣкоубійцѣ, легенда, разсмотрѣнная акад. А. Н. Веселовскимъ[2]), и вотъ Косма находитъ нуж-

---

1) Катунь—рѣка въ Сибири. Въ виду того, что Косма говоритъ также о рѣкѣ Ленѣ и о Китайскомъ государствѣ, позволительно предположить, что нашъ авторъ читалъ сочиненіе Спаѳарія.

2) Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ и пр. (Ж. М. Н. Пр. 1885, ч. 239, іюнь, стр. 231—287).

нымъ и по этому вопросу открыть глаза русскому юношеству на всю злонамѣренность этого апокрифа (№ 32). — Какъ въ XVI, XVII вѣкѣ, такъ и въ Петровское время мысль о порабощеніи грековъ турками была тѣмъ кошмаромъ, которымъ бредили лучшіе юго-славяне и греки. Іоакимъ Александрійскій и Максимъ Грекъ писали объ этомъ Іоанну Грозному; извѣстный Юрій Крижаничъ писалъ о томъ же въ письмахъ къ царю Алексѣю Михайловичу, — и Косма Грекъ также счелъ нужнымъ отозваться на эту злобную тему (№№ 37, 41—43).—Наконецъ одно изъ важныхъ событій Петровскаго времени до 1710 года было такъ называемое Азовское сидѣніе. Іеродіаконъ Косма и на немъ остановился (№ 36), желая показать русскому юношеству образецъ мужества воиновъ и величія царя.

Греція дала намъ замѣчательныхъ дѣятелей: Кирилла Туровскаго, Максима Грека, Арсенія Елассонскаго, Николая Спаѳарія и не одинъ десятокъ другихъ лицъ. Къ числу ихъ по всей справедливости слѣдуетъ отнести теперь и Косму Грека.

Выдержки изъ „Риторики“.

1. (*Примѣръ на метаволи*). Имѣй за парадигму схимы сея истинное преложеніе и премѣненіе всея Великороссіи отъ злочестія въ благочестіе, отъ невѣрія въ правовѣріе и отъ жизни прелестныя въ жизнь истинную. л. 111 об.

Царствова иногда во всю Россію грѣхъ и тма, егда вся страны сея Россіи идолослуженія убо и тмою мрача (покрыва) хуся, тиранствомъ же грѣха всяка душа мучашеся; но пришедшу сладчайшему свѣту во свѣтѣ дщерь свѣта покозася и Россія, яже прежде убо во тмѣ глубоцѣй ідоломъ служаше, нынѣ же во истинномъ свѣтѣ Христа выю подклоняетъ: не яко тогда, но яко святочистая невѣста безсмертнаго жениха Христа червлено-украшенна и диадимоносна всѣми чествуема; тогда по всей Россіи идоли богомерски и демони ідоловъ первообразни почитахуся,

нынѣ всякъ возрастъ и мѣсто всяко всея Россіи ідоловъ идолы требы поплеваетъ и демоновъ и демоны службы и дѣла проклинаетъ, истиннаго же Бога Христа имѣюща прославляетъ.

л. 148 об. 2. *(Примѣръ на эрминію)*. Достиже благовѣрная и христолюбивая царевна Анна славный градъ Герсонъ, изъ Царя града грядущіи по прошенію великаго князя Владіміра, во еже тому быти жана законная. И что не дѣяшеся тогда радостное изъ коробля ей исходящей? Народи безчисленніи предъидяху, архіерейскія руки всѣхъ благословляху, князи и болярс словно препудствоваху, тожа и сама благочестивѣйшая царевна левски нѣкако шествующи, красотою яко луна совершенна сіяющи, и ликъ женъ и дѣвъ благородныхъ яко звѣздъ свѣтлыхъ сводящи, изходитъ изъ корабля яко изъ чертога со славою веліею. Но великій князъ Владіміръ прежде обѣщався креститися, усумнѣвся о вѣрѣ, и абіе слѣпота нападе на него осязная, и ничесогоже видяше, якоже иногда Павлъ великій, сосудъ Божій избранный; сіе ему бысть или да явится сумнѣніе его противно сущо Богу, или да накажется не прелагати благій совѣтъ на злый и душеспасителный на душепагубный, или да сей Павлу подобнѣ, невидимо невидимого познаетъ всѣхъ Бога, могущаго отъяти и дарствити, спасти и въ геенну ввергнути. Чтоже посемъ? Еже любомудрому и благому совѣту чюдныя Анны очесъ его просвѣщеніе не благодати ли излишество являетъ? не и душевныхъ ли очесъ прозрѣніе показуетъ? Писася бо, яко погрузися (—вшуся) во святѣй купѣли трищи, во образъ тридневнаго погребенія Христа Бога нашего, абіе абіе прозрѣ свѣтло. О, превеликихъ чудесъ твоихъ, Боже! о, неизреченнаго человѣколюбія твоего, Спасе! знаменіе есть веліяго дара крещенія, показавъ сущаго къ Богу присвоенія Владимірова, явленіе явно и не ложно, яко и сей Павлу уподобився сосудъ будетъ избранный.

л. 49 об. 3. (*Примѣры на дѣла сирѣчь* ἔργα). Изыде равноапостолъ князь и царь Владиміръ изъ святыя купѣли, и абіе просвѣтися

свѣтлостію не токмо тѣло, но паче души свѣтлозареніемъ абіе позна неземленый князь, каковъ претворися сей гігантосилный князь. Но что по семъ? По лѣтѣ убо быстропарный орелъ возжеся яко свѣща на свѣщницѣ множественная, положися духомъ святымъ не подъ спудомъ, но на высочайшей горѣ Кіевстѣй отъ первозваннаго Андрея предъ благословенный взыде на гору священноцарственный проповѣдникъ проповѣда и инъ Орфій, не леса и каменіе басненно къ себѣ привлачаше, но каменносердечныя человѣки къ сладкому Ісусу. Во истинну тогда исполнися христоглаголанное не ложное слово: тако да возсіяетъ свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ вашя добрая дѣла и прославятъ Отца вашего сущаго на небесѣхъ; возсія, ибо всѣхъ просвѣти; возсія, ибо всѣхъ научи; возсія, ибо вся озари. Сей бо просвѣтися, темный же князь уязвися; сей вѣрою оживе, діаволъ же жалостію умре, яко комета отъ всея Россіи изсія и за антіподы тму прелести прогна, яко солнце введе всему миру свѣтъ вѣры, инъ Константинъ жезломъ Духа Святаго сокруши вся мерзости, паче же силу темную, инъ Ираклій (Геркулесъ), не изъ тмы на свѣтъ, но изъ свѣта во тму кромѣшную связавъ паки Кервера; инъ Өезей всего царства отъ бѣдъ свободи землю; инъ крѣпкорамный Атласъ подъимъ небасненно злѣ носимый всѣхъ Россовъ грѣхъ прелести и за столны изверже Ираклієвы. Толикія инъ Завесъ (Юпитеръ) испусти на враги (Перунъ) грамострѣлы, елики изъ теплаго сердца возсла къ Богу молитвы, собра яко чадолюбивая кокошъ подъ крѣлѣ свои своя чада, породи я Духомъ Святымъ и водою, и вся (по началнику риторовъ, апостолу Павлу) во едину мѣру полноты Христа приведе, всю землю церквей святыхъ наполни, на всякомъ мѣстѣ честный садъ крестъ насади, на всякомъ сердцѣ Христа живо писа, небо сотвори, землю і аггелы показа земныя, трисвятую поющыя пѣснь Троицѣ. Тѣмже всѣмъ Россомъ по Духу отецъ есть, всѣмъ учитель, наставникъ, апостолъ и обновитель всея земли Россійскія. Аще бо благочестіе помыслиши, аще познаніе Бога, аще всероссійское крещеніе, аще съ Богомъ сообщеніе, аще въ вѣрѣ утвержденіе, аще бѣсовъ

отгнаніе, аще капищь конечное разореніе и церквей паче песка морскаго умноженіе, аще ино что, иже всѣмъ видима, вся сего венцеукрашеннаго апостола царя Владиміра суть дѣла его, вся его труды, вся того духовнія плоды, вся, и прочая.

л 134 об. 4. *(Примѣръ на екфониму).* Употребляется сія схима и повѣсти коего либо лица и вещи ко удивленію и подражанію слушателей, яко:

Благовѣрный князь Владиміръ елико теплѣ бяше послуженіе ідоломъ, толико таже паче и паче во угожденіе всѣхъ Богу и елико первѣе бяше жено неистовный, толико потомъ благоговѣенъ и святъ и всѣхъ владомое своихъ подщавши явностію своею удобно, яко едина человѣка, скоро къ Богу приведе и все царство свое просвѣти. О, ревности несказанныя! о, теплоты его ко Христу неугасимыя! о, измѣненія чюднаго! о, благоразумія его и остроумія! о, и прочая.

л. 144 об. 5. *(Примѣръ на мерисму).* Парадигма ти даю на равноапостольнаго великаго князя Константина втораго, святаго Владиміра, иже просвѣти всю Россію, яко едина человѣка подобіемъ небошественнаго исполина солнца.

Всю Россію одолжилъ еси, царю и апостоле Владимире, и тму нечестія отгналъ еси за антиподы; вся же твоя языки и вся страны просвѣтилъ еси познаніемъ божества, обогатилъ еси ты славный убо свой градъ Кіевъ, прежде сущіи вертепъ началнаго въ прелести ідола Перуна и прочихъ демоновъ, домъ сотворилъ еси живоначалныя Троицы и всѣхъ святыхъ его, вся же ідолы и тѣхъ прелесть въ рѣку Днепръ потопилъ еси; ты Ростовъ градъ веліи растѣти сотворилъ еси вѣрою святою, сокрушивъ тлящія умно и демоны во ідолѣхъ обитающыя; ты прехвалный градъ Москву, тогда убо малъ и незнаемъ, нынѣ же величайшіи и глухимъ и слѣпымъ знаемый [царствующь бо], сіяніемъ честнаго креста яко ино небо сотворилъ еси; ты новыя оба грады, во ідолослуженіи обетшавшыя,

вѣрою обновивъ неложно новымъ нарещися сотворилъ еси и овыя убо горній (верхній) сый не токмо положеніемъ, но паче прелестію ложнаго бога ідола своего Перуна поднсжіе сотворилъ еси истиннаго Бога; овый нижній сый мѣстоположеніемъ горнѣйшій бысть истинною вѣрою сотворилъ еси и присно солнцемъ правды, яко высоку въ вѣрѣ осіяватися. Что же и тезоименитіи тебѣ градове Васілевъ и Владиміръ? не черезъ тебе ли вѣрою просвѣтишася? Что же Смоленескъ и Тверь? не тобою ли истиннаго познаша Бога? великій градъ Псковъ? не отъ тебе ли свѣтомъ богоразумія озарися?

Зри, яко едино предчиненіе, еже князь Владиміръ просвѣтися всю Россію честнымъ повѣствованіемъ на велико возраста.

6. *(Примѣръ на этимологію)*. Неувѣдаемая есть твоя слава, л. 20 об. равноапостоле великій княже Владимире, и память твоя присно, по Соломону, съ похвалами. Понеже не токмо по имени своему, по подобпѣ и по дѣломъ твоимъ владѣеши всѣмъ миромъ россійскимъ, толиками устами владѣтель всего россійского мира величаешися, еликими на всякъ день Владіміръ именуешися. Ты первый именовася царь и князь велій странъ сѣверныхъ, ты многія языки смѣлыя смирилъ еси, ты многія скипетры гордыхъ князей попралъ еси, ты многія престолы низъвергдъ еси и вѣнцы неувядныя побѣды пріялъ еси, еликія лѣта въ мірѣ семъ пребылъ еси, толикія побѣдилъ еси государства. Еликія брани сотворилъ еси, толикія побѣды пріялъ еси. Отвсюду Владимиръ явился еси, и отъ дѣлъ и храбрости и отъ крѣпости, силы, дерзостей, смѣлости, славы, богатства, и отъ всего добродѣтелей лика, душевныхъ же и тѣлесныхъ. Кто въ тыя лѣта величашеся? Владиміръ. Кто ублажашеся? Владіміръ. Кто отъ всѣхъ поклоняшеся? Владиміръ. О, согласія Владимировыхъ дѣлъ по имени! О, пречюдныхъ побѣдъ по чюдному именованію! аще ироя его наречеши, и дѣла его являются; аще дѣла его исчисляеши, і имя его показуется. Сей пречюдный князь Владіміръ не точію миромъ, но и подмирными властми пречюдно

владѣ прежде или владаемъ, и да глаголю яснѣе, сей божественнымъ примѣненіемъ премѣнився, рабъ вѣрный и апостолъ благовѣствующій бысть Христовъ, и многоглавныя Керверы, иже суть темніи демони, въ конецъ побѣди, посрами, изъ своея власти изгна, силу тѣхъ разрушивъ всема, побѣдное знаменіе честный насади крестъ, і инъ Авраамъ Бога тріипостасна въ страннопріимство прія. Сей православную вѣру умножи, и прочее.

л. 94. 7. *(Примѣры на катахрисисъ).* Велій еси ты, Антоніе преподобне, не по количеству тѣла, но по превосхожденіи добродѣтели твоея; высокъ еси, отче, не по возрасту плоти, но по мудрованію твоему божественному, остръ и скоръ и познаваемъ сіе отъ еже къ Богу теченію твоему, жестокъ и крѣпокъ не во осязанію, но по житію и терпѣнію. Кто бо и толика отъ демоновъ претерпѣ, яко же ты? кто таковое показа житіе? кто воздержаніе? кто молитву неусыпную? кто, и прочая. О, твоего терпѣнія, преподобне отче Антоніе, поистиннѣ великій! о, твоего воздержанія! о, божественныя любве твоея! о, славы твоея! о, и прочая.

л. 148. 8. *(Примѣръ на эрминію).* Преподобный отецъ нашъ Антоній присно въ земляной пещерѣ монашествуя живяше, или да поминая всегда, яко земля есть и въ землю паки пойдетъ, или да не притупится души око лучи мірскихъ свѣтлостей, но яко изъ покрова невредимо ясное зрить солнце правды.

л. 77. 9. *(Примѣръ на эпагогію).* Глаголютъ нѣцыи мнѣ подобніи лѣнивіи, яко въ настоящая времена не возможно спастися: не тая нынѣ времена, не такови нынѣ человѣцы, понеже родъ послѣдній, родъ слабый, Христа не видятъ телесно, пророковъ не имѣютъ, ниже угодниковъ на спасеніе направляющихъ дѣлами своими, житіе и поученіе. Ложно сіе и вины о грѣсѣхъ: и древніи бо святіи отцы не безъ плоти быша, ни кромѣ таяжде немощи

тѣлесныя, но трудившимся и воздержа(вши)мся ничтоже повреди ихъ путь спасенія.

Пріидутъ ли на свидѣтелства слова вси въ пещерахъ кіевскихъ богоносніи отцы? И въ первыхъ нововеликій Антоній печерскій сице глаголетъ: и азъ, братіе, во плоти ходихъ и тоя стрѣлянья ощутихъ и родителей любовь видѣхъ и вся, яже міръ обѣщаетъ, слышахъ, яко славу, честь, наслажденіе, похоти и прочая; но вся сія презрѣвъ, Христа единаго паче всѣхъ возлюбихъ, его же любовію яко криліемъ облѣгаемъ прелѣтѣвъ широкопучинное Черное міра море и доволно поплывъ въ Бѣлое море Божія милости, и оттуду взыдохъ на солнцевѣнчаемую Аѳонъ гору Богоприсвоенія и тамо собравъ благовонная добродѣтелей, возратився къ воспитавшей мя, идѣже тыя лучами Божія любве возжегъ и самъ попалихся, и пребыхъ въ нѣдрѣ земли оттуду, яко оживотворивыйся фіниксъ къ вѣчной жизни, яже есть Христосъ, возлетѣхъ.

Таже Ѳеодосій роскообщежителствоначалникъ свѣтлоглашаетъ глаголя: и азъ возлюбленіи плоть носихъ сластолюбную и азъ во гресѣхъ, яко вси вы, родихся и азъ во младыя бѣхъ лѣта и мене любовь родителей любимыхъ съжигаше и мене миръ лстяше и діаволъ воеваше, но азъ вся ногою легкою поправъ побѣдихъ и Христа обрѣтохъ, не просто же, ниже дѣтски играя исправихъ, но міръ и вся въ немъ оставихъ: трудъ и болѣзнь возлюбивъ (и совершивъ) молитву и стояніе присно имѣвъ, и кратко рещи: Бога и яже Божія возлюбивъ и совершивъ благородный и азъ по мірскому именованію, глаголетъ Варлаамъ печерскій преподобный, по благородіе вмѣнихъ нищету ми и слава мира дымъ показася ми, ослѣпляюща очеса сердца; честь яко вѣтръ ми явися, и мирския сладости удицы познахъ діаволскія, тѣмъ же всѣхъ сихъ убѣгохъ, Христу единому прилѣпихся вѣчной славѣ и ненасыщаемѣй сладости.

Кто Ефрема не вѣсть, евнуха, наперстника славнаго князя Изяслава? Но сей царевъ домъ оставивъ и самаго того князя, иnаго поиде искати славнѣйшаго князей князя: за негоже и странствовати возлюби и естества паче труды подъяти восхотѣлъ.

Чюдотворецъ именуется печерскій Ісаіа, и есть ей, по многимп трудами сіе стяжа именованіе: многимъ воздержаніемъ, вседневною молитвою, всенощнымъ бдѣніемъ, немѣрнымъ смиреніемъ и страстей всѣхъ умерщвленіемъ.

Врачь новый Даміанъ показася тѣлесныхъ глаголю и душевныхъ недуговъ; но съ великимъ прежде опаствомъ навыче чрево свое отъ гладнаго недуга (ядяше бо во всю свою жизнь хлѣбъ токмо съ водою), таже и врачебнаго сподобися Богомъ дара.

Сладкимъ окомъ вся предвидяще вся прелести мира и всего временное, Іеремія и Матѳей, и скорыми ногами ко Христу притекше, тѣмже научишеся человѣковъ помыслы и будущая ясно глаголати. Преподобный Исаакій толикія труды творяше и отреченіе такое показа, яко и самый тмы князь сія видя не возможе; тѣмъ же антихристовымъ образомъ преподобнаго прелстивъ, самъ окоянный прелстися, святый же вѣчно прославися. Въ тѣсномъ мѣсте затворникъ сый живяше Никита и таковымъ своимъ житіемъ діавола зѣло утѣсняше, иже завистію вшедъ вонь книжнымъ не учаше прилежно, но святый жезломъ воздержанія не скоро изгнавъ, Духа Святого жилище показася вѣчно.

Молчати не могу *Лаврентіа* демоноизгонца, понеже вся Россія имя его глашаетъ, и глаголати о житіи его не вѣмъ: ему же аггели удивишеся. Доволно не вѣмъ, зане умъ мой превосходитъ. Являются же труды его и безстрастное житіе отъ сего, яко и демони того вострепетаху. Разжизашеся похотію плоти многоновострадалный *Іоаннъ* и тмою похоти омрачашеся, но не пощадѣвъ себе, въ земли живъ погребеся и вкупѣ и вся страсти съ собою; тѣмже воспрія неувядный вѣнецъ дѣвства и Христа узрѣ, свѣтъ невечерній.

Зеліемъ, яко животно, словесноду шевный сый питашеся блаженный Прохоръ и пепелъ за соль имяше и никогда сладкія и драгія пищи требоваше, но зеленный, горесть ему вмѣнишеся сладость, тѣмже и божественныя сподобися пищи.

Како спасошеся богосостанная двоица *Марко* и Ѳеофілъ? не мягкія ризы, но желѣзы твердое укрошаше Марка святаго звѣзду

пещеры; тѣмъ яко діадимою препоясавъ чресла своя, мертвія возграшаеще ихъ слышавше достояху.

Преподобный же Ѳеофилъ неутѣшно плача сосуды наполни слезъ, и въ нихъ преглавнаго потопи Кервера, самже преплывъ житія море къ крѣпкому спасенія каменю, ко Христу, пріиде. Другая двоица пречюдно спасена угоди Богу: но единъ ихъ (Ѳеодоръ есть сей) пламень прежде возъимѣ постелю, другій же (Василій сей преподобный) стрѣлою горкою свое наслади сердце.

Мужь благороденъ бяше, зане князь черниговскій, Николай Святоша; по смиренно при вратѣхъ яко на царскомъ сѣдяше престолѣ, таже мѣсто скипетра сѣкиру въ руцѣ держа, дрова сѣцаше и поварнюю творя службу, яко Богу работаше, братія.

Но преподобный страстотерпецъ Евстратій: все свое имѣніе другомъ Христовымъ раздавъ, таже образъ одушевленный бысть тако. О, лѣнивѣ и сластолюбче, трудишася святіи отцы печерстіи, тако житіе препровождаша и блаженную кончину получиша, и не токмо сіи, но и вси угодницы Бога святаго. Ты же ядый и пія царства небесна желаеши? постелю свою гробъ имѣя и чрево твое брашенъ хранилище, хощеши въ раи быти? инъ Сарданапалъ валяяся во сластѣхъ и инъ Ираклій прилѣжно ища Афродиту (баснословятъ еллини, яко богъ ихъ Ираклій во единой нощи 50 дѣвицъ растли), чаеши спасенія получити: міру угождаеши и глаголеши: не возможно Богу угодить и древнимъ святымъ уподобитися. Ты не будущихъ, но временныхъ ищеши, не вѣчныхъ, но дневныхъ, не благихъ, но злыхъ, не нетлѣнныхъ, но тлѣнныхъ, и вкратцѣ, не Божіихъ, но вражіихъ, и ищеши и желаеши неотступно; но аще спасенъ бити хощеши, сотвори, яже тіи сотвориша: труждайся, яко тіи трудишася, остави миръ и яже въ мирѣ, яко и тіи оставиша, возлюби всею душею Христа, возненавиждь своя злая дѣла, буди Богу единому рабъ и презри мамону, остави скверную Афродиту и возлюби Марію пречисту, и да глаголю яснѣе: остави сластей калъ и возлюби дѣвства вертоградъ, и аще тако сотвориши конечно, спасенъ будеши непремѣнно, подобенъ древнимъ явишися несумнѣнно, и прочая.

л. 139. 10. *(Примѣръ на ипотипосисъ).* Схимѣ сей парадигма да будетъ этнопламенное реченіе лядскія болярыни и адамантное терпѣніе силнѣйшаго не токмо тѣломъ, но подобнѣ душею Моисеа Угрина, явлшагося столпъ дѣвства.

Егда же не возможе лядская болярыня прелстити и побѣдити силнѣйшаго и по истиннѣ адамантнаго Моисеа, ниже ласканми, ниже богатствомъ, ниже обѣщанми, ниже прещенми, ниже біенми, ниже разными муками, конечно что вымышляетъ? одръ свой повелѣ отракомъ украсити и постелю мягкозлатотканную разстилати, яже восіяваше убо злата, благовонствова же отъ араматы, ослабѣваше же касающихся отъ мягкости и вся Афродитою разноухаше, само же тѣло свое отъ ризъ обнаживше, миры же и ороматы помазавшися, легкою и бѣлою ногою вскочи на одръ и свѣтлымъ лицемъ отъ радости ляже на постелю. Оле! Блисташе плоть ея бѣлостію, украшашеся власы, яко лучи солнечными, о персѣхъ ея сосца яко лимоны или яблока висяху, вся мировонствоваше и мсхусоухаше и по притчи вся всею Аравісю дышаше и раченіемъ къ доблему Моисею яко разженное желѣзо лежаше и «что ми жизнь, что ми богатство» себѣ самѣй глаголаше, «аще Моисеевы красоты не насыщуся»? Таже повелѣваетъ рабыномъ привести доблягo Моѵсеа, помова разоблачити такожде и красоту прекраснаго узрѣвши и разсмотривши бѣлую его плоть, радостное лице, величество и благоключимство всего его тѣла, паки и паки разжеся похотію окаянная, повелѣ абіе съемше святаго на оной нагой лежаще положити. Что здѣ мните, о, мои слушателіе? что непщуете? еда ли ослабѣ доблественный? еда ли добротами тоя побѣдися? еда ли всѣми прочыми Афродиты стрѣлами уязвися? Ни, ни, ни, глаголю. Посрамися Афродита, истощи стрѣлы своя скверный богъ реченія, умертвися треглавный Керверъ и показася Моисей нашь новый Ираклій церкве безбасненно: лежаше бо на сквернѣй женѣ доблестный по истиннѣ яко драгій адамантъ ничимже побѣждаемь, мнящей оной за недвиженіе мертва того быти, тѣмъ токмо живъ явися, имже рещи къ ней: всуе трудъ твой, о жено. Не востребова Одиссева воска,

ниже Іосифова бѣжанія, но единою крѣпостію души вся побѣди чюдный. О, душевныя крѣпости святаго! о, твердости адамантныя! о, терпѣнія, и прочая.

11. *(Примѣръ на эпилогъ: о послѣдствующихъ).* Святополкъ князь кіевскій не беззаконникъ бяше, ниже невѣрный и невѣдый законъ Божій, яко нѣцыи мнятъ (како бо равноапостолъ великій князь Владимиръ не училъ бы его закона и заповѣди Божія?), но яко и Христосъ самъ глаголетъ: благое древо не можетъ плодъ гнилый творити (якоже брата своего благовѣрнаго уби князя Бориса)—сіе не отъ невѣрія, не отъ беззаконія, ниже отъ невѣденія заповѣдей: но по зависти и наущенію душегубителнаго врага діавола, иже вложи ему въ сердце желанія самовластія и самодержавія; тѣмже онъ паче душевный врагъ виновенъ сего братоубійства, а не князь сей, зане сего желаніемъ зжегся, честію самодержавія, яко дымомъ очи ослѣпивъ и его вражіимъ наученіемъ яко виномъ піанъ напоенъ, устремися на брата своего. И тако сему случившуся не подобаетъ беззаконнымъ называти, яко ни Давида царя Уриевы ради смерти, ниже Сампсона безчисленныхъ иноплеменникъ погубленія ради, убійцы называемъ, и прочая. л. 85 об.

12. *(Примѣръ на повѣствованіе).* О благовѣрномъ князѣ и страстотерпцѣ Борисѣ. л. 70 об.

Сѣдяше Святополкъ князь на высоцѣ престолѣ, но мыслію низведенъ бысть во адъ. Не толико радовашеся князь сей, елико печаловашеся, зане братъ его святый князь Борисъ живъ бѣ. Недоволно ему бяше отеческо царство и свое княженіе, но хотяше и брата своего князя Бориса княженіе стяжати, тѣмже наполнися беззаконія, исполнися ярости, побѣдися отъ зависти и сице глаголаше: не хощу князь быти малаго княженія, но всея Россіи царь славный; не хощу братіямъ подобенъ быти, но славнѣе тѣхъ явитися; аще братъ мой Борісъ живъ есть, азъ славенъ не могу быти; аще единоутробный честенъ, азъ буду

безчестенъ; аще сей князь славится, азъ мнюсь рабъ быти тому всяко; но вѣмъ, что сотворю:убію его и тако царство (покой си) обрящу. Сице глагола и абіе призва боляры своя, къ нимъ глаголя: вѣрніи мои боляре, вѣрніи мои, не глаголю слуги, но братіе (таковы бо бяху тому подобни) возлюбленніи, сотворите волю, и азъ воздати вамъ буду послушаніе ваше; исполните мое желаніе, и азъ домы ваша исполню даровъ; убійте глаголю брата моего князя Бориса, и азъ не забуду. О, небо, како терпиши беззаконіе! о, земле, како носиши таковаго братоубійцу! о, Боже, како не заградиши уста его! Но что отвѣщаютъ болярѣ? что глаголютъ тому подобніи, въ зависти скоры изліяти кровь неповинную? Князь благій, по воли твоей повелѣнію твоему да будетъ; желаніе государя нашего скоро исполнимъ, и да познаеши усердіе наше на сіе и къ тебѣ любовь неугасимую, се и дѣломъ не токмо словомъ радостни изъявляемъ. Тако глаголаше добріи тіи и вѣрніи слуги князя, и абіе устремишася яко кровопійцы волцы на неповиннаго святаго агнца, князя глаголю благочестивѣйшаго Бориса Владимировича. Сему же случися по повелѣнію отца своего великаго князя Владиміра печенѣги погнавшу, и возвратившися на рѣцѣ Алтѣ стояти. Пріидоша убо къ нему добріи боляре, приближишася яко Іуда къ благовѣрному, вмѣсто сладкаго цѣлованія горкія изъ рукъ испустиша копія, мѣсто глаголовъ сладкихъ желѣзо испустиша, вещь горку, и елико кто ихъ любяше, толико глубше любимаго всею силою бодяше: да покажетъ такъ любве своея ко святому множество. О, беззаконніи служителіе, како руки ваша не сосхоша! и мните ли, яко абіе угаснетъ сего страстотерпца сладчайшее имя? мните, яко абіе злоба ваша утаится? но совершенно лститеся, истинно буйствуете, понеже отъ язвъ его сихъ не кровь, но слава истекаетъ, отъ жилъ сего не ино что, токмо честь изливается вѣчна, кровъ его Авелева велегласно вопіетъ къ Богу, беззаконіе ваше обличаетъ, имя его елижды вѣрныхъ устами емлется, толико краты злобу всѣмъ вашу глашаетъ; аще сего изъ тѣла обнажаетъ, но отъ Христа отлучити не можете; аще отъ сея жизни изгоните, но изъ рая извести не мо-

жете; аще земного царства лишите, но небеснаго не отщетится; аще вѣнецъ его земный украдите, но неувядаемаго страдалчества вѣнца не улишите; тѣмже вы біете, а сей побѣждаетъ, вы отъ жизни временныя изгоняете, а сей въ жизнь вѣчную входитъ, вы отъ Бога удаляетеся, а сей къ Богу идетъ, вы отъ царства земнаго сего изгнали, а сей Царю вѣковъ соцарствовати поидетъ, сей предпослався всеа Россіи молитвенникъ теплый, благочестивымъ скипетроноснымъ присный и непобѣдимый споборникъ, православнымъ воиномъ дерзновеніе крѣпкое и вѣрному всякому къ Богу ходатай. Но что сіе вижду? что послушливіи творятъ? аще не милостивно и убиша, по благоутробіи еще дышуща упокоеваютъ, полагаютъ на колесницѣ, да привезше покажутъ его завистному братоубійцу князю Святополку, и сами вѣрніи слуги тому явятся окоянніи. Но увы мнѣ! горе, горе мнѣ! испусти любезный воинъ Христовъ духъ свой въ руцѣ Бога, и абіе умолча языкъ его и соверши свое страданіе. Тѣмже и азъ совершу здѣ еже о немъ сіе слово.

13. *(Примѣръ на анаскеυή).* Проклятый губитель Батый, хотя отторгнути отъ православныя вѣры черниговскія святыя мученики, чимъ ихъ не страшаше? чимъ не претяше? и кую муку не именоваше? Но что ны страшиши? глаголаше доблественній, огнемъ ли ны страшиши? но вѣждь, яко паче вожжется любовь наша къ Богу; мечемъ ли? но и сіе радость; строгало ли? но легче возлѣтимъ ко Христу, плотскія тяготы избавлшеся; пещь ли? но радостни внидемъ, яко въ чертогъ царскій; канобы (котлы) твоя не сварятъ насъ, но паче теплы сотворятъ и усердны ко желаемому Христу; біеніе твое не страшитъ, ниже повредитъ душу нашу, но наипаче дерзостну сотворитъ; смертію ли? и мы сего усердно желаемъ, да со Христомъ бывше вѣчно веселимся, и прочая. л. 147 об.

14. *(Примѣръ на епіфоуіма).* Благовѣрный князь черниговскій Михаилъ, съ бояриномъ Өеодоромъ любовію Христовою вооружившеся Батыева прещенія и муки яко младенцевъ игранія л. 131.

вмѣняху великодушніи, суровое бо и многовременное біеніе адамантною душею терпяще, яко благовонныхъ шипковъ наметаніе мняху, тѣмже біющіи паче утомляхуся, нежели біеміи уязвляются, яко вертоградное прохлажденіе и орошеніе непщеваху; тѣмже жгоми и мучеми не изнуряхуся огнемъ, но паче любовію растяху и конечно мечемъ острымъ конецъ мученіи своихъ пріемлюше, не лишеніе, но полученіе жизни обрѣсти вѣроваху, тѣмже веселы, радостни, усердни, благонадежни и извѣщанія полни суще скоро легкою ногою отъ любве носими ко Христу течахъ(—у?). Такову и толику силу имать любовь Христова, яко и паче естества муки претерпѣша творитъ тую имущыя и ни во что вмѣняти.

л. 107 об. 15. *(Примѣръ на симплокїю).* Се ти и парадігма на чудотворца Алексіа, мітрополіта кіевскаго и всея Россіи, иже не толико живъ сый прославися, елико нынѣ чрезъ святый и нетлѣнный останокъ свой по вся дни и часы славится и величается неисчетными чудесы.

Кто во гробѣ лежа тѣломъ, все славное царство московское духомъ своимъ святымъ обходитъ и отъ враговъ нечестивыхъ соблюдаетъ? Чудотворецъ Алексій. Кто россійскихъ святыхъ, живъ еще сый, Таврікію просвѣти своими чудесы и злочестиваго хана царя злочестивую дщерь изъ адовыхъ вратъ (нѣдръ) возвративъ, во сладкій возведе свѣтъ жизни? Алексій. Кто злочестиваго царя Таvрикійскаго укротивъ ярость и самаго прежде яко лва на Русь рыкающаго, послѣжди яко овча безъяростна и кротка и во всемъ послушна себѣ сотвори? Алексій. Кто отъ врага православныя вѣры и отъ супостата суровѣйшаго честь неизглаголанную прія и дражайшими дары яко Богъ почествованъ, къ Москвѣ возвратися, миръ Божіимъ церквамъ и всему народу тишину посея? Алексій. Кто яко незаходимо свѣтило посредѣ града пребывая, вся концы царства просвѣщаетъ и привлецы всякихъ градовъ окрестныхъ удивляетъ? Алексій. Кто по вся дни сѣдины честные яко Іраклійскій камень привлекаетъ? Алексій. Кто юноши яко инъ Орфей не горы и лѣсы, но души

разумны (словесны) не цѣвницею городвижною, но сіяніемъ чудесъ своихъ къ себѣ предвизаетъ? Алексій. Кто на коеждо утро мягкозубныхъ и млекопитомыхъ младенецъ стада яко чудный магнитъ желѣзныя крупицы ко гробу своему пречудно привлекаетъ? Алексій. Кто, и прочая.

16. *(Примѣръ на опредѣленіе: ипографи).* Даю ти парадигму на чюдотворца Алексіа митрополита, иже есть скипетроносныя и діадимоукрашенныя царицы Москвы солнце незаходимое. л. 17.

Тебѣ глаголю, о царице Москво, тебѣ глаголю, о, мати градовъ: видиши ли сего Алексіа митрополита, твоего чюдотворца? вѣмъ, яко видиши въ нѣдрахъ своихъ имущи, вѣдая же опасно и сіе, яко сей есть пресвѣтлое твое солнце, еже лучами своихъ добродѣтелей присно тя озаряетъ; сей златозрачная луна, яже отъ правды солнца пріемши свѣтъ многъ и въ мурозрачную грѣховъ нощь сіяющи на сладкозарный таже и возводитъ тя день здраву; шипокъ богряноличный, иже не токмо украшаетъ святолѣпно, но и паче миръ всякихъ тя благовонствуетъ; златолистное древо, иже добродѣтельнымъ плодомъ своимъ душу твою и тѣло изъобилно питаетъ; златоструйный источникъ, иже неводъ но исцѣлѣніе всякихъ недуговъ истекая тя исцѣляетъ; стражъ твой неусыпный, иже стрежетъ тя и соблюдаетъ отъ умныхъ враговъ и видимыхъ всякихъ навѣтовъ; посредственникъ къ Богу, егоже ходатайствомъ вся нужная пріемлеши; предстатель дерзостенъ къ царю вышнему, иже всякой на тебѣ гнѣвъ въ милость обращаетъ; сей есть орелъ златопарный, иже непрестаннымъ окомъ къ солнцу зря правды на вышнія взыде, гнѣздо же свое цѣлбу всѣмъ болящимъ остави неистощиму; сей есть истинный твой архіерей и Владыки Христа угодникъ, иже отъ высокаго престола Божія не токмо тебе вѣнценосну царицу Москву, но и вся твоя чада вседневно благословляетъ [1]).

---

1) л. 100 *Примѣръ на иперватонъ:* 'Αλέξιος Москвы чюдотворецъ, явнѣ явлся онъ въ мірѣ семъ жизни преславнѣ пріде ко никогда же старѣемѣй, славно жъ со святыхъ лики ликуетъ въ ней. *Яко сія не по иперватоновому пропосу* (!) *подо-*

л. 140 об. 17. *(Примѣръ на апосіописисъ).* Парадигму ти даю на преподобнаго отца нашего Сергія чюдотворца, свѣтла пресвѣтлаго россійскаго оризонта.

Оле чюдотворенія благодати Сергія чюдотворца! о, великаго его дара! демоны лютѣ молитвою изгоняетъ, мертвыя человѣки пречюдно воскрешаетъ, бѣснующихъ преславно исцѣляетъ, изъ безводныхъ мѣстъ воды хладны источаетъ, обители скудности разрѣшаетъ, со аггелы божественную службу совершаетъ, Божію Матерь посѣщающу себе пріимаетъ, будущихъ неложно збытіе предвозвѣщаетъ, божественнаго огня видѣніе получаетъ, плѣнники безмздно свобождаетъ, слѣпотствующимъ свѣтъ подоваетъ, не плоднымъ плодъ даруетъ, во бранѣхъ поборники себе вѣрнымъ являетъ, нѣмыя проглаголати сотворяетъ и безумныя ума свѣтлаго сподобляетъ, бѣдствующыя и отъ смерти избавляетъ, страждущія же... Но не могу чудеса и дарованія мужа сего исчисляти и языкъ изнемогъ здѣ со устомъ нынѣ да умолкнетъ.

л. 138 об. 18. *(Примѣръ на діалогисмъ).* Парадігма на преподобнаго великаго во отцѣхъ Сергія чюдотворца, о постриженіи его.

Великій отецъ Сергій поживъ доволно время во искуствѣ аггельскаго образа и чина, пріиде таже въ негасимомъ желаніи монашескаго житія и образа, тѣмже со слезами сице къ Богу глаголаше: «вѣмъ, Боже мой милостивый, яко не хощеши смерти грѣшнаго, но спасенія желаеши всѣхъ человѣковъ; убо сподоби мя аггельскаго образа, сподоби мя монашескаго чина, сподоби мя житія аггельскаго; или не вѣси, Владыко мой, неугасное мое о семъ желаніе? не сего ли ради оставихъ міръ и вся яже въ немъ? не сего ли ради возненавидѣхъ всякую славу и честь? охъ, охъ! аще сіе получу», глаголаше чюдотворецъ, «Бога себѣ приобрящу; аще въ черныхъ облекуся въ златотканныхъ, возмню облеченъ быти и рясу за діадіму любезнѣ имамъ вмѣняти; но о, Сергіе,

---

баше глаголати сице: 'Αλεξίος чюдотворецъ (θαυματουργος) явлся Москвы, явнѣ отъ жизни сущія въ мірѣ семъ прейде къ нестарѣемѣй когда и славно съ лики святыхъ въ ней ликуетъ.

Сергіе! что медлиши?» глаголаше святый; что о семъ не радѣеши скорши? таже мало подставъ и собравъ свою мысль, таковая себѣ самому совѣтствоваше глаголя: «призову къ себѣ здѣ въ пустыню монаха искусна и достоинствомъ священства удобна, благодатію же Духа Святаго украшенна, иже да пострижетъ мя въ монашескій образъ, и буду къ тому безпечаленъ, Богу единому на единѣ единъ живя и бесѣдуя».

19. *(Примѣръ на синкрисисъ=сравненіе). Отъ вящшего къ меншему.* Отрокъ млековидный, паче же аггелозрачный, отрокъ, л. 51 об.
глаголю, незлобивый и грѣховъ тяжести вышши, славенъ сый отъ рода, зане отрасль корене царска, славнѣйшій и отъ порфиры, зане инъ шипокъ новоцвѣтяше богрянѣ, силы имѣяй велію гору и воиновъ сильныхъ пучину бездны, вѣнцемъ яко солнце украшенъ, и скипетръ въ десницѣ крѣпко носяй въ нѣдрѣхъ сладкія матери яко бисеръ во утробѣ піны держимѣй и при боку единокровного брата яко при многоочитомъ Аргосѣ опасно хранимъ, никако возможе зависти убѣжати проклятыя, не возможе глаголу (—ю?) звѣзда сія свѣтлая иже во царѣхъ святовѣнцеукрасителный князь Димитрій царевичъ Углецкій и Московскій и всея Славноросіи, зависти убѣжати проклятаго раба своего, но абіе (Богу попустившу) уязвленъ смертоноснымъ мечемъ, остави царственнострадальческое честное свое тѣло и полетѣ душею яко высокобыстропарный олеръ и (къ?) престолу Вышняго Бога, и тако оттуду беззаконнаго убо раба своего Годунова мечемъ обличія присно уязвляетъ и будущія народъ Россовъ сего беззаконія бѣгати научаетъ. Тако убо ты, человѣче, како, о, червѣ земный, не боишися зависти врага своего душевнаго осязая, возможеши убѣжати умнаго Годунова, како, и прочая. Тако сей божественный ирой живя и толикъ сый не избѣже зависти вражія: множае убо ты, о невоздержный человѣче, не возможеши зависти врага своего душевнаго убѣжати неопасно живя и грѣхъ всякій прилежно осязая, никако умнаго своего врага Годунова; обаче онъ убо присно блаженный князь и царевичъ Димитрій аще и умре

тѣломъ отъ зависти, но присно и душею живетъ, предстоя престолу своего Бога. Ты же, окоянный человѣче, блюди, да купно съ душею и тѣломъ отъ зависти врага своего вѣчно умреши, блюди, и прочая.

л. 57. 20. *(Примѣръ на фиму или слытіе).* Парадигма на благовѣрнаго во святыхъ мученика великаго князя и царевича Углицкаго и всеа Россіи Димитріа Іоанновича, егоже слытіемъ ложнымъ вся Полская страна не токмо словомъ, но и писаніемъ въ простаго и притворнаго вмѣняютъ блистаніемъ ослѣпльше, святолѣпно чюдоблистающихъ мощей его, вмѣсто же сего страстотерпца лжеимянна нѣкоего вводятъ Димитріа Растригу зовома.

(Схима прокаталипсисъ или предувѣденіе).

Слышу, о, благочестивое собраніе, слышу, елико клятвопреступницы поляки лжесоставивше глаголютъ о благовѣрномъ царевичѣ Димитріи; слытіе у нихъ носится, яко не сей благовѣрный страдалчески скончася, но инъ простолюдинъ нѣкій мѣсто сего умре. не ложнымъ же царевичемъ именуютъ безбожнаго прелестника Димитріа Ростригу. Но ложна сія, ложна, о, любимицы мои, и не подобаетъ вѣрити, зане нѣсть сего въ мирѣ злѣе сіе отъ каегождо удобь глаголется и удобѣе отъ всякаго слышится отъ единыхъ устъ въ бесчисленныя входитъ и яко крилато отъ края земли до края доходитъ сіе стоязычно ни единъ или двѣ, но безъ числа глаголетъ лжей вкупѣ; и сего ради должно окомъ быстрымъ смотрѣти сіящую паче солнца истинну и неложную правду, видѣти честный (въ?) страстотерпцахъ сего царевича Димитріа гробъ и нетлѣнныя того мощи святыя, врачеванія изобилно точащія, а не слытію вѣровати ложному и басненному, не, и прочая.

л. 130. 21. *(Примѣръ на спанорѳосісъ).* Парадигма на благовѣрнаго князя царевича Димитріа во Архангелскомъ соборѣ изъ гроба яко солнце изъ облока сіяющу и всю Россію свѣтомъ чудесъ озаряющу.

Лежитъ во гробѣ благовѣрный царевичь (и проч.) Димитрій, изгнанъ и(зъ) града своего Углича, и горцѣ уязвленъ рукою рабскою и никогоже имать предстояща, ни сродниковъ, ни рабовъ, но токмо гробъ убо жилище имѣя, раку же сижителя и солежаща, тѣло царское, еже прежде миромъ и благовонными ароматы помазающося всею Аравіею благовонствоваше, нынѣ кровію обагрено во гробѣ обрѣтается. Но что глаголю? погрѣши языкъ, погрѣши и мысль, и перо не то пишетъ. Гробъ, въ немже царевичь лежитъ, не есть гробъ, но царство и престолъ царскій: отсюду бо вся подданныя своя призываетъ, и пришедше со страхомъ ему поклоняются; юже глаголахъ язву, не есть язва, но источникъ славы и присного блаженства. Есть усто велегласно проповѣдающо беззаконное убіеніе и рабское дерзновеніе; кровь, яже рѣхъ, яко тѣло обагряетъ, не есть кровь, но порфира царская, еже не токмо тѣло святаго, но и весь царскій родъ украшаемъ величается, погрѣшихъ рѣхъ никогоже имать предстояща: сему бо предстоятъ аггели и служатъ священницы іерее Бога вышняго; не лежитъ, но сѣдитъ на престолѣ и не лишенъ сродниковъ, но и крестоскиптроносницѣ приходяще присно ему со благоговѣніемъ кланяются.

22. *(Примѣръ на дилимму).* Парадигма на Разстригу Димитріа. л. 81.

Скажи ми, Растриго Димитріе, истинный ли еси царевичь богряноукрашенный, или поселянинъ сѣкироносецъ? Аще царевичь еси, почто яко разбойникъ скрываешися? почто имя свое измѣняеши? почто дерзостенъ бояромъ своимъ не являешися? чесо ради въ домъ отца своего не входиши? Боишися Годунова? убо чесо ради поне тайно святѣйшему и прочимъ вѣрнымъ отца твоего бояромъ и княземъ? не ближе ли бяше царствующая Москва Полши? Не знакомѣе ли тебѣ бяху свои князи паче краля полскаго? почто татебно помышляеши скиптръ восхитити? почто отеческое царство иному въ подданствѣ обѣщаеши?

Аще же поселянинъ-рогоженосецъ, почто царьскія порфиры

желаеши? аще руцѣ твои орало искусни держати, почто кресто-украшенна скипетра ищеши? аще на бренной пищи волятися обыклъ еси и сажею лице свое украшати, почто па царстѣмъ помышляеши престолѣ сѣсти? или не вѣси, яко на семъ Богъ угодниковъ своихъ посаждаетъ и скиптроносный имъ славно вручаетъ? или не знаеши, яко всякій даръ свыше присно дается? почто утишающь христоименитый народъ смущаеши? почто имя страстотерпца царевича Димитріа крадеши? ослѣплъ еси, внѣ еси разума. О безумія твоего! о, и прочая.

л. 85. 23. *(Примѣръ на епилогъ, о послѣдствующихъ).* Истинно крадоименный есть Димитрій Отрепьевъ, иже Разстрига и ложно царемъ назвася, и хотящіи его защищати и истиннаго показати всенародно обличаются. Аще бо онъ царевичь бывъ неложный, не бы кого устыдился, но аще и случилося бы ему убіену быти, всяко бы на своемъ царскомъ престолѣ и при смерти отеческія славы и власти: аще бы и беззаконно, но великодушно и славно кончину бы свою пріялъ. Но сей поселянинъ сый и ложный царевичь, егда увидѣ полскія силы, воставшія на него праведнѣ и отъ своея обличаемъ совѣсти, не стерпѣ яко царь, не возможе лице свое ложное истиннымъ показати, не ожидаше обличеніе достойное: но смутися, омрачися, ослѣпися, и Богомъ вѣдущимъ тайна сердца гонимъ (бѣжитъ бо нечестивый никомуже гонящу, глаголетъ писаніе), поселянинъ сый отъ высочайшихъ полатъ царскихъ себе низпустивъ злѣ умре, и паки по прежнему тишина величашеся и безмолвіе. Тѣмже азъ здѣ умолчю.

Вижу, о правдивіи судіи, яко вси единогласно на смерть осудили есте онаго сице осужденника; но молю, пощадите его мягкую младость, не угошайте его благородіе, вѣсте и сами, яко сей единъ остася наслѣдникъ своего древночестнаго рода: единъ и добродѣтелей отца своего и мужества благоразумія воспріемникъ; помяніте молю, яко отецъ его м(н)огажды градъ нашъ отъ противныхъ избави, посолствомъ многимъ радостенъ послужи, многажды храбростію своею побѣды на враги вамъ даде; и поне

отца ради сына пощадите. Юноша сей, яко видите, прекрасный, разумный, ученый, житіе имать чисто, добродѣтелми украшенъ и граду пользу могій творити, судбами, имиже Богъ вѣсть единъ.

Вѣстѣ, яко и сами елицы дніе и часы предъ Богомъ согрѣшаемъ, вси плоть немощную носимъ, вси единаго есмы естества, вси имамы умрети, вси предстояти имамы страшному престолу Божію, вси грѣшни, аще кто и единъ поживетъ часъ; никтоже безъ грѣха, токмо единъ Богъ; тѣмже пощадите, помилуйте, умилитеся, избавите, отпустите сего бѣднаго, да отпуститъ и вамъ Богъ грѣхи ваша вся.

Сія вкратцѣ, яко вѣсте (глаголетъ авторъ) по непраздности.

24. *(Примѣръ на муки=κόλασις). На раскольниковъ, яко всѣмъ явна ихъ прелесть.* Парадигма на расколниковъ, яко всѣми явна ихъ прелесть. л. 59.

Глаголеміи Капитоны или расколницы, Веелзовулоученіи волсви суть, прелестницы діаволоугодніи и блудницы не токмо безсловесніи, но адохотніи. Сія пишу и глаголю не ложно или басненно, но истинно, яко стоя предъ Богомъ; свидѣтелствуетъ ми слово мнози по градомъ ихъ бывшія воеводы той и той: вси мужіе и красота вѣка, ихъ же аще помыслиши благочестивіи суть и чада незлобивая восточныя святыя церкве; аще житіе всякою добродѣтелію Соломона паче преукрашени, аще благородіе присно цвѣтущіи и яко звѣзды сіяющіи, аще богатство и Крисово паче не истощаемо, аще санъ ближніи царскому престолу и присносутствующіи, сіи о тѣхъ свидѣтельствуютъ, сіи тѣхъ беззаконія всѣмъ сказуютъ; сія не отъ иныхъ слышавше не мрачно мечтающеся, но сами самовидцы сему суще сами предъ собою не ложно тыя зряще, и да реку сице: грознами муки осязающе. Что убо? не паче ли слуха видѣніе, по мирской притчѣ, не паче ли видѣнія осязаніе? Но да вѣси, яко и сихъ извѣстнѣе имамъ свидѣтелства: сами тая прелести защитители, сами предстоятели къ православной возвращенніи вѣрѣ велегласно беззаконія ихъ повѣдаютъ, всѣмъ сказуютъ и присно являютъ, и сіи

всякаго сана, всякаго чина, всякаго возраста и сугубаго рода: преосвященный митрополитъ Іларіонъ суздалскій и юрьевскій нѣкогда бывъ ихъ прелести, нынѣ же (тогда, егда авторъ книги сея бысть) мужь святъ и чюденъ многихъ дѣлатель, не токмо мерзская тѣхъ дѣла всѣмъ сказуетъ, но злѣ злыя и тыя словомъ и дѣломъ елики дни наказуетъ; и подобнѣ сему холмогорскіи архіепископъ Аѳанасіи (въ тоже время бысть), и той доволныя лѣта тойжде прелести сообщенъ сый, по времени же сѣтей избѣгъ, тако богопротивная ихъ дѣла изъявивъ тыя посрами, яко во іепархіи его тогда). И понеже имя тѣхъ скверпое слышится, нынѣ вопрошаю тя, о, слышателю: можетъ ли кто противитися твердому токовому свидѣтельству? можетъ ли кто кую либо всемъ непшевати ложь толикимъ свидѣтельствамъ ироамъ? мниши ли, и прочая.

л. 142 об. 25. *(Примѣръ на синхорисисъ).* **Что? что глаголеши, о, проклятый Капитоне (Македоніане)? что вредословиши? что ядъ сей въ міръ испущаеши глаголя: не есть священство, не есть благословеніе, не есть таинство, не есть благочестіе; прочее разорите церквы. О, людіе! что же? погибе вѣра? пролжеся Христосъ? пролійте святое мvро и молитвомасліе, истощайте чистителную крещенія воду, разрѣшите покоянія дѣлателища, книги святыя раздерите, десятословіе Ветхаго же и Новаго поглаждите, вѣнцы брака сокрушите, аггелска чина одѣяніе извлачите, церковніи славіи, умолкните, ластовицы божественныя престаните, и всякое священнодѣйствіе да не дѣйствуется, понеже священство есть вымышленіе, благословеніе есть кощунство, рукоположеніе есть играніе. О, безумія твоего, Копитониче! о, вредословія твоего, отступниче! о, слѣпоты! о, прелести! о, мысли еретическія и смерти діавольскія, и прочая.**

л. 135. 26. *(Примѣръ на пролипсисъ).* **Парадигма ти да будетъ сія на вся святыя великія и малыя Россіи отъ Чернаго Понта даже до великаго океана, мощніи ихъ яко сокровищы огабащенныя.**

И ты, Россіе, земле Аѳетова, ничимже еси менша во святыхъ: исъ тебе бо изыдоша святіи, иже возсіяютъ во всю полунощную страну, яко свѣтило въ нощи глубоцѣи; изъ тебе глаголю изъидоша Антоній и Ѳеодосій и весь ликъ отцевъ печерскихъ, иже дѣлы убо и жителствы всякую православную душу научиша и просвѣтиша чудесы же и удивлении не токмо умъ человѣческій, но и безплотныхъ множествъ лики преславно удивиша; изъ тебе изъидоша Петры, Іоны, Алексія и Филиппы и всѣхъ священноначалникъ весь рой, иже ученми убо своими міръ весь просвѣтиша, дерзновеніемъ же богоданнымъ не токмо простыхъ множество, но ниже князей, царей грозныхъ, по Давиду, устыдѣшася. Что же Сергій? что Кирілльі? что Зосимосавватійніи супрузи? умноженіемъ ученикъ своихъ не удивиша ли вѣки? источеніемъ обителей яко раевъ умныхъ не всю ли Афріку и самый океанъ испестриша? не вся ли Афріка аллилуіа поетъ Богу? Но слышу, что нѣцыи святоненавистніи глаголютъ, разумѣю тѣхъ нѣмотствованія и мысли предпознаваю, глаголютъ, яко россійскихъ святыхъ множества не суть во (со)борѣхъ изъявлена, и того ради не всѣмъ пріятна, тѣмже и слава ихъ не есть восточныхъ святыхъ подобна. Но буздѣлно и безмѣстно ваше сіе оглаголаніе. О, противніи, зане самый Богъ ихъ прія, ты же не пріимеши ли? той самъ прослави, ты же не прословляеши ли? и кіи есте вы, судящіи Божія рабы? не подобнѣ ли той пріемлетъ послѣдняго, яко же и перваго? не туюжде ли мзду, и прочая.

27. *(Примѣръ на систасисъ или сосложныхъ)*. Радуйся, славная Россіа, и руками вкупѣ восплещи, понеже и ты не лишилася еси равнѣхъ восточнѣй странѣ святолѣпныхъ мужей, россійскія святыя своя имущи: яко свѣтлозарныя звѣзды просвѣщаютъ твою твердь православія. Владиміри твои, яко инъ первоправославный царь Константинъ вся чада твоя святымъ пресвѣщеніемъ просвѣти и нѣдра твоя церквей наполни. Елены твоя не токмо животворящій Крестъ, но и самого укрестованнаго на л. 21 об.

немъ Христа на онъ полъ Черна́го моря обрѣтше къ тебѣ привела и ему тя святолѣпно обручи. Антоніи твои, Өеодосіи по вся страны монашества святоплодоносныя сады насадиша и тако тя Богу плодоносну покозаша. Лаврентіи твои демоны жезломъ желѣзнымъ сілою креста далече отъ тебе отгнаша и житіемъ своимъ тя просвѣтиша. Благовѣрніи твои князи Борисы и Глѣбы неповинною своею и честною кровію хитонъ тебѣ порфиропарственный обогрянивше соткавше и между прочими странами яко царицу тя славную покозаша. И чюдотворцы твои Алексіи яко инъ седмовершинный Нілъ всю твою скверну грѣховную, мысленный Египетъ, умыша и поученми своими напоивше убѣлену тя паче снѣга и многоплодну сотвориша. Петри твои і иніи Златоустии покозашеся, Іоанны и Іоны, иніи Спиридоны, Филиппы и Кириллы и прочіи твои отрасли вси подобни явишася святымъ восточнымъ. Вси сіи твои россійстіи суть сади, вси твоя суть чада, вси плоди твои и цвѣти неувядніи. Ты бо—Россія и тіи—россистіи, сіи—россіане и ты—Россія. Веселися убо и ты, яко и восточный святый домъ, можеши и ты рещи со пророкомъ: се азъ и дѣти мои, можеши и ты, и прочая.

Вожди намъ бывшіе и житія нашего первоначальницы велію отъ Бога получиша славу и дерзновеніе, зане и труды многи подъяша, путь намъ оставиша къ Богу: Антоній, Евөимій, Өеодосій, Савва и вси прочіи; и преосвященный Иларіонъ митрополитъ Сузд. началникъ бывъ Фролищевы горы монаховъ: и путь тамо живущимъ предложивъ къ Богу неизреченную отъ Бога пріиметъ славу предъ всѣми аггеловъ чины, понеже и трудовъ велику понесе тягость, яко безплотенъ на земли поживъ непорочно,—о немъ слово творю святого, и прочая.

л. 322 об. 28. *(Примѣръ на ὑπομονῄ)*. Святѣйшему и ревнительнѣйшему въ патріарсѣхъ Нікону въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріаршествующу и вся Богомь ему врученныя добрѣ правящу, ереси же всякія и расколы искореняющу, нѣкій Капитонствующихъ монаховъ [яко глаголютъ самовидцы бывшіи] восхотѣ ви-

дѣти доблественнаго и сущаго ученика Христова Нікона, и вшедъ въ Крестовую полату патріаршескую и входа получити хотя къ патріарху, кланяшесь, моляше, слезяше, и что ино не творяше? что же не глаголаше умильно и жалостно? «нужду, вѣщаше, имамъ къ святѣйшему общему отцу, тайну имамъ къ тайноводцу и слово неизреченно отъ Бога почествованному великому архіерею». Се получи желаемое, се стоитъ наединѣ съ рабомъ Божіимъ Нікономъ. Но что еже потомъ? Кую мните сказати тайну? какову изрече нужду? духовную ли, или мірскую? каково изрече слово? велико или мало? сумнѣніе ли въ вѣрѣ, или грѣхъ непрощенный? возмечтайте и вознепщуйте еже хощете! помыслите и воспомяните еже аще желаете и никакоже тайну онаго изречете! превосходитъ бо мысль вашу и всякое мечтаніе. Возвѣщу же азъ вамъ, но боюся, да не удержится языкъ мой отъ страха! Ножъ остръ извлекъ, хотяше заклати архіерея Божія! И заклалъ бы, аще не Богомь возбраненъ бысть.

29. *(Примѣръ на иронію)*. Парадигма да будетъ сея схимѣ новоявленный латинникъ Новомещанскія слободы, бывшій діаконъ Петръ Артеміевъ Катунецъ. л. 153.

Умолкните, красноглаголивіи ритори, престаните, священніи проповѣдницы, зане инъ риторъ явися, Петръ Артеміевъ, паче и Димосѳена, проповѣдникъ показася сей паче верховнаго и Павла. Сей и Платона превосходитъ и Аристотеля посрамляетъ, и аще инаго кого древнихъ преславно побѣждаетъ. Сей паче Григорія Богослова умствуетъ и вышше великаго Василія мыслитъ и остроумнѣе Іоанна Златоустаго разумѣетъ; богословію же сего кто не удивится? быстротечному слову кто не почюдится? медвеное сего вѣщаніе и благочинное тѣла движеніе кто не похвалитъ? Азъ же и дерзновенію его много чюждуся и яко не на лице зритъ бесѣдуя, зѣло дивлюся и присно готовое его ко всякому по правымъ и непорочнымъ догматомъ вопросу помышляя ужасаюся; оставляю нынѣ глаголати благородіе его праотцевъ и родителей, не хощу здѣ памяти чистое его здѣ воспитаніе и въ божествен-

номъ писаніи наказаніе, ниже волю писанію предати непорочное его изъ мягкихъ ногтей житіе и тѣлесныхъ страстей воздержаніе, ниже хощу, да кто изъ устъ моихъ услышитъ объ немъ, яко весь бѣ домъ Мусъ и жилище мудрости. Но сія вся оставивъ, сіе токмо глаголю, яко сей Петръ и къ матери своей восточнѣй церкви премногую любовь свою показати, радостѣнъ странствова, яко солнце и востокъ къ западу поиде и оттуду пришедъ ученіемъ своимъ просвѣти всю Россію и восточную церковь попремногу ползова. Но время ми уже яснѣи о немъ глаголати, да и мудрость его и святость паче возвысится. Сей проклятый и безумный Петръ воистинну покозася ехидное порожденіе, сей языкъ свой яко мечь острый на матерь свою изостри, сей жало свое на тую вознесе, и яко змій и аспидъ ядъ излія. О, безумія! о, неблагодаренія! о, беззаконія! и прочая.

л. 94. 30. *(Примѣръ на катахрисисъ).* Похвала великаго града Москвы.

Велія слава твоя, славнѣйшая градъ Москво, и велико имя твое, вѣнценосная мать градовъ, благочестіе твое круглочетверокрайній весь миръ осіяваетъ и держава твоя безчисленными странами обладаетъ; высокъ престолъ твой, престоловъ всѣхъ паче и должайше скиптръ твой земныхъ скиптровъ всякихъ; величество убо твое кого не устрашитъ? и крѣпость твоя кого не побѣдитъ? прост(р)анство твое кого не удивитъ? и величество твоея силы кого низложитъ? да посрамится страшный Вавилонъ величества имене твоего и постыдится слабожителный Ниневѵ̈ чистотою благочестія твоего; Египетъ горкоработный да отступитъ тебѣ степени своея: инъ бо тя упоеваетъ Ніла вышняя благодать; древній Ромъ италійскій да почтутся первенствомъ своимъ (да уступитъ первенства своего) и славный Царьградъ да почтитъ себѣ равенствомъ тя въ словѣ. Ты, славнѣйшая Москво, владычица еси Европѣ, ты отецъ милостивѣйшій всѣмъ убожествующимъ христіяномъ, ты мати чадолюбивая всѣмъ сиротствующимъ вѣрнымъ чадомъ; провославность твоя всюду осіяваетъ,

вѣра твоя вездѣ блистаетъ, твердость твоя всегда повсюду истекаетъ; цвѣтетъ присно слава твоя, обтекаетъ землю, объемлетъ всю высочайшая честь твоя. Но камо доведу слово свое? и кое богатствъ твоихъ похвалю? кое, и прочая.

31. *(Примѣръ на паралипсисъ).* Похвала на благополучіе царства Московскаго, царствующаго града Москвы и на великодушнаго того народа. л. 182.

Аще кто хощетъ, да похвалитъ древность храбраго и великодушнаго славенороскаго народа.

Да повѣствуетъ начало того славная и яже отъ самаго Ноя того происхожденія, да исчислитъ неисчетныя и число песка морскаго преводящыя славныя храбрости, до почюдится сладкой того свободѣ и присноцвѣтущей паче всѣхъ царствъ славѣ и силѣ, да удивится пространности непроходимѣй и изобилію земному; инъ убо да изочтетъ множество градовъ, инъ же да описуетъ доброту ихъ и крѣпость воинъскихъ, инъ же да исчислитъ множества народа и инъ да изречетъ смѣлость того и дерзость; и аще умомъ скоръ, да обтечетъ царства округлости, аще же кто речистъ, да сказуетъ сущыя всюду дивности, или аще кій медвеноязыченъ, да похвалитъ царствующій градъ Москву, аще же остроуменъ, да испытуетъ чудное пребываніе и почудится градскимъ закономъ, исправленіемъ, аще же паки кто благоговѣенъ, да похвалитъ множество обителей и да удивится подданнымъ ихъ уставомъ и благочиніемъ. Понеже азъ нынѣ вся сія и ина многая волею остовляю и не глаголю, ниже помянути здѣ хощу; довлѣетъ бо мнѣ сіе токмо еже самодержавію Московского царскаго величества чудится и того благочестію радостію неизреченною сердца и души моея присно радоватися.

32. *(Примѣръ на фиму или слитіе).* Парадигма на защищеніе иже во святыхъ Андрея Критскаго, егоже здѣ въ Россіи блудвика, убійцу и беззаконна нѣцыи сластолюбцы оклеветаютъ. л. 55 об.

Не внемлите, людіе, не внемлите, не вкушайте, братіе, не вкушайте, молю, яже сіи Афродитины раби о чюдномъ глаголютъ

Андреи. Глаголють бо, яко Андрей сей блудникъ бяше лютый, растли триста дѣвъ и убійца безбожный, убивъ трехъ священниковъ. Но внимайте, молю, опасно и слышите сладкоселенную сего имя сто трубяще всякое усто велегласно чиста сего и Богу отъ самыхъ мягкихъ ногтей освященна проповѣдаетъ сточисленны устнами Дамаскъ пелены сего чисты величаетъ: и толикими иными святый градъ прословляетъ. Вся Өракія паче числа песка морскаго нескверными устнами с(вя)толѣпно ублажаетъ и сихъ множайшими Критъ островъ аггела сего земнаго, и отъ ложеснъ матернихъ вопіетъ островъ Ерисъ, иже тѣло святаго пріимъ елики на небеси звѣзды, толиками его сладко трубитъ устами. Многая же сего писанія, паче великіи канонъ, елико въ себѣ содержатъ писмена, толиками сего честнѣйша глашаютъ языки; елики сего стихи и книги, толицы венцы изъ младыхъ дней чистоту сего овѣнчаютъ. И вкратцѣ рещи, весь миръ согласно яко единымъ устомъ сего измлада святость глаголють, вся подсолночная легеонами устъ сего чистое житіе, яко сладкогласная цѣвница во ушеса всѣхъ звяцаетъ, вся небесная твердь и чины, не глаголю по Ісаію, тмами темъ, но числомъ числа всяка паче языкъ не порочна ублажаютъ. Нынѣ вопрошаю вы: кто въ разумѣ сый, толику пучину благослытія оставитъ и обратится къ скудной лжи каплѣ? кто сіе небесное и подсолнечное святаго Андрея менетъ святослытіе и лжесоставленную послышитъ баснь? аще по святому евангелію, во устѣхъ двухъ всея поднебесныя аще праведному солгати не возможно, но паче истинствовати, не множае ли паче всѣхъ уста истинствуютъ? являютъ сію на святаго ложь и сами тоя злообрѣтателіе и всѣмъ молчащимъ себе сами окоянно обличаютъ; не бо отъ разумныхъ сіе слышится оклеветаніе на святаго, но отъ безумныхъ, не отъ воздержныхъ, но отъ слабыхъ, не отъ чистыхъ, но отъ скверныхъ, не отъ Божіихъ сыновъ, но отъ Афродитиныхъ рабовъ, не толико отъ мужей, елико паче отъ безстудныхъ женъ. Изберите ми, молю вы, отъ двухъ сихъ едино: множайшія ли и богобоязливыя слышати лѣть? или удобочисленныя и безбожныя блудники? вѣмъ, вѣмъ не второе, но первое изберете,

убо извержите изъ себе сію баснь и за антиподы (противоножнія) отгоните сіе на святаго Андрея сумнѣніе и словомъ истинны, яко перстомъ во очи тѣхъ клеветниковъ глубоцѣ бодите; не порочитъ сіе святаго, но паче и паче прословляетъ, ложно глаголемъ, не, и прочая.

33. *(Примѣръ на ↄхѝ или молитвѣ).* Всякъ возрастъ и всякъ чинъ еллиногреческаго языка свободителя себѣ вѣдуще молитвуетъ тя, о, великій г. ц., и прочая. Всякъ возрастъ и чинъ, глаголю, понеже ты тщишися усердно отъ работъ ихъ избавити, всякого добра тебѣ государю желая и Бога моля. Сице нѣкако зоветъ и глаголетъ: небо, чюдная тварь Божія да вліетъ благодати своя въ нѣдро твое, государю нашь, и звѣзды пресвѣтлыя да сіяваютъ тебѣ сладко и свыше отъ кругъ своихъ да орошаютъ тя небесными ароматы, солнце присно да утѣшаетъ тя златозарными лучи своими и да озаряетъ тя на всякъ часъ озареніемъ сладкимъ. зефири да вѣютъ ти радостни: земля, еюже шествуеши, да будетъ ти благовонна и шипкопосланна: аиръ, имъ же дышеши, благовонный и мѵроюхающъ, хлѣбъ, иже яси, манна небесна, и питіе, еже піеши, нектары и амвросій [1]); желаемъ, о, государю, да всяко благополучіе присно предъ тобою умножится и всяко щастіе Богомъ тебѣ да даруется; паче Міды златомъ да обогатишися и паче Соломона славою прославишися; вся убо моря да сыплютъ предъ тобою вся родящыяся въ нихъ маргариты, вся же горы да отверзутъ ти крыющаяся въ нихъ сокровища и власти твоей да вручается весь глубокобогатый рогъ Амолѳійскій; желаемъ и молимъ, о, царю, да присно повинуется тебѣ и л. 150 об.

1) Амвросій и нектаръ сказуется сладкая боговъ пища и праздникъ Діонисовъ, отправляемый въ генварѣ, и названа за то, что никто смертный имѣти ея не можетъ, и свыше всякаго тлѣнія; амвросій и нектаръ горѣ восходящыя, снизу струи влажныя и паки новонистекающыя, отъ нихже мнятся звѣзды питаемы быти.—Нектаръ еще сказуется пиво; а Максимъ грекъ нарицаетъ Духъ Святый нектаромъ, приточнѣ бо глаголетъ сирѣчь во главѣ своея ему книги, глаголя: χρατίρ исполнь небеснаго нектара, сирѣчь чаша исполнена есть небеснаго пива, еже есть Духъ Святый.

море, и воинствомъ по нему шествующу тихо и смиренно кромѣ дикихъ и яростныхъ волнъ воли твоей да покаряётся; сила твоя паче Сампсона вы (Сампсоновы?) да возвеличится, мечь твой паче Александрова да изострится, и могутство твое паче Ксерксова да умножится; молимъ, да побѣдиши врага своего лунно-поклонника турка, яко Давидъ грознаго Голіаѳа, Есѳирь гордаго Олоѳерна и Моѵсей силнаго Амалика, и вкратцѣ рещи, желаемъ твоему царствію Олимповъ злата, Пактола богатствъ, должайшія жизни Маѳусаилова, радости же и веселіи обтечнаго земли океана, прослытія Ираклисова и чести кесарей Августа и Константина, имже языкъ и языкъ всякъ кланяшеся, и послѣднѣйшо рещи, молитвуемъ тя и желаемъ не токмо елико умъ помышляетъ, сердце же усердно желаетъ, но ихже око не видѣ и ухо не слыша, и прочая.

л. 141 об. 34. *(Примѣръ на синхорисисъ)*. Что глаголеши, крестопреступниче и богоотступниче Якушко? что отвѣщаеши, измѣнниче царскаго величества? не со злымъ ли намѣреніемъ отлучился еси изъ государевыхъ полковъ? Буди тако. Но почто во Азовъ къ государевымъ врагомъ прибѣжалъ еси? и то безъ хитрости сотворилъ еси? Ей, глаголетъ. Прочее и сіе тебѣ попущаю. Почтоже изъ Азова и въ Царьградѣ пришелъ еси? еда ли и сіе не измѣны ради и предательства, по простотою сотворилъ еси? Ей, глаголетъ. Прощаемъ тя убо и въ семъ. Чтоже ради нечестивому и безбожнаму салтану поклонился еси? Ей, отвѣщеваетъ, проста и безъ лукавства и сіе сотворихъ. Буди тако, претецемъ и сіе и ничтоже тя истязуемъ, понеже и кромѣ сихъ явится твое измѣнничество. Скажи убо мнѣ едино сіе, почто отъ Бога отступивъ и къ діаволу приблизился еси? чего ради оставивъ солнце правды, поклонился еси колѣнопололунію и Афродитѣ? вскую отвративъся отъ образа Божіего и отъ честнаго креста, поклонился еси зеленому рубищу? почто вмѣсто аллілуія изглаголалъ еси: ӑлà ӑла й лала ресýлъ алà? и чего ради вмѣсто Христа истиннаго нашего Бога вѣровалъ еси въ проклятаго Моамеѳа? и, да сокра-

тивъ реку, вмѣсто христіанства пріялъ еси босурманство? имаши ли что отвѣщати? имаши ли что изрещи? не безгласенъ ли еси нынѣ, яко рыба не имѣя что отвѣщати? не явное ли твое всѣмъ воровство? не отъ злобы ли сія? не отъ лукавства ли? не отъ, и прочая.

35. *(Примѣръ на екфонисисъ).* Аще восхощеши, срадуйся, л. 133 об.
г. ц., о преславнѣй побѣдѣ бывшей отъ царскія его десницы на Агаряны во градѣ Таисѣ, иже есть словенскій зовомый Азовъ, радости величество изъявити сице нѣкако писати можеши.

Что се? что новозрю? не сей ли древнославный и крѣпчайшій градъ Таинисъ (Азовъ)? крестъ, яко возрю, на персѣхъ его сіяетъ, идѣ же полулуніе, агаряномъ умную нощь знаменующо, стоящо церкви водрузившеся вѣрныхъ утверждаютъ, идѣже каменныя мечеты бывше, молящихъ въ нихъ моаметоновъ сердца окаменяхъ; идѣже проклятое опое ихъ лалá лаланіе, или уне да реку, лаяніе слышеся, тамо нынѣ сладкимъ языкомъ аллилуіа проглашается; идѣже богопротивный Моамеѳъ мерзскимъ языкомъ славляшеся, тамо нынѣ Богъ всѣхъ творецъ всѣми правословно величается; идѣже помраченніи зеленому рубищу колѣно приклоняху, тамо нынѣ вѣрніи Богу живому выю приклоняютъ; идѣже о скверномъ султанѣ Моамеѳѣ прилѣжно лалъ лаяху, тамо нынѣ о православномъ великомъ царѣ священныхъ уста и вѣрныхъ языцы непрестанно молятся; сѣмо Христа именуютъ, онамо Бога нарицаютъ; се Марію, сладкое и радостное имя, гласятъ, се призываютъ, се радостію сѣдины скакаютъ, се веселіемъ мужество благодушествуетъ, се младенчество радостно осклабѣется, се свѣтлоносятъ, се всюду свобода ликуетъ. О, радости неизреченныя! о, веселія неизглаголаннаго! о, благодушія неисповѣдимаго и свободы безцѣнныя! о, всемирнаго радованія! о, всероссійскаго празднованія! о, елицы Бога о семъ прославляютъ! о, елицы свободившеся свѣтло торжествуютъ! о, и прочая.

36. *(Примѣръ на счисленіе частей).* Аще хощеши новопро- л. 81.
цвѣтную великаго государя нашего на враги во Азовѣ побѣду

изъявити, и да реку сице, предъ очима всѣхъ положити, счисленіемъ частей, симъ образомъ лѣть написати, счисляя вся нашихъ благополучія и храбрости: тѣхже (сирѣчь) Озовскихъ бѣды и печали, яко:

Милостію и помощію вышняго Бога, благополучіемъ же и благимъ тщаніемъ гигантосилного государя нашего царя, и прочая. Егда вѣрніи его царского величества воини подъяша крестоукрашенныя хоругви, тогда абіе и многожелателною на враги побѣду, вкупѣ же и супостатовъ конечное разореніе свѣтло предъ избраша, понеже его царскаго величества быстропарнымъ устремленіемъ множайшія вкупѣ оттуду налетѣша витязи (храбры), иніи Ахиллей звѣздочисленно отовсюду яко Богомъ зовоми стекошеся воеводы, иніи Агамемноны, радостни отовсюду дождевно побрашеся воини вси пов(ѣл)еніе царское яко изъ устъ Бога пріяша в разумъ, вси единодушно устремишася на подвигъ, вси единогласно въ помощь призываху Бога; въ руку его царскаго величества блистосіяваше златоадамантный скипетръ и блистаніемъ своимъ яко перомъ на враги предписоваше побѣду; въ руку воеводъ свѣтлосіяваше нагъ мечь и сіяніемъ своимъ безчисленныя главы врагъ вкупѣ жняше; въ руку сотниковъ копіе ликоваше и остротою своего сердца врагъ бодяше; громогласніи органы далече отъ сихъ всякъ страхъ отгоняху, сладкогласныя свирѣли ушеса вырнѣхъ наслаждаху, тѣмже безъ горести ко Азову вси летяху; честный крестъ на хоругви блисташе, тму всякую отгоняя; тѣмже яко царь Константинъ вся идежди (над-?) помощи исполняхуся, аще множество тѣхъ помыслиши и число, превосходитъ песка морскаго, аще мужество и небо мню устрашися иныя сихъ столпоздатели возмнѣвши гиганты.

Аще оружия множество (по Омиру) и земля неищую отященна стеняше, аще разношарство одѣяніи и веселовидныхъ цвѣтовъ побѣждаше самоестественное разноличіе, симъ всѣмъ тако бываемымъ, что во градѣ Азовѣ творяхуся? мниши ли? бояре турецкіи смущеніи зряху, воини устрашени смерти ожидаху, прочіи жителіе погубу свою чаяху; плакаху юноши младоцвѣту-

щую свою юность, зане прежде времене тоя лишахуся; плакаху матери свое безчадіе, зане по малѣ времени хотяху сыновъ своихъ мертвыхъ видѣти; плакаху жены свое вдовство, зане не по многѣ мужей своихъ лишахуся; дѣвы прежде брачнаго внелія (веселія?) рыдаху, вдовы прежде утѣшенія неутѣшно плакаху, прежде смерти своея отъ страха умираху; весь градъ яко единымъ гласомъ плакаше, вся единымъ устомъ рыдаху; вси единымъ воплемъ день своего рожденія кленяху, вси щастіе свое окаянствоваху, прежде брани во струяхъ слезъ своихъ утопляхуся, прежде меча горкаго жизнь ихъ и всякая надежда пресѣцашеся, прежде пушичного стрѣлянія именованіе имене государя нашего устрошаше, прежде борбы сила оскудѣваше. Но что многая глаголю? Се приближишався православніи воини, се устремишеся крестоукрашенныя хоругви, се дерзостни внидоша во Азовъ христоносніи ратницы, и прежде своего вхожденія предпослаша озовцемъ смерть горкую. Не бо потерпѣша во градѣ ожидающе, но и далече еще сущимъ изшедше поклонишеся христіанскимъ силамъ, паче же непобѣдимой честнаго креста силѣ. Таковая сила благовѣрнаго нашего государя, таковая храбрость московскихъ силъ, таковая крѣпость крестовооруженныхъ силъ, паче же честнаго и животворящего Креста. Но что потомъ? весь градъ отъ основанія обновляется, Крестомъ Господнимъ осѣняется, благодатію и нашествіемъ Святаго Духа укрѣпляется и неусыпному стражу Іоанну Предтечи честно вручается, и сей паки пресвятѣй Дѣвѣ Маріи благонадежно ввѣряется; тако ввѣряется христіанская слава явися, тако враговъ сила побѣдися, тако, и прочая.

37. *(Примѣръ на образы)*. Первый образъ отъ недоумѣнія. л. 63.

Въ разумъ пріемъ божественную ревность яже о свободѣ восточныя святыя церкве благовѣрный нашъ государь царь Петръ Алексіевичь имать: Возжеся ми желаніе сію описати, но не вѣмъ, откуду начну и како совершу слово? кое положу начало и кій конецъ? молитвы ли его царского величества изочту юже къ Богу о семъ? но языкъ ми изнемогаетъ; вседневное ли паче естества

бдѣніе и трудолюбіе? но и въ сіе умъ мой бѣдствуетъ, не моги сія исчести. Премногая теплота его царскаго величества ревности гортань мой изсушаетъ, и сего ради не могу довольно о ней глаголати. Величество тоя умъ мой утесняетъ, и сего ради не имамъ свободный разумъ во обрѣтеніе словесъ нужныхъ. Вся дивная дѣла тоя и стоязычный кто либо не возмоглъ бы изрещи и вся паки умолчати, и каменосердечны никако бы дерзнулъ: время ми глаголющу мало и быстропарно паче вѣтра лѣтаетъ, и во устахъ своихъ широкоструйну реку Лѣну. Тѣмже вся оставивъ пиаишу токмо, какимъ орловобыстрымъ устремленіемъ его царское величество полетѣвъ и скоро изо устъ лукаваго змія силный Азовъ изхити, и отъ сего всю ревность его царскаго величества всякъ познаетъ.

л. 114. 38. *(Примѣръ на полисиндетонъ, полисиндонъ).* Тишайшаго самодержавнѣйшаго богомвѣнчаннаго в. г. і ц. и в. к. Петра Алексіевича в. в.(р?) не едина или другая добродѣтель украшаетъ, но весь ликъ добродѣтелей свято царскую его преславно озаряетъ и благородіе бѣ въ немъ сіяетъ, и красота сугубая и мужество несравняемо и дерзость несказанна и кротость безмѣрна и смиреніе христоподражателно и милость неизслѣдованна и правда величайша и вѣра не сум(н)ѣнна и надежда извѣстнѣйша и любовь ко всѣмъ нелицемѣрна и, и прочая.

л. 101 об. 39. *(Примѣръ на ѵперватонъ, прехожденіе).* Благодаримъ тя, небесный царю Христе, и славословимъ тя, елико вѣковъ мгновенія толиками языки и гласы: далъ бо еси намъ царя благочестива, паче царей всего міра,—сей есть благочестивѣйшій нашъ сей великій государь царь, и прочая.

Сего красота посрами красоты Каркина и Ѳисеа, сего смѣлость и радость погаси Александра Македонскаго славу, имя его прелетѣ Гардировъ островъ, слытіе достиже антиподы, слава возвысися до небесъ, похвала обтече міръ весь, десница его устрашаетъ всю Афріку, шуйца его умертвити имать всю Асію, отъ

мановенія его царства претекутъ, отъ дивнаго слова страны сускутоваются, побѣда его славная яже на враги под Казыкермерномъ удиви всю вселенную, яже подъ Азовымъ устраши всю подсолнечную; Агаряне яко птицы и комары падаху; сего царскаго величества храбріи воини, яко горы, недвижни стояху; тѣхъ оружія паче воска недѣйственна бяху, сихъ остріи мечеве, яко дуга небесная, окровавлены зряхуся и скорѣе молніи движущеся, паче солнца возсіяваху; оныхъ султанъ скорше луны умалися и тщеславіе его низши ада низвергшися затмися, сей же благочестивый нашь великій царь побѣдою славною обращаемъ. О, царствующій граде Москво: красуйся, таковаго имущи благовѣрнаго царя, возвыси гласъ твой до небесъ и сице нѣкако славно глаголи: станите, станите, царства нечестивыхъ! видите, видите, роди невѣрныхъ! азъ выше небесъ есмь; вся вы, яко вы, яко землю имущи подъ ногами, азъ пространша есмь всего міра, Бога всѣхъ въ себѣ имущи, чрезъ православнаго царя моего свѣтлостію и солнце побѣдихъ, сіяю бо вѣрою царя моего благовѣрнаго и всѣхъ чадъ моихъ, красотою и небо посрамихъ; красуюся бо добротою правыхъ догматъ моего солнца, луны же и безчисленныхъ звѣздъ червленостію и богрянозрачныя шипки постыдихъ; багряницею бо азъ присно украшаюся присноцвѣтущею паче оныхъ; славу мою увидѣша вси концы міра и хвалу мою услышаша вси земли оризонта; чада моя и народи паче числа песка морскаго, князіе мои и боляре паче звѣздъ неба, добліи мои и храбріи паче древесъ листвія, воини мои и ратніи паче дождя каплей, богатство мое паче моря пучины, мать царя моего паче великаго океана, враги отъ мене бѣгаютъ скорѣе вѣтровъ, супостати исчезаютъ скорше молніи и отъ повелѣнія моего царя, яко отъ страшнаго грома, вси боятся и трепещутъ. Но, о, богатодавче царю царей Христе мой, сего православнаго нашего государя царя..., его же мнѣ даровалъ еси, сохрани, молю, соблюди, и присно помоществуй, спаси, да чада моя сице ти радостно благодарять: благодаримъ и славословимъ тя, давшаго намъ царя сего православнѣйшаго, и прочая.

л. 107. 40. *(Примѣръ на епанафору)*. Иная парадигма на похвалу государя царя Москвы.

Всего круглоконечнаго міра славніи градове, похвалныя страны, кромѣ восточныхъ лишишася православныя и непорочныя святыя вѣры, токмо едина надъ всѣми обогатися царствующая Москва. Славна древлностію и похвална острономіею и волшебствомъ солнцепоклонная Персида не иматъ вѣры святыя (еже есть сущее богатство), юже имать царствующая Москва. Веліяесть Индіа и пространна и адамантами, якоже небо звѣздами вся всюду украшенна, но не сіяетъ вѣрою, якоже царствующая Москва. Чудно и дивно Котанское (Китайское?) государство тяжкоцѣнными убо камени, яко разношарный цвѣтникъ гордо цвѣтущо, твердою же и высоковыйною стѣною все ограждено, но не уградися православностію, тѣмъ же величается надъ онымъ царствующая Москва. Вся благовоніемъ дышетъ и міръ весь благоухаетъ благополучная Аравія, но Духа Святаго благоуханія лишися, сего ради паче и паче благоухаетъ царствующая Москва. Пространна и велика новая земля Америка и златомъ паче иныхъ обогащена, но звѣрми дівіими и человѣки, звѣрей дившими, есть населена и яко разстояніемъ отъ насъ, тако и вѣрою отъ Бога далече отстоитъ, тѣмже и надъ тою хвалится царствующая Москва. Не малъ есть Западъ и толико лестною мірскою мудростію просвѣщенъ, елико захожденіемъ отъ него православно каѳолическія вѣры бѣдопомраченъ и отъ востока не токмо мѣстомъ, но и правою вѣрою удаленъ и отверженъ, со всѣмъже просвѣщеннымъ Востокомъ купно радуется и веселится и недвижимою, ниже измѣнною или новообрѣтенною, но христоданною апостолоученною и отцепреданною вѣрою величается едина токмо царствующая Москва.

л. 43. 41. *(Примѣръ на этіи или виновныхъ)*. Парадигма на боговѣнчаннаго Сампсона, силнаго нашего самодержца.

Что помышляете, безбожніи Агаряне, о боговѣнчанномъ и крестоносномъ нашемъ государѣ царѣ? мните ли, яко подобенъ

есть прочымъ земнымъ царемъ? не лститеся, о. окаяннiи! Сей бо нашъ благочестивый царь есть паче царей земли. Сего царство не земное, но свыше дано есть отъ небеснаго царя. Крестоверхій скипетръ нашего самодержца вышній златокова всемудрый ковачь, адомантоукрашенную карону, яже царскую его главу украшаетъ; той златокова иже и солнцу сплете вѣнецъ пресвѣтлый, златозрачную сего діадиму, яже млекозрачное его царское покрываетъ тѣло; той сотвори иже небо облече свѣтомъ. Зри порфирозрачный шипокъ и абіе помысли, яко той очервлени и сего сію царскую богряницу. Виждь всю небесную и земную красоту! и вѣрую, яко украси и сего богодатное лице; иже око свѣтлое небеси даде солнце, и той сего насади очи; иже есть пучина и источникъ мудрости, той самый и сего чюднѣйшаго нашего царя погрузи въ непроходимую пучину мудрости; иже крѣпкою рукою вся содержитъ, той и сего Вріарственныя сотвори руки, той облодаетъ всею тварію; сему же даде во владѣніе пространное царство полунощное; того трепещутъ небо и земля, сего же боятся вся царства земная. И вкратцѣ рещи, яко той единъ подъ всею величается тварію, тако и сей отъ всѣхъ поклоняется земли царствъ; и яко той Богъ сый велій адскую побѣди всю силу и мысленнаго вѣчнонерушимо связа Кервера, тако и сей вашего султана свяжетъ окоянно вскорѣ.

42. *(Примѣръ на ζεύξις)*. Зри здѣ, яко изнесеши глаголю содержитъ(?) мысль слова разрушается и расточившися ничтоже бываетъ, обаче бываетъ соузъ сей не токмо въ началѣ, но и посредѣ и наконецъ яко: л. 122.

Погрузивый гордаго Фараона аки олово въ море Черное, люда же своего не мокрою ногою чрезъ воду проведый и столпомъ огненнымъ въ темной и нощи наставивый, во дни же облокомъ густымъ покрывая, иже не камене рѣки источивый и воды горнія усладивый, иже манну съ небесъ люду своему давый и четыредесятъ лѣтъ въ пустыни и водивый, велія же и крѣпкія цари побѣдивый и отъ горнія работы избавилъ въ землю

обѣтованную, изъ нея же источаетъ медъ и млеко, паче введе и безбожнаго моамеѳопоклонника и луносдужителя султана десницею крестоноснаго орла побѣдивъ, православнѣйшему и христолюбивѣйшему, тишайшему же и самодержавнѣйшему в. г. ц. н. древлшій и избраннѣйшій царьственный градъ Константинополь преславно вручитъ.

л. 136. 43. *(Примѣръ на антиѳомисисъ).* Да умолимъ мы здѣ его царскаго величества крайность в. г. ц. и наипаче потщатися о свободѣ святыя церкве, общія нашея матере, и о конечномъ разореніи безбожныхъ Агарянъ.

Потщися, потщися, молю тя, богоизбраннѣйшій великій г. ц., потщися, глаголю, избавити восточную святую церковь отъ узъ и горкія работы варваровъ. Видиши бо, елико страждутъ сынове тоя, языкъ святъ, избранъ и Богу освященъ. Церкви оскверняются и затѣсняются, священнія слузи мытствуютъ и бесчествуются, Авраамскія сѣдины укоряются и досаждаются, цвѣтущій возрастъ оскорбляется и уязвляется и сами во утробѣ (существѣ) еще сущія младенци, прежде еже видѣти свѣтъ сей, безъ Божіяго ига тяготу ощущаютъ и сѣнописуютъ. Доколѣ сея? невѣрный на вѣрныя, богопротивныя на боголюбивыя? и христохулный на христославителныя? О, Боже мой милостивый! не сокрушаются ли всякое сердце сія поминающо? не прослезится ли око, таковая зрящо? Но ты, о, благочестивѣйшій царю, молю тя азъ грѣшный со слезами, сотвори милость съ восточными и подаждь долу лежащимъ руку помощи. Ей, молю тя милости ради великого Бога нашего, помилуй сихъ бѣдныхъ и порабощенныхъ, уклонившаго ради небеса и на землю снедшаго насъ ради, уклонися на мое моленіе и избави восточныхъ жителей изъ руки варварскія, вся яже по намъ пострадавшаго ради кромѣ токмо грѣха и мысленнаго Фараона побѣдившаго, побѣди и ты сего сквернаго Кервера, турка, приснопамятныхъ ради своихъ царскихъ родителей и праотцевъ, сотвори такую памяти достойную любовь къ православнымъ грекомъ, братіямъ сущимъ по

вѣрѣ и по крещенію, рабомъ же твоимъ по всякому покоренію и повелѣнію. Ей, ей, милостивѣйшій царю, царскаго рода своего многолѣтнаго здравія и славы ради присныя московскаго царскаго величества свободи умилився греческую церковь и сотвори себѣ богомолцы безчисленныя страны и грады. Ей, ей, молю тя, буди инъ Моѵсей изводя изъ Египта людъ Божій и убій безбожнаго Амалика, буди инъ Ісусъ Навинъ, разоряя Іерихонъ и пренося святый кивотъ, инъ и инъ Давидъ, побѣждая Голіаѳа. Воспомяни, яко единовѣрніи суть вси восточніи твои богомолцы, воспомяни яко едино крещеніе, едина вѣра и единъ Господь всѣмъ намъ православнымъ, грекомъ же и славяномъ; возри на слезы ихъ и призри на моленіе наше и не отврати лице свое отъ насъ. Ей, ей, приклони, молю, ухо твое царское ко глаголамъ моимъ и внуши глаголемая мною о свободѣ восточныя церкве, и еще услыши молю не мене едина, но и всѣхъ тоя чада, со мною молящеся, и не презри горкаго ихъ гласа, силнѣйшій царю нашь! Молитъ бо тя о семъ и Ѳракія православнѣйшая, царское жилище, толиками усты и языки, елицы на ней обитаютъ обоего пола возраста всякого христоименитіи христіане; вопіетъ къ тебѣ Македонія и со слезами молитъ толиками гласы, елицы бываютъ у бѣдныхъ и безпомощныхъ подданныхъ человѣковъ, зоветъ къ тебѣ, царю славнѣйшій, Ѳетталійская страна вся и небесна ти даетъ воеводу, непобѣдимаго воина Христова, великомученика Димитрія; слезитъ передъ тобой Каппадокійская страна и представляетъ ти вожда и помощника страшнаго ко врагомъ великомученика Георгія, моего благодѣтеля. Оставляю рещи, яко тожде творятъ и вся тоя страны, сирѣчь Александріа, Анатоліа, Палестина, Молдовлахія, Угкровлакіа и всяка ина мітрополіа и епархіа, не глаголю, яко и безчисленныя матери духовніи градове творять подобное, отсюду убо Синайская гора со всѣми своими жители колѣнопреклонно о семъ тебе государя молитъ; оттуду же паки Аѳонска гора изподъ руки агарянскія, яко изъ кита Іона, въ скорби своей къ тебѣ великому государю о томже взываетъ.

л. 181 об. 44. *(Примѣръ на паралипсисъ).* Московскаго царского величества милостыня и щедрота толико многа есть и не изчетна, яко всю вселенную наполни къ познанію сего, оставляю глаголати повседневную и безчисленную милостыню, яже на Синайской горѣ тамошнымъ монахомъ; умолчеваю и не глаголю, елика на Аѳонстѣй горѣ и онамошнымъ монастыремъ, елицы дни, посылается; не хощу рещи, елика Іерусалимскимъ и Палестинскимъ монахомъ нещадно дается, ниже тую, елика на всякъ день Іоаніскимъ, Македонскимъ, Цареградскимъ, Воложскимъ, Мунтянъскимъ и Малороссійскимъ свободною рукою царскою даруется, ниже хощу помянути пребогатѣйшую милостыню, юже по всемъ благополучномъ владѣніи, по всѣмъ монастыремъ, по всѣмъ пустынямъ, по всѣмъ церквамъ и предѣломъ источаетъ; но сіе токмо глаголя, яко не есть царство, не есть владѣніе, не есть страна, не есть градъ или весь, идѣже бы Московскаго царского величества милостиня не дошла.

л. 253. 45. *(Примѣръ на епаналипсисъ).* Даждь усердіе, Христе Царю славы, отрокомъ россійскимъ къ душеполезной сей книзѣ! Даждь любовь славенскимъ дѣтемъ ко ученію и разумѣнію дражайшаго сего вѣжества! Даждь имъ раченіе неугасныя матере своея свѣтиломъ! Даждь имъ неотвратное устремленіе до веселаго верха дошедшее ученій, чрезъ той и тебѣ желанія царя безбѣдно и благонадежно достигнутъ! Даждь остроту и умъ пернатый Іоанна Дамаскина, да въ маломъ времени всю широкоглубокую пучину ученій преплывше въ пристанище познанія твоего душеспасительнѣ пребывати. Даждь Іоанна Златоустаго златомедвенный языкъ и златоструйныя словесъ струи, ереси убо потопляющыя, скверны души умывающыя и яко снѣгъ убѣляющыя! Даждь Василія Великаго въ словесѣхъ и во умѣ высокое и чюдное, демоны убо побѣждающее, человѣка же изъ самыхъ Веелзевуловыхъ нѣдръ преславно изводящее, Божію же престолу представляющее! Даждь Григорія Богослова твоего еже въ честныхъ сѣдинахъ юнственное и въ богословскихъ твоихъ слове-

сѣхъ превосходящее словоплетеніе и въ разумѣніихъ высокопарное зрѣніе! Даждь Аѳанасія Великаго седмоустониловое преизливающееся тихое теченіе, ереси бо и схимы яко легко хврастіе въ морѣ пагубы и конечнаго забвенія сносящее, скверны же умнагѡ Египта измывающо и в немъ царствующаго Фараона всевоинственнѣ яко олово погружающее! Даждь имъ, молю и працу, Фотіа патріарха на латіны дерзновеніе и быстролетящее перо его на оныхъ обличенія! Даждь имъ и новѣйшихъ къ еже защищенію матере своея Восточныя церькве усердіе и къ соблюденію правыхъ догматъ опасное бдѣніе! Даждь имъ, глаголю и слезно тя прошу, Ніла и Григорія Ѳессалоникіи предсѣдателей и мира всего свѣтилъ присносіяющихъ высокую и чюдную мудрость, ею же тіи западную истребиша прелесть! Даждь разженную о благочестіи ревность новаго явльшагося намъ Іліи, Георгія Схоларія, перваго по племени (плененіи?) въ Царѣградѣ бывшаго патріарха Генадія! Даждь, еще молю, Варлаама мудрѣйшаго въ словесѣхъ адамантное и на западную лесть пречюдное устремленіе! Даждь Мелетіа Пиги всемірное вѣщаніе, Кирілово во вся міра коньцы пресвѣтлое слытіе, Максима Маргунія славу пречюдную, Гавріила Севира божественное дерзновеніе, Георгіа Корессіа во многомъ ученіи дивную похвалу и конецъ всѣхъ мудрѣйшаго кѵръ Досиѳея, нынѣшняго патріарха Іеросалімъскаго, етнопламенную ревность о святѣй вѣрѣ и неусыпное на латіны и дѣлы и словесы подвизаніе! Даждь имъ, да реку вькратцѣ, яко же вѣру святую, цѣлу и непорочну, тако и всю мудрость, юже въ Восточную твою церковь вліялъ еси, да и вѣрою и мудростію обогатившеся, церковь убо отъ мысленныхъ волковъ защищаетъ, тебе же и вѣры и мудрости богатодавца всѣхъ Бога присно и купно съ нами славословяще величаютъ.

46. *(Примѣръ объ епанафорѣ).* Хощеши ли, о младый юноше, л. 256.
путь истинный познати и жизнь веселую и безбѣдную обрѣсти?— книгамъ учися. Желаеши ли красоту свою и доброту юнственную

бесъ порока хранити?—писанію учися. Любиши ли разумъ свѣтлый и языкъ сладкій имѣти?—мудрости учися. Хощеши ли неистощаемо богатство и сокровище получити?—наукамъ учися. Честенъ ли и хваленъ хощеши быти и яко звѣзда между многими возсіявати?—смиреномудрію учися, и т. д.

Хр. Лопаревъ.

Литературныя замѣтки.

Два слова о Puschkinian'ахъ и о литературныхъ упражненіяхъ учащихся въ старину.—Пушкинъ въ гимназической средѣ 1830-хъ годовъ.—Пушкинъ и академикъ Лобановъ; труды Лобанова. — Пушкинъ и Кольцовъ.—Этнографическія занятія Кольцова.—Одинъ изъ рукописныхъ стихотворныхъ альбомовъ 1830-хъ годовъ и стихотворенія, приписываемыя Пушкину.—Къ «Стихотвореніямъ въ прозѣ» Тургенева.

Столѣтній юбилей Пушкина вызвалъ, какъ извѣстно, огромную литературу, которая группируется около юбилейнаго 1899 года, частью предшествуя ему, частью слѣдуя за нимъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ поэту и занимающихъ въ центральныхъ книгохранилищахъ цѣлые шкафы, съ одной стороны, подводились итоги всему, что было до сихъ поръ извѣстно о самомъ поэтѣ, его жизни и литературной дѣятельности, съ другой—сообщались новыя данныя о его личности, изслѣдовались и комментировались отдѣльныя его произведенія на основаніи вновь добытыхъ свѣдѣній и съ точки зрѣнія современной литературной критики; наконецъ, предпринятъ цѣлый рядъ изданій полнаго собранія сочиненій Пушкина, какъ ученаго характера, каково изданіе академическое, такъ и для болѣе широкой публики. Словомъ, Пушкинская литература разрослась настолько, что въ настоящее время впору было бы приступить къ составленію библіографическаго обзора, который бы служилъ не менѣе важнымъ пособіемъ при изученіи Пушкина, чѣмъ «Puschkiniana», изданныя Императорскимъ Александровскимъ

Лицеемъ [1]), и сборникъ, составленный В. Зелинскимъ [2]). Кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано. Такъ, напримѣръ, обзору юбилейной Пушкинской литературы посвящена работа В. В. Сиповскаго: «Пушкинская юбилейная литература» (Спб. 1901); далѣе, статья Н. Державина: «А. С. Пушкинъ и юбилейная литература» [3]); были и еще статейки въ нѣкоторыхъ журналахъ, но всѣ онѣ не исчерпываютъ предмета даже съ чисто библіографической точки зрѣнія, какъ это необходимо теперь для каждаго занимающагося Пушкинымъ, чтобы не повторять того, что уже сказано и выяснено другими. А это легко можетъ случиться, такъ какъ немыслимо каждому услѣдить за всей научной и общей періодической печатью.

При всей обширности вновь появившейся и продолжающей появляться Пушкинской литературы, изученіе Пушкина далеко не закончено, да врядъ ли оно и можетъ когда либо быть законченo,—до того велика эта гигантская натура, до того велики его дѣятельность, его творенія и ихъ значеніе въ литературѣ. Даже не занимаясь спеціально Пушкинымъ, можно иной разъ наткнуться на какія-нибудь интересныя подробности, воспоминанія и т. п. тамъ, гдѣ ихъ и не ожидаешь. Пусть они будутъ кратки, незначительны, но въ жизни великаго человѣка важна каждая мелочь, каждая малѣйшая черточка въ его характерѣ, какъ не менѣе важенъ и каждый отголосокъ его воздѣйствія на общество, на литературу.

Подобныя мелочи мнѣ хотѣлось отмѣтить на основаніи двухъ-трехъ старинныхъ печатныхъ и рукописныхъ литературныхъ сборниковъ 1830-хъ и 40-хъ годовъ, съ которыми мнѣ при-

---

1) а) В. И. Межовъ. Библіографическій указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства. Спб. 1886, стр. VIII+406.—б) Каталогъ Пушкинской библіотеки. Спб. 1880, стр. 36.

2) Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, ч. I—III, изд. 3-е. Москва, 1903—1907.

3) Въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1903 и 1904 гг.

шлось познакомиться въ разное время съ другою спеціальною цѣлью, или же случайно.

Въ доброе старое время существовалъ похвальный обычай печатать лучшія сочиненія воспитанниковъ того или иного учебнаго заведенія въ особыхъ сборникахъ, издаваемыхъ на счетъ самого учебнаго заведенія, или учебнаго округа, или, наконецъ, министерства. Въ этихъ сборникахъ можно встрѣтить прелюбопытныя работы, не утратившія своей цѣнности и по настоящее время. При этомъ надо замѣтить, что подобные сборники составлялись не только при высшихъ, но и при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ работъ воспитанниковъ гимназій и пансіоновъ, не только столичныхъ, но и провинціальныхъ. Изданіе въ свѣтъ подобныхъ работъ и теперь не утратило для насъ своего интереса въ смыслѣ педагогической системы старыхъ временъ; но эта своего рода дисциплина имѣла огромное значеніе прежде всего для самихъ воспитанниковъ: она поощряла ихъ къ занятіямъ литературой, къ выработкѣ слога, къ поэтической изобрѣтательности, къ ознакомленію съ писателями русскими и иностранными, развивала вкусъ и вообще поддерживала литературно-художественныя и научныя стремленія въ воспитанникахъ. А эти стремленія у нихъ всегда и вездѣ существовали. Они приводили и къ изданію рукописныхъ школьныхъ журналовъ, о которыхъ есть не мало свѣдѣній въ литературѣ. Вспомнимъ Московскій Благородный пансіонъ, вспомнимъ Нѣжинскую гимназію и Гоголевскую «Звѣзду» и множество другихъ примѣровъ вплоть до настоящаго времени[1]). Педагоги старыхъ временъ были болѣе чутки къ

---

1) Смотр. спеціальную брошюру, посвященную этому вопросу, С. Г. Смирнова: «Ученическіе журналы и сборники», Москва, 1901 г. 8⁰, 183 стр. (изъ «Вѣстника Воспитанія»). Работа интересная, хотя и не исчерпывающая всѣхъ свѣдѣній по этому вопросу, имѣющихся въ литературѣ: пропущены, напримѣръ, данныя о Воронежской гимназіи и семинаріи 1830-хъ годовъ (у Де-Пуле: «А. В. Кольцовъ»), о тамошнихъ журналахъ «Цвѣтникъ нашей юности» и «Simia», извѣстія о журналѣ «Бездѣлки» воспитанниковъ Виленскаго Дворянскаго Института 30-хъ годовъ (см. «Опыты воспит. Бѣлор. округа» 1839 г., стр. 508, 523), и еще кое-что изъ того, что будетъ указано ниже; не указаны также

этой живой потребности учащихся и болѣе дальновидны, чѣмъ современные. Они шли навстрѣчу своимъ воспитанникамъ въ этихъ похвальныхъ стремленіяхъ, направляли ихъ въ литературныхъ занятіяхъ, поощряли къ нимъ, и лучшія сочиненія издавались въ видѣ литературныхъ сборниковъ, на страницахъ которыхъ можно встрѣтить имена небезъизвѣстныхъ впослѣдствіи писателей и ученыхъ. И любопытно то, что въ этомъ отношеніи провинція не только не отставала отъ столицъ, но даже, пожалуй, шла впереди, какъ это сказывалось въ такихъ городахъ, какъ Одесса, Харьковъ, Казань, Вильно, Варшава [1]).

Однако болѣе опредѣленный почпнъ въ этомъ дѣлѣ, если не ошибаемся, былъ сдѣланъ центральнымъ оффиціальнымъ періодическимъ изданіемъ, по крайней мѣрѣ по гражданскому вѣдомству [2]). Съ начала XIX вѣка такъ называемое тогда Главное Училищъ Правленіе приступило къ изданію «Періодическаго Сочиненія, назначеннаго для повсемѣстнаго извѣстія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» (1803—1827 г. г.).

Въ «Предувѣдомленіи» къ № 1 этого изданія относительно его задачъ говорилось, что въ немъ, кромѣ оффиціальныхъ свѣдѣній и административныхъ распоряженій, для того, «чтобы наиболѣе подать способовъ къ народному просвѣщенію, присовокупляемы будутъ сочиненія, переводы и извѣстія, служащія къ наставленію юношества въ наукахъ, въ домоводствѣ, въ торговлѣ и земледѣліи; а поелику всѣ сіи предметы отъ подвиговъ и

семинарскіе и духовно-академичечкіе литературные опыты старыхъ временъ, начавшіе появляться еще въ Екатерининскую эпоху, притомъ въ провинціи, напр., въ Твери и, если не ошибаюсь, даже въ Сибири. Работы вятскихъ бурсаковъ XVIII в. см. въ брошюрѣ «Вятскіе стихотворцы», Вятка. 1897. 8⁰ 92 стр.

1) Въ настоящее время подобныя изданія составляютъ рѣдкія исключенія. Можемъ указать, напр., витебское изданіе подъ заглавіемъ: «Избранныя стихотворенія учениковъ Витебской гимназіи 1885—1899 г. г.». Витебскъ, 1899, 126 стр., съ видами Витебска и виньетками. Здѣсь, между прочимъ, 4 стихотворенія посвящены Пушкину (не включены въ юбилейные сборники стиховъ о Пушкинѣ), одно Кольцову и одно Крылову; много патріотическихъ.

2) Въ духовномъ и военномъ вѣдомствахъ (напр. въ Шляхетномъ Корпусѣ) изданію такихъ сборниковъ было положено начало еще въ концѣ XVIII вѣка.

упражненій человѣка новыя получаютъ приращенія, то помѣщаемы здѣсь будутъ всякаго рода открытія и изобрѣтенія; наконецъ приводимы будутъ самыя книги, какъ иностранныя, такъ и Россійскія, которыхъ сочинителямъ отдаваема будетъ должная справедливость въ изящности слога, въ чистотѣ нравоученія и благонамѣренныхъ трудахъ ихъ для потомства. Но какъ успѣхи народнаго просвѣщенія наилучше доказаны быть могутъ сочиненіями и другими трудами самихъ воспитанниковъ, которые обучаться будутъ въ Училищахъ, щедротами Всеавгустѣйшаго Монарха учреждаемыхъ; то издатели сего Періодическаго Сочиненія ласкаютъ себя надеждою, что Училища сіи спомоществовать имъ будутъ въ изданіи онаго, сообщая свои произведенія»[1]).

И дѣйствительно, при министрахъ гр. Уваровѣ и Ширинскомъ-Шихматовѣ, какъ въ «Періодическомъ Сочиненіи», такъ и въ другихъ изданіяхъ министерства подъ названіемъ «Записокъ, издав. отъ Департ. Нар. Пр.» (1825—1829) и «Журнала Департамента Народнаго Просвѣщенія» (съ 1821 г.) стали появляться, иногда въ отдѣлѣ «разныхъ извѣстій», различныя рѣчи, разсужденія, описательныя и повѣствовательныя статьи, стихотворенія, переводы, извлеченія и проч., присылаемые изъ разныхъ мѣстъ Россіи, изъ мужскихъ и женскихъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, написанные какъ начальниками и служащими въ этихъ заведеніяхъ, такъ и учащимися. Наконецъ, съ 1839 г. министерство рѣшило издавать въ видѣ особаго прибавленія къ своему «Журналу» нѣчто въ родѣ періодическаго сборника подъ заглавіемъ: «Труды воспитанниковъ учебныхъ заведеній», и это изданіе продолжалось вплоть до 1853 года включительно.

Параллельно съ этимъ очень рано стали появляться литературные сборники, издаваемые на казенный счетъ при отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно высшихъ, и состоявшіе

---

1) См. «Періодическое Сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» № 1. Спб. 1803, Предувѣдомленіе, стр. II.

изъ работъ ихъ воспитанниковъ. Такъ, напримѣръ, при Харьковскомъ университетѣ въ 1819 г. изданъ томъ «Трудовъ студентовъ-любителей отечественной словесности», въ прозѣ и стихахъ. При томъ же университетѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издавались «Сочиненія и переводы студентовъ и вольнослушающихъ», читанныя по окончаніи экзаменовъ 30 іюня[1]). Въ Харьковѣ же изданы были и отъ частнаго учебнаго заведенія «Опыты въ словесности воспитанниковъ Благороднаго Пансіона Г. Коваленкова въ Харьковѣ» (Х. 1823. 8°, 254 стр.), тоже въ прозѣ и стихахъ, оригинальныя и переводныя вещи. При этомъ надо отмѣтить ту особенность харьковскихъ сборниковъ, что въ нихъ, именно въ названныхъ изданіяхъ «Трудовъ» и «Опытовъ», находится много переводовъ изъ польскихъ поэтовъ и подражаній имъ, не говоря уже о французскихъ и др. Далѣе въ хронологическомъ порядкѣ заслуживаютъ вниманія такія же изданія, появившіяся въ другихъ городахъ. Въ Вильнѣ были изданы въ одномъ томѣ «Опыты въ русской словесности воспитанниковъ гимназій Бѣлорусскаго Учебнаго округа, напечатанные по приказанію г. Министра Народнаго Просвѣщенія» (1836. 8°, 525 стр.). Это сборникъ въ прозѣ и стихахъ, имѣющій отношеніе и къ мѣстной исторіи и этнографіи, интересный по составу, несмотря на то, что здѣсь найдете и такія заглавія статей, какъ: «Философскій взглядъ на перо»[2]), или «Философическій взглядъ на классную доску». Нѣсколько позднѣе появились тоже съ мѣстнымъ интересомъ «Опыты въ русской словесности воспитанниковъ Варшавскаго Учебнаго округа, напечатанные по распоряженіи г. Министра Народнаго Просвѣщенія» (С.-Петербургъ, 1851, 8°, 129 стр.). Здѣсь рядъ интересныхъ статей посвящены мѣстной исторіи, этнографіи, естественнымъ наукамъ и пр.; есть и переводы съ польскаго. Статьи не лишены и теперь живого

---

1) Я знакомъ съ этимъ изданіемъ за 1817—20 и 1822 года.

2) Въ этой статьѣ есть указанія на ученическій рукописный журналъ при Виленскомъ Дворянскомъ институтѣ 1880 г. г., подъ назв. «Бездѣлки».

интереса. Такого же приблизительно характера и вышедшія нѣсколько раньше «Прозаическія сочиненія учениковъ Иркутской гимназіи» (Спб. 1836. 8°, 307 стр.), не лишенныя мѣстнаго и общаго интереса. Въ Одессѣ, по примѣру другихъ городовъ, издана была въ 1852 г. книга «Трудовъ студентовъ Ришельевскаго Лицея» (73+76 стр.). Здѣсь между прочимъ есть серьезная работа о рѣкахъ Геродотовой Скиѳіи. Наконецъ, изъ столичныхъ изданій этого рода выдѣляются своею серьезностью и объемомъ сборники Главнаго Педагогическаго Института, изъ которыхъ мнѣ извѣстны два выпуска 50-хъ г. г., а именно: «Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института шестого выпуска» (Спб. 1852. 8°, 312 стр.) и «Опыты историко-филологическихъ и физико-математическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института седьмого выпуска» (Спб. 1853. 8°, около 500 стр.). Здѣсь уже встрѣчаемъ серьезныя изслѣдованія и по философіи, и по славистикѣ, и по всеобщей литературѣ, и по другимъ наукамъ, но совсѣмъ уже отсутствуютъ стихотворные опыты.

Такъ изъ первоначальнаго вида литературныхъ альманаховъ, обычныхъ въ старое время, эти изданія постепенно превращаются въ серьезно-научныя, отражая на себѣ послѣдовательные успѣхи нашей образованности и давая дѣйствительно «повсемѣстное извѣстіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», какъ сказано было въ цитированномъ выше проспектѣ перваго министерскаго «Періодическаго Сочиненія»[1]).

Не безполезно и теперь иногда заглянуть въ эти ученическія и студенческія работы. Какъ это ни странно, но отъ нихъ вѣетъ

---

1) Я не останавливаюсь на подобныхъ изданіяхъ по духовному вѣдомству, какъ болѣе спеціальныхъ, хотя они начали появляться еще съ конца XVIII вѣка, какъ при Духовныхъ Академіяхъ въ столицахъ, въ Кіевѣ и Казани подъ загл. «Опыты упражненій» и т. п., такъ и при семинаріяхъ, напр. «Разныя сочиненія Тверской семинаріи», два вып., 1785 и 1787 г. г., «Разныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ Вятской семинаріи» (Москва, 1807) и др. Труды воспитанниковъ казанской Духовной Академіи до послѣдняго времени издавались въ «Миссіонерскомъ Сборникѣ».

такою свѣжестью, какую теперь не всегда найдешь въ ученической тетрадкѣ или студенческомъ сочиненіи. Мало того, даже современный изслѣдователь можетъ найти въ нихъ иногда полезное для себя, какъ это мнѣ извѣстно по личному опыту.

Кое-какими данными, извлеченными изъ нѣкоторыхъ поименованныхъ сборниковъ, я намѣренъ воспользоваться, поскольку они могутъ быть интересны для изученія писателей.

Остановлюсь прежде всего на Виленскомъ изданіи «Опытовъ въ русской словесности воспитанниковъ гимназій», гдѣ содержатся нѣкоторыя данныя, относящіяся къ Пушкину.

Судя по предисловію, вошедшіе въ этотъ сборникъ стихотворные и прозаическіе «опыты» гимназистовъ были написаны не позднѣе весны 1838 г., потому что осенью этого года, при началѣ ученія, они уже были представлены объѣзжавшему въ это время округъ министру гр. Уварову въ доказательство того успѣха, какого достигло русское слово втеченіе четырехъ лѣтъ со времени введенія въ тамошнихъ школахъ преподаванія на русскомъ языкѣ (кажется, съ 1834 г.).

Весьма естественно, что впечатлѣніе отъ безвременной кончины Пушкина, погибшаго только за годъ передъ этимъ, а можетъ быть даже и меньше, было еще очень сильно въ русскомъ обществѣ, и это впечатлѣніе ярко отразилось на сочиненіяхъ юныхъ бѣлорусскихъ писателей.

Смерть Пушкина была событіемъ изъ ряда выходящимъ, и этому событію отводится видное мѣсто въ этой книгѣ: въ отдѣлѣ стихотвореній (числомъ ихъ 28) вторымъ номеромъ послѣ «Гимна Богу» въ Державинскомъ духѣ стоятъ стихи «На смерть Пушкина», написанные ученикомъ Минской гимназіи А. Керсновскимъ и въ свое время, кажется, не безызвѣстные[1]). Не считая нужнымъ вторично воспроизводить ихъ здѣсь, я хотѣлъ обратить

---

1) В. В. Каллашъ перепечаталъ это стихотвореніе съ нѣкот. измѣненіями въ правописаніи и знакахъ въ своей книгѣ «Русскіе поэты о Пушкинѣ» (М. 1899, стр. 93), отнеся его неизвѣстно почему къ 1837 г., хотя оно могло быть написано и въ началѣ 1838 г.

вниманіе на другое стихотвореніе въ этой книгѣ, написанное ученикомъ той же Минской гимназіи и, весьма возможно, навѣянное кончиною Пушкина, умершаго приблизительно за годъ передъ этимъ. Это предположеніе поддерживается отчасти и характеромъ оплакиваемаго поэта, напоминающимъ характеръ Пушкина нѣкоторыми чертами, и его ранней кончиной, а наконецъ и отношеніемъ къ нему свѣта.

Приведемъ это стихотвореніе цѣликомъ.

Могила поэта.

Я вижу камень гробовой,
Обросшій мхомъ, уединенный,
Непосѣщаемый, забвенный,
Покрытый дикою травой.
Чей прахъ столь чуждъ вниманья свѣта?
— То прахъ несчастнаго Поэта!..
Любимецъ музъ! вотъ жребій твой!..
Конецъ надеждамъ и мечтаньямъ;
Конецъ мученьямъ и страданьямъ!
Рожденный съ пламенной душой,
Ты бурей смятъ, какъ цвѣтъ прибрежной;
И лишь вступилъ въ борьбу съ судьбой,
Убитый раннею тоской
Простился съ жизнью неземной [1])
На свѣтѣ семъ, гдѣ все земное?
Хотѣлъ ты въ гордости своей,
Чтобъ просвѣтить слѣпыхъ людей?
Что за мечтаніе пустое!
Они живутъ, какъ жили прежде,
А ты, довѣрчивый надеждѣ,
Живыхъ страстей, мечтаній полнъ,
Изчезъ во мглѣ житейскихъ волнъ!

1) Повидимому, этотъ стихъ испорченъ; вм. «неземной» можетъ быть, стояло другое слово (въ рифму съ «прибрежной»), напр. «мятежной», не понравившееся начальству.

И чтожъ? Твоя жъ могуча сила
Твой духъ внезапно сокрушила!
Безъ славы, жалости и слезъ,
Ты скрытъ подъ тѣнію березъ—
И дружелюбная рука
Не бросила на прахъ цвѣтка! [1])
Но будь спокоенъ, сирый прахъ,
Ты не останешься забвенный!
Я вижу—Геній вдохновенный,
Склонивъ главу, съ слезой въ очахъ(,)
Мстя гордости людской и злобѣ,
Бѣлѣетъ на священномъ гробѣ.

Г. Зенковичъ. Мин. Гимн.

Обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ сборникѣ и то обстоятельство, съ какой охотой и любовью различные авторы этихъ литературныхъ опытовъ цитируютъ стихи Пушкина, то въ видѣ эпиграфовъ, то въ текстѣ своихъ сочиненій. Въ то время какъ здѣсь лишь кое-гдѣ попадаются двѣ-три цитаты изъ Державина, Жуковскаго, Козлова, Бенедиктова,—Пушкинъ цитируется болѣе десяти разъ. Это одно нагляднѣе показываетъ, какъ читался Пушкинъ уже тогда гимназистами, и какъ они высоко его цѣнили, называли его произведенія «звѣздами изящнаго небосклона» (стр. 106), величали его безсмертнымъ (стр. 450) и помѣщали его имя на Русскомъ Парнасѣ наряду съ именами Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитріева, Батюшкова, Жуковскаго и др., которые «не менѣе приносятъ чести Россіи, какъ и великіе поэты древняго и новаго Рима—Италіи» (стр. 275, 131, 288).

---

1) Эти четыре стиха, можетъ быть, намекаютъ на обстоятельства похоронъ Пушкина, тѣло котораго, во избѣжаніе всякихъ манифестацій, было увезено изъ Петербурга въ полночь, ночью же вывезено изъ Пскова въ Святогорскій монастырь, и даже могилу для него копали ночью, а похоронили на разсвѣтѣ (См. «Современникъ» 1837 г., т. V: «Послѣднія минуты Пушкина» и «Письмо Жуковскаго къ С. Л. Пушкину», стр. XVII—XVIII).

Неудивительно, что неожиданная трагическая смерть этого любимаго поэта какъ громомъ поразила молодыхъ его поклонниковъ, что̀ и сказалось въ ихъ юношескихъ «опытахъ», о которыхъ мы говоримъ. Юноши вспоминаютъ о Пушкинѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Описываетъ ли гимназистъ природу, войну, или собственныя чувства, онъ цитируетъ подходящій стихъ или цѣлые куплеты изъ Пушкина. Въ одной статьѣ виленскій гимназистъ Квинта описываетъ холмистую мѣстность Понары въ окрестности Вильны, противопоставляетъ ей Кавказъ— и мысль его быстро переносится къ тому, кто такъ плѣнительно-хорошо описывалъ эту страну. «Кавказъ—-и въ памяти вашей воскресаютъ цѣлые вѣка... Кого не носили эти хребты на высотахъ своихъ, отъ дикаго сына равнинъ Азійскихъ—до образованнаго питомца Европы; отъ страшнаго горца съ неотразимой шашкою—до мирнаго поэта Сѣвера съ вдохновенною его лирою. И теперь еще какъ бы въ ушахъ звучитъ сладкая пѣснь чернокудраго барда Николаева вѣка:

«Кавказъ подо мною! одинъ въ вышинѣ»...

И т. д.—цитируется шесть стиховъ этого стихотворенія («Кавказъ»), послѣ чего авторъ съ искренностью неподдѣльнаго чувства заключаетъ свое невольное отступленіе такой фразой: «Грустно думать, что нѣтъ болѣе пѣвца Руслана и Людмилы» (стр. 449). Эта фраза, очевидно, вылилась подъ свѣжимъ и сильнымъ впечатлѣніемъ недавней кончины поэта.

Гимназическое начальство, не смотря на то, что Пушкинъ, конечно, еще не входилъ въ гимназическій курсъ литературы, не только не запрещало читать произведенія молодого поэта—новатора, но и поощряло къ этому, напримѣръ, устройствомъ литературныхъ вечеровъ изъ произведеній Пушкина. Такъ, виленскій гимназистъ И. Каминскій въ формѣ письма къ своему другу излагаетъ свои впечатлѣнія отъ одного изъ такихъ вечеровъ (стр. 295—299):

«Любезный другъ!»

«Ты не можешь вообразить(,) съ какимъ бы удовольствіемъ провелъ я съ тобою нѣсколько минутъ и передалъ бы тебѣ свѣжія впечатлѣнія души моей. Я увѣренъ, ты раздѣлилъ бы со мною вполнѣ дѣтскія мои думы. Но тебя нѣтъ со мною, и мнѣ остается говорить съ тобою на бумагѣ. Я сей часъ только возвратился съ Литературнаго своего вечера. Много было тамъ занимательнаго для ума и воображенія, но на меня особенное впечатлѣніе произвела сказка Пушкина: *о рыбакѣ и золотой рыбкѣ*[1]). Вотъ въ краткихъ словахъ ея содержаніе»... Передается содержаніе сказки на двухъ страницахъ, а затѣмъ авторъ долго резонируетъ на тему неудовлетворенности человѣческихъ желаній: «Какъ живо эта игра воображенія представляетъ усиленіе страстей человѣческихъ. Не такъ ли всѣ мы, не успѣвъ удовлетворить одному желанію, замышляемъ тысячи другихъ и не рѣдко дѣлаемся несчастными ихъ жертвами», и т. д. Живымъ примѣромъ, доказывающимъ справедливость этихъ мыслей автора, служитъ ему Наполеонъ, который неоднократно вспоминается въ «опытахъ».

А вотъ и другое письмо къ другу виленскаго же гимназиста С. Ляховича, посвященное непосредственно темѣ *«о смерти Пушкина»* и написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія (стр. 286—289):

«Любезнѣйшій другъ!»

«Съ слезами на глазахъ, съ глубокою горестію въ сердцѣ я долженъ извѣстить тебя, ежели ты еще не знаешь, о томъ, что облекло всю Россію въ трауръ, что вытиснуло слезу изъ глазъ Державнаго, что(,) подобно электрической искрѣ, потрясло сердце всѣхъ Россіянъ, и раздалось(,) какъ громовое эхо, по всему протяженію обширной Имперіи, отъ Балтійскаго до Чернаго и Ледовитаго морей.

«Чтожъ это такое? ты будешь спрашивать и быстро пробѣгать эти строки, чтобы скорѣе узнать горькое несчастіе, опла-

1) Курсивъ подлинника.

киваемое Россiею?... Не спѣши(,) другъ мой! И такъ уже слишкомъ рано это извѣстiе доходитъ до насъ, къ чему разрушать сладкое очарованiе, къ чему спѣшить погрузить сердце въ печаль и оросить слезами глаза?

«Такъ, горькое несчастiе постигло насъ, умеръ тотъ,

....Чей стихъ былъ данъ намъ въ сладость(,)
Кѣмъ гордился Русской край.

Умеръ великiй поэтъ Россiи—умеръ Пушкинъ!!..

Умеръ Пушкинъ!.. Нѣтъ поэта!
Лучезарная звѣзда
Закатилась навсегда
Для рыдающаго свѣта!
Блескъ лучей ея исчезъ,
И несытая могила
Безвозвратно поглотила
Эго лучшее свѣтило
Нашихъ пасмурныхъ небесъ!!..»

Къ послѣднимъ стихамъ имѣется глухая выноска: *Рахманный*, показывающая, что они принадлежатъ другому автору, намъ почти неизвѣстному, равно какъ неизвѣстно и то стихотворенiе, изъ котораго взятъ этотъ эпиграфъ. Врядъ ли оно было посвящено Пушкину. Этого имени мы не находимъ и въ спецiальныхъ юбилейныхъ собранiяхъ стихотворенiй, посвященныхъ Пушкину, каковы названный выше сборникъ *В. В. Каллаша* и другой съ такимъ же названiемъ *М. Н. Араловой* (Спб. 1899. 8° стр. 73+0+4). Имя Рахманнаго одинъ разъ встрѣтилось мнѣ въ «Современникѣ» 1837 г., томъ VII, гдѣ напечатано его стихотворенiе, написанное въ 1830 году, подъ заглавiемъ «Прощанiе съ Москвою», состоящее изъ шести частей и начинающееся такъ:

(Ч. I) Прощай, Россiи голова,
Первопрестольная, родная,
Семисотлѣтняя Москва!..

(Ч. V) А я надолго
Въ ряды полка—въ враждебный край
Спѣшу отсель невольникъ долга...[1]) и т. д.

Затѣмъ, около того-же времени имя Рахманнаго попадается нѣсколько разъ въ «Библ. для Чт.» 1836—37 г. г. (т. XVIII, XIX, XXI, XXIII и XXV), какъ автора нѣсколькихъ повѣстей, частью изъ военнаго быта, и одного стихотворенія, отличнаго отъ вышеприведенной цитаты. По указанію Карцова и Мазаева (Опытъ словаря псевдон.), подъ именемъ Рахманнаго писалъ Н. Н. Веревкинъ.

Но вернемся къ статьѣ ученика Ляховича. Послѣ цитированныхъ стиховъ Рахманнаго онъ продолжаетъ свое дружеское письмо о Пушкинѣ уже въ нѣсколько иномъ тонѣ, съ вѣрою въ будущее, хотя и не можетъ сразу отдѣлаться отъ гнетущаго чувства.

«Онъ умеръ,—пишетъ авторъ дальше,—но труды его безсмертны. Мраморные или чугунные памятники, воздвигнутые въ честь его, падутъ нѣкогда и исчезнутъ съ лица земли, но поэтическія созданія его переживутъ всѣ перевороты въ мірѣ.

«Однакожъ рано скончался онъ и для себя, и для свѣта, и для Русской Литературы. Россія ожидала еще многаго отъ него; она видѣла въ немъ исполина, но еще исполина въ первомъ возрастѣ силъ, она ожидала его возмужалости. Но неумолимая судьба, не внимая плачу Россіи, пресѣкла всѣ ожиданія и надежды, и смерть острою косою своей скосила одинъ изъ первыхъ цвѣтовъ и украшеній Русскаго Парнасса.

«Но утѣшься, священная тѣнь великаго пѣвца, утѣшься! Россія(,) никогда не помрачавшая себя неблагодарностію, и теперь не помрачится ею, она умѣетъ награждать и малѣйшіе

---

1) Стр. 331—338. Повидимому, рѣчь идетъ о походѣ въ Польшу для усмиренія мятежа.

труды[1]). Драгоцѣнное сердцу твоему, оставленное тобою на землѣ, призрѣно Державнымъ Покровителемъ: ты самъ еще былъ тому свидѣтелемъ, на смертномъ твоемъ ложѣ. «Твои дѣти будутъ вмѣстѣ и моими», изрекъ тебѣ Великій Отецъ Россіи.

«Онъ сказалъ — и сдѣлалъ. Такъ, другъ мой, дѣти великаго поэта приняты подъ сѣнь покровительства Великаго Государя и осыпаны милостями.

«Но я занимаю тебя, любезнѣйшій другъ, лишними обстоятельствами. Пораженный страшною вѣстію, ты не можешь и не въ состояніи дочитать письма моего. Такъ, смѣшай свои слезы со слезами всей Россіи и принеси дань праху поэта, — плачь о томъ, о которомъ справедливо можно было сказать съ Жуковскимъ:

«Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою,
Но въ мірѣ семъ минутный гость онъ былъ;
Едва разцвѣлъ — и жизнь ужъ разлюбилъ;
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою.
И рано встрѣтилъ онъ конецъ,
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы;
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый(,)
Бѣдный пѣвецъ!»

Мы не ошибемся, если предположимъ, что чувства, выраженныя въ этой статьѣ по поводу кончины Пушкина, являлись вѣрнымъ отраженіемъ чувствъ всѣхъ юношей, знакомившихся съ такою любовью съ произведеніями молодого поэта уже съ гимназической скамьи.

Нельзя не отмѣтить здѣсь одинъ случай, указывающій на своего рода игру судьбы. Въ эпиграфѣ только что изложенной

1) Въ предисловіи къ изданію между прочимъ сказано, что и авторы этихъ «опытовъ», по приказанію министра, были награждены золотыми и серебряными медалями (стр. II).

статьи уч. Ляховича, посвященной кончинѣ Пушкина, стоитъ слѣдующее четверостишіе въ ложноклассическомъ стилѣ:

Надъ кѣмъ(,) при унылымъ тамъ лика стенаньи,
Синклитъ совершаетъ обрядъ гробовой?
При томномъ тимпановъ и флейтъ воздыханьи,
Чей прахъ предается утробѣ земной?

Это отрывокъ изъ какого-то стихотворенія Лобанова, имя котораго и подписано подъ эпиграфомъ. Не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, что подъ этимъ именемъ разумѣется лицо, бывшее одно время, такъ сказать, литературнымъ врагомъ или даже соперникомъ Пушкина, по поводу чего считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Состоя членомъ Россійской Академіи (преобразованной впослѣдствіи, въ 1841 г. во II-е Отдѣленіе Имп. Академіи Наукъ), а въ 1840-хъ годахъ и ординарнымъ академикомъ по каѳедрѣ русскаго языка и словесности, наконецъ, незадолго до смерти управляющимъ Румянцовскимъ Музеемъ, Михаилъ Евстаф. Лобановъ (1787—1846) былъ врагомъ новаго романтическаго направленія въ литературѣ, называлъ его вмѣстѣ съ Загоскинымъ «помойнымъ потокомъ», примкнулъ къ кружку Шишкова и въ періодъ отечественной войны и позднѣе сочинилъ цѣлый рядъ торжественныхъ патріотическихъ одъ и элегій въ ложно-классическомъ духѣ; мало того, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ Пушкинскаго «Бориса Годунова», онъ издалъ въ 1835 г. свою трагедію того же названія, начатую имъ въ 1825 г. Изъ иностранной литературы онъ переводилъ произведенія французскихъ ложноклассиковъ, каковы драмы «Федра», «Ифигенія» Расина, «Заира» Вольтера [1]), изъ древнихъ—Ѳеокрита. Особенно любопытенъ тотъ фактъ, что Россійская Академія, какъ будто въ видѣ протеста Пушкину, присудила Лобанову

1) Есть указанія, что «Заира» переведена имъ совмѣстно съ другими.

премію за его трагедію «Борисъ Годуновъ»[1]). На почвѣ отношеній къ ложноклассицизму и романтизму произошло у него столкновеніе съ Пушкинымъ. Лобановъ произнесъ въ торжественномъ собраніи Академіи (18 янв. 1836 г.) рѣчь подъ заглавіемъ: «Мнѣніе о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной», въ которой онъ говорилъ объ упадкѣ нравовъ въ Россіи, громилъ въ связи съ этимъ новую иностранную и русскую романтическую литературу за ея «безнравіе» и «нелѣпость», и требовалъ усиленія цензуры, навязывая эту роль академикамъ. Пушкинъ возражалъ ему въ своемъ «Современникѣ» пространнѣе самой статьи Лобанова, утверждая между прочимъ, что тлетворное вліяніе французской литературы на русскую слишкомъ преувеличено почтеннымъ академикомъ, и что въ частности русская новая «поэзія осталась чужда вліянію Французскому; она болѣе и болѣе дружится съ поэзіею Германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики»[2]).

Послѣдняя фраза вполнѣ гармонируетъ съ общими взглядами Пушкина на независимость поэта, высказанными имъ неоднократно. Еще въ томъ же 1836 году, незадолго до смерти, онъ такъ формулировалъ эту мысль въ своемъ «Памятникѣ»:

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна.
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Въ другой статьѣ своей Пушкинъ такъ опредѣлилъ отношеніе русскихъ къ новой французской литературѣ: «Француз-

---

1) Иначе отнеслись къ нему, правда, гораздо раньше, въ Москвѣ: когда по просьбѣ Гнѣдича Лобановъ былъ предложенъ въ члены Общества Любителей россійской словесности, то присутствующіе члены заявили, что такого не знаютъ, и предложеніе было отклонено. (См. письмо Каченовскаго къ Гнѣдичу 14 апр. 1818 г. «Р. Арх.» 1868, 971).

2) «Современникъ» 1836 года, т. III, статья: «О мнѣніи М. Лобанова», стр. 101

скую литературу одни приняли съ дѣтскимъ энтузіазмомъ.... другіе безотчетно поносили ее, а между тѣмъ сами писали во вкусѣ той же школы, еще съ большими несообразностями»[1]). Послѣднее можно отчасти примѣнить и къ Лобанову, который поносилъ французскую литературу, а самъ же поклонялся французскимъ ложноклассикамъ, и наоборотъ, въ своемъ «Борисѣ Годуновѣ» отказался отъ классическаго закона трехъ единствъ, какъ бы уступая новому вѣянію. Академики въ родѣ Лобанова, президента Шишкова и др., указывая на то, что Академіи «ввѣрена стражба чистоты отечественнаго языка и соединенной съ нею народной нравственности», патетически взывали другъ къ другу: «Итакъ, съ ревностію Неемін, да станетъ каждый изъ насъ противу сей словесной и нравственной заразы», причемъ они возлагали единственную надежду на то, что «Господь, податель и хранитель чистоты душъ и сердецъ, благодатію своею благопоспѣшитъ (этому) полезному ревнованію»[2]). Пушкинъ искалъ спасенія для русской литературы только въ здравой, серьезной критикѣ и вѣрилъ въ ея силу. Что же касается роли Академіи въ дѣлѣ цензуры, то Пушкинъ довольствуется только однимъ пожеланіемъ: «чтобы Россійская Академія... ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ[3]), а недостойныхъ—наказывая однимъ невниманіемъ». (Соврем. 1836, III, стр. 106).

Въ послѣднихъ словахъ какъ будто сквозитъ укоръ и самой Академіи, которая оказываетъ вниманіе такимъ ораторамъ, какъ

---

1) О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г. г. «Соврем.» 1836 г., I, 219.

2) «Труды Россійской Академіи», ч. III (1840), стр. 17—18. Статья Кочетова: «О пагубныхъ послѣдствіяхъ пристрастія къ чужеземнымъ языкамъ».

3) Покровительство дѣйствительно выражалось со стороны Академіи не только нравственное, напр., избраніемъ въ члены (самъ Пушкинъ былъ избранъ въ члены Академіи 7 января 1833), но и матеріальное—присужденіемъ медалей и выдачей гонорара за лучшія сочиненія членовъ и постороннихъ лицъ, а также и назначеніемъ пособій.

Лобановъ и другіе изъ Шишковской компаніи, и въ своихъ стѣнахъ выслушиваетъ подобныя рѣчи и «мнѣнія о духѣ словесности».

Могъ ли предполагать Пушкинъ, что когда-нибудь имя того самаго Лобанова будетъ красоваться въ эпиграфѣ статьи, съ такимъ чувствомъ оплакивающей кончину самого поэта! Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось доискаться, изъ какого именно стихотворенія взято четверостишіе этого эпиграфа, и какъ оно попало въ руки минскаго гимназиста. Собранія сочиненій Лобанова не существуетъ; его оды и элегіи печатались большею частью отдѣльными брошюрами. Но такъ какъ это былъ поэтъ-патріотъ, то, вѣроятно, его стихи заучивались въ школахъ въ свое время, особенно на западной окраинѣ, гдѣ такъ ревностно внѣдряли патріотизмъ. Подтвержденіемъ этому служитъ между прочимъ то, что даже въ «Учебной книгѣ русской словесности» Н. Греча (2-е изд. 1830 г., ч. III, стр. 154) помѣщено въ качествѣ образца стихотвореніе Лобанова подъ названіемъ «Ожиданіе Царя», посвященное Александру I и начинающееся такъ:

Ѣздилъ Русскій Бѣлый Царь,
Православный Государь,
Изъ своей земли далеко
Злобу поражать.

Такихъ строфъ десять. Это стихотвореніе, вѣроятно, черезъ военную среду, перешло въ народъ и считается народною пѣснею. Мнѣ удалось записать эту пѣсню (еще не напечат.) съ голосомъ отъ старухи изъ Пошехонья. Московскій музыкантъ А. Л. Масловъ записалъ ее въ другомъ варіантѣ и съ другимъ напѣвомъ въ Ливенск. уѣздѣ Орловск. губ.[1]), и вообще эта пѣсня довольно

---

1) Запись г. Маслова издана въ «Школьномъ Сборникѣ русскихъ нар. пѣсенъ», изданномъ Московскою Музыкально-Этнографическою Коммиссіею. Москва, 1904 г., в. I, стр. 37, № 52.

популярна и до сихъ поръ [1]). Въ этомъ эпизодѣ мы встрѣчаемся съ извѣстнымъ фактомъ, наблюдавшимся въ то переходное время нашей литературы: убѣжденный классикъ пишетъ подражаніе русской народной пѣснѣ. То же повторилось и съ И. И. Дмитріевымъ и нѣкоторыми другими.

Я закончу эпизодъ съ академикомъ Лобановымъ перечнемъ его литературныхъ произведеній, считая это небезполезнымъ, такъ какъ сочиненія этого писателя, въ свое время небезъизвѣстнаго, бывшаго учителемъ Имп. Александры Өедоровны по русской словесности и состоявшаго между прочимъ въ тѣсной дружбѣ съ Крыловымъ, Гнѣдичемъ и др., не только не изданы въ полномъ собраніи, хотя на изданіе ихъ Лобановъ получилъ въ свое время пособіе отъ Академіи въ размѣрѣ 5000 р. [2]), но и не приведены въ полную извѣстность нашими библіографами, не исключая и новаго изданія Геннади. То, что мнѣ удалось извлечь путемъ различныхъ справокъ по этому предмету, привожу приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ:

1. Ода Россійскому воинству. Генваря 1 дня 1813 года. (Ценз.: Генваря 13 дня 1813 г.). Спб., 1813. 16⁰, 15 страницъ.

2. Элегія при гробѣ князя Смоленскаго. Спб. 1813. 8⁰, 7 стр.

3. Пѣснь на взятіе Парижа. 19 марта 1814 г. Спб. 1816. 4⁰.

4. Ожиданіе Царя. (Пѣсня, напечат. съ его именемъ во 2-мъ изданіи «Учебной книги русской словесности», Н. Греча, Спб. 1830, ч. III, стр. 154; въ другихъ изданіяхъ этой книги названнаго стихотворенія нѣтъ).

5. Ода на прибытіе Императора Александра I іюля 13 дня 1814 г. Спб. 1814. 4⁰.

---

1) Безсоновъ въ изданіи «Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ» (вып. 10, стр. 193—194) приводитъ нѣсколько строкъ этого стихотворенія, называетъ его «извѣстнымъ сочиненіемъ», но не указываетъ, кому оно принадлежитъ.

2) См. Сухомлинова, «Исторія Россійской Академіи», вып. VII, стр. 370

6. Хоръ. Спб. 8°, 2 стр. (ценз.: 2 Генв. 1816 г.), съ примѣчаніемъ въ концѣ: «Сей хоръ былъ пѣтъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ 2 Генваря 1816 года при открытіи мраморнаго бюста Государю Императору Александру I». Четыре 4-стишія. Нач.: «Ликуй Петрополь восхищенный» [1]).

7. Посланіе къ русскимъ писателямъ. (Стихотвореніе, читанное въ торжеств. собраніи Имп. Публичной Библіотеки января 2, 1816 г. Напеч. въ «Сынѣ Отеч.» 1816 г. № 2, стр. 73 — 77).

8. Элегія на кончину Софіи Дмитріевны Нарышкиной. Спб. 1824. 8°, 6 страницъ.

9. Ода Его Величеству Императору Николаю Первому 6 декабря 1826 г. Спб. 1826. 8°. 8 стр.

10. Гимнъ Государю Императору Николаю Павловичу, январь, 1826. Спб. 8° [2]).

11. Элегія на кончину Государыни Имп. Маріи Θеодоровны. Спб. 1828. 8°. 7 стр. (Напечатано было 100 экз.).

12. Къ орлу Россіи. (Ода 1828 г., напеч. въ «Повременномъ Изданіи Имп. Рос. Академіи», ч. I, 1829, стр. 235—237).

13. Истина. (Стихотвореніе, помѣч. 22 авг. 1827 г., напечат. въ «Трудахъ Имп. Рос. Акад.», ч. I, 1840, стр. 146—148).

14. Къ портрету побѣдителя. (Четверостишіе, повидимому въ честь гр. Паскевича съ помѣткою подъ нимъ: 1832 г.; напечатано только въ 1842 г. въ «Сынѣ Отеч.». 1842 г., № 10, отд. III, стр. 1.

15. Волшебница. Переводъ изъ Θеокрита. (Напеч. въ «Сынѣ Отеч.» 1842 г., № 2, стр. 1—6, за подписью: М. Л., но принадлежность этого перевода Лобанову подтверждается его письмомъ къ Гнѣдичу 9 дек. 1827 г., гдѣ эта 2-я идиллія Θеокрита именуется «Чародѣйка», греч. Φαρμακεύτρια. См. Ист. Вѣстн. 1880, т. II, стр. 679).

---

1) Лобановъ служилъ помощникомъ библіотекаря въ Имп. Публичной Б—кѣ 1813—1841 г.

2) Не то ли же самое, что подъ № 9?

16. Ифигенія въ Авлидѣ, траг. въ 5 д., Расина. Пер. съ франц. Спб. 1815. 8⁰. (Отрывки этого перевода печатались предварительно въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго слова» въ 1813 г., чтеніе XIII, стр. 39—52).

17. Федра, траг. въ 5 д., Расина. Перев. съ франц. Спб. 1823. 8⁰. (Отрывокъ «Смерть Ипполита» напеч. въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г.).

18. Борисъ Годуновъ, трагедія въ 5 д. Спб. 1835. 8⁰. (Увѣнчана преміей отъ имени Росс. Академіи въ собраніи 31 авг. 1835 г.[1]).

19. «Михаилъ Никитичъ Романовъ. Землянка близъ села Нырова. 1602 г.». (Драмат. сцены по Исторіи Карамзина, т. 11, стр. 99—105. Напеч. въ сборникѣ Смирдина «Новоселье» 1833 г., стр. 223—230).

20. Мнѣнія о духѣ и (sic) Словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Читано въ собраніи Академіи 18 Янв. 1836 года, въ присутствіи Его Свѣтлости Принца Ольденбургскаго. (Напеч. въ «Трудахъ И. Росс. Академіи», ч. III, 1840 г., стр. 89—97).

21. Выставка Академіи Художествъ 1833 г. Спб. 1833, 8⁰, 55 стр. (Изъ «Жур. Мин. Внутр. Д.» 1833 г., кн. 12-я)[2]).

22. Жизнь и сочиненія Никол. Ив. Гнѣдича (Напеч. въ «Трудахъ И. Росс. Акад.», ч. V, 1842 г., стр. 26—91, и въ «Сынѣ Отеч.» 1842, т. I, стр. 1—32; перепечатано позднѣе, по смерти автора, въ брошюрѣ подъ загл.: «Жизнеописанія Гомера и переводчика его Иліады на Россійскій языкъ, Гнѣдича», Спб. 1867, 8⁰).

23. Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова. Спб. 1847. 8⁰, 84 стр. (Изъ «Сына Отеч.» 1847 г., т. I, стр. 1—84).

---

1) См. Сухомлинова, «Исторія Россійской Академіи», вып. VII, стр. 59.

2) Статья прозаическая, отчетъ о картинахъ. А. О. Круглый, напечатавшій часть переписки Лобанова съ Н. И. Гнѣдичемъ и М. Н. Загоскинымъ (Ист. Вѣстн. 1880, т. II, стр. 666—709), замѣчаетъ, что Лобанову принадлежатъ «нѣсколько статей въ прозѣ», но какія это статьи, помимо вышеупомянутаго отчета, намъ неизвѣстно.

Далеко не всѣ перечисленныя сочиненія можно найти въ обширныхъ библіотекахъ Москвы (Румянц. Музея, Истор. Музея и Моск. университета), и у меня не было въ рукахъ тѣхъ произведеній, которыя поименованы здѣсь подъ №№ 5 и 10. Нѣкоторыя изъ его сочиненій остались, повидимому, ненапечатанными. Такъ, напр., въ его перепискѣ упоминаются неизвѣстныя намъ:

24. Родогунна. (Трагедія, не игранная и на сценѣ, написанная для знаменитой артистки Семеновой).

25. На рожденіе вел. кн. Константина Николаевича.

Объ этихъ двухъ сочиненіяхъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 9 дек. 1827 г. «Истор. Вѣстн.» 1880, т. II, стр. 678—679.

Кромѣ того, помимо перечисленныхъ произведеній, Н. И. Гречъ въ своемъ «Опытѣ краткой исторіи русской литературы» (Спб. 1822, стр. 336) замѣчаетъ о М. Е. Лобановѣ, что имъ написаны еще:

26. Ода на войну 1812 года.

27. Элегія на смерть графа А. П. Строганова.

28. Пѣснь Русскому Царю.

29. Ода на прибытіе Государя Императора изъ Парижа.

При этомъ однако Гречъ не даетъ никакихъ ближайшихъ указаній на мѣсто и время изданія названныхъ имъ четырехъ произведеній, да и самыя названія ихъ, повидимому, не точны, и нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, представляютъ лишь видоизмѣненное повтореніе указанныхъ мною выше[1]). Элегію на смерть Строганова мнѣ не приходилось видѣть, и объ ней другихъ упоминаній нѣтъ. При названіи «Пѣснь Русскому Царю» Гречъ дѣлаетъ ссылку на свою «Учебную книгу Росс. словесности», ч. III, стр. 177; тамъ, дѣйствительно, напечатано стихотвореніе съ этимъ заглавіемъ, но принадлежащее несомнѣнно

1) Такъ № 29, вѣроятно нѐ что иное, какъ вышеозначенное подъ № 5.

Жуковскому и съ его фамиліей, что усиливаетъ подозрѣнія насчетъ точности показаній Греча. Во всякомъ случаѣ наберется не менѣе 25 сочиненій, безспорно принадлежащихъ М. Е. Лобанову, не считая перевода «Заиры» Вольтера, сдѣланнаго имъ при участіи другихъ.

Біографическія свѣдѣнія о немъ крайне скудны и тоже не всѣ использованы библіографами. Кромѣ вышеупомянутой замѣтки Греча, о немъ было упоминаніе въ «Сѣверной Пчелѣ» 1846 г. № 127 (извѣстіе о его смерти 5 іюня, 6½ строкъ на первой страницѣ); въ «Моск. Вѣдом.» 1896 г. отъ 5 іюня Д. Д. Языковъ помѣстилъ краткую замѣтку по поводу 50-лѣтія со дня его смерти. Краткія упоминанія о немъ дѣлаетъ Сухомлиновъ въ своей «Исторіи Росс. Академіи», главнымъ образомъ по поводу его рѣчи «Мнѣнія о духѣ словесности» и присужденія ему преміи за трагедію «Борисъ Годуновъ»[1]). Въ старой литературѣ критическія замѣчанія о его стихотворствѣ мы встрѣчаемъ, напр., въ «Библіогр. Запискахъ» 1858 г., гдѣ помѣщенъ отрицательный отзывъ Пушкина о переводѣ «Федры»; наоборотъ, хвалебный отзывъ — въ безыменномъ (приписываемомъ Гнѣдичу) «Письмѣ о переводѣ и представленіи трагедіи Ифигенія въ Авлидѣ». Это письмо отмѣчено въ библіографіи Смирдина подъ № 6374 въ видѣ отдѣльной брошюры (Спб. 1815. 8°), также и у Геннади, но мнѣ не удалось ее разыскать. О личности и литературной дѣятельности Лобанова, помимо вышеупомянутой переписки (Ист. Вѣстн. 1880, т. II, стр. 666) съ замѣчаніями г. Круглаго, есть интересныя данныя въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля (IV). Краткая оцѣнка Лобанова, какъ писателя, дана Бѣлинскимъ (1835 г.) по поводу его «Бориса Годунова» и А. Марлинскимъ въ статьѣ «Взглядъ на старую и новую словесность» (въ собр. соч.) по поводу его переводовъ. Наконецъ, въ новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона помѣщена безымен-

---

1) Сухомлиновъ, op. c., вып. VIII, стр. 358—359; вып. VII, стр. 59 и 370.

ная замѣтка о М. Е. Лобановѣ, не дающая полной библіографіи его трудовъ[1]).

На этомъ маленькомъ экскурсѣ объ акад. Лобановѣ мы покончимъ съ виленскимъ изданіемъ ученическихъ работъ и перейдемъ теперь къ другому старинному сборнику литературныхъ опытовъ, на этотъ разъ уже не гимназическихъ, а студенческихъ.

Я разумѣю «Опыты въ сочиненіяхъ студентовъ Имп. Харьковскаго университета», т. I (и единственный). Харьковъ, въ университ. типографіи, 1846. 8°, 332 стр. Сборникъ этотъ исключительно прозаическій и преимущественно историческій. Единственная статья, касающаяся русской литературы, носитъ названіе: «Поэтъ Кольцовъ и его стихотворенія». Соч. *Александра Юдина*[2]) (стр. 217—236). Въ концѣ статьи имѣется примѣчаніе, что она была написана до выхода въ свѣтъ полнаго собранія стихотвореній Кольцова, и потому не претендуетъ на полноту характеристики поэта и его произведеній. Авторъ, очевидно, могъ пользоваться только первымъ изданіемъ (Стихотворенія А. Кольцова. Москва, 1835 г.), которое выпущено было на средства, собранныя членами кружка Станкевича[3]), и куда вошло всего 18 стихотвореній, тогда какъ лучшія произведенія Кольцова относятся ко второй половинѣ 30-хъ годовъ. Но прочтите только первыя строки статьи студента Юдина, и вы пой-

---

1) Портретъ Лобанова, написанный Кипренскимъ, былъ на выставкѣ картинъ въ Академіи Художествъ одновременно съ извѣстнымъ портретомъ Пушкина того-же художника. (См. письмо Лобанова къ Гнѣдичу отъ 28 сент. 1827 г., Ист. Вѣстн. 1880, т. II, стр. 674). Опять судьба ихъ соединила вмѣстѣ.

2) Объ этомъ авторѣ сообщилъ свѣдѣнія Де-Пуле въ своемъ біогр. очеркѣ Кольцова. («Др. и Нов. Россія», 1878 г).

3) Если не считать тѣхъ стихотвореній Кольцова, которыя нѣкій литераторъ Сухачевъ напечаталъ въ Москвѣ еще въ 1830 г., но подъ своей фамиліей. См. брошюрку: «Листки изъ записной книжки Василія Сухачева». Москва. 1830 г. 8⁰, 22 стр. Въ числѣ 12 стихотв. здѣсь находимъ 2 стих. Кольцова, напечатанныя съ искаженіями и безъ всякой оговорки («Приди ко мнѣ» и пѣсня: «Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный»).

мете, что, не смотря на вышеуказанныя причины ея неполноты, она должна имѣть живой интересъ.

«Бывъ довольно хорошо знакомъ съ покойнымъ поэтомъ,— пишетъ авторъ,—я намѣренъ представить краткое свѣдѣніе о его жизни и сказать нѣсколько словъ о его стихотвореніяхъ».

Свѣдѣнія о жизни Кольцова, изложенныя здѣсь на четырехъ-пяти страницахъ, дѣйствительно, кратки, но спеціалистъ найдетъ здѣсь нѣкоторыя любопытныя черты помимо того, что̀ общеизвѣстно, потому что это писано не по книгамъ, не съ чужихъ словъ, а на основаніи личнаго знакомства съ поэтомъ. Повидимому, автору были извѣстны по рукописи и другія стихотворенія Кольцова, помимо вошедшихъ въ изданіе 1835 г. По крайней мѣрѣ, такъ можно думать какъ на основаніи вышеуказаннаго заявленія о личномъ знакомствѣ съ поэтомъ, такъ и на основаніи слѣдующихъ его словъ: «Кольцовъ написалъ много стихотвореній, изъ которыхъ не всѣ напечатаны» (стр. 220). И въ другомъ мѣстѣ: «Есть еще много пѣсенъ Кольцова, нигдѣ не напечатанныхъ. Но онѣ большею частью не выдержаны и обнаруживаютъ еще незрѣлость поэта. Алексѣй Васильевичъ писалъ ихъ въ ранней молодости» (стр. 236). Мы знаемъ, что при первомъ изданіи стихотвореній Кольцова Станкевичемъ былъ сдѣланъ очень строгій выборъ изъ представленной ему «увѣсистой» тетради. Весьма естественно предположить, что, зная лично Кольцова, Юдинъ знакомъ былъ и съ этой тетрадью, а можетъ быть, и съ другими [1]).

Но я остановился на этой статьѣ, имѣя прежде всего въ виду не столько Кольцова, сколько Пушкина, чтобы извлечь отсюда еще нѣкоторыя подробности, могущія заинтересовать собирателей Puschkinian'ъ.

Рѣчь идетъ здѣсь между прочимъ о знакомствѣ Кольцова съ

1) Черновыя тетради Кольцова описаны Малыхинымъ въ «Отеч. Запискахъ» 1867 г., т. 170. Варіанты стиховъ, цитируемыхъ Юдинымъ, имѣютъ разночтенія съ другими рукописями.

Пушкинымъ. Объ этомъ студентъ Юдинъ разсказываетъ слѣдующее (стр. 220—221):

«По выходѣ въ свѣтъ небольшой книжки его стихотвореній, онъ былъ по дѣламъ своего отца въ Москвѣ, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ литераторомъ Бѣлинскимъ, который далъ ему рекомендательное письмо въ Петербургъ къ нынѣшнему издателю Отечественныхъ Записокъ, г. Краевскому. Краевскій представилъ его Жуковскому, а этотъ послѣдній всѣмъ литераторамъ, бывшимъ у него въ то время на литературномъ вечерѣ. Кольцовъ былъ принятъ всѣми, какъ нельзя радушнѣе; въ особенности обласкали его князь Одоевскій и князь Вяземскій. Пушкинъ тогда не былъ у Жуковскаго; но, узнавъ о пріѣздѣ Кольцова, онъ пригласилъ его къ себѣ. Разныя хлопоты по дѣламъ отца и, какъ самъ Кольцовъ признавался, какая-то боязнь мѣшали ему явиться къ Пушкину; наконецъ, получивъ вторичное приглашеніе, Кольцовъ пришелъ къ нему».

«Это было незадолго до смерти Пушкина. Кольцовъ говорилъ, что видъ его былъ поразителенъ: худой, черный, со впалыми глазами и со всклоченными волосами, онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Множество книгъ и груды рукописей лежали предъ нимъ. Казалось, говорилъ Кольцовъ, Пушкинъ предчувствовалъ свою близкую кончину и спѣшилъ воспользоваться краткимъ временемъ, назначеннымъ ему судьбою, трудился день и ночь, никуда не выѣзжалъ и никого къ себѣ не принималъ, исключая самыхъ короткихъ своихъ друзей».

«Едва Кольцовъ сказалъ ему свое имя, какъ Пушкинъ схватилъ его за руку и сказалъ: «Здравствуй, любезный другъ! Я давно желалъ тебя видѣть».

«Кольцовъ пробылъ у него довольно долго, и потомъ былъ у него еще нѣсколько разъ. Онъ никому не говорилъ, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ Пушкинымъ, и когда разсказывалъ о своемъ свиданіи съ нимъ, то погружался въ какое-то размышленіе».

Перечитывая эти немногія строки незатѣйливаго разсказчика, такъ живо представляешь себѣ Пушкина за литературной рабо-

той, его внѣшность, его манеру, потомъ такъ переживаешь эту торжественную минуту первой встрѣчи двухъ великихъ поэтовъ, какъ будто самъ присутствуешь при этомъ. Эта сцена достойна кисти художника, чтобы быть изображенною на полотнѣ со всей реальностью обстановки. По крайней мѣрѣ, она такое впечатлѣніе производитъ на меня лично своею правдивостью, и не думаю, чтобы это чувство было слишкомъ субъективнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ невольно хочется глубже вникнуть въ смыслъ сообщаемыхъ подробностей и дать себѣ отвѣтъ на нѣкоторые приходящіе на мысль вопросы.

Когда произошло описанное здѣсь свиданіе Пушкина съ Кольцовымъ въ Петербургѣ? Послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія (1835) стихотвореній Кольцова, какъ замѣчаетъ Юдинъ. По указанію другихъ, это было, именно, въ 1836 г. Слѣдовательно — дѣйствительно не задолго до смерти Пушкина, какъ замѣчено выше. Относительно мѣста встрѣчи поэтовъ біографы Кольцова обыкновенно разсказываютъ, что Жуковскій принялъ участіе въ Кольцовѣ, у Жуковскаго же, на его литературныхъ вечерахъ, Кольцовъ познакомился со многими писателями, въ томъ числѣ и съ Пушкинымъ. Студентъ Юдинъ, какъ мы видѣли, со словъ самого Кольцова, сообщаетъ нѣсколько иныя подробности, и мы не имѣемъ основанія ему не вѣрить[1]). Что Кольцовъ не сразу рѣшился пойти на приглашеніе Пушкина, это вполнѣ понятно при томъ высокомъ уваженіи, какое онъ питалъ къ Пушкину, какъ это засвидѣтельствовано и въ воспоминаніяхъ Тургенева и др. Бѣлинскій такъ отзывается объ его отношеніяхъ къ Пушкину: «Съ особеннымъ чувствомъ воспоминалъ онъ всегда о радушномъ и тепломъ пріемѣ, который оказалъ ему тотъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть, какъ божество какое-нибудь,—Пуш-

---

1) Нѣкоторое сомнѣніе вызываетъ дата, которою начинается статья Юдина: «Въ 1843 году скончался въ Воронежѣ поэтъ Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ». Общепринятой, повидимому, документальной датой смерти Кольцова признается 19 окт. 1842 г.

кипъ. Почти со слезами на глазахъ разсказывалъ намъ Кольцовъ объ этой торжественной въ его жизни минутѣ». Нельзя не пожалѣть о томъ, что Юдинъ не вывѣдалъ у Кольцова подробностей его бесѣдъ съ Пушкинымъ. Мы бы имѣли тогда передъ глазами не только картину Пушкина за рабочимъ столомъ, но и отголосокъ тѣхъ вопросовъ, какіе его въ данный моментъ занимали.

Надъ чѣмъ въ самомъ дѣлѣ, такъ напряженно «день и ночь» въ это время работалъ Пушкинъ? Какими это рукописями былъ заваленъ его письменный столъ? И что значитъ эта фраза: «никуда не выѣзжалъ и никого къ себѣ не принималъ»? Свидѣтельствуетъ ли она только объ интенсивности литературныхъ занятій, для которыхъ поэтъ забывалъ и друзей, даже пріемы у Жуковковскаго, или здѣсь содержится косвенное указаніе и на нравственное состояніе Пушкина, въ какомъ онъ находился передъ близкой роковой развязкой? Вспомнимъ, что уже въ ноябрѣ этого года онъ писалъ Геккерену по поводу получаемыхъ имъ анонимныхъ писемъ и въ то же время извѣщалъ Бенкендорфа, что будетъ принужденъ принять рѣшительныя мѣры.

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти точнаго указанія, когда именно и какъ долго Кольцовъ жилъ въ Петербургѣ въ первый пріѣздъ, и въ какомъ мѣсяцѣ онъ первые свидѣлся съ Пушкинымъ. Вѣроятно, это произошло вообще въ первой половинѣ 1836 года. Во-первыхъ, уже во 2-мъ томѣ «Современника», вышедшемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года, появилось стихотвореніе Кольцова «Урожай». Можно предполагать, что въ бесѣдѣ Пушкина съ Кольцовымъ одной изъ темъ было сотрудничество въ журналѣ. Во-вторыхъ, по датамъ нѣкоторыхъ писемъ Кольцова видно, что онъ былъ въ Петербургѣ весной 1836 г., пріѣхавши туда изъ Москвы. Такъ, напр., два письма Бѣлинскому, писанныя Кольцовымъ изъ Петербурга въ Москву, датированы — одно: «3 марта 1836. Питеръ», другое: «21 марта 1836. «Питеръ». Во второмъ письмѣ, не смотря на свое заявленіе, что онъ проводитъ время, «шатаясь полупраздный по улицамъ Петербурга», въ концѣ онъ прибавляетъ: «Вѣроятно въ Питерѣ я проживу Святую». Изъ новостей

литературныхъ его интересовала слѣдующая: «Слышно на Ѳоминой въ понедѣльникъ дадутъ на театрѣ комедію Гоголя, новую; всѣ заняты ею». Рѣчь идетъ, очевидно, о «Ревизорѣ», первое представленіе котораго на Александринской сценѣ состоялось 19 апрѣля 1836 года. Пасха въ этомъ году была 29 марта, и очень возможно, что Кольцовъ пробылъ Пасху въ Петербургѣ. Присутствовалъ ли онъ на первомъ представленіи «Ревизора», на этотъ счетъ я не припомню указаній. Но уже съ мая мѣсяца и далѣе его письма къ разнымъ лицамъ датируются изъ Воронежа (22 мая—кн. Вяземскому, 22 и 28 Краевскому, 2 іюля Краевскому и друг., 20 ноября Бѣлинскому, 27 ноября Краевскому, 9 декабря Ѳ. Н. и А. П. Глинкамъ, посѣтившимъ его въ Воронежѣ). При томъ же и Пушкинъ въ маѣ мѣсяцѣ этого года жилъ въ Москвѣ и работалъ въ иностранномъ архивѣ.

Сопоставляя эти данныя, приходимъ къ заключенію, что свиданіе поэтовъ состоялось въ промежуткѣ времени отъ начала марта до половины апрѣля.

Нравственное состояніе Пушкина было уже тогда не важное. Несомнѣнно, что распространявшіяся уже въ большомъ свѣтѣ сплетни, приведшія наконецъ къ дуэли, заставляли его нерѣдко избѣгать встрѣчъ и собраній (хотя еще 29 декабря 1836 года онъ въ послѣдній разъ присутствовалъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ), и онъ старался отвлечься и забыться отъ этихъ мучившихъ его дрязгъ въ усиленной работѣ, «трудился день и ночь», по замѣчанію Кольцова.

Одной изъ такихъ напряженныхъ работъ поэта въ 1836 г. было редактированіе и изданіе «Современника». Это былъ первый годъ существованія его журнала. Не говоря уже о хлопотахъ изъ-за разрѣшенія на изданіе, Пушкинъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы сразу поставить журналъ на должную высоту, и положилъ на него массу труда. Начиная съ перваго тома, вышедшаго въ мартѣ 1836 г., тутъ напечатанъ цѣлый рядъ его собственныхъ поэтическихъ произведеній, правда, отчасти написанныхъ раньше (Пиръ Петра Перваго, Скупой Рыцарь, Родо-

славная моего героя, Полководецъ, Капитанская дочка, Путешествіе въ Арзрумъ); кромѣ того, въ томъ же I т. напечатано нѣсколько большихъ критическихъ и историко-литературныхъ статей (О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ. О мнѣніи М. Лобанова—отвѣтъ на его академическую рѣчь, объ исторіи Пугачевскаго бунта — отвѣтъ на рецензію въ «Сынѣ Отеч.», янв. 1835), статьи о Россійской Академіи, о Французской Академіи и другія, не всегда имъ подписанныя [1]); наконецъ, отзывы о новыхъ книгахъ [2]), редакціонныя статьи, отвѣты и т. п. Какъ извѣстно, Пушкинъ прилагалъ особенно много стараній къ тому, чтобы въ своемъ журналѣ создать серьезную литературную критику, которая до того времени почти отсутствовала или, по выраженію «Современника», составляла «позоръ русской литературы» [3]), но это стоило большого труда; ему самому тутъ пришлось больше всего работать и слѣдить не только за русской, но и иностранной литературой. Словомъ, мы видимъ здѣсь передъ собою настоящаго редактора, какимъ, по мнѣнію Пушкина, долженъ быть редакторъ литературнаго журнала, разсчитывающаго на успѣхъ. Разбирая современныя періодическія изданія и останавливаясь на «Московскомъ Наблюдателѣ», Пушкинъ указываетъ, что «вошло въ обычай у насъ на лѣнивой Руси... постановлять только почетнаго редактора», который «видѣнъ былъ только на заглавномъ листкѣ». Такъ и въ названномъ журналѣ, по мнѣнію Пушкина, «не было видно никакой

---

1) Можно, кажется, не сомнѣваясь приписать здѣсь Пушкину, напр., тѣ статьи, въ которыхъ трактуется о состояніи русской литературы, перечисляются ея современные представители, но имя Пушкина систематически отсутствуетъ. Нѣкоторыя изъ его статей печатались и послѣ его смерти въ «Современникѣ», продолженіе котораго взяли на себя его друзья, удерживая за нимъ названіе Пушкинскаго.

2) Напр., о «Вечерахъ» Гоголя, о сочиненіяхъ Георгія Конискаго, о запискахъ А. Дуровой, имъ издаваемыхъ, о корреспонденціи Вольтера, о сочиненіяхъ Сильвіо Пеллико, о Ѳракійскихъ элегіяхъ Теплякова, о Словарѣ о святыхъ, и др.

3) «Современникъ», 1836 г., т. II, стр. 207, въ статьѣ: «О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ», подписанной С. Ѳ.

сильной пружины, которая управляла бы ходомъ всего журнала». Имя редактора (Андросова) было почти неизвѣстно «чисто литературной» публикѣ. «Литературныя мнѣнія его были неизвѣстны. Въ этомъ состояла большая ошибка издателей. Они позабыли, что редакторъ всегда долженъ быть виднымъ лицемъ. На немъ, на оригинальности его мнѣній, на живости его слога, на общепонятности и общезанимательности языка его, на постоянной свѣжей дѣятельности его основывается весь кредитъ журнала». Когда же въ журналѣ «незамѣтно никакой современной живости, никакого хлопотливаго движенія», когда въ немъ нѣтъ «разнообразія, необходимаго для изданія періодическаго», то такой журналъ, естественно, не можетъ разсчитывать на вниманіе и сочувствіе публики [1]). Всѣмъ изложеннымъ требованіямъ, предъявляемымъ редактору, несомнѣнно, въ высокой степени удовлетворялъ самъ Пушкинъ, какъ по своему живому темпераменту и живой, отзывчивой натурѣ, такъ и по своей широкой образованности и высокому литературному таланту. Но, конечно, не смотря на эти рѣдкія достоинства редактора, веденіе серьезнаго журнала, особенно въ то время, было далеко не легко и требовало напряженной работы, свидѣтелемъ которой, вѣроятно, и былъ Кольцовъ при своемъ свиданіи съ Пушкинымъ. Тѣ рукописи, которыя Кольцовъ видѣлъ у него на столѣ, могли быть не только какія-нибудь непремѣнно древнія, но также редакціонныя въ видѣ статей, предназначенныхъ и предлагаемыхъ для журнала, а книги—быть можетъ, тѣ, какія поступали въ редакцію, и о которыхъ Пушкинымъ давались отзывы въ журналѣ, или же только дѣлались упоминанія о выходѣ ихъ въ свѣтъ.

Но эта живая редакціонная работа и занятія современной литературой и критикой, однако, не совсѣмъ цѣликомъ поглощали Пушкина. Онъ продолжалъ въ то же время интересоваться и стариной. Мы знаемъ даже, что именно въ этомъ же 1836 году

---

1) «Современникъ» 1836 г., т. I, стр. 211—212. Статья о движеніи журнальной литературы.

въ маѣ онъ выѣзжалъ въ Москву для занятій въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этомъ же году окончательно отдѣлана имъ историческая повѣсть «Капитанская дочка», помѣченная 19 октября 1836 года и напечатанная въ IV томѣ «Современника» того же года, вышедшемъ 11 ноября (помѣтка цензора). Еще не мало его заботила также въ это время его «Исторія Пугачевскаго бунта». Въ 1833 году она была запрещена цензурой, но Пушкинъ не переставалъ о ней думать. Не далѣе какъ только въ предшествовавшемъ 1835-мъ году онъ добился разрѣшенія прочесть Пугачевское дѣло. Въ апрѣлѣ 1836 г. онъ пишетъ статью о Радищевѣ; въ октябрѣ извѣстное письмо къ Чаадаеву по поводу его «Философическаго письма», изъ-за котораго былъ закрытъ «Телескопъ». Словомъ, параллельно съ редактированіемъ журнала Пушкинъ въ 1836 году продолжалъ занятія исторіей, литературой, критикой, не оставлялъ и поэзіи: въ августѣ имъ написанъ «Памятникъ» и въ разное время еще цѣлый рядъ другихъ поэтическихъ произведеній: «Молитва», Лицейская годовщина «19 октября 1836 г.» и др. Приведя все это на память, мы убѣждаемся въ полной правдоподобности отзыва Кольцова и въ правдивости того впечатлѣнія о напряженномъ и усиленномъ трудѣ Пушкина, какое вынесъ Кольцовъ отъ перваго свиданія съ обожаемымъ имъ поэтомъ.

Остановимся еще на двухъ-трехъ подробностяхъ статьи А. Юдина, касающихся самого Кольцова и мало использованныхъ его біографами.

О наружности Кольцова и его характерѣ А. Юдинъ въ своихъ воспоминаніяхъ сохранилъ слѣдующія черты: «Кольцовъ былъ роста небольшого, бѣлокуръ, лицо имѣлъ круглое, глаза голубые[1]). Съ незнакомыми онъ былъ какъ-то вялъ, говорилъ

1) По показаніямъ Краевскаго, Кольцовъ имѣлъ русые волосы и сѣрые глаза. См. Де-Пуле, Біогр. очеркъ Кольцова, гл. IV (Др. и Нов. Рос. 1878, № 4, стр. 325).

протяжно и большею частью о предметахъ обыкновенныхъ; напротивъ, съ тѣми, которыхъ онъ хорошо зналъ и которые умѣли ему сочувствовать, онъ являлся совсѣмъ другимъ, былъ живъ и любилъ горячо поспорить» (стр. 222). Далѣе еще такая подробность: «Свои стихотворенія онъ читалъ другимъ рѣдко. Въ чтеніи его замѣтна была какая-то пѣвучесть; онъ декламировалъ медленно, но съ чувствомъ» (стр. 223).

Истинное творчество Кольцовъ чувствовалъ въ хорошемъ писателѣ и умѣлъ его цѣнить. Онъ понималъ глубину и силу Шекспира, не получивъ литературнаго образованія, въ то время какъ многіе наши болѣе его образованные писатели, академики грезили еще о ложно-классикахъ. «Однажды, — разсказываетъ Юдинъ, — читая при мнѣ нѣкоторыя сцены изъ Шекспировской драмы «Ромео и Джульетта», переведенной Катковымъ, особенно прочелъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ сцену, представляющую свиданіе Ромео и Джульетты ночью, въ саду Капулетти. Окончивъ чтеніе, онъ вскричалъ: «Вотъ былъ истинный поэтъ! а мы что?» (стр. 222).

Но если мастерство Шекспира казалось для него недосягаемымъ, если сила чувства и глубина мысли англійскаго поэта несравнимы съ Кольцовскими, то все-таки за поэзіей Кольцова остается то преимущество, что это поэзія непосредственнаго, искренняго чувства, которое переживалось поэтомъ глубоко, оставляя неизгладимый слѣдъ на его поэзіи. Оттого-то онъ и не любилъ выступать съ чтеніемъ своихъ стиховъ: они были для него воплощеніемъ той или иной пережитой минуты раздумья или чувства, а нельзя переживать все это вновь по заказу.

Не менѣе сильно, чѣмъ высокая поэзія, дѣйствовала на Кольцова и музыка [1]).

«Однажды, — разсказываетъ Юдинъ, — въ Москвѣ, въ кон-

---

1) Его отзывы о музыкѣ и театрѣ есть въ письмахъ, напр. къ Бѣлинскому, февр. 1838 г.

цертѣ, слушая игру Серве [1]), онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Тотчасъ послѣ концерта онъ выбѣжалъ въ другую залу и тамъ экспромтомъ написалъ въ своей записной книжкѣ прекрасное стихотвореніе: «Міръ Музыки» [2]).—Этотъ реальный комментарій въ данномъ случаѣ очень важенъ. Самъ Кольцовъ не зналъ музыки и, повидимому, не игралъ ни на какомъ инструментѣ. Хотя въ этой статьѣ объ этомъ ничего не сказано, но изъ писемъ мы видимъ, напр., какъ Кольцовъ, заслушиваясь пѣніемъ народныхъ пѣсенъ, сѣтуетъ на незнаніе нотъ, чтобы записать мотивы.

Мы подошли здѣсь къ одному изъ тѣхъ моментовъ въ жизни Кольцова, который мало освѣщенъ въ литературѣ, а между тѣмъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться. Много говорилось о близости пѣсенъ Кольцова къ народнымъ. Но какъ же самъ Кольцовъ относился къ народной поэзіи, насколько онъ ею интересовался?

Въ своей статьѣ А. Юдинъ вкратцѣ характеризуетъ Кольцова, какъ этнографа, собирателя русскихъ народныхъ пѣсенъ. Свѣдѣнія объ этомъ имѣемъ теперь и въ напечатанныхъ письмахъ Кольцова, но въ 40-хъ годахъ Юдинъ первый возвѣстилъ объ этомъ, указалъ на важность этого занятія поэта, высказалъ опасенія за судьбу собранныхъ Кольцовымъ пѣсенъ и сообщилъ нѣкоторыя типичныя подробности этого дѣла, начатаго, какъ здѣсь сказано, по инициативѣ Жуковскаго. «Патріархъ русскихъ поэтовъ, — читаемъ на страницѣ 223—224 харьковскихъ «Опытовъ», — посѣтилъ Кольцова въ его домѣ во время проѣзда своего черезъ Воронежъ съ Государемъ Наслѣдникомъ. Здѣсь поручилъ онъ Кольцову собирать народныя пѣсни. Послѣдній имѣлъ особенный даръ заставлять поселянъ высказывать всѣ пѣсни, какія имъ извѣстны. Онъ обыкновенно сперва подчивалъ ихъ водкой, потомъ самъ начиналъ пѣть пѣсни, и, растрогавши такимъ обра-

---

1) Извѣстный віолончелистъ (Adr.-Fr. Servais) и музыкальный писатель, пріѣхавшій въ первый разъ въ Россію въ 1839 г.

2) Оно датируется: Москва 20 іюня 1839 г. Вечеръ музыкальный у Боткина. См. Соч. Кольцова, изд. «Сѣвера», подъ ред. А. Лященка, стр. 58 и 229.

зомъ ихъ чувства, заставлялъ ихъ пѣть самихъ. Весьма жаль, — заключаетъ авторъ, — если собранныя имъ пѣсни не будутъ напечатаны, тѣмъ болѣе, что онъ собралъ ихъ довольно большое количество» (стр. 224).

Изъ писемъ Кольцова мы знаемъ, что не одинъ Жуковскій направлялъ его дѣятельность въ эту сторону, но и другія лица, особенно Краевскій, издатель «Отечественныхъ Записокъ». Ему Кольцовъ пишетъ изъ Воронежа 16 іюля 1837 года: «Теперь, съ горя, принялся, какъ говорили вы мнѣ, собирать русскія народныя пѣсни». Выходитъ такъ, что на собираніе пѣсенъ Кольцова направилъ Краевскій письменно или при свиданіи. Очень возможно, что Кольцову въ бытность его въ Петербургѣ въ предшествующемъ году, говорилъ объ этомъ Краевскій, а можетъ быть и Пушкинъ, самъ также собиравшій пѣсни. Жуковскій, по указанію въ только что цитированномъ письмѣ Кольцова, видѣлся съ нимъ въ Воронежѣ 7 іюля 1837 года и, конечно, могъ поощрить его въ начатомъ имъ уже раньше собираніи пѣсенъ, могъ поинтересоваться тѣмъ, что уже было собрано имъ, или дать какіе-нибудь совѣты и указанія на счетъ этого. Только такъ и можно понимать замѣчаніе Юдина объ участіи въ этомъ дѣлѣ Жуковскаго, потому что съ Краевскимъ Кольцовъ гораздо раньше началъ сношенія по вопросу о собираніи народной поэзіи. Объ этомъ онъ писалъ Краевскому уже 12 февраля 1837 г. изъ Воронежа, причемъ оказывается, что первые опыты были имъ сдѣланы надъ собираніемъ пословицъ, присказокъ и прибаутокъ, а потомъ уже дѣло дошло до пѣсенъ. Образцы своихъ записей онъ посылаетъ неоднократно къ тому же Краевскому, даже спрашиваетъ у него совѣта, какъ и что записывать, и сожалѣетъ, что не умѣетъ записывать напѣвы.

«Посылаю при семъ, помѣстите куда-нибудь, — пишетъ онъ 12 февраля 1837 г. — Я собралъ нѣсколько пословицъ, но не знаю, какія именно мнѣ записывать: какія попало, или какихъ нѣтъ у Богдановича и Снѣгирева — «Русскіе въ своихъ пословицахъ». Если кромѣ ихъ, то собирать трудно, и мало (пословицъ) разбро-

сано въ людяхъ. Для совѣта я приведу ихъ въ порядокъ и, если велите, пришлю къ вамъ [1]). А пѣсни, если и волочатся, то просто всѣ безпутныя, изъ нихъ посылаю вамъ посмѣяться при семъ».

Однако изъ дальнѣйшихъ писемъ видно, что онъ потомъ увлекся собираніемъ пѣсенъ, а присказки, повидимому, бросилъ, тѣмъ болѣе, что, пославъ ихъ Краевскому, онъ долго не получалъ на свою посылку отвѣта. «Присказками-то я васъ уже употчивалъ, — пишетъ онъ ему 16 іюля 1837 г., — чай не захотите въ другой разъ: больно солоно! Что вы до сихъ поръ не сказали объ нихъ ни слова? Да, кажется, никогда не скажете ничего».

Далѣе онъ подробнѣе и согласно съ показаніями Юдина сообщаетъ о своемъ способѣ записыванія пѣсенъ и о результатахъ этой работы.

«Послѣ присказокъ я теперь собираю народныя пѣсни, и ужъ собралъ немножко. Это дѣло, кажется, лучше. Вотъ изъ нихъ одна[2]). Посмотрите, если она хороша, помѣстите гдѣ-нибудь, а нѣтъ — въ огонь! Перегоритъ да выгоритъ, такъ лѣтъ черезъ сто будетъ славная пѣсня. Впрочемъ, скажу вамъ, не ждите: въ нашемъ народѣ лучше этой-то и нѣтъ. Я ихъ переслушалъ много, да все, знаете ль, такая дрянь, что уши вянутъ: похабщиной биткомъ набиты. Стыдно сказать, какъ нашъ русскій простой народъ бранчивъ. Если же онѣ вамъ приглянутся, — напишите, я ихъ еще къ вамъ пришлю: есть въ сумкѣ про запасъ, собирать буду. Но ужъ какая скука ихъ собирать! Съ этими людьми, ребятами,

1) Но, кажется, не посылалъ: въ Воронежской Публичной Библіотекѣ хранится рукопись: «Русскія пословицы, поговорки, прирѣчья и присловья, собираемыя Алексѣемъ Кольцовымъ». Пословицы, записанныя Кольцовымъ, были напечатаны въ «Воронежской Бесѣдѣ» 1861 г. и затѣмъ онѣ были включены въ собраніе покойнаго М. А. Дикарева, напечатанное въ «Воронежскомъ Сборникѣ» 1891 г. подъ его редакціей.

2) О какой пѣснѣ идетъ рѣчь — неизвѣстно. Изъ его записей въ бумагахъ Краевскаго (въ Имп. Публичной Библіотекѣ) сохранились двѣ пѣсни (одна историческая — про Ваньку-Ключника, другая циничная — «Гаврило») и два неприличныхъ анекдота, съ его припиской: «И вотъ какія глупости слышны въ народѣ безпрестанно». (См. соч. Кольцова въ изд. «Сѣвера», примѣч. на стр. 239).

сначала надобно сидѣть, балясничать, потомъ поить ихъ водкой и пить съ ними самому зачередъ; потомъ начать самому, пропѣть пѣсни двѣ. Я пѣть большой мастакъ! Если бы кто послушалъ, нахохотался бы до сыта, по горлушко. Потомъ они затянутъ, ты съ ними же, пишешь и поешь! Пріѣзжайте, послушайте, любезнѣйшій Андрей Александровичъ! Ей Богу смѣшно: черевушки порвете! А иначе ничего не подѣлаешь, — хоть брось. Только я за нихъ принялся крѣпко: что хочешь дѣлай, а пѣсни пой, намъ надобны!»

Мы видимъ, что сначала Кольцовъ какъ бы неохотно взялся за дѣло, и дѣлаетъ его словно по заказу, недоволенъ и самими пѣснями, а потомъ, когда дѣло это его завлекло, онъ, повидимому, не нашелъ поддержки и былъ предоставленъ самому себѣ. Онъ предлагаетъ прислать въ Петербургъ собраніе пословицъ, проситъ совѣта и руководства, но отвѣта не получаетъ; посылаетъ пѣсни — молчатъ.

Онъ опять пишетъ Краевскому 28 іюля того же 1837 года: «Не получая отвѣта на посланную вамъ пѣсню, теперь посылаю другую. Отвѣтъ мнѣ вашъ нуженъ въ теперешнее время потому болѣе, что я, какъ вамъ уже писалъ, принялся собирать русскія народныя пѣсни пристально. Но, можетъ быть, онѣ вамъ понравятся, или нѣтъ, какія бы нужно собирать; слѣдственно, трудъ мой будетъ въ такомъ случаѣ совершенно напрасенъ; а ихъ собирать и копотно, и трудно; притомъ мнѣ, безъ вашихъ наставленій, самому потрафить трудно. Въ Воронежѣ не то, что въ Петербургѣ. Тамъ показалъ тому-другому, выслушалъ и, благословясь, валяй впередъ! Здѣсь не то...» [1]).

Но, повидимому, въ Петербургѣ и думать перестали объ его этнографическихъ опытахъ и мало ими интересовались. По крайней мѣрѣ, пѣсни его записи нигдѣ не печатались, какъ и опа-

---

1) Далѣе описывается подробно исполненіе одной хороводной игры съ пѣснею: «Ты стой моя роща!» и въ концѣ заключеніе: «Эта пѣсня удивительно какъ хороша на голосъ; жаль, что я не умѣю положить голоса».

сался Юдинъ. А между тѣмъ любовь къ народной пѣснѣ въ самомъ поэтѣ все росла. Прислушавшись къ ней въ разныхъ обстоятельствахъ, онъ понялъ ея жизненное значеніе и уже не отзывался, какъ на первыхъ порахъ, что всѣ народныя пѣсни — «дрянь». Въ пѣснѣ онъ сталъ усматривать тѣсную связь съ народной жизнью и находить въ ней отраженіе жизненныхъ условій. Въ 1839 году, вслѣдствіе засухъ Воронежскому краю грозилъ голодъ. Поля, горѣлыя степи, по свидѣтельству Кольцова[1]), наводили на душу уныніе и печаль, и какая рѣзкая перемѣна сказалась во всемъ, даже въ пѣсняхъ! «И теперь, — пишетъ онъ, — поютъ русскія пѣсни тѣ же люди, что пѣли прежде, тѣ же пѣсни, такъ же поютъ: напѣвъ одинъ, а какая въ нихъ, не говоря ужъ грусть, — онѣ всѣ грустны, — а какая то болѣзнь, слабость, бездушье. А та разгульная энергія, сила, могучесть будто бы въ нихъ никогда не бывали».

Вотъ уже какъ судитъ онъ о народной пѣснѣ и какія стороны въ ней замѣчаетъ. Смыслъ пѣсни, ея внутреннее содержаніе были для него на первомъ планѣ, а не внѣшнія тонкости текста, хотя онъ старался записывать возможно точнѣе и отмѣчаетъ, какія бываютъ отступленія при исполненіи. Такъ, посылая Краевскому вышеупомянутую хороводную пѣсню, онъ пишетъ ему: «Надобно замѣтить; такъ, какъ я ее записалъ, она имѣетъ слова точныя изъ слова въ слово, но поютъ въ хороводѣ ее иначе. Всѣ стихи у нихъ повторяются нѣсколько разъ и большею частью перемѣшиваются; и есть при другихъ стихахъ прибавленіе изъ гласныхъ буквъ частицы къ стихамъ, напримѣръ: *о*, *ой*, *оой*, *аой*, *ай-ой*. У меня есть она и этакъ списана и очень вѣрно. Буде угодно, я вамъ пришлю»[2]).

Но это предложеніе, какъ я сказалъ, не встрѣтило того сочувствія, на какое онъ разсчитывалъ, и собиратель оставался

---

1) Письмо къ Краевскому.

2) Письмо къ Краевскому, 28 іюля 1837 г.

въ недоумѣніи. Между тѣмъ вышелъ въ свѣтъ сборникъ пѣсенъ Сахарова; это его еще болѣе подзадорило, не смотря на отрицательное отношеніе критики къ этому сборнику. Имѣя въ виду на первомъ планѣ внутренній смыслъ пѣсни, Кольцовъ въ идеѣ допускаетъ возможность передѣлки и обработки народныхъ пѣсенъ, хотя самъ никогда этимъ не занимался, и даже, по выраженію Юдина, «во всѣхъ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ въ формѣ пѣсенъ, онъ не заимствовалъ выраженій у простого народа; а между тѣмъ каждое выраженіе въ этихъ стихотвореніяхъ проникнуто народнымъ духомъ» [1]). Но чужими обработками народно-пѣсенныхъ мотивовъ и подражаніями пѣснямъ Кольцовъ восхищается, если онѣ дѣйствительно хороши, въ родѣ, напр., Лермонтовской Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ или Пушкинской о Вѣщемъ Олегѣ. «Ахъ какъ хороши въ восьмомъ номерѣ «Записокъ» пять русскихъ пѣсней,— пишетъ онъ Бѣлинскому [2]),—чудо какъ хороши; вотъ ужъ объяденье—такъ объяденье! Я тутъ подозрѣваю Лермонтова, чуть ли не онъ опять проказитъ, какъ въ пѣснѣ Царя Ивана. Кто бы ни былъ,—онъ или нѣтъ,—а все большое спасибо за нихъ, и тому, кто написалъ, и тому кто напечаталъ [3]). Дѣла нѣтъ, что онѣ всѣ изъ старыхъ пѣсней переправлены, да мастеромъ переправлены, молодцомъ. И разборъ пѣсенъ Сахарова, Каткова, чудо какъ хорошъ; меня чрезвычайно какъ настроилъ его

---

1) «Опыты», стр. 236.

2) Письмо отъ 28 октября 1839 г. Подъ «Записками» здѣсь разумѣется журналъ Краевскаго «Отечественныя Записки».

3) Рѣчь идетъ о пяти «русскихъ пѣсняхъ», повидимому, подражательныхъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ V т. «Отеч. Записокъ» 1839 г. и неизвѣстно кѣмъ сочиненныхъ, во всякомъ случаѣ не Лермонтовымъ. Онѣ присланы были въ редакцію П. М. Языковымъ неизвѣстно откуда и по замѣчанію редакціи очень напоминаютъ волжскія народныя пѣсни. Нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ, и, подлинно-народныя, хотя онѣ и не вошли въ собраніе, изданное подъ ред. акад. Соболевскаго, какъ не попали туда и еще нѣкоторыя, напр. двѣ завѣдомо народныя русскія пѣсни, напечат. въ «Сынѣ Отеч.» 1838 г., т. V, сент., стр. 29—30, и мн. др.

разборъ [1]). Чуть ли не всѣ ошибались въ своемъ заключеніи; онъ человѣкъ даже хорошій, и если былъ страненъ тогда, то не потому-ль, что дорòга ему самому была нова».

Эти послѣднія слова въ этотъ моментъ въ устахъ Кольцова для насъ особенно важны. Онъ вѣдь и самъ не менѣе Сахарова былъ новичкомъ въ дѣлѣ собиранія народныхъ пѣсенъ, сознавалъ всю трудность и важность этого дѣла, искалъ поддержки, руководства, думалъ, что къ нему отнесутся внимательнѣе, и самъ относился бережно и снисходительно къ чужимъ недостаткамъ въ подобнаго же рода трудахъ, каковъ былъ не малый по тому времени трудъ Сахарова. Два лица, къ которымъ обращался Кольцовъ съ этимъ дѣломъ, именно Краевскій и Бѣлинскій, занятые — одинъ издательствомъ, расчитаннымъ на барышъ, другой отвлеченными вопросами философіи и эстетики, оказались плохими помощниками ему въ этомъ дѣлѣ. Краевскій не печаталъ пѣсенъ, собираемыхъ Кольцовымъ, а Бѣлинскій затерялъ даже присланную тетрадь съ его записями. Издать же ихъ самому, по примѣру Сахарова, Кольцовъ не могъ за недостаткомъ средствъ. Какъ велико было собраніе Кольцова, нельзя сказать опредѣленно, но можно предполагать, что оно не ограничивалось только тетрадями, посланными имъ Бѣлинскому и Краевскому. Извѣстно, что много бумагъ Кольцова попало на толкучій рынокъ послѣ его смерти. Очень возможно, что тамъ были и тетради съ записями пѣсенъ, и теперь, очевидно, утрачена всякая надежда, чтобы онѣ могли сохраниться гдѣ-нибудь въ частныхъ рукахъ.

Таковъ печальный конецъ этого эпизода въ жизни Кольцова. Опасенія Юдина были не напрасны; они вполнѣ оправдались, и весь этотъ инцидентъ на совѣсти тѣхъ людей, которые могли вò-время спасти отъ забвенія труды поэта въ той области, ко-

1) Обширная статья М. Н. Каткова по поводу изданія «Пѣсенъ русскаго народа» (1838—39) Сахарова напечатана въ «Отеч. Запискахъ» 1839 г., т. IV, №№ 6 и 7, отд. VI, стр. 1—92.

торая еще ждала работниковъ, представляя собою богатыя, нетронутыя залежи народнаго творчества. Богатство этихъ залежей чувствовалось и сознавалось почти всѣми нашими лучшими поэтами: Пушкинымъ, Гоголемъ, Грибоѣдовымъ, Кольцовымъ, Щербиною и др., и многіе изъ нихъ принимались за дѣло собиранія пѣсенъ по собственной своей инціативѣ. Но судьба этихъ собраній въ большинствѣ случаевъ была печальна. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ литературѣ и образованномъ обществѣ интересъ къ народному творчеству возрасталъ. Паломничество Доланги-Ходаковскаго въ поискахъ за народною стариною составило эпоху въ этомъ вопросѣ, объ немъ всюду говорили; старинной русской поэзіи посвящались статьи и цѣлыя книжки съ восторженными похвалами [1]); московскіе славянофилы носились съ русской пѣсней. Но всѣ эти восторги изъ области платонической романтики туго переходили на практику, и собраніе даже близкаго къ славянофильскому кружку Кирѣевскаго, въ значительной части, оставалось неизданнымъ, надолго было забыто и считалось до самаго послѣдняго времени пропавшимъ. Пушкинскія записи, далеко не всѣ попавшія въ собраніе Кирѣевскаго (свадебныя пѣсни), напечатаны недавно [2]). Гоголевское собраніе пѣсенъ, сохранившееся по счастью въ его бумагахъ, только теперь печатается въ Сборникѣ II Отдѣленія Академіи Наукъ. Собраніе Щербины не далѣе какъ въ прошломъ году приведено въ извѣстность, благодаря случайно уцѣлѣвшимъ его бумагамъ [3]). Къ Кольцову судьба оказалась особенно немилостивою: его собраніе пропало, и врядъ ли можно теперь надѣяться, чтобы со-

1) См., напр., книжечку Н. Иванчина-Писарева подъ заглав.: «Взглядъ на старинную русскую поэзію». Москва, 1837, 8 д., 123 стр. Срв. еще болѣе раннюю статью С. Глинки о собраніи Кирши Данилова — въ его «Русск. Вѣстн.» 1809 г.

2) См. «Этнографическое Обозрѣніе», кн. XL—XLI (1899 г. № 1—2). Приложеніе къ статьѣ Всеволода Миллера: «Пушкинъ, — какъ поэтъ-этнографъ», стр. 185—192.

3) См. мою статью «Щербина, какъ этнографъ», въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1907 г. іюль, и дополненіе къ ней г. Лернера (ibid., дек.).

бранныя имъ пѣсни оказались не погибшими и, благодаря какой-либо случайности, нашлись у какого-нибудь любителя поэзіи и народной старины въ какомъ-нибудь домашнемъ архивѣ.

Семейные архивы и домашнія библіотеки прежнихъ временъ представляютъ въ этомъ отношеніи несомнѣнный интересъ для изслѣдователя литературы. Это, конечно, всѣмъ извѣстно, особенно по отношенію къ знаменитымъ архивамъ разныхъ фамилій. Но нерѣдко и въ любой захудалой семьѣ, у зауряднаго обывателя можно встрѣтить любопытныя вещи, возбуждающія или объясняющія тѣ или иные вопросы изъ области литературы. Къ тому, что уже писалось по этому поводу неоднократно, прибавлю еще одинъ примѣръ, стоящій между прочимъ въ связи съ вопросомъ о Puschkinian'ахъ, съ которыхъ я началъ свои замѣтки.

Въ моихъ рукахъ временно находится принадлежавшій нѣкогда семьѣ Бальмонтовъ, а нынѣ преподавателю 7-й московской гимназіи А. Д. Чернову рукописный сборникъ со стихами начала XIX вѣка. Это обычнаго типа семейный альбомъ для вписыванія стиховъ, только не собственнаго сочиненія, а разныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ авторовъ. Форматъ тетрадочной четверки, въ коричневомъ бумажномъ переплетѣ, съ веревочными завязками. Бумага слегка подмочена, съ пятнами отъ закладываемыхъ цвѣтовъ, толстая, шероховатая, желтовато-бѣлаго цвѣта. На бумагѣ водяные знаки: *Ф. К. Н. Г.* и года *1835* и *1836*, которые точнѣе опредѣляютъ дату: тетрадь относится ко времени не ранѣе 1835 — 1836 года; буквы означаютъ фабричную фирму, быть можетъ Гончаровскую, т. е. одного изъ преемниковъ тестя Пушкина, имѣвшаго калужскую бумажную фабрику. Соотвѣтственно указанной датѣ, и стихотворенія, вошедшія въ альбомъ, относятся приблизительно къ тому же времени. Ихъ числомъ 44 (на 67 листахъ), и всѣ писаны одной рукою, причемъ въ началѣ и въ концѣ тетради нѣсколько листовъ пустыхъ. Здѣсь на первомъ планѣ Жуковскій (Алина и Алсимъ, Людмила, Путешественникъ),

Гусаръ—Пушкина, Золото и булатъ — его же, безъ имени; затѣмъ цѣлый рядъ стихотвореній, подписанныхъ именами отчасти Пушкина же, отчасти второстепенныхъ поэтовъ, въ свое время не безъизвѣстныхъ, какъ Полежаевъ, Гребенка, Бернетъ, Тимофеевъ, и почти неизвѣстныхъ, какъ: Доморадцкій, Масальскій А. Ротчевъ[1]); наконецъ — стихотворенія, подписанныя неполными именами (А. А . . . . . въ, Е. К.[2]), N.); есть и совсѣмъ не подписанныя: такихъ 18, нѣкоторыя знакомыя, но подыскивать фамиліи авторовъ я не нашелъ возможнымъ въ данный моментъ. Отмѣчу только одно изъ этихъ анонимныхъ стихотвореній, именно подъ загл. «Цѣпи» (л. 29 — 30). Это — стихи Полежаева, переписанные здѣсь, какъ и многіе другіе, съ пропусками и измѣненіями, причемъ особенно любопытенъ конецъ: въ напрасномъ усиліи сорвать съ себя цѣпи рабства (вѣроятно, разумѣется подневольная солдатчина) поэтъ опускаетъ безнадежно руки и заключаетъ свое стихотвореніе четверостишіемъ:

Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда

---

1) Извѣстенъ романистъ и поэтъ К. П. Масальскій (1802 — 1861). Въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» на 1825 годъ (изд. А. Бестужева и К. Рылѣева) мнѣ встрѣтилась подпись Масальскаго (безъ другихъ инииціаловъ) подъ стихотвореніемъ «Весна. Идилія Мелеагра» (съ греч.), стр. 105—106; его «Соч., перев. и подраж. въ стихахъ», Спб. 1831, 12°-я не видѣлъ. Имя Ротчева (тоже безъ другихъ инииціаловъ) я встрѣтилъ одинъ разъ въ московскомъ альманахѣ Раича и Ознобишина «Сѣверная Лира» на 1827 г., при стихотвореніи «Гармонія жизни. Подражаніе Шлегелю», стр. 47—50; еще мнѣ извѣстны его «Подраженія Корану» (Москва, 1828, 16°, 32 стр.) и прозаич. соч. «Правда объ Англіи», Спб. 1854. Въ разсматриваемой тетради Масальскому принадлежитъ стих. «Ей Богу, маменька, скажу» (съ польск.), и А. Ротчеву стих. «Бываетъ»; фамилія Доморадцкій подписана здѣсь подъ недурнымъ стих. «Могила прохожаго»; другія же произведенія этого автора мнѣ неизвѣстны.

2) Съ инииціалами Е. К. здѣсь переписано именно стихотвореніе «Насъ семеро» (изъ Вордсворта), переводъ котораго съ такою же подписью появился впервые въ «Библіотекѣ для чтенія» 1837 г. (т. XXIV, стр. 77), что также даетъ косвенное указаніе на время составленія этого рукописнаго сборника; этотъ переводъ значительно разнится отъ болѣе извѣстнаго перевода Ив. Козлова.

И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

Такъ читаемъ въ печатныхъ изданіяхъ. Здѣсь же иначе:

Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Тогда (ошиб.: когда) клянусь и плачу я
И вновь взираю равнодушно
На цѣпи Б....а Ц..я.

Послѣднее слово, вѣроятно, означаетъ царя, но предыдущее загадочно.

Обращу вниманіе далѣе еще на двухъ изъ поименованныхъ выше авторовъ, имя которыхъ по нѣскольку разъ встрѣчается въ сборникѣ: это, именно, Е. Бернетъ (псевд. А. К. Жуковскаго) и А. Тимофѣевъ (вѣрнѣе Тимоѳеевъ). Стихотвореній съ именемъ перваго здѣсь имѣемъ 4 (Зимній походъ, Прощаніе, Къ коню и Обѣтъ женщины), а второго — 7, въ томъ числѣ два драматическихъ этюда (Соловей, Елизавета Кульманъ — драм., Солнце, Утѣшеніе, Просьба, Мистерія Жизнь и Смерть, Тоска). Вѣроятно, значительное количество стиховъ этихъ двухъ писателей въ альбомѣ стоитъ въ связи съ тѣмъ, что какъ разъ въ это время вышло въ свѣтъ собраніе стихотвореній того и другого [1]), такъ что это были до нѣкоторой степени поэтическія новинки [2]), которыя и тогдашнею критикой не были обойдены молчаніемъ [3]).

---

1) Вотъ названія этихъ изданій: а) Стихи Е. Бернета. С.П.Б. 1837, 8°, 166 стр. (всего 38 стихотвореній). — б) Опыты Тимофѣева. Три части (1 ч.—стихи по 1836 г. включит., 2 и 3—проза), съ литограф. портретомъ автора. С.П.Б. 1837. 8°. Ц. 5 р. Почти всѣ стихотворенія обоихъ поэтовъ отдѣльно появлялись въ печати и раньше, особенно въ «Библ. для чтенія» съ 1834 г.

2) Между прочимъ указаннаго выше стихотв. Бернета «Обѣтъ женщины» и стихотв. Тимофеева «Тоска» нѣтъ въ названныхъ собраніяхъ сочиненій того и другого, значитъ они написаны позднѣе и переписаны въ этотъ альбомъ изъ другого источника.

3) См., напр., отзывы о Е. Бернетѣ въ «Литерат. Прибавленіяхъ къ Рускому Инвалиду» 1837 г., № 40, стр. 392—395, въ «Сѣв. Пчелѣ» 1837, № 207, въ «Современникѣ» 1838 г., т. IX, стр. 87—90. Объ А. В. Тимофеевѣ (1812—1883)

Но особенное вниманіе въ этой тетради обращаютъ на себя стихи, подписанные именемъ Пушкина. Кромѣ упомянутыхъ выше «Гусара» и «Золото и булатъ», ихъ еще три въ разныхъ мѣстахъ тетради съ слѣдующими заглавіями: «Разлука», «Темное воспоминаніе» и «Завѣтный конь». Такихъ стихотвореній у Пушкина мы не знаемъ не только по заглавіямъ, но и по содержанію. Опредѣлить, чьи они — мнѣ не удалось; быть можетъ, кто другой будетъ счастливѣе въ этомъ отношеніи, хотя это, собственно, и не важно. Важнѣе общій вопросъ: какія стихотворенія приписывались Пушкину вообще, ему не принадлежащія? Споромъ о переложеніи молитвы Господней, объ окончаніи «Русалки» и пр. вопросъ о псевдо-пушкинскихъ стихотвореніяхъ не исчерпывается, и его необходимо основательно пересмотрѣть. Можно надѣяться, что ему будетъ удѣлено надлежащее мѣсто въ капитальномъ академическомъ изданіи Пушкина, чтобы выяснить нѣкоторые спорные пункты въ этомъ вопросѣ и имѣть, наконецъ, дѣйствительно полное критическое изданіе сочиненій нашего поэта[1]).

Для свѣдѣнія интересующихся я выписываю названныя три стихотворенія, приписанныя Пушкину неизвѣстнымъ составителемъ разсматриваемаго рукописнаго альбома, повидимому, его современникомъ. Сохраняю правописаніе рукописи, кромѣ знаковъ и явныхъ описокъ.

— въ «Литератури. Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1837 г., № 17, стр. 161—168; въ «Русскихъ поэтахъ» Гербеля, С.П.Б., 1838, стр. 312—344. Въ недавнее время о немъ опять вспомнили: см. Е. А. Боброва «Литература и просвѣщеніе въ Россіи», Казань, 1903, т. IV, стр. 57—65, и его же статью: «Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX ст.» въ «Изв. Отд. русск. яз. и слов.» 1906, кн. IV, стр. 365—369. Кромѣ «Опытовъ», Тимофееву принадлежитъ еще «Микула Селяниновичъ, представитель земли. Поэма въ XII пѣсняхъ». С.П.Б. 1876, въ двухъ томахъ, съ обширными примѣчаніями.

1) См. по этому вопросу цѣнную брошюру П. А. Ефремова: «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ». Спб. 1903. 16°, 45 стр. изъ «Нов. Времени» 1903 г. 2 и 8 авг.), и указанные выше обзоры юбилейной литературы.

Разлука (Л. 28—29).

Минута горькая настала!
О милый другъ! Прости, прости!
Судьба разлуку намъ послала,
Мой Ангелъ! Мнѣ ль ее снести?
Мои пройдутъ очарованья,
Мнѣ умереть въ глазахъ страданья,
А ты въ далекой сторонѣ
Забудешь скоро обо мнѣ.
    Томимъ предчувствія тоскою,
    И потерявъ любви покой,
    Я буду пламенной душою
    Слѣдить повсюду за тобой,
    Читать души твоей желанья,
    Пить сладость твоего дыханья;
    А ты въ далекой сторонѣ
    Забудешь скоро обо мнѣ.
Тому тяжелъ и мигъ разлуки,
Кому безцѣнна жизнь твоя.
На лонѣ безотрадной скуки
Увянетъ молодость моя.
Не сыщетъ взоръ любви привѣта [1]);
А ты въ далекой сторонѣ
Забудешь скоро обо мнѣ.
    Но, можетъ быть, въ часы мечтанья,
    Тревожась прежнею тоской,
    Минуты вспомнишь разставанья,
    Меня увидишь предъ собой...
    Забьется сердце тайной силой,
    Въ груди стѣснится вздохъ унылой.
    Но нѣтъ! Въ далекой сторонѣ
    Ты и не вспомнишь обо мнѣ.

---

1) Дальше списывающій, очевидно, по ошибкѣ пропустилъ одинъ стихъ.

Темное воспоминаніе. (Л. 63 об. — 65 об.).

Я помню такъ, какъ давній сонъ,
Мое златое время дѣтства,
Когда еще мнѣ чуждъ былъ стонъ,
Когда не зналъ я слова: бѣдство...
Въ тѣхъ незапамятныхъ годахъ
Терялся часто я въ мечтахъ,
Глядя на голубые своды
Какъ будто вѣдомыхъ небесъ,
На виды сельскіе природы
И на спокойный темный лѣсъ
Подъ золотою полосою,
Когда день лѣтній догоралъ,
И свѣжей вечера росою
Благоуханный лугъ сіялъ...
И помню съ каждою весною, —
Откудова, не знаю самъ, —
Являлась дѣва пѣсней къ намъ,
И часто занималась мною
Она, прекрасная, какъ день.
Я помню станъ, подъ флеромъ, гибкій,
И алыя уста съ улыбкой.
Какъ пролетающая тѣнь,
Она безъ шуму проходила,
Съ любовью въ голубыхъ очахъ,
И на серебренныхъ струнахъ
Златыя пѣсни выводила.
Я помню, часто я любилъ
Сидѣть у ногъ пѣвицы сладкой,
И, духъ переводя украдкой,
Я жадно пѣснь ея ловилъ,
И цѣловалъ у дѣвы руки...
И были въ дѣтской простотѣ

Мнѣ непонятны пѣсни *тѣ*; [1])
Но усладительные звуки,
Какъ даръ высокій и святой,
Берёгъ въ душѣ, дитя счастливый:
Такъ дождь пшеницы золотой
Ложится въ лоно мягкой нивы.
И я съ тѣхъ поръ въ душѣ носилъ
Залогъ священнаго посѣва...
Отъ насъ сокрылась скоро дѣва:
Ужъ я нигдѣ не находилъ
Моей плѣнительной подруги!
Промчались дѣтскіе досуги,
Я рано съ грустью сталъ знакомъ!
Сказавъ въ слезахъ: «прости!» отчизнѣ,
Я рано брошенъ въ бурю жизни,
И сталъ мнѣ чуждъ отцовскій домъ...
Но что-то въ памяти сверкало,
Мечтою нѣжною маня,
И мнилось, въ сердцѣ у меня
Какъ будто что-то созрѣвало. —
Я росъ на полѣ боевомъ,
Труды и дальніе походы
Снѣдали дни мои и годы.
Кругомъ грозы военный громъ,
И со врагомъ дневныя драки,
И ночью свѣтлые биваки,
И грады пышные въ огнѣ:
Вотъ все, что было близко мнѣ! —
Но браней смолкнула тревога,
Отпразднованъ побѣды пиръ,
И мнѣ тиха была дорога:

1) Это слово прибавлено мною; въ рукописи его нѣтъ, и стихъ недоконченъ, очевидно, по недосмотру переписчика.

Я шелъ украдкой въ новый міръ
Искать душѣ усталой мира...
Мнѣ невзначай попалась лира!
Я въ первыхъ пѣсняхъ пѣлъ любовь,
И прелесть пышную природы;
И чудеса чудесныхъ словъ,
Мечты блаженства и свободы —
Ласкали юнаго пѣвца...
И позже, въ горестныя лѣта,
Узнавъ вблизи коварство свѣта,
Людей холодныя сердца,
Лишенный счастья и покою,
Высокой вдохновенъ тоскою,
Я пылкой жаждою горѣлъ
Вноситься мыслью окрыленной
Въ предѣлы тайные вселенной,
И съ гладомъ сердца я летѣлъ
Къ нему — страшителю[1]) природы.

Завѣтный конь (Л. 66 об. — 68 об.)

— «Ты хочешь, русской, у меня
Купить завѣтнаго коня?
Изволь, продамъ, но конь мой дорогъ.
Въ лѣсу онъ чуетъ вражій шорохъ,
И въ полѣ мчится какъ стрѣла;
Пустая степь ему мила,
И рвы, и горы — не преграда;
Меня онъ вынесетъ изъ ада!
Изволь, продамъ, но вѣрный конь
Къ наѣздникамъ [2]) дикимъ пріученъ;

---

1) Описка, вм. *строителю?*
2) Вѣроятно, д. б.: наѣздамъ.

Онъ любитъ шумъ и грохотъ сѣчи,
И не боится вражьей встрѣчи.
Едва узрѣлъ врага — и въ мигъ
Уже помчался и настигъ,
И недругъ съ воплемъ и мольбами
Вотще [1]) подъ копытами:
Ужъ мой булатъ надъ нимъ свиститъ,
И кровью вражеской облитъ.
Изволь, продамъ, но лишь тогда,
Когда небесная звѣзда
Освѣтитъ трупъ мой безъ движенья
На полѣ грознаго сраженья.
За злато другу не продамъ!
Лишь кровь враговъ, сраженныхъ мною,
Ему назначилъ я цѣною.
Такъ жди же роковаго дня:
Подъ Варной встрѣтишь ты меня».

Такъ говорилъ подъ кистенёмъ(?)
Злой турокъ русскому герою,
Когда ихъ толпы изъ воротъ
Въ обратный двинулись походъ
Съ примѣтной [2]) важности кичливой
На помощь Варнѣ горделивой.

Промчались дни, и мощный Россъ
Шатры подъ Варну перенесъ... [3])
Воспрянулъ вновь Россіи геній!
И вскорѣ съ русскихъ укрѣпленій

---

1) Пропускъ какого-то сказуемаго: оставленъ пробѣлъ, вѣроятно не разобрано слово, изъ чего можно заключить, что стихотвореніе списывалось съ рукописи, а не съ печатнаго.

2) Можетъ быть: *примѣтной?*

3) Рѣчь идетъ, очевидно, о турецкой войнѣ 1828 г. и о взятіи Варны русскими.

Перуны въ крѣпость понеслись,
И стѣны Варны потряслись.
И вотъ враги съ остервененьемъ, [1])
Со всѣхъ сторонъ открылся адъ:
Гремитъ желѣзо и булатъ,
Сверкаетъ штыкъ нашъ троегранный,
И громъ грохочетъ безпрестанный.
И часто въ дымѣ и огнѣ
Свирѣпый турокъ на конѣ
Въ рядахъ переднихъ съ страшнымъ крикомъ
Являлся яростнымъ и дикимъ.

Не долго длились дни тревогъ:
Нашъ штыкъ невѣрныхъ превозмогъ,
И вскорѣ Варна разгромленна,
Упавъ смиренно на колѣна
Предъ мощью Русскаго Орла,
Ему ворота отперла.
И Россы (съ?) славой неизмѣнной
Вступили въ городъ покоренный.
Враги, нечестивый (sic) народъ,
На площади и у воротъ,
Смирясь предъ сѣверными львами,
Тѣснились шумными толпами.
Но турка грознаго въ бояхъ
Не видно было въ сихъ толпахъ.
Онъ съ поля, гдѣ какъ тигръ сражался,
Уже назадъ не возвращался...
И зрѣли чудо-жеребца
Въ рукахъ россійскаго бойца.

Первое изъ этихъ стихотвореній подписано: А. Пушкинъ, два другія просто: Пушкинъ.

---

1) Здѣсь, очевидно, не достаетъ стиха, который бы риемовалъ съ этимъ стихомъ.

Всѣ три стихотворенія написаны однимъ размѣромъ, любимымъ у Пушкина 4 — 5-стопнымъ ямбомъ, но тѣмъ не менѣе они не Пушкинскія. Если бы кто-нибудь спросилъ, зачѣмъ понадобилось подписывать составителю альбома не принадлежащія Пушкину стихотворенія его именемъ, то на этотъ вопросъ можно отвѣтить только вопросомъ: зачѣмъ въ старину наши книжники и составители разныхъ духовно-назидательныхъ сборниковъ присваивали имена Златоуста, Василія В. и другихъ замѣчательныхъ писателей такимъ произведеніямъ, словамъ и поученіямъ, какія имъ не принадлежали? Причина — съ одной стороны, просто, невѣдѣніе, или какая-нибудь случайная ошибка писца, съ другой — иногда твердое убѣжденіе, что все, что писалось хорошаго, что особенно почему-либо нравилось читателю или переписчику,— все это непремѣнно было написано однимъ изъ этихъ знаменитыхъ писателей; наконецъ, предполагалось иногда найти въ этомъ вѣрное средство для большаго распространенія того или иного произведенія, если оно будетъ помѣчено авторитетнымъ именемъ извѣстнаго писателя. Въ нашемъ случаѣ трудно рѣшить, какая изъ этихъ причинъ имѣла мѣсто. И интересно отмѣтить то обстоятельство, что въ то время, какъ чужія стихотворенія присвоены въ этомъ сборникѣ Пушкину, его извѣстное четверостишіе «Все мое, сказало злато» не подписано его именемъ; вмѣсто подписи стоитъ какая-то завитушка. Не принадлежатъ ли выше приведенныя стихотворенія Алексѣю Мих. Пушкину?

Изъ другихъ неподписанныхъ стихотвореній этого рукописнаго сборника я обращу вниманіе, уже безъ отношенія къ Пушкину, еще на одно стихотвореніе, озаглавленное «Розы».

Я позволю себѣ напомнить одно изъ послѣднихъ и лучшихъ «стихотвореній въ прозѣ» Тургенева: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы». Тургеневъ такъ начинаетъ этотъ художественный этюдъ:

«Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

«Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголъ; а въ головѣ все звенитъ да звенитъ:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Далѣе авторъ рисуетъ картинно нѣсколько моментовъ изъ прежней своей жизни на основаніи далекихъ воспоминаній, противополагая имъ свое теперешнее старческое состояніе и заключая каждую такую картинку припѣвомъ:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Ему прежде всего чудится образъ юной дѣвушки, полной жизни и грезъ о счастіи, мечтающей среди цвѣтущей природы. Но этотъ образъ исчезаетъ, и старость съ морозомъ за стѣною и мракомъ комнаты напоминаетъ ему о себѣ.

Потомъ опять встаетъ передъ нимъ чудная картина семейной патріархальной, деревенской жизни, — и она смѣняется глухимъ, хриплымъ старческимъ кашлемъ единственнаго его товарища — стараго пса, такъ какъ «всѣ умерли». Свѣча гаснетъ. На дворѣ морозъ, и у поэта остается только сознаніе полнаго одиночества и слабое воспоминаніе о томъ,

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Это коротенькое высоко-поэтическое произведеніе, и независимо отъ того забытаго авторомъ стихотворенія, какимъ оно вызвано, производитъ на читателя сильное впечатлѣніе. Не даромъ оно вдохновило даже музыкантовъ, и мы имѣемъ уже не одно переложеніе его на музыку [1]). Мало того, на ту же тему

1) Напр. Аренскаго, Ренчицкаго.

есть и скульптурное изваяніе художника Беклемишева (въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ), изображающее женскую фигуру въ сидячей мечтательной позѣ съ цвѣткомъ розы на колѣняхъ.

Но вѣроятно у многихъ, какъ и у меня лично, по прочтеніи Тургеневскаго этюда невольно являлся вопросъ: каково же было содержаніе того неизвѣстнаго, забытаго авторомъ стихотворенія, и въ какомъ отношеніи оно находится къ Тургеневскому? Можетъ быть, авторъ, вспомнивъ о немъ по первому стиху, начинаетъ дальше припоминать его содержаніе, разсказывая какъ бы отъ себя, и переплетая его субъективными, лично къ самому автору относящимися частностями? Такъ какъ у насъ пока нѣтъ критическаго изданія сочиненій Тургенева, а другія существующія изданія не даютъ на этотъ счетъ никакихъ указаній, то всѣ выше поставленные вопросы, само собой, должны оставаться неразрѣшенными для большинства читателей, мало знакомыхъ съ старыми забытыми стихотворцами. Выше названное анонимное стихотвореніе «Розы» въ дѣйствительности принадлежитъ одному изъ нашихъ старыхъ, мало теперь читаемыхъ поэтовъ И. П. Мятлеву (1796—1844). Чтобы удобнѣе сопоставить съ Тургеневскимъ произведеніемъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь это стихотвореніе цѣликомъ по рукописи нашего сборника. (Оно вошло и въ собраніе сочиненій Мятлева).

Розы (Л. 18—19).

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду, какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

Какъ я берегъ, какъ (я) лелѣялъ младость
Моихъ цвѣтовъ завѣтныхъ, дорогихъ!
Казалось мнѣ, въ нихъ разцвѣтала радость,
Казалось мнѣ, любовь дышала въ нихъ!

Но въ мірѣ мнѣ явилась дѣва рая,
Прелестная, какъ ангелъ красоты;
Вѣнка изъ розъ искала молодая,
И я сорвалъ завѣтные цвѣты.

И мнѣ въ вѣнкѣ цвѣты еще казались
На радостномъ челѣ красивѣе, свѣжѣй;
Какъ хорошо, какъ мило сплетались
Съ душистою волной каштановыхъ кудрей!

И за одно они цвѣли съ дѣвицей.
Среди подругъ, средь плясокъ и пировъ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ она была царицей,
Вокругъ нея [1]) вились и радость и любовь.

Въ ея [1]) очахъ веселье, жизни пламень;
Ей счастіе [2]) сулилъ, казалось, рокъ.
И гдѣ жъ она?... Въ погостѣ бѣлый камень,
На камнѣ — розъ моихъ завянувшій вѣнокъ.

Въ этомъ стихотвореніи есть, конечно, общее съ Тургеневскимъ. И здѣсь и тамъ идея смерти — основной мотивъ. Картину веселья, «плясокъ и пировъ среди подругъ» въ Мятлевскомъ стихотвореніи можно сопоставить съ картиной семейнаго счастья среди дѣтей у Тургенева, гдѣ также музыкѣ отведена значительная роль. А образъ юной дѣвы въ началѣ того и другого стихотворенія почти тождественъ. Но при этомъ частичномъ сходствѣ, какая въ то же время громадная разница! Правда, самыя розы въ приведенномъ выше стихотвореніи тѣснѣе связаны съ его фабулой, тогда какъ у Тургенева онѣ составляютъ только какъ бы заимствованный извнѣ мотивъ и повторяются нѣсколько

---

1) Въ рукоп. *её*.
2) Печатается: счастье долгое.

искусственно въ качествѣ припѣва послѣ каждой отдѣльной части. Но во всей совокупности своихъ частей стихотвореніе Тургенева шире по концепціи, глубже по мысли, вся картина ярче, сильнѣе и разнообразнѣе тонами, — и потому его произведеніе, какъ истинно поэтическое, несравненно сильнѣе захватываетъ читателя. При выразительномъ чтеніи его (а оно служитъ излюбленной темой для декламаторовъ), слушатель невольно замираетъ, какъ и все вокругъ автора умерло, и ему становится холодно и жутко. Такова сила истиннаго, великаго таланта.

Н. Янчукъ.

Сопоставленіе Тургеневскаго «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы» со стихотвореніемъ «Розы» Мятлева было сдѣлано еще въ 1884 году А. Ѳ. Кони въ замѣткѣ, напечатанной въ «Русской Старинѣ» за этотъ годъ, т. XLVI. Съ разрѣшенія автора перепечатываемъ эту замѣтку въ настоящей книжкѣ.

Ред.

Некрасовъ при жизни и по смерти.

(27 декабря 1877 года—27 декабря 1907 года).

Повторныя изданія русскихъ писателей нерѣдко отличаются невнимательностью издателей къ печатнымъ текстамъ, установленнымъ при жизни писателя. Иногда дѣло доходитъ даже до подправокъ и подновленій стараго текста редакторами, не вникающими въ образъ мыслей и выраженій автора и воображающими ошибки тамъ, гдѣ они просто не поняли текста. Съ большой самоувѣренностью и смѣлостью такіе редакторы исправляютъ авторовъ, а читатели и не подозрѣваютъ, что у нихъ въ рукахъ вмѣсто перепечатки подлинника—реставрація, произведенная весьма неискусною рукою. Подобной участи, къ сожалѣнію, не избѣгнулъ и популярнѣйшій нашъ поэтъ, Николай Алексѣевичъ Некрасовъ, со дня смерти котораго въ нынѣшнемъ году, 27 декабря, исполнилось 30 лѣтъ.

Къ мнѣнію, которое мы сейчасъ высказали, привело насъ сравнительное изученіе стихотвореній Некрасова, изданныхъ при его жизни (*Стихотворенія Н. Некрасова.* Изданіе четвертое. Санктпетербургъ. 1864. Часть первая.—То же. Часть вторая.—То же. Часть третья.—То же. Часть четвертая. 1869) и предпослѣдняго посмертнаго изданія его стихотвореній (*Полное*[1])

---

1) О томъ, что это «полное» собраніе стихотвореній, издателямъ никакъ не слѣдовало говорить.

собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова въ двухъ томахъ. Восьмое изданіе. Спб. 1902)[1]).

Результаты этого сравненія мы и будемъ излагать въ настоящихъ замѣткахъ.

Прежде всего наше вниманіе обратили на себя многія различія между текстомъ, изданнымъ при жизни поэта, и тѣмъ, который явился такъ недавно.

Что̀ представляютъ изъ себя эти многочисленныя разночтенія стараго и новаго текста—остается нерѣдко вопросомъ.

Ошибки это небрежнаго набора и несвѣдущей и невнимательной корректуры или поправки, на основаніи рукописей, погрѣшностей, вкравшихся въ печать при жизни поэта? Неисправность нашего изданія, самый характеръ отличій, доходящихъ порой до безсмыслицы, позволяютъ намъ склоняться во многихъ случаяхъ къ рѣшенію этого вопроса въ смыслѣ невыгодномъ для позднѣйшихъ издателей.

Хотя свѣренные нами тексты изданій Некрасова заключаютъ не болѣе половины его стихотвореній, собранный нами списокъ разночтеній окажется немалымъ.

Конечно, мы не внесемъ въ него варіантовъ, къ которымъ прибѣгалъ самъ поэтъ ради цензуры.

Не внесемъ и тѣхъ, которые можно считать малозначительными отклоненіями и недосмотрами, неизмѣняющими смысла или формы Некрасовскаго стиха.

Не отнесемъ пока сюда и тѣхъ варіантовъ, которые обязаны

---

1) Къ этому сравненію мы привлекли и другія изданія стихотвореній поэта, особенно: *Стихотворенія Н. Некрасова*. М. 1856.—*Стихотворенія Н. Некрасова*. Изд. второе. Спб. 1861. Часть I и II.—Тоже. Изд. третье. Спб. 1863.—Тоже. Спб. 1873—Знакомство съ этими изданіями показало намъ значительную устойчивость Некрасовскаго текста, который во многихъ случаяхъ удерживается въ послѣдующихъ изданіяхъ съ буквальною точностію. Болѣе свободное отношеніе къ печатному тексту начинается уже послѣ смерти поэта.

своимъ происхожденіемъ особеннымъ грамматическимъ и стилистическимъ взглядамъ редакціи посмертныхъ изданій.

Въ этихъ выпискахъ варіантъ посмертнаго изданія 1902 года будемъ ставить въ скобкахъ, рядомъ съ соотвѣтствующимъ словомъ изучавшагося нами изданія, вышедшаго при жизни поэта.

Что ты, подлецъ, меня гнетущій,
Самъ лижешь *руки* (руку 4 [1]) подлецу (I, 14).

Черноброва, статна, *словно* (точно 12) сахаръ бѣла (I, 17).

Не изъ камня душа! Не втерпежъ!
Расходилась, *что* (какъ 37) буря, она (I, 60).

Кипимъ (кипитъ 45) сильнѣй, послѣдней *жаждой* (жажды 45)
полны (I, 66).

Стыдливо краснѣя
И нагибаясь, свой длинный платокъ
Ты на него *потянула* (натянула 97)... (I, 124).

Я рано всталъ, *не долги* (но долги 68) были сборы (I, 127).

И снова шелъ, собравъ *остатокъ* (остатки 69) силъ (I, 127).

И сижу *неподвиженъ* (неподвижно 55), какъ статуя,
И судьбу потихоньку корю (I, 132).

Я *тамъ* [2]) (самъ 179) не свой: хандрю, нѣмѣю... (I, 155).

Онъ [3]) *бодръ* (добръ 184), онъ за сохой шагаетъ (I, 163).

Ну (но, 187) кому же разставишь ты сѣти? (I, 167).

И не кинулъ никто негодуя
Комомъ (комокъ 189) грязи въ безстыдную мать! (I, 170).

Либо *своей* (твоей 215) головѣ пропадать! (I, 177).

---

1) Цифра здѣсь и дальше означаетъ страницу I-го тома.
2) За дальнимъ Средиземнымъ моремъ.
3) Пахарь, котораго скребетъ горе.

Да какъ *рогожу* (рогожку 237) открыли... (I, 184).

Я усталъ,
Въ *себя* (въ себѣ 219) я вѣру потерялъ... (I, 192—193).

Съ болѣзненнымъ *припѣвомъ* (привѣтомъ 226): «ой»!
(I, 203).

Ай (а), важная штука! (II, 174).

Отвѣдаетъ свѣжаго *хлѣбца* (хлѣба 247) ребенокъ
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ (II, 181).

И погасъ онъ словно свѣченька
Восковая, *предъ-иконная* (предъ иконою[1])... (III, 51).

Въ широкой *рубахѣ* (рубашкѣ 307) холщевой (III, 79).

(Слеза)
Глубокую *ямку* (яму 317) прожжетъ (III, 94).

И, полная *мыслью* (мысли 318) о мужѣ,
Зоветъ его, съ нимъ говоритъ... (III, 95).

Вмѣсто грязи покрыто кладбище
Бѣлымъ снѣгомъ; *сурово-пышна* (сурова-пышна 354) обстановка (IV, 15).

Въ Петербургѣ пожарные случаи
Безпрестанны (безпрестанно 360)... (IV, 24).

Исключу я три буквы: «ра-душно»
Выйдетъ... что же? три буквы *не счетъ* (на счетъ)!
(IV, 61).

Извѣстенъ я въ литературѣ...
Угодно ль вамъ меня *нанять* (понять 380)? (IV, 80).

Другіе варіанты нѣкоторыхъ стихотвореній такъ значительны, что мы должны предположить ихъ зависимость отъ рукописей или вообще поправокъ самого поэта, послужившихъ осно-

---

1) Посмертное изданіе нарушаетъ риѳму со словомъ: «бездонная».

ваніемъ для измѣненій, внесенныхъ въ первое посмертное изданіе стихотвореній Некрасова (См. любопытныя примѣчанія въ IV томѣ этого изданія — Спб. 1879). Мы отмѣтили цѣлыя строчки разночтеній въ стихотвореніяхъ: «Когда изъ мрака заблужденья», «Плачъ дѣтей» (конецъ), «На Волгѣ», «Рыцарь на часъ».

Въ популярномъ «Власѣ» новое изданіе пропускаетъ двѣ строфы:

Сочтены дѣла безумныя.
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше разсказать[1]).

Словомъ истины евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберется и въ Рязань...

По школьнымъ хрестоматіямъ послѣдняя строфа извѣстна тысячамъ грамотныхъ людей.

Большой переработкѣ подвергнулось стихотвореніе: «Что̀ ни годъ—уменьшаются силы», въ которомъ вмѣсто 16 стиховъ стараго изданія въ новомъ оказалось 12.

Въ стихотвореніи «Убогая и нарядная» (I, 167), сглажено очень сильное мѣсто:

Что, развратница, нагло глядишь,
Чѣмъ кичишься? Гнусна твоя повѣсть...

Это мѣсто передѣлано въ первый разъ въ изданіи 1873 года.

Незначительные варіанты есть еще въ стихотвореніяхъ:

1) За эту строфу упрекнулъ поэта Достоевскій («Дневникъ писателя» за 1873 г., V, «Власъ»), потому, вѣроятно, она и вычеркнута Некрасовымъ.

«Тишина» (I, 161, 162), «На Волгѣ» (I, 201, 203), «Псовая охота» (II, 14), «Что ты, сердце мое, расходилося?», «Рыцарь на часъ» (III, 38), «Зеленый шумъ», «Морозъ, красный носъ» (VIII, XXV, XXX), «Надрывается сердце отъ муки».

Эти, болѣе значительные, варіанты должны объясниться позднѣйшими изданіями, вышедшими при жизни поэта, или первымъ посмертнымъ, издатели котораго имѣли въ рукахъ экземпляръ стихотвореній (изданія 1873 года) съ замѣтками и поправками самого Некрасова.

Не относимъ къ варіантамъ разночтенія, подобныя слѣдующимъ, гдѣ видна явная небрежность редакціи посмертнаго изданія 1902 года:

Какъ на барщину шла—*становилось*
Инда жалко подъ часъ... (I, 9).

Изданіе 1902 года: *становилась*.

Все, что подняло бурю въ груди,
Переполнена гнѣвомъ правдивымъ,
Безпощадно ему возврати.

Изданіе 1902 года: *переполнено*.

Утѣшенія въ собственномъ сынѣ не имѣю (IV, 61).

Изданіе 1902 года: *утѣшеніе*.

Казалось бы, издателю нужно было исправить несомнѣнныя опечатки; можно бы было слегка подправить устарѣвшую ороографію, насколько она не связана съ грамматическими формами и со смысломъ написаннаго, тщательно сохраняя все, что носитъ на себѣ отпечатокъ мысли поэта.

Напримѣръ, у Некрасова очень часто прилагательныя въ именит. падежѣ оканчиваются на *ой* вм. нынѣшняго *ый*, а въ родит. всегда на *аго*; *спѣсь*, *хмѣль*, *болѣнъ* пишутся съ *ѣ*, *лекарь*,

съ *е*; *мечь*, *тучь* и подобныя слова оканчиваются на *ь*; *цаловалъ*, *поцалуй* обыкновенно пишутся съ *а* вмѣсто *ѣ*; въ префиксѣ *роз* иногда встрѣчается *о* безъ ударенія (роспи́ть I, 62); *межъ*, *ужъ*, *ижъ* пишутся съ *ъ* на концѣ, *скутью* пишется съ *г*. Такія написанія могутъ быть исправлены на современный ладъ. Некрасовъ издается не для науки, а для большой публики, и въ этомъ случаѣ изданіе можетъ считаться съ орѳографическими привычками читающихъ. Но и здѣсь можно бы соблюдать извѣстную осторожность. Напр., родительный падежъ подъ удареніемъ въ печати и теперь нерѣдко встрѣчается съ *аго*; значитъ, такія написанія можно бы и сохранить.

Редакція посмертнаго изданія исправляла Некрасова усерднѣе, чѣмъ нужно. Она произвела коренную ломку въ его орѳографіи, во многихъ случаяхъ достойной вниманія и признанія. Къ сожалѣнію, и собственную орѳографію она провела небезукоризненно и много испортила текстъ значительнымъ числомъ новыхъ ошибокъ, опечатокъ, недосмотровъ, пестрой и произвольной пунктуаціей. На бѣду эти опечатки, недосмотры, неудачно поставленные знаки препинанія часто нелегко замѣтить, имѣя подъ руками одинъ текстъ издателей, и многіе ихъ печатные грѣхи сваливаются на голову покойнаго поэта.

Очень прискорбно, что посмертная редакція вмѣстѣ съ орѳографіей исправляетъ и грамматическія формы языка Некрасова, которыя несомнѣнно ему принадлежатъ и допускаются другими образцовыми писателями. Только имѣющій весьма ограниченныя свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ корректоръ, можетъ такъ ошколяривать языка поэта, яко бы исправляя его ошибки, а на самомъ дѣлѣ, стирая съ его изложенія краски, наложенныя временемъ, взглядомъ поэта на извѣстныя формы языка, желаніемъ его придать изложенію тотъ или другой оттѣнокъ.

Правда, нѣкоторыя изъ поправокъ и подновленій сдѣланы еще въ изданіяхъ, вышедшихъ при жизни поэта, очевидно, имъ самимъ (напр., въ изданіи 1873 г.: въ дырявомъ вм.: въ дирявомъ). Но редакція никакъ не имѣла права идти дальше по на-

правленію модернизація. Если нѣкоторыя мѣста въ стихахъ остались не подправленными, то, конечно, это имѣло свое основаніе.

Такъ, въ стихотвореніи: «Когда изъ мрака заблужденья» 28-ой стихъ въ изданіи 1864 года напечатанъ:

Не пригрѣвай *змѣю* въ груди,

а въ изданіи 1873 г. (I,22) видимъ, согласно школьному синтаксису, исправленное, очевидно, самимъ Некрасовымъ чтеніе:

Не пригрѣвай *змѣи* въ груди.

Поэтъ, можетъ быть, не зналъ, что первое выраженіе имѣетъ всѣ права стоять въ данномъ мѣстѣ; оно является болѣе сильнымъ, указываетъ на болѣе прочное положеніе змѣи въ груди. Еще Ломоносовъ замѣтилъ эту различную выразительность сочетаній глагола съ винительнымъ и родительнымъ падежомъ и указалъ на нее въ своей грамматикѣ (§ 503).

Некрасовъ любилъ разговорныя формы родительнаго падежа на у: изъ дóм*у*, дó свѣт*у*, способ*у*, ни шаг*у* и др.:

Изъ дому крѣпостныхъ любовницъ и псарей (I, 36),

До свѣту надо покрѣпче уснуть (I, 85),

Способу ты не находишь
Сладить съ упрямой душой? (I, 122),

Смерть иль побѣда—ни шагу назадъ! (II, 14).

Изданіе 1902 г. даетъ вездѣ родительный на *а*: изъ дома, до свѣта, способа, ни шага. Подобныя поправки едва ли всегда оправдаются текстами, напечатанными при жизни поэта, хотя въ изданіи 1873 г. мы и находимъ «способ*а*» вм. «способу».

Не понимая, что въ уступительныхъ предложеніяхъ въ сочетаніяхъ: *какъ ни*, *куда ни* и т. п., неграмотно ставить *не* на мѣстѣ *ни*, нашъ корректоръ исправлялъ правильную Некрасовскую орѳографію на ошибочную. Сюда относятся примѣры, подобные слѣдующимъ:

Что *ни* предскажетъ кому: разоренье,
Убыль въ семействѣ, глядишь—исполненье! (I, 177).

Какой бы цѣной *ни* досталось.
Забвенье крестьянкѣ моей,
Что нужды? (III, 121).

Корректоръ нашего изданія, поставившій въ приведенныхъ стихахъ *не* вмѣсто *ни*, не понимаетъ также правильности употребленія усиленнаго отрицанія *ни* въ стихѣ:

Колесо не слышитъ, *ни* щадитъ (I, 187),

гдѣ *ни* соотвѣтствуетъ: *и не*. Во всякомъ случаѣ онъ передѣлываетъ его на *не*, имѣющее другой оттѣнокъ значенія.

Подобно этому, въ стихахъ:

И пробужденной природы картиной
Не насладился изъ нихъ *ни* единой (I, 12)—

опять второе правильное *ни* передѣлано на малограмотное *не*.

Даже риѳмы поэта не пощажены редакторомъ нашего изданія сочиненій Некрасова. Въ погонѣ за школьническою «правильностью» въ посмертномъ изданіи сдѣланы поправки, явно искажающія стихъ, гдѣ своеобразныя формы рѣчи, употребленныя поэтомъ, закрѣплены риѳмою. Такимъ образомъ, испорчены риѳмы въ стихахъ, печатавшихся при Некрасовѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Мѣсяцъ полный плыветъ надъ *дубровой*
И господствуютъ въ небѣ цвѣта
Голубой, бѣловатой, *лиловой* (III, 32).

Въ предмѣстіяхъ *дальныхъ*,
Гдѣ какъ черныя змѣи летятъ
Клубы дыма изъ трубъ *колоссальныхъ* (IV, 17)...

Но не достало *силы*,
Вдругъ руки разошлись

И красныя *чернилы*
Потокомъ полились (IV, 71).

И былъ подвиженъ я, какъ челнъ
(Зачѣмъ на пробкѣ *плѣсень*?...)
И какъ у моря звучныхъ волнъ
У лиры было *пѣсень* (IV, 77).

Позднѣйшая корректура предпочитаетъ Некрасовскимъ риѳмамъ свои: *дубравой—лиловой*, *дальнихъ—колоссальныхъ*, *силы—чернила*, *плѣсень—пѣсенъ*.

Странно, что въ другихъ случаяхъ, гдѣ самъ поэтъ отступалъ отъ звуковой или графической риѳмы ради смысла, который хотѣлъ сообщить словамъ, или ради орѳографіи, издатели опять передѣлываютъ его стихи теперь уже ради риѳмы. У Некрасова находимъ:

Душа мрачна, мечты мои *унылы*,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милыя, *постыли*... (I, 126).

Тихо по церкви ходили *монашины*,
Въ черныя рясы *наряжены* (III, 109).

Нашъ издатель изъ глагола «постыли» дѣлаетъ прилагательное «постылы», а слово «монашины» ставитъ въ неудовлетворительной орѳографической формѣ: «монашены».

Извѣстно ли также правщику Некрасова, что передѣланныя имъ написанія: *сгараешь* (I, 13), *копейкѣ* (I, 30), *ростутъ* (I, 39), *ладанъ*, (I, 42), *о счастьи* (I, 77), *жосткая* (I, 131), *доканала*[1]) (I, 133), *косячекъ* (I, 143), *не достало* (I, 192), *прикащикъ* (I, 197), *зорямъ* (I, 198), *сертукахъ* (II, 10), *рёвма-реветъ*[2]) (II, 16; здѣсь издатель исправилъ уже не правописаніе,

1) Въ стих. «Похороны» подобное написаніе: «доканало» оставлено.
2) Въ стих. «Кумушки» то же написаніе оставлено нетронутымъ.

а языкъ поэта), *поглядитко* (II, 201), *чорные* (III, 19), *январьскія* (III, 85), *курячій* (III, 86), *косатка* (III, 110), *скрыпя* (III, 117), *дышетъ* (III, 122), *уравняло* (IV, 30) и многія другія — ничѣмъ не хуже тѣхъ, которыми они замѣнены?

Опечатки и другія погрѣшности были, конечно, и въ изданіи самого Некрасова, но ихъ было очень немного. Редакторы посмертнаго изданія даютъ гораздо больше чтеній невѣрныхъ, неосмысленныхъ или неправильно осмысленныхъ. Текстъ послѣдняго изданія вмѣсто того, чтобы быть лучше, оказывается хуже изданнаго при жизни поэта.

Скучно было бы перечислять всѣ замѣченныя нами искаженія текста, и потому укажемъ лишь нѣсколько характерныхъ случаевъ.

Мы уже говорили, что Некрасовъ писалъ: покой благословенн*ой*, сонъ непробудн*ой* и т. п. Передѣлывая окончаніе *ой* на *ый*, неосторожный издатель даетъ стихъ:

Ея безсмысленн*ый* и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты (27).

На страницѣ 89 находимъ:

Такъ эт*а* шутка? Милая моя...

Видно, что механически работающій наборщикъ осмыслилъ по-своему фразу, а корректоръ недосмотрѣлъ грубую ошибку.

Подобнаго рода небрежность и въ стихахъ:

Я думалъ,—нѣтъ въ душѣ безпечной
Сочувствія душ*и* моей (43).
Тамъ уж*е* поприще широко (134).

Усердные исправщики посмертнаго изданія Некрасова, не ограничиваясь измѣненіемъ особенностей орѳографическихъ и

грамматическихъ, наложили свою тяжелую руку и на словарныя особенности поэта. У Некрасова нерѣдко встрѣчаются слова простыя, народныя, кое-гдѣ есть архаизмы. Послѣдніе указываютъ, что языкъ поэта выработался болѣе чѣмъ полстолѣтія тому назадъ и вполнѣ оправдываются примѣромъ писателей того времени. Первыя являются послѣдствіемъ того, что поэтъ, цѣня и признавая достоинство народнаго языка, вводилъ его слова въ литературную рѣчь и сдѣлалъ ихъ ея достояніемъ. Иногда эти слова употреблены какъ необходимая передача говора лицъ изъ народа, выведенныхъ въ стихотвореніяхъ.

Подобныя соображенія не останавливали редактора посмертнаго изданія, и онъ смѣло ставилъ на мѣстѣ словъ, которыя находилъ нужными самъ поэтъ (конечно, разборчивый и сознательный въ употребленіи словъ), тѣ, которыя болѣе нравились ему, издателю, не умѣвшему выйти изъ предубѣжденій ограниченныхъ школьническихъ взглядовъ на литературный языкъ и едва ли понимающему, что въ дѣлѣ употребленія словъ Некрасовъ, какъ и всякій другой талантливый писатель, гораздо болѣе авторитетенъ, чѣмъ люди, не дѣлающіе ни одной ошибки противъ «Русскаго правописанія» Грота.

Некрасовъ при своей жизни печаталъ:

Ваньки сонные глядѣли,
Остуця кругомъ (I, 32).

Помню: съ *прошибенной* въ-кровь головой
Къ намъ привели среди ночи
Стараго вора (I, 108).

Подъ тяжестью сумы своей *дирявой* (I, 128).

Къ нимъ приковавъ *досужее* вниманье (I, 128).

Тамъ можно жить, не обижая
Ни божьихъ, ни *ревижскихъ* душъ (I, 163).

Весь *околодокъ* колдуньѣ дивился (I, 177).

Не понапрасну продлилъ
Эдакъ-то жизнь человѣка (I, 181).

То, какъ играющій *звѣрокъ*,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь (I, 198).

Гдѣ бы свадебка богатая—
Цопъ въ солдаты жениха! (II, 197).

Борода густая *склочена* (II, 214).

Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, *щекотитъ*, жужжитъ! (III, 55).

Качнетъ кусты ольховые,
Подыметъ пыль цвѣточную (III, 59).

Вижу—меня *оступаетъ*
Сила—несмѣтная рать (III, 99).

Кочи, ухабины, ели безсмѣнныя (III, 126).

Во всѣхъ этихъ, точно также и во многихъ другихъ случаяхъ, которые мы отмѣтили, но не перечисляемъ, подчеркнутыя слова въ нашемъ посмертномъ изданіи подправлены на литературный ладъ. Вмѣсто *оступя* — *обступя*, вм. *прошибенной* — *прошибленной*, вм. *досужее* — *досужное* и т. д. Говоримъ о «литературности» этихъ поправокъ, конечно, условно, стараясь приблизиться къ точкѣ зрѣнія исправителя. Мы же никогда не рѣшимся признать богатый выразительными оттѣнками, основанный на прекрасномъ знаніи простонароднаго нарѣчія, языкъ самого Некрасова менѣе «литературнымъ», чѣмъ языкъ редактора его посмертныхъ изданій, обнаруживающаго крайне узкіе взгляды на языкъ и весьма плохое пониманіе того, что онъ долженъ дѣлать и какъ ему слѣдуетъ производить свою редакторскую работу.

Даже въ эпиграфѣ III-ей главы «Коробейниковъ» въ словахъ «старинной былины»:

Ужъ ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, такъ не пей до дна—

редакція посмертныхъ изданій «исправила» народное *хошь* на *хочешь*, нарушающее и стиль, и размѣръ стиха.

Впрочемъ, издатели претендовали на хорошее пониманіе размѣровъ и стихъ «Псовой охоты»:

Здѣсь онъ не струситъ, здѣсь не уступитъ—

благодаря замѣчанію С. И. Пономарева, передѣлали на:

Здѣсь онъ не струситъ, *онъ* здѣсь не уступитъ.

Но если редакція современнаго Некрасова «выправляетъ его слогъ», то, можетъ быть, она все же дорожитъ мыслью поэта, не допускаетъ въ ней никакихъ измѣненій? На это нужно сказать, что едва ли, при слишкомъ усердномъ исправленіи стиля, сохраняются неприкосновенными мысли поэта, особенно въ оттѣнкахъ своего выраженія.

Вниманіе къ мыслямъ автора высказывается еще въ отношеніи къ его пунктуаціи. Возьмемъ какой-нибудь отрывокъ изъ художественной литературы, хоть кусочекъ «Записокъ Охотника», написанный совсѣмъ безъ знаковъ препинанія. Какъ трудно его читать и понимать! Попробуемъ разставить знаки препинанія сообразно съ нашимъ пониманіемъ даннаго отрывка. Можемъ ли мы быть увѣрены, что мы поймемъ все такъ, какъ понималъ авторъ, что не перетолкуемъ по своему нѣкоторыхъ мѣстъ и своей пунктуаціей не переиначимъ авторскихъ мыслей? Затрудненія и ошибки подобнаго рода хорошо извѣстны издателямъ старыхъ текстовъ, писанныхъ безъ знаковъ препинанія, но печатаемыхъ съ ними. Ни долгое изученіе, ни особое знакомство съ памятниками даннаго рода, ни спеціальная подготовка редакторовъ не избавляютъ отъ нѣкоторыхъ ошибокъ въ пунктуаціи издаваемыхъ текстовъ.

Но что дѣлаютъ иногда современные редакторы посмертныхъ изданій писателей? Ихъ странная работа вызываетъ недоумѣніе и удивленіе. Они берутъ напечатанный при жизни поэта и просмотрѣнный имъ текстъ его произведеній, совершенно забываютъ, что имѣютъ дѣло съ трудомъ, находящимся въ одной изъ послѣднихъ стадій обработки, не думаютъ того, что передъ ними трудъ выдающагося знатока русскаго языка и формъ выраженія мысли, а просто берутъ для справки школьный учебникъ, вродѣ «Русскаго правописанія» Грота, и начинаютъ выправлять тонкую работу художника, какъ произведеніе недоучившагося гимназиста.

Редакторъ нашего посмертнаго изданія сочиненій Некрасова оказался однимъ изъ самыхъ усердныхъ исправителей; онъ производилъ передѣлки въ пунктуаціи поэта, не щадя ни печатнаго первоисточника, ни смысла и дѣлая множество ошибокъ и явныхъ небрежностей, измѣняющихъ или искажающихъ содержаніе Некрасовскаго текста.

Некрасовъ писалъ въ такое время, когда очень умѣренно пользовались знаками препинанія. Лучшій стилистъ той эпохи, С. Т. Аксаковъ, разбирая «Юрія Милославскаго» Загоскина, ставитъ въ вину автору то, что онъ употребляетъ слишкомъ много знаковъ препинанія [1]).

Въ пунктуаціи не руководствовались тогда исключительно грамматическимъ разборомъ текста, какъ въ наше время, но обращали вниманіе также на смыслъ и произношеніе фразъ; знаками указывали, какъ читать.

Поэтому текстъ печатнаго изданія Некрасова со знаками, разставленными самимъ поэтомъ, имѣвшимъ притомъ огромную опытность въ качествѣ писателя и издателя, долженъ считаться очень важнымъ первоисточникомъ для чтенія и пониманія его произведе-

---

1) «Безчисленное множество знаковъ восклицаній, двоеточій и тире, часто невѣрно поставленныхъ, досаждаютъ читателю» (*Полное собраніе сочиненій*. Т. III. Спб. 1886, стр. 317).

ній. Этотъ текстъ долженъ вообще строго сохраняться при переизданіяхъ. Подправлять его слѣдуетъ только при крайней нуждѣ и очень осторожно. Успѣшно сдѣлать поправки въ пунктуаціи поэта можетъ только тотъ, кто, превосходно изучивши его, вошелъ вполнѣ въ его настроенія, его образъ мыслей, его стиль. Тотъ, кто немного знакомъ съ рисованіемъ, едва ли хорошо подкраситъ полинявшую Фрину. Нашего художника-поэта подкрашивалъ не весьма искусный рисовальщикъ. Одно можно сказать: онъ не жалѣлъ краски. Стихи поэта редакторъ усыпалъ запятыми, многоточіями, восклицаніями, вопросами, которыхъ не было въ изданіи самого Некрасова. Трудно найти страницу въ этомъ послѣднемъ текстѣ, на которой сохранились бы знаки самого поэта.

Ни одно вводное слово, ни одно дѣепричастіе не оставляются незаключенными въ запятыя, послѣднее вопреки даже и современному правописанію (Гротовскому). Самъ Некрасовъ не то чтобы совсѣмъ не ставилъ запятыхъ для выдѣленія вводныхъ словъ и небольшихъ придаточныхъ предложеній, но часто, не отдѣляя ихъ знаками, надо думать, руководствовался въ этомъ случаѣ разною степенью выразительности и связи словъ, такъ сказать, вѣсомъ словъ и фразъ: отдѣлялъ то, что было значительно по содержанію, что слѣдовало выдѣлить при чтеніи.

Напримѣръ:

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу день за днемъ безполезно губя;
Что я, силы своей не пытавъ ни на чемъ,
Осудилъ самъ себя безпощаднымъ судомъ (I, 49).

Здѣсь во второмъ стихѣ пропущена запятая, думаемъ, по близкой связи словъ, между которыми ее можно поставить, а въ третьемъ поставлена по бóльшей раздѣльности фразъ.

Также:

Знать любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь! (I, 20).

Знать, забило сердечко тревогу—
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ (I, 26).

Во второмъ примѣрѣ послѣ «знать» запятая, которой нѣтъ въ первомъ. Дѣйствительно, здѣсь чувствуется большая раздѣльность слова «знать» отъ слѣдующей фразы.

Отдѣляя запятыми всѣ слова вводныя, редакція не обращаетъ вниманія на то, что между ними встрѣчаются такія, которыя и по произношенію и по смыслу мало выдѣляются въ составѣ рѣчи и которыя никогда не отдѣлялись знаками въ текстѣ самого Некрасова. Словечки «вѣдь», «вишь», «благо» нерѣдко приближаются къ частицамъ, и выдѣлять ихъ знаками можно только при механическомъ взглядѣ на пунктуацію.

Редакція посмертнаго изданія не только ставитъ въ запятыхъ всѣ подобныя слова, но нерѣдко относитъ къ ихъ разряду и обыкновенныя нарѣчія и союзы: «вотъ», «наконецъ», «однако», «что ли» и т. п., которыя можно выдѣлять запятыми только при плохой грамотности и худыхъ ороографическихъ привычкахъ.

Относительно запятыхъ при междометіяхъ наша грамматика содержитъ правило, которое соблюдалось въ текстахъ Некрасова: «междометія *о*, *эй*, усиливающія восклицаніе, отъ звательнаго падежа не отдѣляются; напр. «о ты!», «эй пріятель»! (*Буслаевъ*: Историч. грамматика. Синтаксисъ. М. 1881, стр. 105).

Незнакомый съ этимъ правиломъ издатель Некрасова исправляетъ вездѣ его правописаніе безъ запятой послѣ *о* и *эй*, какъ ошибочное [1]).

Наша грамматика требуетъ отдѣлять запятою два рядомъ стоящія опредѣленія лишь въ случаѣ ихъ «однородности»: редакція посмертнаго изданія Некрасова обнаруживаетъ незнакомство и съ этимъ правиломъ пунктуаціи, соблюдавшимся поэтомъ, и даетъ рядъ неграмотныхъ поправокъ, ставя запятыя тамъ, гдѣ ихъ не было:

---

1) См. примѣры безъ запятой на стр. изданія самого Некрасова: I, 168; I, 201; III, 37...

Разъ, я видѣлъ, сюда мужики подошли,
Деревенскіе русскіе люди (III, 12).

И пó сердцу эта картина
Всѣмъ любящимъ русскій народъ! (III, 73).

Много натку я полотенъ,
Тонкихъ добротныхъ новинъ (III, 102).

И въ мягкія добрыя губы
Гришухино ухо беретъ... (III, 119).

Здѣсь, и въ другихъ подобныхъ примѣрахъ, посмертная редакція не пропустила случая сдѣлать неудачныя поправки, наставивъ запятыхъ между не однородными опредѣленіями.

Обидно то, что издатели, ставя по своему запятыя, искажаютъ иногда самый смыслъ Некрасовскаго текста. Такъ, при жизни Некрасова напечатано:

Вѣрь: постыдный порывъ подозрѣнья
Безъ того ему много принесъ,
Полныхъ муки, тревогъ сожалѣнья
И раскаянья поздняго слезъ... (I, 45).

Въ изданіи, вышедшемъ послѣ его смерти, находимъ, что пропущена запятая послѣ «принесъ», конечно, по небрежности, а послѣ слова «тревогъ» поставлена запятая, которой у поэта не было. Очевидно, редакторъ не понялъ, что здѣсь говорится о «тревогахъ сожалѣнья» и своей запятой заставилъ говорить Некрасова о «тревогахъ и сожалѣніи».

Некрасовъ печаталъ:

Такъ, любопытствуя, давилъ
Я страхи ложные въ себѣ (I, 195).

Въ изданіи 1902 года читаемъ:

Такъ любопытствуя, давилъ...

Поэтъ говоритъ, что онъ «такъ давилъ» страхи, а издатель заставляетъ читать, что онъ «такъ любопытствовалъ».

У Некрасова:

Да въ подрумяненыхъ губахъ
У нашихъ барынь городскихъ
И звуковъ даже нѣтъ такихъ (I, 197).

У позднѣйшаго издателя опять нѣчто совсѣмъ другое:

Да, въ подрумяненныхъ губахъ..

Также почему-то искаженъ смыслъ стиха:

Не жалокъ ей нищій убогой—
Вольно жь безъ работы гулять! (III, 72),

гдѣ, вмѣсто одного «убогаго нищаго», редакція, отдѣлившая запятою опредѣленіе отъ опредѣляемаго (запятая послѣ «нищій»), заставляетъ видѣть двухъ человѣкъ: убогаго и нищаго.

Такая же невнимательность, непониманіе текста, недостаточное знаніе русскаго правописанія видны и въ разстановкѣ другихъ знаковъ препинанія: точекъ, многоточія, восклицаній. Редакція ни сколько не стѣсняется измѣнять выраженную поэтомъ, при помощи знаковъ, большую или меньшую раздѣльность предложеній. То и дѣло на мѣстѣ Некрасовской точки—запятая, на мѣстѣ его запятой—точка. Мысли, которыя поэтъ считаетъ только близкими, сопоставленными и отдѣляетъ запятой или точкой съ запятой, редакція ставитъ въ зависимость другъ отъ друга и отдѣляетъ двоеточіемъ. Обиліе новыхъ многоточій и восклицаній придаетъ Некрасовскому стиху то недоговоренность, которой поэтъ самъ не находилъ, то крикливость, нарушающую художественную мѣру.

Число подобныхъ случаевъ слишкомъ велико, чтобы приводить ихъ всѣ и долго на нихъ останавливаться. Но вотъ два-три примѣра:

Отраднѣе всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней: усиліемъ мечты
Изъ мрака вызывать знакомыя черты (I, 57).

Двоеточіе замѣнено въ изданіи 1902 года запятою.

Всѣмъ извѣстная строфа:

Не говори, что молодость сгубила
Ты ревностью истерзана моей;
Не говори!... близка моя могила,
А ты цвѣтка весенняго свѣжѣй! (I, 100)—

дана съ пунктуаціей совершенно измѣняющей выраженіе третьей строки этого текста:

Не говори: близка моя могила... (I, 147).

У Некрасова:

Солнце смѣется... Ликуетъ природа!
Всюду приволье, покой и свобода... (II, 54).

Современное намъ изданіе отнимаетъ у второй фразы чувство и выраженіе, ставя почему-то на мѣстѣ восклицанія точку съ запятой.

Спросимъ также, почему передѣланы знаки въ стихѣ:

Вотъ то-то! мы съ молоду дурочки (III, 57)—

такимъ образомъ:

Вотъ, то-то мы смолоду дурочки (285).

Но мало ли грубыхъ и нелѣпыхъ ошибокъ можетъ сдѣлать человѣкъ, посредственно знающій русскую грамматику и начавшій «исправлять» поэта, одареннаго большимъ талантомъ, обладающаго замѣчательнымъ знаніемъ живого и книжнаго русскаго языка, прибѣгающаго въ своей поэзіи къ такимъ утонченнымъ пріемамъ выраженія, которые могутъ быть поняты и оцѣнены

не всякимъ лицомъ, привыкшимъ исправлять наобумъ корректуры.

Слѣдующее изданіе стихотвореній Некрасова (послѣднее 1905 года—повтореніе разсмотрѣннаго нами, напечатанное страница въ страницу), при значительномъ срокѣ протекшемъ послѣ его смерти, при измѣнившихся цензурныхъ условіяхъ, при опубликованныхъ новыхъ данныхъ, должно явиться болѣе полнымъ[1]). Желательно, чтобы оно было и вполнѣ свободнымъ какъ отъ указанныхъ нами неудачныхъ и неумѣстныхъ подправокъ, такъ и отъ множества грубыхъ опечатокъ и другихъ типографскихъ недосмотровъ.

В. Чернышевъ.

11 окт. 1907 г.

---

1) Не знаемъ, почему редакція выбросила объясненія, которыя давалъ поэтъ къ техническимъ и народнымъ выраженіямъ («Псовая охота», «Коробейники», «Кому на Руси жить хорошо»). Развѣ эти слова стали теперь понятны? Или читателю вмѣстѣ съ стихами Некрасова нужно покупать еще областные словари? Но даже у Даля (III печатающееся изданіе) мы не находимъ, напр. слова «отпазончилъ» (есть: «пазанчить» подъ словомъ: «пазальщикъ»), а объясненія другихъ словъ, напримѣръ: «Ухалица», «Любчикъ», повидимому, взяты у того же Некрасова и едва ли найдутся въ первомъ изданіи Далевскаго словаря.

В. С. Караджичъ и русская народная пѣсня.

Въ богатомъ собраніи бумагъ В. С. Караджича, находящемся теперь въ бѣлградской Академіи Наукъ, Л. В. Стояновичъ, разбирая переписку Вука и подготовляя ее къ изданію, нашелъ нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ и для исторіи русской пѣсни, которыя онъ любезно и предоставилъ въ мое распоряженіе во время моихъ лѣтнихъ занятій въ Сербской Академіи (1906 г.). Вотъ эти матеріалы.

I. Тетрадка почтовой синеватой, тонкой бумаги съ водянымъ знакомъ: «Г. Хлюстиныхъ 1817 г.», на 6 листахъ; стр. 2 об., 3 об., 4 об.—пустыя; на остальныхъ записаны пѣсни; почеркъ тщательный, кое-гдѣ поправки рукой писавшаго; нумерація страницъ – иной рукой. Писалъ, несомнѣнно, кто либо изъ русскихъ. Всего написано 5 пѣсенъ подъ заголовкомъ: «Россійскіе Пѣсьни»:

1) Дорогая моя хорошая,
Ты душаль моя, красна дѣвица!
Моя прежняя полюбовница,
Не сиди, мой свѣтъ, долго вечера...

2) Туманно красное солнышко, туманно,
Что въ туманѣ краснаго солнышка не видно;
Кручинна красная дѣвица, печальна.

3) Соловей кукушку подговарилъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ...

4) Какъ доселѣва у насъ братцы чрезъ темный лѣсъ,
Не пропорхивалъ тутъ братцы младъ бѣлой кречетъ.

5) Въ старые вѣки прежніе,
Не въ нынѣшніе времена послѣднія,
Какъ жилъ на Руси Суровецъ молодецъ.

Всѣ эти пѣсни, вѣроятно, кто либо изъ знакомыхъ В. С. Караджича во время его пребыванія въ Россіи (1819 г.) выписалъ для него въ качествѣ образчиковъ русской народной пѣсни; всѣ онѣ идутъ изъ Новиковскаго пѣсенника (1780 г.) цѣликомъ, безъ измѣненій; поэтому, ясно, большого интереса не представляютъ [1]).

II. Въ «Краткой россійской исторіи для начинающихъ, изданной Павломъ *Строевымъ*» (изд. 2-е, М. 1819 г.), подаренной авторомъ Вуку С. Караджичу [2]), на родословной таблицѣ (на задней сторонѣ) и чистыхъ листахъ книги (въ концѣ ея) карандашемъ рукой В. С. Караджича записаны 6 народныхъ русскихъ пѣсенъ, съ помѣткой: «деревња Полива»; а на обложкѣ внутри книги его же рукой: «Василіе Николаевичъ Головинъ Орловской губерніи въ Болховѣ дишо (?)». Пѣсни эти слѣдующія:

1) Випил рюмку,
Випил двѣ:
Зашумѣло в головѣ.
Засилал милой ко мнѣ.

2) Са васточной са сторонки
Холађон то студјон

---

1) Ср. Пѣсенникъ, II, 150, 151, 204. См. также Пѣсенникъ 1776 г., № 157 и 178.

2) На книгѣ надпись: «Вуку Стефановичу отъ автора. Москва 17 іюня 1819».

Вѣтерок паноситъ
Всѣ дубровушки с вѣтру разшумились.

3) Во лузи зеьонои
Выросла трава шелковая,
Раствѣли твѣти лазоревые:
Уже я тои травой выкрмлю коња.

4) По твѣтамъ дѣвки гуляли,
Твѣти алы саривали,
Вѣночки савивали,
На головку надѣвали.

5) Дѣвка колчиком стучит,
Свому баћушки кричит.

6) Сонце на закатьи,
А време на утратьи,
Сѣли дѣвки на лужокъ,
Ђе муравки и твѣтокъ.

III. Тетрадка въ 8 страничекъ подъ заглавіемъ: «*Народне руске пјесме*, писане у Орловској Губернији у селу Поливама». Это тѣ же пѣсни, что и выше, кромѣ № 5. Разница между этими записями та, что карандашная запись—это черновикъ, настоящая же бѣловой экземпляръ. Главное различіе въ правописаніи: въ чистовомъ оно уже нормировано по правиламъ сербской его же, Вука, графики; поэтому черновому *ю* соотвѣтствуетъ *ју*, *ѣ*—*је*, *й*—*ј*, *лѣ*—љe, *я*—*ја*, *ть*—*ћ*, *д'*—*ђ*, *нь*—њ и т. д. Въ черновой записи Вукъ въ общемъ придерживался русской орѳографіи, откинувъ лишь ъ; но по временамъ сбивался на сербскую графику; поэтому въ записи находимъ: отѣжџал (1,20)[1], приньос (1,23), холаћон (2 2), молоћец (2,5), гусеьки (2, пропущенная въ

1) См. ниже текстъ: крупная цифра—№ пѣсни, малая—строка.

чистовомъ строка, прим. 11), зељонои (3,1), прљог (5,22), коња (3,4,5, 4,11), баћушко (3,5,6), пољуби (3,8), парињ (4,14), ћела (4,15,16)[1]), ђе (5,4,5,9,17), раздајотса (5,12), јок (5,23), иђот (5,21); откидывая ъ, Вукъ кое-гдѣ по разсѣянности его оставилъ[2]).

Такимъ образомъ сравнивая со стороны фонетики обѣ записи, мы, разумѣется, должны отдать предпочтеніе черновой, какъ болѣе непосредственной: въ ней мы видимъ колебаніе между *ы* и *и*, вполнѣ понятное для Серба; мягкость *с* и *р*, несомнѣнно чувствовавшаяся Вукомъ, когда онъ слушалъ, въ черновикѣ отмѣчена, въ бѣловомъ стерта и т. п. Печатая же чистовой экземпляръ, мы имѣли въ виду дать результатъ работы Вука надъ русской фонетикой, передать его представленіе о взаимоотношеніи русской и сербской фонетики; всѣ же отличія первоначальной записи сохранены въ примѣчаніяхъ къ пѣснямъ. Пѣсня № 5 цѣликомъ и точно печатается по черновику.

Въ перепискѣ Вука нашлось и точное указаніе, когда записаны эти пѣсни; это—письмо его къ Копитару изъ Кишинева, когда онъ возвращался черезъ Румынію изъ Россіи[3]) и сидѣлъ въ карантинѣ въ Кишиневѣ, 13 Авг. 1819 г.; вотъ изъ него относящійся сюда отрывокъ[4]): «Аџијнско благословеније на Вас од свију Србуља, које се у Москви налазе, и од Кијевскије чудотвораца; од *простије* Руса, и од њиовога језика и пјесама... Из Москве нијесам више ћео ићи на пошти, него сам најмио једнога извозшчика до Кијева, и пошао сам с њим полако да учим руски; у Орловској губернији сједили смо два дни, и ту сам написао неколико руски пјесама, из уста руски жена и ђевојака (и то ће, може бити, бити прве руске пјесме (и

1) Первоначально написалъ: «цела».

2) Всѣ случаи отмѣчены ниже въ примѣчаніяхъ.

3) Ср. Пл. Кулаковскій, Вукъ Караджичъ (М. 1882), стр. 77—78.

4) Цѣликомъ вышло въ «Перепискѣ» Вука, издаваемой Сербской Академіей (I, 176); отрывокъ до печати сообщенъ мнѣ Л. Стояновичемъ.

ријечи!), које су онако написане, као што и народ пјева и говори. . .»)[1]).

И, повидимому, Вукъ былъ правъ: ранѣе 1819 года фонетическихъ записей русскихъ пѣсенъ, кажется, не извѣстно.

1.

Випил рјумку, випил двје—
Зашумјело в головје.
Засилалъ милој ко мње,
Јшчо[1]) милој дорогој,
Вељел знаћ,
Што би[2]) ја ишла гуљаћ.
Ја у матушки родимој
Просиласа погуљаћ:
«Сударињa маја маћ!,
Позвољ вити погуљаћ».
Позволење маћ дала,
С мили[3]) видитса пошла.
Не успјела вити вон,
Стоит милој предо мној,
Говорит рјечи со м(н)ој:
«Здраствуј, лапушка моја!
Давно ја ждал тебја,
Сударињa ти[4]) моја.
Мења дома пе было:
Во дорошку отјежџал[5]).
Ни печалса, ни тужи:
Сејчас буду сјуди.

1) Т. о. ясно, какъ и бѣловая запись сохранилась въ бумагахъ Вука: она была послана Копитару; а все, касающееся отношеній между ними, по смерти Копитара взято Вукомъ назадъ и теперь въ бѣлградской Академіи.

1) Јисчо 2) бы 3) милым 4) Сударушка ты
5) отѣжѕал

Ја[6]) пришол к тебје не даром:
Прињос, лапушка, подарок,
Подарчик дорогој:
Грњетуровој платок,
На шејушку жемчушку[7]),
На бјелују груђ цјепочку».

2.

Са васточној са сторољки[8])
Халађон[9]) то студјон
Вјетерок паносит:
Всје дубровушки с вјетру разшумилис[10]).
По дубровушки молођец гуљајет[11]),
Душу ли, душу ли краснују дјевушку забављајет.
Во шуму во гаму ничего не слишно[12]),
Только слишна[13]) один голосочек—
Голосочек пе простова—казака Донского[14]):
Казаченка[15]) на Дону гуљајет,
Ничего[16]) пе знајет.

3.

Во лузи зељоној
Виросла[17]) трава шолковаја,
Раствјели твјети лазоревије[18]).
Уж ја тој травој викрмљу[19]) коња,
Поведу та коња к баћушки:
«Государ ти[20]) мој, баћушка!

---

6) И въ чистовомъ: Я. 7) земчушку 8) сторонки 9) холађон 10) разшумились. 11) Дальше стихъ, пропущенный въ чистовомъ: В возвончатые гусельки играет. 12) слышно 13) слышна 14) Данскова. Стихъ раздѣленъ на два. 15) Казачинка 16) Ничево 17) выросла... шелковая 18) лазоревые 19) выкрмлю 20) Государь ты

Ти прими слова ласкаваја,
Пољуби привјетљиваја!
Не давај за старова за муж:
Уж и стар добрјеј и неровње мње.
Ты отдај мења за ровњушку!
Уже ја с ровњушкај гуљаћ појду
И ровњушки калач купљу.
Сам би ти сјел[21]), да нечева[22])».

4

По твјетам дјевки гуљали,
Твјети али[23]) сариваля,
Вјеночки савивали,
На головку надјевали,
Домој одти[24]) припоздали—
Припоздали приустали:
Под куст сјели одохнули.
Зли[25]) собаки набјежали,
Красних[26]) дјевок испужали.
На ту пору—на тот час
Самохотник најежџал,
Са добра коња сљезал,
Љубов дјевушки сказал.
«Иди ко мње, парењ[26а]), смјела,
Гледи моја ћела бјела;
Маја ћела припоћела,
Разгуљатса захотјела».
Војду ја во горинку,
Сјаду ја на лавочку,
Возму балаланчку,

---

21) бы ты сѣл 22) нѣчева; надъ ѣ—е. 23) алы 24) идти
25) Злы 26) Красных 26а) парнь.

Стану ја играћи[27]),
Јищо пѣсни припјевати:
Јарославским извозчикам[28])
В Сумах пожеласа—
Прибогатиласа.
По Сумам гуљали
Серебро на мјеђ[29]) мјењали,
Муку, солот покупали,
Да браженки[30]) варили
И дља погреба томили,
Красних[31]) дјевушек поили,
Домој проводили,
Проводили до крилца[32]),
До новој до горници[33]),
До свјетлој до свјетлици[34]).

5.

Сонце на закаћи[35]),
А време н'утраћи[36]):
Сјели дјевки на лужок,
Ђе муравки и[37]) твјеток,
Ђе ми[38]) с вечера рјезвилис[39]),
В караводје[40]) веселилис[41])
Во пријатној тишиње[42])
Под березоју одње.
Ђе ти, ђе ти в рукаву,
Без тебја, радаст[43]), умру.
Слишу Вањин[44]) голосок,
Раздајотса во љесок.

---

27) игратьи 28) извощикам 29) мѣдь 30) Да браженку 31) Красныхъ 32) крылца. 33) горницы 34) свѣтлицы. 35) закатьи 36) нутратьи 37) о, поправлено на и 38) мы 39) рѣзвились 40) кораводѣ 41) веселились 42) тишинье 43) радость 44) Слышу Ваньии

Всје дјевушки испугалис[45])
За кустиħи[46]) пометалис[47]).
А Анушиньки дружок
Садиласа на лужокъ,
Ђе муравка и твјеток,
Са трави твјет рвала,
Из твјетков то вѣнки вила;
Не успјела клас пучечки,
Иђот милој иза рјечки,
Подошол к Ањи[48]), прињог,
А у Анњуши ти серце јок:
Сердце сердцу покорилос[49]),
Шчочки разумом[50]) покрилис[51]).
Но љубов в свјетје одна
От природи дана,
От матушки от родној
От дјевушки молодој[52]).

6[53]).

Дѣвка колчиком стучит,
Свому баħушки кричит:
«Ох, ты, баħушко родимой,
Отвор' нову горницу,
Пусти меня дѣвицу!»

М. Сперанскій.

---

45) испугались 46) куститьи 47) пометались. 48) к (мнѣ) Аньи 49) покорилось 50) розаномъ? 51) покрились 52) (од) молодой 53) Этой пѣсни въ чистовомъ нѣтъ.

Н. И. Надеждинъ-сотрудникъ Вѣстника Европы *).

(Окончаніе).

Мысли о значеніи художественнаго творчества были развиты болѣе подробно въ критическихъ статьяхъ, написанныхъ знаменитымъ «экс-студентомъ» Никодимомъ Аристарховичемъ Надоумкомъ. Внѣшняя форма, въ которую «экс-студентъ» облекалъ свои воззрѣнія, — весьма оригинальна. Авторъ рѣдко говорилъ отъ своего имени; онъ больше любилъ изобразить сценку, гдѣ дѣйствующими лицами являются люди, причастные литературѣ и принадлежащіе къ разнымъ лагерямъ и партіямъ. Среди этихъ людей есть приверженцы и противники самого Надоумка, который, соглашаясь съ первыми, старается осмѣять вторыхъ. Фамиліи ихъ отзываютъ ложно-классицизмомъ и указываютъ на характерныя особенности склада ихъ ума и понятій. Знакомые Надоумка, обыкновенно собираются для литературныхъ споровъ въ его «выспренній чертогъ», находящійся въ третьемъ этажѣ одного дома, расположеннаго около Патріаршаго Пруда. Живущій здѣсь отшельникъ, отстранившійся отъ мірской суеты, любитъ въ дурную весеннюю и зимнюю погоду погрузиться въ сладкія грезы либо поразсуждать на отвлеченныя темы, пофилософствовать. За стѣнами «уединенной каморки» «глухо шумитъ» вѣтеръ, «заносящій снѣжными хлопьями окна» и покрывающій «ледянымъ ковромъ» «сонныя воды» Патріаршаго Пруда,

---

*) См. Извѣстія, т. XII, кн. 2, стр. 381—403, кн. 3, стр. 117—146.

а «хозяинъ» «пріютится послѣ обѣда въ большихъ зыбучихъ креслахъ съ трубкой во рту, вслушивается въ гулъ сѣверной эоловой арфы», погружается въ «блаженное состояніе небрежнаго сочувствія съ брюзжащею природою» и находитъ, что «уединенное затворничество для него не совсѣмъ безъ прелестей». «Правда, вещественный кругозоръ его не очень обширенъ. Изъ оконъ его скромной камер-обскуры» «виднѣется одинъ только небольшой уголокъ Москвы, да и то самый незавидный, объ-онъ-полъ шумнаго вала. Но зато, у кого нѣтъ своего услужливаго хромоногаго бѣса, который, по магическому заклинанію фантазіи, не готовъ былъ бы вскрыть предъ нами всѣ кровли отъ скромной Кудринской хижины до высокихъ палатъ на Дмитровкѣ?.. И такъ, благодаря Бога! жаловаться не на что! Была бы лишь охота наблюдать и размышлять, а былей довольно!»[1]).

Потолковать о литературныхъ «быляхъ» особенно пріятно съ «любезнѣйшимъ», «добрѣйшимъ» Пахомомъ Силичемъ Правдивинымъ, желаннымъ гостемъ Надоумка. Это былъ «почтенный старикъ, оснѣженный, но не изможденный временемъ». «На его челѣ, изрытомъ глубокими браздами, лежала печать опытности, и во взорѣ его, не погашенномъ лѣтами, свѣтилось кроткое величіе, плодъ заслуженнаго довѣрія къ самому себѣ». Онъ много видѣлъ на своемъ вѣку, многому научился и многому можетъ научить другихъ. Онъ служилъ когда-то корректоромъ въ университетской типографіи; потомъ вышелъ въ отставку, поселился въ маленькомъ домикѣ «у Спаса въ Чигасахъ, за Яузою», сталъ вести замкнутый образъ жизни, слѣдя за развитіемъ русской литературы и въ то же время почитывая «opera omnia» Платона, Аристотеля, Цицерона и другихъ античныхъ писателей. Въ немъ можно видѣть резонера—выразителя мнѣній автора.—Не похожи на Пахома Силича другіе собесѣдники Надоумка. Одинъ изъ нихъ, Флюгеровскій, «старинный землякъ, товарищъ и другъ

---

1) *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 21, стр. 6 — 7; 1829, № 1, стр. 9; № 8, стр. 290; № 10, стр. 114—115; № 22, стр. 104; 1830, № 7, стр. 183—184.

дѣтства» экс-студента, «юноша не безъ талантовъ и не безъ познаній, подававшій о себѣ самыя блестящія надежды, по несчастію, увлекся всеобщимъ вихремъ мнимо-философскаго науконенавидѣнія, вознегодовалъ на ученіе, сбросилъ съ себя тяжкую узду систематической дисциплины, и, не дожидаясь окончанія студенческаго курса, выѣхалъ ратовать на чистое поле подъ знаменами литературнаго неологизма, проповѣдующаго безъ наукъ всезнаніе, безъ трудовъ славу, безъ заслугъ безсмертіе. Между тѣмъ, онъ сохранилъ еще кое-какіе остатки прежняго своего образованія и тихомолкомъ иногда позволялъ себѣ прошептать нѣсколько цитацій изъ Горація и Виргилія тамъ, гдѣ не боялся измѣны».—Этой похвальной привычки не имѣетъ третій гость Надоумка—Тлѣнскій, «залетная птаха», «драгоцѣнный образчикъ нашихъ литературныхъ матадоровъ», съ которыми трудно «ладить», такъ какъ они «рады все изломать, все исковеркать, лишь бы надѣлать болѣе шуму». Тлѣнскій ненавидитъ «старинныя бредни», приходитъ въ ярость при упоминаніи о «добрыхъ грекахъ», за то не «отстаетъ отъ своего вѣка»: онъ—свой человѣкъ въ «дружескомъ кругу» славныхъ поэтовъ: Ѳенрскаго, Вѣтрогонова и другихъ. — Таковы знакомые Надоумка, въ бесѣдѣ съ которыми онъ находитъ своеобразное развлеченіе и любитъ коротать длинные унылые вечера за чашкою чаю[1]). Литература—любимая тема ихъ разговоровъ и споровъ.

Литература — заявляетъ Пахомъ Силичъ, а за нимъ и самъ гостепріимный хозяинъ — «блистательнѣйшее проявленіе», или «цвѣтъ человѣчества». «Она вмѣстѣ съ нимъ прозябаетъ, распускается и возрастаетъ. Но само человѣчество есть не что иное, какъ непрестанное развитіе. Его каждое явленіе условливается предыдущимъ и условливаетъ послѣдующее. Настоящее есть плодъ прошедшаго и сѣмя будущаго». Поэтому и литература «подлежитъ тому же закону постепенности»; «ея духъ, въ каж-

1) *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 21, стр. 9—11; № 22, стр. 106—107, 1829, № 1, стр. 12; № 8, стр. 290—296; № 9, стр. 46; № 10, стр. 115, 117—118, 121—122; № 22, стр. 106; 1830, № 7, стр. 184, 204.

домъ моментѣ ея существованія», представляетъ собою «органическое развитіе воплощающагося духа человѣческаго» и «не иначе можетъ быть постигнутъ, уловленъ и изложенъ, какъ только чрезъ непрерывное преслѣдованіе его постепеннаго образованія». «По представительной системѣ, составляющей вѣчный законъ бытія вселенной», все современное «предображалось» въ минувшемъ, — «и кто хочетъ обнять» человѣчество «въ настоящемъ полномъ раскрытіи, долженъ прежде видѣть оное въ миніатюрномъ стеклѣ прошедшаго». Историческая точка зрѣнія необходима для истолкованія и политическихъ событій, и судебъ внутренней, духовной жизни народовъ. «Шеллингъ изъясняется Плотиномъ такъ же, какъ Наполеонъ Цезаремъ. Гете есть новое изданіе Эврипида, Шиллеръ—второй экземпляръ Виргилія. Возвести сію непрерывную систему повторенія ко всеобщимъ законамъ духа человѣческаго—вотъ задача теоріи изящной словесности, вотъ философія литературы». Но построеніе исторической поэтики—дѣло большой трудности, дѣло будущаго. Надоумко не берется разрѣшить эту задачу, онъ только намѣчаетъ пути для дальнѣйшихъ поколѣній, намѣренъ положить въ основу критики философскія начала. «Здравый вкусъ», «безотлучный дядька рѣзвой и своевольной фантазіи, обоснованный на прочныхъ и мудрыхъ правилахъ, извлеченныхъ изъ внутреннихъ законовъ творящаго духа и повѣренныхъ вѣковыми опытами достойнѣйшихъ изъ представителей» науки и искусства, охранитъ нашего мыслителя отъ заблужденій.

Чтò такое поэзія? — Поэзія — «языкъ боговъ», выразительница красоты, или гармоническаго сліянія истины съ добротою. Она есть плодъ того состоянія души избранника небесъ, когда послѣдняя, «повинуясь высшему неземному влеченію таинственнаго вдохновенія, восторгается за тѣсные предѣлы обыкновенной посредственности» и, «исполненная вакхическаго упоенія», охвачена «неукротимымъ восторгомъ» (amabilis insania, dulce periculum). И въ этомъ «высочайшемъ безуміи», по словамъ Горація, проявляется высочайшій умъ.

«Nil parvum aut humili modo,
Nil mortale loquar».

Природа — источникъ изящныхъ искусствъ, и въ поэзіи отражается «божественная гармонія», «величественные и торжественные» отзвуки которой «тонкій слухъ Пиѳагоровъ» уловитъ «во всѣхъ неисчислимыхъ явленіяхъ дольняго міра». «Дѣло искусства — подслушивать таинственные отголоски сей вѣчной гармоніи и представлять ихъ внятными» для обыкновеннаго смертнаго «въ согласныхъ ритмическихъ аккордахъ. Это должно составлять первоначальную и существенную тему всякой поэзіи! Отчего мраморъ, одушевленный подъ рѣзцомъ Фидіевъ и Лизипповъ, растворяетъ души зрителей сладкимъ восторгомъ? Оттого, что рука художника, совокупивъ въ немъ различныя черты, коихъ союзъ неощутителенъ въ природѣ, освѣтила ихъ магическимъ свѣтомъ, пробуждающимъ предощущеніе ихъ внутренняго сокровеннаго единства... И чѣмъ легче, чѣмъ свободнѣе душа» постигаетъ «сіе *единство*, — тѣмъ совершеннѣе произведеніе! Это-то называется на мистическомъ языкѣ нѣмецкихъ эстетиковъ — *идеализированіемъ* или твореніемъ по *идеаламъ!*.. Идеалъ у нихъ означаетъ фантастическую *цѣлость идеи*, воплощаемой художникомъ въ его творческомъ произведеніи». Итакъ, изъ природы почерпаются идеи; ея соревновательницей является поэзія, которая, «изображая природу въ ея первообразной красотѣ и лучезарности», пробуждаетъ въ людяхъ чувства любви и наслажденія. «Природа есть безпредѣльное зданіе, проникнутое однимъ духомъ во всѣхъ безчисленныхъ частяхъ своихъ. Въ ней вездѣ жизнь — вездѣ поэзія! Величественныя Альпы и мшистый камень — равно говорятъ воображенію; только одинъ нашептываетъ то, что̀ другія проповѣдуютъ велегласно. Не въ одномъ только грозномъ рокотѣ грома слышится эхо вѣчной гармоніи, одушевляющей вселенную; ухо чуткое чуетъ ее и въ щебетаніи ранней ласточки, и въ жужжаніи вечерняго жука, и въ чиликаньи запоздалаго кузнечика». Ut pictura poësis! Пусть же она

«изображаетъ намъ вѣрно то, что видитъ и слышитъ въ природѣ». «Безъ сомнѣнія, великая картина природы составлена изъ смѣшенія свѣта съ тѣнями; часто также заблужденія и страсти людскія покрываютъ ее мрачными пятнами»; иногда «сама природа забываетъ свою важную степенность до того, что пародируетъ самое себя». А *«гдѣ жизнь окисаетъ и плѣснѣетъ, тамъ поэзія имѣетъ полное право морщиться и гримасничать»*. Художнику не запрещается *«оттѣнять свои эскизы по примѣру великой первохудожницы — природы»;* но онъ не долженъ забывать, что *«изящество картинъ составляется изъ свѣтлотѣни, а не изъ одной только тѣни мутной и грязной»*. И даже *«въ отребія рода человѣческаго геній поэта умѣетъ заронить искры нравственнаго достоинства, свидѣтельствующія о неизгладимости величія природы человѣческой подъ самымъ позорнѣйшимъ клеймомъ уничиженія»*. Вотъ въ чемъ состоитъ *«поэтическая реальность!»*

Изображать отрицательныя явленія необходимо съ *выборомъ*. Не всегда можно оправдаться отъ нареканій читателя словами: «Все это правда! все это вѣрный снимокъ съ натуры!» Вѣдь, «въ натурѣ» есть много «вещей, которыя совсѣмъ нейдутъ для показу». Иныя «безпутства» слишкомъ сильно «оскорбляютъ» и унижаютъ человѣческое достоинство, и потому желательно, «чтобы они не выходили никогда изъ того мрака, въ коемъ обыкновенно и совершаются». Наоборотъ, иная «изнанка вещественной нашей жизни» можетъ быть «предметомъ творческой дѣятельности», но зато нуждается въ соотвѣтствующемъ *освѣщеніи*. «Буйная игра страстей, какъ извращенное отраженіе величія человѣческаго», либо «карикатурные гротески смѣшныхъ слабостей и заблужденій» должны изображаться подъ извѣстною «точкою зрѣнія». Нельзя «любоваться изведенною на позоръ срамотою наилучшаго созданія Божія»; пороки слѣдуетъ представлять «въ идеальномъ свѣтѣ сострадавія о несообразности ихъ съ нашимъ достоинствомъ и назначеніемъ». Поэзія «не балуетъ, а *очищаетъ вкусъ*»; отсюда — «эстетическая полировка ощущеній

(*κάθαρσις φόβου καὶ ἐλέου*), которую нѣкогда старикъ Аристотель поставлялъ въ необходимый законъ ужасающей трагедіи».

Какъ «вѣрное зеркало» природы, поэзія отличается «*естественностью, оригинальностью* и *народностью*». *Естественность* есть непремѣнное «условіе искуственнаго изящества — требованіе вѣковъ, а не... вѣка». Подъ ней разумѣется не то, что «разсказываемыя событія *могутъ случиться* со всякимъ. Для истинно поэтической естественности не довольно одной всзможности, — нужна нравственная *необходимость* событій; нужно, чтобы происшествія, составляющія историческую цѣлость» романа, драмы или поэмы «были такого рода, что *не могли бъ не случиться* съ дѣйствующими лицами *въ силу даннаго имъ характера* и обстоятельствъ, въ коихъ они поставлены; нужно, чтобы сіи самыя обстоятельства не снизывались въ одно пестрое ожерелье по капризному своеволію автора, а развивались сами изъ себя по законамъ всеобщаго порядка нравственной вселенной». — *Оригинальность* важна потому, что выражается въ «покушеніяхъ итти новою непроторенною дорогой»; а «каждый новый шагъ духа человѣческаго, хотя бы онъ былъ самый ошибочный, обогащаетъ лишнимъ фактомъ исторію человѣчества и—слѣдовательно—имѣетъ цѣну въ глазахъ наблюдателя». «*Оригинальность* или *самообразованность*, сколь бы ни была уродлива и безобразна сама въ себѣ, можетъ спасти запечатлѣнное ею произведеніе отъ забвенія и дать ему уголокъ въ археологическомъ музеумѣ». — Не меньшее значеніе, чѣмъ оригинальность, имѣетъ *народность*, которая состоитъ не «въ искусствѣ накидывать русскія пословицы и поговорки, гдѣ ни попало», не въ «именахъ и нарядахъ», а въ отраженіи «внутренняго духа великаго человѣческаго семейства, составляющаго націю. Этотъ духъ отливается на каждомъ народѣ особенною характеристическою физіономіей, коей черты, раздробленныя въ многочисленныхъ и многоразличныхъ звеньяхъ, изъ которыхъ онъ составляется, бывъ возведены подъ одинъ всеобъемлющій взоръ, представляютъ одно полное цѣлое». Знаніе исторіи спо-

собствуетъ точному отраженію народности; характеры историческихъ лицъ должны быть «развиты и объяснены» правдиво, «безъ искаженія».

«Соразмѣрность съ цѣлію безъ цѣли» (Zweckmässigkeit ohne Zweck) является «началомъ эстетическаго изящества». Этому положенію «знаменитаго» Канта вполнѣ удовлетворяетъ поэзія. Изящное произведеніе «имѣетъ единственную цѣль свою въ самомъ себѣ, не подчиняясь никакимъ внѣшнимъ постороннимъ видамъ»; оно — «свободное изліяніе свободнаго духа», не создается «на заказъ, по ремесленническимъ расчетамъ». «Сію-то глубокую мысль, облеченную Кантомъ въ трансцендентальный туманъ, великій Шиллеръ выразилъ съ поэтическою силою въ прекрасномъ отвѣтѣ Рудольфа престарѣлому пѣснопѣвцу:

Nicht gebieten werd'ich dem Sänger . . .
. . . .
Er steht in des grösseren Herren Pflicht,
Er gehorcht der gebietenden Stunde:
Wie in den Lüften der Sturmwind saust,
Man weiss nicht von wannen er kommt und braust,
Wie der Quell aus verborgenen Tiefen:
So des Sängers Lied aus dem Innern schallt,
Und wecket der dunkeln Gefühle Gewalt,
Die im Herzen wunderbar schliefen».

Творецъ поэтическаго произведенія — «оригинальный» и «самобытный» *геній*, «зиждительный духъ, воззывающій изъ нѣдръ своихъ собственныя самородныя и самообразныя изящныя формы для воплощенія вѣчныхъ идей, созерцаемыхъ имъ во всей небесной ихъ лѣпотѣ». Геній — «Deus in nobis». «Его солнце есть идеалъ вѣчной красоты. Онъ можетъ составлять звено въ планетной системѣ геніевъ, обращающихся вокругъ одного средоточнаго начала, но никогда не можетъ и не долженъ быть спутникомъ другого генія!». Какъ могучая сила, геній

«неудобомыслимъ безъ *законовъ*, сообщающихъ опредѣленное направленіе его дѣятельности и опредѣленный характеръ бытію его. Для силъ физическихъ, мертвыхъ и слѣпыхъ, сіи законы суть непреложные уставы верховнаго міроправительнаго порядка, коимъ онѣ повинуются съ безусловною покорностію, непрекословно и неуклонно. Но силы, составляющія духовный организмъ человѣческій, суть *силы свободы. Онѣ дѣйствуютъ сами изъ себя, по собственнымъ своимъ представленіямъ, намѣреніямъ, расчетамъ и даже прихотямъ*, — почему вѣчные законы, предначертанные имъ благою матерію природою, не имѣютъ для нихъ столь же безусловно обязательной силы, какъ для безжизненныхъ сестеръ ихъ. *Пользуясь правомъ свободнаго выбора, онѣ властны располагать своею дѣятельностію, какъ имъ угодно; властны настраивать ее въ любые тоны, направлять по любымъ дорогамъ, устремлять къ любой цѣли.* Отсюда безпрестанныя волнованія умовъ, воль и вкусовъ, составляющія существенный характеръ исторіи духа человѣческаго! . . Но, вѣдь, истинный-то путь можетъ быть только одинъ; безчисленны лишь распутія. Тогда только свобода, составляющая стихію бытія человѣческаго, есть истинная свобода, достойная разумно-нравственныхъ существъ, а не капризное своеволіе, когда она сама изъ себя, не по рабскому инстинкту, но по благородному самоотверженію, добровольно подчиняетъ себя вѣчнымъ законамъ мудрой природы. Сіе благоговѣйное самоподчиненіе должно составлять высочайшее достоинство генія, какъ любимаго первенца природы и свободы въ дѣйствіяхъ разума». По опредѣленію Шеллинга, *«геній есть высочайшее гармоническое сліяніе въ человѣкѣ безконечнаго съ конечнымъ, свободы съ необходимостію»*, то-есть онъ «долженъ состоять въ сообразности высочайше-свободныхъ творческихъ силъ духа человѣческаго съ необходимостію вѣчнаго порядка міродержавной законодательницы природы». Яснѣе говоритъ Кантъ, «называя геній *естественнымъ дарованіемъ души, чрезъ которое природа даетъ искусству правила.* Это значитъ, что генію принадлежитъ

только высшая исполнительная власть уставовъ природы, единой верховной законодательницы искусства. Итакъ, *для генія существуютъ свои непреложные законы*, коимъ онъ долженъ покоряться и за невыполненіе коихъ подлежитъ суду и отвѣту. *Хранилище сихъ священныхъ законовъ, неоспоримо, есть самъ духъ человѣческій — зѣница отображающая и созерцающая въ самой себѣ всю природу»*.

Геній легко читаетъ «великую книгу природы», почерпая изъ нея «матеріалы и краски»; онъ «смотритъ на вселенную не сквозь одноцвѣтный микроскопъ ученыхъ системъ, но сквозь радужную призму живыхъ, младенчески простыхъ и довѣрчивыхъ ощущеній». А чтобы имѣть «чувство зоркое и здравое, изощренное надлежащимъ образомъ, чтобы постигнуть и усвоить прелести природы», геній долженъ «выдержать строжайшій искусъ». «Посвящающимся въ таинства творческаго искусства» «ничто не достается даромъ».

«Qui studet optatam cursu contingere metam,
Multa tulit fecitque puer, sudavit et alsit,
Abstinuit venere et vino; qui Pythia cantat
Tibicen, didicit prius extimuitque magistrum».

«Но, говорятъ, поэтическій инстинктъ можетъ замѣнить для генія всю школьную пыль учености! Природа де познается не изъ книгъ и не за скамьями: сердце свое можно изучать самому, безъ указки профессорской»: «вѣдь, Гомеръ и Шекспиръ не учились въ университетахъ». — Подобное возраженіе не выдерживаетъ критики. «Гомеръ учился всю жизнь свою: его «Иліада» и «Одиссея» написаны не по однимъ слухамъ, а съ собственныхъ долговременныхъ наблюденій надъ обычаями различныхъ странъ и народовъ. Что до Шекспира», то на него немыслимо «ссылаться какъ на образецъ генія - неуча. Шекспиру не совсѣмъ была чужда классическая древность, составляющая издавна родовое наслѣдіе всѣхъ европейскихъ націй». «Творецъ Генриха IV и двухъ Ричардовъ» «смелъ» не мало «пыли со ста-

ринныхъ отечественныхъ лѣтописей». «Гомеръ и Шекспиръ знали, слѣдовательно, природу и сердце не по одному только инстинкту. Оттого-то ихъ творенія дышатъ поэтическою истиною и составляютъ наслѣдственное богатство всего человѣчества».

Такъ «извлекаются изъ наблюденій» надъ безсмертными художественными произведеніями «законы искусническаго творчества». Подобные «законы, будучи собраны и приведены въ систематическій порядокъ, составляютъ» особое «уложеніе», «содержащее въ себѣ правила», которымъ «должны быть безпрекословно подчиняемы» всѣ наши «творческія дѣйствія и по которымъ должны судиться всѣ преступленія» «противъ добраго вкуса». Этими законами, обыкновенно, руководствуется критикъ, жаждущій истины и желающій быть полезнымъ обществу. Хорошій критикъ не можетъ «принадлежать ни къ какой партіи», ибо «партіи въ области изящныхъ искусствъ», отражающихъ «вѣчную гармонію», — явленіе глубоко ненормальное, причина «раздора и междоусобій въ святилищѣ кроткихъ харитъ»[1]); онъ можетъ быть лишь приверженцемъ извѣстной «школы художества», имѣющей свои «особенные оттѣнки въ способахъ воплощать единое прекрасное». Внѣпартійнымъ считалъ себя и нашъ мыслитель, приступая къ оцѣнкѣ современной ему русской литературы. Къ ней предъявлялъ онъ свои строгія требованія, — и сразу увидѣлъ, насколько теорія расходится съ практикой, какъ далека дѣйствительность отъ намѣченнаго имъ идеала. Съ неумолимою логическою послѣдовательностію пришелъ онъ къ самымъ печальнымъ выводамъ, и не могъ не разочароваться[2]).

1) Ср. *A. W. Schlegel.* Sämmtliche Werke. Leipzig, 1846. Fünfter Band, S. 12: «Die einseitige unwillkürliche Vorliebe macht keineswegs den Kunstkenner, sondern im Gegentheil die freie Haltung über abweichenden Ansichten mit Verläugnung persönlicher Neigungen».

2) *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 21, стр. 14—24; № 22, стр. 83—85; 89—103; 1829, № 1, стр. 18—19; № 3, стр. 220—227; № 7, стр. 200—201, 204—205; 210—211; № 8, стр. 295—296, 299—301; № 9, стр. 17—22, 25, 38—40, 42—46; № 10, стр. 128—129; № 11, стр. 198—202, 207, 213—214, 216—217; №№ 22—23; 1830, № 7, стр. 213—215; 219, 224.

Въ самомъ дѣлѣ, «какое странное зрѣлище представлялъ нашъ Парнассъ»? «Истинная красота, кажется, одна,—и посему всѣ посвящающіе себя ея служенію не должны бъ ли были составлять единаго священнаго братства, проникаемаго и оживотворяемаго единымъ духомъ любви»? Но между тѣмъ «сыны благодатнаго Феба, жрецы кроткихъ музъ, только что не вцѣпляются другъ другу въ волосы. Куда ни обернись—вездѣ шумъ и крикъ, вездѣ смуты и сплетни, вездѣ свары и брани. Кровь чернильная льется потоками въ междоусобныхъ сѣчахъ», и перья-стрѣлы «изощряются только на взаимное пораженіе и истребленіе. Это чудное состояніе нашей литературы имѣетъ, однако, свои основанія, изъ коихъ легко изъясняется. Времена безначалія и самоуправства были всегда временами междоусобій и въ политическомъ мірѣ. По ниспроверженіи всѣхъ законовъ и правъ, назидающихъ всеобщее благоденствіе на сосредоточеніи всѣхъ умовъ и воль въ единое гармоническое цѣлое, остается только одно *кулачное право* (*Faustrecht*)! Имъ сопровождалась нѣкогда анархія, порожденная политическимъ романтизмомъ среднихъ вѣковъ,—и по естественному порядку вещей, оно же является теперь и въ нашей литературѣ, увлеченной во всѣ ужасы безначалія лживымъ призракомъ романтической свободы. Послѣ того, какъ законодательная власть здраваго вкуса признана торжественно несовмѣстною съ безусловною свободою генія и отвергнута, какъ широкое злоупотребленіе; послѣ того, какъ освященныя древностью и оправданныя вѣковыми опытами правила, составлявшія доселѣ коренное уложеніе критическаго судопроизводства, провозглашены постыдными оковами, осрамляющими безграничное самодержавіе творящаго духа, и отринуты съ поруганіемъ и презрѣніемъ, какъ ребяческія погремушки, забавляющія раболѣпную посредственность; послѣ того, удивительно ли, что каждая оторви-голова» «безбоязненно восхищаетъ себѣ право литературнаго Робеспьера и готова отстаивать возвышенный постъ, захваченный ею въ смутныя времена всеобщаго треволненія?.. Своя рука владыка, когда за-

коны теряютъ владычество! И ежели правда, ограждаемая всею силою законовъ, рѣдко находитъ благопріятный доступъ къ слуху обличаемаго самолюбія, то чего должно ожидать ей въ сіи бурныя времена своеволія и самоуправства, когда каждое литературное насѣкомое расправляетъ съ гордостію свое крапивное жалишко, чтобы колоть всякаго, осмѣливающагося отказывать въ незаслуженномъ удивленіи его великимъ подвигамъ, которые дивятъ весь, обитаемый имъ, муравейникъ». Оттого русская литература, эта «бѣдная Пенелопа»—«предметъ опасеній, надеждъ и желаній» нашего критика—«во цвѣтѣ юности повита вдовьимъ печальнымъ крепомъ». Лихая бѣда приключилась съ нею! «Долго придется ей оставаться безплодною пустынею», если особаго типа «штукари безнаказанно будутъ наѣздничать по полямъ ея! Затопчутъ послѣднія добрыя сѣмена, ввѣряемыя имъ рукою благомыслящихъ дѣлателей».

«Геніи — скороспѣлки», «автодидактическіе всезнайки», «не оперившись», «уже выпорхнули изъ гнѣзда» и «перетряхиваютъ грузный архивъ своихъ чудо-богатырскихъ вдохновеній, въ коихъ умъ заходитъ за разумъ, и оба эти не видятъ, дабы выбрать наизэирнѣйшія изъ нихъ для украшенія новаго альманаха, угрожающаго немедленнымъ появленіемъ литературному небосклону». «Безуміе» скороспѣлокъ «есть настоящее безуміе. *Ихъ восторги суть подлинныя грезы — безъ связи, порядка и цѣли*», такъ какъ для этихъ «грезъ они не поставляютъ никакой цѣли», чтобы «пустить пыль въ глаза добрымъ людямъ, которые, не довѣряя себѣ, ставятъ все безсмысленное, несвязное и нелѣпое на счетъ собственной непроницательности и глубокомыслія авторовъ. Итакъ, нынѣшніе поэты, вопреки Кантову законоположенію, *безцѣльны съ цѣлію*». Они «*знаютъ природу и сердце лишь по наслышкѣ:* вотъ почему и творенія ихъ представляютъ не исторіи природы и сердца, а различныя исторіи *о* природѣ и *о* сердцѣ. *Неестественность и нелѣпость составляютъ ихъ отличительное качество*». «Самобытность и самозаконность генія» выражается отнынѣ въ томъ, что «*кругъ его дѣйствованія не*

ограниченъ тѣсными предѣлами возможности». «Скучные вопросы: какъ? и почему?—позволительны только на диспутахъ: вдохновеніе отвергаетъ ихъ съ жалкимъ презрѣніемъ. Поэзія простираетъ таинственный покровъ на желѣзную цѣпь причинъ и дѣйствій; она отвѣчаетъ на всѣ розыски и разспросы брюзгливаго разсудка съ истинно Сократическимъ чистосердечіемъ: *не знаю!* И это: *не знаю!* имѣетъ высочайшую поэтическую прелесть!» «У насъ живутъ, дѣйствуютъ и абонируются на славу и на безсмертіе, не *потья*, по старинному, *въ тяжелыхъ трудахъ*», а «попросту—припѣваючи». «Самозаконные геніи, закусивъ узду правилъ, пустились со всѣхъ четырехъ ногъ, на славу, не взвидя свѣта, ни дорогъ», и «смѣшно было бы измѣрять циркулемъ и подводить подъ математическія формулы бурный бѣгъ ихъ. Произведенія подобныхъ геніевъ всегда бываютъ *изъ роду вонъ*. А ни одинъ еще Кювье не составилъ доселѣ полной систематической классификаціи для всѣхъ выродковъ, коихъ произведеніемъ иногда бываетъ угодно забавляться природѣ».—Наши «записные писаки безпрестанно бредятъ идеалами», декламируютъ отрывки изъ нѣмецкихъ эстетическихъ теорій о поэзіи» [1]), а сами, между тѣмъ, «разрождаются безъ всякихъ болѣзней и трудовъ недоношенными» твореніями. И «въ толпѣ безчисленныхъ метеоровъ, возгарающихся и блуждающихъ въ нашей литературной атмосферѣ», почти не встрѣчаются такіе, въ которыхъ бы «*открылось сіе таинственное пареніе генія въ горнюю страну вѣчныхъ идеаловъ*». Да и «не безсовѣстно ли требовать отъ творенія единства и сообразности съ идеею, когда самъ творецъ не имѣетъ часто въ головѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что̀ онъ хочетъ писать; а просто пишетъ то, что̀ на умъ взбредетъ?» [2]).

---

1) Часто раздаются «пышные возгласы, составленные изъ высокопарныхъ фразъ, вытянутыхъ со грѣхомъ пополамъ изъ иноземныхъ програмимъ и журналовъ» (*Вѣстникъ Европы*, 1830, № 7, стр. 196).

2) «Мы сдѣлали бы ужасный литературный анахронизмъ, вздумавъ искать въ разбираемыхъ нами повѣстяхъ идеи, которая составляла бы ихъ эстети-

«Романтическія завыванія, именуемыя мелодіями; безалаберныя турусы на колесахъ, называющіяся поэмами и отрывками изъ поэмъ; уродливые фарсы, слывущіе національными повѣстями, и другія подобныя штуки»—не оригинальны ни по содержанію, ни по формѣ. «Все взято на прокатъ! Все до нитки чужое!».. Содержаніе заимствуется обыкновенно изъ «обширнаго архива уголовныхъ дѣлъ, составляющаго нынѣ, по несчастію, единственную сокровищницу поэтическихъ вымысловъ». Парнассъ, «обитель небесныхъ музъ», «превращается въ острогъ» либо «лобное мѣсто». «Душегубство есть любимая тема нынѣшней поэзіи, разыгрываемая въ безчисленныхъ варіаціяхъ: рѣзанья, стрѣлянья, утопленничества, давки, замороженья... et sic in infinitum! Самый изобрѣтательнѣйшій инквизиторъ вѣка Филиппа II подивился бы неистощимому разнообразію убійствъ и самоубійствъ, измышляемыхъ настоящими геніями въ услажденіе и назиданіе наше!» «Поэзія съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ бродитъ по вертепамъ злодѣяній, омрачающихъ природу человѣческую; съ какою-то безстыдною наглостью срываетъ покровъ съ ея слабостей и заблужденій»,—и невольно становится «жаль, что не существуетъ поэтической уголовной палаты»... Завѣты старины забыты. Нѣтъ болѣе влеченія ко «всему доброму, свѣтлому, мелодическому—радующему и возвышающему душу». Не прославляются «великіе подвиги и невинныя наслажденія человѣчества!» Стихло пѣніе Орфея, укрощавшаго лютыхъ звѣрей; смолкли волшебные звуки Амфіоновой

ческую душу, и по мѣрѣ сообразности съ коею, можно было бы произнести сужденіе о внутреннемъ поэтическомъ достоинствѣ самой наружной ихъ отдѣлки. Это значило бы искать *порожняго мѣста*. Сотни Пигмаліоновъ самыми жарчайшими лобзаніями не могли бы пробудить малѣйшей жизненной искорки въ этихъ разряженныхъ куколкахъ. Да и къ чему это?.. Статочное ли дѣло налагать на поэта тяжелую обязанность говорить о *чемъ-нибудь*?—Эта смѣшная quidditas годна только для студенческихъ диссертацій! У насъ главный законъ: пиши, пока пишется,... не размышляя о томъ, *что* пишется! Чѣмъ менѣе холоднаго смысла, тѣмъ огненнѣе поэзія» (*Вѣстникъ Европы*, 1829, № 2, стр. 154—155).

лиры, оживлявшей могучею силой бездушные камни; пѣвецъ не поетъ «о любви благодатной»,

> О всемъ, что̀ святого есть въ мірѣ,
> Что̀ душу волнуетъ, что̀ сердце манитъ.

«Наши пѣвцы воздыхаютъ тоскливо о блаженномъ состояніи первобытной дикости и услаждаются живописаніемъ бурныхъ порывовъ неистовства. Богъ судья покойнику Байрону», который своимъ «мрачнымъ сплиномъ заразилъ» всю современную изящную словесность, «преобразилъ ее изъ улыбающейся Хариты въ окаменяющую Медузу» и далъ образецъ литературной формы,—«богатое поэтическою гармоніею платье», пришедшееся такъ «не въ пору» злополучнымъ созданіямъ русскихъ стихотворцевъ. «Правда, самого Байрона винить не за что̀. Онъ былъ то, чѣмъ сотворили его природа и обстоятельства. Невозможно не преклонить колѣнъ предъ *величіемъ его генія;* но невозможно, вмѣстѣ, и удержать горестнаго вздоха о томъ, что сія исполинская сила души, для которой рамы дѣйствительности были столь тѣсны, не просвѣтлялась яснымъ взоромъ на вселенную и не согрѣвалась кроткою теплотою братской любви къ своимъ земнымъ спутникамъ». Но «мрачное человѣконенавидѣнье» поэта, его «враждебная апатія ко всѣмъ кроткимъ и мирнымъ наслажденіямъ, представляемымъ намъ благою природою», способность «проливать окрестъ себя ужасъ и трепетъ»—принадлежали собственно ему самому и составляли *оригинальную печать его генія*. Посему Байронъ есть и останется навсегда великимъ, хотя и зловѣщимъ, свѣтиломъ на небосклонѣ литературнаго міра.—То бѣда, что сія грозная комета, изумивъ появленіемъ своимъ вселенную, увлекла за собой всѣ безчисленные атомы, вращающіеся въ литературной атмосферѣ, и образовала изъ нихъ хвостъ свой. Всѣ наши доморощенные стиходѣи, стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ на имя поэтовъ дюжиною звонкихъ и богатообриѳмованныхъ строчекъ, помѣщенныхъ въ альманахахъ и расхваленныхъ журналами, загудѣли à la Byron.

Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова;
И у кого чтò силы стало!»

У нихъ есть непреодолимое тяготѣніе къ «туманной безднѣ пустоты, безъ протяженья и границъ, безъ неба, свѣта и свѣтилъ, безъ времени, безъ дней и лѣтъ, безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ»,—но они никогда не переживали и не были способны пережить тягчайшій «нравственный кризисъ», выпавшій на долю Байрона; они не въ силахъ были постичь «страшный хаосъ, созданный его гигантской фантазіей»; они—бездарны, произведенія ихъ — ничтожны; ихъ Парнассъ — «желтый домъ»! «Всѣ ихъ *герои* суть или ожесточенные изверги, или заматорѣвшіе въ бездѣльничествѣ повѣсы. *Главнѣйшими изъ пружинъ, приводящими въ движеніе весь поэтическій машинизмъ ихъ*, обыкновенно бываютъ: пуншъ, аи, бордо, дамскія ножки, будуарное удальство, площадное подвижничество. Самую любимую *сцену дѣйствія* составляютъ: муромскіе лѣса, подвижные бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овиновъ и бань, спаленные закоулки и Ѳермопилы. Оригинальные *костюмы* ихъ:

Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные!

Торжественный оркестръ ихъ —

Визгъ, хохотъ, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ!»

Однимъ словомъ, «наши байронисты» изображаютъ «все, чтò только можно выдумать самаго чудовищнаго, отвратительнаго и грязнаго» — «всѣ подонки природы»!

Стиль новѣйшихъ произведеній и *версификація* — убоги. «Богатыя сокровища нашего языка, теряющагося своими корнями въ неистощимомъ рудникѣ языка славянскаго — благодаря

гортанобѣсію, слывущему у насъ вкусомъ гостиныхъ — предаются спокойно въ добычу ржѣ и тлѣнію. Ухо нашихъ витязей ломбернаго стола и вертячей мазурки, пріучившись слышать звуки русскаго языка изъ однихъ эпиграммъ, мадригаловъ и поэмъ новаго фасона, избаловалось до такой степени, что спотыкается на каждомъ выраженіи, не освященномъ фирмою *Дамскаго Журнала* или, по крайней мѣрѣ, *Сѣверной Пчелы* съ компаніей. И что изъ этого должно выйти? Совершенное обнищаніе языка русскаго, которое и теперь уже для многихъ слишкомъ ощутительно, несмотря на хвастовство, съ коимъ мы вездѣ и всегда разсказываемъ о нашемъ богатствѣ». — «Обнищаніе» замѣтно и въ «музыкальной сторонѣ» произведеній. «Искусственные диссонансы» «дразнятъ и тиранятъ угрюмый вкусъ нарочно произведенною дисгармоніею». Поэты - деспоты, «самодержавные геніи», проявляютъ необыкновенное «самовластіе», «не стѣсняются принятыми правилами просодіи: они смѣло отсѣкаютъ у словъ слишкомъ длинные хвосты,, которые не умѣщаются на прокрустовомъ ложѣ четверостопнаго ямба».

Литературныя неурядицы огорчаютъ критика. — Кажется, «сердца наши отверсты для ощущеній прекраснаго и высокаго, и если не мы, то, по крайней мѣрѣ, добрые старики наши умѣютъ восхищаться величественнымъ пареніемъ Ломоносова, бурнымъ одушевленіемъ Державина, таинственною мечтательностію Жуковскаго, нѣжной унылостью Батюшкова, несмотря на ихъ классическую кровобоязнь и анти-романтическое миролюбіе. Отчего бы нашимъ поэтамъ не попытаться прибѣгнуть къ другому, менѣе шумному, но болѣе надежному средству возбуждать эстетическое участіе! Отчего бы не допустить имъ въ поэтическій машинизмъ свой, кромѣ кинжала и яда, другихъ пружинъ, менѣе смертоносныхъ, но не менѣе дѣйствительныхъ?.. Не могло ли бы съ избыткомъ замѣнить всю эту романтическую стукотню и рѣзню — существенное достоинство и величіе изображаемыхъ предметовъ, наставительная знаменательность драпировки, не ослѣпительная для умственнаго взора свѣтлость мыслей,

не удушительная теплота ощущеній?.. А этого-то, по несчастію, и не достаетъ въ нашихъ новыхъ поэтическихъ произведеніяхъ! Они обращаются около предметовъ совершенно ничтожныхъ: одѣваются въ маскарадные костюмы, представляющіе уродливое смѣшеніе этнографическихъ и хронологическихъ противорѣчій; блестятъ пошлыми двуличными остротами; дышатъ чадными и нерѣдко смрадными чувствами», — и передъ глазами критика «развертывается страшная фантасмагорія чудовищнаго *нигилизма*», «со всѣми гибельными его послѣдствіями». «Правда твоя, добрый старикъ Аскрейскій: Ἐκ Χάεος δ' Ἔρεβός τε μέλαινά τε Νύξ ἐγένοντο!». «Еще со временъ Θалеса ведется философическая поговорка: изъ ничего ничего не бываетъ. Она оправдывается и теперь непреложными опытами».... Невольно «стѣсняется сердце», и спрашиваешь самого себя: «Неужели для бѣдной нашей литературы никогда не будетъ возврата съ зимы на лѣто? Неужели ей вѣчно мыкаться въ мрачной преисподней губительнаго нигилизма?..» «Нѣтъ, это невозможно!

Какъ бы ночь
Ни длилася и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать!

Не можетъ быть, чтобы слово, наилучшее произведеніе наилучшаго созданія Божія, оставалось всегда добычею безсмыслія и органомъ развращенія. Будетъ время, когда животворный свѣтъ кроткой и смиренной мудрости озаритъ мрачный хаосъ буйнаго и всепрезирающаго невѣжества; когда чувства, притупленныя черезъ сладострастное пресыщеніе преступными наслажденіями, обновятся дѣвственною непорочною чистотою и сдѣлаются достойными органами внятія горнихъ таинственныхъ впечатлѣній; когда фантазія, сія радужная Ирида вѣчной превыспренней красоты, перестанетъ скитаться блудящимъ огнемъ по грязнымъ болотамъ, но, раскинувшись золотою дугою мира въ свѣтлыхъ эѳирныхъ странахъ будетъ соединять небо съ землею, горняя съ дольними; когда слово проливаться будетъ отъ

избытка сердца чистаго, раствореннаго святою любовью ко всему доброму, истинному и прекрасному!..

Еще лежитъ на небѣ тѣнь!
Еще далеко свѣтлый день!
Но живъ Господь! Онъ знаетъ срокъ!
Онъ вышлетъ солнце на востокъ!»

Среди ночного мрака уже начинаетъ брезжить разсвѣтъ: какъ лучъ денницы, блеснулъ талантъ Пушкина, предвѣщая восходъ яркаго солнца[1]).

«Мощный, богатый» талантъ Пушкина есть «сокровище неподдѣльное, съ котораго цѣна никогда спасть не можетъ»; онъ поражаетъ «цвѣтущею игривостью воображенія», «плѣнительной гармоніей» «гладкихъ, плавныхъ, легкихъ стиховъ»; его удѣлъ— «играть блестящей звѣздою на горизонтѣ нашей словесности» и «не зависѣть отъ прихотей моды». «Возвышаясь *безконечно* надъ тѣми, кои сами себя нахально выдаютъ за Кузеней и Гизотовъ» съ цѣлью «заполонить общее мнѣніе безстыдною дерзостью»; умѣя «двумя словами обрисовать характеръ дѣйствующаго лица лучше, вѣрнѣе и полнѣе», чѣмъ иной писака — «въ четырехъ полновѣсныхъ томахъ»[2]), Пушкинъ всетаки не долженъ быть

1) Въ своихъ взглядахъ на положеніе современной ему русской литературы Надеждинъ имѣлъ единомышленниковъ. «У насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ», заявилъ Пушкинъ (1824 г.); «у насъ есть критика, и нѣтъ литературы», писалъ Марлинскій (1825 г.); «мы богаты именами поэтовъ, но бѣдны твореніями», по мнѣнію князя П. А. Вяземскаго (1822); зданіе нашей литературы — «мнимое», и «положеніе въ литературномъ мірѣ — совершенно отрицательное», съ точки зрѣнія Д. В. Веневитинова (писано до 1827 г.).

О взглядахъ Надеждина см. *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 21, стр. 4—5, 8—9, 11—14, 16, 19, 24; № 22, стр. 83—89, 107; 1829, № 1, стр. 8—9, 20—21; № 2, стр. 102—105, 112—114, 151—152, 154—155, 161, 165, 168—169; № 6, стр. 151; № 7, стр. 202—204; № 8, стр. 287—290; 1830, № 6, стр. 202—204.

2) Ср. *Вѣстникъ Европы*, 1830, № 7, стр. 224: «И я признаюсь охотно, искренно, что дожидаюсь семи новыхъ главъ Онѣгина съ бóльшимъ нетерпѣніемъ и надѣюсь отъ нихъ бóльшаго удовольствія, даже бóльшей *чести* нашей литературѣ, чѣмъ отъ одиннадцати толстыхъ грудъ сумбуру, посвященнаго Нибуру».—Или: «Непонятно, за чтò про чтò кн. Вяземскаго *Сынъ Отечества* и *Сѣверный Архивъ* затащилъ *на одну доску съ Пушкинымъ*» (Тамъ же, 1829, № 9, стр. 66).

признанъ геніемъ, такъ какъ «вступилъ въ планетную систему Байрона, и слѣдовательно обращается не окрестъ самого себя, а окрестъ высшаго солнца». Уваженіе къ поэту проявляется не въ томъ, что его «присосѣдятъ къ Шекспиру, Данту или Байрону». «На поэтическомъ ристалищѣ не одни только сильные могучіе атлеты, съ богатырскою силой и колоссальными мышцами, могли имѣть право на вѣнцы и рукоплесканія!».... Скарронъ и Пирронъ, Берни и Аретинъ создавали поэтическія творенія и заняли хорошее «мѣсто на Парнассѣ». Аристофанъ и Апулей, Аріостъ и Вольтеръ, Свифтъ и Виландъ «истощали геній свой на построеніе чудныхъ гротесковъ», которымъ суждено «жить долго-долго» и пережить многое. И неужели для Пушкина «оскорбительно», если ему «предскажутъ ту же судьбу и ту же славу?»

Пѣвецъ «Руслана и Людмилы» можетъ «выработать изъ себя русскаго Аріоста», но, къ сожалѣнію, онъ иногда уклоняется отъ «своей дороги» и свой талантъ, свое сокровище, растрачиваетъ на «угожденіе вѣтреному легкомыслію»[1]). Съ замѣчательнымъ «своеволіемъ грязнитъ онъ часто лучшія свои изображенія», и, несмотря на то, его «своенравная кисть рисуетъ картинки, на которыя нельзя не засмотрѣться». Лишь «время и опытность» въ силахъ «угомонить рѣзвое скаканіе разгульной фантазіи» для блага поэта. «Эта необузданная шаловливость воображенія, помыкающая природою, какъ игрушкою, и уродующая безжалостно ея стереотипныя пропорціи, какъ бы для потѣхи надъ ея педантическою чиновностію и аккуратностію, что̀ могла бы произвести, если бъ заключилась въ предѣлахъ эстетическаго благоразумія?»

Къ несчастію, жизненныя условія, въ которыя былъ поставленъ поэтъ, препятствовали нормальному развитію его дарованія. «Юный талантъ былъ замѣченъ слишкомъ скоро, оцѣненъ слиш-

---

1) Пушкинъ, по его собственному признанію, «пародировалъ *въ угожденіе черни* дѣвственное поэтическое созданіе» Жуко́вскаго («Двѣнадцать спящихъ дѣвъ») и подражалъ Аріосту (Критическія замѣтки, 1830, октябрь и ноябрь).

комъ опрометчиво. Наша добродушная публика при видѣ новаго литературнаго явленія, пришедшагося ей совершенно по плечу — разахалась отъ удивленія, а услужливые прихлебатели» «поддакивали общему мнѣнію». «Явленіе Бахчисарайскаго Фонтана, снабженное лихимъ предисловіемъ отъ извѣстнаго автора предисловій къ пріятельскимъ сочиненіямъ, произвело такую тревогу въ нашемъ литературномъ муравейникѣ, какой не производила въ Германіи Клопштокова Мессіада. Загорѣлась жестокая война на перьяхъ, и предисловщикъ, изувѣченный смертельно стрѣлами логики, вынесенъ былъ съ поля сраженія подъ щитомъ *Дамскаго Журнала*, купивъ, однако, своей неудачей Пушкину почетное имя романтическаго поэта. Вскорѣ выстроился *Телеграфъ*, зажужжала *Пчела*. И тотъ, и другая наперерывъ старались расхваливать Пушкина, дабы прикрыть его романтическою славою антиклассическое невѣжество. Такимъ образомъ, слава Пушкина — если можно назвать такъ молву, скитающуюся по гостинымъ и будуарамъ на крыльяхъ журнальныхъ листковъ, вмѣстѣ съ модами и извѣстіями о Лебедянскихъ скачкахъ» — «*созрѣла, прежде нежели онъ самъ успѣлъ развернуться*!» Разные «невѣжды» и «вертопрахи», знающіе поэта по-наслышкѣ, «хвалили въ немъ самихъ себя»; расчетливые «барышники» «сбирали жидовскіе проценты съ наемныхъ похвалъ своихъ, поддерживая на литературной биржѣ курсъ достоинства Пушкина» «изъ собственныхъ видовъ». Хвалители были «лютѣйшими врагами» того, кого хвалили, ибо «поднимать выше, нежели гдѣ можно держаться, значитъ заставлять падать больнѣе». Дѣйствительно! Прошло немного времени, и тѣ самые люди, которые, бывало, «крикивали больше всѣхъ и громче всѣхъ», стали «увѣрять, что на Пушкина была... *мода* и что теперь сія *мода* начинаетъ изживать вѣкъ свой... Не есть ли это торжественное признаніе, что имъ торговали доселѣ, какъ модной вещицею!»

Пушкина «огласили великимъ геніемъ, неподражаемымъ поэтомъ, представителемъ современнаго человѣчества, *русскимъ Байрономъ* — вѣроятно прежде еще, чѣмъ онъ узналъ о Бай-

ронѣ» . . . . И «можно ли быть слишкомъ строгу и взыскательну къ молодому поэту за то, что онъ имѣлъ слабость — столь простительную нашей бѣдной человѣческой природѣ—повѣрить безразсуднымъ ласкательствамъ, вокругъ него раздававшимся? . . . Его зачадили дымнымъ куревомъ невыслуженной славы, *обайронили насильно*, — и онъ, увлекаясь своей слишкомъ таланной звѣздою, началъ и въ самомъ дѣлѣ *байронить*. . . . безталанно». Поэтъ сдѣлалъ большую ошибку: онъ постарался «придать» своему дарованію «фальшивый блескъ насильственной примѣсью веществъ чуждыхъ» и совсѣмъ не подумалъ о томъ, что «*между нимъ и Байрономъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства*». Пушкинъ не способенъ съ «сатаническимъ величіемъ «святотатски обнажать дѣвственныя таинства неба и земли» и «ненавидѣть» все окружающее; онъ не въ силахъ рисовать «безотрадныя картины сиротствующаго бытія, коего летаргическое усыпленіе» парушается «буйными порывами» бунтующихъ страстей; онъ «еще не переросъ скудной мѣры человѣчества, и *душа его — даже слишкомъ — дружна съ земною жизнію.* Ни отъ одной изъ его поэмъ не пышетъ этою могильною сыростью, отъ которой кровь стынетъ въ жилахъ при чтеніи Байрона. Его герои—въ самыхъ мрачнѣйшихъ произведеніяхъ его фантазіи», именно: «Братьяхъ разбойникахъ» и «Цыганахъ»—«*не дьяволы, а бѣсенята. И ежели иногда случается ему понегодовать на міръ, то это бываетъ просто съ сердцовъ, а не изъ ненависти*». Пушкинъ и Байронъ «не имѣютъ ничего общаго, кромѣ развѣ *внѣшней формы изложенія*», которая «никогда и нигдѣ не составляетъ главнаго». Русскій талантъ не могъ быть «соревнователемъ» англійскаго генія, и «жажды истинно прекраснаго» «не утолитъ тысяча фонтановъ, подобныхъ Бахчисарайскому» [1]).

---

1) Надеждинъ осуждалъ наклонность Пушкина «*цыганитъ по-романтически*» и съ искренней грустью писалъ: «О, бѣдная, бѣдная наша поэзія! долго ли ей скитаться по Нерчинскимъ острогамъ, цыганскимъ шатрамъ и разбойническимъ вертепамъ (*Вѣстникъ Европы*, 1828, № 22, стр. 83)?» — Впрочемъ, и самъ Пушкинъ былъ недоволенъ своими произведеніями, и подчасъ не прочь былъ надъ ними «вдоволь посмѣяться». Поэмой «Кавказскій плѣнникъ»—со-

«Чародѣйская муза» Пушкина — «рѣзвая шалунья»; ей «не дано видѣть и изображать природу поэтически съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія; она можетъ только мастерски выворачивать ее на изнанку». «Ея стихія—пересмѣхать все худое и хорошее» не изъ злобы или презрѣнія, а изъ желанія посмѣяться. «Это сообщаетъ особенную физіономію поэтическому направленію Пушкина, отличающую оное рѣшительно отъ Байроновой мизантропіи и отъ Жанъ-Полева юморизма». Пушкинъ — творецъ художественныхъ «пародій» и «блистаетъ только въ арабескахъ». Послѣ поэмы «Русланъ и Людмила», «представляющей прекрасную галлерею физическихъ арабесковъ»[1]), онъ наиболѣе «*на своемъ мѣстѣ*» въ «Евгеніи Онѣгинѣ», «арабескѣ міра нравственнаго»[2]). Въ романѣ Пушкина

общалъ онъ въ письмахъ своимъ друзьямъ — не будетъ «доволенъ» строгій цѣнитель, ибо въ ней «найдетъ малое, очень малое». «Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано ни съ какимъ происшествіемъ и есть не что иное, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ?» Онъ—«неудаченъ». Это доказываетъ, что авторъ «*не годится въ герои романтическаго стихотворенія*». Подтвержденіемъ справедливости этой мысли служитъ «Бахчисарайскій фонтанъ», который еще «*слабѣе Плѣнника*», представляетъ собою «безсвязные отрывки» и сильно «отзывается чтеніемъ Байрона». Въ поэмѣ замѣтно «неумѣніе изображать физическія движенія страстей», отчего трагическія сцены становятся «смѣшны, какъ мелодрама». Что касается «Цыганъ», то они «годятся для публики», но друзьямъ поэтъ «надѣется представить что-нибудь болѣе достойное вниманія» (Письма: барону А. А. Дельвигу отъ 23 марта 1821 г. и отъ 16 ноября 1823 г.; Н. И. Гнѣдичу отъ 24 марта 1821 г. и отъ 29 апрѣля 1822 г.; В. П. Горчакову 1821 г.; Л. С. Пушкину 1822 г.; кн. П. А. Вяземскому отъ 14 октября и 4 ноября 1823 г.; П. А. Катенину отъ 4 декабря 1825 г.—Критическія замѣтки. Октябрь и ноябрь 1830).

1) «Вообще я своей поэмой («Кавказскій плѣнникъ») очень недоволенъ», писалъ Пушкинъ В. П. Горчакову въ 1821 г.: «и почитаю ее *гораздо ниже* Руслана, хоть стихи въ ней зрѣлѣе». При этомъ не слѣдуетъ забывать, что «Бахчисарайскій фонтанъ», согласно отзыву поэта, еще «слабѣе Плѣнника».

2) Ср. письма Пушкина.—«Можетъ быть», сообщалъ онъ брату въ январѣ 1824 г.: «я пришлю ему (Дельвигу) отрывки изъ Онѣгина; *это лучшее мое произведеніе*. Не вѣрь Н. Н. Раевскому, который бранитъ его — онъ ожидалъ отъ меня *романтизма*, нашелъ *сатиру* и *цинизмъ*, и порядочно не разчухалъ». Отзывы объ Онѣгинѣ очень интересовали поэта. «Бестужевъ пишетъ мнѣ

есть недостатки: мало глубокихъ, оригинальныхъ мыслей, дающихъ «новый способъ разрѣшенія труднѣйшихъ задачъ сердца человѣческаго»; замѣтно мѣстами подражаніе Байрону [1]), Казимиру Делавиню [2]), Державину [3]), Жуковскому [4]),—но зато встрѣ-

много объ Онѣгинѣ», увѣдомляетъ онъ Рылѣева: «Скажи ему, что онъ неправъ. Ужели хочетъ онъ *изъять все легкое и веселое изъ области поэзіи?* Куда же дѣнутся *сатиры* и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраза, и Pucelle, и Веръ-Вера, и Рейнеке-фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова и проч. и проч. Это немного строго. Картины свѣтской жизни также входятъ въ область поэзіи» (Письмо отъ 25 января 1825 г.).

1) Ср. VII главу:

«Или не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ».

«Только Байронъ могъ жалѣть о веснѣ, какъ объ утратѣ зимы». (*Вѣстникъ Европы*, 1830, № 7, стр. 208—209).

2) Описаніе могилы Ленскаго:

«На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ.
Бывало, въ поздніе досуги,
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ при лунѣ,
Обнявшись, плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылый
Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ, подъ нимъ, сѣдой и хилый
Пастухъ по-прежнему поетъ
И обувь бѣдную плететъ».

Здѣсь «слышится подражаніе прекрасному заключенію прекрасной «Мессеніи» Казимира Делавиня о Наполеонѣ:

«Et le pêcheur le soir s'y repose en chemin;
Reprenant ses filets qu'avec peine il soulève,
Il s'éloigne à pas lents, foule ta cendre, et rêve...
A ses travaux du lendemain».

(*Вѣстникъ Европы*, 1830, № 7, стр. 211).

чаются «вѣрно набросанныя», «прелестныя» фламандскія картинки, «описаніе Москвы сдѣлано истинно Гогартовски»; «nec plus ultra карикатурнаго изящества есть пародіальное изображеніе блаженной неизмѣняемости московскихъ антиковъ, запоздавшихъ отъ послѣдняго (XVIII) столѣтія»; «прекрасными чертами» обрисована «деревенская Таня»... «Пальма поэтическаго живописца», по праву, принадлежитъ Пушкину. Не одинъ «Онѣгинъ»[1]), и другія «произведенія его исполнены картинами, схваченными

---

3) Изображеніе зимы:

«Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы!».

«Пышное описаніе» въ державинскомъ духѣ невыдержано, на что̀ ясно указываетъ послѣдній стихъ приведеннаго отрывка. Пушкину не свойственна торжественность «пѣвца Фелицы».

4) Ср. VII главу:

«Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ
Средь поэтическаго сна
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ
О чудной ночи, о лунѣ!».

Вѣроятно, *подражанія*, встрѣчающіяся въ романѣ, побудили Надеждина еще въ 1829 году написать: «Для *генія* недовольно смастерить Евгенія» (*Вѣстникъ Европы*, 1829, № 8, стр. 301).

1) Романъ Пушкина вызвалъ много бездарныхъ подражаній: «къ фамиліи Онѣгиныхъ» принадлежитъ Арсеній (Изъ «Бала» Боратынскаго), «коего физіономія теряется во мракахъ мистической неопредѣленности»; Борскій (герой поэмы Подолинскаго) тоже «достойный спутникъ Евгеніевъ», «которыхъ, по справедливости, надлежало бы назвать како-геніями или выродками добраго вкуса» (*Вѣстникъ Европы*, 1828, № 22, стр. 81—82; 1829, № 2, стр. 158; № 6, стр. 144).

съ натуры рукою мастерскою, одушевленною и — даже иногда слишкомъ — вѣрною». Въ «Графѣ Нулинѣ» цѣлый рядъ подобныхъ картинъ; читатель, увлеченный ими или мелодіей чудныхъ стиховъ, «невольно негодуетъ» на ничтожность содержанія поэмы, которое заключается въ изображеніи «разстроенныхъ сердечныхъ дѣлъ» графа, совершающаго «ночное пилигримство». Несмотря на этотъ очень крупный недостатокъ, «Нулинъ»—одно изъ «лучшихъ» и удачныхъ твореній Пушкина. Но бывали случаи, когда поэтъ терпѣлъ неудачу. Это происходило если онъ нарушалъ совѣтъ Горація:

Sumite materiam vestris, qui scribitis, aequam
Viribus».

«Въ мірѣ все устроено по числу, мѣрѣ и вѣсу; каждая сила имѣетъ свой кругъ, свой масштабъ, свои пропорціи. Чтò жъ мудренаго, если и для духа человѣческаго, *на какой бы степени ни стоялъ онъ*,—одно по силамъ, а другое не по силамъ». Не можетъ быть удовлетворительнымъ выполненіе того произведенія, сюжетъ котораго не соотвѣтствуетъ дарованію поэта. Вотъ почему «Полтава» есть «настоящая Полтава для Пушкина», «испытавшаго здѣсь судьбу Карла XII». Авторъ поэмы въ своей «неистощимой веселости» переходитъ всякіе «предѣлы»: «шутитъ» ужасными «зрѣлищами» (казнь Кочубея); допускаетъ неестественность, заставляя «не любящаго ничего» старца «на порогѣ гроба вѣдать любовь» [1]); плохо отражаетъ «народный духъ», безуспѣшно «поддѣлываясь» подъ «простонародный разговоръ»; наконецъ, становится «витіеватымъ» [2]) и употребляетъ неправиль-

1) Ср. *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 9, стр. 37—38: «Статочное ли дѣло, чтобы этотъ бѣлоусый Селадонъ, который, по собственному своему признанію, любилъ Марію *«больше славы, больше власти»* — пожертвовалъ такъ безчеловѣчно отцомъ ея и рѣшился осудить его на пытку — для удовлетворенія низкому корыстолюбію?».

2) «Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, *дивно вознесенъ*...
О, какъ слѣпа, безумна злоба:
Ему ль теперь у двери гроба
Начать *ученіе измѣнъ*».

ные обороты рѣчи [1]). Свои пробѣлы поэтъ, до нѣкоторой степени, искупаетъ «прекраснымъ отвѣтомъ Кочубея Орлику», хорошимъ «описаніемъ гонца, посланнаго къ Петру», и изображеніемъ самого императора передъ Полтавской битвой.—Примѣръ «Полтавы» невольно наводитъ на мысль, что и начатый Пушкинымъ «Борисъ Годуновъ» не будетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ строгой критики. Превосходныя отдѣльныя сцены, уже напечатанныя въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* и *Денницѣ* [2]), не давали гарантіи, что вся драма, какъ поэтическое цѣлое, будетъ превосходна. Исходя изъ своей оцѣнки пушкинскаго таланта, основанной на анализѣ байроническихъ поэмъ, «Руслана и Людмилы», «Нулина» и семи главъ (восьмая напеча-

---

1) «И потемнять *благую* славу?..
Не онъ ли помощь Станиславу
Съ негодованьемъ *отказалъ*?

У насъ, кажется, можно *отказывать что-нибудь* только въ завѣщаніяхъ послѣ смерти! Но куда, правда, соваться намъ съ подобными замѣчаніями, когда въ Полтавѣ—*самъ Мазепа сваталъ свою крестницу и былъ отказанъ?*

Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
И договоръ, и письма *тайны*...
Вѣрно, усѣченія опять входятъ въ моду!..
Къ царю, по долгу отослалъ?
Не онъ ли *наущеньямъ* хана
И цареградскаго султана
Былъ *глухъ?*

Кажется, можно быть *глухимъ къ чему-нибудь*, а не чему-нибудь!»

«Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа: *въ оны дни*,
Какъ солью, хлѣбомъ и *елеемъ*,
Дѣлились чувствами они.

У насъ на Руси *хлѣбъ* точно неразлученъ съ *солью*; но о *елеѣ* упоминается только вмѣстѣ съ виномъ — да и то въ однихъ святцахъ» (*Вѣстникъ Европы*, 1829, № 9, стр. 42—45).

2) Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* (1827, № 1, стр. 8) напечатана «сцена лѣтописца», иначе «Келья въ Чудовомъ монастырѣ»; въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г.* (стр. 25)—«Граница литовская»; въ *Денницѣ на 1830* (стр. 1—7)—двѣ первыя сцены изъ трагедіи «Борисъ Годуновъ» (Кремлевскія палаты).

тана въ 1832 г.) «Онѣгина», Надеждинъ попробовалъ предсказать судьбу драмы и совѣтовалъ автору «разбайрониться добровольно и добросовѣстно, сжечь Бориса Годунова и докончить Онѣгина». Такъ судилъ онъ, не зная піесы Пушкина[1]); узнавъ ее, онъ счелъ своимъ долгомъ отмѣтить ея большія достоинства и отъ чистаго сердца привѣтствовалъ *«измѣненный тонъ»* лиры «остепенившагося» поэта[2]).

Въ оцѣнкѣ Пушкина сказался вѣрный своимъ эстетическимъ принципамъ критикъ *Вѣстника Европы*. Онъ выступилъ на литературное поприще въ пору «юныхъ, сладкихъ, наивно-прекрасныхъ» мечтаній, когда было сильно развито «самообольщеніе», «упоеніе нашими дивными подвигами» въ области поэзіи. Но «златыя игры первыхъ дней» не могутъ продолжаться долго; «всякое самообольщеніе должно имѣть свой срокъ», или оно сдѣлается вреднымъ. «Срокъ этотъ приближался», и насталъ съ появленіемъ первой статьи Надоумка. Онъ *«нѣсколькими годами опередилъ поколѣніе, которое должно было понять его»*, не вызывалъ ни въ комъ сочувствія и «долго былъ предметомъ общаго изумленія». «И самъ онъ не могъ указать ни на кого, кто былъ бы человѣкомъ, какихъ желалъ онъ. Все, что̀ видѣлъ онъ вокругъ себя, было достойно только разрушенія и отрицанія. И онъ явился какимъ-то злымъ духомъ отрицанія и разрушенія. Таково было положеніе Надоумка въ нашей литературѣ».

«Онъ одинъ тогда понималъ вещи въ ихъ истинномъ видѣ. Его

---

1) *«Мы не знаемъ трагедіи Пушкина «Борисъ Годуновъ»*; но судя по *извѣстнымъ намъ отрывкамъ*, видимъ въ ней *переходъ къ этому идеалу, который уже выразительнѣе осуществленъ въ Полтавѣ»*, писалъ Кс. А. Полевой въ 1829 году (*Московскій Телеграфъ*, 1829, № 10, стр. 231). — Въ 1830 году Надеждинъ могъ судить о «Борисѣ Годуновѣ» лишь предположительно, ибо даже 1 января 1831 года у самого автора не было ни одного экземпляра его драмы. «Жалѣю», писалъ поэтъ Н. А. Полевому: «что еще не могу доставить вамъ Бориса Годунова, который уже вышелъ, но мною не полученъ».

2) *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 3, стр. 215—219, 230; № 8, стр. 293, 295—302; № 9, стр. 17—24, 30—33, 40—41; 1830, № 7, стр. 193—203, 207—212, 216, 224.—Ср. *Телескопъ*, 1831, ч. I, № 4, стр. 573.

не понялъ никто: и потому, что онъ высказывалъ истину, очень горькую для тѣхъ, кому говорилъ ее, и потому, что высказывалъ ее горько, и, болѣе всего, потому, что основанія, на которыхъ опирались его приговоры», были плохо извѣстны нашимъ писателямъ. «Всѣмъ показалось, что онъ только хочетъ бранить и унижать нашу литературу», и «его объявили безумцемъ». А на самомъ дѣлѣ онъ былъ недоволенъ «тѣми поэмами, надъ сочиненіемъ которыхъ тратились всѣ наши силы, восхищеніе которыми отнимало всякую мысль о возможности чего-нибудь лучшаго. Нынѣ кто не называетъ этихъ поэмъ дѣтскими произведеніями? Онъ возставалъ противъ Пушкина; но извѣстны ли были тогда созданія Пушкина, передъ которыми мы теперь преклоняемся? «Бориса Годунова», «Каменнаго Гостя», «Мѣднаго Всадника», повѣстей въ прозѣ,—ничего этого еще не было [1]). Были только поэмы въ байроновскомъ родѣ, надъ которыми потомъ смѣялся самъ Пушкинъ,—поэмы не прочувствованныя, странныя подражанія байроновской формѣ, безъ всякаго пониманія байроновскаго духа. И развѣ потому возставалъ онъ противъ этихъ поэмъ, что хотѣлъ унизить талантъ Пушкина? [2]). Напротивъ, никто такъ

---

1) Вотъ перечень наиболѣе выдающихся пушкинскихъ произведеній, появившихся въ печати *послѣ 1830 года*: поэма «Мѣдный Всадникъ» (1837); драмы: «Борисъ Годуновъ» (1831), «Скупой рыцарь» (1836), «Моцартъ и Сальери» (1832), «Каменный гость» (1839), «Пиръ во время чумы» (1832), «Русалка» (1837); повѣсти: «Капитанская дочка» (1836), «Дубровскій» (1841), «Пиковая дама» (1834), «Повѣсти Бѣлкина» (1831), «Рославлевъ» (1836); сказки: «О мертвой царевнѣ» (1834), «О золотомъ пѣтушкѣ» (1835), «О рыбакѣ и рыбкѣ» (1835).

2) Удивляемся, какъ одинъ почтенный литераторъ, не обращая вниманія на, на полемическія выходки, ни на цѣлое впечатлѣніе, получающееся отъ внимательнаго чтенія статей Надоумка, ухитряется усмотрѣть въ послѣднихъ «глумленіе» надъ Пушкинымъ и, составивъ изъ отдѣльныхъ, выхваченныхъ съ явнымъ нарушеніемъ логической связи, искусственно подобранныхъ фразъ «букетикъ наиболѣе яркихъ цвѣтовъ семинарскаго краснорѣчія и эстетическаго пониманія» критика, рѣшается поднести этотъ «букетикъ» свѣдущему читателю въ подтвержденіе своего якобы обоснованнаго мнѣнія. (См. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, изданное подъ редакціей С. А. Венгерова, т. I, стр. 412).

рѣзко не замѣчалъ безграничной разницы между Пушкинымъ и другими тогдашними знаменитостями... И развѣ онъ унижалъ въ поэмахъ Пушкина то, чтò въ нихъ есть хорошаго? Напротивъ, онъ безусловно хвалилъ въ нихъ отдѣльныя картины природы и граціозныя сцены изъ современнаго быта,—единственное, чтò мы теперь находимъ въ нихъ прекраснымъ. Онъ такъ хорошо понималъ это, что «Графа Нулина» ставилъ выше «Бахчисарайскаго фонтана». Но онъ всетаки осуждалъ Пушкина? Однако, за что же? за то, что предполагалъ, будто Пушкинъ удовлетворяется своими прежними произведеніями и не думаетъ о томъ, что еще не создалъ произведеній, вполнѣ достойныхъ своего великаго таланта. Вѣдь, это недовольство, котораго источникъ— очень высокое мнѣніе о талантѣ Пушкина. А когда Пушкинъ издалъ «Бориса Годунова», онъ одинъ оцѣнилъ это произведеніе, въ послѣдней статьѣ, подписанной именемъ Надоумка[1]). И, наконецъ, развѣ онъ возставалъ именно противъ Пушкина? Онъ доказывалъ только, что вся наша тогдашняя литература вовсе не такъ богата, какъ тогда всѣ были увѣрены. И если мы вникнемъ въ сущность его статей, мы увидимъ, что если никто не судилъ о нашей литературѣ такъ строго, какъ онъ, то и никто не превозносилъ такъ Пушкина, какъ онъ. Онъ *первый*[2]) высказалъ о характерѣ и силахъ его таланта тѣ понятія, которыя господствуютъ до сихъ поръ. Кажется, этого довольно, чтобы не считать его зоиломъ».

«Статьи Надоумка были печальны—онъ ли виноватъ въ томъ? Но онѣ содѣйствовали приготовленію лучшей будущности». Онъ «первый *прочно* ввелъ въ нашу мыслительность глу-

---

1) Ср. изданное нами письмо Надеждина къ А. А. Краевскому отъ 29 января 1840 г.: «Не я ли первый, не я ли одинъ, вступился еще при жизни Пушкина за его «Бориса Годунова», не я ли отдалъ честь этому его творенію, въ то время какъ все, стоявшее предъ нимъ на колѣняхъ, встрѣтило его змѣинымъ шипѣніемъ» (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, 1905, кн. 4, стр 303—311).

2) Статьи Н. А. Полевого появились нѣсколько позднѣе. См. наши «Очерки изъ исторіи русскаго романтизма», стр. 427—429; 550—551.

бокій философскій взглядъ», «далъ нашей критикѣ всеобъемлющіе принципы, открытые для эстетики нѣмецкою наукою», и «показалъ примѣры, какъ прилагать эти принципы къ сужденію о поэтическомъ произведеніи»; затѣмъ, онъ подвергъ суровому анализу пушкинскій періодъ русской поэзіи, «громко высказалъ свои выводы», объясняя непонятное, пріучая къ «справедливой оцѣнкѣ», и «тѣмъ приготовилъ возможность дальнѣйшаго литературнаго развитія для нашей публики»[1]).

«Статьями Надоумка была рѣшена участь Надеждина». «Онъ возсталъ противъ всей литературы, — вся литература возстала противъ него»[2]). «Говорить правду», съ грустью писалъ нашъ критикъ: «значитъ не только терять дружбу, но еще наживать лютѣйшую, непримиримѣйшую ненависть»[3]). Эта «ненависть» выразилась въ жестокой, яростной полемикѣ, «составляющей едва ли не важнѣйшій эпизодъ этого рода въ исторіи пушкинскаго періода. Всѣ журналы, кромѣ *Атенея*», «почти всѣ альманахи единодушно ополчились противъ *Вѣстника Европы*. Всѣ затронутые Надеждинымъ литераторы соединились противъ его статей. *Московскій Телеграфъ* и *Сѣверные Цвѣты* были главными дѣйствователями въ этой борьбѣ за собственную честь и жизнь. Пушкинъ и Полевой были предводителями нападающихъ», среди которыхъ находились и «бойцы, недостойные памяти»: Гречъ и Булгаринъ, безславно подвизавшіеся въ *Сынѣ Отечества*[4]). Одной изъ главныхъ причинъ чрезмѣрнаго раздраженія противъ Надеждина являлись его разборы пушкинскихъ

---

1) Н. Г. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893, стр. 181—182, 193—196, 202—204.

2) Тамъ же стр. 198.

3) *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 8, стр. 287, 290.

4) Н. Г. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893, стр. 182.

произведеній. Лишь очень немногіе находили въ нихъ «мысли свѣжія и глубокія», понимали, что критикъ, «имѣющій обширныя познанія не только въ своей, но въ древнихъ и новѣйшихъ иностранныхъ литературахъ», отдаетъ полную справедливость Пушкину, и что только нелѣпыя похвалы и вредное для словесности направленіе его послѣдователей», вмѣстѣ со «строгимъ» взглядомъ самого взыскательнаго критика на «нѣкоторые предметы», «увлекли его въ излишество» [1]). Доброжелательные отзывы С. Т. Аксакова и М. П. Погодина затерялись въ дружномъ хорѣ враждебныхъ голосовъ.

«Издатель *Вѣстника Европы*»—негодовалъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* О. М. Сомовъ—«пустилъ въ свой журналъ, на раздолье, буквы *ѳ*, *г*, да г. экс-студента Никодима Надоумка, и сей послѣдній, ломая греческіе и латинскіе стихи въ своихъ эпиграфахъ и цитатахъ, *пустился толковать и вкось, и вкривь о поэмахъ Пушкина* и Боратынскаго, о романѣ Булгарина... Напрасно этотъ г. экс-студентъ отвергаетъ маленькую перемѣну буквъ въ своей подписи, сдѣланную по аналогіи въ нѣкоторыхъ журналахъ: *Недоумокъ*, повидимому, должно быть настоящее его названіе» [2]). Негодованіе Сомова раздѣлялъ и Пушкинъ, слѣдившій за журнальными «толками» «не ради исправленія своего, но ради смиренія кичливости своей» [3]). Онъ, конечно, готовъ иногда согласиться съ сужденіями критиковъ [4]), но не можетъ безъ «досады» читать «разговоры, между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи», которые «всячески бранили его и его стихи» [5]). Особенно задѣлъ его конецъ одного разго-

1) С. Т. Аксаковъ. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1886, т. 4, стр. 157.—Ср. письмо М. П. Погодина къ С. П. Шевыреву: «Надеждинъ вооружился противъ Пушкина и говорилъ много дѣла между прочимъ, хотя и семинарскимъ тономъ». (*Н. П. Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. 1889, кн. 2, стр. 346).

2) *Сѣверные Цвѣты на 1830 г*, стр. 32—34.

3) Письмо Л. С. Пушкину отъ 13 октября 1822 г.

4) Предисловіе ко 2-му изданію «Кавказскаго плѣнника», 1828 г.

5) Путешествіе въ Арзрумъ. Глава пятая (1829). Ср. *Русскій Архивъ*, 1882, № 5, стр. 88.

вора, гдѣ «дьячекъ» заявлялъ слѣдующее: «Александру Сергѣевичу безусловныя похвалы вѣрно прискучили. Можетъ быть, и *голосъ истины* будетъ ему пріятенъ, по крайней мѣрѣ, для разнообразія»... А «ежели пѣвцу «Полтавы» вздумается швырнуть въ меня эпиграммой, то это будетъ для меня незаслуженное удовольствіе» [1]). Вызовъ былъ сдѣланъ въ то время, когда Пушкинъ, вѣроятно, уже составилъ нелестное мнѣніе о дарованіяхъ Надеждина, которое было запесено на бумагу позднѣе. «Критики его», говоритъ поэтъ: «*очень глупо* написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ; въ нихъ *нѣтъ мыслей*, но есть движеніе; шутки были плоски» [2]). Съ такимъ рецензентомъ церемониться нечего, въ него стоитъ «швырнуть эпиграммой», которая не замедлила появиться.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
«Охота есть, да мало мозгу!
А сколько лѣтъ ему?» вопросъ.
— Пятнадцать. «Только-то? Эй розгу!»
Засимъ принесъ *семинаристъ*
Тетрадь *лакейскихъ* диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ
И тотчасъ *взрослаго болвана*
Поставить въ палки приказалъ [3]).

Недовольство поэта росло; онъ не нашелъ себѣ удовлетворенія въ приведенныхъ стихахъ. На досугѣ создавались и другія

1) *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 9, стр. 47—48.

2) Анекдоты (1834—1836). XXVIII.

3) *Сѣверные Цвѣты на 1830 г.*, стр. 50. Ср. *Н. П. Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. 1890 г., кн. 3, стр. 77 — 78: «Погодина возмущали не статьи Надеждина о Пушкинѣ, а эпиграмма, которую швырнулъ послѣдній въ своего критика. Толкуя объ этой эпиграммѣ у Аксакова, рѣшили: «гадко», конечно со стороны Пушкина».

эпиграммы, которыя, почему-то довольно долго лежали въ портфелѣ автора и не были переданы немедленно въ редакцію какого-либо журнала. Непріятный критикъ позволялъ себѣ слишкомъ много; «строгій на словахъ», онъ — не знатокъ въ литературѣ и, видимо, забылъ разсказъ объ Апеллесѣ и зазнавшемся сапожникѣ: берется онъ «судить о свѣтѣ», когда его удѣлъ «судить о сапогахъ»[1]). Поведеніе Надоумка непозволительно; ему не мѣшаетъ почитывать поучительныя сказочки, изъ которыхъ можно набраться ума. Одна «дѣтская сказочка» пишется услужливымъ поэтомъ спеціально для «исправленія забіяки». Вотъ ея содержаніе. «Ванюша, *сынъ приходскаго дьячка*, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчишками, *валяясь съ ними въ грязи* и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо ихъ порядочный человѣкъ, Ванюша *показывалъ ему языкъ*, бѣгалъ за нимъ и *изо всѣхъ силъ кричалъ*: «пьяница, уродъ, *развратникъ*, *зубоскалъ*, безбожникъ» — и *кидалъ въ него грязью*. Однажды степенный человѣкъ, имъ *замаранный*, разсердился и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый

---

1) Притча: «Картину разъ высматривалъ сапожникъ», помѣщенная въ *Современникѣ*, 1836. № 3. По словамъ Н. Г. Чернышевскаго, она «была напечатана *много лѣтъ спустя* послѣ того, какъ написана» («Очерки гоголевскаго періода русской литературы». Спб. 1893, стр. 185).—Въ пылу гнѣва Пушкинъ величалъ Надеждина «журнальнымъ шутомъ», «лукавымъ холопомъ».

«Надѣясь на мое презрѣнье,
Сѣдой Зоилъ меня ругалъ,
Но, потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграммой отвѣчалъ.
И, возгоря желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,
Журнальный шутъ, холопъ лукавый,
Ругать бы также сталъ... О, нѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней
Себѣ покоя не даетъ:
Лакей сиди теперь въ передней,
А будетъ съ бариномъ расчетъ!» (1829).

дьячекъ сказалъ ему: «подѣломъ тебѣ, *негодяй*; дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя». Ванюша сталъ очень печаленъ и, почувствовавъ свою вину, исправился»[1]).

Но сынъ дьячка исправился лишь въ сказочкѣ, которая оказалась складкой, а не былью. Какъ ни вышучивалъ Пушкинъ своего противника, какъ иронически ни величалъ его «однимъ изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ»[2]), — въ концѣ концовъ онъ былъ принужденъ считаться съ «очень глупыми» рецензіями. Въ альманахѣ *Денница* на 1831 г. помѣщена статья поэта, въ которой онъ защищаетъ свою «Полтаву» отъ обвиненій въ неестественности и искаженіи историческихъ фактовъ. Онъ признается, что былъ «избалованъ пріемомъ, оказаннымъ его прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ», почему ему особенно больно видѣть неуспѣхъ «оригинальнаго сочиненія». Любовь Маріи къ Мазепѣ не менѣе естественна, чѣмъ любовь Дездемоны къ «старому негру» Отелло, а Мазепа «дѣйствуетъ въ поэмѣ точь въ точь, какъ въ исторіи»[3]); характеристика Карла XII, сдѣланная старымъ гетманомъ, называвшимъ короля «мальчишкой и сумасбродомъ», не даетъ права критикамъ укорять автора въ «неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ»[4]). Нѣтъ особыхъ недочетовъ и въ стилѣ: никогда нельзя «жертвовать краткостію выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ»[5]). Справедливымъ является лишь замѣчаніе, что «заглавіе поэмы ошибочно» и что, вѣроятно, она не названа Мазепой, «чтобы не напомнить о Байронѣ». «Но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій фонтанъ въ рукописи названъ былъ Харемомъ,

1) Дѣтская сказочка: «Исправленный забіяка» (Н. И. Надеждинъ) [1830].

2) Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей (1829).

3) Ср. *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 9, стр. 25—28, 38.

4) Тамъ же, стр. 29—30.

5) Тамъ же, стр. 36, 41—46.

но меланхолическій эпиграфъ, который, конечно, лучше всей поэмы, соблазнилъ» автора[1]).

Энергичная защита наиболѣе раскритикованныхъ произведеній и страстное желаніе больнѣе уязвить противника въ эпиграммахъ позволяютъ видѣть въ Пушкинѣ главнаго застрѣльщика, занимавшаго самую видную позицію во время жаркой литературной схватки съ экс-студентомъ; вторымъ застрѣльщикомъ былъ издатель *Московскаго Телеграфа*. Въ семьѣ Полевыхъ не любили Надеждина: онъ слылъ «клевретомъ» Каченовскаго, «пройдохой», который изъ корыстныхъ цѣлей «прикидывался поборникомъ» стараго профессора и «не гнушался никакими средствами» для достиженія своихъ цѣлей. Въ «длинныхъ и многоглаголивыхъ» рецензіяхъ ненавистнаго хулителя Пушкина развивалась «какая-то путаная теорія», проповѣдывалась «какая-то іезуитская или тартюфская нравственность», а «тяжелый, фигурный» языкъ обличалъ «кутейника»[2]).—Прочитавъ «Литературныя опасенія за будущій годъ», Н. А. Полевой рѣшилъ, что «эта драгоцѣнная статья стоитъ особаго разбора»[3]). Послѣдній, однако, не явился въ свѣтъ; вмѣсто него, напечатаны «Литературныя опасенія кое-за-что», гдѣ «выведенъ былъ Желтякъ (житель желтаго дома, сумасшедшій)[4]), который усиливался защищать ученые труды Каченовскаго и говорилъ фразами На-

1) *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 9, стр. 18.—Въ «Критическихъ замѣткахъ» (1830), не напечатанныхъ при жизни поэта, онъ защищаетъ отъ нападокъ Надеждина поэму «Графъ Нулинъ». Она написана не съ «цѣлью горячить воображеніе любострастными описаніями, унижающими поэзію» и «превращающими ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ»; она—«шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія», и «можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе».

2) К. А. Полевой. Записки. Спб. 1888, стр. 218—219, 251, 253, 255—257.

3) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 20, стр. 492—493.

4) «Желтякомъ (т. е. желчнымъ?) обзывали Каченовскаго», пишетъ С. А. Венгеровъ (Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1900, т. I, стр. 439), не вчитавшійся въ статью Полевого и не принявшій во вниманіе объясненій Н. Г. Чернышевскаго.

доумка, но принужденъ былъ соглашаться, что Каченовскій—самый плохой ученый»[1]). Насмѣхаясь надъ экс-студентомъ, Полевой выписалъ двѣ цитаты изъ Эліана и Цицерона и вышучивалъ внѣшнюю форму произведеній своего врага. «Нельзя безъ греческаго и безъ латинскаго эпиграфа начать статьи, которая составляетъ pendant къ «Литературнымъ Опасеніямъ» *Вѣстника Европы*, нельзя», — заявлялъ онъ. «Предшественникъ мой бросилъ въ заглавіе своихъ Опасеній три стиха Эврипида; надобно блеснуть Эліаномъ и Цицерономъ, латинью и греческимъ языкомъ: мы имѣемъ дѣло съ людьми учеными—à pédant, pédant et demi...» Послѣ небольшого предисловія начинается пародія.

«Теперь слѣдовало бы мнѣ описать, какъ сидѣлъ я въ своемъ кабинетѣ, въ квартирѣ моей, что на Якиманкѣ, какъ мой Ѳедоръ стучалъ чашками въ ближней комнатѣ, а я, прислушиваясь къ кипѣнію самовара, наслаждался ожиданіемъ китайскаго нектара (Ѳедоръ мой большой мастеръ готовить чай) и между тѣмъ перебиралъ Ювенала, лежавшаго передъ мною въ старинномъ пергаментномъ переплетѣ—все это очень важно въ ученой критической статьѣ; такое вступленіе радуетъ, веселитъ читателя: оно похоже на ракеты, которыя хлопаютъ въ воздухѣ, пока не загорится величественный щитъ. Такъ началъ статью свою и предшественникъ мой г-нъ *экс-студентъ Никодимъ Надоумко, между студентства и вступленія въ службу*[2]). Но боясь уступить ему въ краснорѣчіи, при описаніи такихъ любопытныхъ подробностей, оставляю читателя при томъ, что уже сказано мною—arrive ce qu'il pourra... иду далѣе».

«Нежданно, негаданно, раздался стукъ, трескъ и крикъ въ передней. Ѳедоръ мой испугался, бросился, разбилъ прекрасную чашку, которую нарочно заказывалъ я на заводѣ г-на Гарднера и на которой было написано правило мудраго Хафыза: «*Если*

---

1) Н. Г. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893, стр. 186—187.

2) См. *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 22, стр. 108.

хочешь быть спокоенъ, оставь дураковъ въ покоѣ». Дверь въ кабинетѣ моемъ затрещала, зашаталась, растворилась, точно такъ, какъ трещала, шаталась и растворялась дверь на 9-й страницѣ *Вѣстника Европы*, № 21. Роковая енотовая шуба мелькнула мнѣ въ глаза, загремѣли страшныя слова: Que diable! и предо мною стоялъ—*Тлѣнскій!* Читатели *Вѣстника Европы* знаютъ уже этого удальца-поэта, записного романтика и отчаяннаго спорщика; но до сихъ поръ неизвѣстно имъ было, что этотъ романтическій кликуша мой старинный знакомецъ. Я не видался съ нимъ лѣтъ пять, едва узналъ его, и—предоставляю другимъ угадывать, какъ мы обрадовались, обнялись. Енотовая шуба Тлѣнскаго сронила пять фоліантовъ съ моего дивана, и тогда только, какъ эта огромная декорація была положена на стулъ, я увидѣлъ другого моего гостя, человѣка въ сѣромъ фракѣ, въ большихъ серебряныхъ очкахъ, искривленно наклонившагося на столъ и смотрѣвшаго на Ѳеокритовы идилліи, изданныя Томасомъ Уартономъ, въ Оксфордтѣ, въ 1770 году, gr. in 4, случайно тутъ бывшія»[1]).

Человѣкъ въ сѣромъ фракѣ, «добрый пріятель» Тлѣнскаго, *«изъ ученыхъ»*, Ѳома Ѳомичъ Желтякъ, говоритъ на какомъ-то странномъ нарѣчіи, представляющемъ смѣсь русскаго языка съ латинскимъ, и любитъ античныхъ писателей,—словомъ, съ точки зрѣнія Полевого, является точной копіей переводчика Орфеевыхъ гимновъ экс-студента Надоумка, который, видимо, не доучился, худо понимаетъ греческій текстъ[2]), еще хуже владѣетъ стихомъ и написалъ переводъ «Воскуренія Протогону» «такими виршами», что онъ кажется «заимствованнымъ изъ ненапечатанныхъ донынѣ

1) *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 23, стр. 349—351.

2) Тамъ же, 1828, № 20, стр. 492—493: «Въ 21 № (журнала Каченовскаго) едва ли не начато преобразованіе, и—безъ смѣха нельзя читать испещренной греческими, латинскими, французскими, нѣмецкими цитатами статьи о литературѣ русской. Въ греческомъ эпиграфѣ въ трехъ строкахъ *пять* ошибокъ (самъ издатель *Вѣстника Европы* знаетъ по-гречески очень плохо; на это есть вѣрныя доказательства, а г-нъ Надоумко, сочинитель статьи, какъ студентъ, разумѣется небольшой знатокъ греческихъ трагиковъ)».

бумагъ покойнаго профессора элоквенціи В. К. Тредьяковскаго, а не сочиненнымъ въ наше время»[1]).

Пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, Полевой спѣшилъ поговорить о невѣжествѣ и бездарности Надоумка. Злыя рѣчи распространяются быстро: слова Полевого сналету подхватывались и одобрялись почти всѣми тогдашними журналистами, составившими грозное ополченіе противъ общаго врага...

---

1) *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 14, стр. 255—258. Ср. Н. Г. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893, стр. 186—188.—*Атеней* отнесся съ порицаніемъ къ рѣзкой выходкѣ Полевого: «Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, Н. И. Надеждинъ, вздумалъ ознакомить насъ съ пѣснями отца древнихъ греческихъ поэтовъ, Орфея, котораго имя на языкѣ у всякаго, но котораго твореній и существованіе рѣдкіе, конечно, подозрѣвали. Онъ переложилъ нѣкоторые изъ гимновъ на русскій языкъ и напечаталъ въ послѣднихъ номерахъ *Русскаго Зрителя*. Во Франціи, Германіи, Англіи и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ столь похвальный трудъ не оставленъ бы былъ безъ должнаго вниманія. Тамъ занялись бы сличеніемъ перевода съ подлинникомъ, стали бы преслѣдовать каждое выраженіе, каждое слово, употребленное переводчикомъ; и обличили бы безъ всякаго лицепріятія малѣйшую невѣрность, ослабляющую или затмевающую силу подлинника, столь драгоцѣннаго по своей досточтимой древности. У насъ дѣло обошлось безъ дальнихъ церемоній. Въ 15 № (?) *Московскаго Телеграфа*, подъ рубрикою: *Живописецъ*, переводчика осмѣяли безъ всякихъ справокъ и околичностей, не сказавши даже, за что̀ и про что̀. Выписали только одинъ изъ переложенныхъ гимновъ и отпустили на счетъ его нѣсколько шуточекъ, которыя, какъ говоритъ нашъ баснописецъ, хотя не новы, да благо ужъ готовы». Очевидно, Полевой «претендовалъ лишь на удовольствіе посмѣшить читателей», писалъ неосновательно, безъ «любви къ истинѣ», ибо стоитъ сличить греческій подлинникъ «Воскуренія Протогону» съ хорошимъ нѣмецкимъ переводомъ и русскимъ переложеніемъ, чтобы убѣдиться въ большой точности послѣдняго. Изъ примѣчаній и предисловія къ гимнамъ «видно, что нашему литератору знакома философія миѳологіи. Но это для немногихъ! Всѣмъ лишь бросается въ глаза странный языкъ, странныя выраженія и странный метръ перевода. А эта-то странность и составляетъ его существенное достоинство, которое всякій благомыслящій оцѣнить долженъ. Переводчикъ хотѣлъ намъ представить древняго Орфея въ его, такъ сказать, естественной наготѣ — истиннымъ Орфеемъ...». «Переводить древнихъ надо такъ, какъ они есть, а не представлять изъ нихъ московскихъ щеголей. Не переводчикова вина, если это не всѣмъ нравится...». Отъ литературныхъ судей, «кромѣ способности трунить и балагурить, требуется еще *нѣсколько учености* и *понятія о приличіяхъ образованнаго общества*. Одинъ изъ золотыхъ стиховъ Пиѳагора, переложенный тѣмъ же самымъ переводчикомъ гимновъ Орфеевыхъ, можетъ служить для нихъ истинно золотымъ правиломъ: «Возбраняй себѣ *безъ разсужденія* браться за дѣло» (*Атеней*, 1829, ч. 4, стр. 95—103).

Бываютъ моменты, когда лица разныхъ воззрѣній дѣйствуютъ сообща, въ одномъ направленіи; когда прежнія распри и недоразумѣнія на время забываются, и одна могучая сила сплачиваетъ недавнихъ враговъ[1]). Такъ было и въ описываемую нами эпоху,—Гречъ и Булгаринъ дѣйствовали за одно съ Полевымъ: ненависть, которую они всѣ питали къ Надеждину, объединила ихъ[2]). Конечно, полемическій задоръ «почтенныхъ» издателей *Сына Отечества* и *Сѣвернаго Архива* носилъ своеобразный отпечатокъ: если Полевой былъ рѣзокъ и подчасъ «игралъ жалкую роль въ спорахъ со своимъ противникомъ»[3]), то они были грубы и нравственно нечистоплотны.—Въ *Сынѣ Отечества* появилось любопытное извѣщеніе: «Въ дверяхъ типографіи, гдѣ печатается сей журналъ, устроенъ ящикъ, въ который изъ сѣней бросаютъ корректуры, письма, посылки и т. п., чтобы не отворять безпрестанно дверей и не безпокоить работающихъ. Издателямъ случалось находить въ этомъ ящикѣ *презабавныя вещи*, доставляемыя имъ особами, желающими сохранить строгое инкогнито. Нынѣ вознамѣрились они печатать нѣкоторыя изъ получаемыхъ такимъ образомъ статей, прося любителей словесности и впредь пользоваться *типографскимъ ящикомъ*»[4]). «Презабавныя вещи» оказались плоскими, пошлыми статьями, направленными противъ Надоумка, котораго, прежде всего, подвергли формальному допросу: «зачѣмъ, если у него нѣтъ денегъ», «не беретъ онъ съ издателя *Вѣстника Европы* платы» за свои критическіе очерки? «зачѣмъ ходитъ съ «Патріаршихъ прудовъ» въ «дурное общество», изображенное «подъ именемъ *Сонмища нигі-*

---

1) О полемикѣ Греча и Булгарина съ Полевымъ см. наши «Очерки изъ исторіи русскаго романтизма». Спб. 1903, стр. 59—60.

2) Враги Полевого начинаютъ хвалить его журналъ: «Неужели противопоставятъ *Телеграфу* юсы, ижицы и другія каракули черножелтаго *Вѣстника не Европы*, а *Барабинской степи* (*Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ*, 1829, № 27, стр. 62—63)»?

3) Н. Г. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893, стр. 192.

4) *Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ*, 1829, № 11, стр. 253—254.

листовъ? зачѣмъ подслушиваетъ тамъ всякій вздоръ, зачѣмъ помнитъ его, и пухлымъ, дурнымъ слогомъ передаетъ другимъ? зачѣмъ перенимаетъ у Чадскихъ, Угаровыхъ, Вѣтрогоновыхъ et autres gens de cet acabit, грубыя мужицкія поговорки, площадныя выраженія, шутовскую игру словъ и другія замашки дурного тона?» зачѣмъ все это «набираетъ» онъ въ свои рецензіи и «щеголяетъ такими диковинками въ *Вѣстникѣ Европы*?» [1]).

Надоумко «уже вышелъ изъ ребятъ», такъ какъ ему двадцать три года [2]); но въ его сужденіяхъ «незамѣтно возмужалости». «Жаль, что въ эти лѣта онъ или близорукъ, или опрометчивъ, и не можетъ различить кошки съ мышью: иначе онъ не сдѣлалъ бы той грубой ошибки, которую помѣстилъ въ примѣчаніи къ своей критикѣ на графа Нулина [3]). Изъ человѣколюбія совѣтуемъ ему надѣть очки, читать повнимательнѣе, помнить получше прочитанное и писать не наобумъ» [4]). Надоумко «на дѣлѣ оправдываетъ» справедливость «латинской поговорки: подобный подобнымъ и любуется», ибо «жалѣетъ», что въ «широкой рамѣ чернаго барскаго двора (описаннаго Пушкинымъ) не умѣстились двѣ-три хавроньи», и «что баба, идучи развѣшивать бѣлье, не приподымала выстроченный подолъ своей пестрой понявы»... [5]) «Кстати

1) *Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ*, 1829, № 11, стр. 254—255.

2) *См. Вѣстникъ Европы*, 1829, № 8, стр. 228.

3) *Вѣстникъ Европы* (1829), кн. 8, стр. 216. «Тамъ сказано: «Въ превосходной эпизодической картинѣ *кота*, поэтъ подмѣнилъ мынѣ, если не обманываетъ насъ память, *кошку мышью*. Это переодѣло жеманнаго крысопольскаго Селадона въ старинный обыкновенный костюмъ *васьки*, прожоры, болѣе щадящій чувство приличія, но менѣе оригинальный и не совсѣмъ гармонирующій съ ходомъ цѣлаго».—Здѣсь что слово, то спасибо. *Крысопольскій Селадонъ* и *Васька прожора*—все это очень хорошо и гармонируетъ съ понятіями, вкусомъ и *чувствомъ приличія* г. критика съ Патріаршихъ прудовъ. Жаль только, что построенные имъ городки сами собою разсыпаются! придуманной такъ удачно г. критикомъ *кошки* нѣтъ и не бывало ни въ Нулинѣ, помѣщенномъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*, ни въ Нулинѣ, напечатанномъ въ особой книжкѣ. Охотники до справокъ и повѣрокъ могутъ взглянуть на 16 страницу стихотвореній въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1828 и на 28 стр. повѣсти: Графъ Нулинъ, напечатанной вмѣстѣ съ повѣстью: Балъ». Примѣчаніе сотрудника *Сына Отечества*.

4) *Сынъ Отечества*, 1829, № 12, стр. 318—320.

5) Ср. *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 3, стр. 222—223.

о хавроньѣ! Вспомнимъ, какъ въ баснѣ Крылова она отвѣчаетъ пастуху на вопросъ, что видѣла въ богатомъ и пышномъ барскомъ домѣ:

Хавронья хрюкаетъ: ну, право, порютъ вздоръ;
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь заднiй дворъ!

Вспомнимъ также и прекрасный стихъ, которымъ баснописецъ нашъ начинаетъ мѣткое примѣненiе своей басни:

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!» [1]).

Разные «недоучившiеся студенты, настоящiе недоумки» [2]), вмѣстѣ съ г. Каченовскимъ, «въ есѳетическомъ своемъ *Вѣстникѣ*, съ паѳетическимъ ощущенiемъ, курятъ ѳѵмiамъ поэтамъ древности: Омiру и Пiндару», «окропляютъ златыя лѵры ихъ ѵссопомъ Iппокрены изъ раструбистой ѵжицы» и, «чтобы не придать своимъ творенiямъ мѵстической ѳѵзiономiи, которою запечатлѣны антiесѳетическiя и дѵсгармоническiя произведенiя варваровъ романтиковъ», «хотятъ оживить окаменѣлый свой журналъ греческою етѵмологiей» [3]). «Корѵѳеямъ новой меѳоды правописанiя», «великимъ эллинистамъ въ русскомъ языкѣ», подъ перомъ которыхъ «расцвѣтаютъ» *ѳ* и *ѵ*, подобало бы «разрѣшить два сомнѣнiя». «Во первыхъ, почему, для бóльшаго сходства» съ «приснопоминаемымъ профессоромъ елоквенцiи», «не пишутъ они, подобно ему: *пiима*, *пiита*, *велiкiй*, *стiхъ*, *хореiческiй*, *Делфiческiй Аполлiнъ*, *мусiкiя* и пр.? Во-вторыхъ, вмѣстѣ съ паквведенiемъ [4]) въ наше

1) *Сынъ Отечества*, 1829, № 12, стр. 318—320.

2) Тамъ же, 1829, № 17, стр. 168—172.

3) Тамъ же, 1829, № 11, стр. 253—254.

4) «Какъ вамъ нравится сiе новосложенное реченiе? достоитъ ли ему въ русскомъ слогѣ занять мѣсто съ *любоиспытательностiю* и слухомъ *любознательнымъ*, или оно просто кѵмвалъ брящающiй и мѣдь звенящая?». Примѣчанiе сотрудника *Сына Отечества*.

правописаніе *ижицы* и возстановленіемъ *ѳиты* въ тѣхъ словахъ, которыхъ мы доселѣ съ этою буквою не писывали, почему не учатъ они насъ выговаривать въ русскомъ языкѣ греческія слова такъ, какъ эллины ихъ выговаривали? Почему бы, напримѣръ, не заставить насъ въ словахъ: *ѳѵміамъ*, *меѳода*, *паѳетическій*, произносить букву ѳ, какъ сами эллины и хотя какъ англичане свое *th*; а въ словахъ: *Одѵссей*, *дѵсгармонія*, букву *д*, какъ греки нынѣшніе произносятъ δ, т. е. чѣмъ-то среднимъ между *д* и *ѳ*! Этимъ оказали бы они новыя услуги чистотѣ русскаго языка и поправили бы русскую *орѳоэпію* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ ими исправлена русская *орѳографія*»[1]).

Причина всѣхъ злостныхъ выходокъ Греча и Булгарина— за исключеніемъ упомянутыхъ нападокъ на правописаніе *Вѣстника Европы*[2]), —ихъ неспособность, «возвыситься до понимавія новыхъ идей», неспособность, которую обнаружило, къ сожалѣнію, «огромное большинство публики и литераторовъ». «Всѣ ахнули и возопили: «зоилъ, педантъ, шарлатанъ!»[3]) «Нечестивый гробокопатель» «перетряхиваетъ на бездѣльи старую труху»; «подъ носомъ» у «вандала» «развивается новый міръ чудесъ дивныхъ, небывалыхъ», а онъ «заставляетъ поэзію повернуться оглоблями назадъ въ мрачный вѣкъ школярнаго педантизма»[4]), хочетъ видѣть въ ней «оріемованную схоластику и педагогику» либо «скучную аллегорію». «Только Батте и Лагар-

---

1) *Сынъ Отечества*, 1829, № 12, стр. 317—318.

2) Въ «замысловатой орѳографіи» надо, безусловно, больше винить редактора журнала Каченовскаго, чѣмъ сотрудника Надеждина, подчинившагося установленнымъ традиціямъ. Такъ смотрѣли на дѣло Пушкинъ съ Боратынскимъ (см. «Очерки гоголевскаго періода», стр. 184—185, 199) да и сами издатели *Сына Отечества и Сѣвернаго Архива*.

3) Н. Г. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893, стр. 182, 192.

4) Выраженіе, повторенное семь лѣтъ назадъ С. А. Венгеровымъ: «Но то, что у Надеждина было *школярскимъ* и *педантскимъ* слѣдованіемъ за освященными традиціею «правилами»—у Бѣлинскаго и членовъ его кружка было страстнымъ исканіемъ истины» (Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1900, т. I, стр. 417).

намъ могло зайти въ голову, что будто изъ всѣхъ піитическихъ произведеній должно выжимать посредствомъ логической пытки какую-нибудь нравственную апофеегму»... [1]). «Слава Богу!» эпоха «деспотизма Аристотеля и Буало—сихъ Магометовъ литературнаго міра, прошла уже»; теперь «слыть классикомъ то же, что бывало во времена терроризма носить бѣлую кокарду»!.. И «крики негодованія» раздавались все сильнѣе; критика повсюду «осыпали бранью»: «оскорбленное самолюбіе литературныхъ временщиковъ» оказалось «неумолимѣе презрѣнной любви» престарѣлой «кокетки»... [2]). Но Никодимъ Надоумко «былъ не такой человѣкъ, котораго легко запугать или переспорить: на выходки противъ его статей отвѣчалъ онъ *въ томъ же тонѣ* [3]). Ему очень не понравилось, что литературный «Карлъ XII» изволитъ послѣ Полтавы забавляться»: «ударился въ язвительные стишонки и ругательства» [4]), —и онъ поспѣшилъ, подъ псевдонимомъ Орлино-Когтева и Львино-Зубова, воспѣть «Хлопушкина»:

I.

Младый пѣвецъ Фактыдурая!
Хвала тебѣ, Евгеній нашъ, хвала!
Ты глупой скуки ядъ по каплѣ выпивая,

---

1) Ср. слова С. А. Венгерова: «Но то, что у Бѣлинскаго было идейностью, у Надоумки было дидактизмомъ и *школярски-угодническою проповѣдью благонравія*» (Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, т. I, стр. 411).

2) *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 21, стр. 10—11, 14, 20—21; 1829, № 8, стр. 290—292; № 9, стр. 47; 1830, № 7, стр. 184.

3) Н. Г. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893, стр. 176.—Слыша, большею частію, отрицательные отзывы о своей журнальной дѣятельности, Надеждинъ высоко цѣнилъ всякое доброжелательное слово; отсюда его глубокая привязанность къ Погодину, считавшему его «истиннымъ литераторомъ». «Пусть всякъ», писалъ Надеждинъ пріятелю: «говоритъ то, что думаетъ, во что вѣритъ, чего ищетъ — лишь бы только это было одушевлено безкорыстною и искреннею любовью къ истинѣ. Старикъ (Пахомъ Силичъ), какъ всѣ мы, принадлежитъ къ одному великому приходу, въ коемъ старостою и старостихою—любовь ко благу отечественнаго просвѣщенія» (Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. 1889, кн. 2, стр. 350—352).

4) *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 9, стр. 40.

Неопытнымъ сердцамъ надѣлалъ много бъ зла...
Но, къ счастью, ты великъ... на малыя дѣла[1]).

II.

О, геній геніевъ! неслыханное чудо![2])
Стишки ты пишешь хоть куда![3])
Да только вотъ бѣда:
Ты чувствуешь и мыслишь очень худо![4])
Хвала тебѣ, Евгеній нашъ, хвала!
Великій человѣкъ на малыя дѣла[5]).

Полемика съ Пушкинымъ не отвлекала вниманія Надеждина отъ «телеграфической пращи», изъ которой летѣли въ него камешки...

---

1) Ср. *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 9, стр. 31: «И ежели можно быть великимъ въ малыхъ дѣлахъ, то Пушкина можно назвать по всѣмъ правамъ геніемъ на карикатуры».

2) Тамъ же, 1829, № 8, стр. 301: «Для генія не довольно смастерить Евгенія».

3) Тамъ же, 1829, № 3, стр. 229—230: «О стихотвореніи Графъ Нулинъ и говорить нечего. Оно по всѣмъ отношеніямъ прекрасно. Стихи гладкіе, плавные, легкіе, какъ бы сами собою сливаются съ языка у поэта. Это—nugae canorae! Увлекаясь ихъ плѣнительною гармоніею, невольно иногда негодуешь и спрашиваешь: «Зачѣмъ эти прекрасные стихи имѣютъ смыслъ? Зачѣмъ они дѣйствуютъ не на одинъ только слухъ нашъ»? Истинно, завидна участь Графа Нулина! За проглоченную имъ пощечину его сіятельство купилъ счастіе быть воспѣтымъ въ прелестныхъ стихахъ, которыми не погнушались бы знаменитые герои».

4) Тамъ же, 1830, № 7, стр. 209: «Нѣтъ! воля ваша! а Пушкинъ не мастеръ мыслить».—То же утверждалъ Бѣлинскій, заявившій, что «творческій элементъ» въ Пушкинѣ «несравненно сильнѣе мыслительнаго». (Сочиненія, М. 1860, ч. VIII, стр. 453, 471).

5) *Вѣстникъ Европы*, 1830, № 1, стр. 73.— Эпиграммы Надеждина, по всей вѣроятности, были отнесены членами пушкинскаго кружка къ самымъ «дерзкимъ выходкамъ противъ величайшаго изъ нашихъ поэтовъ» (ср. *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 9, стр. 47). «Любителей русской поэзіи», иронически замѣтилъ князь Вяземскій: «можно поздравить съ двумя дебютантами - близнецами на сценѣ *Вѣстника Европы*. Вотъ имена ихъ: Орлино-Когтевъ и Львино-Зубовъ. Впрочемъ, они только именемъ страшны, а стихи ихъ также незлобивы, какъ и всѣ эпиграммы *Вѣстника Европы*» (Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 129).

«Худыя времена! худыя надежды! А дѣлать нечего!.. Завяжись» съ нашими «штукарями» «въ дѣло—самъ же въ дуракахъ останешься! Эти всесвѣтные пустозвяки телеграфически огласятъ тебя студентомъ! А добрые люди, которымъ не слишкомъ досужно пускаться въ дальнія разбирательства, принимая громогласіе за достаточное доказательство праваго дѣла, съ удовольствіемъ подтакнутъ на ихъ шумныя анаѳемы!» Особенно много «пустозвякъ», «клокочущихъ ревностію къ истинѣ», среди «подвижниковъ пресловутой Каланчи»—интереснаго періодическаго изданія энциклопедическаго характера, гдѣ можно найти рѣшительно *все*. . . Но «les extrémités se touchent»: «за всѣмъ погнаться, ни за чѣмъ не угнаться». «Тучность» журнала—«признакъ не полноты», а «водяной болѣзни», которая «сушитъ жизнь человѣческую не менѣе чахотки». Каланчу «то и погубило, что она, не спросясь броду, сунулась въ воду. Вѣдь, океанъ человѣческихъ знаній не сороковая бочка. Его крючкомъ, хотя бы онъ былъ и гривенный, не вычерпать!» Каланча «разсуждаетъ вмѣстѣ и о философіи, и о Грипусье, защищаетъ въ одно время байронизмъ въ поэзіи и нечистоту въ канцеляріяхъ, придирается съ равною назойливостью къ Карамзину и желтой краскѣ. Мудрено ли въ такомъ смѣшеніи, какому со временъ вавилонскаго столпотворенія не видано подобнаго, затеряться? Мудрено ли, по простой русской поговоркѣ, сбиться съ *пахвей* и принять дѣло за вздоръ, а вздоръ за дѣло? Такъ и случилось» съ Каланчей. Она «называетъ Гомерову Иліаду—бойнею, а Ивана Выжигина—настоящимъ русскимъ романомъ!! Можно ль оскорбительнѣе отозваться объ имени Гомера и Россіи?.. А все отъ смѣшенія понятій! Въ какой головѣ не переболтается всякая всячина, если валить ее безъ разбора».

«Громогласный бирючъ» Каланчи, онъ же «романтическій гудочникъ», неистово «освистывающій» «съ высоты своего подфлюгернаго зданія» всѣхъ непріятелей своего «околотка»,—любитъ шумъ и трескъ, перемѣшиваетъ полемику съ бранью, занимается «скалозубствомъ», «вцѣпляется по-телеграфски» въ про-

тивника. Онъ изъ тѣхъ «словесныхъ фабрикантовъ, кои сами записались въ гильдію и перекидываются литературой, надуваясь изъ всѣхъ силъ, чтобы расхвалить свой товаръ и приманить покупателей»[1]). «Романтическій гудочникъ»—авторъ «Исторіи русскаго народа». . . . Еще до выхода въ свѣтъ этого сочиненія, «знаменитый своею расторопностью» издатель громко «выкликалъ о своей затѣѣ», а его «вѣжливые» друзья, «задобренные взаимнымъ радушіемъ и услужливостью», «разсыпались въ возгласахъ и припѣвахъ», «дружно зазывая» «праздношатающееся любопытство». И что же?.. «Свѣтъ увидѣлъ, какъ расчетливость не стыдится играть и тѣшиться надъ простодушнымъ легковѣріемъ; какъ невѣжество не запинается ни благоразуміемъ, ни скромностію въ притязаніяхъ своихъ на соблазнительную славу; какъ задорное самолюбіе ослѣпляетъ смѣшную глупость; какъ

1) Съ «романтическимъ гудочникомъ», или «Бенигной» у Надоумка есть свои особые счеты изъ-за отзыва о «Литературныхъ опасеніяхъ». «Г-ну Бенигнѣ», пишетъ онъ: «статья моя показалась испещренною греческими, латинскими, французскими и нѣмецкими цитатами. Не имѣвъ чести знать, что подобная пестрота не по глазамъ г-на Бенигны, я прошу у него милостиваго извиненія за неумышленное оскорбленіе, причиненное оптическому его нерву, и вмѣстѣ позволяю себѣ со всею скромностью замѣтить, что *французскихъ цитатъ* въ статьѣ моей не находится. Двѣ или три французскія поговорки суть цитаты — изъ Французскихъ Разговоровъ. Есть же точно, по несчастію, одна англійская цитата изъ Байрона, которую г. Бенигна, вѣроятно *по сходству буквъ*, счелъ неумышленно за французскую». Кромѣ того, «будучи близорукъ, очень долго понапрасну искалъ» Надоумко «пяти ошибокъ въ трехъ строкахъ греческаго эпиграфа, избраннаго имъ изъ Софокла, и едва съ помощью микроскопа успѣлъ, наконецъ, открыть, что, дѣйствительно, въ послѣднемъ стихѣ, по несчастію, вмѣсто частицы καὶ напечатано κὶ. Г. Бенигна, вѣроятно, отыскивая въ лексиконѣ сіе мудреное слово и утомившись отъ безполезныхъ трудовъ, грянулъ на него съ сердцовъ упятеренною гиперболою». «Провозглашеніе же Надоумка небольшимъ знатокомъ греческихъ трагиковъ потому только, что онъ не стыдится называть себя почтеннымъ именемъ студента, кажется, есть плодъ излишней ревности г-на Бенигны. Какъ студентъ, окончившій курсъ ученія въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ высшихъ училищъ, Надоумко могъ имѣть, кажется, болѣе возможности и средствъ ознакомиться съ греческими трагиками, чѣмъ самый искусный винокуръ (говорится вообще) и самый глубокомысленнѣйшій цифирщикъ».—См. *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 22, стр. 107; № 24, стр. 300 — 304; 1829, № 9, стр. 41; № 10, стр. 124; №№ 22—23; 1830, № 7, стр. 190—191, 194, 215, 223.

дерзкая безсмысленность, заносящая святотатскую руку на заповѣдныя сокровища истины, безбоязненно можетъ уничижать высокое достоинство человѣческое! Негодованію нашему есть причина: книга, называющаяся первымъ томомъ «Исторіи русскаго народа», предъ нами!» «На развалинахъ великаго труда незабвеннаго Карамзина» «рука, упражнявшаяся донынѣ только въ подпусканіи шутихъ», не «соорудила новаго зданія», хотя былъ обѣщанъ «новый опытъ отечественной исторіи, начертанный съ новой высшей точки зрѣнія, по новой высшей идеѣ о человѣчествѣ». Авторъ не выполнилъ принятаго на себя обязательства и не сумѣлъ «снять мѣрку» съ историческихъ произведеній Гизо и Тьерри, не использовалъ твореній Гердера и Кузена, имена которыхъ «не сходили у него съ языка». «Такъ называемая «Исторія русскаго народа» не отличается даже новостью систематическаго фасона. Это не болѣе, какъ безобразный хаосъ уродливыхъ словъ, скрипящихъ подъ тяжестью уродливыхъ мыслей, нахватанныхъ и оттуда, и отсюда, безъ разбора, плана и цѣли: пустомысліе, оправленное пустословіемъ, не имѣющимъ даже жалкаго преимущества одурять вниманіе чаднымъ куревомъ философическаго обскурантизма; однимъ словомъ, старая ветошь, даже не перешитая по новому покрою». Причина столь прискорбнаго явленія понятна! «Величіе Карамзина куплено двадцатилѣтними трудами мощнаго и дѣятельнаго таланта; можно ль было покуситься перегнать его въ три года съ одной «Рѣчью о невещественномъ капиталѣ» въ запасѣ?.. Надлежало подняться на хитрости тамъ, гдѣ не беретъ сила: взгромоздиться на ходули и поддѣлать себѣ фальшивую рослость». «И нашъ витязь, вздумавъ, сдѣлаться историкомъ, разсудилъ пріодѣться въ очарованные доспѣхи туманнаго пустословія. Дабы ошеломить вниманіе простодушнаго любопытства, онъ изволилъ прикинуться философомъ! Величественная мантія мудреца должна была прикрывать всю бѣдную наготу его; завернувшись въ нее, онъ считалъ себя уполномоченнымъ на безсудное проповѣдываніе всякаго вздора»... Поэтому «Исторія русскаго народа есть не-

чальный опытъ судьбы, ожидающей самолюбивое невѣжество, ищущей прикрыть свою ничтожность безстрашною дерзостію. У сочинителя ея нельзя отрицать бѣглости понятія и задорности воображенія, но онъ имѣетъ несчастіе быть влюбленнымъ въ самого себя до жалкаго ослѣпленія. Оставайся въ своихъ границахъ, и онъ могъ бы пригрѣть себѣ порядочное мѣстечко въ литературномъ нашемъ мірѣ. Взялся не за свое»,—и передъ нами развернулось «море великое и пространное: тамо гады, ихъ же нѣсть числа; животныя малыя съ великими».

«Грозная армада» противъ перваго тома исторіи не смутила «сочинителя»; «ожесточеніе» критики «только вскипятило его желчь». Полевой рѣшилъ продолжать свое дѣло, и на этотъ разъ не безуспѣшно. Выпущенный имъ второй томъ уже показалъ, что издатель «не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые дерзновенно тѣшатся легковѣріемъ толпы и забавляютъ простаковъ ничтожными фокус-покусами. Нѣтъ! надъ вторымъ томомъ онъ, дѣйствительно, работалъ, и работалъ изъ всѣхъ силъ». Удивительное усердіе выказалъ «живописецъ», когда рисовалъ «картину Руси до XIII вѣка въ географическомъ, политическомъ, общественномъ и нравственномъ отношеніяхъ». Картина — «настоящій мозаикъ: она составлена изъ безчисленнаго множества разнородныхъ крупинокъ», для собиранія которыхъ надо имѣть огромное терпѣніе. «Кажется, какъ будто новый нашъ историкъ устроилъ здѣсь главное депо», куда — «какъ курочка, по зернышку»—«сложилъ все, что ни удалось ему гдѣ-нибудь вычитать или у кого-нибудь подслушать. Само собою разумѣется, что сія попечительная ревность дѣлиться малѣйшими крохами съ любознательностью читателей, сообщаетъ новое достоинство трудамъ составителя сей картины. И не пріобрѣтаетъ ли онъ тѣмъ правъ на сугубую признательность? Благодаря сей ревности, читатели Исторіи русскаго народа знакомятся не только съ русскою исторіею, но и со множествомъ другихъ вещей, не имѣющихъ къ русской исторіи ни малѣйшаго отношенія»... «Недоброжелатели могутъ, конечно, возразить и на это, что для собиранія сихъ кру-

ницъ не могли быть употреблены труды слишкомъ большіе», ибо «судя по очевиднымъ предметамъ, всѣ онѣ забраны изъ историческихъ закромовъ Гизо и Тьерри, заключающихся въ *трехъ* или *четырехъ* небольшихъ книжкахъ. Это, кажется и правда! Но—пробѣжать три или четыре книжки, особенно на чужеземномъ языкѣ, всетаки не бездѣлица!.. Отъ одной выписки голова можетъ пойти кругомъ,—и историкъ русскаго народа, несмотря на дознанную крѣпость умственнаго своего сложенія, долженъ былъ заплатить дань слабости бѣдной нашей природѣ, не терпящей излишняго напряженія за слишкомъ дробною работой. Отъ этого и случились многія обмолвки, недомолвки и перемолвки»[1]), за которыя публика, безъ всякаго сомнѣнія, не будетъ въ большой претензіи на добросовѣстнаго, достойнаго всякой похвалы труженика[2]).

Нежданые союзники историка русскаго народа въ генеральномъ сраженіи, которое онъ далъ Надеждину, также не были забыты послѣднимъ: онъ хотѣлъ поквитаться со своими врагами—«всѣмъ сестрамъ дать по серьгамъ». И онъ прочелъ не одну хорошую отповѣдь «неумытымъ» или «неумытнымъ» критикамъ, «воюющимъ при подошвѣ нашего Парнасса»... *Сынъ Отечества*

1) Эти недомолвки обстоятельно перечислены Надеждинымъ, указавшимъ въ трудѣ Полевого повторенія, логическіе недочеты, неудачныя заимствованія и параллели между Россіей и западными государствами и т. п. См. *Вѣстникъ Европы*, 1830, № 1, стр. 37—72; №№ 15—16, стр. 276—302.

2) Нѣкоторыя выходки противъ Полевого (ср. Конторкина въ «Сонмищѣ Нигилистовъ»), допущенныя въ разгарѣ полемики, Надеждинъ впослѣдствіи публично порицалъ, какъ бы раскаиваясь въ томъ, чего нельзя было поправить. «Издѣвки надъ семинаристами и семинаріями» — писалъ онъ — странно слышать отъ Полевого, «коего *званіе, несправедливо осмѣиваемое, возбуждало, бывало, невольное, въ немъ участіе всѣхъ благородно мыслящихъ*» (*Галатея*, 1830, ч. 17, *Аргусъ*, стр. 98). Въ виду этого, С. А. Венгеровъ совершенно неосновательно обвиняетъ Надеждина въ «преслѣдованіи съ неслыханной (?!) грубостью враговъ своего главнаго университетскаго покровителя» (Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1900, т. I, стр. 403). Почтенному литератору должно быть извѣстно, что Полевой и Пушкинъ въ обращеніи съ Надеждинымъ не отличались особой деликатностью и, повидимому, не жалѣли, что въ пылу раздраженія у нихъ срывались не очень лестные эпитеты, въ родѣ: *болванъ, дуракъ, желтякъ* (сумасшедшій), *лакей* и проч.

«въ совокупленіи» съ *Сѣвернымъ Архивомъ*, несмотря на старанія союзниковъ, возбуждаетъ чувство жалости: въ немъ нѣтъ ровно *«ничего»*. «Развѣ значитъ *что-нибудь* — перепечатывать піесы изъ другихъ журналовъ, сокращать газетныя извѣстія изъ *Сѣверной Пчелы* (тоже питающейся медомъ изъ чужихъ ульевъ) и предавать второму тисненію; заставлять пріятелей ковать себѣ похвалы и выдавать ихъ за теорію изящной словесности?.. А это-то и составляетъ *весь* вещественный капиталъ этой журнальной двуутробки». Но къ чувству жалости, вызываемому бѣдностой содержанія, начинаетъ примѣшиваться чувство гадливости и брезгливости, когда подписчикъ заглянетъ въ злополучный хозяйственный ящикъ, заведенный редакціей. Эксъ-студентъ въ долгу передъ «рыцаремъ ящика» и считаетъ себя обязаннымъ дать отвѣты на предложенные ему вопросы. Отвѣты тѣмъ болѣе ему по сердцу, что, живя на Патріаршихъ прудахъ, онъ полюбилъ «пугать *грачей*, которые водятся больше по захолустьямъ, и бить острогою *сомовъ и бухарскихъ* угрей, до которыхъ онъ страстный охотникъ». Нескромное желаніе узнать, не получаетъ ли Надоумко платы съ издателя *Вѣстника Европы* за свои статейки и «по скольку именно за каждую», — крайне подозрительно. Вывѣдать этого не удастся! Пускай себѣ «грозятъ» чѣмъ-угодно, «сулятъ похвалы новымъ поэтамъ и поэмкамъ, — но оставятъ въ покоѣ смиреннаго экс-студента, трудящагося, по возможности, для общей пользы, не изъ постыднаго корыстолюбія! Не всѣ, вѣдь, купцы; не всѣ торгуютъ литературою» и находятъ несказанное удовольствіе во всевозможныхъ придирках: «онъ де ходитъ въ дурное общество — въ сонмище нигилистовъ; стало быть, онъ и самъ нигилистъ!» «Э! государь мой!» восклицаетъ Надоумко: «Побойтесь Бога! за что жъ оглашать такъ честнаго человѣка!... Вѣдь, вы сами знаете, что я тамъ былъ не по собственной волѣ: меня затащилъ туда вѣтреникъ Флюгеровскій, который не знакомъ ли полно и съ вами. Притомъ же, что̀ и за бѣда, если я побывалъ тамъ однажды!.. Право, нигилистическаго ничего ко мнѣ не пристало!.. Если бъ случилось мнѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ,

забрести какъ-нибудь въ то почтенное общество, которое вы собой украшаете, то неужели бы я въ одинъ разъ напитался тамъ вашимъ духомъ и возвратился оттуда рыцаремъ ящика?.. У меня, слава Богу! натура не имѣетъ особеннаго предрасположенія къ эпидеміи... Что жъ касается до моего слога, который имѣлъ несчастіе показаться вамъ пухлымъ и дурнымъ, то я очень жалѣю, что доселѣ не имѣлъ удовольствія быть короче знакомымъ съ вами и научиться у васъ секрету изможлать краснорѣчивой чахоткой пухлый слогъ свой... Вы упрекаете меня въ употребленіи грубыхъ мужицкихъ поговорокъ—еще болѣе грубою мужицкою рѣчью... Да и что̀ это за площадныя выраженія, оскорбившія такъ чувствительно нѣжный слухъ вашъ?.. Это не что̀ иное, ка̀къ старинныя присловія и поговорки нашихъ добрыхъ дѣдовъ, которыхъ отнюдь не должно стыдиться и презирать, но которыя, напротивъ, слѣдуетъ чтить и хранить, какъ родное наслѣдственное наше богатство». — Лишь однажды сказалъ «сущую правду» «рыцарь»: статейки Надоумка «точно диковинки въ наше время, потому что въ нихъ слышится голосъ истины, слишкомъ рѣдко раздающійся нынѣ на литературныхъ торжищахъ».

По поводу «страннаго восторга», съ которымъ «незваный пріятель» превозноситъ «тонкое чутье» сотрудника *Вѣстника Европы*, экс-студентъ вынужденъ замѣтить, что «роясь на заднемъ дворѣ нашей поэзіи, онъ не могъ не ощутить господствующаго тамъ зловонія», и «не только не гордится сею незаслуженно восхваленною чуткостью, но еще завидуетъ г-ну неизвѣстному, коего залегшее обоняніе оставляетъ воображенію его полную свободу ощущать благоуханіе розъ—тамъ, гдѣ только навозъ и соръ»... «При всемъ чутьѣ своемъ, однако» экс-студентъ не «дочуялся, почему Патріаршіе пруды, близъ которыхъ находится скромное его жилище, залегли на сердцѣ у г-на неизвѣстнаго, начавшаго удостаивать его еженедѣльно своимъ разглагольствованіемъ... Вѣрно, чуется ему, при всей его нечуткости, что водамъ ихъ суждено смывать грязь и нечисть съ нашей литера-

туры, запачканной тщаніемъ и трудами нашихъ великихъ геніевъ», а это «не можетъ быть ни для него, ни для подобныхъ ему находкою! Благомыслящіе, конечно, бы тому порадовались, но человѣкъ въ человѣка не приходитъ!» — Г-нъ «подкидыватель» всякой дряни въ ящикъ *Сына Отечества* толкуетъ еще о молодости лѣтъ Надоумка и «объявляетъ его уже вышедшимъ изъ ребятъ», ибо онъ «недавно завалился за двадцать три года». «Сколь ни сомнительны восхищаемыя» «подкидывателемъ» «права на утвержденіе литературнаго совершеннолѣтія, критикъ съ Патріаршихъ прудовъ не можетъ однако не быть признательнымъ къ столь обязательной благосклонности и усильно проситъ дать знать ему, сколь велика пошлина, взимаемая обыкновенно за подобное провозглашеніе. Но, между тѣмъ, онъ почитаетъ за грѣхъ скрывать отъ добрыхъ людей, что, по собственному его сознанію, онъ не возмужалъ еще въ литературныхъ сплетняхъ и каверзахъ, составляющихъ нынѣ необходимую принадлежность всякаго литературнаго мужа comme il faut, и опасается даже остаться навсегда въ семъ отношеніи ребенкомъ. Что жъ касается до очковъ, которыя ему столь убѣдительно совѣтуется надѣть въ сіи молодыя лѣта, то критикъ считаетъ обязанностію извѣстить всѣхъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ, что онъ уже запасся прекраснѣйшими очками, при помощи коихъ надѣется различить не только кошку съ мышью, но и *пчелу* со *шмелемъ*, *сына* съ *пасынкомъ*, *архивъ* съ *заплѣснѣвшей пылью*. Сверхъ того, онъ обѣщается читать внимательнѣе, помнить прочитанное лучше и писать не наобумъ, а на надоумъ».

«Плоскія шуточки» «вкладчиковъ» ящика вообще «ничего не доказываютъ, ни въ чемъ не убѣждаютъ и даже не достигаютъ своей цѣли — не вызываютъ улыбки удовольствія на уста человѣка здравомыслящаго. Угождать же зубоскаламъ и угождать пустяками — дѣло недостойное благонамѣреннаго журналиста». Между тѣмъ этимъ дѣломъ занялись разные Еруcланы Арсалановы и Ипполиты Филипсілоѳитинскіе, «издѣвающіеся надъ ижицами и другими буквами». Не желая толковать съ «клевретами»

Греча, Ипполитъ Междометный[1]) обращается къ самому издателю *Сына Отечества* и хочетъ съ нимъ побесѣдовать на тему, которую нельзя «не принимать больно къ сердцу». «Сломленная кость въ живомъ человѣкѣ»,—говоритъ онъ—«если она срощена не надлежащимъ образомъ, ломается снова и сращивается. На временную боль не смотрятъ, когда желаютъ предотвратить недугъ продолжительный и неисцѣльный. Наше правописаніе донынѣ еще не установилось, и, къ счастію, сызнова ломать нечего: неоднообразное употребленіе буквъ показываетъ уже, что есть недовольные чужимъ правописаніемъ, и что, несмотря на издаваемые законы творцами грамматикъ, размышляющіе люди продолжаютъ дѣлать опыты, въ чаяніи когда-нибудь попасть на путь истины или, по крайней мѣрѣ, подойти къ ней, сколько можно, ближе. Они говорятъ, что мы, перенявъ многое у просвѣщенныхъ иностранцевъ, должны бы перенять у нихъ и полезный во многихъ отношеніяхъ способъ отличать слова греческаго происхожденія буквами *ѳ* и *г*, для нихъ существующими въ нашей азбукѣ. Вы сами, допустивъ *ѳиту* для именъ собственныхъ и для нѣкоторыхъ нарицательныхъ (Практ. Грам., стр. 556, 557 и слѣд.), не скрываете отъ насъ, что въ азбучный міръ допущена *ижица*, и даже съ великодушнымъ безпристрастіемъ показываете примѣры, какъ употребляется она въ письмѣ церковнославянскомъ. Васъ безпокоитъ неутомимая забота о произношеніи слова точь въ точь по писанному; но это ни въ какомъ языкѣ невозможно. Самое слово «конекъ», столько вамъ знакомое, и вы, и клевретъ вашъ такъ ли произносите, какъ оно пишется? Почему же не допустить сего необходимаго исключенія и въ пользу словъ греческихъ, когда въ алфавитъ нашъ издревле введены и приняты буквы, только лишь въ греческихъ словахъ и употребляемыя? Выговоръ подверженъ измѣненію, смотря по мѣсту, времени и обстоятельствамъ, но письменныя формы языка установившагося передаются поколѣніямъ, какъ наслѣдственное достояніе народа... Вы же, почтеннѣйшій, Николай

1) Псевдонимъ Надеждина.

Ивановичъ,—тогда какъ изъ вашей Практической русской грамматики можно затвердить не мало греческихъ вокабулъ — что̀ я говорю? можно выучиться почти столько же по-гречески, какъ и по-русски—вы, показавши все доброзрачіе сихъ буквъ (ѳ, ѵ) между церковно-славянскими ихъ клевретами, полагаете русской *ѳитѣ* предѣлъ, его же да не прейдетъ, а *ижицу*, безгрѣшную *ижицу*, совсѣмъ изгоняете изъ алфавитнаго эдема[1]... *Впро-*

1) Въ шутливомъ стихотвореніи Надеждина изображена гонимая всѣми ижица, нѣкогда игравшая видную роль, подъ именемъ ипсилона и игрека; она молитъ «державнаго первенца письменъ» Аза «не отказать въ своей десницѣ послѣдней спицѣ въ колесницѣ»:

«И въ тихой, тихой, скромной долѣ
Я не сносила головы!
Враги нашли меня, наперли,
Наддали... стиснули, шумятъ...
Анаѳематствуютъ, кричатъ,
И въ азбукѣ мой ликъ затерли...
За что̀... сама не знаю я!
. . . .
И такъ нѣтъ нужды, нѣтъ предлога,
Изъ алфавитнаго чертога
Меня такъ злобно изгонять!...
Быть можетъ, правда, не подстать
Я новымъ нынѣшнимъ писакамъ!
Быть можетъ, этимъ пустозвякамъ,
Во мглѣ всевѣдчества святой,
Взрывающимъ всѣ корни знаній,
И низко заниматься мной,
Какъ вѣткой малой и простой!
Быть можетъ, что въ пылу мечтаній
Высокой жизни неземной,
Имъ недосужно и постыдно
Знакомство съ греками сводить,
Справляться съ Памвою Берындой,
Чтобъ знать, гдѣ должно помѣстить
Твою покорную рабыню!..
Не тѣ, конечно, времена:
Сошла съ учености цѣна,
Ее не чтутъ ужъ за святыню;
И удалые мудрецы
Готовы, ежели случится,
Гомеру въ бороду вцѣпиться
И взять Софокла за усы!

чемъ, не любя споровъ, мы не станемъ питать въ душѣ своей вражды за мертвыя буквы. Подождемъ годъ, другой; станемъ наблюдать, какъ пишутъ грамотеи, какимъ слѣдуютъ правиламъ и на чемъ ихъ основываютъ; размыслимъ хладнокровно, испытаемъ себя ревностно, не еретичествуемъ ли въ истинномъ правописаніи, и (почему знать?), быть можетъ, прибѣгнемъ съ покаяніемъ подъ спасительную сѣнь грамматическихъ догматовъ вашихъ»[1]).

Письмомъ о правописаніи закончилась полемика съ Гречемъ и Булгаринымъ. Язвительность Надоумка или какія другія обстоятельства оказали свое вліяніе, неизвѣстно,—но только «Типографскій ящикъ, состоявшій при *Сынѣ Отечества*», на время прекратилъ свое существованіе, и экс-студентъ напутствовалъ его прощальнымъ словомъ. «Бѣдные прихожане! бѣдные вкладчики *Сына Отечества и Сѣвернаго Архива*!.. Не придется ли имъ теперь затянуть пѣсню, которую заставляли, было, пѣть читателей *Вѣстника Европы* ихъ почтенные старосты:

О, горе намъ!
О, страшная для насъ невзгода!

Но-нѣтъ! Напрасныя опасенія!.. Есть старинная русская пословица: лихое спóро, не умираетъ скоро! Типографскій ящикъ, назначавшійся, было, служить сборною кружкою всѣхъ ругательствъ и браней, долженствующихъ поддерживать дряхлѣющее

Гдѣ жъ мнѣ стоять противъ злодѣевъ?
Но развѣ въ томъ моя вина?
Учиться надо безъ меня!
Вѣдь, грамота — для грамотеевъ!..
О, Азъ! Мой вѣрный братъ и другъ!
Вступись за честь сестры родимой,
Склони на горькій вопль мой слухъ
И будь защитникомъ гонимой».

(*Вѣстникъ Европы*, 1828, № 23, стр. 187—194).

1) Можетъ быть въ этихъ словахъ С. А. Венгеровъ усмотрѣлъ упорную «теоретическую защиту» «комической ѳеографіи» Каченовскаго «противъ нападокъ противниковъ (Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1900, т. I, стр. 403)?».

бытіе *С. О.* и *С. А.* точно закрылся; но зато—весь *С. О.* и *С. А.* превратился.... въ ящикъ!.. Подобные факты въ настоящій вѣкъ превращеній—не диковинка; и если бы классическій энтузіазмъ не былъ преслѣдуемъ у насъ съ такимъ остервенѣніемъ, то иному Овидію, при взглядѣ на литературное житье-бытье наше, не мудрено было бы написать дюжины двѣ-три оригинальныхъ *Metamorphoseon*, не истощивъ своего предмета! — За недостаткомъ поэтическаго одушевленія, можно бъ было просто любоваться подобными литературными *оборотами* и *оборотнями*, если бъ они не кидались на всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, дабы изумить простяковъ и напугать добродушныхъ, — а это можетъ, наконецъ, истощить всякое терпѣніе! — Такъ изволилъ тѣшиться С. О. и С. А. при вскрытіи Типографскаго ящика, и сія потѣха такъ пришла ему по сердцу, что не прекратилась закрытіемъ этой посудины. Съ неизъяснимымъ ожесточеніемъ грызетъ онъ теперь самъ, собственною своею особою, каждый листокъ, носящій имя журнала, и сколь ни толста бумага *Московскихъ Вѣдомостей* и *Прибавленій къ Казанскому Вѣстнику*, она не спасла ихъ отъ зубовъ, изощренныхъ на все журнальное и газетное. *Вѣстникъ Европы*, по естественному порядку вещей, долженъ былъ подвергнуться той же участи»; однако онъ имѣетъ достаточно твердости, чтобы, «не содрогаясь, высказывать всегда свое искреннее мнѣніе по совѣсти и внутреннему убѣжденію, не только о произведеніяхъ Пушкина и князя Вяземскаго, но и о другихъ, можетъ быть, еще ближайшихъ къ сердцу почтеннаго своего содруга», и скорѣе приметъ на себя имя *Африканскаго Вѣстника*, чѣмъ откажется отъ единственнаго начала, коимъ онъ всегда руководствовался и которое, по несчастію, стерлось такъ же съ внутренности, какъ и съ главнаго листка *Сына Отечества*, у *Сѣвернаго* же *Архива* и на обертках никогда не существовало: vitam impendere vero!» [1]).

---

1) См. *Вѣстникъ Европы*, 1828, № 23, стр. 187—194; 1829, № 6, стр. 152—162; № 7, стр. 238—248; № 9, стр. 57—66; № 11, стр. 226—227; № 13, стр. 67—68; № 22.

Легко выдерживая непріятельскіе натиски и, безъ особаго труда, отражая даже бѣшеныя атаки, Надеждинъ ловко уклонялся отъ наносимыхъ ему ударовъ, и самъ удачно переходилъ въ наступленіе. Но полемическія схватки были ему противны, и побѣда надъ врагомъ не радовала его: она могла тѣшить другое, болѣе мелкое самолюбіе. Спокойный и ровный, Надеждинъ умѣлъ хорошо владѣть собой, и замыкался въ себѣ, сторонясь отъ недоброжелательной и иногда назойливой толпы: когда съ его устъ срывались холодныя ѣдкія рѣчи, — никто не зналъ, какъ болѣло его сердце. Онъ «былъ увлеченъ искреннимъ и безкорыстнымъ усердіемъ ко благу нашей словесности» — его «встрѣтили воплями, бранью, ругательствами, никогда и нигдѣ имъ неслыханными». . .[1]). Эти ругательства не смолкали, пока онъ не закончилъ своей литературно-критической дѣятельности; а непріязнь къ нему не стихала, пока онъ не закончилъ своего земного пути. Лишь въ 1856 году помянули его добрымъ словомъ: смерть была «печальной возстановительницей общаго уваженія» къ тому, кого «не чтили при жизни». Однако одобреніе и сочувствіе проявлялись недолго... «Жаль, что хвалы не проникаютъ въ могилы», писалъ нѣкогда Чернышевскій, — а мы склонны радоваться, что въ могилы не проникаютъ та хула, тѣ легкомысленныя порицанія, которыя стали снова съ избыткомъ расточать по адресу выдающагося человѣка нынѣшніе журнальные критики. Надеждина не оцѣнили въ свое время, такъ какъ литература «страдала чрезвычайною поверхностностью». Аналогичное явленіе повторяется на нашихъ глазахъ. «Надеждинъ — олицетвореніе пошлости и безвкусія, брюзга, педантъ, склонный къ напыщенности и семинарской риторикѣ, не оставившій послѣ себя ничего прочнаго въ наукѣ» — твердятъ одни; «онъ — ретроградъ, спеціалистъ по доносамъ, человѣкъ безъ убѣжденій и нравственныхъ принциповъ», заявляютъ другіе. Огульное, голословное порицаніе поражаетъ изслѣдователя и наводитъ на грустныя думы. . . Но, онѣ

---

1) *Вѣстникъ Европы*, 1829, № 23, стр. 185—186.

прекратятся, эти страстныя, бранчивыя нападки, эти рѣзкія выходки, подсказанныя злобою дня; смолкнутъ хлесткіе, но дешевые либеральные возгласы, безпристрастное изученіе документовъ замѣнитъ искусственную подтасовку фактовъ по заранѣе составленному плану, — и личность давно умершаго ученаго писателя предстанетъ въ новомъ освѣщеніи! «Беззаконный рисунокъ», «безсмысленно начертанный» на прекрасныхъ картинахъ, съ лѣтами исчезнетъ; «ветхой чешуей» «спадутъ чуждыя краски» — и «съ прежней красотой» явятся предъ нами созданія хотя не генія, но, безспорно, крупнаго таланта.

Н. Козминъ.

Опись рукописей Тихвинскаго Успенскаго монастыря.

Въ маѣ 1906 года, пользуясь двумя днями праздниковъ, рѣшилъ я немного отдохнуть отъ петербургской сутолоки. Въ поискахъ уголка тихаго и сравнительно недалекаго остановился на Тихвинѣ. Новая желѣзная дорога на Вологду уже дѣйствовала: послѣ семичесовой ночной ѣзды, въ прекрасное майское утро я былъ на ст. Тихвинъ. Еще нѣсколько минутъ тряски, по мостовой, и я въ гостиницѣ Успенскаго Большого монастыря.

Конечно, при осмотрѣ стариннаго монастыря[1]) не была забыта библіотека. Настоятель, архимандритъ о. Іоанникій, и библіотекарь, іеромонахъ о. Варлаамъ, радушно отверзли древнехранилище, равно какъ показали и ризницу, богатую старинными облаченіями и утварью. Библіотека и архивъ занимаютъ угольную часть преддверія Успенскаго собора. Помѣщеніе свѣтлое, изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ аркой; содержится заботливо, въ—чистотѣ и опрятности (постланъ даже коверъ у стола и стульевъ, стоящихъ посреди библіотеки).

---

1) «Учрежденъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ 1560 г. (Новг. II, 159). П. Строевъ. Списки іерарховъ. 62. «Монастырь существовалъ до 1515 г., но когда онъ основанъ, неизвѣстно; вѣроятно, вскорѣ послѣ явленія иконы». В. В. Звѣринскій. Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ. Ч. I, 255. О чудесномъ явленіи Тихвинской иконы Божіей матери въ лѣтописяхъ подъ 1383 годомъ.

Рукописныя книги (рукописи), столбцы, бумаги, книги старой и новой печати, все—въ шкафахъ. Рукописямъ и книгамъ есть опись, но столбцамъ и бумагамъ не имѣется. По словамъ о. архимандрита, одинъ изъ учителей мѣстнаго духовнаго училища описывалъ столбцы, но не окончилъ работы, такъ какъ былъ переведенъ въ другой городъ[1]). По описи мнѣ любезно

1) По столбцамъ монастыря напечатаны въ А. А. Э. т. II, № 168 (1610); т. III, № 152 (1624, марта 21); № 169 (1626 февраля 5); № 267 (1637, февраля 22); № 278 (1637, октября № 31); 289 (1639, іюня 8); № 312 (1642, іюля 7); № 314 (1642 іюля); № 328 (1643 г., ноября 18); т. IV, № 20 (1647, мая 29); № 25 (1648, апрѣля 11); № 41 (1649 апрѣля); № 58 (1652, мая 22); № 77 (1654 ноября); № 79 1654, декабря 19); № 85 (1655, апрѣля 23); № 96 (1657, іюня 1); № 110 (1659 февраля); № 130 (1662, февраля 9); № 131 (1662, февраля 12); № 143 (1663, іюля 29); № 164 (1668, ноября 15); № 190 (1673, мая 6); № 205 (1675, іюля 27); № 225 (1678, августа 20); № 331 (1654, мая 10); № 332 (1655 года). Кромѣ этого см. еще Акты юридическіе или собраніе формъ старинная дѣлопроизводства. Спб. 1838. № 63 (1653 октября) № 64 (1661); № 68 (1666 марта); № 69 (1666 апрѣля); № 70 (1678 октября); № 127 (1651, іюня 21); № 129 (1659 апрѣля 20); № 193 (1624, марта 3); № 194 (1626, января 25); № 195 (1628 и 1635); № 196 (1630 и 1634); № 198 (1655, марта 10); № 200 (1655 и 1656); № 201 (1661, сентября 1); № 203 (1669 и 1678); № 206 (1700, мая 8); № 223 (1628, марта 1); № 255 (1643, марта 8); № 275 (1642, февраля 8); № 277 (1697, апрѣля 7); № 282 (1650, іюля 27); № 286 (1682 марта 26); № 290 (1585 — 1665); № 302 (1622 — 1682); № 303 (1624, мая 3); № 307 (III: 7181, февраля 21; VI: 7196, ноября 25; VII: 7202, ноября 10); № 318 (1652, ноября 24); № 319 (I: 7162, іюня 6); № 321 (1663—1700); № 326 (1677, августа); № 348 (1652 апрѣля); № 349 (1653—1676); № 350 (1655, сентября 15); № 355 (1697, декабря 23); № 364 (1606—1639); № 365 (1606—1692); № 397 (1662 января); № 402 (1660—1684); № 427 (1671 апрѣля). Историко-статистическое Описаніе первоклассная Тихвинскаго Богородицкаго Большого Монастыря, состоящаго Новгородской епархіи въ городѣ Тихвинѣ. Изданіе Тихвинскаго Большого монастыря. С.-Петербургъ. 1859. Здѣсь ссылки на грамоты монастыря: пр. 48, 50, 118, 119, 120, 122, 124, 126 — 130; на «бумаги»: пр. 49, 69, 79, 89, 103, 132. См. еще В. В. Звѣринскій. Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи, съ библіографическимъ указателемъ. Томъ I. Спб. 1890. № 485. Замѣчу кстати, что пропущено названіе автора (О. А. М.) въ «Очеркѣ жизни бывшаго Коневскаго строителя и Тихвинскаго архимандрита отца Иларіона, съ его портретомъ». Спб. 1861. Далѣе, указана книга: Тихвинскіе «монастыри, Большой Богородицкій, Спб., изд. 1854 г.». Можно добавить, что о Тихвинскомъ Большомъ монастырѣ говорится въ названной книгѣ на стр. 1—96. Кромѣ Большого монастыря, здѣсь описаны монастыри: Дымскій Антоніевъ, Бесѣдный Николаевскій, Введенскій дѣвичій. Ни въ Имп. Публичной библіотекѣ, ни въ Академіи Наукъ нѣтъ упоминаемой у Звѣринскаго «Службы Тихвинской Богородицѣ, Москва, 1653 г.».

достали нѣсколько рукописей. Но... времени у меня было слишкомъ мало для занятій: пришлось списать только опись рукописей, которая ниже и печатается.

Я все надѣялся, что удастся побывать еще разъ въ Тихвинѣ, составить подробный каталогъ хотя рукописей; но время идетъ, а надежда не исполняется: издаю, что имѣю. Быть можетъ, эта краткая опись обратитъ вниманіе лицъ, интересующихся книжной стариной, которые и дадутъ надлежащее описаніе библіотеки и архива.

Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ рукописяхъ монастыря мы имѣемъ еще съ XVII вѣка. «161 году генваря въ 11 день, по указу Великаго Господина, святѣйшаго Никона патріарха Московскаго и всея Росіи, выписано Степенныхъ монастырей, изъ отписныхъ книгъ, въ которыхъ монастыряхъ обрѣтаются церковныя книги четьи, того ради, чтобы было вѣдомо, гдѣ которыя книги взяты, книгъ печатново дѣла исправленія ради»... «Тихвина монастыря. Выписано изъ отписныхъ книгъ 142 году» — всего 52 рукописи[1]).

---

1) 2519. Евангеліе толковое, Іоанна Богослова, вседневное, въ десть. 2520. Другое Евангеліе Луки Евангелиста. 2521 — 2522. Третіе Матѳея да Марка, въ одномъ переплетѣ, всѣ три писменые, въ десть. 2523. Книга Григорій Богословъ толковый. 2524. Книга Соборникъ, шесть мѣсяцевъ съ Сентября по Мартъ. 2525. Книга Соборникъ Пятдесятной. 2526. Другой Соборникъ, постной, оба въ десть. 2527 — 2528. Два Устава письменныхъ. 2529 — 2531. Три книги Правила Никонскіе, въ десть. 2532. Книга Іоанна Лѣствичника, въ десть. 2533 — 2535. Три книги въ полдесть, Иванна Лѣствичника. 2536. Книга Синоксарь и на праздники слова въ десть. 2537 — 2538. Двѣ книги житія Святыхъ отецъ, въ полдесть. 2539. Книга Матѳей Евангелистъ толковой, въ полдесть. 2540. Книга Григорія Папы Римского. 2541. Книга Аврамія Ростовскаго, обѣ въ полдесть. 2542. Книга Соборникъ Ноябрьской и Генварьской. 2543. Книга Симеона Новаго Богослова, въ полдесть. 2544—2545. Двѣ книги житія Соловецкихъ Чудотворцовъ, обѣ въ полдесть. 2546. Книга Царственная печатная. 2547. Книга Андрей Цареградской. 2548. Книга Ѳеодоръ Студитъ. 2549. Книга Лѣтописецъ. 2550. Книга Максимъ Исповѣдникъ, обѣ въ полдесть. 2551—2552. Двѣ книги Минеи четьи двухъ мѣсяцевъ, Сентябрь да Ноябрь, обѣ въ полдесть. 2553. Псалтырь, харатейная съ молитвами. 2554. Псалтырь толковая, въ десть. 2555. Книга явленіе чудотворнаго образа Богородицы, иже на Тиѳинѣ (*такъ*). 2556. Книга Измарагдъ, въ полдесть. 2557. Книга

Въ 1847 году Я. И. Бередниковъ напечаталъ «Описаніе четырехъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Тихвинскаго Успенскаго монастыря» [1]). Здѣсь описаны: I) хронографъ [2]), II) Евангеліе напрестольное, XV или начала XVI вѣка [3]), (изъ него сдѣлана выписка, на стр. 220—221: Матѳ. гл. XX, 1—16); III) Евангеліе напрестольное, XVI вѣка [4]) (изъ него выписана, на стр. 221 — 22, притча о господинѣ и работникахъ). IV) Евангеліе напрестольное XVI вѣка [5]). Кромѣ того, сдѣлано нѣсколько замѣчаній объ ороографіи евангелій, приведено нѣсколько варіантовъ изъ Остромирова евангелія къ тексту евангелія «II».

Василія Кесарійскаго и иныхъ святыхъ поученія. 2558. Книга Соборникъ, въ полдесть. 2559. Книга въ полдесть, сначала слово Анастасія горы Синайскія, отвѣты противу нанесенныхъ ему. 2560. Тетрадь шестодневецъ о сотвореніи. 2561—2562. Два Пролога, одинъ четырехъ мѣсяцевъ, другой трехъ мѣсяцевъ тѣхже. 2563. Третій съ Декабря по Мартъ. 2564—2565. Два Пролога, по полугоду, въ десть. 2566. Книга Апостолъ Толковой, въ десть. 2567. Книга Патерикъ Скитскій, въ десть. 2568. Книга Златоустъ постной. 2569. Книга Исакъ Сиринъ, въ полдесть. 2570. Книга Ѳеодора Едескаго, въ полдесть». Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей. 1848 (годъ третій), № 6. Смѣсь. Опись книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находившимся, составленная въ XVII вѣкѣ. Стр. 41—42.

1) Ж. М. Н. П. 1847, ч. LV, отд. II, стр. 201 — 226. Историко-статистическое описаніе первокласснаго Тихвинскаго Богородицкаго Большаго Монастыря. С.-Петербургъ. 1859. Стр. 110: «Въ югозападномъ угольникѣ кладбища, подъ благовиднымъ памятникомъ, покоится Академикъ, Ст. С. Я. И. Бередниковъ, одинъ изъ тружениковъ при изысканіи Отечественныхъ древностей. Нѣтъ нужды повторять дѣянія его, запечатлѣнныя въ скрижаляхъ Отечественныхъ бытописаній. Монастырю достаточно присвоить себѣ одно воспоминаніе о томъ, что почившему труженику чтеніе старинной письменности, хранящейся въ монастырскомъ архивѣ, послужило преддверіемъ къ будущимъ его археографическимъ трудамъ».

2) Стр. 201—219, 222 — 223. Протоколы засѣданій Археографической Коммиссіи. Выпускъ II, 369 (Засѣданіе 28 іюня 1847 г.). Въ Описаніи монастыря 1859 года, стр. 102. Тамъ же, пр. 96: «Въ описи прибылыхъ вещей подъ 1686 г. сказано: «взято въ монастырскую казну вкладу Чудова монастыря у келаря монаха Варлаама Палицына книга гранографъ — въ переплетѣ за тридцать рублевъ». См. ниже, стр. 343, въ монастырской описи № 26.

3) Стр. 219. Описаніе монастыря 1859 года, стр. 101. См. ниже, стр. 340, въ монастырской описи № 1.

4) Стр. 220. Описаніе монастыря 1859 года, стр. 101 — 102. См. ниже, стр. 340, въ монастырской описи № 2.

5) Стр. 220. Описаніе монастыря 1859 года, стр. 102. См. ниже, стр. 341, въ монастырской описи № 3.

Въ 1859 году монастыремъ было издано «Историко-статистическое описаніе первоклассцаго Тихвинскаго Богородицкаго Большаго мужескаго монастыря, состоящаго Новгородской Епархіи въ городѣ Тихвинѣ». Въ главѣ IV указаны «особенно достойныя упоминанія рукописи и печатныя книги». Всего рукописей, исключая 3 грамоты [1]), названо 22. Всѣ онѣ, кромѣ октоиха 1533-го года, значатся и въ монастырской описи [2]). Но въ этой послѣдней указано еще 25 рукописей, не упомянутыхъ въ Описаніи 1859 года.

Опись монастырская. (л. 1). Опись Библіотеки монастыря (л. 2). Опись рукописямъ и книгамъ, составляющимъ библіотеку Первокласнаго Тихвинскаго Большаго монастыря. Составлена въ 1858 году.

(л. 2 об.) 1. Рукописныя.

а, Книги на бумагѣ, въ листъ.

1. 1 [3]). Евангеліе, писанное уставомъ XVI вѣка, въ два столбца, расположено по днямъ, начиная съ Евангелиста Іоанна, обложено малиновымъ бархатомъ, на 311 [4]) страницахъ [5]).

2. 2. Евангеліе, писанное уставомъ того же XVI вѣка, начало съ Евангелиста Іоанна, обложено малиновымъ бархатомъ, на 497 страницахъ [6]).

---

1) Въ пр. 118 и 119—грамоты 1607, 1616, 1622 г.

2) Въ Описаніи монастыря 1859 г. въ пр. 6, 11, 12, 15, 46 ссылки на «монастырскій лѣтописецъ». См. еще тамъ же, пр. 85, упоминаются «старинныя записи, хранящіяся въ монастырскомъ архивѣ»; пр. 101: «имѣющіяся въ архивѣ монастырскія записки». Тамъ же пр. 45: «старинная книга вкладнымъ предметамъ, хранящаяся при монастырской библіотекѣ»; пр. 84: «имѣющаяся въ монастырскомъ архивѣ книга прибылыхъ вещей, записываемыхъ съ 1659 года»; пр. 96: «опись прибылыхъ вещей».

3) Первая цифра—№ книгъ общій, вторая цифра—№ книгъ по отдѣламъ.

4) Въ подлинникѣ здѣсь и далѣе цифры страницъ прописью.

5) Въ описаніи Бередникова (см. выше стр. 339) значится подъ рубрикой II. Въ Описаніи 1859 г., стр. 101 названа подъ рубрикой 5.

6) У Бередникова подъ рубрикой III. Описаніе 1859 г., стр. 102, подъ рубрикой 4.

3. 3. Евангеліе, писанное полууставомъ XVI вѣка, въ папкѣ, на 344 страницахъ[1]).

4. 4. Камень соблазна, скорописная, безъ обозначенія года; въ концѣ каталогъ россійскимъ Архіереямъ и другимъ духовнымъ (л. 3) лицамъ, въ корешкѣ[2]).

5. 5. Катихизисъ — Іерà, рекше Божественныя и священныя Литургіи, скорописный, составленный по повелѣнію святѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго Господина Христодула Вумаринскаго, председателя Керкирскаго.—На русской языкъ переведенъ Чудова монастыря монахомъ Евфиміемъ, безъ означенія года, въ кожѣ[3]).

6. 6. Кормчая, списокъ съ печатной 1650 года, скорописная, въ кожѣ. — Сбоку, въ графѣ «примѣчанія»: Отосланъ въ Нов. Д. Консисторію, при репортѣ 2 Іюня 1893 г. № 82.

7. 7. Краткое основательное ученіе истинной христіанской вѣры, скорописная, безъ означенія года, въ кожѣ.

8. 8. Лѣствица, Іоанна Лѣствичника, писанная Іеродіакономъ Евфиміемъ, въ 1744 (л. 3 об.) году, въ корешкѣ.

9. 9. Лѣствица и житіе вкратцѣ блаженнаго Иванна, Игумена Св. горы Синайскія, написавшаго духовныя сія скрижали, святую лѣствицу, писанная полууставомъ въ 1638 году, въ кожѣ[4]).—Сбоку, въ графѣ «примѣчанія»: Отослана въ Новгород. Д. Консисторію при репортѣ 2 Іюня 1893 г. № 82.

10. 10. Лѣтопись св. Димитрія, Митрополита Ростовскаго, скорописная, въ 1709 году, въ кожѣ.

11. 11. Маргаритъ, Св. Іоанна Златоустаго, писанный полууставомъ въ 1562 году, въ красномъ плисѣ[5]). — Сбоку: Ото-

---

1) У Бередникова подъ рубрикой IV. Описаніе 1859 г., стр. 102, подъ рубрикой 7.

2) Описаніе 1859 г., стр. 106, подъ рубрикой 24.

3) Описаніе 1859 г., стр. 105, подъ рубрикой 21. П. М. Строевъ. Библіологическій словаря. Стр. 102.

4) Описаніе 1859 г., стр. 103—104, подъ рубрикой 16.

5) Описаніе 1859 г., стр. 103, подъ рубрикой 15.

слана въ Нов. Д. Консисторію при репортѣ 2 Іюня 1893 г. № 82.

12. 12. Обозрѣніе философіи Фихтевой, Василья Громова, 1835 года февраля 19 дня, въ корешкѣ.

13. 13. О небесной Іерархіи, св. (л. 4) Деонисія Ареопагита, безъ означенія года, писанная полууставомъ, въ кожѣ [1]).

14. 14. Октоихъ всѣхъ восьми гласовъ, писанный уставомъ въ 1639 году, въ кожѣ [2]).

16. 16. Отечникъ или поученія и слова душеполезныя преподобныхъ Отецъ, писанный уставомъ, безъ означенія года, въ кожѣ.

17. 17. Переводы изъ книги Бытія Кандидата Громова, скорописная, безъ означенія года, въ корешкѣ.

18. 18. Прологъ, содержащій въ себѣ мѣсяцы: Декабрь, Январь и Февраль, писанный уставомъ (л. 4 об.) въ первой половинѣ XVI вѣка, въ кожѣ [3]).

19. 19. Псалтирь, переведенная простымъ нарѣчіемъ Аврааміемъ Понкратовымъ Фирсовымъ, въ 1683 году, въ корешкѣ [4]).

20. 20. Разсужденіе о словѣ Петра Апостола—иго законное, сказующаго быти тяжесть неудобь носимую, Ѳеофана Прокоповича Ректора Кіевской Академіи, писанная въ 1712-мъ году Въ концѣ приложена часть противнаго разсужденія на возраженіе сего, яко суще неистиннаго истолкованія, сочиненная чрезъ Преосвященнаго Митрополита Стефана Яворскаго, въ корешкѣ [5]).

21. 21. Сборникъ, или литературный кругъ, писанный полууставомъ, (л. 5) съ кругами и таблицами пасхальными, въ

---

1) Описаніе 1859 г., стр. 106, подъ рубрикой 22.

2) Описаніе 1859 г., стр. 102, подъ рубрикой 9.

3) Описаніе 1859 г., стр. 103, подъ рубрикой 11.

4) Описаніе 1859 г., стр. 105, подъ рубрикой 20. П. М. Строевъ. Библіологическій словарь. Стр. 278.

5) Описаніе 1859 г., стр. 106, подъ рубрикой 23. П. М. Строевъ. Библіологическій словарь. Стр. 310.

1540-мъ году, Новгородскимъ священникомъ Агаѳономъ, въ кожѣ.

22. 22. Служба явленію иконы Божія Матери Тихвинской, и сказаніе о чудесахъ ея, писанная полууставомъ въ 1658 году, въ кожѣ [1]).

23. 23. Служба явленію иконы Божія Матери Тихвинской и сказаніе о чудесахъ ея, писанная Тихвинскимъ мѣщаниномъ Бередниковымъ, безъ означенія года, въ сафьянѣ и въ футлярѣ [2]), писана [3]) полууставомъ.

24. 24. Служба, житіе и слово на память Преподобнаго Александра Ошевенскаго, писанная рукою сочинителя Тихвинскаго Архимандрита Иларіона, въ 1828-мъ году, въ бумажкѣ (л. 5 об.).

25. 25. Служба и житіе Преп. Мартирія Зеленецкаго, писанная полууставомъ, безъ обозначенія года, въ корешкѣ.

26. 26. Хронографъ, писанный полууставомъ въ XVI вѣкѣ, въ кожѣ [4]).

27. 27. Чинъ бываемый на освященіи церкви, писанный полууставомъ со старинной книги, безъ обозначенія года, въ кожѣ.

а., Книги на бумагѣ, въ четверть листа.

28. 28. Вопросы и отвѣтныя рѣшенія, выбранныя изъ книгъ староцерковныхъ и старооотеческихъ, писаны Ипатомъ Ипатовымъ Кузнецовымъ, 1795-го года, въ кожѣ. — Сбоку, карандашемъ: «Отъ настоятеля Архим. Владиміра 1857». (л. 6).

29. 29. Камень соблазна, писанная, безъ означенія года, въ корешкѣ.

---

1) Описаніе 1859 г., стр. 104, подъ рубрикой 18.

2) «Въ футлярѣ» зачеркнуто карандашемъ.

3) Эти слова добавлены почеркомъ инымъ, чѣмъ вся опись.

4) У Бередникова подъ рубрикой I. См. выше стр. 339. Описаніе 1859 г., стр. 102, подъ рубрикой 8. П. М. Строевъ. Библіологическій словарь. Стр. 442.

30. 30. Минея новымъ чудотворцамъ, писана полууставомъ въ началѣ XVI вѣка, въ кожѣ[1]).

31. 31. Октоихъ крюковой, безъ означенія года, въ кожѣ[2]). Сбоку: Отосланъ въ Нов. Д. Консисторію при репортѣ 2 сент. 1890 г. № 147.

32. 32. Патерикъ, писанный уставомъ 1840 года Марта 20 дня, въ кожѣ.

33. 33. Послѣдованіе молебнаго пѣнія, во время брани противъ враговъ, писанная полууставомъ, безъ означенія года, въ кожѣ.

34. 34. Преданіе ученикомъ, хотящимъ жити въ пустынѣ, Препод. отца нашего Нила Сорскаго, писанная полууставомъ, безъ означенія года, въ корешкѣ (л. 6 об.).

35. 35. Раскрытіе и обличеніе духа старообрядцевъ, скорописная, безъ означенія года, въ корешкѣ.

36. 36. Слово о молитвѣ Св. Іоанна Златоустаго, писанная уставомъ, безъ означенія года, въ бумажкѣ.

37. 37. Служба Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, писанная полууставомъ 1809 года, въ корешкѣ.

38. 38. Трезвонъ постный, писанная, безъ означенія года, въ кожѣ, пріобрѣтена въ Новѣгородѣ, 1750-мъ году. Сбоку, карандашемъ: Отослали въ Новгородскую консисторію 26 Марта 1902 г.

39. 39. Сказаніе о явленіи иконы Божія Матери Тихвинской, и о чудесахъ ея, безъ заглавнаго листа и начала, скорописная, временъ царя Михаила Θеодоровича, (л. 7) въ корешкѣ[3]).

---

1) Описаніе 1859 г., стр. 103, подъ рубрикой 12.

2) Описаніе 1859 г., стр. 103, подъ рубрикой 13.

3) Протоколы засѣданій Археографической Коммиссіи 1835 — 1840 г. Вып. I. Спб. 1885. Стр. 616. (Засѣданіе 15 октября 1840 г.). «Г. Главный редакторъ Бередниковъ довелъ до свѣдѣнія Коммиссіи, что, для соображеній при изданіи лѣтописей, онъ имѣетъ надобность въ хранящейся въ Тихвинскомъ Большомъ Успенскомъ монастырѣ рукописи, половины XVII вѣка, содержа-

40. 40. Часословъ, писанный уставомъ въ началѣ XVI вѣка, въ кожѣ [1]).

41. 41. Часословъ, писанный уставомъ въ 1520 году, въ кожѣ.

а., Книги на бумагѣ, въ восьмую долю листа.

42. 42. Житіе Преп. Александра Ошевенскаго, Каргопольскаго чудотворца, писанная уставомъ, безъ означенія года, въ кожѣ.

43. 43. Житіе вкратцѣ блаженнаго Иванна Игумена Св. горы Синайскія, написавшаго духовныя сія скрижали святую лѣствицу; писанная полууставомъ, (л. 7 об.) по повелѣнію игумена Макарія, обители Пресвятыя Владычицы нашея Пречестнаго ея рождества на десятинахъ [2]), безъ означенія года, въ кожѣ [3]).

44. 44. Праздничный постный обиходъ, писанный, на концѣ приписано 1721 года, въ кожѣ. — Сбоку, карандашемъ: Отослано въ Новгород. консист. 26 Марта 1902.

45. 45. Псалтирь стихами, составлена Іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ, переложена на ноты придворнымъ пѣвчимъ діакомъ Васильемъ Титовымъ, писанная въ 1680 году, въ кожѣ [4]).

щей въ себѣ повѣсть о явленіи чудотворнаго образа Тихвинской Божіей Матери и объ осадѣ Тихвинскаго Монастыря Шведами, въ 1613 году». То же, выпускъ II, Спб. 1886. Стр. 48 (Засѣданіе 8 іюля 1841). «Главный редакторъ Бередниковъ довелъ до свѣдѣнія Коммиссіи, что по случаю отпечатанія третьяго тома П. С. Р. Л., слѣдующія рукописи, по миновеніи въ нихъ надобности, могутъ быть возвращены по принадлежности... 8) Рукопись Тихвинскаго монастыря, въ листъ, безъ помѣты листовъ, полууставная, XVII вѣка. Въ ней заключается повѣсть объ осадѣ того монастыря Шведами въ 1613 году».' См. выше рукописи № 22; 23.

1) Описаніе 1859 г., стр. 103, подъ рубрикой 14.

2) *Такъ*.

3) Описаніе 1859 г., стр. 104, подъ рубрикой 17.

4) Описаніе 1859 г., стр. 104—105, подъ рубрикой 19. Протоколы засѣданій Археографической коммиссіи. Выпускъ III. Спб. 1892. Стр. 4 (Засѣданіе 16 февраля 1850 г.) «Во время моего отпуска въ г. Тихвинъ я (Бередниковъ) посѣтилъ библіотеку Большаго Успенскаго монастыря. Она мнѣ давно знакома; но въ нынѣшній пріѣздъ я нашелъ въ ней вновь поступившую рукопись въ про-

46. 46. Собраніе въ пользу душевную, писанная [1]) уставомъ, безъ означенія года, въ кожѣ.

47. 47. Уставъ скитскаго монашескаго житія Преп. Нила Сорскаго, написанная [2]) (л. 8) въ Каргополѣ 1790 года, въ сафьянѣ.

Всего листовъ въ Описи 170.

На л. 170 об.: «Итого въ сей книгѣ прошнурованныхъ и скрѣпленныхъ сто семдесятъ [2]) листовъ.

Книга сія дана изъ Новгородской Духовной Консисторіи въ Тихвинскій первоклассный Большой монастырь для записи рукописей и книгъ, составляющихъ библіотеку означеннаго монастыря. Мѣсяца Октября «21» дня 1858 года.

Членъ Консисторіи Архимандритъ Авраамій.

Секретарь Добронравовъ.

У сей книги Новгородской Духовной Консисторіи печать.— По листамъ скрѣпа: «Новгородской Духовной Консисторіи Секретарь, Надворный Совѣтникъ, и Кавалеръ, Тимоѳей Добронравовъ».

л. 169. Сія опись въ Новгородской Духовной Консисторіи была разсматриваема и найдена составленною согласно съ Высочайше одобренными въ двадцать третій день Марта 1853 года на сей предметъ правилами, а потому и выдана въ Монастырь для руководства на будущее время при повѣркѣ, пріемѣ и сдачѣ рукописей и книгъ. Октября «20» дня 1860 года.

Членъ Консисторіи Архимандритъ Аврамій. Секретарь Добронравовъ. У сей книги Новгородской Консисторіи печать.

Сбоку этой записи № 9056.

долговатую восьмушку, на 255 листахъ, писанную легкимъ почеркомъ въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка. Это стихотворная Псалтирь Симеона Полоцкаго».

1) *Такъ.*

2) *Такъ.*

л. 164. 1888 года Октября 12-го дня по сей описи сдали Тихвинскаго Богородицкаго Большого Монастыря Намѣстникъ Іеромонахъ Николай. Казначей Іеромонахъ Петръ. Ризничей Іеромонахъ Сергій. Принялъ Архимандритъ Евгеній. Посредникомъ былъ Благочинный II Тихвинскаго округа, Тихвинскаго Собора священникъ Димитрій Предтеченскій.

Отъ настоятеля въ свое завѣдываніе принялъ сего же «13» Октября 1888 г. И. д. Библіотекаря Намѣстникъ Іеромонахъ Николай.

1888 г. октября 12 д. по сей описи[1]) сдалъ кромѣ книги 4 отдѣла № 4. Архитектора Тона Церкви, которой неоказалось, налицо,—Юрьева монастыря Намѣстникъ Іеромонахъ Николай. Принялъ, Іеромонахъ Евангелъ. Посредниками при передачи были Іеромонахъ Парѳеній, Іеродіаконъ Митрофанъ.

л. 167 — 169. Оглавленіе Описи рукописямъ и книгамъ, составляющимъ библіотеку первокласнаго Тихвинскаго Большаго монастыря.

Г. Кунцевичъ.

---

1) Сверху словъ «по сей описи» карандашемъ: «есть на лицо».

Шуточное стихотвореніе Мятлева.

Забытый нынѣ стихотворецъ И. П. Мятлевъ (1796—1844) пользовался въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ большою и довольно дешево доставшеюся популярностью. Его «Сенсаціи г-жи Курдюковой данъ л'етранжэ» имѣли чрезвычайный успѣхъ и вызвали много подражаній. Всё остальное, что печаталъ Мятлевъ, постоянно примѣшивая къ русскимъ словамъ французскія выраженія, было слабѣе, если не считать двухъ или трехъ лирическихъ стихотвореній, проникнутыхъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Въ бумагахъ редактора издателя журнала Пантеонъ—Ѳ. А. Кони сохранилось шуточное стихотвореніе на той-же смѣси «французскаго съ Нижегородскимъ», подаренное ему, какъ значится изъ подписи, 10-го декабря 1843 года Мятлевымъ. Оно названо—«О пѣвицѣ Гарціи Віардо, которую большая часть публики называетъ «веръ-д'о»—и не помѣщено ни въ одномъ изъ изданій стихотвореній Мятлева (послѣднее 1894 года). Въ 1842—43 годахъ знаменитая пѣвица Полина Віардо Гарсіа пѣла въ итальянской оперѣ на Петербургской сценѣ вмѣстѣ съ Тамбурини и Рубини. Шутливый авторъ сенсацій г-жи Курдюковой въ своеобразной формѣ своего стихотворенія заплатилъ свою дань восторгу, въ который приводило меломановъ чудное пѣніе Віардо. Въ это-же время, какъ извѣстно, познакомился съ нею И. С. Тургеневъ, въ жизни котораго затѣмъ она играла выдающуюся роль.

По странному совпаденію обстоятельствъ, Тургеневъ, въ одномъ изъ самыхъ задушевныхъ своихъ «стихотвореній въ прозѣ» говоритъ: «гдѣ-то, когда-то, давнымъ-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы»...

Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголъ, — а въ головѣ всё звенитъ да звенитъ:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы»... и т. д.».

Оказывается, что такъ начиналось одно, вѣроятно теперь извѣстное очень немногимъ, стихотвореніе того-же И. П. Мятлева, напечатанное незадолго до его смерти въ 1844 году и названное «Розы».

Вотъ первая строфа этого произведенія, звучавшая своимъ первымъ стихомъ чрезъ 40 лѣтъ въ памяти нашего незабвеннаго художника:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду! Какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой
....

Вотъ стихотвореніе Мятлева изъ бумагъ Ѳ. А. Кони.

«Что за Веръ-д'о, что за веръ-д'о?
Напрасно такъ пѣвицу называютъ!
Неужели не понимаютъ
Какой небесный въ ней кадо?
Скорѣе, слушая сирену,
Шампанскаго игру и пѣну
Припомнимъ мы—такъ высоко

И самый лучшій Вёвъ Клико
Не залетитъ, не унесется
Какъ пѣснь ея, когда зальется
Соловушкою;—э времанъ
Предъ ней водица Ле Креманъ.
Она въ Соннамбулѣ, въ Отелло
Заткнетъ за поясъ Монтебелло,
А про Моэтъ и Силлери,
То даже и не говори!».

А. Ѳ. Кони.

(1884 г.)

Матеріалы для библіографическаго указателя произведеній Николая Платоновича Огарева и литературы о немъ.

Трудъ г. Тихомірова не нуждается въ рекомендаціи: онъ исполненъ со всей тщательностью, какой требуетъ сложная работа библіографа. Если, по просьбѣ автора, я предпосылаю его «Матеріаламъ» эти немногія строки, то лишь затѣмъ, чтобы указать на одну ихъ особенность. Огаревъ послѣднюю треть своей жизни — болѣе двадцати лѣтъ—провелъ за границей; онъ много писалъ тамъ, и такъ какъ его имя, рядомъ съ именемъ Герцена, пріобрѣло широкую извѣстность въ западныхъ демократическихъ кругахъ, то и о немъ много писали или, по крайней мѣрѣ, упоминали, въ мемуарахъ, въ изданныхъ позднѣе сборникахъ писемъ, и пр. Въ указателѣ г. Тихомірова эта заграничная литература объ Огаревѣ отсутствуетъ, а изъ писаннаго заграницей самимъ Огаревымъ отмѣчено лишь главное. Этотъ пробѣлъ, разумѣется, не можетъ быть поставленъ въ вину автора, живущему постоянно въ Россіи, да еще въ провинціальной глуши. Но здѣсь лишній разъ обнаруживается, какъ важно было бы намъ имѣть общую библіографію новѣйшихъ Rossica. При современномъ состояніи этого предмета, для отдѣльнаго человѣка, даже имѣющаго возможность работать въ западныхъ библіотекахъ, собрать сколько-нибудь полно западную литературу о томъ или другомъ русскомъ дѣятелѣ или эпизодѣ новой русской исторіи,— дѣло почти неисполнимое. Особенно чувствуетъ это всякій, кому приходится изучать заграничную дѣятельность нашихъ эмигран-

товъ—Герцена, Огарева, Бакунина и др. Даже такой опытный библіографъ, какъ С. А. Венгеровъ, сумѣлъ въ своихъ «Источникахъ словаря русскихъ писателей» дать для Бакунина и Герцена лишь незначительную часть западной литературы, несмотря и на помощь, оказанную ему при этомъ нѣкоторыми русскими эмигрантами.

Первымъ шагомъ къ составленію такого библіографическаго свода должно быть, конечно, *систематическое* пополненіе отдѣла Rossica въ нашихъ главныхъ книгохранилищахъ, гдѣ онъ очень далекъ отъ полноты. Въ частности для исторіи нашей эмиграціи образцомъ могъ бы служить тотъ отдѣлъ библіотеки Берлинской городской думы, гдѣ собрано все, касающееся исторіи революціи 1848 года, и гдѣ — къ слову сказать—есть матеріалы о Бакунинѣ, Головинѣ и пр., которыхъ нѣтъ и въ нашей Публичной библіотекѣ. Только тогда станетъ возможнымъ правильное изученіе западной литературы о Россіи.

М. Гершензонъ.

Библіографическія свѣдѣнія о Николаѣ Платоновичѣ Огаревѣ на русскомъ языкѣ имѣются въ извѣстныхъ библіографическихъ трудахъ Межова и Мезіеръ. Однако здѣсь не мало пропусковъ; а главное—со времени ихъ изданія появились новыя очень цѣнныя данныя объ Огаревѣ. Въ виду этого я и рѣшился опубликовать собранный мною матеріалъ.

Конечно, моя работа далека отъ «идеальной полноты» и не гарантирована отъ возможныхъ пропусковъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка въ пособіяхъ, которыми я могъ располагать. Тѣмъ не менѣе я хотѣлъ бы надѣяться, что мои указанія будутъ небезполезны.

Дм. Тихоміровъ.

Г. Виндава, Іюнь 1907 г.

P. S. Приношу искреннюю благодарность М. О. Гершензону и С. А. Переселенкову за оказанное ими содѣйствіе при изданіи и провѣркѣ моей работы.

1831.

1. *Огаревъ, Н.* (съ нѣмец.) Сравнительное представленіе всеобщей пирамиды языковъ (изъ философіи исторіи Ф. Шлегеля). Телескопъ. ч. IV. № 15. Августъ (281—289).

1832.

2. *Огаревъ, Н.* (съ франц.) Современное назначеніе философіи (Предисл. къ Кузенову пер. Исторіи философіи). Телескопъ. ч. 11. № 20 (426—437).

1840.

3. *Огаревъ, Н.* [1]). Стих.: «Старый домъ», «Кремль»; О. З. т. X. (99—100).
«Деревенскій Сторожъ». О. З. т. XII (225)

4 *Огаревъ* [2]). Стих. «У Моря» (изъ Гейне); «Рыбачка» (изъ Гейне); «Ея портретъ» (изъ Гейне).
Литературная Газета № 63; 7 авг., стр. 1410.

1841.

5. *Огаревъ, Н.* Стихотв.: въ «О. З».
т. XIV (46) «Nocturno» («Какъ пустъ мой деревенскій домъ»);
т. XV. «Путникъ» (49);
т. XVI. «Когда настанетъ вечеръ ясный» («Вечеръ») [3]) (91); «Много грусти» (194); «К***» («Какъ все чудесно, стройно въ Васъ»). (233).

---

1) Подъ первыми двумя стихотв. въ имѣющемся у меня экземплярѣ «О. З.». я нашелъ подпись *Н. Огаревъ*, а не *Н. О. Гаревъ*, какъ сказано въ примѣчаніяхъ М. О. Гершензона къ стр. 2, 4 стихотвореній Огарева, т. I, изд. 1904.

2) Подъ этими стихотв. подпись: Н. Огаревъ.

3) Заглавія по изд. М. О. Гершензона. М. 1904 г.

т. XVII. К*** («Вы были дѣвочкой, а я...») (158);
«Внутренняя музыка» («Звуки»)[1]) (159);
«Свѣча горитъ дрожащимъ полусвѣтомъ» («Фантазія»)[1]) (190);
т. XVIII. «Изъ Фауста» (1); «Прометей» (161);
т. XIX. «Полдень» (64); «Стансы» (183).

1842.

6. *Огаревъ*, *Н.* Стихотв. въ «О. З.»
т. XX. «Характеръ» (128); «Обыкновенная повѣсть» (255).
т. XXI. «Кабакъ» (2); «Сидѣла мать у колыбели» («Младенецъ»)[1]) 102. «Неаполь» (202); «Встрѣча» (269); «Она никогда его не любила» (270);
т. XXII. «Изба» (2);
т. XXIII. «Дилижансъ» (158); «Сосѣдкѣ» (159); «Когда тревогою безплодной...» (287);
т. XXIV. «Къ подъѣзду!.. сильно за звонокъ рванулъ я» (42); «Дорога» (174); «Исповѣдь» (175);
т. XXV. «Я помню робкое желанье» (1); «Когда встрѣчаются со мной...» (70); «На сѣверѣ туманномъ и печальномъ...» (185).

7. *Бѣлинскій*, *В.* «Русская литература въ 1841 г.» О. З. т. XX, (44—45).

Сравн. Соч. Бѣлинскаго изд. Солдатенкова и Щепкина М. 1860. VI ч. (91); а также т. X (304—305). Сравн. Вѣст. Евр. 1903 г. XII, 570.

1843.

8. *Огаревъ*, *Н.* Стих.; въ «О. З».
т. XXVI. «Весна» («Еще лежитъ бѣлѣясь средь полей») (1—2); «Gasthaus zur Stadt Rom» (366);
т. XXVII. «Разговоръ» (228);

---

1) Заглав. по изд. М. О. Гершензона.

т. XXVIII. «Слова старца» (Изъ Уланда) (196);
т. XXX. «Стучу—мнѣ двери отперъ ключникъ старый» (90);
т. XXXI. «По тряской мостовой я ѣхалъ молча» (192).

1844.

9. *Огаревъ*, *Н.* Стих.; въ «О. З.»
т. XXXII. «Aurora Walzer» (47); «Что годъ, то меньше шлетъ мнѣ праздникъ ликованій. . .» («Праздник»)[1]) (196);
т. XXXIII. «Когда во тьмѣ ночной, въ мучительной тиши». («Ночь»)[1]) (1); «Хандра» (160);
т. XXXIV. «Еще любви безумно сердце проситъ. . .» (1).

10. *Огаревъ*, *Н.* Стих.: «Пустой домъ»; «Рейнъ»; «Эмсъ»; «Онъ ужъ былъ испытанъ»; «Ожиданіе».
Сборн. «Литератур. Вечера» Моск. (29—33).

1845.

11. *Огаревъ*, *Н.* Стих.: «Дядѣ Кроносу» О. З. т. XL (173).

1847.

12. *Огаревъ*, *Н.* Стих.; въ «Совр.»
т. I. «Бываю часто я смущенъ внутри души» (90); «Отъѣздъ» (196);
т. III. «Монологи» (204).

1848.

13*. *Гавриловъ*, *Н.* Обзоръ журн. поэтическихъ произведеній за 1847 г. (о «монологахъ»). Моск. ч. 1, № 2.
(Сообщ. С. А. Переселенковъ).

1852.

14. *Благонравовъ*, *Эрастъ*. Наблюденія надъ русской литературой и журналистикой «Моск.» № 17. т. V. (Смѣсь. 1—28).

---

1) Заглав. по изд. М. О. Гершензона.

*. Звѣздочкой отмѣчены статьи и книги, которыхъ мнѣ самому не пришлось видѣть, при чемъ указывается источникъ заимствованія. Д. Т.

1853.

15. *Огаревъ, Н.* «Старикъ, какъ прежде, въ часъ привычный». Стих. «О. З.» XC (1, 28).

1854.

16. *Огаревъ, Н.* Отрывки изъ письма («И прислан былъ дѣлецъ наемный....»). «О. З.» XCVII, (1, 213—214).

Прим. — *Объ этомъ стихотв. см. «Моск.» т. VI, № 24, отд. IV. (Сообщ. С. А. Переселенковъ).

1856.

17. *Огаревъ, Н.* Стихотворенія. Москва. Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина. (167 стр. + III).

Прим. Реценз. на кн.: «О. З.» т. CIX. (III, 1—10); «Совр.» т. LIX, Сент. (III, 1—9).

18. *Огаревъ, Н.* «Зимній путь». Поэма. Р. Вѣст. Февр. (397—413).

19. *Р. Ч.* (Псевдонимъ Огарева). Русскіе вопросы. «Поляр. Зв. на 1856 г.» Лондонъ. (268—281).

20. *Огаревъ, Н.* Стих. въ «Р. Вѣст.»

Янв.: «Первая любовь» (328—329); «Кокеткѣ» (329);
Март.: «Африка» (329);
Апр.: «Старикъ»; «Весною» («Брожу я по лѣсу тропою каменистой...»); «Ты сѣтуешь, что послѣ долгихъ лѣтъ...»; «Когда ты грустная слезу стеревъ съ рѣсницы...»; «Барышня»;—«Nocturno» (Я на мосту стоялъ. Рѣка..)[1]), (665—670).
Май: «Проклясть бы могъ свою судьбу» (184);
Іюнь: «К*** («Разстались мы, то можетъ нужно» (600); «Портреты»;—«За днями йдутъ дни, идетъ за годомъ годъ»—

1) По изд. М. О. Гершензона: «На Мосту».

«Aurora musae amica»;—«Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ...» — «Купанье» (768—771).
Іюль: «Я наконецъ оставилъ городъ шумный» (192); «Прощаніе съ Италіей» (237); «Сплинъ» (Посвящено Н...) (419).

21. *Чернышевскій.* Очерки Гоголевскаго періода русской литературы. «Соврем.» т. LIX. Критика. Сент. (21—29).

22. Критика на поэму Огарева: «Зимній Путь» «Б. д. Ч.» Май, т. 137 (19—30).

1857.

23. *Огаревъ, Н.* «Поляр. Звѣзда на 1857 г.» Лондонъ. (21—68; 149—157; 183—206).
Стих.: 1. «Ночь»; 2. «Будущность»; 3. «Господинъ»; 4. «Совершеннолѣтіе»; 5. «Искандеру»; («Я ѣхалъ по полю пустому»); 6. «Упованіе» (1848 г.); 7. «1849 годъ»; 8. «Арестантъ»; 9. К Н... («На нашъ союзъ святой и вольный») 10. «Кавказскому офицеру»; 11.— И—ру («О! еслибъ ты подумать только могъ...») 12. «Сны»; 13. И—ру («Въ уныньи медленномъ недуга и леченья...»).

24. *Р. Ч.* (Огаревъ). Русскіе вопросы. «Движеніе русскаго законодательства въ 1856 г.» Поляр. Зв. на 1857 г. Лондонъ.

25. *Огаревъ, Н.* «Юморъ». Поэма. 2 части. Лондонъ. (VIII+105).

26. *Р. Ч. (Огаревъ, Н.)* «Колоколъ». Лондонъ.
a) Стих. «Россія тягостно молчала». Листъ 1 (безъ подписи).
b) Письмо къ издателю. Л. 1 (за I, VII).
c) Отчетъ Г. Министра Вн. дѣлъ за 1855. Ibid. (стр. 6—7).
d) Правительственныя распоряженія съ 1857. Л. 3; 19—25. (за I, IX) [Сравн. № 30].

27. *Щербина, Н.* Статья по поводу выхода 1 изд. стихотвореній Н. П. Огарева. Б. д. Ч. т. 142, № 3 (1—40).

1858.

28. *Огаревъ*, *Н.* «Поляр. Зв. на 1858». Лондонъ. (101—109; 302—310). Стих.:
1. Воспоминаніе; 2. Nocturno («Уже и за полночь давно..»); 3. Сушь и дождь; 4. Отступницѣ (графинѣ Ростопчиной); 5. «У моря»; 6. «Разлука»; 7. «Осенью»; 8. Искандеру (1858 г. «Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ. . .»).

29. *Огаревъ*, *Н.* Стихотворенія. Лондонъ. (428 стр. съ портретомъ автора).

30. *Огаревъ*, *Н.* (Р. Ч.). «Колоколъ». Лондонъ.

Л. 7 (за 1 Янв.). Правительственныя распоряженія съ 1857 г. (51—56).

Л. 8. За 1, II (59—65) и л. 9. За 15, II (68—73). Русскіе вопросы. Крестьянская община.

Л. 12. за I, IV (91—98). Русскіе вопросы. Преобразованіе чиновничества.

Л. 14. за I, V. «Съ того берега». Стихотв.—Ibid. Еще объ освобожденіи крестьянъ (110—115).

Л. 15. за 15, V (117—122). Разборъ брошюры Н. Безобразова: «Объ усовершенствованіи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства».

Л. 21. за 15, VIII. Письмо Искандера и Огарева о проэктахъ центральнаго Комитета.

Ibid. Опять надежды! Замѣтки Огарева безъ подписи (174).

Л. 23 и 24. за 15, IX. «Удѣльные крестьяне не освобождены». (185—186).

Л. 26. за 15, X (211—214). Дворянско-чиновничій разбой въ с. Дѣдновѣ, Рязанской губ., Зарайскаго уѣзда.

Л. 28. за 15, XI (231—232). Замѣтка о дѣятельности Муравьева-Вѣшателя.

Л. 30—31 (за 15, XII) 241—249. Примѣчанія къ

«Главн. основан., принятымъ Московскимъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу». [Ср. Листы 32—35; 47—48].

31. *Щербина, Н.* Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи. Спб. Помѣщены стих. Огарева: «Монологи; Обыкновенная повѣсть; Еще любви безумно сердце проситъ...; Когда встрѣчаются со мной...» (286—293).

1859.

32. *Огаревъ, Н.* «Полярная Зв. на 1859 г.» Лондонъ. (Стр. 261—298). Стихотв.:
1. «Разсказъ этапнаго офицера»; 2. «Дитятко, милость Господня съ тобою!..»; 3. К*** («Когда въ цѣпи каретъ, готовыхъ для движенья»...); 4, «Тайна»; 5. «Возвращеніе»; 6. «Бабушка»; 7.—Отрывокъ изъ поэмы: «Матвѣй Радаевъ». («Вдоль снѣжной улицы заборъ...»); 8. «Мнѣ снилося, что я въ гробу лежу...»

33. *Огаревъ, Н.* Памяти художника Иванова.
Ibid. (238—251).

34. **Огаревъ, Н.* Стихотворенія. Москва 2 изд. Солдатенкова (см. книгу Мезіеръ: Русская словесность XI по XIX в. ч. II, стр. 265—266).

35. *Огаревъ, Н.* «Кол.» Л.Л. 32—35; 47—48. Московскій Комитетъ. Главныя основанія, принятыя Московскимъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу, начавшимъ засѣданія свои съ 26 апр. 1858 г.

Л. 38. за 15, III (307—313) Письмо къ автору «Возраженія на статью Колокола», помѣщеннаго въ 18 листѣ.

Л. 45. за 15, VI (372—373) О проэктѣ освобожденія крестьянъ.

Л. 46. за 22, VI (375—376); Л. 51. за 1, IX (421); Л. 59. за 15, XII (490); Л, 110. за 1, XI, 1861 (924). Замѣтки и письма по поводу предложенія, сдѣланнаго Рус-

скимъ Правительствомъ Огареву относительно его возвращенія на родину.

Л. 46. за 22, VI (380—382) Письмо къ автору: «Отвѣтъ на статью Крестьянскій вопросъ и Ростовцевъ».

Л.Л. 51—54. Комиссіи для составленія положеній о крестьянахъ [сравн. Л.Л. 62—63; 67—69; 73—75].

Л. 55. за 1, XI (447—452) Опытъ разбора свода законовъ. Изд. 1857 г.

Л. 57—58. за 1, XII (471—478). «Отвѣтъ» на письмо одного корреспонд. по поводу освобожденія крестьянъ.

36. Замѣтки мимоходомъ о Баратынскомъ, *Огаревѣ*, Полежаевѣ, Лермонтовѣ.

Библ. Зап. т. II, № 20 (632—636).

1860.

37. *Огаревъ, Н.* Предисловіе къ «Думамъ Рылѣева», изд. въ Лондонѣ и стихотв. «Памяти Рылѣева» («Въ святой тиши воспоминаній»...).

38. *Огаревъ, Н.* Предисловіе къ VIII кн. «Голосовъ изъ Россіи». Лондонъ.

39. *Огаревъ, Н.* «Кол.»

Л.Л. 62—63; 67—69; 73—75. Комиссіи для составленія положеній о крестьянахъ.

Л. 77—78. за 1, VIII (639—646) «Письма къ соотечественнику».

Л. 80. за 1, IX (663—670) По поводу правилъ Муравьева Вѣшателя.

Л. 81. за 15, IX (673—678) Труды Комиссіи для устройства земскихъ банковъ (Оконч. къ статьямъ о редакціонныхъ комиссіяхъ).

1860—1861.

40. «За пять лѣтъ» (1855—1860). Соціальныя и политическія

статьи Искандера и Огарева. Лондонъ. Часть I. Искандера, ч. II Огарева.

Содерж. второй части: Предисловіе. Русскіе вопросы (1856); Письмо къ автору «Возраженія на статью Колокола», помѣщен. въ 18 л.; Отвѣтъ на письмо малороссійскаго помѣщика (57—58 л.); Предварительныя соображенія финансовой Комиссіи, редакціонныхъ Комиссій и труды Комиссіи для устройства земскихъ банковъ; По поводу правилъ Муравьева-Вѣшателя... По поводу проэкта положенія о присяжныхъ повѣренныхъ; Преобразованіе чиновничества; Письма къ соотечественнику; На новый 1861 годъ.

1861.

41. *Огаревъ, Н.* «Кол.»

Л. 89. за 1, I (745—752) На новый годъ.

Лл. 93—94; 97—99. По поводу проэкта положенія о присяжныхъ повѣренныхъ.

Л. 96. за 15, IV (806—809) Начало русскаго освобожденія.

Лл. 101, 103—106. Разборъ новаго крѣпостного права. [сравн. № 42].

Л. 108, за 1, X (901—905). Отвѣтъ на отвѣтъ великоруссу. [сравн. № 48].

Л. 110, 116. Правительственные проэкты.

42. *Огаревъ, Н.* Разборъ новаго крѣпостного права. Лондонъ. (12°) 103 стр.

43. *Огаревъ, Н.* Предисловіе (стр. III—LXLVI) къ книгѣ: «Русская потаенная литература XIX столѣтія». Лондонъ. Ч. I, отд. I.

44. *Огаревъ, Н.* «Поляр. Зв. на 1861 г.». Лондонъ. Стих. (325—337): 1, Сонъ; 2, Марія Магдалина; 3, Воспоминанія дѣтства: a) Разсвѣтъ, b) Лѣсъ, c) Кривая береза, d) Двѣ любви, e) Первая дружба, f) Новый годъ, g) Дувръ.

24*

Стр. 338—358. «Кавказскія воды» (отрывокъ изъ моей исповѣди). Памяти А. И. О—го (Одоевскаго-декабриста).

45. О пропущенныхъ стихотв. Огарева. Библ. Зап. № 20 (674).

Примѣч. О непринадлежности Н. П. Огареву стих. «Море жизни» (Русс. Инвал. 1854, № 208); «Россія и ея враги» (Моск. Вѣд. 1854, № 21); онѣ написаны однофамильцемъ Никол. Платоновича.—Сравн. «Анненковъ и его друзья» (Стр. 644. Письмо Огарева).

1861—1867.

46. Искандеръ (Герценъ). Былое и Думы. Часть 1—4. Лондонъ и Женева.

Сравн. № 209.

1862.

47. *Огарев Н.* «Кол.».

Л. 119—120. за 15, I (1001). «Михайлову». *Стихотв.* Ibid. (1002). «Университеты закрываютъ!» [1]).

Л. 122. Ходъ судебъ. (за 15, II; 1013—1017).

Лл. 128, 129. Финансовая реформа въ Россіи.

Л. 134. Куда и откуда (1109—1113).

Лл. 136—138. Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ. Государственная собственность.

Лл. 150—152. Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи.

Сравн. Письмо Тургенева. Ист. В. 1901 г. XII, 130 стр.

48. *Огаревъ, Н.* Отвѣтъ на отвѣтъ великоруссу (изд. «Колок.». Л. 108). Летучіе листки. Гейдельбергъ (78).

49. *Огаревъ, Н.* Стих.: «Забытье». Полярн. Зв. на 1862 г. Лондонъ (161—166).

---

1) Сравн. Блюммеръ. Замѣтка на ст. Н. П. Огарева объ университетахъ «Свободное слово». Берлинъ. 1862 г.

50. *Огаревъ*, *Н.* «Общее вѣче» (Прибавленіе къ «Кол.»).

№ 1 (15, VII, 1—3). Письмо къ вѣрующимъ всѣхъ старообрядческихъ и иныхъ согласій и сынамъ господствующей церкви.

№ 2 (22, VIII; 9—12). Что надо дѣлать народу? (Стр. 12—14). Отвѣтъ на письмо объ «Общемъ вѣчѣ».

№№ 3, 6 (17—22, 37—40). Гоненія на вѣру.

№ 5 (за 22, X, 33—35). Что надо дѣлать духовенству.

51. Ogareff, N. Essai sur la situation Russe. Лондонъ. 1862.

52. *Д. П.* Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ (Объ изд. «Общаго вѣче» и о стат. Огарева въ этомъ изд.). Р. Вѣст. т. XLI; № 9. 425—438.

Сравн. *С. Маковъ.* Письмо по поводу статьи о русск. агитаторахъ. Наше Время. № 188.

53. (Катковъ). Замѣтка для издателя Колокола. Р. Вѣст. № 6. (834—852).

Сравн. *Павловъ*, *Н. М.* Полемика Каткова съ Герценомъ. Рус. Об. 1895 г. V (308—324).

54. **Павловъ.* Русская литература за границей. Г. Герценъ и г. Огаревъ.

Наше Время №№ 166, 169, 189, 196, 248. (Смотр. Русск. Истор. Библіографія за 1862 г. № 2099, изд. Спб. 1872.) Сравн. № 58.

1863.

55. **Огаревъ*, *Н. П.* Стихотв. 3-ье изд. Солдатенкова. Москва. (Смотр. книгу Мезіеръ).

56. *Огаревъ*, *Н.* «Кол.».

Лл. 153—154. Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи (1272—74, 1281—84).

Л. 162. за 1, V (1333—1336). Надгробное слово (по поводу смерти А. А. Потебни).

Лл. 164, 166, 172, 174—175. Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ. Конституція и «Земскій Соборъ».

Л. 171. за 1, X (1405—6). Современное положеніе Россіи.

Л. 172 (1413). за 1, XI. «Симъ побѣдиши». Стихотв. (Отвѣтъ писавшему: «Братское слово» въ Кол. Л. 171).

57. *Огаревъ*, *Н.* «Общее вѣче».

№ 8. за 1, I (45—47). «Странникъ». Поэма.

№ 10. за 1, II (53—56). Замѣтка по поводу прошенія молдавскихъ старообрядцевъ.

№ 13. за 15, III (65—66). Слово правды.

№ 15. за 1, V (73—75). Что то будетъ.

№ 16. за 15, V (77—78). Выкликаніе духовъ.

№ 17. за 1, VI (81—82). Грѣхи и безумія.

№ 19. за 10. VII (89—90). Старообрядцу и его обществу.

№ 21. за 1, IX (97—99). О вводѣ во искушеніе (Письмо къ старообряд. поповщинскаго согласія).

№ 22—24. Письма къ иноку.

№ 25. за 15, XII (115—116). Уголовное дѣло въ г. Грязовцѣ, Вологодской губ.

58. *Павловъ*. Русская литература за границей. Г. Герценъ и г. Огаревъ. Наше Время №№ 8 и 11. (Сравн. № 54).

1864.

59. *Огаревъ*, *Н.* «Кол.».

Л. 176 (1446—1448). за 1, I. Революція и реорганизація. (Стат. третья изъ «Расчистки нѣкот. вопросовъ»).

Л. 176. за 1, I (1450). Отвѣтъ кн. П. А. Вяземскому на его замѣтки, помѣщенныя въ сентябр. книжкѣ Р. Вѣст.

Лл. 179—184. Финансовые споры. (Сравн. № 60).

Лл. 185—187. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ.

Лл. 189—190. Письма къ одному изъ многихъ.

60. *Огаревъ, Н.* Финансовые споры. Лондонъ. 72 стр. (Сравн. «Кол.». Лл. 179—184).

61. *Огаревъ, Н.* «Общее вѣче».
№№ 26—27. Третье письмо къ иноку.
№ 28. Освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ (125—126).
№ 29. за 15, VII (129—131). Письмо къ старообрядцу.

1865.

62. *Огаревъ, Н.* «Кол.».

Л. 196. (1, IV, 1605—1608). Письма къ одному изъ многихъ.

Л. 198 (1621—1623); л. 201 (1645—1646); л. 202 (1653—1656). Русскія реформы. Цензурный Уставъ.

Л. 200 (1640—1642). По поводу письма Искандера къ Государю.

Л. 203. за 1, IX (1664—1665). Счастливые евреи.

Лл. 206—207. Отзывъ о книгѣ: «Вѣроисповѣданіе духовныхъ христіанъ, обыкновенно назыв. молоканами (Женева 1865)».

63. *Дружининъ, А. В.* Сочин. т. VII (Спб. 131—140). «Зимній путь», поэма Огарева.

1866.

64. *Огаревъ, Н.* «Кол.».

Лл. 211, 216, 220, 223, 225. Частныя письма объ общемъ вопросѣ.

Л. 229. за 1, XI (1872—1875). Продажа имѣній въ западномъ краѣ.

65. *Фармаковскій, В.* О противогосударственномъ элементѣ въ расколѣ. «О. З.», декаб. кн. 1 и 2 (487—518; 629—659).

66. *Г.* Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій. Р. Вѣст. IX, XI. Сравн. № 70.

1867.

67. *Огаревъ, Н.* «Кол.».

Лл. 237, 239, 240. Частныя письма объ общемъ вопросѣ.

Лл. 242, 244—245. Настоящее и ожиданіе.

Л. 244—245. «До свиданія». Стихотв., стр. 1992 (за 1 іюля).

68. *Огаревъ, Н.* Письмо къ читателю Колокола. «Прибавочный листъ къ первому десятилѣтію Колокола». 1, VIII (11—13).

69. Объ изданіи «Колокола». Биржевыя Вѣдом. № 307 (Передовая).

70. *Г.* Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій. Р. Вѣст. №№ 4—5. См. № 66.

71. *Д. П.* Партія Герцена и старообрядцы. Р. Вѣст. III.

1867—1868.

72. «Истина». Журналъ старообрядцевъ, изд. въ Іоганнесбургѣ (Пруссія). [Письма Огарева и объ Огаревѣ и Герценѣ].

2-ое изд. журнала. Псков. 1871 г. Сравн. Субботинъ. Р. Вѣстникъ. 1868. № 8.

1868.

73. *Ogareff*, N. a) La Russie actuelle et son développement. «Kolokol» №№ 1—4; 6; 8; 10. (Женева).

в) La famine en Russie. «Kol.» № 4 (49—50).

е) Les malheureux ou un monde à part. №№ 13—15 (190—192; 218—225).

74. *Кельсіевъ, В.* Пережитое и передуманное: Воспомин. СПБ.

75. По поводу письма Герцена и Огарева, помѣщеннаго въ 2 № «Новаго Колокола». «Биржев. Вѣд.» № 119. (Передовая).

1869.

76. *Огаревъ, Н.* «Поляр. Зв. на 1869-й г.» Женева. (161—178).

«Юмор.» поэма. Ч. III; Стих.: a) «Музыканту»; b) «Юношѣ»; c) «Вихрь»; d) «У моря»; e) «Грановскому». f) «Предисловіе къ неизданному и недоконченному».

77. *Огаревъ*, Голодъ и Новый Годъ. Прибавленіе къ Колоколу (Supplément...) (15, II, 1869; 245—251).

78. *Огаревъ*, *Н.* «Лютня». Собраніе свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвор. Лейпцигъ. Стих.; Арестантъ (36); Возвращеніе (55); Дорога (82); Кабакъ (99); Колоколъ (предисловіе къ «Колок.») (108); Свобода (Искандеру 1858 г.) (201); Сонъ («Мнѣ снилося, что я въ гробу лежу»...) (209).

1870.

79. **Огаревъ*, *Н.* Стихотв. «Нечаевъ». Народная Расправа № 2. Изд. Бакунина.
(См. «За сто лѣтъ». 2 часть, 75 стр.).

80. **Огаревъ*, *Н.* Въ «Будущности» о Герценѣ; и «Въ память людямъ» 14, XII, 1825 г.
(См. «За сто лѣтъ». 2 ч. 77 стр.).

81. **Огаревъ*, Колоколъ 1870 г. № 16, 16, IV.
(См. Венгеровъ: «Источники словаря русскихъ писателей» т. I).

82. **Андреевъ*, *В. В.* Расколъ и его значеніе въ русской исторіи. СПБ. 1870 г. Гл. XII.
(Сообщ. С. А. Переселенковъ)..

1872.

83. *Пассекъ*, Татьяна. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспом. «Р. Ст.» т. VI (6С7—648) № 12.
См. № 98.

1873.

84. *Т. Пассекъ*. Воспомин. («Изъ дальнихъ лѣтъ») «Р. Ст.» т. VII. № 2 (181—211), № 3 (291—335).
См. № 98.

85. *Ливановъ, Ф. В.* «Бакунинъ, Огаревъ и кн. П. Долгорукій, заграничные агитаторы раскольниковъ». 4 т. Очерковъ и разсказовъ. («Раскольники и острожники»). СПБ.

1874.

86. *Огаревъ, Н.* Стихотв. «Лютня II». Потаенная литература XIX ст. Лейпцигъ, Э. Л. Каспровичъ. Годъ 1848 (Упованіе) (57); Годъ 1849 (58); И-ру («О если бъ ты подумать только могъ») (106); К*** («Когда въ цѣпи каретъ, готовыхъ...») (120); Марія Магдалина (130); Михайлову (134); Напутствіе (141), Отступницѣ (188); Прометей (221); Разсказъ этапнаго офицера (245); Странникъ (308); Съ того берега (319); Тюрьма (344); Юморъ (I гл. 1 ч.) (381).

1876.

87. *Пассекъ, Т. П.* Воспомин. Р. Ст. т. XV (805—852); XVI (89—131; 309—350; 511—544; 649—670), XVII (537—579).

См. № 98.

88. *Панаевъ, И. И.* Литератур. воспом. и воспомин. о Бѣлинскомъ. СПБ. О* (Огаревъ), стр.: 222, 266, 282—285, 320. Тоже Изд. СПБ. 188 г. Стр. 177; 211; 224—227; 254.

89. *Григорьевъ, Ап.* Сочиненія т. I. СПБ. (79—85). «Русская Литература въ 1852 г.».

90. *Витбергъ, А. А.* Р. Ст. т. XVII (284; 292—294).

1877.

91. *Пассекъ, Т.* Воспомин. Р. Ст. т. XVIII (665—682); XIX (431—474); XX (274—300).

См. № 98.

92. «Общее Дѣло». Газета Женева. Некрологъ Огарева № 3, Сентябрь, 16 стр.

93. *Извѣстія о смерти Огарева были помѣщены: «Недѣля» 25; СПБ. Вѣдомости № 167; Нашъ Вѣкъ № 105; Газета Гатцука № 28 (Ст. Дм. Языкова); Вечерн. Газета № 155 (Перепечат. из. «Нашъ Вѣкъ»); Русск. Обозрѣніе, Газет. Градовскаго № 23; Сѣвер. Вѣстникъ № 49.

(Сообщ. С. А. Переселенковъ).

1878.

94. *Огаревъ, Н.* «Раздумье», посмерт. стих. «Общее Дѣло» № 8 (15). Женева.

95. *Черкезовъ, В.* Н. П. Огаревъ (Некр.) «Община» № 3 — 4 (19—20). Женева.

96. *Пассекъ, Т.* Воспоминанія Р. Ст. т. XXI (205—236); т. XXII (93—116, 369—380).

См. № 98.

1879.

97. *Огаревъ, Н.* «Радаевъ». Поэма. Газета Гатцука №№ 3; 6.

98. *Пассекъ, Т.* Воспомин. Р. Ст. т. XXVI (241—258).

Примѣч. Воспомин. Т. П. Пассекъ: «Изъ дальнихъ лѣтъ». Отдѣльно т. I. СПБ. 1878; т. II; 1879. Въ I т. Стих. Огарева: «И вотъ теперь въ вечерній часъ», (Изъ Юмора I ч.) 255; «Памяти друга (259). «Напиваясь влагой кроткой (261); «Старый домъ» (294).

См. № 119.

1880.

99. *Анненковъ, П.* Замѣчательное десятилѣтіе (1838 — 1848). В. Ев. №№ I—V.

См. также 3 томъ «Воспоминаній и критическ. очерковъ». СПБ. 1881 (1—224).

1881.

100. *Огаревъ, Н.* «Пол. Зв.» графа Саліаса. Стих.: Мартъ. «Твое письмо меня нашло» (66). «Я вспоминалъ про утро мая» (74).

Апр. «Пусть тьма ночная тихо бродитъ». (125). «Напиваясь влагой...» (131).

Май. «Памяти друга»; «Раздумье»; «Старость» (135—136). Изъ альбома E**.: a) «Я поздно легъ усталый и больной». в) «Вдали отъ Васъ я только тѣмъ живу...»; c) «Какъ часто я измученный страданьемъ...»; d) «Я сорвалъ вѣтку кипариса...»; e) «Залогъ блаженства въ жизни скучной...» f) «Вчера я въ церковь...» g) «Въ тиши ночной аккордъ печальный...».

Ibid. (Мартъ, Апр.) въ «Воспомин. Т. П. Пассекъ» приводятся Записки Огарева.

101. *Пассекъ*, *Т.* «Изъ дальнихъ лѣтъ» «Пол. Зв. гр. Саліаса». Янв. (137—151); Фев. (19—31); Мартъ (61—76) Апр. (123—132); Май (133—144).

1882.

102. *Пассекъ*, *Т.* Воспомин. Р. Ст. т. XXXIV (755—774). См. № 119.

1883.

103. *Анненковъ*, *П.* Идеалисты тридцатыхъ г.г. В. Ев. № 3 (122—171); № 4 (501—543).
См. № 119.

104. *Драгомановъ*, *М.* «Изъ бумагъ Колокола». Вольное слово. Женева № 60.

105. *Буренинъ*, *В.* Герценъ и Огаревъ. (По поводу ст. Анненкова: Идеалисты 30 г. г.). Нов. Время № 2526 (за 11, III).

1885 [1]).

106. Изъ частнаго письма о Герценѣ. Сообщ. И. П. Хрущевъ. Р. Арх. кн. III (96).

---

1) Смотр. Р. Ст. 1885 г. Март. 671—709

107. *Чуйко, В.* Современная русск. поэзія въ ея представителяхъ. (Н. П. Огаревъ. 84—97). СПБ.

1886.

108. *Огаревъ, Н.* Радаевъ. Поэма. Р. Ст. т. XLIX. № 2 (465—482).

109. *Пассекъ, Т.* Воспомин. Р. Ст. т. XLIX (453—481). т. LII (149—180).
 См. № 119.

1887.

110. *Огаревъ, Н.* «Друзья, уныніе грѣшно...» Стих. Р. Ст. т. LVI (ноябрь 477). (Въ ст. Е. Некрасовой: «Литер. Альбомъ С. Д. Полторацкаго»; 1820—1852).

111. *Пассекъ, Т.* Воспомин. Р. Ст. т. LVI (145—162).
 См. № 119.

112. *Костенецкій, Я. Н.* Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. (1828—1833). Р. Арх. I (1—III)—1 (111), III (338; 340).

1888.

113. *Огаревъ, Н.* Стих.:
Нояб. 1. Алхимикъ; 2. Донъ; 3. Nocturno (Волна течетъ...); 4. Аллея; 5. Ночь; 6. «Въ дни печалей, дни гоненій...»; 7. Фантазія; 8. «Все кончено! Тяжелое сомнѣнье...»; 9. «Въ прогулкѣ поздней видѣлъ я...»; 10. «Проходитъ день и ночь проходитъ»; 11. «Среди могилъ языческаго міра...»; 12. «Удѣлъ поэта...»; 13. «Къ друзьямъ...»; 14. «Моя лампада»; 15. «Смутныя мгновенья...»; 16. А. С. Б...нъ; 17. Шекспиръ;
Декаб. 18. Къ ней; 19. Ночь; 20. Христіанинъ; 21. «Эолова арфа...»; 22. Русская пѣсня; 23. «Моя молитва»; 24. Больной отецъ; 25. «Среди могилъ я въ часъ ночной..» 26. Новый Годъ; 27. Къ ней; 28. «О, возвратись, любви прекрасное мгновеніе...»; 29. И. П. Гала-

хову; 30. Станція; 31. Дорожное впечатлѣніе; 32. Е. Г. Л. Р. Ст. т. LX (469—490; 601—616).

114. Изъ переписки недавнихъ дѣятелей. Матеріалы для исторіи русск. общества (переписка Н. П. Огарева съ А. И. Герценомъ). Р. М. VII, IX, X, XI.
См. № 118.

115. *Гербель, Н.* Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Изд. 3, подъ редакціей Полевого П.
Огаревъ. 390—395 стр. (Стих.: 1. Старый домъ; 2. Деревенскій сторожъ; 3. «Я помню робкое желанье...» 4. Обыкновенная повѣсть; 5. Монологи; 6. Вечеръ; 7. «Какъ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ»; 8. Когда встрѣчаются со мной; 9. Nocturno; 10. Много грусти; 11. Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ; 12. Отъѣздъ).

116. *Семевскій, В.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и п. п. XIX в. т. II. СПБ. (Отношеніе Огарева къ крестьянскому вопросу; 227—231).

1889.

117. *Огаревъ, Н.* Стих.: 1. Маріи, Александру и Наташѣ; 2. Свѣтлое воскресенье; 3. Gelseminum (Цвѣтокъ); 4. Утро; 4. Отецъ; 6. Тучкову. Р. Ст. т. LXI (336, 352, 354, 430). 7. Осеннее чувство; 8. «Пиръ безконечный, весна безъ исхода...» 9. Маріи; 10. На могилѣ друга; 11. «Съ полуночи вѣтеръ холодный подулъ...» 12. «Тяжела голова моя...» 13. Augenblick. 14. «За тучами чуть видима луна...» Р. Ст. т. LXII (134; 160; 338; 682; 724). 15. Ночь; 16. «Въ тьму я былъ брошенъ, отосланъ въ изгнанье...»; 17. Молдованы; 18. Желаніе покоя; 19. Разладъ; 20. «Тамъ на улицѣ холодомъ вѣетъ...»; 21. «Прощаніе съ краемъ, оттуда я уѣзжалъ...»; 22. Зимняя ночь; 23. Водопадъ; 24. Изъ Гейне («Звѣзды съ ножками златыми...»); 25. Сѣдая голова.

26. Изъ Фауста («Воззри Ты, Всескорбящая!..»). Р. Ст. т. LXIII (300; 386; 438; 446).

118. Изъ переписки недавнихъ дѣятелей. (Переписка Н. П. Огарева съ А. И. Герценомъ). Р. М. I, IV, X, XI, XII.
См. 126.

119. *Пассекъ, Т.* «Изъ дальнихъ лѣтъ». ч. III. Спб. (Стих. Огарева; «Ожиданіе», «Вопросъ» (21); «Радаевъ» Поэма (46—64) «Ему» (126); «Прощаніе съ Россіей» (130).

120. *Огарева-Тучкова, Н. А.* Воспоминанія (1848—1870). Ив. Сер. Тургеневъ. Р. Ст. т. LXI (337—348) См. № 190.

121. *Головачева-Панаева, А. Я.* Воспоминанія Ист. В. т. XXXV (30; 291; 541), т. XXXVI (34; 276; 531); т. XXXVII (29; 246; 475; т. XXXVIII (22).

1. Прим. Дополненія см. Гамазовъ (Ист. В. т. XXXVI; 255) и Шенрокъ (477).

2. Прим. Воспомин. отдѣльно: Русскіе писатели и артисты (1824—1870) Спб. (Огаревъ: стр. 84; 86—87; 122; 130; 132—133; 135; 164—165; 326—331).

122. *Курута, В. И.* Изъ матеріаловъ для біогр. А. И. Герцена. Р. М. V (1—16), VI (1—19).

123. Замѣтки А. И. Герцена. Переписка А. И. Герцена, Огарева и Кельсіева В. И. Сообщ. Е. Некрасова, Р. Ст. т. LXI (173—190).

124. *М—скій, А.* Герценъ и его корреспонденты. Р. В. № 4 (130—153); № 5 (272—297).

1890.

125. *Огаревъ, Н.* Стихотв.:
1. «Тотъ жалокъ, кто подъ молотомъ судьбы»..
2. «Ночь туманная темна...»
3. Chorus mysticus. Р. Ст. т. LXV (222).

4. «Пѣсня». Ibid. т LXVI (199).
В т. LXVII тѣ же стих., что и въ LXV т.
5. К*** («Вы были дѣвочкой, а я...»).
6. Много грусти. Ibid. т. LXVIII (485—486).

126. Изъ переписки недавнихъ дѣятелей (Переп. А. И. Герцена и Н. П. Огарева). Р. М. III; IV; VIII; IX; X. См. № 130.

127. *Огарева-Тучкова.* Воспом. (1828—1878). Р. Ст. т. LXVIII (1—80). [Сравн. «Поправки». Сооб. Тучкова. Р. Ст. 1891 т. LXIX (503)]. См. № 190.

128. *Огарева, Н. А.* Къ запискамъ Т. П. Пассекъ. Р. Ст. т. LXV (229—232). См. № 190.

129. *Милюковъ, А.* Литературныя встрѣчи и знакомства. Спб. (135—137; 158—162).

1891.

130. Изъ переписки недавнихъ дѣятелей. (Пер. Н. П. Огарева съ А. И. Герценомъ). Р. М. VI, VII, VIII. См. № 133.

131. *Соколовъ, Г.* «Замѣтка по поводу напечатанія стих. Огарева: «Много грусти» въ Р. Ст. т. LXVIII (486)». Р. Ст. т. LXIX (503).

132. *Боткинъ, В.* Статьи по литературѣ и искусству. (Огаревъ, Н. П. 335—351). Сочин. т. II, изд. Пантеонъ Литер.—
Смотр. Современникъ 1850 г. XIX; отд. VI. Огаревъ; стр. 158—175.

1892.

133. Изъ переписки недавнихъ дѣятелей. (Пер. Н. П. Огарева съ А. И. Герценомъ). Р. М. VII, VIII, IX.

134. Изъ переписки людей сороковыхъ и пятидесятыхъ гг. (Изъ писемъ Герцена, Огарева и Грановскаго). Сборн. «Помощь голодающимъ». Изд. Рус. Вѣд. (517—529).

Здѣсь же стих. Огарева: «Изъ края бѣдныхъ, битыхъ и забитыхъ» (525).

135. *Анненковъ, П.* и его друзья. Литер. воспомин. и переписка (1835—1885) Спб.

Смотр.: «Идеалисты тридцатыхъ гг.»; «Записка объ Огаревѣ»; «Письма Н. П. Огарева къ Анненкову». Здѣсь же стих. Огарева: Моя лампада (56); Первая любовь (650); «Зайдете ль вы, зайду-ли я» (652); «Купанье» (653),

1. Прим. См. *Ивановъ, И.* Идеи и люди 40-хъ гг. (По поводу кн. «Анненковъ и его друзья») М. Б. 1892; IX (1—20).

2. Примѣч. См. *Введенскій, Ар.* «Русскій идеализмъ сороковыхъ гг.» (По поводу кн. «Анненковъ и его друзья») Ист. В. 1892, іюнь (731—745) и въ книгѣ Введенскаго: «Общественное самосознаніе въ русс. литер.» Спб. 1900. (248—259).

136. *Повалишинъ, А. Д.* Свободные хлѣбопашцы въ Ряз. губ. «Труды Рязан. Учен. Арх. Комм.» VII т. № 3 (34—35).

137. «Огаревъ, какъ поэтъ». По поводу кн.: «Анненковъ и его друзья». «Кн. Недѣли» № 3 (175—186).

138. *Волынскій, А.* Литературныя Замѣтки. Сѣв. Вѣст. № 6 (158—187).

139. *Толстой, Л. Н.* Первая ступень. «Вопр. Ф. и Пс. 1892 г. кн. 13 (120—122).

140. *Колюпановъ, Н.* Біографія А. И. Кошелева. Москва, т. II, гл. I. (Умственное движеніе Моск. Общ. и участіе въ немъ А. И. Кошелева).

141. *Письма К. Д. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ А. И. Герцену, съ объясн. и примѣч. М. Драгоманова, Genève 1892. (Сообщ. С. А. Переселенковъ).

1893.

142. *Григоровичъ, Д. В.* Литературныя воспоминанія. Р. М. № 1 (36).

143. *Чернышевскій, Н.* Эстетика и поэзія. Спб. (177—185).

1894.

144. *Огарева-Тучкова.* Воспомин. Р. Ст. LXXXII (№ 9, 63—100; № 10, 1—45; № 11, 1—26; № 12, 1—27) См. № 190.

145. Отрывки изъ «Дневника» А. И. Герцена. Сѣв. Вѣст. XI (181—186).

146. *Некрасова, Е. С.* Связка писемъ А. И. Герцена. Сѣв. Вѣст. VII (185—204); VIII (15—35).

1895.

147. Изъ интимной переписки А. И. Герцена (Письма А. И. Герцена къ Н. А. Тучковой-Огаревой).
Сѣв. Вѣст. XII (249—262).

148. *Некрасова, Е.* Юношескіе литер. труды А. И. Герцена (На основаніи неизд. части переписки). Сѣв. Вѣст. IX (89—121).

149. Отрывки изъ воспоминаній Н. М. Сатина, съ предисл. Е. Некрасовой. Сбор. «Почин». на 1895 г. (232—250).

150. *Е. Некрасова.* Н. Пл. Огаревъ. Значеніе его личности и поэзіи. Сб. «Починъ на 1895 г.» (35—91).

151. *Влазневъ, В. К.* Текстъ увольнительнаго акта при освобожд. Огаревымъ его крестьянъ. «Труды Ряз. Учен. Арх. Ком. за 1894 г.» Ряз. 1895, т. IX, выпуск. 2 (120—121).

152. *Скабичевскій, А.* Сочинен. т. I (536 стр.); т. II (299).

1896.

153. Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Ога-

реву. Изд. М. Драгоманова. Genève. (VIII+CVII+502). То же на нѣмец. яз. 1895 г.

154. *Тучкова-Огарева*, *Н. А.* Воспоминанія о Герценѣ. Сѣв. Вѣст. II (82—99), III (107—120), IV (41—49). См. №190.

155. *Перцовъ*, *П.* Философскія теченія русской поэзіи. Избр. стихотв. и критич. статьи. Спб. (Огарев. 161—178).

1897.

156. *Бурцевъ*, *Вл.* при участ. С. М. Кравчинскаго (Степняка) сост. сб. «За сто лѣтъ. 1801—1896 гг.». Лондонъ. 2 части.

157. *Саловъ*, *И.* Умчавшіеся годы. Р. М. VII (5—6); VIII (5, 15).

158. *Ч. Вѣтринскій* (В. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Ист. очеркъ. Москва.

159. *Смирновъ*, *В. Д.* Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. Спб.

То же, изд. Павленкова въ серіи: «Жизнь замѣчательныхъ людей». Спб. 1898; изд. 2-ое (испр.) въ 1905 г. подъ фам. *Е. А. Соловьевъ* (съ портр. А. И. Герцена).

160. *Венгеровъ*, *С. А.* Статья объ Огаревѣ. Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXI (687—689).

161. *Энгельгардтъ*, *Н. А.* Философія русскаго самосознанія. «Книжки Недѣли» III. (Ст. третья, о сліяніи кружковъ Станкевича и Огарева).

1898.

162. *Глинскій*, *Б.* М. А. Бакунинъ и его бѣгство изъ Сибири. «Ист. Вѣст.» III (1020—1045) (Огаревъ. 1028—1032).

163. *Ели*, *Е.* Семья великаго человѣка. Сѣв. Вѣст. №№ 10—12 (51—82).

Сравн. 2 примѣчаніе на стр. 287 книги Батуринскаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые».

1899.

164. *Огарева, Н.* Письмо по поводу сочиненія Смирнова о Герценѣ. Недѣля № 46 (1535).
(Перепечат.: Сынъ Отечества 1899 г. 310).

1900.

165. *Волынскій, А.* Герценъ и Огаревъ. Въ кн.: «Борьба за идеализмъ». (236—253). Спб.

166. *М—на, П.* Изъ воспоминаній старой идеалистки объ А. И. Герценѣ. В. Евр. т. VI, кн. XI (88—130).
Сравн. 1) «Иностранцы о Россіи». *В. Т.* Ист. Вѣст. 1901 г. т. 83 (744—746); 2) М. Б. 1903 г. (Май, 1—19). 3) Р. М. «Новыя воспоминанія о Герценѣ. 1900 г. № 7.

167. *Батуринскій, В.* Герценъ и Тургеневъ. Ист. Вѣст. I (203—228). См. № 202.

1901.

168. *Огаревъ, Н. П.* Два неизданныхъ его стих.:
1) А. Герцену («Другъ! весело летать мечтою...»);
2) Слава («Такъ! называйте, люди, бреннымъ...»);
Лит. Вѣст. кн. VIII, 314—316.

169. *Батуринскій, В.* Герценъ и Тургеневъ (1849—1862). Вѣст. Всем. Ист. № 2 (34—57), № 3 (128—146) № 4 (82—94); № 5 (177—202); № 11 (1—21); № 12 (111—131). См. № 202.

170. *И.* Нелегальная семья. (Изъ заграничнаго дневника 70-хъ гг.). Наблюдатель № 9, сентябрь (247—294).

171. *Капнистъ, П. И. гр.* Сочин. т. II. Москва. Ст.: «Очеркъ направленія русской лирическ. поэзіи съ 1854—1864 вкл.» (Огаревъ: 335—337; 343; 369—375).

172. *Сальниковъ, А. Н.* Русскіе поэты за сто лѣтъ. Огаревъ (161—165).

173. Галлерея русскихъ писателей. Редак. Игнатовъ. Изд. Скирмунта. Огаревъ. (27) съ двумя портрет.

1902.

174. *Огаревъ, Н.* Стих.: 1. Къ декабристамъ. («Я видѣлъ васъ, пришельцы дальнихъ странъ...»); 2. Героическая симфонія Бетховена (Памяти А. Одоевскаго); 3. Кривая береза (изъ дѣтскихъ воспоминаній); 4. «Я помню отрока съ кудрявой головой...»; 5. «Свистишь ты, о вѣтеръ, съ безсонною силой...»; 6. Ночью; 7. Кладбище; 8. Юношѣ; 9. «На новомъ поприщѣ въ полезныхъ изученьяхъ...»; 10. Лѣтомъ; 11. Франція; 12. У моря («Ночь и буря съ черной мглою...»); 13. Вихрь; 14. Ворцель. Р. М. III (Мартъ) 2—12.

175. *Огаревъ, Н.* Стих.: 15. «Осенній день былъ сѣръ и сыръ...» 16. «Все превосходное, все благородное...»; 17. Призракъ; 18. Изабелла; 19. Дѣдушка; 20. У моря («Дождь и холодъ, а ты все сидишь на скалѣ...»); 21. Ex profundis («Дитятко, милость Господня съ тобою»); 22. Могила; 23. «Взгляните на меня, я сѣдъ...»; 24. «Къ концу, къ концу моя дорога...»; 25. Раздумье; 26. Четвергъ 6, I, 1876 г. 27. Первое апрѣля. Р. М. V (170—176).

176. *Огаревъ, Н.* Стих.: «Женщинѣ-медику». «Литературн. Альбомъ», изд. Картавовымъ. Октябрь (97). Спб.

177. Письмо М. Н. Каткова къ Н. П. Огареву и М. Л. Огаревой. Литер. Вѣст. кн. 5 (13—14).

178. Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ. Герценъ и Огаревъ. Р. М. XI (143—166); XII (166—172).

179. *Яцимирскій, А. И.* Воспоминанія писателей-самородковъ о ихъ старшихъ собратьяхъ (Н. В. и Г. И. Успенскіе, Я. П. Полонскій, В. М. Гаршинъ, *Н. П. Огаревъ*, гр. Л. Н. Толстой). Р. М. XI, отд. II (101—128).

180. *Мендельсонъ, Н. М.* Н. П. Огаревъ въ воспоминаніяхъ его бывшаго крестьянина (В. К. Влазнева). Сб. «Подъ знаме-

немъ Науки» изд. въ память Стороженко (657—663). Москва.

181. Замѣтка по поводу напечатанія въ Мартов. кн. Р. М. (1902) нѣскол. стихотв. Огарева. Р. Арх. I (742—743).

182. *Некрасова, Е. С.* Н. П. Огаревъ. Отрывокъ. Раннее дѣтство. Сб. «Подъ Знаменемъ Науки» (49—63).

183. *Некрасова, Е.* О послѣднихъ годахъ жизни Огарева. Р. М. № 5 (205—215).

184. *Сильчевскій, Д. П.* Н. П. Огаревъ (къ 25 лѣт. со дня смерти). «Новости и Биржев. Газета» № 148.

185. *Быковъ, П.* Памяти Н. П. Огарева. Биржев. Вѣд. № 146 (за 13, V).

186. *Морозовъ, П.* Минувшій вѣкъ. Литер. очерки. Спб. (Огаревъ: 452, 461, 486, 470, 473, 501—502).

То же: «Образованіе» 1900 г. №№ 7—9.

187. (Бычковъ, И. А. сообщ.) Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ. Р. Ст. Іюнь (свѣдѣн. объ отцѣ Огарева. 476).

188. *Соловьевъ, Ев.* (Андреевичъ). Очерки по исторіи русс. литер. XIX в. (Огаревъ. 174—176).

1903.

189. *Огаревъ, Н.* Странникъ. Поэма. Р. М. VIII (1—8).

190. *Огарева-Тучкова, Н. А.* Воспоминанія (1848—1870). Москва. Изд. Сабашниковыхъ.

191. *Кавелинъ и Герценъ.* Матеріалы для біографіи Кавелина. Всеміp. Вѣст. VIII (23—63).

192. *Батуринскій, В. П.* Въ началѣ 40-хъ гг. Всем. Вѣст. № 4 (210—236) Ср. № 202.

193. *Батуринскій, В.* А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Всем. Вѣст. № 2 (151—172); № 3 (57—89); № 4 (61—100); № 5 (182—198) Ср. № 202.

194. *Гершензонъ*, *М. О.* Н. Пл. Огаревъ и его крѣпостные. Научное Слово. IV (82—107).

195. *Гершензонъ*, *М.* Исторія одной дружбы (Грановскій, Герценъ, Огаревъ). Науч. Слово. VIII (75—95); IX (48—58).

196. *Гершензонъ*, *М.* Лирика Н. П. Огарева. В. Евр. № 9 (292—312).

197. Замѣтка по поводу напечатанія въ Р. М. 1903, VIII (1—8) поэмы Огарева: «Странникъ», и по поводу стат. Гершензона: «Лирика Огарева», напеч. В. Евр. 1903, IX (292—312).

«Вѣст. и Библіот. Самообр.»: Брокг. и Ефрона, № 40, 2 октября (1680—1682).

198. *Некрасова Е.* Н. П. Огаревъ († 31, V, 1877 г.). «Бакинскія Извѣстія». № 119; 4, VI.

199. *Залѣсовъ*, *Н. Г.* Записки. Р. Ст. Іюль (32).

1904.

200. *Огаревъ*, *Н. П.* Стихотворенія, подъ ред. М. О. Гершензона въ 2-хъ томахъ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. По поводу изд.: 1) Русс. Вѣд. № 192 (12, VII, 1904); 2) В. Евр. кн. 8; 3) Русь (газета) № 258 (30, VIII). Ст. Филиппова: «Возрожденная книга»; 4) «Бирж. Вѣд.». № 424 (20, VIII), Литератур. замѣтки Измайлова; 5) Рус. Бог. X (115—118); 6) Р. М. 1905, III; 7) «Вѣсы» 1905, № 2 (60); 8) Р. М. 1904, XII; 9) Р. М. 1905, V (130—132); 10) Вопросы жизни 1905. № 9, сентябрь (256—264), статья Михаила Могилянскаго.

201. *Огаревъ*, *Н. П.* «Исповѣдь лишняго человѣка». Р. М. VIII (1—17).

Сравн. Рус. Вѣдом. № 294 (за 27, IX). Фельетонъ *И.*

202. *Батуринскій*, *В.* А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи обществ. движенія въ Россіи, т. I. Спб. Изд. Львовича. По поводу этой книги: 1) Русс. Вѣд.

№ 316 (16, XI); 2) Правда № 2, 1904; 3) Р. М. 1904, № 2; 4) Научное Слово кн. I, 1904; 5) Рус. Бог. 1904, № 1; 6) Ист. Вѣст. 1904, IX; 7) Литер. Вѣст. 1903 г., кн. 7—8 (274); 8) Образованіе 1904 г. № 1 (54—79), статья Н. Ашешова.

203. *Ивановъ, Ив.* Сенъ-Симонизмъ, его прошлое и настоящее (Рѣчь). Научное Слово, кн. II (47—56).

204. *Некрасова Е.* А. И. Герценъ, его хлопоты о заграничномъ паспортѣ и послѣдняя поѣздка въ Спб. Р. М. IX (Огаревъ: 146, 148, 151, 153—154, 159, 164), X (Огаревъ: 36, 38, 42—43, 45, 52—53).

205. *Т—ва В. В.* (О. Починковская). Годъ работы съ знаменитымъ писателемъ (Ѳ. М. Достоевскимъ). Ист. Вѣст. II (531).

206. *Лемке Мих.* Эпоха цензурныхъ реформъ. 1859—1865. Спб

207. *Богучарскій, В.* Изъ прошлаго русс. общества. Спб. Ст. А. И. Герценъ.

208. *Бороздинъ, А. К.* Литератур. характеристики XIX в., т. II. Вып. I. Статья: А. И. Герценъ и крестьянскій вопросъ.

1905.

209. *Герценъ, А. И.* Сочиненія. Изд. Павленкова. 7 томовъ (Огаревъ, смотр. именной указатель при 7 томѣ).

210. *Венгеровъ, С. А.* Эпоха Бѣлинскаго. Лекція. Спб.

211. *Пругавинъ, А.* Пѣсня о часовомъ и баринѣ. «Нижегородскій Сборникъ», изд. товарищ. Знаніе (276—282).

1906 [1]).

212. *Огаревъ, Н. П.* Размолвка съ міромъ (неизд. стих.). Сообщ. М. Лемке. Былое, Февр. № 2 (272—274).

---

1) В 1906 году вышли (вторымъ изд.):

1. Воспоминанія Т. П. Пассекъ («Изъ дальнихъ лѣтъ»).
2. Полное собр. сочин. Н. Г. Чернышевскаго (см. т. II, стр. 348, 582—538).
3. Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву (Срав. №№ 98 и 119; 21, 153).

213. Восемнадцать писемъ М. А. Бакунина. Былое, № 7. Іюль.

214. *Лемке, М. К.* Дѣло Михайлова 1861 г. Былое, № 1. Янв.

215. *Гильомъ, Джемсъ.* М. А. Бакунинъ. Былое, № 8. Авг.

216. *Лемке, М. К.* Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами (1862). Былое №№ 9—12.

217. Учебный Комитетъ и Бѣлинскій. Сообщ. А. Кремневъ. Былое, № 11. Ноябрь (161 стр.).

218. Русск. Историч. Библіотека №№ 4—5. «Былое», загранич. изд. В. Л. Бурцева (В. I, стр. 177; В. II, стр. 122—124).

219. Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в. Сборникъ т. I (стр. 253).

220. Русск. Историческая Библіотека № 2. Матеріалы для революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг. (стр. 40, 65, 183, 193—196).

221. И. С. Тургеневъ и эмигранты. Сообщ. А. В. Безродный. Историч. Вѣстн. Январь.

222. *Лемке, М.* Очерки жизни и дѣятельности Герцена, Огарева и ихъ друзей. Міръ Божій, I (36—69); II (119—148); IV (120—153); VII (90—118).

223. *Гершензонъ, М.* И. П. Галаховъ (одинъ изъ людей 40-хъ гг.). Вѣст. Европ. Декабрь (485—501).

224. *Ашевскій, С.* Освобожденіе крестьянъ и «Колоколъ» Герцена. Современ. Міръ. Декабрь (261—296).

225. *Айхенвальдъ, Ю.* Силуэты русск. писателей. В. I (Огаревъ, 131—135).

226. *Амфитеатровъ, А. В.* Святые отцы революціи. Вып. 1. М. А. Бакунинъ. «Всеміp. Вѣстн.» № 9, сент. (1—34). Огаревъ, см. стр. 4 (2), 5, 8, 9, 11 (3), 13, 15, 20, 21 (2), 24, 26, 28, 29 (4), 32 (2).

1907.

227. *Огаревъ, Н. П.* Стих.: «Мгновеніе», «Разорванность». Вѣсы № 2.

228. *Огаревъ, Н. П.* Стих.:
1. Из Гейче: «Во снѣ мнѣ приснилась она»...
2. Я сижу въ раздуміи.
3. De mortuis aut nihil, aut bene!
4. И дождь, и буря—день ужасный.
5. Чудная страна—городъ нашъ Женева.
6. Въ день отъѣзда папа.
Сообщ. Г. П. Георгіевскій. Вѣст. Евр. Май (272—276).

229. Выдержка изъ предислов. Огарева къ своему заграничному Сборнику: «Русс. потаенная литература XIX ст.». Всемір. Вѣстн. Январь, № 1 (31).

230. Изъ переписки Герцена и Огарева. Сообщ. Г. П. Георгіевскій. Вѣст. Евр. VI. Іюнь (636—691).

231. Переписка Герцена и Огарева. Отчетъ Московск. Публич. и Румянцевск. Музеевъ за 1906 годъ (стр. 38—48; 155—176).

232. *Ашевскій, С.* Реформы Александра II и «Колоколъ» Герцена. Современный Міръ. Январь (52—72); Февр. (226—242); Мартъ (277—296).

233. *Герценъ, А. И.* Неизданная глава изъ «Былого и Думъ». Головинъ И. Былое. Май (Огаревъ, см. 14—15, 22—23 стр.).

234. *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской общественной мысли (объ Огаревѣ смотр. въ главѣ о Герценѣ).

235. *Крапоткинъ,* П. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ (Огаревъ, см. алфавит. указ.).

Дополненіе. См. также Отчеты Импер. Публ. Биб. за 1898 г. (Спб. 1902 г.) стр. 202.

Отчеты Румянцевск. Музея:

За 1899 г. стр. 48.
» 1900 » » 30.

За 1902 г. стр. 40—41.
» 1903 » » 50—51.

Принятыя сокращенія въ названіяхъ періодическихъ изданій.

Б. д. Ч.	Библіотека для Чтенія.
Библ. Зап.	Библіографическія Записки.
В. Евр.	Вѣстникъ Европы.
Всемір. Вѣстн.	Всемірный Вѣстникъ.
Вѣст. Всем. Ист.	Вѣстникъ Всемірной Исторіи.
Ист. Вѣс.	Историческій Вѣстникъ.
Кол.	Колоколъ.
Л.	Листъ (или № Колокола).
Лит. Вѣст.	Литературный Вѣстникъ.
Моск.	Москвитянинъ.
М. Б.	Міръ Божій.
О. З.	Отечественныя Записки.
Пол. Зв.	Полярная Звѣзда.
Р. Вѣст.	Русскій Вѣстникъ.
Р. Об.	Русское Обозрѣніе.
Р. Ст.	Русская Старина.
Р. Арх.	Русскій Архивъ.
Р. М.	Русская Мысль.
Р. Вѣд.	Русскія Вѣдомости.
Совр.	Современникъ.
Сѣв. Вѣстн.	Сѣверный Вѣстникъ.

Д. Тихоміровъ.

Библіографія.

Словацкій въ свѣтѣ новыхъ изученій.

Józef Tretiak. Juliusz Słowacki. Historya ducha poety i jej odbicie w poezyi. W Krakowie. Nakładem Akademii Umiejętności. 1904. Tom I. Z 3 rycinami. VIII+494. Tom II. Z 2 rycinami. 504.

Среди серьезныхъ изслѣдованій о Словацкомъ послѣднее мѣсто по времени занимаетъ монографія краковскаго профессора Іосифа Третяка.

Пользуясь выводами этой книги, мы попытаемся набросать силуэтъ Словацкаго, главнымъ образомъ какъ человѣка, отчасти — какъ поэта. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самой книгѣ.

По глубинѣ анализа, по мѣткости и яркости характеристики, по захватывающему интересу изложенія, изслѣдованіе проф. Третяка составляетъ весьма крупное явленіе въ польской научной литературѣ. Для иностранца оно важно еще въ другомъ отношеніи— именно, какъ фактъ, вызвавшій наружу проявленіе современнаго настроенія польскаго общества.

Лишенный политической самостоятельности и денаціонализируемый съ трехъ сторонъ, польскій народъ сталъ относиться къ своей литературѣ, въ особенности къ поэзіи въ лицѣ ея трехъ великихъ представителей, — не только съ любовію, но и съ благоговѣніемъ. Имена Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго сдѣлались для поляковъ предметомъ культа, а ихъ произведенія — источникомъ силы для борьбы за народное сознаніе и вѣры въ благопріятный исходъ этой борьбы. Зная это, мы поймемъ, что книга, въ которой выставлены на видъ всѣ, *рѣшительно всѣ отрицательныя черты характера* одного изъ этихъ поэтовъ, притомъ самаго любимаго современнымъ молодымъ поколѣніемъ,— не могла быть встрѣчена хлад-

покровно. И дѣйствительно, уже первыя двѣ части изслѣдованія проф. Третяка, когда онѣ появились четыре года тому назадъ въ видѣ оттиска изъ «Rozpraw» краковской Академіи Наукъ,—вызвали ожесточенныя нападки на автора со стороны многочисленныхъ безусловныхъ поклонниковъ Словацкаго и гоняющихся за популярностью рецензентовъ. Потрачено было не мало энергіи. Въ повременныхъ изданіяхъ печатались статьи [1]), изъ нихъ большинство негодующія. Въ кружкахъ молодежи и даже въ ученыхъ обществахъ, напр. въ «Towarzystwo literackie imienia Mickiewicza we Lwowie», составлялись энергическіе протесты, произносились пламенныя филиппики. Возмутился даже покойный проф. Хмелёвскій и назвалъ книгу «памфлетомъ, подкрашеннымъ мнимой критической оцѣнкой». Жестокій и несправедливый приговоръ необыкновенно трудолюбиваго и добросовѣстнаго, но довольно-таки близорукаго критика былъ покрытъ громкими аплодисментами «галлереи» и усердно распространялся ея вожаками на всю монографію, послѣднія три части которой вышли уже послѣ смерти Хмелёвскаго. Для примѣра этой *кричащей* критики приведемъ заключительныя строки рецензіи, написанной краковскимъ рецензентомъ Фельдманомъ. «Итакъ,—кончаетъ съ паѳосомъ представитель «модернистовъ», — дрянная книга, родившаяся отъ дрянной идеи, въ скоромъ времени потонетъ въ забвеніи—останется только лишнее пятно на картинѣ современной культуры и на тѣхъ, которые считаются пѣстунами и представителями этой культуры» [2]).

А между тѣмъ, какъ мы уже сказали, книга имѣетъ громадныя достоинства, въ сравненіи съ которыми исчезаютъ немногіе недостатки, указанные критиками. Одни изъ этихъ недостатковъ, напримѣръ, несоразмѣрность частей, могли бы быть устранены авторомъ, если бы книга была написана цѣликомъ и только тогда сдана

1) До сихъ поръ появились слѣдующія рецензіи: К. Ярецкаго (*Książka* 1903, с. 399 — 402 и 1905, с. 181 — 182), С. Туровскаго (*Pam. liter.* 1903, с. 667—678), А. Свидерской (*Słowo polskie* 1904, № 7, 10, 12), П. Хмелёвскаго (*Kurj. Warszaw.* 1904, № 22), С. Здзярскаго (*Prawda* 1904, с. 152—3, 165 — 6, 177 — 8), С. Добжицкаго (*Przegląd powszechny* 1904. III. 80—92), В. Спасовича (*Kraj* 1905. № 17, 20, 21), Ѳ. Пини (*Słowo polskie* 1905, № 264), К. Ярецкаго (*Słowo Polskie* 1905, № 284, 286), А. Немоевскаго (*Kurjer Lwowski* 1905, № 222 — 232), С. Василевскаго: Spór o Słowackiego jako zagadnienie nauki i kultury. 1905, В. Фельдмана (*Ogniwo* 1905 № 30—35 и *Krytyka* 1905), С. Бжозовскаго (*Głos* 1905, № 28—38), Б. Хлѣбовскаго (*Książka* 1906, № 6), А. И. Яцимирскаго (*Слав. Изв.* 1906, № 2).

2) Краковская «Krytyka» за августъ и сентябрь 1905 г.

въ типографію; другіе являются недостатками только въ глазахъ тѣхъ изслѣдователей, критическіе пріемы которыхъ отличаются отъ метода автора. Съ этимъ методомъ лучше всего познакомитъ насъ отвѣтъ проф. Третяка, данный Хмелёвскому. Вотъ, что мы въ немъ читаемъ:

«Біографъ, разъ онъ хочетъ быть не хронистомъ, а историкомъ,—долженъ пересмотрѣть весь доступный для него матеріалъ, все узнать, все изслѣдовать, но давать не все безъ разбора, а выбирать. Что же онъ долженъ выбирать? чѣмъ руководиться при выборѣ? Разумѣется, тѣмъ представленіемъ о данномъ лицѣ, какое онъ получилъ отъ прилежнаго изученія всей жизни человѣка, котораго онъ намѣренъ изобразить, всего его творчества. Изучая, онъ не долженъ пропускать ни одной доступной ему подробности; изображая, онъ принужденъ выбирать прежде всего тѣ подробности, на которыя опирается его представленіе о данномъ лицѣ. Онъ долженъ такъ подбирать свѣтовые и тѣневые эффекты, чтобы изъ нихъ составилось внѣшнее изображеніе, похожее на то, которое онъ самъ носитъ въ душѣ. Безъ сомнѣнія, это изображеніе, субъективно вѣрное,—*объективно* можетъ быть невѣрнымъ. Здѣсь все зависитъ отъ зоркости глаза, проницательности ума историка, уравновѣшенности суда, особой впечатлительности его духа къ тѣмъ или другимъ сторонамъ человѣческихъ характеровъ, наконецъ, отъ большаго или меньшаго обилія матеріала» [1]).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, обращаемся къ нашей задачѣ и остановимся на болѣе интересныхъ страницахъ монографіи, затрагивающихъ главнымъ образомъ тѣ моменты жизни Словацкаго, которые слабѣе другихъ представлены въ извѣстныхъ намъ книгахъ и статьяхъ о немъ на русскомъ языкѣ [2]).

Юлій Словацкій, подобно матери, отличался чрезвычайной эстетической впечатлительностью и почти болѣзненной наклонностью

---

1) W obronie własnej książki (odpowiedź prof. Chmielowskiemu).

2) Вопросы эти слѣдующіе: впечатлительность Словацкаго и отношеніе его къ природѣ; его одиночество среди друзей и потребность въ «духовномъ сліяніи»; первый толчекъ въ поэтическомъ творчествѣ Словацкаго, его честолюбивыя мечтанія, литературное вліяніе Мицкевича; отношеніе Словацкаго къ возстанію 1831 года; успѣхъ первыхъ печатныхъ произведеній и отношеніе къ Мицкевичу; «Кордьянъ» на фонѣ біографіи Словацкаго; отношеніе его къ Красинскому; поэма «Ангелли» и «Беневскій»; вліяніе Товянскаго. Въ заключеніи приведемъ общую оцѣнку всего поэтическаго образа Словацкаго.

къ мечтательности. Эта впечатлительность реагировала у него главнымъ образомъ на красоты природы,—и реакція всякій разъ оставляла въ душѣ поэта весьма глубокій, почти неизгладимый слѣдъ. «Чувство, которое будущій поэтъ испытывалъ при видѣ голубоглазой, вызолоченной солнцемъ, волнообразной и украшенной рощами природы, по словамъ проф. І. Третяка, было страннаго рода: ему казалось, что это—какая-то живая, шаловливая чародѣйка, которая забавляетъ его своими чарами, но сама прячется отъ него и только изъ своего убѣжища зоветъ его по имени:

Często, gdym stanął zamyślony w chłodzie,
Myślałem, że mię kto za ramię trąca,
Woła... ucieka... kryje się za drzewa,
Za kaskadami chowa się i śpiewa (т. I, стр. 11)[1]).

Эта чародѣйка «раскрывала передъ нимъ всѣ свои сокровища, пѣла ему лучшія свои пѣсни» (т. I, стр. 12). Иногда она становилась «и его наставницей, и его вѣрной утѣшительницей—послѣ постоянныхъ раздражающихъ и причиняющихъ боль столкновеній съ людьми» (т. I, 13).

Поэтъ любилъ ее горячей, нѣжной любовью и для изображенія ея красотъ всегда находилъ на своей палитрѣ самыя богатыя, самыя пышныя краски. Когда въ 1843 г., послѣ годичнаго витанія въ туманныхъ высяхъ мистической теоріи Товянскаго, Словацкій очутился на берегу океана, глазъ на глазъ съ природой, онъ писалъ матери:

«А эта вся природа, если бы ты знала, какъ она, теплая, ароматная и похожая на любящую женщину, взяла меня подъ свои крылья, приглашала къ отдыху, къ передышкѣ! Какъ она меня упрекала за то, что я долго посвящалъ себя лихорадочнымъ мыслямъ и забылъ о ней! Какъ она въ изгородяхъ чириканіемъ коноплянокъ, ароматомъ малины освѣжала меня, запрещала думать о трудѣ, о необходимости тащить эту телѣгу жизни, въ которой мы трудимся, какъ лошади! Какая она добрая и сострадательная для

---

1) «Часто, когда, задумавшись, я становился въ тѣни,
Мнѣ казалось, что кто-то касается моего плеча,
Зоветъ... убѣгаетъ... прячется за деревья,
За каскадъ прячется и поетъ».

Всѣ выписки, при которыхъ обозначены только томъ и страницы, сдѣланы изъ разбираемой книги.

утружденныхъ людей! Ты поблагодарила бы ее, что она въ теченіе мѣсяца замѣнила твое мѣсто возлѣ твоего сына» [1]).

Ни къ одной женщинѣ нашъ поэтъ не обращался никогда съ такими теплыми, задушевными, умилительно-трогательными словами. Собственно говоря, онъ ни одной и не любилъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Раздражительный, обидчивый, полный самомнѣнія и неимовѣрно тщеславный, Словацкій во всю жизнь ни разу не испыталъ не только истинной любви, но и истинной дружбы. Онъ всегда чувствовалъ себя одинокимъ. «Теперь нѣтъ у меня никого, — писалъ онъ матери изъ Швейцаріи,—кто скороталъ бы мнѣ дружеской бесѣдой малѣйшій моментъ жизни, никого, кто дружески пожалъ бы мнѣ руку. Виновата въ этомъ моя нелюдимая жизнь, виновата мѣстность, въ которой живу; наконецъ, во мнѣ таится что-то, такъ дѣйствующее на людей, что они никогда не могутъ сойтись со мной коротко. Я часто ищу въ глубинѣ своего сердца причины этому и не могу найти» [2]).

Такія жалобы нерѣдко попадаются въ письмахъ поэта къ матери. Мы находимъ ихъ даже въ тѣхъ, которыя писаны поэтомъ въ послѣдніе годы жизни, когда, погрузившись въ мистицизмъ, онъ иногда думалъ, что «получилъ обратно то очарованіе, которое поражаетъ людей любовью и связываетъ ихъ въ одинъ вѣнецъ». Въ маѣ 1845 г. онъ писалъ: «... хотя наружно я не одинъ, на самомъ дѣлѣ могу сказать, что я одинокъ», а за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью жаловался: «Обмороки и разочарованные духи людей, которые меня окружаютъ, иногда составляютъ для меня убійственный экстрактъ; мой духъ не умѣетъ жить съ людьми безъ духовнаго съ ними слiянія».

Какъ понималъ поэтъ это «духовное сліяніе», видно изъ слѣдующихъ его словъ: «... я жду, жду, словно чуда, чтобы кто-нибудь изъ этихъ людей вдругъ проснулся и заговорилъ *вполнѣ моимъ языкомъ*... Вообразишь ли ты себѣ пытку такого ожиданія? Часто я уже почти согласился бы пойти, какъ іезуитъ, и сердцемъ замагнетизировать любую женщину, *лишь бы имѣть что-нибудь вполнѣ на себя похожее*, хотя бы это была душа только артифиціальная

---

1) Listy, II, 186. Такъ вездѣ здѣсь будутъ цитироваться первые два тома писемъ Словацкаго, изданные Меўе (Méyet).

2) Listy, I, 282.

и покрашенная снаружи золотомъ и красками красоты. Но эта безбожная мысль продолжается недолго. Я предпочитаю ничего не имѣть, чѣмъ имѣть призракъ» [1]).

Конечно, при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи объ истинной дружбѣ. Словацкій встрѣтилъ въ жизни нѣсколькихъ человѣкъ, которыхъ онъ называлъ и искренно считалъ своими друзьями, но здѣсь, несомнѣнно, происходилъ невольный подмѣнъ понятій: то, что̀ считалось дружбой,—было скорѣе благоговѣніемъ, потому что поэтъ, по удачному опредѣленію новѣйшаго біографа, «любилъ *въ друзьяхъ самою себя*, т. е. любилъ ихъ за то, что они обожали его талантъ, признавали его духовную власть, покорялись его идеямъ» (т. I, 8).

Итакъ, отношеніе поэта къ людямъ было совсѣмъ другое, чѣмъ его отношеніе къ природѣ. «Люди раздражали его, мѣшали ему мечтать, а природа успокаивала и ложилась у ногъ его мечтаній, — говоритъ онъ дальше. — Онъ видѣлъ въ ней себя самого, символы своихъ собственныхъ душевныхъ состояній. Что касается мечтаній, то они измѣнялись съ теченіемъ жизни въ зависимости отъ разныхъ внѣшнихъ вліяній, но всегда истекали изъ одного источника, изъ самосозерцанія, изъ погруженія самого себя въ преувеличенный до крайности индивидуализмъ, говоря же точнѣе, изъ чистѣйшаго эгоизма. Живость впечатлѣній, богатство фантазіи давали ему съ дѣтства сознаніе его геніальности, превосходства надъ окружающими его людьми, а высочайшей цѣлью вожделѣній и мечтаній была возможность посмотрѣться въ широкое, какъ море, какъ міръ, зеркало славы. Какъ увидимъ, въ этомъ и состояла трагедія жизни Словацкаго. Природа, къ которой онъ склонялся, самые легкіе шорохи и вздохи которой онъ понималъ, не могла ему аплодировать, окружать его шумомъ и блескомъ славы, а сердца людей, которые одни и могли дать то, чего онъ желалъ съ такимъ напряженіемъ, были для него равнодушны, потому что онъ не попадалъ къ нимъ, не понималъ ихъ, не умѣлъ имъ сочувствовать» (т. I, 14).

Не будемъ повторять общеизвѣстныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о развитіи честолюбія въ будущемъ поэтѣ въ раннемъ дѣтствѣ, его оригинальной молитвѣ, о которой онъ вспоминалъ въ письмѣ къ матери за четыре года передъ смертью и т. д. Когда въ 1822 г. появляются въ Вильнѣ «Баллады» Мицкевича, а въ

1) Listy, II, 219, 220.

слѣдующемъ его же «Гражина» и «Дзяды», то вполнѣ естественно, что эти произведенія, встрѣченныя молодежью съ такимъ энтузіазмомъ, сыграли въ жизни отрока-Словацкаго роль толчка, который побудилъ его искать славы на поприщѣ новой, романтической поэзіи, тріумфальное шествіе которой происходило на его глазахъ. «Здѣсь, естественно, его вниманіе должно было обратиться прежде всего на Мицкевича,—говоритъ проф. Третякъ,—для его страстнаго желанія славы была намѣчена ближайшая цѣль: чтобы сдѣлаться самымъ славнымъ поэтомъ въ мірѣ, нужно было сперва обогнать того, кто становился самымъ славнымъ среди молодыхъ поэтовъ въ Польшѣ» (т. I, 23).

Не подлежитъ сомнѣнію, что вскорѣ послѣ появленія первыхъ произведеній Мицкевича, Словацкій сталъ сочинять стихи; но онъ не торопился печатать ихъ, «пока у него не явилось убѣжденіе, что они превзойдутъ блескомъ и, если не затмятъ другихъ, то, по крайней мѣрѣ, не дадутъ затмить себя» (т. I, 23, 24).

Въ половинѣ марта 1828 г. Словацкій получилъ новую поэму Мицкевича «Конрадъ Валленродъ» и съ жадностью принялся за чтеніе. Сохранился экземпляръ съ карандашными помѣтками поэта, изъ которыхъ видно, съ какимъ вниманіемъ поэтъ анализировалъ произведеніе своего главнаго соперника. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе насчетъ характеристики героя поэмы: «Все описаніе характера не ново». «Словацкій, который вскорѣ послѣ появленія «Валленрода» сталъ изучать англійскій языкъ и уже по истеченіи трехъ мѣсяцевъ довольно хорошо понималъ Байрона, зорко подмѣтилъ нѣкоторое родство Конрада съ героями Байрона, слѣдовательно, нѣкоторое подражаніе, — и это больное мѣсто произведенія соперника могло сдѣлать его смѣлымъ и поощрять помѣриться съ нимъ въ какой-нибудь схожей романтической повѣсти. Изъ этого поощренія и изъ этого желанія обогнать «Валленрода» въ байроновскомъ духѣ родился цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній Словацкаго: «Гуго», «Монахъ», «Янъ Бѣлецкій», «Миндовэ», «Марія Стюартъ», «Арабъ» и «Змѣя», написанныхъ въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ 1829-го до 1831-го» (т. I, 27).

Кончивъ въ 1828 году виленскій университетъ, Словацкій отдохнулъ полгода въ Кременцѣ послѣ «весьма легкихъ, — по его собственному признанію,—университетскихъ трудовъ» [1]) и затѣмъ,

---

1) Listy, I, 20.

согласно желанію матери, уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ прожилъ слишкомъ два года, состоя сверхштатнымъ чиновникомъ министерства финансовъ, управляемаго княземъ Любецкимъ. Здѣсь онъ написалъ рядъ произведеній, упомянутыхъ выше. Въ первомъ изъ нихъ— «Гуго», напечатанномъ безъ подписи автора въ альманахѣ 1830 года, являются отголоски «Гражины», «Конрада Валленрода» и произведеній Байрона. Поэтъ не далъ въ немъ ничего своего собственнаго. Характерно то, Словацкій воспользовался только, такъ сказать, декоративными элементами поэмъ Мицкевича, не затрагивая совершенно ярко выступающаго въ нихъ патріотическаго чувства. «Еще не подоспѣло время для патріотическаго турнира», говоритъ по этому поводу І. Третякъ (т. I, 29), но оно было уже очень близко.

Ночь на 17-ое ноября 1830 года явилась для Словацкаго полной неожиданностью. Такъ слѣдуетъ думать хотя бы на основаніи его произведеній, написанныхъ раньше возстанія. Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ и слѣда патріотическаго чувства. «Но головокружительный жаръ, охватившій Варшаву въ первые дни возстанія, и сопровождавшія его обманчивыя надежды разогрѣли фантазію Словацкаго и повернули ее въ патріотическомъ направленіи. Представлялся притомъ случай снискать у возбужденной толпы большую популярность и нѣкоторымъ образомъ замѣнить Мицкевича, который былъ далеко и не могъ своею пѣснью руководить теперь возстаніемъ» (т. I, 31).

И вотъ, въ самомъ началѣ возстанія Словацкій пишетъ «Оду къ свободѣ», «Гимнъ къ Богородицѣ», «Кулигъ» и «Пѣснь литовскаго легіона». Эти злободневныя, бьющія на эффектъ стихотворенія произвели сильное впечатлѣніе и сразу доставили Словацкому громкую извѣстность. Впрочемъ, скоро онъ выѣхалъ изъ Варшавы за границу, въ нерѣшительности: одобритъ ли мать его поступокъ. Изъ Бреславля, мѣста первой остановки, онъ писалъ матери: «*Согласно съ желаніемъ* любимой мамаши, *которое даже слишкомъ отвѣчало моему желанію*, я уѣхалъ заграницу и теперь съ трепетомъ ожидаю письма отъ любимой мамаши, *не зная, понравится ли мамашѣ мой выѣздъ, или нѣтъ*». Въ слѣдующемъ письмѣ, отправленномъ изъ Дрездена, находимъ еще одно противорѣчіе: «Нужно было итти на войну, *у меня было къ тому даже слишкомъ много охоты*» [1]).

1) Listy, I, 41.

Мѣсяца четыре спустя, случай помогъ Словацкому до извѣстной степени облегчить свою совѣсть: ему поручили свезти въ Лондонъ важныя депеши. Онъ исполнилъ порученіе и, послѣ пятинедѣльнаго пребыванія въ столицѣ Англіи, переѣхалъ жить въ Парижъ. Пріѣхавъ въ Парижъ, Словацкій сталъ хлопотать объ изданіи первыхъ двухъ томовъ своихъ произведеній, сочиненныхъ въ Варшавѣ. Несмотря на господствующее въ нихъ ультра - байроновское настроеніе, вызванное желаніемъ молодого автора превзойти Байрона въ пессимизмѣ, несмотря на частыя подражанія Мицкевичу, Мальчевскому и Гощинскому, эти произведенія подкупили публику своими внѣшними достоинствами: художественностью и блескомъ слога, безукоризненностью и легкостью стиха.

Мицкевича тогда не было въ Парижѣ, и Словацкій съ нетерпѣніемъ ждалъ его пріѣзда, желая узнать мнѣніе великаго соперника о своихъ произведеніяхъ. Наконецъ, 31-го іюля 1832 года онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Сегодня пріѣхалъ Мицкевичъ въ Парижъ, но я первый не пойду къ нему; если онъ захочетъ познакомиться со мною, тогда хорошо...» [1]). Припомнимъ, что Мицкевичъ былъ десятью годами старше Словацкаго и пользовался громкой извѣстностью, когда тотъ еще сидѣлъ на школьной скамейкѣ. Несмотря на это, Словацкій требовалъ, чтобы Мицкевичъ первый сдѣлалъ ему визитъ.

Соперники встрѣтились въ обществѣ и наговорили другъ другу комплиментовъ [1]). Спустя нѣсколько дней, Словацкій записалъ въ дневникѣ, что Мицкевичъ назвалъ его стихотворенія «прекраснымъ по архитектурѣ храмомъ, въ которомъ нѣтъ Бога». Какой смыслъ имѣло это сравненіе? «Съ одной стороны,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ І. Третякъ,—оно, несомнѣнно, было одобреніемъ внѣшности поэмы, звучности стиха и языка, живописности слога, съ другой, указывало на отсутствіе всякихъ религіозныхъ и общественныхъ идеаловъ, замѣненныхъ погонею за эффектомъ, слѣдствіемъ которой явилось щеголяніе въ самыхъ яркихъ нарядахъ байронизма. Не забудемъ, что Мицкевичъ высказалъ это мнѣніе о Словацкомъ уже какъ авторъ третьей части «Дзядовъ»,—какъ тотъ, который далъ рѣшительную побѣду духу христіанскаго смиренія надъ духомъ байроновской гордыни. Въ поэзіи Словацкаго онъ находилъ апоѳеозъ

---

1) Listy, I, 125.
1) Listy, I, 129, 132.

этой гордыни, и этотъ апоѳеозъ тѣмъ болѣе могъ его коробить, чѣмъ менѣе онъ находилъ у Словацкаго искренности чувства и оригинальности помысловъ» (т. I, 46).

Словацкій вскорѣ получилъ третью часть «Дзядовъ», и только тогда понялъ истинное значеніе словъ Мицкевича. Но въ новомъ произведеніи своего соперника онъ нашелъ, кромѣ комментарія къ этимъ словамъ, еще что-то гораздо худшее, возмутившее его до глубины души, именно—своего отчима, доктора Бэкю, въ роли гонителя филаретовъ и клеврета Новосильцева. Съ того момента Словацкій возненавидѣлъ Мицкевича. Сначала онъ хотѣлъ даже вызвать его на дуэль, но потомъ раздумалъ и ограничился тѣмъ, что, не желая стать предметомъ непріятнаго вниманія польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ, уѣхалъ въ Женеву.

На пятый день послѣ пріѣзда въ Швейцарію Словацкій извѣщалъ свою мать, что онъ собирается напечатать новую поэму, «такъ какъ чувствуетъ непремѣнную надобность опять появиться въ литературномъ мірѣ» [1]).

Дѣйствительно, въ началѣ мая 1833 года поступилъ въ продажу третій томъ сочиненій Словацкаго, въ составъ котораго вошла поэма «Лямбро», нѣсколько мелкихъ стихотвореній и коротенькая автобіографическая поэма «Часъ раздумія», «много превышающая «Лямбра» искренностью чувства — одна изъ прекраснѣйшихъ, чистосердечнѣйшихъ поэмъ Словацкаго» (т. I, 61).

Въ примѣчаніяхъ Байрона къ его «Невѣстѣ изъ Абидосъ» Словацкій нашелъ извѣстіе о Лямбро и о Ригѣ, двухъ славнѣйшихъ борцахъ за греческую свободу. Байронъ познакомилъ его и съ военной пѣснью Риги: «Возстаньте, чада Греціи!» Эта пѣснь обратила вниманіе Словацкаго на греческихъ героевъ и дала ему тему для новой поэмы. Какъ авторъ революціонныхъ гимновъ, онъ сравнивалъ себя съ Ригой, въ лицѣ же Лямбро хотѣлъ дать героя нашего вѣка [2]). Поэма была готова уже тогда, когда печатались первые два тома стихотвореній, но поэтъ благоразумно оставилъ ее на-послѣ, «чтобы имѣть что-нибудь, чѣмъ можно было бы напомнить о себѣ публикѣ»

Словацкій скрылъ отъ матери настоящую причину своего выѣзда изъ Парижа, — и только по истеченіи года, когда мать уже

1) Listy, I, 167.

2) Предисловіе къ «Лямбро».

узнала обо всемъ, онъ упоминалъ объ этомъ прискорбномъ фактѣ. «Мнѣ остается, — говоритъ онъ въ письмѣ отъ 30-го ноября 1833 года, — только одно: покрыть тебя, мать моя, лучами такой славы, чтобы тебя не могли поразить другія стрѣлы людей... И я непремѣнно сдѣлаю это. Самъ Богъ меня вдохновилъ, такъ какъ Онъ развернулъ въ моемъ воображеніи великое произведеніе. Первую часть чрезъ нѣсколько дней посылаю въ типографію и теперь переписываю. Повѣрь мнѣ, дорогая мать, что, написавъ это произведеніе, я оцѣнилъ его съ разсудительностью посторонняго человѣка... Я печатаю безыменно: этимъ борьба съ Адамомъ (Мицкевичемъ) будетъ болѣе равная».

«Великое произведеніе» было задумано въ формѣ трилогіи, но оно осталось неоконченнымъ. Поэтъ написалъ только первую его часть подъ заглавіемъ «Кордьянъ». Когда онъ ее еще только обдумывалъ, появилась новая поэма («Дѣянія Вацлава») второстепеннаго поэта Гарчинскаго, написанная подъ очевиднымъ вліяніемъ третьей части «Дзядовъ». Она много помогла Словацкому, который, умѣя, какъ нельзя лучше, комбинировать, украшать и развивать чужіе мотивы, съ большимъ трудомъ создавалъ ихъ самъ. Познакомившись съ этой поэмой, онъ сталъ работать необыкновенно быстро и въ двадцать дней написалъ 2200 стиховъ [1]). «Кордьянъ», подобно «Дзядамъ», написанный въ формѣ полуфантастической драмы, развернутой на политическомъ фонѣ,—долженъ былъ изобразить исторію духа поэта, въ сердцѣ котораго любовь къ родинѣ вытѣснила всѣ другія чувства. Былъ ли въ исторіи духа Словацкаго матеріалъ для такой драмы? Конечно, нѣтъ, его пришлось выдумывать, и это обстоятельство, по мнѣнію біографа, «по всей вѣроятности, являлось одной изъ причинъ анонимнаго изданія «Кордьяна». Разъ поэтъ отождествлялся со своимъ героемъ, на что указываютъ многія мѣста драмы, онъ подвергался сравненію съ нимъ въ патріотическомъ отношеніи, а это сравненіе неизбѣжно влекло за собою нелестные для поэта выводы. Стремящійся къ самопожертвованію Кордьянъ и поэтъ, бѣгущій изъ Варшавы въ разгаръ возстанія, составляли слишкомъ рѣзкую дисгармонію» (т. I, 70).

Не будучи по натурѣ своей патріотомъ, Словацкій не умѣлъ создавать искренно-патріотическихъ типовъ, и Кордьянъ въ этомъ отношеніи—типъ, вполнѣ неудавшійся, искусственный и ходульный.

---

1) Listy I, 217.

Но онъ является живымъ, оригинальнымъ и интереснымъ, если посмотрѣть на него съ другой точки зрѣнія. Кордьянъ одаренъ лихорадочно-подвижнымъ воображеніемъ и подверженъ галлюцинаціямъ. Эта черта дѣлаетъ его «роднымъ братомъ Лямбра, котораго подъ вліяніемъ маковаго напитка окружаютъ лихорадочныя видѣнія; они оба носятъ на себѣ отпечатокъ воображенія самого поэта» (т. I, 75).

Подъ вліяніемъ отзыва анонимнаго рецензента въ «Le Polonais», отозвавшагося съ похвалой о свободномъ отношеніи поэта къ исторической обстановкѣ (право *mendax poeta*),—Словацкій задумываетъ «Баллядыну», трагедію изъ до-исторической эпохи. Вскорѣ послѣ окончанія «Баллядыны», весной 1835 года Словацкій узналъ, что его мать собирается за границу вмѣстѣ съ Янушевскими [1]). Какъ принялъ поэтъ это извѣстіе? — Проф. Третякъ думаетъ, что онъ былъ радъ повидаться съ матерью, но надъ этимъ желаніемъ имѣлъ верхъ страхъ, что этотъ выѣздъ можетъ пошатнуть ихъ денежныя дѣла; ему же такъ нужны были деньги не только для своего содержанія, но для изданія своихъ все новыхъ и новыхъ поэтическихъ произведеній» (т. I, 92). Такой нелестный для Словацкаго выводъ прекрасно обосновывается слѣдующимъ отрывкомъ изъ его письма: «Итакъ, мамаша... только поразсуди хорошенько, не убьетъ ли насъ совершено пріостановка обыкновенныхъ нашихъ дѣлъ. Если всѣ наши дебиторы—честные люди, если ты съ Ѳеофиломъ [2]) будете въ состояніи положить въ кошелекъ 4000 франковъ, т.-е. третью часть расходовъ, если выплатятъ тебѣ проценты за слѣдующій годъ, если ты увѣрена, что, вернувшись, найдешь все въ неизмѣнномъ состояніи,—поѣзжай, пріѣзжай» [3]). Получивъ отъ сына такой совѣтъ, мать рѣшила остаться дома, и Янушевскіе одни уѣхали въ Италію.

Въ начальныхъ строкахъ слѣдующаго затѣмъ письма Словацкаго чувствуется прямо-таки лицемѣріе. Вотъ эти строки: «Возлюбленнѣйшая моя мамаша... Я не стану здѣсь писать тебѣ, какъ я огорченъ твоимъ рѣшеніемъ... Дѣло сдѣлано... Итакъ, да измѣнитъ это Всевышній Промыслъ къ лучшему, да соединитъ насъ рука Бога когда-нибудь послѣ... Твое короткое письмо показало мнѣ, какъ ты

---

1) Братъ матери поэта и его жена.

2) Янушевскій.

3) Listy, I, 293.

должна была страдать, мамаша, при видѣ уѣзжающихъ Янушевскихъ; вѣдь я часто страдаю, когда вижу ласточекъ, летящихъ на сѣверъ»[1]).

Поэтъ не только не былъ огорченъ, но даже «довольно весело проводилъ время» на вечеринкахъ[2]) и на прогулкахъ[3]). Развлеченія шли вперемежку съ творческой работой, и Словацкій нерѣдко просиживалъ до двухъ часовъ ночи надъ новой драмой, «все вывозя матеріалъ изъ шекспировскаго лѣса» (т. I, 93). Эта драма[4]) должна была вмѣстѣ съ «Баллядыной» лежать въ портфелѣ поэта и ждать болѣе благопріятнаго времени, когда явятся деньги или издатели.

Боясь, что придется долго ждать, Словацкій сталъ подумывать о выгодной женитьбѣ, которая «могла бы вывести его изъ затруднительнаго положенія и открыть ему всѣ заставы на пути къ славѣ» (т. I, 93). Случайная встрѣча съ Маріей Водзинской, дѣвицей некрасивой и богатой, конечно, была случайностью въ жизни Словацкаго, и онъ скоро убѣдился, что его любовь къ Маріи была только самообманомъ. Послѣ этой неудачной попытки «обвиться на рѣкѣ жизни вокругъ бѣлаго цвѣтка и заснуть», какъ выразился онъ самъ въ письмѣ къ матери, Словацкій прожилъ въ Швейцаріи еще полгода. Послѣдніе мѣсяцы оставались попрежнему «вѣчно продолжающимся воскресеньемъ»[5]), на это было воскресенье необыкновенно скучное и грустное. Даже вдохновеніе измѣнило, и голова поэта сдѣлалась похожей на «незажженный фонарь»[6]). Въ половинѣ февраля 1836 года Словацкій уѣхалъ въ Римъ, гдѣ его давно уже дожидались Янушевскіе.

Изъ числа молодыхъ соотечественниковъ Словацкаго, съ которыми онъ познакомился въ Римѣ, и которые «съ жадностью пожирали»[7]) плоды его вдохновенія, одинъ сыгралъ очень видную роль въ его жизни. Это былъ Сигизмундъ Красинскій, уже тогда авторъ «Небожественной Комедіи» и «Иридіона». Словацкій нашелъ въ немъ не только друга, но и цѣнителя, постигающаго всѣ тонкости его поэзіи и преклоняющагося передъ ней. На отрицательныя сто-

---

1) Listy, I, 296.
2) Listy, I, 296.
3) Listy, I, 302.
4) Она издана по смерти автора подъ заглавіемъ: «Горштынскій».
5) Listy, I, 237; II, 91.
6) Listy, I, 319.
7) Listy, II, 5.

роны этой поэзіи, на ея мелодраматичность и дѣланность, Красинскій слабо реагировалъ. Вѣдь еще такъ недавно его собственныя произведенія были полны театральной шумихи и, по вычурности и кричащей яркости слога, очень близко подходили къ лубочному искусству! Правда, уже въ «Небожественной Комедіи» онъ отрѣшился отъ этихъ недостатковъ и осудилъ ихъ, какъ романтическую ложь, но все-таки въ немъ замѣчалось кое-что изъ прежней привычки, и его слогъ навсегда остался ходульнымъ.

На Словацкаго знакомство съ Красинскимъ повліяло чрезвычайно благотворно. Красинскій «поднималъ его мысль къ небу, поощрялъ къ разрѣшенію жизненныхъ диссонансовъ въ высшей гармоніи и, съ жаромъ исповѣдывая вѣру въ громадность таланта Словацкаго. рождалъ въ немъ увѣренность въ его великую миссію» (т. I, 103)

Послѣ отъѣзда Красинскаго изъ Рима, Словацкій переѣхалъ вмѣстѣ съ Янушевскими въ Неаполь, но шумный городъ утомлялъ поэта, и онъ уѣхалъ въ Сорренто, гдѣ пробылъ мѣсяцъ, «проводя цѣлые дни съ самимъ собою и съ Шекспиромъ» [1]).

Вскорѣ послѣ этого Словацкому удалось осуществить намѣреніе, «давно имъ задуманное, но нѣсколько разъ оставляемое, какъ слишкомъ страшное предпріятіе» [2]). Это было путешествіе на востокъ—черезъ Грецію и Египетъ — въ Палестину. Настроеніе поэта во время пути лучше всего отразилось въ поэмѣ «Podróż na Wschód», гдѣ онъ, между прочимъ говоритъ:

Przypisek winien być pisany prozą,
Lecz ja nie mogę pisać tylko wierszem.
Ktoby pomyślał, że mnie rymy wiozą,
Że sobie konno usiadłem na pierwszym,
A za mną drugi jedzie krok za krokiem
Rym z parasolem, z płaszczem i z tłómokiem [3]).

1) Listy, II, 18.
2) Listy, II, 22.
3) «Примѣчаніе должно быть писано прозой,
Но я не могу писать (иначе), только стихами.
Кто-нибудь могъ бы подумать, что меня везутъ риѳмы,
Что я сѣлъ себѣ верхомъ на первую,
А за мною вторая ѣдетъ шагъ за шагомъ—
Риѳма съ зонтикомъ, съ плащомъ и съ узломъ».

Наиболѣе важнымъ результатомъ путешествія оказалась оригинальная поэма, написанная въ монастырѣ Бельхешбанъ (въ Ливанѣ) подъ заглавіемъ «Ангелли».

Идея ея явилась слѣдствіемъ размышленій поэта о смыслѣ своей жизни и объ ея значеніи для жизни народа. Самъ онъ ни на минуту не сомнѣвался въ своей геніальности, въ томъ, что онъ созданъ для совершенія великаго подвига. Но почему люди не признаютъ его геніальности? Почему онъ скитается одинокій, вдали отъ родины и отъ родныхъ? Какой подвигъ предстоитъ ему совершить?— Наконецъ, былъ найденъ вполнѣ удовлетворившій поэта отвѣтъ на всѣ эти жгучіе вопросы. «Разъ, вмѣсто тріумфовъ, жизнь принесла ему страданія, то очевидно, онъ былъ предназначенъ для того, чтобы по отношенію къ своему народу сыграть роль Христа—роль искупающей жертвы» (т. I, 124). Такой именно жертвой и является Ангелли, т.-е. человѣкъ съ ангельской душою, въ лицѣ котораго Словацкій изобразилъ самого себя.

Былъ ли правъ поэтъ, называя душу свою ангельской? До извѣстной степени былъ правъ. «Его презрѣніе къ «поѣдателямъ хлѣба», мечтательность, взглядъ на посмертную славу, какъ на нѣчто высшее всѣхъ земныхъ благъ, наконецъ, необыкновенное цѣломудріе, отсутствіе въ его жизни всякаго цинизма и чувствительности, по убѣжденію проф. I. Третяка, дѣйствительно придаютъ его душѣ нѣкоторыя ангельскія черты» (т. I, 122). Словацкій былъ весьма доволенъ своей новой поэмой и придавалъ ей такое значеніе, что, возвращаясь въ Италію моремъ, подумывалъ, не запрятать ли ее въ бутылку, чтобы въ случаѣ кораблекрушенія «оставить что-нибудь послѣ себя» [1]).

Пріѣхавъ въ Италію, онъ намѣревался провести зиму во Флоренціи, а весною поѣхать въ Парижъ «съ книгой подъ мышкой, какъ ученикъ, въ платьѣ, запачканномъ чернилами, съ воткнутымъ за ухо перомъ и опять отвѣсить царицѣ-славѣ низкій поклонъ» [2]). Однако этотъ планъ былъ выполненъ не совсѣмъ точно: поэтъ прожилъ во Флоренціи долѣе, чѣмъ предполагалъ. За три дня до выѣзда въ Парижъ у него неожиданно второй и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній разъ явилась надежда «обвиться вокругъ бѣлаго цвѣтка на рѣкѣ жизни и заснуть»,—и онъ рѣшилъ остаться, не-

---

1) Listy, II, 58.
2) Listy, II, 72.

смотря на то, что его сердце «было совершенно холодно» [1]). Но отношенія къ Мощенской, какъ самъ онъ прекрасно понялъ это, были такія же, какъ и къ Воздзинской, почему изъ намѣреній Словацкаго не вышло ничего.

Пріѣхавъ въ Парижъ подъ конецъ 1838 г., Словацкій, сейчасъ сталъ хлопотать объ изданіи своихъ новыхъ произведеній, написанныхъ за послѣдніе годы. «Ангелли» уже былъ изданъ и напомнилъ публикѣ о поэтѣ, который молчалъ въ теченіе почти пяти лѣтъ. Вслѣдъ за «Ангелли» появились на книжномъ рынкѣ слѣдующія новыя поэмы и драмы Словацкаго, отдѣленныя другъ отъ друга коротенькими промежутками времени: «Поэма Пяста Дантышка объ адѣ», «Въ Швейцаріи», «Отецъ зачумленныхъ», «Вацлавъ», «Мазепа», «Баллядына» и «Лилля Венеда».

Но и эти произведенія не ввели поэта въ храмъ славы, несмотря на то, что среди нихъ находились такіе шедевры, какъ «Въ Швейцаріи» и «Отецъ зачумленныхъ». У дверей этого храма поэту пришлось простоять еще года полтора, и только послѣ изданія «Беневскаго» онъ вступилъ въ него, какъ тріумфаторъ, и «крѣпко усѣлся въ креслѣ изъ слоновой кости» [2]).

Появленіе «Беневскаго» было вызвано желаніемъ Словацкаго, съ одной стороны, свести личные счеты съ тѣми журнальными рецензентами, которые нерѣдко давали язвительно-злые отзывы объ его произведеніяхъ, съ другой — затмить соперниковъ и обворожить читателей выставленіемъ на показъ всей обаятельной прелести своего слога и баснословной гибкости языка. «Можно сказать, — говоритъ I. Третякъ, — что каждая пѣсня «Беневскаго» исполняла эту двойную задачу: плѣнять читателей и издѣваться надъ недругами» (т. I, 205). Словацкій сперва не думалъ задѣвать здѣсь своего главнаго соперника, Мицкевича, но, прочитавъ въ одномъ изъ польскихъ журналовъ сплетню, будто Мицкевичъ отказалъ ему въ званіи поэта на томъ основаніи, что въ немъ «нѣтъ вѣры и любви» [3]), онъ рѣшилъ окончательно раздѣлаться съ врагомъ. Желая скрыть настоящій источникъ своей вражды, Словацкій попытался обосновать ее разногласіемъ въ вопросахъ вѣры и политики.

Малодушные люди, «червяки» «пресмыкающаяся тварь», ищутъ Бога «въ молитвахъ и благотворительныхъ дѣлахъ», но Его

---

1) Listy, II, 128.
2) Listy, II, 149.
3) Tygodnik literacki, 1841, № 8.

тамъ нѣтъ; Его можно найти «среди большихъ степей, при безжизненномъ солнцѣ, когда могильное подножіе всѣхъ крестовъ кажется кровью и кривымъ пламенемъ... А вдали гдѣ-то грохочетъ море бурьяна, могилы вопіютъ страшнымъ голосомъ, саранча развернетъ траурныя радуги, гирлянда могилъ идетъ куда-то и исчезаетъ». Этотъ Богъ «любитъ шумный полетъ громадныхъ птицъ, и Онъ не обуздываетъ взбѣшенныхъ коней... Онъ—огненное перо на гордыхъ шишакахъ... Его часто умолитъ великій подвигъ, а не праздная слеза, оброненная у церковнаго порога»... Передъ такимъ Богомъ поэтъ «падаетъ ницъ». Этотъ Богъ поручилъ поэту «защищать будущее», и потому онъ не пойдетъ по ложному пути, указанному Мицкевичемъ, а по своему собственному, и народъ пойдетъ за нимъ. «Если онъ (народъ) захочетъ любить, — говоритъ Словацкій— я дамъ ему лебединые голоса, чтобы онъ воспѣвалъ свою любовь. Если онъ захочетъ проклинать, онъ будетъ проклинать черезъ меня; если онъ захочетъ пылать, я буду разогрѣвать (его), поведу (его) туда, гдѣ Богъ—въ безмѣріе—всюду. Во имя меня онъ будетъ проливать кровь и слезы. Мое знамя никогда не измѣнитъ ему, оно ведетъ днемъ, какъ солнце, ночью, какъ огонь».

Словацкому не легко было противопоставить политической программѣ Мицкевича свою, потому что никакой подобной программы у него не было. Ее пришлось сочинить, и здѣсь «Словацкій воспользовался нѣкоторымъ своимъ отличіемъ отъ Мицкевича—отличіемъ, въ которомъ, благодаря Красинскому, онъ давалъ себѣ ясный отчетъ, именно тѣмъ, что его поэтическій геній былъ антитезой генія Мицкевича, что, какъ тотъ, Мицкевичъ, является по своему характеру центростремительной силой, такъ его — центробѣжной. И потому, якобы указывая путь, по которому онъ намѣренъ вести народъ, Словацкій не сумѣлъ сказать ничего больше, какъ этотъ стихъ, который хорошо изображалъ центробѣжность его души, но, какъ выраженіе политическихъ убѣжденій, былъ безсодержательной фразой:

«Я поведу (его) туда, гдѣ Богъ—въ безмѣріе—всюду».

«Кто ведетъ всюду,—удачно замѣчаетъ новый біографъ,—тотъ не ведетъ никуда» (т. I, 285).

Какъ и на Мицкевича, огромное вліяніе на Словацкаго оказалъ извѣстный мистикъ Товянскій. Словацкій познакомился съ нимъ 12-го іюля 1842 года, а на слѣдующій день онъ написалъ стихотвореніе, изъ котораго видно, что сила впечатлѣнія, полученнаго поэтомъ отъ этой встрѣчи съ «учителемъ», была громадна.

Вотъ это стихотвореніе:

Idea wiary nowa rozwinięta
W błyśnieniu jednem zmartwychwstała we mnie
Cała, gotowa do czynu i święta.
Więc niedaremnie! o! niedaremnie
Snu śmiertelnego porzuciłem łoże.
Tak mi dopomóż Chryste Panie Boże!
Mały ja, biedny, ale serce moje
Może pomieścić ludzi miliony.
Ci wszyscy ze mnie będą mieli zbroję
I ze mnie piorun będą mieć czerwony,
I z mego szczęścia—do szczęścia podnoże.
Tak mi dopomóż Chryste Panie Boże!
Zato spokojność już mam i mieć będę,
I będę wieczny, jak te, które wskrzeszę,
I będę mocny, jak to, co zdobędę,
I będę szczęsny, jak to, co pocieszę,
I będę stworzon, jak rzecz, którą stworzę!
Tak mi dopomóż Chryste Panie Boże!
Chociaż usłyszę głosy urągania,
Nie dbam, czy wzrastać będę, czy ucichać.
Jest to w godzinie wielkiej zmartwychwstania
Szmer kości, który na cmentarzach słychać.
Lecz się umarłych zgrają nie zatrwożę.
Tak mi dopomóż Chryste Panie Bożę!
Widzę wschód jeden tylko otworzony
I drogę ducha tylko jednobramną...
Trzymając w górę palec podniesiony
Idę z przestrogą; kto żyw, pójdzie za mną!
Pójdzie, chociażbym wszedłszy szedł przez morze.
Tak mi dopóż Chryste Panie Boże!
Drugi raz pokój dany jest na ziemi
Tym, którzy miłość mają i ofiarę...
Dane zwycięstwo jest nad umarłemi,
Dano jest wskrzeszać tych, co mają wiarę..
Na reszcie trumien—Ja—pieczęć położę.
Tak mi dopomóż Chryste Panie Boże!
Lecz tym, co idą, nie przez czarnoksięstwa,
Ale przez wiarę dam, so sam Bóg daje.

W ich usta włożę komendę zwycięstwa,
W ich oczy—ten wzrok, co zdobywa kraje,
Ten wzrok, któremu nie dotrwać nie może,
Tak mi dopomóż Chryste Panie Boże!
Z pokorą teraz padam na kolana,
Abym wstał silnym Boga robotnikiem.
Gdy wstanę, mój głos będzie głosem Pana,
Mój krzyk—ojczyzny całej będzie krzykiem,
Mój duch—Aniołem, co wszystko przemoże.
Tak mi dopomóż Chryste Panie Boże![1]).

---

1) «Новая, развитая идея вѣры,
Какъ молнія, воскресла во мнѣ—
Вся, готовая дѣйствовать и святая.
Итакъ, не даромъ! о! не даромъ
Я оставилъ ложе смертнаго сна:
Да поможетъ мнѣ Христосъ Господь Богъ!
Я малъ, бѣденъ, но мое сердце
Можетъ вмѣстить милліоны людей.
Они всѣ изъ меня будутъ имѣть доспѣхи
И изъ меня будутъ имѣть красный громъ,
И изъ моего счастія—къ счастію подножіе.
Да поможетъ мнѣ Христосъ Господь Богъ!
Зато я уже имѣю спокойствіе и буду имѣть,
И буду безсмертенъ, какъ тѣ, которыхъ я воскрешу,
И буду силенъ, какъ то, которымъ я овладѣю,
И буду счастливъ, какъ то, которое я утѣшу,
И буду созданъ, какъ вещь, которую я создамъ.
Да поможетъ мнѣ Христосъ Господь Богъ!
Хотя я услышу насмѣшливые голоса,
Для меня безразлично, будутъ ли они возрастать или утихать.
Это—шорохъ костей, слышный на кладбищахъ,
Въ великій часъ воскресенія.
Но я не испугаюсь толпы умершихъ.
Да поможетъ мнѣ Христосъ Господь Богъ!
Я вижу только одинъ открытой восходъ
И только одновратный путь для духа...
Съ поднятымъ вверхъ перстомъ
Иду предостерегая; живые пойдутъ за мною!
Пойдутъ, хотя бы, войдя, я пошелъ по морю.
Да поможетъ мнѣ Христосъ Господь Богъ!
Во второй разъ данъ миръ на землѣ
Тѣмъ, въ которыхъ имѣются любовь и жертвы...
Дана побѣда надъ умершими,
Дана власть воскрешать тѣхъ, которые вѣруютъ...

Въ этомъ стихотвореніи, по словамъ I. Третяка, «кроется уже зерно «Короля Духа», который только спустя четыре года сталъ воплощаться въ поэтическихъ образахъ. Словацкій уже глубоко вѣруетъ здѣсь въ свое предназначеніе, какъ духа-вождя народа, въ свое посредничество между Богомъ и народомъ. Когда съ этимъ соединятся идея метампсихоза и желаніе объяснить судьбу Польши, замыселъ «Короля-Духа» будетъ полный» (т. I, 378). Если припомнимъ сильное вліяніе Тавянскаго на всѣхъ, въ комъ по природѣ были зачатки мистицизма, всю «систему» его туманной и завлекательной доктрины, ученіе о «реализаціи духа въ плоти», стройность эволюціоннаго начала въ его пониманіи мiровыхъ вопросовъ, нѣкоторую подготовленность самого Словацкаго къ воспріятію этой доктрины («Часъ раздумія»), наконецъ, умѣніе «учителя» увѣрять всѣхъ своихъ адептовъ, что у нихъ—«великое предназначеніе», то насъ не должно удивлять, что Словацкій очень быстро и рѣшительно поддался вліянію Товянскаго. Этотъ переломъ не могъ не отразиться и на творчествѣ Словацкаго,—и дѣйствительно мы видимъ, что всѣ многочисленныя произведенія поэта, написанныя за послѣдніе годы его жизни [1]), носятъ глубокій отпечатокъ новаго

На остальные гробы—Я—наложу печать.
Да поможетъ мнѣ Христосъ Господь Богъ!
Но тѣмъ, которые идутъ не съ помощью волшебствъ,
Но съ помощью вѣры, я дамъ, что даетъ самъ Богъ,
Въ ихъ уста я вложу команду побѣды.
Въ ихъ глаза—тотъ взоръ, что овладѣваетъ странами,
Тотъ взоръ, передъ которымъ ничто не можетъ устоять.
Да поможетъ мнѣ Христосъ Господь Богъ!
Теперь я смиренно падаю на колѣна,
Чтобъ встать крѣпкимъ работникомъ Бога.
Когда я встану, мой голосъ будетъ голосомъ Господа,
Мой крикъ будетъ крикомъ всей родины,
Мой духъ—ангеломъ, который все превозможетъ.
Да поможетъ мнѣ Христосъ Господь Богъ»!

1) Перечислимъ болѣе извѣстныя: «Кракусъ», «Валленродъ», «Беатриче Ченчи», «Беневскій» (драма), «Золотой Черепъ» (конецъ 1839 и нач. 1840); шесть дальнѣйшихъ пѣсенъ «Беневскаго» и «Фантазіи» (отъ лѣта 1841 до лѣта 1842); «Поэтъ и вдохновеніе» (конецъ 1842, нач. 1843), «Ксендзъ Маркъ» (1843), «Серебряный сонъ Саломеи» (1843), «Непоколебимый князь» (кон. 1843), «Генезисъ отъ Духа» (1844), «Самуилъ Зборовскій» (1844), «Агезилай-Агисъ», «Завиша Черный», «Изъ исторіи Вел. Новгорода», «Къ автору трехъ псалмовъ», «Бесѣда съ матерью Макриной Мечеславской» (1845), «Апостольское письмо», «Изложеніе ученія», «Ѳеогонія», «Къ князю А. Ч.» (1846), «Король-Духъ» (1846), «О необходимости идеи» (1847), «Къ Людовику Норвиду» (1846), «Голосъ брата Юлія Словацкаго»... (1848).

душевнаго состоянія ихъ автора. Въ этомъ отношеніи особенно характерны «Генезисъ отъ Духа» и «Король-Духъ».

Въ первомъ изъ нихъ Словацкій хотѣлъ открыть людямъ всѣ тайны жизни и смерти и потому, ни на минуту не сомнѣваясь въ достиженіи намѣченной цѣли, считалъ это произведеніе «самымъ важнымъ изъ всѣхъ, когда-либо имъ написанныхъ, заключающимъ въ себѣ альфу и омегу міра». Полагая, что еще рано освѣщать міръ «солнцемъ знанія», что надо подготовить людей къ воспріятію истины, онъ оставилъ «Генезисъ отъ Духа» въ рукописи—для будущихъ поколѣній.

Другія задачи рѣшаетъ «Король Духъ», поэма par exellence субъективная. Она является, по опредѣленію I. Третяка, «великимъ храмомъ, который поэтъ строилъ передъ смертью, чтобы сложить въ немъ всѣ сокровища своего мистическаго знанія, развѣсить всѣ волшебства своего воображенія и въ центрѣ поставить статую для своего духа... Однимъ словомъ, «Король-Духъ»—синтезъ Словацкаго, какъ человѣка и поэта. Его ангелизмъ, его пареніе въ заоблачныхъ высяхъ, его сомообожествленіе, его волшебный слогъ при недостаткѣ послѣдовательности—всѣ положительныя и отрицательныя черты его характера и генія обнаружились здѣсь всѣ вмѣстѣ и въ высшей степени рельефно» (т. II, 481, 482).

Несмотря на то, что поэма осталась неоконченной, что въ ней попадаются логическія погрѣшности и не вполнѣ удобопонимаемыя мѣста, — ее все-таки слѣдуетъ признать «величественнѣйшимъ, искреннѣйшимъ, оригинальнѣйшимъ произведеніемъ Словацкаго. Правда, эту эпопею создалъ человѣкъ, помѣшанный на идеѣ величія, живущій только въ мірѣ сновидѣній и призраковъ, но этотъ помѣшанный является вмѣстѣ съ тѣмъ художникомъ-живописцемъ, который воздушную нѣжность красокъ, гармонію линій и звуковъ довелъ, въ этомъ именно произведеніи, до высочайшаго совершенства» (т. II, 489).

Въ письмѣ отъ 4-го марта 1849 года Словацкій извѣщалъ своихъ родныхъ, что его «немощь, слѣдствіе ранней весны и палящаго солнца», прошла, и что состояніе его здоровія—удовлетворительно. Но это былъ обыкновенный самообманъ чахоточнаго: 3-го апрѣля того-же года Словацкаго не стало. Хоронили его бѣдно, за гробомъ шло всего нѣсколько человѣкъ, надъ могилой никто не произнесъ прощальнаго слова.

Въ заключеніе остановимся на общей оцѣнкѣ Словацкаго въ тѣхъ рамкахъ, которыя намѣчены проф. Третякомъ. Отъ человѣка,

который до конца своей жизни не переставалъ считать себя вождемъ народа, мы, конечно, въ правѣ требовать, чтобы его поэзія—разъ онъ проявляетъ свою дѣятельность исключительно на этомъ поприщѣ—имѣла воспитательное значеніе. Какую же роль играетъ въ этомъ отношеніи поэзія Словацкаго? Способствуетъ ли она выработкѣ характера? Имѣетъ ли она облагораживающее вліяніе? Является ли она здоровой пищей для ума и сердца молодого поколѣнія? «Поэзія Словацкаго дѣйствуетъ прежде всего на воображеніе, ослѣпляетъ его, поражаетъ, зажигаетъ, восхищаетъ, но, вытекая главнымъ образомъ изъ головы, а не изъ сердца, она не въ состояніи дать сердцамъ постояннаго и глубокаго настроенія,—такъ характеризуетъ ее почтенный авторъ.—Вслѣдствіе этой особенности она производитъ на молодые умы очень большое, но непрочное и притомъ часто отрицательное вліяніе: яркость красокъ при недостаткѣ послѣдовательности въ чувствахъ и мысляхъ способствуетъ такъ легко разростающейся у насъ любви къ мишурѣ и крикливости, къ напыщенной фразѣ и театральной позѣ. Въ особенности такое вліяніе производитъ поэзія Словацкаго со временъ предъ трансфигураціей, т.-е. та, высочайшей цѣлью которой было достиженіе славы, а одной изъ выдающихся чертъ — театральность. Позднѣйшая поэзія, обращенная къ иной цѣли,—къ достиженію все большаго духовнаго совершенства,—и по тону своему гораздо болѣе искренняя, чѣмъ предыдущая, могла бы производить въ этическомъ отношеніи гораздо болѣе положительное вліяніе, если бы она, въ свою очередь, не была такъ затуманена мистицизмомъ и такъ часто бросаема на произволъ вѣтровъ мистически настроеннаго воображенія, а прежде всего, если бы она не была до глубины пропитана идеей самообожествленія, болѣзненнымъ продуктомъ безгранично разросшагося индивидуализма поэта».

«Но есть другая сфера вліянія этой поэзіи, другая сторона ея значенія,—продолжаетъ проф. Третякъ,—эстетическая, и здѣсь геній поэта выступаетъ во всемъ своемъ волшебномъ блескѣ и оставляетъ намъ въ наслѣдство безцѣнныя сокровища. Правда, этимъ сокровищамъ обыкновенно не достаетъ гармоническаго расположенія, часто это бываютъ разорванныя нитки жемчуга, но каждая изъ этихъ разрозненныхъ жемчужинъ является жемчужиной чистѣйшей воды, прекраснѣйшаго блеска. Музыкальный и живописный элементы сливаются въ этой поэзіи недостижимымъ образомъ, восхищаютъ, одновременно плѣняютъ слухъ и взоръ, чудесно лелѣютъ и убаюкиваютъ. Получается чудная поэтическая качель, произво-

дящая впечатлѣніе полета, ежеминутно поднимающая въ одну сторону для того, чтобы потомъ отбросить въ другую, ежеминутно открывающая какіе-то далекіе горизонты, которые молніеобразно появляются и исчезаютъ» (т. II, 497, 498).

Этими красивыми словами-характеристикой мы закончимъ нашъ рефератъ о выдающемся изслѣдованіи, посвященномъ «исторіи духа поэта и отраженію его въ поэзіи».

Владимиръ Наконечный.

Краковъ.

ПОПРАВКА.

На страницѣ 292 къ строкѣ 2 сверху должно быть помѣщено слѣдующее примѣчаніе: Ср. Deutsche National-Litteratur, 129, 1. Schillers Werke. Zwölfter Teil, erste Abteilung, S. 404: «Freilich darf der Dichter auch die schlechte Natur nachahmen, und bei dem Satirischen bringt dieses ja der Begriff schon mit sich; aber in diesem Fall muss seine eigne schöne Natur den Gegenstand übertragen und der gemeine Stoff den Nachahmer nicht mit sich zu Boden ziehen. Ist nur er selbst, in dem Moment wenigstens, wo er schildert, wahre menschliche Natur, so hat es nichts zu sagen, was er uns schildert; aber auch schlechterdings nur von einem solchen können wir ein treues Gemälde der Wirklichkeit vertragen. Wehe uns Lesern, wenn die Fratze sich in der Fratze spiegelt, wenn die Geissel der Satire in die Hände desjenigen fällt, den die Natur eine viel ernstlichere Peitsche zu führen bestimmte, wenn Menschen, die, entblösst von allem, was man poetischen Geist nennt, nur das Affentalent gemeiner Nachahmung besitzen, es auf Kosten unsers Geschmacks greulich und schrecklich üben».